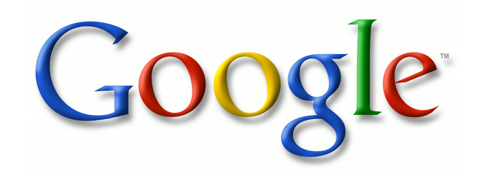
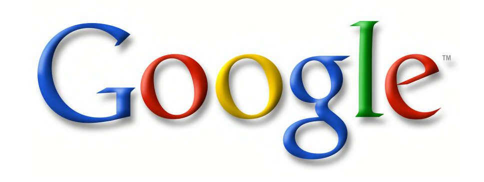
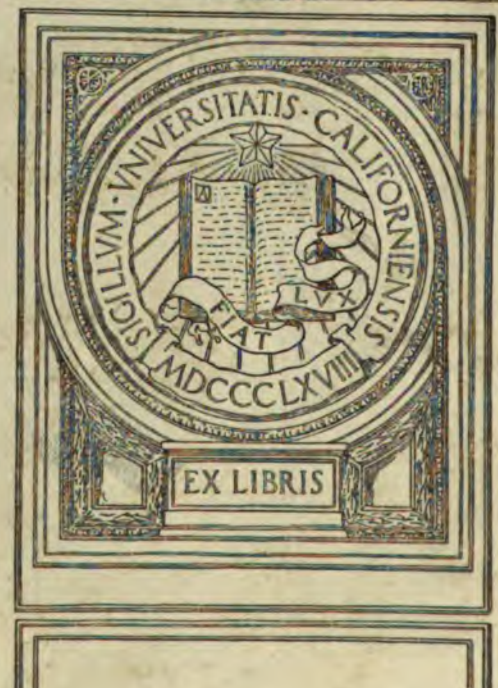




Л. Н. Толстой.

Война и миръ.


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS





Tolstoi

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniia

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ I

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова
1886

Gift of Jerome B. Landfield.

ВОЙНА И МИРЪ

1864—1869.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше, какъ помѣстьями фамиліи Буонапарте. Нѣтъ, я васъ предупреждаю, если вы мнѣ не скажете, что у насъ будетъ война, если вы еще позволите себѣ защищать всѣ гадости, всѣ ужасы этого антихриста (право, я вѣрю, что онъ антихристъ), — я васъ больше не знаю, вы ужъ не другъ мой, вы ужъ не мой вѣрный рабъ, какъ вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что я васъ пугаю, садитесь и разсказывайте...

Такъ говорила въ іюлѣ 1805 года извѣстная Анна Павловна Шереръ, фрейлина и приближенная императрицы Маріи Θеодоровны, встрѣчая важнаго и чиновнаго князя Василія, перваго пріѣхавшаго на ея вечеръ. Анна Павловна кашляла нѣсколько дней, у нея былъ *гриппъ*, какъ она говорила (*гриппъ* былъ тогда новое слово, употреблявшееся только рѣдкими). Въ записочкахъ, разосланныхъ утромъ съ краснымъ лакеемъ, было написано безъ различія во всѣхъ:

„Если у васъ, графъ (или князь), нѣтъ въ виду ничего лучшаго, и если перспектива провести вечеръ у бѣдной больной не слишкомъ васъ пугаетъ, то я буду очень рада видѣть васъ нынче у себя между семью и девятью часами. Анна Шереръ.“

— О! какое жестокое нападеніе! отвѣчалъ, нисколько не смутясь такою встрѣчей, вошедшій князь, въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ, при звѣздахъ, съ свѣтлымъ выраженіемъ плоскаго лица.

Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды, и съ тѣми тихими, покровительственными интонаціями, которыя свойственны состарѣвшемуся въ свѣтѣ и при дворѣ значительному человѣку. Онъ подошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, поцѣловалъ ея руку, подставивъ ей свою надушенную и сіяющую лысину и покойно усѣлся на диванѣ.

— Прежде всего скажите, какъ ваше здоровье? Успокойте друга, сказалъ онъ, не измѣняя голоса и тономъ, въ которомъ изъ-за приличія и участія просвѣчивало равнодушіе и даже насмѣшка.

— Какъ можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Развѣ можно оставаться спокойною въ наше время, когда есть у человѣка чувство? сказала Анна Павловна. — Вы весь вечеръ у меня, надѣюсь?

— А праздникъ англійскаго посланника? Нынче середа. Мнѣ надо показаться тамъ, сказалъ князь. — Дочь заѣдетъ за мной и повезетъ меня.

— Я думала, что нынѣшній праздникъ отмѣненъ. Признаюсь, всѣ эти праздники и фейерверки становятся несносными.

— Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздникъ бы отмѣнили, сказалъ князь, по привычкѣ, какъ заведенные часы, говоря вещи, которымъ онъ и не хотѣлъ, чтобы вѣрили.

— Не мучьте меня. Ну что же рѣшили по случаю депеши Новосильцова? Вы все знаете.

— Какъ вамъ сказать? сказалъ князь холоднымъ, скучающимъ тономъ. — Что рѣшили? Рѣшили, что Буонапарте сжегъ свои корабли, и мы, кажется, начинаемъ сжигать свои.

Князь Василій говорилъ всегда лѣниво, какъ актеръ говоритъ роль старой пьесы. Анна Павловна Шереръ напротивъ, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, была преисполнена оживленія и порывовъ.

Быть энтузіасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ, и иногда, когда ей даже того не хотѣлось, она, чтобы не обмануть ожиданій людей, знавшихъ ее, дѣлалась энтузіасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ Анны Павловны, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала, какъ у избалованныхъ дѣтей, постоянное сознаніе своего милаго недостатка, отъ котораго она не хочетъ, не можетъ и не находитъ нужнымъ исправляться.

Въ серединѣ разговора про политическія дѣйствія, Анна Павловна разгорячилась.

— Ахъ, не говорите мнѣ про Австрію! Я ничего не понимаю, можетъ быть, но Австрія никогда не хотѣла и не хочетъ войны. Она предаетъ насъ. Россія одна должна быть спасительницей Европы. Нашъ благодѣтель знаетъ свое высокое призваніе и будетъ вѣренъ ему. Вотъ одно, во что я вѣрю. Нашему доброму и чудному государю предстоитъ величайшая роль въ мірѣ, и онъ такъ добродѣтеленъ и хорошъ, что Богъ не оставитъ его, и онъ исполнитъ свое призваніе задавить гидру революціи, которая теперь еще ужаснѣе въ лицѣ этого убійцы и злодѣя. Мы одни должны искупить кровь праведника... На кого намъ надѣяться, я васъ спрашиваю?... Англія съ своимъ коммерческимъ духомъ не пойметъ и не можетъ понять всю высоту души импера-

тора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочетъ видѣть, ищетъ заднюю мысль нашихъ дѣйствій. Что̀ они сказали Новосильцову?... Ничего. Они не поняли, они не могутъ понять самоотверженія нашего императора, который ничего не хочетъ для себя и все хочетъ для блага міра. И что̀ они обѣщали? Ничего. И что̀ обѣщали, и того не будетъ! Пруссія ужъ объявила, что Буонапарте непобѣдимъ, и что вся Европа ничего не можетъ противъ него... И я не вѣрю ни въ одномъ словѣ ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Этотъ пресловутый нейтралитетъ Пруссіи — только западня. Я вѣрю въ одного Бога и въ высокую судьбу нашего милаго императора. Онъ спасетъ Европу!... Она вдругъ остановилась съ улыбкою насмѣшки надъ своею горячностью.

— Я думаю, сказалъ князь улыбаясь, — что ежели бы васъ послали вмѣсто нашего милаго Винценгероде, вы бы взяли приступомъ согласіе прусскаго короля. Вы такъ краснорѣчивы. Вы дадите мнѣ чаю?

— Сейчасъ. Кстати, прибавила она опять успокоиваясь, — нынче у меня два очень интересные человѣка, — виконтъ Мортемаръ, онъ въ родствѣ съ Монморанси чрезъ Рогановъ, одна изъ лучшихъ фамилій Франціи. Это одинъ изъ хорошихъ эмигрантовъ, изъ настоящихъ. И потомъ аббатъ Моріо: вы знаете этотъ глубокій умъ? Онъ былъ принятъ государемъ. Вы знаете?

— А! Я очень радъ буду, сказалъ князь. Скажите, прибавилъ онъ, какъ-будто только что вспомнивъ что̀-то и особенно-небрежно, тогда какъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, было главною цѣлью его посѣщенія; — правда что вдовствующая императрица желаетъ назначенія барона Функе первымъ секретаремъ въ Вѣну? Баронъ этотъ ничтожное существо, какъ

кажется. Князь Василій желалъ опредѣлить сына на это мѣсто, которое черезъ императрицу Марію Өеодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза въ знакъ того, что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то, что̀ угодно, или нравится императрицѣ.

— Баронъ Функе рекомендованъ императрицѣ-матери ея сестрою, только сказала она грустнымъ, сухимъ тономъ. Въ то время, какъ Анна Павловна назвала императрицу, лицо ея вдругъ представило глубокое и искреннее выраженіе преданности и уваженія, соединенное съ грустью, что̀ съ ней бывало каждый разъ, когда она въ разговорѣ упоминала о своей высокой покровительницѣ. Она сказала, что ея величество изволила оказать барону Функе много уваженія, и опять взглядъ ея подернулся грустью.

Князь равнодушно замолкъ. Анна Павловна, съ свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотѣла и щелкнуть князя за то, что онъ дерзнулъ такъ отозваться о лицѣ, рекомендованномъ императрицѣ, и въ то же время утѣшить его.

— Кстати о вашемъ семействѣ, сказала она, — знаете ли, что ваша дочь, съ тѣхъ поръ, какъ выѣзжаетъ, составляетъ восторгъ всего общества. Ее находятъ прекрасною какъ день.

Князь наклонился въ знакъ уваженія и признательности.

— Я часто думаю, продолжала Анна Павловна послѣ минутнаго молчанія, подвигаясь къ князю и ласково улыбаясь ему, какъ будто выказывая этимъ, что политическіе и свѣтскіе разговоры кончены и теперь начинается задушевный: — я часто думаю, какъ иногда несправедливо распредѣляется счастіе жизни. За что̀ вамъ судьба дала такихъ двухъ слав-

ныхъ дѣтей (исключая Анатоля, вашего меньшаго, я его не люблю, вставила она безапелляціонно, приподнявъ брови), такихъ прелестныхъ дѣтей? А вы право менѣе всѣхъ цѣните ихъ, и потому ихъ не стóите.

И она улыбнулась своею восторженною улыбкой.

— Что же дѣлать? Лафатеръ сказалъ бы, что у меня нѣтъ шишки родительской любви, сказалъ князь.

— Перестаньте шутить. Я хотѣла серіозно поговорить съ вами. Знаете, я недовольна вашимъ меньшимъ сыномъ. Между нами будь сказано (лицо ея приняло грустное выраженіе), о немъ говорили у ея величества, и жалѣютъ васъ...

Князь не отвѣчалъ, но она молча, значительно глядя на него, ждала отвѣта. Князь Василій поморщился.

— Чтò вы хотите, чтобъ я дѣлалъ! сказалъ онъ наконецъ. Вы знаете, я сдѣлалъ для ихъ воспитанія все, чтò можетъ отецъ, и оба вышли дурни. Ипполитъ по крайней мѣрѣ покойный дуракъ, а Анатоль — безпокойный. Вотъ одно различіе, сказалъ онъ, улыбаясь болѣе неестественно и одушевленно, чѣмъ обыкновенно, и при этомъ особенно рѣзко выказывая въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то неожиданно-грубое и непріятное.

— И зачѣмъ родятся дѣти у такихъ людей, какъ вы? Ежели бы вы не были отецъ, я бы ни въ чемъ не могла упрекнуть васъ, сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

— Я вашъ вѣрный рабъ, и вамъ только могу признаться: Мои дѣти — обуза моего существованія. Это мой крестъ. такъ себѣ объясняю. Что дѣлать?.. — Онъ помолчалъ, выражая жестомъ свою покорность жестокой судьбѣ. — Анна Павловна задумалась.

— Вы никогда не думали о томъ, чтобы женить вашего блуднаго сына Анатоля? Говорятъ, сказала она, что старыя дѣвицы имѣютъ манію женить. Я еще не чувствую за собою этой слабости, но у меня есть одна маленькая особа, которая очень несчастлива съ отцомъ, наша родственница, княжна... Болконская. — Князь Василій не отвѣчалъ, хотя, съ свойственною свѣтскимъ людямъ быстротой соображенія и памяти, показалъ движеніемъ головы, что онъ принялъ въ соображеніе эти свѣдѣнія.

— Нѣтъ, вы знаете ли, что этотъ Анатоль мнѣ стоитъ 40,000 въ годъ, сказалъ онъ, видимо не въ силахъ удерживать печальный ходъ своихъ мыслей. — Онъ помолчалъ.

— Что будетъ черезъ пять лѣтъ, если это пойдетъ такъ? Вотъ выгода быть отцомъ. Она богата, ваша княжна?

— Отецъ очень богатъ и скупъ. Онъ живетъ въ деревнѣ. Знаете, этотъ извѣстный князь Болконскій, отставленный еще при покойномъ императорѣ, и прозванный „прусскимъ королемъ". Онъ очень умный человѣкъ, но со странностями, и тяжелый. Бѣдняжка очень несчастлива. У нея братъ, вотъ что недавно женился на Лизѣ Мейненъ, адъютантъ Кутузова. Онъ будетъ нынче у меня.

— Послушайте, любезная Аннетъ, сказалъ князь, взявъ вдругъ свою собесѣдницу за руку и пригибая ее почему-то книзу. — Устройте мнѣ это дѣло, и я навсегда вашъ вѣрнѣйшій рабъ навсегда, (рабъ какъ мой староста мнѣ пишетъ донесенья: покой-еръ-пъ). Она хорошей фамиліи и богата. Все что мнѣ нужно.

И онъ съ тѣми свободными и фамильярными, граціозными движеніями, которыя его отличали, взялъ за руку фрейлину, поцѣловалъ ее, и, поцѣловавъ, помахалъ фрейлинскою рукой, развалившись на креслахъ и глядя въ сторону.

— Постойте, сказала Анна Павловна, соображая. — Я нынче же поговорю съ Лизой (женой молодаго Болконскаго). И можетъ быть это уладится. Я въ вашемъ семействѣ начну обучаться ремеслу старой дѣвицы.

II.

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Пріѣхала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастамъ и характерамъ, но одинаковые по обществу, въ какомъ всѣ жили; пріѣхала дочь князя Василія, красавица Элень, заѣхавшая за отцемъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на праздникъ посланника. Она была въ шифрѣ и бальномъ платьѣ. Пріѣхала и извѣстная какъ самая обворожительная женщина въ Петербургѣ, молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замужъ и теперь не выѣзжавшая въ *большой* свѣтъ по причинѣ своей беременности, но ѣздившая еще на небольшіе вечера. Пріѣхалъ князь Ипполитъ, сынъ князя Василія, съ Мортемаромъ, котораго онъ представилъ, пріѣхалъ и аббатъ Моріо и многіе другіе.

— Вы не видали еще, или вы незнакомы съ тетушкой? говорила Анна Павловна пріѣзжавшимъ гостямъ и весьма серіозно подводила ихъ къ маленькой старушкѣ въ высокихъ бантахъ, выплывшей изъ другой комнаты, какъ скоро стали пріѣзжать гости, называла ихъ по имени, медленно переводя глаза съ гостя на тетушку, и потомъ отходила. Всѣ гости совершали обрядъ привѣтствованія никому неизвѣстной, никому неинтересной и ненужной тетушки. Анна Павловна съ грустнымъ, торжественнымъ участіемъ слѣдила за ихъ привѣтствіями, молчаливо одобряя ихъ. Тетушка каждому

говорила въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о его здоровьѣ, о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ ея величества, которое нынче было, слава Богу, лучше. Всѣ подходившіе, изъ приличія не выказывая поспѣшности, съ чувствомъ облегченія исполненной тяжелой обязанности, отходили отъ старушки, чтобы ужъ весь вечеръ ни разу не подойти къ ней.

Молодая княгиня Болконская пріѣхала съ работой въ шитомъ золотомъ, бархатномъ мѣшкѣ. Ея хорошенькая, съ чуть черневшимися усиками верхняя губка была коротка по зубамъ, но тѣмъ милѣе она открывалась и тѣмъ еще милѣе вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Какъ это всегда бываетъ у вполнѣ привлекательныхъ женщинъ, недостатокъ ея — короткость губы и полуоткрытый ротъ, — казались ея особенною, собственно ея красотой. Всѣмъ было весело смотрѣть на эту полную здоровья и живости, хорошенькую будущую мать, такъ легко переносившую свое положеніе. Старикамъ и скучающимъ мрачнымъ молодымъ людямъ смотрѣвшимъ на нее, казалось, что они сами дѣлаются похожи на нее, побывъ и поговоривъ нѣсколько времени съ ней. Кто говорилъ съ ней и видѣлъ при каждомъ словѣ ея свѣтлую улыбочку и блестящіе бѣлые зубы, которые виднѣлись безпрестанно, тотъ думалъ, что онъ особенно нынче любезенъ. И это думалъ каждый.

Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками, обошла столъ съ рабочею сумочкою на рукѣ, и, весело оправляя платье, сѣла на диванъ, около серебрянаго самовара, какъ будто все, что она ни дѣлала, было увеселеніемъ для нея и для всѣхъ, ея окружавшихъ.

— Я захватила работу, сказала она, развертывая свой ридикюль и обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Смотрите, Аннетъ, не сыграйте со мной злой шутки, обратилась она къ хозяйкѣ. — Вы мнѣ писали, что у васъ совсѣмъ маленькій вечеръ. Видите, какъ я одѣта дурно.

И она развела руками, чтобы показать свое, въ кружевахъ, сѣренькое, изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкою лентой.

— Будьте спокойны, вы все-таки будете лучше всѣхъ, отвѣчала Анна Павловна.

— Вы знаете, мой мужъ покидаетъ меня, продолжала она тѣмъ же тономъ, обращаясь къ генералу, — онъ идетъ на смерть. Скажите мнѣ, зачѣмъ эта гадкая война, сказала она князю Василію, и, не дожидаясь отвѣта, обратилась къ дочери князя Василія, къ красивой Элень.

— Что за прелестная особа, эта маленькая княгиня! сказалъ князь Василій тихо Аннѣ Павловнѣ.

Вскорѣ послѣ маленькой княгини вошелъ массивный, толстый молодой человѣкъ съ стриженою головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ жабо и въ коричневомъ фракѣ. Этотъ толстый молодой человѣкъ былъ незаконный сынъ знаменитаго Екатерининскаго вельможи, графа Безухаго, умиравшаго теперь въ Москвѣ. Онъ нигдѣ не служилъ еще, только что пріѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался, и былъ въ первый разъ въ обществѣ. Анна Павловна привѣтствовала его поклономъ, относящимся къ людямъ самой низшей іерархіи въ ея салонѣ. Но несмотря на это, низшее по своему сорту, привѣтствіе, при видѣ вошедшаго Пьера, въ лицѣ Анны Павловны изобразилось безпокойство и страхъ, подобный тому, который выражается при видѣ чего-нибудь слишкомъ огромнаго и не свойственнаго мѣсту. Хотя дѣйствительно Пьеръ былъ нѣсколько больше

другихъ мужчинъ въ комнатѣ, но этотъ страхъ могъ относиться только къ тому умному и вмѣстѣ робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его отъ всѣхъ въ этой гостиной.

— Очень мило съ вашей стороны, monsieur Пьеръ, что вы пріѣхали провѣдать бѣдную больную, сказала ему Анна Павловна, испуганно переглядываясь съ тетушкой, къ которой она подводила его. Пьеръ пробурлилъ что-то непонятное и продолжалъ отыскивать что-то глазами. Онъ радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой княгинѣ, какъ близкой знакомой, и подошелъ къ тетушкѣ. Страхъ Анны Павловны былъ не напрасенъ, потому что Пьеръ, не дослушавъ рѣчи тетушки о здоровьѣ ея величества, отошелъ отъ нея. Анна Павловна испуганно остановила его словами: Вы не знаете аббата Моріо? онъ очень интересный человѣкъ..., сказала она.

— Да, я слышалъ про его планъ вѣчнаго мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

— Вы думаете?.. сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и опять обратиться къ своимъ занятіямъ хозяйки дома, но Пьеръ сдѣлалъ обратную неучтивость. Прежде онъ, не дослушавъ словъ собесѣдницы, ушелъ; теперь онъ остановилъ своимъ разговоромъ собесѣдницу, которой нужно было отъ него уйти. Онъ, нагнувъ голову и разставивъ большія ноги, сталъ доказывать Аннѣ Павловнѣ, почему онъ полагалъ, что планъ аббата былъ химера.

— Мы послѣ поговоримъ, сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И, отдѣлавшись отъ молодаго человѣка, не умѣющаго жить, она возвратилась къ своимъ занятіямъ хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тотъ пунктъ, гдѣ ослабѣвалъ разговоръ. Какъ

хозяинъ прядильной мастерской, посадивъ работниковъ по мѣстамъ, прохаживается по заведенію, замѣчая неподвижность или непривычный, скрипящій, слишкомъ громкій звукъ веретена, торопливо идетъ, сдерживаетъ или пускаетъ его въ надлежащій ходъ: такъ и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила къ замолкнувшему или слишкомъ много говорившему кружку и однимъ словомъ или перемѣщеніемъ опять заводила равномѣрную, приличную, разговорную машину. Но среди этихъ заботъ все виденъ былъ въ ней особенный страхъ за Пьера. Она заботливо поглядывала на него въ то время, какъ онъ подошелъ послушать то, что̀ говорилось около Мортемара, и отошелъ къ другому кружку, гдѣ говорилъ аббатъ. Для Пьера, воспитаннаго за границей, этотъ вечеръ Анны Павловны былъ первый, который онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ зналъ, что тутъ собрана вся интеллигенція Петербурга, и у него, какъ у ребенка въ игрушечной лавкѣ, разбѣгались глаза. Онъ все боялся пропустить умные разговоры, которые онъ можетъ услыхать. Глядя на увѣренныя и изящныя выраженія лицъ собранныхъ здѣсь, онъ все ждалъ чего-нибудь особенно умнаго. Наконецъ онъ подошелъ къ Моріо. Разговоръ показался ему интересенъ, и онъ остановился, ожидая случая высказать свои мысли, какъ это любятъ молодые люди.

III.

Вечеръ Анны Павловны былъ пущенъ. Веретена съ разныхъ сторонъ равномѣрно и не умолкая шумѣли. Кромѣ ma tante, около которой сидѣла только одна пожилая дама съ исплаканнымъ, худымъ лицомъ, нѣсколько чужая въ этомъ бле-

ствіемъ общество, общество разбилось на три кружка. Въ одномъ, болѣе мужскомъ, центромъ былъ аббатъ; въ другомъ, молодомъ, красавица княжна Эленъ, дочь князя Василія и хорошенькая, румяная, слишкомъ полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. Въ третьемъ Мортемаръ и Анна Павловна.

Виконтъ былъ миловидный, съ мягкими чертами и пріемами, молодой человѣкъ, очевидно считавшій себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставлявшій пользоваться собой тому обществу, въ которомъ онъ находился. Анна Павловна очевидно угощала имъ своихъ гостей. Какъ хорошій метръ-д'отель подаетъ, какъ нѣчто сверхъестественно прекрасное, тотъ кусокъ говядины, который ѣсть не захочется, если увидать его въ грязной кухнѣ: такъ въ нынѣшній вечеръ Анна Павловна сервировала своимъ гостямъ сначала виконта, потомъ аббата, какъ что-то сверхъестественно-утонченное. Въ кружкѣ Мортемара заговорили тотчасъ объ убіеніи герцога Энгіенскаго. Виконтъ сказалъ, что герцогъ Энгіенскій погибъ отъ своего великодушія, и что были особенныя причины озлобленія Бонапарта.

— Ахъ да! Разскажите намъ это, виконтъ, сказала Анна Павловна съ радостью, чувствуя, какъ чѣмъ-то à la Louis XV отзывалась эта фраза: contez-nous cela, vicomte.

Виконтъ поклонился въ знакъ покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сдѣлала кругъ около виконта и пригласила всѣхъ слушать его разсказъ.

— Виконтъ былъ лично знакомъ съ герцогомъ, шепнула Анна Павловна одному. Виконтъ удивительный разсказчикъ, проговорила она другому. Какъ сейчасъ видень человѣкъ хорошаго общества, сказала она третьему, — и виконтъ

былъ подань обществу въ самомъ изящномъ и выгодномъ для него свѣтѣ, какъ ростбифъ на горячемъ блюдѣ, посыпанный зеленью.

Виконтъ хотѣлъ уже начать свой разсказъ и тонко улыбнулся.

— Переходите сюда, милая Эленъ, сказала Анна Павловна красавицѣ-княжнѣ, которая сидѣла поодаль, составляя центръ другаго кружка.

Княжна Эленъ улыбалась; она поднялась съ тою же неизмѣняющеюся улыбкой вполнѣ красивой женщины, съ которою она вошла въ гостиную. Слегка шумя своею бѣлою, бальною робой, убранною плющемъ и мохомъ, и блестя бѣлизною плечъ, глянцемъ волосъ и брильянтовъ, она прошла между разступившимися мущинами и прямо, не глядя ни на кого, но всѣмъ улыбаясь и какъ бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотою своего стана, полныхъ плечъ, очень открытой, по тогдашней модѣ, груди и спины, и какъ будто внося съ собою блескъ бала, подошла къ Аннѣ Павловнѣ. Эленъ была такъ хороша, что не только не было въ ней замѣтно и тѣни кокетства, но напротивъ, ей какъ будто совѣстно было за свою несомнѣнную и слишкомъ сильно и побѣдительно дѣйствующую красоту. Она какъ будто желала и не могла умалить дѣйствіе своей красоты.

— Что за красавица! говорилъ каждый, кто ее видѣлъ. Какъ будто пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, виконтъ пожалъ плечами и опустилъ глаза въ то время, какъ она усаживалась передъ нимъ и освѣщала и его все тою же неизмѣнною улыбкой.

— Я право опасаюсь за свои способности передъ такой публикой, сказалъ онъ, наклоняя съ улыбкой голову.

Княжна облокотила свою открытую, полную руку на столикъ и не нашла нужнымъ что-либо сказать. Она, улыбаясь, ждала. Во все время разсказа она сидѣла прямо, посматривая изрѣдка то на свою полную красивую руку, которая отъ давленія на столъ измѣнила свою форму, то на еще болѣе красивую грудь, на которой она поправляла бриліантовое ожерелье; поправляла нѣсколько разъ складки своего платья, и, когда разсказъ производилъ впечатлѣніе, оглядывалась на Анну Павловну и тотчасъ же принимала то самое выраженіе, которое было на лицѣ фрейлины, и потомъ опять успокоивалась въ сіяющей улыбкѣ. Вслѣдъ за Элень перешла и маленькая княгиня отъ чайнаго стола.

— Подождите, я возьму мою работу, проговорила она. — Чтожъ вы? О чемъ вы думаете? обратилась она къ князю Иполиту: — Принесите мой ридикюль.

Княгиня, улыбаясь и говоря со всѣми вдругъ, произвела перестановку и, усѣвшись, весело оправилась.

— Теперь мнѣ хорошо, приговаривала она и, попросивъ начинать, принялась за работу. Князь Иполитъ перенесъ ей ридикюль, перешелъ за нею и близко придвинувъ къ ней кресло, сѣлъ подлѣ нея.

„Милый Иполитъ" поражалъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сестрою-красавицей, и еще болѣе тѣмъ, что, несмотря на сходство, онъ былъ поразительно дуренъ собой. Черты его лица были тѣ же, какъ и у сестры, но у той все освѣщалось жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизмѣнною улыбкой жизни и необычайною, античною красотой тѣла; у брата, напротивъ, то же лицо было отуманено идіотизмомъ и неизмѣнно выражало самоувѣренную брюзгливость, а тѣло было худощаво и слабо. Глаза, носъ, ротъ,

все сжималось какъ будто въ одну неопредѣленную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положеніе.

— Это не исторія о привидѣніяхъ? сказалъ онъ, усѣвшись подлѣ княгини и торопливо пристроивъ къ глазамъ свой лорнетъ, какъ будто безъ этого инструмента онъ не могъ начать говорить.

— Во все нѣтъ, пожимая плечами, сказалъ удивленный разсказщикъ.

— Дѣло въ томъ, что я терпѣть не могу исторій о привидѣніяхъ, сказалъ князь Ипполитъ такимъ тономъ, что видно было, — онъ сказалъ эти слова, а потомъ уже понялъ, что̀ они значили.

Изъ-за самоувѣренности, съ которой онъ говорилъ, никто не могъ понять, очень ли умно или очень глупо то, что̀ онъ сказалъ. Онъ былъ въ темно-зеленомъ фракѣ, въ панталонахъ цвѣта *бедра испуганной нимфы*, какъ онъ самъ говорилъ, въ чулкахъ и башмакахъ. — Виконтъ разсказалъ очень мило о томъ, ходившемъ тогда анекдотѣ, что герцогъ Энгіенскій тайно ѣздилъ въ Парижъ для свиданія съ актрисой Жоржъ, и что тамъ онъ встрѣтился съ Бонапарте, пользовавшимся тоже милостями знаменитой актрисы, и что тамъ, встрѣтившись съ герцогомъ, Наполеонъ случайно упалъ въ тотъ обморокъ, которому онъ былъ подверженъ, и находился во власти герцога, которой герцогъ не воспользовался, но что Бонапарте впослѣдствіи за это-то великодушіе и отомстилъ смертью герцогу.

Разсказъ былъ очень милъ и интересенъ, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ соперники вдругъ узнаютъ другъ друга, и дамы, казалось, были въ волненіи. — Прелестно, сказала Анна Павловна, оглядываясь вопросительно на маленькую княгиню. — Прелестно, прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку

въ работу, какъ будто въ знакъ того, что интересъ и прелесть разсказа мѣшаютъ ей продолжать работу. Виконтъ оцѣнилъ эту молчаливую похвалу и, благодарно улыбнувшись, сталъ продолжать; но въ это время Анна Павловна, все поглядывавшая на страшнаго для нея молодого человѣка, замѣтила, что онъ что-то слишкомъ горячо и громко говоритъ съ аббатомъ, и поспѣшила на помощь къ опасному мѣсту. Дѣйствительно Пьеру удалось завязать съ аббатомъ разговоръ о политическомъ равновѣсіи; и, аббатъ, видимо заинтересованный простодушной горячностью молодого человѣка, развивалъ передъ нимъ свою любимую идею. Оба слишкомъ оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Аннѣ Павловнѣ.

— Средство — европейское равновѣсіе и народное право, говорилъ аббатъ. Стоитъ одному могущественному государству, какъ Россія, прославленному за варварство, стать безкорыстно во главѣ союза, имѣющаго цѣлью равновѣсіе Европы — и она спасетъ міръ!

— Какъ же вы найдете такое равновѣсіе? началъ было Пьеръ; но въ это время подошла Анна Павловна и, строго взглянувъ на Пьера, спросила итальянца о томъ, какъ онъ переноситъ здѣшній климатъ. Лицо итальянца вдругъ измѣнилось и приняло оскорбительно-притворно-сладкое выраженіе, которое, видимо, было привычно ему въ разговорѣ съ женщинами. — „Я такъ очарованъ прелестями ума и образованія общества, въ особенности женскаго, въ которое я имѣлъ счастье быть принятъ, что не успѣлъ еще подумать о климатѣ“, сказалъ онъ. Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюденія, присоединила ихъ къ общему кружку.

Въ это время въ гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это былъ молодой князь Андрей Болконскій, мужъ маленькой княгини. Князь Болконскій былъ небольшого роста, весьма красивый, молодой человѣкъ съ опредѣленными и сухими чертами. Все въ его фигурѣ, начиная отъ усталаго, скучающаго взгляда до тихаго, мѣрнаго шага, представляло самую рѣзкую противоположность съ его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, всѣ бывшіе въ гостиной не только были знакомы, но ужъ надоѣли ему такъ, что и смотрѣть на нихъ и слушать ихъ ему было очень скучно. Изъ всѣхъ же прискучившихъ ему лицъ, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всѣхъ ему надоѣло. Съ гримасой, портившею его красивое лицо, онъ отвернулся отъ нея. Онъ поцѣловалъ руку Анны Павловны и, щурясь, оглядѣлъ все общество.

— Вы собираетесь на войну, князь? сказала Анна Павловна.

— Генералу Кутузову,—сказалъ Болконскій,—угодно взять меня къ себѣ въ адъютанты.

— А Лиза, ваша жена?

— Она поѣдетъ въ деревню.

— Какъ вамъ не грѣхъ лишать насъ вашей прелестной жены?

— André, сказала его жена, обращаясь къ мужу тѣмъ же кокетливымъ тономъ, какимъ она обращалась и къ постороннимъ, — какую исторію намъ разсказалъ виконтъ о m-elle Жоржъ и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьеръ, со времени входа князя Андрея въ гостиную, не спускавшій съ него радостныхъ дружелюбныхъ глазъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщилъ лицо

въ гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогаетъ его за руку, но, увидавъ улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброй и пріятной улыбкой.

— Вотъ какъ!... И ты въ большомъ свѣтѣ! сказалъ онъ Пьеру.

— Я зналъ, что вы будете, отвѣчалъ Пьеръ. — Я пріѣду къ вамъ ужинать, прибавилъ онъ тихо, чтобы не мѣшать виконту, который продолжалъ свой разсказъ. Можно?

— Нѣтъ, нельзя, сказалъ князь Андрей смѣясь, пожатіемъ руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать. Онъ что-то хотѣлъ сказать еще, но въ это время поднялся князь Василій съ дочерью, и два молодыхъ человѣка встали, чтобы дать имъ дорогу.

— Вы меня извините, мой милый виконтъ, сказалъ князь Василій французу, ласково притягивая его за рукавъ внизъ къ стулу, чтобъ онъ не вставалъ. — Этотъ несчастный праздникъ у посланника лишаетъ меня удовольствія и прерываетъ васъ. Очень мнѣ грустно покидать вашъ восхитительный вечеръ, сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

Дочь его, княжна Эленъ, слегка придерживая складки платья, пошла между стульевъ, и улыбка сіяла еще свѣтлѣе на ея прекрасномъ лицѣ. Пьеръ смотрѣлъ почти испуганными, восторженными глазами, на эту красавицу, когда она проходила мимо его.

— Очень хороша, сказалъ князь Андрей.

— Очень, сказалъ Пьеръ.

Проходя мимо, князь Василій схватилъ Пьера за руку и обратился къ Аннѣ Павловнѣ:

— Образуйте мнѣ этого медвѣдя, сказалъ онъ. Вотъ онъ мѣсяцъ живетъ у меня, и въ первый разъ я его вижу въ свѣтѣ.

Ничто такъ не нужно молодому человѣку, какъ общество умныхъ женщинъ.

IV.

Анна Павловна улыбнулась и обѣщалась заняться Пьеромъ, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василью. Пожилая дама, сидѣвшая прежде съ тетушкой, торопливо встала и догнала князя Василья въ передней. Съ лица ея исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, исплаканное лицо ея выражало только безпокойство и страхъ.

— Что же вы мнѣ скажете, князь, о моемъ Борисѣ? сказала она, догоняя его въ передней (она выговаривала имя Борисъ съ особеннымъ удареніемъ на *о*). Я не могу оставаться дольше въ Петербургѣ. Скажите, какія извѣстія я могу привезти моему бѣдному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василій неохотно и почти неучтиво слушалъ пожилую даму и даже выказывалъ нетерпѣніе, она ласково и трогательно улыбалась ему, и, чтобъ онъ не ушелъ, взяла его за руку.

— Что̀ вамъ сто̀итъ сказать слово государю, и онъ прямо будетъ переведенъ въ гвардію, — просила она.

— Повѣрьте, что я сдѣлаю все, что̀ могу, княгиня, отвѣчалъ князь Василій, — но мнѣ трудно просить государя; я бы совѣтовалъ вамъ обратиться къ Румянцо̀ву, черезъ князя Голицына: это было бы умнѣе.

Пожилая дама носила имя княгиня Друбецкой, одной изъ лучшихъ фамилій Россіи, но она была бѣдна, давно вышла изъ свѣта и утратила прежнія связи. Она пріѣхала теперь, чтобы выхлопотать опредѣленіе въ гвардію своему единственному сыну. Только затѣмъ, чтобъ увидѣть князя Василія, она назвалась и пріѣхала на вечеръ къ Аннѣ Павловнѣ, только

затѣмъ она слушала исторію виконта. Она испугалась словъ князя Василія; когда-то красивое лицо ея выразило озлобленіе, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крѣпче схватила за руку князя Василія.

— Послушайте, князь, сказала она, — я никогда не просила васъ, никогда не буду просить, никогда не напоминала вамъ о дружбѣ моего отца къ вамъ. Но теперь, я Богомъ заклинаю васъ, сдѣлайте это для моего сына, и я буду считать васъ благодѣтелемъ, торопливо прибавила она. — Нѣтъ, вы не сердитесь, а вы обѣщайте мнѣ. Я просила Голицына, онъ отказалъ. Будьте тѣмъ добродушнымъ человѣкомъ, какимъ вы были прежде, говорила она, стараясь улыбаться, тогда какъ въ ея глазахъ были слезы.

— Папа́, мы опоздаемъ, сказала, повернувъ свою красивую голову на античныхъ плечахъ, княжна Элень, ожидавшая у двери.

Но вліяніе въ свѣтѣ есть капиталъ, который надо беречь, чтобъ онъ не исчезъ. Князь Василій зналъ это, и, разъ сообразивъ, что ежели бы онъ сталъ просить за всѣхъ, кто его проситъ, то вскорѣ ему нельзя было бы просить за себя, онъ рѣдко употреблялъ свое вліяніе. Въ дѣлѣ княгини Друбецкой онъ почувствовалъ однако, послѣ ея новаго призыва, что-то въ родѣ укора совѣсти. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими въ службѣ онъ былъ обязанъ ея отцу. Кромѣ того, онъ видѣлъ по ея пріемамъ, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, особенно матерей, которыя, однажды взявъ себѣ что-нибудь въ голову, не отстанутъ до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ ихъ желанія, а въ противномъ случаѣ готовы на ежедневныя, ежеминутныя приставанья и даже на сцены. Это послѣднее соображеніе поколебало его.

— Милая Анна Михайловна, сказалъ онъ съ своею всегдашнею фамиліарностью и скукой въ голосѣ,—для меня почти невозможно сдѣлать то, что вы хотите, но чтобы доказать вамъ, какъ я люблю васъ и чту память покойнаго отца вашего, я сдѣлаю невозможное: сынъ вашъ будетъ переведенъ въ гвардію, вотъ вамъ моя рука. Довольны вы?

— Милый мой, вы благодѣтель! Я иного и не ждала отъ васъ, я знала, какъ вы добры. — Онъ хотѣлъ уйти.

— Постойте, два слова. Но разъ онъ будетъ переведенъ въ гвардію... — Она замялась: — Вы хороши съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, рекомендуйте ему Бориса въ адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы ужъ...

Князь Василій улыбнулся. — Этого не обѣщаю. Вы не знаете, какъ осаждаютъ Кутузова съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ главнокомандующимъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что всѣ московскія барыни сговорились отдать ему всѣхъ своихъ дѣтей въ адъютанты.

— Нѣтъ, обѣщайте, я не пущу васъ, милый, благодѣтель мой...

— Папà, опять тѣмъ же тономъ повторила красавица, — мы опоздаемъ.

— Ну, до свиданья, прощайте. Видите?

— Такъ завтра вы доложите государю?

— Непремѣнно; а Кутузову не обѣщаю.

— Нѣтъ, обѣщайте, обѣщайте, Basile, сказала вслѣдъ ему Анна Михайловна, съ улыбкой молодой кокетки, которая когда-то, должно-быть, была ей свойственна, а теперь такъ не шла къ ея истощенному лицу. Она видимо забыла свои годы и пускала въ ходъ, по привычкѣ, всѣ старинныя женскія средства. Но какъ только онъ вышелъ, лицо ея опять

приняло то же холодное, притворное выраженіе, которое было на немъ прежде. Она вернулась къ кружку, въ которомъ виконтъ продолжалъ разсказывать, и опять сдѣлала видъ, что слушаетъ, дожидаясь времени уѣхать, такъ какъ дѣло ея было сдѣлано.

— Но какъ вы находите всю эту послѣднюю комедію коронаціи въ Миланѣ? сказала Анна Павловна. И вотъ новая комедія: народы Генуи и Лукки изъявляютъ свои желанія господину Буонапарте, и господинъ Буонапарте сидитъ на тронѣ и исполняетъ желанія народовъ. О! это восхитительно! Нѣтъ, отъ этого можно съ ума сойти. Подумаешь, что весь свѣтъ потерялъ голову.

Князь Андрей усмѣхнулся, прямо глядя въ лицо Анны Павловны.

— Богъ мнѣ далъ корону; горе тому, кто ее тронетъ, сказалъ онъ (слова Буонапарте, сказанныя при возложеніи короны). — Говорятъ, онъ былъ прекрасенъ, когда произносилъ эти слова, прибавилъ онъ и еще разъ повторилъ эти слова по-италіянски: „Dio me la dona, guai a qui la tocca“.

— Надѣюсь, продолжала Анна Павловна, — что это была наконецъ та капля, которая переполнитъ стаканъ. Государи больше не могутъ выносить этого человѣка, который угрожаетъ всему.

— Государи! Я не говорю о Россіи, сказалъ виконтъ учтиво и безнадежно: — Государи! Но что они сдѣлали для Людовика XVIII, для королевы, для Елизаветы? Ничего, продолжалъ онъ, одушевляясь. — И повѣрьте мнѣ, они несутъ наказаніе за свою измѣну дѣлу Бурбоновъ. Государи! Они шлютъ пословъ привѣтствовать похитителя престола.

И онъ, презрительно вздохнувъ, опять перемѣнилъ поло-

женіе. Князь Ипполитъ, долго смотрѣвшій въ лорнетъ на виконта, вдругъ при этихъ словахъ повернулся всѣмъ тѣломъ къ маленькой княгинѣ и, попросивъ у нея иголку, сталъ показывать ей, рисуя иголкой на столѣ, гербъ Конде. Онъ растолковывалъ ей этотъ гербъ съ такимъ значительнымъ видомъ, какъ будто княгиня просила его объ этомъ.

— Палка изъ пастей, сплетенная лазоревыми пастями — домъ Конде, говорилъ онъ. Княгиня улыбаясь слушала.

— Ежели еще годъ Боунапарте останется на престолѣ Франціи, продолжалъ виконтъ начатый разговоръ, съ видомъ человѣка, не слушающаго другихъ, но, въ дѣлѣ лучше всѣхъ ему извѣстномъ, слѣдящаго только за ходомъ своихъ мыслей,— то дѣла пойдутъ слишкомъ далеко. Интригой, насиліемъ, изгнаніями, казнями, общество, я разумѣю хорошее общество, французское, навсегда будетъ уничтожено, и тогда...

Онъ пожалъ плечами и развелъ руками. Пьеръ хотѣлъ было сказать что-то, разговоръ интересовалъ его, но Анна Павловна, караулившая его, перебила:

— Императоръ Александръ, сказала она съ грустью, сопутствовавшей всегда ея рѣчамъ объ императорской фамиліи,—объявилъ, что онъ предоставитъ самимъ французамъ выбрать образъ правленія. И я думаю, нѣтъ сомнѣнія, что вся нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки законнаго короля, сказала Анна Павловна, стараясь быть любезной съ эмигрантомъ и роялистомъ.

— Это сомнительно, сказалъ князь Андрей. Господинъ виконтъ совершенно справедливо полагаетъ, что дѣла зашли уже слишкомъ далеко. Я думаю, что трудно будетъ возвратиться къ старому.

— Сколько я слышалъ, краснѣя опять вмѣшался въ раз-

говоръ Пьеръ, — почти все дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

— Это говорятъ бонапартисты, сказалъ виконтъ, не глядя на Пьера. — Теперь трудно узнать общественное мнѣніе Франціи.

— Это сказалъ Буонапартъ, сказалъ князь Андрей съ усмѣшкой. (Видно было, что виконтъ ему не нравился, и что онъ, хотя и не смотрѣлъ на него, противъ него обращалъ свои рѣчи).

— „Я показалъ имъ путь славы: они не хотѣли — сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія, опять повторяя слова Наполеона: — я открылъ имъ мои переднія: они бросились толпой"... Не знаю, до какой степени имѣлъ онъ право такъ говорить.

— Никакого! возразилъ виконтъ. — Послѣ убійства герцога даже самые пристрастные люди перестали видѣть въ немъ героя. Если онъ и былъ героемъ для нѣкоторыхъ людей, сказалъ виконтъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ, — то послѣ убіенія герцога однимъ мученикомъ стало больше на небесахъ и однимъ героемъ меньше на землѣ.

Не успѣли еще Анна Павловна и другіе улыбкой оцѣнить этихъ словъ виконта, какъ Пьеръ опять ворвался въ разговоръ, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что онъ скажетъ что-нибудь неприличное, уже не могла остановить его.

— Казнь герцога Энгіенскаго, сказалъ monsieur Пьеръ, была государственная необходимость, и я именно вижу величіе души въ томъ, что Наполеонъ не побоялся принять на себя одного отвѣтственность въ этомъ поступкѣ.

— Боже! Боже мой! страшнымъ шепотомъ проговорила Анна Павловна.

— Вы одобряете убійство?... какъ, monsieur Пьеръ, вы видите въ убійствѣ величіе души! сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая къ себѣ работу.

— А! О! сказали разные голоса.

— Превосходно! по-англійски сказалъ князь Ипполитъ, и принялся бить себя ладонью по колѣнкѣ. Виконтъ только пожалъ плечами.

Пьеръ торжественно посмотрѣлъ сверхъ очковъ на слушателей.

— Я потому такъ говорю, продолжалъ онъ съ отчаянностью, что Бурбоны бѣжали отъ революціи, предоставивъ народъ анархіи; а одинъ Наполеонъ умѣлъ понять революцію, побѣдить ее, и потому для общаго блага онъ не могъ остановиться передъ жизнью одного человѣка.

— Не хотите ли перейти къ тому столу? сказала Анна Павловна. Но Пьеръ, не отвѣчая, продолжалъ свою рѣчь.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь; — Наполеонъ великъ, потому что онъ сталъ выше революціи, подавилъ ея злоупотребленія, удержавъ все хорошее — и равенство гражданъ, и свободу слова и печати, и только потому пріобрѣлъ власть.

— Да, ежели бы онъ, взявъ власть, не пользуясь ею для убійства, отдалъ бы ее законному королю, сказалъ виконтъ, — тогда бы я назвалъ его великимъ человѣкомъ.

— Онъ бы не могъ этого сдѣлать. Народъ отдалъ ему власть только затѣмъ, чтобъ онъ избавилъ его отъ Бурбоновъ, и потому что народъ видѣлъ въ немъ великаго человѣка. Революція была великое дѣло, продолжалъ мсье Пьеръ, выказывая этимъ отчаяннымъ и вызывающимъ вводнымъ предложеніемъ свою великую молодость и желаніе все полнѣе высказать.

— Революція и цареубійство великое дѣло?.... Послѣ этого... да не хотите ли перейти къ тому столу? повторила Анна Павловна.

— „Общественный договоръ“ Руссо, съ кроткой улыбкой сказалъ виконтъ.

— Я не говорю про цареубійство. Я говорю про идеи.

— Да, идеи грабежа, убійства и цареубійства, опять перебилъ ироническій голосъ.

— Это были крайности, разумѣется, но не въ нихъ все значеніе, а значеніе въ правахъ человѣка, въ эмансипаціи отъ предразсудковъ, въ равенствѣ гражданъ; и всѣ эти идеи Наполеонъ удержалъ во всей ихъ силѣ.

— Свобода и равенство, презрительно сказалъ виконтъ, какъ будто рѣшившійся наконецъ серіозно доказать этому юношѣ всю глупость его рѣчей: — все громкія слова, которыя уже давно компрометировались. Кто же не любитъ свободы и равенства? Еще Спаситель нашъ проповѣдывалъ свободу и равенство. Развѣ послѣ революціи люди стали счастливѣе? Напротивъ. Мы хотѣли свободы, а Буонапарте уничтожилъ ее.

Князь Андрей съ улыбкой посматривалъ то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку. Въ первую минуту выходки Пьера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку къ свѣту; но когда она увидѣла, что, несмотря на произнесенныя Пьеромъ святотатственныя рѣчи, виконтъ не выходилъ изъ себя, и, когда она убѣдилась, что замять этихъ рѣчей уже нельзя, она собралась съ силами, и присоединившись къ виконту, напала на оратора.

— Но, мой милый monsieur Пьеръ, сказала Анна Павловна,— какъ же вы объясняете великаго человѣка, который могъ казнить герцога, наконецъ просто человѣка, безъ суда и безъ вины?

— Я бы спросилъ, сказалъ виконтъ, — какъ monsieur объясняетъ 18 брюмера. Развѣ это не обманъ? Это шулерство, вовсе не похожее на образъ дѣйствій великаго человѣка.

— А плѣнные въ Африкѣ, которыхъ онъ убилъ? сказала маленькая княгиня, — это ужасно! И она пожала плечами.

— Выскочка, что ни говорите, сказалъ князь Ипполитъ.

Monsieur Пьеръ не зналъ кому отвѣчать, оглянулъ всѣхъ и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, какъ у другихъ людей, сливающаяся съ неулыбкой. У него, напротивъ, когда приходила улыбка, то вдругъ, мгновенно, исчезало серіозное и даже нѣсколько угрюмое лицо, и являлось другое, дѣтское, доброе, даже глуповатое и какъ бы просящее прощенія.

Виконту, который видѣлъ его въ первый разъ, стало ясно, что этотъ якобинецъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ его слова. Всѣ замолчали.

— Какъ вы хотите, чтобы онъ всѣмъ отвѣчалъ вдругъ? сказалъ князь Андрей. — Притомъ надо въ поступкахъ государственнаго человѣка различать поступки частнаго лица, полководца или императора. Мнѣ такъ кажется.

— Да, да, разумѣется, подхватилъ Пьеръ, обрадованный выступавшею ему подмогой.

— Нельзя не сознаться, продолжалъ князь Андрей, — Наполеонъ, какъ человѣкъ, великъ на Аркольскомъ мосту, въ госпиталѣ въ Яффѣ, гдѣ онъ чумнымъ подаетъ руку, но... но есть другіе поступки, которые трудно оправдать.

Князь Андрей, видимо желавшій смягчить неловкость рѣчи Пьера, приподнялся, сбираясь ѣхать и подавая знакъ женѣ.

Вдругъ князь Ипполитъ поднялся, и, знаками рукъ останавливая всѣхъ и прося присѣсть, заговорилъ:

— Сегодня мнѣ разсказали прелестный московскій анекдотъ; надо васъ имъ подподчивать. Извините, виконтъ, я буду разсказывать по-русски: иначе трудно почувствовать всю соль анекдота. И князь Ипполитъ началъ говорить по-русски такимъ выговоромъ, какимъ говорятъ французы, пробывшіе съ годъ въ Россіи. Всѣ пріостановились: такъ оживленно, настоятельно требовалъ князь Ипполитъ вниманія къ своей исторіи.

— Въ Москвѣ есть одна барыня, дама. И она очень скупа. Ей нужно было имѣть два лакея за карета. И очень большой ростомъ. Это было ея вкусу. И она имѣла горничную, еще большой росту. Она сказала...

Тутъ князь Ипполитъ задумался, видимо съ трудомъ соображая.

— Она сказала... да, она сказала: „дѣвушка (горничной), надѣнь ливрею и поѣдемъ со мной, за карета, дѣлать визиты".

Тутъ князь Ипполитъ фыркнулъ и захохоталъ гораздо прежде своихъ слушателей, что произвело невыгодное для разсказчика впечатлѣніе. Однако многіе, и въ томъ числѣ пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись.

— Она поѣхала. Незапно сдѣлался сильный вѣтеръ. Дѣвушка потеряла шляпа, и длинны волоса расчесались...

Тутъ онъ не могъ уже болѣе держаться и сталъ отрывисто смѣяться и сквозь этотъ смѣхъ проговорилъ:

— И весь свѣтъ узналъ...

Тѣмъ анекдотъ и кончился. Хотя и не понятно было, для чего онъ его разсказываетъ, и для чего его надо было раз-

сказать неправильно по-русски, однако Анна Павловна и другіе оцѣнили свѣтскую любезность князя Ипполита, такъ пріятно закончившаго непріятную и нелюбезную выходку monsieur Пьера. Разговоръ послѣ анекдота разсыпался на мелкіе, незначительные толки о будущемъ и прошедшемъ балѣ, спектаклѣ, о томъ, когда и гдѣ кто увидится.

V.

Поблагодаривъ Анну Павловну за ея обворожительный вечеръ, гости стали расходиться.

Пьеръ былъ неуклюжъ. Толстый, выше обыкновеннаго роста, широкій, съ огромными, красными руками, онъ, какъ говорится, не умѣлъ войти въ салонъ и еще менѣе умѣлъ изъ него выйти, то-есть передъ выходомъ сказать что-нибудь особенно пріятное. Кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ. Вставая, онъ вмѣсто своей шляпы захватилъ трехъ-угольную шляпу съ генеральскимъ плюмажемъ и держалъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ, пока генералъ не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣнье войти въ салонъ и говорить въ немъ выкупались выраженіемъ добродушія, простоты и скромности. Анна Павловна повернулась къ нему, и, съ христіанскою кротостью, выражая прощеніе за его выходку, кивнула ему и сказала:

— Надѣюсь увидать васъ еще, но надѣюсь тоже, что вы перемѣните свои мнѣнія, мой милый monsieur Пьеръ, сказала она.

Когда она сказала ему это, онъ ничего не отвѣтилъ, только наклонился и показалъ всѣмъ еще разъ свою улыбку, которая ничего не говорила, развѣ только вотъ что: „Мнѣнія

мнѣніями, а вы видите, какой я добрый и славный малый". И всѣ и Анна Павловна невольно почувствовали это.

Князь Андрей вышелъ въ переднюю и, подставивъ плечи лакею, накидывавшему ему плащъ, равнодушно прислушивался къ болтовнѣ своей жены съ княземъ Ипполитомъ, вышедшимъ тоже въ переднюю. Князь Ипполитъ стоялъ возлѣ хорошенькой беременной княгини и упорно смотрѣлъ прямо на нее въ лорнетъ.

— Идите, Аннетъ, вы простудитесь, говорила маленькая княгиня, прощаясь съ Анной Павловной. — Рѣшено, прибавила она тихо.

Анна Павловна уже успѣла переговорить съ Лизой о сватовствѣ, которое она затѣвала между Анатолемъ и золовкой маленькой княгини.

— Я надѣюсь на васъ, милый другъ, сказала Анна Павловна тоже тихо, — вы напишете къ ней и скажете мнѣ, какъ отецъ посмотритъ на дѣло. До свиданія, — и она ушла изъ передней.

Князь Ипполитъ подошелъ къ маленькой княгинѣ и, близко наклоняя къ ней свое лицо, сталъ полушепотомъ что-то говорить ей.

Два лакея, одинъ княгининъ, другой его, дожидаясь, когда они кончатъ говорить, стояли съ шалью и рединготомъ и слушали ихъ, непонятный имъ, французскій говоръ, съ такими лицами, какъ будто они понимали что говорится, но не хотѣли показывать этого. Княгиня, какъ всегда, говорила улыбаясь и слушала смѣясь.

— Я очень радъ, что не поѣхалъ къ посланнику, говорилъ князь Ипполитъ: — скука... Прекрасный вечеръ, не правда ли, прекрасный?

— Говорятъ, что балъ будетъ очень хорошъ, отвѣчала княгиня, вздергивая съ усиками губку. — Всѣ красивыя женщины общества будутъ тамъ.

— Не всѣ, потому что васъ тамъ не будетъ; не всѣ, сказалъ князь Ипполитъ, радостно смѣясь и схвативъ шаль у лакея, даже толкнулъ его и сталъ надѣвать ее на княгиню. Отъ неловкости или умышленно (никто бы не могъ разобрать этого) онъ долго не опускалъ рукъ, когда шаль уже была надѣта, и какъ будто обнималъ молодую женщину.

Она граціозно, но все улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа. У князя Андрея глаза были закрыты: такъ онъ казался усталымъ и соннымъ.

— Вы готовы? спросилъ онъ жену, обходя ея взглядомъ.

Князь Ипполитъ торопливо надѣлъ свой рединготъ, который у него, по-новому, былъ длиннѣе пятокъ, и, путаясь въ немъ, побѣжалъ на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживалъ въ карету.

— Княгиня, до свиданья, кричалъ онъ, путаясь языкомъ такъ же, какъ и ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась въ темнотѣ кареты; мужъ ея оправлялъ саблю; князь Ипполитъ, подъ предлогомъ прислуживанія, мѣшалъ всѣмъ.

— Па-звольте, сударь, сухо-непріятно обратился князь Андрей, по-русски, къ князю Ипполиту, мѣшавшему ему пройти.

— Я тебя жду, Пьеръ, ласково и нѣжно проговорилъ тотъ же голосъ князя Андрея.

Форейторъ тронулся, и карета загремѣла колесами. Князь Ипполитъ смѣялся отрывисто, стоя на крыльцѣ и дожидаясь виконта, котораго онъ обѣщалъ довезти до дому.

— Ну, мой дорогой, ваша маленькая княгиня очень мила! сказалъ виконтъ, усѣвшись въ карету съ Ипполитомъ. — Очень мила, — онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, — и совершенная француженка.

Ипполитъ, фыркнувъ, засмѣялся.

— А знаете ли, вы ужасный человѣкъ, несмотря на вашъ невинный видъ, продолжалъ виконтъ. — Мнѣ жаль бѣднаго мужа, этого офицерика, который корчитъ изъ себя владѣтельную особу.

Ипполитъ фыркнулъ еще и сквозь смѣхъ проговорилъ:

— А вы говорили, что русскія дамы хуже французскихъ? Надо умѣть взяться.

Пьеръ, пріѣхавъ впередъ, какъ домашній человѣкъ, прошелъ въ кабинетъ князя Андрея и тотчасъ же, по привычкѣ, легъ на диванъ, взялъ первую попавшуюся съ полки книгу (это были Записки Цезаря) и принялся, облокотившись, читать ее изъ средины.

— Что ты сдѣлалъ съ m-lle Шереръ? Она теперь совсѣмъ заболѣетъ, сказалъ, входя въ кабинетъ князь Андрей и потирая маленькія бѣлыя ручки.

Пьеръ поворотился всѣмъ тѣломъ, такъ что диванъ заскрипѣлъ, обернулъ оживленное лицо къ князю Андрею, улыбнулся и махнулъ рукой. — Нѣтъ, этотъ аббатъ очень интересенъ; но только не такъ понимаетъ дѣло... По моему вѣчный миръ возможенъ, но я не умѣю какъ это сказать... Но только не политическимъ равновѣсіемъ...

Князь Андрей не интересовался, видимо, этими отвлеченными разговорами.

— Нельзя, mon cher, вездѣ все говорить, что только думаешь. Ну чтожъ ты рѣшился, наконецъ, на что-нибудь?

Кавалергардъ ты будешь, или дипломатъ? спросилъ князь Андрей послѣ минутнаго молчанія.

Пьеръ сѣлъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Можете себѣ представить, я все еще не знаю. Ни то, ни другое мнѣ не нравится.

— Но вѣдь надо на что-нибудь рѣшиться? Отецъ твой ждетъ.

Пьеръ съ десятилѣтняго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двадцатилѣтняго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ отпустилъ аббата, и сказалъ молодому человѣку: „Теперь ты поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ. Вотъ тебѣ письмо къ князю Василью, и вотъ тебѣ деньги. Пиши обо всемъ, я тебѣ во всемъ помогу." Пьеръ уже три мѣсяца выбиралъ карьеру и ничего не дѣлалъ. Про этотъ выборъ и говорилъ ему князь Андрей. Пьеръ потеръ себѣ лобъ.

— Но онъ массонъ долженъ быть, сказалъ онъ, разумѣя аббата, котораго онъ видѣлъ на вечерѣ.

— Все это бредни, остановилъ его опять князь Андрей, поговоримъ лучше о дѣлѣ. Былъ ли ты въ конной гвардіи?...

— Нѣтъ не былъ, но вотъ что мнѣ пришло въ голову, и я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь война противъ Наполеона. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... это нехорошо.

Князь Андрей только пожалъ плечами на дѣтскія рѣчи Пьера. Онъ сдѣлалъ видъ, что на такія глупости нельзя отвѣчать; но дѣйствительно на этотъ наивный вопросъ трудно было отвѣтить что-нибудь другое, чѣмъ то, что отвѣтилъ

князь Андрей. — Коли бы всѣ воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было, сказалъ онъ.

— Это-то и было бы прекрасно, сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей усмѣхнулся. — Очень можетъ быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будетъ...

— Ну для чего вы идете на войну? спросилъ Пьеръ.

— Для чего? я не знаю. Такъ надо. Кромѣ того, я иду... — Онъ остановился. — Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ!

VI.

Въ сосѣдней комнатѣ зашумѣло женское платье. Какъ будто очнувшись, князь Андрей встряхнулся, и лицо его приняло то же выраженіе, какое оно имѣло въ гостиной Анны Павловны. Пьеръ спустилъ ноги съ дивана. Вошла княгиня. Она была уже въ другомъ, домашнемъ, но столь же элегантномъ и свѣжемъ платьѣ. Князь Андрей всталъ, учтиво подвигая ей кресло.

— Отчего, я часто думаю, заговорила она, какъ всегда по-французски, поспѣшно и хлопотливо усаживаясь въ кресло, — отчего Анетъ не вышла замужъ? Какъ вы всѣ глупы, господа, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете въ женщинахъ толку. Какой вы спорщикъ, monsieur Пьеръ.

— Я и съ мужемъ вашимъ все спорю; не понимаю, зачѣмъ онъ хочетъ идти на войну, сказалъ Пьеръ, безъ всякаго стѣсненія (столь обыкновеннаго въ отношеніяхъ молодого мужчины къ молодой женщинѣ) обращаясь къ княгинѣ.

Княгиня встрепенулась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

— Ахъ, вотъ я то же говорю! сказала она. — Я не понимаю, рѣшительно не понимаю, отчего мужчины не могутъ жить безъ войны? Отчего мы, женщины, ничего не хотимъ, ничего намъ не нужно? Ну вотъ вы будьте судьей. Я ему все говорю: здѣсь онъ адъютантъ у дяди, самое блестящее положеніе. Всѣ его такъ знаютъ, такъ цѣнятъ. На дняхъ, у Апраксиныхъ, я слышала, какъ одна дама спрашиваетъ: „это то извѣстный князь Андрей?“ Честное слово! Она засмѣялась. Онъ такъ вездѣ принятъ. Онъ очень легко можетъ быть и флигель-адъютантомъ. Вы знаете, государь очень милостиво говорилъ съ нимъ. Мы съ Анетъ говорили, это очень легко было бы устроить. Какъ вы думаете?

Пьеръ посмотрѣлъ на князя Андрея и, замѣтивъ, что разговоръ этотъ не нравился его другу, ничего не отвѣчалъ.

— Когда вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Ахъ, не говорите мнѣ про этотъ отъѣздъ! Не говорите. Я не хочу про него слышать, заговорила княгиня такимъ капризно-игривымъ тономъ, какимъ она говорила съ Ипполитомъ въ гостиной, и который такъ, очевидно, не шелъ къ семейному кружку, гдѣ Пьеръ былъ какъ бы членомъ. — Сегодня, когда я подумала, что надо прервать всѣ эти дорогія отношенія... И потомъ, ты знаешь, André? Она значительно мигнула мужу. Мнѣ страшно! Мнѣ страшно! прошептала она, содрогаясь спиною. Мужъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ удивленъ, замѣтивъ, что кто-то еще, кромѣ его и Пьера, находился въ комнатѣ; и онъ съ холодною учтивостью вопросительно обратился къ женѣ.

— Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять, сказалъ онъ.

— Вотъ какъ всѣ мужчины эгоисты, всѣ, всѣ эгоисты!

Сама изъ-за своихъ пріятелей. Богъ знаетъ зачѣмъ бросаетъ меня, запираетъ въ деревню одну.

— Съ отцомъ и сестрой, не забудь, тихо сказалъ князь Андрей.

— Все равно одна, безъ *моихъ* друзей... И хочетъ, чтобы я не боялась.

Тонъ ея уже былъ ворчливый, губка поднялась, придавая лицу не радостное, а звѣрское бѣличье выраженье. Она замолчала, какъ будто находя неприличнымъ говорить при Пьерѣ про свою беременность, тогда какъ въ этомъ и состояла сущность дѣла.

— Все-таки я не понялъ, чего ты боишься, медлительно проговорилъ князь Андрей, не спуская глазъ съ жены. Княгиня покраснѣла и отчаянно взмахнула руками.

— Нѣтъ, Андрей, я говорю, ты такъ, такъ перемѣнился...

— Твой докторъ велитъ тебѣ раньше ложиться, сказалъ князь Андрей. — Ты бы шла спать.

Княгиня ничего не сказала, и вдругъ короткая съ усиками губка задрожала; князь Андрей, вставъ и пожавъ плечами, прошелъ по комнатѣ.

Пьеръ удивленно и наивно смотрѣлъ черезъ очки то на него, то на княгиню, и зашевелился, какъ будто онъ тоже хотѣлъ встать, но опять раздумалъ.

— Что мнѣ за дѣло, что тутъ monsieur Пьеръ, вдругъ сказала маленькая княгиня, и хорошенькое лицо ея вдругъ распустилось въ слезливую гримасу. — Я тебѣ давно хотѣла сказать, Андрей: за что ты ко мнѣ такъ перемѣнился? Что я тебѣ сдѣлала? Ты ѣдешь въ армію, ты меня не жалѣешь. За что?

— Лиза! только сказалъ князь Андрей, но въ этомъ словѣ были и просьба, и угроза, и, главное, увѣреніе въ томъ, что

она сама раскается въ своихъ словахъ; но она торопливо продолжала: Ты обращаешься со мной какъ съ больною или съ ребенкомъ. Я все вижу. Развѣ ты такой былъ полгода назадъ?

— Лиза, я прошу васъ перестать, сказалъ князь Андрей еще выразительнѣе.

Пьеръ, все болѣе и болѣе приходившій въ волненіе во время этого разговора, всталъ и подошелъ къ княгинѣ. Онъ, казалось, не могъ переносить вида слезъ, и самъ готовъ былъ заплакать.

— Успокойтесь, княгиня. Вамъ это такъ кажется, потому что, я васъ увѣряю, я самъ испыталъ... отчего... потому что... Нѣтъ, извините, чужой тутъ лишній... Нѣтъ, успокойтесь... Прощайте...

Князь Андрей остановилъ его за руку.

— Нѣтъ, постой, Пьеръ. Княгиня такъ добра, что не захочетъ лишить меня удовольствія провести съ тобою вечеръ.

— Нѣтъ, онъ только о себѣ думаетъ, проговорила княгиня, не удерживая сердитыхъ слезъ.

— Лиза, сказалъ сухо князь Андрей, поднимая тонъ на ту степень, которая показываетъ, что терпѣніе истощено.

Вдругъ сердитое бѣличье выраженіе красиваго личика княгини замѣнилось привлекательнымъ и возбуждающимъ состраданіе выраженіемъ страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лицѣ ея показалось то робкое и признающееся выраженіе, какое бываетъ у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущеннымъ хвостомъ.

— Боже мой, Боже мой! проговорила княгиня и, подобравъ одною рукою складку платья, подошла къ мужу и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощай, Лиза, сказалъ князь Андрей, вставая и учтиво какъ у посторонней, цѣлуя руку.

Друзья молчали. Ни тотъ, ни другой не начинали говорить. Пьеръ поглядывалъ на князя Андрея, князь Андрей потиралъ себѣ лобъ своею маленькою рукой.

— Пойдемъ ужинать, сказалъ онъ со вздохомъ, вставая и направляясь къ двери.

Они вошли въ изящно, заново, богато отдѣланную столовую. Все, отъ салфетокъ до серебра, фаянса и хрусталя, носило на себѣ тотъ особенный отпечатокъ новизны, который бываетъ въ хозяйствѣ молодыхъ супруговъ. Въ серединѣ ужина, князь Андрей облокотился и, какъ человѣкъ, давно имѣющій что-нибудь на сердцѣ и вдругъ рѣшающійся высказаться, съ выраженіемъ нервнаго раздраженія, въ какомъ Пьеръ никогда еще не видалъ своего пріятеля, началъ говорить: — Никогда, никогда не женись, мой другъ; вотъ тебѣ мой совѣтъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ея ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ никуда негоднымъ... А то пропадетъ все, что въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ... Да что!...

Онъ энергически махнулъ рукой.

Пьеръ снялъ очки, отчего лицо его измѣнилось, еще болѣе выказывая доброту, и удивленно глядѣлъ на друга.

— Моя жена, продолжалъ князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь; но, Боже мой, чего бы я не далъ теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Князь Андрей, говоря это, былъ еще менѣе похожъ, чѣмъ прежде, на того Болконскаго, который развалившись сидѣлъ въ креслахъ Анны Павловны и, сквозь зубы, щурясь, говорилъ французскія фразы. Его сухое лицо все дрожало нервическимъ оживленіемъ каждаго мускула; глаза, въ которыхъ прежде казался потушеннымъ огонь жизни, теперь блестѣли лучистымъ, яркимъ блескомъ. Видно было, что чѣмъ безжизненнѣе казался онъ въ обыкновенное время, тѣмъ энергичнѣе былъ онъ въ эти минуты почти болѣзненнаго раздраженія.

— Ты не понимаешь, отчего я это говорю, продолжалъ онъ. — Вѣдь это цѣлая исторія жизни. Ты говоришь, Бонапарте и его карьера, — сказалъ онъ, хотя Пьеръ и не говорилъ про Бонапарте. Ты говоришь Бонапарте, но Бонапарте, когда онъ работалъ, шагъ за шагомъ шелъ къ цѣли, онъ былъ свободенъ, у него ничего не было кромѣ его цѣли, и онъ достигъ ея. Но свяжи себя съ женщиной и, какъ скованный колодникъ, теряешь всякую свободу. И все, что есть въ тебѣ надеждъ и силъ, все только тяготитъ и раскаяніемъ мучаетъ тебя. Гостиныя, сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не го-

жуев. Я очень любезенъ и зле остроуменъ, продолжалъ князь Андрей, и у Анны Павловны меня слушаютъ. И это глупое общество, безъ котораго не можетъ жить моя жена, и эти женщины... Ежели бы ты только могъ знать, что это такое всѣ эти свѣтскія женщины и вообще женщины! Отецъ мой правъ. Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе, ничтожество во всемъ — вотъ женщины, когда показываются всѣ такъ, какъ онѣ есть. Посмотришь на нихъ въ свѣтѣ, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись! кончилъ князь Андрей.

— Мнѣ смѣшно, сказалъ Пьеръ, — что вы себя, вы себя считаете неспособнымъ, свою жизнь — испорченною жизнью. У васъ все, все впереди. И вы...

Онъ не сказалъ *что вы*, но ужъ тонъ его показывалъ, какъ высоко цѣнитъ онъ друга и какъ много ждетъ отъ него въ будущемъ.

„Какъ онъ можетъ это говорить!" думалъ Пьеръ. Пьеръ считалъ князя Андрея образцомъ всѣхъ совершенствъ именно оттого, что князь Андрей въ высшей степени соединялъ всѣ тѣ качества, которыхъ не было у Пьера, и которыя ближе всего можно выразить понятіемъ — силы воли. Пьеръ всегда удивлялся способности князя Андрея спокойнаго обращенія со всякаго рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (онъ все читалъ, все зналъ, обо всемъ имѣлъ понятіе) и больше всего его способности работать и учиться. Ежели часто Пьера поражало въ Андреѣ отсутствіе способности мечтательнаго философствованія (къ чему особенно былъ склоненъ Пьеръ), то и въ этомъ онъ видѣлъ не недостатокъ, а силу.

Въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ

лесть или похвала необходимы, какъ подмазка необходима для колесъ, чтобъ они ѣхали.

— Я конченный человѣкъ, сказалъ князь Андрей. — Что обо мнѣ говорить? давай говорить о тебѣ, сказалъ онъ, помолчавъ и улыбнувшись своимъ утѣшительнымъ мыслямъ. Улыбка эта въ то же мгновеніе отразилась на лицѣ Пьера.

— А обо мнѣ что́ говорить? сказалъ Пьеръ, распуская свой ротъ въ беззаботную, веселую улыбку. — Что́ я такое? Я незаконный сынъ! И онъ вдругъ, багрово покраснѣлъ. Видно было, что онъ сдѣлалъ большое усиліе, чтобы сказать это. — Безъ имени, безъ состоянія... И чтожъ, право... Но онъ не сказалъ, *что право*. — Я свободенъ пока, и мнѣ хорошо. Я только никакъ не знаю, что мнѣ начать. Я хотѣлъ серіозно посовѣтоваться съ вами.

Князь Андрей добрыми глазами смотрѣлъ на него. Но во взглядѣ его, дружескомъ, ласковомъ, все-таки выражалось сознаніе своего превосходства.

— Ты мнѣ дорогъ, особенно потому, что ты одинъ живой человѣкъ среди всего нашего свѣта. Тебѣ хорошо. Выбери, что́ хочешь, это все равно. Ты вездѣ будешь хорошъ, но одно: перестань ты ѣздить къ этимъ Курагинымъ, вести эту жизнь. Такъ это не идетъ тебѣ: всѣ эти кутежи, и гусарство, и все...

— Что дѣлать, мой другъ, сказалъ Пьеръ, пожимая плечами, женщины, мой другъ, женщины!

— Не понимаю, отвѣчалъ Андрей. Порядочныя женщины, это другое дѣло, но женщины Курагина, женщины и вино, не понимаю!

Пьеръ жилъ у князя Василія Курагина и участвовалъ въ разгульной жизни его сына Анатоля, того самаго, кото-

раго, для исправленія, собирались женить на сестрѣ князя Андрея.

— Знаете что, сказалъ Пьеръ, какъ будто ему пришла неожиданно, счастливая мысль: — серіозно, я давно это думалъ. Съ этою жизнью я ничего не могу ни рѣшить, ни обдумать. Голова болитъ, денегъ нѣтъ. Нынче онъ меня звалъ, я не поѣду.

— Дай мнѣ честное слово, что ты не будешь ѣздить?

— Честное слово!

Уже былъ второй часъ ночи, когда Пьеръ вышелъ отъ своего друга. Ночь была іюньская, петербургская, безсумрачная ночь. Пьеръ сѣлъ въ извозчичью коляску съ намѣреніемъ ѣхать домой. Но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ невозможность заснуть въ эту ночь, походившую болѣе на вечеръ или на утро. Далеко было видно по пустымъ улицамъ. Дорогой Пьеръ вспомнилъ, что у Анатоля Курагина нынче вечеромъ должно было собраться обычное игорное общество, послѣ котораго обыкновенно шла попойка, кончавшаяся однимъ изъ любимыхъ увеселеній Пьера.

— Хорошо бы было поѣхать къ Курагину, подумалъ онъ. Но тотчасъ же онъ вспомнилъ данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но тотчасъ же, какъ это бываетъ съ людьми, называемыми безхарактерными, ему такъ страстно захотѣлось еще разъ испытать эту столь знакомую ему безпутную жизнь, что онъ рѣшился ѣхать. И тотчасъ же ему пришла въ голову мысль, что данное слово ничего не значитъ, потому что еще прежде, чѣмъ князю Андрею, онъ далъ также князю Анатолю слово

быть у него; наконецъ, онъ подумалъ, что всѣ эти честныя слова такія условныя вещи, не имѣющія никакого опредѣленнаго смысла, особенно ежели сообразить, что можетъ-быть завтра же или онъ умретъ, или случится съ нимъ что-нибудь такое необыкновенное, что не будетъ уже ни честнаго, ни безчестнаго. Такого рода разсужденія, уничтожая всѣ его рѣшенія и предположенія, часто приходили Пьеру. Онъ поѣхалъ къ Курагину.

Подъѣхавъ къ крыльцу большого дома у конно-гвардейскихъ казармъ, въ которыхъ жилъ Анатоль, онъ поднялся на освѣщенное крыльцо, на лѣстницу, и вошелъ въ отворенную дверь. Въ передней никого не было; валялись пустыя бутылки, плащи, калоши; пахло виномъ; слышался дальній говоръ и крикъ.

Игра и ужинъ уже кончились, но гости еще не разъѣзжались. Пьеръ скинулъ плащъ и вошелъ въ первую комнату, гдѣ стояли остатки ужина, и одинъ лакей, думая, что его никто не видитъ, допивалъ тайкомъ недопитые стаканы. Изъ третьей комнаты слышалась возня, хохотъ, крики знакомыхъ голосовъ и ревъ медвѣдя. Человѣкъ восемь молодыхъ людей толпились озабоченно около открытаго окна. Трое возились съ молодымъ медвѣдемъ, котораго одинъ таскалъ на цѣпи, пугая имъ другого.

— Держу за Стивенса сто! кричалъ одинъ.

— Смотри не поддерживать! кричалъ другой.

— Я за Долохова! кричалъ третій.—Разними, Курагинъ.

— Ну, бросьте Мишку, тутъ пари.

— Однимъ духомъ, иначе проиграно, кричалъ четвертый.

— Яковъ, давай бутылку, Яковъ! кричалъ самъ хозяинъ, высокій красавецъ, стоявшій посреди толпы въ одной тон-

кой рубашкѣ, раскрытой на срединѣ груди. — Стойте, господа. Вотъ онъ, Петруша, милый другъ, обратился онъ къ Пьеру. Другой голосъ невысокаго человѣка, съ ясными голубыми глазами, особенно поражавшій среди этихъ всѣхъ пьяныхъ голосовъ своимъ трезвымъ выраженіемъ, закричалъ отъ окна: иди сюда — разойми пари! Это былъ Долоховъ, семеновскій офицеръ, извѣстный игрокъ и бретёръ, жившій вмѣстѣ съ Анатолемъ. Пьеръ улыбался, весело глядя вокругъ себя. — Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло?

— Стойте, онъ не пьянъ. Дай бутылку, сказалъ Анатоль, и, взявъ со стола стаканъ, подошелъ къ Пьеру.

— Прежде всего пей.

Пьеръ сталъ пить стаканъ за стаканомъ, исподлобья оглядывая пьяныхъ гостей, которые опять столпились у окна, и прислушиваясь къ ихъ говору. Анатоль наливалъ ему вино и разсказывалъ, что Долоховъ держитъ пари съ англичаниномъ, Стивенсомъ, морякомъ, бывшимъ тутъ, въ томъ, что онъ, Долоховъ, выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ третьяго этажа съ опущенными наружу ногами.

— Ну, пей же всю! сказалъ Анатоль, подавая послѣдній стаканъ Пьеру, а то не пущу!

— Нѣтъ, не хочу, сказалъ Пьеръ, отталкивая Анатоля и подошелъ къ окну. Долоховъ держалъ за руку англичанина и ясно, отчетливо выговаривалъ условія пари, обращаясь преимущественно къ Анатолю и Пьеру.

Долоховъ былъ человѣкъ средняго роста, курчавый и съ свѣтлыми, голубыми глазами. Ему было лѣтъ двадцать пять. Онъ не носилъ усовъ, какъ и всѣ пѣхотные офицеры, и ротъ его, самая поразительная черта его лица, былъ весь виденъ. Линіи этого рта были замѣчательно-тонко изогнуты.

въ срединѣ, верхняя губа энергически опускалась на крѣпкую, нижнюю, острымъ клиномъ, и въ углахъ образовывалось постоянно что-то въ родѣ двухъ улыбокъ, по одной съ каждой стороны; и все вмѣстѣ, а особенно въ соединеніи съ твердымъ, наглымъ, умнымъ взглядомъ, составляло впечатлѣніе такое, что нельзя было не замѣтить этого лица. Долоховъ былъ небогатый человѣкъ безъ всякихъ связей. И несмотря на то, что Анатоль проживалъ десятки тысячъ, Долоховъ жилъ съ нимъ и успѣлъ себя поставить такъ, что Анатоль и всѣ знавшіе ихъ уважали Долохова больше, чѣмъ Анатоля. Долоховъ игралъ во всѣ игры и почти всегда выигрывалъ. Сколько бы онъ ни пилъ, онъ никогда не терялъ ясности головы. И Курагинъ и Долоховъ въ то время были знаменитостями въ мірѣ повѣсъ и кутилъ Петербурга.

Бутылка рому была принесена; раму, не пускавшую сѣсть на наружный откосъ окна, выламывали два лакея, видимо торопившіеся и робѣвшіе отъ совѣтовъ и криковъ окружавшихъ господъ.

Анатоль съ своимъ побѣдительнымъ видомъ подошелъ къ окну. Ему хотѣлось сломать что-нибудь. Онъ оттолкнулъ лакеевъ и потянулъ раму, но рама не сдавалась. Онъ разбилъ стекло.

— Ну-ка ты, силачъ, обратился онъ къ Пьеру. Пьеръ, взялся за перекладины, потянулъ и съ трескомъ выворотилъ дубовую раму.

— Всю вонъ, а то подумаютъ, что я держусь, сказалъ Долоховъ.

— Англичанинъ хвастаетъ... а?... хорошо?... говорилъ Анатоль.

Хорошо, сказалъ Пьеръ, глядя на Долохова, который,

взявъ въ руки бутылку рома, подходилъ къ окну, изъ котораго виднѣлся свѣтъ неба и сливавшихся на немъ утренней и вечерней зари. Долоховъ, съ бутылкой рома въ рукѣ, вскочилъ на окно. Слушать! крикнулъ онъ, стоя на подоконникѣ и обращаясь въ комнату. Всѣ замолчали.

— Я держу пари (онъ говорилъ по-французски, чтобъ его понялъ англичанинъ, и говорилъ не слишкомъ хорошо на этомъ языкѣ). Держу пари на пятьдесятъ императоровъ; хотите на сто? прибавилъ онъ, обращаясь къ англичанину.

— Нѣтъ, пятьдесятъ, сказалъ англичанинъ.

— Хорошо, на пятьдесятъ императоровъ, — что я выпью бутылку рома всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окномъ, вотъ на этомъ мѣстѣ (онъ нагнулся и показалъ покатый выступъ стѣны за окномъ) и не держась ни за что... Такъ?...

— Очень хорошо, сказалъ англичанинъ.

Анатоль повернулся къ англичанину и, взявъ его за пуговицу фрака и сверху глядя на него (англичанинъ былъ малъ ростомъ), началъ по-англійски повторять ему условія пари.

— Постой! закричалъ Долоховъ, стуча бутылкой по окну, чтобъ обратить на себя вниманіе. — Постой, Курагинъ; слушайте: если кто сдѣлаетъ то же, то я плачу сто императоровъ. Понимаете?

Англичанинъ кивнулъ головой, не давая никакъ разумѣть, намѣренъ ли онъ или нѣтъ принять это новое пари. Анатоль не отпускалъ англичанина и, несмотря на то, что тотъ, кивая, давалъ знать, что онъ все понялъ, Анатоль переводилъ ему слова Долохова по-англійски. Молодой худощавый мальчикъ, лейбъ-гусаръ, проигравшійся въ этотъ вечеръ, влѣзъ на окно, высунулся и посмотрѣлъ внизъ.

— У!... у!... у!... проговорилъ онъ, глядя за окно на камень тротуара.

— Смирно! закричалъ Долоховъ и сдернулъ съ окна офицера, который, запутавшись шпорами, неловко спрыгнулъ въ комнату.

Поставивъ бутылку на подоконникъ, чтобы было удобно достать ее, Долоховъ осторожно и тихо полѣзъ въ окно. Спустивъ ноги и расперевшись обѣими руками въ края окна, онъ примѣрился, усѣлся, отпустилъ руки, подвинулся направо, налѣво, и досталъ бутылку. Анатоль принесъ двѣ свѣчки и поставилъ ихъ на подоконникъ, хотя было уже совсѣмъ свѣтло. Спина Долохова въ бѣлой рубашкѣ и курчавая голова его были освѣщены съ обѣихъ сторонъ. Всѣ столпились у окна. Англичанинъ стоялъ впереди. Пьеръ улыбался и ничего не говорилъ. Одинъ изъ присутствующихъ, постарше другихъ, съ испуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ и хотѣлъ схватить Долохова за рубашку.

— Господа, это глупости; онъ убьется до смерти, сказалъ этотъ, болѣе благоразумный, человѣкъ.

Анатоль остановилъ его.

— Не трогай, ты его испугаешь, онъ убьется. А?.. Что тогда?... А?...

Долоховъ обернулся, поправляясь и опять расперевшись руками.

— Ежели кто ко мнѣ еще будетъ соваться, сказалъ онъ, рѣдко пропуская слова сквозь стиснутыя и тонкія губы, — я того сейчасъ спущу вотъ сюда. Ну!...

Сказавъ ну! онъ повернулся опять, отпустилъ руки, взялъ бутылку и поднесъ ко рту, закинулъ назадъ голову и вски-

нулъ кверху свободную руку для перевѣса. Одинъ изъ лакеевъ, начавшій подбирать стекла, остановился въ согнутомъ положеніи, не спуская глазъ съ окна и спины Долохова. Анатоль стоялъ прямо, разинувъ глаза. Англичанинъ, выпятивъ впередъ губы, смотрѣлъ сбоку. Тотъ, который останавливалъ, убѣжалъ въ уголъ комнаты и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Пьеръ закрылъ лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лицѣ, хоть оно теперь выражало ужасъ и страхъ. Всѣ молчали. Пьеръ отнялъ отъ глазъ руки: Долоховъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, только голова загнулась назадъ, такъ что курчавые волосы затылка прикасались къ воротнику рубахи, и рука съ бутылкой поднималась все выше и выше, содрагаясь и дѣлая усиліе. Бутылка видимо опорожнялась и съ тѣмъ вмѣстѣ поднималась, загибая голову. „Что же это такъ долго?“ подумалъ Пьеръ. Ему казалось, что прошло больше получаса. Вдругъ Долоховъ сдѣлалъ движеніе назадъ спиной, и рука его нервически задрожала; этого содраганія было достаточно, чтобы сдвинуть все тѣло, сидѣвшее на покатомъ откосѣ. Онъ сдвинулся весь, и еще сильнѣе задрожали, дѣлая усиліе, рука и голова его. Одна рука поднялась, чтобы схватиться за подоконникъ, но опять опустилась. Пьеръ опять закрылъ глаза и сказалъ себѣ, что никогда ужъ не откроетъ ихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что все вокругъ зашевелилось. Онъ взглянулъ: Долоховъ стоялъ на подоконникѣ, лицо его было блѣдно и весело.

— Пуста!

Онъ кинулъ бутылку англичанину, который ловко поймалъ ее. Долоховъ спрыгнулъ съ окна. Отъ него сильно пахло ромомъ...

— Отлично! Молодецъ! Вотъ такъ пари! Чортъ васъ возьми совсѣмъ! кричали съ разныхъ сторонъ.

Англичанинъ, доставъ кошелекъ, отсчитывалъ деньги. Долоховъ хмурился и молчалъ. Пьеръ вскочилъ на окно.

— Господа! Кто хочетъ со мною пари? Я то же сдѣлаю, вдругъ крикнулъ онъ. — И пари не нужно, вотъ что. Вели дать бутылку. Я сдѣлаю... вели дать.

— Пускай, пускай! сказалъ Долоховъ, улыбаясь.

— Что ты? съ ума сошелъ? Кто тебя пуститъ? У тебя и на лѣстницѣ голова кружится, заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Я выпью, давай бутылку рому! закричалъ Пьеръ рѣшительнымъ и пьянымъ жестомъ ударяя по столу, и полѣзъ въ окно. Его схватили за руки; но онъ былъ такъ силенъ, что далеко оттолкнулъ того, кто приблизился къ нему.

— Нѣтъ, его такъ не уломаешь, ни за что, говорилъ Анатоль, — постойте, я его обману. Послушай, я съ тобой держу пари, но завтра, а теперь мы всѣ ѣдемъ къ ***.

— Ѣдемъ, закричалъ Пьеръ, ѣдемъ!... И Мишку съ собой беремъ... И онъ ухватилъ медвѣдя и, обнявъ и поднявъ его, сталъ кружиться съ нимъ по комнатѣ.

VII.

Князь Василій исполнилъ обѣщаніе, данное на вечерѣ у Анны Павловны, княгинѣ Друбецкой, просившей его о своемъ единственномъ сынѣ Борисѣ. О немъ было доложено государю, и, не въ примѣръ другимъ, онъ былъ переведенъ въ гвардію Семеновскаго полка прапорщикомъ. Но адъютантомъ, или состоящимъ при Кутузовѣ, Борисъ такъ и не былъ назначенъ, несмотря на всѣ хлопоты и происки Анны Ми-

хайловны. Вскорѣ послѣ вечера Анны Павловны, Анна Михайловна вернулась въ Москву, прямо къ своимъ богатымъ родственникамъ Ростовымъ, у которыхъ она стояла въ Москвѣ, и у которыхъ съ дѣтства воспитывался и годами живалъ ея обожаемый Боренька, только что произведенный въ армейскіе и тотчасъ же переведенный въ гвардейскіе прапорщики. Гвардія уже вышла изъ Петербурга 10-го августа, и сынъ, оставшійся для обмундированія въ Москвѣ, долженъ былъ догнать ее по дорогѣ въ Радзивиловъ.

У Ростовыхъ были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, подъѣзжали и отъѣзжали цуги, подвозившіе поздравителей къ большому, всей Москвѣ извѣстному дому графини Ростовой на Поварской. Графиня съ красивой старшею дочерью и гостями, не перестававшими смѣнять одинъ другого, сидѣла въ гостиной.

Графиня была женщина съ восточнымъ типомъ худого лица, лѣтъ сорока пяти, видимо изнуренная дѣтьми, которыхъ у ней было двѣнадцать человѣкъ. Медлительность ея движеній и говора, происходившая отъ слабости силъ, придавала ей значительный видъ, внушавшій уваженіе. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, какъ домашній человѣкъ, сидѣла тутъ же, помогая въ дѣлѣ приниманія и заниманія разговоромъ гостей. Молодежь была въ заднихъ комнатахъ, не находя нужнымъ участвовать въ пріемѣ визитовъ. Графъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, приглашая всѣхъ къ обѣду.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, милая или милый (милая или милый онъ говорилъ всѣмъ безъ исключенія, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ, какъ выше, такъ и ниже его стоявшимъ людямъ), за себя и за дорогихъ именинницъ. Смотрите же, пріѣзжайте обѣдать. Вы меня обидите, ми-

лый. Душевно прошу васъ отъ всего семейства, милая. Эти слова, съ одинакимъ выраженіемъ на полномъ, веселомъ и чисто-выбритомъ лицѣ и съ одинаково крѣпкимъ пожатіемъ руки и повторяемыми короткими поклонами, говорилъ онъ всѣмъ безъ исключенія и измѣненія. Проводивъ одного гостя, графъ возвращался къ тому или той, которые еще были въ гостиной; придвинувъ кресла, и съ видомъ человѣка любящаго и умѣющаго пожить, молодецки разставивъ ноги и положивъ на колѣна руки, онъ значительно покачивался, предлагалъ догадки о погодѣ, совѣтовался о здоровьѣ, иногда на русскомъ, иногда на очень дурномъ, но самоувѣренномъ французскомъ языкѣ, и снова съ видомъ усталаго, но твердаго въ исполненіи обязанности человѣка, шелъ провожать, оправляя рѣдкіе сѣдые волосы на лысинѣ, и опять звалъ обѣдать. Иногда, возвращаясь изъ передней, онъ заходилъ черезъ цвѣточную и офиціантскую, въ большую мраморную залу, гдѣ накрывали столъ на восемьдесятъ кувертовъ и, глядя на офиціантовъ, носившихъ серебро и фарфоръ, разставлявшихъ столы и развертывавшихъ камчатныя скатерти, подзывалъ къ себѣ Дмитрія Васильевича, дворянина, занимавшагося всѣми его дѣлами, и говорилъ: Ну, ну, Митенька, смотри, чтобъ все было хорошо. Такъ, такъ, говорилъ онъ, съ удовольствіемъ оглядывая огромный раздвинутый столъ. Главное сервировка. То-то... И онъ уходилъ, самодовольно вздыхая, опять въ гостиную.

— Марья Львовна Карагина съ дочерью! басомъ доложилъ огромный графининъ выѣздной лакей, входя въ двери гостиной. Графиня подумала и понюхала изъ золотой табакерки съ портретомъ мужа.

— Замучили меня эти визиты, сказала она. — Ну, ужъ

ее послѣднюю прямую. Чопорна очень. Просимъ, сказала она лѣнивымъ грустнымъ голосомъ, какъ будто говорила: „ну, ужъ добивайте!“

Высокая, полная, съ гордымъ видомъ дама съ круглолицей, улыбающейся дочкой, шумя платьями, вошли въ гостиную.

„Милая графиня, уже такъ давно… она была больна, бѣдняжка… на балѣ Разумовскихъ… и графиня Апраксина… я такъ была счастлива“ послышались оживленные женскіе голоса, перебивая одинъ другой и сливаясь съ шумомъ платьевъ и передвиганіемъ стульевъ. Начался тотъ разговоръ, который затѣваютъ ровно настолько, чтобы при первой паузѣ встать, зашумѣть платьями, проговорить: „Я очень рада; здоровье мама… и графиня Апраксина“, и опять, зашумѣвъ платьями, пройти въ переднюю, надѣть шубу или плащъ и уѣхать. Разговоръ зашелъ о главной городской новости того времени, о болѣзни извѣстнаго богача и красавца Екатерининскаго времени, стараго графа Безухаго, и о его незаконномъ сынѣ Пьерѣ, который такъ неприлично велъ себя на вечерѣ у Анны Павловны Шереръ. — Я очень жалѣю бѣднаго графа, проговорила гостья: здоровье его и такъ плохо, а теперь это огорченье отъ сына, это его убьетъ!

— Чтò такое? спросила графиня, какъ будто не зная о чемъ говоритъ гостья, хотя она разъ пятнадцать уже слышала причину огорченія графа Безухаго.

— Вотъ нынѣшнее воспитаніе! Еще за границей, — проговорила гостья, — этотъ молодой человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ, и теперь въ Петербургѣ, говорятъ, онъ такіе ужасы надѣлалъ, что его съ полиціей выслали оттуда.

— Скажите! сказала графиня.

— Онъ дурно выбиралъ свои знакомства, вмѣшалась княгиня Анна Михайловна. Сынъ князя Василія, онъ и одинъ Долоховъ, они, говорятъ, Богъ знаетъ, что̀ дѣлали. И оба пострадали. Долоховъ разжалованъ въ солдаты, а сынъ Безухаго высланъ въ Москву. Анатолія Курагина — того отецъ какъ-то замялъ. Но выслали таки изъ Петербурга.

— Да, что̀ бишь они сдѣлали? спросила графиня.

— Это совершенные разбойники, особенно Долоховъ, говорила гостья. — Онъ сынъ Марьи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что̀ же? Можете себѣ представить: они втроемъ достали гдѣ-то медвѣдя, посадили съ собой въ карету и повезли къ актрисамъ. Прибѣжала полиція ихъ унимать. Они поймали квартальнаго и привязали его спина со спиной къ медвѣдю, и пустили медвѣдя въ Мойку; медвѣдь плаваетъ, а квартальный на немъ.

— Хороша, милая, фигура квартальнаго, закричалъ графъ, помирая со смѣху.

— Ахъ, ужасъ какой! Чему тутъ смѣяться, графъ?

— Но дамы невольно смѣялись и сами.

— Насилу спасли этого несчастнаго, продолжала гостья. — И это сынъ князя Кирилла Владиміровича Безухова такъ умно забавляется! прибавила она. — А говорили, что такъ хорошо воспитанъ и уменъ. Вотъ все воспитаніе заграничное куда довело. Надѣюсь, что здѣсь его никто не приметъ, несмотря на его богатство. Мнѣ хотѣли его представить. Я рѣшительно отказалась: у меня дочери.

— Отчего вы говорите, что этотъ молодой человѣкъ такъ богатъ? спросила графиня, нагибаясь отъ дѣвицъ, которыя тотчасъ же сдѣлали видъ, что не слушаютъ. Вѣдь у него только незаконныя дѣти. Кажется... и Пьеръ незаконный.

Гостья махнула рукой. — У него штук двадцать незаконныхъ, я думаю.

Княгиня Анна Михайловна вмѣшалась въ разговоръ, видимо желая выказать свои связи и свое знаніе всѣхъ свѣтскихъ обстоятельствъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала она значительно и тоже полушепотомъ. — Репутація графа Кирилла Владиміровича извѣстна... Дѣтямъ своимъ онъ и счетъ потерялъ, но этотъ Пьеръ любимый былъ.

— Какъ старикъ былъ хорошъ; сказала графиня, — еще прошлаго года! Красивѣе мущины я не видывала.

— Теперь очень перемѣнился, сказала Анна Михайловна. — Такъ я хотѣла сказать, продолжала она; — по женѣ прямой наслѣдникъ всего имѣнья князь Василій, но Пьера отецъ очень любилъ, занимался его воспитаніемъ, и писалъ государю... такъ что никто не знаетъ, ежели онъ умретъ (онъ такъ плохъ, что этого ждутъ каждую минуту, и Лорренъ пріѣхалъ изъ Петербурга), кому достанется это огромное состояніе, Пьеру или князю Василію. Сорокъ тысячъ душъ и милліоны. Я это очень хорошо знаю, потому что мнѣ самъ князь Василій это говорилъ. Да и Кириллъ Владиміровичъ мнѣ приходится троюроднымъ дядей по матери. Онъ и крестилъ Борю, прибавила она, какъ будто не приписывая этому обстоятельству никакого значенія.

— Князь Василій пріѣхалъ въ Москву вчера. Онъ ѣдетъ на ревизію, мнѣ говорили, сказала гостья.

— Да, но между нами, сказала княгиня, — это предлогъ; онъ пріѣхалъ собственно къ князю Кириллѣ Владиміровичу, узнавъ, что онъ такъ плохъ.

— Однако, милая, это славная штука, сказалъ графъ,

и замѣтивъ, что старшая гостья его не слушала, обратился уже къ барышнямъ. — Хороша фигура была у квартальнаго, я воображаю.

И онъ, представивъ, какъ махалъ руками квартальный, опять захохоталъ звучнымъ и басистымъ смѣхомъ, колебавшимъ все его полное тѣло, какъ смѣются люди, всегда хорошо ѣвшіе и особенно пившіе. — Такъ, пожалуйста же, обѣдать къ намъ, сказалъ онъ.

VIII.

Наступило молчаніе. Графиня глядѣла на гостью, пріятно улыбаясь, впрочемъ не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уѣдетъ. Дочь гостьи уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался бѣгъ къ двери нѣсколькихъ мужскихъ и женскихъ ногъ, грохотъ зацѣпленнаго и поваленнаго стула, и въ комнату вбѣжала тринадцатилѣтняя дѣвочка, запахнувъ что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась посрединѣ комнаты. Очевидно было, она нечаянно, съ нерасчитаннаго бѣга, заскочила такъ далеко. Въ дверяхъ, въ ту же минуту, показались студентъ съ малиновымъ воротникомъ, гвардейскій офицеръ, пятнадцатилѣтняя дѣвочка и толстый румяный мальчикъ въ дѣтской курточкѣ.

Графъ вскочилъ и, раскачиваясь, широко разставилъ руки вокругъ вбѣжавшей дѣвочки.

— А, вотъ она! смѣясь закричалъ онъ. — Именинница! моя милая именинница!

— Милая, на все есть время, сказала графиня, притворяясь строгою. — Ты ее все балуешь, Elie, прибавила она мужу.

— Здравствуйте, моя милая, поздравляю васъ, сказала гостья. — Какое прелестное дитя! прибавила она, обращаясь къ матери.

Черноглазая, съ большимъ ртомъ, некрасивая, но живая дѣвочка, съ своими дѣтскими, открытыми плечиками, которыя сжимаясь, двигались въ своемъ корсажѣ отъ быстраго бѣга, съ своими сбившимися назадъ черными кудрями, тоненькими, оголенными руками и маленькими ножками въ кружевныхъ панталончикахъ и открытыхъ башмачкахъ, была въ томъ миломъ возрастѣ, когда дѣвочка уже не ребенокъ, а ребенокъ еще не дѣвушка. Вывернувшись отъ отца, она подбѣжала къ матери и, не обращая никакого вниманія на ея строгое замѣчаніе, спрятала свое раскраснѣвшееся лицо въ кружевахъ материной мантильи и засмѣялась. Она смѣялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу, которую вынула изъ подъ юбочки.

— Видите?... Кукла... Мими... Видите. — И Наташа не могла больше говорить (ей все смѣшно казалось). Она упала на мать и расхохоталась такъ громко и звонко, что всѣ, даже чопорная гостья, противъ воли засмѣялись.

— Ну, поди, поди съ своимъ урodомъ! сказала мать, притворно сердито отталкивая дочь. — Это моя меньшая, обратилась она къ гостьѣ. Наташа, оторвавъ на минуту лицо отъ кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу, сквозь слезы смѣха и опять спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла нужнымъ принять въ ней какое-нибудь участіе.

— Скажите, моя милая, сказала она, обращаясь къ Наташѣ, — какъ же вамъ приходится эта Мими? Дочь вѣрно?

Наташѣ не понравился тонъ снисхожденія до дѣтскаго раз-

говора, съ которымъ гостья обратилась къ ней. Она ничего не отвѣтила, и серьезно посмотрѣла на гостью.

Между тѣмъ, все это молодое поколѣніе, Борисъ — офицеръ, сынъ княгини Анны Михайловны, Николай — студентъ, старшій сынъ графа, Соня — пятнадцатилѣтняя племянница графа и маленькій Петруша — меньшой сынъ, всѣ размѣстились въ гостиной и видимо старались удержать въ границахъ приличія оживленіе и веселость, которыми еще дышала каждая ихъ черта. Видно было, что тамъ, въ заднихъ комнатахъ, откуда они всѣ такъ стремительно прибѣжали, у нихъ были разговоры веселѣе, чѣмъ здѣсь о городскихъ сплетняхъ, погодѣ, и графинѣ Апраксиной. Изрѣдка они взглядывали другъ на друга и едва удерживались отъ смѣха.

Два молодые человѣка, студентъ и офицеръ, друзья съ дѣтства, были однихъ лѣтъ и оба красивы, но не похожи другъ на друга. Борисъ былъ высокій, бѣлокурый юноша, съ правильными тонкими чертами спокойнаго и красиваго лица; Николай былъ невысокій курчавый молодой человѣкъ съ открытымъ выраженіемъ лица. На верхней губѣ его уже показывались черные волосики, и во всемъ лицѣ выражались стремительность и восторженность. Николай покраснѣлъ, какъ только вошелъ въ гостиную. Видно было, что онъ искалъ и не находилъ, что сказать; Борисъ, напротивъ, тотчасъ же нашелся и разсказалъ спокойно, шутливо, какъ эту Мими-куклу онъ зналъ еще молодою дѣвицей, съ неиспорченнымъ еще носомъ, какъ она въ пять лѣтъ на его памяти состарѣлась, и какъ у ней по всему черепу треснула голова. Сказавъ это, онъ взглянулъ на Наташу. Наташа отвернулась отъ него, взглянула на младшаго брата, который, зажмурившись, трясся отъ беззвучнаго смѣха и, не въ силахъ болѣе удер-

смѣяться, запрыгала и побѣжала изъ комнаты такъ скоро, какъ только могли нести ее быстрыя ножки. Борисъ не разсмѣялся.

— Вы, кажется, тоже хотѣли ѣхать, маменька? Карета нужна? сказалъ онъ, съ улыбкой обращаясь къ матери.

— Да, поди, поди, вели приготовить, сказала она улыбаясь. Борисъ вышелъ тихо въ двери и пошелъ за Наташей; толстый мальчикъ сердито побѣжалъ за ними, какъ будто досадуя на разстройство, происшедшее въ его занятіяхъ.

IX.

Изъ молодежи, не считая старшей дочери графини (которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже какъ большая) и гостьи — барышни, въ гостиной остались Николай и Соня-племянница. Соня была тоненькая, миніатюрненькая брюнетка, съ мягкимъ, отѣненнымъ длинными рѣсницами взглядомъ, густой черною косой, два раза обвивавшею ея голову, и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на лицѣ и въ особенности на обнаженныхъ, худощавыхъ, но граціозныхъ, мускулистыхъ рукахъ и шеѣ. Плавностью движеній, мягкостью и гибкостью маленькихъ членовъ, и нѣсколько хитрою и сдержанною манерой, она напоминала красиваго, но еще не сформировавшагося котенка, который будетъ прелестною кошечкой. Она видимо считала приличнымъ выказывать улыбкой участіе къ общему разговору; но, противъ воли, ея глаза изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ смотрѣли на уѣзжавшаго въ армію двоюроднымъ братомъ съ такимъ дѣвическимъ страстнымъ обожаніемъ, что улыбка ея не могла ни на мгновеніе обмануть никого, и видно было, что кошечка присѣла только для того, чтобы еще энергичнѣе

прыгнуть и заиграть съ своимъ двоюроднымъ братомъ, какъ скоро только они такъ же, какъ Борисъ съ Наташей, выберутся изъ этой гостиной.

— Да, милая, сказалъ старый графъ, обращаясь къ гостьѣ и указывая на своего Николая. — Вотъ его другъ Борисъ произведенъ въ офицеры, и онъ изъ дружбы не хочетъ отставать отъ него, бросаетъ и университетъ и меня старика, идетъ въ военную службу, моя милая. А ужь ему мѣсто въ архивѣ было готово, и все. Вотъ дружба-то! сказалъ графъ вопросительно.

— Да, вѣдь война, говорятъ, объявлена, сказала гостья.

— Давно говорятъ, сказалъ графъ. — Опять поговорятъ, поговорятъ, да такъ и оставятъ. Вотъ милая дружба-то! повторилъ онъ. — Онъ идетъ въ гусары.

Гостья, не зная, что̀ сказать, покачала головой.

— Совсѣмъ не изъ дружбы, отвѣчалъ Николай, вспыхнувъ и отговариваясь какъ будто отъ постыднаго на него наклепа. — Совсѣмъ не дружба, а просто чувствую призваніе къ военной службѣ.

Онъ оглянулся на кузину и на гостью-барышню: обѣ смотрѣли на него съ улыбкой одобренія.

— Нынче обѣдаетъ у насъ Шубертъ, полковникъ Павлоградскаго гусарскаго полка. Онъ былъ въ отпуску здѣсь, и беретъ его съ собой. Что дѣлать? сказалъ графъ, пожимая плечами и говоря шуточно о дѣлѣ, которое видимо стоило ему много горя.

— Я ужь вамъ говорилъ, папенька, сказалъ сынъ, что, ежели вамъ не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что я никуда не гожусь, кромѣ какъ въ военную службу; я не дипломатъ, не чиновникъ, не умѣю скрывать того что,

чувствую, говорилъ онъ, все поглядывая съ кокетствомъ красивой молодости на Соню и гостью-барышню.

Кошечка, впиваясь въ него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошачью натуру.

— Ну, ну, хорошо! сказалъ старый графъ: — все горячится. Все Бонапарте всѣмъ голову вскружилъ; всѣ думаютъ, какъ это онъ изъ поручиковъ попалъ въ императоры. Что-жъ, дай Богъ, прибавилъ онъ, не замѣчая насмѣшливой улыбки гостьи.

Большіе заговорили о Бонапарте. Жюли, дочь Карагиной, обратилась къ молодому Ростову.

— Какъ жаль, что васъ не было въ четвергъ у Аркаровыхъ. Мнѣ скучно было безъ васъ, сказала она, нѣжно улыбаясь ему. — Польщенный молодой человѣкъ съ кокетливой улыбкой молодости ближе пересѣлъ къ ней и вступилъ съ улыбающейся Жюли въ отдѣльный разговоръ, совсѣмъ не замѣчая того, что эта его невольная улыбка ножемъ ревности рѣзала сердце краснѣвшей и притворно улыбавшейся Сони. — Въ серединѣ разговора онъ оглянулся на нее. Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазахъ слезы, а на губахъ притворную улыбку, встала и вышла изъ комнаты. Все оживленіе Николая исчезло. Онъ выждалъ первый перерывъ разговора и съ разстроеннымъ лицомъ вышелъ изъ комнаты отыскивать Соню.

— Какъ секреты-то этой всей молодежи шиты бѣлыми нитками! сказала Анна Михайловна, указывая на выходящаго Николая. Бѣдовое дѣло — двоюродные братцы и сестрицы, прибавила она.

— Да, сказала графиня, послѣ того какъ лучъ солнца, проникнувшій въ гостиную вмѣстѣ съ этимъ молодымъ по-

колѣніемъ, исчезъ, и, какъ будто отвѣчая на вопросъ, котораго никто ей не дѣлалъ, но который постоянно занималъ ее: — сколько страданій, сколько безпокойствъ перенесено за то, чтобы теперь на нихъ радоваться! А и теперь право больше страха, чѣмъ радости. Все боишься, все боишься! Именно тотъ возрастъ, въ которомъ такъ много опасностей и для дѣвочекъ и для мальчиковъ.

— Все отъ воспитанія зависитъ, сказала гостья.

— Да, ваша правда, продолжала графиня. — До сихъ поръ я была, славу Богу, другомъ своихъ дѣтей, и пользуюсь полнымъ ихъ довѣріемъ, говорила графиня, повторяя заблужденіе многихъ родителей, полагающихъ, что у дѣтей ихъ нѣтъ тайнъ отъ нихъ. — Я знаю, что я всегда буду первою повѣренной моихъ дочерей, и что Николинька, по своему пылкому характеру, ежели будетъ шалить (мальчику нельзя безъ этого), то все не такъ, какъ эти петербургскіе господа.

— Да, славные, славные ребята, подтвердилъ графъ, всегда разрѣшавшій запутанные для него вопросы тѣмъ, что все находилъ славнымъ, — Вотъ подите, захотѣлъ въ гусары! Что вы хотите, ma chère!

— Какое милое существо ваша меньшая, сказала гостья. Порокъ!

— Да, порохъ, сказалъ графъ. — Въ меня пошла! И какой голосъ: хоть и моя дочь, а я правду скажу, пѣвица будетъ, Саломони другая. Мы взяли итальянца ее учить.

— Не рано ли? Говорятъ, вредно для голоса учиться въ эту пору.

— О нѣтъ, какой рано! сказалъ графъ. Какъ же наши матери выходили въ двѣнадцать-тринадцать лѣтъ замужъ?

— Ужъ она и теперь влюблена въ Бориса! Какова! ска-

зала графиня, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса и, видимо отвѣчая на мысль, всегда ее занимавшую, продолжала: Ну, вотъ видите, держи я ее строго, запрещай я ей... Богъ знаетъ, что бы они дѣлали потихоньку (графиня разумѣла, они цѣловались бы), а теперь я знаю каждое ея слово. Она сама вечеромъ прибѣжитъ и все мнѣ разскажетъ. Можетъ быть, я балую ее, но право это, кажется, лучше. Я старшую держала строго.

— Да, меня совсѣмъ иначе воспитывали, сказала старшая, красивая графиня Вѣра, улыбаясь. Но улыбка не украсила лица Вѣры, какъ это обыкновенно бываетъ; напротивъ, лицо ея стало неестественно и оттого непріятно. Старшая, Вѣра была хороша, была не глупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голосъ у нея былъ пріятный, то, что она сказала, было справедливо и умѣстно; но, странное дѣло, всѣ и гостья и графиня оглянулись на нее, какъ будто удивились, зачѣмъ она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда съ старшими дѣтьми мудрятъ, хотятъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, сказала гостья.

— Что грѣха таить, ma chère! Графинюшка мудрила съ Вѣрой, сказалъ графъ. — Ну, да чтожъ! все-таки славная вышла, прибавилъ онъ, одобрительно подмигивая Вѣрѣ.

Гости встали и уѣхали, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду.

— Что за манера! Ужъ сидѣли, сидѣли! сказала графиня, проводя гостей.

X.

Когда Наташа вышла изъ гостиной и побѣжала, она добѣжала только до цвѣточной. Въ этой комнатѣ она остановилась, прислушиваясь къ говору въ гостиной и ожидая

выхода Бориса. Она уже начинала приходить въ нетерпѣніе, и, топнувъ ножкой, собиралась было заплакать оттого, что онъ не сейчасъ шелъ, когда заслышались ни тихіе, ни быстрые, приличные шаги молодого человѣка. Наташа быстро бросилась между кадокъ цвѣтовъ, и спряталась.

Борисъ остановился посереди комнаты, оглянулся, смахнулъ рукой соринки съ рукава мундира и подошелъ къ зеркалу, разсматривая свое красивое лицо. Наташа, притихнувъ, выглядывала изъ своей засады, ожидая, что онъ будетъ дѣлать. Онъ постоялъ нѣсколько времени передъ зеркаломъ, улыбнулся и пошелъ къ выходной двери. Наташа хотѣла его окликнуть, но потомъ раздумала. — Пускай ищетъ, сказала она себѣ. Только что Борисъ вышелъ, какъ изъ другой двери вышла раскраснѣвшаяся Соня, сквозь слезы что то злобно шепчущая. Наташа удержалась отъ своего перваго движенія выбѣжать къ ней и осталась въ своей засадѣ, какъ подъ шапкой невидимкой, высматривая, что дѣлалось на свѣтѣ. Она испытывала особое новое наслажденіе. Соня шептала что-то и оглядывалась на дверь гостиной. Изъ двери вышелъ Николай.

— Соня! что съ тобой? можно-ли это? сказалъ Николай, подбѣгая къ ней.

— Ничего, ничего, оставьте меня! Соня зарыдала.

— Нѣтъ, я знаю что.

— Ну, знаете, и прекрасно, и подите къ ней.

— Со-о-оня! одно слово! Можно-ли такъ мучить меня и себя изъ-за фантазіи? говорилъ Николай, взявъ ее за руку; Соня не вырывала у него руки и перестала плакать.

Наташа, не шевелясь и не дыша, блестящими глазами смотрѣла изъ своей засады. „Что теперь будетъ?“ думала она.

— Соня! мнѣ весь міръ не нуженъ! Ты одна для меня все, говорилъ Николай. Я докажу тебѣ.

— Я не люблю, когда ты такъ говоришь.

— Ну не буду, ну, прости, Соня! Онъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

— Ахъ, какъ хорошо! подумала Наташа, и когда Соня съ Николаемъ вышли изъ комнаты, она пошла за ними и вызвала къ себѣ Бориса.

— Борисъ, подите сюда, сказала она съ значительнымъ и хитрымъ видомъ. Мнѣ нужно сказать вамъ одну вещь. Сюда, сюда, сказала она и привела его въ цвѣточную на то мѣсто между кадокъ, гдѣ она была спрятана. Борисъ улыбаясь шелъ за нею.

— Какая же это *одна вещь?* спросилъ онъ.

Она смутилась, оглянулась вокругъ себя, и увидѣвъ брошенную на кадкѣ свою куклу, взяла ее въ руки.

— Поцѣлуйте куклу, сказала она.

Борисъ внимательнымъ, ласковымъ взглядомъ смотрѣлъ въ ея оживленное лицо и ничего не отвѣчалъ. — Не хотите? Ну, такъ подите сюда, сказала она и глубже ушла въ цвѣты, и бросила куклу. Ближе, ближе! шептала она. Она поймала руками офицера за обшлага, и въ покраснѣвшемъ лицѣ ея видны были торжественность и страхъ.

— А меня хотите поцѣловать? прошептала она чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача отъ волненія.

Борисъ покраснѣлъ. — Какая вы смѣшная! проговорилъ онъ, нагибаясь къ ней, еще *болѣе* краснѣя, но ничего не предпринимая и выжидая.

Она вдругъ вскочила на кадку, такъ что стала выше его,

обняла его обѣими руками, такъ что тонкія, голыя ручки согнулись выше его шеи, и, откинувъ движеніемъ головы волосы назадъ, поцѣловала его въ самыя губы.

Она проскользнула между горшками на другую сторону цвѣтовъ и, опустивъ голову, остановилась.

— Наташа, сказалъ онъ, вы знаете, что я люблю васъ, но...

— Вы влюблены въ меня? перебила его Наташа.

— Да, влюбленъ, но, пожалуйста, не будемъ дѣлать того, что сейчасъ... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки. — Наташа подумала.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать..., сказала она, считая по тоненькимъ пальчикамъ. Хорошо! Такъ кончено? — И улыбка радости и успокоенія освѣтила ея оживленное лицо.

— Кончено! сказалъ Борисъ.

— Навсегда? сказала дѣвочка. До самой смерти?

И взявъ его подъ руку, она съ счастливымъ лицомъ тихо пошла съ нимъ рядомъ въ диванную.

XI.

Графиня такъ устала отъ визитовъ, что не велѣла принимать больше никого, и швейцару приказано было только звать непремѣнно кушать всѣхъ, кто будетъ еще пріѣзжать съ поздравленіями. Графинѣ хотѣлось съ глазу-на-глазъ поговорить съ другомъ своего дѣтства, княгиней Анной Михайловной, которую она не видала хорошенько съ ея пріѣзда изъ Петербурга. Анна Михайловна, съ своимъ исплаканнымъ и пріятнымъ лицомъ, подвинулась ближе къ креслу графини.

— Съ тобой я буду совершенно откровенна, сказала Анна Михайловна. — Ужъ мало насъ осталось, старыхъ друзей! Отъ этого я такъ и дорожу твоею дружбой.

Анна Михайловна посмотрѣла на Вѣру и остановилась. Графиня пожала руку своему другу.

— Вѣра, сказала графиня, обращаясь къ старшей дочери, очевидно, нелюбимой. — Какъ у васъ ни на что понятія нѣтъ? Развѣ ты не чувствуешь, что ты здѣсь лишняя? Поди къ сестрамъ, или...

Красивая Вѣра презрительно улыбнулась, видимо не чувствуя ни малѣйшаго оскорбленія.

— Ежели бы вы мнѣ сказали давно, маменька, я бы тотчасъ ушла, сказала она и пошла въ свою комнату. Но, проходя мимо диванной, она замѣтила, что въ ней у двухъ окошекъ симметрично сидѣли двѣ пары. Она остановилась и презрительно улыбнулась. Соня сидѣла близко подлѣ Николая, который переписывалъ ей стихи, въ первый разъ сочиненные имъ. Борисъ съ Наташей сидѣли у другаго окна и замолчали, когда вошла Вѣра. Соня и Наташа съ виноватыми и счастливыми лицами взглянули на Вѣру.

Весело и трогательно было смотрѣть на этихъ влюбленныхъ дѣвочекъ, но видъ ихъ очевидно не возбуждалъ въ Вѣрѣ пріятнаго чувства. — Сколько разъ я васъ просила, сказала она, не брать моихъ вещей, у васъ есть своя комната. Она взяла отъ Николая чернильницу.

— Сейчасъ, сейчасъ, сказалъ онъ, мокая перо.

— Вы все умѣете дѣлать не во-время, сказала Вѣра. То прибѣжали въ гостиную, такъ что всѣмъ совѣстно сдѣлалось за васъ. — Несмотря на то, или именно потому что сказанное ею было совершенно справедливо, никто ей не отвѣчалъ,

и всѣ четверо только переглядывались между собой. Она медлила въ комнатѣ съ чернильницей въ рукѣ.

— И какіе могутъ быть въ ваши года секреты между Наташей и Борисомъ и между вами — все одни глупости!

— Ну чтó тебѣ за дѣло, Вѣра? тихенькимъ голоскомъ, заступнически проговорила Наташа. Она видимо была ко всѣмъ, еще болѣе, чѣмъ всегда, въ этотъ день добра и ласкова.

— Очень глупо, сказала Вѣра, мнѣ совѣстно за васъ. Что за секреты?...

— У каждаго свои секреты. Мы тебя съ Бергомъ не трогаемъ, сказала Наташа, разгорячаясь.

— Я думаю не трогаете, сказала Вѣра, потому что въ моихъ поступкахъ никогда ничего не можетъ быть дурного. А вотъ я маменькѣ скажу, какъ ты съ Борисомъ обходишься.

— Наталья Ильинишна очень хорошо со мной обходится, сказалъ Борисъ. Я не могу жаловаться, сказалъ онъ.

— Оставьте, Борисъ, вы такой дипломатъ (слово *дипломатъ* было въ большомъ ходу у дѣтей въ томъ особомъ значеніи, какое они придавали этому слову); даже скучно, сказала Наташа оскорбленнымъ, дрожащимъ голосомъ. За что она ко мнѣ пристаетъ?

— Ты этого никогда не поймешь, сказала она, обращаясь къ Вѣрѣ, потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нѣтъ, ты только madame de Genlis (это прозвище, считавшееся очень обиднымъ, было дано Вѣрѣ Николаевнѣ), и твое первое удовольствіе дѣлать непріятности другимъ. Ты кокетничай съ Бергомъ, сколько хочешь, проговорила она скоро.

— Да ужъ я вѣрно не стану передъ гостями бѣгать за молодымъ человѣкомъ...

— Ну, добилась своего, вмѣшался Николай, наговорила всѣмъ непріятностей, разстроила всѣхъ. Пойдемте въ дѣтскую.—Всѣ четверо, какъ спугнутая стая птицъ, поднялись и пошли изъ комнаты.

— Мнѣ наговорили непріятностей, а я никому ничего, сказала Вѣра.

— Madame de Genlis! Madame de Genlis! проговорили смѣющіеся голоса изъ за-двери.

Красивая Вѣра, производившая на всѣхъ такое раздражающее, непріятное дѣйствіе, улыбнулась и видимо не затронутая тѣмъ, что ей было сказано, подошла къ зеркалу и оправила шарфъ и прическу. Глядя на свое красивое лицо, она стала, повидимому, еще холоднѣе и спокойнѣе.

Въ гостиной продолжался разговоръ.

— Ah! chère, говорила графиня, и въ моей жизни не все розы. Развѣ я не вижу, что при нашемъ образѣ жизни, нашего состоянія намъ не надолго! И все это клубъ, и его доброта. Въ деревнѣ мы живемъ, развѣ мы отдыхаемъ? Театры, охоты и Богъ знаетъ что. Да что обо мнѣ говорить! Ну, какъ же ты это все устроила? Я часто на тебя удивляюсь, Annette, какъ это ты, въ твои годы, скачешь въ повозкѣ одна, въ Москву, въ Петербургъ, ко всѣмъ министрамъ, ко всей знати, со всѣми умѣешь обойтись, удивляюсь! Ну, какъ же это устроилось? Вотъ я ничего этого не умѣю.

— Ахъ, душа моя! отвѣчала княгиня Анна Михайловна.— Не дай Богъ тебѣ узнать, какъ тяжело остаться вдовой безъ подпоры и съ сыномъ, котораго любишь до обожанія. Всему научишься, продолжала она съ нѣкоторою гордостью.—Про-

цессъ мой меня научилъ. Ежели мнѣ нужно видѣть кого-нибудь изъ этихъ тузовъ, я пишу записку: „княгиня такая-то желаетъ видѣть такого-то", и ѣду сама на извощикѣ хоть два, хоть три раза, хоть четыре, до тѣхъ поръ, пока не добьюсь того, что мнѣ надо. Мнѣ все равно, что бы обо мнѣ ни думали.

— Ну, какъ же, кого ты просила о Боренькѣ? спросила графиня. — Вѣдь вотъ твой уже офицеръ гвардіи, а Николушка идетъ юнкеромъ. Нѣкому хлопотать. Ты кого просила?

— Князя Василія. Онъ былъ очень милъ. Сейчасъ на все согласился, доложилъ государю, говорила княгиня Анна Михайловна съ восторгомъ, совершенно забывъ все униженіе, черезъ которое она прошла для достиженія своей цѣли.

— Что онъ постарѣлъ, князь Василій? спросила графиня. — Я его не видала съ нашихъ театровъ у Румянцевыхъ. И думаю, забылъ про меня. Онъ за мной ухаживалъ, вспомнила графиня съ улыбкой.

— Все такой же, отвѣчала Анна Михайловна, любезенъ, разсыпается. Высокое положеніе не вскружило ему головы, нисколько. „Я жалѣю, что слишкомъ мало могу вамъ сдѣлать, милая княгиня, онъ мнѣ говоритъ: приказывайте." Нѣтъ, онъ славный человѣкъ, и родной прекрасный. Но ты знаешь, Nathalie, мою любовь къ сыну. Я не знаю, чего я не сдѣлала бы для его счастья. А обстоятельства мои до того дурны, продолжала Анна Михайловна съ грустью и понижая голосъ, — до того дурны, что я теперь въ самомъ ужасномъ положеніи. Мой несчастный процессъ съѣдаетъ все, что я имѣю, и не подвигается. У меня нѣтъ, можешь себѣ представить, à la lettre, нѣтъ гривенника денегъ, и я не знаю на что обмундировать Бориса. — Она вынула платокъ и заплакала. — Мнѣ нужно

пятьсотъ рублей, а у меня одна двадцатипяти-рублевая бумажка. Я въ такомъ положеніи... Одна моя надежда теперь на князя Кирилла Владиміровича Безухова. Ежели онъ не захочетъ поддержать своего крестника — вѣдь онъ крестилъ Борю — и назначить ему что-нибудь на содержаніе, то всѣ мои хлопоты пропадутъ: мнѣ не на что будетъ обмундировать его.

Графиня прослезилась и молча соображала что-то.

— Часто думаю, можетъ это и грѣхъ, сказала княгиня, — а часто думаю: вотъ князь Кириллъ Владиміровичъ Безухой живетъ одинъ... это огромное состояніе... и для чего живетъ? Ему жизнь въ тягость, а Борѣ только начинать жить.

— Онъ вѣрно оставитъ что-нибудь Борису, сказала графиня.

— Богъ знаетъ, chère amie! Эти богачи и вельможи такіе эгоисты. Но я все-таки поѣду сейчасъ къ нему съ Борисомъ и прямо скажу, въ чемъ дѣло. Пускай обо мнѣ думаютъ, что̀ хотятъ, мнѣ право все равно, когда судьба сына зависитъ отъ этого. — Княгиня поднялась.

— Теперь два часа, а въ четыре часа вы обѣдаете. Я успѣю съѣздить.

И съ пріемами петербургской дѣловой барыни, умѣющей пользоваться временемъ, Анна Михайловна послала за сыномъ, и вмѣстѣ съ нимъ вышла въ переднюю.

— Прощай, душа моя, сказала она графинѣ, которая провожала ее до двери, — пожелай мнѣ успѣха, прибавила она шепотомъ отъ сына.

— Вы къ князю Кириллу Владиміровичу, ma chère?, сказалъ графъ изъ столовой, выходя тоже въ переднюю. — Коли ему лучше, зовите Пьера ко мнѣ обѣдать. Вѣдь онъ у меня бывалъ, съ дѣтьми танцовалъ. Зовите непремѣнно, ma chère.

Ну посмотримъ, какъ-то отличится нынче Тарасъ. Говорятъ, что у графа Орлова такого обѣда не бывало, какой у насъ будетъ.

XII.

— Мой милый Борисъ, сказала княгиня Анна Михайловна сыну, когда карета графини Ростовой, въ которой они сидѣли, проѣхала по устланной соломой улицѣ и въѣхала на широкій дворъ графа Кирилла Владиміровича Безухаго. — Мой милый Борисъ, сказала мать, выпрастывая руку изъ-подъ стараго салопа и робкимъ и ласковымъ движеніемъ кладя ее на руку сына, — будь ласковъ, будь внимателенъ. Графъ Кириллъ Владиміровичъ все-таки тебѣ крестный отецъ, и отъ него зависитъ твоя будущая судьба. Помни это, mon cher, будь милъ, какъ ты умѣешь быть...

— Ежели бы я зналъ, что изъ этого выйдетъ что-нибудь кромѣ униженія..., отвѣчалъ сынъ холодно. — Но я обѣщалъ вамъ, и дѣлаю это для васъ.

Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъѣзда, швейцаръ, оглядѣвъ мать съ сыномъ (которые, не приказывая докладывать о себѣ, прямо вошли въ стеклянныя сѣни между двумя рядами статуй въ нишахъ), значительно посмотрѣвъ на старенькій салопъ, спросилъ кого имъ угодно, княженъ или графа и, узнавъ, что графа, сказалъ, что ихъ сіятельству нынче хуже, и ихъ сіятельство никого не принимаютъ.

— Мы можемъ уѣхать, сказалъ сынъ по-французски.

— Мой другъ! сказала мать умоляющимъ голосомъ, опять дотрогиваясь до руки сына, какъ будто это прикосновеніе

могло успокоивать или возбуждать его. Борисъ замолчалъ, и, не снимая шинели, вопросительно смотрѣлъ на мать.

— Голубчикъ, нѣжнымъ голоскомъ сказала Анна Михайловна, обращаясь къ швейцару, — я знаю, что графъ Кириллъ Владиміровичъ очень боленъ... я затѣмъ и пріѣхала... я родственница... Я не буду безпокоить, голубчикъ... А мнѣ бы только надо увидать князя Василія Сергѣевича: вѣдь онъ здѣсь стоитъ. Доложи пожалуйста.

Швейцаръ угрюмо дернулъ снурокъ наверхъ и отвернулся.

— Княгиня Друбецкая къ князю Василію Сергѣевичу, крикнулъ онъ сбѣжавшему сверху и изъ-подъ выступа лѣстницы выглядывавшему офиціанту въ чулкахъ, башмакахъ и фракѣ.

Мать расправила складки своего крашенаго, шелковаго платья, посмотрѣлась въ цѣльное венеціанское зеркало въ стѣнѣ, и бодро въ своихъ стоптанныхъ башмакахъ пошла вверхъ, по ковру лѣстницы.

— Мой другъ, ты мнѣ обѣщалъ, обратилась она опять къ сыну, прикосновеніемъ руки возбуждая его. Сынъ, опустивъ глаза, спокойно шелъ за нею.

Они вошли въ залу, изъ которой одна дверь вела въ покои, отведенные князю Василью.

Въ то время, какъ мать съ сыномъ, выйдя на середину комнаты, намѣревались спросить дорогу у вскочившаго при ихъ входѣ стараго офиціанта, у одной изъ дверей повернулась бронзовая ручка, и князь Василій въ бархатной шубкѣ, съ одною звѣздой, по-домашнему, вышелъ, провожая красиваго, черноволосаго мущину. Мущина этотъ былъ знаменитый петербургскій докторъ Lorrain.

— Такъ это положительно такъ? говорилъ князь.

— Князь, „errare humanum est“ отвѣчалъ докторъ; грассируя и произнося латинскія слова французскимъ выговоромъ.

— Хорошо, хорошо...

Замѣтивъ Анну Михайловну съ сыномъ, князь Василій поклономъ отпустилъ доктора, и молча, но съ вопросительнымъ видомъ, подошелъ къ нимъ. Сынъ замѣтилъ, какъ вдругъ глубокая горесть выразилась въ глазахъ его матери, и слегка улыбнулся.

— Да, въ какихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришлось намъ видѣться, князь... Ну, что нашъ дорогой больной? сказала она, какъ будто не замѣчая холоднаго, оскорбительнаго, устремленнаго на нее взгляда. Князь Василій вопросительно, до недоумѣнія, посмотрѣлъ на нее, потомъ на Бориса. Борисъ учтиво поклонился. Князь Василій, не отвѣчая на поклонъ, отвернулся къ Аннѣ Михайловнѣ, и на ея вопросъ отвѣчалъ движеніемъ головы и губъ, которое означало самую плохую надежду для больного.

— Неужели? воскликнула Анна Михайловна. — Ахъ, это ужасно! Страшно подумать... Это мой сынъ, прибавила она, указывая на Бориса. — Онъ самъ хотѣлъ благодарить васъ. Борисъ еще разъ учтиво поклонился.

— Вѣрьте, князь, что сердце матери никогда не забудетъ того, что̀ вы сдѣлали для насъ.

— Я радъ, что могъ сдѣлать вамъ пріятное, любезная моя Анна Михайловна, сказалъ князь Василій, оправляя жабо и въ жестѣ и голосѣ проявляя здѣсь, въ Москвѣ, передъ покровительствуемою Анною Михайловной еще гораздо бо̀льшую важность, чѣмъ въ Петербургѣ, на вечерѣ у Annette Шереръ.

— Старайтесь служить хорошо и быть достойнымъ, при-

бавилъ онъ, строго обращаясь къ Борису. — Я радъ... Вы здѣсь въ отпуску? продиктовалъ онъ своимъ безстрастнымъ тономъ.

— Жду приказа, ваше сіятельство, чтобъ отправиться по новому назначенію, отвѣчалъ Борисъ, не выказывая ни досады за рѣзкій тонъ князя, ни желанія вступить въ разговоръ, но такъ спокойно и почтительно, что князь пристально поглядѣлъ на него.

— Вы живете съ матушкой?

— Я живу у графини Ростовой, сказалъ Борисъ, опять прибавивъ: — ваше сіятельство.

— Это тотъ Илья Ростовъ, который женился на Nathalie Шиншиной, сказала Анна Михайловна.

— Знаю, знаю, сказалъ князь Василій своимъ монотоннымъ голосомъ. Я никогда не могъ понять, какъ Натали рѣшилась выйти замужъ за этого грязнаго медвѣдя. Совершенно глупая и смѣшная особа. Къ тому же игрокъ, говорятъ.

— Но добрый человѣкъ, князь, замѣтила Анна Михайловна, трогательно улыбаясь, какъ будто и она знала, что графъ Ростовъ заслуживалъ такого мнѣнія, но просила пожалѣть бѣднаго старика.

— Что говорятъ доктора? спросила княгиня, помолчавъ немного и опять выражая большую печаль на своемъ исплаканномъ лицѣ.

— Мало надежды, сказалъ князь.

— А мнѣ такъ хотѣлось еще разъ поблагодарить *дядю* за всѣ его благодѣянія и мнѣ и Борѣ. Это его крестникъ, прибавила она такимъ тономъ, какъ будто это извѣстіе должно было крайне обрадовать князя Василія.

Князь Василій задумался и поморщился. Анна Михайловна

поняла, что онъ боялся найти въ ней соперницу по завѣщанію графа Безухаго. Она поспѣшила успокоить его. — Ежели бы не моя истинная любовь и преданность *дядѣ*, сказала она, съ особенною увѣренностію и небрежностію выговаривая это слово: — я знаю его характеръ, благородный, прямой; но, вѣдь, однѣ княжны при немъ... Онѣ еще молоды... — Она наклонила голову и прибавила шепотомъ: — исполнилъ ли онъ послѣдній долгъ, князь? Какъ драгоцѣнны эти послѣднія минуты! Вѣдь хуже быть не можетъ; его необходимо приготовить, ежели онъ такъ плохъ. Мы, женщины, князь, — она нѣжно улыбнулась, — всегда знаемъ, какъ говорить эти вещи. Необходимо видѣть его. Какъ бы тяжело это ни было для меня, но я привыкла уже страдать.

Князь видимо понялъ, и понялъ какъ и на вечерѣ у Annette Шереръ, что отъ Анны Михайловны трудно отдѣлаться.

— Не было бы тяжело ему это свиданіе, chère Анна Михайловна, сказалъ онъ. — Подождемъ до вечера, доктора обѣщали кризисъ.

— Но нельзя ждать, князь, въ эти минуты. Подумайте, дѣло идетъ о спасеніи его души. Ахъ! это ужасно, долгъ христіанина...

Изъ внутреннихъ комнатъ отворилась дверь, и вышла одна изъ княженъ-племянницъ графа съ угрюмымъ и холоднымъ лицомъ и поразительно-несоразмѣрною по ногамъ длинною таліей.

Князь Василій обернулся къ ней. — Ну что онъ?

— Все тоже. И какъ вы хотите, этотъ шумъ..., сказала княжна, оглядывая Анну Михайловну, какъ незнакомую.

— Ah, chère, а я васъ было не узнала, съ счастливою улыбкой сказала Анна Михайловна, легкою иноходью под-

ходя къ племяннику графа. — Я только что пріѣхала, располагайте мной, я буду помогать вамъ ходить за дядюшкой. Воображаю, какъ вы настрадались, прибавила она, съ участіемъ закатывая глаза.

Княжна ничего не отвѣтила, даже не улыбнулась и тотчасъ же вышла. Анна Михайловна сняла перчатки и въ завоеванной позиціи расположилась на креслѣ, пригласивъ князя Василья сѣсть подлѣ себя.

— Борисъ! сказала она сыну и улыбнулась: — я пройду къ графу, къ дядѣ, а ты поди къ Пьеру, mon ami, покамѣстъ, да не забудь передать ему приглашеніе отъ Ростовыхъ. Они зовутъ его обѣдать. Я думаю, онъ не поѣдетъ? обратилась она къ князю.

— Напротивъ, сказалъ князь, видимо сдѣлавшійся не въ духѣ. — Я былъ бы очень радъ, если бы вы меня избавили отъ этого молодаго человѣка... Сидитъ тутъ. Графъ ни разу не спросилъ про него.

Онъ пожалъ плечами. Офиціантъ повелъ молодаго человѣка внизъ и вверхъ по другой лѣстницѣ къ Петру Кирилловичу.

XIII.

Пьеръ такъ и не успѣлъ выбрать себѣ карьеры въ Петербургѣ и дѣйствительно былъ высланъ въ Москву за буйство. Исторія, которую разсказывали у графа Ростова, была справедлива. Пьеръ участвовалъ въ связываньи квартальнаго съ медвѣдемъ. Онъ пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ и остановился, какъ всегда въ домѣ своего отца. Хотя онъ и предполагалъ, что исторія его уже извѣстна въ Москвѣ, и что дамы, окружающія его отца, всегда недоброжелательныя къ нему, воспользуются этимъ случаемъ, чтобы раздражить

графа, онъ все-таки въ день пріѣзда пошелъ на половину отца. Войдя въ гостиную, обычное мѣстопребываніе княженъ, онъ поздоровался съ дамами, сидѣвшими за пяльцами и за книгой, которую вслухъ читала одна изъ нихъ. Ихъ было три. Старшая, чистоплотная, съ длинною таліей, строгая дѣвица, та самая, которая выходила къ Аннѣ Михайловнѣ, читала; младшія, обѣ румяныя и хорошенькія, отличавшіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что у одной была родинка надъ губой, очень красившая ее, шили въ пяльцахъ. Пьеръ былъ встрѣченъ какъ мертвецъ или зачумленный. Старшая княжна прервала чтеніе и молча посмотрѣла на него испуганными глазами; младшая, безъ родинки, приняла точно такое же выраженіе; самая меньшая, съ родинкой, веселаго и смѣшливаго характера, нагнулась къ пяльцамъ, чтобы скрыть улыбку, вызванную вѣроятно предстоящею сценой, забавность которой она предвидѣла. Она притянула внизъ шерстинку и нагнулась, будто разбирая узоры и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Здравствуйте, кузина, сказалъ Пьеръ. — Вы меня не узнаете?

— Я слишкомъ хорошо васъ узнаю, слишкомъ хорошо.

— Какъ здоровье графа? Могу я видѣть его? спросилъ Пьеръ неловко, какъ всегда, но не смущаясь.

— Графъ страдаетъ и физически, и нравственно, и, кажется, вы позаботились о томъ, чтобы причинить ему побольше нравственныхъ страданій.

— Могу я видѣть графа? повторилъ Пьеръ.

— Гм!... ежели вы хотите убить его, совсѣмъ убить, то можете видѣть. Ольга, поди, посмотри, готовъ ли бульонъ для дяденьки, скоро время, прибавила она, показывая этимъ

Пьеру, что онѣ заняты и заняты успокоиваньемъ его отца, тогда какъ онъ очевидно занятъ только ею разстроиваніемъ.

Ольга вышла. Пьеръ постоялъ, посмотрѣлъ на сестеръ и, поклонившись, сказалъ:

— Такъ я пойду къ себѣ. Когда можно будетъ, вы мнѣ скажите. Онъ вышелъ, и звонкій, но не громкій смѣхъ сестры съ родинкой послышался за нимъ.

На другой день пріѣхалъ князь Василій и помѣстился въ домѣ графа. Онъ призвалъ къ себѣ Пьера и сказалъ ему:

— Мой милый, если вы будете вести себя здѣсь, какъ въ Петербургѣ, вы кончите очень дурно; больше мнѣ нечего вамъ сказать. Графъ очень, очень боленъ: тебѣ совсѣмъ не надо его видѣть.

Съ тѣхъ поръ Пьера не тревожили, и онъ цѣлый день проводилъ одинъ наверху, въ своей комнатѣ.

Въ то время какъ Борисъ вошелъ къ нему, Пьеръ ходилъ по своей комнатѣ, изрѣдка останавливаясь въ углахъ, дѣлая угрожающіе жесты къ стѣнѣ, какъ будто пронзая невидимаго врага шпагой, и строго взглядывая сверхъ очковъ, и затѣмъ вновь начиная свою прогулку, проговаривая неясныя слова, пожимая плечами и разводя руками.

— Англія конецъ... конецъ! проговорилъ онъ, нахмуриваясь и указывая на кого-то пальцемъ. — Питтъ, какъ измѣнникъ націи и народному праву, приговаривается къ... Онъ не успѣлъ договорить приговора Питту, воображая себя въ эту минуту самимъ Наполеономъ и вмѣстѣ съ своимъ героемъ уже совершивъ опасный переѣздъ черезъ Па-де-Кале и завоевавъ Лондонъ — какъ увидалъ входившаго къ нему молодого, стройнаго и красиваго офицера. Онъ остановился. Пьеръ

оставилъ Бориса четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и рѣшительно не помнилъ его; но, несмотря на то, съ свойственною ему быстрою и радушною манерой, взялъ его за руку и дружелюбно улыбнулся.

— Вы меня помните? спокойно, съ пріятной улыбкой сказалъ Борисъ. — Я съ матушкой пріѣхалъ къ графу, но онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ.

— Да, кажется, нездоровъ. Его все тревожатъ, отвѣчалъ Пьеръ, стараясь вспомнить, кто этотъ молодой человѣкъ.

Борисъ чувствовалъ, что Пьеръ не узнаетъ его, но не считалъ нужнымъ называть себя, и, не испытывая ни малѣйшаго смущенія, смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Графъ Ростовъ проситъ васъ нынче пріѣхать къ нему обѣдать, сказалъ онъ послѣ довольно долгаго и неловкаго для Пьера молчанія.

— А! Графъ Ростовъ! радостно заговорилъ Пьеръ — такъ вы его сынъ, Илья. Я, можете себѣ представить, въ первую минуту не узналъ васъ. Помните, какъ мы на Воробьевы горы ѣздили съ m-me Jacquot... давно.

— Вы ошибаетесь, неторопливо, съ смѣлою и нѣсколько насмѣшливою улыбкой, проговорилъ Борисъ. — Я — Борисъ, сынъ княгини Анны Михайловны Друбецкой. Ростова отца зовутъ Ильей, а сына Николаемъ. И я m-me Jacquot никакой не зналъ.

Пьеръ замахалъ руками и головой, какъ будто комары или пчелы напали на него.

— Ахъ, ну что это! я все спуталъ. Въ Москвѣ столько родныхъ! Вы Борисъ... да. Ну вотъ мы съ вами и договорились. Ну что вы думаете о Булонской экспедиціи? Вѣдь англичанамъ плохо придется, ежели только Наполеонъ пе-

реправится черезъ каналъ? Я думаю, что экспедиція очень возможна. Вилльневъ бы не оплошалъ!

Борисъ ничего не зналъ о Булонской экспедиціи, онъ не читалъ газетъ и о Вилльневѣ въ первый разъ слышалъ.

— Мы здѣсь въ Москвѣ больше заняты обѣдами и сплетнями, чѣмъ политикой, сказалъ онъ своимъ спокойнымъ, насмѣшливымъ тономъ. — Я ничего про это не знаю и не думаю. Москва занята сплетнями больше всего, продолжалъ онъ. — Теперь говорятъ про васъ и про графа.

Пьеръ улыбнулся своей доброю улыбкой, какъ будто боясь за своего собесѣдника, какъ бы онъ не сказалъ чего-нибудь такого, въ чемъ сталъ бы раскаиваться. Но Борисъ говорилъ отчетливо, ясно и сухо, прямо глядя въ глаза Пьеру.

— Москвѣ больше дѣлать нечего, какъ сплетничать, продолжалъ онъ. Всѣ заняты тѣмъ, кому оставитъ графъ свое состояніе, хотя, можетъ-быть, онъ переживетъ всѣхъ насъ, чего я отъ души желаю...

— Да, это все очень тяжело, подхватилъ Пьеръ, очень тяжело. Пьеръ все боялся, что этотъ офицеръ нечаянно вдастся въ неловкій для самого себя разговоръ.

— А вамъ должно казаться, говорилъ Борисъ, слегка краснѣя, но не измѣняя голоса и позы, — вамъ должно казаться, что всѣ заняты только тѣмъ, чтобы получить что-нибудь отъ богача.

„Такъ и есть“, подумалъ Пьеръ.

— А я именно хочу сказать вамъ, чтобъ избѣжать недоразумѣній, что вы очень ошибетесь, ежели причтете меня и мою мать къ числу этихъ людей. Мы очень бѣдны, но я по крайней мѣрѣ за себя говорю, — именно потому, что отецъ вашъ богатъ, я не считаю себя его родственникомъ, и ни

я, ни мать никогда ничего не будемъ просить и не примемъ отъ него.

Пьеръ долго не могъ понять, но когда понялъ, вскочилъ съ дивана, ухватилъ Бориса за руку снизу съ свойственною ему быстротой и неловкостью и, раскраснѣвшись гораздо болѣе чѣмъ Борисъ, началъ говорить съ смѣшаннымъ чувствомъ стыда и досады.

— Вотъ это странно! Я развѣ... да и кто-жъ могъ думать... Я очень знаю...

Но Борисъ опять перебилъ его:

— Я радъ, что высказалъ все. Можетъ быть, вамъ непріятно, вы меня извините, сказалъ онъ, успокоивая Пьера, вмѣсто того, чтобъ быть успокоиваемымъ имъ, — но я надѣюсь, что не оскорбилъ васъ. Я имѣю правило говорить все прямо... Какъ же мнѣ передать? Вы пріѣдете обѣдать къ Ростовымъ? — И Борисъ, видимо сваливъ съ себя тяжелую обязанность, самъ выйдя изъ неловкаго положенія и поставивъ въ него другого, сдѣлался опять совершенно пріятенъ.

— Нѣтъ, послушайте, сказалъ Пьеръ успокоиваясь. — Вы удивительный человѣкъ. То, что вы сейчасъ сказали, очень хорошо, очень хорошо. Разумѣется, вы меня не знаете, мы такъ давно не видались... дѣтьми еще... Вы можете предполагать во мнѣ... Я васъ понимаю, очень понимаю. Я бы этого не сдѣлалъ, у меня не достало бы духу, но это прекрасно. Я очень радъ, что познакомился съ вами. Странно, прибавилъ онъ, помолчавъ и улыбаясь, что вы во мнѣ предполагали! — Онъ засмѣялся. — Ну да что жъ? Мы познакомимся съ вами лучше; пожалуйста. Онъ пожалъ руку Борису.

— Вы знаете ли, я ни разу не былъ у графа. Онъ меня не звалъ... Мнѣ его жалко какъ человѣка... Но что же дѣлать?

— И вы думаете, что Наполеонъ успѣетъ переправить армію? спросилъ Борисъ улыбаясь.

Пьеръ понялъ, что Борисъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ и, соглашаясь съ нимъ, началъ излагать выгоды и невыгоды Булонскаго предпріятія.

Лакей пришелъ вызвать Бориса къ княгинѣ. Княгиня уѣзжала. Пьеръ обѣщался пріѣхать обѣдать затѣмъ, чтобы ближе сойтись съ Борисомъ, крѣпко жалъ его руку, ласково глядя ему въ глаза черезъ очки... По уходѣ его, Пьеръ долго еще ходилъ по комнатѣ, уже не пронзая невидимаго врага шпагой, а улыбаясь при воспоминаніи объ этомъ миломъ, умномъ и твердомъ молодомъ человѣкѣ.

Какъ это бываетъ въ первой молодости и особенно въ одинокомъ положеніи, онъ почувствовалъ беспричинную нѣжность къ этому молодому человѣку и обѣщалъ себѣ непремѣнно подружиться съ нимъ.

Князь Василій провожалъ княгиню. Княгиня держала платокъ у глазъ, и лицо ея было въ слезахъ.

— Это ужасно! ужасно! говорила она: — но чего бы мнѣ ни стóило, я исполню свой долгъ. Я пріѣду ночевать. Его нельзя такъ оставить. Каждая минута дорога. Я не понимаю, чего мѣшкаютъ княжны. Можетъ, Богъ поможетъ мнѣ найти средство его приготовить!.. Прощайте князь, да поддержитъ васъ Богъ...

— Adieu, ma bonne, отвѣчалъ князь Василій, повертываясь отъ нея.

— Ахъ, онъ въ ужасномъ положеніи, сказала мать сыну, когда они опять садились въ карету. — Онъ почти никого не узнаетъ.

— Я не понимаю, маменька, какія его отношенія къ Пьеру? спросилъ сынъ.

— Все скажетъ завѣщаніе, мой другъ; отъ него и наша судьба зависитъ...

— Но почему вы думаете, что онъ оставитъ что-нибудь намъ?

— Ахъ, мой другъ! Онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!

— Ну, это еще недостаточная причина, маменька.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! какъ онъ плохъ! восклицала мать.

XIV.

Когда Анна Михайловна уѣхала съ сыномъ къ князю Кириллу Владиміровичу Безухову, графиня Ростова долго сидѣла одна, прикладывая платокъ къ глазамъ. Наконецъ она позвонила.

— Чтó вы, милая, сказала она сердито дѣвушкѣ, которая заставила себя ждать нѣсколько минутъ, — не хотите служить что ли? Такъ я вамъ найду мѣсто.

Графиня была разстроена горемъ и унизительною бѣдностью своей подруги и потому была не въ духѣ, что выражалось у нея всегда наименованіемъ горничной: „милая" и „вы".

— Виновата-съ, сказала горничная.

— Попросите ко мнѣ графа.

Графъ, переваливаясь, подошелъ къ женѣ, съ нѣсколько виноватымъ видомъ, какъ и всегда.

— Ну, графинюшка! какое соте съ мадерой изъ рябчиковъ будетъ, ma chère! Я попробовалъ; не даромъ я за Тараску тысячу рублей далъ. Стóитъ!

Онъ сѣлъ подлѣ жены, облокотивъ молодецки руки на колѣна и взъерошивая сѣдые волосы. — Что прикажете, графинюшка?

— Вотъ что, мой другъ, — что это у тебя запачкано здѣсь?

сказала она, указывая на жилетъ. Это сотс, вѣрно, прибавила она улыбаясь. — Вотъ что, графъ: мнѣ денегъ нужно.

Лицо ея стало печально.

— Ахъ графинюшка!... — И графъ засуетился, доставая бумажникъ.

— Мнѣ много надо, графъ, мнѣ пятьсотъ рублей надо. — И она, доставъ батистовый платокъ, терла имъ жилетъ мужа.

— Сейчасъ, сейчасъ. Эй, кто тамъ? крикнулъ онъ такимъ голосомъ, какимъ кричатъ только люди, увѣренные, что тѣ, кого они кличутъ, стремглавъ бросятся на ихъ зовъ. — Послать ко мнѣ Митеньку!

Митенька, тотъ дворянскій сынъ, воспитанный у графа, который теперь завѣдывалъ всѣми его дѣлами, тихими шагами вошелъ въ комнату.

— Вотъ что, мой милый, сказалъ графъ вошедшему почтительному молодому человѣку. — Принеси ты мнѣ... онъ задумался. — Да, 700 рублей, да. Да смотри, такихъ рваныхъ и грязныхъ, какъ тотъ разъ, не приноси, а хорошихъ, для графини.

— Да, Митенька, пожалуйста, чтобъ чистенькіе, сказала графиня, грустно вздыхая.

— Ваше сіятельсво, когда прикажете доставить? сказалъ Митенька. — Изволите знать, что... Впрочемъ, не извольте безпокоиться, прибавилъ онъ, замѣтивъ, какъ графъ уже началъ тяжело и часто дышать, что̀ всегда было признакомъ начинавшагося гнѣва. — Я было и запамятовалъ... Сію минуту прикажете доставить?

— Да, да, то-то, принеси. Вотъ графинѣ отдай.

— Экое золото у меня этотъ Митенька, прибавилъ графъ,

улыбаясь, когда молодой человѣкъ вышелъ. — Нѣтъ того, чтобы нельзя. Я же этого терпѣть не могу. Все можно.

— Ахъ, деньги, графъ, деньги, сколько отъ нихъ горя на свѣтѣ! сказала графиня. — А эти деньги мнѣ очень нужны.

— Вы, графинюшка, мотовка извѣстная, проговорилъ графъ, и, поцѣловавъ у жены руку, ушелъ опять въ кабинетъ.

Когда Анна Михайловна вернулась опять отъ Безухова, у графини лежали уже деньги, все новенькими бумажками, подъ платкомъ на столикѣ, и Анна Михайловна замѣтила, что графиня чѣмъ-то растревожена.

— Ну что, мой другъ? спросила графиня.

— Ахъ, въ какомъ онъ ужасномъ положеніи! Его узнать нельзя, онъ такъ плохъ, такъ плохъ; я минутку побыла, и двухъ словъ не сказала...

— Annette, ради Бога, не откажи мнѣ, сказала вдругъ графиня, краснѣя, что такъ странно было при ея немолодомъ, худомъ и важномъ лицѣ, доставая изъ-подъ платка деньги. Анна Михайловна мгновенно поняла въ чемъ дѣло и ужъ нагнулась, чтобы въ должную минуту ловко обнять графиню.

— Вотъ Борису отъ меня, на шитье мундира...

Анна Михайловна ужъ обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали онѣ о томъ, что онѣ дружны и о томъ, что онѣ добры, и о томъ, что онѣ, подруги молодости, заняты такимъ низкимъ предметомъ, деньгами, и о томъ, что молодость ихъ прошла... Но слезы обѣихъ были пріятны...

XV.

Графиня Ростова съ дочерьми и уже съ большимъ числомъ гостей сидѣла въ гостиной. Графъ провелъ гостей-мущинъ въ кабинетъ, предлагая имъ свою охотницкую коллекцію ту-

рецкихъ трубокъ. Изрѣдка онъ выходилъ и спрашивалъ: не пріѣхала ли? Ждали Марью Дмитріевну Ахросимову, прозванную въ обществѣ le terrible dragon, даму знаменитую не богатствомъ, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала царская фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмѣивались надъ ея грубостью, разсказывали про нее анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія уважали и боялись ее.

Въ кабинетѣ, полномъ дыма, шелъ разговоръ о войнѣ, которая была объявлена манифестомъ, о наборѣ. Манифеста еще никто не читалъ, но всѣ знали о его появленіи. Графъ сидѣлъ на отоманкѣ, между двумя курившими и разговаривавшими сосѣдями. Графъ самъ не курилъ и не говорилъ, а наклоняя голову то на одинъ бокъ, то на другой, съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на курившихъ и слушалъ разговоръ двухъ сосѣдей своихъ, которыхъ онъ стравилъ между собой.

Одинъ изъ говорившихъ былъ штатскій съ морщинистымъ, желчнымъ и бритымъ, худымъ лицомъ, человѣкъ уже приближавшійся къ старости, хотя и одѣтый, какъ самый модный молодой человѣкъ; онъ сидѣлъ съ ногами на отоманкѣ, съ видомъ домашняго человѣка, и, сбоку запустивъ себѣ далеко въ ротъ янтарь, порывисто втягивалъ дымъ и жмурился. Это былъ старый холостякъ, Шиншинъ, двоюродный братъ графини, злой языкъ, какъ про него говорили въ московскихъ гостиныхъ. Онъ, казалось, снисходилъ до своего собесѣдника. Другой, свѣжій, розовый, гвардейскій офицеръ, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держалъ янтарь у середины рта и розовыми губами слегка вытяги-

валъ дымомъ, выпуская его колечками изъ красиваго рта. Это былъ тотъ поручикъ Бергъ, офицеръ Семеновскаго полка, съ которымъ Борисъ ѣхалъ вмѣстѣ въ полкъ, и которымъ Наташа дразнила Вѣру, старшую графиню, называя Берга ея женихомъ. Графъ сидѣлъ между ними и внимательно слушалъ. Самое пріятное для графа занятіе, за исключеніемъ игры въ бостонъ, которую онъ очень любилъ, было положеніе слушающаго, особенно когда ему удавалось стравить двухъ говорливыхъ собесѣдниковъ.

— Ну какъ же, батюшка, mon très honorable Альфонсъ Карлычъ, говорилъ Шиншинъ, посмѣиваясь и соединяя (въ чемъ и состояла особенность его рѣчи) самыя народныя русскія выраженія съ изысканными французскими фразами. Вы расчитываете съ правительства доходъ получить, съ роты доходецъ получать хотите?

— Нѣтъ-съ, Петръ Николаичъ, я только желаю показать, что въ кавалеріи выгодъ гораздо меньше противъ пѣхоты. Вотъ теперь сообразите, Петръ Николаичъ, мое положеніе...

Бергъ говорилъ всегда очень точно, спокойно и учтиво. Разговоръ его всегда касался только его одного; онъ всегда спокойно молчалъ, пока говорили о чемъ-нибудь, не имѣющемъ прямаго къ нему отношенія. И молчать такимъ образомъ онъ могъ нѣсколько часовъ, не испытывая и не производя въ другихъ ни малѣйшаго замѣшательства. Но какъ скоро разговоръ касался его лично, онъ начиналъ говорить пространно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Сообразите мое положеніе, Петръ Николаичъ, будь я въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе двухъ сотъ рублей въ треть, даже и въ чинѣ поручика, а теперь я получаю двѣсти тридцать, говорилъ онъ съ радостною, пріятною улыб-

кой, оглядывая Шиншина и графа, какъ будто для него было очевидно, что его успѣхъ всегда будетъ составлять главную цѣль желаній всѣхъ остальныхъ людей.

— Кромѣ того, Петръ Николаичъ, перейдя въ гвардію, я на виду, — продолжалъ Бергъ, — и вакансія въ гвардейской пѣхотѣ гораздо чаще. Потомъ, сами сообразите, какъ я могъ устроиться изъ двухъ сотъ тридцати рублей. А я откладываю и еще отцу посылаю, продолжалъ онъ, пуская колечко.

— Балансъ установленъ... Нѣмецъ на обухѣ молотитъ хлѣбецъ, какъ говоритъ пословица, перекладывая янтарь на другую сторону рта, сказалъ Шиншинъ и подмигнулъ графу.

Графъ расхохотался. Другіе гости, видя, что Шиншинъ ведетъ разговоръ, подошли послушать. Бергъ, не замѣчая ни насмѣшки, ни равнодушія, продолжалъ разсказывать о томъ, какъ переводомъ въ гвардію онъ уже выигралъ чинъ передъ своими товарищами по корпусу, какъ въ военное время ротнаго командира могутъ убить, и онъ, оставшись старшимъ въ ротѣ, можетъ очень легко быть ротнымъ, и какъ въ полку всѣ любятъ его, и какъ его папенька имъ доволенъ. Бергъ видимо наслаждался, разсказывая все это, и, казалось, не подозрѣвалъ того, что у другихъ людей могли быть тоже свои интересы. Но все, что онъ разсказывалъ, было такъ мило, степенно, наивность молодого эгоизма его была такъ очевидна, что онъ обезоруживалъ своихъ слушателей...

— Ну, батюшка, вы и въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ, это я вамъ предрекаю, сказалъ Шиншинъ, трепля его по плечу и спуская ноги съ отоманки. Бергъ радостно улыбнулся. Графъ, а за нимъ и гости вышли въ гостиную.

Было то время передъ званымъ обѣдомъ, когда собравшіеся гости не начинаютъ длиннаго разговора въ ожиданіи призыва къ закускѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ необходимымъ шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они нисколько не нетерпѣливы сѣсть за столъ. Хозяева поглядываютъ на дверь и изрѣдка переглядываются между собой. Гости по этимъ взглядамъ стараются догадаться, кого или чего еще ждутъ: важнаго опоздавшаго родственника или кушанья, которое еще не поспѣло.

Пьеръ пріѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ и неловко сидѣлъ посрединѣ гостиной, на первомъ попавшемся креслѣ, загородивъ всѣмъ дорогу. Графиня хотѣла заставить его говорить, но онъ наивно смотрѣлъ въ очки вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то, и односложно отвѣчалъ на всѣ вопросы графини. Онъ былъ стѣснителенъ и одинъ не замѣчалъ этого. Большая часть гостей, знавшая его исторію съ медвѣдемъ, любопытно смотрѣли на этого большаго, толстаго и смирнаго человѣка, недоумѣвая, какъ могъ такой увалень и скромникъ сдѣлать такую штуку съ квартальнымъ.

— Вы недавно пріѣхали? спрашивала у него графиня.

— Oui, madame, отвѣчалъ онъ, оглядываясь.

— Вы не видали моего мужа?

— Non, madame. — Онъ улыбнулся совсѣмъ некстати.

— Вы, кажется, недавно были въ Парижѣ? Я думаю очень интересно.

— Очень интересно.

Графиня переглянулась съ Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что ее просятъ занять этого молодого человѣка, и, подсѣвъ къ нему, начала говорить объ отцѣ; но, такъ же, какъ и графинѣ, онъ отвѣчалъ ей только однослож-

ными словами. Гости были всѣ заняты между собой. Разумовскіе... Это было очень мило... Вы очень добры... Графиня Апраксина... слышалось со всѣхъ сторонъ. Графиня встала и пошла въ залу.

— Марья Дмитріевна? послышался голосъ изъ залы.

— Она самая, послышался въ отвѣтъ грубый женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Марья Дмитріевна. Всѣ барышни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ и съ высоты своего тучнаго тѣла, высоко держа свою съ сѣдыми буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядѣла гостей и, какъ бы засучиваясь, оправила неторопливо широкіе рукава своего платья. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Имениннице дорогой съ дѣтками, сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки, голосомъ. — Ты что, старый грѣховодникъ, обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку, — чай скучаешь въ Москвѣ? собакъ гонять негдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подрастутъ... — Она указывала на дѣвицъ. — Хочешь не хочешь, надо жениховъ искать.

— Ну, что, казакъ мой? (Марья Дмитріевна казакомъ называла Наташу) говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рукѣ безъ страха и весело. — Знаю, что зелье дѣвка, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля яхонтовыя сережки грушками и, отдавъ ихъ именинно-сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея и обратилась къ Пьеру.

— Э, э! любезный! поди-ка сюда, сказала она притворно-

тихимъ и тонкимъ голоскомъ. — Поди-ка любезный... И она грозно засучила рукава еще выше.

Пьеръ подошелъ, наивно глядя на нее черезъ очки.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ. Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что будетъ, и чувствуя, что было только предисловіе.

— Хорошъ, нечего сказать! хорошъ мальчикъ!... Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, квартальнаго на медвѣдя верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ. — Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался отъ смѣха.

— Ну чтожъ, къ столу, я чай, пора? сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной, потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай долженъ былъ догонять полкъ; Анна Михайловна съ Шиншинымъ. Бергъ подалъ руку Вѣрѣ. Улыбающаяся Жюли Карагина пошла съ Николаемъ къ столу. За ними шли еще другія пары, протянувшіяся по всей залѣ, а сзади всѣхъ по-одиночкѣ дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, стулья загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости размѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣнились звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня. Справа Марья Дмитріевна, слѣва Анна Михайловна и другія гостьи. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва гусарскій полковникъ, справа Шиншинъ и другіе гости мужскаго пола. Съ одной стороны длиннаго стола молодежь постарше: Вѣра рядомъ съ Бергомъ. Пьеръ рядомъ съ Бо-

рисомъ; съ другой стороны — дѣти, гувернеры и гувернантки. Графъ, изъ-за хрусталя бутылокъ и вазъ съ фруктами, поглядывалъ на жену и ея высокій чепецъ съ голубыми лентами, и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдямъ, не забывая и себя. Графиня также, изъ-за ананасовъ, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ. На дамскомъ концѣ шло равномѣрное лепетанье; на мужскомъ все громче и громче слышались голоса, особенно гусарскаго полковника, который такъ много ѣлъ и пилъ, все болѣе и болѣе краснѣя, что графъ уже ставилъ его въ примѣръ другимъ гостямъ. Бергъ съ нѣжной улыбкой говорилъ съ Вѣрой о томъ, что любовь есть чувство не земное, а небесное. Борисъ называлъ новому своему пріятелю Пьеру бывшихъ за столомъ гостей, и переглядывался съ Наташей, сидѣвшей противъ него. Пьеръ мало говорилъ, оглядывалъ новыя лица и много ѣлъ. Начиная отъ двухъ суповъ, изъ которыхъ онъ выбралъ à la tortue и кулебяки и до рябчиковъ, онъ не пропускалъ ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкій, въ завернутой салфеткою бутылкѣ, таинственно высовывалъ изъ-за плеча сосѣда, приговаривая: или „дрей-мадера“, или „венгерское“, или „рейнъ-вейнъ“. Онъ подставлялъ первую попавшуюся изъ четырехъ хрустальныхъ, съ вензелемъ графа, рюмокъ, стоявшихъ передъ каждымъ приборомъ, и пилъ съ удовольствіемъ, все съ болѣе и болѣе пріятнымъ видомъ поглядывая на гостей. Наташа, сидѣвшая противъ него, глядѣла на Бориса, какъ глядятъ дѣвочки тринадцати лѣтъ на мальчика, съ которымъ они въ первый разъ только что поцѣловались и въ котораго онѣ влюблены. Этотъ самый взглядъ

ся иногда обращался на Пьера и ему подъ взглядомъ этой смѣшной оживленной дѣвочки хотѣлось смѣяться самому, не зная чему.

Николай сидѣлъ далеко отъ Сони, подлѣ Жюли Карагиной и опять съ той же невольной улыбкой что-то говорилъ съ ней. Соня улыбалась парадно, но видимо мучилась ревностью: то блѣднѣла, то краснѣла и всѣми силами прислушивалась къ тому, что говорили между собою Николай и Жюли. Гувернантка безпокойно оглядывалась, какъ бы приготавливаясь къ отпору, ежели бы кто вздумалъ обидѣть дѣтей. Гувернеръ-нѣмецъ старался запомнить всѣ роды кушаній, дессертовъ и винъ съ тѣмъ, чтобы описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутою въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старался показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того, чтобы утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

XIX.

На мужскомъ концѣ стола, разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ разсказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже вышелъ въ Петербургѣ, и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ нынѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать съ Бонапартомъ? сказалъ Шиншинъ. — Онъ уже сбилъ спѣсь съ Австріи. Боюсь не пришелъ бы теперь нашъ чередъ.

Полковникъ былъ плотный, высокій и сангвиническій нѣмецъ, очевидно служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затэмъ, мылостывый государь, сказалъ онъ, выговаривая *э* вмѣсто *е* и *ъ* вмѣсто *ь*. — Затэмъ, что императоръ это знаэтъ. Онъ въ манифэстэ сказалъ, что нэ можэтъ смотрэть равнодушно на опасности, угрожающія Россіи, и что бэзопасность имперіи, достоинство ея и святость *союзовъ*, сказалъ онъ, почему-то особенно налегая на слово „союзовъ“, какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла. И съ свойственною ему, непогрѣшимою, офиціальною памятью, онъ повторилъ вступительныя слова манифеста... „и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль государя составляющее: водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ — рѣшили его двинуть нынѣ часть войска за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новаго условія“. Вотъ зачэмъ мылостывый государь, заключилъ онъ, назидательно выпивая стаканъ вина и оглядываясь на графа за поощреніемъ.

— Знаете пословицу: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена“, сказалъ Шиншинъ, морщась и улыбаясь. — Это очень приложимо къ намъ. Ужъ на что Суворова, и того расколотили, въ дребезги, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Какъ вы думаете? безпрестанно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ, говорилъ онъ.

— Мы должны и драться до послэднэ капли кровъ, сказалъ полковникъ, ударяя по столу и умэр-р-рэть за своэго импэратора, и тогда всэй будэтъ хорошо. А разсуждать какъ мо-о-ожно (онъ особенно вытянулъ голосъ на словѣ „можно“), какъ мо-о-ожно мэнщэ, докончилъ онъ, опять обращаясь къ графу. — Такъ старыэ гусары судимъ, вотъ и всэ. А вы

какъ судитэ, молодой человѣкъ и молодой гусаръ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который, услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности, — я убѣжденъ, что русскіе должны умирать или побѣждать, сказалъ онъ, самъ чувствуя такъ же, какъ и другіе, послѣ того, какъ слово уже было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и напыщено для настоящаго случая, и потому неловко.

— Прекрасно! прекрасно то, что вы сказали, — сказала сидѣвшая подлѣ него Жюли, вздыхая. Соня задрожала вся и покраснѣла до ушей, за ушами и до шеи плечъ въ то время, какъ Николай говорилъ. Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника, и ободрительно закивалъ головой.

— Вотъ это славно, сказалъ онъ.

— Настоящэй гусаръ, молодой человэкъ, крикнулъ полковникъ, ударивъ опять по столу.

— О чемъ вы тамъ шумите? вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Марьи Дмитріевны. — Что ты по столу стучишь? обратилась она къ гусару, — на кого ты горячишься? вѣрно думаешь, что тутъ французы передъ тобой?

— Я правду говору, улыбаясь, сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ, черезъ столъ прокричалъ графъ. — Вѣдь у меня сынъ идетъ, Марья Дмитріевна, сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья: и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ

пожалуеть, прозвучалъ безъ всякаго усилія, съ того конца стола, густой голосъ Марьи Дмитріевны.

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился — дамскій на своемъ концѣ стола, мужской на своемъ.

— А вотъ не спросишь, говорилъ маленькій братъ Наташѣ, — а вотъ не спросишь!

— Спрошу, отвѣчала Наташа.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и веселую рѣшимость. Она привстала, приглашая взглядомъ Пьера, сидѣвшаго противъ нея, прислушаться, и обратилась къ матери:

— Мама! прозвучалъ по всему столу ея дѣтски-грудной голосъ.

— Что тебѣ? спросила графиня испуганно, но, по лицу дочери увидѣвъ, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама! какое пирожное будетъ? еще рѣшительнѣе, не срываясь, прозвучалъ голосокъ Наташи.

Графиня хотѣла хмуриться, но не могла. Марья Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ, проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная, какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебя! сказала графиня.

— Мама! что пирожное будетъ? закричала Наташа уже смѣло и капризно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ и спросила, прошептала Наташа маленькому брату и Пьеру, на котораго она опять взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ, сказала Марья Дмитріевна. Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна? какое мороженое! Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое? почти кричала она. — Я хочу знать. Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинюшкою, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столъ чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

XX.

Раздвинули бостонные столы, составили партіи, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Графъ, распустивъ карты вѣеромъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки послѣобѣденнаго сна и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикорда и арфы. Жюли первая, по просьбѣ всѣхъ, сыграла

на арфѣ пьеску съ варіаціями, и вмѣстѣ съ другими дѣвицами стала просить Наташу и Николая, извѣстныхъ своею музыкальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились, какъ къ большой, была видимо этимъ очень горда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и робѣла.

— Что будемъ пѣть? спросила она.

— „Ключъ“, отвѣчалъ Николай.

— Ну, давайте скорѣе. Борисъ, идите сюда, сказала Наташа. — А гдѣ же Соня? Она оглянулась и, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

Вбѣжавъ въ Сонину комнату и не найдя тамъ свою подругу, Наташа пробѣжала въ дѣтскую, — и тамъ не было Сони. Наташа поняла, что Соня была въ корридорѣ на сундукѣ. Сундукъ въ корридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодаго поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня въ своемъ воздушномъ розовомъ платьицѣ, приминая его, лежала ничкомъ на грязной, полосатой няниной перинѣ, на сундукѣ и, закрывъ лицо пальчиками, навзрыдъ плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, цѣлый день именинное, вдругъ измѣнилось: глаза ея остановились, потомъ содрогнулась ея широкая шея, углы губъ опустились.

— Соня! что̀ ты?... Что̀, что̀ съ тобой? У-у-у!... — И Наташа, распустивъ свой большой ротъ и сдѣлавшись совершенно дурною, заревѣла какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣчать, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга. Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и разсказывать.

— Николенька ѣдетъ черезъ недѣлю, его... бумага... вышла... онъ самъ мнѣ сказалъ... Да я бы все не плакала... (она показала бумажку, которую держала въ рукѣ: то были стихи, написанные Николаемъ), я бы все не плакала, но ты не можешь... никто не можетъ понять... какая у него душа.

И она опять принялась плакать о томъ, что душа его была такъ хороша.

— Тебѣ хорошо... я не завидую... я тебя люблю, и Бориса тоже, говорила она, собравшись немного съ силами: — онъ милый... для васъ нѣтъ препятствій. А Николай мнѣ cousin... надобно... самъ митрополитъ... и то нельзя. И потомъ, ежели маменькѣ (Соня графиню и считала и называла матерью)... она скажетъ, что я порчу карьеру Николая, у меня нѣтъ сердца, что я неблагодарная, а право... вотъ ей-Богу... (она перекрестилась) я такъ люблю и ее и всѣхъ васъ, только Вѣра одна... За что? Что я ей сдѣлала? Я такъ благодарна вамъ, что рада бы всѣмъ пожертвовать, да мнѣ нѐчѣмъ...

Соня не могла больше говорить, и опять спрятала голову въ рукахъ и перинѣ. Наташа начала успокоивать, но по лицу ея видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

— Соня! сказала она вдругъ, какъ будто догадавшись о настоящей причинѣ огорченія кузины: — вѣрно Вѣра съ тобой говорила послѣ обѣда? Да?

— Да эти стихи самъ Николай написалъ, а я списала еще другіе; она и нашла ихъ у меня на столѣ, и сказала, что покажетъ ихъ маменькѣ, и еще говорила, что я неблагодарная, что маменька никогда не позволитъ ему жениться

на мнѣ, а онъ женится на Жюли. Ты видишь, какъ онъ съ ней цѣлый день... Наташа! За что?

— И опять она заплакала горьче прежняго. Наташа приподняла ее, обняла, и улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокоивать.

— Соня, ты не вѣрь ей, душенька, не вѣрь. Помнишь, какъ мы всѣ втроемъ говорили съ Николенькой въ диванной, помнишь, послѣ ужина? Вѣдь мы все рѣшили, какъ будетъ. Я уже не помню какъ, но, помнишь, какъ было все хорошо и все можно. Вотъ дяденьки Шиншина братъ женатъ же на двоюродной сестрѣ, а мы вѣдь троюродные. И Борисъ говорилъ, что это очень можно. Ты знаешь, я ему все сказала. А онъ такой умный и такой хорошій, говорила Наташа... Ты, Соня, не плачь, голубчикъ, милый, душенька, Соня. — И она цѣловала ее смѣясь. — Вѣра злая, Богъ съ ней! А все будетъ хорошо, и маменькѣ она не скажетъ; Николенька самъ скажетъ, и онъ и не думалъ объ Жюли.

И она цѣловала ее въ голову. Соня приподнялась, и котеночекъ оживился, глазки заблистали, и онъ готовъ былъ, казалось, вотъ-вотъ взмахнуть хвостомъ, вспрыгнуть на мягкія лапки и опять заиграть съ клубкомъ, какъ ему и было прилично.

— Ты думаешь? Право? Ей-Богу? сказала она, быстро оправляя платье и прическу.

— Право, ей-Богу! отвѣчала Наташа, оправляя своему другу подъ косой выбившуюся прядь жесткихъ волосъ. И онѣ обѣ засмѣялись. — Ну, пойдемъ пѣть „Ключъ“.

— Пойдемъ.

— А знаешь, этотъ толстый Пьеръ, что противъ меня сидѣлъ, такой смѣшной! сказала вдругъ Наташа останавли-

ваясь. Мнѣ очень весело! — И Наташа побѣжала по коридору.

Соня, отряхнувъ пухъ и спрятавъ стихи за пазуху, къ шейкѣ, съ выступавшими костями груди, легкими, веселыми шагами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, побѣжала вслѣдъ за Наташей по корридору въ диванную. По просьбѣ гостей молодые люди спѣли квартетъ „Ключъ", который всѣмъ очень понравился; потомъ Николай спѣлъ вновь выученную имъ пѣсню.

Въ пріятну ночь при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто есть еще на свѣтѣ,
Кто думаетъ и о тебѣ!
Что и она рукой прекрасной,
По арфѣ золотой бродя,
Своей гармоніею страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ...
Но ахъ! твой другъ не доживетъ!

И онъ не допѣлъ еще послѣднихъ словъ, когда въ залѣ молодежь приготовилась къ танцамъ, и на хорахъ застучали ногами и закашляли музыканты.

Пьеръ сидѣлъ въ гостиной, гдѣ Шиншинъ, какъ съ пріѣзжимъ изъ-за границы, завелъ съ нимъ скучный для Пьера политическій разговоръ, къ которому присоединились и другіе. Когда заиграла музыка, Наташа вошла въ гостиную, и, подойдя прямо къ Пьеру, смѣясь и краснѣя, сказала: — Мама велѣла васъ просить танцовать.

— Я боюсь спутать фигуры, сказалъ Пьеръ, но ежели вы хотите быть моимъ учителемъ... и онъ подалъ свою толстую руку, низко опуская ее, тоненькой дѣвочкѣ.

Пока разставлялись пары и строили музыканты, Пьеръ сѣлъ съ своей маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцовала съ *большимъ*, съ пріѣхавшимъ изъ-за *границы*. Она сидѣла на виду у всѣхъ и разговаривала съ нимъ какъ *большая*. У нея въ рукѣ былъ вѣеръ, который ей дала подержать одна барышня. И принявъ самую свѣтскую позу (Богъ знаетъ, гдѣ и когда она этому научилась), она, обмахиваясь вѣеромъ и улыбаясь черезъ вѣеръ, говорила съ своимъ кавалеромъ.

— Какова, какова? Смотрите, смотрите, сказала старая графиня, проходя черезъ залу и указывая на Наташу. Наташа покраснѣла и засмѣялась. — Ну, что вы, мама? Ну, что вамъ за охота? что жъ тутъ удивительнаго?

Въ срединѣ третьяго экосеза зашевелились стулья въ гостиной, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна, и бо́льшая часть почетныхъ гостей, и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходили въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ, — оба съ веселыми лицами. Графъ съ шутливою вѣжливостью, какъ по балетному, подалъ округленную руку Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцовали послѣднюю фигуру экосеза, онъ ударилъ въ ладоши музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ.

— Семенъ! Данилу Купора знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцованный имъ еще въ молодости. (Данило Купоръ была собственно одна фигура *англеза*).

— Смотрите на папа, закричала на всю залу Наташа, (совершенно забывъ, что она танцуетъ съ большимъ), пригибая къ колѣнамъ свою кудрявую головку и заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ. Дѣйствительно все, что только было въ залѣ, съ улыбкою радости смотрѣло на веселаго старичка, который рядомъ съ своею сановитою дамой, Марьей Дмитріевной, бывшей выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправлялъ плечи, вывертывалъ ноги, слегка притопывая, и все болѣе и болѣе распускавшеюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ, приготовлялъ зрителей къ тому, что будетъ. Какъ только заслышались веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго трепачка, всѣ двери залы вдругъ заставились съ одной стороны мужскими, съ другой — женскими улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотрѣть на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орелъ!, проговорила громко няня изъ одной двери.

Графъ танцовалъ хорошо и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцовать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опущенными внизъ мощными руками (она передала ридикюль графинѣ); только одно строгое, но красивое лицо ея танцовало. Что выражалось во всей круглой фигурѣ графа, у Марьи Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но за то ежели графъ, все болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей неожиданностью ловкихъ вывертовъ и ловкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ, Марья Дмитріевна, малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или округленіи рукъ въ поворотахъ и притопываньяхъ, производила не меньшее впечат-

гѣніе по заслугѣ, которую цѣнилъ всякій при ея тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась все болѣе и болѣе. Визави не могли ни на минуту обратить на себя вниманія и даже не старались о томъ. Все было занято графомъ и Марьею Дмитріевной. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ танцующихъ, и требовала, чтобъ смотрѣли на папеньку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобъ они играли скорѣе. Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на цыпочкахъ, то на каблукахъ носясь вокругъ Марьи Дмитріевны, и наконецъ, повернувъ свою даму къ ея мѣсту, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правою рукой среди грохота рукоплесканій и хохота, особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chère, сказалъ графъ.

— Ай да Данила Купоръ! тяжело и продолжительно выпуская духъ и засучивая рукава, сказала Марья Дмитріевна.

XVIII.

Въ то время, какъ у Ростовыхъ танцовали въ залѣ шестой *англезъ* подъ звуки отъ усталости фальшививших музыкантовъ, и уставшіе офиціанты и повара готовили ужинъ, съ графомъ Безухимъ сдѣлался шестой ударъ. Доктора объявили, что надежды къ выздоровленію нѣтъ; больному дана была глухая исповѣдь и причастіе; дѣлали приготовленія для со-

борованія, и въ домѣ была суетня и тревога ожиданія, обыкновенныя въ такія минуты. Внѣ дома, за воротами, толпились, скрываясь отъ подъѣзжавшихъ экипажей, гробовщики, ожидая богатаго заказа на похороны графа. Главнокомандующій Москвы, который безпрестанно присылалъ адъютантовъ узнавать о положеніи графа, въ этотъ вечеръ самъ пріѣзжалъ проститься съ знаменитымъ Екатерининскимъ вельможей, графомъ Безухимъ.

Великолѣпная пріемная комната была полна. Всѣ почтительно встали, когда главнокомандующій, пробывъ около получаса наединѣ съ больнымъ, вышелъ оттуда, слегка отвѣчая на поклоны и стараясь какъ можно скорѣе пройти мимо устремленныхъ на него взглядовъ докторовъ, духовныхъ лицъ и родственниковъ. Князь Василій, похудѣвшій и поблѣднѣвшій за эти дни, провожалъ главнокомандующаго и что-то нѣсколько разъ тихо повторилъ ему.

Проводивъ главнокомандующаго, князь Василій сѣлъ въ залѣ одинъ на стулъ, закинувъ высоко ногу на ногу, на колѣнку упирая локоть и рукою закрывъ глаза. Посидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ всталъ и непривычно-поспѣшными шагами, оглядываясь кругомъ испуганными глазами, пошелъ чрезъ длинный корридоръ на заднюю половину дома, къ старшей княжнѣ.

Находившіеся въ слабо-освѣщенной комнатѣ, неровнымъ шепотомъ говорили между собой и замолкали каждый разъ, и полными вопроса и ожиданія глазами оглядывались на дверь, которая вела въ покои умирающаго и издавала слабый звукъ, когда кто-нибудь выходилъ изъ нея или входилъ въ нее.

— Предѣлъ человѣческій, говорилъ старичекъ, — духовное

лицо дамы, подсѣвшей къ нему и наивно слушавшей его,— предѣлъ положенъ, его же не прейдеши.

— Думаю, не поздно ли соборовать? прибавляя духовный титулъ, спрашивала дама, какъ будто не имѣя на этотъ счетъ никакого своего мнѣнія.

— Таинство, матушка, великое, отвѣчало духовное лицо, проводя рукою по лысинѣ, по которой пролегало нѣсколько прядей зачесаныхъ полусѣдыхъ волосъ.

— Это кто же? самъ главнокомандующій былъ? спрашивали въ другомъ концѣ комнаты.— Какой моложавый!..

— А седьмой десятокъ! Что, говорятъ, графъ-то не узнаетъ ужъ? Хотѣли соборовать?

— Я одного зналъ: семь разъ соборовался.

Вторая княжна только вышла изъ комнаты больнаго съ заплаканными глазами и сѣла подлѣ доктора Лоррена, который въ граціозной позѣ сидѣлъ подъ портретомъ Екатерины, облокотившись на столъ.

— Прекрасно, говорилъ докторъ, отвѣчая на вопросъ о погодѣ,— прекрасная погода, княжна, и потомъ въ Москвѣ чувствуешь себя какъ въ деревнѣ.

— Не правда ли? сказала княжна, вздыхая.— Такъ можно ему пить? — Лорренъ задумался.

— Онъ принялъ лѣкарство?

— Да.

Докторъ посмотрѣлъ на брегетъ.

— Возьмите стаканъ отварной воды и положите щепотку (онъ своими тонкими пальцами показалъ, что значитъ щепотка) креморъ-тартара....

— *Не пило слущай*, говорилъ нѣмецъ-докторъ адъютанту,— *чтопи съ третій ударъ шивъ оставался.*

— А какой свѣжій былъ мужчина! говорилъ адъютантъ. — И кому пойдетъ это богатство? прибавилъ онъ шопотомъ.

— *Окотникъ найдутся*, улыбаясь отвѣчалъ Нѣмецъ.

Всѣ опять оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая княжна, сдѣлавъ питье, показанное Лорреномъ, понесла его больному. Нѣмецъ-докторъ подошелъ къ Лоррену.

— Еще можетъ дотянется до завтрашняго утра? спросилъ нѣмецъ, дурно выговаривая по-французски.

Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ носомъ.

— Сегодня ночью, не позже, сказалъ онъ тихо, съ приличною улыбкой самодовольства въ томъ, что ясно умѣетъ понимать и выражать положеніе больнаго, и отошелъ.

Между тѣмъ князь Василій отворилъ дверь въ комнату княжны.

Въ комнатѣ было полутемно; только двѣ лампадки горѣли передъ образами, и хорошо пахло куреньемъ и цвѣтами. Вся комната была установлена мелкою мебелью шифоньерокъ, шкапчиковъ, столиковъ. Изъ-за ширмъ виднѣлись бѣлыя покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

— Ахъ, это вы, mon cousin?

Она встала и оправила волосы, которые у ней всегда, даже и теперь, были такъ необыкновенно гладки, какъ будто они были сдѣланы изъ одного куска съ головой и покрыты лакомъ.

— Что, случилось что-нибудь? спросила она. — Я уже такъ напугалась.

— Ничего, все то же, я только пришелъ поговорить съ тобой, Катишь, о дѣлѣ, проговорилъ князь, устало садясь на

кресло, съ котораго она встала. — Какъ ты нагрѣла, однако, сказалъ онъ, — ну, садись сюда; поговоримъ.

— Я думала, не случилось ли что? сказала княжна, и съ своимъ неизмѣннымъ, каменно-строгимъ выраженіемъ лица, сѣла противъ князя, готовясь слушать. — Хотѣла уснуть, mon cousin, и не могу.

— Ну что, моя милая? сказалъ князь Василій, взявъ руку княжны и пригибая ее по своей привычкѣ книзу.

Видно было, что это „ну, что“ относилось ко многому такому, что, не называя, они понимали оба.

Княжна, съ своею несообразно-длинною по ногамъ, сухою и прямою таліей, прямо и безстрастно смотрѣла на князя выпуклыми сѣрыми глазами. Она покачала головой и, вздохнувъ, посмотрѣла на образа. Жестъ ея можно было объяснить и какъ выраженіе печали и преданности и какъ выраженіе усталости и надежды на скорый отдыхъ. Князь Василій объяснилъ этотъ жестъ, какъ выраженіе усталости.

— А мнѣ-то, сказалъ онъ, — ты думаешь легче? Я заморенъ какъ почтовая лошадь, а все-таки мнѣ надо съ тобой поговорить, Катишь, и очень серіозно.

Князь Василій замолчалъ, и щеки его начали нервически подергиваться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе, какое никогда не показывалось на лицѣ князя Василія, когда онъ бывалъ въ гостиныхъ. Глаза его тоже были не такіе, какъ всегда: то они смотрѣли нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на колѣняхъ собачку, внимательно смотрѣла въ глаза князю Василію; но видимо было, что она не прерветъ молчанія вопросомъ, хотя бы ей пришлось молчать до утра.

— Вотъ видите ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна, продолжалъ князь Василій, видимо не безъ внутренней борьбы приступая къ продолженію своей рѣчи: — въ такія минуты, какъ теперь, обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь.

Княжна также тускло и неподвижно смотрѣла на него.

— Наконецъ, надо подумать и о моемъ семействѣ, сердито отталкивая отъ себя столикъ и не глядя на нее, продолжалъ князь Василій: — ты знаешь, Катишь, что вы три сестры, Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наслѣдники графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче: но, другъ мой, мнѣ шестой десятокъ, надо быть ко всему готовымъ. Ты знаешь ли, что я послалъ за Пьеромъ, и что графъ, прямо указывая на его портретъ, требовалъ его къ себѣ?

Князь Василій вопросительно посмотрѣлъ на княжну, но не могъ понять, соображала ли она то, что онъ ей сказалъ, или просто смотрѣла на него...

— Я объ одномъ не перестаю молить Бога, mon cousin отвѣчала она, — чтобъ онъ помиловалъ его и далъ бы его прекрасной душѣ спокойно покинуть эту...

— Да, это такъ, нетерпѣливо продолжалъ князь Василій, потирая лысину и опять съ злобой придвигая къ себѣ отодвинутый столикъ, — но наконецъ... наконецъ дѣло въ томъ, ты сама знаешь, что прошлою зимой графъ написалъ завѣщаніе, по которому онъ все имѣніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ и нась, отдавалъ Пьеру.

— Мало ли онъ писалъ завѣщаній! спокойно сказала княжна: — но Пьеру онъ не могъ завѣщать. Пьеръ незаконный.

— Моя милая, сказалъ вдругъ князь Василій, прижавъ къ себѣ столикъ, оживившись и начавъ говорить скорѣй: — но что ежели письмо написано государю, и графъ проситъ усыновить Пьера? Понимаешь, по заслугамъ графа, его просьба будетъ уважена...

Княжна улыбнулась, какъ улыбаются люди, которые думаютъ, что знаютъ дѣло больше, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ разговариваютъ.

— Я тебѣ скажу больше, продолжалъ князь Василій, хватая ее за руку: — письмо было написано, хотя и не отослано, и государь зналъ о немъ. Вопросъ только въ томъ, уничтожено ли оно или нѣтъ. Ежели нѣтъ, то какъ скоро *все кончится*, — князь Василій вздохнулъ, давая этимъ понять, *что* онъ разумѣлъ подъ словами *все кончится*, — и вскроютъ бумаги графа, завѣщаніе съ письмомъ будетъ передано государю, и просьба его навѣрно будетъ уважена. Пьеръ, какъ законный сынъ, получитъ все.

— А наша часть? спросила княжна, иронически улыбаясь такъ, какъ будто все, но только не это, могло случиться.

— Но, моя дорогая Катишь, это ясно какъ день. Онъ одинъ тогда законный наслѣдникъ всего, а вы не получите ни вотъ этого. Ты должна знать, моя милая, были ли написаны завѣщаніе и письмо, и уничтожены ли они. И ежели почему-нибудь они забыты, то ты должна знать, гдѣ они, и найти ихъ, потому что...

— Этого только не доставало! перебила его княжна, сардонически улыбаясь и не измѣняя выраженія глазъ. — Я женщина, по вашему мы всѣ глупы; но я на столько знаю, что незаконный сынъ не можетъ наслѣдовать... Un bâtard,

прибавила она, полагая этимъ переводомъ окончательно показать князю его неосновательность.

— Какъ ты не понимаешь, наконецъ, Катишь! Ты такъ умна: какъ ты не понимаешь, ежели графъ написалъ письмо государю, въ которомъ проситъ его признать сына законнымъ, стало быть Пьеръ ужъ будетъ не Пьеръ, а графъ Безухій, и тогда онъ по завѣщанію получитъ все? И ежели завѣщаніе съ письмомъ не уничтожены, то тебѣ, кромѣ утѣшенія, что ты была добродѣтельна, и всего что вытекаетъ изъ твоей добродѣтели, ничего не останется. Это вѣрно.

— Я знаю, что завѣщаніе написано, но знаю тоже, что оно недѣйствительно, и вы меня, кажется, считаете за совершенную дуру, mon cousin, сказала княжна съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ говорятъ женщины, полагающія, что онѣ сказали нѣчто остроумное и оскорбительное.

— Милая ты моя княжна, Катерина Семеновна! нетерпѣливо заговорилъ князь Василій. — Я пришелъ къ тебѣ не за тѣмъ, чтобы пикироваться съ тобой, а за тѣмъ, чтобы какъ съ родной, хорошею, доброю, истинною родной, поговорить о твоихъ же интересахъ. Я тебѣ говорю десятый разъ, что ежели письмо къ государю и завѣщаніе въ пользу Пьера есть въ бумагахъ графа, то ты, моя голубушка, и съ сестрами, не наслѣдница. Ежели ты мнѣ не вѣришь, то повѣрь людямъ знающимъ: я сейчасъ говорилъ съ Дмитріемъ Онуфріичемъ (это былъ адвокатъ дома), онъ то же сказалъ.

Видимо что-то вдругъ измѣнилось въ мысляхъ княжны; тонкія губы поблѣднѣли (глаза остались тѣ же), и голосъ, въ то время, какъ она заговорила, прорывался такими раскатами, какихъ она видимо сама не ожидала.

— Это было бы хорошо, сказала она. — Я ничего не хо-

тѣла и не хочу. Она сбросила свою собачку съ колѣнъ и оправила складки платья.

— Вотъ благодарность, вотъ признательность людямъ, которые всѣмъ пожертвовали для него, сказала она. — Прекрасно! Очень хорошо! Мнѣ ничего не нужно, князь.

— Да, но ты не одна, у тебя сестры, отвѣтилъ князь Василій. — Но княжна не слушала его.

— Да, я это давно знала, но забыла, что, кромѣ низости, обмана, зависти, интригъ, кромѣ неблагодарности, самой черной неблагодарности, я ничего не могла ожидать въ этомъ домѣ...

— Знаешь ли ты или не знаешь, гдѣ это завѣщаніе? спрашивалъ князь Василій, еще съ большимъ, чѣмъ прежде, подергиваніемъ щекъ.

— Да, я была глупа, я еще вѣрила въ людей, и любила ихъ, и жертвовала собой. А успѣваютъ только тѣ, которые подлы и гадки. Я знаю, чьи это интриги.

Княжна хотѣла встать, но князь удержалъ ее за руку. Княжна имѣла видъ человѣка, вдругъ разочаровавшагося во всемъ человѣческомъ родѣ; она злобно смотрѣла на своего собесѣдника.

— Еще есть время, мой другъ. Ты помни, Катишь, что все это сдѣлалось нечаянно, въ минуту гнѣва, болѣзни, и потомъ забыто. Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты тѣмъ, чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать ему умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлалъ несчастными тѣхъ людей...

— Тѣхъ людей, которые всѣмъ пожертвовали для него,— подхватила княжна, порываясь опять встать, но князь не пустилъ ее, — чего онъ никогда не умѣлъ цѣнить. Нѣтъ, mon cousin прибавила она со вздохомъ, — я буду помнить, что

на этомъ свѣтѣ нельзя ждать награды, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ ни чести, ни справедливости. На этомъ свѣтѣ надо быть хитрою и злою.

— Ну, ну, успокойся; я знаю твое прекрасное сердце.

— Нѣтъ, у меня злое сердце.

— Я знаю твое сердце, повторилъ князь, — цѣню твою дружбу, и желалъ бы, чтобы ты была обо мнѣ того же мнѣнія. Успокойся и поговоримъ толкомъ, пока есть время — можетъ сутки, можетъ часъ; разскажи мнѣ все, что ты знаешь о завѣщаніи, и главное, гдѣ оно: ты должна знать. Мы теперь же возьмемъ его и покажемъ графу. Онъ вѣрно забылъ уже про него и захочетъ его уничтожить. Ты понимаешь, что мое одно желаніе свято исполнить его волю; я затѣмъ только и пріѣхалъ сюда. Я здѣсь только затѣмъ, чтобы помогать ему и вамъ.

— Теперь я все поняла. Я знаю, чьи это интриги. Я знаю, говорила княжна.

— Не въ томъ дѣло, моя душа.

— Это вами покровительствуемая, милая Анна Михайловна, которую я не желала бы имѣть горничной, эту мерзкую, гадкую женщину.

— Не будемъ терять время.

— Ахъ, не говорите! Прошлую зиму она втерлась сюда, и такія гадости, такія скверности наговорила графу на всѣхъ насъ, особенно Софи, — я повторить не могу, — что графъ сдѣлался боленъ и двѣ недѣли не хотѣлъ насъ видѣть. Въ это время, я знаю, что онъ написалъ эту гадкую, мерзкую бумагу; но я думала, что эта бумага ничего не значитъ.

— Въ этомъ то и дѣло, отчего же ты прежде ничего не сказала мнѣ?

— Въ мозаиковомъ портфелѣ, который онъ держитъ подъ подушкой. Теперь я знаю, сказала княжна, не отвѣчая.— Да, ежели есть за мной грѣхъ, большой грѣхъ, то это ненависть къ этой мерзавкѣ,— почти прокричала княжна, совершенно измѣнившись.— И зачѣмъ она втирается сюда? Но я ей выскажу все, все. Придетъ время!

XXII.

Въ то время, какъ такіе разговоры происходили въ пріемной и въ княжниной комнатахъ, карета съ Пьеромъ (за которымъ было послано) и съ Анной Михайловной (которая нашла нужнымъ ѣхать съ нимъ) въѣзжала во дворъ графа Безухаго. Когда колеса кареты мягко зазвучали по соломѣ, настланной подъ окнами, Анна Михайловна, обратившись къ своему спутнику съ утѣшительными словами, убѣдилась въ томъ, что онъ спитъ въ углу кареты, и разбудила его. Очнувшись, Пьеръ за Анной Михайловной вышелъ изъ кареты и тутъ только подумалъ о томъ свиданіи съ умирающимъ отцемъ, которое его ожидало. Онъ замѣтилъ, что они подъѣхали не къ парадному, а къ заднему подъѣзду. Въ то время, какъ онъ сходилъ съ подножки, два человѣка въ мѣщанской одеждѣ торопливо отбѣжали отъ подъѣзда въ тѣнь стѣны. Пріостановившись, Пьеръ разглядѣлъ въ тѣни дома съ обѣихъ сторонъ еще нѣсколько такихъ же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучеръ, которые не могли не видѣть этихъ людей, не обратили на нихъ вниманія. Стало быть, это такъ нужно, рѣшилъ самъ съ собой Пьеръ и прошелъ за Анной Михайловной. Анна Михайловна поспѣшными шагами шла вверхъ по слабо-освѣщенной, узкой, каменной лѣстницѣ, подзывая отстававшаго за ней Пьера,

который, хотя и не понималъ, для чего ему надо было вообще идти къ графу и, еще меньше, зачѣмъ ему надо было идти по задней лѣстницѣ, но, судя по увѣренности и поспѣшности Анны Михайловны, рѣшилъ про себя, что это было необходимо нужно. На половинѣ лѣстницы чуть не сбили ихъ съ ногъ какіе-то люди съ ведрами, которые, стуча сапогами, сбѣгали имъ навстрѣчу. Люди эти прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить Пьера съ Анной Михайловной и не показали ни малѣйшаго удивленія при видѣ ихъ.

— Здѣсь на половину княженъ? спросила Анна Михайловна одного изъ нихъ...

— Здѣсь, отвѣчалъ лакей смѣлымъ, громкимъ голосомъ, какъ будто теперь все уже было можно; — дверь налѣво, матушка.

— Можетъ-быть графъ не звалъ меня, сказалъ Пьеръ въ то время, какъ онъ вышелъ на площадку: — я пошелъ бы къ себѣ. Анна Михайловна остановилась, чтобы поравняться съ Пьеромъ.

— Ахъ, мой другъ, сказала она съ тѣмъ же жестомъ, какъ утромъ съ сыномъ, дотрогиваясь до его руки: — повѣрьте, я страдаю не меньше васъ, но будьте мужчиной.

— Право, я пойду? спросилъ Пьеръ, ласково, черезъ очки глядя на Анну Михайловну.

— Забудьте, другъ мой, въ чемъ были противъ васъ неправы. Вспомните, что это вашъ отецъ... Можетъ быть при смерти. — Она вздохнула. — Я тотчасъ полюбила васъ, какъ сына. Довѣрьтесь мнѣ, Пьеръ. Я не забуду вашихъ интересовъ.

Пьеръ ничего не понималъ; опять ему еще сильнѣе показалось, что все это такъ должно быть, и онъ покорно послѣдовалъ за Анной Михайловной, уже отворявшею дверь.

Дверь выходила въ переднюю задняго хода. Въ углу сидѣлъ старикъ-слуга княженъ и вязалъ чулокъ. Пьеръ никогда не былъ на этой половинѣ, даже не предполагалъ существованія такихъ покоевъ. Анна Михайловна спросила у обгонявшей ихъ, съ графиномъ на подносѣ, дѣвушки (назвавъ ее милою и голубушкой), о здоровьѣ княженъ, и повлекла Пьера дальше по каменному корридору. Изъ корридора первая дверь налѣво вела въ жилыя комнаты княженъ. Горничная, съ графиномъ, второпяхъ (какъ и все дѣлалось второпяхъ въ эту минуту въ этомъ домѣ) не затворила двери, и Пьеръ съ Анной Михайловной, проходя мимо, невольно заглянули въ ту комнату, гдѣ, разговаривая, сидѣли близко другъ отъ друга, старшая княжна съ княземъ Василіемъ. Увидавъ проходящихъ, князь Василій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и откинулся назадъ, княжна вскочила и отчаяннымъ жестомъ изо всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.

Жестъ этотъ былъ такъ непохожъ на всегдашнее спокойствіе княжны, страхъ, выразившійся на лицѣ князя Василія, былъ такъ несвойственъ его важности, что Пьеръ, остановившись, вопросительно, черезъ очки, посмотрѣлъ на свою руководительницу. Анна Михайловна не выразила удивленія, она только слегка улыбнулась и вздохнула, какъ будто показывая, что всего этого она ожидала.

— Будьте мужчиною, другъ мой, а я уже стану блюсти ваши интересы, сказала она въ отвѣтъ на его взглядъ и еще скорѣе пошла по корридору.

Пьеръ не понималъ въ чемъ дѣло, и еще меньше, что значило блюсти его интересы, но онъ понималъ, что все это такъ должно было быть. Корридоромъ они вошли въ полуосвѣщенную залу, примыкавшую къ пріемной графа. Это

была одна изъ тѣхъ холодныхъ и роскошныхъ комнатъ, которыя зналъ Пьеръ, съ параднаго крыльца. Но и въ этой комнатѣ посерединѣ стояла пустая ванна и была пролита вода по ковру. На встрѣчу имъ вышли на цыпочкахъ, не обращая на нихъ вниманія, слуга и причетникъ съ кадиломъ. Они вошли въ знакомую Пьеру пріемную съ двумя италіанскими окнами, выходомъ въ зимній садъ, съ большимъ бюстомъ и во весь ростъ портретомъ Екатерины. Всѣ тѣ же люди, почти въ тѣхъ же положеніяхъ, сидѣли, перешептываясь, въ пріемной. Всѣ, смолкнувъ, оглянулись на вошедшую Анну Михайловну съ ея исплаканнымъ блѣднымъ лицомъ, и на толстаго, большаго Пьера, который, опустивъ голову, покорно слѣдовалъ за нею.

На лицѣ Анны Михайловны выразилось сознаніе того, что рѣшительная минута наступила; она, съ пріемами дѣловой петербургской дамы, вошла въ комнату, не отпуская отъ себя Пьера, еще смѣлѣе чѣмъ утромъ. Она чувствовала, что такъ какъ она ведетъ за собою того, кого желалъ видѣть умирающій, то пріемъ ея былъ обезпеченъ. Быстрымъ взглядомъ оглядѣвъ всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ, и замѣтивъ графова духовника, она, не то что согнувшись, но сдѣлавшись вдругъ меньше ростомъ, мелкою иноходью подплыла къ духовнику и почтительно приняла благословеніе одного, потомъ другаго духовнаго лица.

— Слава Богу, что успѣли, сказала она духовному лицу: — мы всѣ, родные, такъ боялись. Вотъ этотъ молодой человѣкъ — сынъ графа, прибавила она тише. — Ужасная минута!

Проговоривъ эти слова, она подошла къ доктору.

— Любезный докторъ, сказала она ему, — этотъ молодой человѣкъ — сынъ графа... Есть ли надежда?

Докторъ, молча, быстрымъ движеніемъ, возвелъ кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно такимъ же движеніемъ возвела плечи и глаза, почти закрывъ ихъ, вздохнула и отошла отъ доктора къ Пьеру. Она особенно почтительно и нѣжно-грустно обратилась къ Пьеру.

— Довѣрьтесь Его милосердію, сказала она ему и, указавъ ему диванчикъ, чтобы сѣсть подождать ее, сама неслышно направилась къ двери, на которую всѣ смотрѣли, и, вслѣдъ за чуть слышнымъ звукомъ этой двери, скрылась за нею.

Пьеръ, рѣшившись во всемъ повиноваться своей руководительницѣ, направился къ диванчику, который она ему указала. Какъ только Анна Михайловна скрылась, онъ замѣтилъ, что взгляды всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ больше чѣмъ съ любопытствомъ и съ участіемъ устремились на него. Онъ замѣтилъ, что всѣ перешептывались, указывая на него глазами какъ будто со страхомъ и даже съ подобострастіемъ. Ему оказывали уваженіе, какого прежде никогда не оказывали: неизвѣстная ему дама, которая говорила съ духовными лицами, встала съ своего мѣста и предложила ему сѣсть: адъютантъ поднялъ уроненную Пьеромъ перчатку и подалъ ему; доктора почтительно замолкли, когда онъ проходилъ мимо ихъ, и посторонились, чтобы дать ему мѣсто. Пьеръ хотѣлъ сначала сѣсть на другое мѣсто, чтобы не стѣснять даму, хотѣлъ самъ поднять перчатку и обойти докторовъ, которые вовсе и не стояли на дорогѣ; но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было бы неприлично, онъ почувствовалъ, что онъ въ нынѣшнюю ночь есть лицо, которое обязано совершить какой-то страшный и ожидаемый всѣми обрядъ, и что поэтому онъ долженъ былъ принимать отъ

всѣхъ услуги. Онъ принялъ молча перчатку адъютанта, сѣлъ на мѣсто дамы, положивъ свои большія руки на симметрично-выставленныя колѣни, въ наивной позѣ египетской статуи, и рѣшилъ про себя, что все это такъ именно должно быть, и что ему въ нынѣшній вечеръ для того, чтобы не потеряться и не надѣлать глупостей, не слѣдуетъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ, а надобно предоставить себя вполнѣ на волю тѣхъ, которые руководили имъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ князь Василій, въ своемъ кафтанѣ съ тремя звѣздами, величественно, высоко неся голову, вошелъ въ комнату. Онъ казался похудѣвшимъ съ утра; глаза его были больше обыкновеннаго, когда онъ оглянулъ комнату и увидалъ Пьера. Онъ подошелъ къ нему, взялъ руку (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и потянулъ ее книзу, какъ будто онъ хотѣлъ испытать, крѣпко ли она держится.

— Будьте мужественны, мой другъ. Онъ велѣлъ васъ позвать. Это хорошо... и онъ хотѣлъ итти. Но Пьеръ почелъ нужнымъ спросить:

— Какъ здоровье... Онъ замялся, не зная прилично ли назвать умирающаго графомъ; назвать же отцомъ ему было совѣстно.

— Былъ еще ударъ полчаса назадъ. Будьте мужественны, мой другъ.

Пьеръ былъ въ такомъ состояніи неясности мысли, что при словѣ „ударъ“ ему представился ударъ какого-нибудь тѣла. Онъ, недоумѣвая, посмотрѣлъ на князя Василія и уже потомъ сообразилъ, что ударомъ называется болѣзнь. Князь Василій на ходу сказалъ нѣсколько словъ Лоррену и прошелъ въ дверь на-цыпочкахъ. Онъ не умѣлъ ходить на-цыпочкахъ

и неловко подергивалъ всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ за нимъ прошла старшая княжна, потомъ прошли духовныя лица и причетники, люди (прислуга) тоже прошли въ дверь. За этою дверью послышалось передвиженіе, и наконецъ, все съ тѣмъ же блѣднымъ, но твердымъ въ исполненіи долга лицомъ, выбѣжала Анна Михайловна, и, дотронувшись до руки Пьера, сказала:

— Милосердіе Божіе неисчерпаемо. Соборованіе сейчасъ начнется. Пойдемте.

Пьеръ прошелъ въ дверь, ступая по мягкому ковру, и замѣтилъ, что и адъютантъ, и незнакомая дама, и еще кто-то изъ прислуги, всѣ прошли за нимъ, какъ будто теперь ужъ не надо было спрашивать разрѣшенія входить въ эту комнату.

XX.

Пьеръ хорошо зналъ эту большую, раздѣленную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами. Часть комнаты за колоннами, гдѣ съ одной стороны стояла высокая краснаго дерева кровать подъ шелковыми занавѣсами, а съ другой — огромный кіотъ съ образами, была красно и ярко освѣщена, какъ бываютъ освѣщены церкви во время вечерней службы. Подъ освѣщенными ризами кіота стояло длинное вольтеровское кресло, и на креслѣ, обложенномъ вверху снѣжно-бѣлыми, не смятыми, видимо только что перемѣненными подушками, укрытая до пояса ярко-зеленымъ одѣяломъ, лежала знакомая Пьеру величественная фигура его отца, графа Везухова, съ тою же сѣдою гривой волосъ, напоминавшихъ льва, надъ широкимъ лбомъ, и съ тѣми же характерно-благородными, крупными морщинами на красивомъ красно-желтомъ лицѣ. Онъ лежалъ прямо подъ обра-

зами: обѣ толстыя, большія руки его были выпростаны изъ-подъ одѣяла и лежали на немъ. Въ правую руку, лежавшую ладонью книзу, между большимъ и указательнымъ пальцами, вставлена была восковая свѣча, которую, нагибаясь изъ-за кресла, придерживалъ въ ней старый слуга. Надъ кресломъ стояли духовныя лица въ своихъ величественныхъ, блестящихъ одеждахъ, съ выпростанными на нихъ длинными волосами, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и медленно-торжественно служили. Немного позади ихъ стояли двѣ младшія княжны, съ платкомъ въ рукахъ и у глазъ, и впереди ихъ старшая, Катишь, съ злобнымъ и рѣшительнымъ видомъ, ни на мгновеніе не спуская глазъ съ иконъ, какъ будто говорила всѣмъ, что не отвѣчаетъ за себя, если оглянется. Анна Михайловна, съ кроткою печалью и всепрощеніемъ на лицѣ, и неизвѣстная дама стояла у двери. Князь Василій стоялъ съ другой стороны двери близко къ креслу, за рѣзнымъ бархатнымъ стуломъ, который онъ поворотилъ къ себѣ спинкой и, облокотивъ на нее лѣвую руку со свѣчой, крестился правою, каждый разъ поднимая глаза кверху, когда приставлялъ персты ко лбу. Лицо его выражало спокойную набожность и преданность волѣ Божіей. „Ежели вы не понимаете этихъ чувствъ, то тѣмъ хуже для васъ“, казалось, говорило его лицо.

Сзади его стоялъ адъютантъ, доктора и мужская прислуга; какъ бы въ церкви, мужчины и женщины раздѣлились. Все молчало, крестилось, только слышны были церковное чтеніе, сдержанное, густое басовое пѣніе и въ минуты молчанія перестановка ногъ и вздохи. Анна Михайловна, съ тѣмъ значительнымъ видомъ, который показывалъ, что она знаетъ, что дѣлаетъ, перешла черезъ всю комнату къ Пьеру и подала

ему свѣчу. Онъ зажегъ ее, и, развлеченный наблюденіями надъ окружающими, сталъ креститься тою же рукой, въ которой была свѣча.

Младшая, румяная и смѣшливая княжна Софи, съ родинкою, смотрѣла на него. Она улыбнулась, спрятала свое лицо въ платокъ и долго не открывала его; но, посмотрѣвъ на Пьера, опять засмѣялась. Она, видимо, чувствовала себя не въ силахъ глядѣть на него безъ смѣха, но не могла удержаться, чтобы не смотрѣть на него, и во избѣжаніе искушеній тихо перешла за колонну. Въ серединѣ службы голоса духовенства вдругъ замолкли, духовныя лица шопотомъ сказали что-то другъ другу; старый слуга, державшій руку графа, поднялся и обратился къ дамамъ. Анна Михайловна выступила впередъ, и, нагнувшись надъ больнымъ, изъ-за спины пальцемъ поманила къ себѣ Лоррена. Французъ-докторъ, стоявшій безъ зажженной свѣчи, прислонившись къ колоннѣ, въ той почтительной позѣ иностранца, которая показываетъ, что, несмотря на различіе вѣры, онъ понимаетъ всю важность совершающагося обряда и даже одобряетъ его, — неслышными шагами человѣка во всей силѣ возраста подошелъ къ больному, взялъ своими бѣлыми, тонкими пальцами его свободную руку съ зеленаго одѣяла и, отвернувшись, сталъ щупать пульсъ и задумался. Больному дали чего-то выпить, зашевелились около него, потомъ опять разступились по мѣстамъ, и богослуженіе возобновилось. Во время этого перерыва Пьеръ замѣтилъ, что князь Василій вышелъ изъ-за своей спинки стула, и съ тѣмъ же видомъ, который показывалъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и что тѣмъ хуже для другихъ, ежели они не понимаютъ его, не подошелъ къ больному, а пройдя мимо его, присоединился

къ старшей княжнѣ и съ нею вмѣстѣ направился вглубь спальни, къ высокой кровати подъ шелковыми занавѣсами. Отъ кровати князь и княжна оба скрылись въ заднюю дверь, но предъ концомъ службы одинъ за другимъ возвратились на свои мѣста. Пьеръ обратилъ на это обстоятельство не болѣе вниманія, какъ и на всѣ другія, разъ навсегда рѣшивъ въ своемъ умѣ, что все, что совершалось передъ нимъ нынѣшній вечеръ, было такъ необходимо нужно.

Звуки церковнаго пѣнія прекратились, и послышался голосъ духовнаго лица, которое почтительно поздравляло больного съ принятіемъ таинства. Больной лежалъ все также безжизненно и неподвижно. Вокругъ него все зашевелилось, послышались шаги и шопоты, изъ которыхъ шопотъ Анны Михайловны выдавался рѣзче всѣхъ.

Пьеръ слышалъ, какъ она сказала:

— Непремѣнно надо перенести на кровать, здѣсь никакъ нельзя будетъ...

Больнаго такъ обступили доктора, княжны и слуги, что Пьеръ уже не видалъ той красно-желтой головы, съ сѣдою гривой, которая, несмотря на то, что онъ видѣлъ и другія лица, ни на мгновеніе не выходила у него изъ вида во все время службы. Пьеръ догадался по осторожному движенію людей, обступившихъ кресло, что умирающаго поднимали и переносили.

— За мою руку держись, уронишь такъ, послышался ему испуганный шопотъ одного изъ слугъ, — снизу... еще одинъ, говорили голоса, и тяжелыя дыханія и переступанія ногами людей стали торопливѣе, какъ будто тяжесть, которую они несли, была сверхъ силъ ихъ.

Несущіе, въ числѣ которыхъ была и Анна Михайловна,

поравнялись съ молодымъ человѣкомъ, и ему на мгновеніе изъ-за спинъ и затылковъ людей показалась высокая жирная, открытая грудь, тучныя плечи больного, приподнятыя кверху людьми, державшими его подъ мышки, и сѣдая курчавая львиная голова. Голова эта, съ необычайно широкимъ лбомъ и скулами, красивымъ чувственнымъ ртомъ и величественнымъ холоднымъ взглядомъ, была не обезображена близостью смерти. Она была такая же, какою зналъ ее Пьеръ назадъ тому три мѣсяца, когда графъ отпускалъ его въ Петербургъ. Но голова эта безпомощно покачивалась отъ неровныхъ шаговъ несущихъ, и холодный, безучастный взглядъ не зналъ, на чемъ остановиться.

Прошло нѣсколько минутъ суеты около высокой кровати; люди, несшіе больнаго, разошлись. Анна Михайловна дотронулась до руки Пьера и сказала ему: „пойдемте". Пьеръ вмѣстѣ съ нею подошелъ къ кровати, на которой въ праздничной позѣ, видимо имѣвшей отношеніе къ только что совершенному таинству, былъ положенъ больной. Онъ лежалъ, высоко опираясь головой на подушки. Руки его были симметрично выложены на зеленомъ шелковомъ одѣялѣ ладонями внизъ. Когда Пьеръ подошелъ, графъ глядѣлъ прямо на него, но глядѣлъ тѣмъ взглядомъ, котораго смыслъ и значеніе нельзя понять человѣку. Или этотъ взглядъ ровно ничего не говорилъ, какъ только то, что покуда есть глаза, надо же глядѣть куда-нибудь, или онъ говорилъ слишкомъ многое. Пьеръ остановился, не зная что ему дѣлать, и вопросительно оглянулся на свою руководительницу, Анну Михайловну. Анна Михайловна сдѣлала ему торопливый жестъ глазами, указывая на руку больного и губами посылая ей воздушный поцѣлуй. Пьеръ старательно вытягивая шею, чтобы

не зацѣпить за одѣяло, исполнилъ ея совѣтъ и приложился къ ширококостной и мясистой рукѣ. Ни рука, ни одинъ мускулъ лица графа не дрогнули. Пьеръ опять вопросительно посмотрѣлъ на Анну Михайловну, спрашивая, теперь что ему дѣлать. Анна Михайловна глазами указала ему на кресло, стоявшее подлѣ кровати. Пьеръ покорно сталъ садиться на кресло, глазами продолжая спрашивать, то ли онъ сдѣлалъ, что нужно. Анна Михайловна одобрительно кивнула головой. Пьеръ принялъ опять симметрично-наивное положеніе египетской статуи, видимо соболѣзнуя о томъ, что неуклюжее и толстое тѣло его занимало такое большое пространство, и употребляя всѣ душевныя силы, чтобы казаться какъ можно меньше. Онъ смотрѣлъ на графа. Графъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ находилось лицо Пьера въ то время, какъ онъ стоялъ. Анна Михайловна являла въ своемъ положеніи сознаніе трогательной важности этой послѣдней минуты свиданія отца съ сыномъ. Это продолжалось двѣ минуты, которыя показались Пьеру часомъ. Вдругъ, въ крупныхъ мускулахъ и морщинахъ лица графа появилось содроганіе. Содроганіе усиливалось, красивый ротъ покривился (тутъ только Пьеръ понялъ, до какой степени отецъ его былъ близокъ къ смерти), изъ перекривленнаго рта послышался неясный хриплый звукъ. Анна Михайловна старательно смотрѣла въ глаза больному, и стараясь угадать, чего было нужно ему, указывала то на Пьера, то на питье, то шопотомъ вопросительно называла князя Василія, то указывала на одѣяло. Глаза и лицо больного выказывали нетерпѣніе. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы взглянуть на слугу, который безотходно стоялъ у изголовья постели.

— На другой бочокъ перевернуться хотятъ, прошепталъ

слуга, и поднялся, чтобы переворотить лицомъ къ стѣнѣ тяжелое тѣло графа.

Пьеръ всталъ, чтобы помочь слугѣ.

Въ то время, какъ графа переворачивали, одна рука его безпомощно завалилась назадъ, и онъ сдѣлалъ напрасное усиліе, чтобы перетащить ее. Замѣтилъ ли графъ тотъ взглядъ ужаса, съ которымъ Пьеръ смотрѣлъ на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула въ его умирающей головѣ въ эту минуту, но онъ посмотрѣлъ на непослушную руку, на выраженіе ужаса въ лицѣ Пьера, опять на руку, и на лицѣ его явилась такъ не шедшая къ его чертамъ слабая, страдальческая улыбка, выражавшая какъ бы насмѣшку надъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. Неожиданно, при видѣ этой улыбки, Пьеръ почувствовалъ содроганіе въ груди, щипаніе въ носу, и слезы затуманили его зрѣніе. Больнаго перевернули на бокъ къ стѣнѣ. Онъ вздохнулъ.

— Онъ забылся, сказала Анна Михайловна, замѣтивъ приходившую на смѣну княжну. — Пойдемъ.

Пьеръ вышелъ.

XXI.

Въ пріемной уже никого не было, кромѣ князя Василія и старшей княжны, которые сидя подъ портретомъ Екатерины, о чемъ-то оживленно говорили. Какъ только они увидали Пьера съ его руководительницей, они замолчали. Княжна что-то спрятала, какъ показалось Пьеру, и прошептала:

— Не могу видѣть эту женщину.

— Катишь велѣла подать чай въ маленькую гостиную,

сказалъ князь Василій Аннѣ Михайловнѣ. — Вы бы пошли, бѣдная Анна Михайловна, подкрѣпили себя, а то вы не выдержите.

Пьеру онъ ничего не сказалъ, только пожалъ съ чувствомъ его руку пониже плеча. Пьеръ съ Анной Михайловной прошли въ маленькую гостиную.

— Ничто такъ не возстановляетъ силъ послѣ безсонной ночи, какъ чашка этого превосходнаго русскаго чаю, говорилъ Лорренъ съ выраженіемъ сдержанной оживленности, отхлебывая изъ тонкой безъ ручки китайской чашки, стоя въ маленькой круглой гостиной передъ столомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ и холодный ужинъ. Около стола собрались, чтобы подкрѣпить свои силы, всѣ бывшіе въ эту ночь въ домѣ графа Безухова. Пьеръ хорошо помнилъ эту маленькую круглую гостиную, съ зеркалами и маленькими столиками. Во время баловъ въ домѣ графа, Пьеръ, не умѣвшій танцовать, любилъ сидѣть въ этой маленькой зеркальной и наблюдать, какъ дамы, въ бальныхъ туалетахъ, брильянтахъ и жемчугахъ на голыхъ плечахъ, проходя черезъ эту комнату, оглядывали себя въ ярко освѣщенныя зеркала, нѣсколько разъ повторявшія ихъ отраженія. Теперь та же комната была едва освѣщена двумя свѣчами, и среди ночи на одномъ маленькомъ столикѣ безпорядочно стояли чайный приборъ и блюда, и разнообразные, непраздничные люди, шопотомъ переговариваясь, сидѣли въ ней, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ показывая, что никто не забываетъ того, что дѣлается теперь и имѣетъ еще совершиться въ спальнѣ. Пьеръ не сталъ ѣсть, хотя ему и очень хотѣлось. Онъ оглянулся вопросительно на свою руководительницу, и увидѣлъ, что она на цыпочкахъ выходила опять

въ пріемную, гдѣ остался князь Василій съ старшею княжной. Пьеръ полагалъ, что и это было такъ нужно, и, помедливъ немного, пошелъ за ней. Анна Михайловна стояла подлѣ княжны, и обѣ онѣ въ одно время говорили взволнованнымъ шопотомъ.

— Позвольте мнѣ, княгиня, знать, что нужно и что не нужно, говорила княжна, видимо находясь въ томъ же взволнованномъ состояніи, въ какомъ она была въ то время, какъ захлопывала дверь своей комнаты.

— Но, милая княжна, кротко и убѣдительно говорила Анна Михайловна, заступая дорогу отъ спальни и не пуская княжну, — не будетъ ли это слишкомъ тяжело для бѣднаго дядюшки въ такія минуты, когда ему нуженъ отдыхъ? Въ такія минуты разговоръ о мірскомъ, когда его душа уже приготовлена...

Князь Василій сидѣлъ на креслѣ, въ своей фамильярной позѣ, высоко заложивъ ногу на ногу. Щеки его сильно перепрыгивали и, опустившись, казались толще внизу; но онъ имѣлъ видъ человѣка, мало занятаго разговоромъ двухъ дамъ.

— Да нѣтъ же, моя милая Анна Михайловна, предоставьте Катишь дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Вы знаете, какъ графъ ее любитъ.

— Я и не знаю что̀ въ этой бумагѣ, говорила княжна, обращаясь къ князю Василію и указывая на мозаиковый портфель, который она держала въ рукахъ. — Я знаю только, что настоящее завѣщаніе у него въ бюро, а это забытая бумага... — Она хотѣла обойти Анну Михайловну, но Анна Михайловна, подпрыгнувъ, опять загородила ей дорогу.

— Я знаю, милая, добрая княжна, сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и такъ крѣпко, что видно

было она не скоро его пустить. — Милая княжна, я васъ прошу, я васъ умоляю, пожалѣйте его.

Княжна молчала. Слышны были только звуки усилій борьбы за портфель. Видно было, что ежели она заговоритъ, то заговоритъ не лестно для Анны Михайловны. Анна Михайловна держала крѣпко, но несмотря на то, голосъ ея удерживалъ всю свою сладкую тягучесть и мягкость.

— Пьеръ, подойдите сюда, мой другъ. Я думаю, что онъ не лишній въ родственномъ совѣтѣ: не правда ли, князь?

— Что же вы молчите, mon cousin? вдругъ вскрикнула княжна такъ громко, что въ гостиной услыхали и испугались ея голоса. — Что вы молчите, когда здѣсь, Богъ знаетъ кто позволяетъ себѣ вмѣшиваться и дѣлать сцены на порогѣ комнаты умирающаго? Интриганка! прошептала она злобно и дернула портфель изо всей силы, но Анна Михайловна сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы не отстать отъ портфеля и перехватила руку.

— Ахъ, сказалъ князь Василій, укоризненно и удивленно. Онъ всталъ. — Это смѣшно. Ну же, пустите. Я вамъ говорю. — Княжна пустила.

— И вы!

Анна Михайловна не послушалась его.

— Пустите, я вамъ говорю. Я беру все на себя. Я пойду и спрошу его. Я... довольно вамъ этого.

— Но, князь, говорила Анна Михайловна, — послѣ такого великаго таинства, дайте ему минуту покоя. Вотъ Пьеръ, скажите ваше мнѣніе, обратилась она къ молодому человѣку, который, вплоть подойдя къ нимъ, удивленно смотрѣлъ на озлобленное, потерявшее все приличіе лицо княжны и на перепрыгивающія щеки князя Василія.

— Помните, что вы будете отвѣчать за всѣ послѣдствія, строго сказалъ князь Василій: — вы не знаете, что̀ вы дѣлаете.

— Мерзкая женщина! вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель. Князь Василій опустилъ голову и развелъ руками.

Въ эту минуту дверь, та страшная дверь, на которую такъ долго смотрѣлъ Пьеръ, и которая такъ тихо отворялась, быстро, съ шумомъ откинулась, стукнувъ объ стѣну, и средняя княжна выбѣжала оттуда и всплеснула руками.

— Что̀ вы дѣлаете! отчаянно проговорила она. — Онъ умираетъ, а вы меня оставляете одну.

Старшая княжна выронила портфель. Анна Михайловна быстро нагнулась и, подхвативъ спорную вещь, побѣжала въ спальню. Старшая княжна и князь Василій, опомнившись, пошли за ней. Черезъ нѣсколько минутъ, первая вышла оттуда старшая княжна, съ блѣднымъ и сухимъ лицомъ и прикушенною нижней губой. При видѣ Пьера лицо ея выразило неудержимую злобу.

— Да, радуйтесь теперь, сказала она, — вы этого ждали. — И зарыдавъ, она закрыла лицо платкомъ и выбѣжала изъ комнаты.

За княжной вышелъ князь Василій. Онъ, шатаясь, дошелъ до дивана, на которомъ сидѣлъ Пьеръ, и упалъ на него, закрывъ глаза рукой. Пьеръ замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ, и что нижняя челюсть его прыгала и тряслась какъ въ лихорадочной дрожи.

— Ахъ, мой другъ! сказалъ онъ, взявъ Пьера за локоть; и въ голосѣ его была искренность и слабость, которыхъ Пьеръ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ. — Сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ

шестой десятокъ, мой другъ... Вѣдь мнѣ... Все кончится смертью, все. Смерть ужасна. — Онъ заплакалъ.

Анна Михайловна вышла послѣдняя. Она подошла къ Пьеру тихими медленными шагами.

— Пьеръ!... сказала она.

Пьеръ вопросительно смотрѣлъ на нее. Она поцѣловала въ лобъ молодого человѣка, увлажая его слезами. Она помолчала.

— Его нѣтъ болѣе...

Пьеръ смотрѣлъ на нее черезъ очки.

— Пойдемте, я васъ провожу. Старайтесь плакать; ничто такъ не облегчаетъ какъ слезы.

Она провела его въ темную гостиную, и Пьеръ радъ былъ, что никто тамъ не видѣлъ его лица. Анна Михайловна ушла отъ него, и когда она вернулась, онъ, подложивъ подъ голову руку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

На другое утро Анна Михайловна говорила Пьеру:

— Да, мой другъ, это великая потеря для всѣхъ насъ, не говоря о васъ. Но Богъ васъ поддержитъ, вы молоды, и вотъ вы теперь, надѣюсь, обладатель огромнаго богатства. Завѣщаніе еще не вскрыто. Я довольно васъ знаю и увѣрена, что это не вскружитъ вамъ голову, но это налагаетъ на васъ обязанности, и надо быть мужчиной.

Пьеръ молчалъ.

— Послѣ я, можетъ быть, разскажу вамъ, что если бъ я не была тамъ, то Богъ знаетъ что̀ бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьяго дня обѣщалъ мнѣ не забыть Бориса, но не успѣлъ. Надѣюсь, мой другъ, вы исполните желаніе отца.

Пьеръ ничего не понималъ, и молча, застѣнчиво кра-

сніья, смотрѣлъ на княгиню Анну Михайловну. Переговоривъ съ Пьеромъ, Анна Михайловна уѣхала къ Ростовымъ и легла спать. Проснувшись утромъ, она разсказывала Ростовымъ и всѣмъ знакомымъ подробности смерти графа Безухова. Она говорила, что графъ умеръ такъ, какъ и она желала бы умереть, что конецъ его былъ не только трогателенъ, но и назидателенъ; послѣднее же свиданіе отца съ сыномъ было до того трогательно, что она не могла вспомнить его безъ слезъ, и что она не знаетъ, кто лучше велъ себя въ эти страшныя минуты: отецъ ли, который такъ все и всѣхъ вспомнилъ въ послѣднія минуты и такія трогательныя слова сказалъ сыну, или Пьеръ, на котораго жалко было смотрѣть, какъ онъ былъ убитъ, и какъ, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающаго отца. „Это тяжело, но это поучительно; душа возвышается, когда видишь такихъ людей, какъ старый графъ и его достойный сынъ“, говорила она. О поступкахъ княжны и князя Василья она, не одобряя ихъ, тоже разсказывала, но подъ большимъ секретомъ и шопотомъ.

XXII.

Въ Лысыхъ Горахъ, имѣніи князя Николая Андреевича Болконскаго, ожидали съ каждымъ днемъ пріѣзда молодаго князя Андрея съ княгиней, но ожиданіе не нарушило стройнаго порядка, по которому шла жизнь въ домѣ стараго князя. Генералъ-аншефъ, князь Николай Андреевичъ, по прозванью въ обществѣ „прусскій король“, съ того времени, какъ при Павлѣ былъ сосланъ въ деревню, жилъ безвыѣздно въ своихъ Лысыхъ Горахъ съ дочерью, княжною Марьей и при ней компаньонкой, мамзель Бурьенъ. И въ новое царствованіе,

хотя ему и былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, онъ такъ же продолжалъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, говоря, что ежели кому его нужно, то тотъ и отъ Москвы полтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ Горъ, а что ему никого и ничего не нужно. Онъ говорилъ, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ. Онъ самъ занимался воспитаніемъ своей дочери, и чтобы развить въ ней обѣ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Самъ онъ постоянно былъ занятъ то писаніемъ своихъ мемуаровъ, то выкладками изъ высшей математики, то точеніемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду и наблюденіемъ надъ постройками, которыя не прекращались въ его имѣніи. Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно-требователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему, и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ, или княжна Марья, дожидался назначеннаго часа выхода князя въ высокой оффиціантской. И каждый въ этой оффиціантской испытывалъ то же чувство

почтительности и даже страха, въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета, и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигурка старика, съ маленькими сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, какъ онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ.

Въ день пріѣзда молодыхъ, утромъ, по обыкновенію княжна Марья въ урочный часъ входила для утренняго привѣтствія въ офиціантскую и со страхомъ крестилась и читала внутренно молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о томъ, чтобъ это ежедневное свиданіе сошло благополучно.

Сидѣвшій въ офиціантской пудреный старикъ-слуга тихимъ движеніемъ всталъ и шопотомъ доложилъ: „Пожалуйте“.

Изъ-за двери слышались равномѣрные звуки станка. Княжна робко потянула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работалъ за станкомъ и, оглянувшись, продолжалъ свое дѣло.

Огромный кабинетъ былъ наполненъ вещами, очевидно, безпрестанно-употребляемыми. Большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе стеклянные шкафы библіотеки съ ключами въ дверцахъ, высокій столъ для писанія въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тетрадь, токарный станокъ съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками, — все выказывало постоянную, разнообразную и порядочную дѣятельность. По движеніямъ небольшой ноги, обутой въ татарскій шитый серебромъ сапожокъ, по твердому налеганію жилистой сухощавой руки видна была въ князѣ еще упорная и много выдерживающая сила свѣжей старости. Сдѣлавъ нѣсколько

круговъ, онъ снялъ ногу съ педали станка, обтеръ стамеску, кинулъ ее въ кожаный карманъ придѣланный къ станку, и, подойдя къ столу, подозвалъ дочь. Онъ никогда не благословлялъ своихъ дѣтей, и только, подставивъ ей щетинистую, еще не бритую нынче щеку, сказалъ строго и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно-нѣжно, оглядѣвъ ее: „Здорова?... ну, такъ, садись!“ Онъ взялъ тетрадь геометріи, писанную его рукой, и подвинулъ ногой свое кресло.

— На завтра! сказалъ онъ, быстро отыскивая страницу и отъ параграфа до другого отмѣчая жесткимъ ногтемъ. Княжна пригнулась къ столу надъ тетрадью. — Постой, письмо тебѣ, вдругъ сказалъ старикъ, доставая изъ придѣланнаго надъ столомъ кармана конвертъ, надписанный женскою рукой, и кидая его на столъ.

Лицо княжны покрылось красными пятнами при видѣ письма. Она торопливо взяла его и пригнулась къ нему.

— Отъ Элоизы? спросилъ князь, холодною улыбкой выказывая еще крѣпкіе и желтоватые зубы.

— Да, отъ Жюли, сказала княжна, робко взглядывая и робко улыбаясь.

— Еще два письма пропущу, а третье прочту, строго сказалъ князь:—боюсь, много вздору пишете. Третье прочту.

— Прочтите хоть это, батюшка, отвѣчала княжна, краснѣя еще болѣе и подавая ему письмо.

— Третье, я сказалъ третье, коротко крикнулъ князь, отталкивая письмо, и облокотившись на столъ, пододвинулъ тетрадь съ чертежами геометріи.

— Ну, сударыня, началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ что княжна чув-

ствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старчески-ѣдкимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала. — Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видѣть, уголъ *abc*...

Княжна испуганно взглядывала на близко отъ нея блестящіе глаза отца; красныя пятна переливались по ея лицу, и видно было, что она ничего не понимаетъ и такъ боится, что страхъ помѣшаетъ ей понять всѣ дальнѣйшія толкованія отца, какъ бы ясны они ни были. Виноватъ ли былъ учитель, или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось въ глазахъ, она ничего не видѣла, не слышала, только чувствовала близко подлѣ себя сухое лицо строгаго отца, чувствовала его дыханіе и запахъ и только думала о томъ, какъ бы ей уйти поскорѣе изъ кабинета и у себя на просторѣ понять задачу. Старикъ выходилъ изъ себя: съ грохотомъ отодвигалъ и придвигалъ кресло, на которомъ самъ сидѣлъ, дѣлалъ усилія надъ собой, чтобы не разгорячиться и почти всякій разъ горячился, бранился, а иногда швырялъ тетрадью.

Княжна ошиблась отвѣтомъ.

— Ну, какъ же не дура! крикнулъ князь, оттолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись; но тотчасъ же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ. Онъ придвинулся и продолжалъ толкованіе. — Нельзя, княжна, нельзя, сказалъ онъ, когда княжна, взявъ и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить: — математика великое дѣло, моя сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ глупыхъ барынь, я не хочу. — Стерпится-слюбится. Онъ потрепалъ ее рукой по щекѣ.

дуры изъ головы выколотить. Она хотѣла выйти, онъ остановилъ ее жестомъ и досталъ съ высокаго стола новую неразрѣзанную книгу.

— Вотъ еще какой-то *Ключъ таинства*, тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. А я ни въ чью вѣру не вмѣшиваюсь... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну, ступай, ступай!

Онъ потрепалъ ее по плечу и самъ заперъ за нею дверь.

Княжна Марья возвратилась въ свою комнату съ грустнымъ, испуганнымъ выраженіемъ, которое рѣдко покидало ее и дѣлало ея некрасивое болѣзненное лицо еще болѣе некрасивымъ, и сѣла за свой письменный столъ, уставленный миніатюрными портретами и заваленный тетрадями и книгами. Княжна была столь же безпорядочна, какъ отецъ ея порядоченъ. Она положила тетрадь геометріи и нетерпѣливо распечатала письмо. Письмо было отъ ближайшаго съ дѣтства друга княжны; другъ этотъ была та самая Жюли Карагина, которая была на именинахъ у Ростовыхъ.

Жюли писала по-французски:

„Милый и безцѣнный другъ, какая страшная и ужасная вещь — разлука! Сколько ни твержу себѣ, что половина моего существованія и моего счастія въ васъ, что несмотря на разстояніе, которое насъ разлучаетъ, сердца наши соединены неразрывными узами; мое сердце возмущается противъ судьбы, и, несмотря на удовольствія и разсѣянія, которыя меня окружаютъ, я не могу подавить нѣкоторую скрытую грусть, которую испытываю въ глубинѣ сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вмѣстѣ, какъ въ прошлое лѣто, въ вашемъ большомъ кабинетѣ, на голубомъ диванѣ, на диванѣ „признаній?“ Отчего я не могу, какъ три мѣсяца тому назадъ, почерпывать новыя нравственныя силы въ ва-

нимъ взглядѣ, кроткомъ, спокойномъ и проницательномъ, который я такъ любила и который я вижу предъ собой въ ту минуту, какъ пишу вамъ?“

Прочтя до этого мѣста, княжна Марья вздохнула и оглянулась въ трюмо, которое стояло направо отъ нея. Зеркало отразило некрасивое, слабое тѣло и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрѣли на себя въ зеркало. Она мнѣ льститъ, подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли однако не льстила своему другу: дѣйствительно, глаза княжны, большіе, глубокіе и лучистые (какъ будто лучи теплаго свѣта иногда снопами выходили изъ нихъ), были такъ хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти дѣлались привлекательнѣе красоты. Но княжна никогда не видѣла хорошаго выраженія своихъ глазъ, того выраженія, которое они принимали въ тѣ минуты, когда она не думала о себѣ. Какъ и у всѣхъ людей, лицо ея принимало натянуто-неестественное, дурное выраженіе, какъ скоро она смотрѣлась въ зеркало. Она продолжала читать:

„Вся Москва только и говоритъ, что о войнѣ. Одинъ изъ моихъ двухъ братьевъ уже за границей, другой съ гвардіей, которая выступаетъ въ походъ къ границѣ. Нашъ милый государь оставляетъ Петербургъ и, какъ предполагаютъ, намѣренъ самъ подвергнуть свое драгоцѣнное существованіе случайностямъ войны. Дай Богъ, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущаетъ спокойствіе Европы, было низвергнуто ангеломъ, котораго Всемогущій въ Своей благости поставилъ надъ нами повелителемъ. Не говоря уже о моихъ братьяхъ, эта война лишила меня одного изъ отношеній самыхъ близкихъ моему сердцу. Я говорю о молодомъ Николаѣ

Ростовѣ, который, при своемъ энтузіазмѣ, не могъ переносить бездѣйствія, и оставилъ университетъ, чтобы поступить въ армію. Признаюсь вамъ, милая Мари, что, несмотря на его чрезвычайную молодость, отъѣздъ его въ армію былъ для меня большимъ горемъ. Въ молодомъ человѣкѣ, о которомъ я говорила вамъ прошлымъ лѣтомъ, столько благородства, истинной молодости, которую встрѣчаешь такъ рѣдко въ нашъ вѣкъ между нашими двадцати-лѣтними стариками! У него особенно такъ много откровенности и сердца. Онъ такъ чистъ и полонъ поэзіи, что мои отношенія къ нему, при всей мимолетности своей, были одною изъ самыхъ сладостныхъ отрадъ моего бѣднаго сердца, которое уже такъ много страдало. Я вамъ разскажу когда-нибудь наше прощаніе и все, что говорилось при прощаніи. Все это еще слишкомъ свѣжо... Ахъ! милый другъ, вы счастливы, что не знаете этихъ жгучихъ наслажденій, этихъ жгучихъ горестей. Вы счастливы, потому что послѣднія обыкновенно сильнѣе первыхъ. Я очень хорошо знаю, что графъ Николай слишкомъ молодъ для того, чтобы сдѣлаться для меня чѣмъ-нибудь, кромѣ какъ другомъ. Но эта сладкая дружба, эти столь поэтическія и столь чистыя отношенія были потребностью моего сердца. Но довольно объ этомъ.

„Главная новость, занимающая всю Москву, — смерть стараго графа Безухаго и его наслѣдство. Представьте себѣ, три княжны получили какую-то малость, князь Василій ничего, а Пьеръ — наслѣдникъ всего, и сверхъ того признанъ законнымъ сыномъ и потому графомъ Безухимъ и владѣльцемъ самаго огромнаго состоянія въ Россіи. Говорятъ, что князь Василій игралъ очень гадкую роль во всей этой исторіи, и что онъ уѣхалъ въ Петербургъ очень сконфужен-

ный. Признаюсь вамъ, я очень плохо понимаю всѣ эти дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ; знаю только, что съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ, котораго мы всѣ знали подъ именемъ просто Пьера, сдѣлался графомъ Безухимъ и владѣльцемъ одного изъ лучшихъ состояній Россіи, — я забавляюсь наблюденіями надъ перемѣной тона маменекъ, у которыхъ есть дочери-невѣсты, и самыхъ барышень, въ отношеніи къ этому господину, который (въ скобкахъ будь сказано) всегда казался мнѣ очень ничтожнымъ. Такъ какъ уже два года всѣ забавляются тѣмъ, чтобы пріискивать мнѣ жениховъ, которыхъ я, большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы дѣлаетъ меня графинею Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю. Кстати о бракахъ. Знаете ли вы, что недавно *всеобщая тетушка*, Анна Михайловна, довѣрила мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, замыселъ устроить ваше супружество. Это ни болѣе ни менѣе какъ сынъ князя Василья, Анатоль, котораго хотятъ пристроить, женивъ его на богатой и знатной дѣвицѣ, и на васъ палъ выборъ родителей. Я не знаю, какъ вы посмотрите на это дѣло, но я сочла своимъ долгомъ предувѣдомить васъ. Онъ, говорятъ, очень хорошъ собой и большой повѣса. Вотъ все, что я могла узнать о немъ.

„Но будетъ болтать. Кончаю мой второй листокъ, а маменька прислала за мной, чтобъ ѣхать обѣдать къ Апраксинымъ.

„Прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посылаю; она имѣетъ у насъ огромный успѣхъ. Хотя въ ней есть вещи, которыя трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга; чтеніе ея успокоиваетъ и возвышаетъ душу. Прощайте. Мое почтеніе вашему батюшкѣ

и мои привѣтствія m-elle Буріенъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Жюли.

„PS. Извѣстите меня о вашемъ братѣ и о его прелестной женѣ".

Княжна подумала, вадумчиво улыбаясь (причемъ лицо ея, освѣщенное лучистыми глазами, совершенно преобразилось), и вдругъ приподнявшись, тяжело ступая, перешла къ столу. Она достала бумагу, и рука ея быстро начала ходить по ней. Такъ писала она отвѣтъ:

„Милый и безцѣнный другъ. Ваше письмо отъ 13-го доставило мнѣ большую радость. Вы все еще меня любите, моя поэтическая Жюли. Разлука, о которой вы говорите такъ много дурного, видно не имѣла на васъ своего обычнаго вліянія. Вы жалуетесь на разлуку; что же я должна была бы сказать, если бы смѣла, — я, лишенная всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ? Ахъ, ежели бы не было у насъ утѣшенія религіи, жизнь была бы очень печальна. Почему приписываете вы мнѣ строгій взглядъ, когда говорите о вашей склонности къ молодому человѣку? Въ этомъ отношеніи я строга только къ себѣ. Я понимаю эти чувства у другихъ, и если не могу одобрять ихъ, никогда не испытавши, то я и не осуждаю ихъ. Мнѣ кажется только, что христіанская любовь къ ближнему, любовь къ врагамъ, достойнѣе, отраднѣе и лучше, чѣмъ тѣ чувства, которыя могутъ внушить прекрасные глаза молодого человѣка молодой дѣвушкѣ, поэтической и любящей, какъ вы.

„Извѣстіе о смерти графа Безухаго дошло до насъ прежде вашего письма, и мой отецъ былъ очень тронутъ имъ. Онъ говоритъ, что это былъ предпослѣдній представитель великаго вѣка, и что теперь чередъ за нимъ, но что онъ сдѣ-

даетъ неоспоримое право на него, чтобы черезъ этотъ прошелъ какъ можно позже. Избави насъ Боже отъ этого ужаснаго несчастія.

„Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о Пьерѣ, котораго знала еще ребенкомъ. Мнѣ казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое я болѣе всего цѣню въ людяхъ. Что касается до его наслѣдства и до роли, которую игралъ въ этомъ князь Василій, то это очень печально для обоихъ. Ахъ, милый другъ, слова нашего Божественнаго Спасителя, что легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе, — эти слова страшно справедливы! Я жалѣю князя Василія и еще болѣе Пьера. Столь молодому, быть отягощеннымъ такимъ огромнымъ состояніемъ, — черезъ сколько искушеній надо будетъ пройти ему! Если бъ у меня спросили, чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ, — я сказала бы: желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ. Благодарю васъ тысячу разъ, милый другъ, за книгу, которую вы мнѣ посылаете, и которая дѣлаетъ столько шуму у васъ. Впрочемъ, такъ какъ вы мнѣ говорите, что въ ней между многими хорошими вещами есть такія, которыхъ не можетъ постигнуть слабое человѣческое пониманіе, то мнѣ кажется излишнимъ заниматься непонятнымъ чтеніемъ, которое по этому самому не могло бы принести никакой пользы. Я никогда не могла понять страсть, которую имѣютъ нѣкоторыя особы путать себѣ мысли, пристращаясь къ мистическимъ книгамъ, которыя возбуждаютъ только сомнѣнія въ ихъ умахъ, раздражаютъ ихъ воображеніе и даютъ имъ характеръ преувеличенія, совершенно противный простотѣ христіанской. Будемъ читать лучше апостоловъ и Евангеліе. Не будемъ пытаться проникнуть то, что въ этихъ книгахъ есть таинственнаго, ибо

какъ можемъ мы, жалкіе грѣшники, понять страшныя и священныя тайны Провидѣнія до тѣхъ поръ, пока носимъ на себѣ ту плотскую оболочку, которая воздвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непроницаемую завѣсу? Ограничимся лучше изученіемъ великихъ правилъ, которыя нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь на землѣ; будемъ стараться слѣдовать имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ меньше мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятнѣе Богу, Который отвергаетъ всякое знаніе, исходящее не отъ Него, и что чѣмъ меньше мы углубляемся въ то, что Ему угодно было скрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе дастъ Онъ намъ это открытіе Своимъ божественнымъ разумомъ.

„Отецъ мнѣ ничего не говорилъ о женихѣ, но сказалъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія; что касается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ по моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиняться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнить ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мнѣ дастъ въ супруги.

„Я получила письмо отъ брата, который мнѣ объявляетъ о своемъ пріѣздѣ съ женой въ Лысыя-Горы. Радость эта будетъ непродолжительна, такъ какъ онъ оставляетъ насъ, для того, чтобы принять участіе въ этой войнѣ, въ которую мы втянуты, Богъ знаетъ какъ и зачѣмъ. Не только у васъ въ центрѣ дѣлъ и свѣта только и говорятъ, что о войнѣ но и здѣсь, среди этихъ полевыхъ работъ и этой тишины, какую горожане обык-

новенно представляютъ себѣ въ деревнѣ, отголоски войны слышны и даютъ себя тяжело чувствовать. Отецъ мой только и говоритъ, что о ходахъ и переходахъ, въ чемъ я ничего не понимаю, и третьяго дня, дѣлая мою обычную прогулку по улицѣ деревни, я видѣла раздирающую душу сцену. Это была партія рекрутъ, набранныхъ у насъ и посылаемыхъ въ армію. Надо было видѣть состояніе, въ которомъ находились матери, жены и дѣти тѣхъ, которые уходили, и слышать рыданія тѣхъ и другихъ! Подумаешь, что человѣчество забыло законы своего Божественнаго Спасителя, учившаго насъ любви и прощенію обидъ, и что оно полагаетъ главное достоинство свое въ искусствѣ убивать другъ друга.

„Прощайте, милый и добрый другъ. Да сохранитъ васъ нашъ Божественный Спаситель и Его Пресвятая Матерь подъ Своимъ святымъ и могущественнымъ покровомъ.

Марія.

— А, вы отправляете письмо, княжна, я уже отправила свое. Я писала моей бѣдной матери, заговорила быстро пріятнымъ, сочнымъ голоскомъ улыбающаяся мамзель Бурьенъ, картавя на *р* и внося съ собой въ сосредоточенную, грустную и пасмурную атмосферу княжны Марьи совсѣмъ другой, легкомысленно-веселый и самодовольный міръ. — Княжна, я должна васъ предувѣдомить, прибавила она, понижая голосъ, — князь разбранилъ, — сказала она особенно грассируя и съ удовольствіемъ слушая себя, — разбранилъ Михаила Иваныча. Онъ очень не въ духѣ, такой угрюмый, предупреждаю васъ, знаете....

— Ахъ, милый другъ мой! отвѣчала княжна Марья, — я просила васъ никогда не говорить мнѣ о томъ, въ какомъ

расположеніи духа: отецъ. Я не позволю себѣ судить его, и не желала бы, чтобъ и другіе это дѣлали.

Княжна взглянула на часы, и замѣтивъ, что она уже пять минутъ пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордахъ, съ испуганнымъ видомъ пошла въ диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно съ заведеннымъ порядкомъ дня, князь отдыхалъ, а княжна играла на клавикордахъ.

XXIII.

Сѣдой камердинеръ сидѣлъ, дремля и прислушиваясь къ храпѣнію князя въ огромномъ кабинетѣ. Изъ дальней стороны дома, изъ-за затворенныхъ дверей, слышались по двадцати разъ повторяемые трудные пассажи Дюсековой сонаты.

Въ это время подъѣхала къ крыльцу карета и бричка, и изъ кареты вышелъ князь Андрей, высадилъ свою маленькую жену и пропустилъ ее впередъ. Сѣдой Тихонъ, въ парикѣ, высунувшись изъ двери офиціантской, шопотомъ доложилъ, что князь почиваютъ, и торопливо затворилъ дверь. Тихонъ зналъ, что ни пріѣздъ сына и никакія необыкновенныя событія не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей видимо зналъ это такъ же хорошо, какъ и Тихонъ; онъ посмотрѣлъ на часы, какъ будто для того, чтобы повѣрить, не измѣнились ли привычки отца за то время, въ которое онъ не видалъ его, и убѣдившись, что онѣ не измѣнились, обратился къ женѣ.

— Черезъ двадцать минутъ онъ встанетъ. Пройдемъ къ княжнѣ Марьѣ, сказалъ онъ.

Маленькая княгиня потолстѣла за это время, но глаза

и коротенькая губка съ усиками и улыбкой поднималась такъ же весело и мило, когда она заговорила.

— Да это дворецъ, сказала она мужу, оглядываясь кругомъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ говорятъ похвалы хозяину бала. — Ну, скорѣе, скорѣе! Она, оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и официанту, провожавшему ихъ.

— Это Мари упражняется: пойдемъ потихоньку, чтобы она не видала насъ. Князь Андрей шелъ за ней съ учтивымъ и грустнымъ выраженіемъ.

— Ты постарѣлъ, Тихонъ, сказалъ онъ, проходя, старику, цѣловавшему его руку.

Предъ комнатою, въ которой слышны были клавикорды, изъ боковой двери выскочила хорошенькая, бѣлокурая француженка. Мамзель Бурьенъ казалась обезумѣвшею отъ восторга.

— Ахъ! какая радость для княжны! заговорила она. — Наконецъ-то! Надо ее предупредить.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... говорила княгиня, цѣлуясь съ нею. — Вы — мамзель Бурьенъ; я уже знакома съ вами по той дружбѣ, какую имѣетъ къ вамъ моя невѣстка. Она не ожидаетъ насъ!

Они подошли къ двери диванной, изъ которой слышался опять и опять повторенный пассажъ. Князь Андрей остановился и поморщился, какъ будто ожидая чего-то непріятнаго.

Княгиня вошла. Пассажъ оборвался на серединѣ; послышался крикъ, тяжелыя ступни княжны Марьи и звуки поцѣлуевъ. Когда князь Андрей вошелъ, княжна и княгиня, только разъ на короткое время видѣвшіяся во время свадьбы князя Андрея, обхвативши руками, крѣпко прижимались губами къ тѣмъ мѣстамъ, на которыя попали въ первую минуту.

Мамзель Бурьенъ стояла около нихъ, прижавъ руки къ сердцу и набожно улыбаясь, очевидно столько же готовая заплакать, сколько и засмѣяться. Князь Андрей пожалъ плечами и поморщился, какъ морщатся любители музыки, услышавъ фальшивую ноту. Обѣ женщины отпустили другъ друга; потомъ опять, какъ будто боясь опоздать, схватили другъ друга за руки, стали цѣловать и отрывать руки, и потомъ опять стали цѣловать другъ друга въ лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обѣ заплакали и опять стали цѣловаться. Мамзель Бурьенъ тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, неловко; но для двухъ женщинъ казалось такъ естественно, что онѣ плакали; казалось онѣ и не предполагали, чтобы могло иначе совершиться это свиданіе.

— Ахъ, милая!... Ахъ Мари!... вдругъ заговорили обѣ женщины и засмѣялись. — А я видѣла во снѣ. — Такъ вы насъ не ожидали?... Ахъ, Мари, вы такъ похудѣли.

— А вы такъ пополнѣли....

— Я тотчасъ узнала княгиню, вставила мамзель Бурьенъ.

— А я и не подозрѣвала!... восклицала княжна Марья. — Ахъ, Андрей, я и не видѣла тебя.

Князь Андрей поцѣловался съ сестрою рука въ руку, и сказалъ ей, что она такая же плакса, какъ всегда была. Княжна Марья повернулась къ брату и, сквозь слезы, любовный, теплый и кроткій взглядъ ея прекрасныхъ, въ ту минуту большихъ, лучистыхъ глазъ остановился на лицѣ князя Андрея. Княгиня говорила безъ умолку. Короткая верхняя губка съ усиками то и дѣло на мгновеніе слетала внизъ, притрогивалась, гдѣ нужно было, къ румяной нижней губкѣ, и вновь открывалась блестѣвшая зубами и глазами улыбка. Княгиня разсказывала случай, который былъ съ ними на Спасской

горѣ, грозившій ей опасностію въ ея положеніи, и сейчасъ же послѣ этого сообщила, что она всѣ платья свои оставила въ Петербургѣ, и здѣсь будетъ ходить Богъ знаетъ въ чемъ, и что Андрей совсѣмъ перемѣнился, и что Китти Одынцова вышла замужъ за старика, и что есть женихъ для княжны Марьи „настоящій“, но что объ этомъ поговоримъ послѣ. Княжна Марья все еще молча смотрѣла на брата, и въ прекрасныхъ глазахъ ея были и любовь и грусть. Видно было, что въ ней установился теперь свой ходъ мысли, независимый отъ рѣчей невѣстки. Она, въ серединѣ ея разсказа о послѣднемъ праздникѣ въ Петербургѣ, обратилась къ брату:

— И ты рѣшительно ѣдешь на войну, Андрей? сказала она, вздохнувъ. Лиза вздохнула тоже.

— Даже завтра, отвѣчалъ братъ.

— Онъ покидаетъ меня здѣсь, и Богъ знаетъ зачѣмъ; тогда какъ онъ могъ бы получить повышеніе... Княжна Марья не дослушала и, продолжая нить своихъ мыслей, обратилась къ невѣсткѣ, ласковыми глазами указывая на ея животъ:

— Навѣрное? сказала она.

Лицо княгини измѣнилось. Она вздохнула.

— Да, навѣрное, сказала она.— Ахъ! Это очень страшно!...

Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо къ лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

— Ей надо отдохнуть, сказалъ князь Андрей, морщась.— Не правда ли, Лиза? Сведи ее къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. Что онъ, все то же?

— То же, то же самое, не знаю какъ на твои глаза, отвѣчала радостно княжна.

— И тѣ же часы, и по аллеямъ прогулки? Станокъ? спра-

говорилъ князь Андрей съ чуть замѣтною улыбкой, показывавшею, что, несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ отцу, онъ понималъ его слабости.

— Тѣ же часы и станокъ, еще математика и мои уроки геометріи, радостно отвѣчала княжна Марья, какъ будто ея уроки изъ геометріи были однимъ изъ самыхъ радостныхъ впечатлѣній ея жизни.

Когда прошли тѣ двадцать минутъ, которыя нужны были для срока вставанья стараго князя, Тихонъ пришелъ звать молодого князя къ отцу. Старикъ сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына: онъ велѣлъ впустить его въ свою половину во время одѣванья, передъ обѣдомъ. Князь ходилъ по-старинному, въ кафтанѣ и пудрѣ. И въ то время, какъ князь Андрей (не съ тѣмъ брюзгливымъ выраженіемъ лица и манерами, которыя онъ напускалъ на себя въ гостиныхъ, а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было, когда онъ разговаривалъ съ Пьеромъ) входилъ къ отцу, старикъ сидѣлъ въ уборной на широкомъ сафьяномъ обитомъ креслѣ, въ пудромантѣ, предоставляя свою голову рукамъ Тихона.

— А! Воинъ! Бонапарта завоевать хочешь? сказалъ старикъ и тряхнулъ напудренною головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся въ рукахъ Тихона.

— Примись хоть ты за него хорошенько, а то онъ скоро и насъ своими подданными запишетъ. — Здорово! И онъ выставилъ свою щеку.

Старикъ находился въ хорошемъ расположеніи духа послѣ дообѣденнаго сна. (Онъ говорилъ, что послѣ обѣда серебряный сонъ, а до обѣда золотой). Онъ радостно, изъ-подъ своихъ густыхъ нависшихъ бровей, косился на сына. Князь

Андрей подсмѣивалъ и подзадоривалъ отца въ указанное ему мѣсто. Онъ же отвѣчалъ на любимую тему разговора отца — подтруниваніе надъ теперешними военными людьми, а особенно надъ Бонапартомъ.

— Да, пріѣхалъ къ вамъ, батюшка, и съ беременною женой, сказалъ князь Андрей, слѣдя оживленными и почтительными глазами за движеніемъ каждой черты отцовскаго лица. — Какъ здоровье ваше?

— Нездоровы, братъ, бываютъ только дураки да развратники, а ты меня знаешь: съ утра до вечера занятъ, воздерженъ, ну и здоровъ.

— Слава Богу, сказалъ сынъ, улыбаясь.

— Богъ тутъ не при чемъ. Ну, разсказывай, продолжалъ онъ, возвращаясь къ своему любимому коньку, — какъ васъ нѣмцы съ Бонапартомъ сражаться по вашей новой наукѣ, стратегіей называемой, научили.

Князь Андрей улыбнулся.

— Дайте опомниться, батюшка, сказалъ онъ съ улыбкою, показывавшею, что слабости отца не мѣшаютъ ему уважать и любить его. — Вѣдь я еще и не размѣстился.

— Врешь, врешь, закричалъ старикъ, встряхивая косичкою, чтобы попробовать, крѣпко ли она была заплетена, и хватая сына за руку. — Домъ для твоей жены готовъ. Княжна Марья сведетъ ее и покажетъ и съ три короба наболтаетъ. Это ихъ бабье дѣло. Я ей радъ. Сиди, разсказывай. Михельсона армію я понимаю, Толстаго тоже.... высадка единовременная.... Южная армія чтò будетъ дѣлать? Пруссія, нейтралитетъ... это я знаю. Австрія чтò? говорилъ онъ, вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ съ забѣгавшимъ и подававшимъ части одежды Тихономъ. — Швеція чтò? Какъ Померанію перейдутъ?

Князь Андрей, видя настоятельность требованія отца, сначала неохотно, но потомъ все болѣе и болѣе оживляясь и невольно посреди разсказа по привычкѣ перейдя съ русскаго на французскій языкъ, началъ излагать операціонный планъ предполагаемой кампаніи. Онъ разсказалъ, какъ девяностотысячная армія должна была угрожать Пруссіи, чтобы вывести ее изъ нейтралитета и втянуть въ войну, какъ часть этихъ войскъ должна была въ Штральзундѣ соединиться съ шведскими войсками, какъ двѣсти двадцать тысячъ австрійцевъ, въ соединеніи со ста тысячами русскихъ, должны были дѣйствовать въ Италіи и на Рейнѣ, и какъ пятьдесятъ тысячъ русскихъ и пятьдесятъ тысячъ англичанъ высадятся въ Неаполѣ, и какъ въ итогѣ пятисотъ-тысячная армія должна была съ разныхъ сторонъ сдѣлать нападеніе на французовъ. Старый князь не выказалъ ни малѣйшаго интереса при разсказѣ, какъ будто не слушалъ, и продолжая на ходу одѣваться, три раза неожиданно перервалъ его. Одинъ разъ онъ остановилъ его и закричалъ: — бѣлый! бѣлый!

Это значило, что Тихонъ подавалъ ему не тотъ жилетъ, который онъ хотѣлъ. Другой разъ онъ остановился, спросилъ: — И скоро она родитъ? и съ упрекомъ покачавъ головой, сказалъ: — Не хорошо! Продолжай, продолжай.

Въ третій разъ, когда князь Андрей оканчивалъ описаніе, старикъ запѣлъ фальшивымъ и старческимъ голосомъ по-французски: „Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ, Богъ знаетъ когда вернется“.

Сынъ только улыбнулся.

— Я не говорю, чтобъ это былъ планъ, который я одобряю, сказалъ сынъ: — я вамъ только разсказалъ, что есть. Наполеонъ уже составилъ планъ не хуже этого.

— Ну, новенькаго ты мнѣ ничего не сказалъ. — И старикъ задумчиво проговорилъ про себя скороговоркой: „Богъ вѣсть когда вернется". — Иди въ столовую.

XXIV.

Въ назначенный часъ, напудренный и выбритый, князь вышелъ въ столовую, гдѣ ожидала его невѣстка, княжна Марья, мамзель Бурьенъ и архитекторъ князя, по странной прихоти его допускаемый къ столу, хотя по своему положенію незначительный человѣкъ этотъ никакъ не могъ разсчитывать на такую честь. Князь, твердо державшійся въ жизни различія состояній и рѣдко допускавшій къ столу даже важныхъ губернскихъ чиновниковъ, вдругъ, на архитекторѣ Михайлѣ Ивановичѣ, сморкавшемся въ углу въ клѣтчатый платокъ, доказывалъ, что всѣ люди равны, и не разъ внушалъ своей дочери, что Михайла Ивановичъ ничѣмъ не хуже насъ съ тобой. За столомъ князь чаще всего обращался къ безсловесному Михайлѣ Ивановичу.

Въ столовой, громадно-высокой, какъ и всѣ комнаты въ домѣ, ожидали выхода князя домашніе и офиціанты, стоявшіе за каждымъ стуломъ; дворецкій съ салфеткой въ рукѣ, оглядывалъ сервировку, мигая лакеямъ и постоянно перебѣгая безпокойнымъ взглядомъ отъ стѣнныхъ часовъ къ двери, изъ которой долженъ былъ появиться князь. Князь Андрей глядѣлъ на огромную, новую для него, золотую раму съ изображеніемъ генеалогическаго дерева князей Болконскихъ, висѣвшую напротивъ такой же громадной рамы съ дурно-сдѣланнымъ (видимо рукою домашняго живописца) изображеніемъ владѣтельнаго князя въ коронѣ, который долженъ былъ происходить отъ Рюрика и быть родоначальникомъ рода Болконскихъ.

Князь Андрей смотрѣлъ на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмѣивался съ тѣмъ видомъ, съ какимъ смотрятъ на похожій до смѣшнаго портретъ.

— Какъ я узнаю его всего тутъ! сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ, подошедшей къ нему.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на брата. Она не понимала, чему онъ улыбался. Все сдѣланное ея отцемъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію.

— У каждаго своя Ахиллесова пятка, продолжалъ князь Андрей. — Съ *его* огромнымъ умомъ поддаваться этой мелочности!

Княжна Марья не могла понять смѣлости сужденій своего брата и готовилась возражать ему, какъ послышались изъ кабинета ожидаемые шаги: князь входилъ быстро, весело, какъ онъ и всегда ходилъ, какъ будто умышленно своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома. Въ то же мгновеніе большіе часы пробили два, и тонкимъ голоскомъ отозвались въ гостиной другіе. Князь остановился; изъ-подъ висячихъ густыхъ бровей, оживленные, блестящіе строгіе глаза оглядѣли всѣхъ и остановились на молодой княгинѣ. Молодая княгиня испытывала въ то время то чувство, которое испытываютъ придворные на царскомъ выходѣ, то чувство страха и почтенія, которое возбуждалъ этотъ старикъ во всѣхъ приближенныхъ. Онъ погладилъ княгиню по головѣ и потомъ неловкимъ движеніемъ потрепалъ ее по затылку.

— Я радъ, я радъ, проговорилъ онъ, и пристально еще взглянувъ ей въ глаза, быстро отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто. — Садитесь, садитесь! Михаилъ Ивановичъ, садитесь.

Онъ указалъ невѣсткѣ мѣсто подлѣ себя. Офиціантъ отодвинулъ для нея стулъ.

— Го, го! сказалъ старикъ, оглядывая ея округленную талію. — Поторопилась, нехорошо!

Онъ засмѣялся сухо, холодно, непріятно, какъ онъ всегда смѣялся, однимъ ртомъ, а не глазами.

— Ходить надо, ходить какъ можно больше, какъ можно больше, сказалъ онъ.

Маленькая княгиня не слыхала или не хотѣла слышать его словъ. Она молчала и казалась смущенною. Князь спросилъ ее объ отцѣ, и княгиня заговорила и улыбнулась. Онъ спросилъ ее объ общихъ знакомыхъ: княгиня еще болѣе оживилась и стала разсказывать, передавая князю поклоны и городскія сплетни.

— Бѣдная графиня Апраксина потеряла мужа. Глаза выплакала бѣдняжка, говорила она, все болѣе и болѣе оживляясь.

По мѣрѣ того, какъ она оживлялась, князь все строже и строже смотрѣлъ на нее, и вдругъ, какъ будто достаточно изучивъ ее и составивъ себѣ ясное о ней понятіе, отвернулся отъ нея и обратился къ Михайлу Ивановичу.

— Ну, что, Михайла Иванычъ, Буонапарте-то нашему плохо приходится. Какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ третьемъ лицѣ) порассказалъ, какія на него силы собираются! А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали.

Михаилъ Ивановичъ, рѣшительно не знавшій, когда это *мы съ вами* говорили такія слова о Бонапарте, но понимавшій, что онъ былъ нуженъ для вступленія въ любимый разговоръ, удивленно взглянулъ на молодого князя, самъ не зная, что изъ этого выйдетъ.

— Онъ у меня тактикъ великій! сказалъ князь сыну, указывая на архитектора, и разговоръ зашелъ опять о войнѣ, о Бонапарте и нынѣшнихъ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь, казалось, былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смыслившіе и азбуки военнаго и государственнаго дѣла, а что Бонапарте былъ ничтожный французишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противопоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было и войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли нынѣшніе люди, притворяясь, что дѣлаютъ дѣло. Князь Андрей весело выдерживалъ насмѣшки отца надъ новыми людьми, и съ видимою радостью вызывалъ отца на разговоръ и слушалъ его.

— Все кажется хорошимъ, что̀ было прежде, сказалъ онъ? — а развѣ тотъ же Суворовъ не попался въ ловушку, которую ему поставилъ Моро, и не умѣлъ изъ нея выпутаться?

— Это кто тебѣ сказалъ? Кто сказалъ? крикнулъ князь. — Суворовъ! И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ Тихонъ. — Суворовъ!... Подумавши, князь Андрей. Два: — Фридрихъ и Суворовъ... Моро! Моро былъ бы въ плѣну, коли бы у Суворова руки свободны были, а у него на рукахъ сидѣли хофсъ-кригсъ-вурстъ-шнапсъ-ратъ. Ему чортъ не радъ. Вотъ пойдете, эти хофсъ-кригсъ-вурстъ-раты узнаете! Суворовъ съ ними не сладилъ, такъ ужъ гдѣ жъ Михайлѣ Кутузову сладить? Нѣтъ, дружокъ, продолжалъ онъ, — вамъ съ своими генералами противъ Буонапарте не обойтись, надо французовъ взять, чтобы своя своихъ не познаша и своя своихъ побиваша. Нѣмца Палена въ Новый-Йоркъ въ Аме-

рику, за французомъ Моро послали, сказалъ онъ, намекая на приглашеніе, которое въ этомъ году было сдѣлано Моро вступить въ русскую службу. — Чудеса!!... Что̀ Потемкины, Суворовы, Орловы, развѣ нѣмцы были? Нѣтъ, братъ, либо тамъ вы всѣ съ ума сошли, либо я изъ ума выжилъ. Дай вамъ Богъ, а мы посмотримъ. Буонапарте у нихъ сталъ полководецъ великій! Гм!...

— Я ничего не говорю, чтобы всѣ распоряженія были хороши, сказалъ князь Андрей: — только я не могу понять, какъ вы можете такъ судить о Бонапарте. Смѣйтесь, какъ хотите, а Бонапарте все-таки великій полководецъ!

— Михайла Ивановичъ! закричалъ старый князь архитектору, который, занявшись жаркимъ, надѣялся, что про него забыли. — Я вамъ говорилъ, что Буонапарте великій тактикъ? Вонъ и онъ говоритъ.

— Какъ же, ваше сіятельство, отвѣчалъ архитекторъ.

Князь опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Буонапарте въ рубашкѣ родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первыхъ онъ на нѣмцевъ напалъ. А нѣмцевъ только лѣнивый не билъ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, нѣмцевъ всѣ били. А они никого. Только другъ друга. Онъ на нихъ свою славу сдѣлалъ.

И князь началъ разбирать всѣ ошибки, которыя, по его понятіямъ, дѣлалъ Бонапарте во всѣхъ своихъ войнахъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ. Сынъ не возражалъ, но видно было, что какіе бы доводы ему ни представляли, онъ такъ же мало способенъ былъ измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь. Князь Андрей слушалъ, удерживаясь отъ возраженій и невольно удивляясь, какъ могъ этотъ старый человѣкъ, сидя столько лѣтъ одинъ безвыѣздно въ деревнѣ,

въ такихъ подробностяхъ и съ такою тонкостью знать и обсуживать всѣ военныя и политическія обстоятельства Европы послѣднихъ годовъ.

— Ты думаешь я старикъ, не понимаю настоящаго положенія дѣлъ? заключилъ онъ. — А мнѣ оно вотъ гдѣ! Я ночи не сплю. Ну гдѣ же этотъ великій полководецъ, твой-то, гдѣ онъ показалъ себя?

— Это длинно было бы, отвѣчалъ сынъ.

— Ступай же ты къ Буонапарте своему. Mademoiselle Бурьенъ, вотъ еще поклонникъ вашего холопскаго императора! закричалъ онъ отличнымъ французскимъ языкомъ.

— Вы знаете, князь, что я не бонапартистка.

— „Богъ вѣсть когда вернется"... пропѣлъ князь фальшиво, еще фальшивѣе засмѣялся и вышелъ изъ-за стола.

Маленькая княгиня во все время спора и остальнаго обѣда молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марью, то на свекра. Когда они вышли изъ-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее въ другую комнату.

— Какой умный человѣкъ вашъ батюшка, сказала она.— Можетъ быть отъ этого-то я и боюсь его.

— Ахъ, онъ такъ добръ! сказала княжна.

XXV.

Князь Андрей уѣзжалъ на другой день вечеромъ. Старый князь, не отступая отъ своего порядка, послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одѣвшись въ дорожный сюртукъ безъ эполетъ, въ отведенныхъ ему покояхъ укладывался съ своимъ камердинеромъ. Самъ осмотрѣвъ коляску и укладку чемодановъ, онъ велѣлъ закладывать. Въ комнатѣ оставались только тѣ вещи, кото-

рыя князь Андрей всегда бралъ съ собой: шкатулку, большой серебряный погребецъ, два турецкихъ пистолета и шашка, подарокъ отца, привезенный изъ-подъ Очакова. Всѣ эти дорожныя принадлежности были въ большомъ порядкѣ у князя Андрея; все было ново, чисто, въ суконныхъ чехлахъ, старательно завязано тесемочками.

Въ минуты отъѣзда и перемѣны жизни, на людей, способныхъ обдумывать свои поступки, обыкновенно находитъ серіозное настроеніе мыслей. Въ эти минуты обыкновенно повѣряется прошедшее, и дѣлаются планы будущаго. Лицо князя Андрея было очень задумчиво и нѣжно. Онъ, заложивъ руки назадъ, быстро ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, глядя впередъ себя, и задумчиво покачивалъ головой. Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену,—можетъ быть и то и другое; только, видимо не желая, чтобъ его видѣли въ такомъ положеніи, услыхавъ шаги въ сѣняхъ, онъ торопливо высвободилъ руки, остановился у стола, какъ будто увязывалъ чехолъ шкатулки, и принялъ свое всегдашнее, спокойное и непроницаемое выраженіе. Это были тяжелые шаги княжны Марьи.

— Мнѣ сказали, что ты велѣлъ закладывать, сказала она, запыхавшись (она видно бѣжала),—а мнѣ такъ хотѣлось еще поговорить съ тобой наединѣ. Богъ знаетъ, на сколько времени опять разстаемся. Ты не сердишься, что я пришла? Ты очень перемѣнился, Андрюша, прибавила она, какъ бы въ объясненіе такого вопроса.

Она улыбнулась, произнося слово „Андрюша". Видно, ей самой было странно подумать, что этотъ строгій, красивый мужчина былъ тотъ самый Андрюша, худой, шаловливый мальчикъ, товарищъ дѣтства.

— А гдѣ Лиза? спросилъ онъ, только улыбкой отвѣчая на ея вопросъ.

— Она такъ устала, что заснула у меня въ комнатѣ на диванѣ. Ахъ, Андрей! какое сокровище твоя жена, сказала она, усаживаясь на диванъ противъ брата.— Она совершенный ребенокъ, такой милый, веселый ребенокъ. Я такъ ее полюбила. Князь Андрей молчалъ, но княжна замѣтила ироническое и презрительное выраженіе, появившееся на его лицѣ.

— Но надо быть снисходительнымъ къ маленькимъ слабостямъ; у кого ихъ нѣтъ, Андрей! Ты не забудь, что она воспитана и выросла въ свѣтѣ. И потомъ ея положеніе теперь не розовое. Надобно входить въ положеніе каждаго. „Кто все пойметъ, тотъ все и проститъ". Ты подумай, каково ей бѣдняжкѣ послѣ жизни, къ которой она привыкла, разстаться съ мужемъ и остаться одной въ деревнѣ и въ ея положеніи? Это очень тяжело.

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, какъ мы улыбаемся, слушая людей, которыхъ, намъ кажется, что мы насквозь видимъ.

— Ты живешь въ деревнѣ и находишь эту жизнь ужасною? сказалъ онъ.

— Я—другое дѣло. Что̀ обо мнѣ говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, Андрей, для молодой и свѣтской женщины похорониться въ лучшіе годы жизни въ деревнѣ, одной, потому что папенька всегда занятъ, а я.... ты меня знаешь.... какъ я не весела для женщины, привыкшей къ лучшему обществу. Mademoiselle Бурьенъ одна...

— Она мнѣ очень не нравится, ваша Бурьенъ, сказалъ князь Андрей.

— О, нѣтъ! она очень милая и добрая, а главное, жалкая дѣвушка. У нея никого, никого нѣтъ. По правдѣ сказать, мнѣ она не только не нужна, но стѣснительна. Я, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна... Батюшка ее очень любитъ. Она и Михаилъ Иванычъ, два лица, къ которымъ онъ всегда ласковъ и добръ, потому что они оба облагодѣтельствованы имъ; какъ говоритъ Стернъ: „мы не столько любимъ людей за то добро, которое они намъ сдѣлали, сколько за то добро, которое мы имъ сдѣлали". Батюшка взялъ ее сиротой на улицѣ, и она очень добрая. И батюшка любитъ ея манеру чтенія. Она по вечерамъ читаетъ ему вслухъ. Она прекрасно читаетъ.

— Ну, а по правдѣ, Мари, тебѣ, я думаю, тяжело иногда бываетъ отъ характера отца? вдругъ спросилъ князь Андрей. Княжна Марья сначала удивилась, потомъ испугалась этого вопроса.

— Мнѣ?.., Мнѣ?... Мнѣ тяжело?! сказала она.

— Онъ и всегда былъ крутъ, а теперь тяжелъ становится, я думаю, сказалъ князь Андрей видимо нарочно, чтобъ озадачить или испытать сестру, такъ легко отзываясь объ отцѣ.

— Ты всѣмъ хорошъ, Андрей, но у тебя есть какая-то гордость мысли, сказала княжна, больше слѣдуя за своимъ ходомъ мыслей, чѣмъ за ходомъ разговора, — и это большой грѣхъ. Развѣ возможно судить объ отцѣ? Да ежели бы и возможно было, какое другое чувство кромѣ благоговѣнія можетъ возбудить такой человѣкъ, какъ батюшка? И я такъ довольна и счастлива съ нимъ. Я только желала бы, чтобы вы всѣ были счастливы, какъ я.

Братъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Одно что тяжело для меня, — я тебѣ по правдѣ скажу, Андрей, — это образъ мыслей отца въ религіозномъ отношеніи. Я не понимаю, какъ человѣкъ съ такимъ огромнымъ умомъ не можетъ видѣть того, что ясно какъ день, и можетъ такъ заблуждаться? Вотъ это составляетъ одно мое несчастіе. Но и тутъ въ послѣднее время я вижу тѣнь улучшенія. Въ послѣднее время его насмѣшки не такъ язвительны, и есть одинъ монахъ, котораго онъ принималъ и долго говорилъ съ нимъ.

— Ну, мой другъ, я боюсь, что вы съ монахомъ даромъ растрачиваете свой порохъ, насмѣшливо, но ласково сказалъ князь Андрей.

— Ахъ, мой другъ! Я только молюсь Богу и надѣюсь, что Онъ услышитъ меня, Андрей, сказала она робко послѣ минуты молчанія, — у меня къ тебѣ есть большая просьба.

— Что мой другъ?

— Нѣтъ, обѣщай мнѣ, что ты не откажешь. Это тебѣ не будетъ стоить никакого труда, и ничего недостойнаго тебя въ этомъ не будетъ. Только ты меня утѣшишь. Обѣщай, Андрюша, сказала она, сунувъ руку въ ридикюль и въ немъ держа что-то, но еще не показывая, какъ будто то, что она держала, и составляло предметъ просьбы, и будто прежде полученія обѣщанія въ исполненіи просьбы она не могла вынуть изъ ридикюля это *что-то*. Она робко умоляющимъ взглядомъ, смотрѣла на брата.

— Ежели бы это и стоило мнѣ большаго труда... какъ будто догадываясь, въ чемъ было дѣло, отвѣчалъ князь Андрей.

— Ты что хочешь думай! Я знаю, ты такой же, какъ батюшка. Что хочешь думай, но для меня это сдѣлай. Сдѣлай, пожалуйста! Его еще отецъ моего отца, нашъ дѣдушка,

носилъ во всѣхъ войнахъ... Она все еще не доставала того, что держала, изъ ридикюля. — Такъ ты обѣщаешь мнѣ?

— Конечно, въ чемъ дѣло?

— Андрей, я тебя благословлю образомъ, и ты обѣщай мнѣ, что никогда его не будешь снимать... Обѣщаешь?

— Ежели онъ не въ два пуда и шеи не оттянетъ... Чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе... сказалъ князь Андрей, но въ ту же секунду, замѣтивъ огорченное выраженіе, которое приняло лицо сестры при этой шуткѣ, онъ раскаялся. — Очень радъ, право очень радъ, мой другъ, прибавилъ онъ.

— Противъ твоей воли Онъ спасетъ и помилуетъ тебя и обратитъ тебя къ Себѣ, потому что въ Немъ однѣмъ и истина и успокоеніе, сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ торжественнымъ жестомъ держа въ обѣихъ рукахъ предъ братомъ овальный старинный образокъ Спасителя съ чернымъ ликомъ, въ серебряной ризѣ на серебряной цѣпочкѣ мелкой работы. Она перекрестилась, поцѣловала образокъ и подала его Андрею.

— Пожалуйста, Андрей, для меня...

Изъ большихъ глазъ ея свѣтились лучи добраго и робкаго свѣта. Глаза эти освѣщали все болѣзненное, худое лицо и дѣлали его прекраснымъ. Братъ хотѣлъ взять образокъ, но она остановила его. Андрей понялъ, перекрестился и поцѣловалъ образокъ. Лицо его въ одно и то же время было нѣжно (онъ былъ тронутъ) и насмѣшливо.

— Благодарю тебя, мой другъ. Она поцѣловала его въ лобъ и опять сѣла на диванъ. Они молчали.

— Такъ я тебѣ говорила, Андрей, будь добръ и великодушенъ, какимъ ты всегда былъ. Не суди строго Лизу, на-

чала она.—Она такъ мила, такъ добра, и положеніе ея очень тяжело теперь.

— Кажется, я ничего не говорилъ тебѣ, Маша, чтобъ я упрекалъ въ чемъ-нибудь свою жену, или былъ недоволенъ ею. Къ чему ты все это говоришь мнѣ?

Княжна Марья покраснѣла пятнами и замолчала, какъ будто она чувствовала себя виноватою.

— Я ничего не говорилъ тебѣ, а тебѣ ужъ *говорили*. И мнѣ это грустно.

Красныя пятна еще сильнѣе выступили на лбу, шеѣ и щекахъ княжны Марьи. Она хотѣла сказать что-то и не могла выговорить. Братъ угадалъ: маленькая княгиня послѣ обѣда плакала, говорила, что предчувствуетъ несчастные роды, боится ихъ, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа. Послѣ слезъ она заснула. Князю Андрею жалко стало сестру.

— Знай одно, Маша, я ни въ чемъ не могу упрекнуть, не упрекалъ и никогда не упрекну *мою жену* и самъ ни въ чемъ себя не могу упрекнуть въ отношеніи къ ней, и это всегда такъ будетъ, въ какихъ бы я ни былъ обстоятельствахъ. Но ежели ты хочешь знать правду.... хочешь знать, счастливъ ли я? Нѣтъ. Счастлива ли она? Нѣтъ. Отчего это? Не знаю.

Говоря это, онъ всталъ, подошелъ къ сестрѣ и, нагнувшись, поцѣловалъ ее въ лобъ. Прекрасные глаза его свѣтились умнымъ и добрымъ непривычнымъ блескомъ, но онъ смотрѣлъ не на сестру, а въ темноту отворенной двери, черезъ ея голову.

— Пойдемъ къ ней, надо проститься. Или иди одна, разбуди ее, а я сейчасъ приду. Петрушка! крикнулъ онъ камер-

динеру; — поди сюда, убирай. Это въ сидѣнье, это на правую сторону.

Княжна Марья встала и направилась къ двери. Она остановилась.

— Андрей, если бы ты имѣлъ вѣру, то обратился бы къ Богу съ молитвою, чтобъ Онъ даровалъ тебѣ любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

— Да, развѣ это! сказалъ князь Андрей. — Иди, Маша, я сейчасъ приду.

По дорогѣ къ комнатѣ сестры, въ галлереѣ, соединявшей одинъ домъ съ другимъ, князь Андрей встрѣтилъ мило улыбавшуюся m-elle Бурьенъ, уже въ третій разъ въ этотъ день съ восторженною и наивною улыбкой попадавшуюся ему въ уединенныхъ переходахъ.

— Ахъ, я думала, вы у себя, сказала она, почему-то краснѣя и опуская глаза. Князь Андрей строго посмотрѣлъ на нее. На лицѣ князя Андрея вдругъ выразилось озлобленіе. Онъ ничего не сказалъ ей, но посмотрѣлъ на ея лобъ и волосы, не глядя въ глаза, такъ презрительно, что француженка покраснѣла и ушла, ничего не сказавъ. Когда онъ подошелъ къ комнатѣ сестры, княгиня уже проснулась, и ея веселый голосокъ, торопившій одно слово за другимъ, послышался изъ отворенной двери. Она говорила, какъ будто послѣ долгаго воздержанія ей хотѣлось вознаградить потерянное время, и, какъ всегда, по-французски.

— Нѣтъ, представьте себѣ, старая графиня Зубова, съ фальшивыми локонами, съ фальшивыми зубами, какъ будто издѣваясь надъ годами.... Ха, ха, ха, Мари!

Точно ту же фразу о графинѣ Зубовой и тотъ же смѣхъ уже разъ пять слышалъ при постороннихъ князь Андрей отъ

своей жены. Онъ тихо вошелъ въ комнату. Княгиня, толстенькая, румяная, съ работой въ рукахъ, сидѣла на креслѣ, и безъ умолку говорила, перебирая петербургскія воспоминанія и даже фразы. Князь Андрей подошелъ, погладилъ ее по головѣ и спросилъ, отдохнула ли она отъ дороги. Она отвѣтила и продолжала тотъ же разговоръ.

Коляска шестерикомъ стояла у подъѣзда. На дворѣ была темная осенняя ночь. Кучеръ не видѣлъ дышла коляски. На крыльцѣ суетились люди съ фонарями. Огромный домъ горѣлъ огнями сквозь свои большія окна. Въ передней толпились дворовые, желавшіе проститься съ молодымъ княземъ; въ залѣ стояли всѣ домашніе: Михаилъ Ивановичъ, m-elle Бурьенъ, княжна Марья и княгиня. Князь Андрей былъ позванъ въ кабинетъ къ отцу, который съ глазу на глазъ хотѣлъ проститься съ нимъ. Всѣ ждали ихъ выхода.

Когда князь Андрей вошелъ въ кабинетъ, старый князь въ стариковскихъ очкахъ и въ своемъ бѣломъ халатѣ, въ которомъ онъ никого не принималъ, кромѣ сына, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ оглянулся.

— Ѣдешь? И онъ опять сталъ писать.

— Пришелъ проститься.

— Цѣлуй сюда, — онъ показалъ щеку: — спасибо, спасибо!

— За что вы меня благодарите?

— За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! — И онъ продолжалъ писать, такъ что брызги летѣли съ трещавшаго пера. — Ежели нужно сказать что, говори. Эти два дѣла могу дѣлать вмѣстѣ, прибавилъ онъ.

— О женѣ.... Мнѣ и такъ совѣстно, что я вамъ ее на руки оставляю....

— Что, вредь? Говори, что нужно.

— Когда женѣ будетъ время родить, пошлите въ Москву за акушеромъ... Чтобъ онъ тутъ былъ.

Старый князь остановился, и какъ бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

— Я знаю, что никто помочь не можетъ, коли натура не поможетъ, говорилъ князь Андрей, видимо смущенный; — соглашусь, что изъ милліона случаевъ одинъ бываетъ несчастный, но это ея и моя фантазія. Ей наговорили, она во снѣ видѣла, и она боится.

— Гм... гм... проговорилъ про себя старый князь, продолжая дописывать. — Сдѣлаю. Онъ расчеркнулъ подпись, вдругъ быстро повернулся къ сыну и засмѣялся. — Плохо дѣло, а?

— Что плохо, батюшка?

— Жена! коротко и значительно сказалъ старый князь.

— Я не понимаю, сказалъ князь Андрей.

— Да, нечего дѣлать, дружокъ, сказалъ князь: — онѣ всѣ такія, не разженишься. Ты не бойся, никому не скажу, а ты самъ знаешь.

Онъ схватилъ его за руку своею костлявою маленькою кистью, потрясъ ее, взглянулъ прямо въ лицо сына своими быстрыми глазами, которые, какъ казалось, насквозь видѣли человѣка, и опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

Сынъ вздохнулъ, признаваясь этимъ вздохомъ въ томъ, что отецъ понялъ его. Старикъ, продолжая складывать и печатать письма, съ своею привычною быстротой, схватывалъ и бросалъ сургучъ, печать и бумагу.

— Что дѣлать? Красива! Я все сдѣлаю. Ты будь покоенъ, говорилъ онъ отрывисто, во время печатанія.

Андрей молчалъ: ему и пріятно и непріятно было, что отецъ понялъ его. Старикъ всталъ и подалъ письмо сыну.

— Слушай, сказалъ онъ, — о женѣ не заботься: что возможно сдѣлать, то будетъ сдѣлано. Теперь слушай: письмо Михайлу Иларіоновичу отдай. Я пишу, чтобъ онъ тебя въ хорошія мѣста употреблялъ, и долго адъютантомъ не держалъ: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, какъ онъ тебя приметъ. Коли хорошъ будетъ, служи. Николая Андреича Болконскаго сынъ изъ милости служить ни у кого не будетъ. Ну теперь поди сюда.

Онъ говорилъ такою скороговоркой, что не доканчивалъ половины словъ, но сынъ привыкъ понимать его. Онъ подвелъ сына къ бюро, откинулъ крышку, выдвинулъ ящикъ и вынулъ исписанную его крупнымъ, длиннымъ, и сжатымъ почеркомъ тетрадь.

— Должно-быть мнѣ прежде тебя умереть. Знай, тутъ мои записки, ихъ государю передать послѣ моей смерти. Теперь здѣсь вотъ ломбардный билетъ и письмо: это премія тому, кто напишетъ исторію суворовскихъ войнъ. Переслать въ академію. Здѣсь мои ремарки, послѣ меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказалъ отцу, что вѣрно онъ проживетъ еще долго. Онъ понималъ, что этого говорить не нужно.

— Всё исполню, батюшка, сказалъ онъ.

— Ну, теперь прощай! Онъ далъ поцѣловать сыну свою руку и обнялъ его. — Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьютъ, мнѣ, старику, больно будетъ... Онъ неожиданно замолчалъ и вдругъ крикливымъ голосомъ продолжалъ: — а коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ... стыдно, взвизгнулъ онъ.

— Этого вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка, улыбаясь сказалъ сынъ.

Старикъ замолчалъ.

— Еще я хотѣлъ просить васъ, продолжалъ князь Андрей, — ежели меня убьютъ, и ежели у меня будетъ сынъ, не отпускайте его отъ себя, какъ я вамъ вчера говорилъ, чтобъ онъ выросъ у васъ... пожалуйста.

— Женѣ не отдавать? сказалъ старикъ и засмѣялся.

Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены въ глаза сына. Что-то дрогнуло въ нижней части лица стараго князя.

— Простились... ступай! вдругъ сказалъ онъ. — Ступай! закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, отворяя дверь кабинета.

— Что̀ такое, что̀? спрашивали княгиня и княжна, увидѣвъ князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшаго сердитымъ голосомъ старика въ бѣломъ халатѣ, безъ парика и въ стариковскихъ очкахъ.

Князь Андрей вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, сказалъ онъ, обратившись къ женѣ, и это „ну" звучало холодною насмѣшкой, какъ будто онъ говорилъ: теперь продѣлывайте вы ваши штуки.

— Что̀? уже! сказала маленькая княгиня, блѣднѣя и со страхомъ глядя на мужа. Онъ обнялъ ее. Она вскрикнула и безъ чувствъ упала на его плечо.

Онъ осторожно отвелъ плечо, на которомъ она лежала, заглянулъ въ ея лицо и бережно посадилъ ее на кресло.

— Прощай, Маша, сказалъ онъ тихо сестрѣ, поцѣловался съ нею рука въ руку и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Княгиня лежала въ креслѣ, m-elle Бурьенъ терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невѣстку, съ заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрѣла въ дверь, въ которую вышелъ князь Андрей, и крестила его. Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые, сердитые звуки стариковскаго сморканія. Только что князь Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? Ну и хорошо! сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головою и захлопнулъ дверь.

———

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ октябрѣ 1805 года русскія войска занимали села и города эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новые полки приходили изъ Россіи, и, отягощая постоемъ жителей, располагались у крѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира главнокомандующаго Кутузова.

11-го октября 1805 года, одинъ изъ только что пришедшихъ къ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полумилѣ отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку (фруктовые сады, каменныя ограды, черепичныя крыши, горы, видпѣвшіяся вдали, не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ) полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ, готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ срединѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому командиру, и возникъ вопросъ, какъ разумѣть слова приказа: въ походной формѣ или нѣтъ? — въ совѣтѣ батальонныхъ командировъ было рѣшено представить полкъ въ парадной

формѣ, на томъ основаніи, что всегда лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться. И солдаты, послѣ тридцативерстнаго перехода не смыкали глазъ, всю ночь чинились, чистились; адъютанты и ротные разсчитывали, отчисляли, и къ утру полкъ, вмѣсто растянутой, безпорядочной толпы, какою онъ былъ наканунѣ на послѣднемъ переходѣ, представлялъ стройную массу 2.000 людей, изъ которыхъ каждый зналъ свое мѣсто, свое дѣло, изъ которыхъ на каждомъ каждая пуговка и ремешокъ были на своемъ мѣстѣ и блестѣли чистотой. Не только наружное было исправно, но ежели бы угодно было главнокомандующему заглянуть подъ мундиры, то на каждомъ онъ увидѣлъ бы одинаково чистую рубаху и въ каждомъ ранцѣ нашелъ бы узаконенное число вещей, „шильце и мыльце", какъ говорятъ солдаты. Было только одно обстоятельство, на счетъ котораго никто не могъ быть спокоенъ. Это была обувь. Больше чѣмъ у половины людей сапоги были разбиты. Но недостатокъ этотъ происходилъ не отъ вины полкового командира, такъ какъ, несмотря на неоднократныя требованія, ему не былъ отпущенъ товаръ отъ австрійскаго вѣдомства, а полкъ прошелъ тысячу верстъ.

Полковой командиръ былъ пожилой, сангвиническій, съ сѣдѣющими бровями и бакенбардами генералъ, плотный и широкій, больше отъ груди къ спинѣ, чѣмъ отъ одного плеча къ другому. На немъ былъ новый съ иголочки, со слежавшимися складками мундиръ и густые золотые эполеты, которые какъ будто не книзу, а кверху поднимали его тучныя плечи. Полковой командиръ имѣлъ видъ человѣка счастливо-совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни. Онъ похаживалъ предъ фронтомъ, и, похаживая, подрагивалъ на каждомъ шагу, слегка изгибаясь спиною. Видно было,

что полковой командиръ любуется своимъ полкомъ, счастливъ имъ, и что всѣ его силы душевныя заняты только полкомъ; но несмотря на то, его подрагивающая походка какъ будто говорила, что кромѣ военныхъ интересовъ, въ душѣ его немалое мѣсто занимаютъ и интересы общественнаго быта и женскій полъ.

— Ну, батюшка Михайло Митричъ, обратился онъ къ одному батальонному командиру (батальонный командиръ улыбаясь подался впередъ; видно было, что они были счастливы), — досталось на орѣхи нынче ночью. Однако, кажется, ничего, полкъ не изъ дурныхъ... А?

Батальонный командиръ понялъ веселую иронію и засмѣялся.

— И на Царицыномъ лугу съ поля бы не прогнали.

— Чтò? сказалъ командиръ.

Въ это время по дорогѣ изъ города, по которой разставлены были махальные, показались два верховые. Это были адъютантъ и казакъ, ѣхавшій сзади.

Адъютантъ былъ присланъ изъ главнаго штаба подтвердить полковому командиру то, чтò было сказано неясно во вчерашнемъ приказѣ, а именно то, что главнокомандующій желалъ видѣть полкъ совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ — въ шинеляхъ, въ чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій.

Къ Кутузову наканунѣ прибылъ членъ гофкригсрата изъ Вѣны, съ предложеніями и требованіями идти какъ можно скорѣе на соединеніе съ арміей эрцгерцога Фердинанда и Мака, и Кутузовъ, не считая выгоднымъ это соединеніе, въ числѣ прочихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, намѣревался показать австрійскому генералу то печальное

положеніе, въ которомъ приходили войска изъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ и хотѣлъ выѣхать на встрѣчу полку, такъ что чѣмъ хуже было бы положеніе полка, тѣмъ пріятнѣе было бы это главнокомандующему. Хотя адъютантъ и не зналъ этихъ подробностей, однако онъ передалъ полковому командиру непремѣнное требованіе главнокомандующаго, чтобы люди были въ шинеляхъ и чехлахъ, и что въ противномъ случаѣ главнокомандующій будетъ недоволенъ.

Выслушавъ эти слова, полковой командиръ опустилъ голову, молча вздернулъ плечами и сангвиническимъ жестомъ развелъ руки.

— Надѣлали дѣла! проговорилъ онъ. — Вотъ я вамъ говорилъ же, Михайло Митричъ, что на походѣ, такъ въ шинеляхъ, обратился онъ съ упрекомъ къ батальонному командиру. — Ахъ, мой Богъ! прибавилъ онъ и рѣшительно выступилъ впередъ. — Господа ротные командиры! крикнулъ онъ голосомъ привычнымъ къ командѣ. — Фельдфебелей!... Скоро ли пожалуютъ? обратился онъ къ пріѣхавшему адъютанту съ выраженіемъ почтительной учтивости, видимо относившейся къ лицу, про которое онъ говорилъ.

— Черезъ часъ, я думаю.

— Успѣемъ переодѣть?

— Не знаю, генералъ....

Полковой командиръ, самъ подойдя къ рядамъ, распорядился переодѣваніемъ опять въ шинели. Ротные командиры разбѣжались по ротамъ, фельдфебели засуетились (шинели были не совсѣмъ исправны), и въ то же мгновеніе заколыхались, растянулись и говоромъ загудѣли прежде правильные, молчаливые четыреугольники. Со всѣхъ сторонъ отбѣгали и подбѣгали солдаты, подкидывали сзади плечомъ, черезъ

голову перетаскивали ранцы, снимали шинели и, высоко поднимая руки, втягивали их въ рукава.

Черезъ полчаса все опять пришло въ прежній порядокъ, только четыреугольники сдѣлались сѣрыми изъ черныхъ. Полковой командиръ, опять подрагивающею походкой, вышелъ впередъ полка, и издалека оглядѣлъ его.

— Это что еще? это что! прокричалъ онъ, останавливаясь.— Командира 3-й роты!...

— Командиръ 3-й роты къ генералу! командира къ генералу, 3-й роты къ командиру!... послышались голоса по рядамъ, и адъютантъ побѣжалъ отыскивать замѣшкавшагося офицера. Когда звуки усердныхъ голосовъ, перевирая, крича уже „генерала въ 3-ю роту", дошли по назначенію, требуемый офицеръ показался изъ-за роты, и хотя человѣкъ уже пожилой и не имѣвшій привычки бѣгать, неловко цѣпляясь носками, рысью направился къ генералу. Лицо капитана выражало безпокойство школьника, которому велятъ сказать невыученный имъ урокъ. На красномъ (очевидно отъ невоздержанія) носу выступали пятна и ротъ не находилъ положенія. Полковой командиръ съ ногъ до головы осматривалъ капитана въ то время, какъ онъ запыхавшись подходилъ, по мѣрѣ приближенія сдерживая шагъ.

— Вы скоро людей въ сарафаны нарядите! Это что? крикнулъ полковой командиръ, выдвигая нижнюю челюсть и указывая въ рядахъ 3-й роты на солдата въ шинели цвѣта фабричнаго сукна, отличавшагося отъ другихъ шинелей.— Сами гдѣ находились? Ожидается главнокомандующій, а вы отходите отъ своего мѣста? А?... Я васъ научу какъ на смотръ людей въ казакины одѣвать!... А?...

Ротный командиръ, не спуская глазъ съ начальника все

больше и больше прижималъ свои два пальца къ козырьку, какъ будто въ одномъ этомъ прижиманіи онъ видѣлъ теперь свое спасеніе.

— Ну, чтожъ вы молчите? Кто у васъ тамъ въ венгерца наряженъ? строго шутилъ полковой командиръ.

— Ваше превосходительство....

— Ну, что „ваше превосходительство"? Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! А что ваше превосходительство, — никому неизвѣстно.

— Ваше превосходительство, это Долоховъ, разжалованный.... сказалъ тихо капитанъ.

— Что онъ въ фельдмаршалы что ли разжалованъ или въ солдаты? А солдатъ, такъ долженъ быть одѣтъ какъ всѣ, по формѣ.

— Ваше превосходительство, вы сами разрѣшили ему походомъ.

— Разрѣшилъ? Разрѣшилъ? Вотъ вы всегда такъ, молодые люди, сказалъ полковой командиръ, остывая нѣсколько.— Разрѣшилъ? Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и...— Полковой командиръ помолчалъ.— Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и... Что? сказалъ онъ снова раздражаясь.— Извольте одѣть людей прилично...

И полковой командиръ, оглядываясь на адъютанта, своею вздрагивающею походкой направился къ полку. Видно было, что его раздраженіе ему самому понравилось и что онъ, пройдясь по полку, хотѣлъ найти еще предлогъ своему гнѣву. Оборвавъ одного офицера за невычищенный знакъ, другого за неправильность ряда, онъ подошелъ къ 3-й ротѣ.

— Ка-акъ стоишь? Гдѣ нога? Нога гдѣ? закричалъ полковой командиръ съ выраженіемъ страданія въ голосѣ, еще

человѣкъ за пять не доходя до Долохова, одѣтаго въ синеватую шинель.

Долоховъ медленно выпрямилъ согнутую ногу и прямо своимъ свѣтлымъ и наглымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо генерала.

— Зачѣмъ синяя шинель? Долой!... Фельдфебель! Переодѣть его... дря...— Онъ не успѣлъ договорить.

— Генералъ, я обязанъ исполнить приказанія, но не обязанъ переносить... поспѣшно сказалъ Долоховъ.

— Во фронтѣ не разговаривать!... Не разговаривать, не разговаривать!...

— Не обязанъ переносить оскорбленія, громко, звучно договорилъ Долоховъ.— Глаза генерала и солдата встрѣтились. Генералъ замолчалъ, сердито оттягивая книзу тугой шарфъ.

— Извольте переодѣться, прошу васъ, сказалъ онъ отходя.

II.

— Ѣдетъ! закричалъ въ это время махальный.

Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и съ счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица и замеръ.

— Смир-р-р-на! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, безшоссейной дорогѣ, слегка погромыхивая рессорами, шибкою рысью ѣхала

Княгиня лежала въ креслѣ, m-elle Бурьенъ терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невѣстку, съ заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрѣла въ дверь, въ которую вышелъ князь Андрей, и крестила его. Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые, сердитые звуки стариковскаго сморканія. Только что князь Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? Ну и хорошо! сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головою и захлопнулъ дверь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ октябрѣ 1805 года русскія войска занимали села и города эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новые полки приходили изъ Россіи, и, отягощая постоемъ жителей, располагались у крѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира главнокомандующаго Кутузова.

11-го октября 1805 года, одинъ изъ только что пришедшихъ къ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полумилѣ отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку (фруктовые сады, каменныя ограды, черепичныя крыши, горы, виднѣвшіяся вдали, не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ) полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ, готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ срединѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому командиру, и возникъ вопросъ, какъ разумѣть слова приказа: въ походной формѣ или нѣтъ? — въ совѣтѣ батальонныхъ командировъ было рѣшено представить полкъ въ парадной

капитана съ краснымъ носомъ, пострадавшаго за синюю шинель.

Казалось, нельзя было вытягиваться больше того, какъ вытягивался Тимохинъ, въ то время какъ полковой командиръ дѣлалъ ему замѣчаніе. Но въ эту минуту обращенія къ нему главнокомандующаго, капитанъ вытянулся такъ, что, казалось, посмотри на него главнокомандующій еще нѣсколько времени, капитанъ не выдержалъ бы; и потому Кутузовъ, видимо понявъ его положеніе и желая напротивъ всякаго добра капитану, поспѣшно отвернулся. По пухлому изуродованному раной, лицу Кутузова пробѣжала чуть замѣтная улыбка.

— Еще измайловскій товарищъ, сказалъ онъ. — Храбрый офицеръ! Ты доволенъ имъ? спросилъ Кутузовъ у полковаго командира.

И полковой командиръ, отражаясь какъ въ зеркалѣ, невидимо для себя, въ гусарскомъ офицерѣ, вздрогнулъ, подошелъ впередъ и отвѣчалъ:

— Очень доволенъ, ваше высокопревосходительство.

— Мы всѣ не безъ слабостей, сказалъ Кутузовъ, улыбаясь и отходя отъ него. — У него была приверженность къ Бахусу.

Полковой командиръ испугался, не виноватъ ли онъ въ этомъ, и ничего не отвѣтилъ. Офицеръ въ эту минуту замѣтилъ лицо капитана съ краснымъ носомъ и подтянутымъ животомъ и такъ похоже передразнилъ его лицо и позу, что Несвицкій не могъ удержать смѣха. Кутузовъ обернулся. Видно было, что офицеръ могъ управлять своимъ лицомъ, какъ хотѣлъ; въ ту минуту, какъ Кутузовъ обернулся, офицеръ успѣлъ сдѣлать гримасу, а вслѣдъ затѣмъ принять самое серіозное, почтительное и невинное выраженіе.

Третья рота была послѣдняя, и Кутузовъ задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступилъ изъ свиты и по французски тихо сказалъ:

— Вы приказали напомнить о разжалованномъ Долоховѣ въ этомъ полку.

— Гдѣ тутъ Долоховъ? спросилъ Кутузовъ.

Долоховъ, уже переодѣтый въ солдатскую сѣрую шинель, не дожидался, чтобъ его вызвали. Стройная фигура бѣлокураго съ ясными, голубыми глазами солдата, выступила изъ фронта. Онъ подошелъ къ главнокомандующему и сдѣлалъ на караулъ.

— Претензія? нахмурившись слегка, спросилъ Кутузовъ.

— Это Долоховъ, сказалъ князь Андрей.

— А! сказалъ Кутузовъ: — надѣюсь, что этотъ урокъ тебя исправитъ, служи хорошенько. Государь милостивъ. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые ясные глаза смотрѣли на главнокомандующаго такъ же дерзко, какъ и на полкового командира, какъ будто своимъ выраженіемъ разрывая завѣсу условности, отдѣлявшую такъ далеко главнокомандующаго отъ солдата.

— Объ одномъ прошу, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ своимъ звучнымъ, твердымъ, не спѣшащимъ голосомъ. — Прошу дать мнѣ случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и Россіи.

Кутузовъ отвернулся. На лицѣ его промелькнула та же улыбка глазъ, какъ и въ то время, когда онъ отвернулся отъ капитана Тимохина. Онъ отвернулся и поморщился, какъ будто хотѣлъ выразить этимъ, что все, что ему сказалъ Долоховъ, и все, что онъ могъ сказать ему, онъ давно, давно знаетъ, что все это уже прискучило ему, и что все это

совсѣмъ не то, что нужно. Онъ отвернулся и направился къ коляскѣ.

Полкъ разобрался ротами и направился къ назначеннымъ квартирамъ не вдалекѣ отъ Браунау, гдѣ надѣялся обуться, одѣться и отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ.

— Вы на меня не претендуйте, Прохоръ Игнатьичъ? сказалъ полковой командиръ, объѣзжая двигавшуюся къ мѣсту 3-ю роту и подъѣзжая къ шедшему впереди ея капитану Тимохину. Лицо полковаго командира выражало послѣ счастливо-отбытаго смотра неудержимую радость. — Служба царская... нельзя... другой разъ во фронтѣ оборвешь... Самъ извинюсь первый, вы меня знаете... Очень благодарилъ! — И онъ протянулъ руку ротному.

— Помилуйте, генералъ, да смѣю ли я! отвѣчалъ капитанъ, краснѣя носомъ, улыбаясь и раскрывая улыбкой недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, выбитыхъ прикладомъ подъ Измаиломъ.

— Да господину Долохову передайте, что я его не забуду, чтобъ онъ былъ спокоенъ. Да скажите, пожалуйста, я все хотѣлъ спросить, что онъ, какъ себя ведетъ? И все...

— По службѣ очень исправенъ, ваше превосходительство... но характеръ... сказалъ Тимохинъ.

— А что, что характеръ? спросилъ полковой командиръ.

— Находитъ, ваше превосходительство, днями, говорилъ капитанъ, — то и уменъ, и ученъ, и добръ. А то звѣрь. Въ Польшѣ убилъ было жида, изволите знать...

— Ну да, ну да, сказалъ полковой командиръ, — все надо пожалѣть молодаго человѣка въ несчастіи. Вѣдь большія связи... Такъ вы того...

— Слушаю, ваше превосходительство, сказалъ Тимохинъ, улыбкой давая чувствовать, что онъ понималъ желаніе начальника.

— Ну да, ну да.

Полковой командиръ отыскалъ въ рядахъ Долохова и придержалъ лошадь.

— До перваго дѣла — эполеты, сказалъ онъ ему.

Долоховъ оглянулся, ничего не сказалъ и не измѣнилъ выраженія своего насмѣшливо-улыбающагося рта.

— Ну, вотъ и хорошо, продолжалъ полковой командиръ. — Людямъ по чаркѣ водки отъ меня, прибавилъ онъ, чтобы солдаты слышали. — Благодарю всѣхъ! Слава Богу! И онъ, обогнавъ роту, подъѣхалъ къ другой.

— Что жъ, онъ, право хорошій человѣкъ, съ нимъ служить можно, сказалъ Тимохинъ субалтернъ-офицеру, шедшему подлѣ него.

— Одно слово, червонный!... (полкового командира прозвали червоннымъ королемъ) смѣясь, сказалъ субалтернъ-офицеръ.

Счастливое расположеніе духа начальства послѣ смотра перешло и къ солдатамъ. Рота шла весело. Со всѣхъ сторонъ переговаривались солдатскіе голоса.

— Какъ же, сказывали Кутузовъ кривой, объ одномъ глазу?

— А то нѣтъ! Вовсе кривой.

— Нѣ... братъ, глазастѣе тебя. Сапоги и подвертки, все оглядѣлъ...

— Какъ онъ, братецъ ты мой, глянетъ на ноги мнѣ... ну! думаю...

— А другой-то австріякъ съ нимъ былъ, словно мѣломъ

вымазанъ. Какъ мука бѣлый. Я чай, какъ амуницію чистятъ!

— Что, Федешоу!... сказывалъ онъ что ли, когда страженія начнутся? ты ближе стоялъ? Говорили все, въ Брунове самъ Бунапарте стоитъ.

— Бунапарте стоитъ! ишь вретъ дура! Чего не знаетъ! Теперь пруссакъ бунтуетъ. Австріякъ его, значитъ усмиряетъ. Какъ онъ замирится, тогда и съ Бунапартомъ война откроется. А то, говоритъ, въ Брунове Бунапарте стоитъ! То-то и видно, что дуракъ. Ты слушай больше.

— Вишь черти, квартирьеры! Пятая рота, гляди, уже въ деревню заворачиваетъ, они кашу сварятъ, а мы еще до мѣста не дойдемъ.

— Дай сухарика-то, чортъ.

— А табаку-то вчера далъ? То-то братъ. Ну, на, Богъ съ тобой.

— Хоть бы привалъ сдѣлали, а то еще верстъ пять пропремъ не ѣмши.

— То-то любо было, какъ нѣмцы намъ коляски подавали. Ѣдешь, знай: важно!

— А здѣсь братецъ, народъ вовсе оголтѣлый пошелъ. Тамъ все какъ будто полякъ былъ, все русской короны, а нынче, братъ, сплошной нѣмецъ пошелъ.

— Пѣсельники впередъ! послышался крикъ капитана.

И предъ роту съ разныхъ рядовъ выбѣжало человѣкъ двадцать. Барабанщикъ-запѣвало обернулся лицомъ къ пѣсельникамъ и, махнувъ рукой, затянулъ протяжную солдатскую пѣсню, начинавшуюся: „Не заря ли солнышко занималося...“ и кончавшуюся словами: „То-то, братцы, будетъ слава намъ съ Каменскіимъ-отцомъ...“ Пѣсня эта была сложена въ Турціи

и пѣлась теперь въ Австріи, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что на мѣсто „Каменскіимъ отцомъ" вставляли слова „Кутузовымъ-отцомъ".

Оторвавъ по-солдатски эти послѣднія слова и махнувъ руками, какъ будто онъ бросалъ что-то на землю, барабанщикъ, сухой и красивый солдатъ, лѣтъ сорока, строго оглянулъ солдатъ-пѣсельниковъ и зажмурился. Потомъ, убѣдившись, что всѣ глаза устремлены на него, онъ какъ будто осторожно приподнялъ обѣими руками какую-то невидимую, драгоцѣнную вещь надъ головой, подержалъ ее такъ нѣсколько секундъ и вдругъ отчаянно бросилъ ее:

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!

„Сѣни новыя мои..." подхватили двадцать голосовъ, и ложечникъ, несмотря на тяжесть амуниціи, рѣзво выскочилъ впередъ и пошелъ задомъ предъ ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, въ тактъ пѣсни размахивая руками, шли просторнымъ шагомъ, невольно попадая въ ногу. Сзади роты послышались звуки колесъ, похрускиванье рессоръ и топотъ лошадей. Кутузовъ со свитой возвращался въ городъ. Главнокомандующій далъ знакъ, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лицѣ и на всѣхъ лицахъ его свиты выразилось удовольствіе при звукахъ пѣсни, при видѣ пляшущаго солдата и весело и бойко идущихъ солдатъ роты. Во второмъ ряду съ праваго фланга, съ котораго коляска обгоняла роты, невольно бросался въ глаза голубоглазый солдатъ, Долоховъ, который особенно бойко и граціозно шелъ въ тактъ пѣсни и глядѣлъ на лица проѣзжающихъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ жалѣлъ всѣхъ, кто не шелъ въ это время съ ротой. Гусарскій корнетъ изъ

свиты Кутузова, передразнивавшій полковаго командира, отсталъ отъ коляски и подъѣхалъ къ Долохову.

Гусарскій корнетъ Жерковъ одно время въ Петербургѣ принадлежалъ къ тому буйному обществу, которымъ руководилъ Долоховъ. За границей Жерковъ встрѣтилъ Долохова солдатомъ, но не счелъ нужнымъ узнать его. Теперь, послѣ разговора Кутузова съ разжалованнымъ, онъ съ радостью стараго друга обратился къ нему:

— Другъ сердечный, ты какъ? сказалъ онъ при звукахъ пѣсни, ровняя шагъ своей лошади съ шагомъ роты.

— Я какъ? отвѣчалъ холодно Долоховъ, — какъ видишь.

Бойкая пѣсня придавала особенное значеніе тону развязной веселости, съ которою говорилъ Жерковъ и умышленной холодности отвѣтовъ Долохова.

— Ну, какъ ладишь съ начальствомъ? спросилъ Жерковъ.

— Ничего, хорошіе люди. Ты какъ въ штабъ затесался?

— Прикомандированъ, дежурю.

Они помолчали.

„Выпускала сокола, да изъ правова рукава“, говорила пѣсня, невольно возбуждая бодрое, веселое чувство. Разговоръ ихъ, вѣроятно былъ бы другой, ежели бы они говорили не при звукахъ пѣсни.

— Что правда, австрійцевъ побили? спросилъ Долоховъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, говорятъ.

— Я радъ, отвѣчалъ Долоховъ коротко и ясно, какъ того требовала пѣсня.

— Что жъ, приходи къ намъ когда вечеркомъ, фараонъ заложишь, сказалъ Жерковъ.

— Или у васъ денегъ много завелось?

— Приходи.

— Нельзя, зарокъ далъ. Не пью и не играю, пока не произведутъ.

— Да что жъ, до перваго дѣла...

— Тамъ видно будетъ. Опять они помолчали.

— Ты заходи, коли что нужно, все въ штабѣ помогутъ... сказалъ Жерковъ. Долоховъ усмѣхнулся.

— Ты лучше не безпокойся. Мнѣ что нужно, я просить не стану, самъ возьму.

— Да что жъ, я такъ...

— Ну, и я такъ.

— Прощай.

— Будь здоровъ....

...И высоко и далеко,
На родиму сторону....

Жерковъ тронулъ шпорами лошадь, которая раза три, горячась, перебила ногами, не зная съ какой начать, справилась и поскакала, обгоняя роту и догоняя коляску, тоже въ тактъ пѣсни.

III.

Возвратившись со смотра, Кутузовъ, сопутствуемый австрійскимъ генераломъ, прошелъ въ свой кабинетъ, и, кликнувъ адъютанта, приказалъ подать себѣ нѣкоторыя бумаги, относившіяся до состоянія приходившихъ войскъ, и письма, полученныя отъ эрцгерцога Фердинанда, начальствовавшаго передовою арміей. Князь Андрей Болконскій съ требуемыми бумагами вошелъ въ кабинетъ главнокомандующаго. Предъ разложеннымъ на столѣ планомъ сидѣли Кутузовъ и австрійскій членъ гофкригсрата.

— А!... сказалъ Кутузовъ, оглядываясь на Болконскаго, какъ будто этимъ словомъ приглашая адъютанта подождать, и продолжалъ по-французски начатый разговоръ.

— Я только говорю одно, генералъ, говорилъ Кутузовъ съ пріятнымъ изяществомъ выраженій и интонаціи, заставлявшимъ вслушиваться въ каждое неторопливо-сказанное слово. Видно было, что Кутузовъ и самъ съ удовольствіемъ слушалъ себя.— Я только одно говорю, генералъ, что ежели бы дѣло зависѣло отъ моего личнаго желанія, то воля его величества, императора Франца, давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы къ эрцгерцогу. И вѣрьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство арміей болѣе меня свѣдущему и искусному генералу, какими такъ обильна Австрія, и сложить съ себя всю эту тяжкую отвѣтственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бываютъ сильнѣе насъ, генералъ.— И Кутузовъ улыбнулся съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ говорилъ: „Вы имѣете полное право не вѣрить мнѣ, и даже мнѣ совершенно все равно, вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, но вы не имѣете повода сказать мнѣ это. И въ этомъ-то все дѣло“.

Австрійскій генералъ имѣлъ недовольный видъ, но не могъ не въ томъ же тонѣ отвѣчать Кутузову.

— Напротивъ, сказалъ онъ ворчливымъ и сердитымъ тономъ, такъ противорѣчившимъ лестному значенію произносимыхъ словъ,— напротивъ, участіе вашего превосходительства въ общемъ дѣлѣ высоко цѣнится его величествомъ; но мы полагаемъ, что настоящее замедленіе лишаетъ славныя русскія войска и ихъ главнокомандующихъ тѣхъ лавровъ, которые они привыкли пожинать въ битвахъ, закончилъ онъ видимо приготовленную фразу.

Кутузовъ поклонился, не измѣняя улыбки.

— А я такъ убѣжденъ, и, основываясь на послѣднемъ письмѣ, которымъ почтилъ меня его высочество эрцгерцогъ Фердинандъ, предполагаю, что австрійскія войска, подъ начальствомъ столь искуснаго помощника, каковъ генералъ Макъ, теперь уже одержали рѣшительную побѣду и не нуждаются болѣе въ нашей помощи, сказалъ Кутузовъ.

Генералъ нахмурился. Хотя и не было положительныхъ извѣстій о пораженіи австрійцевъ, но было слишкомъ много обстоятельствъ, подтверждавшихъ общіе невыгодные слухи; и потому предположеніе Кутузова о побѣдѣ австрійцевъ было весьма похоже на насмѣшку. Но Кутузовъ кротко улыбался, все съ тѣмъ же выраженіемъ, которое говорило, что онъ имѣетъ право предполагать это. Дѣйствительно послѣднее письмо, полученное имъ изъ арміи Мака, извѣщало его о побѣдѣ и о самомъ выгодномъ стратегическомъ положеніи арміи.

— Дай-ка сюда это письмо, сказалъ Кутузовъ, обращаясь къ князю Андрею. — Вотъ извольте видѣть, — и Кутузовъ, съ насмѣшливою улыбкой на концахъ губъ, прочелъ по-нѣмецки австрійскому генералу слѣдующее мѣсто изъ письма эрцгерцога Фердинанда: „Мы имѣемъ вполнѣ сосредоточенныя силы, около 70.000 человѣкъ, такъ что мы можемъ атаковать и разбить непріятеля въ случаѣ переправы его черезъ Лехъ. Такъ какъ мы уже владѣемъ Ульмомъ, то мы можемъ удержать за собою выгоду командованія обоими берегами Дуная, стало-быть ежеминутно, въ случаѣ если непріятель не перейдетъ черезъ Лехъ, переправиться черезъ Дунай, броситься на его коммуникаціонную линію, ниже перейти обратно Дунай, и непріятелю, если онъ вздумаетъ обратить всю свою силу

на нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, не дать исполнить его намѣреніе. Такимъ образомъ, мы будемъ бодро ожидать времени, когда императорская россійская армія совсѣмъ изготовится, и затѣмъ вмѣстѣ легко найдемъ возможность уготовить непріятелю участь, коей онъ заслуживаетъ".

Кутузовъ тяжело вздохнулъ, окончивъ этотъ періодъ и внимательно и ласково посмотрѣлъ на члена гофкригсрата.

— Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, предписывающее предполагать худшее, сказалъ австрійскій генералъ, видимо желая покончить съ шутками и приступить къ дѣлу. Онъ невольно оглянулся на адъютанта.

— Извините, генералъ, перебилъ его Кутузовъ и тоже поворотился къ князю Андрею.—Вотъ что, мой любезный, возьми ты всѣ донесенія отъ нашихъ лазутчиковъ у Козловскаго. Вотъ два письма отъ графа Ностица, вотъ письмо отъ его высочества эрцгерцога Фердинанда, вотъ еще, сказалъ онъ, подавая ему нѣсколько бумагъ. И изъ всего этого чистенько, на французскомъ языкѣ, составь меморандумъ записочку, для видимости всѣхъ тѣхъ извѣстій, которыя мы о дѣйствіяхъ австрійской арміи имѣли. Ну, такъ то, и представь его превосходительству.

Князь Андрей наклонилъ голову въ знакъ того, что понялъ съ первыхъ словъ не только то, что̀ было сказано, но и то, что̀ желалъ бы сказать ему Кутузовъ. Онъ собралъ бумаги и, отдавъ общій поклонъ, тихо шагая по ковру, вышелъ въ пріемную.

Несмотря на то, что еще немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей оставилъ Россію, онъ много измѣнился за это время. Въ выраженіи его лица, въ движеніяхъ, въ походкѣ, почти не было замѣтно прежняго притворства,

усталости и лѣни; онъ имѣлъ видъ человѣка, не имѣющаго времени думать о впечатлѣніи, какое онъ производитъ на другихъ, и занятаго дѣломъ пріятнымъ и интереснымъ. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взглядъ его были веселѣе и привлекательнѣе.

Кутузовъ, котораго онъ догналъ еще въ Польшѣ, принялъ его очень ласково, обѣщалъ ему не забывать его, отличалъ отъ другихъ адъютантовъ, бралъ съ собою въ Вѣну и давалъ болѣе серіозныя порученія. Изъ Вѣны Кутузовъ писалъ своему старому товарищу, отцу князя Андрея.

„Вашъ сынъ, писалъ онъ, надежду подаетъ быть офицеромъ, изъ ряду выходящимъ по своимъ занятіямъ, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливымъ, имѣя подъ рукой такого подчиненнаго“.

Въ штабѣ Кутузова, между товарищами-сослуживцами и вообще въ арміи, князь Андрей такъ же, какъ и въ петербургскомъ обществѣ, имѣлъ двѣ совершенно противоположныя репутаціи. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чѣмъ-то особеннымъ отъ себя и отъ всѣхъ другихъ людей, ожидали отъ него большихъ успѣховъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему; и съ этими людьми князь Андрей былъ простъ и пріятенъ. Другіе, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутымъ, холоднымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Но съ этими людьми князь Андрей умѣлъ поставить себя такъ, что его уважали и даже боялись.

Выйдя въ пріемную изъ кабинета Кутузова, князь Андрей съ бумагами подошелъ къ товарищу, дежурному адъютанту Козловскому, который съ книгой сидѣлъ у окна.

— Ну что, князь? спросилъ Козловскій.

— Приказано составить записку, почему нейдемъ впередъ.

— А почему?

Князь Андрей пожалъ плечами.

— Нѣтъ извѣстія отъ Мака? спросилъ Козловскій.

— Нѣтъ.

— Ежели бы правда, что онъ разбитъ, такъ пришло бы извѣстіе.

— Вѣроятно, сказалъ князь Андрей и направился къ выходной двери; но въ то же время навстрѣчу ему, хлопнувъ дверью, быстро вошелъ въ пріемную высокій, очевидно пріѣзжій, австрійскій генералъ въ сюртукѣ, съ повязанною чернымъ платкомъ головою и съ орденомъ Маріи-Терезіи на шеѣ. Князь Андрей остановился.

— Генералъ-аншефъ Кутузовъ? быстро проговорилъ пріѣзжій генералъ, съ рѣзкимъ нѣмецкимъ выговоромъ, оглядываясь на обѣ стороны и безъ остановки проходя къ двери кабинета.

— Генералъ-аншефъ занятъ, сказалъ Козловскій, торопливо подходя къ неизвѣстному генералу и загораживая ему дорогу отъ двери. — Какъ прикажете доложить?

Неизвѣстный генералъ презрительно оглянулся сверху внизъ на невысокаго ростомъ Козловскаго, какъ будто удивляясь, что его могутъ не знать.

— Генералъ-аншефъ занятъ, спокойно повторилъ Козловскій.

Лицо генерала нахмурилось, губы его дернулись и задрожали. Онъ вынулъ записную книжку, быстро начертилъ что-то карандашемъ, вырвалъ листокъ, отдалъ, быстрыми шагами подошелъ къ окну, бросилъ свое тѣло на стулъ и оглянулъ бывшихъ въ комнатѣ, какъ будто спрашивая: зачѣмъ они

на него смотрятъ? Потомъ генералъ поднялъ голову, вытянулъ шею, какъ будто намѣреваясь что-то сказать, но тотчасъ же, какъ будто небрежно начиная напѣвать про себя, произвелъ странный звукъ, который тотчасъ же пресѣкся. Дверь кабинета отворилась, и на порогѣ ея показался Кутузовъ. Генералъ съ повязанною головой, какъ будто убѣгая отъ опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худыхъ ногъ подошелъ къ Кутузову.

— Вы видите несчастнаго Мака, по-французски проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ.

Лицо Кутузова, стоявшаго въ дверяхъ кабинета, нѣсколько мгновеній оставалось совершенно неподвижно. Потомъ, какъ волна, пробѣжала по его лицу морщина, лобъ разгладился; онъ почтительно наклонилъ голову, закрылъ глаза, молча пропустилъ мимо себя Мака и самъ за собой затворилъ дверь.

Слухъ, уже распространенный прежде, о разбитіи австрійцевъ и о сдачѣ всей арміи подъ Ульмомъ, оказывался справедливымъ. Черезъ полчаса уже по разнымъ направленіямъ были разосланы адъютанты съ приказаніями, доказывавшими, что скоро и русскія войска, до сихъ поръ бывшія въ бездѣйствіи, должны будутъ встрѣтиться съ непріятелемъ.

Князь Андрей былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ офицеровъ въ штабѣ, который полагалъ свой главный интересъ въ общемъ ходѣ военнаго дѣла. Увидавъ Мака и услыхавъ подробности его погибели, онъ понялъ, что половина кампаніи проиграна, понялъ всю трудность положенія русскихъ войскъ и живо вообразилъ себѣ то, что ожидаетъ армію, и ту роль, которую онъ долженъ будетъ играть въ ней. Невольно онъ испытывалъ волнующее радостное чувство при мысли о по-

сремленіи самонадѣянной Австріи, и о томъ, что черезъ недѣлю, можетъ быть, придется ему увидѣть и принять участіе въ столкновеніи русскихъ съ французами, впервые послѣ Суворова. Но онъ боялся генія Бонапарта, который могъ оказаться сильнѣе всей храбрости русскихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить позора для своего героя.

Взволнованный и раздраженный этими мыслями, князь Андрей пошелъ въ свою комнату, чтобы написать отцу, которому онъ писалъ каждый день. Онъ сошелся въ коридорѣ съ своимъ сожителемъ Несвицкимъ и шутникомъ Жерковымъ; они, какъ всегда, чему-то смѣялись.

— Что ты такъ мраченъ? спросилъ Несвицкій, замѣтивъ блѣдное съ блестящими глазами лицо князя Андрея.

— Веселиться нечему, отвѣчалъ Болконскій.

Въ то время какъ князь Андрей сошелся съ Несвицкимъ и Жерковымъ, съ другой стороны корридора навстрѣчу имъ шли Штраухъ, австрійскій генералъ, состоявшій при штабѣ Кутузова для наблюденія за продовольствіемъ русской арміи и членъ гофкригсрата, пріѣхавшіе наканунѣ. По широкому корридору было достаточно мѣста, чтобы генералы могли свободно разойтись съ тремя офицерами; но Жерковъ, отталкивая рукой Несвицкаго, запыхавшимся голосомъ проговорилъ.

— Идутъ!.. идутъ!.. посторонитесь, дорогу! пожалуйста, дорогу.

Генералы проходили съ видомъ желанія избавиться отъ утруждающихъ почестей. На лицѣ шутника Жеркова выразилась вдругъ глупая улыбка радости, которой онъ какъ будто не могъ удержать.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ по-нѣмецки.

выдвигаясь впередъ и обращаясь къ австрійскому генералу. — Имѣю честь поздравить. Онъ наклонилъ голову, и неловко, какъ дѣти, которыя учатся танцовать, сталъ расшаркиваться то одною, то другой ногою.

Генералъ, членъ гофкригсрата, строго оглянулся на него, но, замѣтивъ серіозность глупой улыбки, не могъ отказать въ минутномъ вниманіи. Онъ прищурился, показывая что слушаетъ.

— Имѣю честь поздравить, генералъ Макъ пріѣхалъ, совсѣмъ здоровъ, только немного тутъ зашибся, прибавилъ онъ, сіяя улыбкой и указывая на свою голову.

Генералъ нахмурился, отвернулся и пошелъ дальше.

— Боже, какъ наивенъ! сказалъ онъ сердито, отойдя нѣсколько шаговъ.

Несвицкій съ хохотомъ обнялъ князя Андрея, но Болконскій, еще болѣе поблѣднѣвъ, съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ, оттолкнулъ его и обратился къ Жеркову. То нервное раздраженіе, въ которое его привели видъ Мака, извѣстіе объ его пораженіи и мысли о томъ, что ожидаетъ русскую армію, нашли себѣ исходъ въ озлобленіи на неумѣстную шутку Жеркова.

— Если вы, милостивый государь, заговорилъ онъ пронзительно съ легкимъ дрожаніемъ нижней челюсти, — хотите быть *шутомъ*, то я вамъ въ этомъ не могу воспрепятствовать, но объявляю вамъ, что, если вы *осмѣлитесь* другой разъ скоморошничать въ моемъ присутствіи, то я васъ научу какъ вести себя.

Несвицкій и Жерковъ такъ были удивлены этою выходкой, что молча, раскрывъ глаза, смотрѣли на Болконскаго.

— Что жъ, я поздравилъ только, сказалъ Жерковъ.

— Я не шучу съ вами; извольте молчать! крикнулъ Болконскій и, взявъ за руку Несвицкаго, пошелъ прочь отъ Жеркова, не нашедшагося, что ответить.

— Ну, что ты, братецъ! успокоивая, сказалъ Несвицкій.

— Какъ что? заговорилъ князь Андрей, останавливаясь отъ волненія. — Да ты пойми, что мы — или офицеры, которые служимъ своему царю и отечеству и радуемся общему успѣху и печалимся объ общей неудачѣ, или мы лакеи, которымъ дѣла нѣтъ до господскаго дѣла. Сорокъ тысячъ человѣкъ погибло, и союзная намъ армія уничтожена, а вы можете при этомъ шутить, сказалъ онъ, какъ будто этой французской фразой закрѣпляя свое мнѣніе. — Это простительно ничтожному мальчишкѣ, какъ вотъ этотъ господинъ, котораго вы сдѣлали себѣ другомъ, но не вамъ, не вамъ. *Мальчишкамъ* только можно такъ забавляться, прибавилъ князь Андрей по-русски, выговаривая это слово съ французскимъ акцентомъ, замѣтивъ, что Жерковъ могъ еще слышать его. Онъ подождалъ, не отвѣтитъ ли что корнетъ. Но корнетъ повернулся и вышелъ изъ коридора.

IV.

Гусарскій Павлоградскій полкъ стоялъ въ двухъ миляхъ отъ Браунау. Эскадронъ, въ которомъ юнкеромъ служилъ Николай Ростовъ, расположенъ былъ въ нѣмецкой деревнѣ Зальценекъ. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, извѣстному всей кавалерійской дивизіи подъ именемъ Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира въ деревнѣ. Юнкеръ Ростовъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ догналъ полкъ въ Польшѣ, жилъ вмѣстѣ съ эскадроннымъ командиромъ.

8-го октября, въ тотъ самый день, когда въ главной квар-

тирѣ все было поднято на ноги извѣстіемъ о пораженіи Мака, въ штабѣ эскадрона походная жизнь спокойно шла по старому. Денисовъ, проигравшій всю ночь въ карты, еще не приходилъ домой, когда Ростовъ, рано утромъ, верхомъ, вернулся съ фуражировки. Ростовъ въ юнкерскомъ мундирѣ подъѣхалъ къ крыльцу, толконувъ лошадь, гибкимъ молодымъ жестомъ скинулъ ногу, постоялъ на стремени, какъ будто не желая разстаться съ лошадью, наконецъ спрыгнулъ и крикнулъ вѣстоваго.

— А, Бондаренко, другъ сердечный, проговорилъ онъ бросившемуся стремглавъ къ его лошади гусару. — Выводи, дружокъ, сказалъ онъ съ тою братскою, веселою нѣжностію, съ которою обращаются со всѣми хорошіе молодые люди, когда они счастливы.

— Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ хохолъ, встряхивая весело головой.

— Смотри же, выводи хорошенько!

Другой гусаръ бросился тоже къ лошади, но Бондаренко уже перекинулъ поводья трензеля. Видно было, что юнкеръ давалъ хорошо на водку, и что услужить ему было выгодно. Ростовъ погладилъ лошадь по шеѣ, потомъ по крупу и остановился на крыльцѣ.

„Славно! Такая будетъ лошадь!“ сказалъ онъ самъ себѣ, и улыбаясь и придерживая саблю, взбѣжалъ на крыльцо, погромыхивая шпорами. Хозяинъ-нѣмецъ, въ фуфайкѣ и колпакѣ, съ вилами, которыми онъ вычищалъ навозъ, выглянулъ изъ коровника. Лицо нѣмца вдругъ просвѣтлѣло, какъ только онъ увидалъ Ростова. Онъ весело улыбнулся и подмигнулъ: „Добраго утра, добраго утра!“ повторялъ онъ, видимо находя удовольствіе въ привѣтствіи молодого человѣка.

— Ужъ за работой! сказалъ Ростовъ все съ тою же радостною, братскою улыбкой, какая не сходила съ его оживленнаго лица. — Да здравствуютъ австрійцы! Да здравствуютъ русскіе! Ура императоръ Александръ! обратился онъ къ нѣмцу, повторяя слова, говоренныя часто нѣмцемъ-хозяиномъ. Нѣмецъ засмѣялся, вышелъ совсѣмъ изъ двери коровника, сдернулъ колпакъ, и, взмахнувъ имъ надъ головой, закричалъ:

— И да здравствуетъ весь свѣтъ!

Ростовъ самъ такъ же, какъ нѣмецъ, взмахнулъ фуражкой надъ головой и смѣясь закричалъ: „и виватъ весь свѣтъ!“ Хотя не было никакой причины къ особенной радости ни для нѣмца, вычищавшаго свой коровникъ, ни для Ростова, ѣздившаго со взводомъ за сѣномъ, оба человѣка эти съ счастливымъ восторгомъ и братскою любовью посмотрѣли другъ на друга, потрясли головами въ знакъ взаимной любви, и улыбаясь разошлись, нѣмецъ въ коровникъ, а Ростовъ въ избу, которую занималъ съ Денисовымъ.

— Что баринъ? спросилъ онъ у Лаврушки, извѣстнаго всему полку плута-лакея Денисова.

— Съ вечера не бывали. Вѣрно проигрались, отвѣчалъ Лаврушка. — Ужъ я знаю, коли выиграютъ, рано придутъ хвастаться, а коли до утра нѣтъ, значитъ продулись — сердитые придутъ. Кофею прикажете?

— Давай, давай.

Черезъ десять минутъ Лаврушка принесъ кофею.

— Идутъ! сказалъ онъ, — теперь бѣда.

Ростовъ заглянулъ въ окно и увидалъ возвращающагося домой Денисова. Денисовъ былъ маленькій человѣчекъ съ краснымъ лицомъ, блестящими, черными глазами, черными взлох-

клоченными усами и волосами. На немъ былъ разстегнутый ментикъ, спущенныя въ складкахъ широкія чикчиры, и на затылкѣ была надѣта смятая гусарская шапочка. Онъ мрачно, опустивъ голову, приближался къ крыльцу.

— Лаврушка, закричалъ онъ картавя на р, громко и сердито. — Ну, снимай, болванъ!

— Да я и такъ снимаю, отвѣчалъ голосъ Лаврушки.

— А! ты ужъ всталъ, сказалъ Денисовъ, входя въ комнату.

— Давно, сказалъ Ростовъ, — я уже за сѣномъ сходилъ и фрейлейнъ Матильду видѣлъ.

— Вотъ какъ! А я продулся, братъ, вчера какъ сукинъ сынъ, закричалъ Денисовъ, не выговаривая р. — Такаго несчастія! такаго несчастія! Какъ ты уѣхалъ, такъ и пошло. Эй, чаю.

Денисовъ, сморщившись, какъ бы улыбаясь и выказывая свои короткіе крѣпкіе зубы, началъ обѣими руками съ короткими пальцами лохматить какъ лѣсъ взбитые черные густые волосы.

— Чортъ меня дернулъ пойти къ этой крысѣ (прозвище офицера), растирая себѣ обѣими руками лобъ и лицо, говорилъ онъ. — Можешь себѣ представить, ни одной карты, ни одной, ни одной карты не далъ. Денисовъ взялъ подаваемую ему закуренную трубку, сжалъ въ кулакъ, и, разсыпая огонь, ударилъ ею по полу, продолжая кричать.

— Семпель дастъ, пароль бьетъ, семпель дастъ, пароль бьетъ.

Онъ разсыпалъ огонь, разбилъ трубку и бросилъ ее. Денисовъ потомъ помолчалъ и вдругъ своими блестящими черными глазами весело взглянулъ на Ростова.

— Хоть бы женщины были. А то тутъ кромѣ какъ пить — дѣлать нечего. Хоть бы драться скорѣй...

— Эй, кто тамъ? обратился онъ къ двери, заслышавъ остановившіеся шаги толстыхъ сапогъ съ бряцаніемъ шпоръ и почтительное покашливаніе.

— Вахмистръ! сказалъ Лаврушка. Денисовъ сморщился еще больше.

— Скверно, проговорилъ онъ, бросая кошелекъ съ нѣсколькими золотыми. — Ростовъ, сочти, голубчикъ, сколько тамъ осталось, да сунь кошелекъ подъ подушку, сказалъ онъ, и вышелъ къ вахмистру.

Ростовъ взялъ деньги и, машинально откладывая и равняя кучками старые и новые золотые, сталъ считать ихъ.

— А! Телянинъ! Здорово! Вздули меня вчера, послышался голосъ Денисова изъ другой комнаты.

— У кого? У Быкова, у крысы?.. Я зналъ, сказалъ другой тоненькій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ поручикъ Телянинъ, маленькій офицеръ того же эскадрона.

Ростовъ кинулъ подъ подушку кошелекъ и пожалъ протянутую ему маленькую влажную руку. Телянинъ былъ предъ походомъ за что-то переведенъ изъ гвардіи. Онъ держалъ себя очень хорошо въ полку; но его не любили, и въ особенности Ростовъ не могъ ни преодолѣть, ни скрывать своего безпричиннаго отвращенія къ этому офицеру.

— Ну что, молодой кавалеристъ, какъ вамъ мой Грачикъ служитъ? спросилъ онъ. (Грачикъ была верховая лошадь, подъѣздокъ, проданная Телянинымъ Ростову). Поручикъ никогда не смотрѣлъ въ глаза человѣку, съ кѣмъ говорилъ; глаза его постоянно перебѣгали съ одного предмета на другой. — Я видѣлъ, вы нынче проѣхали...

— Да, ничего, конь добрый, отвѣчалъ Ростовъ, несмотря на то, что лошадь эта, купленная имъ за 700 рублей, не

стоила и половины этой цѣны. — Припадать стала на лѣвую переднюю... прибавилъ онъ.

— Треснуло копыто! Это ничего. Я васъ научу, покажу заклепку какую положить.

— Да, покажите, пожалуйста, сказалъ Ростовъ.

— Покажу, покажу, это не секретъ. А за лошадь благодарить будете.

— Такъ я велю привести лошадь, сказалъ Ростовъ, желая избавиться отъ Телянина, и вышелъ, чтобы велѣть привести лошадь.

Въ сѣняхъ Денисовъ съ трубкой, скорчившись, на порогѣ сидѣлъ предъ вахмистромъ, который что-то докладывалъ. Увидавъ Ростова, Денисовъ сморщился и, указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ въ комнату, въ которой сидѣлъ Телянинъ, поморщился и съ отвращеніемъ тряхнулся.

— Охъ, не люблю молодца, сказалъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ вахмистра.

Ростовъ пожалъ плечами, какъ будто говоря: „И я тоже, да что жъ дѣлать!“ и распорядившись, вернулся къ Телянину.

Телянинъ сидѣлъ все въ той же лѣнивой позѣ, въ которой его оставилъ Ростовъ, потирая маленькія бѣлыя руки.

„Бываютъ же такія противныя лица“, подумалъ Ростовъ, входя въ комнату.

— Что же, велѣли привести лошадь? сказалъ Телянинъ, вставая и небрежно оглядываясь.

— Велѣлъ.

— Да пойдемте сами. Я вѣдь зашелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получили, Денисовъ?

— Нѣтъ еще. А вы куда?

— Вотъ, хочу молодаго человѣка научить, какъ ковать лошадь, сказалъ Телянинъ.

Они вышли на крыльцо и въ конюшню. Поручикъ показалъ, какъ дѣлать заклепку, и ушелъ къ себѣ.

Когда Ростовъ вернулся, на столѣ стояла бутылка съ водкой и лежала колбаса. Денисовъ сидѣлъ предъ столомъ и трещалъ перомъ по бумагѣ. Онъ мрачно посмотрѣлъ въ лицо Ростову.

— Ей пишу, сказалъ онъ. Онъ облокотился на столъ съ перомъ въ рукѣ и, очевидно обрадованный случаю быстрѣе сказать словомъ все, что онъ хотѣлъ написать, высказывалъ свое письмо Ростову. — Ты видишь ли, другъ, сказалъ онъ. — Мы спимъ, пока не любимъ, мы дѣти праха... а полюбилъ — и ты богъ, ты чистъ, какъ въ первый день созданья... Это еще кто? Гони его къ черту. Некогда! крикнулъ онъ на Лаврушку, который, нисколько не робѣя, подошелъ къ нему.

— Да кому жъ быть. Сами велѣли. Вахмистръ за деньгами пришелъ.

Денисовъ сморщился, хотѣлъ что-то крикнуть и замолчалъ.

— Скверно дѣло, проговорилъ онъ про себя. Сколько тамъ денегъ въ кошелькѣ осталось? спросилъ онъ у Ростова.

— Семь новыхъ и три старыхъ...

— Ахъ скверно! Ну, что стоишь, чучело, пошли вахмистра! крикнулъ Денисовъ на Лаврушку.

— Пожалуйста, Денисовъ, возьми у меня денегъ, вѣдь у меня есть, сказалъ Ростовъ, краснѣя.

— Не люблю у своихъ занимать, не люблю, проворчалъ Денисовъ.

— А ежели ты у меня не возьмешь денегъ по-товарищески, ты меня обидишь. Право у меня есть, повторялъ Ростовъ.

— Да нѣтъ же. И Денисовъ подошелъ къ кровати, чтобы достать изъ-подъ подушки кошелекъ.

— Ты куда положилъ, Ростовъ?

— Подъ нижнюю подушку.

— Да нѣту. Денисовъ скинулъ обѣ подушки на полъ. Кошелька не было. — Вотъ чудо-то!

— Постой, ты не уронилъ ли, сказалъ Ростовъ, по одной поднимая подушки и вытрясая ихъ. Онъ скинулъ и отряхнулъ одѣяло. Кошелька не было.

— Ужъ не забылъ ли я? Нѣтъ, я еще подумалъ, что ты точно кладъ подъ голову кладешь, сказалъ Ростовъ. — Я тутъ положилъ кошелекъ. Гдѣ онъ? обратился онъ къ Лаврушкѣ.

— Я не входилъ. Гдѣ положили, тамъ и долженъ быть.

— Да нѣтъ.

— Вы все такъ, бросите куда, да и забудете. — Въ карманахъ-то посмотрите.

— Нѣтъ, коли бы я не подумалъ про кладъ, сказалъ Ростовъ, — а то я помню, что положилъ.

Лаврушка перерылъ всю постель, заглянулъ подъ нее, подъ столъ, перерылъ всю комнату и остановился посреди комнаты. Денисовъ молча слѣдилъ за движеніями Лаврушки и, когда Лаврушка удивленно развелъ руками, говоря, что нигдѣ нѣтъ, онъ оглянулся на Ростова.

— Ростовъ, ты не школьнич...

Ростовъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Денисова, поднялъ глаза и въ то же мгновеніе опустилъ ихъ. Вся кровь его, бывшая запертою, гдѣ-то ниже горла, хлынула ему въ лицо и глаза. Онъ не могъ перевести дыханіе.

— И въ комнатѣ-то никого не было, окромя поручика, да васъ самихъ. Тутъ гдѣ-нибудь, сказалъ Лаврушка.

— Ну ты, чортова кукла, поворачивайся, ищи, вдругъ закричалъ Денисовъ, побагровѣвъ и съ угрожающимъ жестомъ бросаясь на лакея. — Чтобъ былъ кошелекъ, а то запорю! Всѣхъ запорю!

Ростовъ, обходя взглядомъ Денисова, сталъ застегивать куртку, подстегнулъ саблю и надѣлъ фуражку.

— Я тебѣ говорю, чтобъ былъ кошелекъ, кричалъ Денисовъ, тряся за плечи деньщика и толкая его объ стѣну.

— Денисовъ, оставь его; я знаю, кто взялъ, сказалъ Ростовъ, подходя къ двери и не подымая глазъ.

Денисовъ остановился, подумалъ и видимо понявъ то, на что намекалъ Ростовъ, схватилъ его за руку.

— Вздоръ! закричалъ онъ такъ, что жилы, какъ веревки надулись у него на шеѣ и лбу. — Я тебѣ говорю, ты съ ума сошелъ, я этого не позволю. — Кошелекъ здѣсь; спущу шкуру съ этого мерзавца, и будетъ здѣсь.

— Я знаю, кто взялъ, повторилъ Ростовъ дрожащимъ голосомъ и пошелъ къ двери.

— А я тебѣ говорю, не смѣй этого дѣлать, закричалъ Денисовъ, бросаясь къ юнкеру, чтобъ удержать его. — Но Ростовъ вырвалъ свою руку, и съ такою злобою, какъ будто Денисовъ былъ величайшій врагъ его, прямо и твердо устремилъ на него глаза.

— Ты понимаешь ли, что̀ говоришь? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — кромѣ меня никого не было въ комнатѣ. Стало-быть, ежели не то, такъ...

Онъ не могъ договорить и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ахъ, чортъ съ тобою и со всѣми, были послѣднія слова, которыя слышалъ Ростовъ.

Ростовъ пришелъ на квартиру Телянина.

— Барина дома нѣтъ, въ штабъ уѣхали, сказалъ ему деньщикъ Телянина. — Или чтó случилось? прибавилъ деньщикъ, удивляясь на разстроенное лицо юнкера.

— Нѣтъ, ничего.

— Немного не застали, сказалъ деньщикъ.

Штабъ находился въ трехъ верстахъ отъ Зальценека. Ростовъ, не заходя домой, взялъ лошадь и поѣхалъ въ штабъ. Въ деревнѣ, занимаемой штабомъ, былъ трактиръ, посѣщаемый офицерами. Ростовъ пріѣхалъ въ трактиръ; у крыльца онъ увидалъ лошадь Телянина.

Во второй комнатѣ трактира сидѣлъ поручикъ за блюдомъ сосисекъ и бутылкою вина.

— А, и вы заѣхали, юноша, сказалъ онъ, улыбаясь и высоко поднимая брови.

— Да, сказалъ Ростовъ, какъ будто выговорить это слово стоило большого труда, и сѣлъ за сосѣдній столъ.

Оба молчали; въ комнатѣ сидѣли два нѣмца и одинъ русскій офицеръ. Всѣ молчали, и слышались звуки ножей о тарелки и чавканье поручика. Когда Телянинъ кончилъ завтракъ, онъ вынулъ изъ кармана двойной кошелекъ, изогнутыми кверху, маленькими бѣлыми пальцами раздвинулъ кольца, досталъ золотой, и, приподнявъ брови, отдалъ деньги слугѣ.

— Пожалуйста, поскорѣе, сказалъ онъ.

Золотой былъ новый. Ростовъ всталъ и подошелъ къ Телянину.

— Позвольте посмотрѣть мнѣ кошелекъ, сказалъ онъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

Съ бѣгающими глазами, но все поднятыми бровями, Телянинъ подалъ кошелекъ.

— Да, хорошенькій кошелекъ... Да... да... сказалъ онъ и вдругъ поблѣднѣлъ. — Посмотрите, юноша, прибавилъ онъ.

Ростовъ взялъ въ руки кошелекъ и посмотрѣлъ и на него, и на деньги, которыя были въ немъ, и на Телянина. Поручикъ оглядывался кругомъ, по своей привычкѣ, и, казалось, вдругъ сталъ очень веселъ.

— Коли будемъ въ Вѣнѣ, все тамъ оставлю, а теперь и дѣвать некуда въ этихъ дрянныхъ городишкахъ, сказалъ онъ: — Ну давайте, юноша, я пойду.

Ростовъ молчалъ.

— А вы что̀ жъ? тоже позавтракать? Порядочно кормятъ, продолжалъ Телянинъ. — Давайте же. Онъ протянулъ руку и взялся за кошелекъ. Ростовъ выпустилъ его. Телянинъ взялъ кошелекъ и сталъ опускать его въ карманъ рейтузъ, и брови его небрежно поднялись, а ротъ слегка раскрылся, какъ будто онъ говорилъ: „да, да, кладу въ карманъ свой кошелекъ, и это очень просто, и никому до этого дѣла нѣтъ“.

— Ну что̀, юноша? сказалъ онъ, вздохнувъ и изъ-подъ приподнятыхъ бровей взглянулъ въ глаза Ростова. Какой-то свѣтъ глазъ съ быстротою электрической искры перебѣжалъ изъ глазъ Телянина въ глаза Ростова и обратно, обратно и обратно, все въ одно мгновеніе.

— Подите сюда, проговорилъ Ростовъ, хватая Телянина за руку. Онъ почти притащилъ его къ окну. — Это деньги Денисова, вы ихъ взяли... прошепталъ онъ ему надъ ухомъ.

— Что?... Что?... Какъ вы смѣете? Что?... проговорилъ Телянинъ. Но эти слова звучали жалобнымъ, отчаяннымъ крикомъ и мольбой о прощеніи. Какъ только Ростовъ услыхалъ этотъ звукъ голоса, съ души его свалился огромный камень сомнѣнія. Онъ почувствовалъ радость, и въ то же

мгновеніе ему стало жалко несчастнаго, стоявшаго предъ нимъ человѣка, но надо было до конца довести начатое дѣло.

— Здѣсь люди Богъ знаетъ что могутъ подумать, бормоталъ Телянинъ, схватывая фуражку и направляясь въ небольшую пустую комнату, — надо объясниться...

— Я это знаю, и я это докажу, сказалъ Ростовъ.

— Я...

Испуганное, блѣдное лицо Телянина начало дрожать всѣми мускулами; глаза все такъ же бѣгали, но гдѣ-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и послышались всхлипыванья.

— Графъ!... не губите молодаго человѣка... вотъ эти несчастныя деньги, возьмите ихъ... — Онъ бросилъ ихъ на столъ. — У меня отецъ-старикъ, мать!...

Ростовъ взялъ деньги, избѣгая взгляда Телянина, и, не говоря ни слова, пошелъ изъ комнаты. Но у двери онъ остановился и вернулся назадъ.

— Боже мой, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, — какъ вы могли это сдѣлать?

— Графъ, сказалъ Телянинъ, приближаясь къ юнкеру.

— Не трогайте меня, проговорилъ Ростовъ, отстраняясь. — Ежели вамъ нужда, возьмите эти деньги. Онъ швырнулъ ему кошелекъ и выбѣжалъ изъ трактира.

V.

Вечеромъ того же дня, на квартирѣ Денисова шелъ оживленный разговоръ офицеровъ эскадрона.

— А я говорю вамъ, Ростовъ, что вамъ надо извиниться предъ полковымъ командиромъ, говорилъ обращаясь къ пунцово-красному, взволнованному Ростову, высокій штабъ-ротмистръ съ сѣдѣющими волосами, огромными усами и крупными

чертами морщинистаго лица. Штабъ-ротмистръ Кирстенъ былъ два раза разжалованъ въ солдаты за дѣла чести, и два раза выслуживался.

— Я никому не позволю себѣ говорить, что я лгу! вскрикнулъ Ростовъ. — Онъ сказалъ мнѣ, что я лгу, а я сказалъ ему, что онъ лжетъ. Такъ съ тѣмъ и останется. На дежурство можетъ меня назначать хоть каждый день, и подъ арестъ сажать, а извиняться меня никто не заставитъ, потому что ежели онъ, какъ полковой командиръ, считаетъ недостойнымъ себя дать мнѣ удовлетвореніе, такъ...

— Да вы постойте, батюшка, вы послушайте меня, перебилъ штабъ-ротмистръ своимъ басистымъ голосомъ, спокойно разглаживая свои длинные усы. — Вы при другихъ офицерахъ говорите полковому командиру, что офицеръ укралъ...

— Я не виноватъ, что разговоръ зашелъ при другихъ офицерахъ. Можетъ-быть не надо было говорить при нихъ, да я не дипломатъ. Я затѣмъ въ гусары и пошелъ, думалъ, что здѣсь не нужно тонкостей, а онъ мнѣ говоритъ, что я лгу... такъ пусть дастъ мнѣ удовлетвореніе.

— Это все хорошо, никто не думаетъ, что вы трусъ, да не въ томъ дѣло. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкеръ требовалъ удовлетворенія у полковаго командира?

Денисовъ, закусивъ усъ, съ мрачнымъ видомъ слушалъ разговоръ, видимо не желая вступиться въ него. На вопросъ штабъ-ротмистра онъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы при офицерахъ говорите полковому командиру про эту пакость, продолжалъ штабъ-ротмистръ. — Богданычъ (Богданычемъ называли полковаго командира) васъ осадилъ.

— Не осадилъ, а сказалъ, что я неправду говорю.

— Ну да, и вы наговорили ему глупостей, и надо извиниться.

— Ни за что! крикнулъ Ростовъ.

— Не думалъ я этого отъ васъ, серіезно и строго сказалъ штабъ-ротмистръ. — Вы не хотите изиниться, а вы, батюшка, не только предъ нимъ, а предъ всѣмъ полкомъ, предъ всѣми нами, вы кругомъ виноваты. А вотъ какъ: кабы вы подумали да посовѣтовались, какъ обойтись съ этимъ дѣломъ, а то вы прямо да при офицерахъ и бухнули. Что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать весь полкъ? Изъ-за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ что ли по вашему? А по нашему не такъ. И Богданычъ молодецъ, онъ вамъ сказалъ, что вы неправду говорите. Непріятно, да что дѣлать, батюшка, сами наскочили. А теперь, какъ дѣло хотятъ замять, такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать. Вамъ обидно, что вы подежурите, да что вамъ извиниться предъ старымъ и честнымъ офицеромъ! Какой бы тамъ ни былъ Богданычъ, а все честный и храбрый старый полковникъ; такъ вамъ обидно, а замарать полкъ вамъ ничего? — Голосъ штабъ-ротмистра начиналъ дрожать. — Вы, батюшка, въ полку безъ году недѣля, нынче здѣсь, завтра перешли куда въ адъютантики, вамъ наплевать, что говорить будутъ: „между павлоградскими офицерами воры!“ А намъ не все равно! Такъ что ли, Денисовъ? Не все равно?

Денисовъ все молчалъ и не шевелился, изрѣдка взглядывая своими блестящими, черными глазами на Ростова.

— Вамъ своя фанаберія дорога, извиниться не хочется, продолжалъ штабъ-ротмистръ, — а намъ старикамъ, какъ мы выросли, да и умереть Богъ дастъ приведется въ полку, такъ

намъ честь полка дорога, и Богданычъ это знаетъ. Охъ, какъ дорога, батюшка! А это не хорошо, не хорошо! Тамъ обижайтесь или нѣтъ, а я всегда правду-матку скажу. Не хорошо!

И штабъ-ротмистръ всталъ и отвернулся отъ Ростова.

— Правда, чортъ возьми! закричалъ, вскакивая, Денисовъ — Ну, Ростовъ, ну!

Ростовъ, краснѣя и блѣднѣя, смотрѣлъ то на одного, то на другаго офицера.

— Нѣтъ, господа, нѣтъ... вы не думайте... я очень понимаю, вы напрасно обо мнѣ думаете такъ... я... для меня... я за честь полка... да что? это на дѣлѣ я покажу, и для меня честь знамени... ну, все равно, правда, я виноватъ!... — Слезы стояли у него въ глазахъ. — Я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще?...

— Вотъ это такъ, графъ, поворачиваясь, крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большою рукою по плечу.

— Я тебѣ говорю, закричалъ Денисовъ, — онъ малый славный.

— Такъ-то лучше, графъ, повторилъ штабъ-ротмистръ, какъ будто за его признаніе начиная величать его титуломъ. — Подите и извинитесь, ваше сіятельство, да-съ.

— Господа, все сдѣлаю, никто отъ меня слова не услышитъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ Ростовъ, — но извиниться не могу, ей Богу не могу, какъ хотите! Какъ я буду извиняться, точно маленькій прощенья просить.

Денисовъ засмѣялся.

— Вамъ же хуже. Богданычъ злопамятенъ, поплатитесь за упрямство, сказалъ Кирстенъ.

— Ей Богу, не упрямство! Я не могу вамъ описать, какое чувство, не могу.

— Ну, ваша воля, сказалъ штабъ-ротмистръ.—Что же, мерзавецъ-то этотъ куда дѣлся? спросилъ онъ у Денисова.

— Сказался больнымъ, завтра велѣно приказомъ исключить, проговорилъ Денисовъ.

— Это болѣзнь, иначе нельзя объяснить, сказалъ штабъ-ротмистръ.

— Ужъ тамъ болѣзнь, не болѣзнь, а не попадайся онъ мнѣ на глаза—убью, кровожадно прокричалъ Денисовъ.

Въ комнату вошелъ Жерковъ.

— Ты какъ? обратились вдругъ офицеры къ вошедшему.

— Походъ, господа. Макъ въ плѣнъ сдался и съ арміей, совсѣмъ.

— Врешь!

— Самъ видѣлъ.

— Какъ? Мака живаго видѣлъ? съ руками, съ ногами?

— Походъ! Походъ! Дать ему бутылку за такую новость. Ты какъ же сюда попалъ?

— Опять въ полкъ выслали, за чорта, за Мака. Австрійскій генералъ пожаловался. Я его поздравилъ съ пріѣздомъ Мака.... Ты что, Ростовъ, точно изъ бани?

— Тутъ, братъ, у насъ такая каша второй день.

Вошелъ полковой адъютантъ и подтвердилъ извѣстіе, привезенное Жерковымъ. На завтра велѣно было выступать.

— Походъ, господа!

— Ну, и слава Богу, засидѣлись.

VI.

Кутузовъ отступилъ къ Вѣнѣ, уничтожая за собой мосты, на рѣкахъ Иннѣ (въ Браунау) и Траунѣ (въ Линцѣ). 23-го октября русскія войска переходили рѣку Энсъ. Русскіе обозы,

артиллерія и колонны войскъ въ серединѣ. для тянулись через городъ Энсъ, по сю и по ту сторону моста. День былъ теплый, осенній и дождливый. Пространная перспектива, раскрывавшаяся съ возвышенія, гдѣ стояли русскія батареи, защищавшія мостъ, то вдругъ затягивалась кисейнымъ занавѣсомъ косого дождя, то вдругъ расширялась, и при свѣтѣ солнца далеко и ясно становились видны предметы, точно покрытые лакомъ. Виднѣлся городокъ подъ ногами, съ своими бѣлыми домами и красными крышами, соборомъ и мостомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, толпясь, лились массы русскихъ войскъ. Виднѣлись на поворотѣ Дуная суда, и островъ, и замокъ съ паркомъ, окруженный водами впаденія Энса въ Дунай, виднѣлся лѣвый скалистый и покрытый сосновымъ лѣсомъ берегъ Дуная, съ таинственною далью зеленыхъ вершинъ и голубѣющими ущельями. Виднѣлись башни монастыря, выдававшагося изъ-за сосноваго, казавшагося нетронутымъ, дикаго лѣса, и далеко впереди на горѣ, по ту сторону Энса, виднѣлись разъѣзды непріятеля.

Между орудіями, на высотѣ, стояли впереди начальникъ аррієргарда генералъ съ свитскимъ офицеромъ, разсматривая въ трубу мѣстность. Нѣсколько позади сидѣлъ на хоботѣ орудія Несвицкій, посланный отъ главнокомандующаго къ аррієргарду. Казакъ, сопутствовавшій Несвицкому, подалъ сумочку и фляжку, и Несвицкій угощалъ офицеровъ пирожками и настоящимъ доппелькюмелемъ. Офицеры радостно окружали его, кто на колѣнахъ, кто сидя по-турецки на мокрой травѣ.

— Да, не дуракъ былъ этотъ австрійскій князь, что тутъ замокъ выстроилъ. Славное мѣсто. Что же вы не ѣдите, господа? говорилъ Несвицкій.

— Покорно благодарю, князь, отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ, съ удовольствіемъ разговаривая съ такимъ важнымъ штабнымъ чиновникомъ. — Прекрасное мѣсто. Мы мимо самаго парка проходили, двухъ оленей видѣли, и домъ какой чудесный!

— Посмотрите, князь, сказалъ другой, которому очень хотѣлось взять еще пирожокъ, но совѣстно было, и который поэтому притворялся, что онъ оглядываетъ мѣстность, — посмотрите-ка, ужъ забрались туда наши пѣхотные. Вонъ тамъ на лужку, за деревней, трое тащатъ что-то. Они проберутъ этотъ дворецъ, сказалъ онъ съ видимымъ одобреніемъ.

— И то, и то, сказалъ Несвицкій. — Нѣтъ, а чего бы я желалъ, прибавилъ онъ, прожевывая пирожокъ въ своемъ красивомъ влажномъ ртѣ, — такъ это вотъ туда забраться. Онъ указывалъ на монастырь съ башнями, видневшійся на горѣ. Онъ улыбнулся, глаза его сузились и засвѣтились. — А вѣдь хорошо бы, господа! Офицеры засмѣялись.

— Хоть бы попугать этихъ монашенокъ. Итальянки, говорятъ, есть молоденькія. Право, пять лѣтъ жизни отдалъ бы!

— Имъ вѣдь и скучно, смѣясь сказалъ офицеръ, который былъ посмѣлѣе.

Между тѣмъ свитскій офицеръ, стоявшій впереди, указывалъ что-то генералу; генералъ смотрѣлъ въ зрительную трубку.

— Ну такъ и есть, такъ и есть, сердито сказалъ генералъ, опуская трубку отъ глазъ и пожимая плечами, — такъ и есть, станутъ бить по переправѣ. И что они тамъ мѣшкаютъ?

На той сторонѣ простымъ глазомъ видѣнъ былъ непріятель и его батарея, изъ которой показался молочно-бѣлый

дымокъ. Вслѣдъ за дымкомъ раздался дальній выстрѣлъ, и видно было, какъ наши войска заспѣшили на переправѣ.

Несвицкій, отдуваясь, поднялся и, улыбаясь, подошелъ къ генералу.

— Не угодно ли закусить вашему превосходительству? сказалъ онъ.

— Не хорошо дѣло, сказалъ генералъ, не отвѣчая ему,— замѣшкались наши.

— Не съѣздить ли, ваше превосходительство? сказалъ Несвицкій.

— Да, съѣздите, пожалуйста, сказалъ генералъ, повторяя то, что̀ уже разъ подробно было приказано,— и скажите гусарамъ, чтобъ они послѣдніе перешли и зажгли мостъ, какъ я приказывалъ, да чтобы горючіе матеріалы на мосту еще осмотрѣть.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Несвицкій.

Онъ кликнулъ казака съ лошадью, велѣлъ убрать сумочку и фляжку и легко перекинулъ свое тяжелое тѣло на сѣдло.

— Право, заѣду къ монашенкамъ, сказалъ онъ офицерамъ, съ улыбкою глядѣвшимъ на него, и поѣхалъ по вьющейся тропинкѣ подъ гору.

— Нутка, куда̀ донесетъ, капитанъ, хватите-ка! сказалъ генералъ, обращаясь къ артиллеристу.— Позабавьтесь отъ скуки.

— Прислуга къ орудіямъ! скомандовалъ офицеръ, и черезъ минуту весело выбѣжали отъ костровъ артиллеристы и зарядили.

— Первое! послышалась команда.

Бойко отскочилъ 1-й нумеръ. Металлически оглушая, зазвенѣло орудіе, и черезъ головы всѣхъ нашихъ подъ горой,

свистя, пролетѣла граната, и далеко не долетѣвъ до непріятеля, дымкомъ показала мѣсто своего паденія и лопнула.

Лица солдатъ и офицеровъ повеселѣли при этомъ звукѣ; всѣ поднялись и занялись наблюденіями надъ видными, какъ на ладони, движеніями внизу нашихъ войскъ и впереди движеніями приближавшагося непріятеля. Солнце въ ту же минуту совсѣмъ вышло изъ-за тучъ и этотъ красивый звукъ одинокаго выстрѣла и блескъ яркаго солнца слились въ одно бодрое и веселое впечатлѣніе.

VII.

Надъ мостомъ уже пролетѣли два непріятельскія ядра, и на мосту была давка. Въ срединѣ моста, слѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ перилам, стоялъ князь Несвицкій. Онъ смѣючись, оглядывался назадъ на своего казака, который съ двумя лошадьми въ поводу стоялъ нѣсколько шаговъ позади его. Только что князь Несвицкій хотѣлъ двинуться впередъ, какъ опять солдаты и повозки напирали на него и опять прижимали его къ перилам, и ему ничего не оставалось, какъ улыбаться.

— Экой ты, братецъ мой! говорилъ казакъ фурштатскому солдату съ повозкой, напиравшему на толпившуюся у самыхъ колесъ и лошадей пѣхоту: — экой ты! Нѣтъ, чтобы подождать: видишь, генералу проѣхать.

Но фурштатъ, не обращая вниманія на наименованіе генерала, кричалъ на солдатъ запружавшихъ ему дорогу.

— Эй! землячки! держись влѣво, постой!

Но землячки, тѣснясь плечо съ плечомъ, цѣпляясь штыками и не прерываясь, двигались по мосту одною сплошною массой. Поглядѣвъ за перила внизъ, князь Несвицкій видѣлъ

быстрыя, шумныя, невысокія волны Энса, которыя, сливаясь, рябѣя и загибаясь около свай моста, перегоняли одна другую. Поглядѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразныя живыя волны солдатъ, кутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно-усталыми выраженіями, и движущіяся ноги по натасканной на доски моста липкой грязи. Иногда между однообразными волнами солдатъ, какъ взбрызгъ бѣлой пѣны въ волнахъ Энса, протискивался офицеръ въ плащѣ съ своею отличною отъ солдатъ физіономіей; иногда, какъ щепка, вьющаяся по рѣкѣ, уносился по мосту волнами пѣхоты пѣшій гусаръ, деньщикъ или житель; иногда, какъ бревно, плывущее по рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ, переплывала по мосту ротная или офицерская, наложенная доверху, и прикрытая кожами повозка.

— Вишь, ихъ какъ плотину прорвало, безнадежно останавливаясь, говорилъ казакъ.— Много-ль еще тамъ?

— Меліонъ безъ одного! подмигивая, говорилъ близко проходившій въ прорванной шинели веселый солдатъ и скрывался; за нимъ проходилъ другой, старый солдатъ.

— Какъ *онъ* (*онъ*—непріятель) таперича по мосту примется зажаривать, говорилъ мрачно старый солдатъ, обращаясь къ товарищу,— забудешь чесаться. И солдатъ проходилъ. За нимъ другой солдатъ ѣхалъ на повозкѣ.

— Куда, чортъ, подвертки запихалъ? говорилъ денщикъ, бѣгомъ слѣдуя за повозкой и шаря въ задкѣ. И этотъ проходилъ съ повозкой.

За этимъ шли веселые и видимо выпившіе солдаты.

— Какъ онъ его, милый человѣкъ, полыхнетъ прикла-

домъ-то въ самые зубы... радостно говорилъ одинъ солдатъ въ высоко-подоткнутой шинели, широко размахивая рукой.

— То-то оно, сладкая ветчина-то, отвѣчалъ другой съ хохотомъ. И они прошли, такъ что Несвицкій не узналъ, кого ударили въ зубы и къ чему относилась ветчина.

— Экъ торопятся! Что *онъ* холодную пустилъ, такъ и думаешь всѣхъ перебьютъ, говорилъ унтеръ-офицеръ сердито и укоризненно.

— Какъ оно пролетитъ мимо меня, дяденька, ядро-то, говорилъ одна удерживаясь отъ смѣха, съ огромнымъ ртомъ молодой солдатъ, — я такъ и обмеръ. Право, ей Богу, такъ испужался, бѣда! говорилъ этотъ солдатъ, какъ будто хвастаясь тѣмъ, что онъ испугался.

И этотъ проходилъ. За нимъ слѣдовала повозка, не похожая на всѣ проѣзжавшія до сихъ поръ. Это былъ нѣмецкій форшпанъ на парѣ, нагруженный, казалось, цѣлымъ домомъ; за форшпаномъ, который везъ нѣмецъ, привязана была красивая, пестрая, съ огромнымъ вымемъ, корова. На перинахъ сидѣла женщина съ груднымъ ребенкомъ, старуха и молодая, багрово-румяная, здоровая дѣвушка-нѣмка. Видно, по особому разрѣшенію, были пропущены эти выселявшіеся жители. Глаза всѣхъ солдатъ обратились на женщинъ, и пока проѣзжала повозка, двигаясь шагъ за шагомъ, всѣ замѣчанія солдатъ относились только къ двумъ женщинамъ. На всѣхъ лицахъ была почти одна и та же улыбка непристойныхъ мыслей объ этой женщинѣ.

— Ишь колбаса-то, тоже убирается!

— Продай матушку, ударяя на послѣднемъ слогѣ, говорилъ другой солдатъ, обращаясь къ нѣмцу, который, опустивъ глаза, сердито и испуганно шелъ широкимъ шагомъ.

— Экъ убралась какъ! То-то, черти!

— Вотъ бы тебѣ къ нимъ стоять, Ѳедотовъ!

— Видали, братъ!

— Куда вы? спрашивалъ пѣхотный офицеръ, ѣвшій яблоко, тоже полуулыбаясь и глядя на красивую дѣвушку. Нѣмецъ, закрывъ глаза, показывалъ, что не понимаетъ.

— Хочешь, возьми себѣ, говорилъ офицеръ, подавая дѣвушкѣ яблоко. Дѣвушка улыбнулась и взяла. Несвицкій, какъ и всѣ бывшіе на мосту, не спускалъ глазъ съ женщинъ, пока онѣ не проѣхали. Когда онѣ проѣхали, опять шли такіе же солдаты, съ такими же разговорами, и наконецъ всѣ остановились. Какъ это часто бываетъ, на выѣздѣ моста замялись лошади въ ротной повозкѣ: и вся толпа должна была ждать.

— И что становятся? Порядку-то нѣтъ! говорили солдаты.—Куда прешь! Чортъ! Нѣтъ того, чтобы подождать. Хуже того будетъ, какъ *онъ* мостъ подожжетъ.

— Вишь и офицера-то приперли, говорили съ разныхъ сторонъ остановившіяся толпы, оглядывая другъ друга, и все жались впередъ къ выходу. Оглянувшись подъ мостъ на воды Энса, Несвицкій вдругъ услышалъ еще новый для него звукъ, быстро приближающагося... чего-то большаго и чего-то шлепнувшагося въ воду.

— Ишь ты куда фатаетъ! строго сказалъ близко стоявшій солдатъ, оглядываясь на звукъ.

— Подбадриваетъ, чтобы скорѣй проходили, сказалъ другой неспокойно. Толпа опять тронулась. Несвицкій понялъ, что это было ядро.

— Эй, казакъ, подавай лошадь! сказалъ онъ.— Ну, вы! сторонись! посторонись! дорогу.

Онъ съ большимъ усиліемъ добрался до лошади. Не переставая кричать, онъ тронулся впередъ. Солдаты пожались, чтобы дать ему дорогу, но снова опять нажали на него такъ, что отдавили ему ногу, и ближайшіе не были виноваты, потому что ихъ давили еще сильнѣе.

— Несвицкій! Несвицкій! Ты, рожа! послышался въ это время сзади хриплый голосъ.

Несвицкій оглянулся и увидавъ въ пятнадцати шагахъ, отдѣленнаго отъ него живою массой двигающейся пѣхоты, краснаго, черкаго, лохматаго, въ фуражкѣ на затылкѣ и въ молодецки-накинутомъ на плечѣ ментикѣ Ваську Денисова.

— Вели ты имъ, чертямъ, дьяволамъ дать дорогу, кричалъ Денисовъ, видимо находясь въ припадкѣ горячности, блестя и поводя своими черными, какъ уголь, глазами въ воспаленныхъ бѣлкахъ, и махая невынутою изъ ноженъ саблей, которую онъ держалъ такою же красною, какъ и лицо, голою маленькою рукой.

— Э! Вася! отвѣчалъ радостно Несвицкій. — Да ты что?

— Эскадрону пройти нельзя, кричалъ Васька Денисовъ, злобно открывая бѣлые зубы, шпоря своего красиваго вороного кровнаго „Бедуина", который, мигая ушами отъ штыковъ, на которые онъ натыкался, фыркая, брызгая вокругъ себя пѣной съ мундштука, звеня билъ копытами по доскамъ моста и, казалось, готовъ былъ перепрыгнуть черезъ перила моста, ежели бы ему позволилъ сѣдокъ.

— Что это? какъ бараны! точь-въ-точь бараны! прочь... дай дорогу!.. Стой тамъ! ты, повозка, чортъ! Саблей изрублю! кричалъ онъ, дѣйствительно вынимая наголо саблю и начиная махать ею. . . . .

Солдаты съ испуганными лицами нажались другъ на друга, и Денисовъ присоединился къ Несвицкому.

— Что же ты не пьянъ нынче? сказалъ Несвицкій Денисову, когда онъ подъѣхалъ къ нему.

— И напиться-то времени не дадутъ! отвѣчалъ Васька Денисовъ.— Цѣлый день то туда, то сюда таскаютъ полкъ. Драться такъ драться. А то чортъ знаетъ что такое!

— Какимъ ты щеголемъ нынче! оглядывая его новый ментикъ и вальтрапъ, сказалъ Несвицкій.

Денисовъ улыбнулся, досталъ изъ ташки платокъ, распространявшій запахъ духовъ, и сунулъ въ носъ Несвицкому.

— Нельзя, въ дѣло иду! выбрился, зубы вычистилъ и надушился.

Осанистая фигура Несвицкаго, сопровождаемая казакомъ, и рѣшительность Денисова, махавшаго саблею и отчаянно кричавшаго, подѣйствовали такъ, что они протискались на ту сторону моста и остановили пѣхоту. Несвицкій нашелъ у выѣзда полковника, которому ему надо передать приказаніе, и, исполнивъ свое порученіе, поѣхалъ назадъ.

Расчистивъ дорогу, Денисовъ остановился у входа на мостъ. Небрежно сдерживая рвавшагося къ своимъ и бившаго ногой жеребца, онъ смотрѣлъ на двигавшійся ему навстрѣчу эскадронъ. По доскамъ моста раздались прозрачные звуки копытъ, какъ будто скакало нѣсколько лошадей, и эскадронъ, съ офицерами впереди, по четыре человѣка въ рядъ, растянулся по мосту и сталъ выходить на ту сторону.

Остановленные пѣхотные солдаты, толпясь въ растоптанной у моста грязи, съ тѣмъ особеннымъ недоброжелательнымъ чувствомъ отчужденности и насмѣшки, съ какимъ встрѣчаются обыкновенно различные роды войскъ, смотрѣли

на чистыхъ, щеголеватыхъ гусаръ, стройно проходившихъ мимо ихъ.

— Нарядные ребята! Только бы на Подновинское!

— Что отъ нихъ проку! Только на показъ и водятъ! говорилъ другой.

— Пѣхота, не пыли! шутилъ гусаръ, подъ которымъ лошадь, заигравъ, брызнула грязью въ пѣхотинца.

— Прогонялъ бы тебя съ ранцемъ перехода два, шнурки-то бы повытерлись, обтирая рукавомъ грязь съ лица, говорилъ пѣхотинецъ; — а то не человѣкъ, а птица сидитъ!

— То-то бы тебя, Зикинъ, на коня посадить, ловокъ бы ты былъ, шутилъ ефрейторъ надъ худымъ, скрюченнымъ отъ тяжести ранца, солдатикомъ.

— Дубинку промежъ ногъ возьми, вотъ тебѣ и конь буде, отозвался гусаръ.

VIII.

Остальная пѣхота поспѣшно проходила по мосту, спираясь воронкой у входа. Наконецъ повозки всѣ прошли, давка стала меньше, и послѣдній батальонъ вступилъ на мостъ. Одни гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону моста противъ непріятеля. Непріятель, вдалекѣ видный съ противоположной горы, снизу отъ моста не былъ еще видѣнъ, такъ какъ изъ лощины, по которой текла рѣка, горизонтъ оканчивался противоположнымъ возвышеніемъ не дальше полуверсты. Впереди была пустыня, по которой кое-гдѣ шевелились кучки нашихъ разъѣздныхъ казаковъ. Вдругъ на противоположномъ возвышеніи дороги показались войска въ синихъ капотахъ и артиллерія. Это были французы. Разъѣздъ казаковъ рысью отошелъ подъ гору. Всѣ офицеры и люди

эскадрона Денисова, хотя и старались говорить о постороннемъ и смотрѣть по сторонамъ, не переставали думать только о томъ, что было тамъ, на горѣ, и безпрестанно всѣ вглядывались въ выходившія на горизонтъ пятна, которыя они признавали за непріятельскія войска. Погода послѣ полудня опять прояснилась, солнце ярко спускалось надъ Дунаемъ и окружающими его темными горами. Было тихо, и съ той горы изрѣдка долетали звуки рожковъ и криковъ непріятеля. Между эскадрономъ и непріятелями уже никого не было, кромѣ мелкихъ разъѣздовъ. Пустое пространство, саженъ въ триста, отдѣляло ихъ отъ него. Непріятель пересталъ стрѣлять, и тѣмъ яснѣе чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуловимая черта, которая раздѣляетъ два непріятельскія войска.

„Одинъ шагъ за эту черту, напоминающую черту, отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ, и неизвѣстность страданія и смерть. И что̀ тамъ? кто тамъ? тамъ, за этимъ полемъ, и деревомъ и крышей, освѣщенной солнцемъ? Никто не знаетъ, и хочется знать, и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее, и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что̀ тамъ, по той сторонѣ черты, какъ и неизбѣжно узнать, что̀ тамъ по ту сторону смерти. А самъ силенъ, здоровъ, веселъ и раздраженъ, и окруженъ такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми“. Такъ ежели и не думаетъ, то чувствуетъ всякій человѣкъ, находящійся въ виду непріятеля, и чувство это придаетъ особенный блескъ и радостную рѣзкость впечатлѣній всему происходящему въ эти минуты.

На бугрѣ у непріятеля показался дымокъ выстрѣла, и ядро, свистя, пролетѣло надъ головами гусарскаго эскадрона. Офицеры, стоявшіе вмѣстѣ, разъѣхались по мѣстамъ. Гусары

старательно стали выравнивать лошадей. Въ эскадронѣ все замолкло. Всѣ поглядывали впередъ на непріятеля и на эскадроннаго командира, ожидая команды. Пролетѣло другое, третье ядро. Очевидно, что стрѣляли по гусарамъ; но ядро, равномѣрно быстро свистя, пролетало надъ головами гусаръ и ударялось гдѣ-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждомъ звукѣ пролетающаго ядра, будто по командѣ, весь эскадронъ съ своими однообразно-разнообразными лицами, сдерживая дыханіе, пока летѣло ядро, приподнимался на стременахъ и снова опускался. Солдаты, не поворачивая головы, косились другъ на друга, съ любопытствомъ высматривая впечатлѣніе товарища. На каждомъ лицѣ, отъ Денисова до горниста, показалась около губъ и подбородка одна общая черта борьбы, раздраженности и волненія. Вахмистръ хмурился, оглядывая солдатъ, какъ будто угрожая наказаніемъ. Юнкеръ Мироновъ нагибался при каждомъ пролетѣ ядра. Ростовъ, стоя на лѣвомъ флангѣ на своемъ тронутомъ ногами, но видномъ Грачикѣ, имѣлъ счастливый видъ ученика, вызваннаго передъ большою публикой къ экзамену, въ которомъ онъ увѣренъ, что отличится. Онъ ясно и свѣтло оглядывался на всѣхъ, какъ бы прося обратить вниманіе на то, какъ онъ спокойно стоитъ подъ ядрами. Но и въ его лицѣ та же черта чего-то новаго и строгаго, противъ его воли, показывалась около рта.

— Кто такъ кланяется? Юнкеръ Мироновъ! Не хорошо! на меня смотрите! закричалъ Денисовъ, которому не стоялось на мѣстѣ и который вертѣлся на лошади передъ эскадрономъ.

Курносое и черное волосатое лицо Васьки Денисова и вся его маленькая сбитая фигура съ его жилистою (съ корот-

кими пальцами, покрытыми волосами) кистью руки, въ которой онъ держалъ эфесъ вынутой на-голо сабли, было точно такое же, какъ всегда, особенно къ вечеру, послѣ выпитыхъ двухъ бутылокъ. Онъ былъ только болѣе обыкновеннаго красенъ и, задравъ свою мохнатую голову кверху, какъ птицы, когда онѣ пьютъ, безжалостно вдавивъ своими маленькими ногами шпоры въ бока добраго Бедуина, онъ, будто падая назадъ, поскакалъ къ другому флангу эскадрона и хриплымъ голосомъ закричалъ, чтобъ осмотрѣли пистолеты. Онъ подъѣхалъ къ Кирстену. Штабъ-ротмистръ, на широкой и степенной кобылѣ, шагомъ ѣхалъ на встрѣчу Денисову. Штабъ-ротмистръ съ своими длинными усами былъ серьезенъ какъ и всегда, только глаза его блестѣли больше обыкновеннаго.

— Да что? сказалъ онъ Денисову: — не дойдетъ дѣло до драки. Вотъ увидишь, назадъ уйдемъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, что дѣлаютъ! проворчалъ Денисовъ. — А! Ростовъ! крикнулъ онъ юнкеру, замѣтивъ его веселое лицо. — Ну дождался. — И онъ улыбнулся одобрительно, видимо радуясь на юнкера. Ростовъ почувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Въ это время начальникъ показался на мосту. Денисовъ поскакалъ къ нему.

— Ваше превосходительство! позвольте атаковать! я ихъ опрокину.

— Какія тутъ атаки, сказалъ начальникъ скучливымъ голосомъ, морщась какъ отъ докучливой мухи. — И зачѣмъ вы тутъ стоите? Видите, фланкеры отступаютъ. Ведите назадъ эскадронъ.

Эскадронъ перешелъ мостъ и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, не потерявъ ни одного человѣка. Вслѣдъ за нимъ пере-

шелъ, и второй эскадронъ, бывшій въ цѣпи, и послѣдніе казаки очистили ту сторону.

Два эскадрона Павлоградцевъ, перейдя мостъ, одинъ за другимъ пошли назадъ на гору. Полковой командиръ, Карлъ Богдановичъ Шубертъ, подъѣхалъ къ эскадрону Денисова и ѣхалъ шагомъ недалеко отъ Ростова, не обращая на него никакого вниманія, несмотря на то, что послѣ бывшаго столкновенія за Телянина, они видѣлись теперь въ первый разъ. Ростовъ, чувствуя себя во фронтѣ во власти человѣка, предъ которымъ онъ теперь считалъ себя виноватымъ, не спускалъ глазъ съ атлетической спины, бѣлокураго затылка и красной шеи полковаго командира. Ростову то казалось, что Богданычъ только притворяется невнимательнымъ, и что вся цѣль его теперь состоитъ въ томъ, чтобы испытать храбрость юнкера, и онъ выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданычъ нарочно ѣдетъ близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что врагъ его теперь нарочно пошлетъ эскадронъ въ отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что послѣ атаки онъ подойдетъ къ нему и великодушно протянетъ ему, раненому, руку примиренія.

Знакомая Павлоградцамъ, съ высоко-поднятыми плечами, фигура Жеркова (онъ недавно выбылъ изъ ихъ полка) подъѣхала къ полковому командиру. Жерковъ, послѣ своего изгнанія изъ главнаго штаба, не остался въ полку, говоря, что онъ не дуракъ во фронтѣ лямку тянуть, когда онъ при штабѣ, ничего не дѣлая, получитъ наградъ больше, и умѣлъ пристроиться ординарцемъ къ князю Багратіону. Онъ пріѣхалъ къ своему бывшему начальнику съ приказаніемъ отъ начальника арріергарда.

— Полковникъ, сказалъ онъ съ своею мрачною серьезностью, обращаясь къ врагу Ростова и оглядывая товарищей,— велѣно отправиться мостъ зажечь.

— Кто велѣно? угрюмо спросилъ полковникъ.

— Ужъ я и не знаю, полковникъ, *кто велѣно*, серьезно отвѣчалъ корнетъ,— но только мнѣ князь приказалъ: „поѣзжай и скажи полковнику, чтобы гусары вернулись скорѣй и зажгли бы мостъ".

Вслѣдъ за Жерковымъ къ гусарскому полковнику подъѣхалъ свитскій офицеръ съ тѣмъ же приказаніемъ. Вслѣдъ за свитскимъ офицеромъ, на казачьей лошади, которая насилу несла его галопомъ, подъѣхалъ толстый Несвицкій.

— Какъ же, полковникъ, кричалъ онъ еще на ѣздѣ,— я вамъ говорилъ мостъ зажечь, а теперь кто-то перевралъ; тамъ всѣ съ ума сходятъ, ничего не разберешь.

Полковникъ неторопливо остановилъ полкъ и обратился къ Несвицкому.

— Вы мнѣ говорили про горючія вещества, сказалъ онъ,— а про то, чтобы зажигать, вы мнѣ ничего не говорили.

— Да какъ же, батюшка, заговорилъ остановившись Несвицкій, снимая фуражку и расправляя пухлою рукой мокрые отъ пота волосы,— какъ же не говорилъ, что мостъ зажечь, когда горючія вещества положили?

— Я вамъ не „батюшка", господинъ штабъ-офицеръ, а вы мнѣ не говорили, чтобъ мостъ зажигайтъ! Я служба знаю, и мнѣ въ привычка приказаніе строго исполняйтъ. Вы сказали, мостъ зажгутъ, а кто зажгутъ, я святымъ духомъ не могу знайтъ...

— Ну, вотъ всегда такъ, махнувъ рукой, сказалъ Несвицкій.— Ты какъ здѣсь? обратился онъ къ Жеркову.

— Да за тѣмъ же. Однако ты отсырѣлъ, дай я тебя выжму.

— Вы сказали, господинъ штабъ-офицеръ... продолжалъ полковникъ обиженнымъ тономъ.

— Полковникъ, перебилъ свитскій офицеръ, — надо торопиться, а то непріятель пододвинетъ орудія на картечный выстрѣлъ.

Полковникъ молча посмотрѣлъ на свитскаго офицера, на толстаго штабъ-офицера, на Жеркова и нахмурился.

— Я буду мостъ зажигайть, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, какъ будто бы выражалъ этимъ, что, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему непріятности, онъ все-таки сдѣлаетъ то, что должно.

Ударивъ своими длинными, мускулистыми ногами лошадь, какъ будто она была во всемъ виновата, полковникъ выдвинулся впередъ, и 2-му эскадрону, тому самому, въ которомъ служилъ Ростовъ подъ командою Денисова, скомандовалъ вернуться назадъ къ мосту.

„Ну, такъ и есть", подумалъ Ростовъ, — „онъ хочетъ испытать меня!"—Сердце его сжалось, и кровь бросилась къ лицу.— „Пускай посмотритъ, трусъ ли я?" подумалъ онъ.

Опять на всѣхъ веселыхъ лицахъ людей эскадрона появилась та серьезная черта, которая была на нихъ въ то время, какъ они стояли подъ ядрами. Ростовъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего врага, полковаго командира, желая найти на его лицѣ подтвержденіе своихъ догадокъ; но полковникъ ни разу не взглянулъ на Ростова, а смотрѣлъ, какъ всегда во фронтѣ, строго и торжественно. Послышалась команда.

— Живо! Живо! проговорило около него нѣсколько голосовъ.

Цѣпляясь саблями за поводья, гремя шпорами и торопясь,

слѣзали гусары, сами не зная, что они будутъ дѣлать. Гусары крестились. Ростовъ уже не смотрѣлъ на полковаго командира, ему некогда было. Онъ боялся, съ замираніемъ сердца боялся, какъ бы ему не отстать отъ гусаръ. Рука его дрожала, когда онъ передавалъ лошадь коноводу, и онъ чувствовалъ, какъ со стукомъ приливаетъ кровь къ его сердцу. Денисовъ, заваливаясь назадъ и крича что-то, проѣхалъ мимо него. Ростовъ ничего не видѣлъ, кромѣ бѣжавшихъ вокругъ него гусаръ, цѣплявшихся шпорами и бренчавшихъ саблями.

— Носилки! крикнулъ чей-то голосъ сзади. Ростовъ не подумалъ о томъ, что значитъ требованіе носилокъ; онъ бѣжалъ, стараясь только быть впереди всѣхъ; но у самаго моста онъ, не смотря подъ ноги, попалъ въ вязкую растоптанную грязь и, споткнувшись, упалъ на руки. Его обѣжали другіе.

— По *обоій* сторона, ротмистръ, послышался ему голосъ полковаго командира, который, заѣхавъ впередъ, сталъ верхомъ недалеко отъ моста съ торжествующимъ и веселымъ лицомъ.

Ростовъ, обтирая испачканныя руки о рейтузы, оглянулся на своего врага и хотѣлъ бѣжать дальше, полагая, что чѣмъ онъ дальше уйдетъ впередъ, тѣмъ будетъ лучше. Но Богданычъ, хотя и не глядѣлъ и не узналъ Ростова, крикнулъ на него.

— Кто по срединѣ моста бѣжитъ? На права сторона! Юнкеръ, назадъ! сердито закричалъ онъ и обратился къ Денисову, который, щеголяя храбростью, въѣхалъ верхомъ на доски моста.

— Зачѣмъ рисковайтъ, ротмистръ! Вы бы слѣзли, сказалъ полковникъ.

— Э! воробушка найдетъ, отвѣчалъ Васька Денисовъ, поворачиваясь на сѣдлѣ.

Между тѣмъ Несвицкій, Жерковъ и свитскій офицеръ стояли вмѣстѣ внѣ выстрѣловъ, и смотрѣли то на эту небольшую кучку людей, въ желтыхъ киверахъ, темнозеленыхъ курткахъ, расшитыхъ снурками, и синихъ рейтузахъ, копошившихся у моста, то на ту сторону, на приближавшіеся вдалекѣ синіе капоты и группы съ лошадьми, которыя легко можно было признать за орудія.

„Зажгутъ или не зажгутъ мостъ? Кто прежде? Они добѣгутъ и зажгутъ мостъ, или французы подъѣдутъ на картечный выстрѣлъ и перебьютъ ихъ?“ Эти вопросы, съ замираніемъ сердца, невольно задавалъ себѣ каждый изъ того большаго количества войскъ, которыя стояли надъ мостомъ, и при яркомъ вечернемъ свѣтѣ смотрѣли на мостъ и гусаровъ, и на ту сторону, на подвигавшіеся синіе капоты со штыками и орудіями.

— Охъ! достанется гусарамъ! говорилъ Несвицкій. — Не дальше картечнаго выстрѣла теперь.

— Напрасно онъ такъ много людей повелъ, сказалъ свитскій офицеръ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Несвицкій. — Тутъ бы двухъ молодцовъ послать, все равно бы.

— Ахъ, ваше сіятельство, вмѣшался Жерковъ, не спуская глазъ съ гусаръ, но все съ своею наивною манерой, изъ-за которой нельзя было догадаться, серьезно ли что онъ говоритъ, или нѣтъ. — Ахъ, ваше сіятельство! Какъ вы судите! Двухъ человѣкъ послать, а намъ-то кто же Владиміра съ бантомъ дастъ? А такъ-то, хоть и поколотятъ, да можно эскадронъ представить, и самому бантикъ получить. Нашъ Богданычъ порядки знаетъ.

— Ну, сказалъ свитскій офицеръ, — это картечь!

Онъ показывалъ на французскія орудія, которыя снимались съ передковъ и поспѣшно отъѣзжали.

На французской сторонѣ, въ тѣхъ группахъ, гдѣ были орудія, показался дымокъ, другой, третій, почти въ одно время, и въ ту минуту, какъ долетѣлъ звукъ перваго выстрѣла, показался четвертый. Два звука одинъ за другимъ, и третій.

— О, охъ! охнулъ Несвицкій, какъ будто отъ жгучей боли, хватая за руку свитскаго офицера. — Посмотрите, упалъ одинъ, упалъ, упалъ!

— Два, кажется?

— Былъ бы я царь, никогда бы не воевалъ, сказалъ Несвицкій, отворачиваясь.

Французскія орудія опять поспѣшно заряжали. Пѣхота въ синихъ капотахъ бѣгомъ двинулась къ мосту. Опять, но въ разныхъ промежуткахъ, показались дымки, и защелкала, и затрещала картечь по мосту. Но въ этотъ разъ Несвицкій не могъ видѣть того, что дѣлалось на мосту. Съ моста поднялся густой дымъ. Гусары успѣли зажечь мостъ, и французскія батареи стрѣляли по нимъ уже не для того, чтобы помѣшать, а для того, что орудія были наведены и было по комъ стрѣлять.

Французы успѣли сдѣлать три картечные выстрѣла, прежде чѣмъ гусары вернулись къ коноводамъ. Два залпа были сдѣланы невѣрно, и картечь всю перенесло, но за то послѣдній выстрѣлъ попалъ въ середину кучки гусаръ и повалилъ троихъ.

Ростовъ, озабоченный своими отношеніями къ Богданычу, остановился на мосту, не зная, что ему дѣлать. Рубить (какъ онъ всегда воображалъ себѣ сраженіе) было некого, помогать въ зажженіи моста онъ тоже не могъ, потому что не взялъ

съ собой, какъ другіе солдаты, жгута соломы. Онъ стоялъ и оглядывался, какъ вдругъ затрещало по мосту будто разсыпанные орѣхи, и одинъ изъ гусаръ, ближе всѣхъ бывшій отъ него, со стономъ упалъ на перилы. Ростовъ подбѣжалъ къ нему вмѣстѣ съ другими. Опять закричалъ кто-то: „Носилки!“ Гусара подхватили четыре человѣка и стали поднимать.

— Оооо!... Бросьте, ради Христа, закричалъ раненый, но его все-таки подняли и положили. Николай Ростовъ отвернулся, и какъ будто отыскивая чего-то, сталъ смотрѣть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Какъ хорошо показалось небо, какъ голубо, спокойно и глубоко! Какъ ярко и торжественно опускающееся солнце! Какъ ласково-глянцовито блестѣла вода въ далекомъ Дунаѣ! И еще лучше были далекія, голубѣющія за Дунаемъ горы, монастырь, таинственныя ущелья, залитые до макушъ туманомъ сосновые лѣса... тамъ тихо, счастливо... „Ничего, ничего бы я не желалъ, ничего бы не желалъ, ежели бы я только былъ тамъ“, думалъ Ростовъ. „Во мнѣ одномъ и въ этомъ солнцѣ такъ много счастія, а тутъ... стоны страданія, страхъ, и эта неясность, эта поспѣшность... Вотъ опять кричатъ что-то, и опять всѣ побѣжали куда-то назадъ, и я побѣгу съ ними и вотъ она, вотъ она смерть надо мной, вокругъ меня... Мгновенье, и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья“... Въ эту минуту солнце стало скрываться за тучами: впереди Ростова показались другія носилки. И страхъ смерти и носилокъ и любовь къ солнцу и жизни, все слилось въ одно болѣзненно-тревожное впечатлѣніе.

„Господи Боже! Тотъ, кто тамъ въ этомъ небѣ, спаси, прости и защити меня“! прошепталъ про себя Ростовъ.

Гусары подбѣжали къ коноводамъ, голоса стали громче и спокойнѣе, носилки скрылись изъ глазъ.

— Что, братъ, понюхалъ пороху?.. прокричалъ ему надъ ухомъ голосъ Васьки Денисова.

„Все кончилось, но я трусъ, да, я трусъ“, подумалъ Ростовъ и, тяжело вздыхая, взялъ изъ рукъ коновода своего отставившаго ногу Грачика и сталъ садиться.

— Что это было, картечь? спросилъ онъ у Денисова.

— Да еще какая! прокричалъ Денисовъ: — молодцами работали! А работа скверная! Атака — любезное дѣло, рубай въ песи, а тутъ чортъ знаетъ что, бьютъ какъ въ мишень. И Денисовъ отъѣхалъ къ остановившейся недалеко отъ Ростова группѣ: полковаго командира, Несвицкаго, Жеркова и свитскаго офицера.

„Однако кажется, никто не замѣтилъ“, думалъ про себя Ростовъ. И дѣйствительно никто ничего не замѣтилъ, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испыталъ въ первый разъ необстрѣленный юнкеръ.

— Вотъ вамъ реляція и будетъ, сказалъ Жерковъ, — глядишь и меня въ подпоручики произведутъ.

— Доложите князю, что я мостъ зажигалъ, сказалъ полковникъ торжественно и весело.

— А коли про потерю спросятъ?

— Пустячокъ! пробасилъ полковникъ: — два гусара ранено, и одинъ *наповалъ*, сказалъ онъ съ видимою радостью, не въ силахъ удержаться отъ счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповалъ*.

IX.

Преслѣдуемая стотысячною французскою арміей подъ начальствомъ Бонапарта, встрѣчаемая враждебно-расположен-

наши желанія, не довѣряя болѣе своимъ союзникамъ, испытывая недостатокъ продовольствія, и принужденная дѣйствовать внѣ всѣхъ предвидимыхъ условій войны, русская тридцати-пяти-тысячная армія, подъ начальствомъ Кутузова, поспѣшно отступала внизъ по Дунаю, останавливаясь тамъ, гдѣ она бывала настигнута непріятелемъ, и отбивалась аррьергардными дѣлами, лишь насколько это было нужно для того, чтобъ отступать, не теряя тяжестей. Были дѣла при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Мелькѣ; но несмотря на храбрость и стойкость, признаваемую самимъ непріятелемъ, съ которою дрались русскіе, послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣйшее отступленіе. Австрійскія войска, избѣжавшія плѣна подъ Ульмомъ и присоединившіяся къ Кутузову у Браунау, отдѣлились теперь отъ русской арміи, и Кутузовъ былъ предоставленъ только своимъ слабымъ, истощеннымъ силамъ. Защищать болѣе Вѣну нельзя было и думать. Вмѣсто наступательной, глубоко обдуманной, по законамъ новой науки стратегіи, войны, планъ которой былъ переданъ Кутузову въ его бытность въ Вѣнѣ австрійскимъ гофкригсратомъ, — единственная, почти недостижимая цѣль, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла въ томъ, чтобы, не погубивъ арміи, подобно Маку подъ Ульмомъ, соединиться съ войсками, шедшими изъ Россіи.

28-го октября Кутузовъ съ арміей перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, и въ первый разъ остановился, положивъ Дунай между собой и главными силами французовъ. 30-го онъ атаковалъ находившуюся на лѣвомъ берегу Дуная дивизію Мортье и разбилъ ее. Въ этомъ дѣлѣ въ первый разъ взяты трофеи: знамя, орудія и два непріятельскіе генерала. Въ первый разъ послѣ двухъ-недѣльнаго отступленія, русскія войска

остановились, и послѣ борьбы не только удержали поле сраженія, но прогнали французовъ. Несмотря на то, что войска были раздѣты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными, несмотря на то, что на той сторонѣ Дуная были оставлены больные и раненые съ письмомъ Кутузова, поручавшимъ ихъ человѣколюбію неприятеля, несмотря на то, что большіе госпитали и дома въ Кремсѣ, обращенные въ лазареты, не могли уже вмѣщать въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, несмотря на все это, — остановка при Кремсѣ и побѣда надъ Мортье значительно подняли духъ войска. Во всей арміи и въ главной квартирѣ ходили самые радостные, хотя и несправедливые, слухи о мнимомъ приближеніи колоннъ изъ Россіи, о какой-то побѣдѣ, одержанной австрійцами и объ отступленіи испуганнаго Бонапарта.

Князь Андрей находился во время сраженія при убитомъ въ этомъ дѣлѣ австрійскомъ генералѣ Шмитѣ. Подъ нимъ была ранена лошадь, и самъ онъ былъ слегка оцарапанъ въ руку пулей. Въ знакъ особой милости главнокомандующаго онъ былъ посланъ съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ къ австрійскому двору, находившемуся уже не въ Вѣнѣ, которой угрожали французскія войска, а въ Брюннѣ. Въ ночь сраженія, взволнованный, но не усталый (не смотря на свое не сильное на видъ сложеніе, князь Андрей могъ переносить физическую усталость гораздо лучше самыхъ сильныхъ людей), верхомъ пріѣхавъ съ донесеніемъ отъ Доктурова въ Кремсъ къ Кутузову, князь Андрей былъ въ ту же ночь отправленъ курьеромъ въ Брюннъ. Отправленіе курьеромъ, кромѣ наградъ, означало важный шагъ къ повышенію.

Ночь была темная, звѣздная; дорога чернѣлась между бѣлѣвшимъ снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ въ день сраженія.

То перебирая впечатлѣнія прошедшаго сраженія, то радостно воображая впечатлѣніе, которое онъ произведетъ извѣстіемъ о побѣдѣ, вспоминая проводы главнокомандующаго и товарищей, князь Андрей скакалъ въ почтовой бричкѣ, испытывая чувство человѣка, долго ждавшаго и наконецъ достигшаго начала желаемаго счастія. Какъ скоро онъ закрывалъ глаза, въ ушахъ его раздавалась пальба ружей и орудій, которая сливалась со стукомъ колесъ и впечатлѣніемъ побѣды. То ему начинало представляться, что русскіе бѣгутъ, что онъ самъ убитъ; но онъ поспѣшно просыпался, со счастіемъ какъ будто вновь узнавалъ, что ничего этого не было, и что напротивъ французы бѣжали. Онъ снова вспоминалъ всѣ подробности побѣды, своего спокойнаго мужества во время сраженія, и, успокоившись, задремывалъ... Послѣ темной звѣздной ночи наступило яркое, веселое утро. Снѣгъ таялъ на солнцѣ, лошади быстро скакали, и безразлично вправо и влѣво проходили новые разнообразные лѣса, поля, деревни.

На одной изъ станцій онъ обогналъ обозъ русскихъ раненыхъ. Русскій офицеръ, ведшій транспортъ, развалясь на передней телѣгѣ, что-то кричалъ, ругая грубыми словами солдата. Въ длинныхъ нѣмецкихъ форшпанахъ тряслось по каменистой дорогѣ по шести и болѣе блѣдныхъ, перевязанныхъ и грязныхъ раненыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили (онъ слышалъ русскій говоръ), другіе ѣли хлѣбъ, самые тяжелые, молча, съ кроткимъ и болѣзненнымъ дѣтскимъ участіемъ, смотрѣли на скачущаго мимо ихъ курьера.

Князь Андрей велѣлъ остановиться и спросилъ у солдата, въ какомъ дѣлѣ ранены.

— Позавчера на Дунаѣ, отвѣчалъ солдатъ. Князь Андрей досталъ кошелекъ и далъ солдату три золотыхъ.

— На всѣхъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ подошедшему офицеру. — Поправляйтесь, ребята, обратился онъ къ солдатамъ, — еще дѣла много.

— Что, господинъ адъютантъ, какія новости? спросилъ офицеръ, видимо желая разговориться.

— Хорошія! Впередъ, крикнулъ онъ ямщику, и поскакалъ далѣе.

Уже было совсѣмъ темно, когда князь Андрей въѣхалъ въ Брюннъ и увидалъ себя окруженнымъ высокими домами, огнями лавокъ, оконъ домовъ и фонарей, шумящими по мостовой красивыми экипажами и всею той атмосферой большаго оживленнаго города, которая всегда такъ привлекательна для военнаго человѣка послѣ лагеря. Князь Андрей, несмотря на быструю ѣзду и безсонную ночь, подъѣзжая ко дворцу, чувствовалъ себя еще болѣе оживленнымъ, чѣмъ наканунѣ. Только глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ и мысли смѣнялись съ чрезвычайною быстротой и ясностью. Живо представились ему опять всѣ подробности сраженія, уже не смутно, но опредѣленно, въ сжатомъ изложеніи, которое онъ въ воображеніи дѣлалъ императору Францу. Живо представлялись ему случайные вопросы, которые могли быть ему сдѣланы, и тѣ отвѣты, которые онъ сдѣлаетъ на нихъ. Онъ полагалъ, что его сейчасъ же представятъ императору. Но у большаго подъѣзда дворца къ нему выбѣжалъ чиновникъ, и, узнавъ въ немъ курьера, проводилъ его на другой подъѣздъ.

— Изъ корридора направо, тамъ, ваше высокоблагородіе, найдете дежурнаго флигель-адъютанта, сказалъ ему чиновникъ. — Онъ проводитъ къ военному министру.

Дежурный флигель-адъютантъ, встрѣтившій князя Андрея, попросилъ его подождать и пошелъ къ военному министру.

Черезъ пять минутъ флигель-адъютантъ вернулся, и особенно учтиво наклонясь, и пропуская князя Андрея впередъ себя, провелъ его черезъ корридоръ въ кабинетъ, гдѣ занимался военный министръ. Флигель-адъютантъ своею изысканною учтивостью, казалось, хотѣлъ оградить себя отъ попытокъ фамиліарности русскаго адъютанта. Радостное чувство князя Андрея значительно ослабѣло, когда онъ подходилъ къ двери кабинета военнаго министра. Онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, и чувство оскорбленія перешло въ то же мгновенье незамѣтно для него самого въ чувство презрѣнія, ни на чемъ не основаннаго. Находчивый же умъ въ то же мгновеніе подсказалъ ему ту точку зрѣнія, съ которой онъ имѣлъ право презирать и адъютанта и военнаго министра. „Имъ должно-быть очень легко покажется одерживать побѣды, не нюхая пороха!“ подумалъ онъ. Глаза его презрительно прищурились; онъ особенно медленно вошелъ въ кабинетъ военнаго министра. Чувство это еще болѣе усилилось, когда онъ увидалъ военнаго министра, сидѣвшаго надъ большимъ столомъ и первыя двѣ минуты не обращавшаго вниманія на вошедшаго. Военный министръ опустилъ свою лысую, съ сѣдыми висками, голову между двухъ восковыхъ свѣчей и читалъ, отмѣчая карандашомъ, бумаги. Онъ дочитывалъ, не поднимая головы, въ то время, какъ отворилась дверь и послышались шаги.

— Возьмите это и передайте, сказалъ военный министръ своему адъютанту, подавая бумаги и не обращая еще вниманія на курьера.

Князь Андрей почувствовалъ, что либо, изъ всѣхъ дѣлъ, занимавшихъ военнаго министра, дѣйствія кутузовской арміи менѣе всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру. „Но мнѣ это совершенно все

равно", подумалъ онъ. Военный министръ сдвинулъ остальныя бумаги, сравнялъ ихъ края съ краями и поднялъ голову. У него была умная и характерная голова. Но въ то же мгновеніе, какъ онъ обратился къ князю Андрею, умное и твердое выраженіе лица военнаго министра, видимо, привычно и сознательно измѣнилось; на лицѣ его остановилась глупая, притворная, не скрывающая своего притворства, улыбка человѣка, принимающаго одного за другимъ много просителей.

— Отъ генералъ-фельдмаршала Кутузова? спросилъ онъ. — Надѣюсь, хорошія вѣсти? Было столкновеніе съ Мортье? Побѣда? Пора!

Онъ взялъ депешу, которая была на его имя, и сталъ читать ее съ грустнымъ выраженіемъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Шмитъ! сказалъ онъ по-нѣмецки. – Какое несчастіе, какое несчастіе! — Пробѣжавъ депешу, онъ положилъ ее на столъ и взглянулъ на князя Андрея, видимо что-то соображая.

— Ахъ, какое несчастіе! Дѣло, вы говорите, рѣшительное? Мортье не взятъ однако. (Онъ подумалъ). Очень радъ, что вы привезли хорошія вѣсти, хотя смерть Шмита есть дорогая плата за побѣду. Его величество вѣрно пожелаетъ васъ видѣть, но не нынче. Благодарю васъ, отдохните. Завтра будьте на выходѣ послѣ парада. Впрочемъ, я вамъ дамъ знать.

Исчезнувшая во время разговора глупая улыбка опять явилась на лицѣ военнаго министра.

— До свиданія, очень благодарю васъ. Государь императоръ вѣроятно пожелаетъ васъ видѣть, повторилъ онъ и наклонилъ голову.

Когда князь Андрей вышелъ изъ дворца, онъ почувство-

валъ, что весь интересъ и счастіе, доставленные ему побѣдой, оставлены имъ теперь и переданы въ равнодушныя руки военнаго министра и учтиваго адъютанта. Весь складъ мыслей его мгновенно измѣнился: сраженіе представилось ему давнишнимъ, далекимъ воспоминаніемъ.

X.

Князь Андрей остановился въ Брюннѣ у своего знакомаго, русскаго дипломата Билибина.

— А, милый князь, нѣтъ пріятнѣе гостя, сказалъ Билибинъ, выходя на встрѣчу князю Андрею.— Францъ, въ мою спальню вещи князя! обратился онъ къ слугѣ, провожавшему Болконскаго.— Что, вѣстникомъ побѣды? Прекрасно. А я сижу больной, какъ видите.

Князь Андрей, умывшись и одѣвшись, вышелъ въ роскошный кабинетъ дипломата и сѣлъ за приготовленный обѣдъ. Билибинъ покойно усѣлся у камина.

Князь Андрей не только послѣ своего путешествія, но и послѣ всего похода, во время котораго онъ былъ лишенъ всѣхъ удобствъ чистоты и изящества жизни, испытывалъ пріятное чувство отдыха среди тѣхъ роскошныхъ условій жизни, въ которыхъ онъ привыкъ съ дѣтства. Кромѣ того, ему было пріятно послѣ австрійскаго пріема поговорить хоть не по-русски (они говорили по-французски), но съ русскимъ человѣкомъ, который, онъ предполагалъ, раздѣлялъ общее русское отвращеніе (теперь особенно живо испытываемое) къ австрійцамъ.

Билибинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, холостой, одного общества съ княземъ Андреемъ. Они были знакомы еще въ Петербургѣ, но еще ближе познакомились въ по-

слѣдній пріѣздъ князя Андрея въ Вѣну вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Какъ князь Андрей былъ молодой человѣкъ, обѣщающій пойти далеко на военномъ поприщѣ, такъ и еще болѣе обѣщалъ Билибинъ на дипломатическомъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, но уже не молодой дипломатъ, такъ какъ онъ началъ служить съ шестнадцати лѣтъ, былъ въ Парижѣ, въ Копенгагенѣ и теперь въ Вѣнѣ занималъ довольно значительное мѣсто. И канцлеръ и нашъ посланникъ въ Вѣнѣ знали его и дорожили имъ. Онъ былъ не изъ того большаго количества дипломатовъ, которые обязаны имѣть только отрицательныя достоинства, не дѣлать извѣстныхъ вещей и говорить по-французски для того, чтобы быть очень хорошими дипломатами; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ, которые любятъ и умѣютъ работать, и, несмотря на свою лѣнь, онъ иногда проводилъ ночи за письменнымъ столомъ. Онъ работалъ одинаково хорошо, въ чемъ бы ни состояла сущность работы. Его интересовалъ не вопросъ „зачѣмъ?“, а вопросъ „какъ“? Въ чемъ состояло дипломатическое дѣло, ему было все равно, но составить искусно, мѣтко и изящно циркуляръ, меморандумъ или донесеніе, въ этомъ онъ находилъ большое удовольствіе. Заслуги Билибина цѣнились, кромѣ письменныхъ работъ, еще и по его искусству обращаться и говорить въ высшихъ сферахъ.

Билибинъ любилъ разговоръ, такъ же какъ онъ любилъ работу, только тогда, когда разговоръ могъ быть изящно-остроуменъ. Въ обществѣ онъ постоянно выжидалъ случая сказать что-нибудь замѣчательное, и вступалъ въ разговоръ не иначе, какъ при этихъ условіяхъ. Разговоръ Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имѣющими общій интересъ. Эти фразы изго-

товлялись во внутренней лабораторіи Билибина, какъ будто нарочно, портативнаго свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди удобно могли запоминать ихъ и переносить изъ гостиныхъ въ гостиныя. И дѣйствительно, остроты Билибина разносились по Вѣнскимъ салонамъ, какъ говорили, и часто имѣли вліяніе на такъ называемыя важныя дѣла.

Худое, истощенное, желтоватое лицо его было все покрыто крупными морщинами, которыя всегда казались такъ чистоплотно и старательно промыты, какъ кончики пальцевъ послѣ бани. Движенія этихъ морщинъ составляли главную игру его физіономіи. То у него морщился лобъ широкими складками, брови поднимались вверху, то брови опускались книзу, и у щекъ образовывались крупныя морщины. Глубоко поставленные, небольшіе глаза всегда смотрѣли прямо и весело.

— Ну, теперь разскажите намъ ваши подвиги, сказалъ онъ.

Болконскій самымъ скромнымъ образомъ, ни разу не упоминая о себѣ, разсказалъ дѣло и пріемъ военнаго министра.

— Они приняли меня съ этою вѣстью, какъ принимаютъ собаку среди веселой игры (французская поговорка), заключилъ онъ.

Билибинъ усмѣхнулся и распустилъ складки кожи.

— Однако, мой милый, сказалъ онъ, разсматривая издалека свой ноготь и подбирая кожу надъ лѣвымъ глазомъ, — при всемъ моемъ уваженіи къ „православному россійскому воинству", я полагаю, что побѣда ваша не изъ самыхъ блестящихъ.

Онъ продолжалъ все такъ же на французскомъ языкѣ, произнося по-русски только тѣ слова, которыя онъ презрительно хотѣлъ подчеркнуть.

— Какъ же? Вы со всею массой своею обрушились на несчастнаго Мортье при одной дивизіи, и этотъ Мортье уходитъ у васъ между рукъ? Гдѣ же побѣда?

— Однако, серьезно говоря, отвѣчалъ князь Андрей, — все-таки мы можемъ сказать безъ хвастовства, что это немного получше Ульма...

— Отчего вы не взяли намъ одного, хоть одного маршала?

— Оттого, что не все дѣлается, какъ предполагается, и не такъ регулярно, какъ на парадѣ. Мы полагали, какъ я вамъ говорилъ, зайти въ тылъ къ семи часамъ утра, а не пришли и къ пяти вечера.

— Отчего же вы не пришли къ семи часамъ утра? Вамъ надо было придти въ семь часовъ утра, улыбаясь сказалъ Билибинъ, — надо было придти въ семь часовъ утра.

— Отчего вы не внушили Бонапарту дипломатическимъ путемъ, что ему лучше оставить Геную? тѣмъ же тономъ сказалъ князь Андрей.

— Я знаю, перебилъ Билибинъ, — вы думаете, что очень легко брать маршаловъ, сидя на диванѣ предъ каминомъ. Это правда, а все-таки зачѣмъ вы его не взяли? И не удивляйтесь, что не только военный министръ, но и августѣйшій императоръ и король Францъ не будутъ очень осчастливлены вашею побѣдой; да и я, несчастный секретарь русскаго посольства, не чувствую никакой потребности въ знакъ радости дать моему Францу талеръ и отпустить его въ свой Liebchen на Пратеръ... Правда, здѣсь нѣтъ Пратера... Онъ посмотрѣлъ прямо на князя Андрея и вдругъ спустилъ собранную кожу со лба.

— Теперь мой чередъ спросить васъ „отчего“, мой милый? сказалъ Болконскій. — Я вамъ признаюсь, что не понимаю,

можетъ быть, тутъ есть дипломатическія тонкости выше моего слабаго ума, но я не понимаю: Макъ теряетъ цѣлую армію, эрцгерцогъ Фердинандъ и эрцгерцогъ Карлъ не даютъ никакихъ признаковъ жизни и дѣлаютъ ошибки за ошибками, наконецъ одинъ Кутузовъ одерживаетъ дѣйствительную побѣду, уничтожаетъ зарокъ непобѣдимости французовъ, и военный министръ не интересуются даже знать подробности!

— Именно отъ этого, мой милый. Видите ли, ура! за царя, за Русь, за вѣру! Все это прекрасно; но что̀ намъ, я говорю, австрійскому двору, за дѣло до вашихъ побѣдъ? Привезите вы намъ сюда хорошенькое извѣстіе о побѣдѣ эрцгерцога Карла или Фердинанда — „одинъ эрцгерцогъ стоитъ другаго“, какъ вамъ извѣстно, — хоть надъ ротой пожарной команды Бонапарте, это другое дѣло, мы прогремимъ въ пушки. А то это, какъ нарочно, можетъ только дразнить насъ. Эрцгерцогъ Карлъ ничего не дѣлаетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ. Вѣну вы бросаете, не защищаете больше, какъ будто бы вы намъ сказали, — съ нами Богъ, а Богъ съ вами, и съ вашею столицей. Одинъ генералъ, котораго мы всѣ любили, Шмитъ, вы его подводите подъ пулю, и поздравляете насъ съ побѣдой!.. Согласитесь, что раздразнительнѣе того извѣстія, которое вы привозите, нельзя придумать. Это какъ нарочно, какъ нарочно. Кромѣ того, ну, одержи вы точно блестящую побѣду, одержи побѣду даже эрцгерцогъ Карлъ, что̀ жъ бы это перемѣнило въ общемъ ходѣ дѣлъ? Теперь ужъ поздно, когда Вѣна занята французскими войсками.

— Какъ занята? Вѣна занята?

— Не только занята, но Бонапарте въ Шенбруннѣ, а графъ, нашъ милый графъ Врбна отправляется къ нему за приказаніями.

Болконскій, послѣ усталости и впечатлѣній путешествія, пріема и въ особенности послѣ обѣда, чувствовалъ, что онъ не понимаетъ всего значенія словъ, которыя онъ слышалъ.

— Нынче утромъ былъ здѣсь графъ Лихтенфельсъ, продолжалъ Билибинъ, — и показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ подробно описанъ парадъ французовъ въ Вѣнѣ. Принцъ Мюратъ и все другое... Вы видите, что ваша побѣда не очень-то радостна, и что вы не можете быть приняты какъ спаситель...

— Право, для меня все равно; совершенно все равно! сказалъ князь Андрей, начиная понимать, что извѣстіе его о сраженіи подъ Кремсомъ дѣйствительно имѣло мало важности въ виду такихъ событій, какъ занятіе столицы Австріи. — Какъ же Вѣна взята? А мостъ и его знаменитое укрѣпленіе и князь Ауэрспергъ? У насъ были слухи, что князь Ауэрспергъ защищаетъ Вѣну, сказалъ онъ.

— Князь Ауэрспергъ стоитъ на этой, на нашей сторонѣ, и защищаетъ насъ; я думаю, очень плохо защищаетъ, но все-таки защищаетъ. А Вѣна на той сторонѣ. Нѣтъ, мостъ еще не взятъ, и надѣюсь не будетъ взятъ, потому что онъ минированъ, и его велѣно взорвать. Въ противномъ случаѣ мы были бы давно въ горахъ Богеміи, и вы съ вашею арміей провели бы дурную четверть часа между двухъ огней.

— Но это все-таки не значитъ, чтобы кампанія была кончена, сказалъ князь Андрей.

— А я думаю, что кончена. И такъ думаютъ большіе колпаки здѣсь, но не смѣютъ сказать этого. Будетъ то, что я говорилъ вначалѣ кампаніи, что не ваша перестрѣлка подъ Дюренштейномъ, вообще не порохъ рѣшитъ дѣло, а тѣ, кто его выдумали, сказалъ Билибинъ, повторяя одно изъ своихъ mot, распуская кожу на лбу и пріостанавливаясь. —

Вопросъ только въ томъ, что скажетъ берлинское свиданіе императора Александра съ прусскимъ королемъ. Ежели Пруссія вступитъ въ союзъ, то Австрію принудятъ, и будетъ война. Ежели же нѣтъ, то дѣло только въ томъ, чтобъ условиться, гдѣ составлять первоначальныя статьи новаго Кампо-Форміо.

— Но что за необычайная геніальность! вдругъ вскрикнулъ князь Андрей, сжимая свою маленькую руку и ударяя ею по столу. — И что за счастіе этому человѣку!

— Buonaparte? вопросительно сказалъ Билибинъ, морща лобъ и этимъ давая чувствовать, что сейчасъ будетъ un mot. — Buonaparte? сказалъ онъ ударяя особенно на *u*. — Я думаю однако, что теперь, когда онъ предписываетъ законы Австріи изъ Шенбрунна, il faut lui faire grâce de l'*u*[1]). Я рѣшительно дѣлаю нововведеніе, и называю его просто Бонапартъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, сказалъ князь Андрей, — неужели вы думаете, что кампанія кончена?

— Я вотъ что̀ думаю. Австрія осталась въ дурахъ, а она къ этому не привыкла. И она̀ отплатитъ. А въ дурахъ она осталась оттого, что, вопервыхъ, провинціи разорены (говорятъ, православное воинство жестоко грабитъ), армія разбита, столица взята, и все это pour les beaux yeux du сардинское величество. И потому между нами, мой милый, — я чутьемъ слышу, что насъ обманываютъ, я чутьемъ слышу сношенія съ Франціей и проекты мира, тайнаго мира, отдѣльно заключеннаго.

— Это не можетъ быть! сказалъ князь Андрей: — это было бы слишкомъ гадко.

— Поживемъ, увидимъ, сказалъ Билибинъ, распуская опять кожу въ знакъ окончанія разговора.

¹) Буонапарте?... Ему надо простить букву у.

Когда князь Андрей пришелъ въ приготовленную для него комнату и въ чистомъ бѣльѣ легъ на пуховики и душистыя, грѣтыя подушки, — онъ почувствовалъ, что то сраженіе, о которомъ онъ привезъ извѣстіе, было далеко, далеко отъ него. Прусскій союзъ, измѣна Австріи, новое торжество Бонапарта, выходъ и парадъ и пріемъ императора Франца на завтра занимали его. Онъ закрылъ глаза, но въ то же мгновеніе въ ушахъ его затрещала канонада, пальба, стукъ колесъ экипажа, и вотъ опять спускаются съ горы растянутые ниткой мушкатеры, и французы стрѣляютъ, и онъ чувствуетъ, какъ содрогается его сердце, и онъ выѣзжаетъ впередъ рядомъ со Шмитомъ, и пули весело свистятъ вокругъ него, и онъ испытываетъ то чувство удесятеренной радости жизни, какого онъ не испытывалъ съ самаго дѣтства. Онъ пробудился.

„Да, все это было!..“ сказалъ онъ, счастливо, дѣтски улыбаясь самъ себѣ, и заснулъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

XI.

На другой день онъ проснулся поздно. Возобновляя впечатлѣнія прошедшаго, онъ вспомнилъ прежде всего то, что нынче надо представляться императору Францу, вспомнилъ военнаго министра, учтиваго австрійскаго флигель-адъютанта, Билибина и разговоръ вчерашняго вечера. Одѣвшись для поѣздки во дворецъ въ полную парадную форму, которой онъ уже давно не надѣвалъ, онъ свѣжій, оживленный и красивый, съ подвязанною рукой, вошелъ въ кабинетъ Билибина. Въ кабинетѣ находились четыре господина дипломатическаго корпуса. Съ княземъ Ипполитомъ Курагинымъ, который былъ секретаремъ посольства, Болконскій былъ знакомъ; съ другими его познакомилъ Билибинъ.

Господа, бывавшіе у Билибина,—свѣтскіе, молодые, богатые и веселые люди составляли и въ Вѣнѣ и здѣсь отдѣльный кружокъ, который Билибинъ, бывшій главой этого кружка, называлъ *наши, les nôtres*. Въ кружкѣ этомъ, состоявшемъ почти исключительно изъ дипломатовъ, видимо были свои, не имѣющіе ничего общаго съ войной и политикой, интересы высшаго свѣта, отношеній къ нѣкоторымъ женщинамъ и канцелярской стороны службы. Эти господа, повидимому, охотно, какъ *своего* (честь, которую они дѣлали немногимъ), приняли въ свой кружокъ князя Андрея. Изъ учтивости и какъ предметъ для вступленія въ разговоръ, ему сдѣлали нѣсколько вопросовъ объ арміи и сраженіи, и разговоръ опять разсыпался на непослѣдовательныя, веселыя шутки и пересуды.

— Но особенно хорошо, — говорилъ одинъ, разсказывая неудачу товарища дипломата,—особенно хорошо то, что канцлеръ прямо сказалъ ему, что назначеніе его въ Лондонъ есть повышеніе, и чтобъ онъ такъ и смотрѣлъ на это. Видите вы его фигуру при этомъ?...

— Но что всего хуже, господа, я вамъ выдаю Курагина: человѣкъ въ несчастіи и этимъ-то пользуется этотъ Донъ-Жуанъ, этотъ ужасный человѣкъ!

Князь Ипполитъ лежалъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ ноги черезъ ручку. Онъ засмѣялся.

— Ну-ка, ну-ка, сказалъ онъ.

— О, Донъ-Жуанъ! О, змѣя! послышались голоса.

— Вы не знаете, Болконскій, обратился Билибинъ къ князю Андрею, — что всѣ ужасы французской арміи (я чуть было не сказалъ русской арміи) ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что надѣлалъ между женщинами этотъ человѣкъ.

— Женщина — подруга мужчины, произнесъ князь Ип-

политъ и сталъ смотрѣть въ лорнетъ на свои поднятыя ноги.

Билибинъ и *наши* расхохотались, глядя въ глаза Ипполиту. Князь Андрей видѣлъ, что этотъ Ипполитъ, котораго онъ (должно было признаться) почти ревновалъ къ своей женѣ, былъ шутомъ въ этомъ обществѣ.

— Нѣтъ, я долженъ васъ угостить Курагинымъ, сказалъ Билибинъ тихо Болконскому. — Онъ прелестенъ, когда разсуждаетъ о политикѣ; надо видѣть эту важность.

Онъ подсѣлъ къ Ипполиту и, собравъ на лбу свои складки, завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ. Князь Андрей и другіе обступили обоихъ.

— Берлинскій кабинетъ не можетъ выразить свое мнѣніе о союзѣ, началъ Ипполитъ, значительно оглядывая всѣхъ, — не выражая... какъ въ своей послѣдней нотѣ... вы понимаете... вы понимаете... впрочемъ, если Его Величество Императоръ не измѣнитъ сущности нашего союза...

— Подождите, я не кончилъ... сказалъ онъ князю Андрею, хватая его за руку. Я думаю, что вмѣшательство будетъ прочнѣе, чѣмъ невмѣшательство. — И онъ помолчалъ. — Невозможно считать дѣло оконченнымъ непринятіемъ нашей депеши отъ 18-го ноября. Вотъ чѣмъ все это кончится.

И онъ опустилъ руку Болконскаго, показывая тѣмъ, что теперь онъ совсѣмъ кончилъ.

— Демосѳенъ, я узнаю тебя по камешку, который ты скрываешь въ своихъ золотыхъ устахъ! сказалъ Билибинъ, у котораго шапка волосъ подвинулась на головѣ отъ удовольствія.

Всѣ засмѣялись. Ипполитъ смѣялся громче всѣхъ. Онъ видимо страдалъ, задыхался, но не могъ удержаться отъ дикаго смѣха, растягивавшаго его всегда неподвижное лицо.

— Ну, вотъ что, господа, сказалъ Билибинъ, — Болконскій мой гость въ домѣ и здѣсь въ Брюннѣ, и я хочу его угостить, сколько могу, всѣми радостями здѣшней жизни. Ежели бы мы были въ Вѣнѣ, это было бы легко; но здѣсь, въ этой гадкой моравской дырѣ, это труднѣе, и я прошу у всѣхъ васъ помощи. Надо его попотчивать Брюнномъ. Вы возьмите на себя театръ, я — общество; вы, Ипполитъ, разумѣется, женщинъ.

— Надо ему показать Амели, прелесть! сказалъ одинъ изъ *нашихъ*, цѣлуя кончики пальцевъ.

— Вообще этого кровожаднаго солдата, сказалъ Билибинъ, — надо обратить къ болѣе человѣколюбивымъ взглядамъ.

— Едва ли я воспользуюсь вашимъ гостепріимствомъ, господа, и теперь мнѣ пора ѣхать, взглядывая на часы, сказалъ Болконскій.

— Куда?

— Къ императору.

— О! о! о!

— Ну, до свиданія, Болконскій! До свиданія, князь, пріѣзжайте же обѣдать раньше, послышались голоса. — Мы беремся за васъ.

— Старайтесь, какъ можно болѣе расхваливать порядокъ въ доставленіи провіанта и маршрутовъ, когда будете говорить съ императоромъ, сказалъ Билибинъ, провожая до передней Болконскаго.

— И желалъ бы хвалить, но не могу, сколько знаю, улыбаясь, отвѣчалъ Болконскій.

— Ну, вообще какъ можно больше говорите. Его страсть — аудіенціи, а говорить самъ онъ не любитъ и не умѣетъ, какъ увидите.

XII.

На выходѣ императоръ Францъ только пристально вглядѣлся въ лицо князя Андрея, стоявшаго въ назначенномъ мѣстѣ между австрійскими офицерами и кивнулъ ему своей длинной головой. Но послѣ выхода вчерашній флигель-адъютантъ съ учтивостью передалъ Болконскому желаніе императора дать ему аудіенцію. Императоръ Францъ принялъ его, стоя посрединѣ комнаты. Предъ тѣмъ, какъ начинать разговоръ, князя Андрея поразило то, что императоръ какъ будто смѣшался, не зная что̀ сказать, и покраснѣлъ.

— Скажите, когда началось сраженіе? спросилъ онъ поспѣшно.

Князь Андрей отвѣчалъ. Послѣ этого вопроса слѣдовали другіе, столь же простые вопросы: „здоровъ ли Кутузовъ? какъ давно выѣхалъ онъ изъ Кремса?“ и т. п. Императоръ говорилъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто вся цѣль его состояла только въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстное количество вопросовъ. Отвѣты же на эти вопросы, какъ было слишкомъ очевидно, не могли интересовать его.

— Въ которомъ часу началось сраженіе? спросилъ императоръ.

— Не могу донести вашему величеству, въ которомъ часу началось сраженіе съ фронта, но въ Дюренштейнѣ, гдѣ я находился, войско начало атаку въ 6-мъ часу вечера, сказалъ Болконскій, оживляясь и при этомъ случаѣ предполагая, что ему удастся представить уже готовое въ его головѣ, правдивое описаніе всего того, что̀ онъ зналъ и видѣлъ. Но императоръ улыбнулся и перебилъ его.

— Сколько миль?

— Откуда и докуда, ваше величество?

— Отъ Дюренштейна до Кремса?

— Три съ половиною мили, ваше величество.

— Французы оставили лѣвый берегъ?

— Какъ доносили лазутчики, въ ночь на плотахъ переправились послѣдніе.

— Достаточно ли фуража въ Кремсѣ?

— Фуражъ не былъ доставленъ въ томъ количествѣ... Императоръ перебилъ его.

— Въ которомъ часу убитъ генералъ Шмитъ?

— Въ семѣ часовъ, кажется.

— Въ 7 часовъ? Очень печально! Очень печально!

Императоръ сказалъ, что онъ благодаритъ и поклонился. Князь Андрей вышелъ, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ придворными. Со всѣхъ сторонъ глядѣли на него ласковые глаза, и слышались ласковыя слова. Вчерашній флигель-адъютантъ дѣлалъ ему упреки, зачѣмъ онъ не остановился во дворцѣ и предлагалъ ему свой домъ. Военный министръ подошелъ, поздравляя его съ орденомъ Маріи-Терезіи 3-й степени, которымъ жаловалъ его императоръ. Камергеръ императрицы приглашалъ его къ ея величеству. Эрцгерцогиня тоже желала его видѣть. Онъ не зналъ, кому отвѣчать, и нѣсколько секундъ собирался съ мыслями. Русскій посланникъ взялъ его за плечо, отвелъ къ окну, и сталъ говорить съ нимъ.

Вопреки словамъ Билибина, извѣстіе, привезенное имъ, было принято радостно. Назначено было благодарственное молебствіе. Кутузовъ былъ награжденъ Маріей-Терезіей большаго креста, и вся армія получила награды. Болконскій получалъ приглашенія со всѣхъ сторонъ и все утро долженъ

былъ дѣлать визиты главнымъ сановникамъ Австріи. Окончивъ свои визиты, въ пятомъ часу вечера, мысленно сочиняя письмо отцу о сраженіи и о своей поѣздкѣ въ Брюннъ, князь Андрей возвращался домой къ Билибину. У крыльца дома, занимаемаго Билибинымъ, стояла до половины уложенная вещами бричка, и Францъ, слуга Билибина, съ трудомъ таща чемоданъ, вышелъ изъ двери.

Прежде чѣмъ ѣхать къ Билибину, князь Андрей поѣхалъ въ книжную лавку запастись на походъ книгами, и засидѣлся въ лавкѣ.

— Что такое? спросилъ Болконскій.

— Ахъ, ваше сіятельство! сказалъ Францъ, съ трудомъ взваливая чемоданъ въ бричку. — Мы отправляемся еще далѣе. Злодѣй ужъ опять за нами по пятамъ.

— Что такое? Что? спрашивалъ князь Андрей.

Билибинъ вышелъ на встрѣчу Болконскому. На всегда спокойномъ лицѣ Билибина было волненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, признайтесь, что это прелесть, говорилъ онъ, — эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Они перешли его безъ сопротивленія. Князь Андрей ничего не понималъ.

— Да откуда же вы, что вы не знаете того, что уже знаютъ всѣ кучера въ городѣ?

— Я отъ эрцгерцогини. Тамъ я ничего не слыхалъ.

— И не видали, что вездѣ укладываются?

— Не видалъ... Да въ чемъ дѣло? нетерпѣливо спросилъ князь Андрей.

— Въ чемъ дѣло? Дѣло въ томъ, что французы перешли мостъ, который защищаетъ Ауэрспергъ, и мостъ не взорвали, такъ что Мюратъ бѣжитъ теперь по дорогѣ къ Брюнну, и нынче-завтра они будутъ здѣсь.

— Какъ здѣсь? Да какъ же не взорвали мостъ, когда онъ минированъ?

— А это я у васъ спрашиваю? Этого никто, и самъ Бонапарте, не знаетъ. — Болконскій пожалъ плечами.

— Но ежели мостъ перейденъ, значитъ и армія погибла: она будетъ отрѣзана, — сказалъ онъ.

— Въ этомъ-то и штука, — отвѣчалъ Билибинъ. — Слушайте. Вступаютъ французы въ Вѣну, какъ я вамъ говорилъ. Все очень хорошо. На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюратъ, Ланнъ и Бельяръ садятся верхомъ и отправляются на мостъ. (Замѣтьте, всѣ трое Гасконцы.) Господа, говоритъ одинъ, вы знаете, что Таборскій мостъ минированъ и контраминированъ, и что передъ нимъ грозное мостовое укрѣпленіе и пятнадцать тысячъ войска, которому велѣно взорвать мостъ и насъ не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будетъ пріятно, ежели мы возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте втроемъ и возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте, говорятъ другіе; и они отправляются и берутъ мостъ, переходятъ его, и теперь со всею арміей по сю сторону Дуная направляются на насъ, на васъ и на ваши сообщенія.

— Полноте шутить, — грустно и серьезно сказалъ князь Андрей. — Извѣстіе это было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею. Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ, тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое

одно спасаетъ армію и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана.

— Полноте шутить, сказалъ онъ.

— Не шучу, продолжалъ Билибинъ, — ничего нѣтъ справедливѣе и печальнѣе. Господа эти пріѣзжаютъ на мостъ одни, и поднимаютъ бѣлые платки; увѣряютъ, что перемиріе, и что они, маршалы, ѣдутъ для переговоровъ съ княземъ Ауэрспергомъ. Дежурный офицеръ пускаетъ ихъ въ мостовое укрѣпленіе. Они разсказываютъ ему тысячу гасконскихъ глупостей; говорятъ, что война кончена, что императоръ Францъ назначилъ свиданіе Бонапарту, что они желаютъ видѣть князя Ауэрсперга, и проч. Офицеръ посылаетъ за Ауэрспергомъ; господа эти обнимаютъ офицеровъ, шутятъ, садятся на пушки, а между тѣмъ французскій батальонъ, незамѣченный, входитъ на мостъ, сбрасываетъ мѣшки съ горючими веществами въ воду и подходитъ къ мостовому укрѣпленію. Наконецъ является самъ генералъ-лейтенантъ, нашъ милый князь Ауэрспергъ фонъ-Маутернъ. „Милый непріятель! Цвѣтъ австрійскаго воинства, герой турецкихъ войнъ! Вражда кончена, мы можемъ подать другъ другу руку... Императоръ Наполеонъ сгораетъ желаніемъ узнать князя Ауэрсперга“. Однимъ словомъ, эти господа, не даромъ гасконцы, такъ забрасываютъ Ауэрсперга прекрасными словами, онъ такъ прельщенъ своею столь быстро установившеюся интимностью съ французскими маршалами, такъ ослѣпленъ видомъ мантіи и страусовыхъ перьевъ Мюрата, qu'il n'y voit que du feu, et oublie celui qu'il devait faire, faire sur l'ennemi (несмотря на живость своей рѣчи, Билибинъ не забылъ пріостановиться послѣ этого mot, чтобы дать время оцѣнить его). Французскій батальонъ вбѣгаетъ въ мос-

тоже укрѣпленіе, [illegible] пушки и мостъ взять. Нѣтъ, но что лучше всего, продолжалъ онъ, успокоиваясь въ своемъ волненіи прелестью собственнаго разсказа, — это то, что сержантъ, приставленый къ той пушкѣ, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мостъ, сержантъ этотъ, увидавъ, что французскія войска бѣгутъ на мостъ, хотѣлъ уже стрѣлять, но Ланнъ отвелъ его руку. Сержантъ, который видно былъ умнѣе своего генерала, подходитъ къ Ауэрсбергу и говоритъ: „Князь, васъ обманываютъ, вотъ французы!“ Мюратъ видитъ, что дѣло проиграно, ежели дать говорить сержанту. Онъ съ притворнымъ удивленіемъ (настоящій гасконецъ) обращается къ Ауэрсбергу: „Я не узнаю столь хваленую въ мірѣ австрійскую дисциплину, говоритъ онъ, и вы позволяете такъ говорить съ вами низшему чину!“ Это геніально. Князь Ауэрсбергъ оскорбляется, и приказываетъ арестовать сержанта. Нѣтъ, признайтесь, что это прелесть — вся эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Это не то что глупость, не то что подлость...

— Быть можетъ измѣна, сказалъ князь Андрей, живо воображая себѣ сѣрыя шинели, раны, пороховой дымъ, звуки пальбы и славу, которая ожидаетъ его.

— Тоже нѣтъ. Это ставитъ дворъ въ слишкомъ дурное положеніе, продолжалъ Билибинъ. — Это ни измѣна, ни подлость, ни глупость; это какъ при Ульмѣ, это... Онъ какъ будто задумался, отыскивая выраженіе: — c'est... c'est du Mack. Nous sommes mackés, заключилъ онъ, чувствуя, что онъ сказалъ un mot, и свѣжее mot, такое mot, которое будетъ повторяться. Собранныя до тѣхъ поръ складки на лбу быстро распустились въ знакъ удовольствія, и онъ, слегка улыбаясь, сталъ разсматривать свои ногти.

былъ дѣлать визиты главнымъ сановникамъ Австріи. Окончивъ свои визиты, въ пятомъ часу вечера, мысленно сочиняя письмо отцу о сраженіи и о своей поѣздкѣ въ Брюннъ, князь Андрей возвращался домой къ Билибину. У крыльца дома, занимаемаго Билибинымъ, стояла до половины уложенная вещами бричка, и Францъ, слуга Билибина, съ трудомъ таща чемоданъ, вышелъ изъ двери.

Прежде чѣмъ ѣхать къ Билибину, князь Андрей поѣхалъ въ книжную лавку запастись на походъ книгами, и засидѣлся въ лавкѣ.

— Что такое? спросилъ Болконскій.

— Ахъ, ваше сіятельство! сказалъ Францъ, съ трудомъ взваливая чемоданъ въ бричку. — Мы отправляемся еще далѣе. Злодѣй ужъ опять за нами по пятамъ.

— Что такое? Что? спрашивалъ князь Андрей.

Билибинъ вышелъ на встрѣчу Болконскому. На всегда спокойномъ лицѣ Билибина было волненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, признайтесь, что это прелесть, говорилъ онъ,—эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Они перешли его безъ сопротивленія. Князь Андрей ничего не понималъ.

— Да откуда же вы, что вы не знаете того, что уже знаютъ всѣ кучера въ городѣ?

— Я отъ эрцгерцогини. Тамъ я ничего не слыхалъ.

— И не видали, что вездѣ укладываются?

— Не видалъ... Да въ чемъ дѣло? нетерпѣливо спросилъ князь Андрей.

— Въ чемъ дѣло? Дѣло въ томъ, что французы перешли мостъ, который защищаетъ Ауэрспергъ, и мостъ не взорвали, такъ что Мюратъ бѣжитъ теперь по дорогѣ къ Брюнну, и нынче-завтра они будутъ здѣсь.

— Какъ здѣсь? Да какъ же не взорвали мостъ, когда онъ минированъ?

— А это я у васъ спрашиваю? Этого никто, и самъ Бонапарте, не знаетъ. — Болконскій пожалъ плечами.

— Но ежели мостъ перейденъ, значитъ и армія погибла: она будетъ отрѣзана, сказалъ онъ.

— Въ этомъ-то и штука, отвѣчалъ Билибинъ. — Слушайте. Вступаютъ французы въ Вѣну, какъ я вамъ говорилъ. Все очень хорошо. На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюратъ, Ланнъ и Бельяръ садятся верхомъ и отправляются на мостъ. (Замѣтьте, всѣ трое Гасконцы.) Господа, говоритъ одинъ, вы знаете, что Таборскій мостъ минированъ и контраминированъ, и что предъ нимъ грозное мостовое укрѣпленіе и пятнадцать тысячъ войска, которому велѣно взорвать мостъ и насъ не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будетъ пріятно, ежели мы возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте втроемъ и возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте, говорятъ другіе; и они отправляются и берутъ мостъ, переходятъ его и теперь со всею арміей по сю сторону Дуная направляются на насъ, на васъ и на ваши сообщенія.

— Полноте шутить, грустно и серьезно сказалъ князь Андрей. — Извѣстіе это было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею. Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ, тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое

одно спасаетъ армію и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана.

— Полноте шутить, сказалъ онъ.

— Не шучу, продолжалъ Билибинъ, — ничего нѣтъ справедливѣе и печальнѣе. Господа эти пріѣзжаютъ на мостъ одни, и поднимаютъ бѣлые платки; увѣряютъ, что перемиріе, и что они, маршалы, ѣдутъ для переговоровъ съ княземъ Ауэрспергомъ. Дежурный офицеръ пускаетъ ихъ въ мостовое укрѣпленіе. Они разсказываютъ ему тысячу гасконскихъ глупостей; говорятъ, что война кончена, что императоръ Францъ назначилъ свиданіе Бонапарту, что они желаютъ видѣть князя Ауэрсперга, и проч. Офицеръ посылаетъ за Ауэрспергомъ; господа эти обнимаютъ офицеровъ, шутятъ, садятся на пушки, а между тѣмъ французскій баталіонъ, незамѣченный, входитъ на мостъ, сбрасываетъ мѣшки съ горючими веществами въ воду, и подходитъ къ мостовому укрѣпленію. Наконецъ является самъ генералъ-лейтенантъ, нашъ милый князь Ауэрспергъ фонъ-Маутернъ. — „Милый непріятель! Цвѣтъ австрійскаго воинства, герой турецкихъ войнъ! Вражда кончена, мы можемъ подать другъ другу руку... императоръ Наполеонъ сгораетъ желаніемъ узнать князя Ауэрсперга“. Однимъ словомъ, эти господа, не даромъ гасконцы, такъ забрасываютъ Ауэрсперга прекрасными словами, онъ такъ прельщенъ своею столь быстро установившеюся интимностью съ французскими маршалами, такъ ослѣпленъ видомъ мантіи и страусовыхъ перьевъ Мюрата, qu'il n'y voit que du feu, et oublie celui qu'il devait faire, faire sur l'ennemi (несмотря на живость своей рѣчи, Билибинъ не забылъ пріостановиться послѣ этого mot, чтобы дать время оцѣнить его). Французскій баталіонъ вбѣгаетъ въ мос-

тное укрѣпленіе, заклепываютъ пушки и мостъ взятъ. Нѣтъ, но что лучше всего, продолжалъ онъ, успокоиваясь въ своемъ волненіи прелестью собственнаго разсказа, — это то, что сержантъ, приставленый къ той пушкѣ, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мостъ, сержантъ этотъ, увидавъ, что французскія войска бѣгутъ на мостъ, хотѣлъ уже стрѣлять, но Ланнъ отвелъ его руку. Сержантъ, который, видно, былъ умнѣе своего генерала, подходитъ къ Ауэрсбергу и говоритъ: „Князь, васъ обманываютъ, вотъ французы!" Мюратъ видитъ, что дѣло проиграно, ежели дать говорить сержанту. Онъ съ притворнымъ удивленіемъ (настоящій гасконецъ) обращается къ Ауэрсбергу: „Я не узнаю столь хваленую въ мірѣ австрійскую дисциплину, говоритъ онъ, и вы позволяете такъ говорить съ вами низшему чину!" Это геніально. Князь Ауэрсбергъ оскорбляется и приказываетъ арестовать сержанта. Нѣтъ, признайтесь, что это прелесть — вся эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Это не то что глупость, не то что подлость…

— Быть можетъ измѣна, сказалъ князь Андрей, живо воображая себѣ сѣрыя шинели, раны, пороховой дымъ, звуки пальбы и славу, которая ожидаетъ его.

— Также нѣтъ. Это ставитъ дворъ въ слишкомъ дурное положеніе, продолжалъ Билибинъ. — Это ни измѣна, ни подлость, ни глупость; это какъ при Ульмѣ, это… Онъ какъ будто задумался, отыскивая выраженіе: — c'est… c'est du Mack. Nous sommes mackés, заключилъ онъ, чувствуя, что онъ сказалъ un mot, и свѣжее mot, такое mot, которое будетъ повторяться. Собранныя до тѣхъ поръ складки на лбу быстро распустились въ знакъ удовольствія, и онъ, слегка улыбаясь, сталъ разсматривать свои ногти.

— Куда вы? сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ князю Андрею, который всталъ и направился въ свою комнату.

— Я ѣду.

— Куда?

— Въ армію.

— Да вы хотѣли остаться еще два дня?

— А теперь я ѣду сейчасъ. И князь Андрей, сдѣлавъ распоряженіе объ отъѣздѣ, ушелъ въ свою комнату.

— Знаете что, мой милый, сказалъ Билибинъ, входя къ нему въ комнату. Я подумалъ объ васъ. Зачѣмъ вы поѣдете? И въ доказательство неопровержимости этого довода, складки всѣ сбѣжали съ лица.

Князь Андрей вопросительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника и ничего не отвѣтилъ.

— Зачѣмъ вы поѣдете? Я знаю, вы думаете, что вашъ долгъ скакать въ армію теперь, когда армія въ опасности. Я это понимаю, мой милый, это геройство.

— Нисколько, сказалъ князь Андрей.

— Но вы философъ, будьте же имъ вполнѣ, посмотрите на вещи съ другой стороны, и вы увидите, что вашъ долгъ, напротивъ, беречь себя. Предоставьте это другимъ, которые ни на что болѣе негодны... Вамъ не велѣно пріѣзжать назадъ, и отсюда васъ не отпустили, стало быть вы можете остаться и ѣхать съ нами, куда насъ повлечетъ наша несчастная судьба. Говорятъ, ѣдутъ въ Ольмюцъ. А Ольмюцъ очень милый городъ. И мы съ вами вмѣстѣ спокойно поѣдемъ въ моей колясkѣ.

— Перестаньте шутить, Билибинъ, сказалъ Болконскій.

— Я говорю вамъ искренно и дружески. Разсудите. Куда и для чего вы поѣдете теперь, когда вы можете оставаться

здѣсь? Вы ожидаете одно изъ двухъ (онъ собралъ кожу надъ лѣвымъ вискомъ): или не дойдете до арміи и миръ будетъ заключенъ, или пораженіе и срамъ со всею Кутузовскою арміей. И Билибинъ распустилъ кожу, чувствуя, что дилемма его неопровержима.

— Этого я не могу разсудить, холодно сказалъ князь Андрей, а подумалъ: „ѣду для того, чтобы спасти армію“.

— Мой милый, вы герой, сказалъ Билибинъ.

XIII.

Въ ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконскій ѣхалъ въ армію, самъ не зная, гдѣ онъ найдетъ ее, и опасаясь по дорогѣ къ Кремсу быть перехваченнымъ французами.

Въ Брюннѣ все придворное населеніе укладывалось, и уже отправлялись тяжести въ Ольмюцъ. Около Эцельсдорфа, князь Андрей выѣхалъ на дорогу, по которой съ величайшею поспѣшностью и въ величайшемъ безпорядкѣ двигалась русская армія. Дорога была такъ запружена повозками, что невозможно было ѣхать въ экипажѣ. Взявъ у казачьяго начальника лошадь и казака, князь Андрей, голодный и усталый, обгоняя обозы, ѣхалъ отыскивать главнокомандующаго и свою повозку. Самые зловѣщіе слухи о положеніи арміи доходили до него дорогой, и видъ безпорядочно бѣгущей арміи подтверждалъ эти слухи.

„Эту русскую армію, которую англійское золото перенесло сюда съ конца свѣта, мы заставимъ ее испытать ту же участь (участь ульмской арміи)“, вспоминалъ онъ слова приказа Бонапарта своей арміи предъ началомъ кампаніи, и

— А ты кто такой? вдругъ съ пьянымъ бѣшенствомъ обратился къ нему офицеръ. — Ты кто такой? Ты (онъ особенно упиралъ на *ты*) начальникъ, что ль? Здѣсь я начальникъ, а не ты. Ты, назадъ, — повторилъ онъ, — въ лепешку расшибу. Это выраженіе видимо понравилось офицеру.

— Важно отбрилъ адъютантика, послышался голосъ сзади.

Князь Андрей видѣлъ, что офицеръ находился въ томъ пьяномъ припадкѣ безпричиннаго бѣшенства, въ которомъ люди не помнятъ, что говорятъ. Онъ видѣлъ, что его заступничество за лѣкарскую жену въ кибиточкѣ исполнено того, чего онъ боялся больше всего въ мірѣ, того, что называется по-французски ridicule, но инстинктъ его говорилъ другое. Не успѣлъ офицеръ договорить послѣднихъ словъ, какъ князь Андрей съ изуродованнымъ отъ бѣшенства лицомъ подъѣхалъ къ нему и поднялъ нагайку:

— Из-воль-те про-пус-тить!

Офицеръ махнулъ рукой и торопливо отъѣхалъ прочь.

— Все отъ этихъ, отъ штабныхъ, безпорядокъ весь, проворчалъ онъ. — Дѣлайте жъ, какъ знаете.

Князь Андрей торопливо, не поднимая глазъ, отъѣхалъ отъ лѣкарской жены, называвшей его спасителемъ, и съ отвращеніемъ вспоминая мельчайшія подробности этой унизительной сцены, поскакалъ дальше къ той деревнѣ, гдѣ, какъ ему сказали, находился главнокомандующій.

Въѣхавъ въ деревню, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ къ первому дому съ намѣреніемъ отдохнуть хоть на минуту, съѣсть что-нибудь и привесть въ ясность всѣ эти оскорбительныя, мучившія его мысли. „Это толпа мерзавцевъ, а не войско“, думалъ онъ, подходя къ окну перваго дома, когда знакомый ему голосъ назвалъ его по имени.

Онъ оглянулся. Изъ маленькаго окна высовывалось красивое лицо Несвицкаго. Несвицкій, пережевывая что-то сочнымъ ртомъ и махая руками, звалъ его къ себѣ.

— Болконскій, Болконскій! Не слышишь, что-ли? Иди скорѣе, кричалъ онъ.

Войдя въ домъ, князь Андрей увидалъ Несвицкаго и еще другаго адъютанта, закусывавшихъ что-то. Они поспѣшно обратились къ Болконскому съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ чего новаго? На ихъ столь знакомыхъ ему лицахъ, князь Андрей прочелъ выраженіе тревоги и безпокойства. Выраженіе это особенно замѣтно было на всегда смѣющемся лицѣ Несвицкаго.

— Гдѣ главнокомандующій? спросилъ Болконскій.

— Здѣсь, въ томъ домѣ, отвѣчалъ адъютантъ.

— Ну что жъ, правда, что миръ и капитуляція? спрашивалъ Несвицкій.

— Я у васъ спрашиваю. Я ничего не знаю, кромѣ того, что я насилу добрался до васъ.

— А у насъ, братъ, что! Ужасъ! Винюсь, братъ, надъ Макомъ смѣялись, а самимъ еще хуже приходится, сказалъ Несвицкій. — Да садись же, поѣшь чего-нибудь.

— Теперь, князь, ни повозокъ, ничего не найдете, и вашъ Петръ Богъ его знаетъ гдѣ, сказалъ другой адъютантъ.

— Гдѣ жъ главная квартира?

— Въ Цнаймѣ ночуемъ.

— А я такъ перевьючилъ себѣ все, что мнѣ нужно, на двухъ лошадей, сказалъ Несвицкій, — и вьюки отличные мнѣ сдѣлали. Хоть черезъ Богемскія горы удирать. Плохо, братъ. Да, что ты, вѣрно нездоровъ, что такъ вздрагиваешь? спросилъ Несвицкій, замѣтивъ, какъ князя Андрея дернуло, будто отъ прикосновенія къ лейденской банкѣ.

Лицо Кутузова неожиданно смягчилось, и слезы показались на его глазахъ. Онъ притянулъ къ себѣ лѣвою рукой Багратіона, а правою, на которой было кольцо, видимо-привычнымъ жестомъ перекрестилъ его и подставилъ ему пухлую щеку, вмѣсто которой Багратіонъ поцѣловалъ его въ шею. Христосъ съ тобой! повторилъ Кутузовъ, и подошелъ къ коляскѣ. — Садись со мной, сказалъ онъ Болконскому.

— Ваше высокопревосходительство, я желалъ бы быть полезенъ здѣсь. Позвольте мнѣ остаться въ отрядѣ князя Багратіона.

— Садись, сказалъ Кутузовъ, и замѣтивъ что Болконскій медлитъ: — мнѣ хорошіе офицеры самому нужны, самому нужны.

Они сѣли въ коляску и молча проѣхали нѣсколько минутъ.

— Еще впереди много, много всего будетъ, сказалъ онъ со старческимъ выраженіемъ проницательности, какъ будто понявъ все, что дѣлалось въ душѣ Болконскаго. — Ежели изъ отряда его придетъ завтра одна десятая часть, я буду Бога благодарить, прибавилъ Кутузовъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

Князь Андрей взглянулъ на Кутузова, и ему невольно бросились въ глаза, въ полуаршинѣ отъ него, чисто промытыя сборки шрама на вискѣ Кутузова, гдѣ измаильская пуля пронизала ему голову, и его вытекшій глазъ. „Да, онъ имѣетъ право такъ спокойно говорить о погибели этихъ людей!“ подумалъ Болконскій.

— Отъ этого я и прошу отправить меня въ этотъ отрядъ, сказалъ онъ.

Кутузовъ не отвѣтилъ. Онъ, казалось, уже забылъ о томъ, что было сказано имъ, и сидѣлъ задумавшись. Черезъ пять минутъ, плавно раскачиваясь на мягкихъ рессорахъ коляски,

Кутузовъ обратился къ князю Андрею. На лицѣ его не было и слѣда волненія. Онъ съ тонкою насмѣшливостью разспрашивалъ князя Андрея о подробностяхъ его свиданія съ императоромъ, объ отзывахъ, слышанныхъ при дворѣ о Кремскомъ дѣлѣ, и о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ женщинахъ.

XIV.

Кутузовъ чрезъ лазутчика получилъ 1-го ноября извѣстіе, ставившее командуемую имъ армію почти въ безвыходное положеніе. Лазутчикъ доносилъ, что французы въ огромныхъ силахъ, перейдя вѣнскій мостъ, направились на путь сообщенія Кутузова съ войсками, шедшими изъ Россіи. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставаться въ Кремсѣ, то полуторасто-тысячная армія Наполеона отрѣзала бы его отъ всѣхъ сообщеній, окружила бы его сорока-тысячную изнуренную армію, и онъ находился бы въ положеніи Мака подъ Ульмомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставить дорогу, ведшую на сообщенія съ войсками изъ Россіи, то онъ долженъ былъ вступить безъ дороги въ неизвѣстные края Богемскихъ горъ, защищаясь отъ превосходнаго силами непріятеля, и оставить всякую надежду на сообщеніе съ Буксгевденомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился отступать по дорогѣ изъ Кремса въ Ольмюцъ на соединеніе съ войсками изъ Россіи, то онъ рисковалъ быть предупрежденнымъ на этой дорогѣ французами, перешедшими мостъ въ Вѣнѣ, и такимъ образомъ быть принужденнымъ принять сраженіе на походѣ, со всѣми тяжестями и обозами, имѣя дѣло съ непріятелемъ, втрое превосходившимъ его и окружавшимъ его съ двухъ сторонъ. Кутузовъ избралъ этотъ послѣдній выходъ.

Французы, какъ доносилъ лазутчикъ, перейдя мостъ въ Вѣнѣ,

усиленнымъ маршемъ шелъ на Цнаймъ, лежащій на пути отступленія Кутузова, впереди его болѣе чѣмъ на сто верстъ. Достигнуть Цнайма прежде французовъ, значило получить большую надежду на спасеніе арміи; дать французамъ предупредить себя въ Цнаймѣ значило навѣрное подвергнуть всю армію позору, подобному Ульмскому, или общей гибели. Но предупредить французовъ со всею арміею было невозможно. Дорога французовъ отъ Вѣны до Цнайма была короче и лучше, чѣмъ дорога русскихъ отъ Кремса до Цнайма.

Въ ночь полученія извѣстія Кутузовъ послалъ четырехъ-тысячный авангардъ Багратіона направо горами съ кремско-цнаймской дороги на вѣнско-цнаймскую. Багратіонъ долженъ былъ пройти безъ отдыха этотъ переходъ, остановиться лицомъ къ Вѣнѣ и задомъ къ Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французовъ, то онъ долженъ былъ задерживать ихъ сколько могъ. Самъ же Кутузовъ со всѣми тяжестями тронулся къ Цнайму.

Пройдя съ голодными, разутыми солдатами, безъ дороги, по горамъ, въ бурную ночь сорокъ пять верстъ, растерявъ третью часть отсталыми, Багратіонъ вышелъ въ Голлабрунъ на вѣнско-цнаймскую дорогу нѣсколькими часами прежде французовъ, подходившихъ къ Голлабруну изъ Вѣны. Кутузову надо было идти еще цѣлыя сутки съ своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма, и потому, чтобы спасти армію, Багратіонъ долженъ былъ съ четырьмя тысячами голодныхъ, измученныхъ солдатъ удерживать въ продолженіе сутокъ всю непріятельскую армію, встрѣтившуюся съ нимъ въ Голлабрунѣ, что было очевидно невозможно. Но странная судьба сдѣлала невозможное возможнымъ. Успѣхъ того обмана, который безъ боя отдалъ Вѣнскій мостъ въ руки французовъ, побу-

дило Мюрата расчитывать обмануть также и Кутузова. Мюратъ, встрѣтивъ слабый отрядъ Багратіона на цнаймской дорогѣ, подумалъ, что это была вся армія Кутузова. Чтобы несомнѣнно раздавить эту армію, онъ поджидалъ отставшія на дорогѣ изъ Вѣны войска, и съ этою цѣлью предложилъ перемиріе на три дня, съ условіемъ, чтобы тѣ и другія войска не измѣняли своихъ положеній и не трогались съ мѣста. Мюратъ увѣрялъ, что уже идутъ переговоры о мирѣ, и что потому, избѣгая безполезнаго пролитія крови, онъ предлагаетъ перемиріе. Австрійскій генералъ графъ Ностицъ, стоявшій на аванпостахъ, повѣрилъ словамъ парламентера Мюрата и отступилъ, открывъ отрядъ Багратіона. Другой парламентеръ поѣхалъ въ русскую цѣпь объявить то же извѣстіе о мирныхъ переговорахъ и предложить перемиріе русскимъ войскамъ на три дня. Багратіонъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ принимать или не принимать перемирія, и съ донесеніемъ о сдѣланномъ ему предложеніи, послалъ къ Кутузову своего адъютанта.

Перемиріе для Кутузова было единственнымъ средствомъ выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратіона и пропустить обозы и тяжести (движеніе которыхъ было скрыто отъ французовъ), хотя одинъ лишній переходъ до Цнайма. Предложеніе перемирія давало единственную и неожиданную возможность спасти армію. Получивъ это извѣстіе, Кутузовъ немедленно послалъ состоявшаго при немъ генералъ-адъютанта Винценгероде въ непріятельскій лагерь. Винценгероде долженъ былъ не только принять перемиріе, но и предложить условія капитуляціи, а между тѣмъ Кутузовъ послалъ своихъ адъютантовъ назадъ торопить сколь возможно движеніе обозовъ всей арміи по кремсъ-цнаймской

дорогѣ. Измученный, голодный отрядъ Багратіона одинъ долженъ былъ, прикрывая собой это движеніе обозовъ и всей арміи, неподвижно оставаться передъ непріятелемъ въ восемь разъ сильнѣйшимъ.

Ожиданія Кутузова сбылись какъ относительно того, что предложенія капитуляціи, ни къ чему не обязывающія, могли дать время пройти нѣкоторой части обозовъ, такъ и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро. Какъ только Бонапарте, находившійся въ Шенбруннѣ, въ 25 верстахъ отъ Голлабруна, получилъ донесеніе Мюрата и проектъ перемирія и капитуляціи, онъ увидѣлъ обманъ и написалъ слѣдующее письмо къ Мюрату:

Принцу Мюрату. Шенбруннъ, 25 брюмера 1805 г.

8 часовъ утра.

Я не могу найти словъ, чтобы выразить вамъ мое неудовольствіе. Вы командуете только моимъ авангардомъ и не имѣете права дѣлать перемиріе безъ моего приказанія. Вы заставляете меня потерять плоды цѣлой кампаніи. Немедленно нарушьте перемиріе и идите противъ непріятеля. Вы объявите ему, что генералъ, подписавшій эту капитуляцію, не имѣлъ на это права, и никто не имѣетъ, исключая лишь россійскаго императора.

Впрочемъ, если россійскій императоръ согласится на упомянутое условіе, я тоже соглашусь; но это не что иное, какъ хитрость. Идите, уничтожьте русскую армію... Вы можете взять ея обозы и ея артиллерію.

Генералъ-адъютантъ россійскаго императора обманщикъ... Офицеры ничего не значатъ, когда не имѣютъ власти полномочія: этотъ также не имѣетъ его... Австрійцы дали себя

обмануть при переходѣ Вѣнскаго моста, а вы даете себя обмануть адъютантамъ императора.

Наполеонъ.

Адъютантъ Бонапарте во всю прыть лошади скакалъ съ этимъ грознымъ письмомъ къ Мюрату. Самъ Бонапарте, не довѣряя своимъ генераламъ, со всею гвардiей двигался къ полю сраженiя, боясь упустить готовую жертву, а 4000-ный отрядъ Багратiона, весело раскладывая костры, сушился, обогрѣвался, варилъ въ первый разъ послѣ трехъ дней кашу, и никто изъ людей отряда не зналъ и не думалъ о томъ, что предстояло ему.

XV.

Въ четвертомъ часу вечера князь Андрей, настоявъ на своей просьбѣ у Кутузова, прiѣхалъ въ Грунтъ и явился къ Багратiону. Адъютантъ Бонапарте еще не прiѣхалъ въ отрядъ Мюрата и сраженiе еще не начиналось. Въ отрядѣ Багратiона ничего не знали объ общемъ ходѣ дѣлъ, говорили о мирѣ, но не вѣрили въ его возможность. Говорили о сраженiи и тоже не вѣрили и въ близость сраженiя.

Багратiонъ, зная Болконскаго за любимаго и довѣреннаго адъютанта, принялъ его съ особеннымъ начальническимъ отличiемъ и снисхожденiемъ, объяснилъ ему, что вѣроятно нынче или завтра будетъ сраженiе, и предоставилъ ему полную свободу находиться при немъ во время сраженiя или въ арьiергардѣ наблюдать за порядкомъ отступленiя, „что тоже было очень важно".

— Впрочемъ, нынче, вѣроятно, дѣла не будетъ, — сказалъ Багратiонъ, какъ бы успокоивая князя Андрея.

„Ежели это одинъ изъ обыкновенныхъ штабныхъ франтиковъ, посылаемыхъ для полученія крестика, то онъ и въ арріергардѣ получитъ награду, а ежели хочетъ со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицеръ“, подумалъ Багратіонъ. Князь Андрей, ничего не отвѣтивъ, попросилъ позволенія князя объѣхать позицію и узнать расположеніе войскъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ порученія знать, куда ѣхать. Дежурный офицеръ отряда, мужчина красивый, щеголевато одѣтый и съ алмазнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, дурно, но охотно говорившій по французски, вызвался проводить князя Андрея.

Со всѣхъ сторонъ виднѣлись мокрые, съ грустными лицами офицеры, чего-то какъ будто искавшіе, и солдаты, тащившіе изъ деревни двери, лавки и заборы.

— Вотъ не можемъ, князь, избавиться отъ этого народа, сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на этихъ людей. — Распускаютъ командиры. А вотъ здѣсь, онъ указалъ на раскинутую палатку маркитанта, — собьются и сидятъ. Нынче утромъ всѣхъ выгналъ, посмотрите, опять полна. Надо подъѣхать, князь, пугнуть ихъ. Одна минута.

— Заѣдемте, и я возьму у него сыру и булку, сказалъ князь Андрей, который не успѣлъ еще поѣсть.

— Что жъ вы не сказали, князь? Я бы предложилъ своего хлѣба-соли.

Они сошли съ лошадей и вошли подъ палатку маркитанта. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ съ раскраснѣвшимися и истомленными лицами сидѣли за столами, пили и ѣли.

— Ну что жъ это господа! сказалъ штабъ-офицеръ тономъ упрека, какъ человѣкъ, уже нѣсколько разъ повторявшій одно и то же. — Вѣдь нельзя же отлучаться такъ. Князь прика-

зарядъ, чтобы ничего не было. Ну, вотъ вы, г. штабсъ-капитанъ, обратился онъ къ маленькому, грязному, худому артиллерійскому офицеру, который безъ сапогъ (онъ отдалъ ихъ сушить маркитанту), въ однихъ чулкахъ, всталъ предъ вошедшими, улыбаясь не совсѣмъ естественно.

— Ну какъ вамъ, капитанъ Тушинъ, не стыдно? продолжалъ штабъ-офицеръ: — вамъ бы, кажется, какъ артиллеристу, надо примѣръ показывать, а вы безъ сапогъ. Забьютъ тревогу, а вы безъ сапогъ очень хороши будете. (Штабъ-офицеръ улыбнулся.) Извольте отправляться къ своимъ мѣстамъ, господа, всѣ, всѣ, прибавилъ онъ начальнически.

Князь Андрей невольно улыбнулся, взглянувъ на штабсъ-капитана Тушина. Молча и улыбаясь, Тушинъ, переступая съ босой ноги на ногу, вопросительно глядѣлъ большими умными и добрыми глазами то на князя Андрея, то на штабъ-офицера.

— Солдаты говорятъ: разувшись ловчѣе, сказалъ капитанъ Тушинъ, улыбаясь и робѣя, видимо желая изъ своего неловкаго положенія перейти въ шутливый тонъ; но еще онъ не договорилъ, какъ почувствовалъ, что шутка его не принята и не вышла. Онъ смутился.

— Извольте отправляться, сказалъ штабъ-офицеръ, стараясь удержать серьезность.

Князь Андрей еще разъ взглянулъ на фигурку артиллериста. Въ ней было что-то особенное, совершенно не военное, нѣсколько комическое, но чрезвычайно привлекательное.

Штабъ-офицеръ и князь Андрей сѣли на лошадей и поѣхали дальше.

Выѣхавъ за деревню, безпрестанно обгоняя и встрѣчая идущихъ солдатъ, офицеровъ разныхъ командъ, они увидали

наново краснѣющія свѣжею, вновь вскопанною глиною строящіяся укрѣпленія. Нѣсколько баталioновъ солдатъ въ одныхъ рубахахъ, несмотря на холодный вѣтеръ, какъ бѣлые муравьи, копошились на этихъ укрѣпленіяхъ; изъ-за вала невидимо кѣмъ, безпрестанно выкидывались лопаты красной глины. Они подъѣхали къ укрѣпленію, осмотрѣли его и поѣхали дальше. За самымъ укрѣпленіемъ наткнулись они на нѣсколько десятковъ солдатъ, безпрестанно перемѣняющихся, сбѣгающихъ съ укрѣпленія. Они должны были зажать носъ и тронуть лошадей рысью, чтобы выѣхать изъ зараженной атмосферы.

— Вотъ пріятность лагеря, князь, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ. Они выѣхали на противоположную гору. Съ этой горы уже видны были французы. Князь Андрей остановился и началъ разсматривать.

— Вотъ тутъ наша батарея стоитъ, сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на самый высокій пунктъ, — того самаго чудака, что безъ сапогъ сидѣлъ; оттуда все видно, поѣдемте, князь.

— Покорно благодарю, я теперь одинъ проѣду, сказалъ князь Андрей, желая избавиться отъ штабъ-офицера, — не безпокойтесь, пожалуйста.

Штабъ-офицеръ отсталъ, и князь Андрей поѣхалъ одинъ.

Чѣмъ далѣе подвигался онъ впередъ, ближе къ непріятелю, тѣмъ порядочнѣе и веселѣе становился видъ войска. Самый сильный безпорядокъ и уныніе были въ томъ обозѣ передъ Цнаймомъ, который объѣзжалъ утромъ князь Андрей и который былъ въ десяти верстахъ отъ французовъ. Въ Грунте тоже чувствовалась нѣкоторая тревога и страхъ чего-то. Но чѣмъ ближе подъѣзжалъ князь Андрей къ цѣпи

французовъ, тѣмъ самоувѣреннѣе становился видъ нашихъ войскъ. Выстроенные въ рядъ стояли въ шинеляхъ солдаты и фельдфебель, и ротный разсчитывалъ людей, тыкая пальцемъ въ грудь крайнему, по отдѣленію, солдату и приказывая ему поднимать руку; разсыпанные по всему пространству, солдаты тащили дрова и хворостъ и строили балаганчики, весело смѣясь и переговариваясь; у костровъ сидѣли одѣтые и голые, суша рубахи, подвертки, или починивая сапоги и шинели, толпились около котловъ и кашеваровъ. Въ одной ротѣ обѣдъ былъ готовъ, и солдаты съ жадными лицами смотрѣли на дымившіеся котлы и ждали пробы, которую въ деревянной чашкѣ подносилъ каптенармусъ офицеру, сидѣвшему на бревнѣ противъ своего балагана.

Въ другой, болѣе счастливой ротѣ, такъ какъ не у всѣхъ была водка, солдаты, толпясь, стояли около рябаго широкоплечаго фельдфебеля, который, нагибая боченокъ, наливалъ въ подставляемыя поочередно крышки манерокъ. Солдаты съ набожными лицами подносили ко рту манерки, опрокидывали ихъ и, полоща ротъ и утираясь рукавами шинелей, съ повеселѣвшими лицами отходили отъ фельдфебеля. Всѣ лица были такія спокойныя, какъ будто все происходило не въ виду непріятеля, предъ дѣломъ, гдѣ должна была остаться на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, половина отряда, а какъ будто гдѣ-нибудь на родинѣ въ ожиданіи спокойной стоянки. Пройдя егерскій полкъ, въ рядахъ кіевскихъ гренадеровъ, молодцоватыхъ людей, занятыхъ тѣми же мирными дѣлами, князь Андрей, недалеко отъ высокаго, отличавшагося отъ другихъ, балагана полковаго командира, наѣхалъ на фронтъ взвода гренадеръ, предъ которыми лежалъ обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое

взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый маіоръ ходилъ предъ фронтомъ, и не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ, а коли у своего брата укралъ, такъ въ немъ чести нѣтъ, это мерзавецъ. Еще, еще!

И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но притворный крикъ.

— Еще, еще, приговаривалъ маіоръ.

Молодой офицеръ, съ выраженіемъ недоумѣнія и страданія въ лицѣ, отошелъ отъ наказываемаго, оглядываясь вопросительно на проѣзжавшаго адъютанта.

Князь Андрей, выѣхавъ въ переднюю линію, поѣхалъ по фронту. Цѣпь наша и непріятельская стояли на лѣвомъ и на правомъ флангѣ далеко другъ отъ друга, но въ срединѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ проѣзжали парламентеры, цѣпи сошлись такъ близко, что могли видѣть лица другъ друга и переговариваться между собою. Кромѣ солдатъ, занимавшихъ цѣпь въ этомъ мѣстѣ, съ той и съ другой стороны стояло много любопытныхъ, которые посмѣиваясь, разглядывали странныхъ и чуждыхъ для нихъ непріятелей.

Съ ранняго утра, несмотря на запрещеніе подходить къ цѣпи, начальники не могли отбиться отъ любопытныхъ. Солдаты, стоявшіе въ цѣпи, какъ люди, показывающіе что-нибудь рѣдкое, ужъ не смотрѣли на французовъ, а дѣлали свои наблюденія надъ приходящими, и, скучая, дожидались смѣны. Князь Андрей остановился разсматривать французовъ.

— Глянь-ка, глянь, говорилъ одинъ солдатъ товарищу, указывая на русскаго мушкатера-солдата, который съ офи-

церомъ подошелъ къ цѣпи и что-то часто и горячо говорилъ съ французскимъ гренадеромъ.— Вишь, лопочетъ какъ ловко! Ажъ французъ-то за нимъ не поспѣваетъ. Ну-ка ты, Сидоровъ!

— Погоди, послушай. Ишь ловко! отвѣчалъ Сидоровъ, считавшійся мастеромъ говорить по-французски.

Солдатъ, на котораго указывали смѣявшіеся, былъ Долоховъ. Князь Андрей узналъ его и прислушался къ его разговору. Долоховъ, вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ, пришелъ въ цѣпь съ лѣваго фланга, на которомъ стоялъ ихъ полкъ.

— Ну, еще, еще! подстрекалъ ротный командиръ, нагибаясь впередъ и стараясь не проронить ни одного непонятнаго для него слова.— Пожалуйста, почаще. Что онъ?

Долоховъ не отвѣчалъ ротному; онъ былъ вовлеченъ въ горячій споръ съ французскимъ гренадеромъ. Они говорили, какъ и должно было быть, о кампаніи. Французъ доказывалъ, смѣшивая австрійцевъ съ русскими, что русскіе сдались и бѣжали отъ самаго Ульма; Долоховъ доказывалъ, что русскіе не сдавались, а били французовъ.

— Здѣсь велятъ прогнать васъ и прогонимъ, говорилъ Долоховъ.

— Только старайтесь, чтобы васъ не забрали со всѣми вашими казаками, сказалъ гренадеръ-французъ.

Зрители и слушатели-французы засмѣялись.

— Васъ заставятъ плясать, какъ при Суворовѣ вы плясали, сказалъ Долоховъ.

— Что онъ тамъ поетъ? сказалъ одинъ французъ.

— Древняя исторія, сказалъ другой, догадавшись, что дѣло шло о прежнихъ войнахъ.— Императоръ покажетъ вашему *Суваро*, какъ и другимъ...

— Бонапарте... началъ-было Долоховъ, но французъ перебилъ его.

— Нѣтъ Бонапарте. Есть императоръ! чортъ возьми! сердито крикнулъ онъ.

— Чортъ его дери, вашего императора!

И Долоховъ по-русски, грубо, по-солдатски обругался, и вскинувъ ружье, отошелъ прочь.

— Пойдемте, Иванъ Лукичъ, сказалъ онъ ротному.

— Вотъ такъ по-хранцузски, заговорили солдаты въ цѣпи. — Ну-ка, ты, Сидоровъ.

Сидоровъ подмигнулъ и, обращаясь къ французамъ, началъ часто, часто лепетать непонятныя слова.

— Кари, мала, тафа, сафи, мутерь, каска, лопоталъ онъ, стараясь придавать выразительныя интонаціи своему голосу.

— Го, го, го! ха, ха, ха, ха! Ухъ! Ухъ! раздался между солдатами грохотъ такого здороваго и веселаго хохота, невольно черезъ цѣпь сообщившагося и французамъ, что послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ. Но ружья остались заряжены, бойницы въ домахъ и укрѣпленіяхъ такъ же грозно смотрѣли впередъ, и такъ же какъ прежде, остались другъ противъ друга обращенныя, снятыя съ передковъ пушки.

XVI.

Объѣхавъ всю линію войскъ отъ праваго до лѣваго фланга, князь Андрей поднялся на ту батарею, съ которой, по словамъ штабъ-офицера, все поле было видно. Здѣсь онъ слѣзъ съ лошади и остановился у крайняго изъ четырехъ снятыхъ съ передковъ орудій. Впереди орудій ходилъ часовой-артилле-

лерисгъ, вытянувшійся было предъ офицеромъ, но по сдѣланному ему знаку возобновившій свое равномѣрное, скучливое хожденіе. Сзади орудій стояли передки, еще сзади коновязь и костры артиллеристовъ. Налѣво, недалеко отъ крайняго орудія, былъ новый плетеный шалашикъ, изъ котораго слышались оживленные офицерскіе голоса.

Дѣйствительно, съ батареи открывался видъ почти всего расположенія русскихъ войскъ и большей части непріятеля. Прямо противъ батареи, на горизонтѣ противоположнаго бугра, виднѣлась деревня Шенграбенъ; лѣвѣе и правѣе можно было различить въ трехъ мѣстахъ, среди дыма ихъ костровъ, массы французскихъ войскъ, которыхъ очевидно бо́льшая часть находилась въ самой деревнѣ и за горою. Лѣвѣе деревни, въ дыму, казалось что-то похожее на батарею, но простымъ глазомъ нельзя было разсмотрѣть хорошенько. Правый флангъ нашъ располагался на довольно крутомъ возвышеніи, которое господствовало надъ позиціей французовъ. По немъ расположена была наша пѣхота, и на самомъ краю видны были драгуны. Въ центрѣ, гдѣ и находилась та батарея Тушина, съ которой разсматривалъ позицію князь Андрей, былъ самый отлогій и прямой спускъ и подъемъ къ ручью, отдѣлявшему насъ отъ Шенграбена. Налѣво войска наши примыкали къ лѣсу, гдѣ дымились костры нашей, рубившей дрова, пѣхоты. Линія французовъ была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти насъ съ обѣихъ сторонъ. Сзади нашей позиціи былъ крутой и глубокій оврагъ, по которому трудно было отступать артиллеріи и конницѣ. Князь Андрей, облокотясь на пушку и доставъ бумажникъ, начертилъ для себя планъ расположенія войскъ. Въ двухъ мѣстахъ онъ карандашемъ поставилъ замѣтки, намѣреваясь сообщить ихъ Багра-

тіону. Онъ предполагалъ, во-первыхъ, сосредоточить всю артиллерію въ центрѣ; во-вторыхъ, кавалерію перевести назадъ на ту сторону оврага. Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующемъ, слѣдя за движеніями массъ и общими распоряженіями, и постоянно занимаясь историческими описаніями сраженій, и въ этомъ предстоящемъ дѣлѣ невольно соображалъ будущій ходъ военныхъ дѣйствій, только въ общихъ чертахъ. Ему представлялись лишь слѣдующаго рода крупныя случайности: „Ежели непріятель поведетъ атаку на правый флангъ, говорилъ онъ самъ себѣ, Кіевскій гренадерскій и Подольскій егерскій должны будутъ удерживать свою позицію до тѣхъ поръ, пока резервы центра не подойдутъ къ нимъ. Въ этомъ случаѣ драгуны могутъ ударить во флангъ и опрокинуть ихъ. Въ случаѣ же атаки на центръ, мы выставляемъ на этомъ возвышеніи центральную батарею, и подъ ея прикрытіемъ стягиваемъ лѣвый флангъ и отступаемъ до оврага эшелонами“, разсуждалъ онъ самъ съ собою... Все время, что онъ былъ на батареѣ у орудія, онъ, какъ это часто бываетъ, не переставая слышалъ звуки голосовъ офицеровъ, говорившихъ въ балаганѣ, но не понималъ ни одного слова изъ того, что они говорили. Вдругъ звукъ изъ балагана поразилъ его такимъ задушевнымъ тономъ, что онъ невольно сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ, голубчикъ, говорилъ пріятный и какъ будто знакомый князю Андрею голосъ, — я говорю, что коли бы возможно было знать, что будетъ послѣ смерти, тогда бы и смерти изъ насъ никто не боялся. Такъ-то, голубчикъ.

Другой болѣе молодой голосъ перебилъ его:

— Да бойся, не бойся, все равно, — не минуешь.

— А все боишься! Эхъ вы, ученые люди, сказалъ третій

мужественный голосъ, перебивая обоихъ.— То-то вы, артиллеристы, и умны очень, оттого что все съ собой свезти можно, и водочки и закусочки. И владѣлецъ мужественнаго голоса, видимо пѣхотный офицеръ, засмѣялся.

— А все боишься, продолжалъ первый знакомый голосъ.— Боишься неизвѣстности, вотъ чего. Какъ тамъ ни говори, что душа на небо пойдетъ... вѣдь это мы знаемъ, что неба нѣтъ, а есть атмосфера одна.

Опять мужественный голосъ перебилъ артиллериста.

— Ну угостите же травничкомъ-то вашимъ, Тушинъ, сказалъ онъ.

„А, это тотъ самый капитанъ, который безъ сапогъ стоялъ у маркитанта“, подумалъ князь Андрей, съ удовольствіемъ признавая пріятный философствовавшій голосъ.

— Травничку можно, сказалъ Тушинъ, — а все-таки будущую жизнь постигнуть... Онъ не договорилъ.

Въ это время въ воздухѣ послышался свистъ; ближе, ближе, быстрѣе и слышнѣе, слышнѣе и быстрѣе, и ядро, какъ будто не договоривъ всего, что нужно было, съ нечеловѣческою силой взрывая брызги, шлепнулось въ землю недалеко отъ балагана. Земля какъ будто ахнула отъ страшнаго удара. Въ то же мгновеніе изъ балагана выскочилъ прежде всѣхъ маленькій Тушинъ съ закушенною на бокъ трубочкой; доброе, умное лицо его было нѣсколько блѣдно. За нимъ вышелъ владѣтель мужественнаго голоса, молодцоватый пѣхотный офицеръ, и побѣжалъ къ своей ротѣ, на бѣгу застегиваясь.

XVII.

Князь Андрей верхомъ остановился на батареѣ, глядя на дымъ орудія, изъ котораго вылетѣло ядро. Глаза его

разбрелались по обширному пространству. Онъ видѣлъ только, что прежде-неподвижныя массы французовъ заколыхались и что налѣво дѣйствительно была батарея. На ней еще не разошелся дымокъ. Французскіе два конные, вѣроятно адъютанта, проскакали по горѣ. Подъ гору, вѣроятно для усиленія цѣпи, двигалась явственно видѣвшаяся небольшая колонна непріятеля. Еще дымъ перваго выстрѣла не разсѣялся, какъ показался другой дымокъ и выстрѣлъ. Сраженіе началось. Князь Андрей повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ въ Грунтъ отыскивать князя Багратіона. Сзади себя онъ слышалъ, какъ канонада становилась чаще и громче. Видно наши начали отвѣчать. Внизу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжали парламентеры, послышались ружейные выстрѣлы.

Лемарруа съ грознымъ письмомъ Бонапарта только что прискакалъ къ Мюрату, и пристыженный Мюратъ, желая загладить свою ошибку, тотчасъ же двинулъ свои войска на центръ и въ обходъ обоихъ фланговъ, надѣясь, еще до вечера и до прибытія императора, раздавить ничтожный, стоявшій предъ нимъ, отрядъ.

„Началось! Вотъ оно!“ думалъ князь Андрей, чувствуя, какъ кровь чаще начинала приливать къ его сердцу. „Но гдѣ же? Какъ же выразится мой Тулонъ“? думалъ онъ.

Проѣзжая между тѣхъ же ротъ, которыя ѣли кашу и пили водку четверть часа тому назадъ, онъ вездѣ видѣлъ одни и тѣ же быстрыя движенія строившихся и разбиравшихъ ружья солдатъ, и на всѣхъ лицахъ узнавалъ онъ то чувство оживленія, которое было въ его сердцѣ. „Началось! Вотъ оно! Страшно и весело“! говорило лицо каждаго солдата и офицера.

Не доѣхавъ еще до строившагося укрѣпленія, онъ увидѣлъ, въ вечернемъ свѣтѣ пасмурнаго осенняго дня, подвигав-

шихся ему навстрѣчу верховыхъ. Передовой, въ буркѣ и картузѣ со смушками, ѣхалъ на бѣлой лошади. Это былъ князь Багратіонъ. Князь Андрей остановился, ожидая его. Князь Багратіонъ пріостановилъ свою лошадь, и, узнавъ князя Андрея, кивнулъ ему головой. Онъ продолжалъ смотрѣть впередъ, въ то время какъ князь Андрей говорилъ ему то, что онъ видѣлъ.

Выраженіе: „начинается! вотъ оно!“ было даже и на крѣпкомъ, каремъ лицѣ князя Багратіона, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто не выспавшимися глазами. Князь Андрей съ безпокойнымъ любопытствомъ вглядывался въ это неподвижное лицо и ему хотѣлось знать: думаетъ ли онъ, чувствуетъ, и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту. „Есть ли вообще что-нибудь тамъ, за этимъ неподвижнымъ лицомъ?“ спрашивалъ себя князь Андрей, глядя на него. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія на слова князя Андрея, и сказалъ: „хорошо“, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто все то, что происходило и что ему сообщали, было именно то, что онъ уже предвидѣлъ. Князь Андрей, запыхавшись отъ быстроты ѣзды, говорилъ быстро. Князь Багратіонъ произносилъ слова съ своимъ восточнымъ акцентомъ особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда. Онъ тронулъ однако рысью свою лошадь по направленію къ батареѣ Тушина. Князь Андрей вмѣстѣ съ свитой поѣхалъ за нимъ. За княземъ Багратіономъ ѣхали: свитскій офицеръ, личный адъютантъ князя, Жерковъ, ординарецъ, дежурный штабъ-офицеръ на энглизированной красивой лошади и статскій чиновникъ аудиторъ, который изъ любопытства попросился ѣхать въ сраженіе. Аудиторъ, полный мужчина, съ полнымъ лицомъ,

съ наивною улыбкой радости, оглядываясь вокругъ, трясясь на своей лошади, представляя странный видъ въ своей камлотовой шинели на фурштатскомъ сѣдлѣ среди гусаръ, казаковъ и адъютантовъ.

— Вотъ хочетъ сраженье посмотрѣть, сказалъ Жерковъ Болконскому, указывая на аудитора, — да подъ ложечкой уже заболѣло.

— Ну, полно вамъ, проговорилъ аудиторъ съ сіяющею, наивною и вмѣстѣ хитрою улыбкой, какъ будто ему лестно было, что онъ составляетъ предметъ шутокъ Жеркова и какъ будто онъ нарочно старался казаться глупѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

— Очень чудно, mon monsieur prince, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ. (Онъ помнилъ, что по французски какъ-то особенно говорится титулъ князь и никакъ не могъ наладить). Въ это время они всѣ уже подъѣзжали къ батареѣ Тушина, и впереди ихъ ударилось ядро.

— Что жъ это упало? наивно улыбаясь, спросилъ аудиторъ.

— Лепешки французскія, сказалъ Жерковъ.

— Этимъ-то бьютъ, значитъ? спросилъ аудиторъ. — Страсть-то какая! И онъ, казалось, распускался весь отъ удовольствія. Едва онъ договорилъ, какъ опять раздался неожиданно страшный свистъ, вдругъ прекратившійся ударомъ во что-то жидкое и ш-ш-ш-шлепъ — казакъ, ѣхавшій нѣсколько правѣе и сзади аудитора, съ лошадью рухнулся на землю. Жерковъ и дежурный штабъ-офицеръ пригнулись къ сѣдламъ и прочь поворотили лошадей. Аудиторъ остановился противъ казака, со внимательнымъ любопытствомъ разсматривая его. Казакъ былъ мертвъ, лошадь еще билась.

Князь Багратіонъ прищурившись оглянулся, и увидавъ

причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ будто говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! Онъ остановилъ лошадь, съ пріемомъ хорошаго ѣздока, нѣсколько перегнулся и выправилъ зацѣпившуюся за бурку шпагу. Шпага была старинная, не такая, какія носились теперь. Князь Андрей вспомнилъ разсказъ о томъ, какъ Суворовъ въ Италіи подарилъ свою шпагу Багратіону, и ему въ эту минуту особенно пріятно было это воспоминаніе. Они подъѣхали къ той самой батареѣ, у которой стоялъ Болконскій, когда разсматривалъ поле сраженія.

— Чья рота? спросилъ князь Багратіонъ у фейерверкера, стоявшаго у ящиковъ.

Онъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужъ не робѣете ли вы тутъ? И фейерверкеръ понялъ это.

— Капитана Тушина, ваше превосходительство, вытягиваясь закричалъ веселымъ голосомъ рыжій, съ покрытымъ веснушками, лицомъ фейерверкеръ.

— Такъ, такъ, проговорилъ Багратіонъ, что то соображая, и мимо передковъ проѣхалъ къ крайнему орудію. Въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, изъ орудія этого, оглушая его и свиту, зазвенѣлъ выстрѣлъ, и въ дыму вдругъ окружившемъ орудіе, видны были артиллеристы, подхватившіе пушку, и, торопливо напрягаясь, накатывавшіе ее на прежнее мѣсто. Широкоплечій, огромный солдатъ 1-й нумеръ съ банникомъ, широко разставивъ ноги, отскочилъ къ колесу, 2-й нумеръ трясущеюся рукой клалъ зарядъ въ дуло. Небольшой, сутуловатый человѣкъ, офицеръ Тушинъ, споткнувшись на хоботъ, выбѣжалъ впередъ, не замѣчая генерала и выглядывая изъ-подъ маленькой ручки.

— Еще двѣ линіи прибавь, какъ разъ такъ будетъ, — кричалъ онъ тоненькимъ голоскомъ, которому онъ старался придать молодцоватость, не шедшую къ его фигурѣ. — Второе! пропищалъ онъ. — Круши, Медвѣдевъ!

Багратіонъ окликнулъ офицера, и Тушинъ робкимъ и неловкимъ движеніемъ, совсѣмъ не такъ, какъ салютуютъ военные, а такъ, какъ благословляютъ священники, приложивъ три пальца къ козырьку, подошелъ къ генералу. Хотя орудія Тушина были назначены для того, чтобы обстрѣливать лощину, онъ стрѣлялъ брандскугелями по виднѣвшейся впереди деревнѣ Шенграбенъ, предъ которой выдвигались большія массы французовъ.

Никто не приказывалъ Тушину, куда и чѣмъ стрѣлять, и онъ, посовѣтовавшись съ своимъ фельдфебелемъ Захарченкомъ, къ которому имѣлъ большое уваженіе, рѣшилъ, что хорошо было бы зажечь деревню. „Хорошо“! сказалъ Багратіонъ на докладъ офицера, и сталъ оглядывать все открывавшееся предъ нимъ поле сраженія, какъ бы что-то соображая. Съ правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты, на которой стоялъ Кіевскій полкъ, въ лощинѣ рѣчки, слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей, и гораздо правѣе, за драгунами, свитскій офицеръ указывалъ князю на обходившую нашъ флангъ колонну французовъ. Налѣво горизонтъ ограничивался близкимъ лѣсомъ. Князь Багратіонъ приказалъ двумъ баталіонамъ изъ центра идти на подкрѣпленіе направо. Свитскій офицеръ осмѣлился замѣтить князю, что по уходѣ этихъ баталіоновъ орудія останутся безъ прикрытія. Князь Багратіонъ обернулся къ свитскому офицеру и тусклыми глазами посмотрѣлъ на него молча. Князю Андрею казалось, что замѣчаніе свит-

скаго офицера было справедливо, и что дѣйствительно сказать было нечего. Но въ это время прискакалъ адъютантъ отъ полковаго командира, бывшаго въ лощинѣ, съ извѣстіемъ, что огромныя массы французовъ шли низомъ, что полкъ разстроенъ и отступаетъ къ кіевскимъ гренадерамъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и одобренія. Шагомъ поѣхалъ онъ направо и послалъ адъютанта къ драгунамъ съ приказаніемъ атаковать французовъ. Но посланный туда адъютантъ пріѣхалъ черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что драгунскій полковой командиръ уже отступилъ за оврагъ, ибо противъ него былъ направленъ сильный огонь, и онъ понапрасну терялъ людей, и потому спѣшилъ стрѣлковъ въ лѣсъ.

— Хорошо! сказалъ Багратіонъ.

Въ то время, какъ онъ отъѣзжалъ отъ батареи, налѣво тоже послышались выстрѣлы въ лѣсу, и такъ какъ было слишкомъ далеко до лѣваго фланга, чтобъ успѣть самому пріѣхать во время, князь Багратіонъ послалъ туда Жеркова сказать старшему генералу, тому самому, который представлялъ полкъ Кутузову въ Браунау, чтобъ онъ отступилъ сколь можно поспѣшнѣе за оврагъ, потому что правый флангъ вѣроятно не въ силахъ будетъ долго удерживать непріятеля. Про Тушина же и баталіонъ, прикрывавшій его было забыто. Князь Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаніямъ, и къ удивленію замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось, хотя не по его приказанію, но согласно съ намѣ-

реніями. Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ, князь Андрей замѣчалъ, что, несмотря на эту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли предъ нимъ своею храбростію.

XVIII.

Князь Багратіонъ, выѣхавъ на самый высокій пунктъ нашего праваго фланга, сталъ спускаться внизу, гдѣ слышалась перекатная стрѣльба и ничего не видно было отъ пороховаго дыма. Чѣмъ ближе они спускались въ лощинѣ, тѣмъ менѣе имъ становилось видно, но тѣмъ чувствительнѣе становилась близость самаго настоящаго поля сраженія. Имъ стали встрѣчаться раненые. Одного, съ окровавленною головой, безъ шапки, тащили двое солдатъ подъ руки. Онъ хрипѣлъ и плевалъ. Пуля попала видно въ ротъ или въ горло. Другой, встрѣтившійся имъ, бодро шелъ одинъ, безъ ружья, громко охая и махая отъ свѣжей боли рукою, изъ которой кровь лилась какъ изъ стклянки на его шинель. Лицо его казалось больше испуганнымъ, чѣмъ страдающимъ. Онъ минуту тому назадъ былъ раненъ. Переѣхавъ дорогу, они стали круто спускаться и на спускѣ увидали нѣсколько человѣкъ, которые лежали; имъ встрѣтилась толпа солдатъ, въ числѣ которыхъ были и нераненые. Солдаты шли въ гору, тяжело дыша, и несмотря на видъ генерала, громко разговаривали и махали руками. Впереди, въ дыму, уже были видны ряды сѣрыхъ шинелей, и офицеръ, увидѣвъ Багратіона, съ крикомъ

побѣжали за солдатами, пѣшими толпой, требуя, чтобъ они воротились. Багратіонъ подъѣхалъ къ рядамъ, по которымъ то тамъ, то здѣсь быстро щелкали выстрѣлы, заглушая говоръ и командные крики. Весь воздухъ пропитанъ былъ пороховымъ дымомъ. Лица солдатъ всѣ были закопчены порохомъ и оживлены. Иные забивали шомполами, другіе подсыпали на полки, доставали заряды изъ сумокъ, третьи стрѣляли. Но въ кого они стрѣляли, этого не было видно отъ пороховаго дыма, не уносимаго вѣтромъ. Довольно часто слышались пріятные звуки жужжанья и свистѣнья. „Что это такое?" думалъ князь Андрей, подъѣзжая къ этой толпѣ солдатъ. „Это не можетъ быть цѣпь, потому что они въ кучѣ! Не можетъ быть атака, потому что они не двигаются, не можетъ быть каре: они не такъ стоятъ".

Худощавый, слабый на видъ старичекъ, полковой командиръ, съ пріятною улыбкой, съ вѣками, которыя больше чѣмъ на половину закрывали его старческіе глаза, придавая ему кроткій видъ, подъѣхалъ къ князю Багратіону и принялъ его, какъ хозяинъ дорогаго гостя. Онъ доложилъ князю Багратіону, что противъ его полка была конная атака французовъ; но что хотя атака эта отбита, полкъ потерялъ больше половины людей. Полковой командиръ сказалъ, что атака была отбита, придумавъ это военное названіе тому, что происходило въ его полку, но онъ дѣйствительно самъ не зналъ, что происходило въ эти полчаса во ввѣренныхъ ему войскахъ, и не могъ съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ его былъ разбитъ атакой. Въ началѣ дѣйствій, онъ зналъ только то, что по всему его полку стали летать ядра и гранаты и бить людей, что потомъ кто-то закричалъ: конница, и наши стали стрѣлять. И стрѣляли до сихъ поръ

уже не въ конницу, которая скрылась, а въ пѣшихъ французовъ, которые показались въ лощинѣ и стрѣляли по нашимъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Князя Андрея поразила въ эту минуту перемѣна, происшедшая въ лицѣ князя Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ, ни притворно-глубокомысленнаго вида: круглые, твердые ястребиные глаза восторженно и нѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя медленность и размѣренность.

Полковой командиръ обратился къ князю Багратіону, упрашивая его отъѣхать назадъ, такъ какъ здѣсь было слишкомъ опасно. „Помилуйте, ваше сіятельство, ради Бога!“ говорилъ онъ, за подтвержденіемъ взглядывая на свитскаго офицера, который отвертывался отъ него.

„Вотъ изволите видѣть!“ Онъ давалъ замѣтить пули, которыя безпрестанно визжали, пѣли и свистали около нихъ. Онъ говорилъ такимъ тономъ просьбы и упрека, съ какимъ плотникъ говоритъ взявшемуся за топоръ барину: „наше дѣло привычное, а вы ручки намозолите“. Онъ говорилъ такъ, какъ будто его самого не могли убить эти пули, и его полузакрытые глаза придавали его словамъ еще болѣе убѣдительное выраженіе. Штабъ-офицеръ присоединился къ увѣщаніямъ полковаго командира, но князь Багратіонъ не отвѣчалъ

имъ, и только приказалъ перестать стрѣлять и построиться такъ, чтобы дать мѣсто подходившимъ двумъ баталіонамъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, будто невидимою рукой потянулся справа налѣво отъ поднявшагося вѣтра пологъ дыма, скрывавшій лощину, и противоположная гора съ двигающимися по ней французами открылась предъ ними. Всѣ глаза были невольно устремлены на эту французскую колонну, подвигавшуюся къ нимъ и извивавшуюся по уступамъ мѣстности. Уже видны были мохнатыя шапки солдатъ, уже можно было отличить офицеровъ отъ рядовыхъ, видно было, какъ трепалось о древко ихъ знамя.

— Славно идутъ, сказалъ кто-то въ свитѣ Багратіона.

Голова колонны спустилась уже въ лощину. Столкновеніе должно было произойти на этой сторонѣ спуска...

Остатки нашего полка, бывшаго въ дѣлѣ, поспѣшно строясь, отходили вправо; изъ-за нихъ, разгоняя отставшихъ, подходили стройно два баталіона 6-го егерскаго. Они еще не поравнялись съ Багратіономъ, а уже слышенъ былъ тяжелый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу всею массой людей. Съ лѣваго фланга шелъ ближе всѣхъ къ Багратіону ротный командиръ, круглолицый статный мужчина, съ глупымъ, счастливымъ выраженіемъ лица, тотъ самый, который выбѣжалъ изъ балагана. Онъ видимо ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, кромѣ того, что онъ молодцомъ пройдетъ мимо начальства...

Съ фронтовымъ самодовольствомъ онъ шелъ легко на мускулистыхъ ногахъ, точно онъ плылъ, безъ малѣйшаго усилія вытягиваясь и отличаясь этою легкостью отъ тяжелаго шага солдатъ, шедшихъ по его шагу. Онъ несъ у ноги вынутую тоненькую узенькую шпагу (гнутую шпажку, не-

похожую на оружіе) и, оглядываясь то на начальство, то назадъ, не теряя шагу, гибко поворачивался всѣмъ своимъ сильнымъ станомъ. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы наилучшимъ образомъ пройти мимо начальства, и, чувствуя, что онъ исполняетъ это дѣло хорошо, онъ былъ счастливъ. „Лѣвой... лѣвой... лѣвой“, казалось, внутренно приговаривалъ онъ черезъ каждый шагъ; и по этому такту, съ разнообразно-строгими лицами двигалась стѣна солдатскихъ фигуръ, отягченныхъ ранцами и ружьями, какъ будто каждый изъ этихъ сотенъ солдатъ мысленно черезъ шагъ приговаривалъ: „лѣвой... лѣвой... лѣвой...“ Толстый маіоръ, пыхтя и разрознивая шагъ, обходилъ кустъ по дорогѣ; отставшій солдатъ, запыхавшись, съ испуганнымъ лицомъ за свою неисправность, рысью догонялъ роту; ядро, нажимая воздухъ, пролетѣло надъ головой князя Багратіона и свиты, и въ тактъ: „лѣвой — лѣвой!“ ударилось въ колонну. „Сомкнись!“ послышался щеголяющій голосъ ротнаго командира. Солдаты дугой обходили что-то въ томъ мѣстѣ, куда упало ядро; и старый кавалеръ — фланговый унтеръ-офицеръ, отставъ около убитыхъ, догналъ свой рядъ, подпригнувъ, перемѣнилъ ногу, попалъ въ шагъ и сердито оглянулся. „Лѣвой... лѣвой... лѣвой...“ казалось слышалось изъ-за угрожающаго молчанія и однообразнаго звука единовременно ударяющихъ о землю ногъ.

— Молодцами, ребята! сказалъ князь Багратіонъ.

„Ради ого-го-го-го-го!...“ раздалось по рядамъ. Угрюмый солдатъ, шедшій слѣва, крича оглянулся глазами на Багратіона съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: „сами знаемъ“; другой, не оглядываясь и какъ будто боясь развлечься, разинувъ ротъ, кричалъ и проходилъ.

Велѣно было остановиться и снять ранцы.

Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо его ряды и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ-подъ горы.

— Съ Богомъ! проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышнымъ голосомъ, на мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по неровному полю. Князь Андрей чувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастіе*).

Уже близко становились французы, уже князь Андрей, шедшій рядомъ съ Багратіономъ, ясно различалъ перевязи, красные эполеты, даже лица французовъ. (Онъ ясно видѣлъ одного стараго французскаго офицера, который, вывернутыми ногами, въ штиблетахъ, придерживаясь за кусты, съ трудомъ шелъ въ гору). Князь Багратіонъ не давалъ новаго приказанія, и все также молча шелъ предъ рядами. Вдругъ между французами трескнулъ одинъ выстрѣлъ, другой, третій... и по всѣмъ разстроившимся непріятельскимъ рядамъ разнесся дымъ и затрещала пальба. Нѣсколько человѣкъ нашихъ упало, въ томъ числѣ и круглолицый офицеръ, шедшій такъ весело и старательно. Но въ то же мгновеніе, какъ

---

*) Тутъ произошла та атака, про которую Тьеръ говоритъ: „Русскіе храбро вели себя и, что рѣдко случается на войнѣ, тутъ можно было видѣть, какъ два отряда пѣхоты рѣшительно шли другъ на друга и какъ ни одинъ изъ нихъ не уступилъ раньше столкновенія“. А Наполеонъ на островѣ Св. Елены сказалъ: „Нѣсколько русскихъ баталіоновъ выказали свою неустрашимость“.

раздался первый выстрѣлъ, Багратіонъ оглянулся и закричалъ: „Ура!“

„Ура-а-а-а!“ протяжнымъ крикомъ разнеслось по нашей линіи и, обгоняя князя Багратіона и другъ друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой, побѣжали наши подъ гору за разстроенными французами.

XVIV.

Атака 6-го егерскаго обезпечила отступленіе праваго фланга. Въ центрѣ, дѣйствіе забытой батареи Тушина, успѣвшаго зажечь Шенграбенъ, останавливало движеніе французовъ. Французы тушили пожаръ, разносимый вѣтромъ, и давали время отступать. Отступленіе центра черезъ оврагъ совершалось поспѣшно и шумно; однако войска, отступая, не путались командами. Но лѣвый флангъ, который единовременно былъ атакованъ и обходимъ превосходными силами французовъ подъ начальствомъ Ланна, и который состоялъ изъ Азовскаго и Подольскаго пѣхотныхъ и Павлоградскаго гусарскаго полковъ, былъ разстроенъ. Багратіонъ послалъ Жеркова къ генералу лѣваго фланга съ приказаніемъ немедленно отступать.

Жерковъ бойко, не отнимая руки отъ фуражки, тронулъ лошадь и поскакалъ. Но едва только онъ отъѣхалъ отъ Багратіона, какъ силы измѣнили ему. На него нашелъ непреодолимый страхъ, и онъ не могъ ѣхать туда, гдѣ было опасно.

Подъѣхавъ къ войскамъ лѣваго фланга, онъ поѣхалъ не впередъ, гдѣ была стрѣльба, а сталъ отыскивать генерала и начальниковъ тамъ, гдѣ ихъ не могло быть, и потому не передалъ приказанія.

Командованіе лѣвымъ флангомъ принадлежало по старшинству полковому командиру того самаго полка, который представлялся подъ Браунау Кутузову и въ которомъ служилъ солдатомъ Долоховъ. Командованіе же крайняго лѣваго фланга было предназначено командиру Павлоградскаго полка, гдѣ служилъ Ростовъ, вслѣдствіе чего произошло недоразумѣніе. Оба начальника были сильно раздражены другъ противъ друга, и въ то самое время, какъ на правомъ флангѣ давно уже шло дѣло и французы уже начали наступленіе, оба начальника были заняты переговорами, которые имѣли цѣлью оскорбить другъ друга. Полки же, какъ кавалерійскій, такъ и пѣхотный, были весьма мало приготовлены къ предстоящему дѣлу. Люди полковъ, отъ солдата до генерала, не ждали сраженія и спокойно занимались мирными дѣлами, кормленіемъ лошадей въ конницѣ, собираніемъ дровъ въ пѣхотѣ.

— Есть онъ однако старше моего въ чинѣ, говорилъ нѣмецъ, гусарскій полковникъ, краснѣя и обращаясь къ подъѣхавшему адъютанту, — то оставляй его дѣлать, какъ онъ хочетъ. Я своихъ гусаръ не могу жертвовать. Трубачъ! Играй отступленіе!

Но дѣло становилось къ спѣху. Канонада и стрѣльба, сливаясь, гремѣли справа и въ центрѣ, и французскіе капоты стрѣлковъ Ланна проходили уже плотину мельницы и выстраивались на этой сторонѣ въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ. Пѣхотный полковникъ вздрагивающею походкой подошелъ къ лошади и, влѣзши на нее и сдѣлавшись очень прямымъ и высокимъ, поѣхалъ къ Павлоградскому командиру. Полковые командиры съѣхались съ учтивыми поклонами и со скрываемою злобой въ сердцѣ...

— Опять-таки, полковникъ, говорилъ генералъ, — не могу я однако оставить половину людей въ лѣсу. Я васъ *прошу*, я васъ *прошу*, повторилъ онъ, — занять *позицію* и приготовиться къ атакѣ.

— А васъ прошу не мѣшивайтъся не свое дѣло, отвѣчалъ горячась полковникъ. — Коли бы вы былъ кавалеристъ...

— Я не кавалеристъ, полковникъ, но я русскій генералъ, и ежели вамъ это неизвѣстно...

— Очень извѣстно, ваше превосходительство, вдругъ вскрикнулъ, трогая лошадь, полковникъ, и дѣлаясь красно-багровымъ. Не угодно ли пожаловать въ цѣпи, и вы будете посмотрѣйтъ, что этотъ позиція никуда негодный. Я не хочу истребляйтъ своя полка для ваше удовольствій.

— Вы забываетесь, полковникъ. Я не удовольствіе свое соблюдаю и говорить этого не позволю.

Генералъ, принимая приглашеніе полковника на турниръ храбрости, выпрямивъ грудь и нахмурившись, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ по направленію къ цѣпи, какъ будто все ихъ разногласіе должно было рѣшиться тамъ, въ цѣпи, подъ пулями. Они пріѣхали въ цѣпь, нѣсколько пуль пролетѣло надъ ними, и они молча остановились. Смотрѣть въ цѣпи нечего было, такъ какъ и съ того мѣста, на которомъ они прежде стояли, ясно было, что по кустамъ и оврагамъ кавалеріи дѣйствовать невозможно, и что французы обходятъ лѣвое крыло. Генералъ и полковникъ строго и значительно смотрѣли, какъ два пѣтуха, готовящіеся къ бою, другъ на друга, напрасно выжидая признаковъ трусости. Оба выдержали экзаменъ. Такъ какъ говорить было нечего, и ни тому, ни другому не хотѣлось подать поводъ другому сказать, что онъ первый выѣхалъ изъ-подъ пуль, они долго простояли бы тамъ,

взаимно испытывая храбрость, ежели бы въ это время, въ лѣсу, почти сзади ихъ, не послышались трескотня ружей и глухой сливающійся крикъ. Французы напали на солдатъ, находившихся въ лѣсу съ дровами. Гусарамъ уже нельзя было отступать вмѣстѣ съ пѣхотой. Они были отрѣзаны отъ пути отступленія налѣво французской цѣпью. Теперь, какъ ни неудобна была мѣстность, необходимо было атаковать, чтобы проложить себѣ дорогу.

Эскадронъ, гдѣ служилъ Ростовъ, только что успѣвшій сѣсть на лошадей, былъ остановленъ лицомъ къ непріятелю. Опять, какъ и на Энскомъ мосту, между эскадрономъ и непріятелемъ никого не было, и между ними, раздѣляя ихъ, лежала та же страшная черта неизвѣстности и страха, какъ бы черта, отдѣляющая живыхъ отъ мертвыхъ. Всѣ люди чувствовали эту черту, и вопросъ о томъ, перейдутъ ли или нѣтъ и какъ перейдутъ они эту черту, волновалъ ихъ.

Къ фронту подъѣхалъ полковникъ, сердито отвѣтилъ что-то на вопросы офицеровъ и, какъ человѣкъ, отчаянно настаивающій на своемъ, отдалъ какое-то приказаніе. Никто ничего опредѣленнаго не говорилъ, но по эскадрону пронеслась молва объ атакѣ. Раздалась команда построенія, потомъ визгнули сабли, вынутыя изъ ноженъ. Но все еще никто не двигался. Войска лѣваго фланга, и пѣхота и гусары, чувствовали, что начальство само не знаетъ что̀ дѣлать, и нерѣшимость начальниковъ сообщалась войскамъ.

„Поскорѣе, поскорѣе бы“, думалъ Ростовъ, чувствуя, что наконецъ-то наступило время извѣдать наслажденіе атаки, про которое онъ такъ много слышалъ отъ товарищей-гусаровъ.

— Съ Богомъ, ребята, прозвучалъ голосъ Денисова, — рысью, маршъ!

Въ переднемъ ряду заколыхались крупы лошадей. Грачикъ потянулъ поводья и самъ тронулся.

Справа Ростовъ видѣлъ первые ряды своихъ гусаръ, а еще дальше впереди виднѣлась ему темная полоса, которую онъ не могъ разсмотрѣть, но считалъ непріятелемъ. Выстрѣлы были слышны, но въ отдаленіи.

— Прибавь рыси! послышалась команда, и Ростовъ чувствовалъ, какъ поддаетъ задомъ, перебивая въ галопъ, его Грачикъ. Онъ впередъ угадывалъ его движенія, и ему становилось все веселѣе и веселѣе. Онъ замѣтилъ одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на серединѣ той черты, которая казалась столь страшною. А вотъ и перешли эту черту, и не только ничего страшнаго не было, но все веселѣе и оживленнѣе становилось. „Охъ, какъ я рубану его“, думалъ Ростовъ, сжимая въ рукѣ эфесъ сабли.

— Ур-р-а-а а!! загудѣли голоса.

„Ну попадись теперь кто бы ни былъ“, думалъ Ростовъ, вдавливая шпоры Грачику, и перегоняя другихъ, выпустилъ его во весь карьеръ. Впереди уже видѣнъ былъ непріятель. Вдругъ какъ широкимъ вѣникомъ стегнуло что-то по эскадрону. Ростовъ поднялъ саблю, готовясь рубить, но въ это время впереди скакавшій солдатъ Никитенко отдѣлился отъ него, и Ростовъ почувствовалъ, какъ во снѣ, что продолжаетъ нестись съ неестественною быстротой впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остается на мѣстѣ. Сзади знакомый гусаръ Бандарчукъ наскакалъ на него и сердито посмотрѣлъ. Лошадь Бандарчука шарахнулась, и онъ обскакалъ мимо.

„Что же это? я не подвигаюсь? Я упалъ, я убитъ...“ въ одно мгновеніе спросилъ и отвѣтилъ Ростовъ. Онъ былъ уже одинъ посреди поля. Вмѣсто двигавшихся лошадей и гусарскихъ

свинъ, онъ видѣлъ вокругъ себя неподвижную землю и жнивье. Теплая кровь была подъ нимъ. „Нѣтъ, я раненъ, и лошадь убита“. Грачикъ поднялся было на переднія ноги, но упалъ, придавивъ сѣдоку ногу. Изъ головы лошади текла кровь. Лошадь билась и не могла встать. Ростовъ хотѣлъ подняться и упалъ тоже: ташка зацѣпилась за сѣдло. Гдѣ были наши гдѣ были французы; онъ не зналъ. Никого не было кругомъ.

Высвободивъ ногу, онъ поднялся. „Гдѣ, съ какой стороны была теперь та черта, которая такъ рѣзко отдѣляла два войска?“ спрашивалъ онъ себя и не могъ отвѣтить. „Ужъ не дурное ли что-нибудь случилось со мной? Бываютъ ли такіе случаи, и что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ?“ спросилъ онъ самъ себя, вставая; и въ это время почувствовалъ, что что-то лишнее виситъ на его лѣвой онѣмѣвшей рукѣ. Кисть ея была какъ чужая. Онъ оглядывалъ руку, тщетно отыскивая на ней кровь. „Ну, вотъ и люди“, подумалъ онъ радостно, увидавъ нѣсколько человѣкъ бѣжавшихъ къ нему. „Они мнѣ помогутъ!“ Впереди этихъ людей бѣжалъ одинъ, въ странномъ киверѣ и въ синей шинели, черный, загорѣлый, съ горбатымъ носомъ. Еще два и еще много бѣжало сзади. Одинъ изъ нихъ проговорилъ что-то странное, нерусское. Между задними такими же людьми, въ такихъ же киверахъ, стоялъ одинъ русскій гусаръ. Его держали за руки; позади его, держали его лошадь.

„Вѣрно нашъ плѣнный... Да. Неужели и меня возьмутъ? Что это за люди?“ все думалъ Ростовъ, не вѣря своимъ глазамъ. „Неужели французы?“ Онъ смотрѣлъ на приближавшихся французовъ и, несмотря на то, что за секунду скакалъ только затѣмъ, чтобы настигнуть этихъ французовъ и изрубить ихъ, близость ихъ казалась ему теперь такъ ужасна,

что онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. „Кто они? Зачѣмъ они бѣгутъ? Неужели ко мнѣ? Неужели ко мнѣ они бѣгутъ? И зачѣмъ? Убить меня? *Меня*, кого такъ любятъ всѣ?“ Ему вспомнилась любовь къ нему его матери, семьи, друзей, и намѣреніе непріятелей убить его показалось невозможно. „А можетъ и убить!“ Онъ болѣе десяти секундъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста и не понимая своего положенія. Передній французъ съ горбатымъ носомъ подбѣжалъ такъ близко, что уже видно было выраженіе его лица. И разгоряченная, чуждая физіономія этого человѣка, который со штыкомъ на перевѣсъ, сдерживая дыханье, легко подбѣгалъ къ нему, испугала Ростова. Онъ схватилъ пистолетъ и, вмѣсто того, чтобы стрѣлять изъ него, бросилъ имъ въ француза, и побѣжалъ къ кустамъ, что было силы. Не съ тѣмъ чувствомъ сомнѣнія и борьбы, съ какимъ онъ ходилъ на Энскій мостъ, бѣжалъ онъ, а съ чувствомъ зайца, убѣгающаго отъ собакъ. Одно нераздѣльное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владѣло всѣмъ его существомъ. Быстро перепрыгивая черезъ межи, съ тою стремительностью, съ которою онъ бѣгалъ играя въ горѣлки, онъ летѣлъ по полю, изрѣдка оборачивая свое блѣдное, доброе, молодое лицо, и холодъ ужаса пробѣгалъ по его спинѣ. „Нѣтъ, лучше не смотрѣть“, подумалъ онъ, но, подбѣжавъ къ кустамъ, оглянулся еще разъ. Французы отстали, и даже въ ту минуту, какъ онъ оглянулся, передній только что перемѣнилъ рысь на шагъ и, обернувшись, что-то сильно кричалъ заднему товарищу. Ростовъ остановился. „Что-нибудь не такъ“, подумалъ онъ, „не можетъ быть, чтобъ они хотѣли убить меня“. А между тѣмъ лѣвая рука его была такъ тяжела, какъ будто двухпудовая гиря была привѣшена къ ней. Онъ не могъ бѣжать дальше.

Французъ остановился тоже и прицѣлился. Ростовъ зажмурился и нагнулся. Одна, другая пуля пролетѣла жужжа мимо него. Онъ собралъ послѣднія силы, взялъ лѣвую руку въ правую и побѣжалъ до кустовъ. Въ кустахъ были русскіе стрѣлки.

XX.

Пѣхотные полки, застигнутые врасплохъ въ лѣсу, выбѣгали изъ лѣса, и роты, смѣшиваясь съ другими ротами, уходили безпорядочными толпами. Одинъ солдатъ въ испугѣ проговорилъ страшное на войнѣ и безсмысленное слово: „отрѣзали!“ и слово, вмѣстѣ съ чувствомъ страха, сообщилось всей массѣ.

— Обошли! Отрѣзали! Пропали! кричали голоса бѣгущихъ.

Полковой командиръ, въ ту самую минуту, какъ онъ услыхалъ стрѣльбу и крикъ сзади, понялъ, что случилось что-нибудь ужасное съ его полкомъ, и мысль, что онъ, примѣрный, много лѣтъ служившій, ни въ чемъ невиноватый офицеръ, могъ быть виновенъ предъ начальствомъ въ оплошности или нераспорядительности, такъ поразила его, что въ ту же минуту, забывъ и непокорнаго кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное — совершенно забывъ про опасность и чувство самосохраненія, онъ, ухватившись за луку сѣдла и шпоря лошадь, поскакалъ къ полку подъ градомъ обсыпавшихъ, но счастливо миновавшихъ его пуль. Онъ желалъ одного: узнать въ чемъ дѣло и помочь, и исправить во что бы то ни стало ошибку, ежели она была съ его стороны, и не быть виновнымъ ему, двадцать два года служившему, ни въ чемъ незамѣченному, примѣрному офицеру.

Счастливо проскакавъ между французами, онъ подскакалъ къ полю за лѣсомъ, черезъ который бѣжали наши и, не слу-

шаясь команды, спускались подъ гору. Наступила та минута нравственнаго колебанія, которая рѣшаетъ участь сраженій: послушаютъ эти разстроенныя толпы солдатъ голоса своего командира, или оглянувшись на него, побѣгутъ дальше. Несмотря на отчаянный крикъ прежде столь грознаго для солдатъ полковаго командира, несмотря на разъяренное багровое, на себя не похожее лицо полковаго командира и маханье шпагой, солдаты все бѣжали, разговаривали, стрѣляя въ воздухъ и не слушали команды. Нравственное колебаніе, рѣшающее участь сраженій, очевидно разрѣшалось въ пользу страха.

Генералъ закашлялся отъ крика и пороховаго дыма, и остановился въ отчаяніи. Все казалось потеряно; но въ эту минуту французы, наступавшіе на нашихъ, вдругъ, безъ видимой причины, побѣжали назадъ, скрылись изъ опушки лѣса, и въ лѣсу показались русскіе стрѣлки. Это была рота Тимохина, которая одна въ лѣсу удержалась въ порядкѣ и, засѣвъ въ канаву у лѣса, неожиданно атаковала французовъ. Тимохинъ съ такимъ отчаяннымъ крикомъ бросился на французовъ и съ такою безумною и пьяною рѣшительностью, съ одною шпажкой, набѣжалъ на непріятеля, что французы, не успѣвъ опомниться, побросали оружіе и побѣжали. Долоховъ, бѣжавшій рядомъ съ Тимохинымъ, въ упоръ убилъ одного француза и первый взялъ за воротникъ сдавшагося офицера. Бѣгущіе возвратились, баталіоны собрались, и французы, раздѣлившіе было на двѣ части войска лѣваго фланга, на мгновеніе были оттѣснены. Резервныя части успѣли соединиться, и бѣглецы остановились. Полковой командиръ стоялъ съ маіоромъ Экономовымъ у моста, пропуская мимо себя отступающія роты, когда къ нему подошелъ солдатъ, взялъ его за стремя и почти прислонился къ нему. На сол-

латѣ была синеватая, фабричнаго сукна шинель, ранца и кивера не было, голова была повязана, и черезъ плечо была надѣта французская зарядная сумка. Онъ въ рукахъ держалъ офицерскую шпагу. Солдатъ былъ блѣденъ, голубые глаза его нагло смотрѣли въ лицо полковому командиру, а ротъ улыбался. Несмотря на то, что полковой командиръ былъ занятъ отданіемъ приказанія маіору Экономову, онъ не могъ не обратить вниманія на этого солдата.

— Ваше превосходительство, вотъ два трофея, сказалъ Долоховъ, указывая на французскую шпагу и сумку. — Мною взятъ въ плѣнъ офицеръ. Я остановилъ роту. Долоховъ тяжело дышалъ отъ усталости; онъ говорилъ съ остановками, — Вся рота можетъ свидѣтельствовать. Прошу запомнить, ваше превосходительство!

— Хорошо, хорошо, сказалъ полковой командиръ, и обратился къ маіору Экономову. Но Долоховъ не отошелъ; онъ развязалъ платокъ, дернулъ его и показалъ запекшуюся въ волосахъ кровь.

— Рана штыкомъ, я остался во фронтѣ. Попомните, ваше превосходительство.

Про батарею Тушина было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая слышать канонаду въ центрѣ, князь Багратіонъ послалъ туда дежурнаго штабъ-офицера и потомъ князя Андрея, чтобы велѣть батареѣ отступать, какъ можно скорѣе. Прикрытіе, стоявшее подлѣ пушекъ Тушина, ушло, по чьему-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ, никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Напротивъ по

энергичному дѣйствію этой батареи, онъ предполагалъ, что здѣсь въ центрѣ сосредоточены главныя силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ, и оба раза былъ прогоняемъ картечными выстрѣлами, одиноко стоявшихъ на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отъѣзда князя Багратіона, Тушину удалось зажечь Шенграбенъ.

— Вишь, засумятились! Горитъ! Вишь дымъ-то! Ловко! Важно! Дымъ-то, дымъ-то! заговорила прислуга, оживляясь.

Всѣ орудія безъ приказанія били въ направленіи пожара. Какъ будто подгоняя, подкрикивали солдаты къ каждому выстрѣлу: „Ловко! Вотъ такъ такъ! Ишь ты... Важно!“ Пожаръ, разносимый вѣтромъ, быстро распространялся. Французскія колонны, выступившія за деревню, ушли назадъ, но какъ бы въ наказаніе за эту неудачу, непріятель выставилъ правѣе деревни десять орудій и сталъ бить изъ нихъ по Тушину.

Изъ-за дѣтской радости, возбужденной пожаромъ, и азарта удачной стрѣльбы по французамъ, наши артиллеристы замѣтили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслѣдъ за ними еще четыре ударили между орудіями и одно повалило двухъ лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживленіе, разъ установившееся, однако не ослабѣло, а только перемѣнило настроеніе. Лошади были замѣнены другими изъ запаснаго лафета, раненые убраны, и четыре орудія повернуты противъ десяти-пушечной батареи. Офицеръ, товарищъ Тушина, былъ убитъ въ началѣ дѣла, и въ продолженіи часа изъ сорока человѣкъ прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все такъ же были веселы и оживлены. Два раза они замѣчали, что внизу, близко отъ

нихъ, показывалось французамъ, и тогда они били по нихъ картечью.

Маленькій человѣкъ, съ слабыми, неловкими движеніями, требовалъ себѣ безпрестанно у денщика *еще трубочку за это*, какъ онъ говорилъ, и разсыпая изъ нея огонь, выбѣгалъ впередъ, и изъ-подъ маленькой ручки смотрѣлъ на французовъ.

— Круши, ребята! приговаривалъ онъ и самъ подхватывалъ орудія за колеса и вывинчивалъ винты. Въ дыму, оглушаемый безпрерывными выстрѣлами, заставлявшими его каждый разъ вздрагивать, Тушинъ, не выпуская своей носогрѣйки, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, то прицѣливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь перемѣной и перепряжкой убитыхъ и раненыхъ лошадей, и покрикивалъ своимъ слабымъ, тоненькимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Лицо его все болѣе и болѣе оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, онъ морщился и, отворачиваясь отъ убитаго, сердито кричалъ на людей, какъ всегда мѣшкавшихъ поднять раненаго или тѣло. Солдаты, большею частью красивые молодцы (какъ и всегда въ батарейной ротѣ на двѣ головы выше своего офицера и вдвое шире его), всѣ, какъ дѣти въ затруднительномъ положеніи, смотрѣли на своего командира, и то выраженіе, которое было на его лицѣ, неизмѣнно отражалось на ихъ лицахъ.

Вслѣдствіе этого страшнаго гула, шума, потребности вниманія и дѣятельности, Тушинъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго чувства страха; и мысль, что его могутъ убить или больно ранить, не приходила ему въ голову. Напротивъ, ему становилось все веселѣе и веселѣе. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда онъ увидѣлъ непріятеля и сдѣлалъ первый

выстрѣлъ, и что клочокъ поля, на которомъ онъ стоялъ, былъ ему давно знакомымъ, родственнымъ мѣстомъ. Несмотря на то, что онъ все помнилъ, все соображалъ, все дѣлалъ, что̀ могъ дѣлать самый лучшій офицеръ въ его положеніи, онъ находился въ состояніи, похожемъ на лихорадочный бредъ или на состояніе пьянаго человѣка.

Изъ-за оглушающихъ со всѣхъ сторонъ звуковъ своихъ орудій, изъ-за свиста и ударовъ снарядовъ непріятеля, изъ-за вида вспотѣвшей, раскраснѣвшейся, торопящейся около орудій прислуги, изъ-за вида крови людей и лошадей, изъ-за вида дымковъ непріятеля на той сторонѣ (послѣ которыхъ всякій разъ прилетало ядро и било въ землю, въ человѣка, въ орудіе или въ лошадь), изъ-за вида этихъ предметовъ у него въ головѣ установился свой фантастическій міръ, который составлялъ его наслажденіе въ эту минуту. Непріятельскія пушки въ его воображеніи были не пушки, а трубки, изъ которыхъ рѣдкими клубами выпускалъ дымъ невидимый курильщикъ.

— Вишь пыхнулъ опять, проговорилъ Тушинъ шопотомъ про себя, въ то время какъ съ горы выскакивалъ клубъ дыма и влѣво полосой относился вѣтромъ, — теперь мячикъ жди — отсылать назадъ.

— Что̀ прикажете, ваше благородіе? спросилъ фейерверкеръ, близко стоявшій около него и слышавшій, что онъ бормоталъ что-то.

— Ничего, гранату... отвѣчалъ онъ.

„Ну-ка, наша Матвѣвна“, говорилъ онъ про себя. Матвѣвной представлялась въ его воображеніи большая, крайняя, стариннаго литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своихъ орудій. Красавецъ и пьяница,

первый нумеръ втораго орудія, въ его мірѣ былъ *дядя*; Тушинъ чаще другихъ смотрѣлъ на него и радовался на каждое его движеніе. Звукъ то замиравшій, то опять усиливавшейся ружейной перестрѣлки подъ горою представлялся ему чьимъ-то дыханіемъ. Онъ прислушивался къ затиханью и разгоранью этихъ звуковъ.

„Ишь задышала опять, задышала", говорилъ онъ про себя. Самъ онъ представлялся себѣ огромнаго роста, мощнымъ мужчиной, который обѣими руками швыряетъ французамъ ядра.

„Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай!" говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надъ его головой раздался чуждый, незнакомый голосъ. — „Капитанъ Тушинъ! Капитанъ"!

Тушинъ испуганно оглянулся. Это былъ тотъ штабъ-офицеръ, который выгналъ его изъ Грунта. Онъ запыхавшимся голосомъ кричалъ ему:

— Что̀ вы, съ ума сошли? Вамъ два раза приказано отступать, а вы...

„Ну за что̀ они меня?..." думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего... проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку. — Я...

Но полковникъ не договорилъ всего, что̀ хотѣлъ. Близко пролетѣвшее ядро заставило его, нырнувъ, согнуться на лошади. Онъ замолкъ, и только что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! прокричалъ онъ издалека. Солдаты засмѣялись. Черезъ минуту пріѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаніемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, выѣзжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь съ перебитою ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ея, какъ изъ ключа, лилась кровь. Между передками лежало нѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетало надъ нимъ въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ нервическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, снова подняла его. „Я не могу бояться“, подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передалъ приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшилъ, что при себѣ сниметъ орудія съ позиціи и отведетъ ихъ. Вмѣстѣ съ Тушинымъ, шагая черезъ тѣла и подъ страшнымъ огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то пріѣзжало сейчасъ начальство, такъ скорѣе драло, сказалъ фейерверкеръ князю Андрею, — не такъ, какъ ваше благородіе.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушинымъ. Они оба были такъ заняты, что казалось, и не видали другъ друга. Когда, надѣвъ уцѣлѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подъѣхалъ къ Тушину.

— Ну, до свиданія, сказалъ князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданія, голубчикъ, сказалъ Тушинъ, — милая душа! прощайте, голубчикъ, сказалъ Тушинъ со слезами, которыя неизвѣстно почему вдругъ выступили ему на глаза.

XXI.

Вѣтеръ стихъ, черныя тучи низко нависли надъ мѣстомъ сраженія, сливаясь на горизонтѣ съ пороховымъ дымомъ. Становилось темно, и тѣмъ яснѣе обозначалось въ двухъ мѣстахъ зарево пожаровъ. Канонада стала слабѣе, но трескотня ружей сзади и справа слышалась еще чаще и ближе. Какъ только Тушинъ съ своими орудіями, объѣзжая и наѣзжая на раненыхъ, вышелъ изъ-подъ огня и спустился въ оврагъ, его встрѣтило начальство и адъютанты, въ числѣ которыхъ были и штабъ-офицеръ, и Жерковъ, два раза посланный и ни разу не доѣхавшій до батареи Тушина. Всѣ они, перебивая одинъ другаго, отдавали и передавали приказанія, какъ и куда идти, и дѣлали ему упреки и замѣчанія. Тушинъ ничѣмъ не распоряжался, и молча, боясь говорить, потому что при каждомъ словѣ онъ готовъ былъ самъ не зная отчего, заплакать, ѣхалъ сзади на своей артиллерійской клячѣ. Хотя раненыхъ велѣно было бросать, много изъ нихъ тащилось за войсками и просилось на орудія. Тотъ самый молодцоватый пѣхотный офицеръ, который предъ сраженіемъ выскочилъ изъ шалаша Тушина, былъ, съ пулей въ животѣ, положенъ на лафетъ Матвѣвны. Подъ горой, блѣдный гусарскій юнкеръ, одною рукой поддерживая другую, подошелъ къ Тушину и попросился сѣсть.

— Капитанъ, ради Бога, я контуженъ въ руку, сказалъ онъ робко. — Ради Бога, я не могу итти. Ради Бога! Видно было, что юнкеръ этотъ уже не разъ просился гдѣ-нибудь сѣсть и вездѣ получалъ отказы. Онъ просилъ нерѣшительнымъ и жалкимъ голосомъ. — Прикажите посадить, ради Бога.

— Посадите, посадите, сказалъ Тушинъ. — Подложи шинель, ты, дядя, обратился онъ къ своему любимому солдату. — А гдѣ офицеръ раненый?

— Сложили, кончился, отвѣтилъ кто-то.

— Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Антоновъ.

Юнкеръ былъ Ростовъ. Онъ держалъ одною рукой другую, былъ блѣденъ, и нижняя челюсть тряслась отъ лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвѣвну, на то самое орудіе, съ котораго сложили мертваго офицера. На подложенной шинели была кровь, въ которой запачкались рейтузы и руки Ростова.

— Что, вы ранены, голубчикъ? сказалъ Тушинъ, проходя къ орудію, на которомъ сидѣлъ Ростовъ.

— Нѣтъ, контуженъ.

— Отчего же кровь-то на станинѣ? спросилъ Тушинъ.

— Это офицеръ, ваше благородіе, окровянилъ, отвѣчалъ солдатъ артиллеристъ, обтирая кровь рукавомъ шинели и какъ будто извиняясь за нечистоту, въ которой находилось орудіе.

Насилу съ помощью пѣхоты вывезли орудія въ гору, и, достигши деревни Гунтерсдорфъ, остановились. Стало уже такъ темно, что въ десяти шагахъ нельзя было различить мундировъ солдатъ, и перестрѣлка стала стихать. Вдругъ, близко съ правой стороны, послышались опять крики и пальба. Отъ выстрѣловъ уже блестѣло въ темнотѣ. Это была послѣдняя атака французовъ, на которую отвѣчали солдаты, засѣвшіе въ дома деревни. Опять все бросилось изъ деревни, но орудія Тушина не могли двинуться, и артиллеристы, Тушинъ и юнкеръ молча переглядывались, ожидая своей

участи. Перестрѣлка стала стихать, и изъ боковой улицы высыпали оживленные говоромъ солдаты.

— Цѣлъ, Петровъ? спрашивалъ одинъ.

— Задали, братъ, жару. Теперь не сунутся, говорилъ другой.

— Ничего не видать. Какъ они въ своихъ-то зажарили! Не видать, темь, братцы. Нѣтъ ли напиться?

Французы послѣдній разъ были отбиты. И опять, въ совершенномъ мракѣ, орудія Тушина, какъ рамой окруженныя гудѣвшею пѣхотой, двинулись куда-то впередъ.

Въ темнотѣ какъ будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя шопотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ гулѣ изъ-за всѣхъ другихъ звуковъ яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собой весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи, это было одно и то же. Чрезъ нѣсколько времени въ движущейся толпѣ произошло волненіе. Кто-то проѣхалъ со свитой на бѣлой лошади, и что-то сказалъ проѣзжая.

— Что сказалъ? Куда теперь? Стоять что-ль? Благодарилъ что ли? послышались жадные разспросы со всѣхъ сторонъ, и вся движущаяся масса стала напирать сама на себя (видно передніе остановились), и пронесся слухъ, что велѣно остановиться. Всѣ остановились, какъ шли, на серединѣ грязной дороги.

Засвѣтились огни, и слышнѣе сталъ говоръ. Капитанъ Тушинъ, распорядившись по ротѣ, послалъ одного изъ солдатъ отыскивать перевязочный пунктъ или лѣкаря для юнкера, и сѣлъ у огня, разложеннаго на дорогѣ солдатами.

Ростовъ перетащился тоже къ огню. Лихорадочная дрожь отъ боли, холода и сырости трясла все его тѣло. Сонъ непреодолимо клонилъ его, но онъ не могъ заснуть отъ мучительной боли въ нывшей и не находившей положенія рукѣ. Онъ то закрывалъ глаза, то взглядывалъ на огонь, казавшійся ему горячо-краснымъ, то на сутуловатую, слабую фигуру Тушина, по-турецки сидѣвшаго подлѣ него. Большіе, добрые и умные глаза Тушина, съ сочувствіемъ и состраданіемъ, устремлялись на него. Онъ видѣлъ, что Тушинъ всею душой хотѣлъ и ничѣмъ не могъ помочь ему.

Со всѣхъ сторонъ слышны были шаги и говоръ проходившихъ, проѣзжавшихъ и кругомъ размѣщавшейся пѣхоты. Звуки голосовъ, шаговъ и переставляемыхъ въ грязи лошадиныхъ копытъ, ближній и дальній трескъ дровъ сливались въ одинъ колеблющійся гулъ.

Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море. Ростовъ безсмысленно смотрѣлъ и слушалъ, что̀ происходило предъ нимъ и вокругъ него. Пѣхотный солдатъ подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки, всунулъ руки въ огонь и отвернулъ лицо.

— Ничего, ваше благородіе? сказалъ онъ, вопросительно обращаясь къ Тушину.— Вотъ отбился отъ роты, ваше благородіе; самъ не знаю, гдѣ. Бѣда!

Вмѣстѣ съ солдатомъ подошелъ къ костру пѣхотный офицеръ съ подвязанною щекой, и обращаясь къ Тушину, просилъ приказать подвинуть крошечку орудія, чтобы провести повозку. За ротнымъ командиромъ набѣжали на костеръ два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдергивая другъ у друга какой-то сапогъ.

— Каковъ же, ты подлецъ! Ишь ловокъ! кричалъ одинъ хриплымъ голосомъ.

Потомъ подошелъ худой, блѣдный солдатъ съ шеей, обвязанной окровавленною подверткой, и сердитымъ голосомъ требовалъ воды у артиллеристовъ.

— Чтò жъ, умирать чтò ли, какъ собакѣ? говорилъ онъ.

Тушинъ велѣлъ дать ему воды. Потомъ подбѣжалъ веселый солдатъ, прося огоньку въ пѣхоту.

— Огоньку горяченькаго въ пѣхоту! Счастливо оставаться землячки, благодаримъ за огонекъ, мы назадъ съ процентой отдадимъ, говорилъ онъ, унося куда-то въ темноту краснѣющуюся головешку.

За этимъ солдатомъ четыре солдата, неся чтò-то тяжелое на шинели, прошли мимо костра. Одинъ изъ нихъ споткнулся.

— Ишь, черти, на дорогѣ дрова положили, проворчалъ одинъ.

— Кончился, чтò жъ его носить? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, васъ! И они скрылись во мракѣ съ своею ношей.

— Чтò? болитъ? спросилъ Тушинъ шопотомъ у Ростова.

— Болитъ.

— Ваше благородіе, къ генералу. Здѣсь въ избѣ стоятъ, сказалъ фейерверкеръ, подходя къ Тушину.

— Сейчасъ, голубчикъ. Тушинъ всталъ и, застегивая шинель и оправляясь, отошелъ отъ костра.

Недалеко отъ костра артиллеристовъ, въ приготовленной для него избѣ, сидѣлъ князь Багратіонъ за обѣдомъ, разговаривая съ нѣкоторыми начальниками частей, собравшимися у него. Тутъ былъ старичекъ съ полузакрытыми глазами, жадно обгладывавшій баранью кость, и двадцати-двухлѣтній

безупречный генералъ, раскраснѣвшійся отъ рюмки водки и обѣда, и штабъ-офицеръ съ именнымъ перстнемъ, и Жерковъ, безпокойно оглядывавшій всѣхъ, и князь Андрей, блѣдный съ поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

Въ избѣ стояло прислоненное въ углу взятое французское знамя, и аудиторъ съ наивнымъ лицомъ щупалъ ткань знамени, и, недоумѣвая, покачивалъ головой, можетъ быть оттого, что его и въ самомъ дѣлѣ интересовалъ видъ знамени, а можетъ быть и оттого, что ему тяжело было голодному смотрѣть на обѣдъ, за которымъ ему не достало прибора. Въ сосѣдней избѣ находился, взятый въ плѣнъ драгунами французскій полковникъ. Около него толпились, разсматривая его, наши офицеры. Князь Багратіонъ благодарилъ отдѣльныхъ начальниковъ и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла и о потеряхъ. Полковой командиръ, представлявшійся подъ Браунау, докладывалъ князю, что, какъ только началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса, собралъ дровосѣковъ и, пропустивъ ихъ мимо себя, съ двумя баталіонами ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ.

— Какъ я увидѣлъ, ваше сіятельство, что первый баталіонъ разстроенъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: «пропущу этихъ и встрѣчу батальнымъ огнемъ»; такъ и сдѣлалъ.

Полковому командиру такъ хотѣлось сдѣлать это, такъ онъ жалѣлъ, что не успѣлъ этого сдѣлать, что ему казалось, что все это точно было. Даже можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ было? Развѣ можно было разобрать въ этой путаницѣ, что было и чего не было?

— При чемъ должно замѣтить, ваше сіятельство, продолжалъ онъ, вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ,

и о послѣднемъ свиданіи своемъ съ разжалованнымъ, — что рядовой, разжалованный Долоховъ, на моихъ глазахъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился.

— Здѣсь-то я видѣлъ, ваше сіятельство атаку Павлоградцевъ, безпокойно оглядываясь вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видалъ въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера. — Смяли два каре, ваше сіятельство.

На слова Жеркова нѣкоторые улыбнулись, какъ и всегда, ожидая отъ него шутки; но замѣтивъ, что то, что̀ онъ говорилъ, клонилось тоже къ славѣ нашего оружія и нынѣшняго дня, приняли серьезное выраженіе, хотя многіе очень хорошо знали, что то, что̀ говорилъ Жерковъ, была ложь, ни на чемъ не основанная. Князь Багратіонъ обратился къ старичку-полковнику.

— Благодарю всѣхъ, господа, всѣ части дѣйствовали геройски: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Какимъ образомъ въ центрѣ оставлены два орудія? спросилъ онъ, ища кого-то глазами (Князь Багратіонъ не спрашивалъ про орудія лѣваго фланга, онъ зналъ уже, что тамъ въ самомъ началѣ дѣла были брошены всѣ пушки). — Я васъ, кажется, просилъ, обратился онъ къ дежурному штабъ-офицеру.

— Одно было подбито, отвѣчалъ дежурный штабъ-офицеръ, — а другое, я не могу понять, я самъ тамъ все время былъ и распоряжался, и только что отъѣхалъ... Жарко было, правда, прибавилъ онъ скромно.

Кто-то сказалъ, что капитанъ Тушинъ стоитъ здѣсь у самой деревни и что за нимъ уже послано.

— Да вотъ вы были, сказалъ князь Багратіонъ, обращаясь къ князю Андрею.

— Какъ же, мы вмѣстѣ немного не съѣхались, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ, пріятно улыбаясь Волконскому.

— Я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, холодно и отрывисто сказалъ князь Андрей. Всѣ молчали.

На порогѣ показался Тушинъ, робко пробиравшійся изъ-за спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный, какъ и всегда при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и спотыкнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено? спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смѣявшихся, въ числѣ которыхъ громче всѣхъ слышался голосъ Жеркова. Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ предъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью, и едва проговорилъ:

— Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытія взять!

Что прикрытія не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся *подвести* этимъ другаго начальника, и молча, остановившимися глазами, смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившійся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительно. Князь Багратіонъ, видимо, не желая быть строгимъ, не находился что сказать; остальные не смѣли вмѣшаться въ разговоръ. Князь

Андрей исподлобья смотрѣлъ на Тушина, и пальцы его рукъ нервически двигались.

— Ваше сіятельство, прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ, — вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковерканными; и прикрытія никакого.

Князь Багратіонъ и Тушинъ одинаково упорно смотрѣли теперь на сдержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сіятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, продолжалъ онъ, — то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой, сказалъ князь Андрей и, не ожидая отвѣта, тотчасъ-же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратіонъ посмотрѣлъ на Тушина, и видимо не желая выказать недовѣрія къ рѣзкому сужденію Болконскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ идти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ спасибо, выручилъ, голубчикъ, сказалъ ему Тушинъ.

Князь Андрей оглянулъ Тушина и, ничего не сказавъ, отошелъ отъ него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было такъ странно, такъ не похоже на то, чего онъ надѣялся.

„Кто они? Зачѣмъ они? Что имъ нужно? И когда все это кончится?“ думалъ Ростовъ, глядя на перемѣнявшіяся предъ нимъ тѣни. Боль въ рукѣ становилась все мучительнѣе.

Сонъ клонилъ неопреодолимо, въ глазахъ прыгали красные круги, и впечатлѣніе этихъ голосовъ и этихъ лицъ, и чувство одиночества сливались съ чувствомъ боли. Это они, эти солдаты раненые и не раненые, — это они-то и давили, и тяготили, и выворачивали жилы, и жгли мясо въ его разломанной рукѣ и плечѣ. Чтобъ избавиться отъ нихъ, онъ закрылъ глаза.

Онъ забылся на одну минуту, но въ этотъ короткій промежутокъ забвенія онъ видѣлъ во снѣ безчисленное количество предметовъ; онъ видѣлъ свою мать и ея большую бѣлую руку, видѣлъ худенькія плечи Сони, глаза и смѣхъ Наташи, и Денисова съ его голосомъ и усами, и Телянина, и всю свою исторію съ Телянинымъ и Богданычемъ. Вся эта исторія была одно и то же, что этотъ солдатъ съ рѣзкимъ голосомъ, и эта-то вся исторія, и этотъ-то солдатъ такъ мучительно, неотступно держали, давили и все въ одну сторону тянули его руку. Онъ пытался устраняться отъ нихъ, но они не отпускали ни на волосъ, ни на секунду его плечо, Оно бы не болѣло, оно было бы здорово, ежели бъ они не тянули его; но нельзя было избавиться отъ нихъ.

Онъ открылъ глаза и поглядѣлъ вверхъ. Черный пологъ ночи на аршинъ висѣлъ надъ свѣтомъ углей. Въ этомъ свѣтѣ летали порошинки падавшаго снѣга. Тушинъ не возвращался, лѣкарь не приходилъ. Онъ былъ одинъ, только какой-то солдатикъ сидѣлъ теперь голый по другую сторону огня и грѣлъ свое худое желтое тѣло.

„Никому не нуженъ я!“ думалъ Ростовъ. „Некому ни помочь, ни пожалѣть. А былъ же и я когда-то дома, сильный, веселый, любимый“, онъ вздохнулъ и со вздохомъ невольно застоналъ.

— Ай болитъ что? спросилъ солдатикъ, встряхивая свою

рубаху надъ огнемъ, и не дожидаясь отвѣта, крякнувъ, прибавилъ: — Мало ли за день народу попортили — страсть!

Ростовъ не слушалъ солдата. Онъ смотрѣлъ на порхавшія надъ огнемъ снѣжинки и вспоминалъ русскую зиму съ теплымъ, свѣтлымъ домомъ, пушистою шубой, быстрыми санями, здоровымъ тѣломъ и со всею любовью и заботою семьи. „И зачѣмъ я пошелъ сюда!“ думалъ онъ.

На другой день французы не возобновляли нападенія, и остатокъ Багратіонова отряда присоединился къ арміи Кутузова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Князь Василій не обдумывалъ своихъ плановъ. Онъ еще менѣе думалъ сдѣлать людямъ зло для того, чтобы пріобрѣсти выгоду. Онъ былъ только свѣтскій человѣкъ, успѣвшій въ свѣтѣ, и сдѣлавшій привычку изъ этого успѣха. У него постоянно, смотря по обстоятельствамъ, по сближеніямъ съ людьми, составлялись различные планы и соображенія, въ которыхъ онъ самъ не отдавалъ себѣ хорошенько отчета, но которые составляли весь интересъ его жизни. Не одинъ и не два такихъ плана и соображенія бывало у него въ ходу, а десятки, изъ которыхъ одни только начинали представляться ему, другіе достигались, третьи уничтожались. Онъ не говорилъ себѣ напримѣръ: „Этотъ человѣкъ теперь въ силѣ, я долженъ пріобрѣсти его довѣріе и дружбу и черезъ него устроить себѣ выдачу единовременнаго пособія“, или онъ не говорилъ себѣ: „Вотъ Пьеръ богатъ, я долженъ заманить его жениться на дочери и занять нужныя мнѣ 40 тысячъ“; но человѣкъ въ силѣ встрѣчался ему, и въ ту же минуту инстинктъ подсказывалъ ему, что этотъ человѣкъ можетъ быть

полезенъ, и князь Василій сближался съ нимъ, и при первой возможности, безъ приготовленія, по инстинкту, льстилъ, дѣлался фамильяренъ, говорилъ о томъ, о чемъ нужно было.

Пьеръ былъ у него подъ рукою въ Москвѣ, и князь Василій устроилъ для него назначеніе въ камеръ-юнкеры, что тогда равнялось чину статскаго совѣтника, и настоялъ на томъ, чтобы молодой человѣкъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ его домѣ. Какъ будто разсѣянно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ несомнѣнною увѣренностью, что такъ должно быть, князь Василій дѣлалъ все, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери. Ежели бы князь Василій обдумывалъ впередъ свои планы, онъ не могъ бы имѣть такой естественности въ обращеніи и такой простоты и фамильярности въ сношеніяхъ со всѣми людьми, выше и ниже себя поставленными. Что-то влекло его постоянно къ людямъ сильнѣе или богаче его, и онъ одаренъ былъ рѣдкимъ искусствомъ ловить именно ту минуту, когда надо и можно было пользоваться людьми.

Пьеръ, сдѣлавшись неожиданно богачемъ и графомъ Безуховымъ, послѣ недавняго одиночества и беззаботности, почувствовалъ себя до такой степени окруженнымъ, занятымъ, что ему только въ постели удавалось остаться одному съ самимъ собою. Ему нужно было подписывать бумаги, вѣдаться съ присутственными мѣстами, о значеніи которыхъ онъ не имѣлъ яснаго понятія, спрашивать о чемъ-то главнаго управляющаго, ѣхать въ подмосковное имѣніе и принимать множество лицъ, которыя прежде не хотѣли и знать о его существованіи, а теперь были бы обижены и огорчены, ежели бы онъ не захотѣлъ ихъ видѣть. Всѣ эти разнообразныя лица: дѣловыя, родственники, знакомые, всѣ были одинаково хо-

рошо, ласково расположены къ молодому наслѣднику; всѣ они очевидно и несомнѣнно были убѣждены въ высокихъ достоинствахъ Пьера. Безпрестанно онъ слышалъ слова: „съ вашею необыкновенною добротой“, или „при вашемъ прекрасномъ сердцѣ“, или „вы сами такъ чисты, графъ...“ или „ежели бы онъ былъ такъ уменъ, какъ вы“, и т. п., такъ что онъ искренно начиналъ вѣрить своей необыкновенной добротѣ и своему необыкновенному уму, тѣмъ болѣе, что и всегда, въ глубинѣ души, ему казалось, что онъ дѣйствительно очень добръ и очень уменъ. Даже люди, прежде бывшіе злыми и очевидно враждебными, дѣлались съ нимъ нѣжными и любящими. Столь сердитая, старшая изъ княженъ, съ длинною таліей, съ приглаженными, какъ у куклы, волосами, послѣ похоронъ пришла въ комнату Пьера. Опуская глаза и безпрестанно вспыхивая, она сказала ему, что очень жалѣетъ о бывшихъ между ними недоразумѣніяхъ и что теперь не чувствуетъ себя въ правѣ ничего просить, развѣ только позволенія, послѣ постигшаго ее удара, остаться на нѣсколько недѣль въ домѣ, который она такъ любила и гдѣ столько принесла жертвъ. Она не могла удержаться и заплакала при этихъ словахъ. Растроганный тѣмъ, что эта статуеобразная княжна могла такъ измѣниться, Пьеръ взялъ ее за руку и просилъ извиненія, самъ не зная за что́. Съ этого дня княжна начала вязать полосатый шарфъ для Пьера и совершенно измѣнилась къ нему.

— Сдѣлай это для нея, мой милый, все-таки она много пострадала отъ покойника, сказалъ ему князь Василій, давая подписать какую-то бумагу въ пользу княжны. Князь Василій рѣшилъ, что эту кость, вексель въ 30 т., надо было все-таки бросить бѣдной княжнѣ съ тѣмъ, чтобъ ей не могло

прійти въ голову толковать объ участіи князя Василія въ дѣлѣ мозаиковаго портфеля. Пьеръ подписалъ вексель и съ тѣхъ поръ княжна стала еще добрѣе. Младшія сестры стали также ласковы къ нему, въ особенности самая младшая, хорошенькая, съ родинкой, часто смущала Пьера своими улыбками и смущеніемъ при видѣ его.

Пьеру такъ естественно казалось, что всѣ его любятъ, такъ казалось бы неестественно, ежели бы кто-нибудь не полюбилъ его, что онъ не могъ не вѣрить въ искренность людей, окружавшихъ его. Притомъ ему не было времени спрашивать себя объ искренности или неискренности этихъ людей. Ему постоянно было некогда, онъ постоянно чувствовалъ себя въ состояніи кроткаго и веселаго опьяненія. Онъ чувствовалъ себя центромъ какого-то важнаго общаго движенія, чувствовалъ, что отъ него что-то постоянно ожидается, что не сдѣлай онъ того-то, онъ огорчитъ многихъ и лишитъ ихъ ожидаемаго; а сдѣлай то-то и то-то, все будетъ хорошо, и онъ дѣлалъ то, что требовали отъ него, но это что-то хорошее все оставалось впереди.

Болѣе всѣхъ другихъ въ это первое время, какъ дѣлами Пьера, такъ и имъ самимъ, овладѣлъ князь Василій. Со смерти графа Безухага онъ не выпускалъ изъ рукъ Пьера. Князь Василій имѣлъ видъ человѣка, отягченнаго дѣлами, усталаго, измученнаго, но изъ состраданія не могущаго наконецъ бросить на произволъ судьбы и плутовъ этого безпомощнаго юношу, сына все-таки его друга, и съ такимъ огромнымъ состояніемъ. Въ тѣ нѣсколько дней, которые онъ пробылъ въ Москвѣ послѣ смерти графа Безухаго, онъ призывалъ къ себѣ Пьера или самъ приходилъ къ нему и предписывалъ ему то, что нужно было дѣлать, такимъ тономъ усталости и

увѣренности, какъ будто онъ всякій разъ приговаривалъ: „ты знаешь, я заваленъ дѣлами; но было бы безжалостно покинуть тебя такъ; и ты знаешь — то, что я тебѣ говорю, есть единственно возможное“.

— Ну, мой другъ, завтра мы ѣдемъ наконецъ, сказалъ онъ ему однажды, закрывая глаза, перебирая пальцами его локоть, и такимъ тономъ, какъ будто то, что онъ говорилъ, было давнымъ-давно рѣшено между ними и не могло быть рѣшено иначе.

— Завтра мы ѣдемъ, я тебѣ даю мѣсто въ своей коляскѣ. Я очень радъ. Здѣсь у насъ все важное покончено. А мнѣ ужъ давно бы надо. Вотъ я получилъ отъ канцлера. Я его просилъ о тебѣ, и ты зачисленъ въ дипломатическій корпусъ и сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. Теперь дипломатическая дорога тебѣ открыта.

Несмотря на всю силу тона усталости и увѣренности, съ которою произнесены были эти слова, Пьеръ, такъ долго думавшій о своей карьерѣ, хотѣлъ было возражать. Но князь Василій перебилъ его тѣмъ воркующимъ, басистымъ тономъ, который исключалъ возможность перебить его рѣчь и который употреблялся имъ въ случаѣ необходимости крайняго убѣжденія.

— Но, милый мой, я это сдѣлалъ для себя, для своей совѣсти, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишкомъ любили; а потомъ, ты свободенъ, хоть завтра брось. Вотъ ты все самъ въ Петербургѣ увидишь. И тебѣ давно пора удалиться отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній. Князь Василій вздохнулъ. — Такъ-такъ, моя душа. А мой камердинеръ пускай въ твоей коляскѣ ѣдетъ. Ахъ, да, я было и забылъ, прибавилъ еще князь Василій, — ты знаешь,

дружокъ, у насъ были счеты съ покойникомъ, такъ съ Рязанскаго я получилъ и оставлю: тебѣ не нужно. Мы съ тобой сочтемся.

То, что̀ князь Василій называлъ съ „Рязанскаго“, было нѣсколько тысячъ оброка, которыя князь Василій оставилъ у себя.

Въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, атмосфера нѣжныхъ, любящихъ людей окружила Пьера. Онъ не могъ отказаться отъ мѣста, или скорѣе званія (потому что онъ ничего не дѣлалъ), которое доставилъ ему князь Василій, а знакомствъ, зововъ и общественныхъ занятій было столько, что Пьеръ еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, испытывалъ чувство отуманенности, торопливости и все наступающаго, но не совершающагося какого-то блага.

Изъ прежняго его холостаго общества многихъ не было въ Петербургѣ. Гвардія ушла въ походъ, Долоховъ былъ разжалованъ, Анатоль находился въ арміи, въ провинціи, князь Андрей былъ за границей, и потому Пьеру не удавалось ни проводить ночей, какъ онъ прежде любилъ проводить ихъ, ни отводить изрѣдка душу въ дружеской бесѣдѣ съ старшимъ уважаемымъ другомъ. Все время его проходило на обѣдахъ, балахъ и преимущественно у князя Василія въ обществѣ толстой княгини — его жены и красавицы Элены.

Анна Павловна Шереръ, такъ же какъ и другіе, выказала Пьеру перемѣну, происшедшую въ общественномъ взглядѣ на него.

Прежде Пьеръ, въ присутствіи Анны Павловны, постоянно чувствовалъ, что то, что̀ онъ говоритъ, неприлично, безтактно, не то что̀ нужно; что рѣчи его, кажущіяся ему умными, пока онъ готовитъ ихъ въ своемъ воображеніи, дѣлаются

глупыми, какъ скоро онъ ихъ громко выговоритъ, и что напротивъ самыя тупыя рѣчи Ипполита выходятъ умными и милыми. Теперь все, что̀ ни говорилъ онъ, все выходило „прелестно“. Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то онъ видѣлъ, что ей хотѣлось это сказать, и она только въ уваженіе его скромности воздерживалась отъ этого.

Въ началѣ зимы съ 1805 на 1806 годъ, Пьеръ получилъ отъ Анны Павловны обычную розовую записку съ приглашеніемъ, въ которомъ было прибавлено: „У меня будетъ прекрасная Элень, на которую никогда не устанешь любоваться“.

Читая это мѣсто, Пьеръ въ первый разъ почувствовалъ, что между нимъ и Элень образовалась какая-то связь, признаваемая другими людьми, и эта мысль въ одно и то же время и испугала его, какъ будто на него накладывалось обязательство, которое онъ не могъ сдержать, и вмѣстѣ понравилась ему, какъ забавное предположеніе.

Вечеръ Анны Павловны былъ такой же, какъ и первый, только новинкой, которою угощала Анна Павловна своихъ гостей, былъ теперь не Мортемаръ, а дипломатъ, пріѣхавшій изъ Берлина и привезшій самыя свѣжія подробности о пребываніи государя Александра въ Потсдамѣ и о томъ, какъ два высочайшіе друга поклялись тамъ въ неразрывномъ союзѣ отстаивать правое дѣло противъ врага человѣческаго рода. Пьеръ былъ принятъ Анной Павловной съ оттѣнкомъ грусти, относившейся очевидно къ свѣжей потерѣ, постигшей молодаго человѣка, къ смерти графа Безухова (всѣ постоянно считали долгомъ увѣрять Пьера, что онъ очень огорченъ кончиною отца, котораго онъ почти не зналъ), и грусти точно такой же, какъ и та высочайшая грусть, которая выражалась

при упоминаніяхъ объ августѣйшей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Пьеръ почувствовалъ себя польщеннымъ этимъ. Анна Павловна съ своимъ обычнымъ искусствомъ устроила кружки своей гостиной. Большой кружокъ, гдѣ были князь Василій и генералы, пользовался дипломатомъ. Другой кружокъ былъ у чайнаго столика. Пьеръ хотѣлъ присоединиться къ первому, но Анна Павловна, находившаяся въ раздраженномъ состояніи полководца на полѣ битвы, когда приходятъ тысячи новыхъ, блестящихъ мыслей, которыя едва успѣваешь приводить въ исполненіе, Анна Павловна, увидѣвъ Пьера, тронула его пальцемъ за рукавъ:

— Погодите, у меня есть на васъ виды на этотъ вечеръ.

Она взглянула на Эленъ и улыбнулась ей.

— Моя милая Элень, надо, чтобы вы были добры къ моей бѣдной теткѣ, которая питаетъ къ вамъ обожаніе. Побудьте съ ней минутъ десять. — А чтобъ вамъ не очень скучно было, вотъ вамъ милый графъ, который не откажется за вами слѣдовать.

Красавица направилась къ тетушкѣ, но Пьера Анна Павловна еще удержала подлѣ себя, показывая видъ, какъ будто ей надо сдѣлать еще послѣднее необходимое распоряженіе.

— Неправда ли, она восхитительна? сказала она Пьеру, указывая на отплывающую величавую красавицу. — И какъ держитъ себя! Для такой молодой дѣвушки, и такой тактъ, такое мастерское умѣнье держать себя! Это происходитъ отъ сердца! Счастливъ будетъ тотъ, чьею она будетъ! Съ нею самый несвѣтскій мужъ будетъ невольно занимать самое блестящее мѣсто въ свѣтѣ. Неправда ли? Я только хотѣла знать ваше мнѣніе, и Анна Павловна отпустила Пьера.

Пьеръ съ искренностью отвѣчалъ Аннѣ Павловнѣ утвер-

дительно на вопросъ ея объ искусствѣ Элены держать себя. Ежели онъ когда-нибудь думалъ объ Эленъ, то думалъ именно о ея красотѣ и о томъ необыкновенномъ ея спокойномъ умѣньи быть молчаливо-достойною въ свѣтѣ.

Тетушка приняла въ свой уголокъ двухъ молодыхъ людей, но, казалось, желала скрыть свое обожаніе къ Эленъ и желала болѣе выразить страхъ предъ Анной Павловной. Она взглядывала на племянницу, какъ бы спрашивая, что̀ ей дѣлать съ этими людьми. Отходя отъ нихъ, Анна Павловна опять тронула пальчикомъ рукавъ Пьера и проговорила:

— Надѣюсь, вы не скажете другой разъ, что у меня скучаютъ, и взглянула на Эленъ. Эленъ улыбнулась съ такимъ видомъ, который говорилъ, что она не допускала возможности, чтобы кто-либо могъ видѣть ее и не быть восхищеннымъ. Тетушка прокашлялась, проглотила слюни и по-французски сказала, что она очень рада видѣть Эленъ; потомъ обратилась къ Пьеру съ тѣмъ же привѣтствіемъ и съ тою же миной. Въ серединѣ скучливаго и спотыкающагося разговора, Эленъ оглянулась на Пьера и улыбнулась ему тою улыбкой ясною, красивою, которою она улыбалась всѣмъ. Пьеръ такъ привыкъ къ этой улыбкѣ, такъ мало она выражала для него, что онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Тетушка говорила въ это время о коллекціи табакерокъ, которая была у покойнаго отца Пьера, графа Безухаго, и показала свою табакерку. Княжна Эленъ попросила посмотрѣть портретъ мужа тетушки, который былъ сдѣланъ на этой табакеркѣ.

— Это вѣрно дѣлано Винесомъ, сказалъ Пьеръ, называя извѣстнаго миніатюриста, нагибаясь къ столу, чтобы взять въ руки табакерку, и прислушиваясь къ разговору за другимъ столомъ. Онъ привсталъ, желая обойти, но тетушка

подала табакерку прямо черезъ Элень, позади ея. Элень нагнулась впередъ, чтобы дать мѣсто и, улыбаясь, оглянулась. Она была, какъ и всегда на вечерахъ, въ весьма открытомъ, по тогдашней модѣ, спереди и сзади платьѣ. Ея бюстъ, казавшiйся всегда мраморнымъ Пьеру, находился въ такомъ близкомъ разстоянiи отъ его глазъ, что онъ своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ и шеи, и такъ близко отъ его губъ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движенiи. Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составлявшую одно цѣлое съ ея платьемъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И разъ увидавъ это, онъ не могъ видѣть иначе, какъ мы не можемъ возвратиться къ разъ объясненному обману.

„Такъ вы до сихъ поръ не замѣчали, какъ я прекрасна?“ какъ будто сказала Элень. — „Вы не замѣчали, что я женщина? Да, я женщина, которая можетъ принадлежать всякому и вамъ тоже“, сказалъ ея взглядъ. И въ ту же минуту Пьеръ почувствовалъ, что Элень не только могла, но должна быть его женою, что это не можетъ быть иначе.

Онъ зналъ это въ эту минуту такъ же вѣрно, какъ бы онъ зналъ это, стоя подъ вѣнцомъ съ нею. Какъ это будетъ? и когда? онъ не зналъ, не зналъ даже, хорошо ли это будетъ (ему даже чувствовалось, что это не хорошо почему-то); но онъ зналъ, что это будетъ.

Пьеръ опустилъ глаза, опять поднялъ ихъ и снова хотѣлъ увидѣть ее такою дальнею, чужою для себя красавицею, какою онъ видалъ ее каждый день прежде; но онъ не могъ уже этого сдѣлать. Не могъ, какъ не можетъ человѣкъ,

прежде смотрѣвшій въ туманѣ на былинку бурьяна и видѣвшій въ ней дерево, увидавъ былинку, снова увидѣть въ ней дерево. Она была страшно близка ему. Она имѣла уже власть надъ нимъ. И между нимъ и ею не было уже никакихъ преградъ, кромѣ преградъ его собственной воли.

— Хорошо, я васъ оставляю въ вашемъ уголкѣ. Я вижу, вамъ тамъ хорошо, сказалъ голосъ Анны Павловны. И Пьеръ, со страхомъ вспоминая, не сдѣлалъ ли онъ чего-нибудь предосудительнаго, краснѣя оглянулся вокругъ себя. Ему казалось, что всѣ знаютъ, такъ же какъ и онъ, про то, что̀ съ нимъ случилось.

Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ подошелъ къ большому кружку, Анна Павловна сказала ему:

— Говорятъ, вы отдѣлываете свой петербургскій домъ. (Это была правда: архитекторъ сказалъ, что это нужно ему, и Пьеръ, самъ не зная зачѣмъ, отдѣлывалъ свой огромный домъ въ Петербургѣ). — Это хорошо, но не переѣзжайте отъ князя Василія. — Хорошо имѣть такого друга, сказала она, улыбаясь князю Василію; — я кое-что объ этомъ знаю. Не правда ли? А вы еще такъ молоды. Вамъ нужны совѣты. Вы не сердитесь на меня, что я пользуюсь правами старухъ. Она замолчала, какъ молчатъ всегда женщины, чего-то ожидая послѣ того, какъ скажутъ про свои года. „Если вы женитесь, то другое дѣло“. И она соединила ихъ въ одинъ взглядъ. Пьеръ не смотрѣлъ на Элень, и она на него. Но она была все такъ же страшно близка ему.

Онъ промычалъ что-то и покраснѣлъ.

Вернувшись домой, Пьеръ долго не могъ заснуть, думая о томъ, что̀ съ нимъ случилось. Что̀ же случилось съ нимъ? Ничего. Онъ только понялъ, что женщина, которую онъ

зналъ ребенкомъ, про которую онъ разсѣянно говорилъ: „да, хороша“, когда ему говорили, что Элень красавица, онъ понялъ, что эта женщина можетъ принадлежать ему.

„Но она глупа, я самъ говорилъ, что она глупа“, думалъ онъ. „Что-то гадкое есть въ томъ чувствѣ, которое она возбудила во мнѣ, что-то запрещенное. Мнѣ говорили, что ея братъ Анатоль былъ влюбленъ въ нее, и она влюблена въ него, что была цѣлая исторія, и что отъ этого услали Анатоля. Братъ ея — Ипполитъ... Отецъ ея — князь Василій... Это нехорошо, думалъ онъ, и въ то же время, какъ онъ разсуждалъ такъ (еще разсужденія эти оставались неоконченными), онъ заставлялъ себя улыбающимся и сознавалъ, что другой рядъ разсужденій всплывалъ изъ-за первыхъ, что онъ въ одно и то же время думалъ о ея ничтожествѣ и мечталъ о томъ, какъ она будетъ его женой, какъ она можетъ полюбить его, какъ она можетъ быть совсѣмъ другою, и какъ все то, что онъ объ ней думалъ и слышалъ можетъ быть неправдою“. И онъ опять видѣлъ ее не какою-то дочерью князя Василья, а видѣлъ все ея тѣло, только прикрытое сѣрымъ платьемъ. „Но нѣтъ, отчего же прежде не приходила мнѣ въ голову эта мысль?“ И опять онъ говорилъ себѣ, что это невозможно; что что-то гадкое, противуестественное, какъ ему казалось, нечестное было бы въ этомъ бракѣ. Онъ вспоминалъ ея прежнія слова, взгляды, и слова и взгляды тѣхъ, кто ихъ видалъ вмѣстѣ. Онъ вспомнилъ слова и взгляды Анны Павловны, когда она говорила ему о домѣ, вспомнилъ тысячи такихъ намековъ со стороны князя Василья и другихъ, и на него нашелъ ужасъ, не связалъ ли онъ уже себя чѣмъ-нибудь въ исполненіи такого дѣла, которое очевидно нехорошо и которое онъ не долженъ дѣлать. Но въ то же

время, какъ онъ самъ себѣ выражалъ это рѣшеніе, съ другой стороны души всплывалъ ея образъ со всею своею женственною красотою.

II.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года князь Василій долженъ былъ ѣхать на ревизію въ четыре губерніи. Онъ устроилъ для себя это назначеніе съ тѣмъ, чтобы побывать заодно въ своихъ разстроенныхъ имѣніяхъ, и, захвативъ съ собой (въ мѣстѣ расположенія его полка) сына Анатоля, съ нимъ вмѣстѣ заѣхать къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, съ тѣмъ, чтобы женить сына на дочери этого богатаго старика. Но прежде отъѣзда и этихъ новыхъ дѣлъ, князю Василью нужно было рѣшить дѣла съ Пьеромъ, который, правда, послѣднее время проводилъ цѣлые дни дома, т. е. у князя Василья, у котораго онъ жилъ, и былъ смѣшонъ, взволнованъ и глупъ (какъ долженъ быть влюбленный) въ присутствіи Ѳленъ, но все еще не дѣлалъ предложенія.

„Все это прекрасно, но всему долженъ быть конецъ", сказалъ себѣ разъ утромъ князь Василій со вздохомъ грусти, сознавая, что Пьеръ, столькимъ обязанный ему (ну, да Христосъ съ нимъ!), не совсѣмъ хорошо поступаетъ въ этомъ дѣлѣ. „Молодость... легкомысліе... ну, да Богъ съ нимъ", подумалъ князь Василій, съ удовольствіемъ чувствуя свою доброту, — „надо, надо положить конецъ. Послѣ завтра Лёлины именины, я позову кое-кого, и ежели онъ не пойметъ, что̀ онъ долженъ сдѣлать, то ужъ это будетъ мое дѣло. Да, мое дѣло. Я отецъ!"

Пьеръ полтора мѣсяца послѣ вечера Анны Павловны и послѣдовавшей за нимъ безсонной, взволнованной ночи, въ которую онъ рѣшилъ, что женитьба на Элленъ была бы несчастіе

и что ему нужно избѣгать ея и уѣхать, Пьеръ, послѣ этого рѣшенія, не переѣзжалъ отъ князя Василья и съ ужасомъ чувствовалъ, что каждый день онъ больше и больше въ глазахъ людей связывается съ нею, что онъ не можетъ никакъ возвратиться къ своему прежнему взгляду на нее, что онъ не можетъ и оторваться отъ нея, что это будетъ ужасно, но что онъ долженъ будетъ связать съ нею свою судьбу. Можетъ быть, онъ и могъ бы воздержаться, но не проходило дня, чтобъ у князя Василья (у котораго рѣдко бывалъ пріемъ) не было бы вечера, на которомъ долженъ былъ быть Пьеръ, ежели онъ не хотѣлъ разстроить общее удовольствіе и обмануть ожиданія всѣхъ. Князь Василій, въ тѣ рѣдкія минуты, когда бывалъ дома, проходя мимо Пьера, дергалъ его за руку внизъ, разсѣянно подставлялъ ему для поцѣлуя выбритую, морщинистую щеку и говорилъ или: „до завтра", или „къ обѣду, а то я тебя не увижу", или „я для тебя остаюсь" и т. п. Но несмотря на то, что когда князь Василій оставался для Пьера (какъ онъ это говорилъ), онъ не говорилъ съ нимъ двухъ словъ, Пьеръ не чувствовалъ себя въ силахъ обмануть его ожиданія. Онъ каждый день говорилъ себѣ все одно и одно: „Надо же, наконецъ, понять ее и дать себѣ отчетъ: кто она? Ошибался ли я прежде, или теперь ошибаюсь? Нѣтъ, она не глупа, нѣтъ, она прекрасная дѣвушка!" говорилъ онъ самъ себѣ иногда. „Никогда ни въ чемъ она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупаго. Она мало говоритъ, но то, что она скажетъ, всегда просто и ясно. Такъ она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Такъ она не дурная женщина!" Часто ему случалось съ нею начинать разсуждать, думать вслухъ, и всякій разъ она отвѣчала ему на это либо короткимъ, но кстати сказаннымъ

замѣчаніемъ, показавшимъ, что ее это не интересуетъ, либо молчаливою улыбкой и взглядомъ, которые ощутительнѣе всего показывали Пьеру ея превосходство. Она была права, признавая всѣ разсужденія вздоромъ въ сравненіи съ этою улыбкой.

Она обращалась къ нему всегда съ радостною, довѣрчивою, къ нему одному относившеюся улыбкой, въ которой было что-то значительнѣе того, что было въ общей улыбкѣ, украшавшей всегда ея лицо. Пьеръ зналъ, что всѣ ждутъ только того, чтобъ онъ наконецъ сказалъ одно слово, переступилъ черезъ извѣстную черту, и онъ зналъ, что онъ рано или поздно переступитъ черезъ нее; но какой-то непонятный ужасъ охватывалъ его при одной мысли объ этомъ страшномъ шагѣ. Тысячу разъ въ продолженіе этого полутора мѣсяца, во время котораго онъ чувствовалъ себя все дальше и дальше втягиваемымъ въ ту страшившую его пропасть, Пьеръ говорилъ себѣ: „да чтожъ это? Нужна рѣшимость! Развѣ нѣтъ у меня ея?“ Онъ хотѣлъ рѣшиться, но съ ужасомъ чувствовалъ, что не было у него въ этомъ случаѣ той рѣшимости, которую онъ зналъ въ себѣ и которая дѣйствительно была въ немъ. Пьеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуютъ себя вполнѣ чистыми. А съ того дня, какъ имъ овладѣло то чувство желанія, которое онъ испыталъ надъ табакеркой у Анны Павловны, несознанное чувство виноватости этого стремленія парализировало его рѣшимость.

Въ день именинъ Элены, у князя Василья ужинало маленькое общество людей самыхъ близкихъ, какъ говорила княгиня, родные и друзья. Всѣмъ этимъ роднымъ и друзьямъ дано было чувствовать, что въ этотъ день должна рѣ-

шиться участь именинницы. Гости сидѣли за ужиномъ. Княгиня Курагина, массивная, когда-то красивая, представительная женщина, сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ. По обѣимъ сторонамъ ея сидѣли почетнѣйшіе гости — старый генералъ, его жена, Анна Павловна Шереръ; въ концѣ стола сидѣли менѣе пожилые и почетные гости, и тамъ же сидѣли домашніе, Пьеръ и Элень — рядомъ. Князь Василій не ужиналъ: онъ похаживалъ вокругъ стола, въ веселомъ расположеніи духа, подсаживаясь то къ тому, то къ другому изъ гостей. Каждому онъ говорилъ небрежное и пріятное слово, исключая Пьера и Элень, которыхъ присутствія онъ не замѣчалъ, казалось. Князь Василій оживлялъ всѣхъ. Ярко горѣли восковыя свѣчи, блестѣли серебро и хрусталь посуды, наряды дамъ и золото и серебро эполетъ; вокругъ стола сновали слуги въ красныхъ кафтанахъ: слышались звуки ножей, стакановъ, тарелокъ и звухи оживленнаго говора нѣсколькихъ разговоровъ вокругъ этого стола. Слышно было, какъ старый камергеръ въ одномъ концѣ увѣрялъ старушку-баронессу въ своей пламенной любви къ ней, и ея смѣхъ; съ другой — разсказъ о неуспѣхѣ какой-то Марьи Викторовны. У середины стола князь Василій сосредоточилъ вокругъ себя слушателей. Онъ разсказывалъ дамамъ, съ шутливою улыбкою на губахъ, послѣднее — въ среду — засѣданіе государственнаго совѣта, на которомъ былъ получень и читался Сергѣемъ Кузьмичемъ Вязмитиновымъ, новымъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, знаменитый тогда рескриптъ государя Александра Павловича изъ арміи, въ которомъ государь, обращаясь къ Сергѣю Кузьмичу, говорилъ, что со всѣхъ сторонъ получаетъ онъ заявленія о преданности народа, и что заявленіе Петербурга особенно пріятно ему, что онъ гордится честью

быть главою такой націи и постарается быть ея достойнымъ. Рескриптъ этотъ начинался словами: *Сергѣй Кузьмичъ! Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи* и т. д.

— Такъ-таки и не пошло дальше чѣмъ „Сергѣй Кузьмичъ?" спрашивала одна дама.

— Да, да, ни на волосъ, отвѣчалъ смѣясь князь Василій. „Сергѣй Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ". „Со всѣхъ сторонъ, Сергѣй Кузьмичъ..." Бѣдный Вязмитиновъ никакъ не могъ пойти далѣе. Нѣсколько разъ онъ принимался снова за письмо, но только что скажетъ: *Сергѣй*... всхлипыванія... *Ку...зьми...чъ* — слезы... и *со всѣхъ сторонъ* заглушаются рыданіями, и дальше онъ не могъ. И опять платокъ и опять „Сергѣй Кузьмичъ", „со всѣхъ сторонъ" и слезы... такъ что уже попросили прочесть другаго.

— Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ... и слезы... повторилъ кто-то смѣясь.

— Не будьте злы, погрозивъ пальцемъ, съ другаго конца стола, проговорила Анна Павловна, — онъ такой прекрасный, славный человѣкъ, нашъ добрый Вязмитиновъ.

Всѣ очень смѣялись. На верхнемъ почетномъ концѣ стола всѣ были, казалось, веселы и подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ оживленныхъ настроеній; только Пьеръ и Эленъ молча сидѣли рядомъ почти на нижнемъ концѣ стола; на лицахъ обоихъ сдерживалась сіяющая улыбка, независящая отъ Сергѣя Кузьмича — улыбка стыдливости предъ своими чувствами. Что̀ бы ни говорили и какъ бы ни смѣялись и шутили другіе, какъ бы аппетитно ни кушали и рейнвейнъ, и соте, и мороженое, какъ бы ни избѣгали взглядомъ эту чету, какъ бы ни казались равнодушны, невнимательны къ ней, чувствовалось почему-то, по изрѣдка бросаемымъ на

нихъ взглядамъ, что и анекдотъ о Сергѣѣ Кузьмичѣ, и смѣхъ, и кушанье все было притворно, а всѣ силы вниманія всего этого общества были обращены только на эту пару — Пьера и Элену. Князь Василій представлялъ всхлипыванья Сергѣя Кузьмича и въ это время обѣгалъ взглядомъ дочь, и въ то время, какъ онъ смѣялся, выраженіе его лица говорило: „Такъ, такъ, все хорошо идетъ, нынче все рѣшится“. Анна Павловна грозила ему за „нашего добраго Вязмитинова“, а въ глазахъ ея, которые мелькомъ блеснули въ этотъ моментъ на Пьера, князь Василій читалъ поздравленіе съ будущимъ зятемъ и счастіемъ дочери. Старая княгиня, предлагая съ грустнымъ вздохомъ вина своей сосѣдкѣ и сердито взглянувъ на дочь, этимъ вздохомъ какъ будто говорила: „да, теперь намъ съ вами ничего больше не осталось, какъ пить сладкое вино, моя милая, теперь время этой молодежи быть такъ дерзко вызывающе-счастливою“. „И что за глупость все то, что я разсказываю, какъ будто это меня интересуетъ“, думалъ дипломатъ, взглядывая на счастливыя лица любовниковъ: „вотъ это счастіе!“

Среди тѣхъ ничтожно-мелкихъ, искусственныхъ интересовъ, которые связывали это общество, попало простое чувство стремленія красивыхъ и здоровыхъ молодыхъ мужчины и женщины другъ къ другу. И это человѣческое чувство подавило все и парило надъ всѣмъ ихъ искусственнымъ лепетомъ. Шутки были не веселы, новости не интересны, оживленіе — очевидно поддѣльно. Не только они, но лакеи, служившіе за столомъ, казалось, чувствовали то же и забывали порядки службы, заглядываясь на красавицу Элену, съ ея сіяющимъ лицомъ, и на красное, толстое, счастливое и безпокойное лицо Пьера. Казалось, и огни свѣчей сосре-

доточены были только на этихъ двухъ счастливыхъ лицахъ.

Пьеръ чувствовалъ, что онъ былъ центромъ всего, и это положеніе и радовало и стѣсняло его. Онъ находился въ состояніи человѣка, углубленнаго въ какое-нибудь занятіе. Онъ ничего ясно не видѣлъ, не понималъ и не слыхалъ. Только изрѣдка, неожиданно мелькали въ его душѣ отрывочныя мысли и впечатлѣнія изъ дѣйствительности.

„Такъ уже все кончено! думалъ онъ. — И какъ это все сдѣлалось? Такъ быстро! Теперь *я* знаю, что не для нея одной, не для себя одного, но и для всѣхъ *это* должно неизбѣжно совершиться. Они всѣ такъ ждутъ *этою,* такъ увѣрены, что это будетъ, что я не могу, не могу обмануть ихъ. Но какъ это будетъ? Не знаю, а будетъ, непремѣнно будетъ!“ думалъ Пьеръ, взглядывая на эти плечи, блестѣвшія подлѣ самыхъ глазъ его.

То вдругъ ему становилось стыдно чего-то. Ему неловко было, что онъ одинъ занимаетъ вниманіе всѣхъ, что онъ счастливецъ въ глазахъ другихъ, что онъ съ своимъ некрасивымъ лицомъ — какой-то Парисъ, обладающій Еленой. „Но вѣрно это всегда такъ бываетъ и такъ надо“, утѣшалъ онъ себя. „И впрочемъ, что̀ же я сдѣлалъ для этого? Когда это началось? Изъ Москвы я поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ. Тутъ еще ничего не было. Потомъ, отчего же мнѣ было у него не остановиться? Потомъ я игралъ съ ней въ карты и поднялъ ея ридикюль, ѣздилъ съ ней кататься. Когда же это началось, когда это все сдѣлалось?“ И вотъ онъ сидитъ подлѣ нея женихомъ, слышитъ, видитъ, чувствуетъ ея близость, ея дыханіе, ея движенія, ея красоту. То вдругъ ему кажется, что это не она, а онъ самъ такъ

необыкновенно красивъ, что оттого-то и смотрятъ такъ на него, и онъ, счастливый общимъ удивленіемъ, выпрямляетъ грудь, поднимаетъ голову и радуется своему счастію. Вдругъ какой-то голосъ, чей-то знакомый голосъ, слышится и говоритъ ему что-то другой разъ. Но Пьеръ такъ занятъ, что не понимаетъ того, что̀ говорятъ ему.

— Я спрашиваю у тебя, когда ты получилъ письмо отъ Болконскаго, повторялъ третій разъ князь Василій. — Какъ ты разсѣянъ, мой милый. Князь Василій улыбается, и Пьеръ видитъ, что всѣ, всѣ улыбаются на него и на Элень.

„Ну что̀жъ, коли вы всѣ знаете“, говорилъ самъ себѣ Пьеръ. „Ну чтожъ? это правда“, и онъ самъ улыбается своею кроткою, дѣтскою улыбкой, и Элень улыбается.

— Когда же ты получилъ? Изъ Ольмюца? повторяетъ князь Василій, которому будто нужно это знать для рѣшенія спора.

„И можно ли говорить и думать о такихъ пустякахъ?“ думалъ Пьеръ.

— Да, изъ Ольмюца, отвѣчаетъ онъ со вздохомъ.

Отъ ужина Пьеръ повелъ свою даму за другими въ гостиную. Гости стали разъѣзжаться, и нѣкоторые уѣзжали, не простившись съ Элень. Какъ будто не желая отрывать ее отъ ея серьезнаго занятія, нѣкоторые подходили на минуту и скорѣе отходили, запрещая ей провожать себя. Дипломатъ грустно молчалъ, выходя изъ гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры въ сравненіи съ счастіемъ Пьера. Старый генералъ сердито проворчалъ на свою жену, когда она спросила его о состояніи его ноги. „Эка старая дура, подумалъ онъ. Вотъ Елена Васильевна, такъ та и въ 50 лѣтъ красавица будетъ“.

— Кажется, что я могу васъ поздравить, прошептала Анна Павловна княгинѣ и крѣпко поцѣловала ее. — Ежели бы не мигрень, я бы осталась. Княгиня ничего не отвѣчала; ее мучила зависть къ счастію своей дочери.

Пьеръ, во время проводовъ гостей, долго оставался одинъ съ Эленъ, въ маленькой гостиной, гдѣ они сѣли. Онъ часто и прежде, въ послѣдніе полтора мѣсяца, оставался одинъ съ Эленъ, но никогда не говорилъ ей о любви. Теперь онъ чувствовалъ, что это было необходимо; но онъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ послѣдній шагъ. Ему было стыдно; ему казалось, что тутъ, подлѣ Эленъ, онъ занимаетъ чье-то чужое мѣсто. „Не для тебя это счастье, говорилъ ему какой-то внутренній голосъ. Это счастье для тѣхъ, у кого нѣтъ того, чтò есть у тебя“. Но надо было сказать что-нибудь, и онъ заговорилъ. Онъ спросилъ у нея, довольна-ли она нынѣшнимъ вечеромъ? Она, какъ и всегда, съ простотой своею отвѣчала, что нынѣшнія именины были для нея одними изъ самыхъ пріятныхъ.

Кое-кто изъ ближайшихъ родныхъ еще оставались. Они сидѣли въ большой гостиной. Князь Василій лѣнивыми шагами подошелъ къ Пьеру. Пьеръ всталъ и сказалъ, что уже поздно. Князь Василій строго-вопросительно посмотрѣлъ на него, какъ будто то, чтò онъ сказалъ, было такъ странно, что нельзя было и разслышать. Но вслѣдъ за тѣмъ выраженіе строгости измѣнилось, и князь Василій дернулъ Пьера внизъ за руку, посадилъ его и ласково улыбнулся.

— Ну чтò, Леля? обратился онъ тотчасъ же къ дочери съ тѣмъ небрежнымъ тономъ привычной нѣжности, который усвоивается родителями, съ дѣтства ласкающими своихъ дѣтей, но который княземъ Васильемъ былъ только угаданъ

посредствомъ подражанія другимъ родителямъ. И онъ опять обратился къ Пьеру: — *Сергѣй Кузьмичъ, со всѣхъ сторонъ*, проговорилъ онъ, разстегивая верхнюю пуговицу жилета.

Пьеръ улыбнулся, но по его улыбкѣ видно было, что онъ понималъ, что не анекдотъ Сергѣя Кузьмича интересовалъ въ это время князя Василья; и князь Василій понялъ, что Пьеръ понималъ это. Князь Василій вдругъ пробурлилъ что-то и вышелъ. Пьеру показалось, что даже князь Василій былъ смущенъ. Видъ смущенья этого стараго свѣтскаго человѣка тронулъ Пьера; онъ оглянулся на Эленъ, — и она, казалось, была смущена и взглядомъ говорила: чтожъ, вы сами виноваты.

„Надо, неизбѣжно перешагнуть, но не могу, я не могу“, думалъ Пьеръ и заговорилъ опять о постороннемъ, о Сергѣѣ Кузьмичѣ, спрашивая, въ чемъ состоялъ этотъ анекдотъ, такъ какъ онъ его не разслышалъ. Эленъ съ улыбкой отвѣчала, что она тоже не знаетъ.

Когда князь Василій вошелъ въ гостиную, княгиня тихо говорила съ пожилою дамой о Пьерѣ.

— Конечно, это очень блестящая партія, но счастье, моя милая...

— Браки совершаются на небесахъ, отвѣчала пожилая дама. Князь Василій, какъ бы не слушая дамъ, прошелъ въ дальній уголъ и сѣлъ на диванъ. Онъ закрылъ глаза и какъ будто дремалъ. Голова его было упала и онъ очнулся.

— Алинъ, сказалъ онъ женѣ, — посмотри, что они дѣлаютъ.

Княгиня подошла къ двери, прошлась мимо нея съ значительнымъ, равнодушнымъ видомъ и заглянула въ гостиную. Пьеръ и Эленъ также сидѣли и разговаривали.

— Все то же, отвѣчала она мужу. Князь Василій нахмурился, сморщилъ ротъ на сторону, щеки его запрыгали съ свойственнымъ ему непріятнымъ, грубымъ выраженіемъ; онъ, встряхнувшись, всталъ, закинулъ назадъ голову и рѣшительными шагами, мимо дамъ, прошелъ въ маленькую гостиную. Онъ скорыми шагами, радостно подошелъ къ Пьеру. Лицо князя было такъ необыкновенно торжественно, что Пьеръ испуганно всталъ, увидавъ его.

— Слава Богу! сказалъ онъ. — Жена мнѣ все сказала! Онъ обнялъ одною рукою Пьера, другою дочь. — Другъ мой! Леля! Я очень, очень радъ. Голосъ его задрожалъ. — Я любилъ твоего отца... и она будетъ тебѣ хорошая жена... Богъ да благословитъ васъ!... Онъ обнялъ дочь, потомъ опять Пьера и поцѣловалъ его своимъ старческимъ ртомъ. Слезы дѣйствительно омочили его щеки. — Княгиня, иди же сюда, прокричалъ онъ.

Княгиня вышла и заплакала тоже. Пожилая дама тоже утиралась платкомъ. Пьера цѣловали, и онъ нѣсколько разъ цѣловалъ руку прекрасной Элленъ. Черезъ нѣсколько времени ихъ опять оставили однихъ.

„Все это такъ должно было быть и не могло быть иначе", думалъ Пьеръ; „поэтому нечего спрашивать, хорошо ли это или дурно? Хорошо потому, что опредѣленно и нѣтъ прежняго мучительнаго сомнѣнія". Пьеръ молча держалъ руку своей невѣсты и смотрѣлъ на ея поднимающуюся и опускающуюся прекрасную грудь.

— Элленъ! сказалъ онъ вслухъ и остановился. Что-то такое особенное говорятъ въ этихъ случаяхъ, думалъ онъ; но никакъ не могъ вспомнить, что такое именно говорятъ въ этихъ случаяхъ. Онъ взглянулъ въ ея лицо. Она придвинулась къ нему ближе. Лицо ея зарумянилось.

— Ахъ снимите эти… какъ эти… она указывала на очки.

Пьеръ снялъ очки, и глаза его, сверхъ той общей странности глазъ людей, снявшихъ очки, глаза его смотрѣли испуганно-вопросительно. Онъ хотѣлъ нагнуться надъ ея рукой и поцѣловать ее; но она быстрымъ и грубымъ движеніемъ головы перехватила его губы и свела ихъ съ своими. Лицо ея поразило Пьера своимъ измѣнившимся, непріятно-растеряннымъ выраженіемъ.

„Теперь ужъ поздно, все кончено, да и я люблю ее“, подумалъ Пьеръ.

— Я васъ люблю! сказалъ онъ, вспомнивъ то, что нужно было говорить въ этихъ случаяхъ; но слова эти прозвучали такъ бѣдно, что ему стало стыдно за себя.

Черезъ полтора мѣсяца онъ былъ обвѣнчанъ и поселился, какъ говорили, счастливымъ обладателемъ красавицы жены и милліоновъ въ большомъ петербургскомъ заново отдѣланномъ домѣ графовъ Безухихъ.

III.

Старый князь Николай Андреичъ Болконскій, въ декабрѣ 1805 года, получилъ письмо отъ князя Василія, извѣщавшаго его о своемъ пріѣздѣ вмѣстѣ съ сыномъ („Я ѣду на ревизію, и разумѣется мнѣ 100 верстъ не крюкъ, чтобы посѣтить васъ, многоуважаемый благодѣтель“, писалъ онъ, „и Анатоль мой провожаетъ меня и ѣдетъ въ армію, и я надѣюсь, что вы позволите ему лично выразить вамъ то глубокое уваженіе, которое онъ, подражая отцу, питаетъ къ вамъ“).

— Вотъ Мари и вывозить не нужно, женихи сами къ намъ ѣдутъ, неосторожно сказала маленькая княгиня, услыхавъ

про это. Князь Николай Андреичъ поморщился и ничего не сказалъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ полученія письма, вечеромъ, пріѣхали впередъ люди князя Василья, а на другой день пріѣхалъ и онъ самъ съ сыномъ.

Старикъ Болконскій всегда былъ невысокаго мнѣнія о характерѣ князя Василья, и тѣмъ болѣе въ послѣднее время, когда князь Василій въ новыя царствованія при Павлѣ и Александрѣ далеко пошелъ въ чинахъ и почестяхъ. Теперь же, по намекамъ письма и маленькой княгини, онъ понялъ въ чемъ дѣло, и невысокое мнѣніе о князѣ Васильѣ перешло въ душѣ князя Николая Андреича въ чувство недоброжелательнаго презрѣнія. Онъ постоянно фыркалъ, говоря про него. Въ тотъ день, какъ пріѣхать князю Василію, князь Николай Андреичъ былъ особенно недоволенъ и не въ духѣ. Оттого ли онъ былъ не въ духѣ, что пріѣзжалъ князь Василій, или оттого онъ былъ особенно недоволенъ пріѣздомъ князя Василья, что былъ не въ духѣ; но онъ былъ не въ духѣ, и Тихонъ еще утромъ отсовѣтовалъ архитектору входить съ докладомъ къ князю.

— Слышите, какъ ходитъ, сказалъ Тихонъ, обращая вниманіе архитектора на звуки шаговъ князя. — На всю пятку ступаетъ — ужъ мы знаемъ...

Однако, какъ обыкновенно, въ 9-мъ часу князь вышелъ гулять въ своей бархатной шубкѣ съ собольимъ воротникомъ и такой же шапкѣ. Наканунѣ выпалъ снѣгъ. Дорожка, по которой хаживалъ князь Николай Андреичъ къ оранжереѣ, была расчищена, слѣды метлы виднѣлись на разметанномъ снѣгу, и лопата была воткнута въ рыхлую насыпь снѣга, шедшую съ обѣихъ сторонъ дорожки. Князь прошелъ

по оранжереямъ, по дворнѣ и постройкамъ, нахмуренный и молчаливый.

— А проѣхать къ санямъ можно? спросилъ онъ провожавшаго его до дома почтеннаго, похожаго лицомъ и манерами на хозяина, управляющаго.

— Глубокъ снѣгъ, ваше сіятельство. Я уже по прешпекту разметать велѣлъ.

Князь наклонилъ голову и подошелъ къ крыльцу. „Слава тебѣ Господи, подумалъ управляющій, пронеслась туча!“

— Проѣхать трудно было, ваше сіятельство, прибавилъ управляющій. — Какъ слышно было, ваше сіятельство, что министръ пожалуетъ къ вашему сіятельству? Князь повернулся къ управляющему и нахмуренными глазами установился на него.

— Чтò? Министръ? Какой министръ? Кто велѣлъ? заговорилъ онъ своимъ пронзительнымъ, жесткимъ голосомъ. — Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нѣтъ министровъ!

— Ваше сіятельство, я полагалъ...

— Ты полагалъ, закричалъ князь, все поспѣшнѣе и несвязнѣе выговаривая слова. — Ты полагалъ... Разбойники! прохвосты!.. Я тебя научу полагать, и поднявъ палку, онъ замахнулся ею на Алпатыча и ударилъ бы, ежели бы управляющій невольно не отклонился отъ удара. — Полагалъ... Прохвосты... торопливо кричалъ онъ; но несмотря на то, что Алпатычъ, самъ испугавшійся своей дерзости отклониться отъ удара, приблизился къ князю, опустивъ предъ нимъ покорно свою плѣшивую голову, или можетъ быть именно отъ этого, князь продолжая кричать: „Прохвосты!.. закидать дорогу...“ не поднялъ другой разъ палки и вбѣжалъ въ комнаты.

Предъ обѣдомъ княжна и m-elle Бурьенъ, знавшія что князь не въ духѣ, стояли, ожидая его; m-elle Бурьенъ съ сіяющимъ лицомъ, которое говорило: я ничего не знаю, я такая же, какъ и всегда, и княжна Марья блѣдная, испуганная, съ опущенными глазами. Тяжеле всего для княжны Марьи было то, что она знала, что въ этихъ случаяхъ надо поступать, какъ m-elle Бурьенъ, но не могла этого сдѣлать. Ей казалось: „сдѣлаю я такъ, какъ будто не замѣчаю, онъ подумаетъ, что у меня нѣтъ къ нему сочувствія; сдѣлаю я такъ, что я сама скучна и не въ духѣ, онъ скажетъ (какъ это и бывало), что я носъ повѣсила“ и т. п.

Князь взглянулъ на испуганное лицо дочери и фыркнулъ.

— Др... или дура... проговорилъ онъ. — И той нѣтъ! ужъ и ей насплетничали, подумалъ онъ про маленькую княгиню, которой не было въ столовой.

— А княгиня гдѣ? спросилъ онъ. — Прячется?...

— Она не совсѣмъ здорова, весело улыбаясь, сказала m-elle Бурьенъ, — она не выйдетъ. Это такъ понятно въ ея положеніи.

— Гм! гм! кх! кх! проговорилъ князь и сѣлъ за столъ. Тарелка ему показалась не чиста: онъ указалъ на пятно и бросилъ ее. Тихонъ подхватилъ ее и передалъ буфетчику. Маленькая княгиня не была нездорова; но она до такой степени непреодолимо боялась князя, что, услыхавъ о томъ, какъ онъ не въ духѣ, она рѣшилась не выходить.

— Я боюсь за ребенка, говорила она m-elle Бурьенъ: — Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлаться отъ испуга.

Вообще маленькая княгиня жила въ Лысыхъ Горахъ постоянно подъ чувствомъ страха и антипатіи къ старому князю, которой она не сознавала, потому что страхъ такъ преобла-

далъ, что она не могла ея чувствовать. Со стороны князя была тоже антипатія, но она заглушалась презрѣніемъ. Княгиня, обжившись въ Лысыхъ Горахъ, особенно полюбила m-elle Бурьенъ, проводила съ нею дни, просила ее ночевать съ собой и съ нею часто говорила о свекрѣ и судила его.

— Къ намъ ѣдутъ гости, князь, сказала m-elle Бурьенъ, своими розовенькими руками развертывая бѣлую салфетку.— Его сіятельство князь Курагинъ съ сыномъ, сколько я слышала? вопросительно сказала она.

— Гм... это сіятельство мальчишка... я его опредѣлилъ въ коллегію, оскорбленно сказалъ князь. — А сынъ зачѣмъ, не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, можетъ, знаютъ; я не знаю, къ чему онъ везетъ этого сына сюда. Мнѣ не нужно. И онъ посмотрѣлъ на покраснѣвшую дочь.

— Нездорова, что ли? Отъ страха министра, какъ нынче этотъ болванъ Алпатычъ сказалъ.

— Нѣтъ, батюшка.

Какъ ни неудачно попала m-elle Бурьенъ на предметъ разговора, она не остановилась и болтала объ оранжереяхъ, о красотѣ новаго распустившагося цвѣтка, и князь послѣ супа смягчился.

Послѣ обѣда онъ прошелъ къ невѣсткѣ. Маленькая княгиня сидѣла за маленькимъ столикомъ и болтала съ Машей, горничной. Она поблѣднѣла, увидавъ свекра.

Маленькая княгиня очень перемѣнилась. Она скорѣе была дурна, нежели хороша теперь. Щеки опустились, губа поднялась кверху, глаза были обтянуты книзу.

— Да, тяжесть какая-то, отвѣчала она на вопросъ князя, что она чувствуетъ

— Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, благодарю, батюшка.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онъ вышелъ и дошелъ до официантской. Алпатычъ, нагнувъ голову, стоялъ въ официантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сіятельство; простите ради Бога, по одной глупости.

Князь перебилъ его и засмѣялся своимъ неестественнымъ смѣхомъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Онъ протянулъ руку, которую поцѣловалъ Алпатычъ, и прошелъ въ кабинетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ князь Василій. Его встрѣтили на *прешпектѣ* (такъ назывался проспектъ), кучера́ и официанты съ крикомъ провезли его возки и сани къ флигелю, по нарочно засыпанной снѣгомъ дорогѣ.

Князю Василью и Анатолю были отведены отдѣльныя комнаты.

Анатоль сидѣлъ, снявъ камзолъ и подпершись руками въ бока, предъ столомъ, на уголъ котораго онъ, улыбаясь, пристально и разсѣянно устремилъ свои прекрасные большіе глаза. На всю жизнь свою онъ смотрѣлъ какъ на непрерывное увеселеніе, которое кто-то такой почему-то обязался устроить для него. Такъ же и теперь онъ смотрѣлъ на свою поѣздку къ злому старику и къ богатой, уродливой наслѣдницѣ. Все это могло выйти, по его предположенію, очень хорошо и забавно. „А отчего же не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мѣшаетъ“, думалъ Анатоль.

Онъ выбрился, надушился со тщательностью и щегольствомъ, сдѣлавшимися его привычкою, и съ прирожденнымъ

ему добродушно-побѣдительнымъ выраженіемъ, высоко неся красивую голову, вошелъ въ комнату къ отцу. Около князя Василья хлопотали его два камердинера, одѣвая его; онъ самъ оживленно оглядывался вокругъ себя и весело кивнулъ входившему сыну, какъ будто онъ говорилъ: Такъ, такимъ мнѣ тебя и надо!

— Нѣтъ, безъ шутокъ, батюшка, она очень уродлива? А? по-французски спросилъ онъ, какъ бы продолжая разговоръ, не разъ веденный во время путешествія.

— Полно, глупости! Главное дѣло, старайся быть почтителенъ и благоразуменъ съ старымъ княземъ.

— Ежели онъ будетъ браниться, я уйду, сказалъ Анатоль. — Я этихъ стариковъ терпѣть не могу. А?

— Помни, что для тебя отъ этого зависитъ все.

Въ это время въ дѣвичьей не только былъ извѣстенъ пріѣздъ министра съ сыномъ, но внѣшній видъ ихъ обоихъ былъ уже подробно описанъ. Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ и тщетно пыталась преодолѣть свое внутреннее волненіе.

„Зачѣмъ они писали, зачѣмъ Лиза говорила мнѣ про это? Вѣдь этого не можетъ быть!“ говорила она себѣ, взглядывая въ зеркало. „Какъ я выйду въ гостиную? Ежели бы онъ даже мнѣ понравился, я бы не могла быть теперь съ нимъ сама собою“. Одна мысль о взглядѣ ея отца приводила ее въ ужасъ. Маленькая княгиня и m-elle Бурьенъ получили уже всѣ нужныя свѣдѣнія отъ горничной Маши, о томъ, какой румяный, чернобровый красавецъ былъ министерскій сынъ, и о томъ, какъ папенька ихъ насилу ноги проволокъ на лѣстницу, а онъ какъ орелъ, шагая по три ступеньки пробѣжалъ за нимъ. Получивъ эти свѣдѣнія, маленькая княгиня

и m-elle Бурьенъ, еще изъ коридора слышныя своими оживленно-переговаривавшими голосами, вошли въ комнату княжны.

— Они пріѣхали, Мари, вы знаете? сказала маленькая княгиня, переваливаясь своимъ животомъ и тяжело опускаясь на кресло. Она уже не была въ той блузѣ, въ которой сидѣла поутру, а на ней было одно изъ лучшихъ ея платьевъ; голова ея была тщательно убрана, и на лицѣ ея было оживленіе, не скрывавшее однако опустившихся и помертвѣвшихъ очертаній лица. Въ томъ нарядѣ, въ которомъ она бывала обыкновенно въ обществахъ въ Петербургѣ, еще замѣтнѣе было, какъ много она подурнѣла. На m-elle Бурьенъ тоже появилось уже незамѣтно какое-то усовершенствованіе наряда, которое придавало ея хорошенькому, свѣженькому лицу еще болѣе привлекательности.

— Ну, а вы остаетесь въ чемъ были, милая княжна. Сейчасъ придутъ сказать, что они вышли, заговорила она. — Надо будетъ идти внизъ: а вы хоть бы чуть-чуть принарядились.

Маленькая княгиня поднялась съ кресла, позвонила горничную и поспѣшно и весело принялась придумывать нарядъ для княжны Марьи и приводить его въ исполненіе. Княжна Марья чувствовала себя оскорбленною въ чувствѣ собственнаго достоинства тѣмъ, что пріѣздъ обѣщаннаго жениха волновалъ ее, и еще болѣе она была оскорблена тѣмъ, что обѣ ея подруги и не предполагали, чтобъ это могло быть иначе. Сказать имъ, какъ ей совѣстно было за себя и за нихъ, это значило выдать свое волненіе; кромѣ того отказаться отъ наряжанія, которое предлагали ей, повело бы къ продолжительнымъ шуткамъ и настаиваніямъ. Она вспыхнула, прекрасные глаза ея потухли, лицо ея покрылось пятнами,

и съ тѣмъ неизмѣннымъ выраженiемъ жертвы, чаще всего останавливающимся на ея лицѣ, она отдалась во власть m-elle Бурьенъ и Лизы. Обѣ женщины заботились, *совершенно искренно*, о томъ, чтобы сдѣлать ее красивою. Она была такъ дурна, что ни одной изъ нихъ не могла прiйти мысль о соперничествѣ съ нею; поэтому онѣ совершенно искренно, съ тѣмъ наивнымъ и твердымъ убѣжденiемъ женщинъ, что нарядъ можетъ сдѣлать лицо красивымъ, принялись за ея одѣванье.

— Нѣтъ, право, мой дружокъ, это платье не хорошо, говорила Лиза, издалека бокомъ взглядывая на княжну: — вели подать, у тебя тамъ есть масака. Право! Что жъ, вѣдь это, можетъ быть, судьба жизни рѣшается. А это слишкомъ свѣтло, не хорошо, нѣтъ, не хорошо!

Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны; но этого не чувствовали m-elle Бурьенъ и маленькая княгиня; имъ все казалось, что ежели приложить голубую ленту къ волосамъ, зачесаннымъ кверху, и спустить голубой шарфъ съ коричневаго платья, и т. п., то все будетъ хорошо. Онѣ забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было измѣнить, и потому, какъ онѣ ни видоизмѣняли раму и украшенiе этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво. Послѣ двухъ или трехъ перемѣнъ, которымъ покорно подчинялась княжна Марья, въ ту минуту, какъ она была зачесана кверху (прическа, совершенно измѣнявшая и портившая ея лицо), въ голубомъ шарфѣ и масака нарядномъ платьѣ, маленькая княгиня раза два обошла кругомъ ея, маленькою ручкой оправила тутъ складку платья, тамъ подернула шарфъ и посмотрѣла, склонивъ голову, то съ той, то съ другой стороны.

— Нѣтъ, это нельзя, сказала она рѣшительно, всплеснувъ руками. — Нѣтъ, Мари, рѣшительно это нейдетъ къ вамъ. Я васъ лучше люблю въ вашемъ сѣренькомъ, ежедневномъ платьицѣ, пожалуйста, сдѣлайте это для меня. Катя, сказала она горничной, — принеси княжнѣ сѣренькое платье, и посмотрите, m-elle Бурьенъ, какъ я это устрою, сказала она съ улыбкой предвкушенія артистической радости. Но когда Катя принесла требуемое платье, княжна Марья неподвижно все сидѣла предъ зеркаломъ, глядя на свое лицо, и въ зеркалѣ увидала, что въ глазахъ ея стоятъ слезы, и что ротъ ея дрожитъ, приготовляясь къ рыданіямъ.

— Ну, княжна, сказала m-elle Бурьенъ, — еще маленькое усиліе.

Маленькая княгиня, взявъ платье изъ рукъ горничной, подходила къ княжнѣ Марьѣ.

— Нѣтъ, теперь мы это сдѣлаемъ просто, мило, говорила она. Голоса ея, m-elle Бурьенъ и Кати, которая о чемъ-то засмѣялась, сливались въ веселое лепетанье, похожее на пѣніе птицъ.

— Нѣтъ, оставьте меня, сказала княжна, и голосъ ея звучалъ такою серьезностью и страданіемъ, что лепетанье птицъ тотчасъ же замолкло. Онѣ посмотрѣли на большіе, прекрасные глаза, полные слезъ и мысли, ясно и умоляюще смотрѣвшіе на нихъ, и поняли, что настаивать безполезно и даже жестоко.

— По крайней мѣрѣ перемѣните прическу, сказала маленькая княгиня. — Я вамъ говорила, съ упрекомъ сказала она, обращаясь къ m-elle Бурьенъ, что у Мари одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ этотъ родъ прически совсѣмъ нейдетъ. Совсѣмъ нейдетъ! Перемѣните пожалуйста.

— Оставьте меня; мнѣ все равно, отвѣчалъ голосъ, едва удерживающій слезы.

M-elle Бурьенъ и маленькая княгиня должны были признаться самимъ себѣ, что княжна Марья въ этомъ видѣ была очень дурна, хуже чѣмъ всегда, но было уже поздно. Она смотрѣла на нихъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое онѣ знали, выраженіемъ мысли и грусти. Выраженіе это не внушало имъ страха къ княжнѣ Марьѣ. (Этого чувства она никому не внушала). Но онѣ знали, что когда на ея лицѣ появлялось это выраженіе, она была молчалива и непоколебима въ своихъ рѣшеніяхъ.

— Вы перемѣните, не правда ли? сказала Лиза, и когда княжна Марья ничего не отвѣтила, Лиза вышла изъ комнаты.

Княжна Марья осталась одна. Она не исполнила желанія Лизы, и не только не перемѣнила прически, но и не взглянула на себя въ зеркало. Она, безсильно опустивъ глаза и руки, молча сидѣла и думала. Ей представлялся мужъ, мужчина, сильное, преобладающее и непонятно привлекательное существо, переносящее ее вдругъ въ свой, совершенно другой, счастливый міръ. Ребенокъ свой, такой, какого она видѣла вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у своей собственной груди. Мужъ стоитъ и нѣжно смотритъ на нее и ребенка: „но нѣтъ, это невозможно, я слишкомъ дурна“, думала она.

— Пожалуйте къ чаю. Князь сейчасъ выйдутъ, сказалъ изъ-за двери голосъ горничной. Она очнулась и ужаснулась тому, о чемъ она думала. И прежде чѣмъ идти внизъ, она встала, вошла въ образную и, устремивъ на освѣщенный лампадой черный ликъ большаго образа Спасителя, простояла предъ нимъ нѣсколько минутъ съ сложенными руками. Въ душѣ

княжны Марьи было мучительное сомнѣнье. Возможна ли для нея радость любви, земной любви къ мужчинѣ? Въ помышленіяхъ о бракѣ, княжнѣ Марьѣ мечталось и семейное счастіе и дѣти, но главною, сильнѣйшею и затаенною ея мечтой была любовь земная. Чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она старалась скрывать его отъ другихъ и даже отъ самой себя. „Боже мой, говорила она, какъ мнѣ подавить въ сердцѣ своемъ эти мысли дьявола? Какъ мнѣ отказаться такъ навсегда отъ злыхъ помысловъ, чтобы спокойно исполнять Твою волю?“ И едва она сдѣлала этотъ вопросъ, какъ Богъ уже отвѣчалъ ей въ ея собственномъ сердцѣ. „Не желай ничего для себя, не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвѣстна тебѣ; но живи такъ, чтобы быть готовою ко всему. Если Богу угодно будетъ испытать тебя въ обязанностяхъ брака, будь готова исполнить Его волю“. Съ этою успокоительною мыслью (но все-таки съ надеждой на исполненіе своей запрещенной, земной мечты) княжна Марья, вздохнувъ, перекрестилась и сошла внизъ, не думая ни о своемъ платьѣ, ни о прическѣ, ни о томъ, какъ она войдетъ и что скажетъ. Что могло все это значить въ сравненіи съ предопредѣленіемъ Бога, безъ воли Котораго не падетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣческой.

IV.

Когда княжна Марья вошла въ комнату, князь Василій съ сыномъ уже были въ гостиной, разговаривая съ маленькою княгиней и m-elle Бурьенъ. Когда она вошла своею тяжелою походкой, ступая на пятки, мужчины и m-elle Бурьенъ приподнялись, и маленькая княгиня, указывая на нее мужчинамъ, сказала: „Вотъ Мари!“ Княжна Марья видѣла

всѣхъ, и подробно видѣла. Она видѣла лицо князя Василья, на мгновеніе серьезно остановившееся при видѣ княжны и тотчасъ же улыбнувшееся, и лицо маленькой княгини, читавшей съ любопытствомъ на лицахъ гостей впечатлѣніе, которое произведетъ на нихъ Мари. Она видѣла и m-elle Бурьенъ съ ея лентой и красивымъ лицомъ и оживленнымъ, какъ никогда, взглядомъ, устремленнымъ на *него*; но она не могла видѣть *его*, она видѣла только что-то большое, яркое и прекрасное, подвинувшееся къ ней, когда она вошла въ комнату. Сначала къ ней подошелъ князь Василій, и она поцѣловала плѣшивую голову, наклонившуюся надъ ея рукою, и отвѣчала на его слова, что она напротивъ очень хорошо помнитъ его. Потомъ къ ней подошелъ Анатоль. Она все еще не видала его. Она только почувствовала нѣжную руку, твердо взявшую ея руку и чуть дотронулась до бѣлаго лба, надъ которымъ были припомажены прекрасные русые волосы. Когда она взглянула на него, красота его поразила ее. Анатоль, заложивъ большой палецъ правой руки за застегнутую пуговицу мундира, съ выгнутою впередъ грудью, а назадъ — спиною, покачивая одною отставленною ногой и слегка склонивъ голову, молча, весело глядѣлъ на княжну, видимо совершенно о ней не думая. Анатоль былъ не находчивъ, не быстръ и не краснорѣчивъ въ разговорахъ, но у него за то была драгоцѣнная для свѣта способность спокойствія и ничѣмъ неизмѣнной увѣренности. Замолчи при первомъ знакомствѣ несамоувѣренный человѣкъ и выкажи сознаніе неприличности этого молчанія и желаніе найти что-нибудь, и будетъ не хорошо; но Анатоль молчалъ, покачивалъ ногой, весело наблюдая прическу княжны. Видно было, что онъ такъ спокойно могъ молчать очень долго. „Ежели кому неловко это молчаніе,

такъ разговаривайте, а мнѣ не хочется", какъ будто говорилъ его видъ. Кромѣ того, въ обращеніи съ женщинами у Анатоля была та манера, которая болѣе всего внушаетъ въ женщинахъ любопытство, страхъ и даже любовь, — манера презрительнаго сознанія своего превосходства. Какъ будто онъ говорилъ имъ своимъ видомъ: „Знаю васъ, знаю, да что съ вами возиться? А ужъ вы бы рады!" Можетъ быть, что онъ этого не думалъ, встрѣчаясь съ женщинами (и даже вѣроятно, что нѣтъ, потому что онъ вообще мало думалъ), но такой у него былъ видъ и такая манера. Княжна почувствовала это и, какъ будто желая ему показать, что она и не смѣетъ думать о томъ, чтобы занимать его, обратилась къ старому князю. Разговоръ шелъ общій и оживленный, благодаря голоску и губкѣ съ усиками, поднимавшейся надъ бѣлыми зубами маленькой княгини. Она встрѣтила князя Василья съ тѣмъ пріемомъ шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми, и который состоитъ въ томъ, что между человѣкомъ, съ которымъ такъ обращаются, и собой, предполагаютъ какія-то давно установившіяся шуточки и веселыя, отчасти не всѣмъ извѣстныя, забавныя воспоминанія, тогда какъ никакихъ такихъ воспоминаній нѣтъ, какъ ихъ и не было между маленькою княгиней и княземъ Васильемъ. Князь Василій охотно поддался этому тону; маленькая княгиня вовлекла въ это воспоминаніе никогда не бывшихъ смѣшныхъ происшествій и Анатоля, котораго она почти не знала. M-elle Бурьенъ тоже раздѣляла эти общія воспоминанія, и даже княжна Марья съ удовольствіемъ почувствовала и себя втянутою въ это веселое воспоминаніе.

— Вотъ по крайней мѣрѣ, мы вами теперь вполнѣ воспользуемся, милый князь, говорила маленькая княгиня, ра-

зумѣется по-французски, князю Василью, — это не такъ, какъ на нашихъ вечерахъ у Анетъ, гдѣ вы всегда убѣжите. Помните, эта милая Анетъ?

— А, да вы мнѣ не *подите говорить* про политику, какъ Анетъ!

— А нашъ чайный столикъ?

— О, да!

— Отчего вы никогда не бывали у Анетъ? спросила маленькая княгиня у Анатоля. — А! я знаю, знаю, сказала она, подмигнувъ: вашъ братъ Ипполитъ мнѣ разсказывалъ про ваши дѣла. О! Она погрозила ему пальчикомъ. — Еще въ Парижѣ ваши проказы знаю!

— А онъ, Ипполитъ, тебѣ не говорилъ? сказалъ князь Василій (обращаясь къ сыну и схвативъ за руку княгиню, какъ будто она хотѣла убѣжать, а онъ едва успѣлъ удержать ее), а онъ тебѣ не говорилъ, какъ онъ самъ, Ипполитъ, изсыхалъ по милой княгинѣ, и какъ она выгоняла его изъ дома?

— Ахъ! это перлъ женщинъ, княжна, обратился онъ къ княжнѣ. Съ своей стороны m-elle Бурьенъ не упустила случая при словѣ Парижъ вступить тоже въ общій разговоръ воспоминаній.

Она позволила себѣ спросить, давно ли Анатоль оставилъ Парижъ, и какъ понравился ему этотъ городъ. Анатоль весьма охотно отвѣчалъ француженкѣ и улыбаясь, глядя на нее, разговаривалъ съ нею про ея отечество. Увидавъ хорошенькую Бурьенъ, Анатоль рѣшилъ, что и здѣсь, въ Лысыхъ Горахъ, будетъ нескучно. „Очень не дурна!“ думалъ онъ, оглядывая ее, „очень не дурна эта компаньонка. Надѣюсь что она возьметъ ее съ собой, когда выйдетъ за меня, подумалъ онъ, „очень, очень недурна“.

Старый князь неторопливо одѣвался въ кабинетѣ, хмурясь и обдумывая то, что̀ ему дѣлать. Пріѣздъ этихъ гостей сердилъ его. „Что̀ мнѣ князь Василій и его сынокъ? Князь Василій хвастунишка, пустой, ну и сынъ хорошъ долженъ быть“, ворчалъ онъ про себя. Его сердило то, что пріѣздъ этихъ гостей поднималъ въ его душѣ нерѣшенный, постоянно заглушаемый вопросъ, вопросъ, насчетъ котораго старый князь всегда самъ себя обманывалъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, рѣшится ли онъ когда-либо разстаться съ княжной Марьей и отдать ее мужу. Князь никогда прямо не рѣшался задавать себѣ этотъ вопросъ, зная впередъ, что онъ отвѣтилъ бы по справедливости, а справедливость противорѣчила больше чѣмъ чувству, а всей возможности его жизни. Жизнь безъ княжны Марьи князю Николаю Андреевичу несмотря на то, что онъ казалось мало дорожилъ ею, была немыслима. „И къ чему ей выходить замужъ?“ думалъ онъ, „навѣрно быть несчастною. Вонъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а развѣ она довольна своею судьбой? И кто ее возьметъ изъ любви? Дурна, неловка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ не живутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!“ Такъ думалъ, одѣваясь, князь Николай Андреевичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все откладываемый вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія. Князь Василій привезъ своего сына очевидно съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе и вѣроятно нынче или завтра потребуетъ прямаго отвѣта. Имя, положеніе въ свѣтѣ приличное. „Чтожъ, я не прочь“, говорилъ самъ себѣ князь, „но пусть онъ будетъ стоить ея. Вотъ это-то мы и посмотримъ. Это-то мы и посмотримъ“, проговорилъ онъ вслухъ. „Это-то мы и посмотримъ“, и онъ, какъ всегда, бодрыми шагами вошелъ

въ гостиную, быстро окинулъ глазами всѣхъ, замѣтилъ и перемѣну платья маленькой княгини, и ленточку Бурьенъ, и уродливую прическу княжны Марьи, и улыбки Бурьенъ, и Анатоля, и одиночество своей княжны въ общемъ разговорѣ. „Убралась какъ дура!“ подумалъ онъ, злобно взглянувъ на дочь. „Стыда нѣтъ, а онъ ея и знать не хочетъ!“

Онъ подошелъ къ князю Василью.

— Ну здравствуй, здравствуй, радъ видѣть.

— Для мила-дружка семь верстъ не околица, заговорилъ князь Василій, какъ всегда быстро, самоувѣренно и фамильярно. — Вотъ мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андреевичъ оглядѣлъ Анатоля.

— Молодецъ, молодецъ! сказалъ онъ, — ну, поди, поцѣлуй, и онъ подставилъ ему щеку. Анатоль поцѣловалъ старика, и любопытно и совершенно спокойно смотрѣлъ на него, ожидая скоро ли произойдетъ отъ него обѣщанное отцомъ чудачное.

Князь Николай Андреевичъ сѣлъ на свое обычное мѣсто въ уголъ дивана, подвинулъ къ себѣ кресло для князя Василья, указалъ на него, и сталъ разспрашивать о политическихъ дѣлахъ и новостяхъ. Онъ слушалъ какъ будто со вниманіемъ разсказъ князя Василья, но безпрестанно взглядывалъ на княжну Марью.

— Такъ ужъ изъ Потсдама пишутъ? повторилъ онъ послѣднія слова князя Василья и, вдругъ вставъ, подошелъ къ дочери.

— Это ты для гостей такъ убралась, а? сказалъ онъ. — Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана по новому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ не смѣй ты переодѣваться безъ моего спроса.

— Это я, батюшка, виновата, краснѣя заступилась маленькая княгиня.

— Вамъ полная воля-съ, сказалъ князь Николай Андреевичъ, расшаркиваясь предъ невѣсткой, — а ей уродовать себя нечего, — и такъ дурна. И онъ опять сѣлъ на мѣсто, не обращая болѣе вниманія на до-слезъ доведенную дочь.

— Напротивъ, эта прическа очень идетъ княжнѣ, сказалъ князь Василій.

— Ну, батюшка, молодой князь, какъ его зовутъ? сказалъ князь Николай Андреевичъ, обращаясь къ Анатолю, — поди сюда, поговоримъ, познакомимся.

„Вотъ когда начинается потѣха“, подумалъ Анатоль, и съ улыбкой подсѣлъ къ старому князю.

— Ну вотъ что́: вы, мой милый, говорятъ, за границей воспитывались. Не такъ, какъ насъ съ твоимъ отцомъ дьячекъ грамотѣ училъ. Скажите мнѣ, мой милый, вы теперь служите въ конной гвардіи? спросилъ старикъ, близко и пристально глядя на Анатоля.

— Нѣтъ, я перешелъ въ армію, отвѣчалъ Анатоль, едва удерживаясь отъ смѣха.

— А! хорошее дѣло. Что жъ, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время военное. Такому молодцу служить надо, служить надо. Что жъ, во фронтѣ?

— Нѣтъ, князь. Полкъ нашъ выступилъ. А я числюсь. При чемъ я числюсь, папа? обратился Анатоль со смѣхомъ къ отцу.

— Славно служить, славно. При чемъ я числюсь! Ха-ха-ха! засмѣялся князь Николай Андреевичъ, и Анатоль засмѣялся еще громче. Вдругъ князь Николай Андреевичъ нахмурился. — Ну, ступай, сказалъ онъ Анатолю. Анатоль съ улыбкой подошелъ опять къ дамамъ.

— Вѣдь ты его тамъ за-границей воспитывалъ, князь Василій? А? обратился старый князь къ князю Василью.

— Я дѣлалъ, что могъ; и я вамъ скажу, что тамошнее воспитаніе гораздо лучше нашего.

— Да, нынче все другое, все по новому. Молодецъ малый! молодецъ! Ну пойдемъ ко мнѣ. Онъ взялъ князя Василья подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

Князь Василій, оставшись одинъ на одинъ съ княземъ, тотчасъ же объявилъ ему о своемъ желаніи и надеждахъ.

— Чтò жь ты думаешь, сердито сказалъ старый князь, — что я ее держу, не могу разстаться? Вообразятъ себѣ! проговорилъ онъ сердито. — Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя знать хочу лучше. Ты знаешь мои правила: все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу; хочетъ она, тогда пусть онъ поживетъ. Пускай поживетъ, я посмотрю. Князь фыркнулъ. — Пускай выходитъ, мнѣ все равно, закричалъ онъ тѣмъ пронзительнымъ голосомъ, которымъ онъ кричалъ при прощаньи съ сыномъ.

— Я вамъ прямо скажу, сказалъ князь Василій, тономъ хитраго человѣка, убѣдившагося въ ненужности хитрить предъ проницательностью собесѣдника. — Вы вѣдь насквозь людей видите. Анатоль не геній, но честный, добрый малый, прекрасный сынъ и родной.

— Ну, ну, хорошо, увидимъ.

Какъ оно всегда бываетъ для одинокихъ женщинъ, долго проживших безъ мужскаго общества, при появленіи Анатоля всѣ три женщины въ домѣ князя Николая Андреевича одинаково почувствовали, что жизнь ихъ была не жизнью до этого времени. Сила мыслить, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятерилась во всѣхъ нихъ; и, какъ будто ихъ

жизнь, до сихъ поръ происходившая во мракѣ, вдругъ освѣтилась новымъ, полнымъ значенія свѣтомъ.

Княжна Марья вовсе не думала и не помнила о своемъ лицѣ и прическѣ. Красивое, открытое лицо человѣка, который, можетъ быть, будетъ ея мужемъ, поглощало все ея вниманіе. Онъ ей казался добръ, храбръ, рѣшителенъ, мужественъ и великодушенъ. Она была убѣждена въ этомъ. Тысячи мечтаній о будущей, семейной жизни безпрестанно возникали въ ея воображеніи. Она отгоняла и старалась скрыть ихъ.

„Но не слишкомъ ли я холодна съ нимъ?“ думала княжна Марья. „Я стараюсь сдерживать себя, потому что въ глубинѣ души чувствую себя къ нему уже слишкомъ близкою; но вѣдь онъ не знаетъ всего того, что я о немъ думаю, и можетъ вообразить себѣ, что онъ мнѣ непріятенъ“.

И княжна Марья старалась и не умѣла быть любезною съ новымъ гостемъ.

„Бѣдная дѣвушка! Чертовски дурна!“ думалъ про нее Анатоль.

M-elle Бурьенъ, взведенная тоже пріѣздомъ Анатоля на высокую степень возбужденія, думала въ другомъ родѣ. Конечно, красивая, молодая дѣвушка безъ опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, безъ родныхъ и друзей и даже родины, не думала посвятить свою жизнь услугамъ князю Николаю Андреевичу, чтенію ему книгъ и дружбѣ къ княжнѣ Марьѣ. M-elle Бурьенъ давно ждала того русскаго князя, который сразу сумѣетъ оцѣнить ея превосходство надъ русскими, дурными, дурно одѣтыми, неловкими княжнами, влюбится въ нее и увезетъ ее; и вотъ этотъ русскій князь наконецъ пріѣхалъ. У m-elle Бурьенъ была исторія, слышанная ею отъ тетки, доконченная ею самою, которую она любила по-

вторять въ своемъ воображенiи. Это была исторiя о томъ, какъ соблазненной дѣвушкѣ представлялась ея бѣдная мать (sa pauvre mère), и упрекала ее за то, что она безъ брака отдалась мужчинѣ. M-elle Бурьенъ часто трогалась до слезъ въ воображенiи своемъ, разсказывая *„ему“*, соблазнителю, эту исторiю. Теперь этотъ *„онъ“*, настоящiй русскiй князь, явился. Онъ увезетъ ее, потомъ явится „моя бѣдная мать“ и онъ женится на ней. Такъ складывалась въ головѣ m-elle Бурьенъ вся ея будущая исторiя, въ самое то время, какъ она разговаривала съ нимъ о Парижѣ. Не расчеты руководили m-elle Бурьенъ (она даже ни минуты не обдумывала того, что̀ ей дѣлать), но все это уже давно было готово въ ней и теперь только сгруппировалось около появившагося Анатоля, которому она желала и старалась какъ можно больше нравиться.

Маленькая княгиня, какъ старая полковая лошадь, услыхавъ звукъ трубы, безсознательно и забывая свое положенiе, готовилась къ привычному галопу кокетства, безъ всякой задней мысли или борьбы, а съ наивнымъ, легкомысленнымъ весельемъ.

Несмотря на то, что Анатоль въ женскомъ обществѣ ставилъ себя обыкновенно въ положенiе человѣка, которому надоѣла бѣготня за нимъ женщинъ, онъ чувствовалъ тщеславное удовольствiе, видя свое влiянiе на этихъ трехъ женщинъ. Кромѣ того онъ начиналъ испытывать къ хорошенькой и вызывающей Бурьенъ то страстное, звѣрское чувство, которое на него находило съ чрезвычайною быстротой и побуждало его къ самымъ грубымъ и смѣлымъ поступкамъ.

Общество послѣ чаю перешло въ диванную, и княжну попросили поиграть на клавикордахъ. Анатоль облокотился

предъ ней подлѣ m-elle Бурьенъ, и глаза его, смѣясь и радуясь, смотрѣли на княжну Марью. Княжна Марья съ мучительнымъ и радостнымъ волненіемъ чувствовала на себѣ его взглядъ. Любимая соната переносила ее въ самый задушевно-поэтическій міръ, а чувствуемый на себѣ взглядъ придавалъ этому міру еще бо̀льшую поэтичность. Взглядъ же Анатоля, хотя и былъ устремленъ на нее, относился не къ ней, а къ движеніямъ ножки m-elle Бурьенъ, которую онъ въ это время трогалъ своею ногою подъ фортепіано. M-elle Бурьенъ смотрѣла тоже на княжну, и въ ея прекрасныхъ глазахъ было тоже новое для княжны Марьи выраженіе испуганной радости и надежды.

„Какъ она меня любитъ!“ думала княжна Марья. „Какъ я счастлива теперь и какъ могу быть счастлива съ такимъ другомъ и такимъ мужемъ! Неужели мужемъ?“ думала она, не смѣя взглянуть на его лицо, чувствуя все тотъ же взглядъ, устремленный на себя.

Ввечеру̀, когда послѣ ужина стали расходиться, Анатоль поцѣловалъ руку княжны. Она сама не знала какъ у ней достало смѣлости, но она прямо взглянула на приближившееся къ ея близорукимъ глазамъ прекрасное лицо. Послѣ княжны онъ подошелъ къ рукѣ m-elle Бурьенъ (это было неприлично, но онъ дѣлалъ все такъ увѣренно и просто), и m-elle Бурьенъ вспыхнула и испуганно взглянула на княжну.

„Какая деликатность!“ подумала княжна. „Неужели Амели (такъ звали m-elle Бурьенъ) думаетъ, что я могу ревновать ее и не цѣнить ея чистую нѣжность и преданность ко мнѣ?“ Она подошла къ m-elle Бурьенъ и крѣпко ее поцѣловала. Анатоль подошелъ къ рукѣ маленькой княгини.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Когда отецъ вашъ напишетъ мнѣ, что вы себя ведете хорошо, тогда я дамъ вамъ поцѣловать руку. Не прежде. И поднявъ пальчикъ и улыбаясь, она вышла изъ комнаты.

V.

Всѣ разошлись и, кромѣ Анатоля, который заснулъ тотчасъ же, какъ легъ на постель, никто долго не спалъ эту ночь.

„Неужели онъ — мой мужъ, именно этотъ чужой, красивый, добрый мужчина, главное добрый", думала княжна Марья, и страхъ, который почти никогда не приходилъ къ ней, нашелъ на нее. Она боялась оглянуться: ей чудилось, что кто-то былъ онъ — дьяволъ, и онъ, этотъ мужчина съ бѣлымъ лбомъ, черными бровями и румянымъ ртомъ.

Она позвонила горничную и попросила ее лечь въ ея комнатѣ.

M-elle Бурьенъ въ этотъ вечеръ долго ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то и то улыбаясь кому-то, то до слезъ трогаясь воображаемыми словами „бѣдной матери", упрекающей ее за ея паденіе.

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была нехороша. Нельзя было ей лечь ни на бокъ, ни на грудь. Все было тяжело и неловко. Животъ ея мѣшалъ ей. Онъ мѣшалъ ей больше, чѣмъ когда-нибудь, именно нынче, потому что присутствіе Анатоля перенесло ее живѣе въ другое время, когда этого не было, и ей было все легко и весело. Она сидѣла въ кофточкѣ и чепцѣ на креслѣ. Катя, сонная и съ спутанной косой, въ третій разъ перебивала и переворачивала тяжелую перину, что-то приговаривая.

— Я тебѣ говорила, что все буграми и ямами, твердила маленькая княгиня; — я бы сама рада была заснуть, стало-быть я не виновата. И голосъ ея задрожалъ, какъ у собирающагося плакать ребенка.

Старый князь тоже не спалъ. Тихонъ сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ сердито шагалъ и фыркалъ носомъ. Старому князю казалось, что онъ былъ оскорбленъ за свою дочь. Оскорбленіе самое больное, потому что оно относилось не къ нему, а къ другому, къ дочери, которую онъ любитъ больше себя. Онъ сказалъ себѣ, что онъ передумаетъ все это дѣло и найдетъ то, что справедливо и должно сдѣлать, но вмѣсто того онъ только больше раздражалъ себя.

„Первый встрѣчный показался: и отецъ и все забыто, и бѣжитъ вверху, причесывается и хвостомъ виляетъ, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замѣчу. Фр... фр... фр... И развѣ я не вижу, что этотъ дурень смотритъ только на Бурьенку (надо ее прогнать)? И какъ гордости настолько нѣтъ, чтобы понять это! Хоть не для себя, коли нѣтъ гордости, такъ для меня по крайней мѣрѣ. Надо ей показать, что этотъ болванъ о ней и не думаетъ, а только смотритъ на Бурьенъ. Нѣтъ у ней гордости, но я покажу ей это...“

Сказавъ дочери, что она заблуждается, что Анатоль намѣренъ ухаживать за Бурьенъ, старый князь зналъ, что онъ раздражитъ самолюбіе княжны Марьи, и его дѣло (желаніе не разлучаться съ дочерью) будетъ выиграно, и потому успокоился на этомъ. Онъ кликнулъ Тихона и сталъ раздѣваться.

„И чортъ ихъ принесъ!“ думалъ онъ въ то время, какъ Тихонъ накрывалъ ночною рубашкой его сухое старческое тѣло, обросшее на груди сѣдыми волосами.

„Я имъ не звалъ. Пріѣхали разстраивать мою жизнь. И не много ея осталось. Къ чорту!" проговорилъ онъ въ то время, какъ голова его еще была покрыта рубашкой. Тихонъ зналъ привычку князя иногда вслухъ выражать свои мысли, а потому съ неизмѣннымъ лицомъ встрѣтилъ вопросительно сердитый взглядъ лица, появившагося изъ-подъ рубашки.

— Легли? спросилъ князь.

Тихонъ, какъ и всѣ хорошіе лакеи, зналъ чутьемъ направленіе мыслей барина. Онъ угадалъ, что спрашивали о князѣ Василіѣ съ сыномъ.

— Изволили лечь и огонь потушили, ваше сіятельство.

— Не зачѣмъ, не зачѣмъ... быстро проговорилъ князь и, всунувъ ноги въ туфли и руки въ халатъ, пошелъ къ дивану, на которомъ онъ спалъ.

Несмотря на то, что между Анатолемъ и m-elle Бурьенъ ничего не было сказано, они совершенно поняли другъ друга въ отношеніи первой части романа, до появленія „бѣдной матери"; поняли, что имъ нужно много сказать другъ другу тайно, и потому съ утра они искали случая увидаться наединѣ. Въ то время, какъ княжна прошла въ обычный часъ къ отцу, m-elle Бурьенъ сошлась съ Анатолемъ въ зимнемъ саду.

Княжна Марья подходила въ этотъ день съ особеннымъ трепетомъ къ двери кабинета. Ей казалось, что не только всѣ знаютъ, что нынче совершится рѣшеніе ея судьбы, но что и знаютъ то, что она объ этомъ думаетъ. Она читала это выраженіе въ лицѣ Тихона и въ лицѣ камердинера князя Василья, который съ горячею водой встрѣтился въ корридорѣ и низко поклонился ей.

Старый князь въ это утро былъ чрезвычайно ласковъ и

старателенъ въ своемъ обращеніи съ дочерью. Это выраженіе старательности хорошо знала княжна Марья. Это было то выраженіе, которое бывало на его лицѣ въ тѣ минуты, когда сухія руки его сжимались въ кулакъ отъ досады за то, что княжна Марья не понимала ариѳметической задачи, и онъ, вставая, отходилъ отъ нея и тихимъ голосомъ повторялъ нѣсколько разъ одни и тѣ же слова.

Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и началъ разговоръ, говоря „вы“.

— Мнѣ сдѣлали пропозицію насчетъ васъ, сказалъ онъ, неестественно улыбаясь.— Вы, я думаю, догадались, продолжалъ онъ, — что князь Василій пріѣхалъ сюда и привезъ съ собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреевичъ называлъ Анатоля воспитанникомъ), не для моихъ прекрасныхъ глазъ. Мнѣ вчера сдѣлали пропозицію насчетъ васъ. А такъ какъ вы знаете мои правила, я отнесся къ вамъ.

— Какъ мнѣ васъ понимать, батюшка? проговорила княжна, блѣднѣя и краснѣя.

— Какъ понимать! сердито крикнулъ отецъ. — Князь Василій находитъ тебя по своему вкусу для невѣстки и дѣлаетъ тебѣ пропозицію за своего воспитанника. Вотъ какъ понимать. Какъ понимать?!.. А я у тебя спрашиваю.

— Я не знаю, какъ вы, батюшка, шопотомъ проговорила княжна.

— Я? я? чтожъ я-то? меня-то оставьте въ сторонѣ. Не я пойду замужъ. Что *вы?* вотъ это желательно знать. Княжна видѣла, что отецъ недоброжелательно смотрѣлъ на это дѣло, но ей въ ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда рѣшится судьба ея жизни. Она опустила глаза, чтобы не видѣть взгляда, подъ вліяніемъ котораго она чувствовала,

что не могла думать, а могла по привычкѣ только повиноваться, и сказала:

— Я желаю только одного — исполнить вашу волю, сказала она, — но ежели бы мое желаніе нужно было выразить... Она не успѣла договорить. Князь перебилъ ее.

— И прекрасно! закричалъ онъ. — Онъ тебя возьметъ съ приданымъ, да кстати захватитъ мамзель Бурьенъ. Та будетъ женой, а ты... Князь остановился. Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное этими словами на дочь. Она опустила голову и собиралась плакать.

— Ну, ну, шучу, шучу, сказалъ онъ. — Помни одно, княжна: я держусь тѣхъ правилъ, что дѣвица имѣетъ полное право выбирать. И даю тебѣ свободу. Помни одно: отъ твоего рѣшенія зависитъ счастье жизни твоей. Обо мнѣ нечего говорить.

— Да я не знаю... батюшка.

— Нечего говорить! Ему велятъ, онъ не только на тебѣ, на комъ хочешь женится, а ты свободна выбирать... Поди къ себѣ, обдумай, и черезъ часъ приди ко мнѣ и при немъ скажи: да или нѣтъ. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай.

„Да или нѣтъ, да или нѣтъ, да или нѣтъ!“ кричалъ онъ еще въ то время, когда княжна, какъ въ туманѣ, шатаясь, уже вышла изъ кабинета. Судьба ея рѣшилась и рѣшилась счастливо. Но что̀ отецъ сказалъ о m-elle Бурьенъ, этотъ намекъ былъ ужасенъ. Неправда, положимъ, но все-таки это было ужасно, она не могла не думать объ этомъ. Она шла прямо предъ собой черезъ зимній садъ, ничего не видя и не слыша, какъ вдругъ знакомый шопотъ m-elle Бурьенъ разбудилъ ее. Она подняла глаза и въ двухъ шагахъ отъ себя

увидала Анатоля, который обнималъ француженку и что-то шепталъ ей. Анатоль съ страшнымъ выраженіемъ на красивомъ лицѣ оглянулся на княжну Марью и не выпустилъ въ первую секунду таліи мамзель Бурьенъ, которая не видала ея.

„Кто тутъ? Зачѣмъ? Подождите!“ какъ будто говорило лицо Анатоля. Княжна Марья молча глядѣла на нихъ. Она не могла понять этого. Наконецъ m-elle Бурьенъ вскрикнула и убѣжала. Анатоль съ веселою улыбкой поклонился княжнѣ Марьѣ, какъ будто приглашая ее посмѣяться надъ этимъ страннымъ случаемъ, и, пожавъ плечами, прошелъ въ дверь, ведшую на его половину.

Черезъ часъ Тихонъ пришелъ звать княжну Марью. Онъ звалъ ее къ князю и прибавилъ, что и князь Василій Сергѣичъ тамъ. Княжна въ то время, какъ пришелъ Тихонъ, сидѣла на диванѣ въ своей комнатѣ и держала въ своихъ объятіяхъ плачущую m-elle Бурьенъ. Княжна Марья тихо гладила ее по головѣ. Прекрасные глаза княжны, со всѣмъ своимъ прежнимъ спокойствіемъ и лучистостью, смотрѣли съ нѣжною любовью и сожалѣніемъ на хорошенькое личико m-elle Бурьенъ.

— Нѣтъ, княжна, я навсегда утратила ваше расположеніе, говорила m-elle Бурьенъ.

— Почему же? Я васъ люблю больше чѣмъ когда-либо, говорила княжна Марья,—и постараюсь сдѣлать для вашего счастья все, что въ моей власти.

— Но вы презираете меня: вы столь чистая должны презирать меня, вы никогда не поймете этого увлеченія страсти. Ахъ, моя бѣдная мать!

— Я все понимаю, отвѣчала княжна Марья, грустно улы-

бался. — Успокойтесь, мой другъ. Я пойду къ отцу, сказала она и вышла.

Князь Василій, загнувъ высоко ногу, съ табакеркой въ рукахъ и какъ бы расчувствованный до-нельзя, какъ бы самъ сожалѣя и смѣясь надъ своею чувствительностью, сидѣлъ съ улыбкой умиленія на лицѣ, когда вошла княжна Марья. Онъ поспѣшно поднесъ щепоть табаку къ носу.

— Ахъ, милая, милая! сказалъ онъ, вставая и взявъ её за обѣ руки. Онъ вздохнулъ и прибавилъ: — Судьба моего сына въ вашихъ рукахъ. Рѣшите, моя милая, моя дорогая, моя нѣжная Мари, которую я всегда любилъ какъ дочь. Онъ отошелъ. Дѣйствительная слеза показалась на его глазахъ.

— Фр... фр..., фыркалъ князь Николай Андреичъ. — Князь отъ имени своего воспитанника... сына тебѣ дѣлаетъ пропозицію. Хочешь ли ты или нѣтъ быть женою князя Анатоля Курагина? Ты говори: да или нѣтъ, закричалъ онъ, — а потомъ я удерживаю за собой право сказать и свое мнѣніе. Да, мое мнѣніе и только свое мнѣніе, прибавилъ князь Николай Андреевичъ, обращаясь къ князю Василью и отвѣчая на его умоляющее выраженіе. — Да или нѣтъ?

— Мое желаніе, батюшка, никогда не покидать васъ, никогда не раздѣлять своей жизни съ вашею. Я не хочу выходить замужъ, сказала она рѣшительно, взглянувъ своими прекрасными глазами на князя Василья и на отца.

— Вздоръ, глупости! Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нахмурившись, закричалъ князь Николай Андреичъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ и не поцѣловалъ, но только, пригнувъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула. Князь Василій всталъ.

— Моя милая, я вамъ скажу, что этой минуты я никогда не забуду, но, моя добрѣйшая, дайте намъ хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: можетъ быть... Будущее такъ велико. Скажите: можетъ быть.

— Князь, то, что̀ я сказала, есть все, что̀ есть въ моемъ сердцѣ. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

— Ну и кончено, мой милый. Очень радъ тебя видѣть, очень радъ тебя видѣть. Поди къ себѣ, княжна, поди, говорилъ старый князь. — Очень, очень радъ тебя видѣть, повторялъ онъ, обнимая князя Василья.

„Мое призваніе другое“, думала про себя княжна Марья, „мое призваніе — быть счастливою другимъ счастіемъ, счастьемъ любви и самопожертвованія. И чего бы мнѣ это ни стоило, я сдѣлаю счастіе бѣдной Амели. Она такъ страстно его любитъ. Она такъ страстно раскаивается. Я все сдѣлаю, чтобъ устроить ея бракъ съ нимъ. Ежели онъ не богатъ, я дамъ ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я такъ буду счастлива, когда она будетъ его женою. Она такъ несчастлива, чужая, одинокая, безъ помощи! И Боже мой, какъ страстно она его любитъ, ежели она такъ могла забыть себя. Можетъ быть, и я сдѣлала бы то же!..“ думала княжна Марья.

VI.

Долго Ростовы не имѣли извѣстій о Николушкѣ; только въ серединѣ зимы графу было передано письмо, на адресѣ котораго онъ узналъ руку сына. Получивъ письмо, графъ испуганно и поспѣшно, стараясь не быть замѣченнымъ, на

цыпочкахъ пробѣжалъ въ свой кабинетъ, заперся и сталъ читать. Анна Михайловна, узнавъ (какъ она и все знала, что̀ дѣлалось въ домѣ) о полученіи письма, тихимъ шагомъ вошла къ графу, и застала его съ письмомъ въ рукахъ рыдающимъ и вмѣстѣ смѣющимся.

Анна Михайловна, несмотря на поправившіяся дѣла, продолжала жить у Ростовыхъ.

— Мой добрый другъ?— вопросительно-грустно и съ готовностью всякаго участія произнесла Анна Михайловна.

Графъ зарыдалъ еще больше.

— Николушка... письмо... раненъ... бы... былъ... милая... раненъ... голубчикъ мой... графинюшка... въ офицеры произведенъ... слава Богу... Графинюшкѣ какъ сказать?..

Анна Михайловна подсѣла къ нему, отерла своимъ платкомъ слезы съ его глазъ, съ письма, закапаннаго ими, и свои слезы, прочла письмо, успокоила графа и рѣшила, что до обѣда и до чаю она приготовитъ графиню, а послѣ чаю объявитъ все, коли Богъ ей поможетъ.

Во время обѣда Анна Михайловна говорила о слухахъ войны, о Николушкѣ, спросила два раза, когда получено было послѣднее письмо отъ него, хотя знала это и прежде, и замѣтила, что очень легко можетъ быть и нынче получится письмо. Всякій разъ, какъ при этихъ намекахъ графиня начинала безпокоиться и тревожно взглядывать то на графа, то на Анну Михайловну, Анна Михайловна самымъ незамѣтнымъ образомъ сводила разговоръ на незначительные предметы. Наташа, изъ всего семейства болѣе всѣхъ одаренная способностью чувствовать оттѣнки интонацій, взглядовъ и выраженій лицъ, съ начала обѣда насторожила уши и знала, что что-нибудь есть между ея отцомъ и Анной Ми-

хайловной и что-нибудь касающееся брата, и что Анна Михайловна приготавливаетъ. Несмотря на всю свою смѣлость (Наташа знала, какъ чувствительна была ея мать ко всему, что̀ касалось извѣстій о Николушкѣ), она не рѣшилась за обѣдомъ сдѣлать вопросъ и отъ безпокойства за обѣдомъ ничего не ѣла и вертѣлась на стулѣ, не слушая замѣчаній своей гувернантки. Послѣ обѣда она стремглавъ бросилась догонять Анну Михайловну, и въ диванной съ разбѣга бросилась ей на шею:

— Тетенька, голубушка, скажите, что такое?

— Ничего, мой другъ.

— Нѣтъ, душенька, голубчикъ, милая, персикъ, я не отстану, я знаю, что вы знаете.

Анна Михайловна покачала головой.

— Ахъ, плутовка! сказала она.

— Отъ Николеньки письмо? Навѣрно! вскрикнула Наташа, прочтя утвердительный отвѣтъ въ лицѣ Анны Михайловны.

— Но, ради Бога, будь осторожнѣе: ты знаешь, какъ это можетъ поразить твою маменьку.

— Буду, буду, но разскажите. Не разскажите? Ну, такъ я сейчасъ пойду скажу.

Анна Михайловна въ короткихъ словахъ разсказала Наташѣ содержаніе письма, съ условіемъ не говорить никому.

— Честное, благородное слово, крестясь говорила Наташа, — никому не скажу, и тотчасъ же побѣжала къ Сонѣ.— Николенька... раненъ... письмо..., проговорила она торжественно и радостно.

— Николинька! только выговорила Соня, мгновенно блѣднѣя. Наташа, увидавъ впечатлѣніе, произведенное на Соню

извѣстіемъ о ранѣ брата, въ первый разъ почувствовала всю горестную сторону этого извѣстія.

Она бросилась къ Сонѣ, обняла ее и заплакала.

— Немножко раненъ, но произведенъ въ офицеры, онъ теперь здоровъ, онъ самъ пишетъ, говорила она сквозь слезы.

— Вотъ видно, что всѣ вы женщины — плаксы, сказалъ Петя, рѣшительными большими шагами прохаживаясь по комнатѣ, — я такъ очень радъ и право очень радъ, что братъ такъ отличился. Всѣ вы нюни! ничего не понимаете. Наташа улыбнулась сквозь слезы.

— Ты не читала письма? спрашивала Соня.

— Не читала, но она сказала, что все прошло и что онъ уже офицеръ...

— Слава Богу, сказала Соня, крестясь. — Но можетъ быть, она обманула тебя. Пойдемъ къ маменькѣ.

Петя молча ходилъ по комнатѣ.

— Кабы я былъ на мѣстѣ Николушки, я бы еще больше этихъ французовъ убилъ, сказалъ онъ: — такіе они мерзкіе! Я бы ихъ побилъ столько, что кучу изъ нихъ сдѣлали бы, продолжалъ Петя.

— Молчи, Петя, какой ты дуракъ!..

— Не я дуракъ, а дуры тѣ, кто отъ пустяковъ плачутъ, сказалъ Петя.

— Ты его помнишь? послѣ минутнаго молчанія вдругъ спросила Наташа. Соня улыбнулась.

— Помню ли Николеньку?

— Нѣтъ, Соня, ты помнишь ли его такъ, чтобы хорошо помнить, чтобы все помнить, съ старательнымъ жестомъ сказала Наташа, видимо желая придать своимъ словамъ самое

серьезное значеніе.— И я помню Николеньку, я помню, сказала она. — А Бориса не помню. Совсѣмъ не помню...

— Какъ? Не помнишь Бориса? спросила Соня съ удивленіемъ.

— Не то что не помню,— я знаю, какой онъ, но не такъ помню, какъ Николеньку. Его, я закрою глаза и помню, а Бориса нѣтъ (она закрыла глаза), такъ, нѣтъ ничего!

— Ахъ, Наташа! сказала Соня, восторженно и серьезно глядя на свою подругу, какъ будто она считала ее недостойною слышать то, что она намѣрена была сказать, и какъ будто она говорила это кому-то другому, съ кѣмъ нельзя шутить. Я полюбила разъ твоего брата и, что бы ни случилось съ нимъ, со мной, я никогда не перестану любить его во всю жизнь.

Наташа удивленно, любопытными глазами, смотрѣла на Соню и молчала. Она чувствовала, что то, что говорила Соня, была правда, что была такая любовь, про которую говорила Соня; но Наташа ничего подобнаго еще не испытывала. Она вѣрила, что это могло быть, но не понимала.

— Ты напишешь ему? спросила она. Соня задумалась. Вопросъ о томъ, какъ писать къ Николаю и нужно ли писать, былъ вопросъ, мучившій ее. Теперь, когда онъ былъ уже офицеръ и раненый герой, хорошо ли было съ ея стороны напомнить ему о себѣ и какъ будто о томъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя въ отношеніи ея.

— Не знаю, я думаю, коли онъ пишетъ, я и напишу, краснѣя сказала она.

— И тебѣ не стыдно будетъ писать ему?

Соня улыбнулась.

— Нѣтъ.

— А мнѣ стыдно будетъ писать Борису, я не буду писать.

— Да отчего же стыдно?

— Да такъ, я не знаю. Неловко, стыдно.

— А я знаю, отчего ей стыдно будетъ, сказалъ Петя, обиженный первымъ замѣчаніемъ Наташи: — оттого, что она была влюблена въ этого толстаго съ очками (такъ называлъ Петя своего тезку, новаго графа Безухаго); теперь влюблена въ пѣвца этого (Петя говорилъ объ итальянцѣ, Наташиномъ учителѣ пѣнія), вотъ ей и стыдно.

— Петя, ты глупъ, сказала Наташа.

— Не глупѣе тебя, матушка, сказалъ девятилѣтній Петя, точно какъ будто онъ былъ старый бригадиръ.

Графиня была приготовлена намеками Анны Михайловны во время обѣда. Уйдя къ себѣ, она, сидя на креслѣ, не спускала глазъ съ миніатюрнаго портрета сына, вдѣланнаго въ табакеркѣ, и слезы навертывались ей на глаза. Анна Михайловна съ письмомъ на цыпочкахъ подошла къ комнатѣ графини и остановилась.

— Не входите, сказала она старому графу, шедшему за ней; — послѣ, и затворила за собой дверь. Графъ приложилъ ухо къ замку и сталъ слушать.

Сначала онъ слышалъ звуки равнодушныхъ рѣчей, потомъ одинъ звукъ голоса Анны Михайловны, говорившій длинную рѣчь, потомъ вскрикъ, потомъ молчаніе, потомъ опять оба голоса вмѣстѣ говорили съ радостными интонаціями, и потомъ шаги, и Анна Михайловна отворила ему дверь. На лицѣ Анны Михайловны было гордое выраженіе оператора, окончившаго трудную ампутацію и вводящаго публику для того, чтобъ она могла оцѣнить его искусство.

— Готово! сказала она графу, торжественнымъ жестомъ

указывая на графиню, которая держала въ одной рукѣ табакерку съ портретомъ, въ другой письмо и прижимала губы то къ тому, то къ другому. Увидавъ графа, она протянула къ нему руки, обняла его лысую голову и черезъ лысую голову опять посмотрѣла на письмо и портретъ, и опять для того, чтобы прижать ихъ къ губамъ, слегка оттолкнула лысую голову. Вѣра, Наташа, Соня и Петя вошли въ комнату, и началось чтеніе. Въ письмѣ былъ кратко описанъ походъ и два сраженія, въ которыхъ участвовалъ Николушка, производство въ офицеры, и сказано, что онъ цѣлуетъ руки маменьки и папеньки, прося ихъ благословенія и цѣлуетъ Вѣру, Наташу, Петю. Кромѣ того онъ кланяется мусье Шелингу и мадамъ Шоссъ и нянѣ, и кромѣ того проситъ поцѣловать дорогую Соню, которую онъ все такъ же любитъ и о которой все такъ же вспоминаетъ. Услыхавъ это, Соня покраснѣла такъ, что слезы выступили ей на глаза. И, не въ силахъ выдержать обратившіеся на нее взгляды, она побѣжала въ залу, разбѣжалась, закружилась и, раздувъ баллономъ платье свое, раскраснѣвшаяся и улыбающаяся, сѣла на полъ. Графиня плакала.

— О чемъ же вы плачете, маменька? сказала Вѣра. — По всему, что онъ пишетъ, надо радоваться, а не плакать.

Это было совершенно справедливо, но и графъ, и графиня, и Наташа, всѣ съ упрекомъ посмотрѣли на нее. „И въ кого она такая вышла!“ подумала графиня.

Письмо Николушки было прочитано сотни разъ, и тѣ, которые считались достойными его слушать, должны были приходить къ графинѣ, которая не выпускала его изъ рукъ. Приходили гувернеры, няни, Митенька, нѣкоторые знакомые, и графиня перечитывала письмо всякій разъ съ новымъ на-

сраженіемъ; и всякій разъ открывала по этому письму новыя добродѣтели въ своемъ Николушкѣ. Какъ странно, необычайно, радостно ей было, что сынъ ея — тотъ сынъ, который чуть замѣтно крошечными членами шевелился въ ней самой двадцать лѣтъ тому назадъ, тотъ сынъ, за котораго она ссорилась съ баловникомъ-графомъ, тотъ сынъ, который выучился говорить прежде: груша, а потомъ баба, что этотъ сынъ теперь тамъ, въ чужой землѣ, въ чужой средѣ, мужественный воинъ, одинъ безъ помощи и руководства, дѣлаетъ тамъ какое-то свое мужское дѣло. Весь всемірный вѣковой опытъ, указывающій на то, что дѣти незамѣтнымъ путемъ отъ колыбели дѣлаются мужами, не существовалъ для графини. Возмужаніе ея сына въ каждой порѣ возмужанія было для нея такъ же необычайно, какъ бы и не было никогда милліоновъ-милліоновъ людей, точно такъ же возмужавшихъ. Какъ не вѣрилось двадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы то маленькое существо, которое жило гдѣ-то тамъ у ней подъ сердцемъ, закричало бы и стало сосать грудь и стало бы говорить, такъ и теперь не вѣрилось ей, что это же существо могло быть тѣмъ сильнымъ храбрымъ мужчиной, образцомъ сыновей и людей, которымъ онъ былъ теперь, судя по этому письму.

— Что за штиль, какъ онъ описываетъ мило! говорила она, читая описательную часть письма. — И что за душа! О себѣ ничего... ничего! О какомъ-то Денисовѣ, а самъ вѣрно храбрѣе ихъ всѣхъ. Ничего не пишетъ о своихъ страданіяхъ. Что за сердце! Какъ я узнаю его! И какъ вспомнилъ всѣхъ! Никого не забылъ. Я всегда, всегда говорила, еще когда онъ вотъ какой былъ, я всегда говорила...

Болѣе недѣли готовились, писались брульоны и переписывались набѣло письма къ Николушкѣ отъ всего дома;

подъ наблюденіемъ графини и заботливостью графа собирались нужныя вещицы и деньги для обмундированія и обзаведенія вновь произведеннаго офицера. Анна Михайловна, практическая женщина, сумѣла устроить себѣ и своему сыну протекцію въ арміи даже и для переписки. Она имѣла случай посылать свои письма къ великому князю Константину Павловичу, который командовалъ гвардіей. Ростовы предполагали, что *русская гвардія за границей* есть совершенно-опредѣлительный адресъ, и, что ежели письмо дойдетъ до великаго князя, командовавшаго гвардіей, то нѣтъ причины, чтобъ оно не дошло до Павлоградскаго полка, который долженъ быть тамъ же по близости: и потому рѣшено было отослать письма и деньги черезъ курьера великаго князя къ Борису, и Борисъ уже долженъ былъ доставить ихъ къ Николушкѣ. Письма были отъ стараго графа, отъ графини, отъ Пети, отъ Вѣры, отъ Наташи, отъ Сони, и наконецъ 6.000 денегъ на обмундировку и различныя вещи, которыя графъ посылалъ сыну.

VII.

12-го ноября Кутузовская боевая армія, стоявшая лагеремъ около Ольмюца, готовилась къ слѣдующему дню на смотръ двухъ императоровъ — Русскаго и Австрійскаго. Гвардія, только что подошедшая изъ Россіи, ночевала въ 15-ти верстахъ отъ Ольмюца, и на другой день прямо на смотръ, къ 10-ти часамъ утра, вступила на Ольмюцкое поле.

Николай Ростовъ въ этотъ день получилъ отъ Бориса записку, извѣщавшую его, что Измайловскій полкъ ночуетъ въ 15-ти верстахъ не доходя Ольмюца, и что онъ ждетъ

его, чтобы передать письмо и деньги. Деньги были особенно нужны Ростову теперь, когда, вернувшись изъ похода, войска остановились подъ Ольмюцемъ, и хорошо снабженные маркитанты и австрійскіе жиды, предлагая всякаго рода соблазны, наполняли лагерь. У Павлоградцевъ шли пиры за пирами, празднованія полученныхъ за походъ наградъ и поѣздки въ Ольмюцъ, къ вновь прибывшей туда Каролинѣ Венгеркѣ, открывшей тамъ трактиръ съ женской прислугой. Ростовъ недавно отпраздновалъ свое вышедшее производство въ корнеты, купилъ Бедуина, лошадь Денисова и былъ кругомъ долженъ товарищамъ и маркитантамъ. Получивъ записку Бориса, Ростовъ съ товарищемъ поѣхалъ до Ольмюца, тамъ пообѣдалъ, выпилъ бутылку вина и одинъ поѣхалъ въ гвардейскій лагерь отыскивать своего товарища дѣтства. Ростовъ еще не успѣлъ обмундироваться. На немъ была затасканная юнкерская куртка съ солдатскимъ крестомъ, такіе же подбитые затертою кожей рейтузы и офицерская съ темлякомъ сабля; лошадь, на которой онъ ѣхалъ, была донская, купленная походомъ у казака; гусарская измятая шапочка была ухорски надѣта назадъ и на бокъ. Подъѣзжая къ лагерю Измайловскаго полка, онъ думалъ о томъ, какъ онъ поразитъ Бориса и всѣхъ его товарищей-гвардейцевъ своимъ обстрѣленнымъ боевымъ гусарскимъ видомъ.

Гвардія весь походъ прошла, какъ на гуляньи, щеголяя своею чистотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы везли на подводахъ, офицерамъ Австрійское начальство готовило на всѣхъ переходахъ прекрасные обѣды. Полки вступали и выступали изъ городовъ съ музыкой, и весь походъ (чѣмъ гордились гвардейцы), по приказанію великаго князя, люди шли въ ногу, а офицеры пѣшкомъ на своихъ мѣстахъ.

Борисъ все время похода шелъ и стоялъ съ Бергомъ, теперь уже ротнымъ командиромъ. Бергъ, во время похода, получивъ роту, успѣлъ своею исполнительностью и аккуратностью заслужить довѣріе начальства и устроилъ весьма выгодно свои экономическія дѣла; Борисъ во время похода сдѣлалъ много знакомствъ съ людьми, которые могли быть ему полезными, и черезъ рекомендательное письмо, привезенное имъ отъ Пьера, познакомился съ княземъ Андреемъ Болконскимъ, черезъ котораго онъ надѣялся получить мѣсто въ штабѣ главнокомандующаго. Бергъ и Борисъ, чисто и аккуратно одѣтые, отдохнувъ послѣ послѣдняго дневнаго перехода, сидѣли въ чистой отведенной имъ квартирѣ предъ круглымъ столомъ и играли въ шахматы. Бергъ держалъ между колѣнъ курящуюся трубочку. Борисъ съ свойственною ему аккуратностью, бѣлыми тонкими руками пирамидкой уставлялъ шашки, ожидая хода Берга, и глядѣлъ на лицо своего партнера, видимо думая объ игрѣ, какъ онъ и всегда думалъ только о томъ, чѣмъ онъ былъ занятъ.

— Ну-ка, какъ вы изъ этого выйдете? сказалъ онъ.

— Будемъ стараться, отвѣчалъ Бергъ, дотрогиваясь до пѣшки и опять опуская руку.

Въ это время дверь отворилась.

— Вотъ онъ наконецъ! закричалъ Ростовъ. — И Бергъ тутъ! Ахъ ты, *петисанфанъ, але куше дормиръ!* закричалъ онъ, повторяя слова няньки, надъ которыми они смѣивались когда-то вмѣстѣ съ Борисомъ.

— Батюшки! какъ ты перемѣнился! Борисъ всталъ навстрѣчу Ростову, но вставая не забылъ поддержать и поставить на мѣсто падавшіе шахматы и хотѣлъ обнять своего друга, но Николай отсторонился отъ него. Съ тѣмъ

особеннымъ чувствомъ молодости, которая боится битыхъ дорогъ, хочетъ, не подражая другимъ, по-новому, по-своему выражать свои чувства, только бы не такъ, какъ выражаютъ это часто притворно старшіе, Николай хотѣлъ что-нибудь особенное сдѣлать при свиданіи съ другомъ; онъ хотѣлъ какъ нибудь ущипнуть, толкнуть Бориса, но только никакъ не поцѣловаться, какъ это дѣлали всѣ. Борисъ же напротивъ спокойно и дружелюбно обнялъ и три раза поцѣловалъ Ростова.

Они не видались почти полгода; и въ томъ возрастѣ, когда молодые люди дѣлаютъ первые шаги на пути жизни, оба нашли другъ въ другѣ огромныя перемѣны, совершенно новыя отраженія тѣхъ обществъ, въ которыхъ они сдѣлали свои первые шаги жизни. Оба много перемѣнились съ своего послѣдняго свиданія, и оба хотѣли поскорѣе выказать другъ другу происшедшія въ нихъ перемѣны.

— Ахъ! вы полотеры проклятые! Чистенькіе, свѣженькіе, точно съ гулянья, не то что мы грѣшные, армейщина, говорилъ Ростовъ съ новыми для Бориса баритонными звуками въ голосѣ и армейскими ухватками, указывая на свои забрызганныя грязью рейтузы. Хозяйка-нѣмка высунулась въ двери на громкій голосъ Ростова.

— Что, хорошенькая? сказалъ онъ, подмигнувъ.

— Что ты такъ кричишь! Ты ихъ напугаешь, сказалъ Борисъ. — А я тебя не ждалъ нынче, прибавилъ онъ. — Я вчера только отдалъ тебѣ записку, черезъ одного знакомаго адъютанта Кутузовскаго — Болконскаго. Я не думалъ, что онъ такъ скоро тебѣ доставитъ... Ну что ты, какъ? Уже обстрѣленъ? спросилъ Борисъ.

Ростовъ, не отвѣчая, тряхнулъ по солдатскому Георгіев-

скому кресту, висѣвшему на снуркахъ мундира, и указывая на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянулъ на Берга.

— Какъ видишь, сказалъ онъ.

— Вотъ какъ, да, да! улыбаясь сказалъ Борисъ, — а мы тоже славный походъ сдѣлали. Вѣдь ты знаешь, его высочество постоянно ѣхалъ при нашемъ полку, такъ что у насъ были всѣ удобства и всѣ выгоды. Въ Польшѣ что за пріемы были, что за обѣды, балы — я не могу тебѣ разсказать. И цесаревичъ очень милостивъ былъ ко всѣмъ нашимъ офицерамъ.

И оба пріятеля разсказывали другъ другу, одинъ о своихъ гусарскихъ кутежахъ и боевой жизни, другой о пріятности и выгодахъ службы подъ командою высокопоставленныхъ лицъ, и т. п.

— О, гвардія! сказалъ Ростовъ. — А вотъ что, пошли-ка за виномъ.

Борисъ поморщился.

— Ежели непремѣнно хочешь, сказалъ онъ. И подойдя къ кровати, изъ-подъ чистыхъ подушекъ досталъ кошелекъ и велѣлъ принести вина. — Да и тебѣ отдать деньги и письмо, прибавилъ онъ.

Ростовъ взялъ письмо и, бросивъ на диванъ деньги, облокотился обѣими руками на столъ и сталъ читать. Онъ прочелъ нѣсколько строкъ и злобно взглянулъ на Берга. Встрѣтивъ его взглядъ, Ростовъ закрылъ лицо письмомъ.

— Однако денегъ вамъ порядочно прислали, сказалъ Бергъ, глядя на тяжелый, вдавившійся въ диванъ кошелекъ. — Вотъ мы такъ и жалованьемъ, графъ, пробиваемся. Я вамъ скажу про себя...

— Вотъ что, Бергъ, милый мой, сказалъ Ростовъ. — Когда вы получите изъ дома письмо и встрѣтитесь съ своимъ че-

ловѣкомъ, и хорошаго человѣка захочется разспросить про все, а я буду дуракъ, я сейчасъ уйду, чтобы не мѣшать вамъ. Послушайте, уйдите, пожалуйста, куда-нибудь, куда-нибудь... къ чорту! крикнулъ онъ, и тотчасъ же схвативъ его за плечо и ласково глядя въ его лицо, видимо стараясь смягчить грубость своихъ словъ, прибавилъ: — вы знаете, не сердитесь, милый, голубчикъ, я отъ души говорю, какъ нашему старому знакомому.

— Ахъ, помилуйте, графъ, я очень понимаю, сказалъ Бергъ, вставая и говоря въ себя горловымъ голосомъ.

— Вы къ хозяевамъ пойдите: они васъ звали, прибавилъ Борисъ.

Бергъ надѣлъ чистѣйшій, безъ пятнушка и соринки сюртучокъ, взбилъ передъ зеркаломъ височки кверху, какъ носилъ Александръ Павловичъ, и убѣдившись по взгляду Ростова, что его сюртучокъ былъ замѣченъ, съ пріятною улыбкой вышелъ изъ комнаты.

— Ахъ, какая я скотина, однако! проговорилъ Ростовъ, читая письмо.

— А что?

— Ахъ, свинья я однако, что я ни разу не писалъ и такъ напугалъ ихъ! Ахъ, какая я свинья! повторилъ онъ, вдругъ покраснѣвъ. — Что же, пошли за виномъ Гаврилу! Ну ладно, хватимъ! сказалъ онъ.

Въ письмахъ родныхъ было вложено еще рекомендательное письмо къ князю Багратіону, которое, по совѣту Анны Михайловны, черезъ знакомыхъ достала старая графиня и посылала сыну, прося его снести по назначенію и имъ воспользоваться.

— Вотъ глупости! Очень мнѣ нужно, сказалъ Ростовъ, бросая письмо подъ столъ.

— Зачѣмъ ты это бросилъ? спросилъ Борисъ.

— Письмо какое-то рекомендательное, чорта ли мнѣ въ письмѣ!

— Какъ чорта ли въ письмѣ? поднимая и читая надпись, сказалъ Борисъ: — письмо это очень нужное для тебя.

— Мнѣ ничего не нужно, и я въ адъютанты ни къ кому не пойду.

— Отчего же? спросилъ Борисъ.

— Лакейская должность!

— Ты все такой же мечтатель, я вижу, покачивая головою, сказалъ Борисъ.

— А ты все такой же дипломатъ. Ну, да не въ томъ дѣло... Ну, ты что? спросилъ Ростовъ.

— Да вотъ, какъ видишь. До сихъ поръ все хорошо; но признаюсь, желалъ бы я очень попасть въ адъютанты, а не оставаться во фронтѣ.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что уже разъ пойдя по карьерѣ военной службы, надо стараться сдѣлать, коль возможно, блестящую карьеру.

— Да, вотъ какъ! сказалъ Ростовъ, видимо думая о другомъ. Онъ пристально и вопросительно смотрѣлъ въ глаза своему другу, видимо тщетно отыскивая разрѣшенія какого-то вопроса.

Старикъ Гаврила принесъ вино.

— Не послать ли теперь за Альфонсъ Карлычемъ? сказалъ Борисъ. — Онъ выпьетъ съ тобой, а я не могу.

— Пошли, пошли! Ну, что эта нѣмчура? сказалъ Ростовъ съ презрительною улыбкой.

— Онъ очень, очень хорошій, честный и пріятный человѣкъ, сказалъ Борисъ.

Ростовъ пристально еще разъ посмотрѣлъ въ глаза Борису и не вздохнулъ. Бергъ вернулся, и за бутылкой вина разговоръ между тремя офицерами оживился. Гвардейцы разсказывали Ростову о своемъ походѣ, о томъ, какъ ихъ чествовали въ Россіи, Польшѣ и за границей. Разсказывали о словахъ и поступкахъ ихъ командира, великаго князя, анекдоты о его добротѣ и вспыльчивости. Бергъ, какъ и обыкновенно, молчалъ, когда дѣло касалось не лично его, но по случаю анекдотовъ о вспыльчивости великаго князя, съ наслажденіемъ разсказалъ, какъ въ Галиціи ему удалось говорить съ великимъ княземъ, когда онъ объѣзжалъ полки и гнѣвался за неправильность движенія. Съ пріятною улыбкой на лицѣ онъ разсказалъ, какъ великій князь, очень разгнѣванный, подъѣхавъ къ нему, закричалъ: „Арнауты" (Арнауты — была любимая поговорка цесаревича, когда онъ былъ въ гнѣвѣ) и потребовалъ ротнаго командира. Повѣрите ли, графъ, я ничего не испугался, потому что я зналъ, что я правъ. Я, знаете, графъ, не хвалясь, могу сказать, что я приказы по полку наизусть знаю и уставъ тоже знаю, какъ *Отче нашъ на небесехъ*. Поэтому, графъ, у меня по ротѣ упущеній не бываетъ. Вотъ моя совѣсть и спокойна. Я явился (Бергъ привсталъ и представилъ въ лицахъ, какъ онъ съ рукой къ козырьку явился. Дѣйствительно, трудно было изобразить въ лицѣ болѣе почтительности и самодовольства). Ужъ онъ меня пушилъ, какъ это говорится, пушилъ, пушилъ, пушилъ не на животъ, а на смерть, какъ говорится, и Арнауты, и черти, и въ Сибирь, говорилъ Бергъ, проницательно улыбаясь. — Я знаю, что я правъ и потому молчу, не такъ ли, графъ? „Что, ты нѣмой что ли?" онъ закричалъ. Я все молчу. Какъ же вы думаете, графъ. На другой день и въ при-

казъ не было: вотъ что значитъ не потеряться. Такъ-то, графъ, говорилъ Бергъ, закуривая трубку и пуская колечки.

— Да, это славно, улыбаясь сказалъ Ростовъ; но Борисъ, замѣтивъ, что Ростовъ собрался посмѣяться надъ Бергомъ, искусно отклонилъ разговоръ. Онъ попросилъ Ростова разсказать о томъ, какъ и гдѣ онъ получилъ рану. Ростову это было пріятно, и онъ началъ разсказывать, во время разсказа все болѣе и болѣе одушевляясь. Онъ разсказалъ имъ свое Шенграбенское дѣло совершенно такъ, какъ обыкновенно разсказываютъ про сраженіе участвовавшіе въ нихъ, то есть такъ, какъ имъ хотѣлось бы, чтобъ оно было, какъ они слыхали отъ другихъ разсказчиковъ, такъ, какъ красивѣе было разсказывать, но совершенно не такъ, какъ оно было. Ростовъ былъ правдивый молодой человѣкъ, онъ ни за что умышленно не сказалъ бы неправды. Онъ началъ разсказывать съ намѣреніемъ разсказать все, какъ оно точно было, но незамѣтно, невольно и неизбѣжно для себя, перешелъ въ неправду. Ежели бы онъ разсказалъ правду этимъ слушателямъ, которые, какъ и онъ самъ, слышали уже множество разъ разсказы объ атакахъ и составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что такое была атака, и ожидали точно такого же разсказа: — или бы они не повѣрили ему, или, что еще хуже, подумали бы, что Ростовъ былъ самъ виноватъ въ томъ, что съ нимъ не случилось того, что случается обыкновенно съ разсказчиками кавалерійскихъ атакъ. Не могъ онъ имъ разсказать такъ просто, что поѣхали всѣ рысью, онъ упалъ съ лошади, свихнулъ руку и изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ лѣсъ отъ француза. Кромѣ того для того, чтобы разсказать все, какъ было, надо было сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы разсказывать только то, что было.

Разсказать правду очень трудно; и молодые люди рѣдко на это способны. Они ждали разсказа о томъ, какъ горѣлъ онъ весь въ огнѣ, самъ себя не помня, какъ буря налеталъ на каре; какъ врубался въ него, рубилъ направо и налѣво, какъ сабля отвѣдала мяса, и какъ онъ падалъ въ изнеможеніи, и тому подобное. И онъ разсказалъ имъ все это.

Въ серединѣ его разсказа, въ то время, какъ онъ говорилъ: „ты не можешь представить, какое странное чувство бѣшенства испытываешь во время атаки“, въ комнату вошелъ князь Андрей Болконскій, котораго ждалъ Борисъ. Князь Андрей, любившій покровительственныя отношенія къ молодымъ людямъ, польщенный тѣмъ, что къ нему обращались за протекціей и хорошо расположенный къ Борису, который умѣлъ ему понравиться наканунѣ, желалъ исполнить желаніе молодаго человѣка. Присланный съ бумагами отъ Кутузова къ цесаревичу, онъ зашелъ къ молодому человѣку, надѣясь застать его одного. Войдя въ комнату и увидавъ разсказывающаго военныя похожденія армейскаго гусара (сортъ людей, которыхъ терпѣть не могъ князь Андрей), онъ ласково улыбнулся Борису, поморщился, прищурился на Ростова и, слегка поклонившись, устало и лѣниво сѣлъ на диванъ. Ему непріятно было, что онъ попалъ въ дурное общество. Ростовъ вспыхнулъ, понявъ это. Но это было ему все равно: это былъ чужой человѣкъ. Но, взглянувъ на Бориса, онъ увидалъ, что и ему какъ будто стыдно за армейскаго гусара. Несмотря на непріятный, насмѣшливый тонъ князя Андрея, несмотря на общее презрѣніе, которое съ своей армейской боевой точки зрѣнія имѣлъ Ростовъ ко всѣмъ этимъ штабнымъ адъютантикамъ, къ которымъ очевидно причислялся и вошедшій, Ростовъ почувствовалъ себя сконфуженнымъ, по-

краснѣлъ и замолчалъ. Борисъ спросилъ, какія новости въ штабѣ, и что, безъ нескромности, слышно о нашихъ предположеніяхъ.

— Вѣроятно пойдутъ впередъ, видимо не желая при постороннихъ говорить болѣе, отвѣчалъ Волконскій. Бергъ воспользовался случаемъ спросить съ особенною учтивостью, будутъ ли выдавать теперь, какъ слышно было, удвоенное фуражное армейскимъ ротнымъ командирамъ? На это князь Андрей съ улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ судить о столь важныхъ государственныхъ распоряженіяхъ, и Бергъ радостно разсмѣялся.

— О вашемъ дѣлѣ, обратился князь Андрей опять къ Борису, — мы поговоримъ послѣ, и онъ оглянулся на Ростова.

— Вы приходите ко мнѣ послѣ смотра, мы все сдѣлаемъ, что можно будетъ. И, оглянувъ комнату, онъ обратился къ Ростову, котораго положеніе дѣтскаго непреодолимаго конфуза, переходящаго въ озлобленіе, онъ и не удостоивалъ замѣтить, и сказалъ: — Вы, кажется, про Шенграбенское дѣло разсказывали? Вы были тамъ?

— Я былъ тамъ, съ озлобленіемъ сказалъ Ростовъ, какъ будто бы этимъ желая оскорбить адъютанта. Волконскій замѣтилъ состояніе гусара, и оно ему показалось забавно. Онъ слегка презрительно улыбнулся.

— Да! много теперь разсказовъ про это дѣло.

— Да, разсказовъ! громко заговорилъ Ростовъ, вдругъ сдѣлавшимися бѣшеными глазами глядя то на Бориса, то на Волконскаго; — да, разсказовъ много, но наши разсказы — разсказы тѣхъ, которые были въ самомъ огнѣ непріятеля, наши разсказы имѣютъ вѣсъ, а не разсказы тѣхъ штабныхъ молодчиковъ, которые получаютъ награды, ничего не дѣлая.

— Къ которымъ вы предполагаете, что я принадлежу? спокойно и особенно пріятно улыбаясь, проговорилъ князь Андрей.

Странное чувство озлобленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія къ спокойствію этой фигуры соединялось въ это время въ душѣ Ростова.

— Я говорю не про васъ, сказалъ онъ, — я васъ не знаю и, признаюсь, не желаю знать. Я говорю вообще про штабныхъ.

— А я вамъ вотъ что̀ скажу, съ спокойною властью въ голосѣ перебилъ его князь Андрей. — Вы хотите оскорбить меня, и я готовъ согласиться съ вами, что это очень легко сдѣлать, ежели вы не будете имѣть достаточнаго уваженія къ самому себѣ; но согласитесь, что и время и мѣсто весьма дурно для этого выбраны. На-дняхъ всѣмъ намъ придется быть на большой, болѣе серьезной дуэли, а кромѣ того Друбецкой, который говоритъ, что онъ вашъ старый пріятель, нисколько не виноватъ въ томъ, что моя физіономія имѣла несчастіе вамъ не понравиться. Впрочемъ, сказалъ онъ вставая, — вы знаете мою фамилію и знаете, гдѣ найти меня; но не забудьте, прибавилъ онъ, что я не считаю нисколько ни себя, ни васъ оскорбленнымъ, и мой совѣтъ, какъ человѣка старше васъ, оставить это дѣло безъ послѣдствій. Такъ въ пятницу, послѣ смотра, я жду васъ, Друбецкой; до свиданія, заключилъ князь Андрей и вышелъ, поклонившись обоимъ.

Ростовъ вспомнилъ то, что̀ ему надо было отвѣтить только тогда, когда онъ уже вышелъ. И еще болѣе былъ онъ сердитъ за то, что забылъ сказать это. Ростовъ сейчасъ же велѣлъ подать свою лошадь и, сухо простившись съ Бори-

сомъ, пожидать къ себѣ. Ѣхать ли ему завтра въ главную квартиру и вызвать этого ломающагося адъютанта, или въ самомъ дѣлѣ оставить это дѣло такъ? былъ вопросъ, который мучилъ его всю дорогу. То онъ съ злобой думалъ о томъ, съ какимъ бы удовольствіемъ онъ увидалъ испугъ этого маленькаго, слабаго и гордаго человѣчка подъ его пистолетомъ; то онъ съ удивленіемъ чувствовалъ, что изъ всѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, никого бы онъ столько не желалъ имѣть своимъ другомъ, какъ этого ненавидимаго имъ адъютантика.

VIII.

На другой день свиданія Бориса съ Ростовымъ былъ смотръ австрійскихъ и русскихъ войскъ, какъ свѣжихъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и тѣхъ, которыя вернулись изъ похода съ Кутузовымъ. Оба императора, русскій съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и австрійскій съ эрцгерцогомъ, дѣлали этотъ смотръ союзной 80-ти-тысячной арміи.

Съ ранняго утра начали двигаться щегольски вычищенныя и убранныя войска, выстраиваясь на полѣ предъ крѣпостью. То двигались тысячи ногъ и штыковъ съ развѣвавшимися знаменами, и по командѣ офицеровъ останавливались, заворачивались и строились въ интервалахъ, обходя другія такія же массы пѣхоты въ другихъ мундирахъ; то мѣрнымъ топотомъ и бряцаніемъ звучала нарядная кавалерія въ синихъ, красныхъ, зеленыхъ шитыхъ мундирахъ, съ расшитыми музыкантами впереди, на вороныхъ, рыжихъ, сѣрыхъ лошадяхъ; то, растягиваясь съ своимъ мѣднымъ звукомъ подрагивающихъ на лафетахъ, вычищенныхъ, блестящихъ пушекъ и съ своимъ запахомъ пальниковъ, ползла между пѣхотой и кавалеріей артиллерія и разставлялась на назначенныхъ мѣ-

строю. Не только генералы въ полной парадной формѣ, съ перетянутыми до невозможности толстыми и тонкими таліями и красневшими, подпертыми воротниками, шеями, въ шарфахъ и всѣхъ орденахъ; не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдатъ, — съ свѣжимъ, вымытымъ и выбритымъ лицомъ и до послѣдней возможности блестяще вычищенной аммуниціей, каждая лошадь, выхоленная такъ, что, какъ атласъ, свѣтилась на ней шерсть и волосокъ къ волоску лежала примоченная грива, — всѣ чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генералъ и солдатъ чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой въ этомъ морѣ людей, и вмѣстѣ чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромнаго цѣлаго.

Съ ранняго утра начались напряженныя хлопоты и усилія, и въ 10 часовъ все пришло въ требуемый порядокъ. На огромномъ полѣ стали ряды. Армія вся была вытянута въ три линіи. Спереди кавалерія, сзади артиллерія, еще сзади пѣхота.

Между каждымъ родомъ войскъ была какъ бы улица. Рѣзко отдѣлялись одна отъ другой три части этой арміи: боевая Кутузовская (въ которой на правомъ флангѣ въ передней линіи стояли павлоградцы), пришедшіе изъ Россіи армейскіе и гвардейскіе полки, и австрійское войско. Но всѣ стояли подъ одну линію, подъ однимъ начальствомъ и въ одинаковомъ порядкѣ.

Какъ вѣтеръ по листьямъ, пронесся взволнованный шопотъ: „ѣдутъ! ѣдутъ!" Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суеты послѣднихъ приготовленій.

Впереди отъ Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И въ это же время, хотя день былъ безвѣтренный, легкая

струя вѣтра пробѣжала по арміи и чуть заколебала флюгера пикъ и распущенныя знамена, затрепавшіяся о свои древки. Казалось, сама армія этимъ легкимъ движеніемъ выражала свою радость при приближеніи государей. Послышался одинъ голосъ: „Смирно!“ Потомъ, какъ пѣтухи на зарѣ, повторились голоса въ разныхъ концахъ. И все затихло.

Въ мертвой тишинѣ слышался только топотъ лошадей. То была свита императоровъ. Государи подъѣхали къ флангу, и раздались звуки трубачей перваго кавалерійскаго полка, игравшіе генералъ-маршъ. Казалось, не трубачи это играли, а сама армія, радуясь приближенію государя, естественно издавала эти звуки. Изъ-за этихъ звуковъ отчетливо послышался одинъ молодой, ласковый голосъ императора Александра. Онъ сказалъ привѣтствіе, и первый полкъ гаркнулъ: Урра! такъ оглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силѣ той громады, которую они составляли.

Ростовъ, стоя въ первыхъ рядахъ Кутузовской арміи, къ которой къ первой подъѣхалъ государь, испытывалъ то же чувство, какое испытывалъ каждый человѣкъ этой арміи, чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влеченія къ тому, кто былъ причиной этого торжества.

Онъ чувствовалъ, что отъ одного слова этого человѣка зависѣло то, чтобы вся громада эта (и онъ, связанный съ ней, — ничтожная песчинка) пошла бы въ огонь и въ воду, на преступленіе, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то онъ не могъ не трепетать и не замирать, при видѣ этого приближающагося слова.

— Урра! Урра! Урра! гремѣло со всѣхъ сторонъ, и одинъ полкъ за другимъ принималъ государя звуками генералъ-

марша, потомъ урра!.. генералъ-маршъ и опять урра! и урра!! которыя, все усиливаясь и прибывая, сливались въ оглушительный гулъ.

Пока не подъѣзжалъ еще государь, каждый полкъ въ своей безмолвности и неподвижности казался безжизненнымъ тѣломъ; только сравнивался съ нимъ государь, полкъ оживлялся и гремѣлъ, присоединяясь къ реву всей той линіи, которую уже проѣхалъ государь. При страшномъ, оглушительномъ звукѣ этихъ голосовъ, посреди массъ войска, неподвижныхъ, какъ бы окаменѣвшихъ въ своихъ четвероугольникахъ, небрежно, но симметрично и, главное, свободно двигались сотни всадниковъ свиты, и впереди ихъ два человѣка — императоры. На нихъ-то безраздѣльно было сосредоточено сдержанно-страстное вниманіе всей этой массы людей.

Красивый, молодой императоръ Александръ, въ конногвардейскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, надѣтой съ поля, своимъ пріятнымъ лицомъ и звучнымъ, негромкимъ голосомъ привлекалъ всю силу вниманія.

Ростовъ стоялъ недалеко отъ трубачей и издалека своими зоркими глазами узналъ государя и слѣдилъ за его приближеніемъ. Когда государь приблизился на разстояніе 20-ти шаговъ и Николай ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испыталъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ. Все — всякая черта, всякое движеніе — казалось ему прелестно въ государѣ.

Остановившись противъ Павлоградскаго полка, государь сказалъ что-то по-французски австрійскому императору и улыбнулся.

Увидавъ эту улыбку, Ростовъ самъ невольно началъ улы-

бился и сочувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ полковаго командира и сказалъ ему нѣсколько словъ.

„Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился государь! думалъ Ростовъ; я бы умеръ отъ счастія“.

Государь обратился и къ офицерамъ:

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба), благодарю отъ всей души.

Какъ бы счастливъ былъ Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего царя!

— Вы заслужили георгіевскія знамена и будете ихъ достойны.

„Только умереть, умереть за него!“ думалъ Ростовъ.

Государь еще сказалъ что-то, чего не разслышалъ Ростовъ, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали: урра!

Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ къ государю.

Государь постоялъ нѣсколько секундъ противъ гусаръ, какъ будто онъ былъ въ нерѣшимости.

„Какъ могъ быть въ нерѣшимости государь?“ подумалъ Ростовъ, а потомъ даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественною и обворожительною, какъ и все, что дѣлалъ государь.

Нерѣшительность государя продолжалась одно мгновеніе. Нога государя, съ узкимъ, острымъ носкомъ сапога, какъ носили въ то время, дотронулась до паха энглизированной гнѣдой кобылы, на которой онъ ѣхалъ; рука государя въ бѣлой перчаткѣ подобрала поводья, и онъ тронулся сопут-

ствуемый блестящею, волнующеюся свитой адъютантовъ. Дальше и дальше отъѣзжалъ онъ, останавливаясь у другихъ полковъ, и наконецъ только бѣлый плюмажъ его видѣлся Ростову изъ-за свиты, окружавшей императоровъ.

Въ числѣ господъ свиты, Ростовъ замѣтилъ и Волконскаго, лѣниво и распущенно сидящаго на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора съ нимъ, и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ... И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія, что значатъ всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь", думалъ Ростовъ.

Когда государь объѣхалъ почти всѣ полки, войска стали проходить мимо него церемоніальнымъ маршемъ, и Ростовъ на вновь купленномъ у Денисова Бедуинѣ проѣхалъ въ замкѣ своего эскадрона, т. е. одинъ и совершенно на виду предъ государемъ.

Не доѣзжая до государя, Ростовъ, отличный ѣздокъ, два раза всадилъ шпоры своему Бедуину и довелъ его счастливо до того бѣшенаго аллюра рыси, которою хаживалъ разгоряченный Бедуинъ. Подогнувъ пѣнящуюся морду къ груди, отдѣливъ хвостъ и какъ будто летя на воздухѣ и не касаясь до земли, граціозно и высоко вскидывая и перемѣняя ноги, Бедуинъ, тоже чувствовавшій на себѣ взглядъ государя, прошелъ превосходно.

Самъ Ростовъ, заваливъ назадъ ноги и подобравъ животъ и чувствуя себя однимъ кускомъ съ лошадью, съ нахмуреннымъ, но блаженнымъ лицомъ, *чортомъ*, какъ говорилъ Денисовъ, проѣхалъ мимо государя.

— Молодцы Павлоградцы! проговорилъ государь.

„Боже мой! какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь", подумалъ Ростовъ.

Когда смотръ кончился, офицеры, вновь пришедшіе и Кутузовскіе, стали сходиться группами, и начались разговоры о наградахъ, объ австрійцахъ и ихъ мундирахъ, объ ихъ фронтѣ, о Бонапартѣ, и о томъ, какъ ему плохо придется теперь, особенно когда подойдетъ еще корпусъ Эссена и Пруссія приметъ нашу сторону.

Но болѣе всего во всѣхъ кружкахъ говорили о государѣ Александрѣ, передавали каждое его слово, движеніе и восторгались имъ.

Всѣ только одного желали: подъ предводительствомъ государя скорѣе идти противъ непріятеля. Подъ командою самого государя нельзя было не побѣдить кого бы то ни было, такъ думали послѣ смотра Ростовъ и большинство офицеровъ.

Всѣ послѣ смотра были увѣрены въ побѣдѣ больше, чѣмъ бы могли быть послѣ двухъ выигранныхъ сраженій.

IX.

На другой день послѣ смотра, Борисъ, одѣвшись въ лучшій мундиръ и напутствуемый пожеланіями успѣха отъ своего товарища Берга, поѣхалъ въ Ольмюцъ къ Болконскому, желая воспользоваться его лаской и устроить себѣ наилучшее положеніе, въ особенности положеніе адъютанта при важномъ лицѣ, казавшееся ему особенно заманчивымъ въ арміи.

„Хорошо Ростову, которому отецъ присылаетъ по 10-ти тысячъ, разсуждать о томъ, какъ онъ никому не хочетъ кланяться и ни къ кому не пойдетъ въ лакеи; но мнѣ, ничего

не имѣющему, кромѣ своей головы, надо сдѣлать свою карьеру и не упускать случаевъ, а пользоваться ими".

Въ Ольмюцѣ онъ не засталъ въ этотъ день князя Андрея. Но видъ Ольмюца, гдѣ стояла главная квартира, дипломатическій корпусъ и жили оба императора съ своими свитами — придворныхъ, приближенныхъ, только больше усилилъ его желаніе принадлежать къ этому верховному міру.

Онъ никого не зналъ, и несмотря на его щегольской гвардейскій мундиръ, всѣ эти высшіе люди, сновавшіе по улицамъ, въ щегольскихъ экипажахъ, плюмажахъ, лентахъ и орденахъ, придворные и военные, казалось, стояли такъ неизмѣримо выше его, гвардейскаго офицерика, что не только не хотѣли, но и не могли признать его существованіе. Въ помѣщеніи главнокомандующаго Кутузова, гдѣ онъ спросилъ Болконскаго, всѣ эти адъютанты и даже денщики смотрѣли на него такъ, какъ будто желали внушить ему, что такихъ какъ онъ офицеровъ, очень много сюда шляются и что они всѣ уже очень надоѣли. Несмотря на это, или скорѣе вслѣдствіе этого, на другой день, 15-го числа, онъ послѣ обѣда опять поѣхалъ въ Ольмюцъ и войдя въ домъ, занимаемый Кутузовымъ, спросилъ Болконскаго. Князь Андрей былъ дома, и Бориса провели въ большую залу, въ которой вѣроятно прежде танцовали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель, столъ, стулья и клавикорды. Одинъ адъютантъ ближе къ двери, въ персидскомъ халатѣ, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Другой, красный, толстый, Несвицкій, лежалъ на постели, подложивъ руки подъ голову и смѣялся съ присѣвшимъ къ нему офицеромъ. Третій игралъ на клавикордахъ вѣнскій вальсъ, четвертый лежалъ на этихъ клавикордахъ и подпѣвалъ ему. Болконскаго не было. Никто изъ этихъ гос-

нодъ, замѣтивъ Бориса, не измѣнилъ своего положенія. Тотъ, который писалъ и къ которому обратился Борисъ, досадливо обернулся и сказалъ ему, что Болконскій дежурный, и чтобъ онъ шелъ налѣво въ дверь, въ пріемную, если ему нужно видѣть его. Борисъ поблагодарилъ и пошелъ въ пріемную. Въ пріемной было человѣкъ десять офицеровъ и генераловъ.

Въ то время, какъ взошелъ Борисъ, князь Андрей, презрительно прищурившись (съ тѣмъ особеннымъ видомъ учтивой усталости, которая ясно говоритъ, что коли бы не моя обязанность, я бы минуты съ вами не сталъ разговаривать), выслушивалъ стараго русскаго генерала въ орденахъ, который почти на цыпочкахъ, на вытяжкѣ, съ солдатскимъ подобострастнымъ выраженіемъ багроваго лица, что-то докладывалъ князю Андрею.

— Очень хорошо, извольте подождать, сказалъ онъ генералу по-русски тѣмъ французскимъ выговоромъ, которымъ онъ говорилъ, когда хотѣлъ говорить презрительно, и замѣтивъ Бориса, не обращаясь болѣе къ генералу (который съ мольбою бѣгалъ за нимъ, прося еще что-то выслушать), князь Андрей съ веселою улыбкой, кивая ему, обратился къ Борису. Борисъ въ эту минуту уже ясно понялъ то, что онъ предвидѣлъ прежде, именно то, что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ, и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла этого затянутаго съ багровымъ лицомъ генерала почтительно дожидаться въ то время, какъ капитанъ князь Андрей для своего удовольствія находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ. Больше чѣмъ когда-нибудь Борисъ

рѣшилъ служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой неписанной субординаціи. Онъ теперь чувствовалъ, что только вслѣдствіе того, что онъ былъ рекомендованъ князю Андрею, онъ уже сталъ сразу выше генерала, который въ другихъ случаяхъ, во фронтѣ, могъ уничтожить его, гвардейскаго прапорщика. Князь Андрей подошелъ къ нему и взялъ за руку.

— Очень жаль, что вчера вы не застали меня. Я цѣлый день провозился съ нѣмцами. Ѣздили съ Вейротеромъ повѣрять диспозицію. Какъ нѣмцы возьмутся за аккуратность, конца нѣтъ!

Борисъ улыбнулся, какъ будто онъ понималъ то, о чемъ, какъ объ общеизвѣстномъ, намекалъ князь Андрей. Но онъ въ первый разъ слышалъ и фамилію Вейротера, и даже слово диспозиція.

— Ну что, мой милый; все въ адъютанты хотите? Я объ васъ подумалъ за это время.

— Да, я думалъ, невольно отчего-то краснѣя, сказалъ Борисъ, — просить главнокомандующаго; къ нему было письмо обо мнѣ отъ князя Курагина; и хотѣлъ просить только потому, прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь, — что боюсь, гвардія не будетъ въ дѣлѣ.

— Хорошо! хорошо! мы обо всемъ переговоримъ, сказалъ князь Андрей, — только дайте доложить про этого господина, и я принадлежу вамъ.

Въ то время какъ князь Андрей ходилъ докладывать про багроваго генерала, генералъ этотъ, видимо не раздѣлявшій понятій Бориса о выгодахъ неписанной субординаціи, такъ уперся глазами въ дерзкаго прапорщика, помѣшавшаго ему договорить съ адъютантомъ, что Борису стало неловко. Онъ

отвернулся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда возвратится князь Андрей изъ кабинета главнокомандующаго.

— Вотъ что, мой милый, я думалъ о васъ, сказалъ князь Андрей, когда они прошли въ большую залу съ клавикордами. — Къ главнокомандующему вамъ ходить нечего, говорилъ князь Андрей; — онъ наговоритъ вамъ кучу любезностей, скажетъ, чтобы приходили къ нему обѣдать (это было бы еще не такъ плохо для службы по той субординаціи, подумалъ Борисъ), но изъ этого дальше ничего не выйдетъ; насъ адъютантовъ и ординарцевъ, скоро будетъ баталіонъ. Но вотъ что мы сдѣлаемъ: у меня есть хорошій пріятель генералъ-адъютантъ и прекрасный человѣкъ князь Долгоруковъ; и хотя вы этого можете не знать, но дѣло въ томъ, что теперь Кутузовъ съ его штабомъ и мы всѣ ровно ничего не значимъ: все теперь сосредоточивается у государя, такъ вотъ мы пойдемте-ка къ Долгорукову, мнѣ и надо сходить къ нему, я ужъ ему говорилъ про васъ; такъ мы и посмотримъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ пристроить васъ при себѣ, или гдѣ-нибудь тамъ поближе къ солнцу.

Князь Андрей всегда особенно оживлялся, когда ему приходилось руководить молодаго человѣка и помогать ему въ свѣтскомъ успѣхѣ. Подъ предлогомъ этой помощи другому, которую онъ по гордости никогда не принялъ бы для себя, онъ находился вблизи той среды, которая давала успѣхъ и которая притягивала его къ себѣ. Онъ весьма охотно взялся за Бориса и пошелъ съ нимъ къ князю Долгорукову.

Было уже поздно вечеромъ, когда они вошли въ Ольмюцкій дворецъ, занимаемый императорами и ихъ приближенными.

Въ этотъ самый день былъ военный совѣтъ, на которомъ

участвовали всѣ члены гофкригсрата и оба императора. На совѣтѣ, вопреки мнѣнію стариковъ, Кутузова и князя Шварценберга, было рѣшено немедленно наступать и дать генеральное сраженіе Бонапарту. Военный совѣтъ только что кончился, когда князь Андрей, сопутствуемый Борисомъ, пришелъ во дворецъ отыскивать князя Долгорукова. Еще всѣ лица главной квартиры находились подъ обаяніемъ сегодняшняго, побѣдоноснаго для партіи молодыхъ военнаго совѣта. Голоса медлителей, совѣтовавшихъ ожидать еще чего-то, не наступая, такъ единодушно были заглушены, и доводы ихъ опровергнуты несомнѣнными доказательствами выгодъ наступленія, что то, о чемъ толковалось въ совѣтѣ, будущее сраженіе и безъ сомнѣнія побѣда, казались уже не будущимъ, а прошедшимъ. Всѣ выгоды были на нашей сторонѣ. Огромныя силы, безъ сомнѣнія превосходившія силы Наполеона, были стянуты въ одно мѣсто, войска были одушевлены присутствіемъ императоровъ и рвались въ дѣло; стратегическій пунктъ, на которомъ приходилось дѣйствовать, былъ до малѣйшихъ подробностей извѣстенъ австрійскому генералу Вейротеру, руководившему войска (какъ бы счастливая случайность сдѣлала то, что австрійскія войска въ прошломъ году были на маневрахъ именно на тѣхъ поляхъ, на которыхъ теперь предстояло сразиться съ французомъ); до малѣйшихъ подробностей была извѣстна и передана на картахъ предлежащая мѣстность и Бонапарте, видимо ослабленный, ничего не предпринималъ.

Долгоруковъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ наступленія, только что вернулся изъ совѣта, усталый, измученный, но оживленный и гордый одержанною побѣдой. Князь Андрей представилъ покровительствуемаго имъ офицера, но князь Долгоруковъ, учтиво и крѣпко пожавъ ему

руку, ничего не сказалъ Борису и, очевидно, не въ силахъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя сильнѣе всего занимали его въ эту минуту, по-французски обратился къ князю Андрею.

— Ну, мой милый, какое мы выдержали сраженіе! Дай Богъ только, чтобы то, которое будетъ слѣдствіемъ его, было бы столь же побѣдоносно. Однако, мой милый, говорилъ онъ отрывочно и оживленно, я долженъ признать свою вину предъ австрійцами и въ особенности предъ Вейротеромъ. Что за точность, что за подробность, что за знаніе мѣстности, что за предвидѣніе всѣхъ возможностей, всѣхъ условій, всѣхъ малѣйшихъ подробностей! Нѣтъ, мой милый, выгоднѣй тѣхъ условій, въ которыхъ мы находимся, нельзя ничего нарочно выдумать. Соединеніе австрійской отчетливости съ русскою храбростію, чего-жъ вы хотите еще.

— Такъ наступленіе окончательно рѣшено? сказалъ Болконскій.

— И знаете ли, мой милый, мнѣ кажется, что рѣшительно Буонапарте потерялъ свою латынь. Вы знаете, что нынче получено отъ него письмо къ императору. Долгоруковъ улыбнулся значительно.

— Вотъ какъ! что-жъ онъ пишетъ? спросилъ Болконскій.

— Что онъ можетъ писать? Традиридира и т. п., все только съ цѣлью выиграть время. Я вамъ говорю, что онъ у насъ въ рукахъ; это вѣрно! Но что забавнѣе всего, сказалъ онъ, вдругъ добродушно засмѣявшись, это то, что никакъ не могли придумать, какъ ему адресовать отвѣтъ? Ежели не консулу, само собою разумѣется не императору, то генералу Буонапарту, какъ мнѣ казалось.

— Но между тѣмъ, чтобы не признавать императоромъ,

и тѣмъ, чтобы называть генераломъ Бонапарте — есть разница, сказалъ Болконскій.

— Въ томъ-то и дѣло, смѣясь и перебивая, быстро говорилъ Долгоруковъ. — Вы знаете Билибина, онъ очень умный человѣкъ; онъ предлагалъ адресовать: „узурпатору и врагу человѣческаго рода“! Долгоруковъ весело захохоталъ.

— Не болѣе того? замѣтилъ Болконскій.

— Но все-таки Билибинъ нашелъ серьезный титулъ адреса. И остроумный и умный человѣкъ.

— Какъ же?

— Главѣ французскаго правительства, au chef du gouvernement français, серьезно и съ удовольствіемъ сказалъ князь Долгоруковъ. — Неправда ли, что хорошо?

— Хорошо, но очень не понравится ему, замѣтилъ Болконскій.

— О, и очень! Мой братъ знаетъ его: онъ не разъ обѣдалъ у него, у теперешняго императора, въ Парижѣ и говорилъ мнѣ, что онъ не видалъ болѣе утонченнаго и хитраго дипломата: знаете, соединеніе французской ловкости и итальянскаго актерства? Вы знаете его анекдоты съ графомъ Марковымъ? Только одинъ графъ Марковъ умѣлъ съ нимъ обращаться. Вы знаете исторію платка? Это прелесть! И словоохотливый Долгоруковъ, обращаясь то къ Борису, то къ князю Андрею, разсказалъ, какъ Бонапартъ желая испытать Маркова, нашего посланника, нарочно уронилъ предъ нимъ платокъ и остановился, глядя на него, ожидая вѣроятно услуги отъ Маркова, и какъ Марковъ тотчасъ же уронилъ рядомъ свой платокъ и поднялъ свой, не поднимая платка Бонапарта.

— Прелестно, сказалъ Болконскій; — но вотъ что, князь,

я пришелъ къ вамъ просителемъ за этого молодаго человѣка. Видите ли что? Но князь Андрей не успѣлъ докончить, какъ въ комнату вошелъ адъютантъ, который звалъ князя Долгорукова къ императору.

— Ахъ какая досада! сказалъ Долгоруковъ, поспѣшно вставая и пожимая руки князя Андрея и Бориса. — Вы знаете, я очень радъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, и для васъ и для этого милаго молодаго человѣка. Онъ еще разъ пожалъ руку Бориса съ выраженіемъ добродушнаго, искренняго и оживленнаго легкомыслія. — Но вы видите... до другаго раза!

Бориса волновала мысль о той близости къ высшей власти, въ которой онъ въ эту минуту чувствовалъ себя. Онъ сознавалъ себя здѣсь въ соприкосновеніи съ тѣми пружинами, которыя руководили всѣми тѣми громадными движеніями массъ, которыхъ онъ въ своемъ полку чувствовалъ себя маленькою, покорною и ничтожною частью. Они вышли въ коридоръ вслѣдъ за княземъ Долгоруковымъ и встрѣтили выходившаго (изъ той двери комнаты государя, въ которую вошелъ Долгоруковъ) невысокаго человѣка въ штатскомъ платьѣ, съ умнымъ лицомъ и рѣзкою чертой выставленной впередъ челюсти, которая не портя его, придавала ему особенную живость и изворотливость выраженія. Этотъ невысокій человѣкъ кивнулъ, какъ своему, Долгорукову, и пристально-холоднымъ взглядомъ сталъ вглядываться въ князя Андрея, идя прямо на него и видимо ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или далъ дорогу. Князь Андрей не сдѣлалъ ни того, ни другаго; въ лицѣ его выразилась злоба, и молодой человѣкъ, отвернувшись, прошелъ стороной коридора.

— Кто это? спросилъ Борисъ.

— Это одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ, но непріятнѣйшихъ мнѣ людей. Это министръ иностранныхъ дѣлъ; князь Адамъ Чарторижскій.

— Вотъ эти люди, сказалъ Болконскій со вздохомъ, который онъ не могъ подавить въ то время, какъ они выходили изъ дворца — вотъ эти-то люди рѣшаютъ судьбы народовъ.

На другой день войска выступили въ походъ, и Борисъ не успѣлъ до самаго Аустерлицкаго сраженія побывать ни у Болконскаго, ни у Долгорукова, и остался еще на время въ Измайловскомъ полку.

X.

На зарѣ 16-го числа, эскадронъ Денисова, въ которомъ служилъ Николай Ростовъ, и который былъ въ отрядѣ князя Багратіона, двинулся съ ночлега въ дѣло, какъ говорили, и пройдя около версты, позади другихъ колоннъ, былъ остановленъ на большой дорогѣ. Ростовъ видѣлъ, какъ мимо него прошли впередъ казаки, 1-й и 2-й эскадронъ гусаръ, пѣхотные батальоны съ артиллеріей и проѣхали генералы Багратіонъ и Долгоруковъ съ адъютантами. Весь страхъ, который онъ, какъ и прежде, испытывалъ предъ дѣломъ, вся внутренняя борьба, посредствомъ которой онъ преодолѣвалъ этотъ страхъ, всѣ его мечтанія о томъ, какъ онъ по-гусарски отличится въ этомъ дѣлѣ — пропали даромъ. Эскадронъ ихъ былъ оставленъ въ резервѣ, и Николай Ростовъ скучно и тоскливо провелъ этотъ день. Въ 9-мъ часу утра онъ услыхалъ пальбу впереди себя, крики ура, видѣлъ привозимыхъ назадъ раненыхъ (ихъ было немного) и наконецъ видѣлъ, какъ въ срединѣ сотни казаковъ провели цѣлый

отрядъ французскихъ кавалеристовъ. Очевидно, дѣло было кончено, и дѣло было, очевидно, небольшое, но счастливое. Проходившіе назадъ солдаты и офицеры разсказывали о блестящей побѣдѣ, о занятіи города Вишау и взятіи въ плѣнъ цѣлаго французскаго эскадрона. День былъ ясный, солнечный, послѣ сильнаго ночнаго заморозка, и веселый блескъ осенняго дня совпадалъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, которое передавали не только разсказы участвовавшихъ въ немъ, но и радостное выраженіе лицъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ и адъютантовъ, ѣхавшихъ туда и оттуда мимо Ростова. Тѣмъ больнѣе щемило сердце Николая, напрасно перестрадавшаго весь страхъ, предшествующій сраженію, и пробывшаго этотъ веселый день въ бездѣйствіи.

— Ростовъ, иди сюда, выпьемъ съ горя! крикнулъ Денисовъ, усѣвшись на краю дороги передъ фляжкой и закуской. Офицеры собрались кружкомъ, закусывая и разговаривая, около погребца Денисова.

— Вотъ еще одного ведутъ! сказалъ одинъ изъ офицеровъ, указывая на французскаго плѣннаго драгуна, котораго вели пѣшкомъ два казака. Одинъ изъ нихъ велъ въ поводу взятую у плѣннаго рослую и красивую французскую лошадь.

— Продай лошадь, крикнулъ Денисовъ казаку.

— Изволь, ваше благородіе.

Офицеры встали и окружили казаковъ и плѣннаго француза. Французскій драгунъ былъ молодой малый, альзасецъ, говорившій по-французски съ нѣмецкимъ акцентомъ. Онъ задыхался отъ волненія, лицо его было красно, и услыхавъ французскій языкъ, онъ быстро заговорилъ съ офицерами, обращаясь то къ тому, то къ другому. Онъ говорилъ, что его бы не взяли; что онъ не виноватъ въ томъ, что его

виноватъ, а виноватъ капралъ, который послалъ его забрать попоны, что онъ ему говорилъ, что уже русскіе тамъ. И ко всякому слову онъ прибавлялъ: не обижайте мою лошадку, и ласкалъ свою лошадь. Видно было, что онъ не понималъ хорошенько, гдѣ онъ находится. Онъ то извинялся, что его взяли, то предполагая предъ собою свое начальство, выказывалъ свою солдатскую исправность и заботливость о службѣ. Онъ донесъ съ собою въ нашъ аррiергардъ во всей свѣжести атмосферу французскаго войска, которое такъ чуждо было для насъ.

Казаки отдали лошадь за два червонца, и Ростовъ, теперь получивъ деньги, самый богатый изъ офицеровъ, купилъ ее.

— Не обижайте лошадку! добродушно сказалъ эльзасецъ Ростову, когда лошадь передана была гусару.

Ростовъ, улыбаясь, успокоилъ драгуна и далъ ему денегъ.

— Алё! Алё! сказалъ казакъ, трогая за руку плѣннаго, чтобъ онъ шелъ дальше.

— Государь! государь! вдругъ послышалось между гусарами. Все бросилось, заторопилось, и Ростовъ увидалъ сзади по дорогѣ нѣсколько подъѣзжающихъ всадниковъ съ бѣлыми султанами на шляпахъ. Въ одну минуту всѣ были на мѣстѣ и ждали.

Ростовъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ онъ добѣжалъ до своего мѣста и сѣлъ на лошадь. Мгновенно прошло его сожалѣніе о неучастіи въ дѣлѣ, его будничное расположеніе духа въ кругу приглядѣвшихся лицъ, мгновенно исчезла всякая мысль о себѣ: онъ весь поглощенъ былъ чувствомъ счастія, происходящаго отъ близости государя. Онъ чувствовалъ себя одною этою близостью вознагражденнымъ за потерю нынѣшняго дня. Онъ былъ счастливъ, какъ любов-

никъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія. Не смѣя оглядываться во фронтъ, и не оглядываясь, онъ чувствовалъ восторженнымъ чутьемъ его приближеніе. И онъ чувствовалъ это не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это, потому что, по мѣрѣ приближенія, все свѣтлѣе, радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ — этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ. Какъ и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и въ этой тишинѣ раздались звуки голоса государя.

— Павлоградскіе гусары? вопросительно сказалъ онъ.

— Резервъ, ваше величество! отвѣчалъ чей-то голосъ, столь человѣческій послѣ того нечеловѣческаго голоса, который сказалъ: Павлоградскіе гусары?

Государь поровнялся съ Ростовымъ и остановился. Лицо Александра было еще прекраснѣе, чѣмъ на смотру три дня тому назадъ. Оно сіяло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало дѣтскую, четырнадцатилѣтнюю рѣзвость, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было все-таки лицо величественнаго императора. Случайно оглядывая эскадронъ, глаза государя встрѣтились съ глазами Ростова, и не болѣе какъ на двѣ секунды остановились на нихъ. Понялъ ли государь, что дѣлалось въ душѣ Ростова (Ростову казалось, что онъ все понялъ), но онъ посмотрѣлъ секунды двѣ своими голубыми глазами въ лицо Ростова. (Мягко и кротко лился изъ нихъ свѣтъ). Потомъ вдругъ

онъ приподнялъ брови, рѣзкимъ движеніемъ ударилъ лѣвою ногой лошадь и галопомъ поѣхалъ впередъ.

Молодой императоръ не могъ воздержаться отъ желанія присутствовать при сраженіи, и, несмотря на всѣ представленія придворныхъ, въ 12 часовъ, отдѣлившись отъ 3-й колонны, при которой онъ слѣдовалъ, поскакалъ къ авангарду. Еще не доѣзжая до гусаръ, нѣсколько адъютантовъ встрѣтили его съ извѣстіемъ о счастливомъ исходѣ дѣла.

Сраженіе, состоявшее только въ томъ, что захваченъ эскадронъ французовъ, было представлено какъ блестящая побѣда надъ французами, и потому государь и вся армія, особенно послѣ того, какъ не разошелся еще пороховой дымъ на полѣ сраженія, вѣрили, что французы побѣждены и отступаютъ противъ своей воли. Нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проѣхалъ государь, дивизіонъ павлоградцевъ потребовали впередъ. Въ самомъ Вишау, маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, Ростовъ еще разъ увидалъ государя. На площади города, на которой была до пріѣзда государя довольно сильная перестрѣлка, лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Государь, окруженный свитою военныхъ и невоенныхъ, былъ на рыжей, уже другой, чѣмъ на смотру, энглизированной кобылѣ, и, склонившись на бокъ, граціознымъ жестомъ держа золотой лорнетъ у глаза, смотрѣлъ въ него на лежащаго ничкомъ, безъ кивера, съ окровавленною головою, солдата. Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, грубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ государю. Ростовъ видѣлъ, какъ содрогнулись, какъ бы отъ пробѣгавшаго мороза, сутуловатыя плечи государя, какъ лѣвая нога его судорожно стала бить шпорой бокъ лошади, и какъ пріученная лошадь равнодушно оглядывалась и не

тронулась съ мѣста. Слѣзшій съ лошади адъютантъ взялъ подъ руки солдата и сталъ класть на появившіяся носилки. Солдатъ застоналъ.

— Тише, тише, развѣ нельзя тише? видимо болѣе страдая, чѣмъ умирающій солдатъ, проговорилъ государь и отъѣхалъ прочь.

Ростовъ видѣлъ слезы, наполнившія глаза государя, и слышалъ какъ онъ, отъѣзжая, по-французски сказалъ Чарторижскому:

— Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь!

Войска авангарда расположились впереди Вишау, въ виду цѣпи непріятельской, уступавшей намъ мѣсто при малѣйшей перестрѣлкѣ въ продолженіе всего дня. Авангарду объявлена была благодарность государя, обѣщаны награды, и людямъ роздана двойная порція водки. Еще веселѣе, чѣмъ въ прошлую ночь, трещали бивачные костры и раздавались солдатскія пѣсни. Денисовъ въ эту ночь праздновалъ производство свое въ майоры, и Ростовъ, уже довольно выпившій, въ концѣ пирушки, предложилъ тостъ за здоровье государя, но „не государя-императора, какъ говорятъ на офиціальныхъ обѣдахъ, сказалъ онъ, а за здоровье государя добраго, обворожительнаго и великаго человѣка, пьемъ за его здоровье и за вѣрную побѣду надъ французами!“

— Коли мы прежде дрались, сказалъ онъ, — и не давали спуску французамъ, какъ подъ Шенграбеномъ, что же теперь будетъ, когда онъ впереди? Мы всѣ умремъ, съ наслажденіемъ умремъ за него. Такъ, господа? Можетъ быть я не такъ говорю, я много выпилъ, да я такъ чувствую и вы тоже. За здоровье Александра Перваго! Урра!

— Урра! зазвучали воодушевленные голоса офицеровъ.

И старый ротмистръ Кирстенъ кричалъ воодушевленно и не менѣе искренно, чѣмъ двадцатилѣтній Ростовъ.

Когда офицеры выпили и разбили свои стаканы, Кирстенъ налилъ другіе и, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, съ стаканомъ въ рукѣ подошелъ къ солдатскимъ кострамъ и, въ величественной позѣ, взмахнувъ кверху рукой, съ своими длинными сѣдыми усами, бѣлою грудью, видневшеюся изъ-за распахнувшейся рубашки, остановился въ свѣтѣ костра.

— Ребята, за здоровье государя императора, за побѣду надъ врагами, урра! — крикнулъ онъ своимъ молодецкимъ, старческимъ, гусарскимъ баритономъ.

Гусары столпились и дружно отвѣчали громкимъ крикомъ.

Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрепалъ своею коротенькою рукой по плечу своего любимца Ростова.

— Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться, такъ онъ въ царя влюбился, — сказалъ онъ.

— Денисовъ, ты этимъ не шути, — крикнулъ Ростовъ, — это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

— Вѣрю, вѣрю, дружокъ, и раздѣляю, и одобряю...

— Нѣтъ, не понимаешь! — И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастіе умереть, не спасая жизнь (объ этомъ онъ и не смѣлъ мечтать), а просто умереть въ глазахъ государя. Онъ дѣйствительно былъ влюбленъ и въ царя, и въ славу русскаго оружія, и въ надежду будущаго торжества. И не онъ одинъ испыталъ это чувство въ тѣ памятные дни, предшествующіе Аустерлицкому сраженію: девять десятыхъ людей русской арміи въ то время были влюблены, хотя и менѣе восторженно, въ своего царя и въ славу русскаго оружія.

XI.

На слѣдующій день государь остановился въ Вишау. Лейбъ-медикъ Вилье нѣсколько разъ былъ призываемъ къ нему. Въ главной квартирѣ и въ ближайшихъ войскахъ распространилось извѣстіе, что государь былъ нездоровъ. Онъ ничего не ѣлъ и дурно спалъ эту ночь, какъ говорили приближенные. Причина этого нездоровья заключалась въ сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на чувствительную душу государя видомъ раненыхъ и убитыхъ.

На зарѣ, 17-го числа, въ Вишау былъ препровожденъ съ аванпостовъ французскій офицеръ, пріѣхавшій подъ парламентерскимъ флагомъ, требуя свиданія съ русскимъ императоромъ. Офицеръ этотъ былъ Савари. Государь только что заснулъ, и потому Савари долженъ былъ дожидаться. Въ полдень онъ былъ допущенъ къ государю, и черезъ часъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ на аванпосты французской арміи.

Какъ слышно было, цѣль присылки Савари состояла въ предложеніи свиданія императора Александра съ Наполеономъ. Въ личномъ свиданіи, къ радости и гордости всей арміи, было отказано, и вмѣсто государя, князь Долгоруковъ, побѣдитель при Вишау, былъ отправленъ вмѣстѣ съ Савари для переговоровъ съ Наполеономъ, ежели переговоры эти, противъ чаянія, имѣли цѣлью дѣйствительное желаніе мира.

Ввечеру вернулся Долгоруковъ, прошелъ прямо къ государю и долго пробылъ у него наединѣ.

18-го и 19-го ноября войска прошли еще два перехода впередъ, и непріятельскіе аванпосты, послѣ короткихъ перестрѣ-

ловъ, отступали. Въ высшихъ сферахъ арміи съ полудня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движеніе, продолжавшееся до утра слѣдующаго дня, 20-го ноября, въ который дано было столь памятное Аустерлицкое сраженіе.

До полудня 19-го числа движеніе, оживленные разговоры, бѣготня, посылки адъютантовъ ограничивались одною главною квартирой императоровъ, послѣ полудня того же дня, движеніе передалось въ главную квартиру Кутузова и въ штабы колонныхъ начальниковъ. Вечеромъ, черезъ адъютантовъ, разнеслось это движеніе по всѣмъ концамъ и частямъ арміи, и въ ночь съ 19-го на 20-е поднялись съ ночлеговъ, загудѣли говоромъ, и заколыхались, и тронулась громаднымъ девятиверстнымъ холстомъ 80-ти тысячная масса союзнаго войска.

Сосредоточенное движеніе, начавшееся поутру въ главной квартирѣ императоровъ и давшее толчокъ всему дальнѣйшему движенію, было похоже на первое движеніе серединнаго колеса большихъ башенныхъ часовъ. Медленно двинулось одно колесо, повернулось другое, третье, и все быстрѣе и быстрѣе пошли вертѣться колеса, блоки, шестерни, начали играть куранты, выскакивать фигуры, и мѣрно стали подвигаться стрѣлки, показывая результатъ движенія.

Какъ въ механизмѣ часовъ, такъ и въ механизмѣ военнаго дѣла, такъ же неудержимо, до послѣдняго результата, разъ данное движеніе, и такъ же безучастно неподвижны за моментъ до передачи движенія части механизма, до которыхъ еще не дошло дѣло. Свистятъ на осяхъ колеса, цѣпляясь зубьями, шипятъ отъ быстроты вертящіеся блоки, а сосѣднее колесо такъ же спокойно и неподвижно, какъ будто оно сотни лѣтъ готово простоять этою неподвижностью; но пришелъ

моментъ — зацѣпилъ рычагъ, и покоряясь движенію, треща поворачивается колесо и сливается въ одно дѣйствіе, результатъ и цѣль котораго ему непонятны.

Какъ въ часахъ результатъ сложнаго движенія безчисленныхъ различныхъ колесъ и блоковъ есть только медленное и уравномѣренное движеніе стрѣлки, указывающей время, такъ результатомъ всѣхъ сложныхъ человѣческихъ движеній этихъ 160.000 русскихъ и французовъ — всѣхъ страстей, желаній, раскаяній, униженій, страданій, порывовъ гордости, страха, восторга этихъ людей былъ только проигрышъ Аустерлицкаго сраженія, такъ называемаго сраженія трехъ императоровъ, т. е. медленное передвиженіе всемірно-исторической стрѣлки на циферблатѣ исторіи человѣчества.

Князь Андрей былъ въ этотъ день дежурнымъ и неотлучно при главнокомандующемъ.

Въ 6-мъ часу вечера Кутузовъ пріѣхалъ въ главную квартиру императоровъ и, не долго пробывъ у государя, пошелъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому.

Болконскій воспользовался этимъ временемъ, чтобы зайти къ Долгорукову узнать о подробностяхъ дѣла. Князь Андрей чувствовалъ, что Кутузовъ чѣмъ-то разстроенъ и недоволенъ, и что имъ недовольны въ главной квартирѣ, и что всѣ лица императорской главной квартиры имѣютъ съ нимъ тонъ людей, знающихъ что-то такое, чего другіе не знаютъ; и поэтому ему хотѣлось поговорить съ Долгоруковымъ.

— Ну здравствуйте, mon cher, сказалъ Долгоруковъ, сидѣвшій съ Билибинымъ за чаемъ. — Праздникъ на завтра. Что вашъ старикъ? не въ духѣ?

— Не скажу, чтобы былъ не въ духѣ, но ему, кажется, хотѣлось бы, чтобъ его выслушали.

— Да его слушали на военномъ совѣтѣ и будутъ слушать, когда онъ будетъ говорить дѣло; но медлить и ждать чего-то теперь, когда Бонапартъ боится болѣе всего генеральнаго сраженія — невозможно.

— Да, вы его видѣли, сказалъ князь Андрей. — Ну, что Бонапартъ? Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— Да, видѣлъ и убѣдился, что онъ боится генеральнаго сраженія болѣе всего на свѣтѣ, повторилъ Долгоруковъ, видимо дорожа этимъ общимъ выводомъ, сдѣланнымъ имъ изъ его свиданія съ Наполеономъ. Ежели бы онъ не боялся сраженія, для чего бы ему было требовать этого свиданія, вести переговоры и, главное, отступать, тогда какъ отступленіе такъ противно всей его методѣ веденія войны? Повѣрьте мнѣ, онъ боится, боится генеральнаго сраженія, его часъ насталъ. Это я вамъ говорю.

— Но разскажите, какъ онъ, что̀? еще спросилъ князь Андрей.

— Онъ человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, очень желавшій, чтобъ я ему говорилъ „ваше величество,“ но въ огорченію своему не получившій отъ меня никакого титула. Вотъ это какой человѣкъ, и больше ничего, отвѣчалъ Долгоруковъ, оглядываясь съ улыбкой на Билибина.

— Несмотря на мое полное уваженіе къ старому Кутузову, продолжалъ онъ, — хороши мы были бы всѣ, ожидая чего-то и тѣмъ давая ему случай уйти или обмануть насъ, тогда какъ теперь онъ вѣрно въ нашихъ рукахъ. Нѣтъ, не надобно забывать Суворова и его правила: — не ставить себя въ положеніе атакованнаго, а атаковать самому. Повѣрьте, на войнѣ энергія молодыхъ людей часто вѣрнѣе указываетъ путь, чѣмъ вся опытность старыхъ кунктаторовъ.

— Но въ какой же позиціи мы атакуемъ его? Я былъ на аванпостахъ нынче, и нельзя рѣшить, гдѣ онъ именно стоитъ съ главными силами, сказалъ князь Андрей. Ему хотѣлось высказать Долгорукову свой, составленный имъ, планъ атаки.

— Ахъ, это совершенно все равно, быстро заговорилъ Долгоруковъ, вставая и раскрывая карту на столѣ.— Всѣ случаи предвидѣны: ежели онъ стоитъ у Брюнна...

И князь Долгоруковъ быстро и неясно разсказалъ планъ флангового движенія Вейротера...

Князь Андрей сталъ возражать и доказывать свой планъ, который могъ быть одинаково хорошъ съ планомъ Вейротера, но имѣлъ тотъ недостатокъ, что планъ Вейротера уже былъ одобренъ. Какъ только князь Андрей сталъ доказывать невыгоды того и выгоды своего, князь Долгоруковъ пересталъ его слушать, и разсѣянно смотрѣлъ не на карту, а на лицо князя Андрея.

— Впрочемъ у Кутузова будетъ нынче военный совѣтъ: вы тамъ можете все это высказать, сказалъ Долгоруковъ.

— Я это и сдѣлаю, сказалъ князь Андрей, отходя отъ карты.

— И о чемъ вы заботитесь, господа? сказалъ Билибинъ, до сихъ поръ съ веселою улыбкой слушавшій ихъ разговоръ и теперь видимо собираясь пошутить.— Будетъ ли завтра побѣда или пораженіе, слава русскаго оружія застрахована. Кромѣ вашего Кутузова нѣтъ ни одного русскаго начальника колоннъ. Начальники: господинъ генералъ Вимпфенъ, графъ Ланжеронъ, князь Лихтенштейнъ, Гогенлое и еще Пришипр-шипрш, какъ всѣ польскія имена.

— Замолчите, злой языкъ, сказалъ Долгоруковъ.— Неправда, теперь уже два русскихъ: Милорадовичъ и Дохтуровъ, и былъ бы 3-й, графъ Аракчеевъ, но у него нервы слабы.

— Однако Михаилъ Иларіоновичъ, я думаю, выйдемъ, сказалъ князь Андрей. — Желаю счастія и успѣха, господа; прибавилъ онъ и вышелъ, пожавъ руки Долгорукову и Билибину.

Возвращаясь домой, князь Андрей не могъ удержаться, чтобы не спросить молчаливо сидѣвшаго подлѣ него Кутузова о томъ, что онъ думаетъ о завтрашнемъ сраженіи?

Кутузовъ строго посмотрѣлъ на своего адъютанта и, помолчавъ, отвѣтилъ: Я думаю, что сраженіе будетъ проиграно, и я такъ сказалъ графу Толстому и просилъ его передать это государю. Что же, ты думаешь, онъ мнѣ отвѣтилъ? „И, любезный генералъ? Я занятъ рисомъ и котлетами, а вы занимайтесь военными дѣлами“. Да... Вотъ что мнѣ отвѣчали!

XII.

Въ 10-мъ часу вечера, Вейротеръ съ своими планами переѣхалъ на квартиру Кутузова, гдѣ и былъ назначенъ военный совѣтъ. Всѣ начальники колоннъ были потребованы къ главнокомандующему, и за исключеніемъ князя Багратіона, который отказался пріѣхать, всѣ явились къ назначенному часу.

Вейротеръ, бывшій полнымъ распорядителемъ предполагаемаго сраженія, представлялъ своею оживленностью и торопливостью рѣзкую противоположность съ недовольнымъ и соннымъ Кутузовымъ, неохотно игравшимъ роль предсѣдателя и руководителя военнаго совѣта. Вейротеръ очевидно чувствовалъ себя во главѣ движенія, которое стало уже неудержимо. Онъ былъ какъ запряженная лошадь, разбѣжавшаяся съ возомъ подъ гору. Онъ ли везъ, или его гнало, онъ не зналъ; но онъ несся во всю возможную быстроту, не имѣя

времени уже обсуждать того, къ чему поведетъ это движеніе. Вейротеръ въ этотъ вечеръ былъ два раза для личнаго осмотра въ цѣпи непріятеля и два раза у государей, русскаго и австрійскаго, для доклада и объясненій, и въ своей канцеляріи, гдѣ онъ диктовалъ нѣмецкую диспозицію. Онъ, измученный, пріѣхалъ теперь къ Кутузову.

Онъ видимо такъ былъ занятъ, что забывалъ даже быть почтительнымъ съ главнокомандующимъ: онъ перебивалъ его, говорилъ быстро, неясно, не глядя въ лицо собесѣдника, не отвѣчая на дѣлаемые ему вопросы, былъ испачканъ грязью, и имѣлъ видъ жалкій, измученный, растерянный и вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянный и гордый.

Кутузовъ занималъ небольшой дворянскій замокъ около Остралицъ. Въ большой гостиной, сдѣлавшейся кабинетомъ главнокомандующаго, собрались: самъ Кутузовъ, Вейротеръ и члены военнаго совѣта. Они пили чай. Ожидали только князя Багратіона, чтобы приступить къ военному совѣту. Въ 8-мъ часу пріѣхалъ ординарецъ Багратіона съ извѣстіемъ, что князь быть не можетъ. Князь Андрей пришелъ доложить о томъ главнокомандующему и, пользуясь прежде даннымъ ему Кутузовымъ позволеніемъ присутствовать при совѣтѣ, остался въ комнатѣ.

— Такъ какъ князь Багратіонъ не будетъ, то мы можемъ начинать, сказалъ Вейротеръ, поспѣшно вставая съ своего мѣста и приближаясь къ столу, на которомъ была разложена огромная карта окрестностей Брюнна.

Кутузовъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ котораго, какъ бы освободившись, выплыла на воротникъ его жирная шея, сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ симметрично пухлыя старческія руки на подлокотники и почти спалъ.

На звукъ голоса Вейротера онъ съ усиліемъ открылъ единственный глазъ.

— Да, да, пожалуйста, а то поздно, проговорилъ онъ, и кивнувъ головой, опустилъ ее и опять закрылъ глаза.

Ежели, первое время, члены совѣта думали, что Кутузовъ притворялся спящимъ, то звуки, которые онъ издавалъ носомъ во время послѣдующаго чтенія, доказывали, что въ эту минуту для главнокомандующаго дѣло шло о гораздо важнѣйшемъ, чѣмъ о желаніи выказать свое презрѣніе къ диспозиціи или къ чему бы то ни было: дѣло шло для него о неудержимомъ удовлетвореніи человѣческой потребности — сна. Онъ дѣйствительно спалъ. Вейротеръ съ движеніемъ человѣка, слишкомъ занятаго для того, чтобы терять хоть одну минуту времени, взглянулъ на Кутузова, и убѣдившись, что онъ спитъ, взялъ бумагу и громкимъ однообразнымъ тономъ началъ читать диспозицію будущаго сраженія подъ заглавіемъ, которое онъ тоже прочелъ:

„Диспозиція къ атакѣ непріятельской позиціи позади Кобельница и Сокольница, 30-го ноября 1805 года“.

Диспозиція была очень сложная и трудная. Въ оригинальной диспозиціи значилось:

„Такъ какъ непріятель опирается лѣвымъ крыломъ своимъ на покрытыя лѣсомъ горы, а правымъ крыломъ тянется вдоль Кобельница и Сокольница позади находящихся тамъ прудовъ, а мы напротивъ превосходимъ нашимъ лѣвымъ крыломъ его правое; то выгодно намъ атаковать сіе послѣднее непріятельское крыло, особливо если мы займемъ деревни Сокольницъ и Кобельницъ, будучи поставлены въ возможность нападать на флангъ непріятеля и преслѣдовать его въ равнинѣ между Шлапаницемъ и лѣсомъ Тюрасскимъ, и избѣгая дефилеи

между Шлапаницемъ и Бѣловицемъ, которою прикрыть непріятельскій фронтъ. Для этой цѣли необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...“ и т. д. читалъ Вейротеръ. Генералы, казалось, неохотно слушали трудную диспозицію. Бѣлокурый, высокій генералъ Буксгевденъ стоялъ, прислонившись спиною къ стѣнѣ и, остановивъ свои глаза на горѣвшей свѣчѣ, казалось, не слушалъ и даже не хотѣлъ, чтобы думали, что онъ слушаетъ. Прямо противъ Вейротера, устремивъ на него свои блестящіе открытые глаза, въ воинственной позѣ, оперевъ руки съ выгнутыми наружу локтями на колѣни, сидѣлъ румяный Милорадовичъ съ приподнятыми усами и плечами. Онъ упорно молчалъ, глядя въ лицо Вейротера и спускалъ съ него глаза только въ то время, когда австрійскій начальникъ штаба замолкалъ. Въ это время Милорадовичъ значительно оглядывался на другихъ генераловъ. Но по значенію этого значительнаго взгляда нельзя было понять: былъ ли онъ согласенъ или несогласенъ, доволенъ или недоволенъ диспозиціей. Ближе всѣхъ къ Вейротеру сидѣлъ графъ Ланжеронъ и съ тонкою улыбкой южнаго французскаго лица, не покидавшей его во все время чтенія, глядѣлъ на свои тонкіе пальцы, быстро перевертывавшіе за углы золотую табакерку съ портретомъ. Въ серединѣ одного изъ длиннѣйшихъ періодовъ, онъ остановилъ вращательное движеніе табакерки, поднялъ голову и съ непріятною учтивостью на самыхъ концахъ тонкихъ губъ перебилъ Вейротера и хотѣлъ сказать что-то; но австрійскій генералъ, не прерывая чтенія, сердито нахмурился и замахалъ локтями, какъ бы говоря: потомъ, потомъ вы мнѣ скажете свои мысли, теперь извольте смотрѣть на карту и слушать. Ланжеронъ поднялъ глаза кверху съ выраженіемъ

недоумѣніи, оглянулся на Милорадовича, какъ бы ища объясненія, но встрѣтивъ значительный, ничего не значащій взглядъ Милорадовича, грустно опустилъ глаза и опять принялся вертѣть табакерку.

— Урокъ изъ географіи, проговорилъ онъ какъ бы про себя, но довольно громко, чтобъ его слышали.

Пржебышевскій, съ почтительною, но достойною учтивостью, пригнулъ рукою ухо къ Вейротеру, имѣя видъ человѣка, поглощеннаго вниманіемъ. Маленькій ростомъ Дохтуровъ сидѣлъ прямо противъ Вейротера съ старательнымъ и скромнымъ видомъ, и нагнувшись надъ разложенною картой, добросовѣстно изучалъ диспозицію и неизвѣстную ему мѣстность. Онъ нѣсколько разъ просилъ Вейротера повторить нехорошо разслышанныя имъ слова и трудныя наименованія деревень. Вейротеръ исполнялъ его желаніе, и Дохтуровъ записывалъ.

Когда чтеніе, продолжавшееся болѣе часу, было кончено, Ланжеронъ, опять остановивъ табакерку и не глядя на Вейротера и ни на кого особенно, началъ говорить о томъ, какъ трудно было исполнить такую диспозицію, гдѣ положеніе непріятеля предполагается извѣстнымъ, тогда какъ положеніе это можетъ быть намъ неизвѣстно, такъ какъ непріятель находится въ движеніи. Возраженія Ланжерона были основательны, но было очевидно, что цѣль этихъ возраженій состояла преимущественно въ желаніи дать почувствовать генералу Вейротеру, столь самоувѣренно, какъ школьникамъ-ученикамъ, читавшему свою диспозицію, что онъ имѣлъ дѣло не съ одними дураками, а съ людьми, которые могли и его поучить въ военномъ дѣлѣ. Когда замолкъ однообразный звукъ голоса Вейротера, Кутузовъ открылъ глаза, какъ

мельникъ, который просыпается при перерывѣ усыпительнаго звука мельничныхъ колесъ, прислушался къ тому, что говорилъ Ланжеронъ и какъ будто говоря: „а вы все еще про эти глупости!“ поспѣшно закрылъ глаза и еще ниже опустилъ голову.

Стараясь какъ можно язвительнѣе оскорбить Вейротера въ его авторскомъ, военномъ самолюбіи, Ланжеронъ доказывалъ, что Бонапарте легко можетъ атаковать вмѣсто того, чтобы быть атакованнымъ, и вслѣдствіе того сдѣлать всю эту диспозицію совершенно безполезною. Вейротеръ на всѣ возраженія отвѣчалъ твердою, презрительною улыбкой, очевидно впередъ приготовленною для всякаго возраженія, независимо отъ того, что̀ бы ему ни говорили.

— Ежели бы онъ могъ атаковать насъ, то онъ нынче бы это сдѣлалъ, сказалъ онъ.

— Вы, стало быть, думаете, что онъ безсиленъ? сказалъ Ланжеронъ.

— Много, если у него 40 тысячъ войска, отвѣчалъ Вейротеръ съ улыбкой доктора, которому лѣкарка хочетъ указать средство лѣченія.

— Въ такомъ случаѣ онъ идетъ на свою погибель, ожидая нашей атаки, съ тонкою ироническою улыбкой сказалъ Ланжеронъ, за подтвержденіемъ оглядываясь опять на ближайшаго Милорадовича. Но Милорадовичъ, очевидно въ эту минуту думалъ менѣе всего о томъ, о чемъ спорили генералы.

— Ma foi, сказалъ онъ, — завтра все увидимъ на полѣ сраженія.

Вейротеръ усмѣхнулся опять тою улыбкой, которая говорила, что *ему* смѣшно и странно встрѣчать возраженія отъ русскихъ генераловъ и доказывать то, въ чемъ не только

онъ самъ слишкомъ хорошо былъ увѣренъ, но въ чемъ увѣрены были и государи-императоры.

— Непріятель потушилъ огни, и слышенъ непрерывный шумъ въ его лагерѣ, сказалъ онъ. — Что это значитъ? — Или онъ удаляется, чего одного мы должны бояться, или онъ перемѣняетъ позицію (онъ усмѣхнулся). Но даже ежели бы онъ и занялъ позицію въ Тюрасѣ, онъ только избавляетъ насъ отъ большихъ хлопотъ, и распоряженія всѣ до малѣйшихъ подробностей остаются тѣ же.

— Какимъ же образомъ?... сказалъ князь Андрей, уже давно выжидавшій случая выразить свои сомнѣнія. Кутузовъ проснулся, тяжело откашлялся и оглянулъ генераловъ.

— Господа, диспозиція на завтра, даже на нынче (потому что уже первый часъ), не можетъ быть измѣнена, сказалъ онъ. — Вы ее слышали, и всѣ мы исполнимъ нашъ долгъ. А предъ сраженіемъ нѣтъ ничего важнѣе... (онъ помолчалъ) какъ выспаться хорошенько.

Онъ сдѣлалъ видъ, что привстаетъ. Генералы откланялись и удалились. Было уже за полночь. Князь Андрей вышелъ.

Военный совѣтъ, на которомъ князю Андрею не удалось высказать свое мнѣніе, какъ онъ надѣялся, оставилъ въ немъ неясное и тревожное впечатлѣніе. Кто былъ правъ, Долгоруковъ съ Вейротеромъ, или Кутузовъ съ Ланжерономъ и другими, не одобрявшими планъ атаки, онъ не зналъ. Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли? Неужели это не можетъ иначе дѣлаться? Неужели изъ-за придворныхъ и личныхъ соображеній должно рисковать десятками тысячъ и моею, *моею* жизнью? думалъ онъ.

„Да, очень можетъ быть, завтра убьютъ“, подумалъ онъ.

И вдругъ, при этой мысли о смерти, цѣлый рядъ воспоминаній, самыхъ далекихъ и самыхъ задушевныхъ, возсталъ въ его воображеніи: онъ вспоминалъ послѣднее прощаніе съ отцомъ и женою; онъ вспоминалъ первыя времена своей любви къ ней; вспомнилъ о ея беременности, и ему стало жалко и ея и себя, и онъ въ нервично-размягченномъ и взволнованномъ состояніи вышелъ изъ избы, въ которой онъ стоялъ съ Несвицкимъ, и сталъ ходить предъ домомъ.

Ночь была туманная, и сквозь туманъ таинственно пробивался лунный свѣтъ. „Да, завтра, завтра!“ думалъ онъ. Завтра, можетъ быть, все будетъ кончено для меня, всѣхъ этихъ воспоминаній не будетъ болѣе, всѣ эти воспоминанія не будутъ имѣть для меня болѣе никакого смысла. Завтра же, можетъ быть, даже навѣрное завтра, я это предчувствую, въ первый разъ мнѣ придется наконецъ показать все то, что я могу сдѣлать“. И ему представилось сраженіе, потеря его, сосредоточеніе боя на одномъ пунктѣ и замѣшательство всѣхъ начальствующихъ лицъ. И вотъ та счастливая минута, тотъ Тулонъ, котораго такъ долго ждалъ онъ, наконецъ представляется ему. Онъ твердо и ясно говоритъ свое мнѣніе и Кутузову, и Вейротеру, и императорамъ. Всѣ поражены вѣрностью его соображенія, но никто не берется исполнить его и вотъ онъ беретъ полкъ, дивизію, выговариваетъ условіе, чтобъ уже никто не вмѣшивался въ его распоряженія, и ведетъ свою дивизію къ рѣшительному пункту, и одинъ одерживаетъ побѣду. А смерть и страданія? говоритъ другой голосъ. Но князь Андрей не отвѣчаетъ этому голосу и продолжаетъ свои успѣхи. Диспозиція слѣдующаго сраженія дѣлается имъ однимъ. Онъ носитъ званіе дежурнаго по арміи при Кутузовѣ, но дѣлаетъ все онъ одинъ. Слѣдующее сра-

женіе выиграно имъ однимъ. Кутузовъ смѣняется, назначается онъ... Ну, а потомъ? говоритъ опять другой голосъ, а потомъ, ежели ты десять разъ прежде этого не будешь раненъ, убитъ или обманутъ; ну, а потомъ что жъ? „Ну, а потомъ..., отвѣчаетъ самъ себѣ князь Андрей, — я не знаю, что будетъ потомъ, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди: отецъ, сестра, жена — самые дорогіе мнѣ люди; но какъ ни страшно и ни неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду знать, за любовь вотъ этихъ людей", подумалъ онъ, прислушиваясь къ говору на дворѣ Кутузова. На дворѣ Кутузова слышались голоса укладывавшихся денщиковъ; одинъ голосъ, вѣроятно кучера, дразнившаго стараго кутузовскаго повара, котораго зналъ князь Андрей и котораго звали Титомъ, говорилъ: „Титъ, а Титъ?"

— Ну! отвѣчалъ старикъ.

— Титъ, ступай молотить, говорилъ шутникъ.

— Тьфу, ну-те къ чорту, — раздался голосъ, покрываемый хохотомъ денщиковъ и слугъ.

„И все таки я люблю и дорожу только торжествомъ надъ всѣми ими, дорожу этою таинственною силой и славой, которая вотъ тутъ надо мной носится въ этомъ туманѣ!"

XIII.

Ростовъ въ эту ночь былъ со взводомъ въ фланкёрской цѣпи, впереди отряда Багратіона. Гусары его попарно были разсыпаны въ цѣпи; самъ онъ ѣздилъ верхомъ по этой линіи цѣпи, стараясь преодолѣть сонъ, непреодолимо клонившій его. Назади его видно было огромное пространство неясно горѣвшихъ въ туманѣ костровъ нашей арміи; впереди его была туманная темнота. Сколько ни вглядывался Ростовъ въ эту туманную даль, онъ ничего не видѣлъ: то сѣрѣлось, то какъ будто чернѣлось что-то, то мелькали какъ будто огоньки тамъ, гдѣ долженъ быть непріятель, то ему думалось, что это только въ глазахъ блеститъ у него. Глаза его закрывались, и въ воображеніи представлялся то государь, то Денисовъ, то московскія воспоминанія, и онъ опять поспѣшно открывалъ глаза, и близко предъ собой онъ видѣлъ голову и уши лошади, на которой онъ сидѣлъ, иногда черныя фигуры гусаръ, когда онъ въ шести шагахъ наѣзжалъ на нихъ, а вдали все ту же туманную темноту. Отчего же? очень можетъ быть, думалъ Ростовъ, что государь, встрѣтивъ меня, дастъ порученіе какъ и всякому офицеру; скажетъ: „Поѣзжай, узнай, что̀ тамъ". Много разсказывали же, какъ совершенно случайно онъ узналъ такъ какого-то офицера и приблизилъ къ себѣ. Что̀, ежели бы онъ приблизилъ меня къ себѣ! О, какъ бы я охранялъ его, какъ бы я говорилъ ему всю правду, какъ бы я изобличалъ его обманщиковъ! И Ростовъ для того, чтобы живо представить себѣ свою любовь и преданность государю, представлялъ себѣ врага или обманщика-нѣмца, котораго онъ съ наслажденіемъ не только убивалъ, но по щекамъ билъ въ глазахъ государя.

Вдругъ далекій крикъ разбудилъ Ростова. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

„Гдѣ я? Да, въ цѣпи: лозунгъ и пароль — дышло, Ольмюцъ. Экая досада, что эскадронъ нашъ завтра будетъ въ резервахъ... подумалъ онъ. Попрошусь въ дѣло. Это можетъ быть единственный случай увидѣть государя. Да теперь не долго до смѣны. Объѣду еще разъ, и какъ вернусь, пойду къ генералу и попрошу его". Онъ поправился на сѣдлѣ и тронулъ лошадь, чтобы еще разъ объѣхать своихъ гусаръ. Ему показалось, что было свѣтлѣй. Въ лѣвой сторонѣ виднѣлся пологій, освѣщенный скатъ и противоположный, черный бугоръ, казавшійся крутымъ, какъ стѣна. На бугрѣ этомъ было бѣлое пятно, котораго никакъ не могъ понять Ростовъ: поляна ли это въ лѣсу, освѣщенная мѣсяцемъ, или оставшійся снѣгъ, или бѣлые дома? Ему показалось даже, что по этому бѣлому пятну зашевелилось что-то. „Должно быть снѣгъ — это пятно; пятно — une tache", думалъ Ростовъ... Вотъ тебѣ и не ташъ...

„Наташа, сестра, черные глаза. На...ташка. (Вотъ удивится, когда я ей скажу, какъ я увидалъ государя!) Наташку... ташку возьми..." „Поправѣй-то, ваше благородіе, а то тутъ кусты", сказалъ голосъ гусара, мимо котораго засыпая проѣзжалъ Ростовъ. Ростовъ поднялъ голову, которая опустилась уже до гривы лошади, и остановился подлѣ гусара. Молодой дѣтскій сонъ непреодолимо клонилъ его. „Да, бишь, что я думалъ? — не забыть. Какъ съ государемъ говорить буду? Нѣтъ, не то — это завтра. Да да! Наташку, наступить.... тупить насъ — кого? Гусаровъ. А гусары и усы... По Тверской ѣхалъ этотъ гусаръ съ усами, еще я подумалъ о немъ, противъ самаго Гурьева дома...

Старикъ Гурьевъ... Эхъ, славный малый Денисовъ! Да, все это пустяки. Главное теперь государь тутъ. Какъ онъ на меня смотрѣлъ и хотѣлось ему что-то сказать, да онъ не смѣлъ... Нѣтъ, это я не смѣлъ. Да это пустяки, а главное не забывать, что я нужное-то думалъ, да. На—ташку, насъ—тупить, да, да, да. Это хорошо".— И онъ опять упалъ головой на шею лошади. Вдругъ ему показалось, что въ него стрѣляютъ. „Что? Что? Что!... Руби! Что?..." заговорилъ очнувшись Ростовъ. Въ то мгновеніе, какъ онъ открылъ глаза, Ростовъ услыхалъ предъ собой тамъ, гдѣ былъ непріятель, протяжные крики тысячи голосовъ. Лошади его и гусара, стоявшаго подлѣ него, насторожили уши на эти крики. На томъ мѣстѣ, съ котораго слышались крики, зажегся и потухъ одинъ огонекъ, потомъ другой, и по всей линіи французскихъ войскъ на горѣ зажглись огни, и крики все болѣе и болѣе усиливались. Ростовъ слышалъ звуки французскихъ словъ, но не могъ ихъ разобрать. Слишкомъ много гудѣло голосовъ. Только слышно было: аааа! и рррр!

— Что это? Ты какъ думаешь, обратился Ростовъ къ гусару, стоявшему подлѣ него,— вѣдь это у непріятеля?

Гусаръ ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ, ты развѣ не слышишь? довольно долго подождавъ отвѣта, опять спросилъ Ростовъ.

— А кто ё знаетъ, ваше благородіе, неохотно отвѣчалъ гусаръ.

— По мѣсту должно быть непріятель? опять повторилъ Ростовъ.

— Може онъ, а може и такъ, проговорилъ гусаръ.— дѣло ночное.— Ну! шали! крикнулъ онъ на свою лошадь, шевелившуюся подъ нимъ. Лошадь Ростова тоже торопилась,

бива ногой по мерзлой землѣ, прислушиваясь къ звукамъ и приглядываясь къ огнямъ. Крики голосовъ все усиливались и слились въ общій гулъ, который могла произвести только нѣсколько-тысячная армія. Огни больше и больше распространялись вѣроятно по линіи французскаго лагеря. Ростову уже не хотѣлось спать. Веселые торжествующіе крики въ непріятельской арміи возбудительно дѣйствовали на него. „Виватъ императоръ, императоръ!“ уже ясно слышалось теперь Ростову.

— А недалеко, должно быть за ручьемъ? сказалъ онъ стоявшему подлѣ него гусару.

Гусаръ только вздохнулъ, ничего не отвѣчая, и прокашлялся сердито. По линіи гусаръ послышался топотъ ѣхавшаго рысью коннаго, и изъ ночнаго тумана вдругъ выросла, представляясь громаднымъ слономъ, фигура гусарскаго унтеръ-офицера.

— Ваше благородіе, генералы! сказалъ унтеръ-офицеръ, подъѣзжая къ Ростову. Ростовъ, продолжая оглядываться на огни и крики, поѣхалъ съ унтеръ-офицеромъ навстрѣчу нѣсколькимъ верховымъ, ѣхавшимъ по линіи. Одинъ былъ на бѣлой лошади. Князь Багратіонъ съ княземъ Долгоруковымъ и адъютантами выѣхали посмотрѣть на странное явленіе огней и криковъ въ непріятельской арміи. Ростовъ, подъѣхавъ къ Багратіону, рапортовалъ ему и присоединился къ адъютантамъ, прислушиваясь къ тому, что говорили генералы.

— Повѣрьте, говорилъ князь Долгоруковъ, обращаясь къ Багратіону, — что это больше ничего какъ хитрость: онъ отступилъ и въ аррьергардѣ велѣлъ зажечь огни и шумѣть, чтобъ обмануть насъ.

— Едва ли, сказалъ Багратіонъ: — съ вечера я ихъ видѣлъ на томъ бугрѣ; коли ушли, такъ и оттуда снялись. Господинъ офицеръ, обратился князь Багратіонъ къ Ростову, — стоятъ тамъ еще его фланкёры?

— Съ вечера стояли, а теперь не могу знать, ваше сіятельство. Прикажите, я съѣзжу съ гусарами, сказалъ Ростовъ.

Багратіонъ остановился и, не отвѣчая, въ туманѣ старался разглядѣть лицо Ростова.

— А что жъ — посмотрите, сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Слушаю-съ.

Ростовъ далъ шпоры лошади, окликнулъ унтеръ-офицера Ѳедченку и еще двухъ гусаръ, приказалъ имъ ѣхать за собою, и рысью поѣхалъ подъ гору по направленію къ продолжавшимся крикамъ. Ростову и жутко и весело было ѣхать одному съ тремя гусарами туда, въ эту таинственную и опасную туманную даль, гдѣ никто не былъ прежде его. Багратіонъ закричалъ ему съ горы, чтобъ онъ не ѣздилъ дальше ручья, но Ростовъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ его словъ, и, не останавливаясь, ѣхалъ дальше и дальше, безпрестанно обманываясь, принимая кусты за деревья и рытвины за людей, и безпрестанно объясняя свои обманы. Спустившись рысью подъ гору, онъ уже не видалъ ни нашихъ, ни непріятельскихъ огней, но громче, яснѣе слышалъ крики французовъ. Въ лощинѣ онъ увидалъ предъ собой что-то въ родѣ рѣки, но когда онъ доѣхалъ до нея, онъ узналъ проѣзженную дорогу. Выѣхавъ на дорогу, онъ придержалъ лошадь въ нерѣшительности: ѣхать по ней, или пересѣчь ее и ѣхать по черному полю въ гору. Ѣхать

по освѣщенной въ туманѣ дорогѣ было безопаснѣе, потому что сверху можно было разсмотрѣть людей. „Пошелъ за мной", проговорилъ онъ, пересѣкъ дорогу и сталъ подниматься галопомъ на гору, къ тому мѣсту, гдѣ съ вечера стоялъ французскій пикетъ.

— Ваше благородіе, вотъ онъ! проговорилъ сзади одинъ изъ гусаръ; и не успѣлъ еще Ростовъ разглядѣть что-то, вдругъ зачернѣвшееся въ туманѣ, какъ блеснулъ огонекъ, щелкнулъ выстрѣлъ, и пуля, какъ будто жалуясь на что-то, зажужжала высоко въ туманѣ и вылетѣла изъ слуха. Другое ружье не выстрѣлило, но блеснулъ огонекъ на полкѣ. Ростовъ повернулъ лошадь и галопомъ поѣхалъ назадъ. Еще раздались въ разныхъ промежуткахъ четыре выстрѣла, и на разные тоны запѣли пули гдѣ-то въ туманѣ. Ростовъ придержалъ лошадь, повеселѣвшую такъ же, какъ онъ, отъ выстрѣловъ, и поѣхалъ шагомъ. „Ну-ка еще, ну-ка еще!" говорилъ въ его душѣ какой-то веселый голосъ. Но выстрѣловъ больше не было.

Только подъѣзжая къ Багратіону, Ростовъ опять пустилъ свою лошадь въ галопъ и, держа руку у козырька, подъѣхалъ къ нему.

Долгоруковъ все настаивалъ на своемъ мнѣніи, что французы отступили и только для того, чтобъ обмануть насъ, разложили огни. Что же это доказываетъ? говорилъ онъ въ то время, какъ Ростовъ подъѣхалъ къ нимъ. Они могли отступить и оставить пикеты.

— Видно, еще не всѣ ушли, князь, сказалъ Багратіонъ. — До завтрашняго утра, завтра все узнаемъ.

— На горѣ пикетъ, ваше сіятельство, все тамъ же, гдѣ былъ съ вечера, доложилъ Ростовъ, нагибаясь впередъ, держа

руку у козырька, и не въ силахъ удержать улыбку веселья, вызваннаго въ немъ его поѣздкой, и главное звуками пуль.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Багратіонъ, — благодарю васъ, господинъ офицеръ.

— Ваше сіятельство, сказалъ Ростовъ, — позвольте васъ просить.

— Чтó такое?

— Завтра эскадронъ нашъ назначенъ въ резервы, позвольте васъ просить прикомандировать меня къ 1-му эскадрону.

— Какъ фамилія?

— Графъ Ростовъ.

— А, хорошо! Оставайся при мнѣ ординарцемъ.

— Ильи Андреича сынъ? сказалъ Долгоруковъ. Но Ростовъ не отвѣчалъ ему.

— Такъ я буду надѣяться, ваше сіятельство.

— Я прикажу.

„Завтра, очень можетъ быть, пошлютъ съ какимъ-нибудь приказаніемъ къ государю“, подумалъ онъ. „Слава Богу!“

Крики и огни въ непріятельской арміи происходили оттого, что въ то время, какъ по войскамъ читали приказъ Наполеона, самъ императоръ, верхомъ, объѣзжалъ свои бивуаки. Солдаты, увидавъ императора, зажигали пуки соломы и съ криками: да здравствуетъ! бѣжали за нимъ. Приказъ Наполеона былъ слѣдующій:

„Солдаты! Русская армія выходитъ противъ васъ, чтобъ отмстить за австрійскую, Ульмскую армію. Это тѣ же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунѣ и которые вы съ тѣхъ поръ преслѣдовали постоянно до этого мѣста. Позиціи, которыя мы занимаемъ, могущественны, и пока онѣ

будутъ идти, чтобъ обойти меня справа, они выставятъ мнѣ флангъ! Солдаты! Я самъ буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко отъ огня, если вы, съ вашею обычною храбростью, внесете въ ряды непріятельскіе безпорядокъ и смятеніе; но если побѣда будетъ хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора подвергающагося первымъ ударамъ непріятеля, потому что не можетъ быть колебанія въ побѣдѣ, особенно въ тотъ день, въ который идетъ рѣчь о чести французской пѣхоты, которая такъ необходима для чести своей націи".

„Подъ предлогомъ увода раненыхъ, не разстраивать ряда! Каждый да будетъ вполнѣ проникнутъ мыслію, что надо побѣдить этихъ наемниковъ Англіи, воодушевленныхъ такою ненавистью противъ нашей націи. Эта побѣда окончитъ нашъ походъ, и мы можемъ возвратиться на зимнія квартиры, гдѣ застанутъ насъ новыя французскія войска, которыя формируются во Франціи; и тогда миръ, который я заключу, будетъ достоинъ моего народа, васъ и меня».

«Наполеонъ».

XIV.

Въ 5 часовъ утра еще было совсѣмъ темно. Войска центра, резервовъ и правый флангъ Багратіона стояли еще неподвижно; но на лѣвомъ флангѣ колонны пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, долженствовавшія первыя спуститься съ высотъ, для того чтобъ атаковать французскій правый флангъ и отбросить его, по диспозиціи, въ Богемскія горы, уже зашевелились и начали подниматься съ своихъ ночлеговъ. Дымъ отъ костровъ, въ которые бросали все лишнее, ѣлъ глаза. Было холодно и темно. Офицеры торопливо пили чай и завтракали,

солдаты пережевывали сухари, отбивали ногами дробь, согрѣваясь, и стекаясь противъ огней, бросая въ дрова остатки балагановъ, стулья, столы, колеса, кадушки, все лишнее, что нельзя было увезти съ собою. Австрійскіе колонновожатые сновали между русскими войсками и служили предвѣстниками выступленія. Какъ только показывался австрійскій офицеръ около стоянки полковаго командира, полкъ начиналъ шевелиться; солдаты сбѣгались отъ костровъ, прятали въ голенища трубочки, мѣшочки въ повозки, разбирали ружья и строились. Офицеры застегивались, надѣвали шпаги и ранцы, и покрикивая обходили ряды; обозные и денщики запрягали, укладывали и увязывали повозки. Адъютанты, батальонные и полковые командиры садились верхами, крестились, отдавали послѣднія приказанія, наставленія и порученія остающимся обознымъ, и звучалъ однообразный топотъ тысячей ногъ. Колонны двигались, не зная куда и не видя отъ окружавшихъ людей, отъ дыма и отъ усиливающагося тумана, ни той мѣстности, изъ которой они выходили, ни той, въ которую они вступали.

Солдатъ въ движеніи такъ же окруженъ, ограниченъ, влекомъ своимъ полкомъ, какъ морякъ кораблемъ, на которомъ онъ находится. Какъ бы далеко онъ ни прошелъ, въ какія бы странныя, невѣдомыя и опасныя широты ни вступилъ онъ, вокругъ него, какъ для моряка, всегда и вездѣ тѣ же палубы, мачты, канаты своего корабля, всегда и вездѣ тѣ же товарищи, тѣ же ряды, тотъ же фельдфебель Иванъ Митричъ, та же ротная собака Жучка, то же начальство. Солдатъ рѣдко желаетъ знать тѣ широты, въ которыхъ находится весь корабль его; но въ день сраженія, Богъ знаетъ какъ и откуда, въ нравственномъ мірѣ войска слышится одна

для всѣхъ строя, нота, которая звучитъ приближеніемъ чего-то рѣшительнаго и торжественнаго, и вызываетъ ихъ на не свойственное имъ любопытство. Солдаты въ дни сраженій возбужденно стараются выйти изъ интересовъ своего полка, прислушиваются, приглядываются и жадно разспрашиваютъ о томъ, что дѣлается вокругъ нихъ.

Туманъ сталъ такъ силенъ, что, несмотря на то, что разсвѣтало, не видно было въ десяти шагахъ передъ собою. Кусты казались громадными деревьями, ровныя мѣста — обрывами и скатами. Вездѣ, со всѣхъ сторонъ, можно было столкнуться съ невидимымъ въ десяти шагахъ непріятелемъ. Но долго шли колонны все въ томъ же туманѣ, спускаясь и поднимаясь на горы, минуя сады и ограды, по новой, непонятной мѣстности, нигдѣ не сталкиваясь съ непріятелемъ. Напротивъ того, то впереди, то сзади, со всѣхъ сторонъ, солдаты узнавали, что идутъ по тому же направленію наши русскія колонны. Каждому солдату пріятно становилось на душѣ отъ того, что онъ зналъ, что туда же, куда онъ идетъ, то-есть неизвѣстно куда, идетъ еще много, много нашихъ.

— Ишь ты, и курскіе прошли, говорили въ рядахъ.

— Страсть, братецъ ты мой, что войски нашей собралось! Вечеръ посмотрѣлъ, какъ огни разложили, конца-краю не видать. Москва, — одно слово!

Хотя никто изъ колонныхъ начальниковъ не подъѣзжалъ къ рядамъ и не говорилъ съ солдатами (колонные начальники, какъ мы видѣли на военномъ совѣтѣ, были не въ духѣ и недовольны предпринимаемымъ дѣломъ и потому только исполняли приказанія и не заботились о томъ, чтобы повеселить солдатъ), несмотря на то, солдаты шли весело, какъ и всегда идя въ дѣло, въ особенности въ наступательное. Но, пройдя

около часу все въ густомъ туманѣ, большая часть войска должна была остановиться, и по рядамъ пронеслось непріятное сознаніе совершающагося безпорядка и бестолковщины. Какимъ образомъ передается это сознаніе — весьма трудно опредѣлить; но несомнѣнно то, что оно передается необыкновенно вѣрно и быстро разливается, незамѣтно и неудержимо, какъ вода по лощинѣ. Ежели бы русское войско было одно, безъ союзниковъ, то, можетъ быть, еще прошло бы много времени, пока это сознаніе безпорядка сдѣлалось бы общею увѣренностью; но теперь, съ особеннымъ удовольствіемъ и естественностью относя причину безпорядковъ къ бестолковымъ нѣмцамъ, всѣ убѣдились въ томъ, что происходитъ вредная путаница, которую надѣлали колбасники.

— Чтò стали-то? Аль загородили? Или ужъ на француза наткнулись? — Нѣтъ, не слыхать. А то палить бы сталъ. То-то торопили выступать, а выступили, — стали безъ толку посреди поля, — все нѣмцы проклятые путаютъ. Эки черти бестолковые! То-то я бы ихъ и пустилъ напередъ. А то, небось, позади жмутся. Вотъ и стой теперь не ѣмши. Да чтò, скоро ли тамъ? — Кавалерія, говорятъ, дорогу загородила, говорилъ офицеръ.

— Эхъ, нѣмцы проклятые, своей земли не знаютъ, говорилъ другой.

— Вы какой дивизіи? кричалъ подъѣзжая адъютантъ.

— Осьмнадцатой.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь? вамъ давно впереди должно быть; теперь до вечера не пройдете.

— Вотъ распоряженія-то дурацкія, сами не знаютъ чтò дѣлаютъ, говорилъ офицеръ и отъѣзжалъ; потомъ проѣзжалъ генералъ и сердито не по-русски кричалъ что-то.

— Тафа-лафа, а что бормочетъ, ничего не разберешь, говорилъ солдатъ, передразнивая отъѣхавшаго генерала. — Разстрѣлялъ бы я ихъ подлецовъ!

— Въ десятомъ часу велѣно на мѣстѣ быть, а мы и половины не прошли. Вотъ такъ распоряженія! повторялось съ разныхъ сторонъ, и чувство энергіи, съ которымъ выступали въ дѣло войска, начало обращаться въ досаду и въ злобу на бестолковыя распоряженія и на нѣмцевъ.

Причина путаницы заключалась въ томъ, что, во время движенія австрійской кавалеріи, шедшей на лѣвомъ флангѣ, высшее начальство нашло, что нашъ центръ слишкомъ отдаленъ отъ праваго фланга, и всей кавалеріи велѣно было перейти на правую сторону. Нѣсколько тысячъ кавалеріи продвигалось предъ пѣхотой, и пѣхота должна была ждать.

Впереди произошло столкновеніе между австрійскимъ колонновожатымъ и русскимъ генераломъ. Русскій генералъ кричалъ, требуя, чтобъ остановлена была конница; австріецъ доказывалъ, что виноватъ былъ не онъ, а высшее начальство. Войска между тѣмъ стояли, скучая и падая духомъ. Послѣ часовой задержки, войска двинулись наконецъ дальше и стали спускаться подъ гору. Туманъ, расходившійся на горѣ, только гуще разстилался въ низахъ, куда спускались войска. Впереди, въ туманѣ, раздался одинъ, другой выстрѣлъ, сначала нескладно въ разныхъ промежуткахъ: тратта... татъ, и потомъ все складнѣе и чаще, и завязалось дѣло надъ рѣчкою Гольдбахомъ.

Не разсчитывая встрѣтить внизу надъ рѣчкою непріятеля и нечаянно въ туманѣ наткнувшись на него, не слыша слова одушевленія отъ высшихъ начальниковъ, съ распространившимся по войскамъ сознаніемъ, что было опоздано, и, главное,

въ густомъ туманѣ не видя ничего впереди и кругомъ себя, русскіе лѣниво и медленно перестрѣливались съ непріятелемъ, подвигались впередъ и опять останавливались, не получая во время приказаній отъ начальниковъ и адъютантовъ, которые блудили по туману въ незнакомой мѣстности, не находя своихъ частей войскъ. Такъ началось дѣло для первой, второй и третьей колонны, которыя спустились внизъ. Четвертая колонна, при которой находился самъ Кутузовъ, стояла на Праценскихъ высотахъ.

Въ низахъ, гдѣ началось дѣло, былъ все еще густой туманъ; наверху прояснѣло, но все не видно было ничего изъ того, что происходило впереди. Были ли всѣ силы непріятеля, какъ мы предполагали, за десять верстъ отъ насъ, или онъ былъ тутъ въ этой чертѣ тумана, — никто не зналъ до девятаго часа.

Было 9 часовъ утра. Туманъ сплошнымъ моремъ разстилался понизу, но при деревнѣ Шлапаницѣ, на высотѣ, на которой стоялъ Наполеонъ, окруженный своими маршалами, было совершенно свѣтло. Надъ нимъ было ясное, голубое небо, и огромный шаръ солнца, какъ огромный, пустотѣлый, багровый поплавокъ, колыхался на поверхности молочнаго моря тумана. Не только всѣ французскія войска, но самъ Наполеонъ со штабомъ находился не по ту сторону ручьевъ и низовъ деревень Сокольницъ и Шлапаницъ, за которыми мы намѣревались занять позицію и начать дѣло, но по сю сторону, такъ близко отъ нашихъ войскъ, что Наполеонъ простымъ глазомъ могъ въ нашемъ войскѣ отличать коннаго отъ пѣшаго. Наполеонъ стоялъ нѣсколько впереди своихъ маршаловъ, на маленькой, сѣрой, арабской лошади въ синей шинели, въ той самой, въ которой онъ дѣлалъ италіанскую

наблюденію. Онъ молча вглядывался въ холмы, которые какъ бы выступали изъ моря тумана и по которымъ вдалекѣ двигались русскія войска, и прислушивался къ звукамъ стрѣльбы въ лощинѣ. Въ то время еще худое лицо его не шевелилось ни однимъ мускуломъ; блестящіе глаза были неподвижно устремлены на одно мѣсто. Его предположенія оказывались вѣрными. Русскія войска частью уже спустились въ лощину къ прудамъ и озерамъ, частью очищали тѣ Праценскія высоты, которыя онъ намѣренъ былъ атаковать и считалъ ключомъ позиціи. Онъ видѣлъ, среди тумана, какъ въ углубленіи, составляемомъ двумя горами около деревни Працъ, все по одному направленію къ лощинамъ, двигались, блестя штыками, русскія колонны, и одна за другою скрывались въ морѣ тумана. По свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ съ вечера, по звукамъ колесъ и шаговъ, слышаннымъ ночью на аванпостахъ, по безпорядочности движенія русскихъ колоннъ, по всѣмъ предположеніямъ, онъ ясно видѣлъ, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшіяся близь Працена, составляли центръ русской арміи, и что центръ уже достаточно ослабленъ, для того чтобы успѣшно атаковать его. Но онъ все еще не начиналъ дѣла.

Нынче былъ для него торжественный день — годовщина его коронованія. Передъ утромъ онъ задремалъ на нѣсколько часовъ и здоровый, веселый, свѣжій, въ томъ счастливомъ расположеніи духа, въ которомъ все кажется возможнымъ и все удается, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ въ поле. Онъ стоялъ неподвижно, глядя на виднѣющіяся изъ-за тумана высоты, и на холодномъ лицѣ его былъ тотъ особый оттѣнокъ самоувѣреннаго, заслуженнаго счастья, который бываетъ на лицѣ влюбленнаго и счастливаго мальчика. Маршалы стояли позади

его и не смѣли развлекать его вниманіе. Онъ смотрѣлъ то на Праценскія высоты, то на выплывавшее изъ тумана солнце.

Когда солнце совершенно вышло изъ тумана и ослѣпляющимъ блескомъ брызнуло по полямъ и туману (какъ будто онъ только ждалъ этого для начала дѣла), онъ снялъ перчатку съ красивой, бѣлой руки, сдѣлалъ ею знакъ маршаламъ и отдалъ приказаніе начинать дѣло. Маршалы, сопутствуемые адъютантами, поскакали въ разныя стороны, и черезъ нѣсколько минутъ быстро двинулись главныя силы французской арміи къ тѣмъ Праценскимъ высотамъ, которыя все болѣе и болѣе очищались русскими войсками, спускавшимися налѣво въ лощину.

XV.

Въ 8 часовъ Кутузовъ выѣхалъ верхомъ къ Працу, впереди 4-й Милорадовичевской колонны, той, которая должна была занять мѣста колоннъ Пржебышевскаго и Ланжерона, спустившихся уже внизъ. Онъ поздоровался съ людьми передняго полка и отдалъ приказаніе къ движенію, показывая тѣмъ, что онъ самъ намѣренъ былъ вести эту колонну. Выѣхавъ къ деревнѣ Працъ, онъ остановился. Князь Андрей въ числѣ огромнаго количества лицъ, составлявшихъ свиту главнокомандующаго, стоялъ позади него. Князь Андрей чувствовалъ себя взволнованнымъ, раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно спокойнымъ, какимъ бываетъ человѣкъ при наступленіи давно желанной минуты. Онъ твердо былъ увѣренъ, что нынче былъ день его Тулона или его Аркольскаго моста. Какъ это случится, онъ не зналъ, но онъ твердо былъ увѣренъ, что это будетъ. Мѣстность и положеніе нашихъ войскъ были ему извѣстны, насколько они могли быть извѣстны кому-

нибудь изъ нашей арміи. Его собственный, стратегическій планъ, который очевидно теперь и думать нечего было привести въ исполненіе, былъ имъ забытъ. Теперь, уже входя въ планъ Вейротера, князь Андрей обдумывалъ могущія произойти случайности и дѣлалъ новыя соображенія, такія, въ которыхъ могли бы потребоваться его быстрота соображенія и рѣшительность.

Налѣво, внизу, въ туманѣ, слышалась перестрѣлка между невидными войсками. Тамъ, казалось князю Андрею, сосредоточится сраженіе, тамъ встрѣтится препятствіе, и туда-то я буду посланъ, думалъ онъ, съ бригадой или дивизіей, и тамъ-то съ знаменемъ въ рукѣ я пойду впередъ и сломлю все, что будетъ предо мной".

Князь Андрей не могъ равнодушно смотрѣть на знамена проходившихъ батальоновъ. Глядя на знамя, ему все думалось: можетъ быть, это то самое знамя, съ которымъ мнѣ придется идти впереди войскъ.

Ночной туманъ къ утру оставилъ на высотахъ только иней, переходившій въ росу, въ лощинахъ же туманъ разстилался еще молочно-бѣлымъ моремъ. Ничего не было видно въ той лощинѣ налѣво, куда спустились наши войска, и откуда долетали звуки стрѣльбы. Надъ высотами было темное, ясное небо, и направо огромный шаръ солнца. Впереди, далеко, на томъ берегу туманнаго моря, виднѣлись выступающіе лѣсистые холмы, на которыхъ должна была быть непріятельская армія, и виднѣлось что-то. Вправо вступала въ область тумана гвардія, звучавшая топотомъ и колесами, и изрѣдка блестѣвшая штыками; налѣво за деревней такія же массы кавалеріи подходили и скрывались въ морѣ тумана. Спереди и сзади двигалась пѣхота. Главнокомандующій стоялъ на

выѣздѣ деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузовъ въ это утро казался изнуреннымъ и раздражительнымъ. Шедшая мимо него пѣхота остановилась безъ приказанія, очевидно потому, что впереди что-нибудь задержало ее.

— Да скажите же наконецъ, чтобы строились въ батальонныя колонны и шли въ обходъ деревни, сердито сказалъ Кутузовъ подъѣхавшему генералу. — Какъ же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по этому дефилею улицы деревни нельзя, когда мы идемъ противъ непріятеля.

— Я предполагалъ построиться за деревней, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ генералъ.

Кутузовъ желчно засмѣялся.

— Хороши вы будете, развертывая фронтъ въ виду непріятеля, — очень хороши.

— Непріятель еще далеко, ваше высокопревосходительство. По диспозиціи...

— Диспозиція, желчно вскрикнулъ Кутузовъ, — а это вамъ кто сказалъ?... Извольте дѣлать, что̀ вамъ приказываютъ.

— Слушаю-съ.

— Ну, любезный, сказалъ шопотомъ князю Андрею Несвицкій, — старикъ сильно не въ духѣ.

Къ Кутузову подскакалъ австрійскій офицеръ съ зеленымъ плюмажемъ на шляпѣ, въ бѣломъ мундирѣ и спросилъ отъ имени императора: выступила ли въ дѣло четвертая колонна?

Кутузовъ, не отвѣчая ему, отвернулся и взглядъ его нечаянно попалъ на князя Андрея, стоявшаго подлѣ него. Увидавъ Болконскаго, Кутузовъ смягчилъ злое и ѣдкое выраженіе взгляда, какъ бы сознавая, что его адъютантъ не

былъ виноватъ въ томъ, что дѣлалось. И, не отвѣчая австрійскому адъютанту, онъ обратился къ Болконскому:

— Ступайте, мой милый, посмотрите, прошла ли третья дивизія черезъ деревню. Велите ей остановиться и ждать моего приказанія.

Только что князь Андрей отъѣхалъ, онъ остановилъ его.

— И спросите, поставлены ли застрѣльщики, прибавилъ онъ. — Что дѣлаютъ, что дѣлаютъ! проговорилъ онъ про себя, все не отвѣчая австрійцу.

Князь Андрей поскакалъ исполнять порученіе.

Обогнавъ все шедшіе впереди батальоны, онъ остановилъ 3-ю дивизію и убѣдился, что дѣйствительно впереди нашихъ колоннъ не было стрѣлковой цѣпи. Полковой командиръ бывшаго впереди полка былъ очень удивленъ переданнымъ ему отъ главнокомандующаго приказаніемъ разсыпать стрѣлковъ. Полковой командиръ стоялъ тутъ въ полной увѣренности, что впереди его есть еще войска и что непріятель не можетъ быть ближе 10-ти верстъ. Дѣйствительно, впереди ничего не было видно, кромѣ пустынной мѣстности, склоняющейся впередъ и застланной густымъ туманомъ. Приказавъ отъ имени главнокомандующаго исполнить упущенное, князь Андрей поскакалъ назадъ. Кутузовъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и, старчески опустившись на сѣдлѣ своимъ тучнымъ тѣломъ, тяжело зѣвалъ, закрывши глаза. Войска уже не двигались, а стояли ружья къ ногѣ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ князю Андрею и обратился къ генералу, который съ часами въ рукахъ говорилъ, что пора бы двигаться, такъ какъ всѣ колонны съ лѣваго фланга уже спустились.

выѣздѣ деревни, пропуская мимо себя [illegible] утро казался изнуреннымъ и раздражит[illegible] онъ. мимо него пѣхота остановилась безъ [illegible] звуки потому, что впереди что-нибудь [illegible] стали быстро приближ-

— Да скажите же наконецъ [illegible] тянувшейся линіи наступав- онный колонны [illegible] видно было, что тотъ, съ кѣмъ Кутузовъ подъѣхавшему [illegible] Когда закричали солдаты того ваше превосходительство [illegible] стоялъ Кутузовъ, онъ отъѣхалъ нуться по этому [illegible] которыхъ [illegible] въ сторону и, сморщившись, оглянулся. По дорогѣ идемъ против [illegible] скакалъ какъ бы эскадронъ разноцвѣтныхъ [illegible] Я [illegible] Два изъ нихъ крупнымъ галопомъ скакали ря- [illegible] впереди остальныхъ. Одинъ былъ въ черномъ мундирѣ съ бѣлымъ султаномъ, на рыжей энглизированной лошади, другой въ бѣломъ мундирѣ на вороной лошади. Это были два императора со свитой. Кутузовъ, съ аффектаціей служаки, находящагося во фронтѣ, скомандовалъ: смирно, стоявшимъ войскамъ и салютуя подъѣхалъ къ императору. Вся его фигура и манера вдругъ измѣнились. Онъ принялъ видъ подначальственнаго, не разсуждающаго человѣка. Онъ съ аффектаціей почтительности, которая, очевидно, непріятно поразила императора Александра, подъѣхалъ и салютовалъ ему.

Непріятное впечатлѣніе, только какъ остатки тумана на ясномъ небѣ, пробѣжало по молодому и счастливому лицу императора и исчезло. Онъ былъ, послѣ нездоровья, нѣсколько худѣе въ этотъ день, чѣмъ на Ольмюцкомъ полѣ, гдѣ его въ первый разъ за границей видѣлъ Болконскій; но то же обворожительное соединеніе величавости и кротости было въ его прекрасныхъ, сѣрыхъ глазахъ, и на тонкихъ губахъ та же возможность разнообразныхъ выраженій и преобладающее выраженіе благодушной, невинной молодости.

На Ольмюцкомъ смотру онъ былъ величавѣе, здѣсь онъ былъ веселѣе и энергичнѣе. Онъ нѣсколько разрумянился, прогалопировавъ эти три версты, и, остановивъ лошадь, отдохновенно вздохнулъ и оглянулся на такія же молодыя, такія же оживленныя, какъ и его, лица своей свиты. Чарторижскій, и Новосильцевъ, и князь Болконскій, и Строгановъ, и другіе, всѣ богато одѣтые, веселые молодые люди на прекрасныхъ, выхоленныхъ, свѣжихъ, только что слегка вспотѣвшихъ лошадяхъ, переговариваясь и улыбаясь, остановились позади государя. Императоръ Францъ, румяный, длиннолицый молодой человѣкъ, чрезвычайно прямо сидѣлъ на красивомъ ворономъ жеребцѣ и озабоченно и неторопливо оглядывался вокругъ себя. Онъ подозвалъ одного изъ своихъ бѣлыхъ адъютантовъ и спросилъ что-то. „Вѣрно, въ которомъ часу они выѣхали", подумалъ князь Андрей, наблюдая своего стараго знакомаго съ улыбкой, которой онъ не могъ удержать, вспоминая свою аудіенцію. Въ свитѣ императоровъ были отобранные молодцы-ординарцы, русскіе и австрійскіе, гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Между ними велись берейторами, въ расшитыхъ попонахъ, красивыя, запасныя царскія лошади.

Какъ будто черезъ растворенное окно вдругъ пахнуло свѣжимъ, полевымъ воздухомъ въ душную комнату, такъ пахнуло на невеселый Кутузовскій штабъ молодостью, энергіей и увѣренностью въ успѣхѣ отъ этой прискакавшей блестящей молодежи.

— Чтòжъ вы не начинаете, Михаилъ Ларіоновичъ? поспѣшно обратился императоръ Александръ къ Кутузову, въ то же время учтиво взглянувъ на императора Франца.

— Я поджидаю, ваше величество, отвѣчалъ Кутузовъ, почтительно наклоняясь впередъ.

Императоръ пригнулъ ухо, слегка нахмурясь и показывая, что онъ не разслышалъ.

— Поджидаю, ваше величество, повторилъ Кутузовъ (князь Андрей замѣтилъ, что у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа въ то время, какъ онъ говорилъ это „поджидаю"). — Не всѣ колонны еще собрались, ваше величество.

Государь разслышалъ, но отвѣтъ этотъ видимо не понравился ему; онъ пожалъ сутуловатыми плечами, взглянулъ на Новосильцова, стоявшаго подлѣ, какъ будто взглядомъ этимъ жалуясь на Кутузова.

— Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, Михаилъ Ларіоновичъ, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки, сказалъ государь, снова взглянувъ въ глаза императору Францу, какъ бы приглашая его если не принять участие, то прислушаться къ тому, что онъ говоритъ; но императоръ Францъ, продолжая оглядываться, не слушалъ.

— Потому и не начинаю, государь, сказалъ звучнымъ голосомъ Кутузовъ, какъ бы предупреждая возможность не быть разслышаннымъ, и въ лицѣ его еще разъ что-то дрогнуло. — Потому и не начинаю, государь, что мы не на парадѣ и не на Царицыномъ лугу, выговорилъ онъ ясно и отчетливо.

Въ свитѣ государя на всѣхъ лицахъ, мгновенно переглянувшихся другъ съ другомъ, выразился ропотъ и упрекъ. „Какъ онъ ни старъ, онъ не долженъ бы, никакъ не долженъ бы говорить этакъ", выразили эти лица.

Государь пристально и внимательно посмотрѣлъ въ глаза Кутузову, ожидая, не скажетъ ли онъ еще чего. Но Кутузовъ, съ своей стороны, почтительно нагнувъ голову, тоже, казалось, ожидалъ. Молчаніе продолжалось около минуты.

— Впрочемъ, если прикажете, ваше величество, сказалъ Кутузовъ, поднимая голову и снова измѣняя тонъ на прежній, тонъ тупого, нерассуждающаго, но повинующагося генерала. Онъ тронулъ лошадь и, подозвавъ къ себѣ начальника колонны Милорадовича, передалъ ему приказаніе къ наступленію.

Войско опять зашевелилось, и два батальона Новгородскаго и батальонъ Апшеронскаго полка тронулись впередъ мимо государя.

Въ то время, какъ проходилъ этотъ Апшеронскій батальонъ, румяный Милорадовичъ, безъ шинели, въ мундирѣ и орденахъ и со шляпой съ огромнымъ султаномъ, надѣтою на бекрень и съ поля, маршъ-маршъ выскакалъ впередъ и, молодецки салютуя, осадилъ лошадь предъ государемъ.

— Съ Богомъ, генералъ, сказалъ ему государь.

— Ваше величество, мы сдѣлаемъ все, что будетъ возможно сдѣлать, ваше величество, отвѣчалъ онъ весело, тѣмъ не менѣе вызывая насмѣшливую улыбку у господъ свиты государя своимъ дурнымъ французскимъ выговоромъ. Милорадовичъ круто повернулъ свою лошадь и сталъ нѣсколько позади государя. Апшеронцы, возбуждаемые присутствіемъ государя, молодецкимъ бойкимъ шагомъ, отбивая ногу, проходили мимо императоровъ и ихъ свиты.

— Ребята! крикнулъ громкимъ, самоувѣреннымъ и веселымъ голосомъ Милорадовичъ, видимо до такой степени возбужденный звуками стрѣльбы, ожиданіемъ сраженія и видомъ молодцевъ-Апшеронцевъ, еще своихъ Суворовскихъ товарищей, бойко проходившихъ мимо императоровъ, что забылъ о присутствіи государя. — Ребята! вамъ не первую деревню брать! крикнулъ онъ.

— Ради стараться прокричали солдаты. Лошадь государя шарахнулась отъ неожиданнаго крика. Лошадь эта, носившая государя еще на смотрахъ въ Россіи, здѣсь, на Аустерлицкомъ полѣ, несла своего сѣдока, выдерживая его разсѣянные удары лѣвою ногой, настораживала уши отъ звуковъ выстрѣловъ, точно такъ же, какъ она дѣлала это на Марсовомъ полѣ, не понимая значенія ни этихъ слышавшихся выстрѣловъ, ни сосѣдства вороного жеребца императора Франца, ни всего того, что̀ говорилъ, думалъ, чувствовалъ въ этотъ день тотъ, кто ѣхалъ на ней.

Государь съ улыбкой обратился къ одному изъ своихъ приближенныхъ, указывая на молодцевъ Апшеронцевъ, и что-то сказалъ ему.

XVI.

Кутузовъ, сопутствуемый своими адъютантами, поѣхалъ шагомъ за карабинерами.

Проѣхавъ съ полверсты въ хвостѣ колонны, онъ остановился у одинокаго заброшеннаго дома (вѣроятно бывшаго трактира) подлѣ развѣтвленія двухъ дорогъ. Обѣ дороги спускались подъ гору, и по обѣимъ шли войска.

Туманъ начиналъ расходиться, и неопредѣленно, верстахъ въ двухъ разстояніи, виднѣлись уже непріятельскія войска на противоположныхъ возвышенностяхъ. Налѣво внизу стрѣльба становилась слышнѣе. Кутузовъ остановился, разговаривая съ австрійскимъ генераломъ. Князь Андрей, стоя нѣсколько позади, вглядывался въ нихъ и, желая попросить зрительную трубу у адъютанта, обратился къ нему.

— Посмотрите, посмотрите, говорилъ этотъ адъютантъ,

глядя не на дальнее войско, а внизъ по горѣ предъ собой. — Это французы!

Два генерала и адъютанты стали хвататься за трубу, вырывая ее одинъ у другаго. Всѣ лица вдругъ измѣнились и на всѣхъ выразился ужасъ. Французовъ предполагали за двѣ версты отъ насъ, а они явились вдругъ, неожиданно, предъ нами.

— Это непріятель?... Нѣтъ!... Да, смотрите, онъ... навѣрное... Что жъ это? послышались голоса.

Князь Андрей простымъ глазомъ увидалъ внизу направо поднимавшуюся навстрѣчу Апшеронцамъ, густую колонну французовъ, не дальше пятисотъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Кутузовъ.

„Вотъ она, наступила рѣшительная минута! Дошло до меня дѣло“, подумалъ князь Андрей, и ударивъ лошадь, подъѣхалъ къ Кутузову.

— Надо остановить Апшеронцевъ, закричалъ онъ, — ваше высокопревосходительство!

Но въ тотъ же мигъ все застлалось дымомъ, раздалась близкая стрѣльба, и наивно испуганный голосъ въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея закричалъ: „ну, братцы, шабашъ!“ И какъ будто голосъ этотъ былъ команда. По этому голосу все бросилось бѣжать.

Смѣшанныя, все увеличивающіяся толпы бѣжали назадъ къ тому мѣсту, гдѣ пять минутъ тому назадъ войска проходили мимо императоровъ. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самимъ не податься назадъ вмѣстѣ съ толпой. Болконскій только старался не отставать отъ нея и оглядывался, недоумѣвая и не въ силахъ понять того, что дѣлалось передъ нимъ. Несвицкій

съ озлобленнымъ видомъ, красный и на себя не похожій, кричалъ Кутузову, что ежели онъ не уѣдетъ сейчасъ, онъ будетъ взятъ въ плѣнъ навѣрное. Кутузовъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и, не отвѣчая, доставалъ платокъ. Изъ щеки его текла кровь. Князь Андрей протѣснился до него.

— Вы ранены? спросилъ онъ, едва удерживая дрожаніе нижней челюсти.

— Рана не здѣсь, а вотъ гдѣ! сказалъ Кутузовъ, прижимая платокъ къ раненой щекѣ и указывая на бѣгущихъ.

— Остановите ихъ! крикнулъ онъ и въ то же время вѣроятно убѣдясь, что невозможно было ихъ остановить, ударилъ лошадь и поѣхалъ вправо. Вновь нахлынувшая толпа бѣгущихъ захватила его съ собой и повлекла назадъ.

Войска бѣжали такою густою толпою, что, разъ попавши въ средину толпы, трудно было изъ нея выбраться. Кто кричалъ: „Пошелъ! что замѣшкался?“ Кто тутъ же оборачиваясь, стрѣлялъ въ воздухъ; кто билъ лошадь, на которой ѣхалъ самъ Кутузовъ. Съ величайшимъ усиліемъ выбравшись изъ потока толпы влѣво, Кутузовъ со свитой, уменьшенною болѣе, чѣмъ вдвое, поѣхалъ на звуки близкихъ орудійныхъ выстрѣловъ. Выбравшись изъ толпы бѣгущихъ, князь Андрей, стараясь не отставать отъ Кутузова, увидалъ на спускѣ горы, въ дыму, еще стрѣлявшую русскую батарею и подбѣгающихъ къ ней французовъ. Повыше стояла русская пѣхота, не двигаясь ни впередъ на помощь батареѣ, ни назадъ по одному направленію съ бѣгущими. Генералъ верхомъ отдѣлился отъ этой пѣхоты и подъѣхалъ къ Кутузову. Изъ свиты Кутузова осталось только четыре человѣка. Всѣ были блѣдны и молча переглядывались.

— Остановите этихъ мерзавцевъ! задыхаясь проговорилъ

Кутузовъ полковому командиру, указывая на бѣгущихъ; но въ то же мгновеніе, какъ будто въ наказаніе за эти слова, какъ рой птичекъ, со свистомъ пролетѣли пули по полку и свитѣ Кутузова. Французы атаковали батарею, и, увидавъ Кутузова, выстрѣлили по немъ. Съ этимъ залпомъ полковой командиръ схватился за ногу; упало нѣсколько солдатъ, и подпрапорщикъ, стоявшій съ знаменемъ, выпустилъ его изъ рукъ: знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьяхъ сосѣднихъ солдатъ. Солдаты безъ команды стали стрѣлять.

— Ооохъ! съ выраженіемъ отчаянія промычалъ Кутузовъ и оглянулся. — Болконскій, прошепталъ онъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ, — Болконскій, прошепталъ онъ, указывая на разстроенный баталіонъ и на непріятеля, — что жъ это?

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы подступавшія ему къ горлу, уже соскакивалъ съ лошади и бѣжалъ къ знамени.

— Ребята, впередъ, крикнулъ онъ дѣтски-пронзительно. „Вотъ оно!" думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пуль, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало. — Ура! закричалъ князь Андрей, едва удерживая въ рукахъ тяжелое знамя, и побѣжалъ впередъ съ несомнѣнною увѣренностью, что весь баталіонъ побѣжитъ за нимъ. Дѣйствительно онъ пробѣжалъ одинъ только нѣсколько шаговъ. Тронулся одинъ, другой солдатъ, и весь баталіонъ съ крикомъ ура! побѣжалъ впередъ и обогналъ его. Унтеръ-офицеръ баталіона, подбѣжавъ, взялъ колебавшееся отъ тяжести въ рукахъ князя Андрея знамя, но тотчасъ же былъ убитъ. Князь Андрей опять схватилъ знамя и, волоча его за древко, бѣжалъ

съ батальономъ. Впереди себя онъ видѣлъ нашихъ артиллеристовъ, изъ которыхъ одни дрались, другіе бросали пушки и бѣжали къ нему навстрѣчу; онъ видѣлъ и французскихъ пѣхотныхъ солдатъ, которые хватали артиллерійскихъ лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей съ батальономъ уже былъ въ 20-ти шагахъ отъ орудій. Онъ слышалъ надъ собою неперестававшій свистъ пуль, и безпрестанно справа и слѣва отъ него охали и падали солдаты. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ вглядывался только въ то, что̀ происходило впереди его — на батареѣ. Онъ ясно видѣлъ уже одну фигуру рыжаго артиллериста съ сбитымъ на бокъ киверомъ, тянущаго съ одной стороны банникъ, тогда какъ французскій солдатъ тянулъ банникъ къ себѣ за другую сторону. Князь Андрей видѣлъ уже ясно растерянное и вмѣстѣ озлобленное выраженіе лицъ этихъ двухъ людей, видимо не понимавшихъ того, что̀ они дѣлали.

„Что̀ они дѣлаютъ?" думалъ князь Андрей, глядя на нихъ, „зачѣмъ не бѣжитъ рыжій артиллеристъ, когда у него нѣтъ оружія? Зачѣмъ не колетъ его французъ? Не успѣетъ добѣжать, какъ французъ вспомнитъ о ружьѣ и заколетъ его". Дѣйствительно другой французъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, подбѣжалъ къ борющимся, и участь рыжаго артиллериста, все еще не понимавшаго того, что ожидаетъ его и съ торжествомъ выдернувшаго банникъ, должна была рѣшиться. Но князь Андрей не видалъ, чѣмъ это кончилось. Какъ бы со всего размаха крѣпкою палкой кто-то изъ ближайшихъ солдатъ, какъ ему показалось, ударилъ его въ голову. Немного это больно было, а главное непріятно, потому что боль эта развлекала его и мѣшала ему видѣть то, на что̀ онъ смотрѣлъ.

„Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются“, подумалъ онъ и упалъ на спину. Онъ раскрылъ глаза, надѣясь увидать, чѣмъ кончилась борьба французовъ съ артиллеристами, и желая знать, убитъ или нѣтъ рыжій артиллеристъ, взяты или спасены пушки. Но онъ ничего не видалъ. Надъ нимъ не было ничего уже кромѣ неба — высокаго неба, не яснаго, но все-таки неизмѣримо высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. „Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались, совсѣмъ не такъ, какъ съ озлобленными и испуганными лицами тащили другъ у друга банникъ французъ и артиллеристъ, совсѣмъ не такъ ползутъ облака по этому высокому безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да! все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ кромѣ его. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!...“

XVII.

На правомъ флангѣ у Багратіона, въ 9 часовъ, дѣло еще не начиналось. Не желая согласиться на требованіе Долгорукова начинать дѣло и желая отклонить отъ себя отвѣтственность, князь Багратіонъ предложилъ Долгорукову послать спросить о томъ главнокомандующаго. Багратіонъ зналъ, что по разстоянію почти 10-ти верстъ, отдѣлявшему одинъ флангъ отъ другаго, ежели не убьютъ того, кого пошлютъ (что было очень вѣроятно), и ежели даже и найдетъ онъ главнокомандующаго, что было весьма трудно, посланный не успѣетъ вернуться раньше вечера.

Багратіонъ оглянулъ свою свиту своими большими, ничего

не выражающими, не выспавшимися глазами, и невольно замиравшее отъ волненія и надежды дѣтское лицо Ростова первое бросилось ему въ глаза. Онъ послалъ его.

— А ежели я встрѣчу его величество прежде, чѣмъ главнокомандующаго, ваше сіятельство? сказалъ Ростовъ, держа руку у козырька.

— Можете передать его величеству, поспѣшно перебивая Багратіона, сказалъ Долгоруковъ.

Смѣнившись изъ цѣпи, Ростовъ успѣлъ соснуть нѣсколько часовъ передъ утромъ и чувствовалъ себя веселымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ, съ тою упругостью движеній, увѣренностью въ свое счастіе и въ томъ расположеніи духа, въ которомъ все кажется легко, весело и возможно.

Всѣ желанія его исполнялись въ это утро: давалось генеральное сраженіе, онъ участвовалъ въ немъ; мало того, онъ былъ ординарцемъ при храбрѣйшемъ генералѣ; мало того, онъ ѣхалъ съ порученіемъ къ Кутузову, а можетъ быть и къ самому государю. Утро было ясное, лошадь подъ нимъ была добрая, на душѣ его было радостно и счастливо. Получивъ приказаніе, онъ пустилъ лошадь и поскакалъ вдоль по линіи. Сначала онъ ѣхалъ по линіи Багратіоновскихъ войскъ, еще не вступавшихъ въ дѣло и стоявшихъ неподвижно, потомъ онъ въѣхалъ въ пространство, занимаемое кавалеріей Уварова и здѣсь замѣтилъ уже передвиженія и признаки приготовленій къ дѣлу; проѣхавъ кавалерію Уварова, онъ уже ясно услыхалъ звуки пушечной и орудійной стрѣльбы впереди себя. Стрѣльба все усиливалась.

Въ свѣжемъ, утреннемъ воздухѣ раздавались уже не какъ прежде, въ неравные промежутки, по два, по три выстрѣла, и потомъ одинъ или два орудійныхъ выстрѣла, а по скатамъ

горъ, впереди Працена, слышались отрывистые звуки ружейной паль-бы, перебиваемой стальными частыми выстрѣлами орудій; что иногда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже не отдѣлялись другъ отъ друга, а сливались въ одинъ общій гулъ.

Видно было, какъ по скатамъ дымки ружей какъ будто бѣгали, догоняя другъ друга, и какъ дымки орудій клубились, расплывались и сливались одни съ другими. Видны были по блеску штыковъ между дымомъ, двигающіяся массы пѣхоты и узкія полосы артиллеріи съ зелеными ящиками.

Ростовъ на пригоркѣ остановилъ на минуту лошадь, чтобы разсмотрѣть то, что дѣлалось; но какъ онъ ни напрягалъ вниманіе, онъ ничего не могъ ни понять, ни разобрать изъ того, что дѣлалось: двигались тамъ въ дыму какіе-то люди, двигались и спереди и сзади какіе-то холсты войскъ; но зачѣмъ? кто? куда? нельзя было понять. Видъ этотъ и звуки эти не только не возбуждали въ немъ какого-нибудь унылаго или робкаго чувства, но напротивъ придавали ему энергіи и рѣшительности.

„Ну, еще, еще наддай!" обращался онъ мысленно къ этимъ звукамъ, и опять пускался скакать по линіи, все дальше и дальше проникая въ область войскъ, уже вступившихъ въ дѣло.

„Ужь какъ-то тамъ будетъ, не знаю, а все будетъ хорошо!" думалъ Ростовъ.

Проѣхавъ какія-то австрійскія войска, Ростовъ замѣтилъ, что слѣдующая за тѣмъ часть линіи (это была гвардія) уже вступила въ дѣло.

„Тѣмъ лучше! посмотрю вблизи", подумалъ онъ.

Онъ поѣхалъ почти по передней линіи. Нѣсколько всадниковъ скакали по направленію къ нему. Это были наши лейб-

уланы, которые разстроенными рядами возвращались изъ атаки. Ростовъ миновалъ ихъ, замѣтилъ нечаянно одного изъ нихъ въ крови, и поскакалъ дальше.

„Мнѣ до этого дѣла нѣтъ!“ подумалъ онъ. Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько сотъ шаговъ послѣ этого, какъ влѣво отъ него, наперерѣзъ ему, показалась на всемъ протяженіи поля огромная масса кавалеристовъ на вороныхъ лошадяхъ, въ бѣлыхъ блестящихъ мундирахъ, которые рысью шли прямо на него. Ростовъ пустилъ лошадь во весь скокъ, для того, чтобъ уѣхать съ дороги отъ этихъ кавалеристовъ, и онъ бы уѣхалъ отъ нихъ, ежели бы они шли все тѣмъ же аллюромъ, но они все прибавляли хода, такъ что нѣкоторыя лошади уже скакали. Ростову все слышнѣе и слышнѣе становился ихъ топотъ и бряцаніе ихъ оружія, и виднѣе становились ихъ лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшіе въ атаку на французскую кавалерію, подвигавшуюся имъ на встрѣчу.

Кавалергарды скакали, но еще удерживая лошадей. Ростовъ уже видѣлъ ихъ лица и услыхалъ команду: „Маршъ, маршъ!“ произнесенную офицеромъ, выпустившимъ во весь махъ свою кровную лошадь. Ростовъ, опасаясь быть раздавленнымъ или завлеченнымъ въ атаку на французовъ, скакалъ вдоль фронта, что было мочи у его лошади, и все-таки не успѣлъ миновать ихъ.

Крайній кавалергардъ, огромный ростомъ, рябой мужчина, злобно нахмурился, увидавъ предъ собой Ростова, съ которымъ онъ неминуемо долженъ былъ столкнуться. Этотъ кавалергардъ непремѣнно сбилъ бы съ ногъ Ростова съ его Бедуиномъ (Ростовъ самъ себѣ казался такимъ маленькимъ и слабенькимъ въ сравненіи съ этими громадными людьми

и лошадьми, ежели бы онъ не догадался взмахнуть нагайкой въ глаза кавалергардовой лошади. Вороная, тяжелая, пятивершковая лошадь шарахнулась, приложивъ уши; но рябой кавалергардъ всадилъ ей съ размаху въ бока огромныя шпоры, и лошадь, взмахнувъ хвостомъ и вытянувъ шею, понеслась еще быстрѣе. Едва кавалергарды миновали Ростова, какъ онъ услыхалъ ихъ крикъ: ура! и, оглянувшись, увидалъ, что переднiе ряды ихъ смѣшивались съ чужими, вѣроятно французскими, кавалеристами въ красныхъ эполетахъ. Дальше нельзя было ничего видѣть, потому что тотчасъ же послѣ этого откуда-то стали стрѣлять пушки, и все застлалось дымомъ.

Въ ту минуту какъ кавалергарды, миновавъ его, скрылись въ дыму, Ростовъ колебался, скакать ли ему за ними или ѣхать туда, куда ему нужно было. Это была та блестящая атака кавалергардовъ, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потомъ, что изъ всей этой массы огромныхъ красавцевъ-людей, изъ всѣхъ этихъ блестящихъ, на тысячныхъ лошадяхъ, богачей, юношей, офицеровъ и юнкеровъ, проскакавшихъ мимо его, послѣ атаки осталось только осьмнадцать человѣкъ.

„Что мнѣ завидовать, мое не уйдетъ, и я сейчасъ, можетъ быть, увижу государя!“ подумалъ Ростовъ и поскакалъ дальше.

Поравнявшись съ гвардейской пѣхотой, онъ замѣтилъ, что чрезъ нее и около нея летали ядры, не столько потому, что онъ слышалъ звукъ ядеръ, сколько потому, что на лицахъ солдатъ онъ увидалъ безпокойство и на лицахъ офицеровъ неестественную, воинственную торжественность.

Проѣзжая позади одной изъ линiй пѣхотныхъ гвардейскихъ

подъѣхавъ, онъ услыхалъ голоса, звавшіе его по имени „Ростовъ!“

— Что? отзывался онъ, не узнавая Бориса.

— Каково, въ первую линію попали! Нашъ полкъ въ атаку ходилъ! сказалъ Борисъ, улыбаясь тою счастливою улыбкой, которая бываетъ у молодыхъ людей, въ первый разъ побывавшихъ въ огнѣ. Ростовъ остановился.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ. — Ну что?

— Отбили! оживленно сказалъ Борисъ, сдѣлавшійся болтливымъ. — Ты можешь себѣ представить. И Борисъ сталъ разсказывать, какимъ образомъ гвардія, ставши на мѣсто и увидавъ предъ собою войска, приняла ихъ за австрійцевъ и вдругъ по ядрамъ, пущеннымъ изъ этихъ войскъ, узнала, что она въ первой линіи и неожиданно должна была вступить въ дѣло. Ростовъ, не дослушавъ Бориса, тронулъ свою лошадь.

— Ты куда? спросилъ Борисъ.

— Къ его величеству, съ порученіемъ.

— Вотъ онъ! сказалъ Борисъ, которому показалось, что Ростову нужно было его высочество, вмѣсто его величества; и онъ указалъ ему на великаго князя, который въ ста шагахъ отъ нихъ, въ каскѣ и въ кавалергардскомъ колетѣ, съ своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричалъ австрійскому бѣлому и блѣдному офицеру.

— Да вѣдь это великій князь, а мнѣ къ главнокомандующему или къ государю, сказалъ Ростовъ и тронулъ было лошадь.

— Графъ, графъ! кричалъ Бергъ, такой же оживленный, какъ и Борисъ, подбѣгая съ другой стороны, — графъ, я въ правую руку раненъ (говорилъ онъ, показывая кисть руки окровавленную, обвязанную носовымъ платкомъ), и остался во

фронтѣ. Графъ, держу шпагу въ лѣвой рукѣ: въ нашей породѣ фонъ-Берговъ, графъ, всѣ были рыцари. Бергъ еще что-то говорилъ, но Ростовъ, не дослушавъ его, уже поѣхалъ дальше.

Проѣхавъ гвардію и пустой промежутокъ, Ростовъ, для того, чтобы опять не попасть въ первую линію, какъ онъ попалъ подъ атаку кавалергардовъ, поѣхалъ по линіи резервовъ, далеко объѣзжая то мѣсто, гдѣ слышалась самая жаркая стрѣльба и канонада. Вдругъ впереди себя и позади нашихъ войскъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ никакъ не могъ предполагать непріятеля, онъ услыхалъ близкую ружейную стрѣльбу.

„Что это можетъ быть?" подумалъ Ростовъ. „Непріятель въ тылу нашихъ войскъ? Не можетъ быть", подумалъ Ростовъ, и ужасъ страха за себя и за исходъ всего сраженія вдругъ нашелъ на него. „Что бы это ни было однако", подумалъ онъ, „теперь уже нечего объѣзжать. Я долженъ искать главнокомандующаго здѣсь, а ежели все погибло, то, и мое дѣло погибнуть со всѣми вмѣстѣ".

Дурное предчувствіе, нашедшее вдругъ на Ростова, подтверждалось все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше онъ въѣзжалъ въ занятое толпами разнородныхъ войскъ пространство, находящееся за деревнею Працомъ.

— Что такое? Что такое? По комъ стрѣляютъ? Кто стрѣляетъ? спрашивалъ Ростовъ, ровняясь съ русскими и австрійскими солдатами, бѣжавшими перемѣшанными толпами наперерѣзъ его дороги.

— А чортъ ихъ знаетъ? Всѣхъ побилъ? Пропадай все! отвѣчали ему по-русски, по-нѣмецки и по-чешски толпы бѣгущихъ и не понимавшихъ точно такъ же, какъ и онъ, того, что тутъ дѣлалось.

— Бей нѣмцевъ! кричалъ одинъ.

— А чортъ ихъ дери, — колбасниковъ!

— Къ чорту этихъ русскихъ! что-то ворчалъ нѣмецъ.

Нѣсколько раненыхъ шли по дорогѣ. Ругательства, крики, стоны сливались въ одинъ общій гулъ. Стрѣльба затихла и, какъ потомъ узналъ Ростовъ, стрѣляли другъ въ друга русскіе и австрійскіе солдаты.

„Боже мой! что же это такое?" думалъ Ростовъ. „И здѣсь, гдѣ всякую минуту государь можетъ увидать ихъ... Но нѣтъ, это вѣрно только нѣсколько мерзавцевъ. Это пройдетъ, это не то, это не можетъ быть," думалъ онъ. „Только поскорѣе, поскорѣе проѣхать ихъ!"

Мысль о пораженіи и бѣгствѣ не могла придти въ голову Ростову. Хотя онъ и видѣлъ французскія орудія и войска именно на Праценской горѣ, на той самой, гдѣ ему велѣно было отыскать главнокомандующаго, онъ не могъ и не хотѣлъ вѣрить этому.

XVIII.

Около деревни Праца, Ростову велѣно было искать Кутузова и государя. Но здѣсь не только не было ихъ, но не было ни одного начальника, а были разнородныя толпы разстроенныхъ войскъ. Онъ погонялъ уставшую уже лошадь, чтобы скорѣе проѣхать эти толпы, но чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ толпы становились разстроеннѣе. По большой дорогѣ, на которую онъ выѣхалъ, толпились коляски, экипажи всѣхъ сортовъ, русскіе и австрійскіе солдаты всѣхъ родовъ войскъ, раненые и нераненые. Все это гудѣло и смѣшанно копошилось подъ мрачный звукъ летающихъ ядеръ съ французскихъ батарей, поставленныхъ на Праценскихъ высотахъ.

— Гдѣ государь? Гдѣ Кутузовъ? спрашивалъ Ростовъ у всѣхъ, кого могъ остановить, и ни отъ кого не могъ получить отвѣта.

Наконецъ, ухвативъ за воротникъ солдата, онъ заставилъ его отвѣтить себѣ.

— Э! братъ! Ужъ давно всѣ тамъ, впередъ удрали! сказалъ Ростову солдатъ, смѣясь чему-то и вырываясь. Оставивъ этого солдата, который очевидно былъ пьянъ, Ростовъ остановилъ лошадь денщика или берейтора важнаго лица и сталъ расспрашивать его. Денщикъ объявилъ Ростову, что государя съ часъ тому назадъ провезли во весь духъ въ каретѣ по этой самой дорогѣ, и что государь опасно раненъ.

— Не можетъ быть, сказалъ Ростовъ, — вѣрно другой кто.

— Самъ я видѣлъ, сказалъ денщикъ съ самоувѣренною усмѣшкой. — Ужъ мнѣ-то пора знать государя: кажется, сколько разъ видалъ въ Петербургѣ, вотъ такъ-то видалъ. Блѣдный-преблѣдный въ каретѣ сидитъ. Четверню вороныхъ какъ припуститъ, батюшки мои, мимо насъ прогремѣлъ: пора, кажется, и царскихъ лошадей и Илью Иваныча знать; кажется, съ другимъ какъ съ царемъ Илья кучеръ не ѣздитъ.

Ростовъ пустилъ его лошадь и хотѣлъ ѣхать дальше. Шедшій мимо раненый офицеръ обратился къ нему.

— Да вамъ кого нужно? спросилъ офицеръ, — главнокомандующаго? Такъ убитъ ядромъ, въ грудь убитъ при нашемъ полку.

— Не убитъ, раненъ, поправилъ другой офицеръ.

— Да кто? Кутузовъ? спросилъ Ростовъ.

— Не Кутузовъ, а какъ бишь его, — ну да, все одно, живыхъ немного осталось. Вонъ туда ступайте, вонъ къ той

деревнѣ, тамъ все начальство собралось, сказалъ этотъ офицеръ, указывая на деревню Гостіерадекъ, и прошелъ мимо.

Ростомъ ѣхалъ шагомъ, не зная, зачѣмъ и къ кому онъ теперь поѣдетъ. Государь раненъ, сраженіе проиграно. Нельзя было не вѣрить этому теперь. Ростовъ ѣхалъ по тому направленію, которое ему указали, и по которому виднѣлись вдалекѣ башня и церковь. Куда ему было торопиться? Что ему было теперь говорить государю или Кутузову, ежели бы даже они и были живы и не ранены?

— Этою дорогой, ваше благородіе, поѣзжайте, а тутъ прямо убьютъ, закричалъ ему солдатъ. — Тутъ убьютъ!

— О! что говоришь! сказалъ другой. — Куда онъ поѣдетъ! Тутъ ближе. Ростовъ задумался и поѣхалъ именно по тому направленію, гдѣ ему говорили, что убьютъ.

„Теперь все равно; ужъ ежели государь раненъ, неужели мнѣ беречь себя?“ думалъ онъ. Онъ въѣхалъ въ то пространство, на которомъ болѣе всего погибло людей, бѣгущихъ съ Працена. Французы еще не занимали этого мѣста, а русскіе, тѣ которые были живы или ранены, давно оставили его. На полѣ, какъ копны на хорошей пашнѣ, лежало человѣкъ десять, пятнадцать убитыхъ, раненыхъ на каждой десятинѣ мѣста. Раненые сползались по два, по три вмѣстѣ, и слышались непріятные, иногда притворные, какъ казалось Ростову, ихъ крики и стоны. Ростовъ пустилъ лошадь рысью, чтобы не видать всѣхъ этихъ страдающихъ людей, и ему стало страшно. Онъ боялся не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, онъ зналъ, не выдержитъ вида этихъ несчастныхъ.

Французы, переставшіе стрѣлять по этому усѣянному мертвыми и ранеными полю, потому что уже никого на немъ

живо орудія были, увидавъ ѣдущаго по немъ адъютанта, навели на него орудія и бросили нѣсколько ядеръ. Чувство этихъ свистящихъ, странныхъ звуковъ и окружающіе мертвецы слились для Ростова въ одно впечатлѣніе ужаса и сожалѣнія къ себѣ. Ему вспомнилось послѣднее письмо матери. „Что бы она почувствовала", подумалъ онъ, „коль бы она видѣла меня теперь здѣсь, на этомъ полѣ и съ направленными на меня орудіями?"

Въ деревнѣ Гостіерадекѣ были хотя и спутанныя, но въ бо́льшемъ порядкѣ русскія войска, шедшія прочь съ поля сраженія. Сюда уже не доставали французскія ядра, и звуки стрѣльбы казались далекими. Здѣсь всѣ уже ясно видѣли и говорили, что сраженіе проиграно. Къ кому ни обращался Ростовъ, никто не могъ сказать ему, ни гдѣ былъ государь, ни гдѣ былъ Кутузовъ. Одни говорили, что слухъ о ранѣ государя справедливъ, другіе говорили, что нѣтъ, и объясняли этотъ ложный распространившійся слухъ тѣмъ, что дѣйствительно въ каретѣ государя проскакалъ назадъ съ поля сраженія блѣдный и испуганный оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, выѣхавшій съ другими въ свитѣ императора на поле сраженія. Одинъ офицеръ сказалъ Ростову, что за деревней налѣво онъ видѣлъ кого-то изъ высшаго начальства, и Ростовъ поѣхалъ туда, уже не надѣясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы передъ самимъ собою очистить свою совѣсть. Проѣхавъ версты три и миновавъ послѣднія русскія войска, Ростовъ увидалъ около огорода, окопаннаго канавой, двухъ стоявшихъ противъ канавы всадниковъ. Одинъ съ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ показался почему-то знакомымъ Ростову; другой, незнакомый всадникъ, на прекрасной рыжей лошади (лошадь эта показалась знакомою Ростову) подъ-

ѣхалъ въ канавѣ, толкнулъ лошадь шпорами и, выпустивъ поводья, легко перепрыгнулъ черезъ канаву огорода. Только земля осыпалась съ насыпи отъ заднихъ копытъ лошади. Круто повернувъ лошадь, онъ опять назадъ перепрыгнулъ канаву и почтительно обратился къ всаднику съ бѣлымъ султаномъ, очевидно предлагая ему сдѣлать то же. Всадникъ, котораго фигура показалась знакома Ростову, и почему-то невольно приковала къ себѣ его вниманіе, сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и рукой, и по этому жесту Ростовъ мгновенно узналъ своего оплакиваемаго, обожаемаго государя.

„Но это не могъ быть онъ, одинъ, посреди этого пустаго поля", подумалъ Ростовъ. Въ это время Александръ повернулъ голову, и Ростовъ увидалъ такъ живо врѣзавшіяся въ его памяти любимыя черты. Государь былъ блѣденъ, щеки его впали и глаза ввалились, но тѣмъ больше прелести, кротости было въ его чертахъ. Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ государя былъ несправедливъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ его. Онъ зналъ, что могъ, даже долженъ былъ прямо обратиться къ нему и передать то, что приказано было ему передать отъ Долгорукова.

Но какъ влюбленный юноша дрожитъ и млѣетъ, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ ночи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стоитъ наединѣ съ ней; такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно, неприлично и невозможно.

„Какъ! Я какъ будто радъ случаю воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ, и въ уныніи. Ему непріятно и тяжело мо-

мнѣ показываться неизвѣстное лицо въ эту минуту печали; потомъ, что я могу сказать ему теперь, когда при одномъ взглядѣ на него, у меня замираетъ сердце и пересыхаетъ во рту?“ Ни одна изъ тѣхъ безчисленныхъ рѣчей, которыя онъ, обращая къ государю, слагалъ въ своемъ воображеніи, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большею частію держались совсѣмъ при другихъ условіяхъ, тѣ говорились большею частію въ минуты побѣдъ и торжествъ, и преимущественно на смертномъ одрѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ государь благодарилъ его за геройскіе поступки, и онъ, умирая, высказывалъ ему подтвержденную на дѣлѣ любовь свою.

„Потомъ, что же я буду спрашивать государя объ его приказаніяхъ на правый флангъ, когда уже теперь 4-й часъ вечера и сраженіе проиграно? Нѣтъ, рѣшительно я не долженъ подъѣзжать къ нему, не долженъ нарушать его задумчивость. Лучше умереть тысячу разъ, чѣмъ получить отъ него дурной взглядъ, дурное мнѣніе“, рѣшилъ Ростовъ и съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ поѣхалъ прочь, безпрестанно оглядываясь на все еще стоявшаго въ томъ же положеніи нерѣшительности государя.

Въ то время, какъ Ростовъ дѣлалъ эти соображенія и печально отъѣзжалъ отъ государя, капитанъ фонъ-Толь случайно наѣхалъ на то же мѣсто, и, увидавъ государя, прямо подъѣхалъ къ нему, предложилъ ему свои услуги и помогъ перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровымъ, сѣлъ подъ яблочное дерево, и Толь остановился подлѣ него. Ростовъ издалека съ завистью и раскаяніемъ видѣлъ, какъ фонъ-Толь что-то долго и съ жаромъ говорилъ государю, какъ государь, видимо заплакавъ, закрылъ глаза рукой и пожалъ руку Толю.

„И что я могъ бы быть на его мѣстѣ!“ подумалъ про себя Ростовъ и, едва удерживая слезы сожалѣнія объ участи государя, въ совершенномъ отчаяніи поѣхалъ дальше, не зная куда и зачѣмъ онъ теперь ѣдетъ.

Его отчаяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, что его собственная слабость была причиной его горя.

Онъ могъ бы... не только могъ бы, но онъ долженъ былъ подъѣхать къ государю. И это былъ единственный случай показать государю свою преданность. И онъ не воспользовался имъ... „Что я надѣлалъ?“ подумалъ онъ. И онъ повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ императора; но никого уже не было за канавой. Только ѣхали повозки и экипажи. Отъ одного фурмана Ростовъ узналъ, что Кутузовскій штабъ находится неподалеку въ деревнѣ, куда шли обозы. Ростовъ поѣхалъ за ними.

Впереди его шелъ берейторъ Кутузова, ведя лошадей въ попонахъ. За берейторомъ ѣхала повозка, и за повозкой шелъ старикъ дворовый въ картузѣ, полушубкѣ и съ кривыми ногами.

— Титъ, а Титъ! сказалъ берейторъ.

— Чего? разсѣянно отвѣчалъ старикъ.

— Титъ! Ступай молотить.

— Ѳ, дуракъ, тьфу! сердито плюнувъ, сказалъ старикъ. Прошло нѣсколько времени молчаливаго движенія, и повторилась опять та же шутка.

Въ пятомъ часу вечера сраженіе было проиграно на всѣхъ пунктахъ. Болѣе ста орудій находилось уже во власти французовъ.

Пржебышевскій съ своимъ корпусомъ положилъ оружіе. Другія колонны, растерявъ около половины людей, отступали

разстроенными, перемѣшанными толпами. Остатки войскъ Ланжерона и Дохтурова, смѣшавшись, тѣснились около прудовъ на плотинахъ и берегахъ у деревни Аугеста.

Въ 6-мъ часу только у плотины Аугеста еще слышалась жаркая канонада однихъ французовъ, выстроившихъ многочисленныя батареи на спускѣ Праценскихъ высотъ и бившихъ по нашимъ отступающимъ войскамъ.

Въ арріергардѣ, Дохтуровъ и другіе, собирая батальоны, отстрѣливались отъ французской кавалеріи, преслѣдовавшей нашихъ. Начинало смеркаться. На узкой плотинѣ Аугеста, на которой столько лѣтъ мирно сиживалъ въ колпакѣ старичокъ-мельникъ съ удочками, въ то время, какъ внукъ его, засучивъ рукава рубашки, перебиралъ въ лейкѣ серебряную трепещущую рыбу, на этой плотинѣ, по которой столько лѣтъ мирно проѣзжали на своихъ парныхъ возахъ, нагруженныхъ пшеницей, въ мохнатыхъ шапкахъ и синихъ курткахъ моравы и уѣзжали по той же плотинѣ, запыленные мукой, съ бѣлыми возами — на этой узкой плотинѣ теперь, между фурами и пушками, подъ лошадьми и между колесъ толпились обезображенные страхомъ смерти люди, давя другъ друга, умирая, шагая черезъ умирающихъ и убивая другъ друга для того только, чтобы, пройдя нѣсколько шаговъ, быть точно такъ же убитыми.

Каждыя десять секундъ, нагнетая воздухъ, шлепало ядро или разрывалась граната въ срединѣ этой густой толпы, убивая и обрызгивая кровью тѣхъ, которые стояли близко. Долоховъ, раненый въ руку, пѣшкомъ съ десяткомъ солдатъ своей роты (онъ былъ уже офицеръ) и его полковой командиръ верхомъ представляли изъ себя остатки всего полка. Влекомые толпой, они втѣснились во входъ къ пло-

тинѣ и сжатые со всѣхъ сторонъ остановились, потому что впереди упала лошадь подъ пушкой и толпа вытаскивала ее. Одно ядро убило кого-то сзади ихъ, другое ударилось впереди и забрызгало кровью Долохова. Толпа отчаянно надвинулась, сжалась, тронулась нѣсколько шаговъ и опять остановилась. „Пройти эти сто шаговъ, и навѣрное спасенъ: простоять еще двѣ минуты, и погибъ навѣрное“, думалъ каждый.

Долоховъ, стоявшій въ серединѣ толпы, рванулся къ краю плотины, сбивъ съ ногъ двухъ солдатъ, и сбѣжавъ на скользкій ледъ, покрывшій прудъ.

— Сворачивай! закричалъ онъ подпрыгивая по льду, который трещалъ подъ нимъ — сворачивай! кричалъ онъ на орудіе. — Держитъ!.. Ледъ держалъ его, но гнулся и трещалъ, и очевидно было, что не только подъ орудіемъ или толпой народа, но подъ нимъ однимъ онъ сейчасъ рухнется. На него смотрѣли и жались къ берегу, не рѣшаясь еще ступить на ледъ. Командиръ полка, стоявшій верхомъ у въѣзда, поднялъ руку и раскрылъ ротъ, обращаясь къ Долохову. Вдругъ одно изъ ядеръ такъ низко засвистѣло надъ толпой, что всѣ нагнулись. Что-то шлепнулось въ мокрое, и генералъ упалъ съ лошадью въ лужу крови. Никто не взглянулъ на генерала, не подумалъ поднять его.

— Пошелъ на ледъ! пошелъ по льду! Пошелъ! вороти! аль не слышишь! Пошелъ! вдругъ послѣ ядра, попавшаго въ генерала, послышались безчисленные голоса, сами не зная что и зачѣмъ кричавшіе.

Одно изъ заднихъ орудій, вступавшее на плотину, своротило на ледъ. Толпы солдатъ съ плотины стали сбѣгать на замерзшій прудъ. Подъ однимъ изъ переднихъ солдатъ тре-

сшибло ледъ, и одна нога ушла въ воду; онъ хотѣлъ оправиться и провалился по поясъ. Ближайшіе солдаты замялись, орудійный ѣздовой остановилъ свою лошадь, но сзади все еще слышались крики: „Пошелъ на ледъ, что сталъ, пошелъ! пошелъ!“ И крики ужаса послышались въ толпѣ. Солдаты, окружавшіе орудіе, махали на лошадей и били ихъ, чтобъ они сворачивали и подвигались. Лошади тронулись съ берега. Ледъ, державшій пѣшихъ, рухнулся огромнымъ кускомъ, и человѣкъ сорокъ, бывшихъ на льду, бросились кто впередъ, кто назадъ, потопляя одинъ другаго.

Ядра все такъ же равномѣрно свистѣли и шлепались на ледъ, въ воду и чаще всего въ толпу, покрывавшую плотину, пруды и берегъ.

XIX.

На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ древкомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей Болконскій, истекая кровью, и, самъ не зная того, стоналъ тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ.

Къ вечеру онъ пересталъ стонать и совершенно затихъ. Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ онъ опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ жгучей и разрывающей что-то боли въ головѣ.

„Гдѣ оно, это высокое небо, котораго я не зналъ до сихъ поръ и увидалъ нынче?“ было первою его мыслью. „И страданія этого я не зналъ также“, подумалъ онъ. „Да, я ничего, ничего не зналъ до сихъ поръ. Но гдѣ я?“

Онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ звуки приближающагося топота лошадей и звуки голосовъ, говорившихъ по-французски. Онъ раскрылъ глаза. Надъ нимъ было опять

все то же высокое небо съ еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которыя виднѣлась синѣющая безконечность. Онъ не поворачивалъ головы и не видалъ тѣхъ, которые, судя по звуку копытъ и голосовъ, подъѣхали къ нему и остановились.

Подъѣхавшіе верховые были Наполеонъ, сопутствуемый двумя адъютантами. Бонапарте, объѣзжая поле сраженія, отдавалъ послѣднія приказанія объ усиленіи батарей, стрѣляющихъ по плотинѣ Аугеста и разсматривалъ убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

— Славный народъ! сказалъ Наполеонъ, глядя на убитаго русскаго гренадера, который съ уткнутымъ въ землю лицомъ и почернѣлымъ затылкомъ лежалъ на животѣ, откинувъ далеко одну уже закоченѣвшую руку.

— Батарейныхъ зарядовъ больше нѣтъ, ваше величество, сказалъ въ это время адъютантъ, пріѣхавшій съ батарей, стрѣлявшихъ по Аугесту.

— Велите привезти изъ резервовъ, сказалъ Наполеонъ, и отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился надъ княземъ Андреемъ, лежавшимъ навзничь съ брошеннымъ подлѣ него древкомъ знамени (знамя уже, какъ трофей, было взято французами).

— Вотъ прекрасная смерть, сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго. Князь Андрей понялъ, что это было сказано о немъ, и что говоритъ это Наполеонъ. Онъ слышалъ, какъ называли „ваше величество“ того, кто сказалъ эти слова. Но онъ слышалъ эти слова, какъ бы онъ слышалъ жужжаніе мухи. Онъ не только не интересовался ими, но онъ и не замѣтилъ, а тотчасъ же забылъ ихъ. Ему жгло голову; онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ надъ

собою далекое, высокое и вѣчное небо. Онъ зналъ, что это былъ Наполеонъ — его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками. Ему было совершенно все равно въ эту минуту, кто бы ни стоялъ надъ нимъ, что бы ни говорилъ о немъ; онъ радъ былъ только тому, что остановились надъ нимъ люди, и желалъ только, чтобъ эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы пошевелиться и произвести какой-нибудь звукъ. Онъ слабо пошевелилъ ногою и произвелъ самого его разжалобившій, слабый, болѣзненный стонъ.

— А! онъ живъ, — сказалъ Наполеонъ. — Поднять этого молодаго человѣка и снести на перевязочный пунктъ! — Сказавъ это, Наполеонъ поѣхалъ дальше, навстрѣчу къ маршалу Лану, который снявъ шляпу, улыбаясь и поздравляя съ побѣдой, подъѣзжалъ къ императору.

Князь Андрей не помнилъ ничего дальше: онъ потерялъ сознаніе отъ страшной боли, которую причинили ему укладываніе на носилки, толчки во время движенія и зондированіе раны на перевязочномъ пунктѣ. Онъ очнулся уже только въ концѣ дня, когда его, соединивъ съ другими русскими, ранеными и плѣнными офицерами, понесли въ госпиталь. На этомъ передвиженіи онъ чувствовалъ себя нѣсколько свѣжѣе и могъ оглядываться и даже говорить.

Первыя слова, которыя онъ услыхалъ, когда очнулся — были слова французскаго конвойнаго офицера, который поспѣшно говорилъ:

— Надо здѣсь остановиться: императоръ сейчасъ проѣдетъ; ему доставить удовольствіе — видѣть этихъ плѣнныхъ господъ.

— Нынче такъ много плѣнныхъ, чуть не вся русская армія, что ему вѣроятно это наскучило, сказалъ другой офицеръ.

— Ну, однако! Этотъ, говорятъ, командиръ всей гвардіи императора Александра, сказалъ первый, указывая на раненаго русскаго офицера въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ. Болконскій узналъ князя Репнина, котораго онъ встрѣчалъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ другой 19-ти-лѣтній мальчикъ, тоже раненый кавалергардскій офицеръ.

Бонапарте, подъѣхавъ галопомъ, остановилъ лошадь.

— Кто старшій? сказалъ онъ, увидавъ плѣнныхъ.

Назвали полковника, князя Репнина.

— Вы командиръ кавалергардскаго полка императора Александра? спросилъ Наполеонъ.

— Я командовалъ эскадрономъ, отвѣчалъ Репнинъ.

— Вашъ полкъ честно исполнилъ долгъ свой, сказалъ Наполеонъ.

— Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату, сказалъ Репнинъ.

— Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ, сказалъ Наполеонъ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ подлѣ васъ? Князь Репнинъ назвалъ поручика Сухтелена.

Посмотрѣвъ на него, Наполеонъ сказалъ, улыбаясь:

— Молодъ же онъ сунулся биться съ нами.

— Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ, проговорилъ обрывающимся голосомъ Сухтеленъ.

— Прекрасный отвѣтъ, сказалъ Наполеонъ; — молодой человѣкъ, вы далеко пойдете!

Князь Андрей, для полноты трофея плѣнниковъ выставленный также впередъ, на глаза императору, не могъ не привлечь его вниманія. Наполеонъ видимо вспомнилъ, что онъ видѣлъ его на полѣ и, обращаясь къ нему, онъ употребилъ то самое наименованіе «молодаго человѣка», подъ которымъ Болконскій въ первый разъ отразился въ его памяти.

— Ну, а вы, молодой человѣкъ? обратился онъ къ нему; — какъ вы себя чувствуете, mon brave?

Несмотря на то, что за пять минутъ передъ этимъ, князь Андрей могъ сказать нѣсколько словъ солдатамъ, переносившимъ его, онъ теперь, прямо устремивъ свои глаза на Наполеона, молчалъ... Ему такъ ничтожны казались въ эту минуту всѣ интересы, занимавшіе Наполеона, такъ мелоченъ казался ему самъ герой его, съ этимъ мелкимъ тщеславіемъ и радостью побѣды, въ сравненіи съ тѣмъ высокимъ, справедливымъ и добрымъ небомъ, которое онъ видѣлъ и понялъ, — что онъ не могъ отвѣчать ему.

Да и все казалось такъ безполезно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ строгимъ и величественнымъ строемъ мысли, который вызывали въ немъ ослабленіе силъ отъ истекшей крови, страданіе и близкое ожиданіе смерти. Глядя въ глаза Наполеону, князь Андрей думалъ о ничтожности величія, о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значенія, и о еще большемъ ничтожествѣ смерти, смысла которой никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ.

Императоръ, не дождавшись отвѣта, отвернулся и, отъѣзжая, обратился къ одному изъ начальниковъ:

— Пусть позаботятся объ этихъ господахъ, и свезутъ ихъ въ мой бивуакъ; пускай мой докторъ Ларрей осмотритъ ихъ раны. До свиданія, князь Репнинъ, и онъ, тронувъ лошадь, галопомъ поѣхалъ дальше.

На лицѣ его было сіяніе самодовольства и счастія.

Солдаты, принесшіе князя Андрея и снявшіе съ него попавшійся имъ золотой образокъ, навѣшенный на брата княжною Марьею, увидавъ ласковость, съ которою обращался императоръ съ плѣнными, поспѣшили возвратить образокъ.

Князь Андрей не видалъ, кто и какъ надѣлъ его опять, но на груди его сверхъ мундира вдругъ очутился образокъ на мелкой золотой цѣпочкѣ.

„Хорошо бы это было", подумалъ князь Андрей, взглянувъ на этотъ образокъ, который съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ навѣсила на него сестра, „хорошо бы это было, ежели бы все было такъ ясно и просто, какъ оно кажется княжнѣ Марьѣ. Какъ хорошо бы было знать, гдѣ искать помощи въ этой жизни и чего ждать послѣ нея, тамъ, за гробомъ!"

„Какъ бы счастливъ и спокоенъ я былъ, ежели бы могъ сказать теперь: Господи, помилуй меня!... Но кому я скажу это! Или сила — неопредѣленная, непостижимая, къ которой я не только не могу обращаться, но которой не могу выразить словами, великое все или ничего", говорилъ онъ самъ себѣ, „или это тотъ Богъ, который вотъ здѣсь зашитъ, въ этой ладонкѣ, княжной Марьей? Ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что мнѣ понятно, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго!"

Носилки тронулись. При каждомъ толчкѣ онъ опять чувствовалъ невыносимую боль; лихорадочное состояніе уси-

лилось, и онъ начиналъ бредить. Тѣ мечтанія объ отцѣ, женѣ, сестрѣ и будущемъ сынѣ, и нѣжность, которую онъ испытывалъ въ ночь наканунѣ сраженія, фигура маленькаго, ничтожнаго Наполеона и, надъ всѣмъ, этимъ высокое небо составляли главное основаніе его горячечныхъ представленій

Тихая жизнь и спокойное семейное счастіе въ Лысыхъ Горахъ представлялись ему. Онъ уже наслаждался этимъ счастіемъ, когда вдругъ являлся маленькій Наполеонъ съ своимъ безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастія другихъ взглядомъ, и начинались сомнѣнія, муки, и только небо обѣщало успокоеніе. Къ утру всѣ мечтанія смѣшались и слились въ хаосъ и мракъ безпамятства и забвенія, которыя гораздо вѣроятнѣе, по мнѣнію самого Ларрея, доктора Наполеона, должны были разрѣшиться смертью, чѣмъ выздоровленіемъ.

— Это субъектъ нервный и желчный, сказалъ Ларрей, — онъ не выздоровѣетъ. Князь Андрей, въ числѣ другихъ безнадежныхъ раненыхъ, былъ сданъ на попеченіе жителей.



СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ II.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова.
1886.

ВОЙНА И МИРЪ.

1864—1869.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ началѣ 1806-го года Николай Ростовъ вернулся въ отпускъ. Денисовъ ѣхалъ тоже домой въ Воронежъ, и Ростовъ уговорилъ его ѣхать съ собой до Москвы и остановиться у нихъ въ домѣ. На предпослѣдней станціи встрѣтивъ товарища, Денисовъ выпилъ съ нимъ три бутылки вина и, подъѣзжая къ Москвѣ, несмотря на ухабы дороги, не просыпался, лежа на днѣ перекладныхъ саней подлѣ Ростова, который, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, приходилъ все болѣе и болѣе въ нетерпѣніе.

— Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносныя улицы, лавки калачи, фонари, извощики! думалъ Ростовъ, когда уже они записали свои отпуски на заставѣ и въѣхали въ Москву.

— Денисовъ, пріѣхали! Спитъ! говорилъ онъ, всѣмъ тѣломъ подаваясь впередъ, какъ будто онъ этимъ положеніемъ надѣялся ускорить движеніе саней. Денисовъ не откликался.

— Вотъ онъ уголъ-перекрестокъ, гдѣ Захаръ извощикъ стоитъ; вотъ онъ и Захаръ, и все та же лошадь. Вотъ и лавочка, гдѣ пряники покупали. Скоро ли? Ну!

— Къ какому дому-то? спросилъ ямщикъ.

— Да вонъ на концѣ, къ большому, какъ ты не видишь? Это нашъ домъ, говорилъ Ростовъ, — вѣдь это нашъ домъ!

— Денисовъ! Денисовъ! Сейчасъ пріѣдемъ.

Денисовъ поднялъ голову, откашлялся и ничего не отвѣтилъ.

— Дмитрій, обратился Ростовъ къ лакею на облучкѣ. — Вѣдь это у насъ огонь?

— Такъ точно-съ, и у папеньки въ кабинетѣ свѣтится.

— Еще не ложились? А? какъ ты думаешь?

— Смотри же не забудь, тотчасъ достань мнѣ новую венгерку, прибавилъ Ростовъ, ощупывая новые усы.

— Ну же, пошелъ, кричалъ онъ ямщику. — Да проснись же, Вася, обращался онъ къ Денисову, который опять опустилъ голову.

— Да ну же, пошелъ, три цѣлковыхъ на водку, пошелъ! закричалъ Ростовъ, когда уже сани были за три дома отъ подъѣзда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Наконецъ сани взяли вправо къ подъѣзду, надъ головой своей Ростовъ увидалъ знакомый карнизъ съ отбитою штукатуркой, крыльцо, тротуарный столбъ. Онъ на ходу выскочилъ изъ саней и побѣжалъ въ сѣни. Домъ такъ же стоялъ неподвижно, не радушно, какъ будто ему дѣла не было до того, кто пріѣхалъ въ него. Въ сѣняхъ никого не было. «Боже мой! все ли благополучно?» подумалъ Ростовъ, съ замираніемъ сердца останавливаясь на минуту и тотчасъ пускаясь бѣжать дальше по сѣнямъ и знакомымъ, покривившимся ступенямъ. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, такъ же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча.

Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Прокофій, выѣздной лакей, тотъ, который былъ такъ силенъ, что за задокъ подни-

малъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти. Онъ взглянулъ на отворившуюся дверь, и равнодушное, сонное выраженіе его вдругъ преобразилось въ восторженно-испуганное.

— Батюшки-свѣты! Графъ молодой! вскрикнулъ онъ, узнавъ молодаго барина. Что жъ это? Голубчикъ мой! И Прокофій, трясясь отъ волненья, бросился къ двери въ гостиную, вѣроятно для того, чтобъ объявить; но видно опять раздумалъ, вернулся назадъ и припалъ къ плечу молодаго барина.

— Здоровы? спросилъ Ростовъ, выдергивая у него свою руку.

— Слава Богу! Все слава Богу! сейчасъ только покушали! Дай на тебя посмотрѣть, ваше сіятельство!

— Все совсѣмъ благополучно?

— Слава Богу, слава Богу!

Ростовъ, забывъ совершенно о Денисовѣ, не желая никому дать предупредить себя, скинулъ шубу и на цыпочкахъ побѣжалъ въ темную, большую залу. Все то же, тѣ же ломберные столы, та же люстра въ чехлѣ; но кто-то ужъ видѣлъ молодаго барина, и не успѣлъ онъ добѣжать до гостиной, какъ что-то стремительно, какъ буря, вылетѣло изъ боковой двери и обняло и стало цѣловать его. Еще другое, третье такое же существо выскочило изъ другой, третьей двери; еще объятія, еще поцѣлуи, еще крики, слезы радости. Онъ не могъ разобрать, гдѣ и кто папа, кто Наташа, кто Петя. Всѣ кричали, говорили и цѣловали его въ одно и то же время. Только матери не было въ числѣ ихъ, — это онъ помнилъ.

— А я-то не зналъ... Николушка... другъ мой!

— Вотъ онъ... нашъ-то... Другъ мой, Коля... Перемѣнился! Нѣтъ свѣчей! Чаю!

— Да меня-то поцѣлуй!

— Душенька... а меня-то.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вѣра, старый графъ обнимали его; и люди и горничныя, наполнивъ комнаты, приговаривали и ахали.

Петя повисъ на его ногахъ.

— А меня-то! кричалъ онъ.

Наташа, послѣ того, какъ она, пригнувъ его къ себѣ, разцѣловала все его лицо, отскочила отъ него и, держась за полу его венгерки, прыгала какъ коза все на одномъ мѣстѣ и пронзительно визжала.

Со всѣхъ сторонъ были блестящіе слезами радости, любящіе глаза, со всѣхъ сторонъ были губы, искавшія поцѣлуя.

Соня, красная какъ кумачъ, тоже держалась за его руку и вся сіяла въ блаженномъ взглядѣ, устремленномъ въ его глаза, которыхъ она ждала. Сонѣ минуло уже 16 лѣтъ, и она была очень красива, особенно въ эту минуту счастливаго, восторженнаго оживленія. Она смотрѣла на него, не спуская глазъ, улыбаясь и задерживая дыханіе. Онъ благодарно взглянулъ на нее; но все еще ждалъ и искалъ кого-то. Старая графиня еще не выходила. И вотъ послышались шаги въ дверяхъ. Шаги такіе быстрые, что это не могли быть шаги его матери.

Но это была она въ новомъ, незнакомомъ еще ему, сшитомъ безъ него платьѣ. Всѣ оставили его, и онъ побѣжалъ къ ней. Когда они сошлись, она упала на его грудь, рыдая. Она не могла поднять лицо и только прижимала его къ холоднымъ снуркамъ его венгерки. Денисовъ, никѣмъ не замѣченный, войдя въ комнату, стоялъ тутъ же и, глядя на никъ, теръ себѣ глаза.

— Васьки Денисовъ, другъ вашего сына, сказалъ онъ, рекомендуясь графу, вопросительно смотрѣвшему на него.

— Милости прошу. Знаю, знаю, сказалъ графъ, цѣлуя и обнимая Денисова. — Николушка писалъ... Наташа, Вѣра, вотъ онъ, Денисовъ.

Тѣ же счастливыя, восторженныя лица обратились на мохнатую фигуру Денисова и окружили его.

— Голубчикъ Денисовъ, визгнула Наташа, не помнившая себя отъ восторга, подскочила къ нему, обняла и поцѣловала его. Всѣ смутились поступкомъ Наташи. Денисовъ тоже покраснѣлъ, но улыбнулся, и взявъ руку Наташи, поцѣловалъ ее.

Денисова отвели въ приготовленную для него комнату, а Ростовы всѣ собрались въ диванную около Николушки.

Старая графиня, не выпуская его руки, которую она всякую минуту цѣловала, сидѣла съ нимъ рядомъ; остальные, столпившіеся вокругъ нихъ, ловили каждое его движеніе, слово, взглядъ, и не спускали съ него восторженно-влюбленныхъ глазъ. Братья и сестры спорили и перехватывали мѣста другъ у друга поближе къ нему, и дрались за то, кому принести ему чай, платокъ, трубку.

Ростовъ былъ очень счастливъ любовью, которую ему выказывали; но первая минута его встрѣчи была такъ блаженна, что теперешняго его счастія ему казалось мало, и онъ все ждалъ чего-то еще, и еще, и еще.

На другое утро пріѣзжій спалъ съ дороги до 10-го часа.

Въ предшествующей комнатѣ валялись сабли, сумки, ташки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенныя двѣ пары со шпорами были только что поставлены у стѣнки. Слуги приносили умывальники, горячую воду для бритья и вычищенныя платья. Пахло табакомъ и мущинами.

— Гей, Гришка, трубку! крикнулъ хриплый голосъ Васьки Денисова. — Ростовъ, вставай!

Ростовъ, протирая слипавшіеся глаза, поднялъ спутанную голову съ жаркой подушки.

— А что̀ поздно?

— Поздно, десятый часъ, отвѣчалъ Наташинъ голосъ, и въ сосѣдней комнатѣ послышалось шурманіе крахмаленныхъ платьевъ, шопотъ и смѣхъ дѣвичьихъ голосовъ, и въ чуть растворенную дверь мелькнуло что-то голубое, ленты, черные волоса и веселыя лица. Это была Наташа съ Соней и Петей, которые пришли навѣдаться, не всталъ ли.

— Николенька, вставай! опять послышался голосъ Наташи у двери.

— Сейчасъ! Въ это время Петя, въ первой комнатѣ, увидавъ и схвативъ сабли, и испытывая тотъ восторгъ, который испытываютъ мальчики при видѣ воинственнаго старшаго брата, и забывъ, что сестрамъ неприлично видѣть раздѣтыхъ мущинъ, отворилъ дверь.

— Это твоя сабля? кричалъ онъ. Дѣвочки отскочили. Денисовъ съ испуганными глазами спряталъ свои мохнатыя ноги въ одѣяло, оглядываясь за помощью на товарища. Дверь пропустила Петю и опять затворилась. За дверью послышался смѣхъ.

— Николенька, выходи въ халатѣ, проговорилъ голосъ Наташи.

— Это твоя сабля? спросилъ Петя, — или это ваша? съ подобострастнымъ уваженіемъ обратился онъ къ усатому черному Денисову.

Ростовъ посиѣшно обулся, надѣлъ халатъ и вышелъ. Наташа надѣвала одинъ сапогъ съ шпорой и влѣзала въ другой.

Соня кружилась и только что хотѣла раздуть платье и присѣсть, когда онъ вышелъ. Обѣ были въ одинаковыхъ, новенькихъ, голубыхъ платьяхъ — свѣжія, румяныя, веселыя. Соня убѣжала, а Наташа, взявъ брата подъ руку, повела его въ диванную, и у нихъ начался разговоръ. Они не успѣвали спрашивать другъ друга и отвѣчать на вопросы о тысячахъ мелочей, которыя могли интересовать только ихъ однихъ. Наташа смѣялась при всякомъ словѣ, которое онъ говорилъ и которое она говорила, не потому, чтобы было смѣшно то, что они говорили, но потому, что ей было весело и она не въ силахъ была удерживать своей радости, выражавшейся смѣхомъ.

— Ахъ, какъ хорошо, отлично! приговаривала она ко всему. Ростовъ почувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ жаркихъ лучей любви, въ первый разъ черезъ полтора года на душѣ его и на лицѣ распускалась та дѣтская улыбка, которою онъ ни разу не улыбался съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома.

— Нѣтъ, послушай, сказала она, — ты теперь совсѣмъ мущина? Я ужасно рада, что ты мой братъ. Она тронула его усы. — Мнѣ хочется знать, какіе вы мущины? Такіе ли, какъ мы? Нѣтъ.

— Отчего Соня убѣжала? спрашивалъ Ростовъ.

— Да. Это еще цѣлая исторія! Какъ ты будешь говорить съ Соней? Ты или вы?

— Какъ случится, сказалъ Ростовъ.

— Говори ей вы, пожалуйста, я тебѣ послѣ скажу.

— Да что же?

— Ну, я теперь скажу. Ты знаешь, что Соня мой другъ, такой другъ, что я руку сожгу для нея. Вотъ, посмотри. Она засучила свой кисейный рукавъ и показала на своей длинной, худой и нѣжной ручкѣ подъ плечомъ, гораздо выше

локтя (въ томъ мѣстѣ, которое закрыто бываетъ и бальными платьями), красную мѣтину.

— Это я сожгла, чтобы доказать ей любовь. Просто линейку разожгла на огнѣ, да и прижала.

Сидя въ своей прежней классной комнатѣ, на диванѣ съ подушечками на ручкахъ, и глядя въ эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростовъ опять вошелъ въ тотъ свой семейный, дѣтскій міръ, который не имѣлъ ни для кого никакого смысла, кромѣ какъ для него, но который доставлялъ ему одни изъ лучшихъ наслажденій въ жизни; и сожженіе руки линейкой для показанія любви показалось ему не безполезно: онъ понималъ и не удивлялся этому.

— Такъ что̀ же? только? спросилъ онъ.

— Ну, такъ дружны, такъ дружны! Это̀ что, глупости — линейкой; но мы навсегда друзья. Она кого полюбитъ, такъ навсегда; а я этого не понимаю, я забуду сейчасъ.

— Ну, такъ что̀ же?

— Да, такъ она любитъ меня и тебя. Наташа вдругъ покраснѣла. — Ну, ты помнишь, предъ отъѣздомъ... Такъ она говоритъ, что ты это все забудь... Она сказала: я буду любить его всегда, а онъ пускай будетъ свободенъ. Вѣдь правда, что это отлично, благородно! — Да, да? очень благородно? да? спрашивала Наташа такъ серьезно и взволнованно, что видно было, что то, что̀ она говоритъ теперь, она прежде говорила со слезами. Ростовъ задумался.

— Я ни въ чемъ не беру назадъ своего слова, сказалъ онъ. — И потомъ, Соня такая прелесть, что какой же дуракъ станетъ отказываться отъ своего счастія?

— Нѣтъ, нѣтъ, закричала Наташа. — Мы про это уже съ нею говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это

нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты такъ говоришь, — считаешь себя связаннымъ словомъ, то выходитъ, что она какъ будто нарочно это сказала. Выходитъ, что ты все-таки насильно на ней женишься, и выходитъ совсѣмъ не то.

Ростовъ видѣлъ, что все это было хорошо придумано ими. Соня и вчера поразила его своею красотой. Нынче, увидавъ ее мелькомъ, она ему показалась еще лучше. Она была прелестная 16-ти лѣтняя дѣвочка, очевидно страстно его любящая (въ этомъ онъ не сомнѣвался ни на минуту). Отчего же ему было не любить ея теперь, и не жениться даже, думалъ Ростовъ; но... теперь столько еще другихъ радостей и занятій! „Да, онѣ это прекрасно придумали“, подумалъ онъ, „надо оставаться свободнымъ“.

— Ну и прекрасно, сказалъ онъ, — послѣ поговоримъ. Ахъ, какъ я тебѣ радъ! прибавилъ онъ. — Ну, а что же, ты Борису не измѣнила? спросилъ братъ.

— Вотъ глупости! смѣясь крикнула Наташа. — Ни о немъ и ни о комъ я не думаю и знать не хочу.

— Вотъ какъ! Такъ ты что же?

— Я? переспросила Наташа, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо. — Ты видѣлъ Дюпора?

— Нѣтъ.

— Знаменитаго Дюпора, танцовщика не видалъ? Ну, такъ ты не поймешь. Я — вотъ что такое. Наташа взяла, округливъ руки, свою юбку, какъ танцуютъ, отбѣжала нѣсколько шаговъ, перевернулась, сдѣлала антраша, побила ножкой объ ножку и, ставъ на самые кончики носковъ, прошла нѣсколько шаговъ.

— Вѣдь стою? вѣдь вотъ, говорила она; но не удержалась на цыпочкахъ. — Такъ вотъ я что такое! Никогда ни

за кого не пойду замужъ, а пойду въ танцовщицы. Только никому не говори.

Ростовъ такъ громко и весело захохоталъ, что Денисову изъ своей комнаты стало завидно, и Наташа не могла удержаться, засмѣялась съ нимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, вѣдь хорошо? все говорила она.

— Хорошо. За Бориса уже не хочешь выходить замужъ?

Наташа вспыхнула.

— Я не хочу ни за кого замужъ идти. Я ему то же самое скажу, когда увижу.

— Вотъ какъ! сказалъ Ростовъ.

— Ну, да это все пустяки, продолжала болтать Наташа.

— А что̀, Денисовъ хорошій? спросила она.

— Хорошій.

— Ну и прощай, одѣвайся. Онъ страшный — Денисовъ?

— Отчего страшный? спросилъ Николай. — Нѣтъ, Васька славный.

— Ты его Васькой зовешь?... странно. А что̀ онъ очень хорошъ?

— Очень хорошъ.

— Ну, приходи скорѣе чай пить. Всѣ вмѣстѣ.

И Наташа встала на цыпочкахъ и прошлась изъ комнаты такъ, какъ дѣлаютъ танцовщицы, но улыбаясь такъ, какъ только улыбаются счастливыя 15-ти лѣтнія дѣвочки. Встрѣтившись въ гостиной съ Соней, Ростовъ покраснѣлъ. Онъ не зналъ какъ обойтись съ ней. Вчера они поцѣловались въ первую минуту радости свиданія, но нынче они чувствовали, что нельзя было этого сдѣлать; онъ чувствовалъ, что всѣ, и мать и сестры, смотрѣли на него вопросительно и отъ него ожидали, какъ онъ поведетъ себя съ нею. Онъ поцѣ-

ловалъ ея руку и называлъ ее вы — *Соня*. Но глаза ихъ, встрѣтившись, сказали другъ другу „ты" и нѣжно поцѣловались. Она просила своимъ взглядомъ у него прощенія за то, что въ посольствѣ Наташи она смѣла напомнить ему о его обѣщаніи и благодарила его за его любовь. Онъ своимъ взглядомъ благодарилъ ее за предложеніе свободы и говорилъ, что такъ ли, иначе ли, онъ никогда не перестанетъ любить ее, потому что нельзя не любить ее.

— Какъ однако странно, сказала Вѣра, выбравъ общую минуту молчанія, что Соня съ Николенькой теперь встрѣтились на вы и какъ чужіе. — Замѣчаніе Вѣры было справедливо, какъ и всѣ ея замѣчанія; но, какъ и отъ большей части ея замѣчаній, всѣмъ сдѣлалось неловко, и не только Соня, Николай и Наташа, но и старая графиня, которая боялась этой любви сына къ Сонѣ, могущей лишить его блестящей партіи, тоже покраснѣла какъ дѣвочка. Денисовъ, къ удивленію Ростова, въ новомъ мундирѣ, напомаженный и надушенный, явился въ гостиную такимъ же щеголемъ, какимъ онъ бывалъ въ сраженіяхъ, и такимъ любезнымъ съ дамами и кавалерами, какимъ Ростовъ никакъ не ожидалъ его видѣть.

II.

Вернувшись въ Москву изъ арміи, Николай Ростовъ былъ принятъ домашними какъ лучшій сынъ, герой и ненаглядный Николушка, родными — какъ милый, пріятный и почтительный молодой человѣкъ; знакомыми — какъ красивый, гусарскій поручикъ, ловкій танцоръ и одинъ изъ лучшихъ жениховъ Москвы.

Знакомство у Ростовыхъ была вся Москва; денегъ въ нынѣшній годъ у стараго графа было достаточно, потому что

были перезаложены всѣ имѣнія, и потому Николушка, заведя своего собственнаго рысака и самые модные рейтузы, особенные, какихъ ни у кого еще въ Москвѣ не было, и сапоги самые модные, съ самыми острыми носками и маленькими серебряными шпорами, проводилъ время очень весело. Ростовъ, вернувшись домой, испыталъ пріятное чувство послѣ нѣкотораго промежутка времени примѣриванія себя къ старымъ условіямъ жизни. Ему казалось, что онъ очень возмужалъ и выросъ. Отчаяніе за невыдержанный изъ закона Божьяго экзаменъ, заниманіе денегъ у Гаврилы на извощика, тайные поцѣлуи съ Соней, онъ про все это вспоминалъ, какъ про ребячество, отъ котораго онъ неизмѣримо былъ далекъ теперь. Теперь онъ — гусарскій поручикъ въ серебряномъ ментикѣ, съ солдатскимъ Георгіемъ, готовитъ своего рысака на бѣгъ, вмѣстѣ съ извѣстными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульварѣ, къ которой онъ ѣздитъ вечеромъ. Онъ дирижировалъ мазурку на балѣ у Архаровыхъ, разговаривалъ о войнѣ съ фельдмаршаломъ Каменскимъ, бывалъ въ англійскомъ клубѣ, и былъ на ты съ однимъ сорока-лѣтнимъ полковникомъ, съ которымъ познакомилъ его Денисовъ.

Страсть его къ государю нѣсколько ослабѣла въ Москвѣ, такъ какъ онъ за это время не видалъ и не имѣлъ случая видѣть его. Но онъ все-таки часто разсказывалъ о государѣ, о своей любви къ нему, давая чувствовать, что онъ еще не все разсказываетъ, что что-то еще есть въ его чувствѣ къ государю, что не можетъ быть всѣмъ понятно; и отъ всей души раздѣлялъ общее въ то время въ Москвѣ чувство обожанія къ императору Александру Павловичу, которому въ Москвѣ въ то время было дано наименованіе „ангела во плоти“.

Въ это короткое пребываніе Ростова въ Москвѣ, до отъѣзда въ армію, онъ не сблизился, а напротивъ разошелся съ Соней. Она была очень хороша, мила, и очевидно, страстно влюблена въ него; но онъ былъ въ той порѣ молодости, когда кажется такъ много дѣла, что *некогда* этимъ заниматься, и молодой человѣкъ боится связываться — дорожитъ своею свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда онъ думалъ о Сонѣ въ это новое пребываніе въ Москвѣ, онъ говорилъ себѣ: „Э! еще много, много такихъ будетъ и есть тамъ, гдѣ-то, мнѣ еще неизвѣстныхъ. Еще успѣю, когда захочу, заняться и любовью, а теперь некогда“. Кромѣ того, ему казалось что-то унизительное для своего мужества въ женскомъ обществѣ. Онъ ѣздилъ на балы и въ женское общество, притворяясь, что дѣлалъ это противъ воли. Бѣга, англійскій клубъ, кутежъ съ Денисовымъ, поѣздка *туда* — это было другое дѣло: это было прилично молодцу-гусару.

Въ началѣ марта, старый графъ Илья Андреичъ Ростовъ былъ озабоченъ устройствомъ обѣда въ англійскомъ клубѣ для пріема князя Багратіона.

Графъ въ халатѣ ходилъ по залѣ, отдавая приказанія клубному эконому, знаменитому Ѳеоктисту, старшему повару англійскаго клуба, о спаржѣ, свѣжихъ огурцахъ, земляникѣ, теленкѣ и рыбѣ для обѣда князя Багратіона. Графъ со дня основанія клуба былъ его членомъ и старшиною. Ему было поручено отъ клуба устройство торжества для Багратіона, потому что рѣдко кто умѣлъ такъ, на широкую руку, хлѣбосольно устроить пиръ, особенно потому, что рѣдко кто умѣлъ и хотѣлъ приложить свои деньги, если онѣ понадобятся на устройство пира. Поваръ и экономъ клуба съ веселыми лицами слушали приказанія графа, потому что они знали, что

ни при комъ, какъ при немъ, нельзя было лучше пожиться на обѣдѣ, который стоилъ нѣсколько тысячъ.

— Такъ, смотри же, гребешковъ, гребешковъ въ тортю положи, знаешь!

— Холодныхъ, стало-быть, три?... спрашивалъ поваръ. Графъ задумался.

— Нельзя меньше, три... майонезъ разъ, сказалъ онъ, загибая палецъ...

— Такъ прикажете стерлядей большихъ взять? спросилъ экономъ.

— Что жъ дѣлать, возьми, коли не уступаютъ. Да, батюшка ты мой, я было и забылъ. Вѣдь надо еще другую антре на столъ. Ахъ, отцы мои! Онъ схватился за голову. — Да кто же мнѣ цвѣты привезетъ? Митенька! А Митенька! Скачи ты, Митенька, въ подмосковную, обратился онъ къ вошедшему на его зовъ управляющему, — скачи ты въ подмосковную и вели ты сейчасъ нарядить барщину Максимкѣ-садовнику. Скажи, чтобы всѣ оранжереи сюда волокъ, укутывалъ бы войлоками. Да чтобы мнѣ двѣсти горшковъ тутъ къ пятницѣ были.

Отдавъ еще и еще разныя приказанія, онъ вышелъ было отдохнуть къ графинюшкѣ, но вспомнилъ еще нужное, вернулся самъ, вернулъ повара и эконома и опять сталъ приказывать. Въ дверяхъ послышалась легкая, мужская походка, бряцанье шпоръ, и красивый, румяный, съ чернѣющимися усиками, видимо отдохнувшій и выхолившійся на спокойномъ житьѣ въ Москвѣ, вошелъ молодой графъ.

— Ахъ, братецъ мой! Голова кругомъ идетъ, сказалъ старикъ, какъ бы стыдясь, улыбаясь предъ сыномъ. — Хоть вотъ ты бы помогъ! Надо вѣдь еще пѣсельниковъ. Музыка у меня

есть, да цыганъ что ли позвать. Ваша — братія военные это любятъ.

— Право, папенька, я думаю, князь Багратіонъ, когда готовился къ Шенграбенскому сраженію, меньше хлопоталъ, чѣмъ вы теперь, сказалъ сынъ, улыбаясь.

Старый графъ притворился разсерженнымъ.

— Да, ты толкуй, ты попробуй! И графъ обратился къ повару, который съ умнымъ и почтеннымъ лицомъ наблюдательно и ласково поглядывалъ на отца и сына.

— Какова молодежь-то, а, Ѳеоктистъ? сказалъ онъ. — Смѣется надъ нашимъ братомъ — стариками!

— Что жъ, ваше сіятельство, имъ бы только покушать хорошо, а какъ все собрать да *сервировать*, это не ихъ дѣло!

— Такъ, такъ! закричалъ графъ, и, весело схвативъ сына за обѣ руки, закричалъ: — такъ вотъ же что̀, попался ты мнѣ! Возьми ты сейчасъ сани парныя и ступай ты къ Безухому, и скажи, что графъ, молъ, Илья Андреевичъ прислали просить у васъ земляники и ананасовъ свѣжихъ. Больше ни у кого не достанешь. Самого-то нѣтъ, такъ ты зайди, княжнамъ скажи, и оттуда, вотъ что̀, поѣзжай ты на Разгуляй, — Ипатка кучеръ знаетъ, — найди ты тамъ Ильюшку-цыгана, вотъ что̀ у графа Орлова тогда плясалъ, помнишь, въ бѣломъ казакинѣ, и притащи ты его сюда ко мнѣ.

— И съ цыганками его сюда привести? спросилъ Николай, смѣясь.

— Ну, ну!..

Въ это время неслышными шагами, съ дѣловымъ, озабоченнымъ и вмѣстѣ христіански-кроткимъ видомъ, никогда не покидавшимъ ея, вошла въ комнату Анна Михайловна. Несмотря на то, что каждый день Анна Михайловна заставала

графа въ халатѣ, всякій разъ онъ конфузился при ней и просилъ извиненія за свой костюмъ.

— Ничего, графъ, голубчикъ, сказала она, кротко закрывая глаза. — А къ Безухому я съѣзжу, сказала она. — Молодой Безухій пріѣхалъ, и теперь мы все достанемъ, графъ, изъ его оранжерей. Мнѣ и нужно было видѣть его. Онъ мнѣ прислалъ письмо отъ Бориса. Слава Богу, Боря теперь при штабѣ.

Графъ обрадовался, что Анна Михайловна брала одну часть его порученій, и велѣлъ ей заложить маленькую карету.

— Вы Безухому скажите, чтобъ онъ пріѣзжалъ. Я его запишу. Что онъ, съ женою? спросилъ онъ.

Анна Михайловна завела глаза, и на лицѣ ея выразилась глубокая скорбь....

— Ахъ, мой другъ, онъ очень несчастливъ, сказала она. Ежели правда, что мы слышали, это ужасно. И думали ли мы, когда такъ радовались его счастію! и такая высокая, небесная душа, этотъ молодой Безухій! Да, я отъ души жалѣю его и постараюсь дать ему утѣшеніе, которое отъ меня будетъ зависѣть.

— Да что жъ такое? спросили оба Ростова, старшій и младшій.

Анна Михайловна глубоко вздохнула.

— Долоховъ, Марьи Ивановны сынъ, сказала она таинственнымъ шопотомъ, говорятъ, совсѣмъ компрометтировалъ ее. Онъ его вывелъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ въ Петербургѣ, и вотъ... Она сюда пріѣхала, и этотъ сорви-голова за ней, сказала Анна Михайловна, желая выразить свое сочувствіе Пьеру, но въ невольныхъ интонаціяхъ и полуулыбкою показывая сочувствіе сорви-головѣ, какъ она на-

звали Долохова. — Говорятъ, самъ Пьеръ совсѣмъ убитъ своимъ горемъ.

— Ну, все-таки скажите ему, чтобъ онъ пріѣзжалъ въ клубъ, — все разсѣется. Пиръ горой будетъ.

На другой день, 3-го марта, во второмъ часу пополудни, 250 человѣкъ членовъ Англійскаго клуба и 50 человѣкъ гостей ожидали къ обѣду дорогаго гостя и героя австрійскаго похода, князя Багратіона. Въ первое время по полученіи извѣстія объ Аустерлицкомъ сраженіи Москва пришла въ недоумѣніе. Въ то время русскіе такъ привыкли къ побѣдамъ, что, получивъ извѣстіе о пораженіи, одни просто не вѣрили, другіе искали объясненій такому странному событію въ какихъ-нибудь необыкновенныхъ причинахъ. Въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ собиралось все, что было знатнаго, имѣющаго вѣрныя свѣдѣнія и вѣсъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда стали приходить извѣстія, ничего не говорили про войну и про послѣднее сраженіе, какъ будто всѣ сговорились молчать о немъ. Люди, дававшіе направленіе разговорамъ, какъ-то граф Растопчинъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, Валуевъ, графъ Марковъ, князь Вяземскій, не показывались въ клубѣ, а собирались по домамъ, въ своихъ интимныхъ кружкахъ, и москвичи, говорившіе съ чужихъ голосовъ (къ которымъ принадлежалъ и Илья Андреичъ Ростовъ), оставались на короткое время безъ опредѣленнаго сужденія о дѣлѣ войны и безъ руководителей. Москвичи чувствовали, что что-то нехорошо и что обсуждать эти дурныя вѣсти трудно, и потому лучше молчать. Но черезъ нѣсколько времени, какъ присяжные выходятъ изъ совѣщательной комнаты, появились и тузы, дававшіе мнѣніе въ клубѣ, и все заговорило ясно и опредѣленно. Были найдены причины

тому невѣроятному, неслыханному и невозможному событію, что русскіе были побиты, и все стало ясно, и во всѣхъ углахъ Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измѣна австрійцевъ, дурное продовольствіе войска, измѣна поляка Пршебышевскаго и француза Ланжерона, неспособность Кутузова, и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, ввѣрившагося дурнымъ и ничтожнымъ людямъ. Но войска, русскія войска, говорили всѣ, были необыкновенны и дѣлали чудеса храбрости. Солдаты, офицеры, генералы — были герои. Но героемъ изъ героевъ былъ князь Багратіонъ, прославившійся своимъ Шенграбенскимъ дѣломъ и отступленіемъ отъ Аустерлица, гдѣ онъ одинъ провелъ свою колонну нерасстроенною, и цѣлый день отбивалъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Тому, что Багратіонъ выбранъ былъ героемъ въ Москвѣ, содѣйствовало и то, что онъ не имѣлъ связей въ Москвѣ, и былъ чужой. Въ лицѣ его отдавалась честь боевому, простому, безъ связей и интригъ, русскому солдату, еще связанному воспоминаніями Италіанскаго похода съ именемъ Суворова. Кромѣ того въ воздаяніи ему такихъ почестей лучше всего показывалось нерасположеніе и неодобреніе Кутузова.

— Ежели бы не было Багратіона, надо бы было изобрѣсти его, сказалъ шутникъ Шиншинъ, пародируя слова Вольтера. Про Кутузова никто не говорилъ, и нѣкоторые шопотомъ бранили его, называя придворною вертушкой и старымъ сатиромъ.

По всей Москвѣ повторялись слова князя Долгорукова: „лѣпя-лѣпя и облѣпишься“, утѣшавшагося въ нашемъ пораженіи воспоминаніемъ прежнихъ побѣдъ и повторялись слова Растопчина про то, что французскихъ солдатъ надо воз-

суждать въ сраженіяхъ высокопарными фразами, что съ нѣмцами надо логически разсуждать, убѣждая ихъ, что опаснѣе бѣжать, чѣмъ идти впередъ; но что русскихъ солдатъ надо только удерживать и просить: потише! Со всѣхъ сторонъ слышны были новые и новые разсказы объ отдѣльныхъ примѣрахъ мужества, оказанныхъ нашими солдатами и офицерами при Аустерлицѣ. Тотъ спасъ знамя, тотъ убилъ пять французовъ, тотъ одинъ заряжалъ пять пушекъ. Говорили и про Берга, кто его не зналъ, что онъ, раненый въ правую руку, взялъ шпагу въ лѣвую и пошелъ впередъ. Про Болконскаго ничего не говорили, и только близко знавшіе его жалѣли, что онъ рано умеръ, оставивъ беременную жену и чудака-отца.

III.

3-го марта во всѣхъ комнатахъ Англійскаго клуба стоялъ стонъ разговаривающихъ голосовъ, и, какъ пчелы на весеннемъ пролетѣ, сновали взадъ и впередъ, сидѣли, стояли, сходились и расходились, въ мундирахъ, фракахъ и еще кое-кто въ пудрѣ и кафтанахъ, члены и гости клуба. Пудреные, въ чулкахъ и башмакахъ, ливрейные лакеи стояли у каждой двери и напряженно старались уловить каждое движеніе гостей и членовъ клуба, чтобы предложить свои услуги. Большинство присутствовавшихъ были старые, почтенные люди съ широкими, самоувѣренными лицами, толстыми пальцами, твердыми движеніями и голосами. Этого рода гости и члены сидѣли по извѣстнымъ, привычнымъ мѣстамъ и сходились въ извѣстныхъ, привычныхъ кружкахъ. Малая часть присутствовавшихъ состояла изъ случайныхъ гостей, — преимущественно молодежи, въ числѣ которой были

Денисовъ, Ростовъ и Долоховъ, который былъ опять Семеновскимъ офицеромъ. На лицахъ молодежи, особенно военной, было выраженіе того чувства презрительной почтительности къ старикамъ, которое какъ будто говоритъ старому поколѣнію: „уважать и почитать васъ мы готовы, но помните, что все-таки за нами будущность“.

Несвицкій былъ тутъ же, какъ старый членъ клуба. Пьеръ, по приказанію жены отпустившій волоса, снявшій очки и одѣтый по модному, но съ грустнымъ и унылымъ видомъ, ходилъ по заламъ. Его, какъ и вездѣ, окружала атмосфера людей, преклонявшихся предъ его богатствомъ, и онъ съ привычкой царствованія и разсѣянной презрительностью обращался съ ними.

По годамъ онъ бы долженъ былъ быть съ молодыми, по богатству и связямъ онъ былъ членомъ кружковъ старыхъ, почтенныхъ гостей, и потому онъ переходилъ отъ одного кружка къ другому. Старики изъ самыхъ значительныхъ составляли центръ кружковъ, къ которымъ почтительно приближались даже незнакомые, чтобы послушать извѣстныхъ людей. Большіе кружки составлялись около графа Растопчина, Валуева и Нарышкина. Растопчинъ разсказывалъ про то, какъ русскіе были смяты бѣжавшими австрійцами и должны были штыкомъ прокладывать себѣ дорогу сквозь бѣглецовъ.

Валуевъ конфиденціально разсказывалъ, что Уваровъ былъ присланъ изъ Петербурга для того, чтобы узнать мнѣніе москвичей объ Аустерлицѣ.

Въ третьемъ кружкѣ Нарышкинъ говорилъ о засѣданіи австрійскаго военнаго совѣта, въ которомъ Суворовъ закричалъ пѣтухомъ въ отвѣтъ на глупость австрійскихъ генера-

зора. Шиншинъ, стоявшій тутъ же, хотѣлъ пошутить, сказавъ, что Кутузовъ, видно, и этому нетрудному искусству — говорить по-французски — не могъ выучиться у Суворова, но старички строго посмотрѣли на шутника, давая ему тѣмъ чувствовать, что здѣсь и въ нынѣшній день такъ неприлично было говорить про Кутузова.

Графъ Илья Андреичъ Ростовъ озабоченно, торопливо похаживалъ въ своихъ мягкихъ сапогахъ изъ столовой въ гостиную, поспѣшно и совершенно одинаково здороваясь съ важными и неважными лицами, которыхъ онъ всѣхъ зналъ, и изрѣдка отыскивая глазами своего стройнаго молодца-сына, радостно останавливалъ на немъ свой взглядъ и подмигивалъ ему. Молодой Ростовъ стоялъ у окна съ Долоховымъ, съ которымъ онъ недавно познакомился, и знакомствомъ котораго онъ дорожилъ. Старый графъ подошелъ къ нимъ и пожалъ руку Долохову.

— Ко мнѣ милости прошу, вотъ ты съ моимъ молодцомъ знакомъ... вмѣстѣ тамъ, вмѣстѣ геройствовали... А! Василій Игнатьичъ... здорово, старый, обратился онъ къ проходившему старичку, но не успѣлъ еще договорить привѣтствія, какъ все зашевелилось, и прибѣжавшій лакей, съ испуганнымъ лицомъ, доложилъ: „пожаловали!“

Раздались звонки; старшины бросились впередъ; разбросанные въ разныхъ комнатахъ гости, какъ встряхнутая рожь на лопатѣ, столпились въ одну кучу и остановились въ большой гостиной у дверей залы.

Въ дверяхъ передней показался Багратіонъ, безъ шляпы и шпаги, которыя онъ, по клубному обычаю, оставилъ у швейцара. Онъ былъ не въ смушковомъ картузѣ съ нагайкой черезъ плечо, какъ видѣлъ его Ростовъ въ ночь нака-

нунѣ Аустерлицкаго сраженія, а въ новомъ узкомъ мундирѣ съ русскими и иностранными орденами и съ Георгіевской звѣздой на лѣвой сторонѣ груди. Онъ видимо сейчасъ, предъ обѣдомъ, подстригъ волосы и бакенбарды, что невыгодно измѣняло его физіономію. На лицѣ его было что-то наивно-праздничное, дававшее, въ соединеніи съ его твердыми, мужественными чертами, даже нѣсколько комическое выраженіе его лицу. Беклешовъ и Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ, остановились въ дверяхъ, желая, чтобъ онъ, какъ главный гость, прошелъ впередъ ихъ. Багратіонъ смѣшался, не желая воспользоваться ихъ учтивостью; произошла остановка въ дверяхъ, и наконецъ Багратіонъ все-таки прошелъ впередъ. Онъ шелъ, не зная куда дѣвать руки, застѣнчиво и неловко по паркету пріемной; ему привычнѣе и легче было ходить подъ пулями по вспаханному полю какъ онъ шелъ предъ Курскимъ полкомъ въ Шенграбенѣ. Старшины встрѣтили его у первой двери, сказавъ ему нѣсколько словъ о радости видѣть столь дорогаго гостя, и не дождавшись его отвѣта, какъ бы завладѣвъ имъ, окружили его и повели въ гостиную. Въ дверяхъ гостиной не было возможности пройти отъ столпившихся членовъ и гостей, давившихъ другъ друга и черезъ плечи другъ друга старавшихся, какъ рѣдкаго звѣря, разсмотрѣть Багратіона. Графъ Илья Андреичъ, энергичнѣе всѣхъ смѣясь и приговаривая: «пусти, милый, пусти, пусти», протолкалъ толпу, провелъ гостей въ гостиную и посадилъ на середній диванъ. Тузы, почетнѣйшіе члены клуба, обступили вновь прибывшихъ. Графъ Илья Андреичъ, проталкиваясь опять черезъ толпу, вышелъ изъ гостиной и съ другимъ старшиной черезъ минуту явился, неся большое серебряное блюдо, которое онъ

поднесъ блюдо Багратіону. На блюдѣ лежали сочиненные и напечатанные въ честь героя стихи. Багратіонъ, увидавъ блюдо, испуганно оглянулся, какъ бы отыскивая помощи. Но во всѣхъ глазахъ было требованіе того, чтобъ онъ покорился. Чувствуя себя въ ихъ власти, Багратіонъ рѣшительно, обѣими руками, взялъ блюдо и сердито, укоризненно посмотрѣлъ на графа, подносившаго его. Кто-то услужливо вынулъ изъ рукъ Багратіона блюдо (а то бы онъ, казалось, намѣренъ былъ держать его такъ до вечера и такъ идти къ столу) и обратилъ его вниманіе на стихи. «Ну, и прочту», какъ будто сказалъ Багратіонъ, и устремивъ усталые глаза на бумагу, сталъ читать съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ. Самъ сочинитель взялъ стихи и сталъ читать. Князь Багратіонъ склонилъ голову и слушалъ.

«Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ,
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рифей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ Русскихъ боле...»

Но еще онъ не кончилъ стиховъ, какъ громогласный дворецкій провозгласилъ: „Кушанье готово!“ Дверь отворилась, загремѣлъ изъ столовой польскій: „громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Россъ“, и графъ Илья Андреичъ, сердито посмотрѣвъ на автора, продолжавшаго читать стихи, раскланялся предъ Багратіономъ. Всѣ встали, чувствуя, что обѣдъ былъ важнѣе стиховъ, и опять Багратіонъ впереди всѣхъ пошелъ къ столу. На первомъ мѣстѣ, между двухъ Александровъ — Беклешова и Нарышкина, что̀ тоже имѣло значеніе

по отношенію къ имени государя, посадили Багратіона: 300 человѣкъ размѣстились въ столовой по чинамъ и важности, кто поважнѣе — поближе къ чествуемому гостю: такъ же естественно, какъ вода разливается туда глубже, гдѣ мѣстность ниже.

Предъ самымъ обѣдомъ графъ Илья Андреичъ представилъ князю своего сына. Багратіонъ, узнавъ его, сказалъ нѣсколько нескладныхъ, неловкихъ словъ, какъ и всѣ слова, которыя онъ говорилъ въ этотъ день. Графъ Илья Андреичъ радостно и гордо оглядывалъ всѣхъ въ то время, какъ Багратіонъ говорилъ съ его сыномъ.

Николай Ростовъ съ Денисовымъ и новымъ знакомцемъ Долоховымъ сѣли вмѣстѣ почти на серединѣ стола. Напротивъ ихъ сѣлъ Пьеръ рядомъ съ княземъ Несвицкимъ. Графъ Илья Андреичъ сидѣлъ напротивъ Багратіона съ другими старшинами и угощалъ князя, олицетворяя въ себѣ московское радушіе.

Труды его не пропали даромъ. Обѣды его, постный и скоромный, были великолѣпны, но совершенно спокоенъ онъ все-таки не могъ быть до конца обѣда. Онъ подмигивалъ буфетчику, шопотомъ приказывалъ лакеямъ, и не безъ волненія ожидалъ каждаго знакомаго ему блюда. Все было прекрасно. На второмъ блюдѣ, вмѣстѣ съ исполинскою стерлядью (увидавъ которую, Илья Андреичъ покраснѣлъ отъ радости и застѣнчивости), уже лакеи стали хлопать пробками и наливать шампанское. Послѣ рыбы, которая произвела нѣкоторое впечатлѣніе, графъ Илья Андреичъ переглянулся съ другими старшинами. „Много тостовъ будетъ, пора начинать!“ шепнулъ онъ и, взявъ бокалъ въ руки, всталъ. Всѣ замолкли и ожидали, что онъ скажетъ.

— Здоровье государя императора! крикнулъ онъ, и въ ту же минуту добрые глаза его увлажились слезами радости и восторга. Въ ту же минуту заиграли: „Громъ побѣды раздавайся“. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и закричали ура! И Багратіонъ закричалъ ура! тѣмъ же голосомъ, какимъ онъ кричалъ на Шенграбенскомъ полѣ. Восторженный голосъ молодаго Ростова былъ слышенъ изъ-за всѣхъ 300 голосовъ. Онъ чуть не плакалъ. „Здоровье государя императора“, кричалъ онъ, „ура!“ Выпивъ залпомъ свой бокалъ, онъ бросилъ его на полъ. Многіе послѣдовали его примѣру. И долго продолжались громкіе крики. Когда замолкли голоса, лакеи подобрали разбитую посуду, и всѣ стали усаживаться и, улыбаясь своему крику, переговариваться. Графъ Илья Андреичъ поднялся опять, взглянулъ на записочку, лежавшую подлѣ его тарелки и провозгласилъ тостъ за здоровье героя нашей послѣдней кампаніи, князя Петра Ивановича Багратіона, и опять голубые глаза графа увлажились слезами. „Ура!“ опять закричали голоса 300 гостей и вмѣсто музыки послышались пѣвчіе, пѣвшіе кантату сочиненія Павла Ивановича Кутузова.

«Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣдъ залогъ,
Есть у насъ Багратіоны,
Будутъ всѣ враги у ногъ» и т. д.

Только что кончили пѣвчіе, какъ послѣдовали новые и новые тосты, при которыхъ все больше и больше расчувствовался графъ Илья Андреичъ, и еще больше билось посуды, и еще больше кричалось. Пили за здоровье Беклешова, Нарышкина, Уварова, Долгорукова, Апраксина, Валуева, за здоровье старшинъ, за здоровье распорядителя, за здоровье всѣхъ членовъ клуба, за здоровье всѣхъ гостей клуба и наконецъ

отдѣльно за здоровье учредителя обѣда графа Ильи Андреича. При этомъ тостѣ графъ вынулъ платокъ и, закрывъ имъ лицо, совершенно расплакался.

IV.

Пьеръ сидѣлъ противъ Долохова и Николая Ростова. Онъ много и жадно ѣлъ и много пилъ, какъ и всегда. Но тѣ, которые его знали коротко, видѣли, что въ немъ произошла въ нынѣшній день какая-то большая перемѣна. Онъ молчалъ все время обѣда и, щурясь и морщась, глядѣлъ кругомъ себя или, остановивъ глаза, съ видомъ совершенной разсѣянности, потиралъ пальцемъ переносицу. Лицо его было уныло и мрачно. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего происходящаго вокругъ него и думалъ о чемъ-то одномъ, тяжеломъ и неразрѣшенномъ.

Этотъ неразрѣшенный мучившій его вопросъ, были намеки княжны въ Москвѣ на близость Долохова къ его женѣ, и въ нынѣшнее утро полученное имъ анонимное письмо, въ которомъ было сказано съ тою подлою шутливостью, которая свойственна всѣмъ анонимнымъ письмамъ, что онъ плохо видитъ сквозь свои очки, и что связь его жены съ Долоховымъ есть тайна только для одного его. Пьеръ рѣшительно не повѣрилъ ни намекамъ княжны, ни письму, но ему страшно было теперь смотрѣть на Долохова, сидѣвщаго предъ нимъ. Всякій разъ, какъ нечаянно взглядъ его встрѣчался съ прекрасными, наглыми глазами Долохова, Пьеръ чувствовалъ, какъ что-то ужасное, безобразное подымалось въ его душѣ, и онъ скорѣе отворачивался. Невольно вспоминая все прошедшее своей жены и ея отношенія съ Долоховымъ, Пьеръ видѣлъ ясно, что то, что̀ сказано было въ письмѣ, могло быть

правда, могло по крайней мѣрѣ казаться правдой, ежели бы это касалось не *его жены*. Пьеръ вспоминалъ невольно, какъ Долоховъ, которому было возвращено все послѣ кампаніи, вернулся въ Петербургъ и пріѣхалъ къ нему. Пользуясь своими кутежными отношеніями дружбы съ Пьеромъ, Долоховъ прямо пріѣхалъ къ нему въ домъ, и Пьеръ помѣстилъ его и далъ ему взаймы денегъ. Пьеръ вспоминалъ, какъ Элленъ, улыбаясь, выражала свое неудовольствіе за то, что Долоховъ живетъ въ ихъ домѣ, и какъ Долоховъ цинически хвалилъ ему красоту его жены и какъ онъ съ того времени, до пріѣзда въ Москву ни на минуту не разлучался съ ними.

„Да, онъ очень красивъ, думалъ Пьеръ, — я знаю его. Для него была бы особенная прелесть въ томъ, чтобъ осрамить мое имя и посмѣяться надо мной, именно потому, что я хлопоталъ за него и призрѣлъ его, помогъ ему. Я знаю, я понимаю, какую соль это въ его глазахъ должно бы придавать его обману, ежели бы это была правда. Да, ежели бы это была правда, но я не вѣрю, не имѣю права и не могу вѣрить“. Онъ вспоминалъ то выраженіе, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили минуты жестокости, какъ тѣ, въ которыя онъ связывалъ квартальнаго съ медвѣдемъ и пускалъ его на воду, или когда онъ вызывалъ безъ всякой причины на дуэль человѣка, или убивалъ изъ пистолета лошадь ямщика. Это выраженіе часто было на лицѣ Долохова, когда онъ смотрѣлъ на него. „Да, онъ бретёръ, думалъ Пьеръ, ему ничего не значитъ убить человѣка, ему должно казаться, что всѣ боятся его, ему должно быть пріятно это. Онъ долженъ думать, что и я боюсь его. И дѣйствительно, я боюсь его“, думалъ Пьеръ, и опять при этихъ мысляхъ онъ чувствовалъ, какъ что-то страшное и

безобразное поднималось въ его душѣ. Долоховъ, Денисовъ и Ростовъ сидѣли теперь противъ Пьера и казались очень веселы. Ростовъ весело переговаривался съ своими двумя пріятелями, изъ которыхъ одинъ былъ лихой гусаръ, другой извѣстный бретёръ и повѣса, и изрѣдка насмѣшливо поглядывалъ на Пьера, который на этомъ обѣдѣ поражалъ своею сосредоточенною, разсѣянною, массивною фигурой. Ростовъ недоброжелательно смотрѣлъ на Пьера, во-первыхъ, потому что Пьеръ, въ его гусарскихъ глазахъ, былъ штатскій богачъ, мужъ красавицы, вообще баба; во-вторыхъ, потому что Пьеръ въ сосредоточенности и разсѣянности своего настроенія не узналъ Ростова и не отвѣтилъ на его поклонъ. Когда стали пить здоровье государя, Пьеръ, задумавшись, не всталъ и не взялъ бокала.

— Что жъ вы? закричалъ ему Ростовъ, восторженно-озлобленными глазами глядя на него. — Развѣ вы не слышите: здоровье государя императора! Пьеръ, вздохнувъ, покорно всталъ, выпилъ свой бокалъ и, дождавшись когда всѣ сѣли, съ своей доброю улыбкой обратился къ Ростову.

— А я васъ и не узналъ, сказалъ онъ. Но Ростову было не до этого, онъ кричалъ ура!

— Что жъ ты не возобновишь знакомства, сказалъ Долоховъ Ростову.

— Богъ съ нимъ, дуракъ, сказалъ Ростовъ.

— Надо лелѣять мужей хорошенькихъ женщинъ, сказалъ Денисовъ. Пьеръ не слышалъ, что они говорили, но зналъ, что говорятъ про него. Онъ покраснѣлъ и отвернулся.

— Ну, теперь за здоровье красивыхъ женщинъ, сказалъ Долоховъ, и съ серьезнымъ выраженіемъ, но съ улыбающимися въ углахъ ртомъ, съ бокаломъ обратился къ Пьеру.

— За здоровье красивыхъ женщинъ, Петруша, и ихъ любовниковъ, сказалъ онъ.

Пьеръ, опустивъ глаза, пилъ изъ своего бокала, не глядя на Долохова и не отвѣчая ему. Лакей, раздававшій кантату Кутузова, положилъ листокъ Пьеру, какъ болѣе почетному гостю. Онъ хотѣлъ взять его, но Долоховъ перегнулся, выхватилъ листокъ изъ его руки и сталъ читать. Пьеръ взглянулъ на Долохова, зрачки его опустились: что-то страшное и безобразное, мутившее его во все время обѣда, поднялось и овладѣло имъ. Онъ нагнулся всѣмъ тучнымъ тѣломъ черезъ столъ.

— Не смѣйте брать! крикнулъ онъ.

Услыхавъ этотъ крикъ и увидавъ, къ кому онъ относился, Несвицкій и сосѣдъ съ правой стороны испуганно и поспѣшно обратились къ Безухову.

— Полно-те, полно, что вы? шептали испуганные голоса. Долоховъ посмотрѣлъ на Пьера свѣтлыми, веселыми, жестокими глазами, съ тою же улыбкой, какъ будто онъ говорилъ: „А, вотъ это я люблю“.

— Не дамъ, проговорилъ онъ отчетливо.

Блѣдный, съ трясущеюся губой, Пьеръ рванулъ листъ.

— Вы... вы... негодяй!... я васъ вызываю, проговорилъ онъ, и, двинувъ стулъ, всталъ изъ-за стола. Въ ту самую секунду, какъ Пьеръ сдѣлалъ это и произнесъ эти слова, онъ почувствовалъ, что вопросъ о виновности его жены, мучившій его эти послѣднія сутки, былъ окончательно и несомнѣнно рѣшенъ утвердительно. Онъ ненавидѣлъ ее и навсегда былъ разорванъ съ нею. Несмотря на просьбы Денисова, чтобы Ростовъ не вмѣшивался въ это дѣло, Ростовъ согласился быть секундантомъ Долохова, и послѣ стола пе-

реговорилъ съ Несвицкимъ, секундантомъ Безухаго, объ условіяхъ дуэли. Пьеръ уѣхалъ домой, а Ростовъ съ Долоховымъ и Денисовымъ до поздняго вечера просидѣли въ клубѣ, слушая цыганъ и пѣсенниковъ.

— Такъ до завтра, въ Сокольникахъ, сказалъ Долоховъ, прощаясь съ Ростовымъ на крыльцѣ клуба.

— И ты спокоенъ? спросилъ Ростовъ.

Долоховъ остановился.

— Вотъ видишь ли, я тебѣ въ двухъ словахъ открою всю тайну дуэли. Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завѣщанія да нѣжныя письма родителямъ, ежели ты думаешь о томъ, что тебя могутъ убить, ты — дуракъ и навѣрно пропалъ; а ты иди съ твердымъ намѣреніемъ его убить, какъ можно поскорѣе и повѣрнѣе, тогда все исправно. Какъ мнѣ говаривалъ нашъ костромской медвѣжатникъ: медвѣдя-то, говоритъ, какъ не бояться? да какъ увидишь его, и страхъ прошелъ; какъ бы только не ушелъ! Ну, такъ-то и я. До завтра, милый!

На другой день въ 8 часовъ утра, Пьеръ съ Несвицкимъ пріѣхали въ Сокольницкій лѣсъ и нашли тамъ уже Долохова, Денисова и Ростова. Пьеръ имѣлъ видъ человѣка, занятаго какими-то соображеніями, вовсе не касающимися до предстоящаго дѣла. Осунувшееся лицо его было желто. Онъ видимо не спалъ эту ночь. Онъ разсѣянно оглядывался вокругъ себя и морщился, какъ будто отъ яркаго солнца. Два соображенія исключительно занимали его: виновность его жены, въ которой послѣ безсонной ночи уже не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, и невинность Долохова, не имѣвшаго никакой причины беречь честь чужого для него человѣка. — „Можетъ быть, я бы то же самое сдѣлалъ бы на его

мѣстѣ", думалъ Пьеръ. „Даже навѣрное я бы сдѣлалъ то же самое; къ чему же эта дуэль, это убійство? Или я убью его, или онъ попадетъ мнѣ въ голову, въ локоть, въ колѣнку. Уйти отсюда, бѣжать, зарыться куда-нибудь", — приходило ему въ голову. Но именно въ тѣ минуты, когда ему приходили такія мысли, онъ съ особенно-спокойнымъ и разсѣяннымъ видомъ, внушавшимъ уваженіе смотрѣвшимъ на него, спрашивалъ: „Скоро ли, и готово ли?"

Когда все было готово, сабли воткнуты въ снѣгъ, означая барьеръ, до котораго слѣдовало сходиться, и пистолеты заряжены, Несвицкій подошелъ къ Пьеру.

— Я бы не исполнилъ своей обязанности, графъ, сказалъ онъ робкимъ голосомъ, и не оправдалъ бы того довѣрія и чести, которыя вы мнѣ сдѣлали, выбравъ меня своимъ секундантомъ, ежели бы я въ эту важную минуту, очень важную минуту, не сказалъ вамъ всей правды. Я полагаю, что дѣло это не имѣетъ достаточно причинъ, и что не стоитъ того, чтобы за него проливать кровь... Вы были не правы, не совсѣмъ правы, погорячились...

— Ахъ, да, ужасно глупо..., сказалъ Пьеръ.

— Такъ позвольте мнѣ передать ваше сожалѣніе, и я увѣренъ, что наши противники согласятся принять ваше извиненіе, сказалъ Несвицкій (такъ же, какъ и другіе участники дѣла и какъ и всѣ въ подобныхъ дѣлахъ, не вѣря еще, чтобы дѣло дошло до дѣйствительной дуэли). Вы знаете, графъ, гораздо благороднѣе сознать свою ошибку, чѣмъ довести дѣло до непоправимаго. Обиды ни съ одной стороны не было. Позвольте мнѣ переговорить...

— Нѣтъ, о чемъ же говорить? сказалъ Пьеръ, — все равно... Такъ готово? прибавилъ онъ. — Вы мнѣ скажите

только, какъ куда ходить, и стрѣлять куда? сказалъ онъ, неестественно-кротко улыбаясь. Онъ взялъ въ руки пистолетъ, сталъ разспрашивать о способѣ спуска, такъ какъ онъ до сихъ поръ не держалъ въ рукахъ пистолета, въ чемъ онъ не хотѣлъ сознаваться. — Ахъ, да, вотъ такъ, я знаю, я забылъ только, говорилъ онъ.

— Никакихъ извиненій, ничего рѣшительно, говорилъ Долоховъ Денисову, который съ своей стороны тоже сдѣлалъ попытку примиренія, и тоже подошелъ къ назначенному мѣсту.

Мѣсто для поединка было выбрано шагахъ въ 80-ти отъ дороги, на которой остались сани, на небольшой полянкѣ сосноваго лѣса, покрытой истаявшимъ отъ стоявшихъ последніе дни оттепелей снѣгомъ. Противники стояли шагахъ въ сорока другъ отъ друга, у краевъ поляны. Секунданты, размѣряя шаги, проложили отпечатавшіеся по мокрому, глубокому снѣгу слѣды отъ того мѣста, гдѣ они стояли, до сабель Несвицкаго и Денисова, означавшихъ барьеръ и воткнутыхъ въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Оттепель и туманъ продолжались; за сорокъ шаговъ ничего не было видно. Минуты три все было уже готово, и все-таки медлили начинать. Всѣ молчали.

V.

— Ну, начинать! сказалъ Долоховъ.

— Что жъ, сказалъ Пьеръ, все такъ же улыбаясь.

Становилось страшно. Очевидно было, что дѣло, начавшееся такъ легко, уже ничѣмъ не могло быть предотвращено, что оно шло само собою, уже независимо отъ воли людей,

и должно было совершиться. Денисовъ первый вышелъ впередъ до барьера и провозгласилъ:

— Такъ какъ противники отказались отъ примиренія, то не угодно ли начинать: взять пистолеты и по слову „три“ начинать сходиться.

— Р...разъ! Два! Три!... сердито прокричалъ Денисовъ и отошелъ въ сторону. Оба пошли по протоптаннымъ дорожкамъ все ближе и ближе, въ туманѣ узнавая другъ друга. Противники имѣли право, сходясь до барьера, стрѣлять, когда кто захочетъ. Долоховъ шелъ медленно, не поднимая пистолета, вглядываясь своими свѣтлыми, блестящими, голубыми глазами въ лицо своего противника. Ротъ его, какъ и всегда имѣлъ на себѣ подобіе улыбки.

— Такъ когда хочу, могу стрѣлять! сказалъ Пьеръ, при словѣ *три*, быстрыми шагами пошелъ впередъ, сбиваясь съ протоптанной дорожки и шагая по цѣльному снѣгу. Пьеръ держалъ пистолетъ, вытянувъ впередъ правую руку, видимо боясь какъ бы изъ этого пистолета не убить самого себя. Лѣвую руку онъ старательно отставлялъ назадъ, потому что ему хотѣлось поддержать ею правую руку, а онъ зналъ, что этого нельзя было. Пройдя шаговъ шесть и сбившись съ дорожки въ снѣгъ, Пьеръ оглянулся подъ ноги, опять быстро взглянулъ на Долохова и, потянувъ пальцемъ, какъ его учили, выстрѣлилъ. Никакъ не ожидая такого сильнаго звука, Пьеръ вздрогнулъ отъ своего выстрѣла, потомъ улыбнулся самъ своему впечатлѣнію и остановился. Дымъ, особенно густой отъ тумана, помѣшалъ ему видѣть въ первое мгновеніе; но другаго выстрѣла, котораго онъ ждалъ, не послѣдовало. Только слышны были торопливые шаги Долохова, и изъ-за дыма показалась его фигура. Одною рукою

онъ держался за лѣвый бокъ, другой сжималъ опущенный пистолетъ. Лицо его было блѣдно. Ростовъ подбѣжалъ и что-то сказалъ ему.

— Нѣ... нѣтъ, проговорилъ сквозь зубы Долоховъ, — нѣтъ, не кончено, и, сдѣлавъ еще нѣсколько падающихъ, ковыляющихъ шаговъ до самой сабли, упалъ на снѣгъ подлѣ нея. Лѣвая рука его была въ крови, онъ обтеръ ее о сюртукъ и оперся ею. Лицо его было блѣдно, нахмуренно и дрожало.

— Пожалу..., началъ Долоховъ, но не могъ сразу выговорить... пожалуйте, договорилъ онъ съ усиліемъ. Пьеръ, едва удерживая рыданія, побѣжалъ къ Долохову, и хотѣлъ уже перейти пространство, отдѣляющее барьеры, какъ Долоховъ крикнулъ: къ барьеру! и Пьеръ, понявъ въ чемъ дѣло, остановился у своей сабли. Только десять шаговъ раздѣляло ихъ. Долоховъ опустился головой къ снѣгу, жадно укусилъ снѣгъ, опять поднялъ голову, поправился, подобралъ ноги и сѣлъ, отыскивая прочный центръ тяжести. Онъ глоталъ холодный снѣгъ и сосалъ его; губы его дрожали, но все улыбаясь; глаза блестѣли усиліемъ и злобой послѣднихъ собранныхъ силъ. Онъ поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться.

— Бокомъ, закройтесь пистолетомъ, проговорилъ Несвицкій.

— Закройтесь! не выдержавъ, крикнулъ даже Денисовъ своему противнику.

Пьеръ съ кроткою улыбкой сожалѣнія и раскаянія, безпомощно разставивъ ноги и руки, прямо своею широкою грудью стоялъ предъ Долоховымъ и грустно смотрѣлъ на него. Денисовъ, Ростовъ и Несвицкій зажмурились. Въ одно и то же время они услыхали выстрѣлъ и злой крикъ Долохова.

— Мимо! крикнулъ Долоховъ и безсильно легъ на снѣгъ

лицомъ книзу. Пьеръ схватился за голову и, повернувшись назадъ, пошелъ въ лѣсъ, шагая цѣликомъ по снѣгу и вслухъ приговаривая непонятныя слова:

— Глупо... глупо! Смерть... ложь..., твердилъ онъ, морщась. Несвицкій остановилъ его и повезъ домой.

Ростовъ съ Денисовымъ повезли раненаго Долохова.

Долоховъ, молча, съ закрытыми глазами, лежалъ въ саняхъ и ни слова не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали; но, въѣхавъ въ Москву, онъ вдругъ очнулся, и съ трудомъ приподнявъ голову, взялъ за руку сидѣвшаго подлѣ себя Ростова. Ростова поразило совершенно-измѣнившееся и неожиданно восторженно-нѣжное выраженіе лица Долохова.

— Ну, что? какъ ты чувствуешь себя? спросилъ Ростовъ.

— Скверно! но не въ томъ дѣло. Другъ мой, сказалъ Долоховъ прерывающимся голосомъ, — гдѣ мы? Мы въ Москвѣ, я знаю. Я ничего, но я убилъ ее, убилъ... Она не перенесетъ этого... Она не перенесетъ...

— Кто? спросилъ Ростовъ.

— Мать моя. Моя мать, мой ангелъ, мой обожаемый ангелъ, мать, — и Долоховъ заплакалъ, сжимая руку Ростова. Когда онъ нѣсколько успокоился, онъ объяснилъ Ростову, что живетъ съ матерью, что ежели мать увидитъ его умирающимъ, она не перенесетъ этого. Онъ умолялъ Ростова ѣхать къ ней и приготовить ее.

Ростовъ поѣхалъ впередъ исполнять порученіе, и къ великому удивленію своему узналъ, что Долоховъ, этотъ буянъ, бретёръ-Долоховъ жилъ въ Москвѣ съ старушкой-матерью и горбатою сестрой, и былъ самый нѣжный сынъ и братъ.

VI.

Пьеръ въ послѣднее время рѣдко видѣлся съ женою съ глазу на глазъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ домъ ихъ постоянно бывалъ полонъ гостями. Въ слѣдующую ночь послѣ дуэли, онъ, какъ и часто дѣлалъ, не пошелъ въ спальню, а остался въ своемъ огромномъ, отцовскомъ кабинетѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ умеръ графъ Безухій.

Онъ прилегъ на диванъ и хотѣлъ заснуть для того, чтобы забыть все, что было съ нимъ, но онъ не могъ этого сдѣлать. Такая буря чувствъ, мыслей, воспоминаній вдругъ поднялась въ его душѣ, что онъ не только не могъ спать, но не могъ сидѣть на мѣстѣ и долженъ былъ вскочить съ дивана и быстрыми шагами ходить по комнатѣ. То ему представлялась она въ первое время послѣ женитьбы, съ открытыми плечами и усталымъ, страстнымъ взглядомъ, и тотчасъ же рядомъ съ нею представлялось красивое, наглое и твердо-насмѣшливое лицо Долохова, какимъ оно было на обѣдѣ, и то же лицо Долохова, блѣдное, дрожащее и страдающее, такимъ, какимъ оно было, когда онъ повернулся и упалъ на снѣгъ.

„Что жъ было? спрашивалъ онъ самъ себя. — Я убилъ *любовника;* да, убилъ любовника своей жены. Да, это было. Отчего? Какъ я дошелъ до этого?“ — Оттого, что ты женился на ней, отвѣчалъ внутренній голосъ.

„Но въ чемъ же я виноватъ? спрашивалъ онъ. — Въ томъ, что ты женился, не любя ея, въ томъ, что ты обманулъ и себя и ее“, — и ему живо представлялась та минута послѣ ужина у князя Василья, когда онъ сказалъ эти, не выходившія изъ него, слова: „Я васъ люблю“. — „Все отъ этого! Я и тогда чувствовалъ, думалъ онъ, я чувствовалъ тогда,

что это было не то, что я не имѣлъ на это права. Такъ и вышло“. — Онъ вспомнилъ медовый мѣсяцъ и покраснѣлъ при этомъ воспоминаніи. Особенно живо, оскорбительно и постыдно было для него воспоминаніе о томъ, какъ однажды, вскорѣ послѣ своей женитьбы, онъ въ 12 часу дня въ шелковомъ халатѣ пришелъ изъ спальни въ кабинетъ, и въ кабинетѣ засталъ главнаго управляющаго, который почтительно поклонился, поглядѣлъ на лицо Пьера, на его халатъ, и слегка улыбнулся, какъ бы выражая этою улыбкой почтительное сочувствіе счастію своего принципала.

„А сколько разъ я гордился ею, гордился ея величавою красотой, ея свѣтскимъ тактомъ, думалъ онъ; — гордился тѣмъ своимъ домомъ, въ которомъ она принимала весь Петербургъ, гордился ея неприступностію и красотой. Такъ вотъ чѣмъ я гордился?! Я тогда думалъ, что не понимаю ея. Какъ часто, вдумываясь въ ея характеръ, я говорилъ себѣ, что я виноватъ, что не понимаю ея, не понимаю этого всегдашняго спокойствія, удовлетворенности и отсутствія всякихъ пристрастій и желаній, а вся разгадка была въ томъ страшномъ словѣ, что она развратная женщина: сказалъ себѣ это страшное слово, и все стало ясно!“

„Анатоль ѣздилъ къ ней занимать у нея деньги и цѣловалъ ее въ голыя плечи. Она не давала ему денегъ, но позволяла цѣловать себя. Отецъ, шутя, возбуждалъ ея ревность; она съ спокойною улыбкой говорила, что она не такъ глупа, чтобы быть ревнивою: пусть дѣлаетъ, что хочетъ, говорила она про меня. Я спросилъ у нея однажды, не чувствуетъ ли она признаковъ беременности. Она засмѣялась презрительно и сказала, что она не дура, чтобы желать имѣть дѣтей, и что отъ меня дѣтей у нея не будетъ“.

Потомъ онъ вспомнилъ грубость, ясность ея мыслей и вульгарность выраженій, свойственныхъ ей, несмотря на ея воспитаніе въ высшемъ аристократическомъ кругу. „Я не какая-нибудь дура... поди самъ попробуй... убирайся“, говорила она. Часто, глядя на ея успѣхъ въ глазахъ старыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ, Пьеръ не могъ понять, отчего онъ не любилъ ея. „Да, я никогда не любилъ ея“, говорилъ себѣ Пьеръ; „я зналъ, что она развратная женщина“, повторялъ онъ самъ себѣ, но не смѣлъ признаться въ этомъ.

„И теперь Долоховъ: вотъ онъ сидитъ на снѣгу и насильно улыбается, и умираетъ, можетъ быть притворнымъ какимъ то молодечествомъ отвѣчая на мое раскаяніе!“

Пьеръ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свою внѣшнюю, такъ называемую слабость характера, не ищутъ повѣреннаго для своего горя. Онъ перерабатывалъ одинъ въ себѣ свое горе.

„Она во всемъ, во всемъ она одна виновата, говорилъ онъ самъ себѣ; — но что жъ изъ этого? Зачѣмъ я себя связалъ съ нею, зачѣмъ я ей сказалъ это: „Я васъ люблю“, которое было ложь и еще хуже, чѣмъ ложь, говорилъ онъ самъ себѣ. — Я виноватъ и долженъ нести... Что? Позоръ имени, несчастіе жизни? Э, все вздоръ, подумалъ онъ, — и позоръ имени и честь, все условно, все не зависимо отъ меня“.

„Людовика XVI казнили за то, что *они* говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ (пришло Пьеру въ голову), и они были правы съ своей точки зрѣнія, такъ же какъ правы и тѣ, которые за него умирали мученическою смертью и причисляли его въ лику святыхъ. Потомъ Робеспьера каз-

нили за то, что онъ былъ деспотъ. Кто правъ, кто виноватъ? Никто. А живъ — и живи: завтра умрешь, какъ могъ я умереть часъ тому назадъ. И стоитъ ли того мучиться, когда жить остается одну секунду въ сравненіи съ вѣчностью?" — Но въ ту минуту, когда онъ считалъ себя успокоеннымъ такого рода разсужденіями, ему вдругъ представлялась она, и въ тѣ минуты, когда онъ сильнѣе всего выказывалъ ей свою неискреннюю любовь, и онъ чувствовалъ приливъ крови къ сердцу, и долженъ былъ опять вставать, двигаться, и ломать, и рвать попадающіяся ему подъ руки вещи. „Зачѣмъ я сказалъ ей: Я васъ люблю"? все повторялъ онъ самъ себѣ. И повторивъ десятый разъ этотъ вопросъ, ему пришло въ голову Мольерово: mais que diable allait il faire dans cette galère? и онъ засмѣялся самъ надъ собою.

Ночью онъ позвалъ камердинера и велѣлъ укладываться, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Онъ не могъ представить себѣ, какъ бы онъ сталъ теперь говорить съ ней. Онъ рѣшилъ, что завтра онъ уѣдетъ и оставитъ ей письмо, въ которомъ объявитъ ей свое намѣреніе навсегда разлучиться съ нею.

Утромъ, когда камердинеръ, внося кофе, вошелъ въ кабинетъ, Пьеръ лежалъ на отоманкѣ и съ раскрытою книгой въ рукѣ спалъ.

Онъ очнулся и долго испуганно оглядывался, не въ силахъ понять, гдѣ онъ находится.

— Графиня приказала спросить, дома ли ваше сіятельство, спросилъ камердинеръ.

Но не успѣлъ еще Пьеръ рѣшиться на отвѣтъ, который онъ сдѣлаетъ, какъ сама графиня въ бѣломъ атласномъ халатѣ, шитомъ серебромъ, и въ простыхъ волосахъ (двѣ огромныя косы „діадемою" огибали два раза ея прелестную го-

лову) вошла въ комнату спокойно и величественно; только на мраморномъ, нѣсколько выпукломъ лбѣ ея была морщинка гнѣва. Она съ своимъ все выдерживающимъ спокойствіемъ не стала говорить при камердинерѣ. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней. Она дождалась, пока камердинеръ уставилъ кофе и вышелъ. Пьеръ робко чрезъ очки посмотрѣлъ на нее, и какъ заяцъ, окруженный собаками, прижимая уши, продолжаетъ лежать въ виду своихъ враговъ, такъ и онъ попробовалъ продолжать читать; но чувствовалъ, что это безсмысленно и невозможно, и опять робко взглянулъ на нее. Она не сѣла и съ презрительною улыбкой смотрѣла на него, ожидая пока выйдетъ камердинеръ.

— Это еще что? Чтò вы надѣлали? я васъ спрашиваю, сказала она строго.

— Я? чтò я? сказалъ Пьеръ.

— Вотъ храбрецъ отыскался! Ну, отвѣчайте, чтò это за дуэль? Чтò вы хотѣли этимъ доказать? Чтò? Я васъ спрашиваю. Пьеръ тяжело повернулся на диванѣ, открылъ ротъ, но не могъ отвѣтить.

— Коли вы не отвѣчаете, то я вамъ скажу..., продолжала Элленъ. — Вы вѣрите всему, чтò вамъ скажутъ. Вамъ сказали... Элленъ засмѣялась, — что Долоховъ мой любовникъ, сказала она по-французски, съ своею грубою точностью рѣчи, выговаривая слово „любовникъ“ какъ и всякое другое слово, — и вы повѣрили! Но, чтò же вы этимъ доказали? Чтò вы доказали этою дуэлью? То, что вы дуракъ, — такъ это всѣ знали! Къ чему это поведетъ? Къ тому, чтобъ я сдѣлась посмѣшищемъ всей Москвы; къ тому, чтобы всякій сказалъ, что вы въ пьяномъ видѣ, не помня себя, вызвали на дуэль человѣка, котораго вы безъ основанія ревнуете, —

Элень всё болѣе и болѣе возвышала голосъ и одушевлялась, — который лучше васъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Гм... гм..., мычалъ Пьеръ, морщась, не глядя на нее и не шевелясь ни однимъ членомъ.

— И почему вы могли повѣрить, что онъ мой любовникъ?... Почему? Потому что я люблю его общество? Ежели бы вы были умнѣе и пріятнѣе, то я бы предпочитала ваше.

— Не говорите со мной... умоляю, хрипло прошепталъ Пьеръ.

— Отчего мнѣ не говорить! Я могу говорить и смѣло скажу, что рѣдкая та жена, которая съ такимъ мужемъ, какъ вы, не взяла бы себѣ любовниковъ, а я этого не сдѣлала, сказала она. Пьеръ хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на нее странными глазами, которыхъ она не поняла, и опять легъ. Онъ физически страдалъ въ эту минуту: грудь его стѣсняло, и онъ не могъ дышать. Онъ зналъ, что ему надо что-то сдѣлать, чтобы прекратить это страданіе, но то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было слишкомъ страшно.

— Намъ лучше разстаться, проговорилъ онъ прерывисто.

— Разстаться, извольте, только ежели вы дадите мнѣ состояніе, сказала Элень... — Разстаться, вотъ чѣмъ испугали!

Пьеръ вскочилъ съ дивана и, шатаясь, бросился къ ней.

— Я тебя убью! закричалъ онъ и схвативъ со стола мраморную доску, съ неизвѣстною еще ему силой, сдѣлалъ шагъ къ ней и замахнулся на нее.

Лицо Элень сдѣлалось страшно: она взвизгнула и отскочила отъ него. Порода отца сказалась въ немъ. Пьеръ почувствовалъ увлеченіе и прелесть бѣшенства. Онъ бросилъ доску, разбилъ ее, и, съ раскрытыми руками подступая къ Элень, закричалъ: „Вонъ!!“ такимъ страшнымъ голо-

сомъ, что во всемъ домѣ съ ужасомъ услыхали этотъ крикъ. Богъ знаетъ, что бы сдѣлалъ Пьеръ въ эту минуту, еслибы Элёнъ не выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ недѣлю Пьеръ выдалъ женѣ довѣренность на управленіе всѣми великорусскими имѣніями, что составляло бо́льшую половину его состоянія, и одинъ уѣхалъ въ Петербургъ.

VII.

Прошло два мѣсяца послѣ полученія извѣстій въ Лысыхъ горахъ объ Аустерлицкомъ сраженіи и о погибели князя Андрея, и, несмотря на всѣ письма черезъ посольство и на всѣ розыски, тѣло его не было найдено, и его не было въ числѣ плѣнныхъ. Хуже всего для его родныхъ было то, что оставалась все-таки надежда на то, что онъ былъ поднятъ жителями на полѣ сраженія, и, можетъ быть, лежалъ выздоравливающій или умирающій гдѣ-нибудь одинъ, среди чужихъ и не въ силахъ дать о себѣ вѣсти. Въ газетахъ, изъ которыхъ впервые узналъ старый князь объ Аустерлицкомъ пораженіи, было написано, какъ и всегда, весьма кратко и неопредѣленно, о томъ, что русскіе послѣ блестящихъ баталій должны были отретироваться и ретираду производили въ совершенномъ порядкѣ. Старый князь понялъ изъ этого офиціальнаго извѣстія, что наши были разбиты. Черезъ недѣлю послѣ газеты, принесшей извѣстіе объ Аустерлицкой битвѣ, пришло письмо Кутузова, который извѣщалъ князя объ участи, постигшей его сына.

„Вашъ сынъ, въ моихъ глазахъ, писалъ Кутузовъ, съ зна-

менемъ въ рукахъ, впереди полка, палъ героемъ, достойнымъ своего отца и своего отечества. Къ общему сожалѣнію моему и всей арміи, до сихъ поръ неизвѣстно — живъ ли онъ, или нѣтъ. Себя и васъ надеждой льщу, что сынъ вашъ живъ, ибо въ противномъ случаѣ въ числѣ найденныхъ на полѣ сраженія офицеровъ, о коихъ списокъ мнѣ поданъ черезъ парламентеровъ, и онъ бы поименованъ былъ".

Получивъ это извѣстіе поздно вечеромъ, когда онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, старый князь, какъ и обыкновенно, на другой день пошелъ на свою утреннюю прогулку; но былъ молчаливъ съ прикащикомъ, садовникомъ и архитекторомъ и, хотя и былъ гнѣвенъ на видъ, ничего никому не сказалъ.

Когда въ обычное время княжна Марья вошла къ нему, онъ стоялъ за станкомъ и точилъ, но, какъ обыкновенно, не оглянулся на нее.

— А! княжна Марья! вдругъ сказалъ онъ неестественно и бросилъ стамеску. (Колесо еще вертѣлось отъ размаха. Княжна Марья долго помнила этотъ замирающій скрипъ колеса, который слился для нея съ тѣмъ, что послѣдовало).

Княжна Марья подвинулась къ нему, увидала его лицо, и что-то вдругъ опустилось въ ней. Глаза ея перестали видѣть ясно. Она по лицу отца, не грустному, не убитому, но злому и неестественно надъ собой работающему лицу, увидала, что вотъ-вотъ надъ ней повисло и задавитъ ее страшное несчастіе, худшее въ жизни, несчастіе, еще не испытанное ею, несчастіе непоправимое, непостижимое, смерть того, кого любишь.

— Батюшка! Андрей?... сказала неграціозная, неловкая княжна съ такою невыразимою прелестью печали и самозаб-

венія, что отецъ не выдержалъ ея взгляда и, всхлипнувъ, отвернулся.

— Получилъ извѣстіе. Въ числѣ плѣнныхъ нѣтъ, въ числѣ убитыхъ нѣтъ. Кутузовъ пишетъ, крикнулъ онъ пронзительно, какъ будто желая прогнать княжну этимъ крикомъ. — Убитъ!

Княжна не упала, съ ней не сдѣлалось дурноты. Она была уже блѣдна, но когда она услыхала эти слова, лицо ея измѣнилось, и что-то просіяло въ ея лучистыхъ, прекрасныхъ глазахъ. Какъ будто радость, высшая радость, независимая отъ печалей и радостей этого міра, разлилась сверхъ той сильной печали, которая была въ ней. Она забыла весь страхъ къ отцу, подошла къ нему, взяла его за руку, потянула къ себѣ и обняла за сухую, жилистую шею.

— Батюшка, сказала она. – Не отвертывайтесь отъ меня, будемъ-те плакать вмѣстѣ.

— Мерзавцы, подлецы! закричалъ старикъ, отстраняя отъ нея лицо. — Губить армію, губить людей! За что? Поди, поди, скажи Лизѣ.

Княжна безсильно опустилась въ кресло подлѣ отца и заплакала. Она видѣла теперь брата въ ту минуту, какъ онъ прощался съ ней и съ Лизой, съ своимъ нѣжнымъ и вмѣстѣ высокомѣрнымъ видомъ. Она видѣла его въ ту минуту, какъ онъ нѣжно и насмѣшливо надѣвалъ образокъ на себя. „Вѣрилъ ли онъ? Раскаялся ли онъ въ своемъ невѣріи? Тамъ ли онъ теперь? Тамъ ли, въ обители вѣчнаго спокойствія и блаженства?“ думала она.

— Батюшка, скажите мнѣ, какъ это было? спросила она сквозь слезы.

— Иди, иди, убитъ въ сраженіи, въ которомъ повели уби-

вать русскихъ лучшихъ людей и русскую славу. Идите, княжна Марья. Иди, и скажи Лизѣ. Я приду.

Когда княжна Марья вернулась отъ отца, маленькая княгиня сидѣла за работой, и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ внутренняго и счастливо-спокойнаго взгляда, свойственнаго только беременнымъ женщинамъ, посмотрѣла на княжну Марью. Видно было, что глаза ея не видали княжны Марьи, а смотрѣли вглубь — въ себя — во что-то счастливое и таинственное, совершающееся въ ней.

— Мари, сказала она, отстраняясь отъ пялецъ и переваливаясь назадъ, дай сюда твою руку. Она взяла руку княжны и положила ее себѣ на животъ.

Глаза ея улыбались, ожидая, губка съ усиками поднялась, и дѣтски-счастливо осталась поднятою.

Княжна Марья стала на колѣни предъ ней, и спрятала лицо въ складкахъ платья невѣстки.

— Вотъ — вотъ — слышишь? Мнѣ такъ странно. И знаешь, Мари, я очень буду любить его, сказала Лиза, блестящими, счастливыми глазами глядя на золовку. — Княжна Марья не могла поднять головы: она плакала.

— Что съ тобой, Маша?

— Ничего... такъ, мнѣ грустно стало... грустно объ Андреѣ, сказала она, отирая слезы о колѣни невѣстки. Нѣсколько разъ въ продолженіе утра княжна Марья начинала приготавливать невѣстку, и всякій разъ начинала плакать. Слезы эти, которыхъ причины не понимала маленькая княгиня, встревожили ее, какъ ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но безпокойно оглядывалась, отыскивая чего-то. Предъ обѣдомъ въ ея комнату вошелъ старый князь, котораго она всегда боялась, теперь съ особенно-неспокой-

нимъ, злымъ лицомъ, и, ни слова не сказавъ, вышелъ. Она посмотрѣла на княжну Марью, потомъ задумалась съ тѣмъ выраженіемъ глазъ устремленнаго внутрь себя вниманія, которое бываетъ у беременныхъ женщинъ, и вдругъ заплакала.

— Получили отъ Андрея что-нибудь? сказала она.

— Нѣтъ, ты знаешь, что еще не могло прійти извѣстіе, но батюшка безпокоится, и мнѣ страшно.

— Такъ ничего?

— Ничего, сказала княжна Марья, лучистыми глазами твердо глядя на невѣстку. Она рѣшилась не говорить ей, и уговорила отца скрыть полученіе страшнаго извѣстія отъ невѣстки до ея разрѣшенія, которое должно было быть на дняхъ. Княжна Марья и старый князь, каждый по-своему, носили и скрывали свое горе. Старый князь не хотѣлъ надѣяться: онъ рѣшилъ, что князь Андрей убитъ, и, несмотря на то, что онъ послалъ чиновника въ Австрію разыскивать слѣдъ сына, онъ заказалъ ему въ Москвѣ памятникъ, который намѣренъ былъ поставить въ своемъ саду, и всѣмъ говорилъ, что сынъ его убитъ. Онъ старался, не измѣняя, вести прежній образъ жизни, но силы измѣняли ему: онъ меньше ходилъ, меньше ѣлъ, меньше спалъ, и съ каждымъ днемъ дѣлался слабѣе. Княжна Марья надѣялась. Она молилась за брата, какъ за живаго, и каждую минуту ждала извѣстія о его возвращеніи.

VIII.

— Милый другъ, сказала маленькая княгиня утромъ 19-го марта послѣ завтрака, и губка ея съ усиками поднялась по старой привычкѣ; но какъ и во всѣхъ не только улыбкахъ,

въ звукахъ рѣчей, даже походкахъ въ этомъ домѣ со дня полученія страшнаго извѣстія была печаль, то и теперь улыбка маленькой княгини, поддавшейся общему настроенію, хотя и не знавшей его причины, — была такая, что она еще болѣе напоминала объ общей печали.

— Дружочекъ, боюсь, чтобъ отъ нынѣшняго фриштика (какъ называетъ его поваръ Фока), мнѣ бы не было дурно.

— А что съ тобой, моя душа? Ты блѣдна. Ахъ, ты очень блѣдна, испуганно сказала княжна Марья, своими тяжелыми, мягкими шагами подбѣгая къ невѣсткѣ.

— Ваше сіятельство, не послать ли за Марьей Богдановной? сказала одна изъ бывшихъ тутъ горничныхъ (Марья Богдановна была акушерка изъ уѣзднаго города, жившая въ Лысыхъ Горахъ уже другую недѣлю).

— И въ самомъ дѣлѣ, подхватила княжна Марья, — можетъ быть точно. Я пойду. Не бойся, мой ангелъ. Она поцѣловала Лизу и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — И кромѣ блѣдности, на лицѣ маленькой княгини выразился дѣтскій страхъ неотвратимаго физическаго страданія.

— Нѣтъ, это желудокъ; скажи, Маша, что желудокъ...

И княгиня заплакала дѣтски-страдальчески, капризно и даже нѣсколько притворно, ломая свои маленькія ручки. Княжна выбѣжала изъ комнаты за Марьей Богдановной.

— Боже мой! Боже мой! Ахъ! слышала она сзади себя.

Потирая полныя, небольшія, бѣлыя руки, ей на встрѣчу, съ значительно-спокойнымъ лицомъ, уже шла акушерка.

— Марья Богдановна! Кажется началось, сказала княжна Марья, испуганно-раскрытыми глазами глядя на бабушку.

— Ну, и слава Богу, княжна, не прибавляя шага, ска-

зала Марья Богдановна. — Вамъ, дѣвицамъ, про это знать не слѣдуетъ.

— Но какъ же изъ Москвы докторъ еще не пріѣхалъ? сказала княжна. (По желанію Лизы и князя Андрея къ сроку было послано въ Москву за акушеромъ, и его ждали каждую минуту.)

— Ничего, княжна, не безпокойтесь, сказала Марья Богдановна, — и безъ доктора все хорошо будетъ.

Черезъ пять минутъ княжна изъ своей комнаты услыхала, что несутъ что-то тяжелое. Она взглянула — офиціанты несли для чего-то въ спальню кожаный диванъ, стоявшій въ кабинетѣ князя Андрея. На лицахъ несшихъ людей было что-то торжественное и тихое.

Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ дома, изрѣдка отворяя дверь, когда проходили мимо, и приглядываясь къ тому, что происходило въ коридорѣ. Нѣсколько женщинъ тихими шагами проходили туда и оттуда, оглядывались на княжну и отворачивались отъ нея. Она не смѣла спрашивать, затворяла дверь, возвращалась къ себѣ, и то садилась въ свое кресло, то бралась за молитвенникъ, то становилась на колѣна предъ кіотомъ. Къ несчастію и удивленію своему, она чувствовала, что молитва не утишала ея волненія. Вдругъ дверь ея комнаты тихо отворилась, и на порогѣ ея показалась повязанная платкомъ ея старая няня, Прасковья Саввишна, почти никогда, вслѣдствіе запрещенія князя, не входившая къ ней въ комнату.

— Съ тобой, Машенька, пришла посидѣть, сказала няня, — да вотъ княжовы свѣчи вѣнчальныя предъ угодникомъ зажечь принесла, мой ангелъ, сказала она, вздохнувъ.

— Ахъ, какъ я рада, няня.

— Богъ милостивъ, голубка. — Няня засвѣтила предъ кіотомъ обвитыя золотомъ свѣчи и съ чулкомъ сѣла у двери. Княжна Марья взяла книгу и стала читать. Только когда слышались шаги или голоса, княжна испуганно, вопросительно, а няня успокоительно смотрѣли другъ на друга. Во всѣхъ концахъ дома было разлито и владѣло всѣми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя въ своей комнатѣ. По повѣрью, что чѣмъ меньше людей знаетъ о страданіяхъ родильницы, тѣмъ меньше она страдаетъ, всѣ старались притворяться незнающими; никто не говорилъ объ этомъ, но во всѣхъ людяхъ, кромѣ обычной степенности и почтительности хорошихъ манеръ, царствовавшихъ въ домѣ князя, видна была одна какая-то общая забота, смягченность сердца и сознаніе чего-то великаго, непостижимаго, совершающагося въ эту минуту.

Въ большой дѣвичьей не слышно было смѣха. Въ офиціантской всѣ люди сидѣли и молчали, на готовѣ чего-то. На дворнѣ жгли лучины и свѣчи и не спали. Старый князь, ступая на пятку, ходилъ по кабинету и послалъ Тихона къ Марьѣ Богдановнѣ спросить: что?

— Только скажи: князь приказалъ спросить — что? и приди скажи, что она скажетъ.

— Доложи князю, что роды начались, сказала Марья Богдановна, значительно посмотрѣвъ на посланнаго. Тихонъ пошелъ и доложилъ князю.

— Хорошо, сказалъ князь, затворяя за собою дверь, и Тихонъ не слыхалъ болѣе ни малѣйшаго звука въ кабинетѣ. Немного погодя, Тихонъ вошелъ въ кабинетъ какъ будто для того, чтобы поправить свѣчи. Увидавъ, что князь ле-

жалъ на диванѣ, Тихонъ посмотрѣлъ на князя, на его разстроенное лицо, покачалъ головой, молча приблизился къ нему и, поцѣловавъ его въ плечо, вышелъ, не поправивъ свѣчей и не сказавъ, зачѣмъ онъ приходилъ. Таинство торжественнѣйшее въ мірѣ продолжало совершаться. Прошелъ вечеръ, наступила ночь. И чувство ожиданія и смягченія сердечнаго предъ непостижимымъ не падало, а возвышалось. Никто не спалъ.

Была одна изъ тѣхъ мартовскихъ ночей, когда зима какъ будто хочетъ взять свое и высыпаетъ съ отчаянною злобой свои послѣдніе снѣга и бураны. Навстрѣчу нѣмца-доктора изъ Москвы, котораго ждали каждую минуту и за которымъ была выслана подстава на большую дорогу, къ повороту на проселокъ были высланы верховые съ фонарями, чтобы проводить его по ухабамъ и зажорамъ.

Княжна Марья уже давно оставила книгу; она сидѣла молча, устремивъ лучистые глаза на сморщенное, до малѣйшихъ подробностей знакомое, лицо няни, на прядку сѣдыхъ волосъ, выбившуюся изъ подъ платка, на висячій мѣшочекъ кожи подъ подбородкомъ.

Няня-Саввишна, съ чулкомъ въ рукахъ, тихимъ голосомъ разсказывала, сама не слыша и не понимая своихъ словъ, сотни разъ разсказанное о томъ, какъ покойница-княгиня въ Кишиневѣ рожала княжну Марью, съ крестьянской бабой-молдаванкой, вмѣсто бабушки.

— Богъ помилуетъ, никогда доктура не нужны, говорила она. Вдругъ порывъ вѣтра налегъ на одну изъ выставленныхъ рамъ комнаты (по волѣ князя всегда съ жаворонками выставлялось по одной рамѣ въ каждой комнатѣ), и отбивъ

плохо задвинутую задвижку, затрепалъ штофною гардиной и, пахнувъ холодомъ, снѣгомъ, задулъ свѣчу. Княжна Марья вздрогнула; няня, положивъ чулокъ, подошла къ окну и, высунувшись, стала ловить откинутую раму. Холодный вѣтеръ трепалъ концами ея платка и сѣдыми выбившимися прядями волосъ.

— Княжна-матушка, ѣдутъ по прешпекту кто-то! сказала она, держа раму и не затворяя ея. — Съ фонарями, должно дохтуръ...

— Ахъ, Боже мой! Слава Богу! сказала княжна Марья, — надо пойти встрѣтить его: онъ не знаетъ по-русски.

Княжна Марья накинула шаль и побѣжала навстрѣчу ѣхавшимъ. Когда она проходила переднюю, она въ окно видѣла, что какой-то экипажъ и фонари стояли у подъѣзда. Она вышла на лѣстницу. На столбикѣ перилъ стояла сальная свѣчка и текла отъ вѣтра. Офиціантъ Филиппъ, съ испуганнымъ лицомъ и съ другой свѣчей въ рукѣ, стоялъ ниже, на первой площадкѣ лѣстницы. Еще пониже, за поворотомъ, по лѣстницѣ слышны были подвигавшіеся шаги въ теплыхъ сапогахъ. И какой-то знакомый, какъ показалось княжнѣ Марьѣ, голосъ говорилъ что-то.

— Слава Богу! сказалъ голосъ. — А батюшка?

— Почивать легли, отвѣчалъ голосъ дворецкаго Демьяна, бывшаго уже внизу.

Потомъ еще что-то сказалъ голосъ, что-то отвѣтилъ Демьянъ, и шаги въ теплыхъ сапогахъ стали быстрѣе приближаться по невидному повороту лѣстницы. „Это Андрей! подумала княжна Марья. Нѣтъ, это не можетъ быть, это было бы слишкомъ необыкновенно, подумала она, и въ ту же минуту, какъ она думала это, на площадкѣ, на которой

стоялъ офиціантъ со свѣчой, показались лице и фигура князя Андрея въ шубѣ съ воротникомъ, обсыпаннымъ снѣгомъ. Да, это былъ онъ, но блѣдный и худой, и съ измѣненнымъ, странно-смягченнымъ, но тревожнымъ выраженіемъ лица. Онъ вошелъ на лѣстницу и обнялъ сестру.

— Вы не получили моего письма? спросилъ онъ, и не дожидаясь отвѣта, котораго бы онъ и не получилъ, потому что княжна не могла говорить, онъ вернулся, и съ акушеромъ, который вошелъ вслѣдъ за нимъ (онъ съѣхался съ нимъ на послѣдней станціи), быстрыми шагами опять вошелъ на лѣстницу и опять обнялъ сестру.

— Какая судьба! проговорилъ онъ. — Маша, милая! И скинувъ шубу и сапоги, пошелъ на половину княгини.

IX.

Маленькая княгиня лежала на подушкахъ, въ бѣломъ чепчикѣ. (Страданія только что отпустили ее). Черные волосы прядями вились у ея воспаленныхъ, вспотѣвшихъ щекъ; румяный, прелестный ротикъ съ губкой, покрытою черными волосиками, былъ раскрытъ, и она радостно улыбалась. Князь Андрей вошелъ въ комнату и остановился предъ ней, у изножья дивана, на которомъ она лежала. Блестящіе глаза, смотрѣвшіе дѣтски-испуганно и взволнованно, остановились на немъ, не измѣняя выраженія. „Я васъ всѣхъ люблю, я никому зла не дѣлала, за что́ я страдаю? помогите мнѣ“, говорило ея выраженіе. Она видѣла мужа, но не понимала значенія его появленія теперь предъ нею. Князь Андрей обошелъ диванъ и въ лобъ поцѣловалъ ее.

— Душенька моя, сказалъ онъ; слово, которое никогда

не говорить ей. — Богъ милостивъ... Она вопросительно, дѣтски-укоризненно посмотрѣла на него.

— Я отъ тебя ждала помощи, и ничего, ничего, и ты тоже! сказали ея глаза. Она не удивилась, что онъ пріѣхалъ; она не поняла того, что онъ пріѣхалъ. Его пріѣздъ не имѣлъ никакого отношенія до ея страданій и облегченія ихъ. Муки вновь начались, и Марья Богдановна посовѣтовала князю Андрею выйти изъ комнаты.

Акушеръ вошелъ въ комнату. Князь Андрей вышелъ и, встрѣтивъ княжну Марью, опять подошелъ къ ней. Они шопотомъ заговорили, но всякую минуту разговоръ замолкалъ. Они ждали и прислушивались.

— Иди, мой другъ, сказала княжна Марья. Князь Андрей опять пошелъ къ женѣ, и въ сосѣдней комнатѣ сѣлъ, дожидаясь. Какая-то женщина вышла изъ ея комнаты съ испуганнымъ лицомъ и смутилась, увидавъ князя Андрея. Онъ закрылъ лицо руками и просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ. Жалкіе, безпомощно-животные стоны слышались изъ-за двери. Князь Андрей всталъ, подошелъ къ двери и хотѣлъ отворить ее. Дверь держалъ кто-то.

— Нельзя, нельзя! проговорилъ оттуда испуганный голосъ. — Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Крики замолкли; еще прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ страшный крикъ, — не ея крикъ, она не могла такъ кричать, — раздался въ сосѣдней комнатѣ. Князь Андрей побѣжалъ къ двери; крикъ замолкъ, послышался крикъ ребенка.

— Зачѣмъ принесли туда ребенка? подумалъ въ первую секунду князь Андрей. — Ребенокъ? Какой?... Зачѣмъ тамъ ребенокъ? Или это родился ребенокъ?

Когда онъ вдругъ понялъ все радостное значеніе этого

крика, слезы задушили его и онъ, облокотившись обѣими руками на подоконникъ, всхлипывая, заплакалъ, какъ плачутъ дѣти. Дверь отворилась. Докторъ, съ засученными рукавами рубашки, безъ сюртука, блѣдный и съ трясущеюся челюстью, вышелъ изъ комнаты. Князь Андрей обратился къ нему, но докторъ растерянно взглянувъ на него и ни слова не сказавъ, прошелъ мимо. Женщина выбѣжала и, увидавъ князя Андрея, замялась на порогѣ. Онъ вошелъ въ комнату жены. Она мертвая лежала въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ видѣлъ ее пять минутъ тому назадъ, и то же выраженіе, несмотря на остановившіеся глаза и на блѣдность щекъ, было на этомъ прелестномъ дѣтскомъ личикѣ съ губкой, покрытою черными волосиками.

„Я васъ всѣхъ люблю и никому дурнаго не дѣлала, и что̀ вы со мной сдѣлали?“ говорило ея прелестное, жалкое, мертвое лицо. Въ углу комнаты хрюкнуло и пискнуло что-то маленькое, красное въ бѣлыхъ трясущихся рукахъ Марьи Богдановны.

Черезъ два часа послѣ этого князь Андрей тихими шагами вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Старикъ все уже зналъ. Онъ стоялъ у самой двери, и, какъ только она отворилась, старикъ молча старческими, жесткими руками, какъ тисками, обхватилъ шею сына и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Черезъ три дня отпѣвали маленькую княгиню, и, прощаясь съ нею, князь Андрей взошелъ на ступени гроба. И въ гробу было то же лицо, хотя и съ закрытыми глазами. „Ахъ, что̀ вы со мной сдѣлали?“ все говорило оно, и князь Андрей почувствовалъ, что въ душѣ его оторвалось что-то,

что онъ виноватъ въ винѣ, которую ему не поправить и не забыть. Онъ не могъ плакать. Старикъ тоже вошелъ и поцѣловалъ ея восковую ручку, спокойно и высоко лежащую на другой, и ему лицо ея сказало: „Ахъ, что и за что вы это со мной сдѣлали?“ И старикъ сердито отвернулся, увидѣвъ это лицо.

Еще черезъ пять дней крестили молодаго князя Николая Андреича. Мамушка подбородкомъ придерживала пеленки, въ то время, какъ гусинымъ перышкомъ священникъ мазалъ сморщенныя красныя ладони и ступеньки мальчика.

Крестный отецъ-дѣдъ, боясь уронить, вздрагивая, носилъ младенца вокругъ жестяной помятой купели и передавалъ его крестной матери, княжнѣ Марьѣ. Князь Андрей, замирая отъ страха, чтобъ не утопили ребенка, сидѣлъ въ другой комнатѣ, ожидая окончанія таинства. Онъ радостно взглянулъ на ребенка, когда ему вынесла его нянюшка, и одобрительно кивнулъ головой, когда нянюшка сообщила ему, что брошенный въ купель вощечокъ съ волосками не потонулъ, а поплылъ по купели.

X.

Участіе Ростова въ дуэли Долохова съ Безухимъ было замято стараніями стараго графа, и Ростовъ вмѣсто того, чтобы быть разжалованнымъ, какъ онъ ожидалъ, былъ опредѣленъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору. Вслѣдствіе этого онъ не могъ ѣхать въ деревню со всѣмъ семействомъ, а остался при своей новой должности все лѣто въ Москвѣ. Долоховъ выздоровѣлъ, и Ростовъ особенно сдружился съ нимъ въ это время его выздоровленія. Доло-

ковъ больной лежалъ у матери, страстно и нѣжно любившей его. Старушка Марья Ивановна, полюбившая Ростова за его дружбу къ Ѳедѣ, часто говорила ему про своего сына.

— Да, графъ, онъ слишкомъ благороденъ и чистъ душою, говаривала она, для нашего нынѣшняго, развращеннаго свѣта. Добродѣтели никто не любитъ, она всѣмъ глаза колетъ. Ну, скажите, графъ, справедливо это, честно это со стороны Безухаго? А Ѳедя по своему благородству любилъ его, и теперь никогда ничего дурнаго про него не говоритъ. Въ Петербургѣ эти шалости съ квартальнымъ, тамъ что-то шутили, вѣдь они вмѣстѣ дѣлали? Что жъ, Безухову ничего, а Ѳедя все на своихъ плечахъ перенесъ! Вѣдь что̀ онъ перенёсъ! Положимъ, возвратили, да вѣдь какъ же и не возвратить? Я думаю такихъ, какъ онъ, храбрецовъ и сыновъ отечества немного тамъ было. Что̀ жъ теперь — эта дуэль? Есть ли чувство, честь у этихъ людей! Зная, что онъ единственный сынъ, вызвать на дуэль и стрѣлять такъ прямо! Хорошо, что Богъ помиловалъ насъ. И за что̀ же? Ну, кто же въ наше время не имѣетъ интриги? Что̀ жъ, коли онъ такъ ревнивъ? Я понимаю, вѣдь онъ прежде могъ дать почувствовать, а то годъ вѣдь продолжалось. И что̀ же, вызвать на дуэль, полагая, что Ѳедя не будетъ драться, потому что онъ ему долженъ! Какая низость! Какая гадость! Я знаю, вы Ѳедю поняли, мой милый графъ, оттого-то я васъ душой люблю, вѣрьте мнѣ. Его рѣдкіе понимаютъ. Это такая высокая, небесная душа!

Самъ Долоховъ часто во время своего выздоровленія говорилъ Ростову такія слова, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него.

— Меня считаютъ злымъ человѣкомъ, я знаю, говаривалъ

онъ, — и пускай. Я никого знать не хочу кромѣ тѣхъ, кого люблю; но кого я люблю, того люблю такъ, что жизнь отдамъ, а остальныхъ передавлю всѣхъ, коли станутъ на дорогѣ. У меня есть обожаемая, неоцѣненная мать, два-три друга, ты въ томъ числѣ, а на остальныхъ я обращаю вниманіе только настолько, насколько они полезны или вредны. И всѣ почти вредны, въ особенности женщины. Да, душа моя, продолжалъ онъ, — мужчинъ я встрѣчалъ любящихъ, благородныхъ, возвышенныхъ; но женщинъ, кромѣ продажныхъ тварей — графинь или кухарокъ, все равно, — я не встрѣчалъ еще. Я не встрѣчалъ еще той небесной чистоты, преданности, которыхъ я ищу въ женщинѣ. Ежели бы я нашелъ такую женщину, я бы жизнь отдалъ за нее! А эти!... Онъ сдѣлалъ презрительный жестъ. И вѣришь ли мнѣ, ежели я еще дорожу жизнью, то дорожу только потому, что надѣюсь еще встрѣтить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило меня. Но ты не понимаешь этого.

— Нѣтъ, я очень понимаю, отвѣчалъ Ростовъ, находившійся подъ вліяніемъ своего новаго друга.

Осенью семейство Ростовыхъ вернулось въ Москву. Въ началѣ зимы вернулся и Денисовъ и остановился у Ростовыхъ. Это первое время зимы 1806 года, проведенное Николаемъ Ростовымъ въ Москвѣ, было одно изъ самыхъ счастливыхъ и веселыхъ для него и для всего его семейства. Николай привлекъ съ собой въ домъ родителей много молодыхъ людей. Вѣра была двадцатилѣтняя красивая дѣвица; Соня шестнадцатилѣтняя дѣвушка во всей прелести только-что распусти-

шагося цвѣтка; Наташа полубарышня, полудѣвочка, то дѣтски смѣшная, то дѣвически обворожительная.

Въ домѣ Ростовыхъ завелась въ это время какая-то особенная атмосфера любовности, какъ это бываетъ въ домѣ, гдѣ очень милыя и очень молодыя дѣвушки. Всякій молодой человѣкъ, пріѣзжавшій въ домъ Ростовыхъ, глядя на эти молодыя, воспріимчивыя, чему-то (вѣроятно своему счастію) улыбающіяся дѣвическія лица, на эту оживленную бѣготню, слушая этотъ непослѣдовательный, но ласковый ко всѣмъ, на все готовый, исполненный надежды лепетъ женской молодежи, слушая эти непослѣдовательные звуки, то пѣнія, то музыки, испытывалъ одно и то же чувство готовности къ любви и ожиданія счастія, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовыхъ.

Въ числѣ молодыхъ людей, введенныхъ Ростовымъ, былъ однимъ изъ первыхъ — Долоховъ, который понравился всѣмъ въ домѣ, исключая Наташи. За Долохова она чуть не поссорилась съ братомъ. Она настаивала на томъ, что онъ злой человѣкъ, что въ дуэли съ Безуховымъ Пьеръ былъ правъ, а Долоховъ виноватъ, что онъ непріятенъ и неестественъ.

— Нечего мнѣ понимать! съ упорнымъ своевольствомъ кричала Наташа, — онъ злой и безъ чувствъ. Вотъ вѣдь я же люблю твоего Денисова; онъ и кутила, и все, а я все-таки его люблю, стало-быть я понимаю. Не умѣю, какъ тебѣ сказать; у него все назначено, а я этого не люблю. Денисова...

— Ну, Денисовъ другое дѣло, отвѣчалъ Николай, давая чувствовать, что въ сравненіи съ Долоховымъ даже и Денисовъ былъ ничто, — надо понимать, какая душа у этого Долохова, надо видѣть его съ матерью; это такое сердце!

— Ужъ этого я не знаю, но съ нимъ мнѣ неловко. И ты знаешь ли, что онъ влюбился въ Соню?

— Какія глупости...

— Я увѣрена, вотъ увидишь.

Предсказаніе Наташи сбывалось. Долоховъ, не любившій дамскаго общества, сталъ часто бывать въ домѣ, и вопросъ о томъ, для кого онъ ѣздитъ, скоро (хотя и никто не говорилъ про это) былъ рѣшенъ такъ, что онъ ѣздитъ для Сони. И Соня, хотя никогда не посмѣла бы сказать этого, знала это и всякій разъ, какъ кумачъ, краснѣла при появленіи Долохова.

Долоховъ часто обѣдалъ у Ростовыхъ, никогда не пропускалъ спектакля, гдѣ они были, и бывалъ на балахъ „подростающихъ" у Іогеля, гдѣ всегда бывали Ростовы. Онъ оказывалъ преимущественное вниманіе Сонѣ и смотрѣлъ на нее такими глазами, что не только она безъ краски не могла выдержать этого взгляда, но и старая графиня и Наташа краснѣли, замѣтивъ этотъ взглядъ.

Видно было, что этотъ сильный, странный мужчина находился подъ неотразимымъ вліяніемъ, производимымъ на него этою черненькою, граціозною, любящею другаго дѣвочкой.

Ростовъ замѣчалъ что-то новое между Долоховымъ и Соней; но онъ не опредѣлялъ себѣ, какія это были новыя отношенія. „Они тамъ всѣ влюблены въ кого-то", думалъ онъ про Соню и Наташу. Но ему было не такъ, какъ прежде, ловко съ Соней и Долоховымъ, и онъ рѣже сталъ бывать дома...

Съ осени 1806 года опять все заговорило о войнѣ съ Наполеономъ, еще съ бо̀льшимъ жаромъ, чѣмъ въ прошломъ году. Назначенъ былъ не только наборъ 10 рекрутъ, но и

еще 9 ратниковъ съ тысячи. Повсюду проклинали анаѳемой Бонапартія, и въ Москвѣ только и толковъ было, что о предстоящей войнѣ. Для семейства Ростовыхъ весь интересъ этихъ приготовленій къ войнѣ заключался только въ томъ, что Николушка ни за что не соглашался оставаться въ Москвѣ, и выжидалъ только конца отпуска Денисова, съ тѣмъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ полкъ послѣ праздниковъ. Предстоящій отъѣздъ не только не мѣшалъ ему веселиться, но еще поощрялъ его къ этому. Большую часть времени онъ проводилъ внѣ дома, на обѣдахъ, вечерахъ и балахъ.

XI.

На третій день Рождества Николай обѣдалъ дома, что въ послѣднее время рѣдко случалось съ нимъ. Это былъ официіально-прощальный обѣдъ, такъ какъ онъ съ Денисовымъ уѣзжалъ въ полкъ послѣ Крещенья. Обѣдало человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ Долоховъ и Денисовъ.

Никогда въ домѣ Ростовыхъ любовный воздухъ, атмосфера влюбленности не давали себя чувсвовать съ такою силой, какъ въ эти дни праздниковъ. „Лови минуты счастія, заставляй себя любить, влюбляйся самъ! Только это одно есть настоящее на свѣтѣ — остальное все вздоръ. И этимъ однимъ мы здѣсь только и заняты“, говорила эта атмосфера.

Николай, какъ и всегда, замучивъ двѣ пары лошадей и то не успѣвъ побывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему надо было быть и куда его звали, пріѣхалъ домой предъ самымъ обѣдомъ. Какъ только онъ вошелъ, онъ замѣтилъ и почувствовалъ напряженность любовной атмосферы въ домѣ, но кромѣ того онъ замѣтилъ странное замѣшательство, царствующее между нѣкоторыми изъ членовъ общества. Осо-

бенно взволнованы были Соня, Долоховъ, старая графиня и немного Наташа. Николай понялъ, что что-то должно было случиться до обѣда между Соней и Долоховымъ, и, съ свойственною ему чуткостью сердца, былъ очень нѣженъ и осторожень во время обѣда въ обращеніи съ ними обоими. Въ этотъ же вечеръ третьяго дня праздниковъ долженъ былъ быть одинъ изъ тѣхъ баловъ у Іогеля (танцовальнаго учителя), которые онъ давалъ по праздникамъ для всѣхъ своихъ учениковъ и учениць.

— Николенька, ты поѣдешь къ Іогелю? Пожалуйста, поѣзжай, сказала ему Наташа, — онъ тебя особенно просилъ, и Василій Дмитричъ (это былъ Денисовъ) ѣдетъ.

— Куда я не поѣду по приказанію графини! сказалъ Денисовъ, шутливо поставившій себя въ домѣ Ростовыхъ на ногу рыцаря Наташи — pas de châle готовъ танцовать.

— Коли успѣю! Я обѣщалъ Архаровымъ, у нихъ вечеръ, сказалъ Николай.

— А ты?... обратился онъ къ Долохову. И только что спросилъ это, замѣтилъ, что этого не надо было спрашивать.

— Да, можетъ быть... холодно и сердито отвѣчалъ Долоховъ, взглянувъ на Соню; и, нахмурившись, точно такимъ взглядомъ, какимъ онъ на клубномъ обѣдѣ смотрѣлъ на Пьера, опять взглянулъ на Николая.

— Что-нибудь есть, подумалъ Николай и еще болѣе утвердился въ этомъ предположеніи тѣмъ, что Долоховъ тотчасъ же послѣ обѣда уѣхалъ. Онъ вызвалъ Наташу и спросилъ, что такое?

— А я тебя искала, сказала Наташа, выбѣжавъ къ нему. — Я говорила, ты все не хотѣлъ вѣрить, торжествующе сказала она, — онъ сдѣлалъ предложеніе Сонѣ.

Какъ ни мало занимался Николай Соней за это время, но что-то какъ бы оторвалось въ немъ, когда онъ услыхалъ это. Долоховъ былъ приличная и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ блестящая партія для безприданной сироты-Сони. Съ точки зрѣнія старой графини и свѣта нельзя было отказать ему. И потому первое чувство Николая, когда онъ услыхалъ это, было озлобленіе противъ Сони. Онъ приготавливался къ тому, чтобы сказать: „И прекрасно, разумѣется надо забыть дѣтскія обѣщанія и принять предложеніе“; но не успѣлъ онъ еще сказать этого.

— Можешь себѣ представить! она отказала, совсѣмъ отказала! заговорила Наташа. — Она сказала, что любитъ другаго, прибавила она, помолчавъ немного.

„Да иначе и не могла поступить моя Соня!“ подумалъ Николай.

— Сколько ее не просила мама, она отказала, и я знаю, она не перемѣнитъ, если что̀ сказала...

— А мама просила ее! съ упрекомъ сказалъ Николай.

— Да, сказала Наташа. — Знаешь, Николенька, не сердись; но я знаю, что ты на ней не женишься. Я знаю, Богъ знаетъ отчего, я знаю вѣрно, ты не женишься.

— Ну, этого ты никакъ не знаешь, сказалъ Николай; — но мнѣ надо поговорить съ ней. Что̀ за прелесть эта Соня! прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Это такая прелесть! Я тебѣ пришлю ее. И Наташа, поцѣловавъ брата, убѣжала.

Черезъ минуту вошла Соня, испуганная, растерянная и виноватая. Николай подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Это былъ первый разъ, что они въ этотъ пріѣздъ говорили съ глазу на глазъ и о своей любви.

— Софи, сказалъ онъ сначала робко, и потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, — ежели вы хотите отказаться не только отъ блестящей, отъ выгодной партіи; но онъ прекрасный, благородный человѣкъ... онъ мой другъ...

Соня перебила его.

— Я ужъ отказалась, сказала она поспѣшно.

— Ежели вы отказываетесь для меня, то я боюсь, что на мнѣ...

Соня опять перебила его. Она умоляющимъ, испуганнымъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Николенька, не говорите мнѣ этого, сказала она.

— Нѣтъ, я долженъ. Можетъ быть это самонадѣянность съ моей стороны, но все лучше сказать. Ежели вы откажетесь для меня, то я долженъ вамъ сказать всю правду. Я васъ люблю, я думаю, больше всѣхъ...

— Мнѣ и довольно, вспыхнувъ, сказала Соня.

— Нѣтъ, но я тысячу разъ влюблялся и буду влюбляться, хотя такого чувства дружбы, довѣрія, любви, я ни къ кому не имѣю, какъ къ вамъ. Потомъ я молодъ. Маменька не хочетъ этого. Ну, просто, я ничего не обѣщаю. И я прошу васъ подумать о предложеніи Долохова, сказалъ онъ, съ трудомъ выговаривая фамилію своего друга.

— Не говорите мнѣ этого. Я ничего не хочу. Я люблю васъ, какъ брата, и всегда буду любить, и больше мнѣ ничего не надо.

— Вы ангелъ, я васъ не стою, но я только боюсь обмануть васъ. — Николай еще разъ поцѣловалъ ея руку.

XII.

У Іогеля были самые веселые балы въ Москвѣ. Это говорили матушки, глядя на своихъ „подросточковъ", выдѣлывающихъ свои только-что выученные па; это говорили и сами подростки, танцовавшіе до упаду; это говорили взрослыя дѣвицы и молодые люди, пріѣзжавшіе на эти балы съ мыслію снизойти до нихъ и находя въ нихъ самое лучшее веселье. Въ этотъ же годъ на этихъ балахъ сдѣлалось два брака. Двѣ хорошенькія княжны Горчаковы нашли жениховъ и вышли замужъ, и тѣмъ еще болѣе пустили въ славу эти балы. Особеннаго на этихъ балахъ было то, что не было хозяина и хозяйки: былъ, какъ пухъ летающій, по правиламъ искусства расшаркивающійся, добродушный Іогель, который принималъ билетики за уроки отъ всѣхъ своихъ гостей; было то, что на эти балы еще ѣздили только тѣ, кто хотѣлъ танцовать и веселиться, какъ хотятъ этого, 13-ти и 14-ти-лѣтнія дѣвочки, въ первый разъ надѣвающія длинныя платья. Всѣ, за рѣдкими исключеніями, были или казались хорошенькими; такъ восторженно онѣ всѣ улыбались и такъ разгорались ихъ глазки. Иногда танцовывали даже pas de châle лучшія ученицы, изъ которыхъ лучшая была Наташа, отличавшаяся своею граціозностью; но на этомъ послѣднемъ балѣ танцовали только экосезы, англезы и только-что входящую въ моду мазурку. Зала была взята Іогелемъ въ домѣ Безухаго, и балъ очень удался, какъ говорили всѣ. Много было хорошенькихъ дѣвочекъ, и Ростовы барышни были изъ лучшихъ. Онѣ обѣ были особенно счастливы и веселы. Въ этотъ вечеръ Соня, гордая предложеніемъ Долохова, своимъ отказомъ и объясненіемъ съ Николаемъ, кружилась еще дома, не давая дѣвушкѣ

дочесать свои косы, и теперь насквозь свѣтилась порывистою радостью.

Наташа, не менѣе гордая тѣмъ, что она въ первый разъ была въ длинномъ платьѣ на настоящемъ балѣ, была еще счастливѣе. Обѣ были въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ съ розовыми лентами.

Наташа сдѣлалась влюблена съ самой той минуты, какъ она вошла на балъ. Она не была влюблена ни въ кого въ особенности, но влюблена была во всѣхъ. Въ того, на кого она смотрѣла въ ту минуту, какъ она смотрѣла, въ того она и была влюблена.

— Ахъ, какъ хорошо! все говорила она, подбѣгая къ Сонѣ.

Николай съ Денисовымъ ходили по заламъ, ласково и покровительственно оглядывая танцующихъ.

— Какъ она мила, красавица будетъ, сказалъ Денисовъ.

— Кто?

— Графиня Наташа, отвѣчалъ Денисовъ.

— И какъ она танцуетъ, — какая грація! помолчавъ немного, опять сказалъ онъ.

— Да про кого ты говоришь?

— Про сестру про твою, сердито крикнулъ Денисовъ.

Ростовъ усмѣхнулся.

— Любезный графъ, вы одинъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ. Вы должны танцовать, сказалъ маленькій Іогель, подходя къ Николаю. — Посмотрите, сколько хорошенькихъ дѣвушекъ! Онъ съ тою же просьбой обратился и къ Денисову, тоже своему бывшему ученику.

— Нѣтъ, мой милый, я лучше посижу для вида, сказалъ Денисовъ. — Развѣ вы не помните, какъ дурно я пользовался вашими уроками?

— О, нѣтъ! поспѣшно утѣшая его, сказалъ Іогель. — Вы только невнимательны были, а вы имѣли способности, да, вы имѣли способности.

Заиграли вновь вводившуюся мазурку. Николай не могъ отказать Іогелю и пригласилъ Соню. Денисовъ подсѣлъ къ старушкамъ, и, облокотившись на саблю, притопывая тактъ, что-то весело разсказывалъ и смѣшилъ старыхъ дамъ, поглядывая на танцующую молодежь. Іогель въ первой парѣ танцовалъ съ Наташей, своею гордостью и лучшею ученицей. Мягко, нѣжно перебирая своими ножками въ башмачкахъ, Іогель первымъ полетѣлъ по залѣ съ робѣвшею, но старательно выдѣлывающею па Наташей. Денисовъ не спускалъ съ нея глазъ и пристукивалъ саблей тактъ, съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что онъ самъ не танцуетъ только отъ того, что не хочетъ, а не отъ того, что не можетъ. Въ серединѣ фигуры онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо Ростова.

— Это совсѣмъ не то, сказалъ онъ. — Развѣ это польская мазурка? А отлично танцуетъ.

Зная, что Денисовъ и въ Польшѣ даже славился своимъ мастерствомъ плясать польскую мазурку, Николай подбѣжалъ къ Наташѣ.

— Поди, выбери Денисова. Вотъ танцуетъ! Чудо! сказалъ онъ.

Когда пришелъ опять чередъ Наташѣ, она встала, и быстро перебирая своими съ бантиками башмачками, робѣя, одна пробѣжала черезъ залу къ углу, гдѣ сидѣлъ Денисовъ. Она видѣла, что всѣ смотрятъ на нее и ждутъ. Николай видѣлъ, что Денисовъ и Наташа улыбаясь спорили, и что Денисовъ отказывался, но радостно улыбался. Онъ подбѣжалъ.

— Пожалуйста, Василій Дмитричъ, говорила Наташа, — пойдемте, пожалуйста.

— Да что, увольте, графиня, говорилъ Денисовъ.

— Ну, полно, Вася, сказалъ Николай.

— Точно кота Ваську уговариваютъ, шутя сказалъ Денисовъ.

— Цѣлый вечеръ вамъ буду пѣть, сказала Наташа.

— Волшебница все со мной сдѣлаетъ! сказалъ Денисовъ и отстегнулъ саблю. Онъ вышелъ изъ-за стульевъ, крѣпко взялъ за руку свою даму, приподнялъ голову и отставилъ ногу, ожидая такта. Только на конѣ и въ мазуркѣ не видно было маленькаго роста Денисова, и онъ представлялся тѣмъ самымъ молодцомъ, какимъ онъ самъ себя чувствовалъ. Выждавъ тактъ, онъ съ боку, побѣдоносно и шутливо взглянулъ на свою даму, неожиданно пристукнулъ одною ногой, и какъ мячикъ упруго отскочилъ отъ пола и полетѣлъ вдоль по кругу, увлекая за собой свою даму. Онъ неслышно летѣлъ половину залы на одной ногѣ, и, казалось, не видѣлъ стоявшихъ предъ нимъ стульевъ и прямо несся на нихъ; но вдругъ, прищелкнувъ шпорами и разставивъ ноги, останавливался на каблукахъ, стоялъ такъ секунду, съ грохотомъ шпоръ стучалъ на одномъ мѣстѣ ногами, быстро вертѣлся и, лѣвою ногой подщелкивая правую, опять летѣлъ по кругу. Наташа угадывала то, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать, и, сама не зная какъ, слѣдила за нимъ — отдаваясь ему. То онъ кружилъ ее, то на правой, то на лѣвой рукѣ, то падая на колѣна, обводилъ ее вокругъ себя, и опять вскакивалъ и пускался впередъ съ такою стремительностью, какъ будто онъ намѣренъ былъ, не переводя духа, перебѣжать черезъ всѣ комнаты; то вдругъ опять останавливался и дѣлалъ опять

новое и неожиданное колѣно. Когда онъ бойко, закруживъ даму предъ ея мѣстомъ, щелкнулъ шпорой, кланяясь предъ ней, Наташа даже не присѣла ему. Она съ недоумѣніемъ уставила на него глаза, улыбаясь, какъ будто не узнавая его.

— Что жъ это такое? проговорила она.

Несмотря на то, что Іогель не признавалъ эту мазурку настоящею, всѣ были восхищены мастерствомъ Денисова, безпрестанно стали выбирать его, и старики, улыбаясь, стали разговаривать про Польшу и про доброе старое время. Денисовъ, раскраснѣвшись отъ мазурки и отираясь платкомъ, подсѣлъ къ Наташѣ, и весь балъ не отходилъ отъ нея.

XIII.

Два дня послѣ этого, Ростовъ не видѣлъ Долохова у своихъ и не заставалъ его дома; на третій день онъ получилъ отъ него записку.

„Такъ какъ я въ домѣ у васъ бывать болѣе не намѣренъ, по извѣстнымъ тебѣ причинамъ, и ѣду въ армію, то нынче вечеромъ я даю моимъ пріятелямъ прощальную пирушку — пріѣзжай въ Англійскую гостинницу“. Ростовъ въ 10-мъ часу, изъ театра, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ своими и Денисовымъ, пріѣхалъ въ назначенный день въ Англійскую гостинницу. Его тотчасъ же провели въ лучшее помѣщеніе гостинницы, занятое на эту ночь Долоховымъ.

Человѣкъ двадцать толпилось около стола, предъ которымъ между двумя свѣчами сидѣлъ Долоховъ. На столѣ лежало золото и ассигнаціи, и Долоховъ металъ банкъ. Послѣ предложенія и отказа Сони, Николай еще не видался съ нимъ и испытывалъ замѣшательство при мысли о томъ, какъ они свидятся.

Свѣтлый, холодный взглядъ Долохова встрѣтилъ Ростова еще у двери, какъ будто онъ давно ждалъ его.

— Давно не видались, сказалъ онъ, — спасибо, что пріѣхалъ. Вотъ только домечу, и явится Илюшка съ хоромъ.

— Я къ тебѣ заѣзжалъ, сказалъ Ростовъ, краснѣя. Долоховъ не отвѣчалъ ему.

— Можешь поставить, сказалъ онъ.

Ростовъ вспомнилъ въ эту минуту странный разговоръ, который онъ имѣлъ разъ съ Долоховымъ. „Играть на счастіе могутъ только дураки", сказалъ тогда Долоховъ.

— Или ты боишься со мной играть? сказалъ теперь Долоховъ, какъ будто угадавъ мысль Ростова, и улыбнулся. Изъ-за улыбки его Ростовъ увидалъ въ немъ то настроеніе духа, которое было у него во время обѣда въ клубѣ и вообще въ тѣ времена, когда, какъ бы соскучившись ежедневною жизнью, Долоховъ чувствовалъ необходимость какимъ-нибудь страннымъ, большею частію жестокимъ, поступкомъ выходить изъ нея.

Ростову стало неловко; онъ искалъ и не находилъ въ умѣ своемъ шутки, которая отвѣтила бы на слова Долохова. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, Долоховъ, глядя прямо въ лицо Ростову, медленно и съ разстановкой, такъ, что всѣ могли слышать, сказалъ ему:

— А помнишь, мы говорили съ тобой про игру... дуракъ, кто на счастье хочетъ играть; играть надо навѣрное, а я хочу попробовать.

„Попробовать на счастіе или навѣрное?" подумалъ Ростовъ.

— Да и лучше не играй, прибавилъ онъ, и треснувъ разорванною колодой, прибавилъ: — Банкъ, господа!

Придвинувъ впередъ деньги, Долоховъ приготовился ме-

тать. Ростовъ сѣлъ подлѣ него и сначала не игралъ. Долоховъ взглядывалъ на него.

— Что жь не играешь? сказалъ Долоховъ. И странно, Николай почувствовалъ необходимость взять карту, поставить на нее незначительный кушъ и начать игру.

— Со мною денегъ нѣтъ, сказалъ Ростовъ.

— Повѣрю!

Ростовъ поставилъ 5 рублей на карту и проигралъ, поставилъ еще и опять проигралъ. Долоховъ убилъ, т. е. выигралъ десять картъ сряду у Ростова.

— Господа, сказалъ онъ, прометавъ нѣсколько времени, прошу класть деньги на карты, а то я могу спутаться въ счетахъ.

Одинъ изъ игроковъ сказалъ, что, онъ надѣется, ему можно повѣрить.

— Повѣрить можно, но боюсь спутаться; прошу класть деньги на карты, отвѣчалъ Долоховъ, — Ты не стѣсняйся, мы съ тобой сочтемся, прибавилъ онъ Ростову.

Игра продолжалась; лакей, не переставая, разносилъ шампанское.

Всѣ карты Ростова бились, и на него было написано до 800 рублей. Онъ надписалъ было надъ одной картой 800 рублей, но въ то время, какъ ему подавали шампанское, онъ раздумалъ и написалъ опять обыкновенный кушъ, двадцать рублей.

— Оставь, сказалъ Долоховъ, хотя онъ, казалось, и не смотрѣлъ на Ростова, — скорѣе отыграешься. Другимъ даю, а тебѣ бью. Иль ты меня боишься? повторилъ онъ.

Ростовъ повиновался, оставилъ написанные 800 и поставилъ семерку червей съ оторваннымъ уголкомъ, которую онъ

подняли съ земли. Онъ хорошо ее послѣ помнилъ. Онъ поставилъ семерку червей, надписавъ надъ ней отломанным мѣлкомъ 800, круглыми прямыми цифрами; выпилъ поданный стаканъ согрѣвшагося глинтвейна, улыбнулся на слова Долохова и, съ замираніемъ сердца ожидая семерки, сталъ смотрѣть на руки Долохова, державшаго колоду. Выигрышъ или проигрышъ этой семерки червей означалъ многое для Ростова. Въ воскресенье на прошлой недѣлѣ графъ Илья Андреичъ далъ своему сыну 2000 рублей, и онъ, никогда не любившій говорить о денежныхъ затрудненіяхъ, сказалъ ему, что деньги эти были послѣднія до мая, и что потому онъ просилъ сына быть на этотъ разъ поэкономнѣе. Николай сказалъ, что ему и это слишкомъ много, и что онъ даетъ честное слово не брать больше денегъ до весны. Теперь изъ этихъ денегъ оставалось 1200 рублей. Стало быть, семерка червей означала не только проигрышъ 1600 рублей, но и необходимость измѣненія данному слову. Онъ съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на руки Долохова и думалъ: „Ну, скорѣй, дай мнѣ эту карту, и я беру фуражку, уѣзжаю домой ужинать съ Денисовымъ, Наташей и Соней, и ужъ вѣрно никогда въ рукахъ моихъ не будетъ картъ“. Въ эту минуту домашняя жизнь его, шуточки съ Петей, разговоры съ Соней, дуэты съ Наташей, пикетъ съ отцомъ и даже спокойная постель въ Поварскомъ домѣ, съ такою силою, ясностью и прелестью представились ему, какъ будто все это было давно прошедшее, потерянное и неоцѣненное счастье. Онъ не могъ допустить, чтобы глупая случайность, заставивъ семерку лечь прежде направо, чѣмъ налѣво, могла бы лишить его всего этого вновь понятаго, вновь освѣщеннаго счастья и повергнуть его въ пучину еще неиспытаннаго и неопредѣленнаго

несчастія. Это не могло быть, но онъ все-таки ожидалъ съ замираніемъ движенія рукъ Долохова. Ширококостыя, красноватыя руки эти съ волосами, видневшимися изъ-подъ рубашки, положили колоду картъ и взялись за подаваемый стаканъ и трубку.

— Такъ ты не боишься со мной играть? повторилъ Долоховъ и какъ будто для того, чтобы разсказать веселую исторію, онъ положилъ карты, опрокинулся на спинку стула и медлительно съ улыбкой сталъ разсказывать.

— Да, господа, мнѣ говорили, что въ Москвѣ распущенъ слухъ, будто я шулеръ, поэтому совѣтую вамъ быть со мной осторожнѣе.

— Ну, мечи же! сказалъ Ростовъ.

— Охъ, московскія тетушки! сказалъ Долоховъ и съ улыбкой взялся за карты.

— Ааахъ! чуть не крикнулъ Ростовъ, поднимая обѣ руки къ волосамъ. Семерка, которая была нужна ему, уже лежала вверху, первою картой въ колодѣ. Онъ проигралъ больше того, что могъ заплатить.

— Однако ты не зарывайся, сказалъ Долоховъ, мелькомъ взглянувъ на Ростова, и продолжалъ метать.

XIV.

Черезъ полтора часа времени большинство игроковъ уже шутя смотрѣли на свою собственную игру.

Вся игра сосредоточивалась на одномъ Ростовѣ. Вмѣсто тысячи шестисотъ рублей за нимъ была записана длинная колонна цифръ, которую онъ считалъ до десятой тысячи, но которая теперь, какъ онъ смутно предполагалъ, возвысилась уже до пятнадцати тысячъ. Въ сущности запись уже

превышала двадцать тысячъ рублей. Долоховъ уже не слушалъ и не разсказывалъ исторій; онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ рукъ Ростова и бѣгло оглядывалъ изрѣдка свою запись за нимъ. Онъ рѣшилъ продолжать игру до тѣхъ поръ, пока запись эта не возрастетъ до сорока трехъ тысячъ. Число это было имъ выбрано потому, что сорокъ три составляло сумму сложенныхъ его годовъ съ годами Сони. Ростовъ, опершись головою на обѣ руки, сидѣлъ предъ исписаннымъ, залитымъ виномъ, заваленнымъ картами столомъ. Одно мучительное впечатлѣніе не оставляло его: эти ширококостыя, красноватыя руки съ волосами, видневшимися изъ-подъ рубашки, эти руки, которыя онъ любилъ и ненавидѣлъ, держали его въ своей власти.

„Шестьсотъ рублей, тузъ, уголъ, девятка... отыграться невозможно!... И какъ бы весело было дома... Валетъ на пé... это не можетъ быть!... И зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ со мной?..“ думалъ и вспоминалъ Ростовъ. Иногда онъ ставилъ большую карту; но Долоховъ отказывался бить ее, и самъ назначалъ кушъ. Николай покорялся ему, и то молился Богу, какъ онъ молился на полѣ сраженія на Амштетенскомъ мосту; то загадывалъ, что та карта, которая первая попадется ему въ руку изъ кучи изогнутыхъ картъ подъ столомъ, та спасетъ его; то разсчитывалъ, сколько было шнурковъ на его курткѣ и съ столькими же очками карту пытался ставить на весь проигрышъ, то за помощью оглядывался на другихъ играющихъ, то вглядывался въ холодное теперь лицо Долохова, и старался проникнуть, что въ немъ дѣлалось.

„Вѣдь онъ знаетъ, что значитъ для меня этотъ проигрышъ. Не можетъ же онъ желать моей погибели? Вѣдь онъ другъ былъ мнѣ. Вѣдь я его любилъ... Но и онъ не виноватъ;

что жъ ему дѣлать, когда ему везетъ счастіе? И я не виноватъ, говорилъ онъ самъ себѣ. — Я ничего не сдѣлалъ дурнаго. Развѣ я убилъ кого-нибудь, оскорбилъ, пожелалъ зла? За что же такое ужасное несчастіе? И когда оно началось? Еще такъ недавно я подходилъ къ этому столу съ мыслью выиграть сто рублей, купить мама къ именинамъ эту шкатулку и ѣхать домой. Я такъ былъ счастливъ, такъ свободенъ, веселъ! И я не понималъ тогда, какъ я былъ счастливъ! Когда же это кончилось, и когда началось это новое, ужасное состояніе? Чѣмъ ознаменовалась эта перемѣна? Я все такъ же сидѣлъ на этомъ мѣстѣ, у этого стола, и такъ же выбиралъ и выдвигалъ карты, и смотрѣлъ на эти ширококостыя, ловкія руки. Когда же это совершилось, и что такое совершилось? Я здоровъ, силенъ и все тотъ же, и все на томъ же мѣстѣ. Нѣтъ, это не можетъ быть! Вѣрно все это ничѣмъ не кончится“.

Онъ былъ красенъ, весь въ поту, несмотря на то, что въ комнатѣ не было жарко. И лицо его было страшно и жалко особенно по безсильному желанію казаться спокойнымъ.

Запись дошла до роковаго числа сорока трехъ тысячъ. Ростовъ приготовилъ карту, которая должна была идти угломъ отъ трехъ тысячъ рублей, только что данныхъ ему, когда Долоховъ стукнулъ колодой, отложилъ ее и, взявъ мѣлъ, началъ быстро своимъ четкимъ, крѣпкимъ почеркомъ, ломая мѣлокъ, подводить итогъ записи Ростова.

— Ужинать, ужинать пора! Вотъ и цыганы! Дѣйствительно съ своимъ цыганскимъ акцентомъ уже входили съ холода и говорили что-то какіе-то черные мужчины и женщины. Николай понималъ, что все было кончено; но онъ равнодушнымъ голосомъ сказалъ:

— Что же, не будешь еще? А у меня славная карточка приготовлена. Какъ будто болѣе всего его интересовало веселье самой игры.

„Все кончено, я пропалъ!“ думалъ онъ. „Теперь пуля въ лобъ — одно остается“, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ веселымъ голосомъ:

— Ну, еще одну карточку.

— Хорошо, отвѣчалъ Долоховъ, окончивъ итогъ, — хорошо! 21 рубль идетъ, сказалъ онъ указывая на цифру 21, рознившую ровный счетъ 43 тысячъ, и взявъ колоду, приготовился метать. Ростовъ покорно отогнулъ уголъ и вмѣсто приготовленныхъ 6000, старательно написалъ 21.

— Это мнѣ все равно, сказалъ онъ, — мнѣ только интересно знать, убьешь ты или дашь мнѣ эту десятку!

Долоховъ серьезно сталъ метать. О, какъ ненавидѣлъ Ростовъ въ эту минуту эти руки, красноватыя, съ короткими пальцами и съ волосами, видиѣвшимися изъ-подъ рубашки, имѣвшія его въ своей власти... Десятка была дана.

— За вами 43 тысячи, графъ, сказалъ Долоховъ и, потягиваясь, всталъ изъ-за стола. — А устаешь однако такъ долго сидѣть, сказалъ онъ.

— Да, и я тоже усталъ, сказалъ Ростовъ.

Долоховъ, какъ будто напоминая ему, что ему не прилично было шутить, перебилъ его:

— Когда прикажете получить деньги, графъ?

Ростовъ, вспыхнувъ, вызвалъ Долохова въ другую комнату.

— Я не могу вдругъ заплатить все, ты возьмешь вексель, сказалъ онъ.

— Послушай, Ростовъ, сказалъ Долоховъ, ясно улыбаясь и глядя въ глаза Николаю, — ты знаешь поговорку: „Счастливъ

въ любви, несчастливъ въ картахъ". Кузина твоя влюблена въ тебя. Я знаю.

„О! это ужасно чувствовать себя такъ во власти этого человѣка", думалъ Ростовъ. Ростовъ понималъ, какой ударъ онъ нанесетъ отцу, матери объявленіемъ этого проигрыша; онъ понималъ, какое бы было счастіе избавиться отъ всего этого, и понималъ, что Долоховъ знаетъ, что можетъ избавить его отъ этого стыда и горя, и теперь хочетъ еще играть съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Твоя кузина... хотѣлъ сказать Долоховъ; но Николай перебилъ его.

— Моя кузина тутъ не при чемъ, и о ней говорить нечего! крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Такъ когда получить? спросилъ Долоховъ.

— Завтра, сказалъ Ростовъ, и вышелъ изъ комнаты.

XV.

Сказать „завтра" и выдержать тонъ приличія было не трудно; но пріѣхать одному домой, увидать сестеръ, брата, мать, отца, признаваться и просить денегъ, на которыя не имѣешь права послѣ даннаго честнаго слова, было ужасно.

Дома еще не спали. Молодежь дома Ростовыхъ, воротившись изъ театра, поужинавъ, сидѣла у клавикордъ. Какъ только Николай вошелъ въ залу, его охватила та любовная, поэтическая атмосфера, которая царствовала въ эту зиму въ ихъ домѣ и которая теперь, послѣ предложенія Долохова и бала Іогеля, казалось, еще болѣе сгустилась, какъ воздухъ предъ грозой, надъ Соней и Наташей. Соня и Наташа въ голубыхъ платьяхъ, въ которыхъ онѣ были въ театрѣ, хорошенькія и знающія это, счастливыя, улыбаясь, стояли

у клавикордъ. Вѣра съ Шиншинымъ играла въ шахматы въ гостиной. Старая графиня, ожидая сына и мужа, раскладывала пасьянсъ съ старушкой-дворянкой, жившей у нихъ въ домѣ. Денисовъ съ блестящими глазами и взъерошенными волосами сидѣлъ, откинувъ ногу назадъ, у клавикордъ, и хлопая по нимъ своими коротенькими пальцами, бралъ аккорды, и закатывая глаза, своимъ маленькимъ, хриплымъ, но вѣрнымъ голосомъ пѣлъ сочиненное имъ стихотвореніе „Волшебница“, къ которому онъ пытался найти музыку.

Волшебница, скажи, какая сила
Влечетъ меня къ покинутымъ струнамъ;
Какой огонь ты въ сердце заронила,
Какой восторгъ разлился по перстамъ!

пѣлъ онъ страстнымъ голосомъ, блестя на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми, черными глазами.

— Прекрасно! отлично! кричала Наташа. — Еще другой куплетъ, говорила она, не замѣчая Николая.

„У нихъ все то же“, подумалъ Николай, заглядывая въ гостиную, гдѣ онъ увидалъ Вѣру и мать съ старушкой.

— А! вотъ и Николенька! Наташа подбѣжала къ нему.

— Папенька дома? спросилъ онъ.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ! не отвѣчая, сказала Наташа, — намъ такъ весело. Василій Дмитричъ остался для меня еще день, ты знаешь?

— Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ папа, сказала Соня.

— Коко, ты пріѣхалъ, поди ко мнѣ, дружокъ, сказалъ голосъ графини изъ гостиной. Николай подошелъ къ матери, поцѣловалъ ея руку и, молча подсѣвъ къ ея столу, сталъ смотрѣть на ея руки, раскладывавшія карты. Изъ залы все слышались смѣхъ и веселые голоса, уговаривавшіе Наташу.

— Ну хорошо, хорошо, закричалъ Денисовъ, — теперь нечего отговариваться, за вами баркаролла, умоляю васъ.

Графиня оглянулась на молчаливаго сына.

— Что съ тобой? спросила мать у Николая.

— Ахъ, ничего, сказалъ онъ, какъ будто ему уже надоѣлъ этотъ все одинъ и тотъ же вопросъ. — Папенька скоро пріѣдетъ?

— Я думаю.

„У нихъ все то же. Они ничего не знаютъ! Куда мнѣ дѣваться?“ подумалъ Николай и пошелъ опять въ залу, гдѣ стояли клавикорды.

Соня сидѣла за клавикордами и играла прелюдію той баркароллы, которую особенно любилъ Денисовъ. Наташа собиралась пѣть. Денисовъ восторженными глазами смотрѣлъ на нее.

Николай сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

„И вотъ охота заставлять ее пѣть! Что она можетъ пѣть? И ничего тутъ нѣтъ веселаго“, думалъ Николай.

Соня взяла первый аккордъ прелюдіи.

„Боже мой, я погибшій, я безчестный человѣкъ. Пулю въ лобъ, одно, что остается, а не пѣть“, подумалъ онъ. „Уйти? но куда же? все равно, пускай поютъ!“

Николай мрачно, продолжая ходить по комнатѣ, взглядывалъ на Денисова и дѣвочекъ, избѣгая ихъ взглядовъ.

— Николенька, что съ вами? спросилъ взглядъ Сони, устремленный на него. Она тотчасъ увидала, что что-нибудь случилось съ нимъ.

Николай отвернулся отъ нея. Наташа съ своею чуткостью тоже мгновенно замѣтила состояніе своего брата. Она замѣтила его, но ей самой такъ было весело въ ту минуту,

такъ далека она была отъ горя, грусти, упрековъ, что она (какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми) нарочно обманула себя. „Нѣтъ, мнѣ слишкомъ весело теперь, чтобы портить свое веселье сочувствіемъ чужому горю", почувствовала она, и сказала себѣ: „Нѣтъ я вѣрно ошибаюсь, онъ долженъ быть веселъ такъ же, какъ и я".

— Ну, Соня, сказала она и вышла на самую середину залы, гдѣ, по ея мнѣнію, лучше всего былъ резонансъ. Приподнявъ голову, опустивъ безжизненно повисшія руки, какъ это дѣлаютъ танцовщицы, Наташа, энергическимъ движеніемъ переступая съ каблучка на цыпочку, прошлась по серединѣ комнаты и остановилась.

„Вотъ она я!" как будто говорила она, отвѣчая на восторженный взглядъ Денисова, слѣдившаго за ней.

„И чему она радуется! подумалъ Николай, глядя на сестру. И какъ ей не скучно и не совѣстно!" Наташа взяла первую ноту, горло ея расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выраженіе. Она не думала ни о комъ, ни о чемъ въ эту минуту, и изъ въ улыбку сложеннаго рта полились звуки, тѣ звуки, которые можетъ производить въ тѣ же промежутки времени и въ тѣ же интервалы всякій, но которые тысячу разъ оставляютъ васъ холоднымъ, въ тысячу первый разъ заставляютъ васъ содрогаться и плакать.

Наташа въ эту зиму въ первый разъ начала серьезно пѣть и въ особенности оттого, что Денисовъ восторгался ея пѣніемъ. Она пѣла теперь не по-дѣтски; уже не было въ ея пѣніи этой комической, ребяческой старательности, которая была въ ней прежде; но она пѣла еще не хорошо, какъ говорили всѣ знатоки-судьи, которые ее слушали. „Не обработанъ, но прекрасный голосъ, надо обработать", говорили

все. Но говорили это обыкновенно уже гораздо после того, какъ замолкалъ ея голосъ. Въ то же время, когда звучалъ этотъ необработанный голосъ съ неправильными придыханіями и съ усиліями переходовъ, даже знатоки-судьи ничего не говорили, и только наслаждались этимъ необработаннымъ голосомъ, и только желали еще разъ услыхать его. Въ голосѣ ея была та дѣвственная нетронутость, то незнаніе своихъ силъ и та необработанная еще бархатность, которыя такъ соединились съ недостатками искусства пѣнія, что, казалось, нельзя было ничего измѣнить въ этомъ голосѣ, не испортивъ его.

„Что жъ это такое?" подумалъ Николай, услыхавъ ея голосъ и широко раскрывая глаза. „Что съ ней сдѣлалось? Какъ она поетъ нынче?" подумалъ онъ. И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и все въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: „Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два... три... разъ... Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ. Эхъ, жизнь наша дурацкая! думалъ Николай. Все это, и несчастье, и деньги, и Долоховъ, и злоба, и честь — все это вздоръ... а вотъ оно настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчикъ! ну, матушка!... какъ она этотъ si возьметъ? взяла! слава Богу! и онъ самъ, не замѣчая того, что онъ поетъ, чтобъ усилить этотъ si, взялъ втору въ терцію высокой ноты. Боже мой! какъ хорошо! Неужели это я взялъ? какъ счастливо!" подумалъ онъ.

О, какъ задрожала эта терція, и какъ тронулось что-то лучшее, что было въ душѣ Ростова. И это что-то было независимо отъ всего въ мірѣ, и выше всего въ мірѣ. Какіе тутъ проигрыши и Долоховы и честное слово!... Все вздоръ! Можно зарѣзать, украсть и все-таки быть счастливымъ...

XVI.

Давно уже Ростовъ не испытывалъ такого наслажденія отъ музыки, какъ въ этотъ день. Но какъ только Наташа кончила свою баркароллу, дѣйствительность опять вспомнилась ему. Онъ, ничего не сказавъ, вышелъ и пошелъ внизъ въ свою комнату. Черезъ четверть часа старый графъ, веселый и довольный, пріѣхалъ изъ клуба. Николай, услыхавъ его пріѣздъ, пошелъ къ нему.

— Ну, что, повеселился? сказалъ Илья Андреичъ, радостно и гордо улыбаясь на своего сына. Николай хотѣлъ сказать, что „да“, но не могъ: онъ чуть было не зарыдалъ. Графъ раскуривалъ трубку и не замѣтилъ состоянія сына.

„Эхъ, неизбѣжно!“ подумалъ Николай въ первый и послѣдній разъ. И вдругъ самымъ небрежнымъ тономъ, такимъ, что онъ самъ себѣ гадокъ казался, какъ будто онъ просилъ экипажа съѣздить въ городъ, онъ сказалъ отцу:

— Папа, а я къ вамъ за дѣломъ пришелъ. Я было и забылъ. Мнѣ денегъ нужно.

— Вотъ какъ, сказалъ отецъ, находившійся въ особенно веселомъ духѣ. — Я тебѣ говорилъ, что не достанетъ. Много ли?

— Очень много, краснѣя и съ глупою, небрежною улыбкой, которую онъ долго потомъ не могъ себѣ простить, сказалъ Николай. — Я немного проигралъ, т. е. много даже, очень много, 43 тысячи.

— Что? Кому?.. Шутишь! крикнулъ графъ, вдругъ апоплексически краснѣя шеей и затылкомъ, какъ краснѣютъ старые люди.

— Я обѣщалъ заплатить завтра, сказалъ Николай.

— Ну!... сказалъ старый графъ, разводя руками, и безсильно опустился на диванъ.

— Что же дѣлать! Съ кѣмъ это не случалось, сказалъ сынъ развязнымъ, смѣлымъ тономъ, тогда какъ въ душѣ своей онъ считалъ себя негодяемъ, подлецомъ, который цѣлою жизнью не могъ искупить своего преступленія. Ему хотѣлось бы цѣловать руки своего отца, на колѣняхъ просить его прощенія, а онъ небрежнымъ и даже грубымъ тономъ говорилъ, что это со всякимъ случается.

Графъ Илья Андреичъ опустилъ глаза, услыхавъ эти слова сына и заторопился, отыскивая что-то.

— Да, да, проговорилъ онъ, — трудно, я боюсь, трудно достать... съ кѣмъ не бывало! да, съ кѣмъ не бывало.. И графъ мелькомъ взглянулъ въ лицо сыну и пошелъ вонъ изъ комнаты... Николай готовился на отпоръ, но никакъ не ожидалъ этого.

— Папенька! па...пенька! закричалъ онъ ему вслѣдъ, рыдая; — простите меня! И, схвативъ руку отца, онъ прижался къ ней губами и заплакалъ.

Въ то время, какъ отецъ объяснялся съ сыномъ, у матери съ дочерью происходило не менѣе важное объясненіе. Наташа взволнованная прибѣжала къ матери.

— Мама!.. Мама!.. онъ мнѣ сдѣлалъ...

— Что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ, сдѣлалъ предложеніе. Мама! Мама! кричала она.

Графиня не вѣрила своимъ ушамъ. Денисовъ сдѣлалъ предложеніе. Кому? Этой крошечной дѣвочкѣ Наташѣ, ко-

торая еще недавно играла въ куклы и теперь еще брала уроки.

— Наташа, полно, глупости! сказала она, еще надѣясь, что это была шутка.

— Ну вотъ, глупости! Я вамъ дѣло говорю, сердито сказала Наташа. — Я пришла спросить, что̀ дѣлать, а вы мнѣ говорите: „глупости“...

Графиня пожала плечами.

— Ежели правда, что *Мосьё* Денисовъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то скажи ему, что онъ дуракъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, онъ не дуракъ, обиженно и серьезно сказала Наташа.

— Ну, такъ что̀ жъ ты хочешь? Вы нынче вѣдь всѣ влюблены. Ну, влюблена, такъ выходи за него замужъ, сердито смѣясь, проговорила графиня, — съ Богомъ.

— Нѣтъ, мама, я не влюблена въ него, должно быть не влюблена въ него.

— Ну, такъ такъ и скажи ему.

— Мама, вы сердитесь? Вы не сердитесь, голубушка, ну въ чемъ же я виновата?

— Нѣтъ, да что̀ же, мой другъ! Хочешь я пойду скажу ему, сказала графиня, улыбаясь.

— Нѣтъ, я сама, только научите. Вамъ все легко, прибавила она, отвѣчая на ея улыбку. А коли бы видѣли вы, какъ онъ мнѣ это сказалъ! Вѣдь я знаю, что онъ не хотѣлъ этого сказать, да ужъ нечаянно сказалъ.

— Ну, все-таки надо отказать.

— Нѣтъ, не надо. Мнѣ такъ его жалко! Онъ такой милый.

— Ну, такъ прими предложеніе. И то пора замужъ идти, сердито и насмѣшливо сказала мать.

— Нѣтъ, мама, мнѣ такъ жалко его. Я не знаю, какъ я скажу.

— Да тебѣ и нечего говорить, я сама скажу, сказала графиня, возмущенная тѣмъ, что осмѣлились смотрѣть какъ на большую, на эту маленькую Наташу.

— Нѣтъ, ни за что, я сама, а вы слушайте у двери, — и Наташа побѣжала черезъ гостиную въ залу, гдѣ на томъ же стулѣ, у клавикордъ, закрывъ лицо руками, сидѣлъ Денисовъ. Онъ вскочилъ на звукъ ея легкихъ шаговъ.

— Натали, сказалъ онъ, быстрыми шагами подходя къ ней, рѣшайте мою судьбу. Она въ вашихъ рукахъ!

— Василій Дмитричъ, мнѣ васъ такъ жалко!... Нѣтъ, но вы такой славный... но не надо... это... а такъ я васъ всегда буду любить.

Денисовъ нагнулся надъ ея рукою, и она услыхала странные, непонятные для нея звуки. Она поцѣловала его въ черную, спутанную, курчавую голову. Въ это время послышался поспѣшный шумъ платья графини. Она подошла къ нимъ.

— Василій Дмитричъ, я благодарю васъ за честь, сказала графиня смущеннымъ голосомъ, но который казался строгимъ Денисову, — но моя дочь такъ молода, и я думала, что вы, какъ другъ моего сына, обратитесь прежде ко мнѣ. Въ такомъ случаѣ вы не поставили бы меня въ необходимость отказа.

— Графиня!... сказалъ Денисовъ съ опущенными глазами и виноватымъ видомъ, хотѣлъ сказать что-то еще и запнулся.

Наташа не могла спокойно видѣть его такимъ жалкимъ. Она начала громко всхлипывать.

— Графиня, я виноватъ предъ вами, продолжалъ Дени-

совъ прерывающимся голосомъ, — но знайте, что такъ боготворю вашу дочь и все ваше семейство, что двѣ жизни отдамъ... Онъ посмотрѣлъ на графиню и замѣтилъ ея строгое лицо.... — Ну прощайте, графиня, сказалъ онъ, поцѣловалъ ея руку, и не взглянувъ на Наташу, быстрыми, рѣшительными шагами вышелъ изъ комнаты.

[illegible]

На другой день Ростовъ проводилъ Денисова, который не хотѣлъ болѣе ни одного дня оставаться въ Москвѣ. Денисова провожали у цыганъ всѣ его московскіе пріятели, и онъ не помнилъ, какъ его уложили въ сани и какъ везли первыя три станціи.

Послѣ отъѣзда Денисова, Ростовъ, дожидаясь денегъ, которыя не вдругъ могъ собрать старый графъ, провелъ еще двѣ недѣли въ Москвѣ, не выѣзжая изъ дому, и преимущественно въ комнатѣ барышенъ.

Соня была къ нему нѣжнѣе и преданнѣе, чѣмъ прежде. Она, казалось, хотѣла показать ему, что его проигрышъ былъ подвигъ, за который она теперь еще больше любитъ его; но Николай теперь считалъ себя недостойнымъ ея.

Онъ исписалъ альбомы дѣвочекъ стихами и нотами, и не простившись ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, отославъ наконецъ всѣ 43 тысячи и получивъ расписку Долохова, уѣхалъ въ концѣ ноября догонять полкъ, который уже былъ въ Польшѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Послѣ своего объясненія съ женой, Пьеръ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Торжкѣ на станціи не было лошадей или не хотѣлъ ихъ дать смотритель. Пьеръ долженъ былъ ждать. Онъ, не раздѣваясь, легъ на кожаный диванъ предъ круглымъ столомъ, положилъ на этотъ столъ свои большія ноги въ теплыхъ сапогахъ и задумался.

— Прикажете чемоданы внести? постель постелить, чаю прикажете? спрашивалъ камердинеръ.

Пьеръ не отвѣчалъ, потому что ничего не слыхалъ и не видѣлъ. Онъ задумался еще на прошлой станціи и все продолжалъ думать о томъ же — о столь важномъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило вокругъ него. Его не только не интересовало то, что онъ позже или раньше пріѣдетъ въ Петербургъ, или то, что будетъ или не будетъ ему мѣста отдохнуть на этой станціи, но ему все равно было, въ сравненіи съ тѣми мыслями, которыя его занимали теперь, пробудетъ ли онъ нѣсколько часовъ или всю жизнь на этой станціи.

Смотритель, смотрительша, камердинеръ, баба съ торжковскимъ шитьемъ заходили въ комнату, предлагая свои

услуги. Пьеръ, не перемѣняя своего положенія задранныхъ ногъ, смотрѣлъ на нихъ чрезъ очки, и не понималъ, что имъ можетъ быть нужно и какимъ образомъ всѣ они могли жить, не разрѣшивъ тѣхъ вопросовъ, которые занимали его. А его занимали все одни и тѣ же вопросы съ самаго того дня, какъ онъ послѣ дуэли вернулся изъ Сокольниковъ и провелъ первую, мучительную, безсонную ночь; только теперь, въ уединеніи путешествія, они съ особенною силой овладѣли имъ. О чемъ бы онъ ни начиналъ думать, онъ возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, которыхъ онъ не могъ разрѣшить и не могъ перестать задавать себѣ. Какъ будто въ головѣ его *свернулся* тотъ главный винтъ, на которомъ держалась вся его жизнь. Винтъ не входилъ дальше, не выходилъ вонъ, а вертѣлся, ничего не захватывая, все на томъ же нарѣзѣ, и нельзя было перестать вертѣть его.

Вошелъ смотритель и униженно сталъ просить его сіятельство подождать только два часика, послѣ которыхъ онъ для его сіятельства (что будетъ, то будетъ) дастъ курьерскихъ. Смотритель очевидно вралъ и хотѣлъ только получить съ проѣзжаго лишнія деньги. „Дурно ли это было, или хорошо? спрашивалъ себя Пьеръ. Для меня хорошо, для другаго проѣзжающаго дурно, а для него самаго неизбѣжно, потому что ему ѣсть нечего: онъ говорилъ, что его прибилъ за это офицеръ. А офицеръ прибилъ за то, что ему ѣхать надо было скорѣе. А я стрѣлялъ въ Долохова за то, что я счелъ себя оскорбленнымъ. А Людовика XVI казнили за то, что его считали преступникомъ, а черезъ годъ убили тѣхъ, кто его казнилъ, тоже за что-то. Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидѣть? Для чего жить, и что такое я?

Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляетъ всѣмъ?“ спрашивалъ онъ себя. И не было отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, кромѣ одного, нелогическаго отвѣта, вовсе не на эти вопросы. Отвѣтъ этотъ былъ: „умрешь — все кончится. Умрешь и все узнаешь, или перестанешь спрашивать“. Но и умереть было страшно.

Торжковская торговка визгливымъ голосомъ предлагала свой товаръ и въ особенности козловыя туфли. „У меня сотни рублей, которыхъ мнѣ некуда дѣть, а она въ прорванной шубѣ стоитъ и робко смотритъ на меня, думалъ Пьеръ. И зачѣмъ нужны ей эти деньги? Точно на одинъ волосъ могутъ прибавить ей счастья, спокойствія души, эти деньги. Развѣ можетъ что-нибудь въ мірѣ сдѣлать ее и меня менѣе подверженными злу и смерти? Смерть, которая все кончитъ и которая должна прійти нынче или завтра — все равно черезъ мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью“. И онъ опять нажималъ на ничего не захватывающій винтъ, и винтъ все такъ же вертѣлся на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Слуга его подалъ ему разрѣзанную до половины книгу романа въ письмахъ г-жи Сюза. Онъ сталъ читать о страданіяхъ и добродѣтельной борьбѣ какой-то „Амеліи Мансфельдъ“. „И зачѣмъ она боролась противъ своего соблазнителя, думалъ онъ, — когда она любила его? Не могъ Богъ вложить въ ея душу стремленія, противнаго Его волѣ. Моя бывшая жена не боролась и, можетъ быть, она была права. Ничего не найдено, опять говорилъ себѣ Пьеръ, ничего не придумано. Знать мы можемъ только то, что ничего не знаемъ. И это высшая степень человѣческой премудрости“.

Все въ немъ самомъ и вокругъ него представлялось ему запутаннымъ, безсмысленнымъ и отвратительнымъ. Но въ этомъ

самомъ отвращеніи ко всему окружающему Пьеръ находилъ своего рода раздражающее наслажденіе.

— Осмѣлюсь просить ваше сіятельство потѣсниться крошечку, вотъ для нихъ, сказалъ смотритель, входя въ комнату и вводя за собой другаго, остановленнаго за недостаткомъ лошадей, проѣзжающаго. Проѣзжающій былъ приземистый, ширококостый, желтый, морщинистый старикъ съ сѣдыми нависшими бровями надъ блестящими, неопредѣленнаго сѣроватаго цвѣта глазами.

Пьеръ снялъ ноги со стола, всталъ и перелегъ на приготовленную для него кровать, изрѣдка поглядывая на вошедшаго, который съ угрюмо-усталымъ видомъ, не глядя на Пьера, тяжело раздѣвался съ помощью слуги. Оставшись въ заношенномъ крытомъ нанкой тулупчикѣ и въ валеныхъ сапогахъ на худыхъ костлявыхъ ногахъ, проѣзжій сѣлъ на диванъ, прислонивъ къ спинкѣ свою очень большую и широкую въ вискахъ, коротко обстриженную голову, и взглянулъ на Безухаго. Строгое, умное и проницательное выраженіе этого взгляда поразило Пьера. Ему захотѣлось заговорить съ проѣзжающимъ, но когда онъ собрался обратиться къ нему съ вопросомъ о дорогѣ, проѣзжающій уже закрылъ глаза и, сложивъ сморщенныя старыя руки, на пальцѣ одной изъ которыхъ былъ большой чугунный перстень съ изображеніемъ Адамовой головы, неподвижно сидѣлъ, или отдыхая, или о чемъ-то глубокомысленно и спокойно размышляя, какъ показалось Пьеру. Слуга проѣзжающаго былъ весь покрытый морщинами, тоже желтый старичекъ, безъ усовъ и бороды, которые видимо не были сбриты, а никогда и не росли у него. Поворотливый старичекъ-слуга разбиралъ погребецъ, приготовлялъ чайный столъ и принесъ кипящій самоваръ. Когда

все было готово, проѣзжающій открылъ глаза, придвинулся къ столу и, наливъ себѣ одинъ стаканъ чаю, налилъ другой безбородому старичку и подалъ ему. Пьеръ начиналъ чувствовать безпокойство и необходимость, и даже неизбѣжность вступленія въ разговоръ съ этимъ проѣзжающимъ.

Слуга принесъ назадъ свой пустой, перевернутый стаканъ съ недокусаннымъ кусочкомъ сахара и спросилъ, не нужно ли чего.

— Ничего. Подай книгу, сказалъ проѣзжающій. Слуга подалъ книгу, которая показалась Пьеру духовною, и проѣзжающій углубился въ чтеніе. Пьеръ смотрѣлъ на него. Вдругъ проѣзжающій отложилъ книгу, заложивъ, закрылъ ее, и, опять закрывъ глаза и облокотившись на спинку, сѣлъ въ свое прежнее положеніе. Пьеръ смотрѣлъ на него и не успѣлъ отвернуться, какъ старикъ открылъ глаза и устремилъ свой твердый и строгій взглядъ прямо въ лицо Пьеру.

Пьеръ чувствовалъ себя смущеннымъ и хотѣлъ отклониться отъ этого взгляда, но блестящіе старческіе глаза неотразимо притягивали его къ себѣ.

II.

— Имѣю удовольствіе говорить съ графомъ Безуховымъ, ежели я не ошибаюсь, сказалъ проѣзжающій неторопливо и громко. Пьеръ, молча, вопросительно смотрѣлъ черезъ очки на своего собесѣдника. — Я слышалъ про васъ, продолжалъ проѣзжающій, — и про постигшее васъ, государь мой, несчастье. Онъ какъ бы подчеркнулъ послѣднее слово, какъ будто онъ сказалъ: „да, несчастье, какъ вы не называйте, я знаю что то, что случилось съ вами въ Москвѣ, было несчастье“. — Весьма сожалѣю о томъ, государь мой.

Пьеръ покраснѣлъ и, поспѣшно спустивъ ноги съ постели, нагнулся къ старику, неестественно и робко улыбаясь.

— Я не изъ любопытства упомянулъ вамъ объ этомъ, государь мой, но по болѣе важнымъ причинамъ. Онъ помолчалъ, не выпуская Пьера изъ своего взгляда, и подвинулся на диванѣ, приглашая этимъ жестомъ Пьера сѣсть подлѣ себя. Пьеру непріятно было вступать въ разговоръ съ этимъ старикомъ, но онъ, невольно покоряясь ему, подошелъ и сѣлъ подлѣ него.

— Вы несчастливы, государь мой, продолжалъ онъ. — Вы молоды, я старъ. Я бы желалъ по мѣрѣ моихъ силъ помочь вамъ.

— Ахъ, да, съ неестественною улыбкой сказалъ Пьеръ. — Очень вамъ благодаренъ... Вы откуда изволите проѣзжать? Лицо проѣзжающаго было неласково, даже холодно и строго, но, несмотря на то, и рѣчь и лицо новаго знакомца неотразимо-привлекательно дѣйствовали на Пьера.

— Но если по какимъ-либо причинамъ вамъ непріятенъ разговоръ со мною, сказалъ старикъ, — то вы такъ и скажите, государь мой. И онъ вдругъ улыбнулся неожиданно, отечески-нѣжною улыбкой.

— Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, напротивъ, я очень радъ познакомиться съ вами, сказалъ Пьеръ, и, взглянувъ еще разъ на руки новаго знакомца, ближе разсмотрѣлъ перстень. Онъ увидалъ на немъ Адамову голову — знакъ масонства.

— Позвольте мнѣ спросить, сказалъ онъ, — вы масонъ?

— Да, я принадлежу къ братству свободныхъ каменщиковъ, сказалъ проѣзжій, все глубже и глубже вглядываясь въ глаза Пьеру. — И отъ себя, и отъ ихъ имени протягиваю вамъ братскую руку.

— Я боюсь, сказалъ Пьеръ, улыбаясь и колеблясь между довѣріемъ, внушаемымъ ему личностью масона и привычкой насмѣшки надъ вѣрованіями масоновъ, — я боюсь, что я очень далекъ отъ пониманія, какъ это сказать, я боюсь, что мой образъ мыслей насчетъ всего мірозданія такъ противоположенъ вашему, что мы не поймемъ другъ друга.

— Мнѣ извѣстенъ вашъ образъ мыслей, сказалъ масонъ, — и тотъ вашъ образъ мыслей, о которомъ вы говорите, и который вамъ кажется произведеніемъ вашего мысленнаго труда, есть образъ мыслей большинства людей, есть однообразный плодъ гордости, лѣни и невѣжества. Извините меня, государь мой, ежели бы я не зналъ его, я бы не заговорилъ съ вами. Вашъ образъ мыслей есть печальное заблужденіе.

— Точно такъ же, какъ я могу предполагать, что и вы находитесь въ заблужденіи, сказалъ Пьеръ, слабо улыбаясь.

— Я никогда не посмѣю сказать, что я знаю истину, сказалъ масонъ, все болѣе и болѣе поражая Пьера своею опредѣленностью и твердостью рѣчи. — Никто одинъ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, милліонами поколѣній отъ праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога, сказалъ масонъ и закрылъ глаза.

— Я долженъ вамъ сказать, я не вѣрю, не... вѣрю въ Бога, съ сожалѣніемъ и усиліемъ сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость высказать всю правду.

Масонъ внимательно посмотрѣлъ на Пьера и улыбнулся, какъ улыбнулся бы богачъ, державшій въ рукахъ милліоны,

бѣдняку, который бы сказалъ ему, что нѣтъ у него, у бѣдняка, пяти рублей, могущихъ сдѣлать его счастіе.

— Да, вы не знаете Его, государь мой, сказалъ масонъ. — Вы не можете знать Его. Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны.

— Да, да, я несчастенъ, подтвердилъ Пьеръ, — но что жъ мнѣ дѣлать?

— Вы не знаете Его, государь мой, и оттого вы очень несчастны. Вы не знаете Его, а Онъ здѣсь, Онъ во мнѣ, Онъ въ моихъ словахъ, Онъ въ тебѣ, и даже въ тѣхъ кощунствующихъ рѣчахъ, которыя ты произнесъ сейчасъ, строгимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ масонъ.

Онъ помолчалъ и вздохнулъ, видимо стараясь успокоиться.

— Ежели бы Его не было, сказалъ онъ тихо, — мы бы съ вами не говорили о Немъ, государь мой. О чемъ, о комъ мы говорили? Кого ты отрицалъ? вдругъ сказалъ онъ съ восторженною строгостью и властью въ голосѣ. — Кто Его выдумалъ, ежели Его нѣтъ? Почему явилось въ тебѣ предположеніе, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь міръ предположили существованіе такого непостижимаго существа, существа всемогущаго, вѣчнаго и безконечнаго во всѣхъ своихъ свойствахъ?.. Онъ остановился и долго молчалъ.

Пьеръ не могъ и не хотѣлъ прерывать этого молчанія.

— Онъ есть, но понять Его трудно, заговорилъ опять масонъ, глядя не на лицо Пьера, а предъ собою, своими старческими руками, которыя отъ внутренняго волненія не могли оставаться спокойными, перебирая листы книги. — Ежели это былъ человѣкъ, въ существованіи котораго ты бы сомнѣвался, я бы привелъ къ тебѣ этого человѣка, взялъ бы его за руку и показалъ тебѣ. Но какъ я, ничтожный смерт-

ный, покажу все все могущество, всю вѣчность, всю благость Его тому, кто слѣпъ, или тому, кто закрываетъ глаза, чтобы не видать, не понимать Его, и не увидать, и не понять всю свою мерзость и порочность. Онъ помолчалъ. — Кто ты? Чтò ты? Ты мечтаешь о себѣ, что ты мудрецъ, потому что ты могъ произнести эти концунственныя слова, сказалъ онъ съ мрачною и презрительною усмѣшкой, — а ты глупѣе и безумнѣе малаго ребенка, который бы, играя частями искусно сдѣланныхъ часовъ, осмѣлился бы говорить, что потому, что онъ не понимаетъ назначенія этихъ часовъ, онъ и не вѣритъ въ мастера, который ихъ сдѣлалъ. Познать Его трудно. Мы вѣками, отъ праотца Адама и до нашихъ дней, работаемъ для этого познанія и на безконечность далеки отъ достиженія нашей цѣли; но въ непониманіи Его мы видимъ только нашу слабость и Его величіе...

Пьеръ съ замираніемъ сердца, блестящими глазами глядя въ лицо масона, слушалъ его, не перебивалъ, не спрашивалъ его, а всею душою вѣрилъ тому, чтò говорилъ ему этотъ чужой человѣкъ. Вѣрилъ ли онъ тѣмъ разумнымъ доводамъ, которые были въ рѣчи масона, или вѣрилъ, какъ вѣрятъ дѣти, интонаціямъ, убѣжденности и сердечности, которыя были въ рѣчи масона, дрожанію голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этимъ блестящимъ старческимъ глазамъ, состарившимся на томъ же убѣжденіи, или тому спокойствію, твердости и знанію своего назначенія, которыя свѣтились изъ всего существа масона, и которыя особенно сильно поражали его въ сравненіи съ своею опущенностью и безнадежностью; — но онъ всею душой желалъ вѣрить, и вѣрилъ, и испытывалъ радостное чувство успокоенія, обновленія и возвращенія къ жизни.

— Онъ не постигается умомъ, а постигается жизнью, сказалъ масонъ.

— Я не понимаю, сказалъ Пьеръ, со страхомъ чувствуя подымающееся въ себѣ сомнѣніе. Онъ боялся неясности и слабости доводовъ своего собесѣдника, онъ боялся не вѣрить ему. — Я не понимаю, сказалъ онъ, — какимъ образомъ умъ человѣческій не можетъ постигнуть того знанія, о которомъ вы говорите.

Масонъ улыбнулся своею кроткою, отеческою улыбкой.

— Высшая мудрость и истина есть какъ бы чистѣйшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себя, сказалъ онъ. — Могу ли я въ нечистый сосудъ воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу до извѣстной чистоты довести воспринимаемую влагу.

— Да, да, это такъ, радостно сказалъ Пьеръ.

— Высшая мудрость основана не на одномъ разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ физики, исторіи, химіи и т. д., на которыя распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку — науку всего, науку, объясняющую все мірозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка. Для того, чтобы вмѣстить въ себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ Божій, называемый совѣстью.

— Да, да, подтверждалъ Пьеръ.

— Погляди духовными глазами на своего внутренняго человѣка и спроси у самого себя, доволенъ ли ты собой. Чего ты достигъ, руководясь однимъ умомъ? Что ты такое? Вы

молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сдѣлали изъ всѣхъ этихъ благъ, данныхъ вамъ? Довольны ли собой и своею жизнью?

— Нѣтъ, я ненавижу свою жизнь, сморщась проговорилъ Пьеръ.

— Ты ненавидишь, такъ измѣни ее, очисти себя, и, по мѣрѣ очищенія, ты будешь познавать мудрость. Посмотрите на свою жизнь, государь мой. Какъ вы проводили ее? Въ буйныхъ оргіяхъ и развратѣ, все получая отъ общества и ничего не отдавая ему. Вы получили богатство. Какъ вы употребили его? Что вы сдѣлали для ближняго своего? Подумали ли вы о десяткахъ тысячъ вашихъ рабовъ, помогли ли вы имъ физически и нравственно? Нѣтъ. Вы пользовались ихъ трудами, чтобы вести распутную жизнь. Вотъ что вы сдѣлали. Избрали ли вы мѣсто служенія, гдѣ бы вы приносили пользу своему ближнему? Нѣтъ. Вы въ праздности проводили свою жизнь. Потомъ вы женились, государь мой, взяли на себя отвѣтственность въ руководствѣ молодой женщины, и что же вы сдѣлали? Вы не помогли ей, государь мой, найти путь истины, а ввергли ее въ пучину лжи и несчастья. Человѣкъ оскорбилъ васъ, и вы убили его, и вы говорите, что вы не знаете Бога, и что вы ненавидите свою жизнь. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, государь мой.

Послѣ этихъ словъ, масонъ, какъ бы уставъ отъ продолжительнаго разговора, опять облокотился на спинку дивана и закрылъ глаза. Пьеръ смотрѣлъ на это строгое, неподвижное, старческое, почти мертвое лицо, и беззвучно шевелилъ губами. Онъ хотѣлъ сказать: да, мерзкая, праздная, развратная жизнь, — и не смѣлъ прерывать молчаніе.

Масонъ хрипло, старчески прокашлялся и кликнулъ слугу.

— Что лошади? спросилъ онъ, не глядя на Пьера.

— Привели сдаточныхъ, отвѣчалъ слуга. — Отдыхать не будете?

— Нѣтъ, вели закладывать.

„Неужели же онъ уѣдетъ и оставитъ меня одного, не договоривъ всего и не обѣщавъ мнѣ помощи?“ думалъ Пьеръ, вставая и, опустивъ голову, изрѣдка взглядывая на масона и начиная ходить по комнатѣ. — „Да, я не думалъ этого, но я велъ презрѣнную, развратную жизнь, но я не любилъ ея, и не хотѣлъ этого, думалъ Пьеръ, — а этотъ человѣкъ знаетъ истину, и ежели бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы открыть мнѣ ее“. Пьеръ хотѣлъ и не смѣлъ сказать этого масону. Проѣзжающій, привычными, старческими руками уложивъ свои вещи, застегивалъ свой тулупчикъ. Окончивъ эти дѣла, онъ обратился къ Безухому, и равнодушно, учтивымъ тономъ, сказалъ ему:

— Вы куда теперь изволите ѣхать, государь мой?

— Я?.. Я въ Петербургъ, отвѣчалъ Пьеръ дѣтскимъ, нерѣшительнымъ голосомъ. — Я благодарю васъ. Я во всемъ согласенъ съ вами. Но вы не думайте, чтобъ я былъ такъ дуренъ. — Я всею душой желалъ быть тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли бы, чтобъ я былъ; но я ни въ комъ никогда не находилъ помощи... Впрочемъ, я самъ прежде всего виноватъ во всемъ. Помогите мнѣ, научите меня, и можетъ быть, я буду... Пьеръ не могъ говорить дальше; онъ засопѣлъ носомъ и отвернулся.

Масонъ долго молчалъ, видимо что-то обдумывая.

— Помощь дается токмо отъ Бога, сказалъ онъ, — но ту мѣру помощи, которую во власти подать нашъ орденъ, онъ подастъ вамъ, государь мой. Вы ѣдете въ Петербургъ, пере-

дайте это графу Вилларскому (онъ досталъ бумажникъ и на сложенномъ вчетверо большомъ листѣ бумаги написалъ нѣсколько словъ). Одинъ совѣтъ позвольте подать вамъ. Пріѣхавъ въ столицу, посвятите первое время уединенію, обсужденію самого себя, и не вступайте на прежніе пути жизни. Затѣмъ желаю вамъ счастливаго пути, государь мой, сказалъ онъ, замѣтивъ, что слуга его вошелъ въ комнату,— и успѣха...

Проѣзжающій былъ Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ, какъ узналъ Пьеръ по книгѣ смотрителя. Баздѣевъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ масоновъ и мартинистовъ еще Новиковскаго времени. Долго послѣ его отъѣзда Пьеръ, не ложась спать и не спрашивая лошадей, ходилъ по станціонной комнатѣ, обдумывая свое порочное прошедшее, и съ восторгомъ обновленія представляя себѣ свое блаженное, безупречное и добродѣтельное будущее, которое казалось ему такъ легко. Онъ былъ, какъ ему казалось, порочнымъ только потому, что онъ какъ-то случайно запамятовалъ, какъ хорошо быть добродѣтельнымъ. Въ душѣ его не оставалось ни слѣда прежнихъ сомнѣній. Онъ твердо вѣрилъ въ возможность братства людей, соединенныхъ съ цѣлью поддерживать другъ друга на пути добродѣтели; и такимъ представлялось ему масонство.

III.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пьеръ никого не извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ, никуда не выѣзжалъ, и сталъ цѣлые дни проводить за чтеніемъ Ѳомы Кемпійскаго, книги, которая неизвѣстно кѣмъ была доставлена ему. Одно и все одно понималъ Пьеръ, читая эту книгу; онъ понималъ неизвѣ-

данное еще имъ наслажденіе вѣрить въ возможность достиженія совершенства и въ возможность братской и дѣятельной любви между людьми, открытую ему Осипомъ Алексѣевичемъ. Черезъ недѣлю послѣ его пріѣзда, молодой польскій графъ Вилларскій, котораго Пьеръ поверхностно зналъ по петербургскому свѣту, вошелъ вечеромъ въ его комнату съ тѣмъ офиціальнымъ и торжественнымъ видомъ, съ которымъ входилъ къ нему секундантъ Долохова, и, затворивъ за собой дверь и убѣдившись, что въ комнатѣ никого кромѣ Пьера не было, обратился къ нему:

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ порученіемъ и предложеніемъ, графъ, сказалъ онъ ему, не садясь. — Особа, очень высоко поставленная въ нашемъ братствѣ, ходатайствовала о томъ, чтобъ вы были приняты въ братство ранѣе срока, и предложила мнѣ быть вашимъ поручителемъ. Я за священный долгъ почитаю исполненіе воли этого лица. Желаете ли вы вступить за моимъ поручительствомъ въ братство свободныхъ каменьщиковъ?

Холодный и строгій тонъ человѣка, котораго Пьеръ видѣлъ почти всегда на балахъ съ любезною улыбкою, въ обществѣ самыхъ блестящихъ женщинъ, поразилъ Пьера.

— Да, я желаю, сказалъ Пьеръ.

Вилларскій наклонилъ голову.

— Еще одинъ вопросъ, графъ, сказалъ онъ, — на который я васъ, не какъ будущаго масона, но какъ честнаго человѣка (galant homme) прошу со всею искренностью отвѣчать мнѣ: отреклись ли вы отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, вѣрите ли вы въ Бога?

Пьеръ задумался.

— Да... да, я вѣрю въ Бога, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ... началъ Вилларскій, но Пьеръ перебилъ его.

— Да, я вѣрю въ Бога, сказалъ онъ еще разъ.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ ѣхать, сказалъ Вилларскій. — Карета моя къ вашимъ услугамъ.

Всю дорогу Вилларскій молчалъ. На вопросы Пьера, что̀ ему нужно дѣлать и какъ отвѣчать, Вилларскій сказалъ только, что братья, болѣе его достойные, испытаютъ его, и что Пьеру больше ничего не нужно, какъ говорить правду.

Въѣхавъ въ ворота большаго дома, гдѣ было помѣщеніе ложи и пройдя по темной лѣстницѣ, они вошли въ освѣщенную небольшую прихожую, гдѣ безъ помощи прислуги сняли шубы. Изъ передней они прошли въ другую комнату. Какой-то человѣкъ въ странномъ одѣяніи показался у двери. Вилларскій, выйдя къ нему на встрѣчу, что-то тихо сказалъ ему по-французски, подошелъ къ небольшому шкафу, въ которомъ Пьеръ замѣтилъ невиданныя имъ одѣянія. Взявъ изъ шкафа платокъ, Вилларскій наложилъ его на глаза Пьеру и завязалъ узломъ сзади, больно захвативъ въ узелъ его волоса. Потомъ онъ притянулъ его къ себѣ, поцѣловалъ и, взявъ за руку, повелъ куда-то. Пьеру было больно отъ притянутыхъ узломъ волосъ, онъ морщился отъ боли и улыбался отъ стыда чего-то. Огромная фигура его съ опущенными руками, съ сморщенною и улыбающеюся физіономіей, невѣрными, робкими шагами подвигалась за Вилларскимъ.

Проведя его шаговъ десять, Вилларскій остановился.

— Что̀ бы ни случилось съ вами, сказалъ онъ, — вы должны съ мужествомъ переносить все, ежели вы твердо рѣшились вступить въ наше братство. (Пьеръ утвердительно отвѣчалъ наклоненіемъ головы.) Когда вы услышите стукъ въ двери,

вы развяжите себѣ глаза, прибавилъ Вилларскій; — желаю вамъ мужества и успѣха, и пожавъ руку Пьеру, Вилларскій вышелъ.

Оставшись одинъ, Пьеръ продолжалъ все такъ же улыбаться. Раза два онъ пожималъ плечами, подносилъ руку къ платку, какъ бы желая снять его, и опять опускалъ ее. Пять минутъ, которыя онъ пробылъ съ завязанными глазами, показались ему часомъ. Руки его отекли, ноги подкашивались, ему казалось, что онъ усталъ. Онъ испытывалъ самыя сложныя и разнообразныя чувства. Ему было и страшно того, что съ нимъ случится, и еще болѣе страшно того, какъ бы ему не выказать страха. Ему было любопытно узнать, что̀ будетъ съ нимъ, что̀ откроется ему; но болѣе всего ему было радостно, что наступила минута, когда онъ наконецъ вступитъ на тотъ путь обновленія и дѣятельно-добродѣтельной жизни, о которомъ онъ мечталъ со времени своей встрѣчи съ Осипомъ Алексѣевичемъ. Въ дверь послышались сильные удары. Пьеръ снялъ повязку и оглянулся вокругъ себя. Въ комнатѣ было черно-темно: только въ одномъ мѣстѣ горѣла лампада въ чемъ-то бѣломъ. Пьеръ подошелъ ближе и увидалъ, что лампада стояла на черномъ столѣ, на которомъ лежала одна раскрытая книга. Книга была Евангеліе; то бѣлое, въ чемъ горѣла лампада, былъ человѣчій черепъ съ своими дырами и зубами. Прочтя первыя слова Евангелія: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу“, Пьеръ обошелъ столъ и увидалъ большой, наполненный чѣмъ-то и открытый ящикъ. Это былъ гробъ съ костями. Его нисколько не удивило то, что̀ онъ увидалъ. Надѣясь вступить въ совершенно новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, онъ ожидалъ всего необыкновеннаго, еще болѣе необыкновеннаго, чѣмъ то, что̀ онъ видѣлъ. Че-

реть, гробъ, Евангеліе — ему казалось, что онъ ожидалъ всего этого, ожидалъ еще большаго. Стараясь вызвать въ себѣ чувство умиленія, онъ смотрѣлъ вокругъ себя. — „Богъ, смерть, любовь, братство людей“, говорилъ онъ себѣ, связывая съ этими словами смутныя, но радостныя представленія чего-то. Дверь отворилась, и кто-то вошелъ.

При слабомъ свѣтѣ, къ которому однако уже успѣлъ Пьеръ приглядѣться, вошелъ невысокій человѣкъ. Видимо съ свѣта войдя въ темноту, человѣкъ этотъ остановился; потомъ осторожными шагами онъ подвинулся къ столу и положилъ на него небольшія, закрытыя кожаными перчатками руки.

Невысокій человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ бѣлый, кожаный фартукъ, прикрывавшій его грудь и часть ногъ, на шеѣ было надѣто что-то въ родѣ ожерелья, и изъ-за ожерелья выступалъ высокій, бѣлый жабо, окаймлявшій его продолговатое лицо, освѣщенное снизу.

— Для чего вы пришли сюда? спросилъ вошедшій, по шороху, сдѣланному Пьеромъ, обращаясь въ его сторону. — Для чего вы, невѣрующій въ истины свѣта и не видящій свѣта, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы отъ насъ? Премудрости, добродѣтели, просвѣщенія?

Въ ту минуту, какъ дверь отворилась и вошелъ неизвѣстный человѣкъ, Пьеръ испыталъ чувство страха и благоговѣнія, подобное тому, которое онъ въ дѣтствѣ испытывалъ на исповѣди: онъ почувствовалъ себя съ глазу на глазъ съ совершенно чужимъ по условіямъ жизни и съ близкимъ по братству людей человѣкомъ. Пьеръ съ захватывающимъ дыханіе біеніемъ сердца подвинулся къ ритору (такъ назывался въ масонствѣ братъ, приготовляющій *ищущаго* къ вступленію въ братство). Пьеръ, подойдя ближе, узналъ въ риторѣ

знакомаго человѣка, Смольянинова, но ему оскорбительно было думать, что вошедшій былъ знакомый человѣкъ: вошедшій былъ только братъ и добродѣтельный наставникъ. Пьеръ долго не могъ выговорить слова, такъ что риторъ долженъ былъ повторить свой вопросъ.

— Да, я... я... хочу обновленія, съ трудомъ выговорилъ Пьеръ.

— Хорошо, сказалъ Смольяниновъ, и тотчасъ же продолжалъ: — Имѣете ли вы понятіе о средствахъ, которыми нашъ святой орденъ поможетъ вамъ въ достиженіи вашей цѣли?... сказалъ риторъ спокойно и быстро.

— Я... надѣюсь... руководства... помощи... въ обновленіи, сказалъ Пьеръ съ дрожаніемъ голоса и съ затрудненіемъ въ рѣчи, происходящимъ и отъ волненія, и отъ непривычки говорить по-русски объ отвлеченныхъ предметахъ.

— Какое понятіе вы имѣете о франкъ-масонствѣ?

— Я подразумѣваю, что франкъ-масонство есть fraternité (братство) и равенство людей съ добродѣтельными цѣлями, сказалъ Пьеръ, стыдясь, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, несоотвѣтственности своихъ словъ съ торжественностью минуты. — Я подразумѣваю...

— Хорошо, сказалъ риторъ поспѣшно, видимо вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ. — Искали ли вы средствъ къ достиженію своей цѣли въ религіи?

— Нѣтъ, я считалъ ее несправедливою и не слѣдовалъ ей, сказалъ Пьеръ такъ тихо, что риторъ не разслышалъ его и спросилъ, что онъ говоритъ. — Я былъ атеистомъ, отвѣчалъ Пьеръ.

— Вы ищете истины для того, чтобы слѣдовать въ жизни ея законамъ; слѣдовательно, вы ищете премудрости и добро-

дѣтели, не такъ ли? сказалъ риторъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, да, подтвердилъ Пьеръ.

Риторъ прокашлялся, сложивъ на груди руки въ перчаткахъ и началъ говорить.

— Теперь я долженъ открыть вамъ главную цѣль нашего ордена, сказалъ онъ,—и ежели цѣль эта совпадаетъ съ вашею, то вы съ пользою вступите въ наше братство. Первая главнѣйшая цѣль и купно основаніе нашего ордена, на которомъ онъ утвержденъ, и котораго никакая сила человѣческая не можетъ низвергнуть, есть сохраненіе и преданіе потомству нѣкоего важнаго таинства... отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства, можетъ быть, зависитъ судьба рода человѣческаго. Но такъ какъ сіе таинство такого свойства, что никто не можетъ его знать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ самого себя не пріуготовленъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро обрѣсти его. Поэтому мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы пріуготовлять нашихъ членовъ, сколько возможно исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты отъ мужей, потрудившихся въ исканіи сего таинства, и тѣмъ учинять ихъ способными къ воспріятію онаго. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся въ-третьихъ исправлять и весь человѣческій родъ, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, и тѣмъ стараемся всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ. Подумайте объ этомъ, и я опять приду къ вамъ, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

— Противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ... повторилъ Пьеръ, и ему представилась его будущая дѣятельность на этомъ поприщѣ. Ему представлялись такіе же люди, какимъ онъ былъ самъ двѣ недѣли тому назадъ, и онъ мысленно обращалъ къ нимъ поучительно-наставническую рѣчь. Онъ представлялъ себѣ порочныхъ и несчастныхъ людей, которымъ онъ помогалъ словомъ и дѣломъ; представлялъ себѣ угнетателей, отъ которыхъ онъ спасалъ ихъ жертвы. Изъ трехъ поименованныхъ ритором цѣлей, эта послѣдняя — исправленіе рода человѣческаго, особенно близка была Пьеру. Нѣкое важное таинство, о которомъ упомянулъ риторъ, хотя и подстрекало его любопытство, не представлялось ему существеннымъ; а вторая цѣль, очищеніе и исправленіе себя, мало занимала его, потому что онъ въ эту минуту съ наслажденіемъ чувствовалъ себя уже вполнѣ исправленнымъ отъ прежнихъ пороковъ и готовымъ только на одно доброе.

Черезъ полчаса вернулся риторъ передать ищущему тѣ семь добродѣтелей, соотвѣтствующія семи ступенямъ храма Соломона, которыя долженъ былъ воспитывать въ себѣ каждый масонъ. Добродѣтели эти были: 1) *скромность*, соблюденіе тайны ордена, 2) *повиновеніе* высшимъ чинамъ ордена, 3) добронравіе, 4) любовь къ человѣчеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь къ смерти.

— *Въ седьмыхъ* старайтесь, сказалъ риторъ, — частымъ помышленіемъ о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вамъ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ... который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія.

„Да, это должно быть такъ“, думалъ Пьеръ, когда послѣ

этихъ словъ риторъ снова ушелъ отъ него, оставляя его уединенному размышленію. „Это должно быть такъ, но я еще такъ слабъ, что люблю свою жизнь, которой смыслъ только теперь понемногу открывается мнѣ“. Но остальныя пять добродѣтелей, которыя, перебирая по пальцамъ, вспомнилъ Пьеръ, онъ чувствовалъ въ душѣ своей: и *мужество*, и *щедрость*, и *добронравіе*, и *любовь къ человѣчеству*, и въ особенности *повиновеніе*, которое даже не представляютъ ему добродѣтелью, а счастьемъ. (Ему такъ радостно было теперь избавиться отъ своего произвола, и подчинить свою волю тому и тѣмъ, которые знали несомнѣнную истину.) Седьмую добродѣтель Пьеръ забылъ и никакъ не могъ вспомнить ее.

Въ третій разъ риторъ вернулся скорѣе и спросилъ Пьера, все ли онъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и рѣшается ли подвергнуть себя всему, что̀ отъ него потребуется.

— Я готовъ на все, сказалъ Пьеръ.

— Еще долженъ вамъ сообщить, сказалъ риторъ, — что орденъ нашъ ученіе свое преподаетъ не словами токмо, но иными средствами, которыя на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели дѣйствуютъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели словесныя токмо объясненія. Сія храмина убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе нежели слова; вы увидите, можетъ быть, и при дальнѣйшемъ вашемъ принятіи подобный образъ изъясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которыя открывали свое ученіе іероглифами. Іероглифъ, говорилъ риторъ, — есть наименованіе какой-нибудь не подверженной чувствамъ вещи, которая содержитъ въ себѣ качества, подобныя изобразуемой.

Пьеръ зналъ очень хорошо, чтò такое іероглифъ, но не смѣлъ говорить. Онъ молча слушалъ ритора, по всему чувствуя, что тотчасъ начнутся испытанія.

— Ежели вы тверды, то я долженъ приступить къ введенію васъ, сказалъ риторъ, ближе подходя къ Пьеру. Въ знакъ щедрости прошу васъ отдать мнѣ всѣ драгоцѣнныя вещи.

— Но я съ собою ничего не имѣю, сказалъ Пьеръ, полагавшій, что отъ него требуютъ выдачи всего, что онъ имѣетъ.

— То, чтò на васъ есть: часы, деньги, кольца...

Пьеръ поспѣшно досталъ кошелекъ, часы, и долго не могъ снять съ жирнаго пальца обручальное кольцо. Когда это было сдѣлано, масонъ сказалъ:

— Въ знакъ повиновенія прошу васъ раздѣться. Пьеръ снялъ фракъ, жилетъ и лѣвый сапогъ по указанію ритора. Масонъ открылъ рубашку на его лѣвой груди, и, нагнувшись, поднялъ его штанину на лѣвой ногѣ выше колѣна. Пьеръ поспѣшно хотѣлъ снять и правый сапогъ и засучить панталоны, чтобъ избавить отъ этого труда незнакомаго ему человѣка, но масонъ сказалъ ему, что этого не нужно и подалъ ему туфлю на лѣвую ногу. Съ дѣтскою улыбкой стыдливости, сомнѣнія и насмѣшки надъ самимъ собою, которая противъ его воли выступала на лицо, Пьеръ стоялъ, опустивъ руки и разставивъ ноги, предъ братомъ-риторомъ, ожидая его новыхъ приказаній.

— И, наконецъ, въ знакъ чистосердечія, я прошу васъ открыть мнѣ главное ваше пристрастіе, сказалъ онъ.

— Мое пристрастіе! У меня ихъ *было* такъ много, сказалъ Пьеръ.

— То пристрастіе, которое болѣе всѣхъ другихъ заста-

влило васъ колебаться на пути добродѣтели, сказалъ масонъ.

Пьеръ помолчалъ, отыскивая.

„Вино? Объѣденіе? Праздность? Лѣность? Горячность? Злоба? Женщины? перебиралъ онъ свои пороки, мысленно взвѣшивая ихъ и не зная, которому отдать преимущество“.

— Женщины, сказалъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ Пьеръ. Масонъ не шевелился и не говорилъ долго послѣ этого отвѣта. Наконецъ онъ подвинулся къ Пьеру, взялъ лежавшій на столѣ платокъ и опять завязалъ ему глаза.

— Послѣдній разъ говорю вамъ: обратите все ваше вниманіе на самого себя, наложите цѣпи на свои чувства и ищите блаженства не въ страстяхъ, а въ своемъ сердцѣ. Источникъ блаженства не внѣ, а внутри насъ...

Пьеръ уже давно чувствовалъ въ себѣ этотъ освѣжающій источникъ блаженства, теперь радостію и умиленіемъ переполнявшій его душу.

IV.

Скоро послѣ этого въ темную храмину пришелъ за Пьеромъ уже не прежній риторъ, а поручитель Вилларскій, котораго онъ узналъ по голосу. На новые вопросы о твердости его намѣренія Пьеръ отвѣчалъ:

— Да, да, согласенъ, и съ сіяющею дѣтскою улыбкой, съ открытою, жирною грудью, неровно и робко шагая одною разутою и одною обутою ногой, пошелъ впередъ съ приставленною Вилларскимъ къ его обнаженной груди шпагой. Изъ комнаты его повели по коридорамъ, поворачивая взадъ и впередъ, и наконецъ привели къ дверямъ ложи. Вилларскій кашлянулъ, ему отвѣтили масонскими стуками молотковъ, дверь отворилась предъ ними. Чей-то басистый голосъ (глаза

Пьера все были завязаны) сдѣлалъ ему вопросы о томъ, кто онъ, гдѣ, когда родился? и т. п. Потомъ его опять повели куда-то, не развязывая ему глазъ, и во время ходьбы его говорили ему аллегоріи о трудахъ его путешествія, о священной дружбѣ, о предвѣчномъ Строителѣ міра, о мужествѣ, съ которымъ онъ долженъ переносить труды и опасности. Во время этого путешествія Пьеръ замѣтилъ, что его называли то *ищущимъ*, то *страждущимъ*, то *требующимъ*, и различно стучали при этомъ молотками и шпагами. Въ то время, какъ его подводили къ какому-то предмету, онъ замѣтилъ, что произошло замѣшательство и смятеніе между его руководителями. Онъ слышалъ, какъ шопотомъ заспорили между собой окружающіе люди, и какъ одинъ настаивалъ на томъ, чтобъ онъ былъ проведенъ по какому-то ковру. Послѣ этого взяли его правую руку, положили на что-то, а лѣвою велѣли ему приставить циркуль къ лѣвой груди, и заставили его, повторяя слова, которыя читалъ другой, прочесть клятву вѣрности законамъ ордена. Потомъ потушили свѣчи, зажгли спиртъ, какъ это слышалъ по запаху Пьеръ, и сказали, что онъ увидитъ малый свѣтъ. Съ него сняли повязку, и Пьеръ какъ во снѣ увидалъ въ слабомъ свѣтѣ спиртоваго огня нѣсколько людей, которые въ такихъ же фартукахъ, какъ и риторъ, стояли противъ него и держали шпаги, направленныя въ его грудь. Между ними стоялъ человѣкъ въ бѣлой окровавленной рубашкѣ. Увидавъ это, Пьеръ грудью надвинулся впередъ на шпаги, желая, чтобы онѣ вонзились въ него. Но шпаги отстранились отъ него, и ему тотчасъ же опять надѣли повязку.

— Теперь ты видѣлъ малый свѣтъ, сказалъ ему чей-то голосъ. Потомъ опять зажгли свѣчи, сказали, что ему надо

видѣть полный свѣтъ, и опять сняли повязку и болѣе десяти голосовъ вдругъ сказали: sic transit gloria mundi.

Пьеръ понемногу сталъ приходить въ себя и оглядывать комнату, гдѣ онъ былъ, и находившихся въ ней людей. Вокругъ длиннаго стола, покрытаго чернымъ, сидѣло человѣкъ двѣнадцать, все въ тѣхъ же одѣяніяхъ, какъ и тѣ, которыхъ онъ прежде видѣлъ. Нѣкоторыхъ Пьеръ зналъ по петербургскому обществу. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ незнакомый молодой человѣкъ, въ особомъ крестѣ на шеѣ. По правую руку сидѣлъ итальянецъ-аббатъ, котораго Пьеръ видѣлъ два года тому назадъ у Анны Павловны. Еще былъ тутъ одинъ весьма важный сановникъ и одинъ швейцарецъ-гувернеръ, жившій прежде у Курагиныхъ. Всѣ торжественно молчали, слушая слова предсѣдателя, державшаго въ рукѣ молотокъ. Въ стѣнѣ была вдѣлана горящая звѣзда; съ одной стороны стола былъ небольшой коверъ съ различными изображеніями, съ другой было что-то въ родѣ алтаря съ Евангеліемъ и черепомъ. Кругомъ стола было семь большихъ, въ родѣ церковныхъ, подсвѣчниковъ. Двое изъ братьевъ подвели Пьера къ алтарю, поставили ему ноги въ прямоугольное положеніе, и приказали ему лечь, говоря, что онъ повергается къ вратамъ храма.

— Онъ прежде долженъ получить лопату, сказалъ шепотомъ одинъ изъ братьевъ.

— Ахъ! полноте, пожалуйста, сказалъ другой.

Пьеръ, растерянными, близорукими глазами, не повинуясь, оглянулся вокругъ себя, и вдругъ на него нашло сомнѣніе.

„Гдѣ я? Что я дѣлаю? Не смѣются ли надо мной? Не будетъ ли мнѣ стыдно вспоминать это?“ Но сомнѣніе это про-

должалось только одно мгновеніе. Пьеръ оглянулся на серьезныя лица окружавшихъ его людей, вспомнилъ все, что онъ уже прошелъ, и понялъ, что нельзя остановиться на половинѣ дороги. Онъ ужаснулся своему сомнѣнію и, стараясь вызвать въ себѣ прежнее чувство умиленія, повергся къ вратамъ храма. И дѣйствительно, чувство умиленія, еще сильнѣйшаго чѣмъ прежде, нашло на него. Когда онъ пролежалъ нѣсколько времени, ему велѣли встать и надѣли на него такой же бѣлый кожаный фартукъ, какіе были на другихъ, дали ему въ руки лопату и три пары перчатокъ, и тогда великій мастеръ обратился къ нему. Онъ сказалъ ему, чтобъ онъ старался ничѣмъ не запятнать бѣлизну этого фартука, представляющаго крѣпость и непорочность; потомъ о невыясненной лопатѣ сказалъ, чтобъ онъ трудился ею очищать свое сердце отъ пороковъ и снисходительно заглаживать ею сердце ближняго. Потомъ про первыя перчатки мужскія сказалъ, что значенія ихъ онъ не можетъ знать, но долженъ хранить ихъ, про другія перчатки мужскія сказалъ, что онъ долженъ надѣвать ихъ въ собраніяхъ, и наконецъ про третьи женскія перчатки сказалъ:

— Любезный братъ, и сіи женскія перчатки вамъ опредѣлены суть. Отдайте ихъ той женщинѣ, которую вы будете почитать больше всѣхъ. Симъ даромъ увѣрите въ непорочности сердца вашего ту, которую изберете вы себѣ въ достойную каменьщицу. Помолчавъ нѣсколько времени, прибавилъ: — Но соблюди, любезный братъ, да не украшаютъ перчатки сіи рукъ нечистыхъ.

Въ то время, какъ великій мастеръ произносилъ эти послѣднія слова, Пьеру показалось, что предсѣдатель смутился. Пьеръ смутился еще больше, покраснѣлъ до слезъ, какъ

краснѣютъ дѣти, безпокойно сталъ оглядываться, и произошло неловкое молчаніе.

Молчаніе это было прервано однимъ изъ братьевъ, который, подведя Пьера къ ковру, началъ изъ тетради читать ему объясненіе всѣхъ изображенныхъ на немъ фигуръ: солнца, луны, молотка, отвѣса, лопаты, дикаго и кубическаго камня, столба, трехъ оконъ, и т. д. Потомъ Пьеру назначили его мѣсто, показали ему знаки ложи, сказали входное слово, и наконецъ позволили сѣсть. Великій мастеръ началъ читать уставъ. Уставъ былъ очень длиненъ, и Пьеръ отъ радости, волненія и стыда не былъ въ состояніи понимать того, что читали. Онъ вслушался только въ послѣднія слова устава, которыя запомнились ему.

„Въ нашихъ храмахъ мы не знаемъ другихъ степеней“, читалъ великій мастеръ, „кромѣ тѣхъ, которыя находятся „между добродѣтелью и порокомъ. Берегись дѣлать какое-„нибудь различіе, могущее нарушить равенство. Лети на „помощь къ брату, кто бы онъ ни былъ, наставь заблуждающагося, подними упадающаго, и не питай никогда злобы „или вражды на брата. Будь ласковъ и привѣтливъ. Возбуждай „во всѣхъ сердцахъ огнь добродѣтели. Дѣли счастіе съ ближнимъ твоимъ, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго „сего наслажденія.

„Прощай врагу твоему, не мсти ему, развѣ только дѣланіемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ высшій законъ, „ты обрящешь слѣды древняго, утраченнаго тобой величества“, кончилъ онъ и, привставъ, обнялъ Пьера и поцѣловалъ его.

Пьеръ со слезами радости на глазахъ смотрѣлъ вокругъ себя, не зная что отвѣчать на поздравленія и возобновленія

знакомствъ, съ которыми окружили его. Онъ не признавалъ никакихъ знакомствъ; во всѣхъ людяхъ этихъ онъ видѣлъ только братьевъ, съ которыми сгоралъ нетерпѣніемъ приняться за дѣло.

Великій мастеръ стукнулъ молоткомъ, всѣ сѣли по мѣстамъ, и одинъ прочелъ поученіе о необходимости смиренія.

Великій мастеръ предложилъ исполнить послѣднюю обязанность, и важный сановникъ, который носилъ званіе собирателя милостыни, сталъ обходить братьевъ. Пьеру хотѣлось записать въ листъ милостыни всѣ деньги, которыя у него были, но онъ боялся этимъ выказать гордость, и записалъ столько же, сколько записывали другіе.

Засѣданіе было кончено, и, по возвращеніи домой, Пьеру казалось, что онъ пріѣхалъ изъ какого-то дальняго путешествія, гдѣ онъ провелъ десятки лѣтъ, совершенно измѣнился и отсталъ отъ прежняго порядка и привычекъ жизни.

V.

На другой день послѣ пріема въ ложу, Пьеръ сидѣлъ дома, читая книгу и стараясь вникнуть въ значеніе квадрата, изображавшаго одною своею стороною Бога, другою нравственное, третьею физическое и четвертою смѣшанное. Изрѣдка онъ отрывался отъ книги и квадрата, и въ воображеніи своемъ составлялъ себѣ новый планъ жизни. Вчера въ ложѣ ему сказали, что до свѣдѣнія государя дошелъ слухъ о дуэли, и что Пьеру благоразумнѣе бы было удалиться изъ Петербурга. Пьеръ предполагалъ ѣхать въ свои южныя имѣнія и заняться тамъ своими крестьянами. Онъ радостно обдумывалъ эту новую жизнь, когда неожиданно въ комнату вошелъ князь Василій.

— Мой другъ, что ты надѣлалъ въ Москвѣ? За что ты поссорился съ Лелей, мой милый? Ты въ заблужденіи, сказалъ князь Василій, входя въ комнату. — Я все узналъ, я могу тебѣ сказать вѣрно, что Эленъ невинна предъ тобой, какъ Христосъ предъ жидами.

Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но онъ перебилъ его.

— И зачѣмъ ты не обратился прямо и просто ко мнѣ, какъ къ другу? Я все знаю, я все понимаю, сказалъ онъ, — ты велъ себя какъ прилично человѣку, дорожащему своею честью; можетъ быть слишкомъ поспѣшно, но объ этомъ мы не будемъ судить. Одно ты помни, въ какое положеніе ты ставишь ее и меня въ глазахъ всего общества и даже двора, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — Она живетъ въ Москвѣ, ты здѣсь. Помни, мой милый. Онъ потянулъ его внизъ за руку. Здѣсь одно недоразумѣніе; ты самъ, я думаю, чувствуешь. Напиши сейчасъ со мною письмо, и она пріѣдетъ сюда, все объяснится, а то я тебѣ скажу, ты очень легко можешь пострадать, мой милый.

Князь Василій внушительно взглянулъ на Пьера.

— Мнѣ изъ хорошихъ источниковъ извѣстно, что вдовствующая императрица принимаетъ живой интересъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Ты знаешь, она очень милостива къ Эленъ.

Нѣсколько разъ Пьеръ собирался говорить, но съ одной стороны князь Василій не допускалъ его до этого, съ другой стороны самъ Пьеръ боялся начать говорить въ томъ тонѣ рѣшительнаго отказа и несогласія, въ которомъ онъ твердо рѣшился отвѣчать своему тестю. Кромѣ того слова масонскаго устава: „будь ласковъ и привѣтливъ", вспоминались ему. Онъ морщился, краснѣлъ, вставалъ и опускался, работая надъ собою въ самомъ трудномъ для него въ жизни

дѣлѣ — сказать непріятное въ глаза человѣку, сказать не то, чего ожидалъ этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Онъ такъ привыкъ повиноваться этому тону небрежной самоувѣренности князя Василія, что и теперь онъ чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ противостоять ей; но онъ чувствовалъ, что отъ того, что̀ онъ скажетъ сейчасъ, будетъ зависѣть вся дальнѣйшая судьба его: пойдетъ ли онъ по старой, прежней дорогѣ, или по той новой, которая такъ привлекательно была указана ему масонами, и на которой онъ твердо вѣрилъ, что найдетъ возрожденіе къ новой жизни.

— Ну, мой милый, шутливо сказалъ князь Василій, — скажи же мнѣ: „да", и я отъ себя напишу ей, и мы убьемъ жирнаго тельца. Но князь Василій не успѣлъ договорить своей шутки, какъ Пьеръ съ бѣшенствомъ въ лицѣ, которое напоминало его отца, не глядя въ глаза собесѣднику, проговорилъ шепотомъ:

— Князь, я васъ не звалъ къ себѣ, идите, пожалуйста, идите! Онъ вскочилъ и отворилъ ему дверь. — Идите же, повторилъ онъ, самъ себѣ не вѣря и радуясь выраженію смущенности и страха, показавшемуся на лицѣ князя Василія.

— Что̀ съ тобой? Ты боленъ?

— Идите! еще разъ проговорилъ дрожащій голосъ. И князь Василій долженъ былъ уѣхать, не получивъ никакого объясненія.

Черезъ недѣлю Пьеръ, простившись съ новыми друзьями масонами и оставивъ имъ большія суммы на милостыни, уѣхалъ въ свои имѣнья. Его новые братья дали ему письма въ Кіевъ и Одессу, къ тамошнимъ масонамъ, и обѣщали писать ему и руководить его въ его новой дѣятельности.

VI.

Дѣло Пьера съ Долоховымъ было замято, и, несмотря на тогдашнюю строгость государя въ отношеніи дуэлей, ни оба противника, ни ихъ секунданты не пострадали. Но исторія дуэли, подтвержденная разрывомъ Пьера съ женой, разгласилась въ обществѣ. Пьеръ, на котораго смотрѣли снисходительно, покровительственно, когда онъ былъ незаконнымъ сыномъ, котораго ласкали и прославляли, когда онъ былъ лучшимъ женихомъ Россійской имперіи, послѣ своей женитьбы, когда невѣстамъ и матерямъ нечего было ожидать отъ него, сильно потерялъ во мнѣніи общества, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ и не желалъ заискивать общественнаго благоволенія. Теперь его одного обвиняли въ происшедшемъ, говорили, что онъ безтолковый ревнивецъ, подверженный такимъ же припадкамъ кровожаднаго бѣшенства, какъ и его отецъ. И когда послѣ отъѣзда Пьера Элень вернулась въ Петербургъ, она была не только радушно, но съ оттѣнкомъ почтительности, относившейся къ ея несчастію, принята всѣми своими знакомыми. Когда разговоръ заходилъ о ея мужѣ, Элень принимала достойное выраженіе, которое она, — хотя и не понимая его значенія, — по свойственному ей такту усвоила себѣ. Выраженіе это говорило, что она рѣшилась, не жалуясь, переносить свое несчастіе, и что ея мужъ есть крестъ, посланный ей отъ Бога. Князь Василій откровеннѣе высказывалъ свое мнѣніе. Онъ пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о Пьерѣ и, указывая на лобъ, говорилъ:

— Полусумасшедшій — я всегда это говорилъ.

— Я впередъ сказала, говорила Анна Павловна о Пьерѣ, — я тогда же сейчасъ сказала, и прежде всѣхъ (она настаивала

на своемъ первенствѣ), что это безумный молодой человѣкъ, испорченный развратными идеями вѣка. Я тогда еще сказала это, когда всѣ восхищались имъ и онъ только что пріѣхалъ изъ-за границы, и помните, у меня какъ-то вечеромъ представлялъ изъ себя какого-то Марата. Чѣмъ же кончилось? Я тогда еще не желала этой свадьбы, и предсказала все, что случится.

Анна Павловна попрежнему давала у себя въ свободные дни такіе вечера, какъ и прежде, и такіе, какіе она одна имѣла даръ устраивать, вечера, на которыхъ собирались, во-первыхъ, „сливки настоящаго хорошаго общества, цвѣтъ интеллектуальной эссенціи петербургскаго общества“ какъ говорила сама Анна Павловна. Кромѣ этого утонченнаго выбора общества, вечера Анны Павловны отличались еще тѣмъ, что всякій разъ на своемъ вечерѣ Анна Павловна подавала своему обществу какое-нибудь новое, интересное лицо, и что нигдѣ, какъ на этихъ вечерахъ, не высказывался такъ очевидно и твердо градусъ политическаго термометра, на которомъ стояло настроеніе придворнаго, легитимистскаго петербургскаго общества.

Въ концѣ 1806 года, когда получены были уже всѣ печальныя подробности объ уничтоженіи Наполеономъ прусской арміи подъ Іеной и Ауерштетомъ и о сдачѣ большей части прусскихъ крѣпостей, когда войска наши уже вступили въ Пруссію, и началась наша вторая война съ Наполеономъ, Анна Павловна собрала у себя вечеръ. „Сливки настоящаго хорошаго общества“ состояли изъ обворожительной и несчастной, покинутой мужемъ Элены, изъ Мортемара, обворожительнаго князя Ипполита, только что пріѣхавшаго изъ Вѣны, двухъ дипломатовъ, тетушки, одного

молодаго человѣка, пользовавшагося въ гостиной наименованіемъ просто „человѣка съ большими достоинствами“, одной вновь пожалованной фрейлины съ матерью и нѣкоторыхъ другихъ менѣе замѣтныхъ особъ.

Лицо, которымъ какъ новинкой угащивала въ этотъ вечеръ Анна Павловна своихъ гостей, былъ Борисъ Друбецкой, только что пріѣхавшій курьеромъ изъ прусской арміи и находившійся адъютантомъ у очень важнаго лица.

Градусъ политическаго термометра, указанный на этомъ вечерѣ обществу, былъ слѣдующій: сколько бы всѣ европейскіе государи и полководцы ни старались потворствовать Бонапартію для того, чтобы сдѣлать *мнѣ* и вообще *намъ* эти непріятности и огорченія, мнѣніе наше насчетъ Бонапартія не можетъ измѣниться. Мы не перестанемъ высказывать свой непритворный на этотъ счетъ образъ мыслей, и можемъ сказать только прусскому королю и другимъ: „тѣмъ хуже для васъ. Tu l'a voulu, George Dandin, вотъ все, что мы можемъ сказать“. Вотъ что указывалъ политическій термометръ на вечерѣ Анны Павловны. Когда Борисъ, который долженъ былъ быть поднесенъ гостямъ, вошелъ въ гостиную, уже почти все общество было въ сборѣ, и разговоръ, руководимый Анной Павловной, шелъ о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Австріей, и о надеждѣ на союзъ съ нею.

Борисъ въ щегольскомъ адъютантскомъ мундирѣ, возмужавшій, свѣжій и румяный, свободно вошелъ въ гостиную и былъ отведенъ, какъ слѣдовало, для привѣтствія къ тетушкѣ, и снова присоединенъ къ общему кружку.

Анна Павловна дала поцѣловать ему свою сухую руку, познакомила его съ нѣкоторыми знакомыми ему лицами, и каждаго шепотомъ опредѣлила ему.

— Князь Ипполитъ Курагинъ, милый молодой человѣкъ. Господинъ Кругъ, копенгагенскій повѣренный въ дѣлахъ, глубокій умъ... и просто господинъ Шитовъ, человѣкъ съ большими достоинствами — про того, который носилъ это наименованіе.

Борисъ за это время своей службы, благодаря заботамъ Анны Михайловны, собственнымъ вкусамъ и свойствамъ своего сдержаннаго характера, успѣлъ поставить себя въ самое выгодное положеніе по службѣ. Онъ находился адъютантомъ при весьма важномъ лицѣ, имѣлъ весьма важное порученіе въ Пруссію, и только что возвратился оттуда курьеромъ. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту понравившуюся ему въ Ольмюцѣ неписанную субординацію, по которой прапорщикъ могъ стоять безъ сравненія выше генерала, и по которой, для успѣха на службѣ, были нужны не усилія, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умѣнье обращаться съ тѣми, которые вознаграждаютъ за службу, — и онъ часто самъ удивлялся своимъ быстрымъ успѣхамъ, и тому, какъ другіе могли не понимать этого. Вслѣдствіе этого открытія его, весь образъ жизни его, всѣ отношенія съ прежними знакомыми, всѣ его планы на будущее — совершенно измѣнились. Онъ былъ не богатъ, но послѣднія свои деньги онъ употреблялъ на то, чтобы быть одѣтымъ лучше другихъ; онъ скорѣе лишилъ бы себя многихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ себѣ ѣхать въ дурномъ экипажѣ или показаться въ старомъ мундирѣ на улицахъ Петербурга. Сближался онъ и искалъ знакомствъ только съ людьми, которые были выше его, и потому могли быть ему полезны. Онъ любилъ Петербургъ и презиралъ Москву, Воспоминаніе о домѣ Ростовыхъ и о его дѣтской любви

къ Наташѣ — было ему непріятно, и онъ съ самаго отъѣзда въ армію ни разу не былъ у Ростовыхъ. Въ гостиной Анны Павловны, въ которой присутствовать онъ считалъ за важное повышеніе на службѣ, онъ теперь тотчасъ же понялъ свою роль и предоставилъ Аннѣ Павловнѣ воспользоваться тѣмъ интересомъ, который въ немъ заключался, внимательно наблюдая каждое лицо и оцѣнивая выгоды и возможности сближенія съ каждымъ изъ нихъ. Онъ сѣлъ на указанное ему мѣсто возлѣ красивой Элень, и вслушивался въ общій разговоръ.

— „Вѣна находитъ основанія предлагаемаго договора до такой степени внѣ возможнаго, что достигнуть ихъ можно только рядомъ самыхъ блестящихъ успѣховъ; и она сомнѣвается въ средствахъ, которыя могутъ ихъ намъ доставить". Это подлинная фраза вѣнскаго кабинета, говорилъ датскій повѣренный въ дѣлахъ.

— Лестно сомнѣніе, сказалъ глубокій умъ, съ тонкою улыбкой.

— Необходимо различать вѣнскій кабинетъ и австрійскаго императора, сказалъ Мортемаръ. — Императоръ австрійскій никогда не могъ этого думать, это говоритъ только кабинетъ.

— Ахъ, мой милый виконтъ, вмѣшалась Анна Павловна, — Европа никогда не будетъ нашею искреннею союзницей.

Вслѣдъ за этимъ Анна Павловна навела разговоръ на мужество и твердость прусскаго короля, съ тѣмъ чтобы ввести въ дѣло Бориса.

Борисъ внимательно слушалъ того, кто говорилъ, ожидая своего череда, но вмѣстѣ съ тѣмъ успѣвалъ нѣсколько разъ оглядываться на свою сосѣдку, красавицу Элень, которая съ улыбкой нѣсколько разъ встрѣтилась глазами съ красивымъ, молодымъ адъютантомъ.

Весьма естественно, говоря о положеніи Пруссіи, Анна Павловна попросила Бориса разсказать свое путешествіе въ Глогау и положеніе, въ которомъ онъ нашелъ прусское войско. Борисъ, не торопясь, чистымъ и правильнымъ французскимъ языкомъ, разсказалъ весьма много интересныхъ подробностей о войскахъ, о дворѣ, во все время своего разсказа старательно избѣгая заявленія своего мнѣнія насчетъ тѣхъ фактовъ, которые онъ передавалъ. На нѣсколько времени Борисъ завладѣлъ общимъ вниманіемъ, и Анна Павловна чувствовала, что ея угощеніе новинкой было принято съ удовольствіемъ всѣми гостями. Болѣе всѣхъ вниманія къ разсказу Бориса выказала Элень. Она нѣсколько разъ спрашивала его о нѣкоторыхъ подробностяхъ его поѣздки и, казалось, весьма была заинтересована положеніемъ прусской арміи. Какъ только онъ кончилъ, она съ своею обычною улыбкой обратилась къ нему:

— Непремѣнно нужно, чтобы вы пріѣхали повидаться со мной, сказала она ему такимъ тономъ, какъ будто по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя онъ не могъ знать, это было совершенно необходимо. — Во вторникъ между 8-ью и 9-ью часами. Вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе.

Борисъ обѣщалъ исполнить ея желаніе и хотѣлъ вступить съ ней въ разговоръ, когда Анна Павловна отозвала его подъ предлогомъ тетушки, которая желала его слышать.

— Вы вѣдь знаете ея мужа? сказала Анна Павловна, закрывъ глаза и грустнымъ жестомъ указывая на Элень. — Ахъ, это такая несчастная и прелестная женщина! Не говорите при ней о немъ, пожалуйста, не говорите. Ей слишкомъ тяжело!

VII.

Когда Борисъ и Анна Павловна вернулись къ общему кружку, разговоромъ въ немъ завладѣлъ князь Ипполитъ. Онъ, выдвинувшись впередъ на креслѣ, сказалъ:

— Le Roi de Prusse! *) и, сказавъ это, засмѣялся. Всѣ обратились къ нему.—Le Roi de Prusse? спросилъ Ипполитъ, опять засмѣялся и опять спокойно и серьезно усѣлся въ глубину своего кресла. Анна Павловна подождала его немного, но такъ какъ Ипполитъ рѣшительно, казалось, не хотѣлъ больше говорить, она начала рѣчь о томъ, какъ безбожный Бонапартъ похитилъ въ Потсдамѣ шпагу Фридриха Великаго.

— Эта шпага Великаго Фридриха, которую я... начала было она, но Ипполитъ перебилъ ее словами:

— Le Roi de Prusse... и опять какъ только къ нему обратились, извинился и замолчалъ. Анна Павловна поморщилась. Мортемаръ, пріятель Ипполита, рѣшительно обратился къ нему:

— Ну, что жъ вашъ прусскій король?

Ипполитъ засмѣялся, какъ будто ему стыдно было своего смѣха.

— Нѣтъ, ничего, я хотѣлъ только сказать... (Онъ намѣренъ былъ повторить шутку, которую онъ слышалъ въ Вѣнѣ, и которую онъ цѣлый вечеръ собирался помѣстить). Я только хотѣлъ сказать, что мы напрасно воюемъ pour le roi de Prusse**).

Борисъ осторожно улыбнулся, такъ что его улыбка могла быть отнесена къ насмѣшкѣ или къ одобренію шутки, смотря по тому, какъ она будетъ принята. Всѣ засмѣялись.

*) Прусскій король.

**) Для прусскаго короля (непереводимая игра словъ, имѣющая значеніе: „по пустякамъ").

— Ваша игра словъ очень зла, очень умна, но несправедлива, грозя сморщеннымъ пальчикомъ, сказала Анна Павловна. — Мы воюемъ за добрыя начала, а не за прусскаго короля. О, какой злой этотъ князь Ипполитъ! сказала она.

Разговоръ не утихалъ цѣлый вечеръ, обращаясь преимущественно около политическихъ новостей. Въ концѣ вечера онъ особенно оживился, когда дѣло зашло о наградахъ, пожалованныхъ государемъ.

— Вѣдь получилъ же въ прошломъ году NN табакерку съ портретомъ, говорилъ человѣкъ глубокаго ума, — почему же SS не можетъ получить той же награды?

— Извините, табакерка съ портретомъ императора есть именно награда, а не отличіе, сказалъ дипломатъ. — Скорѣе подарокъ.

— Были примѣры — Шварценбергъ.

— Это невозможно, возразилъ другой.

— Пари. Лента — другое дѣло.

Когда всѣ поднялись, чтобъ уѣзжать, Эленъ, очень мало говорившая весь вечеръ, опять обратилась къ Борису съ просьбой и ласковымъ, значительнымъ приказаніемъ, чтобъ онъ былъ у нея во вторникъ.

— Мнѣ это очень нужно, сказала она съ улыбкой, оглядываясь на Анну Павловну, и Анна Павловна тою грустною улыбкой, которая сопровождала ея слова при рѣчи о своей высокой покровительницѣ, подтвердила желаніе Эленъ. Казалось, что въ этотъ вечеръ изъ какихъ-то словъ, сказанныхъ Борисомъ о прусскомъ войскѣ, Эленъ вдругъ открыла необходимость видѣть его. Она какъ будто обѣщала ему, что, когда онъ пріѣдетъ во вторникъ, она объяснитъ ему эту необходимость.

Пріѣхавъ во вторникъ вечеромъ въ великолѣпный салонъ Элёнъ, Борисъ не получилъ яснаго объясненія, для чего было ему необходимо пріѣхать. Были другіе гости, графиня мало говорила съ нимъ, и только прощаясь, когда онъ цѣловалъ ея руку, она съ страннымъ отсутствіемъ улыбки, неожиданно, шепотомъ сказала ему:

— Пріѣзжайте завтра обѣдать... вечеромъ; надо, чтобы вы пріѣхали... Пріѣзжайте.

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ Борисъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ графини Безухой.

VIII.

Война разгоралась, и театръ ея приближался къ русскимъ границамъ. Всюду слышались проклятія врагу рода человѣческаго Бонапартію; въ деревняхъ собирались ратники и рекруты, и съ театра войны приходили разнорѣчивыя извѣстія, какъ всегда ложныя и потому различно перетолковываемыя.

Жизнь стараго князя Болконскаго, князя Андрея и княжны Марьи во многомъ измѣнилась съ 1805 года.

Въ 1806 году старый князь былъ опредѣленъ однимъ изъ восьми главнокомандующихъ по ополченію, назначенныхъ тогда по всей Россіи. Старый князь, несмотря на свою старческую слабость, особенно сдѣлавшуюся замѣтною въ тотъ періодъ времени, когда онъ считалъ своего сына убитымъ, не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ должности, въ которую былъ опредѣленъ самимъ государемъ, и эта вновь открывшаяся ему дѣятельность возбудила и укрѣпила его. Онъ постоянно бывалъ въ разъѣздахъ по тремъ ввѣреннымъ ему губерніямъ; былъ до педантизма исполнителенъ въ сво-

ихъ обязанностяхъ, строгъ до жестокости съ своими подчиненными, и самъ доходилъ до малѣйшихъ подробностей дѣла. Княжна Марья перестала уже брать у своего отца математическіе уроки, и только по утрамъ, сопутствуемая кормилицей, съ маленькимъ княземъ Николаемъ (какъ звалъ его дѣдъ) входила въ кабинетъ отца, когда онъ былъ дома. Грудной князь Николай жилъ съ кормилицей и няней Савишной на половинѣ покойной княгини, и княжна Марья большую часть дня проводила въ дѣтской, замѣняя, какъ она умѣла, мать маленькому племяннику. M-lle Бурьенъ тоже, какъ казалось, страстно любила мальчика, и княжна Марья, часто лишая себя, уступала своей подругѣ наслажденіе нянчить маленькаго *ангела* (какъ называла она племянника) и играть съ нимъ.

У алтаря Лысогорской церкви была часовня надъ могилой маленькой княгини, и въ часовнѣ былъ поставленъ привезенный изъ Италіи мраморный памятникъ, изображавшій ангела, расправившаго крылья и готовящагося подняться на небо. У ангела была немного приподнята верхняя губа, какъ будто онъ сбирался улыбнуться, и однажды князь Андрей и княжна Марья, выходя изъ часовни, признались другъ другу, что, странно, лицо этого ангела напоминало имъ лицо покойницы. Но что было еще страннѣе и чего князь Андрей не сказалъ сестрѣ, было то, что въ выраженіи, которое далъ случайно художникъ лицу ангела, князь Андрей читалъ тѣ же слова кроткой укоризны, которыя онъ прочелъ тогда на лицѣ своей мертвой жены: „Ахъ, зачѣмъ вы это со мной сдѣлали?..“

Вскорѣ послѣ возвращенія князя Андрея, старый князь отдѣлилъ сына и далъ ему Богучарово, большое имѣніе, на-

ходившееся въ 40 верстахъ отъ Лысыхъ Горъ. Частью по причинѣ тяжелыхъ воспоминаній, связанныхъ съ Лысыми Горами, частью потому, что не всегда князь Андрей чувствовалъ себя въ силахъ переносить характеръ отца, частью и потому, что ему нужно было уединеніе, князь Андрей воспользовался Богучаровымъ, строился тамъ и проводилъ въ немъ бо̀льшую часть времени.

Князь Андрей, послѣ Аустерлицкой кампаніи, твердо рѣшился никогда не служить болѣе въ военной службѣ; и когда началась война, и всѣ должны были служить, онъ, чтобъ отдѣлаться отъ дѣйствительной службы, принялъ должность подъ начальствомъ отца по сбору ополченія. Старый князь съ сыномъ какъ бы перемѣнились ролями послѣ кампаніи 1805 года. Старый князь, возбужденный дѣятельностью, ожидалъ всего хорошаго отъ настоящей кампаніи; князь Андрей, напротивъ, не участвуя въ войнѣ и въ тайнѣ души сожалѣя о томъ, видѣлъ одно дурное.

26-го февраля 1807 года, старый князь уѣхалъ по округу. Князь Андрей, какъ и большею частью во время отлучекъ отца, оставался въ Лысыхъ Горахъ. Маленькій Николушка былъ нездоровъ уже 4-й день. Кучера, возившіе стараго князя, вернулись изъ города и привезли бумаги и письма князю Андрею.

Камердинеръ съ письмами, не заставъ молодаго князя въ его кабинетѣ, прошелъ на половину княжны Марьи; но и тамъ его не было. Камердинеру сказали, что князь пошелъ въ дѣтскую.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, Петруша съ бумагами пришелъ, сказала одна изъ дѣвушекъ-помощницъ няни, обращаясь къ князю Андрею, который сидѣлъ на маленькомъ

дѣтскомъ стулѣ и дрожащими руками, морщась, капалъ изъ стклянки лѣкарство въ рюмку, налитую до половины водой.

— Что̀ такое? сказалъ онъ сердито, и неосторожно дрогнувъ рукой, перелилъ изъ стклянки въ рюмку лишнее количество капель. Онъ выплеснулъ лѣкарство изъ рюмки на полъ и опять спросилъ воды. Дѣвушка подала ему.

Въ комнатѣ стояли дѣтская кроватка, два сундука, два кресла, столъ и дѣтскіе столикъ и стульчикъ, тотъ, на которомъ сидѣлъ князь Андрей. Окна были завѣшаны, и на столѣ горѣла одна свѣча, заставленная переплетенною нотною книгою, такъ чтобы свѣтъ не падалъ на кроватку.

— Мой другъ, обращаясь къ брату, сказала княжна Марья, отъ кроватки, у которой она стояла, — лучше подождать... послѣ...

— Ахъ, сдѣлай милость, ты все говоришь глупости, ты и такъ все дожидалась, вотъ и дождалась, сказалъ князь Андрей озлобленнымъ шопотомъ, видимо желая уколоть сестру.

— Мой другъ, право лучше не будить, онъ заснулъ, умоляющимъ голосомъ сказала княжна.

Князь Андрей всталъ и на цыпочкахъ съ рюмкой подошелъ къ кроваткѣ.

— Или точно не будить? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Какъ хочешь — право... я думаю... а какъ хочешь, сказала княжна Марья, видимо робѣя и стыдясь того, что̀ ея мнѣніе восторжествовало. Она указала брату на дѣвушку, шопотомъ вызывавшую его.

Была вторая ночь, что̀ они оба не спали, ухаживая за горѣвшимъ въ жару мальчикомъ. Всѣ сутки эти, не довѣряя своему домашнему доктору и ожидая того, за которымъ было послано въ городъ, они предпринимали то то, то дру-

гое средство. Измученные безсонницей и встревоженные, они сваливали другъ на друга свое горе, упрекали другъ друга и ссорились.

— Петрушка съ бумагами отъ папеньки, прошептала дѣвушка. Князь Андрей вышелъ.

— Чортъ ихъ принесъ! проговорилъ онъ сердито, и выслушавъ словесныя приказанія отъ отца и взявъ подаваемые конверты и письмо отца, вернулся въ дѣтскую. — Ну что? спросилъ князь Андрей.

— Все то же, подожди ради Бога. Карлъ Иванычъ всегда говоритъ, что сонъ всего дороже, прошептала со вздохомъ княжна Марья. Князь Андрей подошелъ къ ребенку и пощупалъ его. Онъ горѣлъ.

— Убирайтесь вы съ вашимъ Карломъ Иванычемъ! Онъ взялъ рюмку съ накапанными въ нее каплями и опять подошелъ.

— Андрюша, не надо! сказала княжна Марья.

Но онъ злобно и вмѣстѣ страдальчески нахмурился на нее и съ рюмкой нагнулся къ ребенку.

— Но я хочу этого, сказалъ онъ. — Ну, я прошу тебя, дай ему.

Княжна Марья пожала плечами, но покорно взяла рюмку и, подозвавъ няньку, стала давать лѣкарство. Ребенокъ закричалъ и захрипѣлъ. Князь Андрей, сморщившись, взявъ себя за голову, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ въ сосѣдней на диванѣ.

Письма все были въ его рукѣ. Онъ машинально открылъ ихъ и сталъ читать. Старый князь, на синей бумагѣ, своимъ крупнымъ продолговатымъ почеркомъ, употребляя кое-гдѣ титлы, писалъ слѣдующее:

„Весьма радостное въ сей моментъ извѣстіе получилъ че-„резъ курьера, если не враньё. Бенигсенъ подъ Эйлау надъ „Буонапартіемъ якобы полную викторію одержалъ. Въ Пе-„тербургѣ всѣ ликуютъ, и наградъ послано въ армію нѣсть „конца. Хотя нѣмецъ, — поздравляю. Корчевскій начальникъ, „нѣкій Хандриковъ, не постигну что дѣлаетъ: до сихъ поръ „не доставлены добавочные люди и провіантъ. Сейчасъ скачи „туда и скажи, что я съ него голову сниму, чтобы черезъ „недѣлю все было. О Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи полу-„чилъ еще письмо отъ Петиньки, онъ участвовалъ, — все „правда. Когда не мѣшаютъ, кому мѣшаться не слѣдуетъ, „то и нѣмецъ побилъ Буонапартія. Сказываютъ, бѣжитъ „весьма разстроенъ. Смотри жъ, немедля скачи въ Корчеву „и исполни!“

Князь Андрей вздохнулъ и распечаталъ другой конвертъ. Это было на двухъ листочкахъ мелко исписанное письмо отъ Билибина. Онъ сложилъ его, не читая, и опять прочелъ письмо отца, кончавшееся словами: „скачи въ Корчеву и исполни!“ „Нѣтъ, ужъ извините, теперь не поѣду, пока ребенокъ не оправится“, подумалъ онъ и, подошедши къ двери, заглянулъ въ дѣтскую. Княжна Марья все стояла у кровати и тихо качала ребенка.

„Да, что бишь еще непріятное онъ пишетъ?“ вспоминалъ князь Андрей содержаніе отцовскаго письма. „Да. Побѣду одержали наши надъ Бонапартомъ именно тогда, когда я не служу. Да, да, все подшучиваетъ надо мной... ну, да на здоровье...“ и онъ сталъ читать французское письмо Билибина. Онъ читалъ, не понимая половины, читалъ только для того, чтобы хоть на минуту перестать думать о томъ, о чемъ онъ слишкомъ долго исключительно и мучительно думалъ.

IX.

Билибинъ находился теперь въ качествѣ дипломатическаго чиновника при главной квартирѣ арміи и хотя и на французскомъ языкѣ, съ французскими шуточками и оборотами рѣчи, но съ исключительно-русскимъ безстрашіемъ предъ самоосужденіемъ и самоосмѣяніемъ описывалъ всю кампанію. Билибинъ писалъ, что его дипломатическая скромность мучила его, и что онъ былъ счастливъ, имѣя въ князѣ Андреѣ вѣрнаго корреспондента, которому онъ могъ изливать всю желчь, накопившуюся въ немъ при видѣ того, что творится въ арміи. Письмо это было старое, еще до Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія.

„Со времени нашихъ блестящихъ успѣховъ въ Аустерлицѣ", писалъ Билибинъ, „вы знаете, мой милый князь, что я не покидаю болѣе главной квартиры. Рѣшительно я вошелъ во вкусъ войны, и тѣмъ очень доволенъ! то, что я видѣлъ въ эти три мѣсяца — невѣроятно.

„Я начинаю ab ovo. *Врагъ рода человѣческаго,* какъ вамъ извѣстно, атакуетъ пруссаковъ. Пруссаки — наши вѣрные союзники, которые насъ обманули только три раза въ три года. Мы заступаемся за нихъ. Но оказывается, что *врагъ рода человѣческаго* не обращаетъ никакого вниманія на наши прелестныя рѣчи, и съ своею неучтивою и дикою манерой бросается на пруссаковъ, не давая имъ времени кончить начатый парадъ, въ дребезги разбиваетъ ихъ и поселяется въ Потсдамскомъ дворцѣ.

„Я страстно желаю", пишетъ прусскій король Бонапарту, „чтобы ваше величество были приняты въ моемъ дворцѣ наиприятнѣйшимъ для васъ образомъ, и я съ особенною за-

ботливостью сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія, на сколько мнѣ это позволили обстоятельства. Надѣюсь, что я успѣлъ въ этомъ. Прусскіе генералы щеголяютъ учтивостію предъ французами и кладутъ оружіе по первому требованію. Начальникъ гарнизона Глогау, съ десятью тысячами, спрашиваетъ у прусскаго короля, что̀ ему дѣлать въ случаѣ, если ему придется сдаваться. Все это вподнѣ достовѣрно. Словомъ, мы думали только внушить имъ страхъ положеніемъ нашихъ военныхъ силъ, но кончается тѣмъ, что мы вовлечены въ войну, на нашей же границѣ и, главное, *за прусскаго короля* и за одно съ нимъ. Все у насъ въ порядкѣ, не достаетъ только маленькой штучки, а именно—главнокомандующаго. Такъ какъ казалось, что успѣхи Аустерлица могли бы быть рѣшительнѣе, если бы главнокомандующій былъ бы не такъ молодъ, то дѣлается обзоръ осьмидесятилѣтнихъ генераловъ, и при выборѣ между Прозоровскимъ и Каменскимъ отдаютъ предпочтеніе послѣднему. Генералъ пріѣзжаетъ къ намъ въ кибиткѣ по-суворовски, и его принимаютъ съ радостными восклицаніями и большимъ торжествомъ.

„4-го пріѣзжаетъ первый курьеръ изъ Петербурга. Приносятъ чемоданы въ кабинетъ фельдмаршала, который любитъ все дѣлать самъ. Меня зовутъ, чтобы помочь разобрать письма и взять тѣ, которыя назначены намъ. Фельдмаршалъ, предоставивъ намъ это занятіе, смотритъ на насъ и ждетъ конвертовъ, адресованныхъ ему. Мы ищемъ, — но ихъ не оказывается. Фельдмаршалъ начинаетъ волноваться, самъ принимается за работу и находитъ письма отъ государя къ графу Т., князю В. и другимъ. Онъ и рветъ и мечетъ, гнѣвается на всѣхъ и на все, беретъ письма, распечатываетъ ихъ и читаетъ тѣ, которыя адресованы дру-

гимъ. — „А; такъ со мною поступаютъ! Мнѣ довѣрія нѣтъ! „А, за мною слѣдить велѣно, хорошо же; подите вонъ! „И пишетъ знаменитый приказъ графу Бенигсену:

„„Я раненъ, верхомъ ѣздить не могу, слѣдственно и командовать армiей. Вы коръ д'арме вашъ привели разбитый „въ Пултускъ! тутъ оно открыто, и безъ дровъ, и безъ „фуража, потому пособить надо, и такъ какъ вчера сами „отнеслись къ графу Буксгевдену, думать должно о ретирадѣ къ нашей границѣ, что и выполнить сегодня".

„„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ", пишетъ онъ императору, „получилъ ссадину отъ сѣдла, которая сверхъ прежнихъ перевозокъ моихъ совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и „командовать такою обширною армiей, а потому я командованье оною сложилъ на старшаго по мнѣ генерала, графа „Буксгевдена," отославъ къ нему все дежурство и все принадлежащее къ оному, совѣтовавъ имъ, если хлѣба не будетъ, ретироваться ближе во внутренность Пруссiи, потому „что оставалось хлѣба только на одинъ день, а у иныхъ полковъ ничего, какъ о томъ дивизiонные командиры Остерманъ „и Седморецкiй объявили, а у мужиковъ все съѣдено, я и „самъ, пока вылѣчусь, остаюсь въ гошпиталѣ въ Остроленкѣ. „О числѣ котораго вѣдомость всеподданѣйше подношу, доносяя, что если армiя простоитъ въ нынѣшнемъ бивакѣ еще „пятнадцать дней, то весной ни одного здороваго не останется.

„„Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребiя, къ которому былъ избранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенiя вашего о томъ ожидать буду здѣсь при „гошпиталѣ, дабы не играть роль *писарскую*, а не *командирскую* при войскѣ. Отлученiе меня отъ армiи ни малѣй-

„щаго разглашенія не производитъ, что ослѣпшій отъѣхалъ „отъ арміи. Таковыхъ какъ я — въ Россіи тысячи“.

„Фельдмаршалъ сердится на государя и наказываетъ всѣхъ насъ; это совершенно логично!

„Вотъ первое дѣйствіе комедіи. При слѣдующихъ интересъ и забавность возрастаютъ, что само собой разумѣется. Послѣ отъѣзда фельдмаршала оказывается, что мы въ виду непріятеля, и необходимо дать сраженіе. Буксгевденъ — главнокомандующій по старшинству, но генералъ Бенигсенъ совсѣмъ на это не согласенъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ своимъ корпусомъ находится въ виду непріятеля и хочетъ воспользоваться случаемъ къ сраженію. Онъ его и даетъ.

„Это — Пултуская битва, которая считается великою побѣдой, но которая совсѣмъ не такова, по моему мнѣнію. Мы штатскіе, имѣемъ, какъ вы знаете, очень дурную привычку рѣшать вопросъ о выигрышѣ или проигрышѣ сраженія. Тотъ, кто отступилъ послѣ сраженія, тотъ проигралъ его, вотъ что мы говоримъ, и, судя по этому, мы проиграли Пултуское сраженіе. Однимъ словомъ, мы отступаемъ послѣ битвы, но посылаемъ курьера въ Петербургъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и генералъ Бенигсенъ не уступаетъ начальствованія надъ арміей генералу Буксгевдену, надѣясь получить изъ Петербурга въ благодарность за свою побѣду званіе главнокомандующаго. Во время этого междуцарствія, мы начинаемъ очень оригинальный и интересный рядъ маневровъ. Планъ нашъ не состоитъ болѣе, какъ бы онъ долженъ былъ состоять, въ томъ, чтобъ избѣгать или атаковать непріятеля, но только въ томъ, чтобъ избѣгать генерала Буксгевдена, который по праву старшинства долженъ бы быть нашимъ начальникомъ. Мы преслѣдуемъ эту цѣль съ такою энергіей, что даже, пе-

реходя рѣку, на которой нѣтъ бродовъ, мы сжигаемъ мостъ, съ цѣлью отдалить отъ себя нашего врага, который въ настоящее время не Бонапартъ, но Буксгевденъ. Генералъ Буксгевденъ чуть-чуть не былъ атакованъ и взятъ превосходными непріятельскими силами, вслѣдствіе одного изъ такихъ маневровъ, спасавшихъ насъ отъ него. Буксгевденъ насъ преслѣдуетъ — мы бѣжимъ. Только что онъ перейдетъ на одну сторону рѣки, мы переходимъ опять на другую. Наконецъ врагъ нашъ Буксгевденъ ловитъ насъ и атакуетъ. Оба генерала сердятся, и дѣло доходитъ до вызова на дуэль со стороны Буксгевдена и до эпилептическаго припадка у Бенигсена. Но по счастью, въ самую критическую минуту курьеръ, который возилъ въ Петербургъ извѣстіе о Пултуской побѣдѣ, возвращается и привозитъ намъ назначеніе главнокомандующаго, и первый врагъ — Буксгевденъ побѣжденъ. Мы теперь можемъ думать о второмъ врагѣ — Бонапарте. Но оказывается, что въ эту самую минуту возникаетъ предъ нами третій врагъ, — *православное*, которое громкими возгласами требуетъ хлѣба, говядины, сухарей, сѣна, овса, — и мало ли чего еще! Магазины пусты, дороги непроходимы. Православное начинаетъ грабить, и грабежъ доходитъ до такой степени, о которой послѣдняя кампанія не могла вамъ дать ни малѣйшаго понятія. Половина полковъ образуютъ вольныя команды, которыя обходятъ страну и все предаютъ мечу и пламени. Жители раззорены совершенно, больницы завалены больными, и вездѣ голодъ. Два раза мародеры нападали даже на главную квартиру, и главнокомандующій принужденъ былъ взять баталіонъ солдатъ, чтобы прогнать ихъ. Въ одно изъ этихъ нападеній у меня унесли мой пустой чемоданъ и халатъ. Государь хочетъ дать право всѣмъ начальникамъ дивизіи

разстрѣливать мародеровъ, но я очень боюсь, чтобъ это не заставило одну половину войска разстрѣлять другую".

Князь Андрей сначала читалъ одними глазами, но потомъ невольно то, что̀ онъ читалъ (несмотря на то, что онъ зналъ, на сколько должно было вѣрить Билибину) больше и больше начинало занимать его. Дочитавъ до этого мѣста, онъ смялъ письмо и бросилъ его. Не то, что̀ онъ прочелъ въ письмѣ, сердило его, но его сердило то, что эта тамошняя, чуждая для него жизнь могла волновать его. Онъ закрылъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукою, какъ будто изгоняя всякое участіе къ тому, что̀ онъ читалъ, и прислушался къ тому, что̀ дѣлалось въ дѣтской. Вдругъ ему показался за дверью какой-то странный звукъ. На него нашелъ страхъ; онъ боялся, не случилось ли чего съ ребенкомъ въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери дѣтской и отворилъ ее.

Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, онъ увидалъ, что нянька съ испуганнымъ видомъ спрятала что-то отъ него, и что княжны Марьи уже не было у кроватки.

— Мой другъ, послышался ему сзади отчаянный, какъ ему показалось, шепотъ княжны Марьи. Какъ это часто бываетъ послѣ долгой безсонницы и долгаго волненія, на него нашелъ безпричинный страхъ: ему пришло въ голову, что ребенокъ умеръ. Все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему подтвержденіемъ его страха.

„Все кончено", подумалъ онъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ растерянно подошелъ къ кроваткѣ, увѣренный, что онъ найдетъ ее пустою, что нянька прятала мертваго ребенка. Онъ раскрылъ занавѣски, и долго его испуганные разбѣгавшіеся глаза не могли отыскать ребенка.

Наконецъ онъ увидалъ его: румяный мальчикъ, раскидавшись, лежалъ поперекъ кроватки, спустивъ голову ниже подушки и во снѣ чмокалъ, перебирая губками, и ровно дышалъ.

Князь Андрей обрадовался, увидавъ мальчика, такъ какъ будто бы онъ уже потерялъ его. Онъ нагнулся и, какъ учила его сестра, губами попробовалъ, есть ли жаръ у ребенка. Нѣжный лобъ былъ влаженъ; онъ дотронулся рукой до головы, — даже волосы были мокры: такъ сильно вспотѣлъ ребенокъ. Не только онъ не умеръ, но теперь очевидно было, что кризисъ совершился, и что онъ выздоровѣлъ. Князю Андрею хотѣлось схватить, смять, прижать къ своей груди это маленькое, беззащитное существо; онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Онъ стоялъ надъ нимъ, оглядывая его голову, ручки, ножки, опредѣлявшіяся подъ одѣяломъ. Шорохъ послышался подлѣ него, и какая-то тѣнь показалась ему подъ пологомъ кроватки. Онъ не оглядывался и, все глядя въ лицо ребенка, слушалъ его ровное дыханье. Темная тѣнь была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла къ кроваткѣ, подняла пологъ и опустила его за собою. Князь Андрей, не оглядываясь, узналъ ее и протянулъ къ ней руку. Она сжала его руку.

— Онъ вспотѣлъ, сказалъ князь Андрей.

— Я шла къ тебѣ, чтобы сказать это.

Ребенокъ во снѣ чуть пошевелился, улыбнулся и потерся лбомъ о подушку.

Князь Андрей посмотрѣлъ на сестру. Лучистые глаза княжны Марьи, въ матовомъ полусвѣтѣ полога, блестѣли болѣе обыкновеннаго отъ счастливыхъ слезъ, которыя стояли въ нихъ. Княжна Марья потянулась къ брату и поцѣловала

его, слегка зацѣпивъ за полога кровати. Они погрозили другъ другу, еще постояли въ матовомъ свѣтѣ полога, какъ бы не желая разстаться съ этимъ міромъ, въ которомъ они втроемъ были отдѣлены отъ всего свѣта. Князь Андрей первый, путая волоси о кисею полога, отошелъ отъ кроватки. „Да это одно, что осталось мнѣ теперь", сказалъ онъ со вздохомъ.

X.

Вскорѣ послѣ своего пріема въ братство масоновъ, Пьеръ съ полнымъ написаннымъ имъ для себя руководствомъ о томъ, что онъ долженъ былъ дѣлать въ своихъ имѣніяхъ, уѣхалъ въ Кіевскую губернію, гдѣ находилась бóльшая часть его крестьянъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Пьеръ вызвалъ въ главную контору всѣхъ управляющихъ и объяснилъ имъ свои намѣренія и желанія. Онъ сказалъ имъ, что немедленно будутъ приняты мѣры для совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что до тѣхъ поръ крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины съ дѣтьми не должны посылаться на работы, что крестьянамъ должна быть оказываема помощь, что наказанія должны быть употребляемы увѣщательныя, а не тѣлесныя, что въ каждомъ имѣньи должны быть учреждены больницы, пріюты и школы. Нѣкоторые управляющіе (тутъ были и полуграмотные экономы) слушали испуганно, предполагая смыслъ рѣчи въ томъ, что молодой графъ недоволенъ ихъ управленіемъ и утайкой денегъ; другіе, послѣ перваго страха, находили забавнымъ шепелявенье Пьера и новыя, неслыханныя ими слова; третьи находили просто удовольствіе послушать, какъ говоритъ баринъ; четвертые, самые

умные, въ томъ числѣ и главноуправляющій, поняли изъ этой рѣчи то, какимъ образомъ надо обходиться съ бариномъ для достиженія своихъ цѣлей.

Главноуправляющій выразилъ большое сочувствіе намѣреніямъ Пьера; но замѣтилъ, что кромѣ этихъ преобразованій, необходимо было вообще заняться дѣлами, которыя были въ дурномъ состояніи.

Несмотря на огромное богатство графа Безухова, съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ получилъ его и получалъ, какъ говорили, 500 тысячъ годоваго дохода, онъ чувствовалъ себя гораздо менѣе богатымъ, чѣмъ когда онъ получалъ свои 10 тысячъ отъ покойнаго графа. Въ общихъ чертахъ онъ смутно чувствовалъ слѣдующій бюджетъ. Въ Совѣтъ платилось около 80-ти тысячъ, по всѣмъ имѣніямъ; около 30-ти тысячъ стоило содержаніе подмосковной, московскаго дома и княжонъ; около 15 тысячъ выходило на пенсіи, столько же на богоугодныя заведенія; графинѣ на прожитье посылалось 150 тысячъ; процентовъ платилось за долги около 70-ти тысячъ; постройка начатой церкви стоила эти два года около 10-ти тысячъ; остальное около 100 тысячъ расходилось — онъ самъ не зналъ какъ, и почти каждый годъ онъ принужденъ былъ занимать. Кромѣ того каждый годъ главноуправляющій писалъ то о пожарахъ, то о неурожаяхъ, то о необходимости перестроекъ фабрикъ и заводовъ. Итакъ, первое дѣло, представившееся Пьеру, было то, къ которому онъ менѣе всего имѣлъ способности и склонности, — занятіе дѣлами.

Пьеръ съ главноуправляющимъ каждый день занимался. Но онъ чувствовалъ, что занятія его ничѣмъ не подвигали дѣла. Онъ чувствовалъ, что его занятія происходятъ

независимо отъ дѣла, что они не цѣпляютъ за дѣло и не заставляютъ его двигаться. Съ одной стороны главноуправляющій выставлялъ дѣла въ самомъ дурномъ свѣтѣ, показывая Пьеру необходимость уплачивать долги и предпринимать новыя работы силами крѣпостныхъ мужиковъ, на что Пьеръ не соглашался; съ другой стороны, Пьеръ требовалъ приступленія къ дѣлу освобожденія, на что управляющій выставлялъ необходимость прежде уплатить долгъ Опекунскому Совѣту, и потому невозможность быстраго исполненія.

Управляющій не говорилъ, что это совершенно невозможно; онъ предлагалъ для достиженія этой цѣли продажу лѣсовъ Костромской губерніи, продажу земель низовыхъ и Крымскаго имѣнья. Но всѣ эти операціи въ рѣчахъ управляющаго связывались съ такою сложностію процессовъ, снятія запрещеній, истребованій, разрѣшеній и т. п., что Пьеръ терялся и только говорилъ ему: „Да, да, такъ и сдѣлайте".

Пьеръ не имѣлъ той практической цѣпкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дѣло, и потому онъ не любилъ его и только старался притвориться предъ управляющимъ, что онъ занятъ дѣломъ. Управляющій же старался притвориться предъ графомъ, что онъ считаетъ эти занятія весьма полезными для хозяина и для себя стѣснительными.

Въ большомъ городѣ нашлись знакомые; незнакомые поспѣшили познакомиться и радушно привѣтствовали вновь пріѣхавшаго богача, самаго большаго владѣльца губерніи. Искушенія по отношенію главной слабости Пьера, той, въ которой онъ признался во время пріема въ ложу, тоже были такъ сильны, что Пьеръ не могъ воздержаться отъ нихъ. Опять цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы жизни Пьера проходили

такъ же озабоченно и занято между вечерами, обѣдами, завтраками, балами, не давая ему времени опомниться, какъ и въ Петербургѣ. Вмѣсто новой жизни, которую надѣялся повести Пьеръ, онъ жилъ все тою же прежнею жизнью, только въ другой обстановкѣ.

Изъ трехъ назначеній масонства Пьеръ сознавалъ, что онъ не исполнялъ того, которое предписывало каждому масону быть образцомъ нравственной жизни, и изъ семи добродѣтелей совершенно не имѣлъ въ себѣ двухъ: добронравія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что за то онъ исполнялъ другое назначеніе — исправленія рода человѣческаго, и имѣлъ другія добродѣтели, любовь къ ближнему и въ особенности щедрость.

Весной 1807 года Пьеръ рѣшился ѣхать назадъ въ Петербургъ. По дорогѣ назадъ, онъ намѣревался объѣхать всѣ свои имѣнія и лично удостовѣриться въ томъ, что сдѣлано изъ того, что̀ имъ предписано, и въ какомъ положеніи находится теперь тотъ народъ, который ввѣренъ ему Богомъ, и который онъ стремился облагодѣтельствовать.

Главноуправляющій, считавшій всѣ затѣи молодаго графа почти безумствомъ, невыгодой для себя, для него, для крестьянъ, — сдѣлалъ уступки. Продолжая дѣло освобожденія представлять невозможнымъ, онъ распорядился для пріѣзда барина постройкой во всѣхъ имѣніяхъ большихъ зданій школъ, больницъ и пріютовъ, вездѣ приготовилъ встрѣчи не пышно-торжественныя, которыя онъ зналъ, не понравятся Пьеру, но именно такія религіозно благодарственныя, съ образами и хлѣбомъ-солью, именно такія, которыя, какъ онъ понималъ барина, должны были подѣйствовать на графа и обмануть его.

Южная весна, покойное, быстрое путешествіе въ вѣнской коляскѣ и уединеніе дороги радостно дѣйствовали на Пьера. Имѣнья, въ которыхъ онъ не бывалъ еще, были — одно живописнѣе другаго; народъ вездѣ представлялся благоденствующимъ и трогательно-благодарнымъ за сдѣланныя ему благодѣянія. Вездѣ были встрѣчи, которыя хотя и приводили въ смущеніе Пьера, но въ глубинѣ души его вызывали радостное чувство. Въ одномъ мѣстѣ мужики подносили ему хлѣбъ-соль и образъ Петра и Павла, и просили позволенія въ честь его ангела Петра и Павла, въ знакъ любви и благодарности за сдѣланныя имъ благодѣянія, воздвигнуть на свой счетъ новый придѣлъ въ церкви. Въ другомъ мѣстѣ его встрѣтили женщины съ грудными дѣтьми, благодаря его за избавленіе отъ тяжелыхъ работъ. Въ третьемъ имѣніи его встрѣчалъ священникъ съ крестомъ, окруженный дѣтьми, которыхъ онъ по милостямъ графа обучалъ грамотѣ и религіи. Во всѣхъ имѣніяхъ Пьеръ видѣлъ своими глазами по одному плану воздвигавшіяся и воздвигнутыя уже каменныя зданія больницъ, школъ, богадѣленъ, которыя должны были быть, въ скоромъ времени, открыты. Вездѣ Пьеръ видѣлъ отчеты управляющихъ о барщинскихъ работахъ, уменьшенныхъ противъ прежняго, и слышалъ за то трогательныя благодаренія депутацій крестьянъ въ синихъ кафтанахъ.

Пьеръ только не зналъ того, что тамъ, гдѣ ему подносили хлѣбъ-соль и строили придѣлъ Петра и Павла, было торговое село и ярмарка въ Петровъ день, что придѣлъ уже строился давно богачами-мужиками села, тѣми, которые явились къ нему, а что девять десятыхъ мужиковъ этого села были въ величайшемъ разореніи. Онъ не зналъ, что вслѣдствіе того, что перестали по его приказу посылать *ребятницъ-*

женщинъ съ грудными дѣтьми на барщину, эти самыя ребятницы тѣмъ труднѣйшую работу несли на своей половинѣ. Онъ не зналъ, что священникъ, встрѣтившій его съ крестомъ, отягощалъ мужиковъ своими поборами, и что собранные къ нему ученики со слезами были отдаваемы ему и за большія деньги были откупаемы родителями. Онъ не зналъ, что каменныя, по плану, зданія воздвигались своими рабочими и увеличили барщину крестьянъ, уменьшенную только на бумагѣ. Онъ не зналъ, что тамъ, гдѣ управляющій указывалъ ему по книгѣ на уменьшеніе по его волѣ оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барщинская повинность. И потому Пьеръ былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣніямъ, и вполнѣ возвратился къ тому филантропическому настроенію, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и писалъ восторженныя письма своему наставнику-брату, какъ онъ называлъ великаго мастера.

— „Какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра, думалъ Пьеръ, и какъ мало мы объ этомъ заботимся!“

Онъ счастливъ былъ выказываемою ему благодарностью, но стыдился, принимая ее. Эта благодарность напоминала ему, насколько онъ *еще больше* бы былъ въ состояніи сдѣлать для этихъ простыхъ, добрыхъ людей.

Главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понимая умнаго и наивнаго графа, и играя имъ, какъ игрушкой, увидавъ дѣйствіе, произведенное на Пьера приготовленными пріемами, рѣшительнѣе обратился къ нему съ доводами о невозможности и, главное, ненужности освобожденія крестьянъ, которые и безъ того были совершенно счастливы.

Пьеръ въ тайнѣ своей души соглашался съ управляющимъ въ томъ, что трудно было представить себѣ людей, болѣе счастливыхъ, и что Богъ знаетъ, что̀ ожидало ихъ на волѣ; но Пьеръ, хотя и неохотно, настаивалъ на томъ, что̀ онъ считалъ справедливымъ. Управляющій обѣщалъ употребить всѣ силы для исполненія воли графа, ясно понимая, что графъ никогда не будетъ въ состояніи повѣрить его не только въ томъ, употреблены ли всѣ мѣры для продажи лѣсовъ и имѣній для выкупа изъ Совѣта, но и никогда вѣроятно не спроситъ и не узнаетъ о томъ, какъ построенныя зданія стоятъ пустыми и крестьяне продолжаютъ давать работой и деньгами все то, что̀ они даютъ у другихъ, т. е. все, что̀ они могутъ давать.

XI.

Въ самомъ счастливомъ состояніи духа, возвращаясь изъ своего южнаго путешествія, Пьеръ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе заѣхать къ своему другу Болконскому, котораго онъ не видалъ два года.

Богучарово лежало въ некрасивой, плоской мѣстности, покрытой полями и срубленными и несрубленными еловыми и березовыми лѣсами. Барскій дворъ находился на концѣ прямой, по большой дорогѣ расположенной, деревни, за вновь вырытымъ, полно-налитымъ прудомъ, съ не обросшими еще травой берегами, въ серединѣ молодаго лѣса, между которымъ стояло нѣсколько большихъ сосенъ.

Барскій дворъ состоялъ изъ гумна, надворныхъ построекъ, конюшенъ, бани, флигеля и большаго каменнаго дома съ полукруглымъ фронтономъ, который еще строился. Вокругъ дома былъ разсаженъ молодой садъ. Ограды и ворота были

прочныя и новыя; подъ навѣсомъ стояли двѣ пожарныя трубы и бочка, выкрашенная зеленою краской; дороги были прямыя, мосты были крѣпкіе съ перилами. На всемъ лежалъ отпечатокъ аккуратности и хозяйственности. Встрѣтившіеся дворовые, на вопросъ гдѣ живетъ князь, указали на небольшой новый флигелекъ, стоявшій у самаго края пруда. Старый дядька князя Андрея, Антонъ, высадилъ Пьера изъ коляски, сказалъ, что князь дома, и проводилъ его въ чистую, маленькую прихожую.

Пьера поразила скромность маленькаго, хотя и чистенькаго домика послѣ тѣхъ блестящихъ условій, въ которыхъ послѣдній разъ онъ видѣлъ своего друга въ Петербургѣ. Онъ поспѣшно вошелъ въ пахнущую еще сосной, не отштукатуренную маленькую залу и хотѣлъ идти дальше, но Антонъ на цыпочкахъ пробѣжалъ впередъ и постучался въ дверь.

— Ну, что тамъ? послышался рѣзкій, непріятный голосъ.

— Гость, отвѣчалъ Антонъ.

— Проси подождать, и послышался отодвинутый стулъ. Пьеръ быстрыми шагами подошелъ къ двери и столкнулся лицомъ къ лицу съ выходившимъ къ нему, нахмуреннымъ и постарѣвшимъ княземъ Андреемъ. Пьеръ обнялъ его и, поднявъ очки, поцѣловалъ его въ щеки и близко смотрѣлъ на него.

— Вотъ не ждалъ, очень радъ, сказалъ князь Андрей.

Пьеръ ничего не говорилъ; онъ удивленно, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего друга. Его поразила происшедшая перемѣна въ князѣ Андреѣ. Слова были ласковы, улыбка была на губахъ и лицѣ князя Андрея, но взглядъ былъ потухшій, мертвый, которому, несмотря на видимое желаніе, князь Андрей не могъ придать радостнаго и веселаго блеска.

Не то, что похудѣлъ, поблѣднѣлъ, возмужалъ его другъ; но взглядъ этотъ и морщинка на лбу, выражавшіе долгое сосредоточеніе на чемъ-то одномъ, поражали и отчуждали Пьера, пока онъ не привыкъ къ нимъ.

При свиданіи послѣ долгой разлуки, какъ это всегда бываетъ, разговоръ долго не могъ установиться; они спрашивали и отвѣчали коротко о такихъ вещахъ, о которыхъ они сами знали, что надо было говорить долго. Наконецъ разговоръ сталъ понемногу останавливаться на прежде отрывочно-сказанномъ, на вопросахъ о прошедшей жизни, о планахъ на будущее, о путешествіи Пьера, о его занятіяхъ, о войнѣ и т. д. Та сосредоточенность и убитость, которую замѣтилъ Пьеръ во взглядѣ князя Андрея, теперь выражалась еще сильнѣе въ улыбкѣ, съ которою онъ слушалъ Пьера, въ особенности тогда, когда Пьеръ говорилъ съ одушевленіемъ радости о прошедшемъ или будущемъ. Какъ будто князь Андрей и желалъ бы, но не могъ принимать участія въ томъ, что онъ говорилъ. Пьеръ начиналъ чувствовать, что предъ княземъ Андреемъ восторженность, мечты, надежды на счастіе и на добро неприличны. Ему совѣстно было высказывать всѣ свои новыя, масонскія мысли, въ особенности подновленныя и возбужденныя въ немъ его послѣднимъ путешествіемъ. Онъ сдерживалъ себя, боялся быть наивнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неудержимо хотѣлъ поскорѣе показать своему другу, что онъ былъ теперь совсѣмъ другой, лучшій Пьеръ, чѣмъ тотъ, который былъ въ Петербургѣ.

— Я не могу вамъ сказать, какъ много я пережилъ за это время. Я самъ бы не узналъ себя.

— Да, много, много мы измѣнились съ тѣхъ поръ, сказалъ князь Андрей.

— Ну, а вы? спрашивалъ Пьеръ, — какіе ваши планы?

— Планы? иронически повторилъ князь Андрей. — Мои планы? повторилъ онъ, какъ бы удивляясь значенію такого слова. — Да вотъ видишь, строюсь, хочу къ будущему году переѣхать совсѣмъ...

Пьеръ, молча, пристально вглядывался въ состарѣвшееся лицо Андрея.

— Нѣтъ, я спрашиваю, сказалъ Пьеръ... но князь Андрей перебилъ его.

— Да что̀ про меня говорить... разскажи же, разскажи про свое путешествіе, про все, что̀ ты тамъ надѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ?

Пьеръ сталъ разсказывать, о томъ, что онъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ, стараясь какъ можно болѣе скрыть свое участіе въ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ имъ. Князь Андрей нѣсколько разъ подсказывалъ Пьеру впередъ то, что̀ онъ разсказывалъ, какъ будто все то, что сдѣлалъ Пьеръ, была давно извѣстная исторія, и слушалъ не только не съ интересомъ, но даже какъ будто стыдясь за то, что̀ разсказывалъ Пьеръ.

Пьеру стало неловко и даже тяжело въ обществѣ своего друга. Онъ замолчалъ.

— А вотъ что̀, душа моя, сказалъ князь Андрей, которому очевидно было тоже тяжело и стѣснительно съ гостемъ, — я здѣсь на бивакахъ, и пріѣхалъ только посмотрѣть. Я нынче ѣду опять къ сестрѣ. Я тебя познакомлю съ ними. Да ты, кажется, знакомъ, сказалъ онъ, очевидно занимая гостя, съ которымъ онъ не чувствовалъ теперь ничего общаго. Мы поѣдемъ послѣ обѣда. А теперь хочешь посмотрѣть мою усадьбу? Они вышли и проходили до обѣда, разговаривая о политическихъ новостяхъ и общихъ знакомыхъ, какъ

люди мало близкіе другъ къ другу. Съ нѣкоторымъ оживленіемъ и интересомъ князь Андрей говорилъ только объ устраиваемой имъ новой усадьбѣ и постройкѣ, но и тутъ въ серединѣ разговора, на подмосткахъ, когда князь Андрей описывалъ Пьеру будущее расположеніе дома, онъ вдругъ остановился. — Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего интереснаго, пойдемъ обѣдать и поѣдемъ. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о женитьбѣ Пьера.

— Я очень удивился, когда услышалъ объ этомъ, сказалъ князь Андрей.

Пьеръ покраснѣлъ такъ же, какъ онъ краснѣлъ всегда при этомъ, и торопливо сказалъ:

— Я вамъ разскажу когда-нибудь, какъ это все случилось. Но вы знаете, что все это кончено и навсегда.

— Навсегда? сказалъ князь Андрей. — Навсегда ничего не бываетъ.

— Но вы знаете, какъ это все кончилось? Слышали про дуэль?

— Да, ты прошелъ и черезъ это?

— Одно, за что я благодарю Бога, это за то, что я не убилъ этого человѣка, сказалъ Пьеръ.

— Отчего же? сказалъ князь Андрей. — Убить злую собаку даже очень хорошо.

— Нѣтъ, убить человѣка нехорошо, несправедливо...

— Отчего же несправедливо? повторилъ князь Андрей; — то, что справедливо и несправедливо — не дано судить людямъ. Люди вѣчно заблуждались и будутъ заблуждаться, и ни въ чемъ больше, какъ въ томъ, что они считаютъ справедливымъ и несправедливымъ.

— Несправедливо то, что есть зло для другаго человѣка,

сказалъ Пьеръ, съ удовольствіемъ чувствуя, что въ первый разъ со времени его пріѣзда князь Андрей оживлялся и начиналъ говорить и хотѣлъ высказать все то, что сдѣлало его такимъ, какимъ онъ былъ теперь.

— А кто тебѣ сказалъ, что̀ такое зло для другаго человѣка? спросилъ онъ.

— Зло? зло? сказалъ Пьеръ, — мы всѣ знаемъ, что̀ такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ князь Андрей, видимо желая высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Онъ говорилъ по-французски. — Я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастія: угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ двухъ золъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.

— А любовь къ ближнему, а самопожертвованіе? заговорилъ Пьеръ. — Нѣтъ, я съ вами не могу согласиться! Жить только такъ, чтобы не дѣлать зла, чтобъ не раскаиваться, этого мало. Я жилъ такъ, я жилъ для себя и погубилъ свою жизнь. И только теперь, когда я живу, по крайней мѣрѣ стараюсь (изъ скромности поправился Пьеръ) жить для другихъ, только теперь я понялъ все счастіе жизни. Нѣтъ, я, не соглашусь съ вами, да и вы не думаете того, что̀ вы говорите. Князь Андрей молча глядѣлъ на Пьера и насмѣшливо улыбался.

— Вотъ увидишь сестру, княжну Марью. Съ ней вы сойдетесь, сказалъ онъ. — Можетъ быть, ты правъ для себя, продолжалъ онъ, помолчавъ немного; но каждый живетъ по своему; ты жилъ для себя и говоришь, что этимъ чуть не

погубилъ свою жизнь, а узналъ счастіе только тогда, когда сталъ жить для другихъ. А я испыталъ противоположное. Я жилъ для славы. (Вѣдь что же слава? та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвалы.) Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя.

— Да какъ же жить для одного себя? разгорячаясь, спросилъ Пьеръ. — А сынъ, а сестра, а отецъ?

— Да это все тотъ же я, это не другіе, сказалъ князь Андрей; — а другіе, *ближніе*, какъ вы съ княжной Марьей называете, это главный источникъ заблужденія и зла. Ближніе это тѣ, твои кіевскіе мужики, которымъ ты хочешь сдѣлать добро.

И онъ посмотрѣлъ на Пьера насмѣшливо-вызывающимъ взглядомъ. Онъ, видимо, вызывалъ Пьера.

— Вы шутите, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ Пьеръ. — Какое же можетъ быть заблужденіе и зло въ томъ, что я желалъ (очень мало и дурно исполнилъ), но желалъ сдѣлать добро, да и сдѣлалъ хотя кое-что? Какое же можетъ быть зло, что несчастные люди, наши мужики, люди такіе же, какъ и мы, выростающіе и умирающіе безъ другаго понятія о Богѣ и правдѣ, какъ обрядъ и безсмысленная молитва, будутъ поучаться въ утѣшительныхъ вѣрованіяхъ будущей жизни, возмездія, награды, утѣшенія? Какое же зло и заблужденіе въ томъ, что люди умираютъ отъ болѣзни безъ помощи, когда такъ легко матеріально помочь имъ, и я имъ дамъ лѣкаря, и больницу, и пріютъ старику? И развѣ не ощутительное, не несомнѣнное благо то, что мужикъ, баба съ ребенкомъ не имѣютъ дня и ночи покоя, а я дамъ

нимъ отдыхъ и досугъ?... говорилъ Пьеръ, торопясь и шепелявя. И я это сдѣлалъ, хоть плохо, хоть немного, но сдѣлалъ кое-что для этого, и вы не только меня не разувѣрите въ томъ, что то, что я сдѣлалъ, хорошо, но и не разувѣрите, чтобы вы сами этого не думали. А главное, продолжалъ Пьеръ, — я вотъ что знаю и знаю вѣрно, что наслажденіе дѣлать это добро есть единственное вѣрное счастіе жизни. . . . .

— Да, ежели такъ поставить вопросъ, то это другое дѣло, сказалъ князь Андрей. — Я строю домъ, развожу садъ, а ты больницы. И то и другое можетъ служить препровожденіемъ времени. А что справедливо, что добро — предоставь судить тому, кто все знаетъ, а не намъ. Ну, ты хочешь спорить, прибавилъ онъ, — ну, давай. Они вышли изъ-за стола и сѣли на крыльцо, замѣнявшее балконъ. . . . . .

— Ну, давай спорить, сказалъ князь Андрей. — Ты говоришь школы, продолжалъ онъ, загибая палецъ, — поученія и такъ далѣе, то-есть ты хочешь вывести его, сказалъ онъ, указывая на мужика, снявшаго шапку и проходившаго мимо ихъ, — изъ его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей, а мнѣ кажется, что единственное возможное счастье — есть счастье животное, а ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь его сдѣлать мною, но не давъ ему моихъ средствъ. Другое, ты говоришь: облегчить его работу. А по моему, трудъ физическій для него есть такая же необходимость, такое же условіе его существованія, какъ для меня и для тебя трудъ умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать въ 3-мъ часу, мнѣ приходятъ мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, какъ онъ

не можетъ не пахать, не косить; иначе онъ пойдетъ въ кабакъ, или сдѣлается боленъ. Какъ я не перенесу его страшнаго физическаго труда, а умру черезъ недѣлю, такъ онъ не перенесетъ моей физической праздности, онъ растолстѣетъ и умретъ. Третье, — что бишь еще ты сказалъ?

Князь Андрей загнулъ третій палецъ.

— Ахъ, да, больницы, лѣкарства. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылѣчилъ. Онъ калѣкой будетъ ходить десять лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе и проще ему умереть. Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ, — какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лѣчить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина кого-нибудь и когда-нибудь вылѣчивала! Убивать, — такъ! сказалъ онъ, злобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера.

Князь Андрей высказывалъ свои мысли такъ ясно и отчетливо, что, видно было, онъ не разъ думалъ объ этомъ, и онъ говорилъ охотно и быстро, какъ человѣкъ, долго не говорившій. Взглядъ его оживлялся тѣмъ больше, чѣмъ безнадежнѣе были его сужденія.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! сказалъ Пьеръ. — Я не понимаю только, какъ можно жить съ такими мыслями. На меня находили такія же минуты, это недавно было въ Москвѣ и дорогой, но тогда я опускаюсь до такой степени, что я не живу, все мнѣ гадко... главное, я самъ. Тогда я не ѣмъ, не умываюсь... ну, какъ же вы?...

— Отчего же не умываться, это не чисто, сказалъ князь Андрей; — напротивъ, надо стараться сдѣлать свою жизнь какъ можно болѣе пріятною. Я живу, и въ этомъ не виновато

вать, стало-быть надо какъ-нибудь получше, никому не мѣшая, дожить до смерти.

— Но что же васъ побуждаетъ жить съ такими мыслями? Будешь сидѣть не двигаясь, ничего не предпринимая...

— Жизнь и такъ не оставляетъ въ покоѣ. Я бы радъ ничего не дѣлать, а вотъ, съ одной стороны, дворянство здѣшнее удостоило меня чести избранія въ предводители: я насилу отдѣлался. Они не могли понять, что во мнѣ нѣтъ того, что нужно, нѣтъ этой извѣстной добродушной и озабоченной пошлости, которая нужна для этого. Потомъ вотъ этотъ домъ, который надо было построить, чтобъ имѣть свой уголъ, гдѣ можно быть спокойнымъ. Теперь ополченіе.

— Отчего вы не служите въ арміи?

— Послѣ Аустерлица! мрачно сказалъ князь Андрей. — Нѣтъ, покорно благодарю, я далъ себѣ слово, что служить въ дѣйствующей русской арміи я не буду. И не буду, ежели бы Бонапарте стоялъ тутъ, у Смоленска, угрожая Лысымъ Горамъ, и тогда бы я не сталъ служить въ русской арміи. — Ну, такъ я тебѣ говорилъ, успокоиваясь продолжалъ князь Андрей. — Теперь ополченіе, отецъ главнокомандующимъ 3-го округа, и единственное средство мнѣ избавиться отъ службы — быть при немъ.

— Стало быть вы служите?

— Служу. Онъ помолчалъ немного.

— Такъ зачѣмъ же вы служите?

— А вотъ зачѣмъ. Отецъ мой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Но онъ становится старъ, и онъ не то что жестокъ, но онъ слишкомъ дѣятельнаго характера. Онъ страшенъ своею привычкой къ неограниченной власти, и теперь этою властью, данною государемъ главнокомандую-

щимъ надъ ополченіемъ. Ежели бы я два часа опоздалъ двѣ недѣли тому назадъ, онъ бы повѣсилъ протоколиста въ Юхновѣ, сказалъ князь Андрей съ улыбкой; — такъ я служу потому, что кромѣ меня никто не имѣетъ вліянія на отца, и я кое-гдѣ спасу его отъ поступка, отъ котораго бы онъ послѣ мучился.

— А, ну такъ вотъ видите!

— Да, но не такъ, какъ ты думаешь, продолжалъ князь Андрей. — Я ни малѣйшаго добра не желалъ и не желаю этому мерзавцу-протоколисту, который укралъ какіе-то сапоги у ополченцевъ; я даже очень былъ бы доволенъ видѣть его повѣшеннымъ; но мнѣ жалко отца, то-есть опять себя же.

Князь Андрей все болѣе и болѣе оживлялся. Глаза его лихорадочно блестѣли въ то время, какъ онъ старался доказать Пьеру, что никогда въ его поступкѣ не было желанія добра ближнему.

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ, продолжалъ онъ. — Это очень хорошо; но не для тебя (ты я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ такъ же счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко, и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты можетъ быть не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они

дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе.

Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти наведены были Андрею его отцомъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему.

— Такъ вотъ кого мнѣ жалко — человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыхъ сколько ни сѣки, сколько ни брей, все останутся такими же спинами и лбами.

— Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! я никогда не соглашусь съ вами, сказалъ Пьеръ.

XII.

Вечеромъ князь Андрей и Пьеръ сѣли въ коляску и поѣхали въ Лысыя Горы. Князь Андрей, поглядывая на Пьера, прерывалъ изрѣдка молчаніе рѣчами, доказывавшими, что онъ находился въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ говорилъ ему, указывая на поля, о своихъ хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ.

Пьеръ мрачно молчалъ, отвѣчая односложно, и казался погруженнымъ въ свои мысли.

Пьеръ думалъ о томъ, что князь Андрей несчастливъ, что онъ заблуждается, что онъ не знаетъ истиннаго свѣта и что Пьеръ долженъ прійти на помощь ему, просвѣтить и поднять его. Но какъ только Пьеръ придумывалъ, какъ и что̀ онъ станетъ говорить, онъ предчувствовалъ, что князь Андрей однимъ словомъ, однимъ аргументомъ уронитъ все въ его ученьи, и онъ боялся начать, боялся выставить на возможность осмѣянія свою любимую святыню.

— Нѣтъ, отчего же вы думаете, вдругъ началъ Пьеръ, опуская голову и принимая видъ бодающагося быка, — отчего вы такъ думаете? Вы не должны такъ думать.

— Про что̀ я думаю? спросилъ князь Андрей съ удивленіемъ.

— Про жизнь, про назначеніе человѣка. Это не можетъ быть. Я такъ же думалъ, и меня спасло, вы знаете что̀? масонство. Нѣтъ, вы не улыбайтесь. Масонство — это не религіозная, не обрядная секта, какъ и я думалъ, а масонство есть лучшее, единственное выраженіе лучшихъ, вѣчныхъ сторонъ человѣчества. И онъ началъ излагать князю Андрею масонство, какъ онъ понималъ его.

Онъ говорилъ, что масонство есть ученіе христіанства, освободившагося отъ государственныхъ и религіозныхъ оковъ: ученіе равенства, братства и любви.

— Только наше святое братство имѣетъ дѣйствительный смыслъ въ жизни; все остальное есть сонъ, говорилъ Пьеръ. — Вы поймите, мой другъ, что внѣ этого союза все исполнено лжи и неправды, и я согласенъ съ вами, что умному и доброму человѣку ничего не остается, какъ только, какъ вы, доживать свою жизнь, стараясь только не мѣшать другимъ. Но усвойте себѣ наши основныя убѣжденія, вступите въ наше братство, дайте намъ себя, позвольте руководить собой, и вы сейчасъ почувствуете себя, какъ и я почувствовалъ, частью этой огромной, невидимой цѣпи, которой начало скрывается въ небесахъ, говорилъ Пьеръ.

Князь Андрей, молча, глядя предъ собой, слушалъ рѣчь Пьера. Нѣсколько разъ онъ, не разслышавъ отъ шума коляски, переспрашивалъ у Пьера нерасслышанныя слова. По особенному блеску, загорѣвшемуся въ глазахъ князя Андрея,

и по его молчанію Пьеръ видѣлъ, что слова его не напрасны, что князь Андрей не перебьетъ его и не будетъ смѣяться надъ его словами.

Они подъѣхали къ разлившейся рѣкѣ, которую имъ надо было переѣзжать на паромѣ. Пока устанавливали коляску и лошадей, они прошли на паромъ.

Князь Андрей, облокотившись о перила, молча смотрѣлъ вдоль по блестящему отъ заходящаго солнца разливу.

— Ну, что̀ же вы думаете объ этомъ? спросилъ Пьеръ. — Что̀ же вы молчите?

— Что̀ я думаю? я слушалъ тебя. Все это такъ, сказалъ князь Андрей. — Но ты говоришь: вступи въ наше братство, и мы тебѣ укажемъ цѣль жизни и назначеніе человѣка, и законы, управляющіе міромъ. Да кто же мы? — люди? Отчего же вы все знаете? Отчего я одинъ не вижу того, что̀ вы видите? Вы видите на землѣ царство добра и правды, а я его не вижу.

Пьеръ перебилъ его.

— Вѣрите вы въ будущую жизнь? спросилъ онъ.

— Въ будущую жизнь? повторилъ князь Андрей, но Пьеръ не далъ ему времени отвѣтить и принялъ это повтореніе за отрицаніе, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ прежнія атеистическія убѣжденія князя Андрея.

— Вы говорите, что̀ не можете видѣть царства добра и правды на землѣ. И я не видалъ его, и его нельзя видѣть, ежели смотрѣть на нашу жизнь, какъ на конецъ всего. На *землѣ*, именно на этой землѣ (Пьеръ указалъ въ поле), нѣтъ правды — все ложь и зло; но въ мірѣ, во всемъ мірѣ есть царство правды, и мы теперь дѣти земли, и вѣчно дѣти всего міра. Развѣ я не чувствую въ своей душѣ, что я со-

ставляю часть этого огромнаго, гармоническаго цѣлаго? Развѣ я не чувствую, что я въ этомъ огромномъ безчисленномъ количествѣ существъ, въ которыхъ проявляется Божество, высшая сила, — какъ хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень отъ низшихъ существъ къ высшимъ? Ежели я вижу, ясно вижу эту лѣстницу, которая ведетъ отъ растенія къ человѣку, то отчего же я предположу, что эта лѣстница прерывается со мною, а не ведетъ дальше и дальше? Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, какъ ничто не исчезаетъ въ мірѣ, но что я всегда буду и всегда былъ. Я чувствую, что кромѣ меня надо мной живутъ духи, и что въ этомъ мірѣ есть правда.

— Да, это ученіе Гердера, сказалъ князь Андрей, — но не то, душа моя, убѣдитъ меня, а жизнь и смерть, вотъ что̀ убѣждаетъ. Убѣждаетъ то, что видишь дорогое тебѣ существо, которое связано съ тобой, предъ которымъ ты былъ виноватъ и надѣялся оправдаться (князь Андрей дрогнулъ голосомъ и отвернулся), и вдругъ это существо страдаетъ, мучается и перестаетъ быть... Зачѣмъ? не можетъ быть, чтобъ не было отвѣта! И я вѣрю, что онъ есть... Вотъ что убѣждаетъ, вотъ что̀ убѣдило меня, сказалъ князь Андрей.

— Ну да, ну да, говорилъ Пьеръ, — развѣ не то же самое и я говорю!

— Нѣтъ. Я говорю только, что убѣждаютъ въ необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь въ жизни рука объ руку съ человѣкомъ, и вдругъ человѣкъ этотъ исчезнетъ *тамъ въ нигдѣ*, и ты самъ останавливаешься предъ этою пропастью и заглядываешь туда. И я заглянулъ...

— Ну, такъ что̀ жъ! Вы знаете, что̀ есть *тамъ* и что̀

есть! *кажется*. Там есть — будущая жизнь. Кто-то есть — Богъ.

Князь Андрей не отвѣчалъ. Коляска и лошади уже давно были выводены на другой берегъ и уже заложены, и ужъ солнце скрылось до половины, и вечерній морозъ покрывалъ звѣздами лужи у перевоза, а Пьеръ и Андрей, къ удивленію лакеевъ, кучеровъ и перевозчиковъ, еще стояли на паромѣ и говорили:

— Ежели есть Богъ и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродѣтель; и высшее счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ достиженію ихъ. Надо жить, надо любить, надо вѣрить, говорилъ Пьеръ, — что живемъ не нынче только на этомъ клочкѣ земли, а жили и будемъ жить вѣчно тамъ во всемъ (онъ указалъ на небо). Князь Андрей стоялъ, облокотившись на перила парома и слушая Пьера, не спуская глазъ, смотрѣлъ на красный отблескъ солнца по синѣющему разливу. Пьеръ замолкъ. Было совершенно тихо. Паромъ давно присталъ, и только волны теченія съ слабымъ звукомъ ударялись о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полосканье волнъ къ словамъ Пьера приговаривало: „правда, вѣрь этому“.

Князь Андрей вздохнулъ, и лучистымъ, дѣтскимъ, нѣжнымъ взглядомъ взглянулъ въ раскраснѣвшееся, восторженное, но все робкое предъ первенствующимъ другомъ, лицо Пьера.

— Да, коли бы это такъ было! сказалъ онъ. — Однако пойдемъ садиться, прибавилъ князь Андрей, и выходя съ парома, онъ поглядѣлъ на небо, на которое указывалъ ему Пьеръ, и въ первый разъ, послѣ Аустерлица, онъ увидалъ то высокое, вѣчное небо, которое онъ видѣлъ, лежа на Аустер-

цикомъ полѣ, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было въ немъ, вдругъ радостно и молодо проснулось въ его душѣ. Чувство это исчезло, какъ скоро князь Андрей вступилъ опять въ привычныя условія жизни, но онъ зналъ, что это чувство, которое онъ не умѣлъ развить, жило въ немъ. Свиданіе съ Пьеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя во внѣшности и та же самая, но во внутреннемъ мірѣ его новая жизнь.

XIII.

Уже смерклось, когда князь Андрей и Пьеръ подъѣхали къ главному подъѣзду Лысогорскаго дома. Въ то время какъ они подъѣзжали, князь Андрей съ улыбкой обратилъ вниманіе Пьера на суматоху, происшедшую у задняго крыльца. Согнутая старушка съ котомкой на спинѣ, и невысокій мущина въ черномъ одѣяніи и съ длинными волосами, увидавъ въѣзжавшую коляску, бросились бѣжать назадъ въ ворота. Двѣ женщины выбѣжали за ними, и всѣ четверо, оглядываясь на коляску, испуганно вбѣжали на заднее крыльцо.

— Это Машины Божьи люди, сказалъ князь Андрей. — Они приняли насъ за отца. А это единственно, въ чемъ она не повинуется ему: онъ велитъ гонять этихъ странниковъ, а она принимаетъ ихъ.

— Да что такое Божьи люди? спросилъ Пьеръ.

Князь Андрей не успѣлъ отвѣчать ему. Слуги вышли навстрѣчу, и онъ разспрашивалъ о томъ, гдѣ былъ старый князь и скоро ли ждутъ его.

Старый князь былъ еще въ городѣ, и его ждали каждую минуту.

Князь Андрей провелъ Пьера на свою половину, всегда въ полной исправности ожидавшую его въ домѣ его отца, и самъ пошелъ въ дѣтскую.

— Пойдемъ къ сестрѣ, сказалъ князь Андрей, возвратившись къ Пьеру; — я еще не видалъ ея, она теперь прячется и сидитъ съ своими Божьими людьми. Подѣломъ ей, она сконфузится, а ты увидишь Божьихъ людей. Это интересно, право.

— Чтò такое Божьи люди? спросилъ Пьеръ.

— А вотъ увидишь.

Княжна Марья дѣйствительно сконфузилась и покраснѣла пятнами, когда вошли къ ней. Въ ея уютной комнатѣ съ лампадами предъ кіотами, на диванѣ, за самоваромъ, сидѣлъ рядомъ съ ней молодой мальчикъ съ длиннымъ носомъ и длинными волосами, и въ монашеской рясѣ.

На креслѣ, подлѣ, сидѣла сморщенная, худая старушка съ кроткимъ выраженіемъ дѣтскаго лица.

— Андрюша, зачѣмъ ты не предупредилъ меня? сказала она съ кроткимъ упрекомъ, становясь предъ своими странниками, какъ насѣдка предъ цыплятами.

— Очень рада васъ видѣть, очень рада, сказала она Пьеру, въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку. Она знала его ребенкомъ, и теперь дружба его съ Андреемъ, его несчастіе съ женою, а главное, его доброе, простое лицо расположили ее къ нему. Она смотрѣла на него своими прекрасными, лучистыми глазами и, казалось, говорила: „я васъ очень люблю, но, пожалуйста, не смѣйтесь надъ *моими*“. Обмѣнявшись первыми фразами привѣтствія, они сѣли.

— А, и Иванушка тутъ, сказалъ князь Андрей, указывая улыбкой на молодаго странника.

— Андрюша! умоляюще сказала княжна Марья.

— Ты знаешь, это женщина, сказалъ Андрей Пьеру, по-французски.

— Андрюша, ради Бога, повторила княжна Марья.

Видно было, что насмѣшливое отношеніе князя Андрея къ странникамъ и безполезное заступничество за нихъ княжны Марьи были привычныя, установившіяся между ними отношенія.

— Но, мой добрый другъ, сказалъ князь Андрей. — ты бы должна была мнѣ быть благодарна за то, что я объясняю Пьеру твою интимность съ этимъ молодымъ человѣкомъ.

— Право? сказалъ Пьеръ, любопытно и серьезно (за что̀ особенно ему благодарна была княжна Марья) вглядываясь черезъ очки въ лицо Иванушки, который, понявъ, что рѣчь шла о немъ, хитрыми глазами оглядывалъ всѣхъ.

Княжна Марья совершенно напрасно смутилась за *своихъ*. Они нисколько не робѣли. Старушка, опустивъ глаза, но искоса поглядывая на вошедшихъ, опрокинувъ чашку вверхъ дномъ на блюдечко и положивъ подлѣ обкусанный кусочекъ сахара, спокойно и неподвижно сидѣла на своемъ креслѣ, ожидая, чтобъ ей предложили еще чаю. Иванушка, попивая изъ блюдечка, изъ подлобья лукавыми женскими глазами смотрѣлъ на молодыхъ людей.

— Гдѣ, въ Кіевѣ была? спросилъ старуху князь Андрей.

— Была, отецъ, отвѣчала словоохотливая старуха, — на самое Рождество удостоилась у угодниковъ сообщиться святыхъ небесныхъ таинъ. А теперь изъ Колязина, отецъ, благодать великая открылась.

— Что̀ жъ, Иванушка съ тобой?

— Я самъ по себѣ иду, кормилецъ, стараясь говорить

басомъ, сказалъ Иванушка. — Только въ Юхновѣ съ Пелагеюшкой сошлись...

Пелагеюшка перебила своего товарища, ей видно хотѣлось разсказать то, что она видѣла.

— Въ Колязинѣ, отецъ, великая благодать открылась.

— Что жъ, мощи новыя? спросилъ князь Андрей.

— Полно, Андрей, сказала княжна Марья. — Не разсказывай, Пелагеюшка.

— Ни... что ты, мать, отчего не разсказывать? Я его люблю. Онъ добрый, Богомъ взысканный, онъ мнѣ благодѣтель, 10 рублей далъ, я помню. Какъ была я въ Кіевѣ, и говоритъ мнѣ Кирюша юродивый — истинно Божій человѣкъ, зиму и лѣто босой ходитъ. Что ходишь, говоритъ, не по своему мѣсту, въ Колязинъ иди, тамъ икона чудотворная, матушка пресвятая Богородица, открылась. Я съ тѣхъ словъ простилась съ угодниками и пошла...

Всѣ молчали, одна странница говорила мѣрнымъ голосомъ, втягивая въ себя воздухъ.

— Пришла, отецъ мой, мнѣ народъ и говоритъ: благодать великая открылась, у матушки пресвятой Богородицы миро изъ щеки каплетъ...

— Ну, хорошо, хорошо, послѣ разскажешь, красавица, сказала княжна Марья.

— Позвольте у нея спросить, сказалъ Пьеръ. — Ты сама видѣла? спросилъ онъ.

— Какъ же, отецъ, сама удостоилась. Сіяніе такое на ликѣ то, какъ свѣтъ небесный, а изъ щечки у матушки такъ и каплетъ, такъ и каплетъ...

— Да вѣдь это обманъ, наивно сказалъ Пьеръ, внимательно слушавшій странницу.

— Ахъ, отецъ, что говоришь! съ ужасомъ сказала Пелагеюшка, за защитой обращаясь къ княжнѣ Марьѣ.

— Это обманываютъ народъ, повторилъ онъ.

— Господи Іисусе Христе, крестясь сказала странница.— Охъ, не говори, отецъ. Такъ-то одинъ анаралъ не вѣрилъ, сказалъ: „монахи обманываютъ", да какъ сказалъ, такъ и ослѣпъ. И приснилось ему, что приходитъ къ нему матушка Печерская и говоритъ: „увѣруй мнѣ, я тебя исцѣлю". Вотъ и сталъ проситься: повези да повези меня къ ней. Это я тебѣ истинную правду говорю, сама видѣла. Привезли его слѣпаго прямо къ ней, подошелъ, упалъ, говоритъ: „исцѣли! отдамъ тебѣ, говоритъ, въ чемъ царь жаловалъ". Сама видѣла, отецъ, звѣзда въ ней такъ и вдѣлана. Что жъ, — прозрѣлъ! Грѣхъ говорить такъ. Богъ накажетъ, поучительно обратилась она къ Пьеру.

— Какъ же звѣзда-то въ образѣ очутилась? спросилъ Пьеръ.

— Въ генералы и матушку произвели? сказалъ князь Андрей, улыбаясь.

Пелагеюшка вдругъ поблѣднѣла и всплеснула руками.

— Отецъ, отецъ, грѣхъ тебѣ, у тебя сынъ! заговорила она, изъ блѣдности вдругъ переходя въ яркую краску.

— Отецъ, что ты сказалъ такое, Богъ тебя прости. Она перекрестилась. — Господи, прости его. Матушка, что жъ это?... обратилась она къ княжнѣ Марьѣ. Она встала и чуть не плача стала собирать свою сумочку. Ей, видно, было и страшно, и стыдно, что она воспользовалась благодѣяніями въ домѣ, гдѣ могли говорить это, и жалко, что надо было теперь лишиться благодѣяній этого дома.

— Ну, что вамъ за охота? сказала княжна Марья. — Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?...

— Нѣтъ, вѣдь я шучу, Пелагеюшка, сказалъ Пьеръ. — Княжна, я право не хотѣлъ ее обидѣть, я такъ только. Ты не думай, я пошутилъ, говорилъ онъ, робко улыбаясь и желая загладить свою вину. — Вѣдь это я, а онъ такъ, пошутилъ только.

Пелагеюшка остановилась недовѣрчиво, но въ лицѣ Пьера была такая искренность раскаянія, и князь Андрей такъ кротко смотрѣлъ то на Пелагеюшку, то на Пьера, что она по-немногу успокоилась.

XIV.

Странница успокоилась и, наведенная опять на разговоръ, долго потомъ разсказывала про отца Амфилохія, который былъ такой святой жизни, что отъ ручки его ладономъ пахло, и о томъ, какъ знакомые ей монахи въ послѣднее ея странствіе въ Кіевъ дали ей ключи отъ пещеръ, и какъ она, взявъ съ собой сухарики, двое сутокъ провела въ пещерахъ съ угодниками. „Помолюся одному, почитаю, пойду къ другому. Сосну, опять пойду приложусь; и такая, матушка, тишина, благодать такая, что и на свѣтъ Божій выходить не хочется“.

Пьеръ внимательно и серьезно слушалъ ее. Князь Андрей вышелъ изъ комнаты. И вслѣдъ за нимъ, оставивъ Божьихъ людей допивать чай, княжна Марья повела Пьера въ гостиную.

— Вы очень добры, сказала она ему.

— Ахъ, я право не думалъ оскорбить ее, я такъ понимаю и высоко цѣню эти чувства.

Княжна Марья молча посмотрѣла на него и нѣжно улыбнулась.

— Вѣдь я васъ давно знаю и люблю какъ брата, сказала

она. — Какъ вы нашли Андрея? спросила она поспѣшно, не давая ему времени сказать что-нибудь въ отвѣтъ на ея ласковыя слова. — Онъ очень безпокоитъ меня. Здоровье его зимой лучше, но прошлою весной рана открылась, и докторъ сказалъ, что онъ долженъ ѣхать лѣчиться. И нравственно я очень боюсь за него. Онъ не такой характеръ какъ мы, женщины, чтобы выстрадать и выплакать свое горе. Онъ внутри себя носитъ его. Нынче онъ веселъ и оживленъ; но это вашъ пріѣздъ такъ подѣйствовалъ на него: онъ рѣдко бываетъ такимъ. Ежели бы вы могли уговорить его поѣхать за границу! Ему нужна дѣятельность, а эта ровная, тихая жизнь губитъ его. Другіе не замѣчаютъ, а я вижу.

Въ десятомъ часу офиціанты бросились къ крыльцу, заслышавъ бубенчики подъѣзжавшаго экипажа стараго князя. Князь Андрей съ Пьеромъ тоже вышли на крыльцо.

— Это кто? спросилъ старый князь, вылѣзая изъ кареты и увидавъ Пьера.

— А! очень радъ! цѣлуй, сказалъ онъ, узнавъ, кто былъ незнакомый молодой человѣкъ.

Старый князь былъ въ хорошемъ духѣ и обласкалъ Пьера.

Предъ ужиномъ князь Андрей, вернувшись назадъ въ кабинетъ отца, засталъ стараго князя въ горячемъ спорѣ съ Пьеромъ. Пьеръ доказывалъ, что придетъ время, когда не будетъ больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривалъ его.

— Кровь изъ жилъ выпусти, воды налей, тогда войны не будетъ. Бабьи бредни, бабьи бредни, проговорилъ онъ, но все-таки ласково потрепалъ Пьера по плечу и подошелъ къ столу, у котораго князь Андрей, видимо не желая вступать въ разговоръ, перебиралъ бумаги, привезенныя княземъ

изъ города. Старый князь подошелъ къ нему и сталъ говорить о дѣлахъ.

— Предводитель, Ростовъ-графъ, половины людей не доставилъ. Пріѣхалъ въ городъ, вздумалъ на обѣдъ звать, — я ему такой обѣдъ задалъ... А вотъ просмотри эту... Ну, братъ, обратился князь Николай Андреичъ къ сыну, хлопая по плечу Пьера, — молодецъ твой пріятель, я его полюбилъ! Разжигаетъ меня. Другой и умныя рѣчи говоритъ, а слушать не хочется, а онъ и вретъ, да разжигаетъ меня, старика. Ну, идите, идите, сказалъ онъ, — можетъ быть приду, за ужиномъ вашимъ посижу. Опять поспорю. Мою дуру, княжну Марью, полюби, прокричалъ онъ Пьеру изъ двери.

Пьеръ теперь только, въ свой пріѣздъ въ Лысыя Горы, оцѣнилъ всю силу и прелесть своей дружбы съ княземъ Андреемъ. Эта прелесть выразилась не столько въ его отношеніяхъ съ нимъ самимъ, сколько въ отношеніяхъ со всѣми родными и домашними. Пьеръ съ старымъ, суровымъ княземъ и съ кроткою и робкою княжной Марьей, несмотря на то, что онъ ихъ почти не зналъ, чувствовалъ себя сразу старымъ другомъ. Они всѣ уже любили его. Не только княжна Марья, подкупленная его кроткими отношеніями къ странницамъ, самымъ лучистымъ взглядомъ смотрѣла на него; но маленькій, годовой князь Николай, какъ звалъ дѣдъ, улыбнулся Пьеру и пошелъ къ нему на руки. Михаилъ Иванычъ, m-lle Бурьенъ съ радостными улыбками смотрѣли на него, когда онъ разговаривалъ съ старымъ княземъ.

Старый князь вышелъ ужинать: это было очевидно для Пьера. Онъ былъ съ нимъ оба дня его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ чрезвычайно ласковъ, и велѣлъ ему пріѣзжать къ себѣ.

Когда Пьеръ уѣхалъ и сошлись вмѣстѣ всѣ члены семьи, его стали судить, какъ это всегда бываетъ послѣ отъѣзда новаго человѣка, и какъ это рѣдко бываетъ, всѣ говорили про него одно хорошее.

XV.

Возвратившись въ этотъ разъ изъ отпуска, Ростовъ въ первый разъ почувствовалъ и узналъ, до какой степени сильна была его связь съ Денисовымъ и со всѣмъ полкомъ.

Когда Ростовъ подъѣзжалъ къ полку, онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое онъ испытывалъ, подъѣзжая къ Поварскому дому. Когда онъ увидалъ перваго гусара въ разстегнутомъ мундирѣ своего полка, когда онъ узналъ рыжаго Дементьева, увидалъ коновязи рыжихъ лошадей, когда Лаврушка радостно закричалъ своему барину: „Графъ пріѣхалъ!“ и лохматый Денисовъ, спавшій на постели, выбѣжалъ изъ землянки, обнялъ его, и офицеры сошлись къ пріѣзжему, — Ростовъ испытывалъ такое же чувство, какъ когда его обнимала мать, отецъ и сестры, и слезы радости, подступившія ему къ горлу, помѣшали ему говорить. Полкъ былъ тоже домъ, и домъ неизмѣнно милый и дорогой, какъ и домъ родительскій.

Явившись къ полковому командиру, получивъ назначеніе въ прежній эскадронъ, сходивши на дежурство и на фуражировку, войдя во всѣ маленькіе интересы полка и почувствовавъ себя лишеннымъ свободы и закованнымъ въ одну узкую неизмѣнную рамку, Ростовъ испыталъ то же успокоеніе, ту же опору и то же сознаніе того, что онъ здѣсь дома, на своемъ мѣстѣ, которыя онъ чувствовалъ и подъ родительскимъ кровомъ. Не было этой всей безурядицы

вольнаго свѣта, въ которомъ онъ не находилъ себѣ мѣста и ошибался въ выборахъ; не было Сони, съ которой надо было или не надо было объясняться. Не было возможности ѣхать туда или не ѣхать туда; не было этихъ 24 часовъ сутокъ, которые столькими различными способами можно было употребить; не было этого безчисленнаго множества людей, изъ которыхъ никто не былъ ближе, никто не былъ дальше; не было этихъ неясныхъ и неопредѣленныхъ денежныхъ отношеній съ отцомъ, не было напоминанія объ ужасномъ проигрышѣ Долохову! Тутъ въ полку все было ясно и просто. Весь міръ былъ раздѣленъ на два неровные отдѣла: одинъ — нашъ Павлоградскій полкъ, и другой — все остальное. И до этого остальнаго не было никакого дѣла. Въ полку все было извѣстно: кто былъ поручикъ, кто ротмистръ, кто хорошій, кто дурной человѣкъ, и главное товарищъ. Маркитантъ вѣритъ въ долгъ, жалованье получается въ треть; выдумывать и выбирать нечего, только не дѣлай ничего такого, что̀ считается дурнымъ въ Павлоградскомъ полку, а пошлютъ, дѣлай то, что̀ ясно и отчетливо, опредѣлено и приказано; и все будетъ хорошо.

Вступивъ снова въ эти опредѣленныя условія полковой жизни, Ростовъ испыталъ радость и успокоеніе, подобныя тѣмъ, которыя чувствуетъ усталый человѣкъ, ложась на отдыхъ. Тѣмъ отраднѣе была въ эту кампанію эта полковая жизнь Ростову, что онъ, послѣ проигрыша Долохову (поступка, котораго онъ, несмотря на всѣ утѣшенія родныхъ, не могъ простить себѣ), рѣшился служить не какъ прежде, а чтобы загладить свою вину, служить хорошо и быть вполнѣ отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т.-е.

прекраснымъ человѣкомъ, что представлялось столь труднымъ *въ міру*, а въ полку столь возможнымъ.

Ростовъ, со времени своего проигрыша, рѣшилъ, что онъ въ пять лѣтъ заплатитъ этотъ долгъ родителямъ. Ему посылалось по 10-и тысячъ въ годъ, теперь же онъ рѣшился брать только двѣ, а остальныя предоставлялъ родителямъ для уплаты долга.

Армія наша послѣ неоднократныхъ отступленій, наступленій и сраженій при Пултускѣ, при Прейсишъ-Эйлау, сосредоточивалась около Бартенштейна. Ожидали пріѣзда государя къ арміи и начала новой кампаніи.

Павлоградскій полкъ, находившійся въ той части арміи, которая была въ походѣ 1805 года, укомплектовываясь въ Россіи, опоздалъ къ первымъ дѣйствіямъ кампаніи. Онъ не былъ ни подъ Пултускомъ, ни подъ Прейсишъ-Эйлау и во второй половинѣ кампаніи, присоединившись къ дѣйствующей арміи, былъ причисленъ къ отряду Платова.

Отрядъ Платова дѣйствовалъ независимо отъ арміи. Нѣсколько разъ Павлоградцы были частями въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, захватывали плѣнныхъ и однажды отбили даже экипажи маршала Удино. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Павлоградцы нѣсколько недѣль простояли около разоренной до тла нѣмецкой пустой деревни, не трогаясь съ мѣста.

Была ростепель, грязь, холодъ, рѣки взломало, дороги сдѣлались непроѣздны; по нѣскольку дней не выдавали ни лошадямъ, ни людямъ провіанта. Такъ какъ подвозъ сдѣлался невозможенъ, то люди разсыпались по заброшеннымъ пустыннымъ деревнямъ отыскивать картофель, но уже и того находили мало.

Все было съѣдено, и всѣ жители разбѣжались; тѣ которые оставались, были хуже нищихъ, и отнимать у нихъ ужъ было нечего, и даже малосжалостливые солдаты часто вмѣсто того, чтобы пользоваться отъ нихъ, отдавали имъ свое послѣднее.

Павлоградскій полкъ въ дѣлахъ потерялъ только двухъ раненыхъ, но отъ голоду и болѣзней потерялъ почти половину людей. Въ госпиталяхъ умирали такъ вѣрно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происходившими отъ дурной пищи, предпочитали нести службу, черезъ силу волоча ноги во фронтѣ, чѣмъ отправляться въ больницы. Съ открытіемъ весны солдаты стали находить показавшееся изъ земли растеніе, похожее на спаржу, которое они называли почему-то Машкинъ сладкій корень, и разсыпались по лугамъ и полямъ, отыскивая этотъ Машкинъ сладкій корень (который былъ очень горекъ), саблями выкапывали его и ѣли, несмотря на приказаніе не ѣсть этого вреднаго растенія. Весною между солдатами открылась новая болѣзнь, опухоль рукъ, ногъ и лица, причину которой медики полагали въ употребленіи этого корня. Но, несмотря на запрещеніе, Павлоградскіе солдаты эскадрона Денисова ѣли преимущественно Машкинъ сладкій корень, потому что уже вторую недѣлю растягивали послѣдніе сухари, выдавали только по полфунта на человѣка, а картофель въ послѣднюю посылку привезли мерзлый и проросшій.

Лошади питались тоже вторую недѣлю соломенными крышами съ домовъ, были безобразно-худы и покрыты еще зимнею, клоками сбившеюся шерстью.

Несмотря на такое бѣдствіе, солдаты и офицеры жили точно такъ же, какъ и всегда; такъ же и теперь, хотя и

съ блѣдными и опухлыми лицами и въ оборванныхъ мундирахъ, гусары строились къ расчетамъ, ходили на уборку, чистили лошадей, амуницію, таскали вмѣсто корма солому съ крышъ и ходили обѣдать къ котламъ, отъ которыхъ вставали голодные, подшучивая надъ своею гадкою пищей и своимъ голодомъ. Такъ же, какъ и всегда, въ свободное отъ службы время, солдаты жгли костры, парились голые у огней, курили, отбирали и пекли проросшій, прѣлый картофель, и разсказывали и слушали разсказы или о Потемкинскихъ и Суворовскихъ походахъ, или сказки объ Алешѣ-пройдохѣ и о поповомъ батракѣ Миколкѣ.

Офицеры такъ же, какъ и обыкновенно, жили по-двое, по-трое, въ раскрытыхъ полуразоренныхъ домахъ. Старшіе заботились о пріобрѣтеніи соломы и картофеля, вообще о средствахъ пропитанія людей, младшіе занимались, какъ всегда, кто картами (денегъ было много, хотя провіанта и не было), кто невинными играми — въ свайку и городки. Объ общемъ ходѣ дѣлъ говорили мало, частью оттого, что ничего положительнаго не знали, частью оттого, что смутно чувствовали, что общее дѣло войны шло плохо.

Ростовъ жилъ попрежнему съ Денисовымъ, и дружеская связь ихъ со времени ихъ отпуска стала еще тѣснѣе. Денисовъ никогда не говорилъ про домашнихъ Ростова, но по нѣжной дружбѣ, которую командиръ оказывалъ своему офицеру, Ростовъ чувствовалъ, что несчастная любовь стараго гусара къ Наташѣ участвовала въ этомъ усиленіи дружбы. Денисовъ видимо старался какъ можно рѣже подвергать Ростова опасностямъ, берегъ его и послѣ дѣла особенно радостно встрѣчалъ его цѣлымъ и невредимымъ. На одной изъ своихъ командировокъ Ростовъ нашелъ въ заброшенной

разоренной деревнѣ, куда онъ пріѣхалъ за провіантомъ, семейство старика-поляка и его дочери съ груднымъ ребенкомъ. Они были раздѣты, голодны и не могли уйти и не имѣли средствъ выѣхать. Ростовъ привезъ ихъ въ свою стоянку, помѣстилъ въ своей квартирѣ, и нѣсколько недѣль, пока старикъ оправлялся, содержалъ ихъ. Товарищъ Ростова, разговорившись о женщинахъ, сталъ смѣяться Ростову, говоря, что онъ всѣхъ хитрѣе, и что ему бы не грѣхъ познакомить товарищей съ спасенною имъ хорошенькою полькой. Ростовъ принялъ шутку за оскорбленіе и, вспыхнувъ, наговорилъ офицеру такихъ непріятныхъ вещей, что Денисовъ съ трудомъ могъ удержать обоихъ отъ дуэли. Когда офицеръ ушелъ, и Денисовъ, самъ не знавшій отношеній Ростова къ полькѣ, сталъ упрекать его за вспыльчивость, Ростовъ сказалъ ему:

— Какъ же ты хочешь... Она мнѣ, какъ сестра, и я не могу тебѣ описать, какъ это обидно мнѣ было... потому что... ну, оттого...

Денисовъ ударилъ его по плечу, и быстро сталъ ходить по комнатѣ, не глядя на Ростова, что̀ онъ дѣлывалъ въ минуты душевнаго волненія.

— Экая дурацкая ваша порода Ростовская, проговорилъ онъ, и Ростовъ замѣтилъ слезы на глазахъ Денисова.

XVI.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ войска оживились извѣстіемъ о пріѣздѣ государя къ арміи. Ростову не удалось попасть на смотръ, который дѣлалъ государь въ Бартенштейнѣ: Павлоградцы стояли на аванпостахъ, далеко впереди Бартенштейна.

Они стояли биваками. Денисовъ съ Ростовымъ жили въ вырытой для нихъ солдатами землянкѣ, покрытой сучьями и дерномъ. Землянка была устроена слѣдующимъ, вошедшимъ тогда въ моду, способомъ: прорывалась канава въ полтора аршина ширины, два — глубины и три съ половиной длины. Съ одного конца канавы дѣлались ступеньки, и это былъ сходъ, крыльцо; сама канава была комната, въ которой у счастливыхъ, какъ у эскадроннаго командира, въ дальней, противуположной ступенямъ сторонѣ лежала на кольяхъ доска — это былъ столъ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль канавы была снята на аршинъ земля, и это были двѣ кровати и диваны. Крыша устраивалась такъ, что въ серединѣ можно было стоять, а на кровати даже можно было сидѣть, ежели подвинуться ближе къ столу. У Денисова, жившаго роскошно, потому что солдаты его эскадрона любили его, была еще доска въ фронтонѣ крыши, и въ этой доскѣ было разбитое, но склеенное стекло. Когда было очень холодно, то къ ступенямъ (въ пріемную, какъ называлъ Денисовъ эту часть балагана), приносили на желѣзномъ загнутомъ листѣ жаръ изъ солдатскихъ костровъ, и дѣлалось такъ тепло, что офицеры, которыхъ много всегда бывало у Денисова и Ростова, сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Ростовъ былъ дежурнымъ. Въ 8-мъ часу утра, вернувшись домой послѣ безсонной ночи, онъ велѣлъ принести жару, перемѣнилъ измокшее отъ дождя бѣлье, помолился Богу, напился чаю, согрѣлся, убралъ въ порядокъ вещи въ своемъ уголкѣ и на столѣ, и съ обвѣтрившимся, горѣвшимъ лицомъ, въ одной рубашкѣ легъ на спину, заложивъ руки подъ голову. Онъ пріятно размышлялъ о томъ, что на дняхъ долженъ выйти ему слѣдующій чинъ за послѣд-

нюю рекогносцировку, и ожидалъ куда-то вышедшаго Денисова. Ростову хотѣлось поговорить съ нимъ.

За шалашомъ послышался перекатывающійся крикъ Денисова, очевидно разгорячившагося. Ростовъ подвинулся къ окну посмотрѣть, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и увидалъ вахмистра Топчеенко.

— Я тебѣ приказывалъ не пускать ихъ жрать этотъ корень, Машкинъ какой-то! кричалъ Денисовъ. — Вѣдь я самъ видѣлъ, Лазарчукъ съ поля тащилъ.

— Я приказывалъ, ваше высокоблагородіе, не слушаютъ, отвѣчалъ вахмистръ.

Ростовъ опять легъ на свою кровать и съ удовольствіемъ подумалъ: — „пускай его теперь возится, хлопочетъ, я свое дѣло отдѣлалъ и лежу — отлично“! Изъ-за стѣнки онъ слышалъ, что, кромѣ вахмистра, еще говорилъ Лаврушка, этотъ бойкій, плутоватый лакей Денисова. Лаврушка что-то разсказывалъ о какихъ-то подводахъ, сухаряхъ и быкахъ, которыхъ онъ видѣлъ, ѣздивши за провизіей.

За балаганомъ послышался опять удаляющійся крикъ Денисова и слова: „Сѣдлай! Второй взводъ!“

„Куда это собрались?“ подумалъ Ростовъ.

— Черезъ пять минутъ Денисовъ вошелъ въ балаганъ, влѣзъ съ грязными ногами на кровать, сердито выкурилъ трубку, раскидалъ всѣ свои вещи, надѣлъ нагайку и саблю и сталъ выходить изъ землянки. На вопросъ Ростова: куда? онъ сердито и неопредѣленно отвѣчалъ, что есть дѣло.

— Суди меня тамъ Богъ и великій государь! сказалъ Денисовъ, выходя; и Ростовъ услыхалъ, какъ за балаганомъ зашлепали по грязи ноги нѣсколькихъ лошадей. Ростовъ не позаботился даже узнать, куда поѣхалъ Денисовъ. Угрѣв-

шись въ своемъ углѣ, онъ заснулъ и предъ вечеромъ только вышелъ изъ балагана. Денисовъ еще не возвращался. Вечеръ разгулялся; около сосѣдней землянки два офицера съ юнкеромъ играли въ свайку, со смѣхомъ засаживая рѣдьки въ рыхлую грязную землю. Ростовъ присоединился къ нимъ. Въ срединѣ игры офицеры увидали подъѣзжавшія къ нимъ повозки: человѣкъ 15 гусаръ, на худыхъ лошадяхъ, слѣдовали за ними. Повозки, конвоируемыя гусарами, подъѣхали къ коновязямъ, и толпа гусаръ окружила ихъ.

— Ну, вотъ, Денисовъ все тужилъ, сказалъ Ростовъ, — вотъ и провіантъ прибылъ.

— И то! сказали офицеры. — То-то радешеньки солдаты! — Немного позади гусаръ ѣхалъ Денисовъ, сопутствуемый двумя пѣхотными офицерами, съ которыми онъ о чемъ-то разговаривалъ. Ростовъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Я васъ предупреждаю, ротмистръ, говорилъ одинъ изъ офицеровъ, худой, маленькій ростомъ и видимо озлобленный.

— Вѣдь сказалъ, что не отдамъ, отвѣчалъ Денисовъ.

— Вы будете отвѣчать, ротмистръ, это буйство, — у своихъ транспорты отбивать! Наши два дня не ѣли.

— А мои двѣ недѣли не ѣли, отвѣчалъ Денисовъ.

— Это разбой, отвѣтите, милостивый государь! возвышая голосъ, повторилъ пѣхотный офицеръ.

— Да вы что ко мнѣ пристали? А? крикнулъ Денисовъ, вдругъ разгорячась, — отвѣчать буду я, а не вы, а вы тутъ не жужжите, пока цѣлы. Маршъ! крикнулъ онъ на офицеровъ.

— Хорошо же! не робѣя и не отъѣзжая, — кричалъ маленькій офицеръ, — разбойничать, такъ я вамъ...

— Къ черту, маршъ скорымъ шагомъ, пока цѣлъ. И Денисовъ повернулъ лошадь къ офицеру.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ офицеръ съ угрозой, и, повернувъ лошадь, поѣхалъ прочь рысью, трясясь на сѣдлѣ.

— Собака на заборѣ, живая собака на заборѣ, сказалъ Денисовъ ему вслѣдъ — высшую насмѣшку кавалериста надъ верховымъ пѣхотнымъ и, подъѣхавъ къ Ростову, расхохотался.

— Отбилъ у пѣхоты, отбилъ силой транспортъ! сказалъ онъ. — Чтò жъ, не съ голоду же издыхать людямъ?

Повозки, которыя подъѣхали къ гусарамъ, были назначены въ пѣхотный полкъ, но, извѣстившись черезъ Лаврушку, что этотъ транспортъ идетъ одинъ, Денисовъ съ гусарами силой отбилъ его. Солдатамъ роздали сухарей въ волю, подѣлились даже съ другими эскадронами.

На другой день полковой командиръ позвалъ къ себѣ Денисова и сказалъ ему, закрывъ раскрытыми пальцами глаза: — я на это смотрю вотъ такъ, я ничего не знаю и дѣла не начну; но совѣтую съѣздить въ штабъ и тамъ, въ провіантскомъ вѣдомствѣ, уладить это дѣло и, если возможно, расписаться, что получили столько-то провіанту; въ противномъ случаѣ, требованіе записано на пѣхотный полкъ: дѣло поднимется и можетъ кончиться дурно.

Денисовъ прямо отъ полковаго командира поѣхалъ въ штабъ, съ искреннимъ желаніемъ исполнить его совѣтъ. Вечеромъ онъ возвратился въ свою землянку въ такомъ положеніи, въ которомъ Ростовъ еще никогда не видалъ своего друга. Денисовъ не могъ говорить и задыхался. Когда Ростовъ спрашивалъ его, чтò съ нимъ, онъ только хриплымъ и слабымъ голосомъ произносилъ непонятныя ругательства и угрозы.

Испуганный положеніемъ Денисова, Ростовъ предлагалъ ему раздѣться, выпить воды и послать за лѣкаремъ.

— Меня за разбой судить — охъ! Дай еще воды, — пускай судятъ, а буду, всегда буду подлецовъ бить, и государю скажу. Льду дайте, приговаривалъ онъ.

Пришедшій полковой лѣкарь сказалъ, что необходимо пустить кровь. Глубокая тарелка черной крови вышла изъ мохнатой руки Денисова, и тогда только онъ былъ въ состояніи разсказать все, что съ нимъ было.

— „Пріѣзжаю", разсказывалъ Денисовъ. — „Ну, гдѣ у васъ тутъ начальникъ?" Показали. — „Подождать не угодно ли". — „У меня служба, я за 30 верстъ пріѣхалъ, мнѣ ждать нѣкогда, доложи". Хорошо, выходитъ, этотъ оберъворъ; тоже вздумалъ учить меня: — „Это разбой!" — „Разбой, говорю, не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ!" — „Такъ не угодно ли молчать". — Хорошо. — „Распишитесь, говоритъ, у коммиссіонера, а дѣло ваше передастся по командѣ". — Прихожу къ коммиссіонеру. Вхожу — за столомъ... Кто же?! — Нѣтъ, ты подумай!... Кто же насъ голодомъ морить, закричалъ Денисовъ, ударяя кулакомъ больной руки по столу — такъ крѣпко, что столъ чуть не упалъ и стаканы поскакали на немъ. — Телянинъ!!... — „Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!" Разъ, разъ по мордѣ, ловко такъ пришлось... — „А!... распротакой сякой..." „и началъ катать". — Зато натѣшился, могу сказать, кричалъ Денисовъ, радостно и злобно изъ-подъ черныхъ усовъ оскаливая свои бѣлые зубы. — Я бы убилъ его, кабы не отняли.

— Да что жъ ты кричишь, успокойся, говорилъ Ростовъ: вотъ — опять кровь пошла. Постой же, перебинтовать надо.

Денисова перебинтовали и уложили спать. На другой день онъ проснулся веселый и спокойный.

Но въ полдень адъютантъ полка съ серьезнымъ и печальнымъ лицомъ пришелъ въ общую землянку Денисова и Ростова и съ прискорбіемъ показалъ форменную бумагу къ маіору Денисову отъ полковаго командира, въ которой дѣлались запросы о вчерашнемъ происшествіи. Адъютантъ сообщилъ, что дѣло должно принять весьма дурной оборотъ, что назначена военно-судная коммиссія и что, при настоящей строгости касательно мародерства и своевольства войскъ, въ счастливомъ случаѣ дѣло можетъ кончиться разжалованіемъ.

Дѣло представлялось со стороны обиженныхъ въ такомъ видѣ, что, послѣ отбитія транспорта, маіоръ Денисовъ, безъ всякаго вызова, въ пьяномъ видѣ, явился къ оберъ-провіантмейстеру, назвалъ его воромъ, угрожалъ побоями, и когда былъ выведенъ вонъ, то бросился въ канцелярію, избилъ двухъ чиновниковъ и одному вывихнулъ руку.

Денисовъ, на новые вопросы Ростова, смѣясь сказалъ, что, кажется, тутъ точно другой какой-то подвернулся, но что все это вздоръ, пустяки, что онъ и не думаетъ бояться никакихъ судовъ, и что ежели эти подлецы осмѣлятся задрать его, онъ имъ отвѣтитъ такъ, что они будутъ помнить.

Денисовъ говорилъ пренебрежительно о всемъ этомъ дѣлѣ; но Ростовъ зналъ его слишкомъ хорошо, чтобы не замѣтить, что онъ въ душѣ (скрывая это отъ другихъ) боялся суда и мучился этимъ дѣломъ, которое, очевидно, должно было имѣть дурныя послѣдствія. Каждый день стали приходить бумаги-запросы, требованія къ суду, и перваго мая предписано было Денисову сдать старшему по себѣ эскадронъ и явиться въ штабъ дивизіи для объясненій по дѣлу о буйствѣ въ провіантской коммиссіи. Наканунѣ этого дня Пла-

томъ дѣлалъ рекогносцировку непріятеля съ двумя казачьими полками и двумя эскадронами гусаръ. Денисовъ, какъ всегда, выѣхалъ впередъ цѣпи, щеголяя своею храбростью. Одна изъ пуль, пущенныхъ французскими стрѣлками, попала ему въ мякоть верхней части ноги. Можетъ быть, въ другое время Денисовъ съ такою легкою раной не уѣхалъ бы отъ полка, но теперь онъ воспользовался этимъ случаемъ, отказался отъ явки въ дивизію и уѣхалъ въ госпиталь.

XVII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ произошло Фридландское сраженіе въ которомъ не участвовали Павлоградцы, и вслѣдъ за нимъ объявлено было перемиріе. Ростовъ, тяжело чувствовавшій отсутствіе своего друга, не имѣя со времени его отъѣзда никакихъ извѣстій о немъ и безпокоясь о ходѣ его дѣла и раны, воспользовался перемиріемъ и отпросился въ госпиталь провѣдать Денисова.

Госпиталь находился въ маленькомъ прусскомъ мѣстечкѣ, два раза разоренномъ русскими и французскими войсками. Именно потому, что это было лѣтомъ, когда въ полѣ было такъ хорошо, мѣстечко это съ своими расломанными крышами и заборами и своими загаженными улицами оборванными жителями и пьяными и больными солдатами, бродившими по немъ, представляло особенно мрачное зрѣлище.

Въ каменномъ домѣ, на дворѣ съ остатками разобраннаго забора, выбитыми частью рамами и стеклами, помѣщался госпиталь. Нѣсколько перевязанныхъ, блѣдныхъ и опухшихъ солдатъ ходили и сидѣли на дворѣ на солнышкѣ.

Какъ только Ростовъ вошелъ въ двери дома, его обхватилъ запахъ гніющаго тѣла и больницы. На лѣстницѣ онъ

встрѣтилъ военнаго русскаго доктора съ сигарою во рту. За докторомъ шелъ русскій фельдшеръ.

— Не могу же я разорваться, говорилъ докторъ; — приходи вечеркомъ къ Макару Алексѣевичу, я тамъ буду. Фельдшеръ что-то еще спросилъ у него.

— Э! дѣлай какъ знаешь! Развѣ не все равно? — Докторъ увидалъ подымающагося на лѣстницу Ростова.

— Вы зачѣмъ, ваше благородіе? сказалъ докторъ. Вы зачѣмъ? Или пуля васъ не брала, такъ вы тифу набраться хотите? Тутъ, батюшка, домъ прокаженныхъ.

— Отчего? спросилъ Ростовъ.

— Тифъ, батюшка. Кто ни взойдетъ — смерть. Только мы двое съ Макеевымъ (онъ указалъ на фельдшера) тутъ треплемся. Тутъ ужъ нашего брата докторовъ человѣкъ пять перемерло. Какъ поступитъ новенькій, черезъ недѣльку готовъ, съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ докторъ. — Прусскихъ докторовъ вызывали, такъ не любятъ союзники-то наши.

Ростовъ объяснилъ ему, что онъ желалъ видѣть здѣсь лежащаго гусарскаго маіора Денисова.

— Не знаю, не вѣдаю, батюшка. Вѣдь вы подумайте, у меня на одного три госпиталя, 400 больныхъ слишкомъ! Еще хорошо, прусскія дамы-благодѣтельницы намъ кофе и корпію присылаютъ по два фунта въ мѣсяцъ, а то бы пропали. — Онъ засмѣялся. 400, батюшка; а мнѣ все новенькихъ присылаютъ. Вѣдь 400 есть? А? обратился онъ къ фельдшеру.

Фельдшеръ имѣлъ измученный видъ. Онъ видимо съ досадой дожидался, скоро ли уйдетъ заболтавшійся докторъ.

— Маіоръ Денисовъ, повторилъ Ростовъ; — онъ подъ Молитеномъ раненъ былъ.

— Кажется, умеръ. А? Макеевъ, равнодушно спросилъ докторъ у фельдшера.

Фельдшеръ однако не подтвердилъ словъ доктора.

— Чтò, онъ такой длинный, рыжеватый? спросилъ докторъ. Ростовъ описалъ наружность Денисова.

— Былъ, былъ такой, какъ бы рàдостно проговорилъ докторъ, — этотъ должно быть умеръ, а впрочемъ я справлюсь, у меня списки были. Есть у тебя, Макеевъ?

— Списки у Макара Алексѣича, сказалъ фельдшеръ. — А пожалуйте въ офицерскія палаты, тамъ сами увидите, прибавилъ онъ, обращаясь къ Ростову.

— Эхъ, лучше не ходить, батюшка! сказалъ докторъ;— а то какъ бы сами тутъ не остались. Но Ростовъ откланялся доктору и попросилъ фельдшера проводить его.

— Не пѣнять же, чуръ, на меня, прокричалъ докторъ изъ-подъ лѣстницы.

Ростовъ съ фельдшеромъ вошли въ корридоръ. Больничный запахъ былъ такъ силенъ въ этомъ темномъ корридорѣ, что Ростовъ схватился за носъ и долженъ былъ остановиться, чтобы собраться съ силами и идти дальше. Направо отворилась дверь, и оттуда высунулся на костыляхъ худой, желтый человѣкъ, босой и въ одномъ бѣльѣ. Онъ, опершись о притолку, блестящими, завистливыми глазами поглядѣлъ на проходящихъ. Заглянувъ въ дверь, Ростовъ увидалъ, что больные и раненые лежали тамъ на полу, на соломѣ и шинеляхъ.

— А можно войти посмотрѣть? спросилъ Ростовъ.

— Чтò же смотрѣть? сказалъ фельдшеръ. Но именно потому, что фельдшеръ очевидно не желалъ впустить туда, Ростовъ вошелъ въ солдатскія палаты. Запахъ, къ которому

онъ уже успѣлъ принюхаться въ коридорѣ, здѣсь былъ еще сильнѣе. Запахъ этотъ здѣсь нѣсколько измѣнился: онъ былъ рѣзче, и чувствительно было, что отсюда-то именно онъ и происходилъ.

Въ длинной комнатѣ, ярко освѣщенной солнцемъ въ большія окна, въ два ряда, головами къ стѣнамъ и оставляя проходъ по серединѣ, лежали больные и раненые. Бо́льшая часть изъ нихъ были въ забытьи и не обратили вниманія на вошедшихъ. Тѣ, которые были въ памяти, всѣ приподнялись или подняли свои худыя, желтыя лица, и всѣ съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ надежды на помощь, упрека и зависти къ чужому здоровью, не спуская глазъ, смотрѣли на Ростова. Ростовъ вышелъ на середину комнаты, заглянулъ въ сосѣднія двери комнатъ съ растворенными дверями, и съ обѣихъ сторонъ увидалъ то же самое. Онъ остановился, молча оглядываясь вокругъ себя. Онъ никакъ не ожидалъ видѣть это. Предъ самымъ нимъ лежалъ почти поперекъ средняго прохода, на голомъ полу, больной, вѣроятно казакъ, потому что волосы его были обстрижены въ скобку. Казакъ этотъ лежалъ навзничь, раскинувъ огромныя руки и ноги. Лицо его было багрово-красно, глаза совершенно закачены, такъ что видны были одни бѣлки, и на босыхъ ногахъ его и на рукахъ, еще красныхъ, жилы напружились какъ веревки. Онъ стукнулся затылкомъ о полъ и что-то хрипло проговорилъ и сталъ повторять это слово. Ростовъ прислушался къ тому, что̀ онъ говорилъ, и разобралъ повторяемое имъ слово. Слово это было: испить — пить — испить! Ростовъ оглянулся, отыскивая того, кто бы могъ уложить на мѣсто этого больнаго и дать ему воды.

— Кто тутъ ходитъ за больными? спросилъ онъ фельд-

шера. Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ фурштатскій солдатъ, больничный служитель, и отбивая шагъ, вытянулся предъ Ростовымъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! прокричалъ этотъ солдатъ, выкатывая глаза на Ростова и, очевидно, принимая его за больничное начальство.

— Убери же его, дай ему воды, сказалъ Ростовъ, указывая на казака.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, съ удовольствіемъ проговорилъ солдатъ, еще старательнѣе выкатывая глаза и вытягиваясь, но не трогаясь съ мѣста.

„Нѣтъ, тутъ ничего не сдѣлаешь“, подумалъ Ростовъ, опустивъ глаза, и хотѣлъ уже выходить, но съ правой стороны онъ чувствовалъ устремленный на себя значительный взглядъ и оглянулся на него. Почти въ самомъ углу на шинели сидѣлъ съ желтымъ, какъ скелетъ, худымъ, строгимъ лицомъ и небритою сѣдою бородой, старый солдатъ и упорно смотрѣлъ на Ростова. Съ одной стороны, сосѣдъ стараго солдата что-то шепталъ ему, указывая на Ростова. Ростовъ понялъ, что старикъ намѣренъ о чемъ-то просить его. Онъ подошелъ ближе и увидалъ, что у старика была согнута только одна нога, а другой совсѣмъ не было выше колѣна. Другой сосѣдъ старика, неподвижно лежавшій съ закинутою головой, довольно далеко отъ него, былъ молодой солдатъ съ восковою блѣдностью на курносомъ, покрытомъ еще веснушками, лицѣ и съ закаченными подъ вѣки глазами. Ростовъ поглядѣлъ на курносаго солдата, и морозъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— Да вѣдь этотъ, кажется..., обратился онъ къ фельдшеру.

— Ужъ какъ просили, ваше благородіе, сказалъ старый

солдатъ съ дрожаніемъ нижней челюсти. — Еще утромъ кончился. Вѣдь тоже люди, а не собаки...

— Сейчасъ пришлю; уберутъ, уберутъ, поспѣшно сказалъ фельдшеръ. — Пожалуйте, ваше благородіе.

— Пойдемъ, пойдемъ, поспѣшно сказалъ Ростовъ, и опустивъ глаза и сжавшись, стараясь пройти незамѣченнымъ сквозь строй этихъ укоризненныхъ и завистливыхъ глазъ, устремленныхъ на него, онъ вышелъ изъ комнаты.

XVIII.

Пройдя корридоръ, фельдшеръ ввелъ Ростова въ офицерскія палаты, состоявшія изъ трехъ съ растворенными дверями комнатъ. Въ комнатахъ этихъ были кровати; раненые и больные офицеры лежали и сидѣли на нихъ. Нѣкоторые въ больничныхъ халатахъ ходили по комнатамъ. Первое лицо, встрѣтившееся Ростову въ офицерскихъ палатахъ, былъ маленькій, худой человѣкъ безъ руки, въ колпакѣ и больничномъ халатѣ, съ закушенною трубочкой ходившій въ первой комнатѣ. Ростовъ, вглядываясь, въ него, старался вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться, сказалъ маленькій человѣкъ. — Тушинъ, Тушинъ, помните довезъ васъ подъ Шенграбеномъ? А мнѣ кусочекъ отрѣзали, вотъ..., сказалъ онъ, улыбаясь, показывая на пустой рукавъ халата. — Василья Дмитріевича Денисова ищете, — сожитель! сказалъ онъ, узнавъ, кого нужно было Ростову. — Здѣсь, здѣсь, и повелъ его въ другую комнату, изъ которой слышался хохотъ нѣсколькихъ голосовъ.

„И какъ они могутъ не только хохотать, но жить тутъ?“

думалъ Ростовъ, все слыша еще этотъ запахъ мертваго тѣла, котораго онъ набрался еще въ солдатскомъ госпиталѣ, и все еще видя вокругъ себя эти завистливые взгляды, провожавшіе его съ обѣихъ сторонъ, и лицо этого молодаго солдата съ закаченными глазами.

Денисовъ, закрывшись съ головой одѣяломъ, спалъ на постели, несмотря на то, что былъ 12-й часъ дня.

— А, Ростовъ? Здорово, здорово! закричалъ онъ все тѣмъ же голосомъ, какъ, бывало, и въ полку; но Ростовъ съ грустью замѣтилъ, какъ за этою привычною развязностью и оживленностью какое-то новое, дурное, затаенное чувство проглядывало въ выраженіи лица, въ интонаціяхъ и словахъ Денисова.

Рана его, несмотря на свою ничтожность, все еще не заживала, хотя уже прошло шесть недѣль, какъ онъ былъ раненъ. Въ лицѣ его была та же блѣдная опухоль, которая была на всѣхъ госпитальныхъ лицахъ. Но не это поразило Ростова; его поразило то, что Денисовъ какъ будто не радъ былъ ему и неестественно ему улыбался. Денисовъ не разспрашивалъ ни про полкъ, ни про общій ходъ дѣла. Когда Ростовъ говорилъ про это, Денисовъ не слушалъ.

Ростовъ замѣтилъ даже, что Денисову непріятно было, когда ему напоминали о полкѣ и вообще о той, другой, вольной жизни, которая шла внѣ госпиталя. Онъ, казалось, старался забыть ту прежнюю жизнь и интересовался только своимъ дѣломъ съ провіантскими чиновниками. На вопросъ Ростова, въ какомъ положеніи было дѣло, онъ тотчасъ досталъ изъ-подъ подушки бумагу, полученную изъ коммисіи и свой черновой отвѣтъ на нее. Онъ оживился, начавъ читать свою бумагу и особенно давалъ замѣтить Ростову кол-

кости, которыя онъ въ этой бумагѣ говорилъ своимъ врагамъ. Госпитальные товарищи Денисова, окружившіе было Ростова — вновь прибывшее изъ вольнаго свѣта лицо, — стали по немногу расходиться, какъ только Денисовъ сталъ читать свою бумагу. По ихъ лицамъ Ростовъ понялъ, что всѣ эти господа уже не разъ слышали всю эту, успѣвшую имъ надоѣсть, исторію. Только сосѣдъ на кровати, толстый уланъ, сидѣлъ на своей койкѣ, мрачно нахмурившись и куря трубку, и маленькій Тушинъ безъ руки продолжалъ слушать, неодобрительно покачивая головой. Въ серединѣ чтенія уланъ перебилъ Денисова.

— А по мнѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Ростову, — надо просто просить государя о помилованіи. Теперь, говорятъ, награды будутъ большія, и вѣрно простятъ...

— Мнѣ просить государя! сказалъ Денисовъ голосомъ, которому онъ хотѣлъ придать прежнюю энергію и горячность, но который звучалъ безполезною раздражительностью. — О чемъ? Ежели бы я былъ разбойникъ, я бы просилъ милости, а то я сужусь за то, что вывожу на чистую воду разбойниковъ. Пускай судятъ, я никого не боюсь: я честно служилъ царю, отечеству, и не кралъ! И меня разжаловать, и... Слушай, я такъ прямо и пишу имъ, вотъ я пишу: „ежели бы я былъ казнокрадъ..."

— Ловко написано, что и говорить, сказалъ Тушинъ. — Да не въ томъ дѣло, Василій Дмитричъ, — онъ тоже обратился къ Ростову, — покориться надо, а вотъ Василій Дмитричъ не хочетъ. Вѣдь аудиторъ говорилъ вамъ, что дѣло ваше плохо.

— Ну, пускай будетъ плохо, сказалъ Денисовъ.

— Вамъ написалъ аудиторъ просьбу, продолжалъ Ту-

шинъ, — и надо подписать, да вотъ съ ними и отправить. У нихъ вѣрно (онъ указалъ па Ростова) и рука въ штабѣ есть. Ужъ лучше случая не найдете.

— Да вѣдь я сказалъ, что подличать не стану, перебилъ Денисовъ, и опять продолжалъ чтеніе своей бумаги.

Ростовъ не смѣлъ уговаривать Денисова, хотя онъ инстинктомъ чувствовалъ, что путь, предлагаемый Тушинымъ и другими офицерами, былъ самый вѣрный, и хотя онъ считалъ бы себя счастливымъ, ежели бы могъ оказать помощь Денисову, онъ зналъ непреклонность воли Денисова и его правдивую горячность.

Когда кончилось чтеніе ядовитыхъ бумагъ Денисова, продолжавшееся болѣе часа, Ростовъ ничего не сказалъ, и въ самомъ грустномъ расположеніи духа, въ обществѣ опять собравшихся около него госпитальныхъ товарищей Денисова, провелъ остальную часть дня, разсказывая про то, чтò онъ зналъ и слушая разсказы другихъ. Денисовъ мрачно молчалъ впродолженіе всего вечера.

Поздно вечеромъ Ростовъ собрался уѣзжать и спросилъ Денисова, не будетъ ли какихъ порученій?

— Да, постой, сказалъ Денисовъ, оглянулся на офицеровъ и, доставъ изъ-подъ подушки свои бумаги, пошелъ къ окну, на которомъ у него стояла чернильница и сѣлъ писать.

— Видно плетью обуха не перешибешь, сказалъ онъ, отходя отъ окна и подавая Ростову большой конвертъ. Это была просьба на имя государя, составленная аудиторомъ, въ которой Денисовъ, ничего не упоминая о винахъ провіантскаго вѣдомства, просилъ только о помилованіи.

— Передай, видно... Онъ не договорилъ и улыбнулся болѣзненно-фальшивою улыбкой.

XIX.

Вернувшись въ полкъ и передавъ командиру, въ какомъ положеніи находилось дѣло Денисова, Ростовъ съ письмомъ къ государю поѣхалъ въ Тильзитъ.

13-го іюня французскій и руссскій императоры съѣхались въ Тильзитѣ. Борисъ Друбецкой просилъ важное лицо, при которомъ онъ состоялъ, о томъ, чтобы быть причисленну къ свитѣ, назначенной состоять въ Тильзитѣ.

— Я бы желалъ видѣть великаго человѣка, сказалъ онъ, говоря про Наполеона, котораго онъ до сихъ поръ всегда, какъ и всѣ, называлъ Буонапарте.

— Вы говорите о Буонапарте? сказалъ ему, улыбаясь генералъ.

Борисъ вопросительно посмотрѣлъ на своего генерала и тотчасъ же понялъ, что это было шуточное испытаніе.

— Князь, я говорю объ императорѣ Наполеонѣ, отвѣчалъ онъ. Генералъ съ улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Ты далеко пойдешь, сказалъ онъ ему и взялъ съ собою.

Борисъ въ числѣ немногихъ былъ на Нѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онъ видѣлъ плоты съ вензелями, проѣздъ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онъ молча сидѣлъ въ корчмѣ на берегу Нѣмана, ожидая прибытія Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами пошелъ впередъ и, встрѣчая Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павильонѣ. Со времени своего вступленія въ высшіе міры, Борисъ сдѣлалъ себѣ привычку внимательно наблюдать то, что происходило

вокругъ него, и записывать. Во время свиданія въ Тильзитѣ онъ разспрашивалъ объ именахъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали съ Наполеономъ, о мундирахъ, которые были на нихъ надѣты, и внимательно прислушивался къ словамъ, которыя были сказаны важными лицами. Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павиліонъ, онъ посмотрѣлъ на часы и не забылъ посмотрѣть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павиліона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онъ такъ и записалъ это въ тотъ вечеръ въ числѣ другихъ фактовъ, которые, онъ чувствовалъ, имѣли историческое значеніе. Такъ какъ свита императора была очень небольшая, то для человѣка, дорожащаго успѣхомъ по службѣ, находиться въ Тильзитѣ во время свиданія императоровъ было дѣломъ очень важнымъ, и Борисъ, попавъ въ Тильзитъ, чувствовалъ, что съ этого времени положеніе его совершенно утвердилось. Его не только знали, но къ нему пригляделись и привыкли. Два раза онъ исполнялъ порученія къ самому государю, такъ что государь зналъ его въ лицо, и всѣ приближенные не только не дичились его, какъ прежде, считая за новое лицо, но удивились бы, ежели бы его не было.

Борисъ жилъ съ другимъ адъютантомъ, польскимъ графомъ Жилинскимъ. Жилинскій, воспитанный въ Парижѣ полякъ, былъ богатъ, страстно любилъ французовъ, и почти каждый день во время пребыванія въ Тильзитѣ къ Жилинскому и Борису собирались на обѣды и завтраки французскіе офицеры изъ гвардіи и главнаго французскаго штаба.

24-го іюня вечеромъ, графъ Жилинскій, сожитель Бориса, устроилъ для своихъ знакомыхъ французовъ ужинъ. На ужинѣ этомъ былъ почетный гость, одинъ адъютантъ Напо-

леона, нѣсколько офицеровъ французской гвардіи, и молодой мальчикъ старой аристократической французской фамиліи, пажъ Наполеона. Въ этотъ самый день Ростовъ, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнаннымъ, въ статскомъ платьѣ пріѣхалъ въ Тильзитъ и вошелъ въ квартиру Жилинскаго и Бориса.

Въ Ростовѣ, такъ же какъ и во всей арміи, изъ которой онъ пріѣхалъ, еще далеко не совершился въ отношеніи Наполеона и французовъ, изъ враговъ сдѣлавшихся друзьями, тотъ переворотъ, который произошелъ въ главной квартирѣ и въ Борисѣ. Всѣ еще продолжали въ арміи испытывать прежнее смѣшанное чувство злобы, презрѣнія и страха къ Бонапарте и французамъ. Еще недавно Ростовъ, разговаривая съ Платовскимъ казачьимъ офицеромъ, спорилъ о томъ, что ежели бы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ, съ нимъ обратились бы не какъ съ государемъ, а какъ съ преступникомъ. Еще недавно на дорогѣ, встрѣтившись съ французскимъ раненымъ полковникомъ, Ростовъ разгорячился, доказывая ему, что не можетъ быть мира между законнымъ государемъ и преступникомъ-Бонапарте. Поэтому Ростова странно поразилъ въ квартирѣ Бориса видъ французскихъ офицеровъ въ тѣхъ самыхъ мундирахъ, на которые онъ привыкъ совсѣмъ иначе смотрѣть изъ фланкерской цѣпи. Какъ только онъ увидалъ высунувшагося изъ двери французскаго офицера, это чувство войны, враждебности, которое онъ всегда испытывалъ при видѣ непріятеля, вдругъ обхватило его. Онъ остановился на порогѣ и по-русски спросилъ, тутъ ли живетъ Друбецкой. Борисъ, заслышавъ чужой голосъ въ передней, вышелъ къ нему навстрѣчу. Лицо его въ первую минуту, когда онъ узналъ Ростова, выразило досаду.

— Ахъ, это ты, очень радъ, очень радъ тебя видѣть, сказалъ онъ однако, улыбаясь и подвигаясь къ нему. Но Ростовъ замѣтилъ первое его движеніе.

— Я не во-время кажется, сказалъ онъ, — я бы не пріѣхалъ, но мнѣ дѣло есть, сказалъ онъ холодно...

— Нѣтъ, я только удивляюсь, какъ ты изъ полка пріѣхалъ. — Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ, обратился онъ на голосъ звавшаго его.

— Я вижу, что я не во-время, повторилъ Ростовъ.

Выраженіе досады уже исчезло на лицѣ Бориса; видимо обдумавъ и рѣшивъ, что ему дѣлать, онъ съ особеннымъ спокойствіемъ взялъ его за обѣ руки и повелъ въ сосѣднюю комнату. Глаза Бориса, спокойно и твердо глядѣвшіе на Ростова, были какъ будто застланы чѣмъ-то, какъ будто какая-то заслонка — синіе очки общежитія — были надѣты на нихъ. Такъ казалось Ростову.

— Ахъ, полно пожалуйста, можешь ли ты быть не во-время, сказалъ Борисъ. Борисъ ввелъ его въ комнату, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, познакомилъ съ гостями, назвавъ его и объяснивъ, что онъ былъ не статскій, но гусарскій офицеръ, его старый пріятель. — Графъ Жилинскій, графъ Н. Н., капитанъ С. С., называлъ онъ гостей. Ростовъ нахмуренно глядѣлъ на французовъ, неохотно раскланивался и молчалъ.

Жилинскій видимо не радостно принялъ это новое русское лицо въ свой кружокъ и ничего не сказалъ Ростову. Борисъ, казалось, не замѣчалъ происшедшаго стѣсненія отъ новаго лица и съ тѣмъ же пріятнымъ спокойствіемъ и застланностью въ глазахъ, съ которыми онъ встрѣтилъ Ростова, старался оживить разговоръ. Одинъ изъ французовъ обратился съ обыкновенною французскою учтивостью къ упорно молчавшему

Ростову и сказалъ ему, — что вѣроятно для того, чтобъ увидать императора, онъ пріѣхалъ въ Тильзитъ.

— Нѣтъ, у меня есть дѣло, коротко отвѣтилъ Ростовъ.

Ростовъ сдѣлался не въ духѣ тотчасъ же послѣ того, какъ онъ замѣтилъ неудовольствіе на лицѣ Бориса, и, какъ всегда бываетъ съ людьми, которые не въ духѣ, ему казалось, что всѣ неприязненно смотрятъ на него и что всѣмъ онъ мѣшаетъ. И дѣйствительно, онъ мѣшалъ всѣмъ и одинъ оставался внѣ вновь завязавшагося общаго разговора. И зачѣмъ онъ сидитъ тутъ? говорили взгляды, которые бросали на него гости. Онъ всталъ и подошелъ къ Борису.

— Однако я тебя стѣсняю, сказалъ онъ ему тихо, — пойдемъ поговоримъ о дѣлѣ, и я уйду.

— Да нѣтъ, нисколько, сказалъ Борисъ. — А ежели ты усталъ, пойдемъ въ мою комнату и ложись отдохни.

— И въ самомъ дѣлѣ...

Они вошли въ маленькую комнатку, гдѣ спалъ Борисъ. Ростовъ, не садясь, тотчасъ же, съ раздраженіемъ, — какъ будто Борисъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нимъ, — началъ ему разсказывать дѣло Денисова, спрашивая, хочетъ ли и можетъ ли онъ просить о Денисовѣ черезъ своего генерала у государя и черезъ него передать письмо. Когда они остались вдвоемъ, Ростовъ въ первый разъ убѣдился, что ему неловко было смотрѣть въ глаза Борису. Борисъ, заложивъ ногу на ногу и поглаживая лѣвою рукой тонкіе пальцы правой руки, слушалъ Ростова, какъ слушаетъ генералъ докладъ подчиненнаго, то глядя въ сторону, то съ тою же застланностью во взглядѣ прямо глядя въ глаза Ростову. Ростову всякій разъ при этомъ становилось неловко, и онъ опускалъ глаза.

— Я слыхалъ про такого рода дѣла и знаю, что государь очень строгъ въ этихъ случаяхъ. Я думаю, надо бы не доводить до его величества. По моему, лучше бы прямо просить корпуснаго командира... Но вообще я думаю...

— Такъ ты ничего не хочешь сдѣлать, такъ и скажи! закричалъ почти Ростовъ, не глядя въ глаза Борису.

Борисъ улыбнулся:

— Напротивъ, я сдѣлаю, что̀ могу, только я думалъ...

Въ это время въ двери послышался голосъ Жилинскаго, звавшій Бориса.

— Ну, иди, иди, иди... сказалъ Ростовъ и, отказавшись отъ ужина и оставшись одинъ въ маленькой комнаткѣ, онъ долго ходилъ въ ней взадъ и впередъ и слушалъ веселый французскій говоръ изъ сосѣдней комнаты.

XX.

Ростовъ пріѣхалъ въ Тильзитъ въ день менѣе всего удобный для ходатайства за Денисова. Самому ему нельзя было идти къ дежурному генералу, какъ такъ онъ былъ во фракѣ и безъ разрѣшенія начальства пріѣхалъ въ Тильзитъ, а Борисъ, ежели даже и хотѣлъ, не могъ сдѣлать этого на другой день послѣ пріѣзда Ростова. Въ этотъ день, 27-го іюня, были подписаны первыя условія мира. Императоры помѣнялись орденами: Александръ получилъ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ Андрея 1-й степени, и въ этотъ день былъ назначенъ обѣдъ Преображенскому баталіону, который давалъ ему баталіонъ французской гвардіи. Государи должны были присутствовать на этомъ банкетѣ.

Ростову было такъ неловко и непріятно съ Борисомъ, что,

когда послѣ ужина Борисъ заглянулъ къ нему, онъ притворился спящимъ и на другой день рано утромъ, стараясь не видѣть его, ушелъ изъ дома. Во фракѣ и круглой шляпѣ, Николай бродилъ по городу, разглядывая французовъ и ихъ мундиры, разглядывая улицы и дома, гдѣ жили русскій и французскій императоры. На площади онъ видѣлъ разставляемые столы и приготовленія къ обѣду, на улицахъ видѣлъ перекинутыя драпировки съ знаменами русскихъ и французскихъ цвѣтовъ и огромные вензеля A. и N. Въ окнахъ домовъ были тоже знамена и вензеля.

„Борисъ не хочетъ помочь мнѣ, да и я не хочу обращаться къ нему. Это дѣло рѣшенное“, думалъ Николай, — „между нами все кончено, но я не уѣду отсюда, не сдѣлавъ все, что̀ могу для Денисова, и главное не передавъ письма государю. Государю?.. Онъ тутъ!“ думалъ Ростовъ, подходя невольно опять къ дому, занимаемому Александромъ.

У дома этого стояли верховыя лошади, и съѣзжалась свита, видимо приготовляясь къ выѣзду государя.

„Всякую минуту я могу увидать его“, думалъ Ростовъ. — „Если бы только я могъ прямо передать ему письмо и сказать все... неужели меня бы арестовали за фракъ? Не можетъ быть! Онъ бы понялъ, на чьей сторонѣ справедливость. Онъ все понимаетъ, все знаетъ. Кто же можетъ быть справедливѣе и великодушнѣе его? Ну, да ежели бы меня и арестовали бы за то, что я здѣсь, что̀ жъ за бѣда?“ думалъ онъ, глядя на офицера, всходившаго въ домъ, занимаемый государемъ. „Вѣдь вотъ всходятъ же. Э! все вздоръ. Пойду и подамъ самъ письмо государю: тѣмъ хуже будетъ для Друбецкаго, который довелъ меня до этого“. — И вдругъ съ рѣшительностью, которой онъ самъ не ждалъ отъ себя, Ростовъ,

ощупавъ письмо въ карманѣ, пошелъ прямо къ дому, занимаемому государемъ.

„Нѣтъ, теперь уже не упущу случая, какъ послѣ Аустерлица, думалъ онъ, ожидая всякую секунду встрѣтить государя и чувствуя приливъ крови къ сердцу при этой мысли. „Упаду въ ноги и буду просить его. Онъ подниметъ, выслушаетъ и еще поблагодаритъ меня. Я счастливъ, когда могу сдѣлать добро, но исправить несправедливость есть величайшее счастье“, воображалъ Ростовъ слова, которыя скажетъ ему государь. И онъ пошелъ, мимо любопытно смотрѣвшихъ на него, на крыльцо занимаемаго государемъ дома.

Съ крыльца широкая лѣстница вела прямо наверхъ; направо видна была затворенная дверь. Внизу подъ лѣстницей была дверь въ нижній этажъ.

— Кого вамъ? спросилъ кто-то.

— Подать письмо, просьбу его величеству, сказалъ Николай съ дрожаніемъ голоса.

— Просьба — къ дежурному, пожалуйте сюда (ему указали на дверь внизу). Только не примутъ.

Услыхавъ этотъ равнодушный голосъ, Ростовъ испугался того, что онъ дѣлалъ; мысль встрѣтить всякую минуту государя такъ соблазнительна и оттого такъ страшна была для него, что онъ готовъ былъ бѣжать; но камеръ-фурьеръ, встрѣтившій его, отворилъ ему дверь въ дежурную, и Ростовъ вошелъ.

Невысокій, полный человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ бѣлыхъ панталонахъ, ботфортахъ и въ одной, видно, только что надѣтой батистовой рубашкѣ, стоялъ въ этой комнатѣ; камердинеръ застегивалъ ему сзади шитыя шелкомъ, прекрасныя, новыя помочи, которыя почему-то замѣтилъ Ростовъ. Чело-

вѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то бывшимъ въ другой комнатѣ.

— Хорошо сложена и свѣженькая, говорилъ этотъ человѣкъ, и, увидавъ Ростова перестань говорить и нахмурился.

— Что вамъ угодно? Просьба?...

— Что это? спросилъ кто-то изъ другой комнаты.

— Еще проситель, отвѣчалъ человѣкъ въ помочахъ.

— Скажите ему, что послѣ. Сейчасъ выйдетъ, надо ѣхать.

— Послѣ, послѣ, завтра. Поздно...

Ростовъ повернулся и хотѣлъ выйти, но человѣкъ въ помочахъ остановилъ его.

— Отъ кого? Вы кто?

— Отъ маіора Денисова, отвѣчалъ Ростовъ.

— Вы кто? офицеръ?

— Поручикъ, графъ Ростовъ.

— Какая смѣлость! По командѣ подайте. А сами идите, идите... И онъ сталъ надѣвать подаваемый камердинеромъ мундиръ.

Ростовъ вышелъ опять въ сѣни и замѣтилъ, что на крыльцѣ было уже много офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ, мимо которыхъ ему надо было пройти.

Проклиная свою смѣлость, замирая отъ мысли, что всякую минуту онъ можетъ встрѣтить государя и при немъ быть осрамленъ и высланъ подъ арестъ, понимая вполнѣ всю неприличность своего поступка и раскаиваясь въ немъ, Ростовъ, опустивъ глаза, пробирался вонъ изъ дома, окруженнаго толпой блестящей свиты, когда чей-то знакомый голосъ окликнулъ его и чья-то рука остановила его.

— Вы, батюшка, что тутъ дѣлаете во фракѣ? спросилъ его басистый голосъ.

Это былъ кавалерійскій генералъ, въ эту кампанію заслужившій особенную милость государя, бывшій начальникъ дивизіи, въ которой служилъ Ростовъ.

Ростовъ испуганно началъ оправдываться, но увидавъ добродушно-шутливое лицо генерала, отойдя къ сторонѣ, взволнованнымъ голосомъ передалъ ему все дѣло, прося заступиться за извѣстнаго генералу Денисова. Генералъ, выслушавъ Ростова, серьезно покачалъ головой.

— Жалко, жалко молодца; давай письмо.

Едва Ростовъ успѣлъ передать письмо и разсказать все дѣло Денисова, какъ съ лѣстницы застучали быстрые шаги со шпорами, и генералъ, отойдя отъ него, подвинулся къ крыльцу. Господа свиты государя сбѣжали съ лѣстницы и пошли къ лошадямъ. Берейторъ Эне, тотъ самый, который былъ въ Аустерлицѣ, подвелъ лошадь государя, и на лѣстницѣ послышался легкій скрипъ шаговъ, которые сейчасъ узналъ Ростовъ. Забывъ опасность быть узнаннымъ, Ростовъ подвинулся съ нѣсколькими любопытными изъ жителей къ самому крыльцу и опять, послѣ двухъ лѣтъ, онъ увидалъ тѣ же обожаемыя имъ черты, то же лицо, тотъ же взглядъ, ту же походку, то же соединеніе величія и кротости... И чувство восторга и любви къ государю съ прежнею силою воскресло въ душѣ Ростова. Государь въ преображенскомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ ботфортахъ, со звѣздой, которую не зналъ Ростовъ (это была звѣзда Почетнаго Легіона), вышелъ на крыльцо, держа шляпу подъ рукой и надѣвая перчатку. Онъ остановился, оглядываясь и все освѣщая вокругъ себя своимъ взглядомъ. Кое-кому изъ генераловъ онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ узналъ тоже бывшаго начальника дивизіи Ростова, улыбнулся ему и подозвалъ его къ себѣ.

Вся свита отступила, и Ростовъ видѣлъ, какъ генералъ этотъ что-то довольно долго говорилъ государю.

Государь сказалъ ему нѣсколько словъ и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ лошади. Опять толпа свиты и толпа улицы, въ которой былъ Ростовъ, придвинулась къ государю. Остановившись у лошади и взявшись рукой за сѣдло, государь обратился къ кавалерійскому генералу и сказалъ громко, очевидно съ желаніемъ, чтобы всѣ слышали его.

— Не могу, генералъ, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня, сказалъ государь и занесъ ногу въ стремя. Генералъ почтительно наклонилъ голову; государь сѣлъ и поѣхалъ галопомъ по улицѣ. Ростовъ, не помня себя отъ восторга, съ толпою побѣжалъ за нимъ.

XXI.

На площади, куда поѣхалъ государь, стояли лицомъ къ лицу — справа баталіонъ Преображенцевъ, слѣва баталіонъ французской гвардіи въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Въ то время, какъ государь подъѣзжалъ къ одному флангу баталіоновъ, сдѣлавшихъ на караулъ, къ противоположному флангу подскакивала другая толпа всадниковъ и впереди ихъ Ростовъ узналъ Наполеона. Это не могъ быть никто другой. Онъ ѣхалъ галопомъ, въ маленькой шляпѣ, съ андреевскою лентой черезъ плечо, въ раскрытомъ надъ бѣлымъ камзоломъ синемъ мундирѣ, на необыкновенно породистой арабской сѣрой лошади, на малиновомъ, золотомъ шитомъ, чепракѣ. Подъѣхавъ къ Александру, онъ приподнялъ шляпу, и при этомъ движеніи кавалерійскій глазъ Ростова не могъ не замѣтить, что Наполеонъ дурно и не твердо сидѣлъ на

лошади. Баталіоны закричали: ура и виветъ императоръ! Наполеонъ что-то сказалъ Александру. Оба императора слѣзли съ лошадей и взяли другъ друга за руки. На лицѣ Наполеона была непріятно-притворная улыбка. Александръ съ ласковымъ выраженіемъ что-то говорилъ ему.

Ростовъ, не спуская глазъ, несмотря на топтаніе лошадьми французскихъ жандармовъ, осаживавшихъ толпу, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ императора Александра и Бонапарте. Его, какъ неожиданность, поразило то, что Александръ держалъ себя какъ равный съ Бонапарте, и что Бонапарте совершенно свободно, будто эта близость съ государемъ естественна и привычна ему, какъ равный, обращался съ русскимъ царемъ.

Александръ и Наполеонъ съ длиннымъ хвостомъ свиты подошли къ правому флангу Преображенскаго баталіона, прямо на толпу, которая стояла тутъ. Толпа очутилась неожиданно такъ близко къ императорамъ, что Ростову, стоявшему въ переднихъ рядахъ ея, стало страшно, какъ бы его не узнали.

— Государь, я прошу вашего позволенія дать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ вашихъ солдатъ, сказалъ рѣзкій, точный голосъ, договаривающій каждую букву.

Это говорилъ малый ростомъ Бонапарте, снизу прямо глядя въ глаза Александру. Александръ внимательно слушалъ то, что ему говорили, и, наклонивъ голову, пріятно улыбнулся.

— Тому, кто храбрѣе всѣхъ велъ себя въ эту послѣднюю войну, прибавилъ Наполеонъ, отчеканивая каждый слогъ, съ возмутительнымъ для Ростова спокойствіемъ и увѣренностью оглядывая ряды русскихъ, вытянувшихся предъ нимъ

солдатъ, все державщихъ на караулъ и неподвижно глядящихъ въ лицо своего императора.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, спросить мнѣнія полковника, сказалъ Александръ и сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ князю Козловскому, командиру баталіона. Бонапарте сталъ между тѣмъ снимать перчатку съ бѣлой маленькой руки и, разорвавъ ее, бросилъ. Адъютантъ, сзади торопливо бросившись впередъ, поднялъ ее. — Кому дать? не громко, по-русски спросилъ императоръ Александръ у Козловскаго.

— Кому прикажете, ваше величество.

Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказалъ:

— Да вѣдь надобно же отвѣчать ему.

Козловскій съ рѣшительнымъ видомъ оглянулся на ряды и въ этомъ взглядѣ захватилъ и Ростова.

„Ужъ не меня ли?“ подумалъ Ростовъ.

— Лазаревъ! нахмурившись прокомандовалъ полковникъ; и первый по ранжиру солдатъ Лазаревъ бойко вышелъ впередъ.

— Куда же ты? Тутъ стой! зашептали голоса на Лазарева, не знавшаго куда ему идти. Лазаревъ остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, какъ это бываетъ съ солдатами, вызываемыми предъ фронтъ.

Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ, тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выбѣжалъ впередъ и почтительно наклонившись надъ протянутой рукой и не заставивъ ея дождаться ни одной

секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ, не глядя, сжалъ два пальца; орденъ очутился между ними. Наполеонъ подошелъ къ Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжалъ смотрѣть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этимъ, что то, что онъ дѣлалъ теперь, онъ дѣлалъ для своего союзника. Маленькая бѣлая рука съ орденомъ дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Какъ будто Наполеонъ зналъ, что для того, чтобъ навсегда этотъ солдатъ былъ счастливъ, награжденъ и отличенъ отъ всѣхъ въ мірѣ, нужно было только, чтобъ его, Наполеонова рука, удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеонъ только приложилъ крестъ къ груди Лазарева и, пустивъ руку, обратился къ Александру, какъ будто онъ зналъ, что крестъ долженъ прилипнуть къ груди Лазарева. Крестъ дѣйствительно прилипъ.

Русскія и французскія услужливыя руки, мгновенно подхвативъ крестъ, прицѣпили его къ мундиру. Лазаревъ мрачно взглянулъ на маленькаго человѣка съ бѣлыми руками, который что-то сдѣлалъ надъ нимъ, и продолжая неподвижно держать на караулъ, опять прямо сталъ глядѣть въ глаза Александру, какъ будто онъ спрашивалъ Александра: все ли еще ему стоять, или не прикажутъ ли ему пройтись теперь, или можетъ быть еще что-нибудь сдѣлать? Но ему ничего не приказывали, и онъ довольно долго оставался въ этомъ неподвижномъ состояніи.

Государи сѣли верхами и уѣхали. Преображенцы, разстраивая ряды, перемѣшались съ французскими гвардейцами и сѣли за столы, приготовленные для нихъ.

Лазаревъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ; его обнимали, поздравляли и жали ему руки русскіе и французскіе офи-

цеpiи. Толпы офицеровъ и народа подходили, чтобы только посмотрѣть на Лазарева. Гулъ говора русско-французскаго и хохота стоялъ на площади вокругъ столовъ. Два офицера съ раскраснѣвшимися лицами, веселые и счастливые, прошли мимо Ростова.

— Каково, братъ, угощенье? Все на серебрѣ, сказалъ одинъ. — Лазарева видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Завтра, говорятъ, Преображенцы ихъ угощать будутъ.

— Нѣтъ, Лазареву-то какое счастіе! 1200 франковъ пожизненнаго пенсіона.

— Вотъ такъ шапка, ребята! кричалъ преображенецъ, надѣвая мохнатую шапку француза.

— Чудо какъ хорошо, прелесть!

— Ты слышалъ отзывъ? сказалъ гвардейскій офицеръ другому. Третьяго дня было Наполеонъ, Франція, храбрость; „Александръ, Россія, величіе“; одинъ день нашъ государь даетъ отзывъ, а другой день Наполеонъ. Завтра государь пошлетъ Георгія самому храброму изъ французскихъ гвардейцевъ. Нельзя же! Долженъ отвѣтить тѣмъ же.

Борисъ съ своимъ товарищемъ Жилинскимъ тоже пришелъ посмотрѣть на банкетъ Преображенцевъ. Возвращаясь назадъ, Борисъ замѣтилъ Ростова, который стоялъ у угла дома.

— Ростовъ! здравствуй; мы и не видались, сказалъ онъ ему, и не могъ удержаться, чтобы не спросить у него, что съ нимъ сдѣлалось: такъ странно-мрачно и разстроено было лицо Ростова.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Ростовъ.

— Ты зайдешь?

— Да, зайду.

Ростовъ долго стоялъ у угла, издалека глядя на пирующихъ. Въ умѣ его происходила мучительная работа, которую онъ никакъ не могъ довести до конца. Въ душѣ поднимались страшныя сомнѣнія. То ему вспоминался Денисовъ съ своимъ измѣнившимся выраженіемъ, съ своею покорностью и весь госпиталь съ этими оторванными руками и ногами, съ этою грязью и болѣзнями. Ему такъ живо казалось, что онъ теперь чувствуетъ этотъ больничный запахъ мертваго тѣла, что онъ оглядывался, чтобы понять откуда могъ происходить этотъ запахъ. То ему вспоминался этотъ самодовольный Бонапарте съ своею бѣлою ручкой, который былъ теперь императоръ, котораго любитъ и уважаетъ императоръ Александръ. Для чего же оторванныя руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награжденный Лазаревъ и Денисовъ, наказанный и непрощенный. Онъ заставалъ себя на такихъ странныхъ мысляхъ, что пугался ихъ.

Запахъ ѣды Преображенцевъ и голодъ вызвали его изъ этого состоянія: надо было поѣсть что-нибудь, прежде чѣмъ уѣхать. Онъ пошелъ къ гостинницѣ, которую видѣлъ утромъ. Въ гостинницѣ онъ засталъ такъ много народу и офицеровъ, такъ же какъ и онъ, пріѣхавшихъ въ статскихъ платьяхъ, что онъ насилу добился обѣда. Два офицера одной съ нимъ дивизіи присоединились къ нему. Разговоръ естественно зашелъ о мирѣ. Офицеры, товарищи Ростова, какъ и большая часть арміи, были недовольны миромъ, заключеннымъ послѣ Фридланда. Говорили, что еще бы подержаться, Наполеонъ бы пропалъ, что у него въ войскахъ ни сухарей, ни зарядовъ ужъ не было. Николай молча ѣлъ и преимущественно пилъ. Онъ выпилъ одинъ двѣ бутылки вина. Внутренняя зоднявшаяся въ немъ работа, не разрѣшаясь, все такъ же томила

его. Онъ боялся предаваться своимъ мыслямъ и не могъ отстать отъ нихъ. Вдругъ на слова одного изъ офицеровъ, что обидно смотрѣть на французовъ, — Ростовъ началъ кричать съ горячностью, ничѣмъ не оправданною и потому очень удивившею офицеровъ.

— И какъ вы можете судить, что̀ было бы лучше! закричалъ онъ съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью. — Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать?! Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя!

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ, оправдывался офицеръ, не могшій иначе какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ, объяснить себѣ его вспыльчивость.

Но Ростовъ не слушалъ его.

— Мы не чиновники дипломатическіе, а мы солдаты и больше ничего, продолжалъ онъ. — Умирать велятъ намъ — такъ умирать. А коли наказываютъ, такъ значитъ — виноватъ; не намъ судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ — значитъ такъ надо. А то, если бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святаго не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ, ударяя по столу кричалъ Николай, весьма некстати, по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей. — Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все, заключилъ онъ.

— И пить, сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не желавшій ссориться.

— Да, и пить, подхватилъ Николай. Эй ты! Еще бутылку! крикнулъ онъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ 1808 году императоръ Александръ ѣздилъ въ Эрфуртъ для новаго свиданія съ императоромъ Наполеономъ, и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ много говорили о величіи этого торжественнаго свиданія.

Въ 1809-омъ году близость двухъ властелиновъ міра, какъ называли Наполеона и Александра, дошла до того, что когда Наполеонъ объявилъ въ этомъ году войну Австріи, то русскій корпусъ выступилъ за границу для содѣйствія своему прежнему врагу Бонапарте противъ прежняго союзника, австрійскаго императора; до того, что въ высшемъ свѣтѣ говорили о возможности брака между Наполеономъ и одною изъ сестеръ императора Александра. Но кромѣ внѣшнихъ политическихъ соображеній въ это время вниманіе русскаго общества съ особенною живостью обращено было на внутреннія преобразованія, которыя были производимы въ это время во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія.

Жизнь между тѣмъ, настоящая жизнь людей съ своими существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, какъ и всегда, независимо и внѣ политической близости или вражды съ Наполеономъ Бонапарте, и внѣ всѣхъ возможныхъ преобразованій.

Князь Андрей безвыѣздно прожилъ два года въ деревнѣ. Всѣ тѣ предпріятія по имѣніямъ, которыя затѣялъ у себя Пьеръ и не довелъ ни до какого результата, безпрестанно переходя отъ одного дѣла къ другому, всѣ эти предпріятія, безъ выказыванья ихъ кому бы то ни было и безъ замѣтнаго труда, были исполнены княземъ Андреемъ.

Онъ имѣлъ въ высшей степени ту не достававшую Пьеру практическую цѣпкость, которая безъ размаховъ и усилій съ его стороны, давала движеніе дѣлу.

Одно имѣніе его въ триста душъ крестьянъ было перечислено въ вольные хлѣбопашцы (это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ другихъ барщина замѣнена оброкомъ. Въ Богучарово была выписана на его счетъ ученая бабка для помощи родильницамъ, и священникъ за жалованье обучалъ дѣтей крестьянскихъ и дворовыхъ грамотѣ.

Одну половину времени князь Андрей проводилъ въ Лысыхъ Горахъ съ отцемъ и сыномъ, который былъ еще у нянекъ; другую половину времени — въ Богучаровской обители, какъ называлъ отецъ его деревню. Несмотря на выказанное имъ Пьеру равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ событіямъ міра, онъ усердно слѣдилъ за ними, получалъ много книгъ, и къ удивленію своему замѣчалъ, когда къ нему или къ отцу его пріѣзжали люди свѣжіе изъ Петербурга, изъ самаго водоворота жизни, что эти люди въ знаніи всего совершающагося во внѣшней и внутренней политикѣ далеко отстали отъ него, сидящаго безвыѣздно въ деревнѣ.

Кромѣ занятій по имѣніямъ, кромѣ общихъ занятій чтеніемъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, князь Андрей занимался въ это время критическимъ разборомъ нашихъ двухъ послѣд-

ніяхъ несчастныхъ кампаній и составленіемъ проекта объ измѣненіи нашихъ военныхъ уставовъ и постановленій.

Весною 1809-го года князь Андрей поѣхалъ въ рязанскія имѣнія своего сына, котораго онъ былъ опекуномъ.

Пригрѣваемый весеннимъ солнцемъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы бѣлыхъ весеннихъ облаковъ, разбѣгавшихся по яркой синевѣ неба. Онъ ни о чемъ не думалъ, а весело и безсмысленно смотрѣлъ по сторонамъ.

Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ. Проѣхали грязную деревню, гумны, зеленя, спускъ съ оставшимся снѣгомъ у моста, подъемъ по размытой глинѣ, полосы жнивья и зеленѣющагося кое-гдѣ кустарника и въѣхали въ березовый лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ лѣсу было почти жарко, вѣтру не слышно было. Береза, вся обсѣянная зелеными, клейкими листьями, не шевелилась, и изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ, поднимая ихъ, вылѣзала, зеленѣя, первая трава и лиловые цвѣты. Разсыпанныя кое-гдѣ по березнику мелкія ели своею грубою вѣчною зеленью непріятно напоминали о зимѣ. Лошади зафыркали, въѣхавъ въ лѣсъ, и виднѣе запотѣли.

Лакей Петръ что-то сказалъ кучеру, кучеръ утвердительно отвѣтилъ. Но видно Петру мало было сочувствованія кучера: онъ повернулся на козлахъ къ барину.

— Ваше сіятельство, лёгко какъ! сказалъ онъ, почтительно улыбаясь.

— Что?

— Лёгко, ваше сіятельство.

„Что онъ говоритъ?“ подумалъ князь Андрей. — „Да, объ веснѣ вѣрно“, подумалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

„И то, зелено все уже... какъ скоро! И береза, и черемуха, и ольха ужъ начинаетъ... А дубъ и не замѣтно. Да, вотъ онъ, дубъ“.

На краю дороги стоялъ дубъ. Вѣроятно въ десять разъ старше березъ, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата дубъ, съ обломанными, давно видно, суками и съ обломанною корой, заросшею старыми болячками. Съ огромными своими неуклюжими, несимметрично-растопыренными, корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только однѣ мертвыя вѣчно зеленыя ели разсыпанныя по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться обаянію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца.

„Весна и любовь и счастіе!“ какъ будто говорилъ этотъ дубъ, — „и какъ не надоѣстъ вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастія. Вонъ смотрите, сидятъ задавленныя мертвыя ели, всегда одинакія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные, ободранные пальцы, гдѣ ни выросли они — изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли — такъ и стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ“.

Князь Андрей нѣсколько разъ оглянулся на этотъ дубъ, проѣзжая по лѣсу, какъ будто онъ чего-то ждалъ отъ него. Цвѣты и трава были и подъ дубомъ, но онъ все такъ же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоялъ посреди ихъ.

„Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ“, думалъ князь Андрей: „пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь, — наша жизнь кончена!“ Цѣлый новый рядъ мыслей безнадежныхъ, но гру-

ство пріятныхъ въ связи съ этимъ дубомъ возникъ въ душѣ князя Андрея. Во время этого путешествія онъ какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь, и пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ доживать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожась и ничего не желая.

II.

По опекунскимъ дѣламъ рязанскаго имѣнія князю Андрею надо было видѣться съ уѣзднымъ предводителемъ. Предводителемъ былъ графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, и князь Андрей въ серединѣ мая поѣхалъ къ нему.

Былъ уже жаркій періодъ весны. Лѣсъ уже весь одѣлся, была пыль и было такъ жарко, что, проѣзжая мимо воды, хотѣлось купаться.

Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображеніями о томъ, что и что ему нужно о дѣлахъ спросить у предводителя, подъѣзжалъ по аллеѣ сада къ Отрадненскому дому Ростовыхъ. Вправо изъ-за деревьевъ онъ услыхалъ женскій веселый крикъ, и увидалъ бѣгущую наперерѣзъ его коляски толпу дѣвушекъ. Впереди другихъ ближе подбѣгала къ коляскѣ черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дѣвушка въ желтомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная бѣлымъ носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди расчесавшихся волосъ. Дѣвушка что-то кричала, но узнавъ чужаго, не взглянувъ на него, со смѣхомъ побѣжала назадъ.

Князю Андрею вдругъ стало отъ чего-то больно. День былъ такъ хорошъ, солнце такъ ярко, кругомъ все такъ весело; а эта тоненькая и хорошенькая дѣвушка не знала и не

хочетъ знать про его существованіе и была довольна и счастлива какою-то своею отдѣльною, — вѣрно глупою, — но веселою и счастливою жизнію. Чему она такъ рада? о чемъ она думаетъ? Не объ уставѣ военномъ, не объ устройствѣ рязанскихъ оброчныхъ. „О чемъ она думаетъ? И чѣмъ она счастлива?“ невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей.

Графъ Илья Андреичъ въ 1809-омъ году жилъ въ Отрадномъ все такъ же, какъ и прежде, то-есть принимая почти всю губернію, съ охотами, театрами, обѣдами и музыкантами. Онъ, какъ всякому новому гостю, былъ радъ князю Андрею, и почти насильно оставилъ его ночевать.

Въ продолженіе скучнаго дня, во время котораго князя Андрея занимали старшіе хозяева и почетнѣйшіе изъ гостей, которыми, по случаю приближающихся именинъ, былъ полонъ домъ стараго графа, Болконскій, нѣсколько разъ взглядывая на Наташу, чему-то смѣявшуюся, веселившуюся между другою молодою половиной общества, все спрашивалъ себя: „О чемъ она думаетъ? Чему она такъ рада?“

Вечеромъ, оставшись одинъ на новомъ мѣстѣ, онъ долго не могъ заснуть. Онъ читалъ, потомъ потушилъ свѣчу и опять зажегъ ее. Въ комнатѣ съ закрытыми изнутри ставнями было жарко. Онъ досадовалъ на этого глупаго старика (такъ онъ называлъ Ростова), который задержалъ его, увѣряя, что нужныя бумаги въ городѣ, не доставлены еще, досадовалъ на себя за то, что остался.

Князь Андрей всталъ и подошелъ къ окну, чтобъ отворять его. Какъ только онъ открылъ ставни, лунный свѣтъ, какъ будто онъ насторожѣ у окна давно ждалъ этого, ворвался въ комнату. Онъ отворилъ окно. Ночь была свѣжая

и неподвижно-свѣтлая. Предъ самымъ окномъ былъ рядъ подстриженныхъ деревъ, черныхъ съ одной и серебристо-освѣщенныхъ съ другой стороны. Подъ деревами была какая-то сочная, мокрая, кудравая растительность съ серебристыми кое-гдѣ листьями и стеблями. Далѣе за черными деревами была какая-то блестящая росой крыша, правѣе большое кудрявое дерево, съ ярко-бѣлымъ стволомъ и сучьями, и выше его почти полная луна на свѣтломъ, почти беззвѣздномъ, весеннемъ небѣ. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этомъ небѣ.

Комната князя Андрея была въ среднемъ этажѣ; въ комнатахъ надъ нимъ тоже жили и не спали. Онъ услыхалъ сверху женскій говоръ.

— Только еще одинъ разъ, сказалъ сверху женскій голосъ, который сейчасъ узналъ князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь? отвѣчалъ другой голосъ.

— Я не буду, я не могу спать, что̀ жъ мнѣ дѣлать! Ну, послѣдній разъ...

Два женскіе голоса запѣли какую-то музыкальную фразу, составлявшую конецъ чего-то.

— Ахъ, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конецъ.

— Ты спи, а я не могу, отвѣчалъ первый голосъ, приблизившійся къ окну. Она видимо совсѣмъ высунулась въ окно, потому что слышно было шуршанье ея платья и даже дыханіе. Все затихло и окаменѣло, какъ и луна и ея свѣтъ и тѣни. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольнаго присутствія.

— Соня! Соня! послышался опять первый голосъ. — Ну, какъ можно спать! Да ты посмотри, что̀ за прелесть! Ахъ, какая прелесть! Да проснись же, Соня! сказала она почти

со слезами въ голосѣ. — Вѣдь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвѣчала.

— Нѣтъ, ты посмотри, что за луна!... Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Такъ бы вотъ сѣла на корточки, вотъ такъ, подхватила бы себя подъ колѣнки, — туже, какъ можно туже — натужиться надо и полетѣла бы... Вотъ такъ!

— Полно, ты упадешь.

Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони:

— Вѣдь второй часъ.

— Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди.

Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! что жъ это такое! вдругъ вскрикнула она. — Спать такъ спать! и захлопнула окно.

„И дѣла нѣтъ до моего существованія!“ подумалъ князь Андрей въ то время, какъ онъ прислушивался къ ея говору, почему-то ожидая и боясь, что она скажетъ что-нибудь про него. — „И опять она! И какъ нарочно!“ думалъ онъ. Въ душѣ его вдругъ поднялась такая неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни, что онъ, чувствуя себя не въ силахъ уяснить себѣ свое состояніе, тотчасъ же заснулъ.

III.

На другой день, простившись только съ однимъ графомъ, не дождавшись выхода дамъ, князь Андрей поѣхалъ домой.

Уже было начало іюня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въѣхалъ опять въ ту березовую рощу, въ которой

этотъ старый, корявый дубъ такъ странно и памятно поразилъ его. Бубенчики еще глуше звенѣли въ лѣсу, чѣмъ полтора мѣсяца тому назадъ; все было полно, тѣнисто и густо; и молодыя ели, разсыпанныя по лѣсу, не нарушали общей красоты и, поддѣлываясь подъ общій характеръ, нѣжно зеленѣли пушистыми молодыми побѣгами.

Цѣлый день былъ жаркій, гдѣ-то собиралась гроза, но только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на сочные листья. Лѣвая сторона лѣса была темна — въ тѣни; правая — мокрая, глянцовитая блестѣла на солнцѣ, чуть колыхаясь отъ вѣтра. Все было въ цвѣту; соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко.

„Да, здѣсь, въ этомъ лѣсу былъ этотъ дубъ, съ которымъ мы были согласны", подумалъ князь Андрей. — „Да гдѣ онъ", подумалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги и, самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ чуть колыхаясь въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя, — ничего не было видно. Сквозь жесткую, столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. „Да, это тотъ самый дубъ", подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлицъ съ высокимъ небомъ, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьеръ на паромѣ, и дѣвочка, взволнованная красотою ночи, и эта ночь, и луна, и — все это вдругъ вспомнилось ему.

„Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ“, вдругъ окончательно, безпеременно рѣшилъ князь Андрей. „Мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ, надо, чтобъ и всѣ знали это: и Пьеръ, и эта дѣвочка, которая хотѣла улетѣть на небо; надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобы на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ!“

Возвратившись изъ своей поѣздки, князь Андрей рѣшился осенью ѣхать въ Петербургъ и придумывалъ разныя причины этого рѣшенія. Цѣлый рядъ разумныхъ, логическихъ доводовъ, почему ему необходимо ѣхать въ Петербургъ и даже служить, ежеминутно былъ готовъ къ его услугамъ. Онъ даже теперь не понималъ, какъ могъ онъ когда-нибудь сомнѣваться въ необходимости принять дѣятельное участіе въ жизни, точно такъ же, какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ не понималъ, какъ могла бы ему прійти мысль уѣхать изъ деревни. Ему казалось ясно, что всѣ его опыты жизни должны были пропасть даромъ и быть безсмыслицей, ежели бы онъ не приложилъ ихъ къ дѣлу и не принялъ опять дѣятельнаго участія въ жизни. Онъ даже не понималъ того, какъ прежде на основаніи такихъ же бѣдныхъ разумомъ доводовъ очевидно было, что онъ бы унизился, ежели бы теперь послѣ своихъ уроковъ жизни опять бы повѣрилъ въ возможность приносить пользу и въ возможность счастія и любви. Теперь разумъ подсказывалъ совсѣмъ другое. Послѣ этой поѣздки князь Андрей сталъ скучать въ деревнѣ, прежнія занятія не интересовали его, и часто, сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ вставалъ, подходилъ къ зеркалу

и долго смотрѣлъ на свое лицо. Потомъ онъ отворачивался и смотрѣлъ на портретъ покойницы Лизы, которая съ взбитыми à la grecque буклями нѣжно и весело смотрѣла на него изъ золотой рамки. Она уже не говорила мужу прежнихъ страшныхъ словъ, она просто и весело съ любопытствомъ смотрѣла на него. И князь Андрей, заложивъ назадъ руки, долго ходилъ по комнатѣ, то хмурясь, то улыбаясь, передумывая тѣ неразумныя, невыразимыя словомъ, тайныя какъ преступленіе мысли, связанныя съ Пьеромъ, съ славой, съ дѣвушкой на окнѣ, съ дубомъ, съ женскою красотой и любовью, которыя измѣнили всю его жизнь. И въ эти-то минуты, когда кто входилъ къ нему, онъ бывалъ особенно сухъ, строго-рѣшителенъ и въ особенности непріятно-логиченъ.

— Любезный другъ, бывало, скажетъ, входя въ такую минуту, княжна Марья, — Николушкѣ нельзя нынче гулять: очень холодно.

— Ежели бы было тепло, въ такія минуты особенно сухо отвѣчалъ князь Андрей своей сестрѣ, — то онъ бы пошелъ въ одной рубашкѣ, а такъ какъ холодно, надо надѣть на него теплую одежду, которая для этого и выдумана. Вотъ что слѣдуетъ изъ того, что холодно, а не то, чтобъ оставаться дома, когда ребенку нуженъ воздухъ, говорилъ онъ съ особенною логичностью, какъ бы наказывая кого-то за всю эту тайную, нелогичную, происходившую въ немъ, внутреннюю работу. Княжна Марья думала въ этихъ случаяхъ о томъ, какъ сушитъ мужчинъ эта умственная работа.

IV.

Князь Андрей пріѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1809 года. Это было время апогея славы молодаго Сперанскаго,

и энергіи совершаемыхъ имъ переворотовъ. Въ этомъ самомъ августѣ, государь, ѣхавъ въ коляскѣ, былъ вываленъ, повредилъ себѣ ногу, и оставался въ Петергофѣ три недѣли, видаясь ежедневно и исключительно со Сперанскимъ. Въ это время готовились не только два столь знаменитые и встревожившіе общество указа объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ и объ экзаменахъ на чины коллежскихъ асессоровъ и статскихъ совѣтниковъ, но и цѣлая государственная конституція, долженствовавшая измѣнить существующій судебный, административный и финансовый порядокъ управленія Россіи отъ Государственнаго Совѣта до волостнаго правленія. Теперь осуществлялись и воплощались тѣ неясныя, либеральныя мечтанія, съ которыми вступилъ на престолъ императоръ Александръ, и которыя онъ стремился осуществить съ помощью своихъ помощниковъ: Чарторижскаго, Новосильцева, Кочубея, и Строганова, которыхъ онъ самъ шутя называлъ „комитетомъ общественнаго спасенія".

Теперь всѣхъ вмѣстѣ замѣнилъ Сперанскій по гражданской части и Аракчеевъ по военной. Князь Андрей вскорѣ послѣ пріѣзда своего, какъ камергеръ, явился ко двору и на выходъ. Государь, два раза встрѣтивъ его, не удостоилъ его ни однимъ словомъ. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что онъ антипатиченъ государю, что государю непріятно его лицо и все существо его. Въ сухомъ, отдаляющемъ взглядѣ, которымъ посмотрѣлъ на него государь, князь Андрей еще болѣе, чѣмъ прежде, нашелъ подтвержденіе этому предположенію. Придворные объяснили князю Андрею невниманіе къ нему государя тѣмъ, что его величество былъ недоволенъ тѣмъ, что Болконскій не служилъ съ 1805 года.

„Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатіях и антипатіях“, думал князь Андрей, „и потому нечего думать о том, чтобы представить лично мою записку о военном уставѣ государю, но дѣло будет говорить само за себя“. Он передал о своей запискѣ старому фельдмаршалу, другу отца. Фельдмаршал, назначив ему час, ласково принял его и обѣщался доложить государю. Через нѣсколько дней было объявлено князю Андрею, что он имѣет явиться к военному министру, графу Аракчееву.

В девять часов утра, в назначенный день, князь Андрей явился в пріемную к графу Аракчееву.

Лично князь Андрей не знал Аракчеева и никогда не видал его, но все, что̀ он знал о нем, мало внушало ему уваженія к этому человѣку.

„Он — военный министр, довѣренное лицо государя императора; никому не должно быть дѣла до его личных свойств; ему поручено разсмотрѣть мою записку, слѣдовательно он один и может дать ход ей“, думал князь Андрей, в числѣ многих важных и неважных лиц, дожидаясь в пріемной графа Аракчеева.

Князь Андрей во время своей большею частью адъютантской службы много видѣл пріемных важных лиц, и различные характеры этих пріемных были для него очень ясны. У графа Аракчеева был совершенно особенный характер пріемной. На неважных лицах, ожидающих очереди аудіенціи в пріемной графа Аракчеева, написано было чувство пристыженности и покорности; на болѣе чиновных лицах выражалось одно общее чувство неловкости, скрытое под личиной развязности и насмѣшки над собою, над

своимъ положеніемъ и надъ ожидаемымъ лицомъ. Иные задумчиво ходили взадъ и впередъ, иные шепчась смѣялись, и князь Андрей слышалъ прозвище „Силы Андреича“ и слова: „дядя задастъ“, относившіяся къ графу Аракчееву. Одинъ генералъ (важное лицо), видимо оскорбленный тѣмъ, что долженъ былъ такъ долго ждать, сидѣлъ, перекладывая ноги и презрительно самъ съ собой улыбаясь.

Но какъ только растворялась дверь, на всѣхъ лицахъ выражалось мгновенно только одно — страхъ. Князь Андрей попросилъ дежурнаго другой разъ доложить о себѣ, но на него посмотрѣли съ насмѣшкой и сказали, что его чередъ придетъ въ свое время. Послѣ нѣсколькихъ лицъ, введенныхъ и выведенныхъ адъютантомъ изъ кабинета министра, въ страшную дверь былъ впущенъ офицеръ, поразившій князя Андрея своимъ униженнымъ и испуганнымъ видомъ. Аудиенція офицера продолжалась долго. Вдругъ послышались изъ-за двери раскаты непріятнаго голоса, и блѣдный офицеръ, съ трясущимися губами, вышелъ оттуда, и схвативъ себя за голову, прошелъ черезъ пріемную.

Вслѣдъ затѣмъ князь Андрей былъ подведенъ къ двери, и дежурный шепотомъ сказалъ: „направо, къ окну“.

Князь Андрей вошелъ въ небогатый опрятный кабинетъ и у стола увидалъ сорокалѣтняго человѣка съ длинною таліей, съ длинною, коротко-обстриженною головой и толстыми морщинами, съ нахмуренными бровями надъ каре-зелеными тупыми глазами и висячимъ краснымъ носомъ. Аракчеевъ поворотилъ къ нему голову, не глядя на него.

— Вы чего просите? спросилъ Аракчеевъ.

— Я ничего не... прошу, ваше сіятельство, тихо проговорилъ князь Андрей. Глаза Аракчеева обратились на него.

— Садитесь, сказалъ Аракчеевъ, — князь Болконскій?

— Я ничего не прошу, а государь императоръ изволилъ переслать къ вашему сіятельству поданную мною записку...

— Извольте видѣть, мой любезнѣйшій, записку я вашу читалъ, перебилъ Аракчеевъ, только первыя слова сказавъ ласково, опять не глядя ему въ лицо и впадая все болѣе и болѣе въ ворчливо-презрительный тонъ. — Новые законы военные предлагаете? Законовъ много, исполнять некому старыхъ. Нынче всѣ законы пишутъ, писать легче, чѣмъ дѣлать.

— Я пріѣхалъ по волѣ государя императора узнать у вашего сіятельства, какой ходъ вы полагаете дать поданной запискѣ? сказалъ учтиво князь Андрей.

— На записку вашу мной положена резолюція и переслана въ комитетъ. Я *не* одобряю, сказалъ Аракчеевъ, вставая и доставая съ письменнаго стола бумагу. — Вотъ, — онъ подалъ князю Андрею.

На бумагѣ поперегъ ея, карандашомъ безъ заглавныхъ буквъ, безъ орѳографіи, безъ знаковъ препинанія, было написано: „неосновательно составлено, понеже какъ подражаніе списано съ французскаго военнаго устава и отъ воинскаго артикула безъ нужды отступающаго“.

— Въ какой же комитетъ передана записка? спросилъ князь Андрей.

— Въ комитетъ о воинскомъ уставѣ, и мною представлено о зачисленіи вашего благородія въ члены. Только безъ жалованья.

Князь Андрей улыбнулся.

— Я и не желаю.

— Безъ жалованья членомъ, повторилъ Аракчеевъ.

Имѣю честь. Эй! зови! Кто еще? крикнулъ онъ, кланяясь князю Андрею.

V.

Ожидая увѣдомленія о зачисленіи его въ члены комитета, князь Андрей возобновилъ старыя знакомства особенно съ тѣми лицами, которыя, онъ зналъ, были въ силѣ и могли быть нужны ему. Онъ испытывалъ теперь въ Петербургѣ чувство, подобное тому, какое онъ испытывалъ наканунѣ сраженія, когда его томило безпокойное любопытство и непреодолимо тянуло въ высшія сферы, туда, гдѣ готовилось будущее, отъ котораго зависѣли судьбы милліоновъ. Онъ чувствовалъ по озлобленію стариковъ, по любопытству непосвященныхъ, по сдержанности посвященныхъ, по торопливости, озабоченности всѣхъ, по безчисленному количеству комитетовъ, коммиссій, о существованіи которыхъ онъ вновь узнавалъ каждый день, что теперь, въ 1809-омъ году, готовилось здѣсь, въ Петербургѣ, какое-то огромное, гражданское сраженіе, котораго главнокомандующимъ было неизвѣстное ему, таинственное и представлявшееся ему геніальнымъ лицо — Сперанскій.

И самое, ему смутно извѣстное, дѣло преобразованія, и Сперанскій — главный дѣятель, начинали такъ страстно интересовать его, что дѣло воинскаго устава очень скоро стало переходить въ сознаніи его на второстепенное мѣсто.

Князь Андрей находился въ одномъ изъ самыхъ выгодныхъ положеній для того, чтобы быть хорошо принятымъ во всѣ самые разнообразные и высшіе круги тогдашняго петербургскаго общества. Партія преобразователей радушно принимала и заманивала его, во-первыхъ потому, что онъ имѣлъ репутацію ума и большой начитанности, во-вторыхъ потому, что онъ своимъ отпущеніемъ крестьянъ на волю сдѣлалъ уже

себѣ репутацію либерала. Партія стариковъ недовольныхъ, прямо какъ къ сыну своего отца, обращалась къ нему за сочувствіемъ, осуждая преобразованія. Женское общество, *свѣтъ*, радушно принимали его, потому что онъ былъ женихъ богатый и знатный, и почти новое лицо съ ореоломъ романической исторіи о его мнимой смерти и трагической кончинѣ жены. Кромѣ того, общій голосъ о немъ всѣхъ, которые знали его прежде, былъ тотъ, что онъ много перемѣнился къ лучшему въ эти пять лѣтъ, смягчился и возмужалъ, что не было въ немъ прежняго притворства, гордости и насмѣшливости, и было то спокойствіе, которое пріобрѣтается годами. О немъ заговорили, имъ интересовались, и всѣ желали его видѣть.

На другой день послѣ посѣщенія графа Аракчеева, князь Андрей былъ вечеромъ у графа Кочубея. Онъ разсказалъ графу свое свиданіе съ *Силой Андреичемъ* (Кочубей такъ называлъ Аракчеева съ тою же неопредѣленною надъ чѣмъ-то насмѣшкой, которую замѣтилъ князь Андрей въ пріемной военнаго министра).

— Мой милый, даже въ этомъ дѣлѣ вы не минуете Михаила Михайловича. Это всеобщій дѣлецъ. Я скажу ему. Онъ обѣщался пріѣхать вечеромъ...

— Какое же дѣло Сперанскому до военныхъ уставовъ? спросилъ князь Андрей.

Кочубей, улыбнувшись, покачалъ головой, какъ бы удивляясь наивности Болконскаго...

— Мы съ нимъ говорили про васъ на дняхъ, продолжалъ Кочубей, — о вашихъ вольныхъ хлѣбопашцахъ...

— Да, это вы, князь, отпустили своихъ мужиковъ? сказалъ екатерининскій старикъ, презрительно обернувшись на Болконскаго.

— Маленькое имѣнье ничего не приносило дохода, отвѣчалъ Болконскій, чтобы напрасно не раздражать старика, стараясь смягчить предъ нимъ свой поступокъ.

— Боитесь опоздать, сказалъ старикъ, глядя на Кочубея.

— Я одного не понимаю, продолжалъ старикъ, — кто будетъ землю пахать, коли имъ волю дать? Легко законы писать, а управлять трудно. Все равно, какъ теперь, я васъ спрашиваю, графъ, кто будетъ начальникомъ палатъ, когда всѣмъ экзамены держать?

— Тѣ, кто выдержитъ экзамены, я думаю, отвѣчалъ Кочубей, закидывая ногу на ногу и оглядываясь.

— Вотъ у меня служитъ Пряничниковъ, славный человѣкъ, золото человѣкъ, а ему 60 лѣтъ, развѣ онъ пойдетъ на экзамены?...

— Да, это затруднительно, понеже образованіе весьма мало распространено, но... Графъ Кочубей не договорилъ; онъ поднялся и, взявъ за руку князя Андрея, пошелъ навстрѣчу входящему высокому, лысому, бѣлокурому человѣку, лѣтъ сорока, съ большимъ открытымъ лбомъ и необычайною, странною бѣлизной продолговатаго лица. На вошедшемъ былъ синій фракъ, крестъ на шеѣ и звѣзда на лѣвой сторонѣ груди. Это былъ Сперанскій. Князь Андрей тотчасъ узналъ его и въ душѣ его что-то дрогнуло, какъ это бываетъ въ важныя минуты жизни. Было ли это уваженіе, зависть, ожиданіе — онъ не зналъ. Вся фигура Сперанскаго имѣла особенный типъ, по которому сейчасъ можно было узнать его. Ни у кого изъ того общества, въ которомъ жилъ князь Андрей, онъ не видалъ этого спокойствія и самоувѣренности неловкихъ и тупыхъ движеній, ни у кого онъ не видалъ такого твердаго и вмѣстѣ мягкаго взгляда полузакрытыхъ и нѣсколько

влажныхъ глазъ, не видалъ такой твердости ничего незначащей улыбки, такого тонкаго, ровнаго, тихаго голоса и, главное, такой нѣжной бѣлизны лица и особенно рукъ, нѣсколько широкихъ, но необыкновенно пухлыхъ, нѣжныхъ и бѣлыхъ. Такую бѣлизну и нѣжность лица князь Андрей видалъ только у солдатъ, долго пробывшихъ въ госпиталѣ. Это былъ Сперанскій, государственный секретарь, докладчикъ государя и спутникъ его въ Эрфуртѣ, гдѣ онъ не разъ видѣлся и говорилъ съ Наполеономъ.

Сперанскій не перебѣгалъ глазами съ одного лица на другое, какъ это невольно дѣлается при входѣ въ большое общество, и не торопился говорить. Онъ говорилъ тихо, съ увѣренностью, что будутъ слушать его, и смотрѣлъ только на то лицо, съ которымъ говорилъ.

Князь Андрей особенно внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ и движеніемъ Сперанскаго. Какъ это бываетъ съ людьми, особенно съ тѣми, которые строго судятъ своихъ ближнихъ, князь Андрей, встрѣчаясь съ новымъ лицомъ, особенно съ такимъ, какъ Сперанскій, котораго онъ зналъ по репутаціи, всегда ждалъ найти въ немъ полное совершенство человѣческихъ достоинствъ.

Сперанскій сказалъ Кочубею, что жалѣетъ о томъ, что не могъ пріѣхать раньше, потому что его задержали во дворцѣ. Онъ не сказалъ, что его задержалъ государь. И эту аффектацію скромности замѣтилъ князь Андрей. Когда Кочубей назвалъ ему князя Андрея, Сперанскій медленно перевелъ свои глаза на Болконскаго, съ тою же улыбкой, и молча сталъ смотрѣть на него.

— Я очень радъ съ вами познакомиться, я слышалъ о васъ, какъ и всѣ, сказалъ онъ.

Кочубей сказалъ нѣсколько словъ о пріемѣ, сдѣланномъ Болконскому Аракчеевымъ. Сперанскій больше улыбнулся.

— Директоромъ коммиссіи военныхъ уставовъ мой хорошій пріятель — господинъ Магницкій, сказалъ онъ договаривая каждый слогъ и каждое слово, — и ежели вы того пожелаете, я могу свести васъ съ нимъ. (Онъ помолчалъ на точкѣ.) Я надѣюсь, что вы найдете въ немъ сочувствіе и желаніе содѣйствовать всему разумному.

Около Сперанскаго тотчасъ же составился кружокъ, и тотъ старикъ, который говорилъ о своемъ чиновникѣ, Пряничниковѣ, тоже съ вопросомъ обратился къ Сперанскому.

Князь Андрей, не вступая въ разговоръ, наблюдалъ всѣ движенія Сперанскаго, этого человѣка, недавно ничтожнаго семинариста и теперь въ рукахъ своихъ, — этихъ бѣлыхъ, пухлыхъ рукахъ, имѣвшаго судьбу Россіи, какъ думалъ Болконскій. Князя Андрея поразило необычайное, презрительное спокойствіе, съ которымъ Сперанскій отвѣчалъ старику. Онъ, казалось, съ неизмѣримой высоты обращалъ къ нему свое снисходительное слово. Когда старикъ сталъ говорить слишкомъ громко, Сперанскій улыбнулся и сказалъ, что онъ не можетъ судить о выгодѣ или невыгодѣ того, что̀ угодно было государю.

Поговоривъ нѣсколько времени въ общемъ кругу, Сперанскій всталъ и, подойдя къ князю Андрею, отозвалъ его съ собой на другой конецъ комнаты. Видно было, что онъ считалъ нужнымъ заняться Болконскимъ.

— Я не успѣлъ поговорить съ вами, князь, среди того одушевленнаго разговора, въ который былъ вовлеченъ этимъ почтеннымъ старцемъ, сказалъ онъ, кротко-презрительно улыбаясь, и этою улыбкой какъ бы признавая, что онъ вмѣстѣ

съ княземъ Андреемъ понимаетъ ничтожность тѣхъ людей, съ которыми онъ только что говорилъ. Это обращеніе польстило князю Андрею. — Я васъ знаю давно: во-первыхъ по дѣлу вашему о вашихъ крестьянахъ, это нашъ первый примѣръ, которому такъ желательно бы было больше послѣдователей; а во-вторыхъ потому, что вы одинъ изъ тѣхъ камергеровъ, которые не сочли себя обиженными новымъ указомъ о придворныхъ чинахъ, вызывающимъ такіе толки и пересуды.

— Да, сказалъ князь Андрей, — отецъ не хотѣлъ, чтобъ я пользовался этимъ правомъ; я началъ службу съ нижнихъ чиновъ.

— Вашъ батюшка, человѣкъ стараго вѣка, очевидно стоитъ выше нашихъ современниковъ, которые такъ осуждаютъ эту мѣру, возстановляющую только естественную справедливость.

— Я думаю, однако, что есть основаніе и въ этихъ осужденіяхъ, сказалъ князь Андрей, стараясь бороться съ вліяніемъ Сперанскаго, которое онъ начиналъ чувствовать. Ему непріятно было во всемъ соглашаться съ нимъ: онъ хотѣлъ противорѣчить. Князь Андрей, обыкновенно говорившій легко и хорошо, чувствовалъ теперь затрудненіе выражаться, говоря съ Сперанскимъ. Его слишкомъ занимали наблюденія надъ личностью знаменитаго человѣка.

— Основаніе для личнаго честолюбія можетъ быть, тихо вставилъ свое слово Сперанскій.

— Отчасти и для государства, сказалъ князь Андрей.

— Какъ вы разумѣете?... сказалъ Сперанскій тихо, опустивъ глаза.

— Я почитатель Монтескье, сказалъ князь Андрей. — И его мысль о томъ, что основаніе монархіи есть честь, мнѣ

кажется несомнѣнною. Нѣкоторыя права и преимущества дворянства мнѣ представляются средствами для поддержанія этого чувства.

Улыбка исчезла на бѣломъ лицѣ Сперанскаго, и физіономія его много выиграла отъ этого. Вѣроятно мысль князя Андрея показалась ему занимательною.

— Ежели вы смотрите на дѣло съ этой точки зрѣнія, началъ онъ съ очевиднымъ затрудненіемъ выговаривая по-французски и говоря еще медленнѣе чѣмъ по-русски, но совершенно спокойно. Онъ сказалъ, что честь, l'honneur, не можетъ поддерживаться преимуществами вредными для хода службы, что честь, l'honneur, есть или: отрицательное понятіе недѣланья предосудительныхъ поступковъ, или извѣстный источникъ соревнованія для полученія одобренія и наградъ, выражающихъ его.

Доводы его были сжаты, просты и ясны.

— Институтъ, поддерживающій эту честь, источникъ соревнованія, есть институтъ, подобный Почетному Легіону великаго императора Наполеона, не вредящій, а содѣйствующій успѣху службы, а не сословное или придворное преимущество.

— Я не спорю, но нельзя отрицать, что придворное преимущество достигло той же цѣли, сказалъ князь Андрей; — всякій придворный считаетъ себя обязаннымъ достойно нести свое положеніе.

— Но вы имъ не хотѣли воспользоваться, князь, сказалъ Сперанскій, улыбкой показывая, что онъ неловкій для своего собесѣдника споръ желаетъ прекратить любезностью. — Ежели вы мнѣ сдѣлаете честь пожаловать ко мнѣ въ среду, прибавилъ онъ, — то я, переговоривъ съ Магницкимъ, сообщу вамъ то, что можетъ васъ интересовать, и кромѣ того буду имѣть

удовольствіе подробнѣе побесѣдовать съ вами. Онъ, закрывъ глаза, поклонился, и à la française не прощаясь, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ изъ залы.

VI.

Первое время своего пребыванія въ Петербургѣ, князь Андрей почувствовалъ весь свой складъ мыслей, выработавшійся въ его уединенной жизни, совершенно затемненнымъ тѣми мелкими заботами, которыя охватили его въ Петербургѣ.

Съ вечера, возвращаясь домой, онъ въ памятной книжкѣ записывалъ четыре или пять необходимыхъ визитовъ или свиданій въ назначенные часы. Механизмъ жизни, распоряженіе дня такое, чтобы вездѣ поспѣть во время, отнимали бо̀льшую долю самой энергіи жизни. Онъ ничего не дѣлалъ, ни о чемъ даже не думалъ и не успѣвалъ думать, а только говорилъ и съ успѣхомъ говорилъ то, что̀ онъ успѣлъ прежде обдумать въ деревнѣ.

Онъ иногда замѣчалъ съ неудовольствіемъ, что ему случалось въ одинъ и тотъ же день, въ разныхъ обществахъ, повторять одно и то же. Но онъ былъ такъ занятъ цѣлые дни, что не успѣвалъ подумать о томъ, что онъ ничего не думалъ.

Сперанскій, какъ въ первое свиданіе съ нимъ у Кочубея, такъ и потомъ въ середу дома, гдѣ Сперанскій съ глазу на глазъ принявъ Болконскаго, долго и довѣрчиво говорилъ съ нимъ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на князя Андрея.

Князь Андрей такое огромное количество людей считалъ презрѣнными и ничтожными существами, такъ ему хотѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того совершенства, къ ко-

торому онъ стремился, что онъ легко повѣрилъ, что въ Сперанскомъ онъ нашелъ этотъ идеалъ вполнѣ разумнаго и добродѣтельнаго человѣка. Ежели бы Сперанскій былъ изъ того же общества, изъ котораго былъ князь Андрей, того же воспитанія и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій скоро бы нашелъ его слабыя, человѣческія, негеройскія стороны, но теперь этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженія, что онъ не вполнѣ понималъ его. Кромѣ того, Сперанскій, потому ли, что онъ оцѣнилъ способности князя Андрея, или потому, что нашелъ нужнымъ пріобрѣсть его себѣ, Сперанскій кокетничалъ предъ княземъ Андреемъ своимъ безпристрастнымъ, спокойнымъ разумомъ, и льстилъ князю Андрею тою тонкою лестью, соединенною съ самонадѣянностью, которая состоитъ въ молчаливомъ признаваніи своего собесѣдника съ собою вмѣстѣ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ понимать всю глупость *всѣхъ* остальныхъ, и разумность и глубину своихъ мыслей.

Во время длиннаго ихъ разговора въ середу вечеромъ, Сперанскій не разъ говорилъ: „У *насъ* смотрятъ на все, что̀ выходитъ изъ общаго уровня закоренѣлой привычки...“ или съ улыбкой: „Но *мы* хотимъ, чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы...“ или: „*Они* этого не могутъ понять...“ и все съ такимъ выраженіемъ, которое говорило: „Мы: вы да я, мы понимаемъ, что̀ *они* и кто *мы*“.

Этотъ первый, длинный разговоръ съ Сперанскимъ только усилилъ въ князѣ Андреѣ то чувство, съ которымъ онъ въ первый разъ увидалъ Сперанскаго. Онъ видѣлъ въ немъ разумнаго, строго-мыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти и употребляющаго ее только для блага Россіи. Сперанскій въ глазахъ князя Андрея

былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій значительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ такъ хотѣлъ быть. Все представлялось такъ просто, ясно въ изложеніи Сперанскаго, что князь Андрей невольно соглашался съ нимъ во всемъ. Ежели онъ возражалъ и спорилъ, то только потому, что хотѣлъ нарочно быть самостоятельнымъ и не совсѣмъ подчиняться мнѣніямъ Сперанскаго. Все было такъ, все было хорошо, но одно смущало князя Андрея: это былъ холодный, зеркальный, не пропускающій къ себѣ въ душу взглядъ Сперанскаго, и его бѣлая, нѣжная рука, на которую невольно смотрѣлъ князь Андрей, какъ смотрятъ обыкновенно на руки людей, имѣющихъ власть. Зеркальный взглядъ и нѣжная рука эта почему-то раздражали князя Андрея. Непріятно поражало князя Андрея еще слишкомъ большое презрѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность пріемовъ въ доказательствахъ, которыя онъ приводилъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній. Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысли, исключая сравненія, и слишкомъ смѣло, какъ казалось князю Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика и иронически подсмѣивался надъ противниками, то становился строго-логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики. (Это послѣднее орудіе доказательствъ онъ особенно часто употреблялъ.) Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая князя Андрея, была несомнѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла придти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, чтò думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, чтò я думаю, и все то, во чтò я вѣрю? И этотъ-то особенный складъ ума Сперанскаго болѣе всего привлекалъ къ себѣ князя Андрея.

Первое время своего знакомства съ Сперанскимъ князь Андрей питалъ къ нему страстное чувство восхищенія, похожее на то, которое онъ когда то испытывалъ къ Бонапарте. То обстоятельство, что Сперанскій былъ сынъ священника, котораго можно было глупымъ людямъ, какъ это и дѣлали многіе, пошло презирать въ качествѣ кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться съ своимъ чувствомъ къ Сперанскому, и безсознательно усиливать его въ самомъ себѣ.

Въ тотъ первый вечеръ, который Болконскій провелъ у него, разговорившись о коммиссіи составленія законовъ, Сперанскій съ ироніей разсказывалъ князю Андрею о томъ, что коммиссія законовъ существуетъ 150 лѣтъ, стòитъ милліоны и ничего не сдѣлала, что Розенкампфъ наклеилъ ярлычки на всѣ статьи сравнительнаго законодательства.

— И вотъ и все, за чтò государство заплатило милліоны! сказалъ онъ. — Мы хотимъ дать новую судебную власть Сенату, а у насъ нѣтъ законовъ. Поэтому-то такимъ людямъ, какъ вы, князь, грѣхъ не служить теперь.

Князь Андрей сказалъ, что для этого нужно юридическое образованіе, котораго онъ не имѣетъ.

— Да его никто не имѣетъ, такъ что же вы хотите? Это circulus viciosus, изъ котораго надо выйти усиліемъ.

Черезъ недѣлю князь Андрей былъ членомъ коммиссіи составленія воинскаго устава, и, чего онъ никакъ не ожидалъ, начальникомъ отдѣленія коммиссіи составленія законовъ. По просьбѣ Сперанскаго онъ взялъ первую часть составляемаго гражданскаго уложенія, и съ помощью Наполеоновскаго кодекса и кодекса Юстиніана работалъ надъ составленіемъ отдѣла: Права лицъ.

VII.

Года два тому назадъ, въ 1808 году, вернувшись въ Петербургъ изъ своей поѣздки по имѣніямъ, Пьеръ невольно сталъ во главѣ петербургскаго масонства. Онъ устраивалъ столовыя и надгробныя ложи, вербовалъ новыхъ членовъ, заботился о соединеніи различныхъ ложъ и о пріобрѣтеніи подлинныхъ актовъ. Онъ давалъ свои деньги на устройство храминъ и пополнялъ, насколько могъ, сборы милостыни, на которые большинство членовъ были скупы и не аккуратны. Онъ почти одинъ на свои средства поддерживалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ.

Жизнь его между тѣмъ шла по прежнему, съ тѣми же увлеченіями и распущенностью. Онъ любилъ хорошо пообѣдать и выпить, и хотя и считалъ это безнравственнымъ и унизительнымъ, не могъ воздерживаться отъ увеселеній холостыхъ обществъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Въ чаду своихъ занятій и увлеченій, Пьеръ однако, по прошествіи года, началъ чувствовать, какъ та почва масон-

ства, на которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе уходила изъ-подъ его ногъ, чѣмъ тверже онъ старался стать на ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что чѣмъ глубже уходила подъ его ногами почва, на которой онъ стоялъ, тѣмъ невольнѣе онъ былъ связанъ съ ней. Когда онъ приступилъ къ масонству, онъ испытывалъ чувство человѣка, довѣрчиво становящаго ногу на ровную поверхность болота. Поставивъ ногу, онъ провалился. Чтобы вполнѣ увѣриться въ твердости почвы, на которой онъ стоялъ, онъ поставилъ другую ногу и провалился еще больше, завязъ и уже невольно ходилъ по колѣно въ болотѣ.

Іосифа Алексѣевича не было въ Петербургѣ. (Онъ въ послѣднее время отстранился отъ дѣлъ петербургскихъ ложъ и безвыѣздно жилъ въ Москвѣ.) Всѣ братья, члены ложъ были Пьеру знакомые въ жизни люди, и ему трудно было видѣть въ нихъ только братьевъ по каменщичеству, а не князя Б., не Ивана Васильевича Д., которыхъ онъ зналъ въ жизни большею частію какъ слабыхъ и ничтожныхъ людей. Изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и знаковъ онъ видѣлъ на нихъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Часто, собирая милостыню и сочтя 20—30 рублей, записанныхъ на приходъ, и большею частью въ долгъ, съ десяти членовъ, изъ которыхъ половина были такъ же богаты, какъ и онъ, Пьеръ вспоминалъ масонскую клятву о томъ, что каждый братъ обѣщается отдать все свое имущество для ближняго; и въ душѣ его поднимались сомнѣнія, на которыхъ онъ старался не останавливаться.

Всѣхъ братьевъ, которыхъ онъ зналъ, онъ подраздѣлялъ на четыре разряда. Къ первому разряду онъ причислялъ братьевъ, не принимающихъ дѣятельнаго участія ни въ дѣ-

лахъ ложъ, ни въ дѣлахъ человѣческихъ, но занятыхъ исключительно таинствами науки ордена, занятыхъ вопросами о тройственномъ наименованіи Бога, или о трехъ началахъ вещей — сѣрѣ, меркуріѣ и соли, или о значеніи квадрата и всѣхъ фигуръ храма Соломонова. Пьеръ уважалъ этотъ разрядъ братьевъ-масоновъ, къ которому принадлежали преимущественно старые братья, и самъ Іосифъ Алексѣевичъ, по мнѣнію Пьера, но не раздѣлялъ ихъ интересовъ. Сердце его не лежало къ мистической сторонѣ масонства.

Ко второму разряду Пьеръ причислялъ себя и себѣ подобныхъ братьевъ, ищущихъ, колеблющихся, не нашедшихъ еще въ масонствѣ прямаго и понятнаго пути, но надѣющихся найти его.

Къ третьему разряду онъ причислялъ братьевъ (ихъ было самое большое число), не видящихъ въ масонствѣ ничего, кромѣ внѣшней формы и обрядности, и дорожащихъ строгимъ исполненіемъ этой внѣшней формы, не заботясь о ея содержаніи и значеніи. Таковы были Виларскій и даже великій мастеръ главной ложи.

Къ четвертому разряду наконецъ причислялось тоже большое количество братьевъ, въ особенности въ послѣднее время вступившихъ въ братство. Это были люди, по наблюденіямъ Пьера, ни во что не вѣрующіе, ничего не желающіе, и поступавшіе въ масонство только для сближенія съ молодыми, богатыми и сильными по связямъ и знатности братьями, которыхъ весьма много было въ ложѣ.

Пьеръ начиналъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ своею дѣятельностью. Масонство, по крайней мѣрѣ то масонство, которое онъ зналъ здѣсь, казалось ему иногда, основано было на одной внѣшности. Онъ и не думалъ сомнѣваться въ са-

момъ масонствѣ, но подозрѣвалъ, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось отъ своего источника. И потому въ концѣ года Пьеръ поѣхалъ за границу для посвященія себя въ высшія тайны ордена.

Лѣтомъ еще въ 1809 году, Пьеръ вернулся въ Петербургъ. По перепискѣ нашихъ масоновъ съ заграничными было извѣстно, что Безуховъ успѣлъ за границей получить довѣріе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, проникъ многія тайны, былъ возведенъ въ высшую степень и везетъ съ собою многое для общаго блага каменщическаго дѣла въ Россіи. Петербургскіе масоны всѣ пріѣхали къ нему, заискивая въ немъ, и всѣмъ показалось, что онъ что-то скрываетъ и готовитъ.

Назначено было торжественное засѣданіе ложи 2-го градуса, въ которой Пьеръ обѣщалъ сообщить то, что онъ имѣетъ передать петербургскимъ братьямъ отъ высшихъ руководителей ордена. Засѣданіе было полно. Послѣ обыкновенныхъ обрядовъ Пьеръ всталъ и началъ свою рѣчь.

— Любезные братья, началъ онъ, краснѣя и запинаясь и держа въ рукѣ написанную рѣчь. — Недостаточно блюсти втиши ложи наши таинства, — нужно дѣйствовать... дѣйствовать. Мы находимся въ усыпленіи, а намъ нужно дѣйствовать. Пьеръ взялъ свою тетрадь и началъ читать.

«Для распространенія чистой истины и доставленія торжества добродѣтели, читалъ онъ, должны мы очистить людей отъ предразсудковъ, распространить правила, сообразныя съ духомъ времени, принять на себя воспитаніе юношества, соединиться неразрывными узами съ умнѣйшими людьми, смѣло и вмѣстѣ благоразумно преодолѣвать суевѣріе, не-

вѣріе и глупость, образовать изъ преданныхъ намъ людей связанныхъ между собою единствомъ цѣли и имѣющихъ власть и силу.

«Для достиженія сей цѣли должно доставить добродѣтели перевѣсъ надъ порокомъ, должно стараться, чтобы честный человѣкъ обрѣталъ еще въ семъ мірѣ вѣчную награду за свои добродѣтели. Но въ сихъ великихъ намѣреніяхъ препятствуютъ намъ весьма много нынѣшнія политическія учрежденія. Что же дѣлать при таковомъ положеніи вещей? Благопріятствовать ли революціямъ, все ниспровергнуть, изгнать силу силой?... Нѣтъ, мы весьма далеки отъ того. Всякая насильственная реформа достойна порицанія, потому что ни мало не исправитъ зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому что мудрость не имѣетъ нужды въ насиліи.

«Весь планъ ордена долженъ быть основанъ на томъ, чтобъ образовать людей твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія, убѣжденія, состоящаго въ томъ, чтобы вездѣ и всѣми силами преслѣдовать порокъ и глупость и покровительствовать таланты и добродѣтель: извлекать изъ праха людей достойныхъ, присоединяя ихъ къ нашему братству. Тогда только орденъ нашъ будетъ имѣть власть — нечувствительно вязать руки покровителямъ безпорядка и управлять ими такъ, чтобъ они того не примѣчали. Однимъ словомъ, надобно учредить всеобщій владычествующій образъ правленія, который распространился бы надъ цѣлымъ свѣтомъ, не разрушая гражданскихъ узъ, и при коемъ всѣ прочія правленія могли бы продолжаться обыкновеннымъ своимъ порядкомъ и дѣлать все, кромѣ того только, что препятствуетъ великой цѣли нашего ордена, то-есть доставленію добродѣ-

тели торжества надъ порокомъ. Сію цѣль предполагало само христіанство. Оно учило людей быть мудрыми и добрыми, и для собственной своей выгоды слѣдовать примѣру и наставленіямъ лучшихъ и мудрѣйшихъ человѣковъ.

«Тогда, когда все погружено было во мракѣ, достаточно было, конечно, одного проповѣданія: новость истины придавала ей особенную силу, но нынѣ потребны для насъ гораздо сильнѣйшія средства. Теперь нужно, чтобы человѣкъ, управляемый своими чувствами, находилъ въ добродѣтели чувственныя прелести. Нельзя искоренить страстей; должно только стараться направить ихъ къ благородной цѣли, и потому надобно, чтобы каждый могъ удовлетворять своимъ страстямъ въ предѣлахъ добродѣтели, и чтобы нашъ орденъ доставлялъ къ тому средства.

«Какъ скоро будетъ у насъ нѣкоторое число достойныхъ людей въ каждомъ государствѣ, каждый изъ нихъ образуетъ опять двухъ другихъ и всѣ они тѣсно между собой соединятся — тогда все будетъ возможно для ордена, который втайнѣ успѣлъ уже сдѣлать многое ко благу человѣчества".

Рѣчь эта произвела не только сильное впечатлѣніе, но и волненіе въ ложѣ. Большинство же братьевъ, видѣвшее въ этой рѣчи опасные замыслы иллюминатства, съ удивившею Пьера холодностью приняло его рѣчь. Великій мастеръ сталъ возражать Пьеру. Пьеръ съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ жаромъ сталъ развивать свои мысли. Давно не было столь бурнаго засѣданія. Составились партіи: одни обвиняли Пьера, осуждая его въ иллюминатствѣ; другіе поддерживали его. Пьера въ первый разъ поразило на этомъ собраніи то безконечное разнообразіе умовъ человѣческихъ, которое дѣлаетъ то, что никакая истина одинаково не представляется двумъ людямъ.

Даже тѣ изъ членовъ, которые, казалось, были на его сторонѣ, понимали его по своему, съ ограниченіями, измѣненіями, на которыя онъ не могъ согласиться, такъ какъ главная потребность Пьера состояла именно въ томъ, чтобы передать свою мысль другому точно такъ, какъ онъ самъ понималъ ее.

По окончаніи засѣданія великій мастеръ съ недоброжелательствомъ и ироніей сдѣлалъ Безухову замѣчаніе о его горячности и о томъ, что не одна любовь къ добродѣтели, но и увлеченіе борьбы руководило имъ въ спорѣ. Пьеръ не отвѣчалъ ему и коротко спросилъ, будетъ ли принято его предложеніе. Ему сказали, что нѣтъ, и Пьеръ, не дожидаясь обычныхъ формальностей, вышелъ изъ ложи и уѣхалъ домой.

VIII.

На Пьера опять нашла та тоска, которой онъ такъ боялся. Онъ три дня послѣ произнесенія своей рѣчи въ ложѣ лежалъ дома на диванѣ, никого не принимая и никуда не выѣзжая.

Въ это время онъ получилъ письмо отъ жены, которая умоляла его о свиданіи, писала о своей грусти по немъ, и о желаніи посвятить ему всю свою жизнь.

Въ концѣ письма она извѣщала его, что на дняхъ пріѣдетъ въ Петербургъ изъ-за границы.

Вслѣдъ за письмомъ въ уединеніе Пьера ворвался одинъ изъ менѣе другихъ уважаемыхъ имъ братьевъ-масоновъ и, наведя разговоръ на супружескія отношенія Пьера, въ видѣ братскаго совѣта высказалъ ему мысль о томъ, что строгость его къ женѣ несправедлива, и что Пьеръ отступаетъ отъ первыхъ правилъ масона, не прощая кающуюся.

Въ это же самое время теща его, жена князя Василья, присылала за нимъ, умоляя его хоть на нѣсколько минутъ посѣтить ее для переговоровъ о весьма важномъ дѣлѣ. Пьеръ видѣлъ, что былъ заговоръ противъ него, что его хотѣли соединить съ женою, и это было даже не непріятно ему въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился. Ему было все равно: Пьеръ ничего въ жизни не считалъ дѣломъ большой важности, и подъ вліяніемъ тоски, которая теперь овладѣла имъ, онъ не дорожилъ ни своею свободой, ни своимъ упорствомъ въ наказаніи жены.

„Никто не правъ, никто не виноватъ, стало быть, и она не виновата“, думалъ онъ. Ежели Пьеръ не изъявилъ тотчасъ же согласія на соединеніе съ жёною, то только потому, что въ состояніи тоски, въ которомъ онъ находился, онъ не былъ въ силахъ ничего предпринять. Ежели бы жена пріѣхала къ нему, онъ бы теперь не прогналъ ея. Развѣ не все равно было въ сравненіи съ тѣмъ, чт̀о занимало Пьера, жить или не жить съ женою?

Не отвѣчая ничего ни женѣ, ни тещѣ, Пьеръ разъ позднимъ вечеромъ собрался въ дорогу и уѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ Іосифомъ Алексѣевичемъ. Вотъ чт̀о писалъ Пьеръ въ дневникѣ своемъ.

„Москва, 17-го ноября.

„Сейчасъ только пріѣхалъ отъ благодѣтеля, и спѣшу записать все, чт̀о я испыталъ при этомъ. Іосифъ Алексѣевичъ живетъ бѣдно и страдаетъ третій годъ мучительною болѣзнью пузыря. Никто никогда не слыхалъ отъ него стона или слова ропота. Съ утра до поздней ночи, за исключеніемъ часовъ, въ которые онъ кушаетъ самую простую пищу, онъ работаетъ надъ наукой. Онъ принялъ меня милостиво и по-

садилъ на кровати, на которой онъ лежалъ; я сдѣлалъ ему знакъ рыцарей Востока и Іерусалима, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и съ кроткою улыбкой спросилъ меня о томъ, что я узналъ и пріобрѣлъ въ прусскихъ и шотландскихъ ложахъ. Я разсказалъ ему все, какъ умѣлъ, передавъ тѣ основанія, которыя я предлагалъ въ нашей петербургской ложѣ, и сообщилъ о дурномъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ, и о разрывѣ, происшедшемъ между мною и братьями. Іосифъ Алексѣевичъ изрядно помолчавъ и подумавъ, на все это изложилъ мнѣ свой взглядъ, который мгновенно освѣтилъ мнѣ все прошедшее и весь будущій путь, предлежащій мнѣ. Онъ удивилъ меня, спросивъ о томъ, помню ли я, въ чемъ состоитъ троякая цѣль ордена: 1) въ храненіи и познаніи таинства; 2) въ очищеніи и исправленіи себя для воспріятія онаго и 3) въ исправленіи рода человѣческаго чрезъ стремленіе къ таковому очищенію. Какая есть главнѣйшая и первая цѣль изъ этихъ трехъ? Конечно собственное исправленіе и очищеніе. Только къ этой цѣли мы можемъ всегда стремиться независимо отъ всѣхъ обстоятельствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта-то цѣль и требуетъ отъ насъ наиболѣе трудовъ, и потому, заблуждаясь гордостью, мы, упуская эту цѣль, беремся либо за таинство, которое недостойны воспринять по нечистотѣ своей, либо беремся за исправленіе рода человѣческаго, когда сами изъ себя являемъ примѣръ мерзости и разврата. Иллюминатство не есть чистое ученіе именно потому, что оно увлеклось общественною дѣятельностью и преисполнено гордости. На этомъ основаніи Іосифъ Алексѣевичъ осудилъ мою рѣчь и всю мою дѣятельность. Я согласился съ нимъ въ глубинѣ души своей. По случаю разговора нашего о моихъ семейныхъ дѣлахъ, онъ сказалъ мнѣ: „Главная обязанность

истиннаго масона, какъ я сказалъ вамъ, состоитъ въ совершенствованіи самого себя. Но часто мы думаемъ, что, удаливъ отъ себя всѣ трудности нашей жизни, мы скорѣе достигнемъ этой цѣли; напротивъ, государь мой, сказалъ онъ мнѣ, только въ средѣ свѣтскихъ волненій можемъ мы достигнуть трехъ главныхъ цѣлей: 1) самопознанія; ибо человѣкъ можетъ познавать себя только черезъ сравненіе; 2) совершенствованія, только борьбой достигается оно, и 3) достигнуть главной добродѣтели — любви къ смерти. Только превратности жизни могутъ показать намъ тщету ея и могутъ содѣйствовать нашей врожденной любви къ смерти или возрожденію къ новой жизни. „Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что Іосифъ Алексѣевичъ, несмотря на свои тяжкія физическія страданія, никогда не тяготится жизнію, а любитъ смерть, къ которой онъ, несмотря на всю чистоту и высоту своего внутренняго человѣка, не чувствуетъ еще себя достаточно готовымъ. Потомъ благодѣтель объяснилъ мнѣ вполнѣ значеніе великаго квадрата міроданія и указалъ на то, что тройственное и седьмое число суть основаніе всего. Онъ совѣтовалъ мнѣ не отстраняться отъ общенія съ петербургскими братьями, и занимая въ ложѣ только должности 2-го градуса, стараться, отвлекая братьевъ отъ увлеченій гордости, обращать ихъ на истинный путь самопознанія и совершенствованія. Кромѣ того, для себя лично совѣтовалъ мнѣ первѣе всего слѣдить за самимъ собою, и съ этою цѣлью далъ мнѣ тетрадь, ту самую, въ которой я пишу и буду вписывать впередъ всѣ свои поступки“.

„Петербургъ, 23-го ноября.

„Я опять живу съ женой. Теща моя въ слезахъ пріѣхала ко мнѣ и сказала, что Эленъ здѣсь и что она умоляетъ меня

выслушать ее, что она невинна, что она несчастна моимъ оставленіемъ, и многое другое. Я зналъ, что ежели я только допущу себя увидать ее, то не въ силахъ буду болѣе отказать ей въ ея желаніи. Въ сомнѣніи своемъ я не зналъ, къ чьей помощи и совѣту прибѣгнуть. Ежели бы благодѣтель былъ здѣсь, онъ бы сказалъ мнѣ. Я удалился къ себѣ, перечелъ письма Іосифа Алексѣевича, вспомнилъ свои бесѣды съ нимъ, и изъ всего вывелъ то, что я не долженъ отказывать просящему и долженъ подать руку помощи всякому, тѣмъ болѣе человѣку, столь связанному со мною, и долженъ нести крестъ свой. Но ежели я для добродѣтели простилъ ее, то пускай и будетъ мое соединеніе съ нею имѣть одну духовную цѣль. Такъ я рѣшилъ и такъ написалъ Іосифу Алексѣевичу. Я сказалъ женѣ, что прошу ее забыть все старое, прошу простить мнѣ то, въ чемъ я могъ быть виноватъ предъ нею, а что мнѣ прощать ей нечего. Мнѣ радостно было сказать ей это. Пусть она не знаетъ, какъ тяжело мнѣ было вновь увидать ее. Устроился въ большомъ домѣ въ верхнихъ покояхъ и испытываю счастливое чувство обновленія".

IX.

Какъ и всегда, и тогда высшее общество, соединяясь вмѣстѣ при дворѣ и на большихъ балахъ, подраздѣлялось на нѣсколько кружковъ, имѣющихъ каждый свой оттѣнокъ. Въ числѣ ихъ самый обширный былъ кружокъ французскій, Наполеоновскаго союза, — графа Румянцева и Коленкура. Въ этомъ кружкѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ заняла Элэнъ, какъ только она съ мужемъ поселилась въ Петербургѣ. У ней бывали господа французскаго посольства, и

большое количество людей, извѣстныхъ своимъ умомъ и любезностью, принадлежавшихъ къ этому направленію.

Элемъ была въ Эрфуртѣ во время знаменитаго свиданія императоровъ и оттуда привезла эти связи со всѣми Наполеоновскими достопримѣчательностями Европы. Въ Эрфуртѣ она имѣла блестящій успѣхъ. Самъ Наполеонъ, замѣтивъ ее въ театрѣ, спросилъ кто она и оцѣнилъ ея красоту. Успѣхъ ея въ качествѣ красивой и элегантной женщины не удивлялъ Пьера, потому что съ годами она сдѣлалась еще красивѣе, чѣмъ прежде. Но удивляло его то, что за эти два года жена его успѣла пріобрѣсти себѣ репутацію „прелестной женщины, столь же умной, сколько и прекрасной", какъ говорили про нее по-французски. Извѣстный князь де-Линь писалъ ей письма на восьми страницахъ. Билибинъ приберегалъ свои mots, чтобы въ первый разъ сказать ихъ при графинѣ Безуховой. Быть принятымъ въ салонѣ графини Безуховой считалось дипломомъ ума; молодые люди прочитывали книги предъ вечеромъ Элемъ, чтобы было о чемъ говорить въ ея салонѣ, и секретари посольства и даже посланники повѣряли ей дипломатическія тайны, такъ что Элемъ была сила въ нѣкоторомъ родѣ. Пьеръ, который зналъ, что она была очень глупа, съ страннымъ чувствомъ недоумѣнья и страха иногда присутствовалъ на ея вечерахъ и обѣдахъ, гдѣ говорилось о политикѣ, поэзіи и философіи. На этихъ вечерахъ онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать фокусникъ, ожидая всякій разъ, что вотъ-вотъ обманъ его откроется. Но оттого ли, что для веденія такого салона именно нужна была глупость, или потому что сами обманываемые находили удовольствіе въ этомъ обманѣ, обманъ не открывался, и репутація „женщины пре-

лестной и умной“ такъ непоколебимо утвердилась за Еленой Васильевной Безуковой, что она могла говорить самыя большія пошлости и глупости, и все-таки всѣ восхищались каждымъ ея словомъ и отыскивали въ немъ глубокій смыслъ, котораго она сама и не подозрѣвала.

Пьеръ былъ именно тѣмъ самымъ мужемъ, который нуженъ былъ для этой блестящей свѣтской женщины. Онъ былъ тотъ разсѣянный чудакъ, мужъ грань-сеньоръ, никому не мѣшающій, и не только не портящій общаго впечатлѣнія высокаго тона гостиной, но, своею противоположностью изяществу и такту жены, служащій выгоднымъ для нея фономъ. Пьеръ за эти два года, вслѣдствіе своего постояннаго сосредоточеннаго занятія невещественными интересами и искренняго презрѣнія ко всему остальному, усвоилъ себѣ въ неинтересовавшемъ его обществѣ жены тотъ тонъ равнодушія, небрежности и благосклонности ко всѣмъ, который не пріобрѣтается искусственно, и который потому-то и внушаетъ невольное уваженіе. Онъ входилъ въ гостиную своей жены, какъ въ театръ, со всѣми былъ знакомъ, всѣмъ былъ одинаково радъ и ко всѣмъ былъ одинаково равнодушенъ. Иногда онъ вступалъ въ разговоръ, интересовавшій его, и тогда, безъ соображеній о томъ, были ли тутъ или нѣтъ „господа посольства“, шамкая, говорилъ свои мнѣнія, которыя иногда были совершенно не въ тонѣ настоящей минуты. Но мнѣніе о чудакѣ-мужѣ „самой замѣчательной женщины Петербурга“ уже такъ установилось, что никто не принималъ серьезно его выходокъ.

Въ числѣ многихъ молодыхъ людей, ежедневно бывавшихъ въ домѣ Элленъ, Борисъ Друбецкой, уже весьма успѣвшій въ службѣ, былъ, послѣ возвращенія Элленъ изъ Эрфурта,

самымъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Безуковыхъ. Эленъ называла его „мой пажъ“ и обращалась съ нимъ какъ съ ребенкомъ. Улыбка ея въ отношеніи его была та же, какъ и ко всѣмъ, но иногда Пьеру непріятно было видѣть эту улыбку. Борисъ обращался съ Пьеромъ съ особенною, достойною и грустною почтительностью. Этотъ оттѣнокъ почтительности тоже безпокоилъ Пьера. Пьеръ такъ больно страдалъ три года тому назадъ отъ оскорбленія, нанесеннаго ему женой, что теперь онъ спасалъ себя отъ возможности подобнаго оскорбленія во-первыхъ тѣмъ, что онъ не былъ мужемъ своей жены, во-вторыхъ тѣмъ, что онъ не позволялъ себѣ подозрѣвать.

„Нѣтъ, теперь сдѣлавшись синимъ чулкомъ, она навсегда отказалась отъ прежнихъ увлеченій“, говорилъ онъ самъ себѣ. „Не было примѣра, чтобы синіе чулки имѣли сердечныя увлеченія“, повторялъ онъ самъ себѣ, неизвѣстно откуда извлеченное правило, которому несомнѣнно вѣрилъ. Но, странное дѣло, присутствіе Бориса въ гостиной жены (а онъ былъ почти постоянно) физически дѣйствовало на Пьера: оно связывало всѣ его члены, уничтожало безсознательность и свободу его движеній.

„Такая странная антипатія“, думалъ Пьеръ, „а прежде онъ мнѣ даже очень нравился“.

Въ глазахъ свѣта, Пьеръ былъ большой баринъ, нѣсколько слѣпой и смѣшной мужъ знаменитой жены, умный чудакъ, ничего не дѣлающій, но и никому не вредящій, славный и добрый малый. Въ душѣ же Пьера происходила за все это время сложная и трудная работа внутренняго развитія, открывшая ему многое и приведшая его ко многимъ духовнымъ сомнѣніямъ и радостямъ.

X.

Онъ продолжалъ свой дневникъ, и вотъ что онъ писалъ въ немъ за это время:

„24-го ноября.

„Всталъ въ восемь часовъ, читалъ Св. Писаніе, потомъ пошелъ къ должности (Пьеръ, по совѣту благодѣтеля, поступилъ на службу въ одинъ изъ комитетовъ), возвратился къ обѣду, обѣдалъ одинъ (у графини много гостей, мнѣ непріятныхъ), ѣлъ и пилъ умѣренно и послѣ обѣда списывалъ піесы для братьевъ. Ввечеру сошелъ къ графинѣ и разсказалъ смѣшную исторію о Б., и только тогда вспомнилъ, что этого не должно было дѣлать, когда всѣ уже громко смѣялись.

„Ложусь спать съ счастливымъ и спокойнымъ духомъ. Господи великій, помоги мнѣ ходить по стезямъ Твоимъ: 1) побѣждать часть гнѣвну — тихостью, медленіемъ, 2) похоть — воздержаніемъ и отвращеніемъ, 3) удаляться отъ суеты, но не отлучать себя отъ a) государственныхъ дѣлъ службы, b) отъ заботъ семейныхъ, c) отъ дружескихъ сношеній, и d) экономическихъ занятій".

„27-го ноября.

„Всталъ поздно и, проснувшись, долго лежалъ на постели, предаваясь лѣни. Боже мой, помоги мнѣ и укрѣпи меня, дабы я могъ ходить по путямъ Твоимъ. Читалъ Св. Писаніе, но безъ надлежащаго чувства. Пришелъ братъ Урусовъ, бесѣдовали о суетахъ міра. Разсказывалъ о новыхъ предначертаніяхъ государя. Я началъ было осуждать, но вспомнилъ о своихъ правилахъ и слова благодѣтеля нашего о томъ, что истинный масонъ долженъ быть усерднымъ дѣятелемъ въ государствѣ, когда требуется его участіе, и спокойнымъ созер-

цателемъ того, къ чему онъ не призванъ. Языкъ мой — врагъ мой. Посѣтили меня братья Г. В. и О., была приуготовительная бесѣда для принятія новаго брата. Они возлагаютъ на меня обязанность ритора. Чувствую себя слабымъ и недостойнымъ. Потомъ зашла рѣчь объ объясненіи семи столбовъ и ступеней храма 7 наукъ, 7 добродѣтелей, 7 пороковъ, 7 даровъ Святаго Духа. Братъ О. былъ очень краснорѣчивъ. Вечеромъ совершилось принятіе. Новое устройство помѣщенія много содѣйствовало великолѣпію зрѣлища. Принятъ былъ Борисъ Друбецкой. Я предлагалъ его, я и былъ риторомъ. Странное чувство волновало меня во все время моего пребыванія съ нимъ въ темной храминѣ. Я засталъ въ себѣ къ нему чувство ненависти, которое я тщетно стремлюсь преодолѣть. И потому-то я желалъ бы истинно спасти его отъ злаго и ввести его на путь истины; но дурныя мысли о немъ не оставляли меня. Мнѣ думалось, что его цѣль вступленія въ братство состояла только въ желаніи сблизиться съ людьми, быть въ фаворѣ у находящихся въ нашей ложѣ. Кромѣ тѣхъ основаній, что онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не находится ли въ нашей ложѣ N. и S. (на что я не могъ ему отвѣчать), кромѣ того, онъ по моимъ наблюденіямъ неспособенъ чувствовать уваженія къ нашему святому ордену и слишкомъ занятъ и доволенъ внѣшнимъ человѣкомъ, чтобы желать улучшенія духовнаго. Я не имѣлъ основаній сомнѣваться въ немъ, но онъ мнѣ казался неискреннимъ, и все время, когда я стоялъ съ нимъ съ глазу на глазъ въ темной храминѣ, мнѣ казалось, что онъ презрительно улыбается на мои слова, и хотѣлось дѣйствительно уколоть его обнаженную грудь шпагой, которую я держалъ приставленную къ ней. Я не могъ быть краснорѣчивъ и не могъ

искренно сообщить своего сомнѣнія братьямъ и великому мастеру. Великій Архитектонъ природы, помоги мнѣ находить истинные пути, выводящіе изъ лабиринта лжи.

Послѣ этого въ дневникѣ было пропущено три листа, и потомъ было написано слѣдующее:

„Имѣлъ поучительный и длинный разговоръ наединѣ съ братомъ В., который совѣтовалъ мнѣ держаться брата А. Многое, хотя и недостойному, мнѣ было открыто. Адонаи есть имя сотворившаго міръ. Элоимъ есть имя правящаго всѣмъ. Третье имя, имя неизрекаемое, имѣющее значеніе *Всего*. Бесѣды съ братомъ В. подкрѣпляютъ, освѣжаютъ и утверждаютъ меня на пути добродѣтели. При немъ нѣтъ мѣста сомнѣнію. Мнѣ ясно различіе бѣднаго ученія наукъ общественныхъ съ нашимъ святымъ, все обнимающимъ ученіемъ. Науки человѣческія все подраздѣляютъ — чтобы понять, все убиваютъ — чтобы разсмотрѣть. Въ святой наукѣ ордена все едино, все познается въ своей совокупности и жизни. Троица — три начала вещей — сѣра, меркурій и соль. Сѣра елейнаго и огненнаго свойства; она въ соединеніи съ солью, огненностью своею возбуждаетъ въ ней алканіе, посредствомъ котораго притягиваетъ меркурій, схватываетъ его, удерживаетъ и совокупно производитъ отдѣльныя тѣла. Меркурій есть жидкая и летучая духовная сущность. — Христосъ, Духъ Святой, Онъ“.

„3-го декабря.

„Проснулся поздно, читалъ Св. Писаніе, но былъ безчувственъ. Послѣ вышелъ и ходилъ по залѣ. Хотѣлъ размышлять, но вмѣсто того воображеніе представило одно происшествіе, бывшее четыре года тому назадъ. Господинъ Долоховъ, послѣ моей дуэли встрѣтясь со мной въ Москвѣ, сказалъ

мнѣ, что онъ надѣется, что я пользуюсь теперь полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, несмотря на отсутствіе моей супруги. Я тогда ничего не отвѣчалъ. Теперь я припомнилъ всѣ подробности этого свиданія, и въ душѣ своей говорилъ ему самыя злобныя слова и колкіе отвѣты. Опомнился и бросилъ эту мысль только тогда, когда увидалъ себя въ распаленіи гнѣва; но недостаточно раскаялся въ этомъ. Послѣ пришелъ Борисъ Друбецкой и сталъ разсказывать разныя приключенія: я же съ самаго его прихода сдѣлался недоволенъ его посѣщеніемъ, и сказалъ ему что-то противное. Онъ возразилъ. Я вспыхнулъ и наговорилъ ему множество непріятнаго и даже грубаго. Онъ замолчалъ, и я спохватился только тогда, когда было уже поздно. Боже мой, я совсѣмъ не умѣю съ нимъ обходиться. Этому причиной мое самолюбіе. Я ставлю себя выше его, и потому дѣлаюсь гораздо его хуже, ибо онъ снисходителенъ къ моимъ грубостямъ, а я напротивъ того питаю къ нему презрѣніе. Боже мой, даруй мнѣ въ присутствіи его видѣть больше мою мерзость, и поступать такъ, чтобы и ему это было полезно. Послѣ обѣда заснулъ и въ то время какъ засыпалъ, услыхалъ явственно голосъ, сказавшій мнѣ въ лѣвое ухо: „твой день“.

„Я видѣлъ во снѣ, что иду я въ темнотѣ, и вдругъ окруженъ собаками, но иду безъ страха; вдругъ одна небольшая схватила меня за лѣвое стегно зубами и не выпускаетъ. Я сталъ давить ее руками. И только что я оторвалъ ее, какъ другая, еще бóльшая, стала грызть меня. Я сталъ поднимать ее и чѣмъ больше поднималъ, тѣмъ она становилась больше и тяжеле. И вдругъ идетъ братъ А. и, взявъ меня подъ руку, повелъ съ собою и привелъ къ зданію, для входа въ которое надо было пройти по узкой доскѣ. Я ступилъ

на нее, и доска отогнулась и упала, и я сталъ лѣзть на заборъ, до котораго едва достигалъ руками. Послѣ большихъ усилій я перетащилъ свое тѣло такъ, что ноги висѣли на одной, а туловище на другой сторонѣ. Я оглянулся и увидалъ, что братъ А. стоитъ на заборѣ и указываетъ мнѣ на большую аллею и садъ, и въ саду большое и прекрасное зданіе. Я проснулся. Господи, Великій Архитектонъ природы! помоги мнѣ оторвать отъ себя собакъ — страстей моихъ и послѣднюю изъ нихъ, совокупляющую въ себѣ силы всѣхъ прежнихъ, и помоги мнѣ вступить въ тотъ храмъ добродѣтели, коего лицезрѣнія я во снѣ достигнулъ".

„7-го декабря.

„Видѣлъ сонъ, будто Іосифъ Алексѣевичъ въ моемъ домѣ сидитъ, и я радъ очень, и желаю угостить его. Будто я съ посторонними неумолчно болтаю и вдругъ вспомнилъ, что это ему не можетъ нравиться, и желаю къ нему приблизиться и его обнять. Но только что приблизился, вижу, что лицо его преобразилось, стало молодое, и онъ мнѣ тихо что-то говоритъ изъ ученья ордена, такъ тихо, что я не могу разслышать. Потомъ, будто, вышли мы всѣ изъ комнаты, и что-то тутъ случилось мудреное. Мы сидѣли или лежали на полу. Онъ мнѣ что-то говорилъ. А мнѣ будто захотѣлось показать ему свою чувствительность и я, не вслушиваясь въ его рѣчи, сталъ себѣ воображать состояніе своего внутренняго человѣка и осѣнившую меня милость Божію. И появились у меня слезы на глазахъ, и я былъ доволенъ, что онъ это примѣтилъ. Но онъ взглянулъ на меня съ досадой и вскочилъ, пресѣкши свой разговоръ. Я оробѣлъ и спросилъ, не ко мнѣ ли сказанное относилось; но онъ ничего не отвѣчалъ, показалъ мнѣ ласковый видъ, и послѣ вдругъ очутились мы въ спальнѣ

моей, гдѣ стоитъ двойная кровать. Онъ легъ на нее на край, и я будто пылалъ къ нему желаніемъ ласкаться и прилечь тутъ же. И онъ будто у меня спрашиваетъ: „Скажите по правдѣ, какое вы имѣете главное пристрастіе? Узнали ли вы его? Я думаю, что вы уже его узнали". Я, смутившись симъ вопросомъ, отвѣчалъ, что лѣнь мое главное пристрастіе. Онъ недовѣрчиво покачалъ головой. И я ему, еще болѣе смутившись, отвѣчалъ, что я, хотя и живу съ женою по его совѣту, но не какъ мужъ жены своей. На это онъ возразилъ, что не должно жену лишать своей ласки, далъ чувствовать, что въ этомъ была моя обязанность. Но я отвѣчалъ, что я стыжусь этого, и вдругъ все скрылось. И я проснулся, и нашелъ въ мысляхъ своихъ текстъ Св. Писанія: *Животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тмѣ свѣтитъ и тма его не объятъ*. Лицо у Іосифа Алексѣевича было моложавое и свѣтлое. Въ этотъ день получилъ письмо отъ благодѣтеля, въ которомъ онъ пишетъ объ обязанностяхъ супружества".

9-го декабря.

„Видѣлъ сонъ, отъ котораго проснулся съ трепещущимся сердцемъ. Видѣлъ, будто я въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ большой диванной, и изъ гостиной выходитъ Іосифъ Алексѣевичъ. Будто я тотчасъ узналъ, что съ нимъ уже совершился процессъ возрожденія, и бросился ему навстрѣчу. Я будто его цѣлую, и руки его, а онъ говоритъ: „Примѣтилъ ли ты, что у меня лицо другое?" Я посмотрѣлъ на него, продолжая держать его въ своихъ объятіяхъ, и будто вижу, что лицо его молодое, но волосъ на головѣ нѣтъ, и черты совершенно другія. И будто я ему говорю: „Я бы васъ узналъ, ежели бы случайно съ вами встрѣтился", и думаю между тѣмъ: „правду ли я сказалъ?" И вдругъ вижу, что онъ ле-

житѣ какъ трупъ мертвый; потомъ понемногу пришелъ въ себя и вошелъ со мной въ большой кабинетъ, держа большую книгу, писанную, въ александрійскій листъ. И будто я говорю: „это я написалъ". И онъ отвѣтилъ мнѣ наклоненіемъ головы. Я открылъ книгу, и въ книгѣ этой на всѣхъ страницахъ прекрасно нарисовано. И я будто знаю, что эти картины представляютъ любовныя похожденія души съ ея возлюбленнымъ. И на страницахъ будто я вижу прекрасное изображеніе дѣвицы въ прозрачной одеждѣ и съ прозрачнымъ тѣломъ, возлетающей къ облакамъ. И будто я знаю, что эта дѣвица есть не что иное, какъ изображеніе Пѣсни Пѣсней. И будто я, глядя на эти рисунки, чувствую, что я дѣлаю дурно и не могу оторваться отъ нихъ. Господи, помоги мнѣ! Боже мой, если это оставленіе Тобою меня есть дѣйствіе Твое, то да будетъ воля Твоя; но ежели же я самъ причинилъ сіе, то научи меня, чтó мнѣ дѣлать. Я погибну отъ своей развратности, буде Ты меня вовсе оставишь".

XI.

Денежныя дѣла Ростовыхъ не поправились въ продолженіи двухъ лѣтъ, которые они пробыли въ деревнѣ.

Несмотря на то, Николай Ростовъ, твердо держась своего намѣренія, продолжалъ темно служить въ глухомъ полку, расходуя сравнительно мало денегъ, ходъ жизни въ Отрадномъ былъ таковъ, и въ особенности Митенька такъ велъ дѣла, что долги неудержимо росли съ каждымъ годомъ. Единственная помощь, которая очевидно представлялась старому графу, это была служба, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста; искать мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, въ послѣдній разъ потѣшить дѣвчатъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Ростовыхъ въ Петербургъ, Бергъ сдѣлалъ предложеніе Вѣрѣ, и предложеніе его было принято.

Несмотря на то, что въ Москвѣ Ростовы принадлежали къ высшему обществу, сами того не зная и не думая о томъ, къ какому они принадлежали обществу, въ Петербургѣ общество ихъ было смѣшанное и неопредѣленное. Въ Петербургѣ они были провинціалы, до которыхъ не спускались тѣ самые люди, которыхъ, не спрашивая ихъ къ какому они принадлежатъ обществу, въ Москвѣ кормили Ростовы.

Ростовы въ Петербургѣ жили такъ же гостепріимно, какъ и въ Москвѣ, и на ихъ ужинахъ сходились самыя разнообразныя лица: сосѣди по Отрадному, старые небогатые помѣщики съ дочерьми и фрейлина Перонская, Пьеръ Безуховъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера, служившій въ Петербургѣ. Изъ мужчинъ домашними людьми въ домѣ Ростовыхъ въ Петербургѣ очень скоро сдѣлались Борисъ, Пьеръ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, затащилъ къ себѣ старый графъ, и Бергъ, который цѣлые дни проводилъ у Ростовыхъ и оказывалъ старшей графинѣ Вѣрѣ такое вниманіе, которое можетъ оказывать молодой человѣкъ, намѣревающійся сдѣлать предложеніе.

Бергъ недаромъ показывалъ всѣмъ свою раненую въ Аустерлицкомъ сраженіи правую руку и держалъ совершенно ненужную шпагу въ лѣвой. Онъ такъ упорно и съ такою значительностью разсказывалъ всѣмъ это событіе, что всѣ повѣрили въ цѣлесообразность и достоинство этого поступка, и Бергъ получилъ за Аустерлицъ двѣ награды.

Въ Финляндской войнѣ ему удалось также отличиться. Онъ поднялъ осколокъ гранаты, которымъ былъ убитъ адъютантъ подлѣ главнокомандующаго и поднесъ начальнику этотъ осколокъ. Такъ же, какъ и послѣ Аустерлица, онъ такъ долго и

упорно разсказывалъ всѣмъ про это событіе, что всѣ повѣрили тоже, что надо было это сдѣлать, и за Финляндскую войну Бергъ получилъ двѣ награды. Въ 1809-мъ году онъ былъ капитанъ гвардіи съ орденами и занималъ въ Петербургѣ какія-то особенныя выгодныя мѣста.

Хотя нѣкоторые вольнодумцы и улыбались, когда имъ говорили про достоинства Берга, нельзя было не согласиться, что Бергъ былъ исправный, храбрый офицеръ, на отличномъ счету у начальства, и нравственный молодой человѣкъ съ блестящею карьерой впереди и даже прочнымъ положеніемъ въ обществѣ.

Четыре года тому назадъ, встрѣтившись въ партерѣ московскаго театра съ товарищемъ нѣмцемъ, Бергъ указалъ ему на Вѣру Ростову и по-нѣмецки сказалъ: „Вотъ она будетъ моею женою“, и съ той минуты рѣшилъ жениться на ней. Теперь, въ Петербургѣ, сообразивъ положеніе Ростовыхъ и свое, онъ рѣшилъ, что пришло время, и сдѣлалъ предложеніе.

Предложеніе Берга было принято сначала съ нелестнымъ для него недоумѣніемъ. Сначала представлялось странно, что сынъ темнаго лифляндскаго дворянина дѣлаетъ предложеніе графинѣ Ростовой; но главное свойство характера Берга состояло въ такомъ наивномъ и добродушномъ эгоизмѣ, что невольно Ростовы подумали, что это будетъ хорошо, ежели онъ самъ такъ твердо убѣжденъ, что это хорошо и даже очень хорошо. Притомъ же дѣла Ростовыхъ были очень разстроены, чего не могъ не знать женихъ, а главное, Вѣрѣ было 24 года, она выѣзжала вездѣ; и несмотря на то, что она несомнѣнно была хороша и разсудительна, до сихъ поръ никто никогда ей не сдѣлалъ предложенія. Согласіе было дано.

— Вотъ видите ли, говорилъ Бергъ своему товарищу, котораго онъ называлъ другомъ только потому, что онъ зналъ, что у всѣхъ людей бываютъ друзья. — Вотъ видите ли, я все это сообразилъ, и я бы не женился, ежели бы не обдумалъ всего, и это почему-нибудь было бы неудобно. А теперь, напротивъ, папенька и маменька мои теперь обезпечены, я имъ устроилъ эту аренду въ Остзейскомъ краѣ, а мнѣ прожить можно въ Петербургѣ при моемъ жалованьѣ, при ея состояніи и при моей аккуратности. Прожить можно хорошо. Я не изъ-за денегъ женюсь, я считаю это неблагородно, но надо, чтобы жена принесла свое, а мужъ свое. У меня служба — у нея связи и маленькія средства. Это въ наше время что-нибудь такое значитъ, не такъ ли? А главное — она прекрасная, почтенная дѣвушка и любитъ меня...

Бергъ покраснѣлъ и улыбнулся.

— И я люблю ее, потому что у нея характеръ разсудительный — очень хорошій. Вотъ другая ея сестра — одной фамиліи, а совсѣмъ другое, и непріятный характеръ, и ума нѣтъ того, и этакое, знаете?.. Непріятно... А моя невѣста... Вотъ будете приходить къ намъ... продолжалъ Бергъ, онъ хотѣлъ сказать обѣдать, но раздумалъ и сказалъ: „чай пить“, и, проткнувъ его быстро языкомъ, выпустилъ круглое маленькое колечко табачнаго дыма, олицетворявшее вполнѣ его мечты о счастьи.

Послѣ перваго чувства недоумѣнья, возбужденнаго въ родителяхъ предложеніемъ Берга, въ семействѣ водворилась обычная въ такихъ случаяхъ праздничность и радость, но радость была не искренняя, а внѣшняя. Въ чувствахъ родныхъ относительно этой свадьбы были замѣтны замѣшательство и стыдливость. Какъ будто имъ совѣстно было теперь

ство, что они мало любили Вѣру, и теперь такъ охотно сбывали ее съ рукъ. Весьма не мало смущенъ былъ старый графъ. Онъ вѣроятно не умѣлъ бы назвать того, что было причиной его смущенія, а причина эта были его денежныя дѣла. Онъ рѣшительно не зналъ, что у него есть, сколько у него долговъ и что онъ въ состояніи будетъ дать въ приданое Вѣрѣ. Когда родились дочери, каждой было назначено по 300 душъ въ приданое; но одна изъ этихъ деревень была уже продана, а другая заложена и такъ просрочена, что должна была продаваться, поэтому отдать имѣніе было невозможно. Денегъ тоже не было.

Бергъ уже болѣе мѣсяца былъ женихомъ и только недѣля оставалась до свадьбы, а графъ еще не рѣшилъ съ собой вопроса о приданомъ и не говорилъ объ этомъ самъ съ женою. Графъ то хотѣлъ отдѣлить Вѣрѣ рязанское имѣніе, то хотѣлъ продать лѣсъ, то занять денегъ подъ вексель. За нѣсколько дней до свадьбы Бергъ вошелъ рано утромъ въ кабинетъ къ графу и съ пріятною улыбкой почтительно попросилъ будущаго тестя объявить ему, что будетъ дано за графиней Вѣрой. Графъ такъ смутился при этомъ давно предчувствуемомъ вопросѣ, что сказалъ необдуманно первое, что пришло ему въ голову.

— Люблю, что позаботился, люблю, останешься доволенъ...

И онъ, похлопавъ Берга по плечу, всталъ, желая прекратить разговоръ. Но Бергъ, пріятно улыбаясь, объяснилъ, что, ежели онъ не будетъ знать вѣрно, что будетъ дано за Вѣрой, и не получитъ впередъ хотя части того, что назначено ей, то онъ принужденъ будетъ отказаться.

— Потому что, разсудите, графъ, ежели бы я теперь по-

зволялъ себѣ жениться, не имѣя опредѣленныхъ средствъ для поддержанія своей жены, и поступилъ бы подло.

Разговоръ кончился тѣмъ, что графъ, желая быть великодушнымъ и не подвергаться новымъ просьбамъ, сказалъ, что онъ выдаетъ вексель въ 80 тысячъ. Бергъ кротко улыбнулся, поцѣловалъ графа въ плечо и сказалъ, что онъ очень благодаренъ, но никакъ не можетъ теперь устроиться въ новой жизни, не получивъ чистыми деньгами 30 тысячъ.

— Хоть бы 20 тысячъ, графъ, прибавилъ онъ; — а вексель тогда только въ 60 тысячъ.

— Да, да, хорошо, скороговоркой заговорилъ графъ, — только ужъ извини, дружокъ, 20 тысячъ я дамъ, а вексель кромѣ того на 80 тысячъ дамъ. Такъ-то, поцѣлуй меня.

XII.

Наташѣ было шестнадцать лѣтъ, и былъ 1809 годъ, тотъ самый, до котораго она четыре года тому назадъ по пальцамъ считала съ Борисомъ послѣ того, какъ она съ нимъ поцѣловалась. Съ тѣхъ поръ она ни разу не видала Бориса. Передъ Соней и съ матерью, когда разговоръ заходилъ о Борисѣ, она совершенно свободно говорила, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, что все, что было прежде, — было ребячество, про которое не стоило и говорить, и которое давно было забыто. Но въ самой тайной глубинѣ ея души, вопросъ о томъ, было ли обязательство къ Борису шуткой или важнымъ, связывающимъ обѣщаніемъ, мучилъ ее.

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Борисъ въ 1805 году изъ Москвы уѣхалъ въ армію, онъ не видался съ Ростовыми. Нѣсколько разъ онъ бывалъ въ Москвѣ, проѣзжалъ недалеко отъ Отраднаго, но ни разу не былъ у Ростовыхъ.

Наташѣ приходило иногда въ голову, что онъ не хотѣлъ видѣть ее, и эти догадки ея подтверждались тѣмъ грустнымъ тономъ, которымъ говаривали о немъ старшіе.

— Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не помнятъ старыхъ друзей, — говорила графиня вслѣдъ за упоминаніемъ о Борисѣ.

Анна Михайловна, въ послѣднее время рѣже бывавшая у Ростовыхъ, тоже держала себя какъ-то особенно достойно, и всякій разъ восторженно и благодарно говорила о достоинствахъ своего сына и блестящей карьерѣ, на которой онъ находился. Когда Ростовы пріѣхали въ Петербургъ, Борисъ пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ.

Онъ ѣхалъ къ нимъ не безъ волненія. Воспоминаніе о Наташѣ было самымъ поэтическимъ воспоминаніемъ Бориса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ясно дать почувствовать и ей и роднымъ ея, что дѣтскія отношенія между нимъ и Наташей не могутъ быть обязательны ни для нея, ни для него. У него было блестящее положеніе въ обществѣ, благодаря интимности съ графиней Безуховой, блестящее положеніе на службѣ, благодаря покровительству важнаго лица, довѣріемъ котораго онъ вполнѣ пользовался, и у него были зарождающіеся планы женитьбы на одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ Петербурга, которые очень легко могли осуществиться. Когда Борисъ вошелъ въ гостиную Ростовыхъ, Наташа была въ своей комнатѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, она, раскраснѣвшись, почти вбѣжала въ гостиную, сіяя болѣе чѣмъ ласковою улыбкой.

Борисъ помнилъ ту Наташу въ коротенькомъ платьѣ, съ черными, блестящими изъ-подъ локоновъ глазами, и съ отчаяннымъ, дѣвичьимъ смѣхомъ, которую онъ зналъ четыре года тому назадъ, и потому, когда вошла совсѣмъ другая Наташа,

онъ смутился, и лицо его выразило досадливое удивленіе. Это выраженіе его лица обрадовало Наташу.

— Чтó, узнаешь свою маленькую пріятельницу-шалунью? сказала графиня. Борисъ поцѣловалъ руку Наташи и сказалъ, что онъ удивленъ происшедшей въ ней перемѣной.

— Какъ вы похорошѣли!

— Еще бы! отвѣчали смѣющіеся глаза Наташи.

— А папа постарѣлъ? спросила она. Наташа сѣла и, не вступая въ разговоръ Бориса съ графиней, молча разсматривала своего дѣтскаго жениха до малѣйшихъ подробностей. Онъ чувствовалъ на себѣ тяжесть этого упорнаго, ласковаго взгляда и изрѣдка взглядывалъ на нее.

Мундиръ, шпоры, галстукъ, прическа Бориса, все это было самое модное и comme il faut. Это сейчасъ замѣтила Наташа. Онъ сидѣлъ немножко бокомъ на креслѣ подлѣ графини, поправляя правою рукой чистѣйшую, облитую перчатку на лѣвой, говорилъ съ особеннымъ, утонченнымъ поджатіемъ губъ объ увеселеніяхъ высшаго петербургскаго свѣта и съ кроткою насмѣшливостью вспоминалъ о прежнихъ московскихъ временахъ и московскихъ знакомыхъ. Не нечаянно, какъ это чувствовала Наташа, онъ упомянулъ, называя высшую аристократію, о балѣ посланника, на которомъ онъ былъ, о приглашеніяхъ къ NN и къ SS.

Наташа сидѣла все время молча, исподлобья глядя на него. Взглядъ этотъ все больше и больше безпокоилъ и смущалъ Бориса. Онъ чаще оглядывался на Наташу и прерывался въ разсказахъ. Онъ просидѣлъ не больше 10 минутъ и всталъ, раскланиваясь. Все тѣ же любопытные, вызывающіе и нѣсколько насмѣшливые глаза смотрѣли на него. Послѣ перваго своего посѣщенія Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа

для него точно такъ же привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней — дѣвушкѣ почти безъ состоянія, — была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы было бы неблагороднымъ поступкомъ. Борисъ рѣшилъ самъ съ собою избѣгать встрѣчъ съ Наташей, но, не смотря на это рѣшеніе, пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней, и сталъ ѣздить часто и цѣлые дни проводить у Ростовыхъ. Ему представлялось, что ему необходимо было объясниться съ Наташей, сказать ей, что все старое должно быть забыто, что несмотря на все... она не можетъ быть его женой, что у него нѣтъ состоянія, и ея никогда не отдадутъ за него. Но ему все не удавалось и неловко было приступить къ этому объясненію. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе запутывался. Наташа, по замѣчанію матери и Сони, казалась по старому влюбленною въ Бориса. Она пѣла ему его любимыя пѣсни, показывала ему свой альбомъ, заставляла его писать въ него, не позволяла поминать ему о старомъ, давая понимать, какъ прекрасно было новое; и каждый день онъ уѣзжалъ въ туманѣ, не сказавъ того, что намѣренъ былъ сказать, самъ не зная, что онъ дѣлалъ и для чего онъ пріѣзжалъ, и чѣмъ это кончится. Борисъ пересталъ бывать у Элёнъ, ежедневно получалъ укоризненныя записки отъ нея и все-таки цѣлые дни проводилъ у Ростовыхъ.

XIII.

Однажды вечеромъ, когда старая графиня, вздыхая и кряхтя, въ ночномъ чепцѣ и кофточкѣ, безъ накладныхъ буклей и съ однимъ бѣднымъ пучкомъ волосъ, выступавшимъ изъ-подъ бѣлаго коленкороваго чепчика, клала на коврикѣ земные по-

клоны вечерней молитвы, ея дверь скрипнула, и въ туфляхъ на босу ногу, тоже въ кофточкѣ и въ папильоткахъ, вбѣжала Наташа. Графиня оглянулась и нахмурилась. Она дочитывала свою послѣднюю молитву: „Неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ?“ Молитвенное настроеніе ея было уничтожено. Наташа, красная, оживленная, увидавъ мать на молитвѣ, вдругъ остановилась на своемъ бѣгу, присѣла и невольно высунула языкъ, грозясь самой себѣ. Замѣтивъ, что мать продолжала молитву, она на цыпочкахъ подбѣжала къ кровати, быстро скользнувъ одною маленькою ножкой о другую, скинула туфли и прыгнула на тотъ одръ, за который графиня боялась, какъ бы онъ не былъ ея гробомъ. Одръ этотъ былъ высокій, перинный, съ пятью все уменьшающимися подушками. Наташа вскочила, утонула въ перинѣ, перевалилась къ стѣнкѣ и начала возиться подъ одѣяломъ, укладываясь, подгибая колѣнки къ подбородку, брыкая ногами и чуть слышно смѣясь, то закрываясь съ головой, то взглядывая на мать. Графиня кончила молитву и съ строгимъ лицомъ подошла къ постели; но, увидавъ, что Наташа закрыта съ головой, улыбнулась своею доброю, слабою улыбкой.

— Ну, ну, ну, сказала мать.

— Мама, можно поговорить, да? сказала Наташа. — Ну, въ душку одинъ разъ, ну, еще, и будетъ. И она обхватила шею матери и поцѣловала ея подбородокъ. Въ обращеніи своемъ съ матерью Наташа выказывала внѣшнюю грубость манеры, но такъ была чутка и ловка, что какъ бы она ни обхватила руками мать, она всегда умѣла это сдѣлать такъ, чтобы матери не было ни больно, ни непріятно, ни неловко.

— Ну, о чемъ же нынче? сказала мать, устроившись на подушкахъ и подождавъ, пока Наташа, также перекатив-

нись раза два черезъ себя, но ложилась съ ней рядомъ подъ однимъ одѣяломъ, выпроставъ руки и принявъ серьезное выраженіе.

Эти ночныя посѣщенія Наташи, совершавшіяся до возвращенія графа изъ клуба, были однимъ изъ любимѣйшихъ наслажденій матери и дочери.

— О чемъ же нынче? А мнѣ нужно тебѣ сказать...

Наташа закрыла рукою ротъ матери.

— О Борисѣ... Я знаю, сказала она серьезно, — я затѣмъ и пришла. Не говорите, я знаю. Нѣтъ, скажите! Она отпустила руку. — Скажите, мама. Онъ милъ?

— Наташа, тебѣ шестнадцать лѣтъ, въ твои года я была замужемъ. Ты говоришь, что Боря милъ. Онъ очень милъ, и я его люблю какъ сына, но что же ты хочешь?... Что ты думаешь? Ты ему совсѣмъ вскружила голову, я это вижу...

Говоря это, графиня оглянулась на дочь. Наташа лежала, прямо и неподвижно глядя впередъ себя на одного изъ сфинксовъ краснаго дерева, вырѣзанныхъ на углахъ кровати, такъ что графиня видѣла только въ профиль лицо дочери. Лицо это поразило графиню своею особенностью серьезнаго и сосредоточеннаго выраженія.

Наташа слушала и соображала.

— Ну, такъ что жъ? сказала она.

— Ты ему вскружила совсѣмъ голову, зачѣмъ? Что ты хочешь отъ него? Ты знаешь, что тебѣ нельзя выйти за него замужъ.

— Отчего? не перемѣняя положенія, сказала Наташа.

— Оттого, что онъ молодъ, оттого, что онъ бѣденъ, оттого, что онъ родня... оттого, что ты и сама не любишь его.

— А почему вы знаете?

— Я знаю. Это не хорошо, мой дружокъ.

— А если я хочу, сказала Наташа.

— Перестань говорить глупости, сказала графиня.

— А если я хочу...

— Наташа, я серьезно...

Наташа не дала ей договорить, притянула къ себѣ большую руку графини и поцѣловала ее сверху, потомъ въ ладонь, потомъ опять перевернула и стала цѣловать ее въ косточку верхняго сустава пальца, потомъ въ промежутокъ, потомъ опять въ косточку, шопотомъ приговаривая: „январь, февраль, мартъ, апрѣль, май".

— Говорите, мама, что же вы молчите? Говорите, сказала она, оглядываясь на мать, которая нѣжнымъ взглядомъ смотрѣла на дочь и изъ-за этого созерцанія, казалось, забыла все, что она хотѣла сказать.

— Это не годится, душа моя. Не всѣ поймутъ вашу дѣтскую связь, а видѣть его такимъ близкимъ съ тобой можетъ повредить тебѣ въ глазахъ другихъ молодыхъ людей, которые къ намъ ѣздятъ, и, главное, напрасно мучаетъ его. Онъ, можетъ быть, нашелъ себѣ партію по себѣ, богатую; а теперь онъ съ ума сходитъ.

— Сходитъ? повторила Наташа.

— Я тебѣ про себя скажу. У меня былъ одинъ двоюродный...

— Знаю, — Кирилла Матвѣичъ; да вѣдь онъ старикъ?

— Не всегда былъ старикъ. Но вотъ что̀, Наташа, я поговорю съ Борей. Ему не надо такъ часто ѣздить...

— Отчего же не надо, коли ему хочется?

— Оттого, что я знаю, что это ничѣмъ не кончится.

— Почему вы знаете? Нѣтъ, мама, вы не говорите ему.

Что за глупости! говорила Наташа тономъ человѣка, у котораго хотятъ отнять его собственность. — Ну, не выйду замужъ, такъ пускай ѣздитъ, коли ему весело и мнѣ весело. Наташа, улыбаясь, поглядѣла на мать.

— Не замужъ, а такъ, повторила она.

— Какъ же это, мой другъ?

— Да такъ. Ну, очень нужно, что замужъ не выйду, а... такъ.

— Такъ, такъ, повторила графиня и, трясясь всѣмъ своимъ тѣломъ, засмѣялась добрымъ, неожиданнымъ, старушечьимъ смѣхомъ.

— Полноте смѣяться, перестаньте, закричала Наташа, всю кровать трясете. Ужасно вы на меня похожи, такая же хохотунья... Постойте... Она схватила обѣ руки графини, поцѣловала на одной кость мизинца — іюнь, и продолжала цѣловать іюль, августъ на другой рукѣ. — Мама, а онъ очень влюбленъ? Какъ на ваши глаза? Въ васъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ, — онъ узкій такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете?... Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый...

— Что ты врешь! сказала графиня.

Наташа продолжала:

— Неужели вы не понимаете? Николенька бы понялъ... Безуховъ — тотъ синій, темно-синій съ краснымъ, и онъ четвероугольный.

— Ты и съ нимъ кокетничаешь, смѣясь сказала графиня.

— Нѣтъ, онъ франмасонъ, я узнала. Онъ славный, темно-синій съ краснымъ, какъ вамъ растолковать...

— Графинюшка, послышался голосъ графа изъ-за двери: — Ты не спишь? Наташа вскочила босикомъ, захватила въ руки туфли и убѣжала въ свою комнату.

Она долго не могла заснуть. Она все думала о томъ, что никто никакъ не можетъ понять всего, что она понимаетъ, и что въ ней есть.

„Соня?“ подумала она, глядя на спящую, свернувшуюся кошечку съ ея огромной косой. „Нѣтъ, куда ей! Она добродѣтельная. Она влюбилась въ Николеньку и больше ничего знать не хочетъ. Мама, и та не понимаетъ. Это удивительно, какъ я умна и какъ... она мила“, продолжала она, говоря про себя въ третьемъ лицѣ и воображая, что это говоритъ про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хорошій мужчина... „Все, все въ ней есть“, продолжалъ этотъ мужчина, „умна необыкновенно, мила и потомъ хороша, необыкновенно хороша, ловка, — плаваетъ, верхомъ ѣздитъ отлично, а голосъ! Можно сказать, удивительный голосъ!“ Она пропѣла свою любимую музыкальную фразу изъ Херубиніевской оперы, бросилась въ постель, засмѣялась отъ радостной мысли, что она сейчасъ заснетъ, крикнула Дуняшу потушить свѣчу, и еще Дуняша не успѣла выйти изъ комнаты, какъ она уже перешла въ другой, еще болѣе счастливый міръ сновидѣній, гдѣ все было такъ же легко и прекрасно, какъ и въ дѣйствительности, но только было еще лучше, потому что было по другому.

На другой день графиня, пригласивъ къ себѣ Бориса, переговорила съ нимъ, и съ того дня онъ пересталъ бывать у Ростовыхъ.

XIV.

31-го декабря, наканунѣ новаго 1810 года, былъ балъ у Екатерининскаго вельможи. На балѣ долженъ былъ быть дипломатическій корпусъ и государь.

На Англійской набережной свѣтился безчисленными огнями иллюминаціи извѣстный домъ вельможи. У освѣщеннаго подъѣзда съ краснымъ сукномъ стояла полиція, и не одни жандармы, но и полицеймейстеръ на подъѣздѣ и десятки офицеровъ полиціи. Экипажи отъѣзжали, и все подъѣзжали новые съ красными лакеями и съ лакеями въ перьяхъ на шляпахъ. Изъ каретъ выходили мужчины въ мундирахъ, звѣздахъ и лентахъ; дамы въ атласѣ и горностаяхъ осторожно сходили по шумно-откладываемымъ подножкамъ, и торопливо и беззвучно проходили по сукну подъѣзда.

Почти всякій разъ, какъ подъѣзжалъ новый экипажъ, въ толпѣ пробѣгалъ шепотъ, и снимались шапки.

— Государь?... Нѣтъ, министръ... принцъ... посланникъ... Развѣ не видишь перья?... говорилось изъ толпы. Одинъ изъ толпы, одѣтый лучше другихъ, казалось, зналъ всѣхъ, и называлъ по имени знатнѣйшихъ вельможъ того времени.

Уже одна треть гостей пріѣхали на этотъ балъ, а у Ростовыхъ, долженствующихъ быть на этомъ балѣ, еще шли торопливыя приготовленія одѣваній.

Много было толковъ и приготовленій для этого бала въ семействѣ Ростовыхъ, много страховъ, что приглашеніе не будетъ получено, платье не будетъ готово, и не устроится все такъ, какъ было нужно.

Вмѣстѣ съ Ростовыми ѣхали на балъ Марья Игнатьевна Перонская, пріятельница и родственница графини, худая и желтая фрейлина стараго двора, руководящая провинціальныхъ Ростовыхъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Въ 10 часовъ вечера Ростовы должны были заѣхать за фрейлиной къ Таврическому саду; а между тѣмъ было уже безъ пяти минутъ десять, а еще барышни не были одѣты.

Наташа ѣхала на первый большой балъ въ своей жизни. Она въ этотъ день встала въ 8 часовъ утра и цѣлый день находилась въ лихорадочной тревогѣ и дѣятельности. Всѣ силы ея, съ самаго утра были устремлены на то, чтобы онѣ всѣ: она, мама, Соня были одѣты какъ нельзя лучше. Соня и графиня поручились вполнѣ ей. На графинѣ должно было быть масака бархатное платье, на нихъ двухъ бѣлыя дымковыя платья на розовыхъ, шелковыхъ чахлахъ съ розанами въ корсажѣ. Волосы должны были быть причесаны à la grecque.

Все существенное уже было сдѣлано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно тщательно, по бальному, вымыты, надушены и напудрены; обуты уже были шелковые, ажурные чулки и бѣлые атласные башмаки съ бантиками; прически были почти окончены. Соня кончала одѣваться, графиня тоже; но Наташа, хлопотавшая за всѣхъ, отстала. Она еще сидѣла предъ зеркаломъ въ накинутомъ на худенькія плечи пеньюарѣ. Соня, уже одѣтая, стояла посреди комнаты и, нажимая до боли маленькимъ пальцемъ, прикалывала послѣднюю визжавшую подъ булавкой ленту.

— Не такъ, не такъ, Соня! сказала Наташа, поворачивая голову отъ прически и хватаясь руками за волоса, которые не поспѣла отпустить державшая ихъ горничная. — Не такъ бантъ, поди сюда. Соня присѣла. Наташа переколола ленту иначе.

— Позвольте, барышня, нельзя такъ, говорила горничная, державшая волоса Наташи.

— Ахъ, Боже мой, ну послѣ! Вотъ такъ, Соня.

— Скоро ли вы? послышался голосъ графини, — ужъ десять сейчасъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. — А вы готовы, мама?

— Только току приколоть.

— Не дѣлайте безъ меня, крикнула Наташа; — вы не сумѣете!

— Да ужъ десять.

На балъ рѣшено было быть въ половинѣ одиннадцатаго, а надо было еще Наташѣ одѣться и заѣхать къ Таврическому саду.

Окончивъ прическу, Наташа въ коротенькой юбкѣ, изъ-подъ которой видны были бальные башмачки, и въ материнской кофточкѣ, подбѣжала къ Сонѣ, осмотрѣла ее и потомъ побѣжала къ матери. Поворачивая ей голову, она пришпилила току и, едва успѣвъ поцѣловать ея сѣдые волосы, опять побѣжала къ дѣвушкамъ, подшивавшимъ ей юбку.

Дѣло стояло за Наташиной юбкой, которая была слишкомъ длинна; ее подшивали двѣ дѣвушки, обкусывая торопливо нитки. Третья, съ булавками въ губахъ и зубахъ, бѣгала отъ графини къ Сонѣ; четвертая держала на высоко поднятой рукѣ все дымковое платье.

— Мавруша, скорѣе, голубушка!

— Дайте наперстокъ оттуда, барышня.

— Скоро ли наконецъ? сказалъ графъ, входя изъ-за двери. — Вотъ вамъ духи. Перонская ужъ заждалась.

— Готово, барышня, говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдувая и потряхивая, высказывая этимъ жестомъ сознаніе воздушности и чистоты того, что она держала.

Наташа стала надѣвать платье.

— Сейчасъ, сейчасъ, не ходи, папа, крикнула она отцу, отворявшему дверь, еще изъ-подъ дымки юбки, закрывавшей все ея лицо. Соня захлопнула дверь. Черезъ минуту графа

впустили. Онъ былъ въ синемъ фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, надушенный и припомаженный.

— Ахъ, папа, ты какъ хорошъ, прелесть! сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки.

— Позвольте, барышня, позвольте, говорила дѣвушка, стоя на колѣнахъ, обдергивая платье и съ одной стороны рта на другую переворачивая языкомъ булавки.

— Воля твоя! съ отчаяніемъ въ голосѣ вскрикнула Соня, оглядѣвъ платье Наташи, — воля твоя, опять длинно!

Наташа отошла подальше, чтобъ осмотрѣться въ трюмо. Платье было длинно.

— Ей Богу, сударыня, ничего не длинно, сказала Мавруша, ползавшая по полу за барышней.

— Ну длинно, такъ заметаемъ, въ одну минуту заметаемъ, сказала рѣшительная Дуняша, изъ платочка на груди вынимая иголку и опять на полу принимаясь за работу.

Въ это время застѣнчиво, тихими шагами, вошла графиня, въ своей токѣ и бархатномъ платьѣ.

— Уу! моя красавица! закричалъ графъ, — лучше васъ всѣхъ!... Онъ хотѣлъ обнять ее, но она краснѣя отстранилась, чтобы не измяться.

— Мама, больше на бокъ току, проговорила Наташа. — Я переколю, и бросилась впередъ, а дѣвушки, подшивавшія, не успѣвшія за ней броситься, оторвали кусочекъ дымки.

— Боже мой! Что жъ это такое? Я ей Богу не виновата...

— Ничего, заметаю, не видно будетъ, говорила Дуняша.

— Красавица, краля-то моя! сказала изъ-за двери вошедшая няня. — А Сонюшка-то, ну красавицы!...

Въ четверть одиннадцатаго наконецъ сѣли въ кареты и поѣхали. Но еще нужно было заѣхать къ Таврическому саду.

Перонская была уже готова. Несмотря на ея старость и некрасивость, у нея происходило точно то же, что̀ у Ростовыхъ, хотя не съ такою торопливостью (для нея это было дѣло привычное), но такъ же было надушено, вымыто, напудрено старое, некрасивое тѣло, такъ же старательно промыто за ушами, и даже такъ же, какъ у Ростовыхъ, старая горничная восторженно любовалась нарядомъ своей госпожи, когда она въ желтомъ платьѣ съ шифромъ вышла въ гостиную. Перонская похвалила туалеты Ростовыхъ.

Ростовы похвалили ея вкусъ и туалетъ, и, бережа прически и платья, въ одиннадцать часовъ размѣстились по каретамъ и поѣхали.

XV.

Наташа съ утра этого дня не имѣла ни минуты свободы и ни разу не успѣла подумать о томъ, что̀ предстоитъ ей.

Въ сыромъ, холодномъ воздухѣ, въ тѣснотѣ и неполной темнотѣ колыхающейся кареты, она въ первый разъ живо представила себѣ то, что̀ ожидаетъ ее тамъ, на балѣ, въ освѣщенныхъ залахъ — музыка, цвѣты, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга. То, что̀ ее ожидало, было такъ прекрасно, что она не вѣрила даже тому, что это будетъ: такъ это было несообразно съ впечатлѣніемъ холода, тѣсноты и темноты кареты. Она поняла все то, что̀ ее ожидаетъ, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъѣзда, она вошла въ сѣни, сняла шубу и пошла рядомъ съ Соней впереди матери между цвѣтами по освѣщенной лѣстницѣ. Только тогда она вспомнила, какъ ей надо было себя держать на балѣ и постаралась принять ту величественную манеру, которую она считала необходимою для дѣвушки на балѣ.

Но къ счастью ея, она почувствовала, что глаза ея разбѣгались: она ничего не видала ясно, пульсъ ея забилъ сто разъ въ минуту, и кровь стала стучать у ея сердца. Она не могла принять той манеры, которая бы сдѣлала ее смѣшною, и шла, замирая отъ волненія и стараясь всѣми силами только скрыть его. И это-то была та самая манера, которая болѣе всего шла къ ней. Впереди и сзади ихъ, такъ же тихо переговариваясь и такъ же въ бальныхъ платьяхъ, входили гости. Зеркала по лѣстницѣ отражали дамъ въ бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ платьяхъ, съ брилльянтами и жемчугами на открытыхъ рукахъ и шеяхъ.

Наташа смотрѣла въ зеркала, и въ отраженіи не могла отличить себя отъ другихъ. Все смѣшивалось въ одну блестящую процессію. При входѣ въ первую залу, равномѣрный гулъ голосовъ, шаговъ, привѣтствій — оглушилъ Наташу; свѣтъ и блескъ, еще болѣе ослѣпилъ ее. Хозяинъ и хозяйка, уже полчаса стоявшіе у входной двери и говорившіе одни и тѣ же слова входившимъ: „очень, очень рады васъ видѣть", такъ же встрѣтили и Ростовыхъ съ Перонской.

Двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ одинаковыми розами въ черныхъ волосахъ, одинаково присѣли, но невольно хозяйка остановила дольше свой взглядъ на тоненькой Наташѣ. Она посмотрѣла на нее, и ей одной особенно улыбнулась въ придачу къ своей хозяйской улыбкѣ. Глядя на нее, хозяйка вспомнила, можетъ быть, и свое золотое, невозвратное дѣвичье время, и свой первый балъ. Хозяинъ тоже проводилъ глазами Наташу и спросилъ у графа, которая его дочь?

— Прелесть! сказалъ онъ, поцѣловавъ кончики своихъ пальцевъ.

Въ залѣ стояли гости, тѣснясь у входной двери, ожидая

государя. Графиня помѣстилась въ первыхъ рядахъ этой толпы. Наташа слышала и чувствовала, что нѣсколько голосовъ спросили про нее и смотрѣли на нее. Она поняла, что она понравилась тѣмъ, которые обратили на нее вниманіе, и это наблюденіе нѣсколько успокоило ее.

„Есть такіе же, какъ и мы, есть и хуже насъ“, подумала она.

Перонская называла графинѣ самыхъ значительныхъ лицъ, бывшихъ на балѣ.

— Вотъ это голландскій посланникъ, видите, сѣдой, говорила Перонская, указывая на старичка съ серебряною сѣдиной курчавыхъ, обильныхъ волосъ, окруженнаго дамами, которыхъ онъ чему-то заставлялъ смѣяться. — А вотъ она, царица Петербурга, графиня Безухая, говорила она, указывая на входившую Элленъ.

— Какъ хороша! Не уступитъ Марьѣ Антоновнѣ; смотрите, какъ за ней увиваются и молодые и старые. И хороша и умна... Говорятъ, принцъ... безъ ума отъ нея. А вотъ эти двѣ, хоть и не хороши, да еще больше окружены.

Она указала на проходившихъ черезъ залу даму съ очень некрасивою дочерью.

— Это милліонерка-невѣста, сказала Перонская. — А вотъ и женихи.

— Это братъ Безуховой — Анатоль Курагинъ, сказала она, указывая на красавца кавалергарда, который прошелъ мимо ихъ, съ высоты поднятой головы черезъ дамъ глядя куда-то. — Какъ хорошъ! неправда ли? Говорятъ, женятъ его на этой богатой. И вашъ-то кузенъ, Друбецкой, тоже очень увивается. Говорятъ, милліоны. — Какъ же, это самъ французскій посланникъ, отвѣчала она о Коленкурѣ, на вопросъ графини,

кто это? — Посмотрите, какъ царь какой-нибудь. А все-таки милы, очень милы французы. Нѣтъ милѣй для общества. А вотъ и она! Нѣтъ, все лучше всѣхъ наша Марья-то Антоновна! И какъ просто одѣта. Прелесть!

— А этотъ-то, толстый, въ очкахъ, фармазонъ всемірный, сказала Перонская, указывая на Безухова. — Съ женою-то его рядомъ поставьте: то-то шутъ гороховый!

Пьеръ шелъ, переваливаясь своимъ толстымъ тѣломъ, раздвигая толпу, кивая направо и налѣво такъ же небрежно и добродушно, какъ бы онъ шелъ по толпѣ базара. Онъ продвигался черезъ толпу, очевидно отыскивая кого-то.

Наташа съ радостью смотрѣла на знакомое лицо Пьера, этого шута гороховаго, какъ называла его Перонская, и знала, что Пьеръ ихъ и въ особенности ее отыскивалъ въ толпѣ. Пьеръ обѣщалъ ей быть на балѣ и представить ей кавалеровъ.

Но, не дойдя до нихъ, Безуховъ остановился подлѣ невысокаго, очень красиваго брюнета въ бѣломъ мундирѣ, который, стоя у окна, разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ мущиной въ звѣздахъ и лентѣ. Наташа тотчасъ же узнала невысокаго молодаго человѣка въ бѣломъ мундирѣ: это былъ Болконскій, который показался ей очень помолодѣвшимъ, повеселѣвшимъ и похорошѣвшимъ.

— Вотъ еще знакомый, Болконскій, видите, мама? сказала Наташа, указывая на князя Андрея. — Помните, онъ у насъ ночевалъ въ Отрадномъ.

— А вы его знаете? сказала Перонская. — Терпѣть не могу. По немъ теперь всѣ съ ума сходятъ. И гордость такая, что границъ нѣтъ! По папенькѣ пошелъ. И связался съ Сперанскимъ, какіе-то проекты пишутъ. Смотрите, какъ съ да-

мамн обращается! Она съ нимъ говоритъ, а онъ отвернулся, сказала она, указывая на него. — Я бы его отдѣлала, если бъ онъ со мной такъ поступилъ, какъ съ этими дамами.

. . . .

XVI.

. . . .

Вдругъ все зашевелилось, толпа заговорила, подвинулась, опять раздвинулась, и между двухъ разступившихся рядовъ, при звукахъ заигравшей музыки, вошелъ государь. За нимъ шли хозяинъ и хозяйка. Государь шелъ, быстро кланяясь направо и налѣво, какъ бы стараясь скорѣе избавиться отъ этой первой минуты встрѣчи. Музыканты играли польскій, извѣстный тогда по словамъ, сочиненнымъ на него. Слова эти начинались: „Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ“. Государь прошелъ въ гостиную, толпа хлынула къ дверямъ; нѣсколько лицъ съ измѣнившимися выраженіями поспѣшно прошли туда и назадъ. Толпа опять отхлынула отъ дверей гостиной, въ которой показался государь, разговаривая съ хозяйкой. Какой-то молодой человѣкъ съ растерянымъ видомъ наступалъ на дамъ, прося ихъ посторониться. Нѣкоторыя дамы, съ лицами, выражавшими совершенную забывчивость всѣхъ условій свѣта, портя свои туалеты, тѣснились впередъ. Мущины стали подходить къ дамамъ и строиться въ пары польскаго.

Все разступилось, и государь, улыбаясь и не въ тактъ ведя за руку хозяйку дома, вышелъ изъ дверей гостиной. За нимъ шли хозяинъ съ М. А. Нарышкиной, потомъ посланники, министры, разные генералы, которыхъ не умолкая называла Перонская. Больше половины дамъ имѣли кавалеровъ и шли или приготовлялись идти въ польскій. Наташа чувствовала, что она оставалась съ матерью и Соней въ числѣ

меньшей части дамъ, оттѣсненныхъ къ стѣнѣ и не взятыхъ въ польскій. Она стояла, опустивъ свои тоненькія руки, и съ мѣрно-поднимающеюся, чуть опредѣленною грудью, сдерживая дыханіе, блестящими, испуганными глазами глядѣла предъ собой, съ выраженіемъ готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ея не занимали ни государь, ни всѣ важныя лица, на которыхъ указывала Перонская, — у ней была одна мысль: „неужели такъ никто не подойдетъ ко мнѣ, неужели я не буду танцовать между первыми, неужели меня не замѣтятъ всѣ эти мущины, которые теперь, кажется, и не видятъ меня, а ежели смотрятъ на меня, то смотрятъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорятъ: а! это не она, такъ и нечего смотрѣть. „Нѣтъ, это не можетъ быть!“ — думала она. — „Они должны же знать, какъ мнѣ хочется танцовать, какъ я отлично танцую, и какъ имъ весело будетъ танцовать со мною“.

Звуки польскаго, продолжавшагося довольно долго, уже начали звучать грустно, — воспоминаніемъ въ ушахъ Наташи. Ей хотѣлось плакать. Перонская отошла отъ нихъ. Графъ былъ на другомъ концѣ залы, графиня, Соня и она стояли одни какъ въ лѣсу, въ этой чуждой толпѣ, никому не интересныя и не нужныя. Князь Андрей прошелъ съ какою-то дамой мимо нихъ, очевидно ихъ не узнавая. Красавецъ Анатоль, улыбаясь, что-то говорилъ дамѣ, которую онъ велъ и взглянулъ на лицо Наташи тѣмъ взглядомъ, какимъ глядятъ на стѣны. Борисъ два раза прошелъ мимо нихъ и всякій разъ отворачивался. Бергъ съ женою, не танцовавшіе, подошли къ нимъ.

Наташѣ показалось оскорбительно это семейное сближеніе здѣсь, на балѣ, какъ будто не было другаго мѣста для се-

мейныхъ разговоровъ, кромѣ какъ на балѣ. Она не слушала и не смотрѣла на Вѣру, что-то говорившую ей про свое зеленое платье.

Наконецъ государь остановился подлѣ своей послѣдней дамы (онъ танцовалъ съ тремя), музыка замолкла; озабоченный адъютантъ набѣжалъ на Ростовыхъ, прося ихъ еще куда-то посторониться, хотя онѣ стояли у стѣны, и съ хоръ раздались отчетливые, осторожные и увлекательно-мѣрные звуки вальса. Государь съ улыбкой взглянулъ на залу. Прошла минута — никто еще не начиналъ. Адъютантъ-распорядитель подошелъ къ графинѣ Безуховой и пригласилъ ее. Она, улыбаясь, подняла руку и положила ее, не глядя на него, на плечо адъютанта. Адъютантъ-распорядитель, мастеръ своего дѣла, увѣренно, неторопливо и мѣрно, крѣпко обнявъ свою даму, пустился съ ней сначала глиссадомъ по краю круга, на углу залы подхватилъ ея лѣвую руку, повернулъ ее, и изъ-за все убыстряющихся звуковъ музыки слышны были только мѣрные щелчки шпоръ быстрыхъ и ловкихъ ногъ адъютанта, и черезъ каждые три такта на поворотѣ какъ бы вспыхивало, развѣваясь, бархатное платье его дамы. Наташа смотрѣла на нихъ и готова была плакать, что это не она танцуетъ этотъ первый туръ вальса.

Князь Андрей въ своемъ полковничьемъ, бѣломъ (по кавалеріи) мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, оживленный и веселый, стоялъ въ первыхъ рядахъ круга, недалеко отъ Ростовыхъ. Баронъ Фиргофъ говорилъ съ нимъ о завтрашнемъ, предполагаемомъ первомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта. Князь Андрей, какъ человѣкъ близкій Сперанскому и участвующій въ работахъ законодательной коммиссіи, могъ дать вѣрныя свѣдѣнія о засѣданіи завтрашняго дня, о кото-

ромъ ходили различные толки. Но онъ не слушалъ того, что ему говорилъ Фирсофъ, и глядѣлъ то на государя, то на сбиравшихся танцовать кавалеровъ, не рѣшавшихся вступать въ кругъ.

Князь Андрей наблюдалъ этихъ робѣвшихъ при государѣ кавалеровъ и дамъ, замиравшихъ отъ желанія быть приглашенными.

Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и схватилъ его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тутъ есть моя protegée, Ростова молодая, пригласите ее, сказалъ онъ.

— Гдѣ? спросилъ Болконскій. — Виноватъ, сказалъ онъ, обращаясь къ барону, — этотъ разговоръ мы въ другомъ мѣстѣ доведемъ до конца, а на балѣ надо танцовать. Онъ вышелъ впередъ, по направленію, которое ему указывалъ Пьеръ. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось въ глаза князю Андрею. Онъ узналъ ее, угадалъ ея чувство, понялъ, что она была начинающая, вспомнилъ ея разговоръ на окнѣ и съ веселымъ выраженіемъ лица подошелъ къ графинѣ Ростовой.

— Позвольте васъ познакомить съ моею дочерью, сказала графиня, краснѣя.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ, ежели графиня помнитъ меня, сказалъ князь Андрей съ учтивымъ и низкимъ поклономъ, совершенно противорѣчащимъ замѣчаніямъ Перонской о его грубости, подходя къ Наташѣ, и занося руку, чтобъ обнять ея талію еще прежде, чѣмъ онъ договорилъ приглашеніе на танецъ. Онъ предложилъ туръ вальса. То замирающее выраженіе лица Наташи, готовое на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ освѣтилось счастливою, благодарною, дѣтскою улыбкой.

„Давно я ждала тебя", какъ будто сказала эта испуганная и счастливая дѣвочка, своею проявившеюся изъ-за готовыхъ слезъ улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая въ кругъ. Князь Андрей былъ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего времени. Наташа танцовала превосходно. Ножки ея въ бальныхъ атласныхъ башмачкахъ быстро, легко и независимо отъ нея дѣлали свое дѣло, а лицо ея сіяло восторгомъ счастія. Ея оголенныя шея и руки были худы и некрасивы, въ сравненіи съ плечами Элень. Ея плечи были худы, грудь неопредѣленна, руки тонки; но на Элень былъ уже какъ будто лакъ отъ всѣхъ тысячъ взглядовъ, скользившихъ по ея тѣлу, а Наташа казалась дѣвочкой, которую въ первый разъ оголили, и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ея не увѣрили, что это такъ необходимо надо.

Князь Андрей любилъ танцовать, и, желая поскорѣе отдѣлаться отъ политическихъ и умныхъ разговоровъ, съ которыми всѣ обращались къ нему, и желая поскорѣе разорвать этотъ досадный ему кругъ смущенія, образовавшагося отъ присутствія государя, пошелъ танцовать и выбралъ Наташу, потому что на нее указалъ ему Пьеръ и потому, что она первая изъ хорошенькихъ женщинъ попала ему на глаза; но едва онъ обнялъ этотъ тонкій, подвижный станъ, и она зашевелилась такъ близко отъ него и улыбнулась такъ близко ему, вино ея прелести ударило ему въ голову: онъ почувствовалъ себя ожившимъ и помолодѣвшимъ, когда, переводя дыханье и оставивъ ее, остановился и сталъ глядѣть на танцующихъ.

XVII.

Послѣ князя Андрея къ Наташѣ подошелъ Борисъ, приглашая ее на танцы, подошелъ и тотъ танцоръ-адъютантъ, начавшій балъ, и еще молодые люди, и Наташа, передавая своихъ излишнихъ кавалеровъ Сонѣ, счастливая и раскраснѣвшаяся, не переставала танцовать цѣлый вечеръ. Она ничего не замѣтила и не видала изъ того, что̀ занимало всѣхъ на этомъ балѣ. Она не только не замѣтила, какъ государь долго говорилъ съ французскимъ посланникомъ, какъ онъ особенно милостиво говорилъ съ какою-то дамой, какъ принцъ такой-то и такой-то сдѣлали и сказали то-то, какъ Эленъ имѣла большой успѣхъ и удостоилась особеннаго вниманія такого-то; она не видала даже государя и замѣтила, что онъ уѣхалъ, только потому, что послѣ его отъѣзда балъ болѣе оживился. Одинъ изъ веселыхъ котильоновъ, предъ ужиномъ, князь Андрей опять танцовалъ съ Наташей. Онъ напомнилъ ей о ихъ первомъ свиданіи въ Отрадненской аллеѣ и о томъ, какъ она не могла заснуть въ лунную ночь, и какъ онъ невольно слышалъ ее. Наташа покраснѣла при этомъ напоминаніи и старалась оправдаться, какъ будто было что-то стыдное въ томъ чувствѣ, въ которомъ невольно подслушалъ ее князь Андрей.

Князь Андрей, какъ всѣ люди, выросшіе въ свѣтѣ, любилъ встрѣчать въ свѣтѣ то, что̀ не имѣло на себѣ общаго свѣтскаго отпечатка. И такова была Наташа, съ ея удивленіемъ, радостью и робостью и даже ошибками во французскомъ языкѣ. Онъ особенно нѣжно и бережно обращался и говорилъ съ нею. Сидя подлѣ нея, разговаривая съ нею о самыхъ простыхъ и ничтожныхъ предметахъ, князь Андрей

любовался на радостный блескъ ея глазъ и улыбки, относившейся не къ говореннымъ рѣчамъ, а къ ея внутреннему счастію. Въ то время, какъ Наташу выбирали и она съ улыбкой вставала и танцовала по залѣ, князь Андрей любовался въ особенности на ея робкую грацію. Въ срединѣ котильона Наташа, окончивъ фигуру, еще тяжело дыша, подходила къ своему мѣсту. Новый кавалеръ опять приглашалъ ее. Она устала и запыхалась, и видимо подумала отказаться, но тотчасъ опять весело подняла руку на плечо кавалера и улыбнулась князю Андрею.

„Я бы рада была отдохнуть и посидѣть съ вами, я устала; но вы видите, какъ меня выбираютъ, и я этому рада, и я счастлива, и я всѣхъ люблю, и мы съ вами все это понимаемъ", и еще многое и многое сказала эта улыбка. Когда кавалеръ оставилъ ее, Наташа побѣжала черезъ залу, чтобы взять двухъ дамъ для фигуръ.

„Ежели она подойдетъ прежде къ своей кузинѣ, а потомъ къ другой дамѣ, то она будетъ моею женой", сказалъ совершенно неожиданно самъ себѣ князь Андрей, глядя на нее. Она подошла прежде къ кузинѣ.

„Какой вздоръ иногда приходитъ въ голову!" подумалъ князь Андрей; „но вѣрно только то, что эта дѣвушка такъ мила, такъ особенна, что она не протанцуетъ здѣсь мѣсяца и выйдетъ замужъ... Это здѣсь рѣдкость", думалъ онъ, когда Наташа, поправляя откинувшуюся у корсажа розу, усаживалась подлѣ него.

Въ концѣ котильона старый графъ подошелъ въ своемъ синемъ фракѣ къ танцующимъ. Онъ приглашалъ къ себѣ князя Андрея и спросилъ у дочери, весело ли ей! Наташа не отвѣтила и только улыбнулась такою улыбкой, которая

ея упреками говорила: „какъ можно было спрашивать объ этомъ?“

— Такъ весело, какъ никогда въ жизни, сказала она, и князь Андрей замѣтилъ, какъ быстро поднялись было ея худыя руки, чтобъ обнять отца и тотчасъ же опустились. Наташа была такъ счастлива, какъ никогда еще въ жизни. Она была на той высшей ступени счастія, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ добръ и хорошъ, и не вѣритъ въ возможность зла, несчастія и горя.

Пьеръ на этомъ балѣ въ первый разъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ положеніемъ, которое занимала его жена въ высшихъ сферахъ. Онъ былъ угрюмъ и разсѣянъ. Поперекъ лба его была широкая складка, и онъ, стоя у окна, смотрѣлъ черезъ очки, никого не видя.

Наташа направляясь къ ужину, прошла мимо него.

Мрачное, несчастное лицо Пьера поразило ее. Она остановилась противъ него. Ей хотѣлось помочь ему, передать ему излишекъ своего счастія.

— Какъ весело, графъ, сказала она, — не правда ли?

Пьеръ разсѣянно улыбнулся, очевидно не понимая того, что̀ ему говорили.

— Да, я очень радъ, сказалъ онъ.

„Какъ могутъ они быть недовольны чѣмъ-то“, думала Наташа. „Особенно такой хорошій, какъ этотъ Безуховъ!“ На глаза Наташи всѣ бывшіе на балѣ были одинаково добрые, милые, прекрасные люди, любящіе другъ друга: никто не могъ обидѣть другъ друга, и потому всѣ должны были быть счастливы.

XVIII.

На другой день князь Андрей вспомнилъ вчерашній балъ, но не надолго остановился на немъ мыслями. „Да, очень блестящій былъ балъ. И еще... да, Ростова очень мила. Что-то въ ней есть свѣжее, особенное, не петербургское, отличающее ее". Вотъ все, что онъ подумалъ о вчерашнемъ балѣ, и напившись чаю, сѣлъ за работу.

Но отъ усталости или безсонницы день былъ нехорошій для занятій, и князь Андрей ничего не могъ дѣлать; онъ все критиковалъ самъ свою работу, какъ это часто съ нимъ бывало, и радъ былъ, когда услыхалъ, что кто-то пріѣхалъ.

Пріѣхавшій былъ Бицкій, служившій въ различныхъ коммиссіяхъ, бывавшій во всѣхъ обществахъ Петербурга, страстный поклонникъ новыхъ идей и Сперанскаго и озабоченный вѣстовщикъ Петербурга, одинъ изъ тѣхъ людей, которые выбираютъ направленіе, какъ платье — по модѣ, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими партизанами направленій. Онъ озабоченно, едва успѣвъ снять шляпу, вбѣжалъ къ князю Андрею и тотчасъ же началъ говорить. Онъ только что узналъ подробности засѣданія Государственнаго Совѣта нынѣшняго утра, открытаго государемъ, и съ восторгомъ разсказывалъ о томъ. Рѣчь государя была необычайна. Это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которыя произносятся только конституціонными монархами. „Государь прямо сказалъ, что Совѣтъ и Сенатъ суть государственныя *сословія*; онъ сказалъ, что правленіе должно имѣть основаніемъ не произволъ, а *твердыя начала*. Государь сказалъ, что финансы должны быть преобразованы и отчеты быть публичны", разсказывалъ

Бицкій, ударяя на извѣстныя слова и значительно раскрывая глаза.

— Да, нынѣшнее событіе есть эра, величайшая эра въ нашей исторіи, заключилъ онъ.

Князь Андрей слушалъ разсказъ объ открытіи Государственнаго Совѣта, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и которому приписывалъ такую важность, и удивлялся, что событіе это теперь, когда оно совершилось, не только не трогало его, но представлялось ему болѣе чѣмъ ничтожнымъ. Онъ съ тихою насмѣшкой слушалъ восторженный разсказъ Бицкаго. Самая простая мысль приходила ему въ голову: „Какое дѣло мнѣ и Бицкому, какое дѣло намъ до того, что государю угодно было сказать въ Совѣтѣ? Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“

И это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій. Въ этотъ же день князь Андрей долженъ былъ обѣдать у Сперанскаго „въ дружескомъ кружкѣ“, какъ ему сказалъ хозяинъ, приглашая его. Обѣдъ этотъ въ семейномъ и дружескомъ кругу человѣка, которымъ онъ такъ восхищался, прежде очень интересовалъ князя Андрея, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ не видалъ Сперанскаго въ его домашнемъ быту; но теперь ему не хотѣлось ѣхать.

Въ назначенный часъ обѣда, однако, князь Андрей уже входилъ въ собственный, небольшой домъ Сперанскаго у Таврическаго сада. Въ паркетной столовой небольшаго домика, отличавшагося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту) князь Андрей, нѣсколько опоздавшій, уже нашелъ въ пять часовъ все собравшееся общество этого „дружескаго кружка“, интимныхъ знакомыхъ Сперанскаго.

Дома не было никого, кромѣ маленькой дочери Сперанскаго (съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на отца) и ея гувернантки. Гости были Жерве, Магницкій и Столыпинъ. Еще изъ передней князь Андрей услыхалъ громкіе голоса и звонкій, отчетливый хохотъ, — хохотъ, похожій на тотъ, какимъ смѣются на сценѣ. Кто-то голосомъ, похожимъ на голосъ Сперанскаго, отчетливо отбивалъ: ха... ха... ха... Князь Андрей никогда не слыхалъ смѣха Сперанскаго, и этотъ звонкій, тонкій смѣхъ государственнаго человѣка странно поразилъ его.

Князь Андрей вошелъ въ столовую. Все общество стояло между двухъ оконъ у небольшаго стола съ закуской. Сперанскій въ сѣромъ фракѣ съ звѣздой, очевидно въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстукѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, съ веселымъ лицомъ стоялъ у стола. Гости окружали его. Магницкій, обращаясь къ Михаилу Михайловичу, разсказывалъ анекдотъ. Сперанскій слушалъ, впередъ смѣясь тому, что скажетъ Магницкій. Въ то время, какъ князь Андрей вошелъ въ комнату, слова Магницкаго опять заглушились смѣхомъ. Громко басилъ Столыпинъ, пережевывая кусокъ хлѣба съ сыромъ; тихимъ смѣхомъ шипѣлъ Жерве, и тонко, отчетливо смѣялся Сперанскій.

Сперанскій, все еще смѣясь, подалъ князю Андрею свою бѣлую, нѣжную руку.

— Очень радъ васъ видѣть, князь, сказалъ онъ. — Минутку... обратился онъ къ Магницкому, прерывая его разсказъ. — У насъ нынче уговоръ: обѣдъ удовольствія, и ни слова про дѣла. — И онъ опять обратился къ разсказчику и опять засмѣялся.

Князь Андрей съ удивленіемъ и грустью разочарованія

слушалъ его смѣхъ и смотрѣлъ на смѣющагося Сперанскаго. Это былъ не Сперанскій, а другой человѣкъ, казалось князю Андрею. Все, что прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею въ Сперанскомъ, вдругъ стало ему ясно и непривлекательно.

За столомъ разговоръ ни на мгновеніе не умолкалъ и состоялъ какъ будто бы изъ собранія смѣшныхъ анекдотовъ. Еще Магницкій не успѣлъ докончить своего разсказа, какъ ужъ кто-то другой заявилъ свою готовность разсказать что-то, что было еще смѣшнѣе. Анекдоты большею частью касались ежели не самаго служебнаго міра, то лицъ служебныхъ. Казалось, что въ этомъ обществѣ такъ окончательно было рѣшено ничтожество этихъ лицъ, что единственное отношеніе къ нимъ могло быть только добродушно-комическое. Сперанскій разсказалъ, какъ на Совѣтѣ сегодняшняго утра на вопросъ у глухаго сановника о его мнѣніи, сановникъ этотъ отвѣчалъ, что онъ того же мнѣнія. Жерве разсказалъ цѣлое дѣло о ревизіи, замѣчательное по безсмыслицѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Столыпинъ, заикаясь, вмѣшался въ разговоръ, и съ горячностью началъ говорить о злоупотребленіяхъ прежняго порядка вещей, угрожая придать разговору серьезный характеръ. Магницкій сталъ трунить надъ горячностью Столыпина. Жерве вставилъ шутку и разговоръ принялъ опять прежнее, веселое направленіе.

Очевидно, Сперанскій послѣ трудовъ любилъ отдохнуть и повеселиться въ пріятельскомъ кружкѣ, и всѣ его гости, понимая его желаніе, старались веселить его и сами веселиться. Но веселье это казалось князю Андрею тяжелымъ и невеселымъ. Тонкій звукъ голоса Сперанскаго непріятно поражалъ его, и не умолкавшій смѣхъ своею фальшивою нотой почему-то

оскорбляль чувство князя Андрея. Князь Андрей не смѣялся и боялся, что онъ будетъ тяжелъ для этого общества. Но никто не замѣчалъ его несоотвѣтственности общему настроенію. Всѣмъ было, казалось, очень весело.

Онъ нѣсколько разъ желалъ вступить въ разговоръ, но всякій разъ его слово выбрасывалось вонъ, какъ пробка изъ воды, и онъ не могъ шутить съ ними вмѣстѣ.

Ничего не было дурнаго или неумѣстнаго въ томъ, что они говорили, все было остроумно и могло бы быть смѣшно; но чего-то, того самаго, что составляетъ соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бываетъ.

Послѣ обѣда дочь Сперанскаго съ своею гувернанткой встали. Сперанскій приласкалъ дочь своею бѣлою рукой и поцѣловалъ ее. И этотъ жестъ показался неестественнымъ князю Андрею.

Мущины, по-англійски, остались за столомъ и за портвейномъ. Въ серединѣ начавшагося разговора объ испанскихъ дѣлахъ Наполеона, одобряя которыя, всѣ были одного и того же мнѣнія, князь Андрей сталъ противорѣчить имъ. Сперанскій улыбнулся и, очевидно желая отклонить разговоръ отъ принятаго направленія, разсказалъ анекдотъ, не имѣющій отношенія къ разговору. На нѣсколько мгновеній всѣ замолкли.

Посидѣвъ за столомъ, Сперанскій закупоривъ бутылку съ виномъ и, сказавъ: „Нынче хорошее винцо въ сапожкахъ ходитъ“, отдалъ слугѣ и всталъ. Всѣ встали и, такъ же шумно разговаривая, пошли въ гостиную. Сперанскому подали два конверта, привезенные курьеромъ. Онъ взялъ ихъ и прошелъ въ кабинетъ. Какъ только онъ вышелъ, общее веселье замолкло, и гости разсудительно и тихо стали переговариваться другъ съ другомъ.

— Ну, теперь декламація! сказалъ Сперанскій, выходя изъ кабинета. — Удивительный талантъ! обратился онъ къ князю Андрею. Магницкій тотчасъ же сталъ въ позу и началъ говорить французскіе шутливые стихи, сочиненные имъ на нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ Петербурга, и нѣсколько разъ былъ прерываемъ апплодисментами. Князь Андрей, до окончанія стиховъ, подошелъ къ Сперанскому, прощаясь съ нимъ.

— Куда вы такъ рано? сказалъ Сперанскій.

— Я обѣщалъ на вечеръ...

Они помолчали. Князь Андрей смотрѣлъ близко въ эти зеркальные, не пропускающіе къ себѣ глаза, и ему стало смѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанскаго и отъ всей своей дѣятельности, связанной съ нимъ; и какъ могъ онъ приписывать важность тому, что дѣлалъ Сперанскій. Этотъ аккуратный, невеселый смѣхъ долго не переставалъ звучать въ ушахъ князя Андрея послѣ того, какъ онъ уѣхалъ отъ Сперанскаго.

Вернувшись домой, князь Андрей сталъ вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре мѣсяца, какъ будто что-то новое. Онъ вспоминалъ свои хлопоты, искательства, исторію своего проекта военнаго устава, который былъ принятъ къ свѣдѣнію, и о которомъ старались умолчать единственно потому, что другая работа, очень дурная, была уже сдѣлана и представлена государю; вспомнилъ о засѣданіяхъ комитета, членомъ котораго былъ Бергъ; вспомнилъ, какъ въ этихъ засѣданіяхъ старательно и продолжительно обсуживалось все, касающееся формы и процесса засѣданій комитета, и какъ старательно и кратко обходилось все, что касалось сущности дѣла. Онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи

римскаго и французскаго свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣздку въ Рязань, вспомнилъ мужиковъ, Дрона-старосту, и приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такою праздною работой.

XIX.

На другой день князь Андрей поѣхалъ съ визитами въ нѣкоторые дома, гдѣ онъ еще не былъ, и въ томъ числѣ къ Ростовымъ, съ которыми онъ возобновилъ знакомство на послѣднемъ балѣ. Кромѣ законовъ учтивости, по которымъ ему нужно было быть у Ростовыхъ, князю Андрею хотѣлось видѣть дома эту особенную, оживленную дѣвушку, которая оставила ему пріятное воспоминаніе.

Наташа одна изъ первыхъ встрѣтила его. Она была въ домашнемъ синемъ платьѣ, въ которомъ она показалась князю Андрею еще лучше, чѣмъ въ бальномъ. Она и все семейство Ростовыхъ приняли князя Андрея, какъ стараго друга, просто и радушно. Все семейство, которое строго судилъ прежде князь Андрей, теперь показалось ему составленнымъ изъ прекрасныхъ, простыхъ и добрыхъ людей. Гостепріимство и добродушіе стараго графа, особенно мило поразительное въ Петербургѣ, было таково, что князь Андрей не могъ отказаться отъ обѣда. „Да, это добрые, славные люди“, думалъ Болконскій, „разумѣется, не понимающіе ни на волосъ того сокровища, которое они имѣютъ въ Наташѣ; но добрые люди, которые составляютъ наилучшій фонъ для того, чтобы

на немъ отдѣлялась эта особенно-поэтическая, переполненная жизни, прелестная дѣвушка!“

Князь Андрей чувствовалъ въ Наташѣ присутствіе совершенно-чуждаго для него, особеннаго міра, преисполненнаго какихъ-то неизвѣстныхъ ему радостей, того чуждаго міра, который еще тогда, въ Отрадненской аллеѣ и на окнѣ, въ лунную ночь, такъ дразнилъ его. Теперь этотъ міръ уже болѣе не дразнилъ его, не былъ чуждый міръ; но онъ самъ, вступивъ въ него, находилъ въ немъ новое для себя наслажденіе.

Послѣ обѣда Наташа, по просьбѣ князя Андрея, пошла къ клавикордамъ и стала пѣть. Князь Андрей стоялъ у окна, разговаривая съ дамами, и слушалъ ее. Въ серединѣ фразы князь Андрей замолчалъ и почувствовалъ неожиданно, что къ его горлу подступаютъ слезы, возможность которыхъ онъ не зналъ за собой. Онъ посмотрѣлъ на поющую Наташу, и въ душѣ его произошло что-то новое и счастливое. Онъ былъ счастливъ, и ему вмѣстѣ съ тѣмъ было грустно. Ему рѣшительно не о чемъ было плакать, но онъ готовъ былъ плакать. О чемъ? О прежней любви? О маленькой княгинѣ? О своихъ разочарованіяхъ?... О своихъ надеждахъ на будущее?... Да, и нѣтъ. Главное, о чемъ ему хотѣлось плакать, была вдругъ живо-сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно-великимъ и неопредѣлимымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ онъ былъ самъ и даже была она. Эта противоположность томила и радовала его во время ея пѣнія.

Только что Наташа кончила пѣть, она подошла къ нему и спросила его, какъ ему нравится ея голосъ? Она спросила это и смутилась уже послѣ того, какъ она это сказала, понявъ, что этого не надо было спрашивать. Онъ улыбнулся,

глядя на нее, и сказалъ, что ему нравится ея пѣніе, такъ же, какъ и все, что она дѣлаетъ.

Князь Андрей поздно вечеромъ уѣхалъ отъ Ростовыхъ. Онъ легъ спать по привычкѣ ложиться, но увидалъ скоро, что онъ не можетъ спать. Онъ, то зажегши свѣчку, сидѣлъ въ постели, то вставалъ, то опять ложился, нисколько не тяготясь безсонницей: такъ радостно и ново ему было на душѣ, какъ будто онъ изъ душной комнаты вышелъ на вольный свѣтъ Божій. Ему и въ голову не приходило, чтобъ онъ былъ влюбленъ въ Ростову; онъ не думалъ о ней; онъ только воображалъ ее себѣ, и вслѣдствіе этого вся жизнь его представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. „Изъ чего я бьюсь, изъ чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь со всѣми ея радостями открыта мнѣ?“ говорилъ онъ себѣ. И онъ въ первый разъ послѣ долгаго времени сталъ дѣлать счастливые планы на будущее. Онъ рѣшилъ самъ съ собой, что ему надо заняться воспитаніемъ своего сына, найдя ему воспитателя и поручивъ ему; потомъ надо выйти въ отставку и ѣхать за границу, видѣть Англію, Швейцарію, Италію. „Мнѣ надо пользоваться своею свободой, пока такъ много въ себѣ чувствую силы и молодости“, говорилъ онъ самъ себѣ. „Пьеръ былъ правъ, говоря, что надо вѣрить въ возможность счастія, чтобы быть счастливымъ, и я теперь вѣрю въ него. Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а пока живъ, надо жить и быть счастливымъ“, думалъ онъ.

XX.

Въ одно утро полковникъ Адольфъ Бергъ, котораго Пьеръ зналъ, какъ зналъ всѣхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ чи-

венькомъ съ иголочки мундирѣ, съ припомаженными напередъ височками, какъ носилъ государь Александръ Павловичъ, пріѣхалъ къ нему.

— Я сейчасъ былъ у графини, вашей супруги, и былъ такъ несчастливъ, что моя просьба не могла быть исполнена; надѣюсь, что у васъ, графъ, я буду счастливѣе, сказалъ онъ, улыбаясь.

— Что вамъ угодно, полковникъ? Я къ вашимъ услугамъ.

— Я теперь, графъ, уже совершенно устроился на новой квартирѣ, сообщилъ Бергъ, очевидно зная, что это слышать не могло не быть пріятно, — и потому желалъ сдѣлать такъ, маленькій вечерокъ для моихъ и моей супруги знакомыхъ. (Онъ еще пріятнѣе улыбнулся). Я хотѣлъ просить графиню и васъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать къ намъ на чашку чая и... на ужинъ.

Только графиня Елена Васильевна, сочтя для себя унизительнымъ общество какихъ-то Бергов, могла имѣть жестокость отказаться отъ такого приглашенія. Бергъ такъ ясно объяснилъ почему онъ желаетъ собрать у себя небольшое и хорошее общество, и почему это ему будетъ пріятно, и почему онъ для картъ и для чего-нибудь дурнаго жалѣетъ деньги, но для хорошаго общества готовъ и понести расходы, что Пьеръ не могъ отказаться и обѣщался быть.

— Только не поздно, графъ, ежели смѣю просить, такъ безъ 10-ти минутъ въ восемь, смѣю просить. Партію составимъ, генералъ нашъ будетъ. Онъ очень добръ ко мнѣ. Поужинаемъ, графъ. Такъ сдѣлайте одолженіе.

Противно своей привычкѣ опаздывать, Пьеръ въ этотъ день вмѣсто восьми безъ 10-ти минутъ, пріѣхалъ къ Бергамъ въ восемь часовъ безъ четверти.

Берги, принеся, что̀ нужно было для вечера, уже готòвы были къ пріему гостей.

Въ новомъ, чистомъ, свѣтломъ, убранномъ бюстиками и картинками и новою мебелью кабинетѣ, сидѣлъ Бергъ съ женою. Бергъ въ новенькомъ застегнутомъ мундирѣ сидѣлъ возлѣ жены, объясняя ей, что всегда можно и должно имѣть знакомства людей, которые выше себя, потому что тогда только есть пріятность отъ знакомствъ. — Переймешь что-нибудь, можешь попросить о чемъ-нибудь. Вотъ посмотри, какъ я жилъ съ первыхъ чиновъ (Бергъ жизнь свою считалъ не годами, а высочайшими наградами). Мои товарищи теперь еще ничто, а я на ваканціи полковаго командира, я имѣю счастіе быть вашимъ мужемъ (онъ всталъ и поцѣловалъ руку Вѣры, но по пути къ ней отогнулъ уголъ заворотившагося ковра). И чѣмъ я пріобрѣлъ все это? Главное, умѣньемъ выбирать свои знакомства. Само собой разумѣется, что надо быть добродѣтельнымъ и аккуратнымъ.

Бергъ улыбнулся съ сознаніемъ своего превосходства надъ слабою женщиной и замолчалъ, подумавъ, что все-таки эта милая жена его есть слабая женщина, которая не можетъ постигнуть всего того, что̀ составляетъ достоинство мужчины, — ein Mann zu sein. Вѣра въ то же время также улыбнулась съ сознаніемъ своего превосходства надъ добродѣтельнымъ, хорошимъ мужемъ, но который все-таки ошибочно, какъ и всѣ мужчины, по понятію Вѣры, понималъ жизнь. Бергъ, судя по своей женѣ, считалъ всѣхъ женщинъ слабыми и глупыми. Вѣра, судя по одному своему мужу и распространяя это замѣчаніе, полагала, что всѣ мужчины приписываютъ только себѣ разумъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не понимаютъ, горды и эгоисты.

Бергъ всталъ и, обнявъ свою жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую онъ дорого заплатилъ, поцѣловалъ ее въ середину губъ.

— Одно только, чтобы у насъ не было такъ скоро дѣтей, сказалъ онъ по безсознательной для себя филіаціи идей.

— Да, отвѣчала Вѣра, — я совсѣмъ этого не желаю. Надо жить для общества.

— Точно такая была на княгинѣ Юсуповой, сказалъ Бергъ, съ счастливою и доброю улыбкой, указывая на пелеринку.

Въ это время доложили о пріѣздѣ графа Безухова. Оба супруга переглянулись самодовольною улыбкой, каждый себѣ приписывая честь этого посѣщенія.

„Вотъ что значитъ умѣть дѣлать знакомства, подумалъ Бергъ, вотъ что значитъ умѣть держать себя!“

— Только пожалуйста, когда я занимаю гостей, сказала Вѣра, — ты не перебивай меня, потому что я знаю, чѣмъ занять каждаго, и въ какомъ обществѣ что надо говорить.

Бергъ тоже улыбнулся.

— Нельзя же: иногда съ мущинами мужской разговоръ долженъ быть, сказалъ онъ.

Пьеръ былъ принятъ въ новенькой гостиной, въ которой нигдѣ сѣсть нельзя было, не нарушивъ симметріи, чистоты и порядка, и потому весьма понятно было и не странно, что Бергъ великодушно предлагалъ разрушить симметрію кресла или дивана для дорогаго гостя, и видимо находясь самъ въ этомъ отношеніи въ болѣзненной нерѣшительности, предложилъ рѣшеніе этого вопроса выбору гостя. Пьеръ разстроилъ симметрію, подвинувъ себѣ стулъ, и тотчасъ же Бергъ и Вѣра начали вечеръ, перебивая одинъ другаго и занимая гостя.

Вѣра, рѣшивъ въ своемъ умѣ, что Пьера надо занимать разговоромъ о французскомъ посольствѣ, тотчасъ же начала этотъ разговоръ. Бергъ, рѣшивъ, что надобенъ и мужской разговоръ, перебилъ рѣчь жены, затрогивая вопросъ о войнѣ съ Австріею, и невольно съ общаго разговора соскочилъ на личныя соображенія о тѣхъ предложеніяхъ, которыя ему были деланы для участія въ австрійскомъ походѣ, и о тѣхъ причинахъ, почему онъ не принялъ ихъ. Несмотря на то, что разговоръ былъ очень нескладный, и что Вѣра сердилась за вмѣшательство мужскаго элемента, оба супруга съ удовольствіемъ чувствовали, что несмотря на то, что былъ только одинъ гость, вечеръ былъ начатъ очень хорошо, и что вечеръ былъ, какъ двѣ капли воды похожъ на всякій другой вечеръ съ разговорами, чаемъ и зажженными свѣчами.

Вскорѣ пріѣхалъ Борисъ, старый товарищъ Берга. Онъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ превосходства и покровительства обращался съ Бергомъ и Вѣрой. За Борисомъ пріѣхала дама съ полковникомъ, потомъ самъ генералъ, потомъ Ростовы, и вечеръ уже совершенно, несомнѣнно сталъ похожъ на всѣ вечера. Бергъ съ Вѣрой не могли удерживать радостной улыбки при видѣ этого движенія по гостиной, при звукѣ этого безсвязнаго говора, шуршанья платьевъ и поклоновъ. Все было, какъ и у всѣхъ; особенно похожъ былъ генералъ, похваливщій квартиру, потрепавшій по плечу Берга и съ отеческимъ самоуправствомъ распорядившійся постановкой бостоннаго стола. Генералъ подсѣлъ къ графу Ильѣ Андреевичу, какъ самому знатному изъ гостей послѣ себя. Старички со старичками, молодые съ молодыми, хозяйка у чайнаго стола, на которомъ были точно такія же печенья въ серебряной корзинкѣ, какія были у Паниныхъ на вечерѣ, все было совершенно такъ же какъ у другихъ.

XXI.

Пьеръ, какъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, долженъ былъ сѣсть въ бостонъ съ Ильей Андреичемъ, генераломъ и полковникомъ. Пьеру за бостоннымъ столомъ пришлось сидѣть противъ Наташи, и странная перемѣна, происшедшая въ ней со дня бала, поразила его. Наташа была молчалива, и не только не была такъ хороша, какъ она была на балѣ, но она была бы дурна, ежели бы она не имѣла такого кроткаго и равнодушнаго ко всему вида.

„Что съ ней?“ подумалъ Пьеръ, взглянувъ на нее. Она сидѣла подлѣ сестры у чайнаго стола и неохотно, не глядя на него, отвѣчала что-то подсѣвшему къ ней Борису. Отходивъ цѣлую масть и забравъ къ удовольствію своего партнера пять взятокъ, Пьеръ, слышавшій говоръ привѣтствій и звукъ чьихъ-то шаговъ, вошедшихъ въ комнату во время сбора взятокъ, опять взглянулъ на нее.

„Что съ ней сдѣлалось?“ еще удивленнѣе сказалъ онъ самъ себѣ.

Князь Андрей съ бережливо-нѣжнымъ выраженіемъ стоялъ передъ нею и говорилъ ей что-то. Она, поднявъ голову, разрумянившись и видимо стараясь удержать порывистое дыханье, смотрѣла на него. И яркій свѣтъ какого-то внутренняго, прежде потушеннаго огня, опять горѣлъ въ ней. Она вся преобразилась. Изъ дурной опять сдѣлалась такою же, какою она была на балѣ.

Князь Андрей подошелъ къ Пьеру, и Пьеръ замѣтилъ новое, молодое выраженіе и въ лицѣ своего друга.

Пьеръ нѣсколько разъ пересаживался во время игры, то

спиной, то лицомъ къ Наташѣ, и во все продолженіе шести роберовъ дѣлалъ наблюденія надъ ней и своимъ другомъ.

„Что-то очень важное происходитъ между ними“, думалъ Пьеръ, и радостное и вмѣстѣ горькое чувство заставляло его волноваться и забывать объ игрѣ.

Послѣ шести роберовъ генералъ всталъ, сказавъ, что этакъ невозможно играть, и Пьеръ получилъ свободу. Наташа въ одной сторонѣ говорила съ Соней и Борисомъ, Вѣра о чемъ-то съ тонкою улыбкой говорила съ княземъ Андреемъ. Пьеръ подошелъ къ своему другу и, спросивъ, не тайна ли то, что̀ говорится, сѣлъ подлѣ нихъ. Вѣра, замѣтивъ вниманіе князя Андрея къ Наташѣ, нашла, что на вечерѣ, на настоящемъ вечерѣ, необходимо нужно, чтобы были тонкіе намеки на чувства, и улучивъ время, когда князь Андрей былъ одинъ, начала съ нимъ разговоръ о чувствахъ вообще и о своей сестрѣ. Ей нужно было съ такимъ умнымъ (какимъ она считала князя Андрея) гостемъ приложить къ дѣлу свое дипломатическое искусство.

Когда Пьеръ подошелъ къ нимъ, онъ замѣтилъ, что Вѣра находилась въ самодовольномъ увлеченіи разговора, а князь Андрей (что̀ съ нимъ рѣдко бывало) казался смущенъ.

— Какъ вы полагаете? съ тонкою улыбкой говорила Вѣра. — Вы, князь, такъ проницательны и такъ понимаете сразу характеры людей. Что̀ вы думаете о Натали, можетъ ли она быть постоянна въ своихъ привязанностяхъ, можетъ ли она, такъ какъ другія женщины (Вѣра разумѣла себя), одинъ разъ полюбить человѣка и навсегда остаться ему вѣрною? Это я считаю настоящею любовью. Какъ вы думаете, князь?

— Я слишкомъ мало знаю вашу сестру, отвѣчалъ князь Андрей съ насмѣшливою улыбкой, подъ которою онъ хо-

— Мама, это не стыдно, что онъ вдовецъ?

— Полно, Наташа. Молись Богу. „Браки совершаются на небесахъ“, сказала она французскую поговорку.

— Голубушка, мамаша, какъ я васъ люблю, какъ мнѣ хорошо! крикнула Наташа, плача слезами счастья и волненія и обнимая мать.

Въ это же самое время князь Андрей сидѣлъ у Пьера и говорилъ ему о своей любви къ Наташѣ и о твердо-взятомъ намѣреніи жениться на ней.

Въ этотъ день у графини Елены Васильевны былъ раутъ, былъ французскій посланникъ, былъ принцъ, сдѣлавшійся съ недавняго времени частымъ посѣтителемъ дома графини, и много блестящихъ дамъ и мужчинъ. Пьеръ былъ внизу, прошелся по заламъ и поразилъ всѣхъ гостей своимъ сосредоточенно-разсѣяннымъ и мрачнымъ видомъ.

Пьеръ со времени бала чувствовалъ въ себѣ приближеніе припадковъ ипохондріи и съ отчаяннымъ усиліемъ старался бороться противъ нихъ. Со времени сближенія принца съ его женою, Пьеръ неожиданно былъ пожалованъ въ камергеры, и съ этого времени онъ сталъ чувствовать тяжесть и стыдъ въ большомъ обществѣ, и чаще ему стали приходить прежнія мрачныя мысли о тщетѣ всего человѣческаго. Въ это же время замѣченное имъ чувство между покровительствуемою имъ Наташей и княземъ Андреемъ, своею противоположностью между его положеніемъ и положеніемъ его друга, еще усиливало это мрачное настроеніе. Онъ одинаково старался избѣгать мыслей о своей женѣ и о Наташѣ и князѣ Андреѣ. Опять все ему казалось ничтожно въ сравненіи съ вѣчностью,

опять представлялся вопросъ: „къ чему?“ И онъ дни и ночи заставлялъ себя трудиться надъ масонскими работами, надѣясь отогнать приближеніе злаго духа. Пьеръ въ 12-мъ часу, выйдя изъ покоевъ графини, сидѣлъ у себя наверху предъ столомъ въ накуренной, низкой комнатѣ, въ затасканномъ халатѣ и переписывалъ подлинные шотландскіе акты, когда кто-то вошелъ къ нему въ комнату. Это былъ князь Андрей.

— А, это вы, сказалъ Пьеръ съ разсѣяннымъ и недовольнымъ видомъ. — А я вотъ работаю, сказалъ онъ указывая на тетрадь съ тѣмъ видомъ спасенія отъ невзгодъ жизни, съ которымъ смотрятъ несчастливые люди на свою работу.

Князь Андрей съ сіяющимъ, восторженнымъ и обновленнымъ къ жизни лицомъ остановился предъ Пьеромъ и не замѣчая его печальнаго лица, съ эгоизмомъ счастія улыбнулся ему.

— Ну, душа моя, сказалъ онъ, — я вчера хотѣлъ сказать тебѣ и нынче за этимъ пріѣхалъ къ тебѣ. Никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Я влюбленъ, мой другъ.

Пьеръ вдругъ тяжело вздохнулъ и повалился своимъ тяжелымъ тѣломъ на диванъ подлѣ князя Андрея.

— Въ Наташу Ростову, да? сказалъ онъ.

— Да, да, въ кого же? Никогда не повѣрилъ бы, но это чувство сильнѣе меня. Вчера я мучился, страдалъ, но и мученья этого я не отдамъ ни за что въ мірѣ. Я не жилъ прежде. Теперь только я живу, но я не могу жить безъ нея. Но можетъ ли она любить меня?... Я старъ для нея... Что ты не говоришь?...

— Я? Я? Что я говорилъ вамъ, вдругъ сказалъ Пьеръ,

вставая и начиная ходить по комнатѣ. — Я всегда это думалъ... Эта дѣвушка такое сокровище, такое... Это рѣдкая дѣвушка... Милый другъ, я васъ прошу, вы не умствуйте, не сомнѣвайтесь, женитесь, женитесь и женитесь... И я увѣренъ, что счастливѣе васъ не будетъ человѣка.

— Но она?

— Она любитъ васъ.

— Не говори вздору... сказалъ князь Андрей, улыбаясь и глядя въ глаза Пьеру.

— Любитъ, я знаю, сердито закричалъ Пьеръ.

— Нѣтъ, слушай, сказалъ князь Андрей, останавливая его за руку. — Ты знаешь ли въ какомъ я положеніи? Мнѣ нужно сказать все кому-нибудь.

— Ну, ну, говорите, я очень радъ, говорилъ Пьеръ, и дѣйствительно лицо его измѣнилось, морщина разгладилась, и онъ радостно слушалъ князя Андрея. Князь Андрей казался и былъ совсѣмъ другимъ, новымъ человѣкомъ. Гдѣ была его тоска, его презрѣніе къ жизни, его разочарованность? Пьеръ былъ единственный человѣкъ, предъ которымъ онъ рѣшался высказаться; но за то онъ ему высказывалъ все, что у него было на душѣ. То онъ легко и смѣло дѣлалъ планы на продолжительное будущее, говорилъ о томъ, какъ онъ не можетъ пожертвовать своимъ счастіемъ для каприза своего отца, какъ онъ заставитъ отца согласиться на этотъ бракъ и полюбить ее, или обойдется безъ его согласія; то онъ удивлялся, какъ на что-то странное, чуждое, отъ него не зависящее, на то чувство, которое владѣло имъ.

— Я бы не повѣрилъ тому, кто бы мнѣ сказалъ, что я могу такъ любить, говорилъ князь Андрей. — Это совсѣмъ не то чувство, которое было у меня прежде. Весь міръ раз-

дѣленъ для меня на двѣ половины: одна — она, и тамъ все счастье, надежда, свѣтъ; другая половина — все, гдѣ ея нѣтъ, тамъ все уныніе и темнота...

— Темнота и мракъ, повторилъ Пьеръ, — да, да, я понимаю это.

— Я не могу не любить свѣта, я не виноватъ въ этомъ. И я очень счастливъ. Ты понимаешь меня? Я знаю, что ты радъ за меня.

— Да, да, подтверждалъ Пьеръ, умиленными и грустными глазами глядя на своего друга. Чѣмъ свѣтлѣе представлялась ему судьба князя Андрея, тѣмъ мрачнѣе представлялась своя собственная.

XXIII.

Для женитьбы нужно было согласіе отца, и для этого на другой день князь Андрей уѣхалъ къ отцу.

Отецъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но внутреннею злобой принялъ сообщеніе сына. Онъ не могъ понять того, чтобы кто-нибудь хотѣлъ измѣнить жизнь, вносить въ нее что-нибудь новое, когда жизнь для него уже кончалась. — „Дали бы только дожить такъ, какъ я хочу, а потомъ бы дѣлали, что хотѣли“, говорилъ себѣ старикъ. Съ сыномъ однако онъ употребилъ ту дипломацію, которую онъ употреблялъ въ важныхъ случаяхъ. Принявъ спокойный тонъ, онъ обсудилъ все дѣло.

Во-первыхъ, женитьба была не блестящая въ отношеніи родства, богатства и знатности. Во-вторыхъ, князь Андрей былъ не первой молодости и слабъ здоровьемъ (старикъ особенно налегалъ на это), а она была очень молода. Въ третьихъ, былъ сынъ, котораго жалко было отдать дѣвчонкѣ.

Въ четвертыхъ, наконецъ, сказалъ отецъ, насмѣшливо глядя на сына: — „Я тебя прошу, отложи дѣло на годъ, съѣзди за границу, полѣчись, сыщи, какъ ты и хочешь, нѣмца для князя Николая, и потомъ, ежели ужъ любовь, страсть, упрямство, что хочешь, такъ велики, тогда женись. И это послѣднее мое слово, знай, послѣднее...“ кончилъ князь такимъ тономъ, которымъ показывалъ, что ничто не заставитъ его измѣнить свое рѣшеніе.

Князь Андрей ясно видѣлъ, что старикъ надѣялся, что чувство его или его будущей невѣсты не выдержитъ испытанія года, или что онъ самъ, старый князь, умретъ къ этому времени, и рѣшилъ исполнить волю отца: сдѣлать предложеніе и отложить свадьбу на годъ.

Черезъ три недѣли послѣ своего послѣдняго вечера у Ростовыхъ, князь Андрей вернулся въ Петербургъ.

На другой день послѣ своего объясненія съ матерью, Наташа ждала цѣлый день Болконскаго, но онъ не пріѣхалъ. На другой, на третій день было то же самое. Пьеръ также не пріѣзжалъ, и Наташа, не зная того, что князь Андрей уѣхалъ къ отцу, не могла себѣ объяснить его отсутствіе.

Такъ прошли три недѣли. Наташа никуда не хотѣла выѣзжать и какъ тѣнь, праздная и унылая, ходила по комнатамъ, вечеромъ тайно отъ всѣхъ плакала и не являлась по вечерамъ къ матери. Она безпрестанно краснѣла и раздражалась. Ей казалось, что всѣ знаютъ о ея разочарованіи, смѣются и жалѣютъ о ней. При всей силѣ внутренняго горя, это тщеславное горе усиливало ея несчастіе.

Однажды она пришла къ графинѣ, хотѣла что-то сказать

ей и вдругъ заплакала. Слезы ея были слезы обиженнаго ребенка, который самъ не знаетъ, за что онъ наказанъ.

Графиня стала успокоивать Наташу. Наташа вслушивавшаяся сначала въ слова матери, вдругъ прервала ее:

— Перестаньте, мама, я и не думаю, и не хочу думать! Такъ, поѣздилъ и пересталъ, и пересталъ...

Голосъ ея задрожалъ, она чуть не заплакала, но оправилась и спокойно продолжала:

— И совсѣмъ я не хочу выходить замужъ. И я его боюсь; а теперь совсѣмъ, совсѣмъ успокоилась...

На другой день послѣ этого разговора, Наташа надѣла то старое платье, которое было ей особенно извѣстно за доставляемую имъ по утрамъ веселость, и съ утра начала тотъ свой прежній образъ жизни, отъ котораго она отстала послѣ бала. Она, напившись чаю, пошла въ залу, которую она особенно любила за сильный резонансъ, и начала пѣть свои солфеджи (упражненія пѣнія). Окончивъ первый урокъ, она остановилась на серединѣ залы и повторила одну музыкальную фразу, особенно понравившуюся ей. Она прислушивалась радостно къ той (какъ будто неожиданной для нея) прелести, съ которою эти звуки, переливаясь, наполнили всю пустоту залы и медленно замерли, и ей вдругъ стало весело. „Что объ этомъ думать много, и такъ хорошо", сказала она себѣ и стала взадъ и впередъ ходить по залѣ, ступая не простыми шагами по звонкому паркету, но на всякомъ шагу переступая съ каблучка (на ней были новые любимые башмаки) на носокъ, и такъ же радостно, какъ и къ звукамъ своего голоса прислушиваясь къ этому мѣрному топоту каблучка и поскрипыванію носка. Проходя мимо зеркала, она заглянула въ него. — „Вотъ она я!" какъ будто

говорило выраженіе ея лица при видѣ себя „Ну, и хорошо. И никого мнѣ не нужно“.

Лакей хотѣлъ войти, чтобы убрать что-то въ залѣ, но она не пустила его, опять затворивъ за нимъ дверь, и продолжала свою прогулку. Она возвратилась въ это утро опять къ своему любимому состоянію любви къ себѣ и восхищенія предъ собой. — „Что за прелесть эта Наташа!“ сказала она опять про себя словами какого-то третьяго, собирательнаго мужскаго лица. — „Хороша, голосъ, молода, и никому она не мѣшаетъ, оставьте только ее въ покоѣ“. Но сколько бы ни оставляли ее въ покоѣ, она уже не могла быть покойна, и тотчасъ же почувствовала это.

Въ передней отворилась дверь подъѣзда, кто-то спросилъ: дома ли? и послышались чьи-то шаги. Наташа смотрѣлась въ зеркало, но она не видала себя. Она слушала звуки въ передней. Когда она увидала себя, лицо ея было блѣдно. Это былъ *онъ*. Она это вѣрно знала, хотя чуть слышала звукъ его голоса изъ затворенныхъ дверей.

Наташа, блѣдная и испуганная, вбѣжала въ гостиную.

— Мама, Болконскій пріѣхалъ, сказала она. — Мама, это ужасно, это несносно! — Я не хочу... мучиться! Что же мнѣ дѣлать?

Еще графиня не успѣла отвѣтить ей, какъ князь Андрей съ тревожнымъ и серьезнымъ лицомъ вошелъ въ гостиную. Какъ только онъ увидалъ Наташу, лицо его просіяло. Онъ поцѣловалъ руку графини и Наташи и сѣлъ подлѣ дивана.

— Давно уже мы не имѣли удовольствія... начала было графиня, но князь Андрей перебилъ ее, отвѣчая на ея вопросъ и очевидно торопясь сказать то, что ему было нужно.

— Я не былъ у васъ все это время, потому что былъ у

отца: мнѣ нужно было переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Я вчера ночью только вернулся, сказалъ онъ, взглянувъ на Наташу. — Мнѣ нужно переговорить съ вами, графиня, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Графиня, тяжело вздохнувъ, опустила глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ, проговорила она.

Наташа знала, что ей надо уйти, но она не могла этого сдѣлать: что-то сжимало ей горло, и она неучтиво, прямо открытыми глазами смотрѣла на князя Андрея.

„Сейчасъ? Сію минуту?.. Нѣтъ, это не можетъ быть!“ думала она.

Онъ опять взглянулъ на нее, и этотъ взглядъ убѣдилъ ее въ томъ, что она не ошибалась. Да, сейчасъ, сію минуту рѣшалась ея судьба.

— Поди, Наташа, я позову тебя, сказала графиня шепотомъ.

Наташа испуганными умоляющими глазами взглянула на князя Андрея и на мать, и вышла.

— Я пріѣхалъ, графиня, просить руки вашей дочери, сказалъ князь Андрей.

Лицо графини вспыхнуло, но она ничего не сказала.

— Ваше предложеніе... степенно начала графиня. Онъ молчалъ, глядя ей въ глаза. — Ваше предложеніе... (она сконфузилась) намъ пріятно, и... я принимаю ваше предложеніе, я рада. И мужъ мой... я надѣюсь... но отъ нея самой будетъ зависѣть...

— Я скажу ей тогда, когда буду имѣть ваше согласіе... даете ли вы мнѣ его? сказалъ князь Андрей.

— Да, сказала графиня и протянула ему руку и съ смѣшаннымъ чувствомъ отчужденности и нѣжности прижалась

губами къ его лбу, когда онъ наклонился надъ ея рукой. Она желала любить его, какъ сына; но чувствовала, что онъ былъ чужой и страшный для нея человѣкъ.

— Я увѣрена, что мой мужъ будетъ согласенъ, сказала графиня, — но вашъ батюшка...

— Мой отецъ, которому я сообщилъ свои планы, непремѣннымъ условіемъ согласія положилъ то, чтобы свадьба была не раньше года. И это-то я хотѣлъ сообщить вамъ, сказалъ князь Андрей.

— Правда, что Наташа еще молода, но — такъ долго!

— Это не могло быть иначе, со вздохомъ сказалъ князь Андрей.

— Я пошлю вамъ ее, сказала графиня и вышла изъ комнаты.

„Господи, помилуй насъ“, твердила она, отыскивая дочь. Соня сказала, что Наташа въ спальнѣ. Наташа сидѣла на своей кровати, блѣдная, съ сухими глазами, смотрѣла на образа и, быстро крестясь, шептала что-то.

Увидавъ мать, она вскочила и бросилась къ ней.

— Чтò, мама?... Чтò?

— Поди, поди къ нему. Онъ проситъ твоей руки, сказала графиня холодно, какъ показалось Наташѣ... — Поди... поди, проговорила мать съ грустью и укоризной вслѣдъ убѣгавшей дочери и тяжело вздохнула.

Наташа не помнила, какъ она вошла въ гостиную. Войдя въ дверь и увидавъ его, она остановилась. „Неужели этотъ чужой человѣкъ сдѣлался теперь *все* для меня?“ спросила она себя и мгновенно отвѣтила: „Да, все: онъ одинъ теперь дороже для меня всего на свѣтѣ“. Князь Андрей подошелъ къ ней, опустивъ глаза.

— Я полюбилъ васъ съ той минуты, какъ увидалъ васъ. Могу ли я надѣяться?

Онъ взглянулъ на нее, и серьезная страстность выраженія ея лица поразила его. Лицо ея говорило: Зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ сомнѣваться въ томъ, чего нельзя не знать? Зачѣмъ говорить, когда нельзя словами выразить того, что чувствуешь?

Она приблизилась къ нему и остановилась. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Любите ли вы меня?

— Да, да, какъ будто съ досадой проговорила Наташа, громко вздохнула, другой разъ, чаще и чаще, и зарыдала.

— О чемъ? Что съ вами?

— Ахъ, я такъ счастлива, отвѣчала она, улыбнулась сквозь слезы, нагнулась ближе къ нему, подумала секунду какъ будто спрашивая себя, можно ли это, и поцѣловала его.

Князь Андрей держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза, и не находилъ въ своей душѣ прежней любви къ ней. Въ душѣ его вдругъ повернулось что-то, не было прежней поэтической и таинственной прелести желанія; а была жалость къ ея женской и дѣтской слабости, былъ страхъ предъ ея преданностью и довѣрчивостью, тяжелое и вмѣстѣ радостное сознаніе долга, навѣки связавшаго его съ нею. Настоящее чувство, хотя и не было такъ свѣтло и поэтично, какъ прежнее, было серьезнѣе и сильнѣе.

— Сказала ли вамъ маменька, что это не можетъ быть раньше года? сказалъ князь Андрей, продолжая глядѣть въ ея глаза.

„Неужели это я, та дѣвочка-ребенокъ (всѣ такъ говорили обо мнѣ)“, думала Наташа, „неужели я теперь съ этой ми-

нуты *жена*, равная этого чужаго, милаго, умнаго человѣка, уважаемаго даже отцомъ моимъ? Неужели это правда? Неужели правда, что теперь уже нельзя шутить жизнью, теперь ужъ я большая, теперь ужъ лежитъ на мнѣ отвѣтственность за всякое мое дѣло и слово? Да, что онъ спросилъ у меня?"

— Нѣтъ, отвѣчала она, но она не понимала того, что онъ спрашивалъ.

— Простите меня, сказалъ князь Андрей, — но вы такъ молоды, а я ужъ такъ много испыталъ жизни. Мнѣ страшно за васъ. Вы не знаете себя.

Наташа съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушала, стараясь понять смыслъ его словъ, и не понимала.

— Какъ ни тяжелъ мнѣ будетъ этотъ годъ, отсрочивающій мое счастіе, продолжалъ князь Андрей, — въ этотъ срокъ вы повѣрите себя. Я прошу васъ черезъ годъ сдѣлать мое счастіе, но вы свободны: помолвка наша останется тайной, и ежели вы убѣдились бы, что вы не любите меня, или полюбили бы... сказалъ князь Андрей съ неестественною улыбкой.

— Зачѣмъ вы это говорите? перебила его Наташа. — Вы знаете, что съ того самаго дня, какъ вы въ первый разъ пріѣхали въ Отрадное, я полюбила васъ, сказала она, твердо увѣренная, что она говорила правду.

— Въ годъ вы узнаете себя...

— Цѣлый годъ! вдругъ сказала Наташа, теперь только понявъ то, что свадьба отсрочена на годъ. — Да отчего же годъ?... Отчего же годъ?... Князь Андрей сталъ ей объяснять причины этой отсрочки. Наташа не слушала его.

— И нельзя иначе? спросила она. Князь Андрей ничего

не отвѣтилъ, но въ лицѣ его выразилась невозможность измѣнить это рѣшеніе.

— Это ужасно! Нѣтъ, это ужасно, ужасно! вдругъ заговорила Наташа и опять зарыдала. — Я умру, дожидаясь года: это нельзя, это ужасно. Она взглянула въ лицо своего жениха и увидала въ немъ выраженіе состраданія и недоумѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все сдѣлаю, сказала она, вдругъ остановивъ слезы, — я такъ счастлива!

Отецъ и мать вошли въ комнату и благословили жениха и невѣсту. Съ этого дня князь Андрей женихомъ сталъ ѣздить къ Ростовымъ.

XXIV.

Обрученія не было, и никому не было объявлено о помолвкѣ Болконскаго съ Наташей; на этомъ настоялъ князь Андрей. Онъ говорилъ, что такъ какъ онъ причиной отсрочки, то онъ и долженъ нести всю тяжесть ея. Онъ говорилъ, что онъ навѣки связалъ себя своимъ словомъ, но что онъ не хочетъ связывать Наташу и предоставляетъ ей полную свободу. Ежели она черезъ полгода почувствуетъ, что она не любитъ его, она будетъ въ своемъ правѣ, ежели откажетъ ему. Само собою разумѣется, что ни родители, ни Наташа не хотѣли слышать объ этомъ; но князь Андрей настаивалъ на своемъ. Князь Андрей бывалъ каждый день у Ростовыхъ, но не какъ женихъ обращался съ Наташей: онъ говорилъ ей *вы* и цѣловалъ только ея руку. Между княземъ Андреемъ и Наташей послѣ дня предложенія установились совсѣмъ другія, чѣмъ прежде, близкія, простыя отношенія. Они какъ будто до сихъ поръ не знали другъ друга. И онъ и она любили вспоминать о томъ, какъ они

смотрѣли другъ на друга, когда были еще *мальчиками*; теперь оба они чувствовали себя совсѣмъ другими существами: тогда притворными, теперь простыми и искренними. Сначала въ семействѣ чувствовалась неловкость въ обращеніи съ княземъ Андреемъ; онъ казался человѣкомъ изъ чуждаго міра, и Наташа долго пріучала домашнихъ къ князю Андрею и съ гордостью увѣряла всѣхъ, что онъ только кажется такимъ особеннымъ, а что онъ такой же, какъ и всѣ, и что она его не боится и что никто не долженъ бояться его. Послѣ нѣсколькихъ дней, въ семействѣ къ нему привыкли и, не стѣсняясь, вели при немъ, прежній образъ жизни, въ которомъ онъ принималъ участіе. Онъ про хозяйство умѣлъ говорить съ графомъ, и про наряды съ графиней и Наташей, и про альбомы и канву съ Соней. Иногда домашніе Ростовы между собою и при князѣ Андреѣ удивлялись тому, какъ все это случилось и какъ очевидны были предзнаменованія этого: и пріѣздъ князя Андрея въ Отрадное, и ихъ пріѣздъ въ Петербургъ, и сходство между Наташей и княземъ Андреемъ, которое замѣтила няня въ первый пріѣздъ князя Андрея, и столкновеніе въ 1805-мъ году между Андреемъ и Николаемъ, и еще много другихъ предзнаменованій того, что случилось, было замѣчено домашними.

Въ домѣ царствовала та поэтическая скука и молчаливость, которая всегда сопутствуетъ присутствію жениха и невѣсты. Часто, сидя вмѣстѣ, всѣ молчали. Иногда вставали и уходили, и женихъ съ невѣстой, оставаясь одни, все такъ же молчали. Рѣдко они говорили о будущей своей жизни. Князю Андрею страшно и совѣстно было говорить объ этомъ. Наташа раздѣляла это чувство, какъ и всѣ его чувства, которыя она постоянно угадывала. Одинъ разъ Наташа стала

разспрашивать про его сына. Князь Андрей покраснѣлъ, что съ нимъ часто случалось теперь, и что особенно любила Наташа, и сказалъ, что сынъ его не будетъ жить съ ними.

— Отчего? испуганно сказала Наташа.

— Я не могу отнять его у дѣда и потомъ...

— Какъ бы я его любила! сказала Наташа, тотчасъ же угадавъ его мысль; — но я знаю, вы хотите, чтобы не было предлоговъ обвинять васъ и меня.

Старый графъ иногда подходилъ къ князю Андрею, цѣловалъ его, спрашивалъ у него совѣта на счетъ воспитанія Пети или службы Николая. Старая графиня вздыхала, глядя на нихъ. Соня боялась всякую минуту быть лишнею и старалась находить предлоги оставлять ихъ однихъ, когда имъ этого и не нужно было. Когда князь Андрей говорилъ (онъ очень хорошо разсказывалъ), Наташа съ гордостью слушала его; когда она говорила, то со страхомъ и радостью замѣчала, что онъ внимательно и испытующе смотритъ на нее. Она съ недоумѣніемъ спрашивала себя: „Что онъ ищетъ во мнѣ? Чего-то онъ добивается своимъ взглядомъ! что, какъ нѣтъ во мнѣ того, что̀ онъ ищетъ этимъ взглядомъ?" Иногда она входила въ свойственное ей безумно-веселое расположеніе духа, и тогда она особенно любила слушать и смотрѣть, какъ князь Андрей смѣялся. Онъ рѣдко смѣялся, но за то, когда онъ смѣялся, то отдавался весь своему смѣху, и всякій разъ послѣ этого смѣха она чувствовала себя ближе къ нему. Наташа была бы совершенно счастлива, ежели бы мысль о предстоящей и приближающейся разлукѣ не пугала ея, такъ какъ и онъ блѣднѣлъ и холодѣлъ при одной мысли о томъ.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга, князь Андрей привезъ съ собой Пьера, со времени бала ни разу не быв-

наго у Ростовыхъ. Пьеръ казался растерявшимся и смущеннымъ. Онъ разговаривалъ съ матерью. Наташа сѣла съ Соней у шахматнаго столика, приглашая этимъ къ себѣ князя Андрея. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Вы вѣдь давно знаете Безухова? спросилъ онъ. — Вы любите его?

— Да, онъ славный, но смѣшной очень.

И она, какъ всегда говоря о Пьерѣ, стала разсказывать анекдоты о его разсѣянности, анекдоты, которые даже выдумывали на него.

— Вы знаете, я повѣрилъ ему нашу тайну, сказалъ князь Андрей. — Я знаю его съ дѣтства. Это золотое сердце. Я васъ прошу, Натали, сказалъ онъ вдругъ серьезно, — я уѣду, Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Вы можете разлю... Ну, знаю, что я не долженъ говорить объ этомъ. Одно, — что бы ни случилось съ вами, когда меня не будетъ...

— Что жъ случится?

— Какое бы горе ни было, продолжалъ князь Андрей, — я васъ прошу, m-lle Софи, что бы ни случилось, обратитесь къ нему одному за совѣтомъ и помощью. Это самый разсѣянный и смѣшной человѣкъ, но самое золотое сердце.

Ни отецъ, ни мать, ни Соня, ни самъ князь Андрей не могли предвидѣть того, какъ подѣйствуетъ на Наташу разставанье съ ея женихомъ. Красная и взволнованная, съ сухими глазами, она ходила этотъ день по дому, занимаясь самыми ничтожными дѣлами, какъ будто не понимая того, что ожидаетъ ее. Она не плакала и въ ту минуту, какъ онъ, прощаясь, послѣдній разъ поцѣловалъ ея руку.

— Не уѣзжайте! только проговорила она ему такимъ голосомъ, который заставилъ его задуматься о томъ, не нужно

ли ему дѣйствительно остаться, и который онъ долго помнилъ послѣ этого. Когда онъ уѣхалъ, она тоже не плакала: но нѣсколько дней она не плача сидѣла въ своей комнатѣ, не интересовалась ничѣмъ и только говорила иногда: „Ахъ, зачѣмъ онъ уѣхалъ!“

Но черезъ двѣ недѣли послѣ его отъѣзда, она также неожиданно для окружающихъ ее, очнулась отъ своей нравственной болѣзни, стала такая же, какъ прежде, но только съ измѣненною нравственною физіономіей, какъ дѣти съ другимъ лицомъ встаютъ съ постели послѣ продолжительной болѣзни.

XXV.

Здоровье и характеръ князя Николая Андреича Болконскаго, въ этотъ послѣдній годъ, послѣ отъѣзда сына, очень ослабѣли. Онъ сдѣлался еще болѣе раздражителенъ, чѣмъ прежде, и всѣ вспышки его безпричиннаго гнѣва большею частью обрушивались на княжнѣ Марьѣ. Онъ какъ будто старательно изыскивалъ всѣ больныя мѣста ея, чтобы какъ можно жесточе нравственно мучить ее. У княжны Марьи были двѣ страсти и потому двѣ радости: племянникъ Николушка и религія, и обѣ были любимыми темами нападеній и насмѣшекъ князя. О чемъ бы ни заговорили, онъ сводилъ разговоръ на суевѣрія старыхъ дѣвокъ или на баловство и порчу дѣтей. — „Тебѣ хочется его (Николеньку) сдѣлать такою же старой дѣвкой, какъ ты сама; напрасно: князю Андрею нужно сына, а не дѣвку“, говорилъ онъ. Или, обращаясь къ m-elle Бурьенъ, онъ спрашивалъ ее при княжнѣ Марьѣ, какъ ей нравятся наши попы и образа, и шутилъ...

Онъ безпрестанно больно оскорблялъ княжну Марью, но

дочь даже не дѣлала усилій надъ собой, чтобы прощать его. Развѣ могъ онъ быть виноватъ предъ нею, и развѣ могъ отецъ ея, который, она все-таки знала это, любилъ ее, быть несправедливымъ? Да и что такое справедливость? Княжна никогда не думала объ этомъ гордомъ словѣ: „справедливость". Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ — въ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ намъ Тѣмъ, который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ — Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала.

Зимою въ Лысыя Горы пріѣзжалъ князь Андрей, былъ веселъ, кротокъ и нѣженъ, какимъ его давно не видала княжна Марья. Она предчувствовала, что съ нимъ что-то случилось, но онъ не сказалъ ничего княжнѣ Марьѣ о своей любви. Предъ отъѣздомъ князь Андрей долго бесѣдовалъ о чемъ-то съ отцемъ, и княжна Марья замѣтила, что предъ отъѣздомъ оба были недовольны другъ другомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда князя Андрея, княжна Марья писала изъ Лысыхъ Горъ въ Петербургъ своему другу Жюли Карагиной, которую княжна Марья мечтала, какъ мечтаютъ всегда дѣвушки, выдать за своего брата, и которая въ это время была въ трауръ по случаю смерти своего брата, убитаго въ Турціи.

„Горести, видно, общій удѣлъ нашъ, милый и нѣжный „другъ Жюли.

„Ваша потеря такъ ужасна, что я иначе не могу себѣ „объяснить ее, какъ особенную милость Бога, который хо- „четъ испытать — любя васъ — васъ и вашу превосходную мать.

„Ахъ, мой другъ, религія, и только одна религія можетъ насъ,
„уже не говорю утѣшить, но избавить отъ отчаянія; одна
„религія можетъ объяснить намъ то, чего безъ ея помощи
„не можетъ понять человѣкъ? для чего, зачѣмъ существа
„добрыя, возвышенныя, умѣющія находить счастіе въ жизни,
„никому не только не вредящія, но необходимыя для счастія
„другихъ — призываются къ Богу, а остаются жить злыя,
„безполезныя, вредныя, или такія, которыя въ тягость себѣ
„и другимъ. Первая смерть, которую я видѣла и которую
„никогда не забуду — смерть моей милой невѣстки — произ-
„вела на меня такое впечатлѣніе. Точно такъ же, какъ и вы
„спрашиваете судьбу, для чего было умирать вашему пре-
„красному брату, точно такъ же спрашивала я, для чего было
„умирать этому ангелу — Лизѣ, которая не только не сдѣ-
„лала какого-нибудь зла человѣку, но никогда кромѣ доб-
„рыхъ мыслей не имѣла въ своей душѣ. И что жъ, мой
„другъ, вотъ прошло съ тѣхъ поръ пять лѣтъ, и я, съ сво-
„имъ ничтожнымъ умомъ, уже начинаю ясно понимать, для
„чего ей нужно было умереть, и какимъ образомъ эта смерть
„была только выраженіемъ безконечной благости Творца, все
„дѣйствія котораго, хотя мы ихъ большею частью не пони-
„маемъ, суть только проявленія Его безконечной любви
„къ своему творенію. Можетъ быть, я часто думаю, она
„была слишкомъ ангельски-невинна для того, чтобы имѣть
„силу перенести всѣ обязанности матери. Она была безу-
„пречна, какъ молодая жена; можетъ быть, она не могла бы
„быть такою матерью. Теперь, мало того, что она оставила
„намъ, и въ особенности князю Андрею, самое чистое со-
„жалѣніе и воспоминаніе, она тамъ вѣроятно получитъ то
„мѣсто, котораго я не смѣю надѣяться для себя. Но, не го-

„воря уже о ней одной, эта ранняя и страшная смерть имѣла
„самое благотворное вліяніе, несмотря на всю печаль, на
„меня и на брата. Тогда, въ минуту потери, эти мысли не
„могли притти мнѣ; тогда я съ ужасомъ отогнала бы ихъ,
„но теперь это такъ ясно и несомнѣнно. Пишу все это вамъ,
„мой другъ, только для того, чтобъ убѣдить васъ въ еван-
„гельской истинѣ, сдѣлавшейся для меня жизненнымъ пра-
„виломъ: ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ безъ Его
„воли. А воля его руководствуется только одною безпредѣль-
„ною любовью къ намъ, и потому все, что ни случается съ нами,
„все для нашего блага. Вы спрашиваете, проведемъ ли мы
„слѣдующую зиму въ Москвѣ? Несмотря на все желаніе васъ
„видѣть, не думаю и не желаю этого. И вы удивитесь, что
„причиною тому Буонапарте. И вотъ почему: здоровье отца
„моего замѣтно слабѣетъ; онъ не можетъ переносить проти-
„ворѣчій и дѣлается раздражителенъ. Раздражительность эта,
„какъ вы знаете, обращена преимущественно на политическія
„дѣла. Онъ не можетъ перенести мысли о томъ, что Буона-
„парте ведетъ дѣло, какъ съ равными, со всѣми государями
„Европы и въ особенности съ нашимъ, внукомъ Великой
„Екатерины! Какъ вы знаете, я совершенно равнодушна
„къ политическимъ дѣламъ, но изъ словъ моего отца и раз-
„говоровъ его съ Михаиломъ Ивановичемъ, я знаю все, что
„дѣлается въ мірѣ, и въ особенности всѣ почести, возда-
„ваемыя Буонапарте, котораго, какъ кажется, еще только
„въ Лысыхъ Горахъ на всемъ земномъ шарѣ не признаютъ
„ни великимъ человѣкомъ, ни еще менѣе французскимъ им-
„ператоромъ. И мой отецъ не можетъ переносить этого. Мнѣ
„кажется, что мой отецъ, преимущественно вслѣдствіе своего
„взгляда на политическія дѣла и предвидя столкновенія, по-

„терпия у него будутъ вслѣдствіе его манеры, не стѣсняясь
„ни съ кѣмъ, высказывать свои мнѣнія, неохотно говорить
„о поѣздкѣ въ Москву. Все, что онъ выиграетъ отъ лече-
„нія, онъ потеряетъ вслѣдствіе споровъ о Буонапарте, кото-
„рые неминуемы. Во всякомъ случаѣ это рѣшится очень
„скоро. Семейная жизнь наша идетъ по старому, за исклю-
„ченіемъ присутствія брата Андрея. Онъ, какъ я уже писала
„вамъ, очень измѣнился послѣднее время. Послѣ его горя,
„онъ теперь только, въ нынѣшнемъ году, совершенно нрав-
„ственно ожилъ. Онъ сталъ такимъ, какимъ я его знала
„ребенкомъ: добрымъ, нѣжнымъ, съ тѣмъ золотымъ сердцемъ,
„которому я не знаю равнаго. Онъ понялъ, какъ мнѣ ка-
„жется, что жизнь для него не кончена. Но вмѣстѣ съ этою
„нравственною перемѣной, онъ физически очень ослабѣлъ.
„Онъ сталъ худѣе чѣмъ прежде, нервнѣе. Я боюсь за него
„и рада, что онъ предпринялъ эту поѣздку за границу, ко-
„торую доктора уже давно предписывали ему. Я надѣюсь,
„что это поправитъ его. Вы мнѣ пишете, что въ Петербургѣ
„о немъ говорятъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ дѣятель-
„ныхъ, образованныхъ и умныхъ молодыхъ людей. Простите
„за самолюбіе родства, — я никогда въ этомъ не сомнѣва-
„лась. Нельзя счесть добро, которое онъ здѣсь сдѣлалъ
„всѣмъ, начиная съ своихъ мужиковъ и до дворянъ. Прі-
„ѣхавъ въ Петербургъ, онъ взялъ только то, что ему слѣ-
„довало. Удивляюсь, какимъ образомъ вообще доходятъ слухи
„изъ Петербурга въ Москву и особенно такіе невѣрные, какъ
„тотъ, о которомъ вы мнѣ пишете, — слухъ о мнимой же-
„нитьбѣ брата на маленькой Ростовой. Я не думаю, чтобы
„Андрей когда-нибудь женился на комъ бы то ни было и
„въ особенности на ней. И вотъ почему: во-первыхъ, я знаю,

„что хотя онъ и рѣдко говоритъ о покойной женѣ, но печаль „этой потери слишкомъ глубоко вкоренилась въ его сердце, „чтобы когда-нибудь онъ рѣшился дать ей преемницу и ма„чиху нашему маленькому ангелу. Во-вторыхъ, потому, что, „сколько я знаю, эта дѣвушка не изъ того разряда женщинъ, „которыя могутъ нравиться князю Андрею. Не думаю, чтобы „князь Андрей выбралъ ее своею женою, и откровенно скажу: „я не желаю этого. Но я заболталась, кончаю свой второй „листокъ. Прощайте, мой милый другъ; да сохранитъ васъ „Богъ подъ Своимъ святымъ и могучимъ покровомъ. Моя „милая подруга, m-elle Бурьенъ, цѣлуетъ васъ.

Марья.

XXVI.

Въ срединѣ лѣта княжна Марья получила неожиданное письмо отъ князя Андрея изъ Швейцаріи, въ которомъ онъ сообщалъ ей странную и неожиданную новость. Князь Андрей объявлялъ о своей помолвкѣ съ Ростовой. Все письмо его дышало любовною восторженностью къ своей невѣстѣ и нѣжною дружбой и довѣріемъ къ сестрѣ. Онъ писалъ, что никогда не любилъ такъ, какъ любитъ теперь, и что теперь только понялъ и узналъ жизнь; онъ просилъ сестру простить его за то, что въ свой пріѣздъ въ Лысыя Горы онъ ничего не сказалъ ей объ этомъ рѣшеніи, хотя и говорилъ объ этомъ съ отцомъ. Онъ не сказалъ ей этого потому, что княжна Марья стала бы просить отца дать свое согласіе, и, не достигнувъ цѣли, раздражила бы отца, и на себѣ бы понесла всю тяжесть его неудовольствія. Впрочемъ, писалъ онъ, тогда еще дѣло не было такъ окончательно рѣшено, какъ теперь. „Тогда отецъ назначилъ мнѣ срокъ — годъ, и вотъ уже шесть мѣсяцевъ, половина прошло изъ назначен-

надо срока, и я остаюсь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, твердъ въ своемъ рѣшеніи. Ежели бы доктора не задерживали меня здѣсь, на водахъ, я бы самъ былъ въ Россіи, но теперь возвращеніе мое я долженъ отложить еще на три мѣсяца. Ты знаешь меня и мои отношенія съ отцемъ. Мнѣ ничего отъ него не нужно, я былъ и буду всегда независимъ, но сдѣлать противное его волѣ, заслужить его гнѣвъ, когда можетъ быть такъ недолго осталось ему быть съ нами, разрушило бы на половину мое счастіе. Я пишу теперь ему письмо о томъ же и прошу тебя, выбравъ добрую минуту, передать ему письмо и извѣстить меня о томъ, какъ онъ смотритъ на все это и есть ли надежда на то, чтобъ онъ согласился сократить срокъ на три мѣсяца".

После долгихъ колебаній, сомнѣній и молитвъ, княжна Марья передала письмо отцу. На другой день старый князь сказалъ ей спокойно:

— Напиши брату, чтобъ подождалъ, пока умру... Не долго — скоро развяжу.

Княжна хотѣла возразить что-то, но отецъ не допустилъ ее, и сталъ все болѣе и болѣе возвышать голосъ.

— Женись, женись, голубчикъ... Родство хорошее!... Умные люди, а? Богатые, а? Да. Хороша мачиха у Николушки будетъ! Напиши ты ему, что пускай женится хоть завтра. Мачиха Николушки будетъ — она, а я на Бурьенкѣ женюсь!... Ха, ха, ха, и ему чтобы безъ мачихи не быть! Только одно, въ моемъ домѣ больше бабъ не нужно; пускай женится, самъ по себѣ живетъ. Можетъ, и ты къ нему переѣдешь? обратился онъ къ княжнѣ Марьѣ: — съ Богомъ, по морозцу, по морозцу, по морозцу!..

Послѣ этой вспышки князь не говорилъ больше ни разу

объ этомъ дѣлѣ. Но сдержанная досада за малодушіе сына выразилась въ отношеніяхъ отца съ дочерью. Къ прежнимъ предлогамъ насмѣшекъ прибавился еще новый — разговоръ о мачихѣ и любезности къ m-elle Бурьенъ.

— Отчего же мнѣ на ней не жениться? говорилъ онъ дочери. — Славная княгиня будетъ! И въ послѣднее время, къ недоумѣнью и удивленію своему, княжна Марья стала замѣчать, что отецъ ея дѣйствительно началъ больше и больше приближать къ себѣ француженку. Княжна Марья написала князю Андрею о томъ, какъ отецъ принялъ его письмо; но утѣшала брата, подавая надежду примирить отца съ этою мыслью.

Николушка и его воспитаніе, братъ Андрей и религія были утѣшеніями и радостями княжны Марьи; но, кромѣ того, такъ какъ каждому человѣку нужны свои личныя надежды, у княжны Марьи была въ самой глубокой тайнѣ ея души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утѣшеніе въ ея жизни. Утѣшительную эту мечту и надежду дали ей Божьи люди — юродивые и странники, посѣщавшіе ее тайно отъ князя. Чѣмъ больше жила княжна Марья, чѣмъ больше испытывала она жизнь и наблюдала ее, тѣмъ болѣе удивляла ее близорукость людей, ищущихъ здѣсь на землѣ наслажденій и счастія, трудящихся, страдающихъ, борющихся и дѣлающихъ зло другъ другу, для достиженія этого невозможнаго, призрачнаго и порочнаго счастія. Князь Андрей любилъ жену, она умерла, ему мало этого, онъ хочетъ связать свое счастіе съ другой женщиной. Отецъ не хочетъ этого, потому что желаетъ для Андрея болѣе знатнаго и богатаго супружества. И всѣ они борятся и страдаютъ, и мучаютъ, и портятъ свою душу, свою вѣчную душу, для достиженія

благъ, которымъ срокъ есть мгновенье. Мало того, что мы сами знаемъ это, — Христосъ, сынъ Бога, сошелъ на землю и сказалъ намъ, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытаніе, а мы все держимся за нее и думаемъ въ ней найти счастье. „Какъ никто не понялъ этого?“ думала княжна Марья. „Никто кромѣ этихъ презрѣнныхъ Божьихъ людей, которые съ сумками за плечами приходятъ ко мнѣ съ задняго крыльца, боясь попасться на глаза князю, и не для того, чтобы не пострадать отъ него, а для того, чтобъ его не ввести въ грѣхъ. Оставить семью, родину, всѣ заботы о мірскихъ благахъ, для того, чтобы, не прилѣпляясь ни къ чему, ходить въ посконномъ рубищѣ, подъ чужимъ именемъ, съ мѣста на мѣсто, не дѣлая вреда людямъ и молясь за нихъ, молясь и за тѣхъ, которые гонятъ, и за тѣхъ, которые покровительствуютъ: выше этой истины и жизни нѣтъ истины и жизни!“

Была одна странница, Ѳедосьюшка, 50-ти-лѣтняя, маленькая, тихонькая, рябая женщина, ходившая уже болѣе 30-ти лѣтъ босикомъ и въ веригахъ. Ее особенно любила княжна Марья. Однажды, когда въ темной комнатѣ, при свѣтѣ одной лампадки, Ѳедосьюшка разсказывала о своей жизни, княжнѣ Марьѣ вдругъ съ такою силой пришла мысль о томъ, что Ѳедосьюшка одна нашла вѣрный путь жизни, что она рѣшилась сама пойти странствовать. Когда Ѳедосьюшка пошла спать, княжна Марья долго думала надъ этимъ и наконецъ рѣшила, что — какъ ни странно это было — ей надо было идти странствовать. Она повѣрила свое намѣреніе только одному духовнику-монаху, отцу Акинфію, и духовникъ одобрилъ ея намѣреніе. Подъ предлогомъ подарка странницамъ, княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы:

рубашку, лапти, кафтанъ и черный платокъ. Часто подходя къ завѣтному комоду, княжна Марья останавливалась въ нерѣшительности о томъ, не наступило ли уже время для приведенія въ исполненіе ея намѣренія.

Часто слушая разсказы странницъ, она возбуждалась ихъ простыми, для нихъ механическими, а для нея полными глубокаго смысла рѣчами, такъ что она была нѣсколько разъ готова бросить все и бѣжать изъ дому. Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой въ грубомъ рубищѣ, шагающею съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и въ концѣ концовъ, туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а вѣчная радость и блаженство.

„Приду къ одному мѣсту, помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить — пойду дальше. И буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ-нибудь, и приду наконецъ въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія!...“ думала княжна Марья.

Но потомъ, увидавъ отца и особенно маленькаго Коко, она ослабѣвала въ своемъ намѣреніи, потихоньку плакала и чувствовала, что она грѣшница: любила отца и племянника больше, чѣмъ Бога.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Библейское преданіе говоритъ, что отсутствіе труда — праздность была условіемъ блаженства перваго человѣка до его паденія. Любовь къ праздности осталась та же и въ падшемъ человѣкѣ, но проклятіе все тяготѣетъ надъ человѣкомъ, и не только потому, что мы въ потѣ лица должны снискивать хлѣбъ свой, но потому, что по нравственнымъ свойствамъ своимъ мы не можемъ быть праздны и спокойны. Тайный голосъ говоритъ, что мы должны быть виновны за то, что праздны. Ежели бы могъ человѣкъ найти состояніе, въ которомъ онъ, будучи празднымъ, чувствовалъ бы себя полезнымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ одну сторону первобытнаго блаженства. И такимъ состояніемъ обязательной и безупречной праздности пользуется цѣлое сословіе — сословіе военное. Въ этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будетъ состоять главная привлекательность военной службы.

Николай Ростовъ испытывалъ вполнѣ это блаженство, послѣ 1807 года продолжая служить въ Павлоградскомъ полку, въ которомъ онъ уже командовалъ эскадрономъ, принятымъ отъ Денисова.

Ростовъ сдѣлался загрубѣлымъ, добрымъ малымъ, котораго московскіе знакомые нашли бы нѣсколько дурнаго тона, но который былъ любимъ и уважаемъ товарищами, подчиненными и начальствомъ, и который былъ доволенъ своею жизнью. Въ послѣднее время, въ 1809 году, онъ чаще въ письмахъ изъ дому находилъ сѣтованія матери на то, что дѣла разстраиваются хуже и хуже, и что пора бы ему пріѣхать домой, обрадовать и успокоить стариковъ-родителей.

Читая эти письма, Николай испытывалъ страхъ, о томъ, что хотятъ вывести его изъ той среды, въ которой онъ, оградивъ себя отъ всей житейской путаницы, жилъ такъ тихо и спокойно. Онъ чувствовалъ, что рано или поздно придется опять вступить въ тотъ омутъ жизни съ разстройствами и поправленіями дѣлъ, съ учетами управляющихъ, ссорами, интригами, съ связями, съ обществомъ, съ любовью Сони и обѣщаніемъ ей. Все это было страшно трудно, запутано, и онъ отвѣчалъ на письма матери холодными классическими французскими письмами, начинавшимися „Милая матушка“, и кончавшимися: „Вашъ послушный сынъ“, умалчивая о томъ, когда онъ намѣренъ пріѣхать. Въ 1810 году онъ получилъ письма родныхъ, въ которыхъ извѣщали его о помолвкѣ Наташи съ Болконскимъ и о томъ, что свадьба будетъ черезъ годъ, потому что старый князь несогласенъ. Это письмо огорчило, оскорбило Николая. Во-первыхъ, ему жалко было потерять изъ дому Наташу, которую онъ любилъ больше всѣхъ изъ семьи; во-вторыхъ, онъ съ своей гусарской точки зрѣнія жалѣлъ о томъ, что его не было при этомъ, потому что онъ бы показалъ этому Болконскому, что совсѣмъ не такая большая честь родство съ нимъ и что, ежели онъ любитъ Наташу, то можетъ обойтись и безъ разрѣшенія

сумасброднаго отца. Минуту онъ поколебался, не попроситься ли въ отпускъ, чтобъ увидать Наташу невѣстой, но тутъ подошли маневры, пришли соображенія о Сонѣ, о путаницѣ, и Николай опять отложилъ. Но весной того же года онъ получилъ письмо матери, писавшей тайно отъ графа, и письмо это убѣдило его ѣхать. Она писала, что ежели Николай не пріѣдетъ и не возьмется за дѣла, то все имѣніе пойдетъ съ молотка и всѣ пойдутъ по міру. Графъ такъ слабъ, такъ ввѣрился Митенькѣ и такъ добръ, и такъ всѣ его обманываютъ, что все идетъ хуже и хуже. „Ради Бога, умоляю тебя, пріѣзжай сейчасъ же, ежели ты не хочешь сдѣлать меня и все твое семейство несчастными“, писала графиня.

Письмо это подѣйствовало на Николая. У него былъ тотъ здравый смыслъ посредственности, который показывалъ ему, что̀ было должно.

Теперь должно было ѣхать, если не въ отставку, то въ отпускъ. Почему надо было ѣхать, онъ не зналъ; но выспавшись послѣ обѣда, онъ велѣлъ осѣдлать сѣраго Марса, давно не ѣзженнаго и страшно-злаго жеребца, и, вернувшись на взмыленномъ жеребцѣ домой, объявилъ Лаврушкѣ (лакей Денисова остался у Ростова) и пришедшимъ вечеромъ товарищамъ, что подаетъ въ отпускъ и ѣдетъ домой. Какъ ни трудно и странно было ему думать, что онъ уѣдетъ и не узнаетъ изъ штаба (что̀ ему особенно интересно было), произведенъ ли онъ будетъ въ ротмистры, или получитъ Анну за послѣдніе маневры; какъ ни странно было думать, что онъ такъ и уѣдетъ, не продавъ графу Голуховскому тройку саврасыхъ, которыхъ польскій графъ торговалъ у него и которыхъ Ростовъ на пари билъ, что продастъ за двѣ тысячи; какъ ни непонятно казалось, что безъ него будетъ

тотъ балъ, который гусары должны были дать панѣ Пшаздецкой въ пику уланамъ, дававшимъ балъ своей панѣ Боржозовской, — онъ зналъ, что надо ѣхать изъ этого яснаго, хорошаго міра куда-то туда, гдѣ все было вздоръ и путаница. Черезъ недѣлю вышелъ отпускъ. Гусары-товарищи не только по полку, но и по бригадѣ, дали обѣдъ Ростову стоившій съ головы по 15 рублей подписки, — играли двѣ музыки, пѣли два хора пѣсенниковъ; Ростовъ плясалъ трепака съ маіоромъ Басовымъ; пьяные офицеры качали, обнимали и уронили Ростова; солдаты третьяго эскадрона еще разъ качали его, и кричали ура! Потомъ Ростова положили въ сани и проводили до первой станціи.

До половины дороги, какъ это всегда бываетъ, отъ Кременчуга до Кіева, всѣ мысли Ростова были еще назади — въ эскадронѣ; но перевалившись за половину, онъ уже началъ забывать тройку саврасыхъ, своего вахмистра Дожойвейку, безпокойно началъ спрашивать себя о томъ, что и какъ онъ найдетъ въ Отрадномъ. Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ сильнѣе, гораздо сильнѣе (какъ будто нравственное чувство было подчинено тому же закону притяженія обратно квадратамъ разстояній), онъ думалъ о своемъ домѣ; на послѣдней предъ Отраднымъ станціи далъ ямщику три рубля на водку, и, какъ мальчикъ, задыхаясь, вбѣжалъ на крыльцо дома.

Послѣ восторговъ встрѣчи, и послѣ того страннаго чувства неудовлетворенія въ сравненіи съ тѣмъ, чего ожидаешь, — все то же, къ чему же я такъ торопился! — Николай сталъ вживаться въ свой старый міръ дома. Отецъ и мать были тѣ же, они только немного постарѣли. Новое въ нихъ было какое-то безпокойство и иногда несогласіе, котораго не бывало прежде и которое, какъ скоро узналъ Николай,

происходило отъ дурнаго положенія дѣлъ. Сонѣ былъ уже двадцатый годъ. Она уже остановилась хорошѣть, ничего не обѣщала больше того, что въ ней было; но и этого было достаточно. Она вся дышала счастьемъ и любовью съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Николай, и вѣрная, непоколебимая любовь этой дѣвушки радостно дѣйствовала на него. Петя и Наташа больше всѣхъ удивили Николая. Петя былъ уже большой, тринадцатилѣтній, красивый, весело и умно-шаловливый мальчикъ, у котораго уже ломался голосъ. На Наташу Николай долго удивлялся, и смѣялся, глядя на нее.

— Совсѣмъ не та, говорилъ онъ.

— Что жъ, подурнѣла?

— Напротивъ, но важность какая-то. Княгиня! сказалъ онъ ей шопотомъ.

— Да, да, да, радостно говорила Наташа.

Наташа разсказала ему свой романъ съ княземъ Андреемъ, его пріѣздъ въ Отрадное и показала его послѣднее письмо.

— Что жъ ты радъ? спрашивала Наташа. — Я такъ теперь спокойна, счастлива.

— Очень радъ, отвѣчалъ Николай. — Онъ отличный человѣкъ. Что жъ ты очень влюблена?

— Какъ тебѣ сказать, отвѣчала Наташа, — я была влюблена въ Бориса, въ учителя, въ Денисова, но это совсѣмъ не то. Мнѣ покойно, твердо. Я знаю, что лучше его не бываетъ людей, и такъ мнѣ спокойно, хорошо теперь. Совсѣмъ не такъ, какъ прежде...

Николай выразилъ Наташѣ свое неудовольствіе о томъ, что свадьба была отложена на годъ; но Наташа съ ожесточеніемъ напустилась на брата, доказывая ему, что это не

могло быть иначе, что дурно бы было вступить въ семью противъ воли отца, что она сама этого хотѣла.

— Ты совсѣмъ, совсѣмъ не понимаешь, говорила она. Николай замолчалъ и согласился съ нею.

Братъ часто удивлялся, глядя на нее. Совсѣмъ не было похоже, чтобъ она была влюбленная невѣста въ разлукѣ съ своимъ женихомъ. Она была ровна, спокойна, весела совершенно по прежнему. Николая это удивляло и даже заставляло недовѣрчиво смотрѣть на сватовство Болконскаго. Онъ не вѣрилъ въ то, что ея судьба уже рѣшена, тѣмъ болѣе, что онъ не видалъ съ нею князя Андрея. Ему все казалось, что что-нибудь не то въ этомъ предполагаемомъ бракѣ.

„Зачѣмъ отсрочка? Зачѣмъ не обручились?“ думалъ онъ. Разговорившись разъ съ матерью о сестрѣ, онъ, къ удивленію своему и отчасти къ удовольствію, нашелъ, что мать точно такъ же въ глубинѣ души иногда недовѣрчиво смотрѣла на этотъ бракъ.

— Вотъ пишетъ, говорила она, показывая сыну письмо князя Андрея съ тѣмъ затаеннымъ чувствомъ недоброжелательства, которое всегда есть у матери противъ будущаго супружескаго счастія дочери, — пишетъ, что не пріѣдетъ раньше декабря. Какое же это дѣло можетъ задержать его? Вѣрно болѣзнь! Здоровье слабое очень. Ты не говори Наташѣ. Ты не смотри, что она весела: это ужъ послѣднее дѣвичье время доживаетъ, а я знаю, что съ ней дѣлается всякій разъ, какъ письма его получаетъ. А, впрочемъ, Богъ дастъ, все и хорошо будетъ, заключала она всякій разъ: онъ отличный человѣкъ.

II.

Первое время своего пріѣзда Николай былъ серьезенъ и даже скученъ. Его мучила предстоящая необходимость вмѣшаться въ эти глупыя дѣла хозяйства, для которыхъ мать вызвала его. Чтобы скорѣе свалить съ плечъ эту обузу, на третій день своего пріѣзда онъ сердито, не отвѣчая на вопросъ, куда онъ идетъ, пошелъ съ нахмуренными бровями во флигель къ Митенькѣ и потребовалъ у него *счеты всего*. Что такое были эти *счеты всего*, Николай зналъ еще менѣе, чѣмъ пришедшій въ страхъ и недоумѣніе Митенька. Разговоръ и учетъ Митеньки продолжался не долго. Староста, выборный и земскій, дожидавшіеся въ передней флигеля, со страхомъ и удовольствіемъ слышали, сначала, какъ загудѣлъ и затрещалъ какъ будто все возвышавшійся голосъ молодаго графа, слышали ругательныя и страшныя слова, сыпавшіяся одно за другимъ.

— Разбойникъ! Неблагодарная тварь!... изрублю собаку... не съ папенькой... обворовалъ... и т. д.

Потомъ эти люди съ неменьшимъ удовольствіемъ и страхомъ видѣли, какъ молодой графъ, весь красный, съ налитою кровью въ глазахъ, за шиворотъ вытащилъ Митеньку, ногой и колѣнкой съ большою ловкостью въ удобное время между своихъ словъ толкнулъ его подъ задъ и закричалъ: „Вонъ! чтобы духу твоего, мерзавецъ, здѣсь не было!"

Митенька стремглавъ слетѣлъ съ шести ступеней и убѣжалъ въ клумбу. (Клумба это была извѣстная мѣстность спасенія преступниковъ въ Отрадномъ. Самъ Митенька, пріѣзжая пьяный изъ города, прятался въ эту клумбу, и многіе жи-

тели Отраднаго, прятавшіеся отъ Митеньки, знали спасительную силу этой клумбы.)

Жена Митеньки и свояченицы съ испуганными лицами высунулись въ сѣни изъ дверей комнаты, гдѣ кипѣлъ чистый самоваръ и возвышалась приказчицкая высокая постель подъ стеганнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ коротенькихъ кусочковъ.

Молодой графъ, задыхаясь, не обращая на нихъ вниманія, рѣшительными шагами прошелъ мимо ихъ и пошелъ въ домъ.

Графиня, узнавшая тотчасъ черезъ дѣвушекъ о томъ, что произошло во флигелѣ, съ одной стороны успокоилась въ томъ отношеніи, что теперь состояніе ихъ должно поправиться, съ другой стороны она безпокоилась о томъ, какъ перенесетъ это ея сынъ. Она подходила нѣсколько разъ на цыпочкахъ къ его двери, слушая, какъ онъ курилъ трубку за трубкой.

На другой день старый графъ отозвалъ въ сторону сына и съ робкою улыбкой сказалъ ему:

— А знаешь ли, ты, моя душа, напрасно погорячился! Мнѣ Митенька разсказалъ все.

„Я зналъ", подумалъ Николай, „что никогда ничего не пойму здѣсь, въ этомъ дурацкомъ мірѣ".

— Ты разсердился, что онъ не вписалъ эти 700 рублей. Вѣдь они у него написаны транспортомъ, а другую страницу ты не посмотрѣлъ.

— Папенька, онъ мерзавецъ и воръ, я знаю. И что сдѣлалъ, то сдѣлалъ. А ежели вы не хотите, я ничего не буду говорить ему.

— Нѣтъ, моя душа. (Графъ былъ смущенъ тоже. Онъ чувствовалъ, что онъ былъ дурнымъ распорядителемъ имѣ-

ніи своей жены и дѣтей былъ предъ сыномъ виноватъ; но не зналъ, какъ поправить это). — Нѣтъ, я прошу тебя заняться дѣлами, я старъ, я...

— Нѣтъ, папенька, вы простите меня, ежели я сдѣлалъ вамъ непріятное; я меньше вашего умѣю.

„Чортъ съ ними, съ этими мужиками, и деньгами, и транспортами по страницѣ“, думалъ онъ. „Еще отъ угла на шесть кушей я понималъ когда-то, но по страницѣ транспортъ — ничего не понимаю“, сказалъ онъ самъ себѣ и съ тѣхъ поръ болѣе не вступался въ дѣла. Только однажды графиня позвала къ себѣ сына, сообщила ему о томъ, что у нея есть вексель Анны Михайловны на двѣ тысячи и спросила у Николая, какъ онъ думаетъ поступить съ нимъ.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Николай. — Вы мнѣ сказали, что это отъ меня зависитъ; я не люблю Анну Михайловну и не люблю Бориса, но они были дружны съ нами и бѣдны. Такъ вотъ какъ! — и онъ разорвалъ вексель, и этимъ поступкомъ слезами радости заставилъ рыдать старую графиню. Послѣ этого молодой Ростовъ, уже не вступаясь болѣе ни въ какія дѣла, съ страстнымъ увлеченіемъ занялся еще новыми для него дѣлами псовой охоты, которая въ большихъ размѣрахъ была заведена у стараго графа.

III.

Уже были зазимки, утренніе морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отдѣлялась отъ полосъ буреющаго, выбитаго скотомъ, озимаго и свѣтло-желтаго яроваго жнивья съ красными полосами гречихи. Вершины и лѣса, въ концѣ августа еще бывшіе зелеными островами между черными полями озимей

и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко зеленыхъ озимей. Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячаго, молодаго охотника Ростова уже не только вошли въ охотничье тѣло, но и подбились такъ, что въ общемъ совѣтѣ охотниковъ рѣшено было три дня дать отдохнуть собакамъ и 16 сентября идти въ отъѣздъ, начиная съ Дубравы, гдѣ былъ нетронутый волчій выводокъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла 14-го сентября.

Весь этотъ день охота была дома; было морозно и колко, но съ вечера стало замолаживать и оттеплѣло. 15-го сентября, когда молодой Ростовъ утромъ въ халатѣ выглянулъ въ окно, онъ увидалъ такое утро, лучше котораго ничего не могло быть для охоты: какъ будто небо таяло и безъ вѣтра спускалось на землю. Единственное движеніе, которое было въ воздухѣ, было тихое движеніе сверху внизъ спускающихся микроскопическихъ капель мги или тумана. На оголившихся вѣтвяхъ сада висѣли прозрачныя капли и падали на только что свалившіеся листья. Земля на огородѣ, какъ макъ, глянцовито-мокро чернѣла, и въ недалекомъ разстояніи сливалась съ тусклымъ и влажнымъ покровомъ тумана. Николай вышелъ на мокрое съ натасканною грязью крыльцо: пахло вянущимъ лѣсомъ и собаками. Черно-пѣгая широкозадая сука Милка съ большими черными на выкатѣ глазами, увидавъ хозяина, встала, потянулась назадъ и легла по-русачьи, потомъ неожиданно вскочила и лизнула его прямо въ носъ и усы. Другая борзая собака, увидавъ хозяина съ цвѣтной дорожки, выгибая спину, стремительно броси-

лась къ крыльцу и, поднявъ правило (хвостъ), стала тереться о ноги Николая.

— О, гой! послышался въ это время тотъ неподражаемый охотничій подкликъ, который соединяетъ въ себѣ и самый глубокій басъ, и самый тонкій теноръ; и изъ-за угла вышелъ доѣзжачій и ловчій Данило, по-украински въ скобку обстриженный, сѣдой, морщинистый охотникъ съ гнутымъ арапникомъ въ рукѣ и съ тѣмъ выраженіемъ самостоятельности и презрѣнія ко всему въ мірѣ, которое бываетъ только у охотниковъ. Онъ снялъ свою черкесскую шапку предъ бариномъ и презрительно посмотрѣлъ на него. Презрѣніе это не было оскорбительно для барина: Николай зналъ, что этотъ все презирающій и превыше всего стоящій Данило все-таки былъ его человѣкъ и охотникъ.

— Данила! сказалъ Николай, робко чувствуя, что, при видѣ этой охотничьей погоды, этихъ собакъ и охотника, его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, въ которомъ человѣкъ забываетъ всѣ прежнія намѣренія, какъ человѣкъ влюбленный, въ присутствіи своей любовницы.

— Что прикажете, ваше сіятельство? спросилъ протодіаконскій, охрипшій отъ порсканья басъ, и два черные блестящіе глаза взглянули исподлобья на замолчавшаго барина. „Что, или не выдержишь?" какъ будто сказали эти два глаза.

— Хорошъ денекъ, а? И гоньба и скачка, а? сказалъ Николай, чеша за ушами Милку.

Данило не отвѣчалъ и помигалъ глазами.

— Уварку посылалъ послушать на зарѣ, сказалъ его басъ послѣ минутнаго молчанья, — сказывалъ въ Отрадненскій заказъ *перевела*, тамъ выли. (Перевела значило то, что волчица, про которую они оба знали, перешла съ дѣтьми

въ Отрадненскій лѣсъ, который былъ за двѣ версты отъ дома и который былъ небольшое отъемное мѣсто.

— А вѣдь ѣхать надо? сказалъ Николай. — Приди-ка ко мнѣ съ Уваркой.

— Какъ прикажете!

— Такъ погоди же кормить.

— Слушаю.

Черезъ пять минутъ Данило съ Уваркой стояли въ большомъ кабинетѣ Николая. Несмотря на то, что Данило былъ не великъ ростомъ, видѣть его въ комнатѣ производило впечатлѣніе подобное тому, какъ когда видишь лошадь или медвѣдя на полу между мебелью и условіями людской жизни. Данило самъ это чувствовалъ и, какъ обыкновенно, стоялъ у самой двери, стараясь говорить тише, не двигаться, чтобы не поломать какъ-нибудь господскихъ покоевъ, и стараясь поскорѣе все высказать и выйти на просторъ, изъ-подъ потолка подъ небо.

Окончивъ распросы и выпытавъ сознаніе Данилы, что собаки ничего (Данилѣ и самому хотѣлось ѣхать), Николай велѣлъ сѣдлать. Но только что Данило хотѣлъ выйти, какъ въ комнату вошла быстрыми шагами Наташа, еще непричесанная и неодѣтая, въ большомъ нянинемъ платкѣ. Петя вбѣжалъ вмѣстѣ съ ней.

— Ты ѣдешь? сказала Наташа, — я такъ и знала! Соня говорила, что не поѣдете. Я знала, что нынче такой день, что нельзя не ѣхать.

— Ѣдемъ, неохотно отвѣчалъ Николай, которому нынче, такъ какъ онъ намѣревался предпринять серьезную охоту, не хотѣлось брать Наташу и Петю. — Ѣдемъ, да только за волками: тебѣ скучно будетъ.

— Ты знаешь, что, это самое большое мое удовольствіе, сказала Наташа. — Это дурно, — самъ ѣдетъ, велѣлъ сѣдлать, а намъ ничего не сказалъ.

— Тщетны Россамъ всѣ препоны, ѣдемъ! прокричалъ Петя.

— Да вѣдь тебѣ и нельзя: маменька сказала, что тебѣ нельзя, сказалъ Николай, обращаясь къ Наташѣ.

— Нѣтъ, я поѣду, непремѣнно поѣду, сказала рѣшительно Наташа. — Данила, вели намъ сѣдлать, и Михайла чтобы выѣзжалъ съ моею сворой, обратилась она къ ловчему.

И такъ-то быть въ комнатѣ Данилѣ казалось неприлично и тяжело, но имѣть какое-нибудь дѣло съ барышней — для него казалось невозможнымъ. Онъ опустилъ глаза и поспѣшилъ выйти, какъ будто до него это не касалось, стараясь какъ-нибудь нечаянно не повредить барышнѣ.

IV.

Старый графъ, всегда державшій огромную охоту, теперь же передавшій всю охоту въ вѣдѣніе сына, въ этотъ день, 15-го сентября, развеселившись, собрался самъ тоже выѣхать.

Черезъ часъ вся охота была у крыльца. Николай съ строгимъ и серьезнымъ видомъ, показывавшимъ, что некогда теперь заниматься пустяками, прошелъ мимо Наташи и Пети, которые что-то разсказывали ему. Онъ осмотрѣлъ всѣ части охоты, послалъ впередъ стаю и охотниковъ въ заѣздъ, сѣлъ на своего рыжаго донца и, подсвистывая собакъ своей своры, тронулся черезъ гумно въ поле, ведущее къ Отрадненскому заказу. Лошадь стараго графа, игреневаго меренка, называемаго Вифлянкой, велъ графскій стремянной; самъ же онъ долженъ былъ прямо выѣхать въ дрожечкахъ на оставленный ему лазъ.

Всѣхъ гончихъ выведено было 54 собаки, подъ которыми выѣхало, доѣзжачими и выжлятниками, 6 человѣкъ. Борзятниковъ кромѣ господъ было 8 человѣкъ, за которыми рыскало болѣе 40 борзыхъ, такъ что съ господскими сворами выѣхало въ поле около 130-ти собакъ и 20-ти конныхъ охотниковъ.

Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотникъ зналъ свое дѣло, мѣсто и назначеніе. Какъ только вышли за ограду, всѣ безъ шуму и разговоровъ равномѣрно и спокойно растянулись по дорогѣ и полю, ведшимъ къ Отрадненскому лѣсу.

Какъ по пушному ковру шли по полю лошади, изрѣдка шлепая по лужамъ, когда переходили черезъ дороги. Туманное небо продолжало незамѣтно и равномѣрно спускаться на землю; въ воздухѣ было тихо, тепло, беззвучно. Изрѣдка слышались то подсвистыванье охотника, то храпъ лошади, то ударъ арапникомъ или взвизгъ собаки, не шедшей на своемъ мѣстѣ.

Когда отъѣхали съ версту, на встрѣчу Ростовской охотѣ изъ тумана показалось еще пять всадниковъ съ собаками. Впереди ѣхалъ свѣжій, красивый старикъ съ большими сѣдыми усами.

— Здравствуйте, дядюшка, сказалъ Николай, когда старикъ подъѣхалъ къ нему.

— Чистое дѣло маршъ!.. Такъ и зналъ, заговорилъ дядюшка (это былъ дальній родственникъ, небогатый сосѣдъ Ростовыхъ), — такъ и зналъ, что не вытерпишь, и хорошо, что ѣдешь. Чистое дѣло маршъ! (Это была любимая поговорка дядюшки.) — Бери заказъ сейчасъ, а то мой Гирчикъ донесъ, что Илагины съ охотой въ Корникахъ стоятъ; они

у тебя — чистое дѣло маршъ! — подъ носомъ выводокъ возьмутъ.

— Туда и иду. Что же, свалить стаи? спросилъ Николай, — свалить.

Гончихъ соединили въ одну стаю, и дядюшка съ Николаемъ поѣхали рядомъ. Наташа, закутанная платками, изъ-подъ которыхъ виднѣлось оживленное съ блестящими глазами лицо, подскакала къ нимъ, сопутствуемая не отстававшими отъ нея Петей и Михайлой-охотникомъ и берейторомъ, который былъ приставленъ нянькой при ней. Петя чему-то смѣялся, и билъ и дергалъ свою лошадь. Наташа ловко и увѣренно сидѣла на своемъ вороненькомъ Арабчикѣ и вѣрною рукой безъ усилія осадила его.

Дядюшка неодобрительно оглянулся на Петю и Наташу. Онъ не любилъ соединять баловство съ серьезнымъ дѣломъ охоты.

— Здравствуйте, дядюшка, и мы ѣдемъ! прокричалъ Петя.

— Здравствуйте-то, здравствуйте, да собакъ не передавите, строго сказалъ дядюшка.

— Николенька, какая прелестная собака, Трунила! онъ узналъ меня, сказала Наташа про свою любимую гончую собаку.

„Трунила во-первыхъ не собака, а выжлецъ", подумалъ Николай и строго взглянулъ на сестру, стараясь ей дать почувствовать то разстояніе, которое должно было ихъ раздѣлять въ эту минуту. Наташа поняла это.

— Вы, дядюшка, не думайте, чтобы мы помѣшали кому-нибудь, сказала Наташа. — Мы станемъ на своемъ мѣстѣ и не пошевелимся.

— И хорошее дѣло, графинечка, сказалъ дядюшка. —

Только съ лошади-то не упадетъ, — прибавилъ онъ; — а то — чистое дѣло маршъ! — не на чемъ держаться-то.

Островъ Отрадненскаго заказа виднѣлся саженяхъ во ста, и доѣзжачіе подходили къ нему. Ростовъ, рѣшивъ окончательно съ дядюшкой, откуда бросать гончихъ и указавъ Наташѣ мѣсто, гдѣ ей стоять и гдѣ никакъ ничего не могло побѣжать, направился въ заѣздъ надъ оврагомъ.

— Ну, племянничекъ, на матераго становишься, — сказалъ дядюшка: — чуръ не гладить (протравить).

— Какъ придется, отвѣчалъ Ростовъ. — Карай, фюитъ! крикнулъ онъ, отвѣчая этимъ призывомъ на слова дядюшки. Карай былъ старый и уродливый, бурдастый кобель, извѣстный тѣмъ, что онъ въ одиночку бралъ матераго волка. Всѣ стали по мѣстамъ.

Старый графъ, зная охотничью горячность сына, поторопился не опоздать, и еще не успѣли доѣзжачіе подъѣхать къ мѣсту, какъ Илья Андреичъ, веселый, румяный, съ трясущимися щеками, на своихъ вороненькихъ подкатилъ по зеленямъ къ оставленному ему лазу, и, расправивъ шубку и надѣвъ охотничьи снаряды, влѣзъ на свою гладкую, сытую, смирную и добрую, посѣдѣвшую какъ и онъ, Вифлянку. Лошадей съ дрожками отослали. Графъ Илья Андреичъ, хотя и не охотникъ по душѣ, но знавшій твердо охотничьи законы, въѣхалъ въ опушку кустовъ, отъ которыхъ онъ стоялъ, разобралъ поводья, оправился на сѣдлѣ и, чувствуя себя готовымъ, оглянулся улыбаясь.

Подлѣ него стоялъ его камердинеръ, старинный, но отяжелѣвшій ѣздокъ, Семенъ Чекмарь. Чекмарь держалъ на сворѣ трехъ лихихъ, но также зажирѣвшихъ, какъ хозяинъ и лошадь, — волкодавовъ. Двѣ собаки, умныя, старыя, улег-

лись безъ своръ. Шагахъ на сто подальше въ опушкѣ стоялъ другой стремянной графа, Митька, отчаянный ѣздокъ и страстный охотникъ. Графъ по старинной привычкѣ выпилъ предъ охотой серебряную чарку охотничьей запеканочки, закусилъ и запилъ полубутылкой своего любимаго бордо.

Илья Андреичъ былъ немножко красенъ отъ вина и ѣзды; глаза его, подернутые влагой, особенно блестѣли, и онъ, укутанный въ шубку, сидя на сѣдлѣ, имѣлъ видъ ребенка, котораго собрали гулять.

Худой, со втянутыми щеками Чекмарь, устроившись съ своими дѣлами, поглядывалъ на барина, съ которымъ онъ жилъ 30 лѣтъ душа въ душу, и, понимая его пріятное расположеніе духа, ждалъ пріятнаго разговора. Еще третье лицо подъѣхало осторожно (видно уже оно было учено) изъ-за лѣса и остановилось позади графа. Лицо это былъ старикъ въ сѣдой бородѣ, въ женскомъ капотѣ и высокомъ колпакѣ. Это былъ шутъ Настасья Ивановна.

— Ну, Настасья Ивановна, — подмигивая ему, шопотомъ сказалъ графъ, — ты только оттопай звѣря, тебѣ Данило задастъ.

— Я самъ... съ усамъ, сказалъ Настасья Ивановна.

— Шшшш! зашикалъ графъ и обратился къ Семену.

— Наталью Ильиничну видѣлъ? спросилъ онъ у Семена. — Гдѣ она?

— Они съ Петромъ Ильичемъ отъ Жаровыхъ бурьяновъ стали, отвѣчалъ Семенъ, улыбаясь. — Тоже дамы, а охоту большую имѣютъ.

— А ты удивляешься, Семенъ, какъ она ѣздитъ... а? сказалъ графъ, — хоть бы мужчинѣ впору!

— Какъ не дивиться? Смѣло, ловко!

— А Николаша гдѣ? Надъ Лядовскимъ верхомъ что ль? все шопотомъ спрашивалъ графъ.

— Такъ точно-съ. Ужъ они знаютъ, гдѣ стать. Такъ тонко ѣзду знаютъ, что мы съ Данилой другой разъ диву даемся, говорилъ Семенъ, зная чѣмъ угодить барину.

— Хорошо ѣздитъ, а? А на конѣ-то каковъ, а?

— Картину писать! Какъ намеднись изъ Заварзинскихъ бурьяновъ помкнули лису. Они перескакивать стали отъ уймища, страсть — лошадь тысяча рублей, а сѣдоку цѣны нѣтъ. Да, ужъ такого молодца поискать!

— Поискать... повторилъ графъ, видимо сожалѣя, что кончилась такъ скоро рѣчь Семена. — Поискать, сказалъ онъ, отворачивая полы шубки и доставая табакерку.

— Намедни, какъ отъ обѣдни во всей регаліи вышли, такъ Михаилъ-то Сидорычъ... Семенъ не договорилъ, услыхавъ ясно раздавшійся въ тихомъ воздухѣ гонъ съ подвываніемъ не болѣе двухъ или трехъ гончихъ. Онъ, наклонивъ голову, прислушался и молча погрозился барину. — На выводокъ натекли... прошепталъ онъ, — прямо на Лядовской повели.

Графъ, забывъ стереть улыбку съ лица, смотрѣлъ предъ собой вдаль по перемычкѣ и, не нюхая, держалъ въ рукѣ табакерку. Вслѣдъ за лаемъ собакъ послышался голосъ по волку, поданный въ басистый рогъ Данилы; стая присоединилась къ первымъ тремъ собакамъ и слышно было, какъ заревѣли съ заливомъ голоса гончихъ, съ тѣмъ особеннымъ подвываніемъ, которое служило признакомъ гона по волку. Доѣзжачіе уже не порскали, а улюлюкали, и изъ-за всѣхъ голосовъ выступалъ голосъ Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкій. Голосъ Данилы, казалось, наполнялъ весь лѣсъ, выходилъ изъ за-лѣса и звучалъ далеко въ полѣ.

Прислушавшись несколько секундъ молча, графъ и его стремянной убѣдились, что гончія разбились на двѣ стаи: одна большая, ревѣвшая особенно горячо, стала удаляться; другая часть стаи понеслась вдоль по лѣсу мимо графа, и при этой стаѣ было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семенъ вздохнулъ и нагнулся, чтобъ оправить сворку, въ которой запутался молодой кобель; графъ тоже вздохнулъ и, замѣтивъ въ своей рукѣ табакерку, открылъ ее и досталъ щепоть.

— Назадъ! крикнулъ Семенъ на кобеля, который выступилъ за опушку. Графъ вздрогнулъ и уронилъ табакерку. Настасья Ивановна слѣзъ и сталъ поднимать ее.

Графъ и Семенъ смотрѣли на него. Вдругъ, какъ это часто бываетъ, звукъ гона мгновенно приблизился, какъ будто вот-вотъ передъ ними самими были лающіе рты собакъ и улюлюканье Данилы.

Графъ оглянулся и направо увидалъ Митьку, который выкатывавшимися глазами смотрѣлъ на графа и, поднявъ шапку, указывалъ ему впередъ, на другую сторону.

— Береги! закричалъ онъ такимъ голосомъ, что видно было, что это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. И поскакалъ, выпустивъ собакъ, по направленію къ графу.

Графъ и Семенъ выскакали изъ опушки и налѣво отъ себя увидали волка, который, мягко переваливаясь, тихимъ скокомъ подскакивалъ лѣвѣе ихъ къ той самой опушкѣ, у которой они стояли. Злобныя собаки визгнули и, сорвавшись со своръ, понеслись къ волку, мимо ногъ лошадей.

Волкъ пріостановилъ бѣгъ, неловко, какъ больной жабой, повернулъ свою лобастую голову къ собакамъ, и также мягко

переваливаясь, прыгнулъ разъ, другой, и мотнувъ полѣномъ (хвостомъ), скрылся въ опушку. Въ ту же минуту, изъ противоположной опушки съ ревомъ, похожимъ на плачъ, растерянно выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, по тому самому мѣсту, гдѣ пролѣзъ (пробѣжалъ) волкъ. Вслѣдъ за гончими разступились кусты орѣшника, и показалась бурая, почернѣвшая отъ поту лошадь Данилы. На длинной спинѣ ея комочкомъ, валясь впередъ, сидѣлъ Данило безъ шапки съ сѣдыми, встрепанными волосами надъ краснымъ, потнымъ лицомъ.

— Улюлюлю, улюлю... кричалъ онъ. Когда онъ увидалъ графа, въ глазахъ его сверкнула молнія.

— Ж... крикнулъ онъ, грозясь поднятымъ арапникомъ на графа.

— Про...ли волка-то!... охотники! И какъ бы не удостоивая сконфуженнаго, испуганнаго графа дальнѣйшимъ разговоромъ, онъ со всею злобой, приготовленною на графа, ударилъ по ввалившимся мокрымъ бокамъ бураго мерина и понесся за гончими. Графъ, какъ наказанный, стоялъ оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать въ Семенѣ сожалѣніе къ своему положенію. Но Семена уже не было: онъ, въ объѣздъ по кустамъ, заскакивалъ волка отъ засѣки. Съ двухъ сторонъ также перескакивали звѣря борзятники. Но волкъ пошелъ кустами, и ни одинъ охотникъ не перехватилъ его.

V

Николай Ростовъ между тѣмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, ожидая звѣря. По приближенію и отдаленію гона, по звукамъ голосовъ извѣстныхъ ему собакъ, по приближенію, отдаленію и возвышенію голосовъ доѣзжачихъ, онъ чувствовалъ

то, что говорилось въ островѣ. Онъ зналъ, что въ островѣ были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; онъ зналъ, что гончія разбились на двѣ стаи, что гдѣ-нибудь травили, и что что-нибудь случилось неблагополучное. Онъ всякую секунду на свою сторону ждалъ звѣря. Онъ дѣлалъ тысячи различныхъ предположеній о томъ, какъ и съ какой стороны побѣжитъ звѣрь и какъ онъ будетъ травить его. Надежда смѣнялась отчаяніемъ. Нѣсколько разъ онъ обращался къ Богу съ мольбой о томъ, чтобы волкъ вышелъ на него; онъ молился съ тѣмъ страстнымъ и совѣстливымъ чувствомъ, съ которымъ молятся люди въ минуты сильнаго волненія, зависящаго отъ ничтожной причины. „Ну, что Тебѣ стоитъ, — говорилъ онъ Богу, — сдѣлать это для меня! Знаю, что Ты великъ, и что грѣхъ Тебя просить объ этомъ; но ради Бога сдѣлай, чтобы на меня вылѣзъ матерый, и чтобы Карай, на глазахъ „дядюшки“, который вонъ оттуда смотритъ, влѣпился ему мертвой хваткой въ горло.“ Тысячу разъ въ эти полчаса упорнымъ, напряженнымъ и безпокойнымъ взглядомъ окидывалъ Ростовъ опушку лѣсовъ съ двумя рѣдкими дубами надъ осиновымъ подсѣдомъ, и оврагъ съ измытымъ краемъ, и шапку дядюшки, чуть видневшагося изъ-за куста направо.

„Нѣтъ, не будетъ этого счастья“, думалъ Ростовъ, „а что бы стоило! Не будетъ! Мнѣ всегда, и въ картахъ, и на войнѣ, во всемъ несчастье.“ Аустерлицъ и Долоховъ ярко, но быстро смѣняясь, мелькали въ его воображеніи. „Только одинъ разъ бы въ жизни затравить матераго волка, больше я не желаю!“ думалъ онъ, напрягая слухъ и зрѣніе, оглядываясь налѣво и опять направо и прислушиваясь къ малѣйшимъ оттѣнкамъ звуковъ гона. Онъ взглянулъ опять направо и

увидалъ, что по пустынному полю навстрѣчу къ нему бѣжало что-то. „Нѣтъ, это не можетъ быть!“ подумалъ Ростовъ, тяжело вздыхая, какъ вздыхаетъ человѣкъ при совершеніи того, что было долго ожидаемо имъ. Совершилось величайшее счастье — и такъ просто, безъ шума, безъ блеска, безъ ознаменованія. Ростовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и сомнѣніе это продолжалось болѣе секунды. Волкъ бѣжалъ впередъ и перепрыгнулъ тяжело рытвину, которая была на его дорогѣ. Это былъ старый звѣрь, съ сѣдою спиной и съ наѣденнымъ красноватымъ брюхомъ. Онъ бѣжалъ не торопливо, очевидно убѣжденный, что никто не видитъ его. Ростовъ не дыша оглянулся на собакъ. Онѣ лежали, стояли, не видя волка и ничего не понимая. Старый Карай, завернувъ голову и оскаливъ желтые зубы, сердито отыскивая блоху, щелкалъ ими на заднихъ ляжкахъ.

— Улюлюлю! шепотомъ, оттопыривая губы, проговорилъ Ростовъ. Собаки, дрогнувъ желѣзками, вскочили, настороживъ уши. Карай почесалъ свою ляжку и всталъ, настороживъ уши, и слегка мотнулъ хвостомъ, на которомъ висѣли войлоки шерсти.

„Пускать? не пускать?“ говорилъ самъ себѣ Николай въ то время, какъ волкъ подвигался къ нему, отдѣляясь отъ лѣса. Вдругъ вся физіономія волка измѣнилась; онъ вздрогнулъ, увидавъ еще вѣроятно никогда невиданные имъ человѣческіе глаза, устремленные на него, и слегка поворотивъ къ охотнику голову, остановился — назадъ или впередъ? „Э! все равно, впередъ!... видно какъ будто сказалъ онъ самъ себѣ и пустился впередъ, уже не оглядываясь, мягкимъ, рѣдкимъ, вольнымъ, но рѣшительнымъ скокомъ.

— Улюлю!... не своимъ голосомъ закричалъ Николай, и

сама собою стремглавъ понеслась его добрая лошадь подъ гору, перескакивая черезъ водомоины въ поперечь волку; и еще быстрѣе, обогнавъ ее, понеслись собаки. Николай не слыхалъ ни своего крика, не чувствовалъ того, что онъ скачетъ, не видалъ ни собакъ, ни мѣста, по которому онъ скачетъ; онъ видѣлъ только волка, который, усиливъ свой бѣгъ, скакалъ, не перемѣняя направленія, по лощинѣ. Первая показалась вблизи звѣря черно-пѣгая, широкозадая Милка и стала приближаться къ звѣрю. Ближе, ближе... вотъ она приспѣла къ нему. Но волкъ чуть покосился на нея, и вмѣсто того, чтобы наддать, какъ это она всегда дѣлала, Милка вдругъ, поднявъ хвостъ, стала упираться на переднія ноги.

— Улюлюлюлю! кричалъ Николай.

Красный Любимъ выскочилъ изъ-за Милки, стремительно бросился на волка и схватилъ его за гачи (ляжки заднихъ ногъ), но въ ту же секунду испуганно перескочилъ на другую сторону. Волкъ присѣлъ, щелкнулъ зубами и опять поднялся и поскакалъ впередъ, провожаемый на аршинъ разстоянія всѣми собаками, не приближавшимися къ нему.

„Уйдетъ! Нѣтъ, это невозможно!“ думалъ Николай, продолжая кричать охрипнувшимъ голосомъ.

— Карай! Улюлю!..., кричалъ онъ, отыскивая глазами стараго кобеля, единственную свою надежду. Карай изъ всѣхъ своихъ старыхъ силъ, вытянувшись сколько могъ, глядя на волка, тяжело скакалъ въ сторону отъ звѣря, наперерѣзъ ему. Но по быстротѣ скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчетъ Карая былъ ошибоченъ. Николай уже недалеко впереди себя видѣлъ тотъ лѣсъ, до котораго добѣжавъ, волкъ уйдетъ навѣрное. Впереди пока-

залились собаки и охотникъ, скакавшій почти наперерѣзъ. Еще была надежда. Незнакомый Николаю, муругій, молодой, длинный кобель чужой своры стремительно подлетѣлъ спереди къ волку и почти опрокинулъ его. Волкъ быстро, какъ нельзя было ожидать отъ него, приподнялся и бросился къ муругому кобелю, щелкнулъ зубами — и окровавленный, съ распоротымъ бокомъ кобель, пронзительно завизжавъ, ткнулся головой въ землю.

— Караюшка! Отецъ!.. плакалъ Николай.

Старый кобель, съ своими мотавшимися на ляжкахъ клоками, благодаря происшедшей остановкѣ, перерѣзывая дорогу волку, былъ уже въ пяти шагахъ отъ него. Какъ будто почувствовавъ опасность, волкъ покосился на Карая, еще дальше спрятавъ полѣно (хвостъ) между ногъ, и наддалъ скоку. Но тутъ — Николай видѣлъ только, что что-то сдѣлалось съ Караемъ, — онъ мгновенно очутился на волкѣ и съ нимъ вмѣстѣ повалился кубаремъ въ водомоину, которая была предъ ними.

Та минута, когда Николай увидалъ въ водомоинѣ копошащихся съ волкомъ собакъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлась сѣдая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога, и съ прижатыми ушами испуганная и задыхающаяся голова (Карай держалъ его за горло), минута, когда увидалъ это Николай, была счастливѣйшею минутою его жизни. Онъ взялся уже за луку сѣдла, чтобы слѣзть и колоть волка, какъ вдругъ изъ этой массы собакъ высунулась вверхъ голова звѣря, потомъ переднія ноги стали на край водомоины. Волкъ ляснулъ зубами (Карай уже не держалъ его за горло), выпрыгнулъ задними ногами изъ водомоины и, поджавъ хвостъ, опять отдѣлившись отъ собакъ, двинулся впередъ. Карай съ още-

тинившеюся шерстью, вѣроятно ушибленный или раненый, съ трудомъ вылѣзалъ изъ водомоины.

— Боже мой! За что?... съ отчаяніемъ закричалъ Николай.

Охотникъ дядюшки съ другой стороны скакалъ наперерѣзъ волку, и собаки его опять остановили звѣря. Опять его окружили.

Николай, его стремянной, дядюшка и его охотникъ вертѣлись надъ звѣремъ, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ и всякій разъ пускались впередъ, когда волкъ встряхивался и подвигался къ засѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ началѣ этой травли, Данило, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онъ видѣлъ, какъ Карай взялъ волка, и остановилъ лошадь, полагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли, волкъ встряхнулся и опять пошелъ на утекъ, Данило выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямою линіей къ засѣкѣ, такъ же какъ Карай — наперерѣзъ звѣрю. Благодаря этому направленію, онъ подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкины собаки.

Данило скакалъ молча, держа вынутый кинжалъ въ лѣвой рукѣ и какъ цѣпомъ молоча своимъ арапникомъ по подтянутымъ бокамъ бураго.

Николай не видалъ и не слыхалъ Данилы до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не пропыхтѣлъ тяжело дыша бурый, и онъ услыхалъ звукъ паденія тѣла, и увидалъ, что Данило уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собакъ, и для охотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Звѣрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки об-

лѣпили его. Данило, привставъ, сдѣлалъ падающій шагъ, и всею тяжестью, какъ будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣлъ колоть, но Данило прошепталъ: „Не надо, сострунимъ“ — и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ногою на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы взнуздавъ его сворой, связали ноги, и Данило раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами, живаго, матераго волка взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопутствуемые визжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, гдѣ должны были всѣ собраться. Молодыхъ двухъ взяли гончія и трехъ борзыя. Охотники съѣзжались съ своими добычами и разсказами, и всѣ подходили смотрѣть матераго волка, который, свѣсивъ свою лобастую голову съ закушенною палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣлъ на всю эту толпу собакъ и людей, окружавшихъ его. Когда его трогали, онъ, вздрагивая завязанными ногами, дико и вмѣстѣ съ тѣмъ просто смотрѣлъ на всѣхъ. Графъ Илья Андреичъ тоже подъѣхалъ и потрогалъ волка.

— О, материщій какой, сказалъ онъ. — Матерый, а? спросилъ онъ у Данилы, стоявшаго подлѣ него.

— Матерый, ваше сіятельство, отвѣчалъ Данило, поспѣшно снимая шапку.

Графъ вспомнилъ своего прозѣваннаго волка и свое столкновеніе съ Данилой.

— Однако, братъ, ты сердитъ, сказалъ графъ. — Данило ничего не сказалъ и только застѣнчиво улыбнулся дѣтски-кроткою и пріятною улыбкой.

VI.

Старый графъ поѣхалъ домой. Наташа съ Петей обѣщались сейчасъ же пріѣхать. Охота пошла дальше, такъ какъ было еще рано. Въ серединѣ дня гончихъ пустили въ поросшій молодымъ частымъ лѣсомъ оврагъ. Николай, стоя на жнивьѣ, видѣлъ всѣхъ своихъ охотниковъ.

Насупротивъ отъ Николая были зеленя, и тамъ стоялъ его охотникъ, одинъ въ ямѣ за выдавшимся кустомъ орѣшника. Только что завели гончихъ, Николай услыхалъ рѣдкій гонъ извѣстной ему собаки — Волторна; другія собаки присоединились къ нему, то замолкая, то опять принимаясь гнать. Черезъ минуту подали изъ острова голосъ по лисѣ, и вся стая, свалившись, погнала по отвершку, по направленію къ зеленямъ, прочь отъ Николая.

Онъ видѣлъ скачущихъ выжлятниковъ въ красныхъ шапкахъ по краямъ поросшаго оврага, видѣлъ даже собакъ и всякую секунду ждалъ того, что на той сторонѣ, на зеленяхъ, покажется лисица.

Охотникъ, стоявшій въ ямѣ, тронулся и выпустилъ собакъ, и Николай увидалъ красную, низкую, странную лисицу, которая, распушивъ трубу, торопливо неслась по зеленямъ. Собаки стали спѣть къ ней. Вотъ приблизились, вотъ кругами стала вилять лисица между ними, все чаще и чаще дѣлая эти круги и обводя вокругъ себя пушистой трубой (хвостомъ); и вотъ налетѣла чья-то бѣлая собака, и вслѣдъ за ней черная, и все смѣшалось и звѣздой, врозь разставивъ зады, чуть колеблясь, стали собаки. Къ собакамъ подскакали два охотника: одинъ въ красной шапкѣ, другой, чужой, въ зеленомъ кафтанѣ.

„Чтò это такое?“ подумалъ Николай. „Откуда взялся этотъ охотникъ? Это не дядюшкинъ“.

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли пѣшіе. Около нихъ на чумбурахъ стояли лошади съ своими выступами сѣделъ, и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то дѣлали съ лисицей. Оттуда же раздался звукъ рога — условленный сигналъ драки.

— Это Илагинскій охотникъ что-то съ нашимъ Иваномъ бунтуетъ, сказалъ стремянной Николая.

Николай послалъ стремяннаго подозвать къ себѣ сестру и Петю и шагомъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ доѣзжачіе собирали гончихъ. Нѣсколько охотниковъ поскакали къ мѣсту драки.

Николай слѣзъ съ лошади, остановился подлѣ гончихъ съ подъѣхавшими Наташей и Петей, ожидая свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончится дѣло. Изъ-за опушки выѣхалъ дравшійся охотникъ съ лисицей въ торокахъ и подъѣхалъ къ молодому барину. Онъ издалека снялъ шапку и старался говорить почтительно; но онъ былъ блѣденъ, задыхался, и лицо его было злобно. Одинъ глазъ былъ у него подбитъ, но онъ вѣроятно и не зналъ этого.

— Чтò у васъ тамъ было? спросилъ Николай.

— Какъ же, изъ-подъ нашихъ гончихъ онъ травить будетъ! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватаетъ! Я его лисицей ну катать. Вотъ она, въ торокахъ. А этого хочешь? говорилъ охотникъ, указывая на кинжалъ и вѣроятно воображая, что онъ все еще говоритъ съ своимъ врагомъ.

Николай, не разговаривая съ охотникомъ, попросилъ сестру и Петю подождать его и поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ была эта враждебная, Илагинская охота.

Охотникъ-побѣдитель выѣхалъ въ толпу охотниковъ и тамъ, окруженный сочувствующими любопытными, разсказывалъ свой подвигъ.

Дѣло было въ томъ, что Илагинъ, съ которымъ Ростовы были въ ссорѣ и процессѣ, охотился въ мѣстахъ, по обычаю принадлежавшихъ Ростовымъ, и теперь какъ будто нарочно велѣлъ подъѣхать къ острову, гдѣ охотились Ростовы, и позволилъ травить своему охотнику изъ-подъ чужихъ гончихъ.

Николай никогда не видалъ Илагина, но, какъ и всегда въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ не зная середины, по слухамъ о буйствѣ и своевольствѣ этого помѣщика, всею душой ненавидѣлъ его и считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Онъ озлобленно-взволнованный ѣхалъ теперь къ нему, крѣпко сжимая арапникъ въ рукѣ въ полной готовности на самыя рѣшительныя и опасныя дѣйствія противъ своего врага.

Едва онъ выѣхалъ за уступъ лѣса, какъ онъ увидалъ подвигающагося ему навстрѣчу толстаго барина въ бобровомъ картузѣ на прекрасной вороной лошади, сопутствуемаго двумя стремянными.

Вмѣсто врага Николай нашелъ въ Илагинѣ представительнаго, учтиваго барина, особенно желавшаго познакомиться съ молодымъ графомъ. Подъѣхавъ къ Ростову, Илагинъ приподнялъ бобровый картузъ и сказалъ, что очень жалѣетъ о томъ, что̀ случилось; что велитъ наказать охотника, позволившаго себѣ травить изъ-подъ чужихъ собакъ, проситъ графа быть знакомымъ и предлагаетъ ему свои мѣста для охоты.

Наташа, боявшаяся, что братъ ея надѣлаетъ что-нибудь ужасное, въ волненіи ѣхала недалеко за нимъ. Увидавъ, что враги дружелюбно раскланиваются, она подъѣхала къ нимъ.

Илагинъ еще выше приподнялъ свой бобровый картузъ предъ Натальей и, пріятно улыбнувшись, сказалъ, что графиня представляетъ Діану и по страсти къ охотѣ и по красотѣ своей, про которую онъ много слышалъ.

Илагинъ, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просилъ Ростова пройти въ его угоръ, который былъ въ верстѣ, который онъ берегъ для себя и въ которомъ было, по его словамъ, насыпано зайцевъ. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившаяся, тронулась дальше.

Идти до Илагинскаго угора надо было полями. Охотники разровнялись. Господа ѣхали вмѣстѣ. Дядюшка, Ростовъ, Илагинъ поглядывали тайкомъ на чужихъ собакъ, стараясь, чтобы другіе этого не замѣчали, и съ безпокойствомъ отыскивали между этими собаками соперницъ своимъ собакамъ.

Ростова особенно поразила своею красотой небольшая чистопсовая, узенькая, но съ стальными мышцами, тоненькимъ щипцомъ (мордой) и на выкатѣ черными глазами, краснопѣгая сучка въ сворѣ Илагина. Онъ слыхалъ про рѣзвость Илагинскихъ собакъ, и въ этой красавицѣ-сучкѣ видѣлъ соперницу своей Милкѣ.

Въ срединѣ степеннаго разговора объ урожаѣ нынѣшняго года, который завелъ Илагинъ, Николай указалъ ему на его красно-пѣгую суку.

— Хороша у васъ эта сучка! сказалъ онъ небрежнымъ тономъ. — Рѣзва?

— Эта? Да, это добрая собака — ловитъ, равнодушнымъ голосомъ сказалъ Илагинъ про свою красно-пѣгую Ерзу, за которую онъ годъ тому назадъ отдалъ сосѣду три семьи дворовыхъ. — Такъ и у васъ, графъ, умолотомъ не хвалятся? продолжалъ онъ начатый разговоръ. И считая учтивымъ

отплатить молодому графу тѣмъ же, Илагинъ осмотрѣлъ его собакъ и выбралъ Милку, бросавшуюся ему въ глаза своею шириной.

— Хороша у васъ эта чернопѣгая — ладна! сказалъ онъ.

— Да, ничего, скачетъ, отвѣчалъ Николай. „Вотъ только бы побѣжалъ въ полѣ матерый русакъ, я бы тебѣ показалъ, какая эта собака!" подумалъ онъ и, обернувшись къ стремянному, сказалъ, что онъ даетъ рубль тому, кто подозритъ, т.-е. найдетъ лежачаго зайца.

— Я не понимаю, продолжалъ Илагинъ, — какъ другіе охотники завистливы на звѣри и на собакъ. Я вамъ скажу про себя, графъ. Меня веселитъ, знаете, проѣхаться; вотъ съѣдешься съ такой компаніей... уже чего же лучше (онъ снялъ опять свой бобровый картузъ предъ Наташей); а это, чтобы шкуры считать, сколько привезъ — мнѣ все равно!

— Ну, да.

— Или чтобы мнѣ обидно было, что чужая собака поймаетъ, а не моя — мнѣ только бы полюбоваться на травлю, не такъ ли, графъ? Потому я сужу...

— О — ту — его, послышался въ это время протяжный крикъ одного изъ остановившихся борзятниковъ. Онъ стоялъ на полубугрѣ жнивья, поднявъ арапникъ, и еще разъ повторилъ протяжно: О — ту — его! (Звукъ этотъ и поднятый арапникъ означали то, что онъ видитъ предъ собой лежачаго зайца.)

— А, подозрилъ, кажется, сказалъ небрежно Илагинъ. — Что же, потравимъ, графъ!

— Да, подъѣхать надо... да что жъ, вмѣстѣ? отвѣчалъ Николай, вглядываясь въ Ерзу и въ краснаго Ругая дядюшки, въ двухъ своихъ соперниковъ, съ которыми еще ни

разу ему не удалось поровнять своихъ собакъ. „Ну что, какъ съ ушей оборвутъ мою Милку!“ думалъ онъ, рядомъ съ дядюшкой и Илагинымъ подвигаясь къ зайцу.

— Матерый? спрашивалъ Илагинъ, подвигаясь къ подозрившему охотнику, и не безъ волненія оглядываясь и подсвистывая Ерзу...

— А вы, Михаилъ Никанорычъ? обратился онъ къ дядюшкѣ.

Дядюшка ѣхалъ, насупившись.

— Что мнѣ соваться! Вѣдь ваши — чистое дѣло маршъ! — по деревнѣ за собаку плачены, ваши тысячныя. Вы помѣрайте своихъ, а я посмотрю!

— Ругай! На, на, кликнулъ онъ. Ругаюшка! прибавилъ онъ, невольно этимъ уменьшительнымъ выражая свою нѣжность и надежду, возлагаемую на этого краснаго кобеля. Наташа видѣла и чувствовала скрываемое этими двумя стариками и ея братомъ волненіе и сама волновалась.

Охотникъ на полугоркѣ стоялъ съ поднятымъ арапникомъ, господа шагомъ подъѣзжали къ нему; гончія, шедшія на самомъ горизонтѣ, заворачивали прочь отъ зайца; охотники, не господа, тоже отъѣзжали. Все двигалось медленно и степенно.

— Куда головой лежитъ? спросилъ Николай, подъѣзжая шаговъ на сто къ подозрившему охотнику. Но не успѣлъ еще охотникъ отвѣчать, какъ русакъ, чуя морозъ къ завтрашнему утру, не вылежалъ и вскочилъ. Стая гончихъ на смычкахъ, съ ревомъ, понеслась подъ гору за зайцемъ; со всѣхъ сторонъ борзыя, не бывшія на сворахъ, бросились на гончихъ и къ зайцу. Всѣ эти медленно двигавшіеся охотники-выжлятники съ крикомъ: стой! сбивая собакъ, борзятники

съ крикомъ: о — о — ту! направляя собакъ, поскакали по полю. Спокойный Илагинъ, Николай, Наташа и дядюшка летѣли, сами не зная какъ и куда, видя только собакъ и зайца, и боясь только потерять хоть на мгновеніе изъ вида ходъ травли. Заяцъ попался матерый и рѣзвый. Вскочивъ, онъ не тотчасъ же поскакалъ, а повелъ ушами, прислушиваясь къ крику и топоту, раздавшемуся вдругъ со всѣхъ сторонъ. Онъ прыгнулъ разъ десять не быстро, подпуская къ себѣ собакъ, и наконецъ выбравъ направленіе и понявъ опасность, приложилъ уши и понесся во всѣ ноги. Онъ лежалъ на жнивьяхъ, но впереди были зеленя, по которымъ было топко. Двѣ собаки подоѣзжаго охотника, бывшія ближе всѣхъ, первыя воззрились и заложились за зайцемъ; но еще далеко не подвинулись къ нему, какъ изъ-за нихъ вылетѣла Илагинская красно-пѣгая Ерза, приблизилась на собаку разстоянія, съ страшною быстротой наддала нацѣлившись на хвостъ зайца, и думая, что она схватила его, покатилась кубаремъ. Заяцъ выгнулъ спину и наддалъ еще шибче. Изъ-за Ерзы вынеслась широкозадая, черно-пѣгая Милка и быстро стала спѣть къ зайцу.

— Милушка! матушка! послышался торжествующій крикъ Николая. Казалось, сейчасъ ударитъ Милка и подхватитъ зайца, но она догнала и пронеслась. Русакъ отсѣлъ. Опять насѣла красавица Ерза и надъ самымъ хвостомъ русака повисла, какъ будто примѣряясь, какъ бы не ошибиться теперь схватить за заднюю ляжку.

— Ерзынька! сестрица! послышался плачущій, не свой голосъ Илагина. Ерза не вняла его мольбамъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ надо было ждать, что она схватитъ русака, онъ вихнулъ и выкатилъ на рубежъ между зеленями и

жнивьемъ. Опять Ерза и Милка, какъ дышловая пара, выровнялись и стали спѣть къ зайцу; на рубежѣ русаку было легче, собаки не такъ быстро приближались къ нему.

— Ругай! Ругаюшка! Чистое дѣло маршъ! закричалъ въ это время еще новый голосъ, и Ругай, красный, горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сровнялся съ первыми двумя собаками, выдвинулся изъ-за нихъ, наддалъ со страшнымъ самоотверженіемъ уже надъ самымъ зайцемъ, сбилъ его съ рубежа на зеленя, еще злѣй наддалъ другой разъ по грязнымъ зеленямъ утопая по колѣна, и только видно было какъ онъ кубаремъ, пачкая спину въ грязи, покатился съ зайцемъ. Звѣзда собакъ окружила его. Черезъ минуту всѣ стояли около столпившихся собакъ. Одинъ счастливый дядюшка слѣзъ и отпазанчилъ. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, онъ тревожно оглядывался, бѣгая глазами, не находя положенія рукамъ и ногамъ и говорилъ самъ не зная съ кѣмъ и что. „Вотъ это дѣло маршъ... вотъ собака... вотъ вытянулъ всѣхъ, и тысячныхъ и рублевыхъ — чистое дѣло маршъ!“ говорилъ онъ, задыхаясь и злобно оглядываясь, какъ будто ругая кого-то, какъ будто всѣ были его враги, всѣ его обижали, и только теперь наконецъ ему удалось оправдаться. „Вотъ вамъ и тысячныя — чистое дѣло маршъ!“

— Ругай, на пазанку! говорилъ онъ, кидая отрѣзанную лапку съ налипшей землей; заслужилъ — чистое дѣло маршъ!

— Она вымахалась, три угонки дала одна, говорилъ Николай, тоже не слушая никого и не заботясь о томъ, слушаютъ ли его, или нѣтъ.

— Да это что же въ поперечь!.. говорилъ Илагинскій стремянной.

— Да какъ осѣклась, такъ съ угонки всякая дворняжка поймаетъ, говорилъ въ одно и то же время Илагинъ, красный, насилу переводившій духъ отъ скачки и волненія. Въ одно и то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала такъ пронзительно, что въ ушахъ звенѣло. Она этимъ визгомъ выражала все то, что выражали и другіе охотники своимъ единовременнымъ разговоромъ. И визгъ этотъ былъ такъ страненъ, что она сама должна бы была стыдиться этого дикаго визга и всѣ бы должны были удивиться ему, ежели бы это было въ другое время. Дядюшка самъ второчилъ русака, ловко и бойко перекинулъ его черезъ задъ лошади, какъ бы упрекая всѣхъ этимъ перекидываніемъ, и съ такимъ видомъ, что онъ и говорить ни съ кѣмъ не хочетъ, сѣлъ на своего каураго и поѣхалъ прочь. Всѣ, кромѣ него, грустные и оскорбленные, разъѣхались и только долго послѣ могли придти въ прежнее притворство равнодушія. Долго еще они поглядывали на краснаго Ругая, который, съ испачканной грязью горбатою спиной, побрякивая желѣзкой, съ спокойнымъ видомъ побѣдителя шелъ за ногами лошади дядюшки.

„Что жъ, я такой же, какъ и всѣ, когда дѣло не коснется до травли. Ну а ужъ тутъ держись!“ казалось Николаю, что говорилъ видъ этой собаки.

Когда долго послѣ, дядюшка подъѣхалъ къ Николаю и заговорилъ съ нимъ, Николай былъ польщенъ тѣмъ, что дядюшка послѣ всего, что было, еще удостоиваетъ говорить съ нимъ.

VII.

Когда ввечеру Илагинъ распростился съ Николаемъ, Николай оказался на такомъ далекомъ разстояніи отъ дома,

что онъ принялъ предложеніе дядюшки оставить охоту и ночевать у него, у дядюшки, въ его деревенькѣ Михайловкѣ.

— И если бы заѣхали ко мнѣ — чистое дѣло маршъ! — сказалъ дядюшка, — еще бы того лучше; видите, погода мокрая. говорилъ дядюшка, отдохнули бы, графинечку бы отвезли въ дрожкахъ. — Предложеніе дядюшки было принято, за дрожками послали охотника въ Отрадное, а Николай съ Наташей и Петей поѣхали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять, большихъ и малыхъ дворовыхъ мужчинъ выбѣжало на парадное крыльцо встрѣчать барина. Десятки женщинъ, старыхъ, большихъ и малыхъ высунулись съ задняго крыльца смотрѣть на подъѣзжающихъ охотниковъ. Присутствіе Наташи, женщины, барыни верхомъ, довело любопытство дворовыхъ дядюшки до тѣхъ предѣловъ, что многія, не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, заглядывали ей въ глаза и при ней дѣлали о ней свои замѣчанія, какъ о показываемомъ чудѣ, которое не человѣкъ, и не можетъ слышать и понимать, что̀ говорятъ о немъ.

— Аринка, глянь ка, на бочкю сидитъ! Сама сидитъ, а подолъ болтается... Вишь и рожокъ!

— Батюшки-свѣты, ножикъ-то...

— Вишь татарка!

— Какъ же ты не перекувыркнулась-то? говорила самая смѣлая, прямо ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка слѣзъ съ лошади у крыльца своего деревяннаго заросшаго садомъ домика и, оглянувъ своихъ домочадцевъ, крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли, и чтобы было сдѣлано все нужное для пріема гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка снялъ Наташу съ лошади и за руку провелъ ее по шаткимъ досчатымъ ступенямъ крыльца,

въ домѣ, не оштукатуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто, — не видно было, чтобы цѣль живших людей состояла въ томъ, чтобы не было пятенъ, — но не было замѣтно запущенности. Въ сѣняхъ пахло свѣжими яблоками, и висѣли волчьи и лисьи шкуры.

Черезъ переднюю дядюшка провелъ своихъ гостей въ маленькую залу съ складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостиную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ оборваннымъ диваномъ, истасканнымъ ковромъ и съ портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругай съ невычистившеюся спиной вошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ, обчищая себя языкомъ и зубами. Изъ кабинета шелъ корридоръ, въ которомъ виднѣлись ширмы съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шепотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ же заснулъ; Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли, они были очень голодны и очень веселы. Они поглядѣли другъ на друга (послѣ охоты, въ комнатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское превосходство предъ своею сестрой); Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха.

Немного погодя, дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и маленькихъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что этотъ самый костюмъ, въ которомъ она съ удивленіемъ и насмѣшкой видала дядюшку въ Отрадномъ, былъ

настоящій костюмъ, который былъ ничѣмъ не хуже сюртуковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему въ голову не могло придти, чтобы могли смѣяться надъ его жизнью) а самъ присоединился къ ихъ безпричинному смѣху.

— Вотъ такъ графиня молодая — чистое дѣло маршъ — другой такой не видывалъ! сказалъ онъ, подавая одну трубку съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзанный чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ пальцевъ.

— День отъѣздила, хоть мужчинѣ въ пору, и какъ ни въ чемъ не бывало!

Скоро послѣ дядюшки отворила дверь по звуку ногъ очевидно босая дѣвка, и въ дверь съ большімъ уставленнымъ подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая женщина, лѣтъ 40, съ двойнымъ подбородкомъ, и полными, румяными губами. Она съ гостепріимною представительностью и привлекательностью въ глазахъ и каждомъ движеньи, оглянула гостей и съ ласковою улыбкой почтительно поклонилась имъ. Несмотря на толщину больше чѣмъ обыкновенную, заставлявшую ее выставлять впередъ грудь и животъ и назадъ держать голову, женщина эта (экономка дядюшки) ступала чрезвычайно легко. Она подошла къ столу, поставила подносъ и ловко своими бѣлыми, пухлыми руками сняла и разставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. — „Вотъ она и я! Теперь понимаешь дядюшку? сказало Ростову ея появленіе. Какъ не понимать: не только Ростовъ но и Наташа поняла дядюшку и значеніе нахмуренныхъ бровей, и счастливой, самодовольной улыбки, которая чуть морщила

ею трубы въ то время, какъ входила Анисья Өедоровна. На подносѣ были травникъ, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и шипучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые и орѣхи въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Өедоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Өедоровны. Все это и пахло, и отзывалось, и имѣло вкусъ Анисьи Өедоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, бѣлизной и пріятною улыбкой.

— Покушайте, барышня-графинюшка, приговаривала она, подавая Наташѣ то то, то другое. Наташа ѣла все, и ей показалось, что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, съ такимъ букетомъ вареній, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ѣдала. Анисья Өедоровна вышла. Ростовъ съ дядюшкой, запивая ужинъ вишневою наливкой, разговаривали о прошедшей и о будущей охотѣ, о Ругаѣ и Илагинскихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Нѣсколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поѣсть чего-нибудь, но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчанія, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимающихъ въ своемъ домѣ своихъ знакомыхъ, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой вѣкъ... Умрешь, — чистое дѣло маршъ — ничего не останется. Что жъ и грѣшить-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво. когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что̀ онъ хорошаго слыхалъ отъ отца и сосѣдей о дядюшкѣ. Дядюшка во всемъ околоткѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его дѣлали душеприкащикомъ, ему повѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности, но отъ общественной службы онъ всегда упорно отказывался, осень и весну проводя въ поляхъ на своемъ кауромъ меринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

— Что̀ же вы не служете, дядюшка?

— Служилъ, да бросилъ. Не гожусь, чистое дѣло маршъ, я ничего не разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватитъ. Вотъ насчетъ охоты другое дѣло, это чистое дѣло маршъ! — Отворите-ка дверь-то, крикнулъ онъ. — Что̀ жъ затворили! Дверь въ концѣ корридора (который дядюшка называлъ колидоръ) вела въ холостую — охотническую: такъ называлась людская для охотниковъ. Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ корридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ очевидно какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ корридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣе.

— Это у меня мой Митька кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю, сказалъ дядюшка. У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ пріѣзжаетъ съ охоты въ холостой — охотнической Митька игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо! Право отлично, сказалъ Николай съ нѣ-

которымъ невольнымъ пренебреженіемъ, какъ будто ему совѣстно было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично? съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказалъ это братъ. — Не отлично, а это прелесть что такое! Ей такъ же, какъ грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музыкальной прелести.

— Еще, пожалуйста еще, сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла балалайка. Митька настроилъ и опять молодецки задребезжалъ *Барыню* съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушалъ, склонивъ голову на бокъ съ чуть замѣтною улыбкой. Мотивъ *Барыни* повторился разъ сто. Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки, а слушателямъ не наскучивало, а только хотѣлось еще и еще слышать эту игру. Анисья Ѳедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолкѣ.

— Изволите слушать? сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожею на улыбку дядюшки. — Онъ у насъ славно играетъ, сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣлаетъ, вдругъ съ энергическимъ жестомъ сказалъ дядюшка. — Тутъ разсыпать надо, чистое дѣло маршъ — разсыпать.

— А вы развѣ умѣете? спросила Наташа.

Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся.

— Посмотри-ка Анисьюшка, что струны-то цѣлы что ль на гитарѣ-то? Давно ужъ въ руки не бралъ, — чистое дѣло маршъ! забросилъ.

Анисья Ѳедоровна охотно пошла своею легкою поступью исполнить порученіе своего господина и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился на креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисьѣ Ѳедоровнѣ, началъ не *Барыню*, а взялъ одинъ звучный, чистый аккордъ, и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: По у-ли-и-ицѣ мостовой. Въ разъ, въ тактъ, съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисьи Ѳедоровны) запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Анисья Ѳедоровна закраснѣлась и, закрывшись платочкомъ, смѣясь, вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически-твердо отдѣлывать пѣсню, измѣнившимся вдохновеннымъ взглядомъ глядя на то мѣсто, съ котораго ушла Анисья Ѳедоровна. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорялся тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка! еще, еще! закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ. Она, вскочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его. — Николенька, Николенька! говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его, — что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Ѳедоровны явилось опять въ дверяхъ, и изъ-за ней еще другія лица... „За холодной ключевой, кричитъ дѣвица постой!“ игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами

— Ну, ну, голубчикъ дядюшка, такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого. Дядюшка всталъ и какъ будто въ немъ было два человѣка, — одинъ изъ нихъ серьезно улыбнулся надъ весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница! крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшею аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движенье плечами и стала.

Гдѣ, какъ, когда, всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этотъ духъ, откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, страхъ, что она не то сдѣлаетъ, прошелъ и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Өедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка, чистое дѣло маршъ! радостно смѣясь,

сказалъ дядюшка, окончивъ пляску. — Ай да племянница! Вотъ только бы муженька тебѣ молодца выбрать, — чистое дѣло маршъ.

— Ужъ выбранъ, сказалъ, улыбаясь, Николай.

— О? сказалъ удивленно дядюшка, глядя вопросительно на Наташу. Наташа, съ счастливою улыбкой, утвердительно кивнула головой.

— Еще какой! сказала она. Но какъ только она сказала это, другой, новый строй мыслей и чувствъ поднялся въ ней. Что̀ значила улыбка Николая, когда онъ сказалъ: „ужъ выбранъ?“ Радъ онъ этому или не радъ? Онъ какъ будто думаетъ, что мой Болконскій не одобрилъ бы, не понялъ бы этой нашей радости. Нѣтъ, онъ бы все понялъ. „Гдѣ онъ теперь?“ подумала Наташа, и лицо ея вдругъ стало серьезно. Но это продолжалось только одну секунду. „Не думать, не смѣть думать объ этомъ“, сказала она себѣ и, улыбаясь, подсѣла опять къ дядюшкѣ, прося его сыграть еще что-нибудь.

Дядюшка сыгралъ еще пѣсню и вальсъ; потомъ, помолчавъ, прокашлялся и запѣлъ свою любимую охотническую пѣсню:

Какъ со вечера пороша
Выпадала хороша...

Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ, и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ — такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ во-

сторгѣ отъ пѣнія дядюшки. Она рѣшила, что не будетъ больше учиться на арфѣ, а будетъ играть только на гитарѣ. Она попросила у дядюшки гитару и тотчасъ же подобрала аккорды къ пѣснѣ.

Въ десятомъ часу за Наташей и Петей пріѣхали линейка, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не знали, гдѣ они, и очень безпокоились, какъ сказалъ посланный.

Петю снесли и положили какъ мертвое тѣло въ линейку; Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ Наташу и прощался съ ней съ совершенно-новою нѣжностью. Онъ пѣшкомъ проводилъ ихъ до моста, который надо было объѣхать въ бродъ, и велѣлъ съ фонарями ѣхать впередъ охотникамъ.

— Прощай, племянница дорогая! крикнулъ изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тотъ, который пѣлъ: „Какъ со вечера пороша“.

Въ деревнѣ, которую проѣзжали, были красные огоньки, и весело пахло дымомъ.

— Что̀ за прелесть этотъ дядюшка! сказала Наташа, когда они выѣхали на большую дорогу.

— Да, сказалъ Николай. — Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, мнѣ отлично, отлично. Мнѣ такъ хорошо, съ недоумѣніемъ даже сказала Наташа. Они долго молчали.

Ночь была темная и сырая. Лошади не видны были; только слышно было, какъ они шлепали по невидной грязи.

Что̀ дѣлалось въ этой дѣтской, воспріимчивой душѣ, такъ жадно ловившей и усвоивавшей всѣ разнообразнѣйшія впечатлѣнія жизни? Какъ это все укладывалось въ ней? Но она была очень счастлива. Уже подъѣзжая къ дому, она

вдругъ запѣла мотивъ пѣсни: „Какъ со вечера пороша“, мотивъ, который она ловила всю дорогу и наконецъ поймала.

— Поймала? сказалъ Николай.

— Ты о чемъ думалъ теперь, Николенька? спросила Наташа. Они любили это спрашивать другъ у друга.

— Я? сказалъ Николай, вспоминая; — вотъ видишь ли, сначала я думалъ, что Ругай, красный кобель, похожъ на дядюшку, и что ежели бы онъ былъ человѣкъ, то онъ дядюшку все бы держалъ у себя, ежели не за скачку, такъ за лады, все бы держалъ. Какъ онъ ладенъ, дядюшка! Не правда ли? — Ну, а ты?

— Я? Постой, постой. Да, я думала сначала, что вотъ мы ѣдемъ и думаемъ, что мы ѣдемъ домой, а мы Богъ знаетъ куда ѣдемъ въ этой темнотѣ, и вдругъ пріѣдемъ и увидимъ, что мы не въ Отрадномъ, а въ волшебномъ царствѣ. А потомъ еще я думала... Нѣтъ, ничего больше.

— Знаю, вѣрно про *него* думала, сказалъ Николай, улыбаясь, какъ узнала Наташа по звуку его голоса.

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа, хотя дѣйствительно она вмѣстѣ съ тѣмъ думала и про князя Андрея, и про то, какъ бы ему понравился дядюшка. А еще я все повторяю, всю дорогу повторяю: какъ Анисьюшка хорошо выступала, хорошо... сказала Наташа. И Николай услыхалъ ея звонкій, безпричинный, счастливый смѣхъ.

— А знаешь, вдругъ сказала она, — я знаю, что никогда уже не буду такъ счастлива, спокойна, какъ теперь.

— Вотъ вздоръ, глупости, вранье, сказалъ Николай и подумалъ: „Что за прелесть эта моя Наташа! Такого другаго друга у меня нѣтъ и не будетъ. Зачѣмъ ей выходить замужъ? — все бы съ ней ѣздили!“

„Экая прелесть этотъ Николай!“ думала Наташа.

— А! еще огонь въ гостиной, сказала она, указывая на окна дома, красиво блестѣвшія въ мокрой, бархатной темнотѣ ночи.

VIII.

Графъ Илья Андреичъ вышелъ изъ предводителей, потому что эта должность была сопряжена съ слишкомъ большими расходами. Но дѣла его все не поправлялись. Часто Наташа и Николай видѣли тайные, безпокойные переговоры родителей и слышали толки о продажѣ богатаго родоваго Ростовскаго дома и подмосковной. Безъ предводительства не нужно было имѣть такого большаго пріема, и Отрадненская жизнь велась тише, чѣмъ въ прежніе годы; но огромный домъ и флигеля все-таки были полны народомъ, за столъ все также садилось больше 20 человѣкъ. Все это были свои, обжившіеся въ домѣ люди, почти члены семейства, или такіе, которые, казалось, необходимо должны были жить въ домѣ графа. Таковы были Диммлеръ-музыкантъ съ женой, Фогель — танцовальный учитель съ семействомъ, старушка-барышня Бѣлова, жившая въ домѣ, и еще многіе другіе: учителя Пети, бывшая гувернантка барышень и просто люди, которымъ лучше или выгоднѣе было жить у графа, чѣмъ дома. Не было такого большаго пріѣзда какъ прежде, но ходъ жизни велся тотъ же, безъ котораго не могли графъ съ графиней представить себѣ жизни. Та же была, еще увеличенная Николаемъ, охота; тѣ же 50 лошадей и 15 кучеровъ на конюшнѣ; тѣ же дорогіе подарки въ именины, и торжественные на весь уѣздъ обѣды; тѣ же графскіе висты и бостоны, за которыми онъ, распуская всѣмъ на видъ карты, давалъ себя каждый

день на сотни обыгрывать сосѣдямъ, смотрѣвшимъ на право составлять партію графа Ильи Андреича, какъ на самую выгодную аренду.

Графъ, какъ въ огромныхъ тенетахъ, ходилъ въ своихъ дѣлахъ, стараясь не вѣрить тому, что онъ запутался, и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе запутываясь и чувствуя себя не въ силахъ ни разорвать сѣти, опутавшія его, ни осторожно, терпѣливо приняться распутывать ихъ. Графиня любящимъ сердцемъ чувствовала, что дѣти ея раззоряются, что графъ не виноватъ, что онъ не можетъ быть не такимъ, какимъ онъ есть, что онъ самъ страдаетъ (хотя и скрываетъ это) отъ сознанія своего и дѣтскаго раззоренія, и искала средствъ помочь дѣлу. Съ ея женской точки зрѣнія представлялось только одно средство — женитьба Николая на богатой невѣстѣ. Она чувствовала, что это была послѣдняя надежда, и что если Николай откажется отъ партіи, которую она нашла ему, надо будетъ навсегда проститься съ возможностью поправить дѣла. Партія эта была Жюли Карагина, дочь прекрасныхъ, добродѣтельныхъ матери и отца, съ дѣтства извѣстная Ростовымъ, и теперь богатая невѣста по случаю смерти послѣдняго изъ ея братьевъ.

Графиня писала прямо къ Карагиной въ Москву, предлагая ей бракъ ея дочери съ своимъ сыномъ, и получила отъ нея благопріятный отвѣтъ. Карагина отвѣчала, что она съ своей стороны согласна, что все будетъ зависѣть отъ склонности ея дочери. Карагина приглашала Николая пріѣхать въ Москву.

Нѣсколько разъ, со слезами на глазахъ, графиня говорила сыну, что теперь, когда обѣ дочери ея пристроены — ея единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть его женатымъ. Она говорила, что легла бы въ гробъ спокойною,

жели бы это было. Потомъ говорила, что у нея есть прекрасная дѣвушка на примѣтѣ и выпытывала его мнѣніе о женитьбѣ.

Въ другихъ разговорахъ она хвалила Жюли и совѣтовала Николаю съѣздить въ Москву на праздники повеселиться. Николай догадывался, къ чему клонились разговоры его матери, и въ одинъ изъ такихъ разговоровъ вызвалъ ее на полную откровенность. Она высказала ему, что вся надежда поправленія дѣлъ основана теперь на его женитьбѣ на Карагиной.

— Что̀ жъ, если бъ я любилъ дѣвушку безъ состоянія, неужели вы потребовали бы, маменька, чтобъ я пожертвовалъ чувствомъ и честью для состоянія? спросилъ онъ у матери, не понимая жестокости своего вопроса и желая только выказать свое благородство.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ, сказала мать, не зная какъ оправдаться. — Ты меня не понялъ, Николенька. Я желаю твоего счастья, прибавила она и почувствовала, что она говоритъ неправду, что она запуталась. Она заплакала.

— Маменька, не плачьте, а только скажите мнѣ, что вы этого хотите, и вы знаете, что я всю жизнь свою, все отдамъ для того, чтобы вы были спокойны, сказалъ Николай. — Я всѣмъ пожертвую для васъ, даже своимъ чувствомъ.

Но графиня не такъ хотѣла поставить вопросъ: она не хотѣла жертвы отъ своего сына, она сама бы хотѣла жертвовать ему.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ, не будемъ говорить, сказала она, утирая слезы.

„Да, можетъ-быть, я и люблю бѣдную дѣвушку“, говорилъ самъ себѣ Николай; „что̀ жъ, мнѣ пожертвовать чувствомъ

и честью для состоянія? Удивляюсь, какъ маменька могла мнѣ сказать это. Оттого, что Соня бѣдна, то я и не могу любить ее", думалъ онъ, „не могу отвѣчать на ея вѣрную, преданную любовь. А ужъ навѣрное съ ней я буду счастливѣе, чѣмъ съ какою-нибудь куклой Жюли. Пожертвовать своимъ чувствомъ я всегда могу для блага своихъ родныхъ, говорилъ онъ самъ себѣ, но я не могу приказывать своему чувству". „Ежели я люблю Соню, то чувство мое сильнѣе и выше всего для меня".

Николай не поѣхалъ въ Москву, графиня не возобновляла съ нимъ разговора о женитьбѣ, и съ грустью, а иногда и озлобленіемъ, видѣла признаки все бòльшаго и бòльшаго сближенія между своимъ сыномъ и безприданною Соней. Она упрекала себя за то, но не могла не ворчать, не придираться къ Сонѣ, часто безъ причины останавливая ее, называя ее „вы", и „моя милая". Болѣе всего добрая графиня за то и сердилась на Соню, что эта бѣдная, черноглазая племянница была такъ кротка, такъ добра, такъ преданно-благодарна своимъ благодѣтелямъ, и такъ вѣрно, неизмѣнно съ самоотверженіемъ влюблена въ Николая, что нельзя было ни въ чемъ упрекнуть ее.

Николай доживалъ у родныхъ свой срокъ отпуска. Отъ жениха, князя Андрея, получено было четвертое письмо, изъ Рима, въ которомъ онъ писалъ, что онъ уже давно бы былъ на пути въ Россію, ежели бы неожиданно въ тепломъ климатѣ не открылась его рана, что заставляетъ его отложить свой отъѣздъ до начала будущаго года. Наташа была такъ же влюблена въ своего жениха, такъ же успокоена этою любовью и такъ же воспріимчива ко всѣмъ радостямъ жизни; но, въ концѣ четвертаго мѣсяца разлуки съ нимъ, на нее

начинали находить минуты грусти, противъ которой она не могла бороться. Ей жалко было самое себя, жалко было, что она такъ даромъ, ни для кого, пропадала все это время, въ продолженіе котораго она чувствовала себя столь способною любить и быть любимою.

Въ домѣ Ростовыхъ было невесело.

IX.

Пришли святки, и кромѣ парадной обѣдни, кромѣ торжественныхъ и скучныхъ поздравленій сосѣдей и дворовыхъ, кромѣ надѣтыхъ на всѣхъ новыхъ платьевъ, не было ничего особеннаго, ознаменовывающаго святки, а въ безвѣтренномъ 20-ти градусномъ морозѣ, въ яркомъ ослѣпляющемъ солнцѣ днемъ и въ звѣздномъ зимнемъ свѣтѣ ночью, чувствовалась потребность какого-нибудь ознаменованія этого времени.

На третій день праздника послѣ обѣда всѣ домашніе разошлись по своимъ комнатамъ. Было самое скучное время дня. Николай, ѣздившій утромъ къ сосѣдямъ, заснулъ въ диванной. Старый графъ отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ. Въ гостиной за круглымъ столомъ сидѣла Соня, срисовывая узоры. Графиня раскладывала карты. Настасья Ивановна-шутъ съ печальнымъ лицомъ сидѣлъ у окна съ двумя старушками. Наташа вошла въ комнату, подошла къ Сонѣ, посмотрѣла, что она дѣлаетъ, потомъ подошла къ матери и молча остановилась.

— Что ты ходишь, какъ безпріютная? сказала ей мать. — Что тебѣ надо?

— *Его* мнѣ надо... сейчасъ, сію минуту мнѣ *его* надо, сказала Наташа, блестя глазами и не улыбаясь. Графиня подняла голову и пристально посмотрѣла на дочь.

— Не смотрите на меня, мама, не смотрите: я сейчасъ заплачу.

— Садись, посиди со мной, сказала графиня.

— Мама, мнѣ *его* надо. За что я такъ пропадаю, мама?...
Голосъ ея оборвался, слезы брызнули изъ глазъ, и она, чтобы скрыть ихъ, быстро повернулась и вышла изъ комнаты. Она вышла въ диванную, постояла, подумала и пошла въ дѣвичью. Тамъ старая горничная ворчала на молодую дѣвушку, запыхавшуюся, съ холода прибѣжавшую съ дворни.

— Будетъ играть-то, говорила старуха, на все время есть.

— Пусти ее, Кондратьевна, сказала Наташа. — Иди, Мавруша, иди.

И отпустивъ Маврушу, Наташа черезъ залу пошла въ переднюю. Старикъ и два молодые лакея играли въ карты. Они прервали игру и встали при входѣ барышни. „Что̀ бы мнѣ съ ними сдѣлать?“ подумала Наташа.

— Да, Никита, сходи, пожалуйста... „куда бы мнѣ его послать?“ Да, сходи на дворню и принеси, пожалуйста, пѣтуха; да, а ты, Миша, принеси овса.

— Немного овса прикажете? весело и охотно сказалъ Миша.

— Иди, иди скорѣе, подтвердилъ старикъ.

— Ѳедоръ, а ты мѣлу мнѣ достань.

Проходя мимо буфета, она велѣла подавать самоваръ, хотя это было вовсе не время.

Буфетчикъ Фока былъ самый сердитый человѣкъ изъ всего дома. Наташа надъ нимъ любила пробовать свою власть. Онъ не повѣрилъ ей и пошелъ спросить, правда ли?

— Ужъ эта барышня! сказалъ Фока, притворно хмурясь на Наташу.

Никто въ домѣ не разсылалъ столько людей и не давалъ имъ столько работы, какъ Наташа. Она не могла равнодушно видѣть людей, чтобы не послать ихъ куда-нибудь. Она какъ будто пробовала, не разсердится ли, не надуется ли на нее кто изъ нихъ, но ничьихъ приказаній люди не любили такъ исполнять, какъ Наташины. „Чтò бы мнѣ сдѣлать? Куда бы мнѣ пойти?“ думала Наташа, медленно идя по корридору.

— Настасья Ивановна, что отъ меня родится? спросила она шута, который въ своей куцавейкѣ шелъ на встрѣчу ей.

— Отъ тебя блохи, стрекозы, кузнецы, отвѣчалъ шутъ.

— Боже мой, Боже мой, все одно и то же. Ахъ, куда бы мнѣ дѣваться? Чтò бы мнѣ съ собой сдѣлать? И она быстро, застучавъ ногами, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ къ Фогелю, который съ женой жилъ въ верхнемъ этажѣ. У Фогеля сидѣли двѣ гувернантки, на столѣ стояли тарелки съ изюмомъ, грецкими и миндальными орѣхами. Гувернантки разговаривали о томъ, гдѣ дешевле жить, въ Москвѣ или въ Одессѣ. Наташа присѣла, послушала ихъ разговоръ съ серьезнымъ задумчивымъ лицомъ и встала.

— Островъ Мадагаскаръ, проговорила она. — Ма-да-гас-каръ, повторила она отчетливò каждый слогъ и, не отвѣчая на вопросы мадамъ Шоссъ о томъ, что она говоритъ, вышла изъ комнаты.

Петя, братъ ея, былъ тоже наверху: онъ съ своимъ дядькой устраивалъ фейерверкъ, который намѣревался пустить ночью.

— Петя! Петька! закричала она ему, — вези меня внизъ. Петя подбѣжалъ къ ней и подставилъ спину. Она вскочила на него, обхвативъ его шею руками, и онъ, подпрыгивая, побѣжалъ съ ней. — Нѣтъ, не надо, — островъ Мадагаскаръ, проговорила она и, соскочивъ съ него, пошла внизъ.

Какъ будто обойдя свое царство, испытавъ свою власть и убѣдившись, что всѣ покорны, но что все-таки скучно, Наташа пошла въ залу, взяла гитару, сѣла въ темный уголъ за шкапчикъ и стала въ басу перебирать струны, выдѣлывая фразу, которую она запомнила изъ одной оперы, слышанной въ Петербургѣ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ. Для постороннихъ слушателей у ней на гитарѣ выходило что-то, не имѣвшее никакого смысла, но въ ея воображеніи изъ-за этихъ звуковъ воскресалъ цѣлый рядъ воспоминаній. Она сидѣла за шкапчикомъ, устремивъ глаза на полосу свѣта, падавшую изъ буфетной двери, слушала себя и вспоминала. Она находилась въ состояніи воспоминанія.

Соня прошла въ буфетъ съ рюмкой черезъ залу. Наташа взглянула на нее, на щель въ буфетной двери, и ей показалось, что она вспоминаетъ то, что изъ буфетной двери въ щель падалъ свѣтъ и что Соня прошла съ рюмкой. „Да, и это было точь-въ-точь такъ же“, подумала Наташа.

— Соня, что̀ это? крикнула Наташа, перебирая пальцами на толстой струнѣ.

— Ахъ, ты тутъ! вздрогнувъ, сказала Соня, подошла и прислушалась. — Не знаю. Буря? сказала она робко, боясь ошибиться.

„Ну, вотъ точно такъ же она вздрогнула, точно такъ же подошла и робко улыбнулась тогда, когда это ужъ было“, подумала Наташа, „и точно такъ же... я подумала, что въ ней чего-то не достаетъ“.

— Нѣтъ, это хоръ изъ Водоноса, слышишь? И Наташа допѣла мотивъ хора, чтобы дать понять Сонѣ. Ты куда ходила? спросила Наташа.

— Воду въ рюмкѣ перемѣнить. Я сейчасъ дорисую узоръ.

— Ты всегда занята, а я вотъ не умѣю, сказала Наташа. — А Николенька гдѣ?

— Спитъ, кажется.

— Соня, ты поди разбуди его, сказала Наташа. — Скажи, что я его зову пѣть. Она посидѣла, подумала о томъ, что̀ это значитъ, что̀ все это было, и, не разрѣшивъ этого вопроса и нисколько не сожалѣя о томъ, опять въ воображеніи своемъ перенеслась къ тому времени, когда она была съ нимъ вмѣстѣ, и онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на нее.

„Ахъ, поскорѣе бы онъ пріѣхалъ. Я такъ боюсь, что этого не будетъ! А главное: я старѣюсь, вотъ что̀! Уже не будетъ того, — что теперь есть во мнѣ. А можетъ-быть, онъ нынче пріѣдетъ, сейчасъ пріѣдетъ. Можетъ быть, пріѣхалъ и сидитъ тамъ въ гостиной. Можетъ быть, онъ вчера еще пріѣхалъ, и я забыла“. Она встала, положила гитару и пошла въ гостиную. Всѣ домашніе, учителя, гувернантки и гости сидѣли ужъ за чайнымъ столомъ. Люди стояли вокругъ стола, — а князя Андрея не было, и была все прежняя жизнь.

— А, вотъ она, сказалъ Илья Андреичъ, увидавъ вошедшую Наташу. — Ну, садись ко мнѣ. Но Наташа остановилась подлѣ матери, оглядываясь кругомъ, какъ будто она искала чего-то.

— Мама! проговорила она. — Дайте мнѣ *его*, дайте, мама, скорѣе, скорѣе, и опять она съ трудомъ удержала рыданія.

Она присѣла къ столу и послушала разговоры старшихъ и Николая, который тоже пришелъ къ столу. „Боже мой, Боже мой, тѣ же лица, тѣ же разговоры, такъ же папа держитъ чашку и дуетъ точно такъ же!“ думала Наташа съ ужасомъ чувствуя отвращеніе, подымавшееся въ ней противъ всѣхъ домашнихъ за то, что они были все тѣ же.

Послѣ чаю Николай, Соня и Наташа пошли въ диванную, въ свой любимый уголъ, въ которомъ всегда начинались ихъ самые задушевные разговоры.

X.

— Бываетъ съ тобой, сказала Наташа брату, когда они усѣлись въ диванной, — бываетъ съ тобой, что тебѣ кажется, что ничего не будетъ — ничего; что все, что̀ хорошее, то было? И не то-что скучно, а грустно?

— Еще какъ! сказалъ онъ. — У меня бывало, что все хорошо, всѣ веселы, а мнѣ придетъ въ голову, что̀ все это ужъ надоѣло и что умирать всѣмъ надо. Я разъ въ полку не пошелъ на гулянье, а тамъ играла музыка... и такъ мнѣ вдругъ скучно стало...

— Ахъ, я это знаю. Знаю, знаю, подхватила Наташа. — Я еще маленькая была, такъ со мной это бывало, Помнишь, разъ меня за сливы наказали, и вы всѣ танцовали, а я сидѣла въ классной и рыдала; никогда не забуду: мнѣ и грустно было и жалко было всѣхъ, и себя и всѣхъ-всѣхъ жалко. И, главное, я не виновата была, сказала Наташа, — ты помнишь?

— Помню, сказалъ Николай. — Я помню, что я къ тебѣ пришелъ потомъ, и мнѣ хотѣлось тебя утѣшить и, знаешь, совѣстно было. Ужасно мы смѣшные были. У меня тогда была игрушка-болванчикъ, и я его тебѣ отдать хотѣлъ. — Ты помнишь?

— А помнишь ты, сказала Наташа съ задумчивою улыбкой, — какъ давно-давно, мы еще совсѣмъ маленькіе были, дяденька насъ позвалъ въ кабинетъ, еще въ старомъ домѣ, а темно было — мы пришли и вдругъ тамъ стоитъ...

— Арапъ, докончилъ Николай съ радостною улыбкой; —

какъ же не помнить? Я и теперь не знаю, что это былъ арапъ, или это мы во снѣ видѣли, или намъ разсказывали.

— Онъ сѣрый былъ, помнишь, и бѣлые зубы — стоитъ и смотритъ на насъ...

— Вы помните, Соня? спросилъ Николай...

— Да, да, я тоже помню что-то, робко отвѣчала Соня...

— Я вѣдь спрашивала про этого арапа и у папа и у мама, сказала Наташа. — Они говорятъ, что никакого арапа не было. А вѣдь вотъ ты помнишь!

— Какъ же, какъ теперь помню его зубы.

— Какъ это странно, точно во снѣ было. Я это люблю.

— А помнишь, какъ мы катали яйца въ залѣ, и вдругъ двѣ старухи, и стали по ковру вертѣться. Это было, или нѣтъ? Помнишь, какъ хорошо было?

— Да. А помнишь, какъ папенька въ синей шубѣ на крыльцѣ выстрѣлилъ изъ ружья. Они перебирали, улыбаясь съ наслажденіемъ воспоминанія, не грустнаго старческаго, а поэтическаго, юношескаго воспоминанія, тѣ впечатлѣнія изъ самаго дальняго прошедшаго, гдѣ сновидѣніе сливается съ дѣйствительностью, и тихо смѣялись, радуясь чему-то.

Соня, какъ и всегда, отстала отъ нихъ, хотя воспоминанія ихъ были общія.

Соня не помнила многаго изъ того, что они вспоминали, а и то, что она помнила, не возбуждало въ ней того поэтическаго чувства, которое они испытывали. Она только наслаждалась ихъ радостью, стараясь поддѣлаться подъ нее.

Она приняла участіе только въ томъ, когда они вспоминали первый пріѣздъ Сони. Соня разсказала, какъ она боялась Николая, потому что у него на курточкѣ были снурки, и ей няня сказала, что и ее въ снурки зашьютъ.

— А я помню: мнѣ сказали, что ты подъ капустою родилась, сказала Наташа, — и помню, что я тогда не смѣла не повѣрить, но знала, что это неправда, и такъ мнѣ неловко было.

Во время этого разговора изъ задней двери диванной высунулась голова горничной.

— Барышня, пѣтуха принесли, шепотомъ сказала дѣвушка.

— Не надо, Поля, вели отнести, сказала Наташа.

Въ серединѣ разговоровъ, шедшихъ въ диванной, Диммлеръ вошелъ въ комнату и подошелъ къ арфѣ, стоявшей въ углу. Онъ снялъ сукно, и арфа издала фальшивый звукъ.

— Эдуардъ Карлычъ, сыграйте, пожалуйста, мой любимый ноктюрнъ мосье Фильда, сказалъ голосъ старой графини изъ гостиной.

Диммлеръ взялъ аккордъ и, обратясь къ Наташѣ, Николаю и Сонѣ, сказалъ:

— Молодежь, какъ смирно сидитъ!

— Да, мы философствуемъ, сказала Наташа, на минуту оглянувшись, и продолжала разговоръ. Разговоръ шелъ теперь о сновидѣніяхъ.

Диммлеръ началъ играть. Наташа неслышно, на цыпочкахъ, подошла къ столу, взяла свѣчу, вынесла ее и, вернувшись, тихо сѣла на свое мѣсто. Въ комнатѣ, особенно на диванѣ, на которомъ они сидѣли, было темно, но въ большія окна падалъ на полъ серебряный свѣтъ полнаго мѣсяца.

— Знаешь, я думаю, сказала Наташа шепотомъ, придвигаясь къ Николаю и Сонѣ, когда уже Диммлеръ кончилъ и все сидѣлъ, слабо перебирая струны, видимо въ нерѣшительности, оставить, или начать что-нибудь новое, — что когда такъ вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того

довоспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде чѣмъ я была на свѣтѣ...

— Это метампсикоза, сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила. — Египтяне вѣрили, что наши души были въ животныхъ и опять пойдутъ въ животныхъ.

— Нѣтъ, знаешь, я не вѣрю этому, чтобы мы были въ животныхъ, сказала Наташа тѣмъ же шопотомъ, хотя и музыка кончилась, — а я знаю навѣрное, что мы были ангелами тамъ гдѣ-то, и здѣсь были, и отъ этого все помнимъ...

— Можно мнѣ присоединиться къ вамъ? сказалъ тихо подошедшій Диммлеръ и подсѣлъ къ нимъ.

— Ежели бы мы были ангелами, такъ за что же мы попали ниже? сказалъ Николай. — Нѣтъ, это не можетъ быть!

— Не ниже, кто тебѣ сказалъ, что ниже?... Почему я знаю, чѣмъ я была прежде, съ убѣжденіемъ возразила Наташа. — Вѣдь душа безсмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, такъ я и прежде жила, цѣлую вѣчность жила.

— Да, но трудно намъ представить вѣчность, сказалъ Диммлеръ, который подошелъ къ молодымъ людямъ съ кроткою презрительною улыбкой, но теперь говорилъ такъ же тихо и серьезно, какъ и они.

— Отчего же трудно представить вѣчность, сказала Наташа. — Нынче будетъ, завтра будетъ, всегда будетъ и вчера было и третьяго дня было...

— Наташа! теперь твой чередъ. Спой мнѣ что-нибудь, послышался голосъ графини. — Что вы усѣлись, точно заговорщики?

— Мама! мнѣ такъ не хочется, сказала Наташа, но вмѣстѣ съ тѣмъ встала.

Всѣмъ имъ, даже и немолодому Диммлеру, не хотѣлось

прерывать разговоръ и уходить изъ уголка диванной, но Наташа встала, и Николай сѣлъ за клавикорды. Какъ всегда, ставъ на средину залы и выбравъ выгоднѣйшее мѣсто для резонанса, Наташа начала пѣть любимую пьесу своей матери.

Она сказала, что ей не хотѣлось пѣть, но она давно прежде, и долго послѣ не пѣла такъ, какъ она пѣла въ этотъ вечеръ. Графъ Илья Андреичъ изъ кабинета, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Митенькой, слышалъ ея пѣніе, и какъ ученикъ, торопящійся идти играть, доканчивая урокъ, путался въ словахъ, отдавая приказанія управляющему, и наконецъ замолчалъ, и Митенька, тоже слушая, молча съ улыбкою стоялъ предъ графомъ. Николай не спускалъ глазъ съ сестры, и вмѣстѣ съ нею переводилъ дыханіе. Соня, слушая, думала о томъ, какая громадная разница была между ею и ея другомъ, и какъ невозможно было ей хоть на сколько-нибудь быть столь обворожительною, какъ ея кузина. Старая графиня сидѣла съ счастливо-грустною улыбкой и слезами на глазахъ, изрѣдка покачивая головой. Она думала и о Наташѣ, и о своей молодости, и о томъ, какъ что-то неестественное и страшное есть въ этомъ предстоящемъ бракѣ Наташи съ княземъ Андреемъ.

Диммлеръ, подсѣвъ къ графинѣ и закрывъ глаза, слушалъ.

— Нѣтъ, графиня, сказалъ онъ наконецъ, это талантъ европейскій, ей учиться нечего; этой мягкости, нѣжности, силы...

— Ахъ, какъ я боюсь за нее, какъ я боюсь, сказала графиня, не помня, съ кѣмъ она говоритъ. Ея материнское чутье говорило ей, что чего-то слишкомъ много въ Наташѣ, и что отъ этого она не будетъ счастлива. Наташа не кончила еще

пѣть, какъ въ комнату вбѣжалъ восторженный четырнадцатилѣтній Петя съ извѣстіемъ, что пришли ряженые.

Наташа вдругъ остановилась.

— Дуракъ! закричала она на брата, подбѣжала къ стулу, упала на него и зарыдала такъ, что долго потомъ не могла остановиться.

— Ничего, маменька, право ничего, такъ: Петя испугалъ меня, говорила она, стараясь улыбаться, но слезы еще текли и всхлипыванія сдавливали горло.

Наряженные дворовые, медвѣди, турки, трактирщики, барыни, страшные и смѣшные, принеся съ собою холодъ и веселье, сначала робко жались въ передней; потомъ, прячась одинъ за другаго, вытѣснялись въ залу; и сначала застѣнчиво, а потомъ все веселѣе и дружнѣе начались пѣсни, пляски, хороводы и святочныя игры. Графиня, узнавъ лица и посмѣявшись на наряженныхъ, ушла въ гостиную. Графъ Илья Андреичъ съ сіяющею улыбкой сидѣлъ въ залѣ, одобряя играющихъ. Молодежь исчезла куда-то.

Черезъ полчаса въ залѣ между другими ряжеными появилась еще старая барыня въ фижмахъ — это былъ Николай. Турчанка былъ Петя. Паяцъ — это былъ Диммлеръ, гусаръ — Наташа и черкесъ Соня съ нарисованными пробочными усами и бровями.

Послѣ снисходительнаго удивленія, неузнаванія и похвалъ со стороны ненаряженныхъ, молодые люди, нашли, что костюмы такъ хороши, что надо было ихъ показать еще кому-нибудь.

Николай, которому хотѣлось по отличной дорогѣ прокатить всѣхъ на своей тройкѣ, предложилъ, взявъ съ собой изъ дворовыхъ человѣкъ десять наряженныхъ, ѣхать къ дядюшкѣ.

— Нѣтъ, ну что вы его, старика, разстроиваете, — сказала графиня, — да и негдѣ повернуться у него. — Ужъ ѣхать, такъ къ Мелюковымъ.

Мелюкова была вдова съ дѣтьми разнообразнаго возраста, также съ гувернантками и гувернерами, жившая въ четырехъ верстахъ отъ Ростовыхъ.

— Вотъ, милая, умно, — подхватилъ расшевелившійся старый графъ. — Давай сейчасъ наряжусь и поѣду съ вами. Ужъ я Пашету расшевелю.

Но графиня не согласилась отпустить графа: у него всѣ эти дни болѣла нога. Рѣшили, что Ильѣ Андреевичу ѣхать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (мадамъ Шоссъ) поѣдетъ, то барышнямъ можно ѣхать къ Мелюковой. Соня, всегда робкая и застѣнчивая, настоятельнѣе всѣхъ стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать имъ.

Нарядъ Сони былъ лучше всѣхъ. Ея усы и брови необыкновенно шли къ ней. Всѣ говорили ей, что она очень хороша, и она находилась въ несвойственномъ ей оживленно-энергическомъ настроеніи. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что нынче или никогда рѣшится ея судьба, и она въ своемъ мужскомъ платьѣ казалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Луиза Ивановна согласилась, и черезъ полчаса четыре тройки съ колокольчиками и бубенчиками, визжа и свистя подрѣзами по морозному снѣгу, подъѣхали къ крыльцу.

Наташа первая дала тонъ святочнаго веселья, и это веселье, отражаясь отъ одного къ другому, все болѣе и болѣе усиливалось и дошло до высшей степени въ то время, когда всѣ вышли на морозъ и, переговариваясь, перекликаясь, смѣясь и крича, разсѣлись въ сани.

Двѣ тройки были разгонныя, третья тройка стараго графа

съ орловскимъ рысакомъ въ корню; четвертая собственная Николая съ его низенькимъ, воронымъ, косматымъ коренникомъ. Николай въ своемъ старушечьемъ нарядѣ, на который онъ надѣлъ гусарскій подпоясанный плащъ, стоялъ въ серединѣ своихъ саней, подобравъ вожжи.

Было такъ свѣтло, что онъ видѣлъ отблескивающіе на мѣсячномъ свѣтѣ бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на сѣдоковъ, шумѣвшихъ подъ темнымъ навѣсомъ подъѣзда.

Въ сани Николая сѣли Наташа, Соня, мадамъ Шоссъ и двѣ дѣвушки. Въ сани стараго графа сѣли Диммлеръ съ женой и Петя; въ остальныя расѣлись наряженные дворовые.

— Пошелъ впередъ, Захаръ! крикнулъ Николай кучеру отца, чтобъ имѣть случай перегнать его на дорогѣ.

Тройка стараго графа, въ которую сѣлъ Диммлеръ и другіе ряженые, визжа полозьями, какъ будто примерзая къ снѣгу и побрякивая густымъ колокольцомъ, тронулась впередъ. Пристяжныя жались на оглобли и увязали, выворачивая какъ сахаръ крѣпкій и блестящій снѣгъ.

Николай тронулся за первою тройкой; сзади зашумѣли и завизжали остальныя. Сначала ѣхали маленькою рысью по узкой дорогѣ. Пока ѣхали мимо сада, тѣни отъ оголённыхъ деревьевъ ложились часто поперекъ дороги и скрывали яркій свѣтъ луны; но какъ только выѣхали за ограду, алмазно-блестящая, съ сизымъ отблескомъ, снѣжная равнина, вся облитая мѣсячнымъ сіяніемъ и неподвижная, открылась со всѣхъ сторонъ. Разъ, разъ, толконулъ ухабъ въ переднихъ саняхъ; точно такъ же толконуло слѣдующія сани и слѣдующія, и дерзко нарушая закованную тишину, однѣ за другими стали растягиваться сани.

— Слѣдъ заячій, много слѣдовъ! прозвучалъ въ морозномъ скованномъ воздухѣ голосъ Наташи.

— Какъ видно, Николенька, сказалъ голосъ Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе разсмотрѣть ея лицо. Какое-то совсѣмъ новое, милое лицо съ черными бровями и усами, въ лунномъ свѣтѣ, близко и далеко, выглядывало изъ соболей.

„Это прежде была Соня“, подумалъ Николай. Онъ ближе вглядѣлся въ нее и улыбнулся.

— Вы что̀, Николенька?

— Ничего, сказалъ онъ и повернулся опять къ лошадямъ.

Выѣхавъ на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изсѣченную слѣдами шиповъ, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать возжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками подергивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, какъ будто спрашивая: „начинать или рано еще?“ Впереди уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась на бѣломъ снѣгу черная тройка Захара. Слышны были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса наряженныхъ.

— Ну ли вы, разлюбезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая возжу и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру, и по подергиванью натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ, замѣтно было, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Коренной стойко поколыхивался подъ дугой, не думая сбивать и обѣщая еще и еще наддать, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они съѣхали съ какой-то горы, въѣхали на широко-разъѣзженную дорогу по лугу около рѣки.

„Гдѣ это мы ѣдемъ?“ подумалъ Николай. — „По Косому лугу должно быть. Но нѣтъ, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что такое? Это что-то новое и волшебное. Ну, что̀ бы тамъ ни было?“ И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

Захаръ сдержалъ лошадей и обернулъ свое уже объиндевѣвшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

— Ну, держись, баринъ, проговорилъ онъ. — Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись ноги скачущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣняя положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ вожжами.

— Врешь, баринъ, прокричалъ онъ Николаю. Николай въ скачь пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся ноги и тѣни перегоняемой тройки. Свистъ полозьевъ по снѣгу, женскіе взвизги слышались съ разныхъ сторонъ.

Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами.

„Захаръ кричитъ, чтобы я взялъ налѣво; а зачѣмъ на-

лѣво? думалъ Николай! Развѣ мы къ Мелюковымъ ѣдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѣдемъ, и Богъ знаетъ что съ нами дѣлается — и очень странно и хорошо то, что съ нами дѣлается“. Онъ оглянулся въ сани.

— Посмотри, у него и усы и рѣсницы все бѣлое, сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ странныхъ, хорошенькихъ и чужихъ людей съ тонкими усами и бровями.

„Этотъ, кажется, была Наташа, подумалъ Николай, а это мадамъ Шоссъ, а можетъ быть и нѣтъ; а этотъ черкесъ съ усами не знаю кто, но я люблю ее“.

— Не холодно ли вамъ? спросилъ онъ. Онѣ не отвѣчали и засмѣялись. Диммлеръ изъ заднихъ саней что-то кричалъ, вѣроятно смѣшное, но нельзя было разслышать, что онъ кричалъ.

— Да, да, смѣясь, отвѣчали голоса.

Однако вотъ какой-то волшебный лѣсъ съ переливающимися черными тѣнями и блестками алмазовъ и съ какою-то анфиладой мраморныхъ ступеней, и какія-то серебряныя крыши волшебныхъ зданій, и пронзительный визгъ какихъ-то звѣрей. „А ежели и въ самомъ дѣлѣ это Мелюковка, то еще страннѣе то, что мы ѣхали Богъ знаетъ гдѣ и пріѣхали въ Мелюковку, думалъ Николай.

Дѣйствительно это была Мелюковка, и на подъѣздъ выбѣжали дѣвки и лакеи со свѣчами и радостными лицами.

— Кто такой? спрашивали съ подъѣзда.

— Графскіе наряженные, по лошадямъ вижу, отвѣчали голоса.

XI.

Пелагея Даниловна Мелюкова, широкая, энергическая женщина, въ очкахъ и распашномъ капотѣ, сидѣла въ го-

стиной, окруженная дочерьми, которымъ она старалась не дать скучать. Онѣ тихо лили воскъ и смотрѣли на тѣни выходившихъ фигуръ, когда зашумѣли въ передней шаги и голоса пріѣзжихъ.

Гусары, барыни, вѣдьмы, паяцы, медвѣди, прокашливаясь и обтирая заиндевѣвшія отъ мороза лица въ передней, вошли въ залу, гдѣ поспѣшно зажигали свѣчи. Паяцъ — Диммлеръ съ барыней — Николаемъ открыли пляску. Окруженные кричащими дѣтьми, ряженые, закрывая лица и мѣняя голоса, раскланивались предъ хозяйкой и разстанавливались по комнатѣ.

— Ахъ, узнать нельзя! А Наташа-то! Посмотрите на кого она похожа! Право, напоминаетъ кого-то. Эдуардъ-то Карлычъ какъ хорошъ! Я не узнала. Да какъ танцуетъ! Ахъ, батюшки, и черкесъ какой-то, право, какъ идетъ Сонюшкѣ. Это еще кто? Ну утѣшили! Столы-то примите, Никита, Ваня. А мы такъ тихо сидѣли!

— Ха-ха-ха!... Гусаръ-то, гусаръ-то! Точно мальчикъ, и ноги!... Я видѣть не могу... слышались голоса.

Наташа, любимица молодыхъ Мелюковыхъ, съ ними вмѣстѣ исчезла въ заднія комнаты, куда была потребована пробка и разные халаты и мужскія платья, которыя въ растворенную дверь принимали отъ лакея оголенныя, дѣвичьи руки. Черезъ десять минутъ вся молодежь семейства Мелюковыхъ присоединилась къ ряженымъ.

Пелагея Даниловна, распорядившись очисткой мѣста для гостей и угощеніями для господъ и дворовыхъ, не снимая очковъ, съ сдерживаемою улыбкой, ходила между ряжеными, близко глядя имъ въ лица и никого не узнавая. Она не узнавала не только Ростовыхъ и Диммлера, но и никакъ не могла

узнать ни своихъ дочерей, ни тѣхъ мужскихъ халатовъ и мундировъ, которые были на нихъ.

— А это чья такая? говорила она, обращаясь къ своей гувернанткѣ и глядя въ лицо своей дочери, представлявшей казанскаго татарина. — Кажется, изъ Ростовыхъ кто-то. Ну а вы, господинъ гусаръ, въ какомъ полку служите? спрашивала она Наташу. — Туркѣ-то, туркѣ пастилы подай, говорила она обносившему буфетчику: — это ихъ закономъ не запрещено.

Иногда глядя на странныя, но смѣшныя па, которыя выдѣлывали танцующіе, рѣшившіе разъ навсегда, что они наряженные, что никто ихъ не узнаетъ и потому не конфузившіеся, — Пелагея Даниловна закрывалась платкомъ, и все тучное тѣло ея тряслось отъ неудержимаго, добраго, старушечьяго смѣха.

— Сашинетъ-то моя, Сашинетъ-то! говорила она.

Послѣ русскихъ плясокъ и хороводовъ, Пелагея Даниловна соединила всѣхъ дворовыхъ и господъ вмѣстѣ, въ одинъ большой кругъ; принесли кольцо, веревочку и рубликъ, и устроились общія игры.

Черезъ часъ всѣ костюмы измялись и разстроились. Пробочные усы и брови размазались по вспотѣвшимъ, разгорѣвшимся и веселымъ лицамъ. Пелагея Даниловна стала узнавать ряженыхъ, восхищалась тѣмъ, какъ хорошо были сдѣланы костюмы, какъ шли они особенно къ барышнямъ, и благодарила всѣхъ за то, что такъ повеселили ее. Гостей позвали ужинать въ гостиную, а въ залѣ распорядились угощеніемъ дворовыхъ.

— Нѣтъ, въ банѣ гадать, вотъ это страшно! говорила за ужиномъ старая дѣвушка, жившая у Мелюковыхъ.

— Отчего же? спросила старшая дочь Мелюковыхъ.

— Да вы не пойдете, тутъ надо храбрость.

— Я пойду, сказала Соня.

— Разскажите, какъ это было съ барышней? сказала вторая Мелюкова.

— Да вотъ такъ-то, пошла одна барышня, сказала старая дѣвушка, — взяла пѣтуха, два прибора — какъ слѣдуетъ, сѣла. Посидѣла, только слышитъ вдругъ, ѣдетъ... съ колокольцами, съ бубенцами подъѣхали сани; слышитъ, идетъ. Входитъ, совсѣмъ въ образѣ человѣческомъ, какъ есть офицеръ, пришелъ и сѣлъ съ ней за приборъ.

— А! А!... закричала Наташа, съ ужасомъ выкатывая глаза.

— Да какъ же онъ, такъ и говоритъ?

— Да, какъ человѣкъ, все какъ должно быть, и сталъ уговаривать, а ей бы надо занять его разговоромъ до пѣтуховъ; а она заробѣла; — только заробѣла и закрылась руками. Онъ ее и подхватилъ. Хорошо, что тутъ дѣвушки прибѣжали.

— Ну, что пугать ихъ! сказала Пелагея Даниловна.

— Мамаша, вѣдь вы сами гадали... сказала дочь.

— А какъ это въ амбарѣ гадаютъ? спросила Соня.

— Да вотъ хоть бы теперь, пойдутъ къ амбару да и слушаютъ. Чтò услышите: заколачиваетъ, стучитъ — дурно, а пересыпаетъ хлѣбъ — это къ добру; а то бываетъ...

— Мама, разскажите, чтò съ вами было въ амбарѣ?

Пелагея Даниловна улыбнулась.

— Да чтò, я ужъ забыла... сказала она. — Вѣдь вы никто не пойдете?

— Нѣтъ, я пойду; Пелагея Даниловна, пустите меня, я пойду, сказала Соня.

— Ну что жъ, коли не боишься.

— Луиза Ивановна, можно мнѣ? спросила Соня.

Играли ли въ колечко, въ веревочку или рубликъ, разговаривали ли, какъ теперь, Николай не отходилъ отъ Сони, и совсѣмъ новыми глазами смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что онъ нынче только въ первый разъ, благодаря этимъ пробочнымъ усамъ, вполнѣ узналъ ее. Соня дѣйствительно этотъ вечеръ была весела, оживлена и хороша, какою никогда еще не видала её Наташа.

„Такъ вотъ она какая, а я-то дуракъ!“ думалъ онъ, глядя на ея блестящіе глаза и счастливую, восторженную, изъ-подъ усовъ, дѣлающую ямочки на щекахъ, улыбку, которой онъ не видалъ прежде.

— Я ничего не боюсь, сказала Соня. — Можно сейчасъ? Она встала. Сонѣ разсказали гдѣ амбаръ, какъ ей молча стоять и слушать, и подали ей шубку. Она накинула ее себѣ на голову и взглянула на Николая.

„Что за прелесть эта дѣвочка!“ подумалъ онъ. „И о чемъ я думалъ до сихъ поръ!“

Соня вышла въ корридоръ, чтобъ идти въ амбаръ. Николай поспѣшно пошелъ на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко. Дѣйствительно въ домѣ было душно отъ столпившагося народа.

На дворѣ былъ тотъ же неподвижный холодъ, тотъ же мѣсяцъ, только было еще свѣтлѣе. Свѣтъ былъ такъ силенъ и звѣздъ на снѣгѣ было такъ много, что на небо не хотѣлось смотрѣть, и настоящихъ звѣздъ было незамѣтно. На небѣ было черно и скучно, на землѣ было весело.

„Дуракъ я, дуракъ! Чего ждалъ до сихъ поръ?“ подумалъ Николай и, сбѣжавъ на крыльцо, онъ обошелъ уголъ дома

по той тропинкѣ, которая вела къ заднему крыльцу. Онъ зналъ, что здѣсь пойдетъ Соня. На половинѣ дороги стояли сложенныя сажени дровъ, на нихъ былъ снѣгъ, отъ нихъ падала тѣнь; черезъ нихъ и сбоку ихъ, переплетаясь, падали тѣни старыхъ, голыхъ липъ на снѣгъ и дорожку. Дорожка вела къ амбару. Рубленная стѣна амбара и крыша, покрытая снѣгомъ, какъ высѣченныя изъ какого-то драгоцѣннаго камня, блестѣли въ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ саду треснуло дерево, и опять все совершенно затихло. Грудь, казалось, дышала не воздухомъ, а какою-то вѣчно-молодою силой и радостью.

Съ дѣвичьяго крыльца застучали ноги по ступенькамъ, скрипнуло звонко на послѣдней, на которую былъ нанесенъ снѣгъ, и голосъ старой дѣвушки сказалъ:

— Прямо-прямо, вотъ по дорожкѣ, барышня. Только не оглядываться!

— Я не боюсь, отвѣчалъ голосъ Сони, и по дорожкѣ, по направленію къ Николаю, завизжали, засвистѣли въ тоненькихъ башмачкахъ ножки Сони.

Соня шла закутавшись въ шубку. Она была уже въ двухъ шагахъ, когда увидала его; она увидала его тоже не такимъ, какимъ она знала и какого всегда немножко боялась. Онъ былъ въ женскомъ платьѣ съ спутанными волосами и съ счастливою и новою для Сони улыбкой. Соня быстро подбѣжала къ нему.

„Совсѣмъ другая, и все та же“, думалъ Николай, глядя на ея лицо, все освѣщенное луннымъ свѣтомъ. Онъ продѣлъ руки подъ шубку, прикрывавшую ея голову, обнялъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы, надъ которыми были усы и отъ которыхъ пахло жженою пробкой. Соня въ самую сере-

дину губъ поцѣловала его, и выпроставъ маленькія руки, съ обѣихъ сторонъ взяла его за щеки.

— Соня!... Николенька!... только сказали они. Они подбѣжали къ амбару и вернулись назадъ каждый съ своего крыльца.

XII.

Когда всѣ поѣхали назадъ отъ Пелагеи Даниловны, Наташа, всегда все видѣвшая и замѣчавшая, устроила такъ размѣщеніе, что Луиза Ивановна и она сѣли въ сани съ Диммлеромъ, а Соня сѣла съ Николаемъ и дѣвушками.

Николай, уже не перегоняясь, ровно ѣхалъ въ обратный путь, и все вглядываясь въ этомъ странномъ лунномъ свѣтѣ въ Соню, отыскивалъ при этомъ перемѣняющемъ все свѣтѣ, изъ-подъ бровей и усовъ, свою ту прежнюю и теперешнюю Соню, съ которою онъ рѣшилъ уже никогда не разлучаться. Онъ вглядывался, и когда узнавалъ все ту же и другую и вспоминалъ слышавъ этотъ запахъ пробки, смѣшанный съ чувствомъ поцѣлуя, онъ полною грудью вдыхалъ въ себя морозный воздухъ и, глядя на уходящую землю и блестящее небо, онъ чувствовалъ себя опять въ волшебномъ царствѣ.

— Соня, *тебѣ* хорошо? изрѣдка спрашивалъ онъ.

— Да, отвѣчала Соня. — А *тебѣ?*

На серединѣ дороги Николай далъ подержать лошадей кучеру, на минутку подбѣжалъ къ санямъ Наташи и сталъ на отводъ.

— Наташа, сказалъ онъ ей шепотомъ по-французски, — знаешь, я рѣшился насчетъ Сони.

— Ты ей сказалъ? спросила Наташа, вся вдругъ просіявъ отъ радости.

— Ахъ, какая ты странная съ этими усами и бровями, Наташа! Ты рада?

— Я такъ рада, такъ рада! Я ужъ сердилась на тебя. Я тебѣ не говорила, но ты дурно съ ней поступалъ. Это такое сердце, Николенька, какъ я рада! Я бываю гадкая, но мнѣ совѣстно было быть одной счастливою безъ Сони, продолжала Наташа. — Теперь я такъ рада, ну, бѣги къ ней.

— Нѣтъ, постой, ахъ, какая ты смѣшная! сказалъ Николай, все всматриваясь въ нее, и въ сестрѣ тоже находя что-то новое, необыкновенное и обворожительно-нѣжное, чего онъ прежде не видалъ въ ней. — Наташа, что-то волшебное. А?

— Да, отвѣчала она, — ты прекрасно сдѣлалъ.

„Если-бъ я прежде видѣлъ ее такою, какою она теперь, думалъ Николай, я бы давно спросилъ, что сдѣлать, и сдѣлалъ бы все, что бы она ни велѣла, и все бы было хорошо".

— Такъ ты рада, и я хорошо сдѣлалъ?

— Ахъ, такъ хорошо! Я недавно съ мамашей поссорилась за это. Мама сказала, что она тебя ловитъ. Какъ это можно говорить! Я съ мама чуть не побранилась. И никому никогда не позволю ничего дурнаго про нее сказать и подумать, потому что въ ней одно хорошее.

— Такъ хорошо? сказалъ Николай, еще разъ высматривая выраженіе лица сестры, чтобъ узнать, правда ли это, и скрипя сапогами, онъ соскочилъ съ отвода и побѣжалъ къ своимъ санямъ. Все тотъ же счастливый, улыбающійся черкесъ, съ усиками и блестящими глазами, смотрѣвшій изъ-подъ собольяго капора, сидѣлъ тамъ, и этотъ черкесъ былъ Соня, и эта Соня была навѣрное его будущая, счастливая и любящая жена.

Пріѣхавъ домой и разсказавъ матери о томъ, какъ они

провели время у Мелюковыхъ, барышни ушли къ себѣ. Раздѣвшись, но не стирая пробочныхъ усовъ, онѣ долго сидѣли, разговаривая о своемъ счастьи. Онѣ говорили о томъ, какъ онѣ будутъ жить замужемъ, какъ ихъ мужья будутъ дружны и какъ онѣ будутъ счастливы. На Наташиномъ столѣ стояли еще съ вечера приготовленныя Дуняшей зеркала.

— Только когда все это будетъ? Я боюсь, что никогда... Это было бы слишкомъ хорошо! сказала Наташа, вставая и подходя къ зеркаламъ.

— Садись, Наташа, можетъ-быть ты увидишь его, сказала Соня. Наташа зажгла свѣчи и сѣла.

— Какого то съ усами вижу, сказала Наташа, видѣвшая свое лицо.

— Не надо смѣяться, барышня, сказала Дуняша.

Наташа нашла съ помощью Сони и горничной положеніе зеркалу; лицо ея приняло серьезное выраженіе, и она замолкла. Долго она сидѣла, глядя на рядъ уходящихъ свѣчей въ зеркалахъ, предполагая (соображаясь съ слышанными разсказами) то, что она увидитъ гробъ, то, что увидитъ *его*, князя Андрея, въ этомъ послѣднемъ, сливающемся, смутномъ квадратѣ. Но какъ ни готова она была принять малѣйшее пятно за образъ человѣка или гроба, она ничего не видала. Она часто стала мигать и отошла отъ зеркала.

— Отчего другіе видятъ, а я ничего не вижу? сказала она. — Ну, садись ты, Соня; нынче непремѣнно тебѣ надо, сказала она. — Только за меня... Мнѣ такъ страшно нынче!

Соня сѣла за зеркало, устроила положеніе, и стала смотрѣть.

— Вотъ Софья Александровна непремѣнно увидятъ, шепотомъ сказала Дуняша; — а вы все смѣетесь.

Соня слышала эти слова, и слышала, какъ Наташа шопотомъ сказала:

— И я знаю, что она увидитъ; она и прошлаго года видѣла.

Минуты три всѣ молчали.

— Непремѣнно! прошептала Наташа и не докончила... Вдругъ Соня отсторонила то зеркало, которое она держала, и закрыла глаза рукой.

— Ахъ, Наташа! сказала она.

— Видѣла? Видѣла? Чтò видѣла? вскрикнула Наташа, поддерживая зеркало.

Соня ничего не видала, она только что хотѣла замигать глазами и встать, когда услыхала голосъ Наташи, сказавшей „непремѣнно“... Ей не хотѣлось обмануть ни Дуняшу, ни Наташу, и тяжело было сидѣть. Она сама не знала, какъ и вслѣдствіе чего у нея вырвался крикъ, когда она закрыла глаза рукою.

— Его видѣла? спросила Наташа, хватая ее за руку.

— Да. Постой... я... видѣла его, невольно сказала Соня, еще не зная, кого разумѣла Наташа подъ словомъ *его*: *его* — Николая или *его* — Андрея.

„Но отчего же мнѣ не сказать, чтò я видѣла? Вѣдь видятъ же другіе! И кто же можетъ уличить меня въ томъ, что я видѣла или не видала?“ мелькнуло въ головѣ Сони.

— Да, я его видѣла, сказала она.

— Какъ же? Какъ же? Стоитъ или лежитъ?

— Нѣтъ, я видѣла...

— То ничего не было, вдругъ вижу, что онъ лежитъ.

— Андрей лежитъ? Онъ боленъ? испуганно остановившимися глазами глядя на подругу, спрашивала Наташа.

— Нѣтъ, напротивъ, — напротивъ, веселое лицо, и онъ

обернулся ко мнѣ, и въ ту минуту какъ она говорила, ей самой казалось, что она видѣла то, что говорила.

— Ну а потомъ, Соня?..

— Тутъ я не разсмотрѣла, что-то синее и красное.

— Соня! когда онъ вернется? Когда я увижу его! Боже мой! какъ я боюсь за него, и за себя, и за все мнѣ страшно... заговорила Наташа и, не отвѣчая ни слова на утѣшенія Сони, легла въ постель, и долго послѣ того какъ потушили свѣчу, съ открытыми глазами, неподвижно лежала на постели и смотрѣла на морозный лунный свѣтъ сквозь замерзшія окна.

XIII.

Вскорѣ послѣ святокъ Николай объявилъ матери о своей любви къ Сонѣ и о твердомъ рѣшеніи жениться на ней. Графиня, давно замѣчавшая то, что происходило между Соней и Николаемъ, и ожидавшая этого объясненія, молча выслушала его слова и сказала сыну, что онъ можетъ жениться на комъ хочетъ; но что ни она, ни отецъ не дадутъ ему благословенія на такой бракъ. Въ первый разъ Николай почувствовалъ, что мать недовольна имъ, что, несмотря на всю свою любовь къ нему, она не уступитъ ему. Она холодно и не глядя на сына, послала за мужемъ; и когда онъ пришелъ, графиня хотѣла коротко и холодно въ присутствіи Николая сообщить ему въ чемъ дѣло, но не выдержала: заплакала слезами досады и вышла изъ комнаты. Старый графъ сталъ нерѣшительно усовѣщивать Николая и просить его отказаться отъ своего намѣренія. Николай отвѣчалъ, что онъ не можетъ измѣнить своему слову, и отецъ, вздохнувъ и очевидно смущенный, весьма скоро перервалъ свою рѣчь и пошелъ къ графинѣ. При всѣхъ столкновеніяхъ съ сыномъ, графа

не оставляло сознание своей виноватости предъ нимъ за разстройство дѣлъ, и потому онъ не могъ сердиться на сына за отказъ жениться на богатой невѣстѣ и за выборъ безприданной Сони, — онъ только при этомъ случаѣ живѣе вспоминалъ то, что, ежели бы дѣла не были разстроены, нельзя было для Николая желать лучшей жены, чѣмъ Соня; и что виноватъ въ разстройствѣ дѣлъ только одинъ онъ съ своимъ Митенькой и съ своими непреодолимыми привычками.

Отецъ съ матерью больше не говорили объ этомъ дѣлѣ съ сыномъ; но нѣсколько дней послѣ этого, графиня позвала къ себѣ Соню и съ жестокостью, которой не ожидала ни та, ни другая, графиня упрекала племянницу въ заманиваніи сына и въ неблагодарности. Соня, молча, съ опущенными глазами, слушала жестокія слова графини и не понимала, чего отъ нея требуютъ. Она всѣмъ готова была пожертвовать для своихъ благодѣтелей. Мысль о самопожертвованіи была любимою ея мыслью; но въ этомъ случаѣ она не могла понять, кому и чѣмъ ей надо жертвовать. Она не могла не любить графиню и всю семью Ростовыхъ, но и не могла не любить Николая и не знать, что его счастіе зависѣло отъ этой любви. Она была молчалива и грустна, и не отвѣчала. Николай не могъ, какъ ему казалось, перенести долѣе этого положенія и пошелъ объясниться съ матерью. Николай то умолялъ мать простить его и Соню и согласиться на ихъ бракъ, то угрожалъ матери тѣмъ, что, ежели Соню будутъ преслѣдовать, то онъ сейчасъ же женится на ней тайно.

Графиня съ холодностью, которой никогда не видалъ сынъ, отвѣчала ему, что онъ совершеннолѣтній, что князь Андрей женится безъ согласія отца, и что онъ можетъ то же сдѣлать,

но что никогда она не признаетъ эту *интриганку* своею дочерью.

Взорванный словомъ *интриганка*, Николай, возвысивъ голосъ, сказалъ матери, что онъ никогда не думалъ, чтобы она заставляла его продавать свои чувства, и что ежели это такъ, то онъ послѣдній разъ говоритъ... Но онъ не успѣлъ сказать того рѣшительнаго слова, котораго, судя по выраженію его лица, съ ужасомъ ждала мать, и которое, можетъ-быть, навсегда бы осталось жестокимъ воспоминаніемъ между ними. Онъ не успѣлъ договорить, потому что Наташа съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ вошла въ комнату отъ двери, у которой она подслушивала.

— Николенька, ты говоришь пустяки, замолчи, замолчи! Я тебѣ говорю, замолчи!... почти кричала она, чтобы заглушить его голосъ.

— Мама, голубчикъ, это совсѣмъ не оттого... душечка моя, бѣдная, обращалась она къ матери, которая, чувствуя себя на краю разрыва, съ ужасомъ смотрѣла на сына; но вслѣдствіе упрямства и увлеченія борьбы не хотѣла и не могла сдаться. — Николенька, я тебѣ растолкую, ты уйди — вы послушайте, мама голубушка, говорила она матери.

Слова ея были безсмысленны; но они достигли того результата, къ которому она стремилась.

Графиня, тяжело захлипавъ, спрятала лицо на груди дочери, а Николай всталъ, схватился за голову и вышелъ изъ комнаты.

Наташа взялась за дѣло примиренія и довела его до того, что Николай получилъ обѣщаніе отъ матери въ томъ, что Соню не будутъ притѣснять, и самъ далъ обѣщаніе, что онъ ничего не предприметъ тайно отъ родителей.

Съ твердымъ намѣреніемъ, устроивъ въ полку свои дѣла, выйти въ отставку, пріѣхать и жениться на Сонѣ, Николай, грустный и серьезный, въ разладѣ съ родными, но какъ ему казалось страстно влюбленный, въ началѣ января уѣхалъ въ полкъ.

Послѣ отъѣзда Николая въ домѣ Ростовыхъ стало грустнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Графиня отъ душевнаго разстройства сдѣлалась больна.

Соня была печальна и отъ разлуки съ Николаемъ, и еще болѣе отъ того враждебнаго тона, съ которымъ не могла не обращаться съ ней графиня. Графъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ озабоченъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ, требовавшихъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Необходимо было продать московскій домъ и подмосковную, а для продажи дома нужно было ѣхать въ Москву. Но здоровье графини заставляло со дня на день откладывать отъѣздъ.

Наташа, легко и даже весело переносившая первое время разлуки съ своимъ женихомъ, теперь съ каждымъ днемъ становилась взволнованнѣе и нетерпѣливѣе. Мысль о томъ, что такъ даромъ, ни для кого пропадетъ ея лучшее время, которое бы она употребила на любовъ къ нему — неотступно мучила ее. Письма его большею частью сердили ее. Ей оскорбительно было думать, что тогда какъ она живетъ только мыслью о немъ, онъ живетъ настоящею жизнью, видитъ новыя мѣста, новыхъ людей, которые для него интересны. Чѣмъ занимательнѣе были его письма, тѣмъ ей было досаднѣе. Ея же письма къ нему не только не доставляли ей утѣшенія, но представлялись скучною и фальшивою обязанностью. Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ правдиво хоть одну ты-

сячную долю того, что она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ. Она писала ему классически-однообразныя сухія письма, которымъ сама не приписывала никакого значенія и въ которыхъ, по брульонамъ, графиня поправляла ей орѳографическія ошибки.

Здоровье графини все не поправлялось; но откладывать поѣздку въ Москву уже не было возможности. Нужно было дѣлать приданое, нужно было продать домъ, и притомъ князя Андрея ждали сперва въ Москву, гдѣ въ эту зиму жилъ князь Николай Андреичъ, и Наташа была увѣрена, что онъ уже пріѣхалъ.

Графиня осталась въ деревнѣ, а графъ взявъ съ собой Соню и Наташу, въ концѣ января поѣхалъ въ Москву.

38

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Пьеръ, послѣ сватовства князя Андрея и Наташи, безъ всякой очевидной причины, вдругъ почувствовалъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Какъ ни твердо онъ былъ убѣжденъ въ истинахъ, открытыхъ ему его благодѣтелемъ, какъ ни радостно ему было то первое время увлеченія внутреннею работой самосовершенствованія, которой онъ предался съ такимъ жаромъ; послѣ помолвки князя Андрея съ Наталией и послѣ смерти Іосифа Алексѣевича, о которой онъ получилъ извѣстіе почти въ то же время — вся прелесть этой прежней жизни вдругъ пропала для него. Остался одинъ остовъ жизни: его домъ съ блестящею женой, пользовавшеюся теперь милостями одного важнаго лица, знакомство со всѣмъ Петербургомъ, и служба со скучными формальностями. И эта прежняя жизнь вдругъ съ неожиданною мерзостью представилась Пьеру. Онъ пересталъ писать свой дневникъ, избѣгалъ общества братьевъ, сталъ опять ѣздить въ клубъ, сталъ опять много пить, опять сблизился съ холостыми компаніями, и началъ вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужнымъ сдѣлать ему строгое

замѣчаніе. Пьеръ, почувствовавъ, что она была права, и чтобы не компромметировать свою жену, уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ только онъ въѣхалъ въ свой огромный домъ съ засохшими и засыхающими княжнами, съ громадною дворней, какъ только онъ увидалъ — проѣхавъ по городу — эту Иверскую часовню съ безчисленными огнями свѣчъ передъ золотыми ризами, эту Кремлевскую площадь съ незаѣзженнымъ снѣгомъ, этихъ извозчиковъ и лачужки Сивцева Вражка, увидалъ стариковъ московскихъ, ничего не желающихъ, и никуда не спѣша доживающихъ свой вѣкъ, увидалъ старушекъ-московскихъ барынь, московскіе балы и московскій Англійскій клубъ, — онъ почувствовалъ себя дома, въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тепло, привычно и грязно, какъ въ старомъ халатѣ.

Московское общество все, начиная отъ старухъ до дѣтей, какъ своего давно жданнаго гостя, котораго мѣсто всегда было готово и не занято, — приняло Пьера. Для московскаго свѣта, Пьеръ былъ самымъ милымъ, добрымъ, умнымъ, веселымъ, великодушнымъ чудакомъ, разсѣяннымъ и душевнымъ, русскимъ, стараго покроя, бариномъ. Кошелекъ его всегда былъ пустъ, потому что открытъ для всѣхъ.

Бенефисы, дурныя картины, статуи, благотворительныя общества, цыгане, школы, подписные обѣды, кутежи, масоны, церкви, книги — никто и ничто не получало отказа, и ежели бы не два его друга, занявшіе у него много денегъ и взявшіе его подъ свою опеку, онъ бы все роздалъ. Въ клубѣ не было ни обѣда, ни вечера безъ него. Какъ только онъ приваливался на свое мѣсто на диванѣ послѣ двухъ бутылокъ Марго, его окружали, и завязывались толки, споры, шутки. Гдѣ ссорились, онъ — одною своею доброю улыбкой и кстати

связанною шуткой — мирилъ. Масонскія столовыя ложи были скучны и вялы, ежели его не было.

Когда послѣ холостаго ужина онъ, съ доброю и сладкою улыбкой, сдаваясь на просьбы веселой компаніи, подымался, чтобы ѣхать съ ними, между молодежью раздавались радостные, торжественные крики. На балахъ онъ танцовалъ, если не доставало кавалера. Молодыя дамы и барышни любили его за то, что онъ, не ухаживая ни за кѣмъ, былъ со всѣми одинаково любезенъ, особенно послѣ ужина. „Онъ прелестенъ, онъ не имѣетъ пола", говорили про него по-французски.

Пьеръ былъ тѣмъ отставнымъ добродушно-доживающимъ свой вѣкъ въ Москвѣ камергеромъ, какихъ были сотни.

Какъ бы онъ ужаснулся, ежели бы семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ только пріѣхалъ изъ-за границы, кто-нибудь сказалъ бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его колея давно пробита, опредѣлена предвѣчно, и что, какъ онъ ни вертись, онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ были всѣ въ его положеніи. Онъ не могъ бы повѣрить этому! Развѣ не онъ всей душой желалъ то произвести республику въ Россіи, то самому быть Наполеономъ, то философомъ, то тактикомъ, побѣдителемъ Наполеона? Развѣ не онъ видѣлъ возможность и страстно желалъ переродить порочный родъ человѣческій и самого себя довести до высшей степени совершенства? Развѣ не онъ учреждалъ и школы и больницы и отпускалъ своихъ крестьянъ на волю.

А вмѣсто всего этого, вотъ онъ, богатый мужъ невѣрной жены, камергеръ въ отставкѣ, любящій покушать, выпить, и, расстегнувшись, побранить слегка правительство, членъ московскаго Англійскаго клуба и всѣми любимый членъ московскаго общества. Онъ долго не могъ помириться съ тою

мыслью, что онъ есть тотъ самый отставной московскій камергеръ, типъ котораго онъ такъ глубоко презиралъ семь лѣтъ тому назадъ.

Иногда онъ утѣшалъ себя мыслями, что это только такъ, покамѣстъ онъ ведетъ эту жизнь; но потомъ его ужасала другая мысль, что такъ, покамѣстъ, уже сколько людей входили, какъ онъ, со всѣми зубами и волосами въ эту жизнь и въ этотъ клубъ и выходили оттуда безъ одного зуба и волоса.

Въ минуты гордости, когда онъ думалъ о своемъ положеніи, ему казалось, что онъ совсѣмъ другой, особенный отъ тѣхъ отставныхъ камергеровъ, которыхъ онъ презиралъ прежде, что тѣ были пошлые и глупые, довольные и успокоенные своимъ положеніемъ, „а я и теперь все недоволенъ, все мнѣ хочется сдѣлать что-то для человѣчества“, говорилъ онъ себѣ въ минуты гордости. „А можетъ быть и всѣ тѣ мои товарищи, точно такъ же, какъ и я, бились, искали какой-то новой, своей дороги въ жизни, и такъ же, какъ и я, силой обстановки, общества, породы, той стихійной силой, противъ которой не властенъ человѣкъ, были приведены туда же, куда и я“, говорилъ онъ себѣ въ минуты скромности, и поживши въ Москвѣ нѣсколько времени, онъ не презиралъ уже, а начиналъ любить, уважать и жалѣть, такъ же, какъ и себя, своихъ по судьбѣ товарищей.

На Пьера не находили, какъ прежде, минуты отчаянія, хандры и отвращенія къ жизни; но та же болѣзнь, выражавшаяся прежде рѣзкими припадками, была вогнана внутрь и ни на мгновенье не покидала его. Къ чему? Зачѣмъ? Что такое творится на свѣтѣ? спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ по нѣскольку разъ въ день, невольно начиная вду-

мываться въ смыслъ явленій жизни; но опытомъ зная, что на вопросы эти не было отвѣтовъ, онъ поспѣшно старался отвернуться отъ нихъ, брался за книгу, или спѣшилъ въ клубъ, или къ Аполлону Николаевичу болтать о городскихъ сплетняхъ.

„Елена Васильевна, никогда ничего не любившая кромѣ своего тѣла, и одна изъ самыхъ глупыхъ женщинъ въ мірѣ“, думалъ Пьеръ, „представляется людямъ верхомъ ума и утонченности, и предъ ней преклоняются. Наполеонъ Бонапартъ былъ презираемъ всѣми до тѣхъ поръ, пока онъ былъ великъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жалкимъ комедіантомъ — императоръ Францъ добивается предложить ему свою дочь въ незаконныя супруги. Испанцы воссылаютъ мольбы Богу, черезъ католическое духовенство, въ благодарность за то, что они побѣдили 14-го іюня французовъ, а французы воссылаютъ мольбы черезъ то же католическое духовенство о томъ, что они 14-го іюня побѣдили испанцевъ. Братья мои масоны клянутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для ближняго, а не платятъ по одному рублю на сборы для бѣдныхъ, и интригуютъ Астрея противъ ищущихъ манны, и хлопочутъ о настоящемъ шотландскомъ коврѣ и объ актѣ, смысла котораго не знаетъ и тотъ, кто писалъ его, и котораго никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему — законъ, вслѣдствіе котораго мы воздвигли въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей, а вчера засѣкли кнутомъ бѣжавшаго человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давалъ цѣловать солдату крестъ предъ казнью“. Такъ думалъ Пьеръ, и эта вся, общая, всѣми признаваемая ложь, какъ онъ ни привыкъ къ ней,

какъ будто что-то новое, всякій разъ изумляла его. — „Я понимаю эту ложь и путаницу“, думалъ онъ, „но какъ мнѣ разсказать имъ все, что̀ я понимаю? Я пробовалъ и всегда находилъ, что и они въ глубинѣ души понимаютъ то же, что̀ и я, но стараются только не видѣть ея. Стало-быть такъ надо! Но мнѣ-то, мнѣ куда дѣваться?“ думалъ Пьеръ. Онъ испытывалъ несчастную способность многихъ, особенно русскихъ людей, — способность видѣть и вѣрить въ возможность добра и правды, и слишкомъ ясно видѣть зло и ложь жизни, для того чтобы быть въ силахъ принимать въ ней серьезное участіе. Всякая область труда въ глазахъ его соединялась со зломъ и обманомъ. Чѣмъ онъ ни пробовалъ быть, за что̀ онъ ни брался — зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности. А между тѣмъ надо было жить, надо было быть заняту. Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, чтобы только забыть ихъ. Онъ ѣздилъ во всевозможныя общества, много пилъ, покупалъ картины и строилъ, а главное читалъ.

Онъ читалъ и читалъ все, что̀ попадалось подъ руку, и читалъ такъ, что, пріѣхавъ домой, когда лакеи еще раздѣвали его, онъ, уже взявъ книгу, читалъ — и отъ чтенія переходилъ ко сну, и отъ сна къ болтовнѣ въ гостиныхъ и клубѣ, отъ болтовни къ кутежу и женщинамъ, отъ кутежа опять къ болтовнѣ, чтенію и вину. Пить вино для него становилось все больше и больше физическою и вмѣстѣ нравственною потребностью. Несмотря на то, что доктора говорили ему, что, съ его корпуленціей, вино для него опасно, онъ очень много пилъ. Ему становилось вполнѣ хорошо только тогда, когда онъ, самъ не замѣчая какъ, опрокинувъ

въ свой большой ротъ нѣсколько стакановъ вина, испытывалъ пріятную теплоту въ тѣлѣ, нѣжность ко всѣмъ своимъ ближнимъ и готовность ума поверхностно отзываться на всякую мысль, не углубляясь въ сущность ея. Только выпивъ бутылку и двѣ вина, онъ смутно сознавалъ, что тотъ запутанный, страшный узелъ жизни, который ужасалъ его прежде, не такъ страшенъ, какъ ему казалось. Съ шумомъ въ головѣ, болтая, слушая разговоры или читая послѣ обѣда и ужина, онъ безпрестанно видѣлъ этотъ узелъ, какою-нибудь стороной его. Но только подъ вліяніемъ вина онъ говорилъ себѣ: „Это ничего. Это я распутаю — вотъ у меня и готово объясненіе. Но теперь некогда, — я послѣ обдумаю все это!“ Но это *послѣ* никогда не приходило.

Натощакъ, поутру, всѣ прежніе вопросы представлялись столь же неразрѣшимыми и страшными, и Пьеръ торопливо хватался за книгу и радовался, когда кто-нибудь приходилъ къ нему.

Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ нея какъ умѣю!“ думалъ Пьеръ. — „Только бы не видать *ее*, эту страшную *ее*“.

II.

Въ началѣ зимы, князь Николай Андреичъ Болконскій съ дочерью пріѣхали въ Москву. По своему прошедшему, по своему уму и оригинальности, въ особенности по ослабленію на ту пору восторга къ царствованію императора Александра, и по тому антифранцузскому и патріотическому направленію, которое царствовало въ то время въ Москвѣ, князь Николай Андреичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей и центромъ московской оппозиціи правительству.

Князь очень постарѣлъ въ этотъ годъ. Въ немъ появились рѣзкіе признаки старости; неожиданныя засыпанья, забывчивость ближайшихъ по времени событій и памятливость къ давнишнимъ, и дѣтское тщеславіе, съ которымъ онъ принималъ роль главы московской оппозиціи. Несмотря на то, когда старикъ, особенно по вечерамъ, выходилъ къ чаю въ своей шубкѣ и пудреномъ парикѣ, и начиналъ, затронутый кѣмъ-нибудь, свои отрывистые разсказы о прошедшемъ, или еще болѣе отрывистыя и рѣзкія сужденія о настоящемъ, — онъ возбуждалъ во всѣхъ своихъ гостяхъ одинаковое чувство почтительнаго уваженія. Для посѣтителей весь этотъ старинный домъ съ огромными трюмо, дореволюціонною мебелью, этими лакеями въ пудрѣ, и самъ прошлаго вѣка крутой и умный старикъ съ его кроткою дочерью и хорошенькою француженкой, которыя благоговѣли предъ нимъ, — представлялъ величественно-пріятное зрѣлище. Но посѣтители не думали о томъ, что кромѣ этихъ двухъ-трехъ часовъ, во время которыхъ они видѣли хозяевъ, было еще 22 часа въ сутки, во время которыхъ шла тайная внутренняя жизнь дома.

Въ послѣднее время въ Москвѣ эта внутреняя жизнь сдѣлалась очень тяжела для княжны Марьи. Она была лишена въ Москвѣ тѣхъ своихъ лучшихъ радостей — бесѣдъ съ Божьими людьми и уединенія, которыя освѣжали ее въ Лысыхъ Горахъ, и не имѣла никакихъ выгодъ и радостей столичной жизни. Въ свѣтъ она не ѣздила: всѣ знали, что отецъ не пускаетъ ее безъ себя, а самъ онъ, по нездоровью, не могъ ѣздить, и ее уже не приглашали на обѣды и вечера. Надежду на замужество княжна Марья совсѣмъ оставила. Она видѣла ту холодность и озлобленіе, съ которыми князь Николай Андреичъ принималъ и спроваживалъ отъ себя молодыхъ людей, могущихъ быть женихами, иногда являвшихся въ ихъ домъ. Друзей у княжны Марьи не было: въ этотъ пріѣздъ въ Москву она разочаровалась въ своихъ двухъ самыхъ близкихъ людяхъ. M-lle Бурьенъ, съ которою она и прежде не могла быть вполнѣ откровенна, теперь стала ей непріятна, и она по нѣкоторымъ причинамъ стала отдаляться отъ нея; Жюли, которая была въ Москвѣ и къ которой княжна Марья писала пять лѣтъ сряду, оказалась совершенно чужою ей, когда княжна Марья вновь сошлась съ нею лично. Жюли въ это время, по случаю смерти братьевъ, сдѣлавшись одною изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Москвѣ, находилась во всемъ разгарѣ свѣтскихъ удовольствій. Она была окружена молодыми людьми, которые, какъ она думала, вдругъ оцѣнили ея достоинства. Жюли находилась въ томъ періодѣ старѣющейся свѣтской барышни, которая чувствуетъ, что наступилъ послѣдній шансъ замужества, и теперь или никогда должна рѣшиться ея участь. Княжна Марья съ грустною улыбкой вспоминала по четвергамъ, что ей теперь писать не къ кому, такъ какъ Жюли,

Жюли, отъ присутствія которой ей не было никакой радости, была здѣсь и видѣлась съ нею каждую недѣлю. Она, какъ старый эмигрантъ, отказавшійся жениться на дамѣ, у которой онъ проводилъ нѣсколько лѣтъ свои вечера, жалѣла о томъ, что Жюли была здѣсь и ей некому было писать. Княжнѣ Марьѣ въ Москвѣ не съ кѣмъ было поговорить, некому повѣрить своего горя, а горя много прибавилось новаго за это время. Срокъ возвращенія князя Андрея и его женитьбы приближался, а его порученіе приготовить къ тому отца не только не было исполнено, но дѣло напротивъ казалось совсѣмъ испорчено, и напоминаніе о графинѣ Ростовой выводило изъ себя стараго князя, и такъ уже большую часть времени бывшаго не въ духѣ. Новое горе, прибавившееся въ послѣднее время для княжны Марьи, были уроки, которые она давала шестилѣтнему племяннику. Въ своихъ отношеніяхъ съ Николушкой она съ ужасомъ узнавала въ себѣ свойство раздражительности своего отца. Сколько разъ она ни говорила себѣ, что не надо позволять себѣ горячиться, уча племянника, почти всякій разъ, какъ она садилась съ указкой за французскую азбуку, ей такъ хотѣлось поскорѣе, полегче перелить изъ себя свое знаніе въ ребенка, уже боявшагося, что вотъ-вотъ тетя разсердится, что она при малѣйшемъ невниманіи со стороны мальчика вздрагивала, торопилась, горячилась, возвышала голосъ, иногда дергала его за ручку и ставила въ уголъ. Поставивъ его въ уголъ, она сама начинала плакать надъ своею злою, дурною натурой, и Николушка, подражая ей рыданіями, безъ позволенья выходилъ изъ угла, подходилъ къ ней и отдергивалъ отъ лица ея мокрыя руки, и утѣшалъ ее. Но болѣе, болѣе всего горя доставляла княжнѣ раздражительность ея отца, всегда напра-

ленная противъ дочери и дошедшая въ послѣднее время до жестокости. Ежели бы онъ заставлялъ ее всѣ ночи класть поклоны, ежели бы онъ билъ ее, заставлялъ таскать дрова и воду, — ей бы и въ голову не пришло, что ея положеніе трудно; но этотъ любящій мучитель — самый жестокій отъ того, что онъ любилъ и за то мучилъ себя и ее — умышленно умѣлъ не только оскорбить, унизить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всемъ была виновата. Въ послѣднее время въ немъ появилась новая черта, болѣе всего мучившая княжну Марью, — это было его большее и большее сближеніе съ m-lle Бурьенъ. Пришедшая ему, въ первую минуту по полученіи извѣстія о намѣреніи своего сына, мысль-шутка о томъ, что ежели Андрей женится, то и онъ самъ женится на Бурьенъ — видимо понравилась ему, и онъ съ упорствомъ послѣднее время (какъ казалось княжнѣ Марьѣ) только для того, чтобъ ее оскорбить, выказывалъ особенную ласку къ m-lle Бурьенъ, и выказывалъ свое недовольство къ дочери выказываньемъ любви къ Бурьенъ.

Однажды въ Москвѣ, въ присутствіи княжны Марьи (ей казалось, что отецъ нарочно при ней это сдѣлалъ), старый князь поцѣловалъ у m-lle Бурьенъ руку и, притянувъ ее къ себѣ, обнялъ, лаская. Княжна Марья вспыхнула и выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ m-lle Бурьенъ вошла къ княжнѣ Марьѣ, улыбаясь и что-то весело разсказывая своимъ пріятнымъ голосомъ. Княжна Марья поспѣшно отерла слезы, рѣшительными шагами подошла къ Бурьенъ и, видимо сама того не зная, съ гнѣвною поспѣшностью и взрывами голоса, начала кричать на француженку:

— Это гадко, низко, безчеловѣчно пользоваться слабостью...

Она не договорила. — Уйдите вонъ изъ моей комнаты, прокричала она, и зарыдала.

На другой день князь ни слова не сказалъ своей дочери; но она замѣтила, что за обѣдомъ онъ приказалъ подавать кушанье, начиная съ m-lle Бурьенъ. Въ концѣ обѣда, когда буфетчикъ, по прежней привычкѣ, опять подалъ кофе, начиная съ княжны, князь вдругъ пришелъ въ бѣшенство, бросилъ костылемъ въ Филиппа, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ его въ солдаты.

— Не слышатъ... два раза сказалъ! не слышатъ! Она — первый человѣкъ въ этомъ домѣ; она — мой лучшій другъ, кричалъ князь. — И ежели ты позволишь себѣ, закричалъ онъ въ гнѣвѣ, въ первый разъ обращаясь къ княжнѣ Марьѣ, — еще разъ какъ вчера ты осмѣлилась... забыться передъ ней, то я тебѣ покажу, кто хозяинъ въ домѣ. Вонъ! чтобъ я не видалъ тебя; проси у нея прощенья!

Княжна Марья просила прощенья у Амальи Евгеніевны и у отца за себя и за Филиппа-буфетчика, который просилъ заступы.

Въ такія минуты въ душѣ княжны Марьи собиралось чувство, похожее на гордость жертвы. И вдругъ въ такія-то минуты, при ней, этотъ отецъ, котораго она осуждала, или искалъ очки, ощупывая подлѣ нихъ и не видя, или забывалъ то, что сейчасъ было, или дѣлалъ слабѣющими ногами невѣрный шагъ и оглядывался, не видалъ ли кто его слабости, или, что было хуже всего, онъ за обѣдомъ, когда не было гостей, возбуждавшихъ его, вдругъ задремывалъ, выпуская салфетку, и склонялся надъ тарелкой трясущейся головой. „Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать его!“ думала она съ отвращеніемъ къ самой себѣ въ такія минуты.

III.

Въ 1811-мъ году въ Москвѣ жилъ быстро вошедшій въ моду французскій докторъ, огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновеннаго искусства — Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный.

Князь Николай Андреичъ, смѣявшійся надъ медициной, послѣднее время, по совѣту m-lle Бурьенъ, допустилъ къ себѣ этого доктора и привыкъ къ нему. Метивье раза два въ недѣлю бывалъ у князя.

Въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома, но онъ никого не велѣлъ принимать; а только немногихъ, списокъ которыхъ онъ передалъ княжнѣ Марьѣ, велѣлъ звать къ обѣду.

Метивье, пріѣхавшій утромъ съ поздравленіемъ, въ качествѣ доктора, нашелъ приличнымъ „нарушить приказъ", какъ онъ сказалъ княжнѣ Марьѣ, и вошелъ къ князю. Случилось такъ, что въ это именинное утро старый князь былъ въ одномъ изъ своихъ самыхъ дурныхъ расположеній духа. Онъ цѣлое утро ходилъ по дому, придираясь ко всѣмъ и дѣлая видъ, что онъ не понимаетъ того, что ему говорятъ, и что его не понимаютъ. Княжна Марья твердо знала это состояніе духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрѣшалась взрывомъ бѣшенства, и какъ передъ заряженнымъ, съ взведенными курками, ружьемъ, ходила все это утро, ожидая неизбѣжнаго выстрѣла. Утро, до пріѣзда доктора, прошло благополучно. Пропустивъ доктора, княжна Марья сѣла съ книгой въ гостиной у двери, отъ которой она могла слышать все то, что происходило въ кабинетѣ.

Сначала она слышала одинъ голосъ Метивье, потомъ голосъ отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь распахнулась, и на порогѣ показалась испуганная красивая фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ, и фигура князя въ колпакѣ и халатѣ съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными зрачками глазъ.

— Не понимаешь? кричалъ князь, — а я понимаю! французскій шпіонъ, Бонапартовъ рабъ, шпіонъ, вонъ изъ моего дома — вонъ, я говорю! И онъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ m-lle Бурьенъ, прибѣжавшей на крикъ изъ сосѣдней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ; желчь и приливъ къ головѣ. Не безпокойтесь, я заѣду завтра, сказалъ Метивье и, приложивъ палецъ къ губамъ, поспѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: „Шпіоны, измѣнники, вездѣ измѣнники! Въ своемъ домѣ нѣтъ минуты покоя!“

Послѣ отъѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ дочь, и вся сила его гнѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпіона. Вѣдь онъ сказалъ, ей сказалъ, чтобъ она составила списокъ, и тѣхъ, кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ же пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ ней онъ не могъ имѣть ни минуты покоя, не могъ умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣтъ, матушка, разойтись, разойтись, это вы знайте, знайте! Я теперь больше не могу, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобъ она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и стараясь принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобъ

я это сказалъ вамъ въ минуту сердца, а я спокоенъ, и я обдумалъ это; и это будетъ — разойдитесь, поищите себѣ мѣста!... Но онъ не выдержалъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любитъ, онъ, видимо самъ страдая, затрясъ кулаками и прокричалъ ей.

— И хоть бы какой-нибудь дуракъ взялъ ее замужъ! — Онъ хлопнулъ дверью, позвалъ къ себѣ m-lle Бурьенъ и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа съѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — извѣстный графъ Растопчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Пьеръ и Борисъ Друбецкой ждали его въ гостиной.

На дняхъ пріѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ пожелалъ быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу, и сумѣлъ до такой степени снискать его расположеніе, что князь для него сдѣлалъ исключеніе изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

Домъ князя былъ не то, что называется „свѣтъ" но это былъ такой маленькій кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятымъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растопчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда ѣзжу прикладываться къ мощамъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ, да, да, отвѣчалъ главнокомандующій. — Что онъ?...

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной высокой, съ старою мебелью, гостиной предъ обѣдомъ, было похоже на собравшійся торжественный совѣтъ судилища.

Всѣ молчали, и ежели говорили, то говорили тихо. Князь Николай Андреичъ вышелъ серьезенъ и молчаливъ. Княжна Марья еще болѣе казалась тихою и робкою, чѣмъ обыкновенно. Гости неохотно обращались къ ней, потому что видѣли, что ей было не до ихъ разговоровъ. Графъ Растопчинъ одинъ держалъ нить разговора, разсказывая о послѣднихъ, то городскихъ, то политическихъ новостяхъ.

Лопухинъ и старый генералъ изрѣдка принимали участіе въ разговорѣ. Князь Николай Андреичъ слушалъ, какъ верховный судья слушаетъ докладъ, который дѣлаютъ ему, только изрѣдка молчаніемъ или короткимъ словцомъ заявляя, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію то, что ему докладываютъ. Тонъ разговора былъ такой, что понятно было, никто не одобрялъ того, что дѣлалось въ политическомъ мірѣ. Разсказывали о событіяхъ, очевидно подтверждающихъ то, что все шло хуже и хуже; но во всякомъ разсказѣ и сужденіи было поразительно то, какъ разсказчикъ останавливался или бывалъ останавливаемъ всякій разъ на той границѣ гдѣ сужденіе могло относиться къ лицу государя императора.

За обѣдомъ разговоръ зашелъ о послѣдней политической новости, о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о русской враждебной Наполеону нотѣ, посланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ.

— Бонапартъ поступаетъ съ Европой какъ пиратъ на завоеванномъ кораблѣ, сказалъ графъ Растопчинъ, повторяя уже нѣсколько разъ говоренную имъ фразу. — Удивляешься только долготерпѣнію или ослѣпленію государей. Теперь дѣло доходитъ до папы, и Бонапартъ, уже не стѣсняясь, хочетъ низвергнуть главу католической религіи, и всѣ молчатъ! Одинъ нашъ государь протестовалъ противъ захвата

владѣній герцога Ольденбургскаго. И толстый Графъ Растопчинъ замолчалъ, чувствуя, что онъ стоялъ на томъ рубежѣ, гдѣ уже нельзя осуждать.

— Предложили другія владѣнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства, сказалъ князь Николай Андреичъ. — Точно я мужиковъ изъ Лысыхъ Горъ переселялъ въ Богучарово и въ рязанскія, такъ и онъ герцоговъ.

— Герцогъ Ольденбургскій переноситъ свое несчастіе съ удивительною силой характера и спокойствіемъ, сказалъ Борисъ почтительно вступая въ разговоръ. Онъ сказалъ это потому, что проѣздомъ изъ Петербурга имѣлъ честь представляться герцогу. Князь Николай Андреичъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка такъ, какъ будто онъ хотѣлъ бы ему сказать кое-что на это, но раздумалъ, считая его слишкомъ для того молодымъ.

— Я читалъ нашъ протестъ объ Ольденбургскомъ дѣлѣ и удивлялся плохой редакціи этой ноты, сказалъ графъ Растопчинъ, небрежнымъ тономъ человѣка, судящаго о дѣлѣ ему хорошо знакомомъ.

Пьеръ съ наивнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Растопчина, не понимая, почему его безпокоила плохая редакція ноты.

— Развѣ не все равно, какъ написана нота, графъ? сказалъ онъ, — если ея содержаніе сильно.

— Мой милый, съ 500 тысячами войска было бы легко имѣть хорошій слогъ, сказалъ графъ Растопчинъ. Пьеръ понялъ, почему графа Растопчина безпокоила редакція ноты.

— Кажется, писакъ довольно развелось, сказалъ старый князь: — тамъ въ Петербургѣ все пишутъ, не только ноты, — новые законы все пишутъ. *Мой Андрюша* тамъ для Россіи

цѣлый волюмъ законовъ написалъ. Нынче все пишутъ! И онъ неестественно засмѣялся.

Разговоръ замолкъ на минуту; старый генералъ прокашливаньемъ обратилъ на себя вниманіе.

— Изволили слышать о послѣднемъ событіи на смотру въ Петербургѣ? какъ себя новые французскіе посланники показали!

— Что̀? Да, я слышалъ что-то; онъ что-то неловко сказалъ при его величествѣ.

— Его величество обратилъ его вниманіе на гренадерскую дивизію и церемоніальный маршъ, продолжалъ генералъ, — и будто посланникъ никакого вниманія не обратилъ и будто позволилъ себѣ сказать, что мы у себя во Франціи на такіе пустяки не обращаемъ вниманія. Государь ничего не изволилъ сказать. На слѣдующемъ смотру, говорятъ, государь ни разу не изволилъ обратиться къ нему.

Всѣ замолчали: на этотъ фактъ, относившійся лично до государя, нельзя было заявлять никакого сужденія.

— Дерзки! сказалъ князь. — Знаете Метивье? Я нынче выгналъ его отъ себя. Онъ здѣсь былъ, пустили ко мнѣ, какъ я ни просилъ никого не пускать, сказалъ князь, сердито взглянувъ на дочь. И онъ разсказалъ весь свой разговоръ съ французскимъ докторомъ и причины, почему онъ убѣдился, что Метивье шпіонъ. Хотя причины эти были очень недостаточны и неясны, никто не возражалъ.

За жаркимъ подали шампанское. Гости встали съ своихъ мѣстъ, поздравляя стараго князя. Княжна Марья тоже подошла къ нему.

Онъ взглянулъ на нее холоднымъ, злымъ взглядомъ и подставилъ ей сморщенную, выбритую щеку. Все выраже-

ніе его лица говорило ей, что утренній разговоръ имъ не забытъ, что рѣшеніе его осталось въ прежней силѣ, и что только благодаря присутствію гостей, онъ не говоритъ ей этого теперь.

Когда вышли въ гостиную къ кофе, старики сѣли вмѣстѣ.

Князь Николай Андреичъ болѣе оживился и высказалъ свой образъ мыслей насчетъ предстоящей войны.

Онъ сказалъ, что войны наши съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ будутъ несчастливы, пока мы будемъ искать союзовъ съ нѣмцами и будемъ соваться въ европейскія дѣла, въ которыя насъ втянулъ Тильзитскій миръ. Намъ ни за Австрію, ни противъ Австріи не надо было воевать. Наша политика вся на Востокѣ, а въ отношеніи Бонапарта одно — вооруженіе на границѣ, и твердость въ политикѣ, и никогда онъ не посмѣетъ переступить русскую границу, какъ въ седьмомъ году.

— И гдѣ намъ, князь, воевать съ французами! сказалъ графъ Растопчинъ. — Развѣ мы противъ нашихъ учителей и боговъ можемъ ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ барынь. Наши боги — французы, наше царство небесное — Парижъ.

Онъ сталъ говорить громче, очевидно для того, чтобъ его слышали всѣ.

— Костюмы французскіе, мысли французскія, чувства французскія! Вы вотъ Метивье въ шеи выгнали, потому что онъ французъ и негодяй, а наши барыни за нимъ ползкомъ ползаютъ. Вчера я на вечерѣ былъ, такъ изъ пяти барынь три католички и по разрѣшенію папы въ воскресенье по канвѣ шьютъ. А сами чуть не голыя сидятъ, какъ вывѣски торговыхъ бань, съ позволенія сказать. Эхъ, поглядишь на

нашу молодежь, князь, взялъ бы старую дубину Петра Великаго изъ кунсткамеры, да по-русски бы обломалъ бока; вся бы дурь соскочила!

Всѣ замолчали. Старый князь съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой.

— Ну, прощайте, ваше сіятельство, не хворайте, сказалъ Растопчинъ, съ свойственными ему быстрыми движеніями поднимаясь и протягивая руку князю.

— Прощай, голубчикъ, — гусли, всегда заслушаюсь его! сказалъ старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцѣлуя щеку. Съ Растопчинымъ поднялись и другіе.

IV.

Княжна Марья, сидя въ гостиной и слушая эти толки и пересуды стариковъ, ничего не понимала изъ того, что она слышала; она думала только о томъ, не замѣчаютъ ли всѣ гости враждебныхъ отношеній ея отца къ ней. Она даже не замѣтила особеннаго вниманія и любезностей, которыя ей во все время этого обѣда оказывалъ Друбецкой, уже третій разъ бывшій въ ихъ домѣ.

Княжна Марья съ разсѣяннымъ, вопросительнымъ взглядомъ обратилась къ Пьеру, который послѣдній изъ гостей, съ шляпой въ рукѣ и съ улыбкой на лицѣ, подошелъ къ ней послѣ того, какъ князь вышелъ, и они одни оставались въ гостиной.

— Можно еще посидѣть? сказалъ онъ, своимъ толстымъ тѣломъ валясь въ кресло подлѣ княжны Марьи.

— Ахъ, да, сказала она. „Вы ничего не замѣтили?“ сказалъ ея взглядъ.

Пьеръ находился въ пріятномъ, послѣобѣденномъ состояніи духа. Онъ глядѣлъ передъ собою и тихо улыбался.

— Давно вы знаете этого молодаго человѣка, княжна? сказалъ онъ.

— Какого?

— Друбецкаго.

— Нѣтъ, недавно...

— Что, онъ вамъ нравится?

— Да, онъ пріятный молодой человѣкъ... Отчего вы у меня это спрашиваете? сказала княжна Марья, продолжая думать о своемъ утреннемъ разговорѣ съ отцомъ.

— Оттого, что я сдѣлалъ наблюденіе, — молодой человѣкъ обыкновенно изъ Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву въ отпускъ только съ цѣлью жениться на богатой невѣстѣ.

— Вы сдѣлали это наблюденіе? сказала княжна Марья.

— Да, продолжалъ Пьеръ съ улыбкой, — и этотъ молодой человѣкъ теперь себя такъ держитъ, что, — гдѣ есть богатыя невѣсты — тамъ и онъ. Я какъ по книгѣ читаю въ немъ. Онъ теперь въ нерѣшительности, кого ему атаковать: васъ или m-lle Жюли Карагину. Онъ къ ней очень внимателенъ.

— Онъ ѣздитъ къ нимъ?

— Да, очень часто. И знаете вы новую манеру ухаживать? съ веселою улыбкой сказалъ Пьеръ, видимо находясь въ томъ веселомъ духѣ добродушной насмѣшки, за который онъ такъ часто въ дневникѣ упрекалъ себя.

— Нѣтъ, сказала княжна Марья.

— Теперь, чтобы понравиться московскимъ дѣвицамъ — надо быть меланхоличнымъ. Онъ очень меланхоличенъ при ней, сказалъ Пьеръ.

— Правда? сказала княжна Марья, глядя въ доброе лицо

Пьера и не переставая думать о своемъ горѣ. „Мнѣ бы легче было“, думала она, „ежели бы я рѣшилась повѣрить кому-нибудь все, что я чувствую. И я бы желала именно Пьеру сказать все. Онъ такъ добръ и благороденъ. Мнѣ бы легче стало. Онъ мнѣ подалъ бы совѣтъ!“

— Пошли бы вы за него замужъ? спросилъ Пьеръ.

— Ахъ, Боже мой, графъ! есть такія минуты, что я пошла бы за всякаго, вдругъ неожиданно для самой себя, со слезами въ голосѣ, сказала княжна Марья. — Ахъ, какъ тяжело бываетъ любить человѣка близкаго и чувствовать, что ничего (продолжала она дрожащимъ голосомъ) не можешь для него сдѣлать, кромѣ горя, когда знаешь, что не можешь этого перемѣнить. Тогда одно — уйти, а куда мнѣ уйти?

— Что вы, что съ вами, княжна?

Но княжна, не договоривъ, заплакала.

— Я не знаю, что со мной нынче. Не слушайте меня, забудьте, что я вамъ сказала.

Вся веселость Пьера исчезла. Онъ озабоченно разспрашивалъ княжну, просилъ ее высказать все, повѣрить ему свое горе; но она только повторила, что проситъ его забыть то, что она сказала, что она не помнитъ, что она сказала, и что у нея нѣтъ горя, кромѣ того, которое онъ знаетъ — горя о томъ, что женитьба князя Андрея угрожаетъ поссорить отца съ сыномъ.

— Слышали ли вы про Ростовыхъ? спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ. — Мнѣ говорили, что они скоро будутъ. Андрея я тоже жду каждый день. Я бы желала, чтобъ они увидѣлись здѣсь.

— А какъ онъ смотритъ теперь на это дѣло? спросилъ Пьеръ, подъ *онъ* разумѣя стараго князя. Княжна Марья покачала головой.

— Но чтó же дѣлать? До года остается только нѣсколько мѣсяцевъ. И это не можетъ быть. Я бы только желала избавить брата отъ первыхъ минутъ. Я желала бы, чтобъ они скорѣе пріѣхали. Я надѣюсь сойтись съ нею... Вы ихъ давно знаете, сказала княжна Марья, — скажите мнѣ, положа руку на сердце, всю истинную правду, чтó это за дѣвушка и какъ вы находите ее? Но всю правду; потому что, вы понимаете, что Андрей такъ много рискуетъ, дѣлая это противъ воли отца, что я бы желала знать...

Неясный инстинктъ сказалъ Пьеру, что въ этихъ оговоркахъ и повторяемыхъ просьбахъ сказать *всю правду* выражалось недоброжелательство княжны Марьи къ своей будущей невѣсткѣ, что ей хотѣлось, чтобы Пьеръ не одобрилъ выбора князя Андрея; но Пьеръ сказалъ то, чтò онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ.

— Я не знаю, какъ отвѣчать на вашъ вопросъ, сказалъ онъ, покраснѣвъ самъ не зная отъ чего. — Я рѣшительно не знаю, чтò это за дѣвушка; я никакъ не могу анализировать ее. Она обворожительна. А отчего, я не знаю: вотъ все, чтò можно про нее сказать. — Княжна Марья вздохнула, и выраженіе ея лица сказало: „Да, я этого ожидала и боялась“.

— Умна она? спросила княжна Марья. Пьеръ задумался.

— Я думаю нѣтъ, сказалъ онъ, — а впрочемъ да. Она не удостоиваетъ быть умною... Да, нѣтъ, она обворожительна, и больше ничего. Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой.

— Ахъ, я такъ желаю любить ее! Вы ей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

— Я слышалъ, что они на дняхъ будутъ, сказалъ Пьеръ.

Княжна Марья сообщила Пьеру свой планъ о томъ, какъ

она, только что пріѣдутъ Ростовы, сблизится съ будущею невѣстой и постарается пріучить къ ней стараго князя.

V.

Женитьба на богатой невѣстѣ въ Петербургѣ не удалась Борису, и онъ съ этою же цѣлью пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ Борисъ находился въ нерѣшительности между двумя самыми богатыми невѣстами — Жюли и княжной Марьей. Хотя княжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнѣе Жюли, ему почему-то неловко было ухаживать за Болконской. Въ послѣднее свое свиданіе съ ней, въ именины стараго князя, на всѣ его попытки заговорить съ ней о чувствахъ, она отвѣчала ему невпопадъ и очевидно не слушала его.

Жюли, напротивъ, хотя и особеннымъ, одной ей свойственнымъ способомъ, но охотно принимала его ухаживанье.

Жюли было 27 лѣтъ. Послѣ смерти своихъ братьевъ, она стала очень богата. Она была теперь совершенно некрасива; но думала, что она не только такъ же хороша, но еще гораздо больше привлекательна, чѣмъ была прежде. Въ этомъ заблужденіи поддерживало ее то, что во-первыхъ она стала очень богатою невѣстой, а во-вторыхъ то, что чѣмъ старѣе она становилась, тѣмъ она была безопаснѣе для мужчинъ, тѣмъ свободнѣе было мужчинамъ обращаться съ нею и, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, пользоваться ея ужинами, вечерами и оживленнымъ обществомъ, собиравшимся у нея. Мужчина, который десять лѣтъ назадъ побоялся бы ѣздить каждый день въ домъ, гдѣ была 17-ти-лѣтняя барышня, чтобы не компрометировать ея и не связать себя, теперь ѣздилъ къ ней смѣло каждый день и обращался съ ней

не какъ съ барышней-невѣстой, а какъ съ знакомою, не имѣющею пола.

Домъ Карагиныхъ былъ въ эту зиму въ Москвѣ самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Кромѣ званыхъ вечеровъ и обѣдовъ, каждый день у Карагиныхъ собиралось большое общество, въ особенности мужчинъ, ужинающихъ въ 12-мъ часу ночи и засиживающихся до 3-го часа. Не было бала, гулянья, театра, который бы пропускала Жюли. Туалеты ея были всегда самые модные. Но несмотря на это, Жюли казалась разочарована во всемъ, говорила всякому, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ какія радости жизни, и ожидаетъ успокоенія только *тамъ*. Она усвоила себѣ тонъ дѣвушки, понесшей великое разочарованіе, дѣвушки, какъ будто потерявшей любимаго человѣка или жестоко обманутой имъ. Хотя ничего подобнаго съ ней не случилось, на нее смотрѣли какъ на такую, и сама она даже вѣрила, что она много пострадала въ жизни. Эта меланхолія, не мѣшавшая ей веселиться, не мѣшала бывавшимъ у нея молодымъ людямъ пріятно проводить время. Каждый гость, пріѣзжая къ нимъ, отдавалъ свой долгъ меланхолическому настроенію хозяйки, и потомъ занимался и свѣтскими разговорами, и танцами, и умственными играми, и турнирами буриме, которые были въ модѣ у Карагиныхъ. Только нѣкоторые молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Борисъ, болѣе углублялись въ меланхолическое настроеніе Жюли, и съ этими молодыми людьми она имѣла болѣе продолжительные и уединенные разговоры о тщетѣ всего мірскаго, и имъ открывала свои альбомы, исписанные грустными изображеніями, изреченіями и стихами.

Жюли была особенно ласкова къ Борису: жалѣла о его

раннемъ разочарованіи въ жизни, предлагала ему тѣ утѣшенія дружбы, которыя она могла предложить, сама тоже много пострадавъ въ жизни, и открыла ему свой альбомъ. Борисъ нарисовалъ ей въ альбомѣ два дерева и написалъ: Уединенные деревья, ваши темные вѣтви обдаютъ меня мракомъ и меланхоліей.

Въ другомъ мѣстѣ онъ нарисовалъ гробницу и написалъ:

„La mort est secourable et la mort est tranquille.
„Ah! contre les douleurs il n'y a pas d'autre asile"*).

Жюли сказала, что это прелестно.

— Есть что-то безконечно обворожительное въ улыбкѣ меланхоліи, сказала она Борису слово въ слово выписанное это мѣсто изъ книги. — Это лучъ свѣта въ тѣни, оттѣнокъ между печалью и отчаяніемъ, который указываетъ на возможность утѣшенія.

На это Борисъ написалъ ей стихи:

„Aliment de poison d'une âme trop sensible,
„Toi, sans qui le bonheur me serait impossible,
„Tendre mélancolie, ah, viens me consoler,
„Viens calmer les tourments de ma sombre retraite
„Et mêle une douceur secrète
„A ces pleurs, que je sens couler"**).

---

*) „Смерть спасительна и смерть спокойна,
„О! противъ страданій нѣтъ другаго убѣжища".

**) „Ядовитая пища слишкомъ чувствительной души,
„Ты, безъ которой счастье было бы для меня невозможно,
„Нѣжная меланхолія, о, приди меня утѣшить,
„Приди, утиши муки моего мрачнаго уединенія
„И присоедини тайную сладость
„Къ этимъ слезамъ, которыхъ я чувствую теченіе".

Жюли играла Борису на арфѣ самые печальные ноктюрны. Борисъ читалъ ей вслухъ Бѣдную Лизу и не разъ прерывалъ чтеніе отъ волненія, захватывающаго его дыханіе. Встрѣчаясь въ большомъ обществѣ, Жюли и Борисъ смотрѣли другъ на друга какъ на единственныхъ людей въ мірѣ, равнодушныхъ, понимавшихъ одинъ другаго.

Анна Михайловна, часто ѣздившая къ Карагинымъ, составляя партію матери, между тѣмъ наводила вѣрныя справки о томъ, что отдавалось за Жюли (отдавались оба пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса). Анна Михайловна съ преданностью волѣ Провидѣнія и умиленіемъ смотрѣла на утонченную печаль, которая связывала ея сына съ богатою Жюли.

— Все такъ же прелестна и меланхолична наша милая Жюли, говорила она дочери. — Борисъ говоритъ, что онъ отдыхаетъ душой въ вашемъ домѣ. Онъ такъ много понесъ разочарованій и такъ чувствителенъ, говорила она матери.

— Ахъ, мой другъ, какъ я привязалась къ Жюли последнее время, говорила она сыну, — не могу тебѣ описать! Да и кто можетъ не любить ея? Это такое неземное существо! Ахъ, Борисъ, Борисъ! Она замолкала на минуту. — И какъ мнѣ жалко ея мать, продолжала она; — нынче она показывала мнѣ отчеты и письма изъ Пензы (у нихъ огромное имѣніе), и она бѣдная все сама одна: ее такъ обманываютъ!

Борисъ чуть замѣтно улыбался, слушая мать. Онъ кротко смѣялся надъ ея простодушною хитростью, но выслушивалъ и иногда выспрашивалъ ее внимательно о пензенскихъ и нижегородскихъ имѣніяхъ.

Жюли уже давно ожидала предложенія отъ своего меланхолическаго обожателя и готова была принять его; но какое-то тайное чувство отвращенія къ ней, къ ея страстному

желанію выдти замужъ, къ ея ненатуральности, и чувство ужаса предъ отреченіемъ отъ возможности настоящей любви еще останавливало Бориса. Срокъ его отпуска уже кончался. Цѣлые дни и каждый Божій день онъ проводилъ у Карагиныхъ, и каждый день, разсуждая самъ съ собою, Борисъ говорилъ себѣ, что онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе. Но въ присутствіи Жюли, глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осыпанный пудрой, на ея влажные глаза и на выраженіе лица, изъявлявшаго всегдашнюю готовность изъ меланхоліи тотчасъ же перейти къ неестественному восторгу супружескаго счастія, Борисъ не могъ произнести рѣшительнаго слова, несмотря на то, что онъ уже давно въ воображеніи своемъ считалъ себя обладателемъ пензенскихъ и нижегородскихъ имѣній и распредѣлялъ употребленіе съ нихъ доходовъ. Жюли видѣла нерѣшительность Бориса, и иногда ей приходила мысль, что она противна ему; но тотчасъ же женское самообольщеніе представляло ей утѣшеніе, и она говорила себѣ, что онъ застѣнчивъ только отъ любви. Меланхолія ея однако начинала переходить въ раздражительность, и незадолго предъ отъѣздомъ Бориса, она предприняла рѣшительный планъ. Въ то самое время, какъ кончался срокъ отпуска Бориса, въ Москвѣ, и само собой разумѣется въ гостиной Карагиныхъ, появился Анатоль Курагинъ, и Жюли, неожиданно оставивъ меланхолію, стала очень весела и внимательна къ Курагину.

— Мой милый, сказала Анна Михайловна сыну, — я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что князь Василій присылаетъ сына затѣмъ, чтобы женить его на Жюли. Я такъ люблю Жюли, что мнѣ жалко бы было ея. Какъ ты думаешь, мой другъ? сказала Анна Михайловна.

Мысль остаться въ дуракахъ и даромъ потерять весь этотъ мѣсяцъ тяжелой меланхолической службы при Жюли и видѣть всѣ расписанные уже и употребленные какъ слѣдуетъ въ его воображеніи доходы съ пензенскихъ имѣній въ рукахъ другаго, въ особенности въ рукахъ глупаго Анатоля, оскорбляла Бориса. Онъ поѣхалъ къ Карагинымъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе. Жюли встрѣтила его съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ, небрежно разсказывала о томъ, какъ ей весело было на вчерашнемъ балѣ, и спрашивала, когда онъ ѣдетъ. Несмотря на то, что Борисъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ говорить о своей любви и потому намѣревался быть нѣжнымъ, онъ раздражительно началъ говорить о женскомъ непостоянствѣ: о томъ, какъ женщины легко могутъ переходить отъ грусти къ радости, и что у нихъ расположеніе духа зависитъ только отъ того, кто за ними ухаживаетъ. Жюли оскорбилась и сказала, что это правда, что для женщины нужно разнообразіе, что все одно и то же надоѣстъ каждому.

— Для этого я бы совѣтовалъ вамъ... началъ было Борисъ, желая сказать ей колкость; но въ ту же минуту ему пришла оскорбительная мысль, что онъ можетъ уѣхать изъ Москвы, не достигнувъ своей цѣли и даромъ потерявъ свои труды (чего съ нимъ никогда ни въ чемъ не бывало). Онъ остановился въ срединѣ рѣчи, опустилъ глаза, чтобы не видать ея непріятно-раздраженнаго и нерѣшительнаго лица, и сказалъ: — Я совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы ссориться съ вами, пріѣхалъ сюда. Напротивъ.... Онъ взглянулъ на нее, чтобъ увѣриться, можно ли продолжать. Все раздраженіе ея вдругъ исчезло, и безпокойные, просящіе глаза были съ жаднымъ ожиданіемъ устремлены на него. „Я всегда могу устроиться

такъ, чтобы рѣдко видѣть ее", подумалъ Борисъ. „А дѣло начато и должно быть сдѣлано!" Онъ вспыхнулъ румянцемъ, поднялъ на нее глаза и сказалъ ей: — Вы знаете мои чувства къ вамъ! — Говорить больше не нужно было: лицо Жюли сіяло торжествомъ и самодовольствомъ; но она заставила Бориса сказать ей все, что̀ говорится въ такихъ случаяхъ, сказать, что онъ любитъ ее, и никогда ни одну женщину не любилъ болѣе ея. Она знала, что за пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса она могла требовать этого, и получила то, что̀ требовала.

Женихъ съ невѣстой, не поминая болѣе о деревьяхъ, обдающихъ ихъ мракомъ и меланхоліей, дѣлали планы о будущемъ устройствѣ блестящаго дома въ Петербургѣ, дѣлали визиты и приготавливали все для блестящей свадьбы.

VI.

Графъ Илья Андреичъ въ концѣ января съ Наташей и Соней пріѣхали въ Москву. Графиня все была нездорова, и не могла ѣхать, — а нельзя было ждать ея выздоровленія: князя Андрея ждали въ Москву каждый день; кромѣ того нужно было закупать приданое, нужно было продавать подмосковную и нужно было воспользоваться присутствіемъ стараго князя въ Москвѣ, чтобы представить ему его будущую невѣстку. Домъ Ростовыхъ въ Москвѣ былъ нетопленъ; кромѣ того они пріѣхали на короткое время, графини не было съ ними, а потому Илья Андреичъ рѣшился остановиться въ Москвѣ у Марьи Дмитріевны Ахросимовой, давно предлагавшей графу свое гостепріимство.

Поздно вечеромъ четыре возка Ростовыхъ въѣхали во дворъ Марьи Дмитріевны въ Старой Конюшенной. Марья Дмитріевна

жила одна. Дочь свою она уже выдала замужъ. Сыновья ея всѣ были на службѣ.

Она держалась все такъ же прямо, говорила такъ же прямо, громко и рѣшительно всѣмъ свое мнѣніе, и всѣмъ своимъ существомъ какъ будто упрекала другихъ людей за всякія слабости, страсти и увлеченія, которыхъ возможности она не признавала. Съ ранняго утра, въ куцавейкѣ она занималась домашнимъ хозяйствомъ; потомъ ѣздила по праздникамъ къ обѣдни и отъ обѣдни въ остроги и тюрьмы, гдѣ у ней бывали дѣла, о которыхъ она никому не говорила, а по буднямъ, одѣвшись, дома принимала просителей разныхъ сословій, которые каждый день приходили къ ней, и потомъ обѣдала; за обѣдомъ, сытнымъ и вкуснымъ, всегда бывало человѣка три-четыре гостей; послѣ обѣда дѣлала партію въ бостонъ; на ночь заставляла себѣ читать газеты и новыя книги, а сама вязала. Рѣдко она дѣлала исключенія для выѣздовъ, и ежели выѣзжала, то ѣздила только къ самымъ важнымъ лицамъ въ городѣ.

Она еще не ложилась, когда пріѣхали Ростовы и въ передней завизжала дверь на блокѣ, пропуская входившихъ съ холода Ростовыхъ и ихъ прислугу. Марья Дмитріевна, съ очками спущенными на носъ, закинувъ назадъ голову стояла въ дверяхъ залы, и съ строгимъ, сердитымъ видомъ смотрѣла на входящихъ. Можно бы было подумать, что она озлоблена противъ пріѣзжихъ и сейчасъ выгонитъ ихъ, ежели бы она не отдавала въ это время заботливыхъ приказаній людямъ о томъ, какъ размѣстить гостей и ихъ вещи.

— Графскія? Сюда неси, говорила она, указывая на чемоданы и ни съ кѣмъ не здороваясь. — Барышни, сюда налѣво. Ну, вы что лебезите! крикнула она на дѣвокъ. Самоваръ

чтобы согрѣть! — Пополнѣла, похорошѣла, проговорила она, притянувъ къ себѣ за капоръ разрумянившуюся съ мороза Наташу. — Фу, холодная! Да раздѣвайся же скорѣе, крикнула она на графа, хотѣвшаго подойти къ ея рукѣ. — Замерзъ, небось. Рому къ чаю подать! Сонюшка, bonjour, сказала она Сонѣ, этимъ французскимъ привѣтствіемъ оттѣняя свое слегка-презрительное и ласковое отношеніе къ Сонѣ.

Когда всѣ, раздѣвшись и оправившись съ дороги, пришли къ чаю, Марья Дмитріевна по порядку перецѣловала всѣхъ.

— Душой рада, что пріѣхали и что у меня остановились, говорила она. — Давно пора, сказала она, значительно взглянувъ на Наташу... старикъ здѣсь и сына ждутъ со дня на день. Надо, надо съ нимъ познакомиться. Ну, да объ этомъ послѣ поговоримъ, прибавила она, оглянувъ Соню взглядомъ, показывавшимъ, что она при ней не желаетъ говорить объ этомъ. — Теперь слушай, обратилась она къ графу, — завтра что же тебѣ надо? За кѣмъ пошлешь? Шиншина? — она загнула одинъ палецъ; — плаксу Анну Михайловну, — два. Она здѣсь съ сыномъ. Женится сынъ-то! Потомъ Безухова что ль? И онъ здѣсь съ женой. Онъ отъ нея убѣжалъ, а она за нимъ прискакала. Онъ обѣдалъ у меня въ середу. Ну, а ихъ — она указала на барышень — завтра свожу къ Иверской, а потомъ и къ Оберъ-Шельмѣ заѣдемъ. Вѣдь, небось, все новое дѣлать будете? Съ меня не берите, нынче рукава вотъ что! Намедни княжна Ирина Васильевна молодая ко мнѣ пріѣхала: страхъ глядѣть, точно два боченка на руки надѣла. Вѣдь нынче что день — новая мода. Да у тебя-то у самого какія дѣла? обратилась она строго къ графу.

— Все вдругъ подошло, отвѣчалъ графъ. — Тряпки покупать, а тутъ еще покупатель на подмосковную и на домъ.

Ужъ ежели милость ваша будетъ, я времечко выберу, съѣзжу въ Марьинское на денекъ, вамъ дѣвчатъ моихъ прикину.

— Хорошо, хорошо, у меня цѣлы будутъ. У меня какъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Я ихъ и вывезу куда надо, и побраню, и поласкаю, сказала Марья Дмитріевна, дотрогиваясь большой рукой до щеки любимицы и крестницы своей Наташи.

На другой день утромъ Марья Дмитріевна свозила барышень къ Иверской и къ мадамъ Оберъ-Шальме, которая такъ боялась Марьи Дмитріевны, что всегда въ убытокъ уступала ей наряды, только бы поскорѣе выжить ее отъ себя. Марья Дмитріевна заказала почти все приданое. Вернувшись, она выгнала всѣхъ кромѣ Наташи изъ комнаты, и подозвала свою любимицу къ своему креслу.

— Ну, теперь поговоримъ. Поздравляю тебя съ женишкомъ. Подцѣпила молодца! Я рада за тебя, и его съ такихъ лѣтъ знаю (она указала на аршинъ отъ земли). Наташа радостно краснѣла. — Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Ты вѣдь знаешь, старикъ князь Николай очень не желалъ, чтобы сынъ женился. Нравный старикъ! Оно, разумѣется, князь Андрей не дитя, и безъ него обойдется, да противъ воли въ семью входить не хорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумѣешь обойтись какъ надо. Ты добренько и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ.

Наташа молчала, какъ думала Марья Дмитріевна отъ застѣнчивости, но въ сущности Наташѣ было непріятно, что вмѣшивались въ ея дѣло любви князя Андрея, которое представлялось ей такимъ особеннымъ отъ всѣхъ людскихъ дѣлъ, что никто по ея понятіямъ не могъ понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, онъ любилъ ее и долженъ

былъ пріѣхать на дняхъ и взять ее. Больше ей ничего не нужно было.

— Ты видишь ли, я его давно знаю, и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки — колотовки, ну, а ужъ эта мухи не обидитъ. Она меня просила ее съ тобой свести. Ты завтра съ отцомъ къ ней поѣдешь, да приласкайся хорошенько: ты моложе ея. Какъ твой-то пріѣдетъ, а ужъ ты и съ сестрой и съ отцомъ знакома, и тебя полюбили. Такъ или нѣтъ? Вѣдь лучше будетъ?

— Лучше, неохотно отвѣчала Наташа.

VII.

На другой день, по совѣту Марьи Дмитріевны, графъ Илья Андреичъ поѣхалъ съ Наташей къ князю Николаю Андреичу. Графъ съ невеселымъ духомъ собирался на этотъ визитъ: въ душѣ ему было страшно. Послѣднее свиданіе во время ополченія, когда графъ въ отвѣтъ на свое приглашеніе къ обѣду выслушалъ горячій выговоръ за недоставленіе людей, было памятно графу Ильѣ Андреичу. Наташа, одѣвшись въ свое лучшее платье была напротивъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. „Не можетъ быть, чтобъ они не полюбили меня“, думала она: „меня всѣ всегда любили. И я такъ готова сдѣлать для нихъ все, что они пожелаютъ, такъ готова полюбить его — за то, что онъ отецъ, а ее за то, что она сестра, что не за что имъ не полюбить меня!“

Они подъѣхали къ старому, мрачному дому на Воздвиженкѣ и вошли въ сѣни.

— Ну, Господи благослови, проговорилъ графъ, полушутя, полусерьезно; но Наташа замѣтила, что отецъ ея заторопился, входя въ переднюю, и робко, тихо спросилъ, дома ли

князь и княжна. Послѣ доклада о ихъ пріѣздѣ между прислугой князя произошло смятеніе. Лакей, побѣжавшій докладывать о нихъ, былъ остановленъ другимъ лакеемъ въ залѣ, и они шептали о чемъ-то. Въ залу выбѣжала горничная дѣвушка, и торопливо тоже говорила что-то, упоминая о княжнѣ. Наконецъ одинъ старый съ сердитымъ видомъ лакей вышелъ и доложилъ Ростовымъ, что князь принять не можетъ, а княжна проситъ къ себѣ. Первая навстрѣчу гостямъ вышла m-lle Бурьенъ. Она особенно учтиво встрѣтила отца съ дочерью и проводила ихъ къ княжнѣ. Княжна съ взволнованнымъ, испуганнымъ и покрытымъ красными пятнами лицомъ выбѣжала, тяжело ступая, навстрѣчу къ гостямъ, и тщетно пыталась казаться свободной и радушной. Наташа съ перваго взгляда не понравилась княжнѣ Марьѣ. Она ей показалась слишкомъ нарядной, легкомысленно-веселой и тщеславной. Княжна Марья не знала, что прежде чѣмъ она увидала свою будущую невѣстку, она уже была дурно расположена къ ней по невольной зависти къ ея красотѣ, молодости и счастью и по ревности къ любви своего брата. Кромѣ этого непреодолимаго чувства антипатіи къ ней, княжна Марья въ эту минуту была взволнована еще тѣмъ, что при докладѣ о пріѣздѣ Ростовыхъ, князь закричалъ, что ему ихъ не нужно, что пусть княжна Марья принимаетъ, если хочетъ, а чтобы къ нему ихъ не пускали. Княжна Марья рѣшилась принять Ростовыхъ, но всякую минуту боялась, какъ бы князь не сдѣлалъ какую-нибудь выходку, такъ какъ онъ казался очень взволнованнымъ пріѣздомъ Ростовыхъ.

— Ну вотъ, я вамъ, княжна милая, привезъ мою пѣвунью, сказалъ графъ, расшаркиваясь и безпокойно оглядываясь, какъ будто онъ боялся, не взойдетъ ли старый князь. —

Ужъ какъ я радъ, что вы познакомились!.. Жаль, жаль, что князь все нездоровъ, и, сказавъ еще нѣсколько общихъ фразъ, онъ всталъ. — Ежели позволите, княжна, на четверть часика вамъ прикинуть мою Наташу, я бы съѣздилъ, тутъ два шага, на Собачью Площадку, къ Аннѣ Семеновнѣ, и заѣду за ней.

Илья Андреичъ придумалъ эту дипломатическую хитрость для того, чтобы дать просторъ будущей золовкѣ объясниться съ своей невѣсткой (какъ онъ сказалъ это послѣ дочери) и еще для того, чтобъ избѣжать возможности встрѣчи съ княземъ, котораго онъ боялся. Онъ не сказалъ этого дочери; но Наташа поняла этотъ страхъ и безпокойство своего отца и почувствовала себя оскорбленною. Она покраснѣла за своего отца, еще болѣе разсердилась за то, что покраснѣла, и смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ, говорившимъ про то, что она никого не боится, взглянула на княжну. Княжна сказала графу, что очень рада и проситъ его только пробыть подольше у Анны Семеновны, и Илья Андреичъ уѣхалъ.

M-lle Бурьенъ, несмотря на безпокойные, бросаемые на нее взгляды княжны Марьи, желавшей съ глазу на глазъ поговорить съ Наташей, не выходила изъ комнаты и держала твердо разговоръ о московскихъ удовольствіяхъ и театрахъ. Наташа была оскорблена замѣшательствомъ, происшедшимъ въ передней, безпокойствомъ своего отца и неестественнымъ тономъ княжны, которая — ей казалось — дѣлала милость, принимая ее. И потомъ все ей было непріятно. Княжна Марья ей не понравилась. Она казалась ей очень дурною собой, притворною и сухою. Наташа вдругъ нравственно съежилась и приняла невольно такой небрежный тонъ, который еще болѣе отталкивалъ отъ нея княжну Марью. Послѣ пяти минутъ тяжелаго, притворнаго разговора, послышались приближаю-

щіеся быстрые шаги въ туфляхъ. Лицо княжны Марьи выразило испугъ, дверь комнаты отворилась, и вошелъ князь въ бѣломъ колпакѣ и халатѣ.

— Ахъ, сударыня, заговорилъ онъ, — сударыня, графиня... графиня Ростова, коли не ошибаюсь... прошу извинить, извинить... не зналъ, сударыня. Видитъ Богъ не зналъ, что вы удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ, къ дочери зашелъ въ такомъ костюмѣ. Извинить прошу... видитъ Богъ не зналъ, повторилъ онъ такъ ненатурально, ударяя на слово Богъ, и такъ непріятно, что княжна Марья стояла, опустивъ глаза, не смѣя взглянуть ни на отца, ни на Наташу. Наташа, вставъ и присѣвъ, тоже не знала, что̀ ей дѣлать. Одна m-lle Бурьенъ пріятно улыбалась.

— Прошу извинить, прошу извинить! Видитъ Богъ не зналъ, пробурчалъ старикъ и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ Наташу, вышелъ. M-lle Бурьенъ первая нашлась послѣ этого появленія и начала разговоръ про нездоровье князя. Наташа и княжна Марья молча смотрѣли другъ на друга, и чѣмъ дольше онѣ молча смотрѣли другъ на друга, не высказывая того, что̀ имъ нужно было высказать, тѣмъ недоброжелательнѣе онѣ думали другъ о другѣ.

Когда графъ вернулся, Наташа неучтиво обрадовалась ему и заторопилась уѣзжать: она почти ненавидѣла въ эту минуту эту старую сухую княжну, которая могла поставить ее въ такое неловкое положеніе и провести съ ней полчаса, ничего не сказавъ о князѣ Андреѣ. „Вѣдь я не могла же начать первая говорить о немъ при этой француженкѣ“, думала Наташа. Княжна Марья между тѣмъ мучилась тѣмъ же самымъ. Она знала, что̀ ей надо было сказать Наташѣ, но она не могла этого сдѣлать и потому, что m-lle Бурьенъ

мѣшала ей, и потому, что она сама не знала, отчего ей такъ тяжело было начать говорить объ этомъ бракѣ. Когда уже графъ выходилъ изъ комнаты, княжна Марья быстрыми шагами подошла къ Наташѣ, взяла ее за руки и, тяжело вздохнувъ, сказала: „Постойте, мнѣ надо“... Наташа насмѣшливо, сама не зная надъ чѣмъ, смотрѣла на княжну Марью.

— Милая Натали, сказала княжна Марья, — знайте, что я рада тому, что братъ нашелъ счастье... Она остановилась, чувствуя, что она говоритъ неправду. Наташа замѣтила эту остановку и угадала причину ея.

— Я думаю, княжна, что теперь неудобно говорить объ этомъ, сказала Наташа съ внѣшнимъ достоинствомъ и холодностью и съ слезами, которыя она чувствовала въ горлѣ.

„Чтò я сказала, чтò я сдѣлала!“ подумала она, какъ только вышла изъ комнаты.

Долго ждали въ этотъ день Наташу къ обѣду. Она сидѣла въ своей комнатѣ и рыдала, какъ ребенокъ, сморкаясь и всхлипывая. Соня стояла надъ ней и цѣловала ее въ волосы.

— Наташа, о чемъ ты? говорила она. — Чтò тебѣ за дѣло до нихъ? Все пройдетъ, Наташа.

— Нѣтъ, ежели бы ты знала, какъ это обидно... точно я...

— Не говори, Наташа, вѣдь ты не виновата, такъ чтò тебѣ за дѣло? Поцѣлуй меня, сказала Соня.

Наташа подняла голову и, въ губы поцѣловавъ свою подругу, прижала къ ней свое мокрое лицо.

— Я не могу сказать, я не знаю. Никто не виноватъ, говорила Наташа, — я виновата. Но все это больно ужасно. Ахъ, что онъ не ѣдетъ?...

Она съ красными глазами вышла къ обѣду. Марья Дмитріевна, знавшая о томъ, какъ князь принялъ Ростовыхъ.

сдѣлала видъ, что она не замѣчаетъ разстроеннаго лица Наташи, и твердо и громко шутила за столомъ съ графомъ и съ другими гостями.

VIII.

Въ этотъ вечеръ Ростовы поѣхали въ оперу, на которую Марья Дмитріевна достала билетъ.

Наташѣ не хотѣлось ѣхать, но нельзя было отказаться отъ ласковости Марьи Дмитріевны, исключительно для нея предназначенной. Когда она, одѣтая, вышла въ залу, дожидаясь отца, и, поглядѣвшись въ большое зеркало, увидала, что она хороша, очень хороша, ей еще болѣе стало грустно; но грустно сладостно и любовно.

„Боже мой, ежели бы онъ былъ тутъ, тогда бы я не такъ какъ прежде, съ какою-то глупою робостью предъ чѣмъ-то, а по новому, просто, обняла бы его, прижалась бы къ нему, заставила бы его смотрѣть на меня тѣми искательными, любопытными глазами, которыми онъ такъ часто смотрѣлъ на меня, и потомъ заставила бы его смѣяться, какъ онъ смѣялся тогда, и глаза его — какъ я вижу эти глаза!“ думала Наташа. „И что мнѣ за дѣло до его отца и сестры: я люблю его одного, его, его, съ этимъ лицомъ и глазами, съ его улыбкой, мужскою и вмѣстѣ дѣтскою... Нѣтъ, лучше не думать о немъ, не думать, забыть, совсѣмъ забыть на это время. Я не вынесу этого ожиданія, я сейчасъ зарыдаю“, — и она отошла отъ зеркала, дѣлая надъ собой усилія, чтобы не заплакать. „И какъ можетъ Соня такъ ровно, такъ спокойно любить Николеньку, и ждать такъ долго и терпѣливо!“ подумала она, глядя на входившую, тоже одѣтую, съ вѣеромъ въ рукахъ Соню. „Нѣтъ, она совсѣмъ другая. Я не могу!“

Наташа чувствовала себя въ эту минуту такою размягченною и разнѣженною, что ей мало было любить и знать, что она любима: ей нужно теперь, сейчасъ нужно было обнять любимаго человѣка и говорить и слышать отъ него слова любви, которыми было полно ея сердце. Пока она ѣхала въ каретѣ, сидя рядомъ съ отцомъ и задумчиво глядѣла на мелькавшіе въ мерзломъ окнѣ огни фонарей, она чувствовала себя еще влюбленнѣе и грустнѣе, и забыла, съ кѣмъ и куда она ѣдетъ. Попавъ въ вереницу каретъ, медленно визжа колесами по снѣгу, карета Ростовыхъ подъѣхала къ театру. Поспѣшно выскочили Наташа и Соня, подбирая платья; вышелъ графъ, поддерживаемый лакеями, и между входившими дамами и мужчинами и продающими афиши, всѣ трое пошли въ корридоръ бенуара. Изъ за притворенныхъ дверей уже слышались звуки музыки.

— Наташа, твои волосы, прошептала Соня. Капельдинеръ учтиво и поспѣшно проскользнулъ предъ дамами и отворилъ дверь ложи. Музыка ярче стала слышна въ дверь, блеснули освѣщенные ряды ложъ съ обнаженными плечами и руками дамъ, и шумящій и блестящій мундирами партеръ. Дама, входившая въ сосѣдній бенуаръ, оглянула Наташу женскимъ, завистливымъ взглядомъ. Занавѣсъ еще не поднимался, и играли увертюру. Наташа, оправляя платье, прошла вмѣстѣ съ Соней и сѣла, оглядывая освѣщенные ряды противоположныхъ ложъ. Давно неиспытанное ею ощущеніе того, что сотни глазъ смотрятъ на ея обнаженныя руки и шею, вдругъ и пріятно и непріятно охватило ее, вызывая цѣлый рой соотвѣтствующихъ этому ощущенію воспоминаній, желаній и волненій.

Двѣ замѣчательно хорошенькія дѣвушки, Наташа и Соня.

съ графомъ Ильей Андреичемъ, котораго давно не видно было въ Москвѣ, обратили на себя общее вниманіе. Кромѣ того всѣ знали смутно про сговоръ Наташи съ княземъ Андреемъ, знали, что съ тѣхъ поръ Ростовы жили въ деревнѣ, и съ любопытствомъ смотрѣли на невѣсту одного изъ лучшихъ жениховъ Россіи.

Наташа похорошѣла въ деревнѣ, какъ всѣ ей говорили, а въ этотъ вечеръ, благодаря своему взволнованному состоянію, была особенно хороша. Она поражала полнотой жизни и красоты, въ соединеніи съ равнодушіемъ ко всему окружающему. Ея черные глаза смотрѣли на толпу, никого не отыскивая, а тонкая, обнаженная выше локтя рука, облокоченная на бархатную рамку, очевидно безсознательно, въ тактъ увертюры, сжималась и разжималась, комкая афишу.

— Посмотри, вотъ Аленина, говорила Соня, — съ матерью, кажется!

— Батюшки! Михаилъ Кирилычъ то еще потолстѣлъ, говорилъ старый графъ.

— Смотрите! Анна Михайловна наша въ токѣ какой!

— Карагины, Жюли, и Борисъ съ ними. Сейчасъ видно жениха съ невѣстой.

— Друбецкой сдѣлалъ предложеніе! Какъ же, нынче узналъ, сказалъ Шиншинъ, входившій въ ложу Ростовыхъ.

Наташа посмотрѣла по тому направленію, по которому смотрѣлъ отецъ, и увидала Жюли, которая съ жемчугами на толстой красной шеѣ (Наташа знала, обсыпанной пудрой) сидѣла съ счастливымъ видомъ, рядомъ съ матерью.

Позади ихъ, съ улыбкой, наклоненная ухомъ ко рту Жюли, виднѣлась гладко причесанная, красивая голова Бориса.

чтобы согрѣть! — Пополнѣла, похорошѣла, проговорила она, притянувъ къ себѣ за капоръ разрумянившуюся съ мороза Наташу. — Фу, холодная! Да раздѣвайся же скорѣе, крикнула она на графа, хотѣвшаго подойти къ ея рукѣ. — Замерзъ, небось. Рому къ чаю подать! Сонюшка, bonjour, сказала она Сонѣ, этимъ французскимъ привѣтствіемъ оттѣняя свое слегка-презрительное и ласковое отношеніе къ Сонѣ.

Когда всѣ, раздѣвшись и оправившись съ дороги, пришли къ чаю, Марья Дмитріевна по порядку перецѣловала всѣхъ.

— Душой рада, что пріѣхали и что у меня остановились, говорила она. — Давно пора, сказала она, значительно взглянувъ на Наташу... старикъ здѣсь и сына ждутъ со дня на день. Надо, надо съ нимъ познакомиться. Ну, да объ этомъ послѣ поговоримъ, прибавила она, оглянувъ Соню взглядомъ, показывавшимъ, что она при ней не желаетъ говорить объ этомъ. — Теперь слушай, обратилась она къ графу, — завтра что же тебѣ надо? За кѣмъ пошлешь? Шиншина? — она загнула одинъ палецъ; — плаксу Анну Михайловну, — два. Она здѣсь съ сыномъ. Женится сынъ-то! Потомъ Безухова что ль? И онъ здѣсь съ женой. Онъ отъ нея убѣжалъ, а она за нимъ прискакала. Онъ обѣдалъ у меня въ середу. Ну, а ихъ — она указала на барышень — завтра свожу къ Иверской, а потомъ и къ Оберъ-Шельмѣ заѣдемъ. Вѣдь, небось, все новое дѣлать будете? Съ меня не берите, нынче рукава вотъ что! Намедни княжна Ирина Васильевна молодая ко мнѣ пріѣхала: страхъ глядѣть, точно два боченка на руки надѣла. Вѣдь нынче что день — новая мода. Да у тебя-то у самого какія дѣла? обратилась она строго къ графу.

— Все вдругъ подошло, отвѣчалъ графъ. — Тряпки покупать, а тутъ еще покупатель на подмосковную и на домъ.

Ужъ, ежели милость папа будетъ, я примѣтно выберу, съѣзжу въ Марьинское на денекъ, вамъ дѣвчатъ моихъ опрокину.

— Хорошо, хорошо, у меня цѣлы будутъ. У меня какъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Я ихъ и вывезу куда надо, и побраню, и поласкаю, сказала Марья Дмитріевна, дотрогиваясь большою рукой до щеки любимицы и крестницы своей Наташи.

На другой день утромъ Марья Дмитріевна свозила барышень къ Иверской и къ мадамъ Оберъ-Шальме, которая такъ боялась Марьи Дмитріевны, что всегда въ убытокъ уступала ей наряды, только бы поскорѣе выжить ее отъ себя. Марья Дмитріевна заказала почти все приданое. Вернувшись, она выгнала всѣхъ кромѣ Наташи изъ комнаты, и подозвала свою любимицу къ своему креслу.

— Ну, теперь поговоримъ. Поздравляю тебя съ женишкомъ. Подцѣпила молодца! Я рада за тебя, и его съ такихъ лѣтъ знаю (она указала на аршинъ отъ земли). Наташа радостно краснѣла. — Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Ты вѣдь знаешь, старикъ князь Николай очень не желалъ, чтобы сынъ женился. Нравный старикъ! Оно, разумѣется, князь Андрей не дитя, и безъ него обойдется, да противъ воли въ семью входить не хорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумѣешь обойтись какъ надо. Ты добренько и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ.

Наташа молчала, какъ думала Марья Дмитріевна отъ застѣнчивости, но въ сущности Наташѣ было непріятно, что вмѣшивались въ ея дѣло любви князя Андрея, которое представлялось ей такимъ особеннымъ отъ всѣхъ людскихъ дѣлъ, что никто по ея понятіямъ не могъ понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, онъ любилъ ее и долженъ

палочка капельмейстера. Въ партерѣ прошли на мѣста запоздавшіе мужчины, и поднялся занавѣсъ.

Какъ только поднялся занавѣсъ, въ ложахъ и партерѣ все замолкло, и всѣ мужчины, старые и молодые, въ мундирахъ и фракахъ, всѣ женщины, въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ на голомъ тѣлѣ, съ жаднымъ любопытствомъ устремили все вниманіе на сцену. Наташа тоже стала смотрѣть.

IX.

На сценѣ были ровныя доски по серединѣ, съ боковъ стояли крашеныя картины, изображавшія деревья, позади было протянуто полотно на доскахъ. Въ серединѣ сцены сидѣли дѣвицы въ красныхъ корсажахъ и бѣлыхъ юбкахъ. Одна, очень толстая, въ шелковомъ бѣломъ платьѣ, сидѣла особо на низкой скамеечкѣ, къ которой былъ приклеенъ сзади зеленый картонъ. Всѣ онѣ пѣли что-то. Когда онѣ кончили свою пѣсню, дѣвица въ бѣломъ подошла къ будочкѣ суфлера и къ ней подошелъ мужчина въ шелковыхъ, въ обтяжку, панталонахъ на толстыхъ ногахъ, съ перомъ и кинжаломъ, и сталъ пѣть и разводить руками.

Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ пропѣлъ одинъ, потомъ пропѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, и мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они пропѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали улыбаясь и разводя руками, кланяться.

Послѣ деревни и въ томъ серьезномъ настроеніи, въ которомъ находилась Наташа, все это было дико и удиви-

тельно ей. Она не могла слѣдить за ходомъ оперы, не могла даже слышать музыку: она видѣла только крашеные картоны и странно наряженныхъ мужчинъ и женщинъ при яркомъ свѣтѣ странно двигавшихся, говорившихъ и пѣвшихъ; она знала, что̀ все это должно было представлять, но все это было такъ вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совѣстно за актеровъ, то смѣшно на нихъ. Она оглядывалась вокругъ себя на лица зрителей, отыскивая въ нихъ то же чувство насмѣшки и недоумѣнія, которое было въ ней; но всѣ лица были внимательны къ тому, что̀ происходило на сценѣ, и выражали притворное, какъ казалось Наташѣ, восхищеніе. „Должно быть это такъ надобно!“ думала Наташа. Она попеременно оглядывалась то на эти ряды припомаженныхъ головъ въ партерѣ, то на оголенныхъ женщинъ въ ложахъ, въ особенности на свою сосѣдку Элленъ, которая, совершенно раздѣтая, съ тихою и спокойною улыбкой, не спуская глазъ, смотрѣла на сцену, ощущая яркій свѣтъ, разлитый по всей залѣ, и теплый, толпою согрѣтый, воздухъ. Наташа мало-по-малу начинала приходить въ давно неиспытанное ею состояніе опьяненія. Она не помнила, что̀ она, и гдѣ она, и что̀ предъ ней дѣлается. Она смотрѣла и думала, и самыя странныя мысли неожиданно, безъ связи, мелькали въ ея головѣ. То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропѣть ту арію, которую пѣла актриса, то ей хотѣлось зацѣпить вѣеромъ недалеко отъ нея сидѣвшаго старичка, то перегнуться къ Элленъ и защекотать ее.

Въ одну изъ минутъ, когда на сценѣ все затихло, ожидая начала аріи, скрипнула входная дверь партера, на той сторонѣ, гдѣ была ложа Ростовыхъ, и зазвучали шаги за-

поздавшаго мужчины. „Вотъ онъ, Курагинъ!“ прошепталъ Шиншинъ. Графиня Безухая улыбаясь, обернулась къ входящему. Наташа посмотрѣла по направленію глазъ графини Безухой и увидала необыкновенно-красиваго адъютанта, съ самоувѣренным и вмѣстѣ учтивымъ видомъ подходящаго къ ихъ ложѣ. Это былъ Анатоль Курагинъ, котораго она давно видѣла и замѣтила на петербургскомъ балѣ. Онъ былъ теперь въ адъютанскомъ мундирѣ съ одною эполетой и эксельбантомъ. Онъ шелъ сдержанною, молодецкою походкой, которая была бы смѣшна, ежели бы онъ не былъ такъ хорошъ собой и ежели бы на прекрасномъ лицѣ не было бы такого выраженія добродушнаго довольства и веселья. Несмотря на то, что дѣйствіе шло, онъ, не торопясь, слегка побрякивая шпорами и саблей, плавно и высоко неся свою надушенную красивую голову, шелъ по ковру коррherидора. Взглянувъ на Наташу, онъ подошелъ къ сестрѣ, положилъ руку въ облитой перчаткѣ на край ея ложи, тряхнулъ ей головой и, наклонясь, спросилъ что-то, указывая на Наташу.

— Очень, очень мила! сказалъ онъ, очевидно про Наташу, какъ не столько слышала она, сколько поняла по движенію его губъ. Потомъ онъ прошелъ въ первый рядъ и сѣлъ подлѣ Долохова, дружески и небрежно толкнувъ локтемъ того Долохова, съ которымъ такъ заискивающе обращались другіе. Онъ весело подмигнувъ, улыбнулся ему и уперся ногой въ рампу.

— Какъ похожи братъ съ сестрой! сказалъ графъ. — И какъ хороши оба!

Шиншинъ вполголоса началъ разсказывать графу какую-то исторію интриги Курагина въ Москвѣ, къ которой Наташа

прислушалась именно потому, что онъ сказалъ про нее „очень мила“.

Первый актъ кончился, въ партерѣ всѣ встали, перепутались и стали ходить и выходить.

Борисъ пришелъ въ ложу Ростовыхъ, очень просто принялъ поздравленія и, приподнявъ брови съ разсѣянною улыбкой, передалъ Наташѣ и Сонѣ просьбу его невѣсты, чтобъ онѣ были на ея свадьбѣ, и вышелъ. Наташа съ веселой и кокетливою улыбкой разговаривала съ нимъ и поздравляла съ женитьбой того самаго Бориса, въ котораго она была влюблена прежде. Въ томъ состояніи опьянѣнія, въ которомъ она находилась, все казалось просто и естественно.

Голая Эленъ сидѣла подлѣ нея и одинаково всѣмъ улыбалась, и точно такъ же улыбнулась Наташа Борису.

Ложа Эленъ наполнилась и окружилась со стороны партера самыми знатными и умными мужчинами, которые, казалось, наперерывъ желали показать всѣмъ, что они знакомы съ ней.

Курагинъ весь этотъ антрактъ стоялъ съ Долоховымъ впереди у рампы, глядя на ложу Ростовыхъ. Наташа знала, что онъ говоритъ про нее, и это доставляло ей удовольствіе. Она даже повернулась такъ, чтобъ ему виденъ былъ ея профиль, по ея понятіямъ, въ самомъ выгодномъ положеніи. Предъ началомъ втораго акта, въ партерѣ показалась фигура Пьера, котораго еще съ пріѣзда не видали Ростовы. Лицо его было грустно, и онъ еще потолстѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ его послѣдній разъ видѣла Наташа. Онъ, никого не замѣчая, прошелъ въ первые ряды. Анатоль подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить ему, глядя и указы-

вая на ложу Ростовыхъ. Пьеръ, увидавъ Наташу, оживился и поспѣшно по рядамъ пошелъ къ ихъ ложѣ. Пройдя къ нимъ, онъ облокотился и, улыбаясь, долго говорилъ съ Наташей. Во время своего разговора съ Пьеромъ, Наташа услыхала въ ложѣ графини Безуховой мужской голосъ и почему-то узнала, что это былъ Курагинъ. Она оглянулась и встрѣтилась съ нимъ глазами. Онъ почти улыбаясь, смотрѣлъ ей прямо въ глаза такимъ восхищеннымъ, ласковымъ взглядомъ, что, казалось, странно быть отъ него такъ близко, такъ смотрѣть на него, быть, такъ увѣренною, что нравишься ему, и не быть съ нимъ знакомою.

Во второмъ актѣ были картины, изображающія монументы, и была дыра въ полотнѣ, изображающая луну, и абажуры на рампѣ подняли, и стали играть въ басу трубы и контрбасы, и справа и слѣва вышло много людей въ черныхъ мантіяхъ. Люди стали махать руками, и въ рукахъ у нихъ было что-то въ родѣ кинжаловъ; потомъ прибѣжали еще какіе-то люди и стали тащить прочь ту дѣвицу, которая была прежде въ бѣломъ, а теперь въ голубомъ платьѣ. Они не утащили ея сразу, а долго съ ней пѣли, а потомъ уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и всѣ стали на колѣна и запѣли молитву. Нѣсколько разъ всѣ эти дѣйствія прерывались восторженными криками зрителей.

Во время этого акта Наташа всякій разъ, какъ взглядывала въ партеръ, видѣла Анатоля Курагина, перекинувшаго руку черезъ спинку кресла и смотрѣвшаго на нее. Ей пріятно было видѣть, что онъ такъ плѣненъ ею, и не приходило въ голову, чтобы въ этомъ было что-нибудь дурное.

Когда второй актъ кончился, графиня Безухая встала,

повернулась къ ложѣ Ростовыхъ (грудь ея совершенно была обнажена), пальчикомъ въ перчаткѣ поманила къ себѣ стараго графа, и, не обращая вниманія на вошедшихъ къ ней въ ложу, начала, любезно улыбаясь, говорить съ нимъ.

— Да познакомьте же меня съ вашими прелестными дочерьми, сказала она. — Весь городъ про нихъ кричитъ, а я ихъ не знаю.

Наташа встала и присѣла великолѣпной графинѣ. Наташѣ такъ пріятна была похвала этой блестящей красавицы, что она покраснѣла отъ удовольствія.

— Я теперь тоже хочу сдѣлаться москвичкой, говорила Элэнъ. — И какъ вамъ не совѣстно зарыть такіе перлы въ деревнѣ!

Графиня Безухова, по справедливости, имѣла репутацію обворожительной женщины. Она могла говорить то, чего не думала, и въ особенности льстить, совершенно просто и натурально.

— Нѣтъ, милый графъ, вы мнѣ позвольте заняться вашими дочерьми. Я хоть теперь здѣсь не надолго. И вы тоже. Я постараюсь повеселить вашихъ. Я еще въ Петербургѣ много слышала о васъ и хотѣла васъ узнать, сказала она Наташѣ съ своею однообразно-красивою улыбкой. — Я слышала о васъ и отъ моего пажа, Друбецкаго, — вы слышали, онъ женится, — и отъ друга моего мужа, Болконскаго, князя Андрея Болконскаго, сказала она съ особеннымъ удареніемъ, намекая этимъ на то, что она знала отношенія его къ Наташѣ. Она попросила, чтобы лучше познакомиться, позволить одной изъ барышень посидѣть остальную часть спектакля въ ея ложѣ, и Наташа перешла къ ней.

Въ третьемъ актѣ былъ на сценѣ представленъ дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и повѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородками. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правою рукой и, видимо робѣя, дурно пропѣлъ что-то, и сѣлъ на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бѣломъ, потомъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и стояла около трона. Она о чемъ-то горестно пѣла, обращаясь къ царицѣ; но царь строго махнулъ рукой, и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами, и стали танцовать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одною ногой о другую. Всѣ въ партерѣ захлопали руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина сталъ въ уголъ. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко и сѣменить ногами. (Мужчина этотъ былъ Дюпоръ, получавшій 60 тысячъ въ годъ за это искусство.) Всѣ въ партерѣ, въ ложахъ и райкѣ стали хлопать и кричать изо всѣхъ силъ, и мужчина остановился и сталъ улыбаться и кланяться на всѣ стороны. Потомъ танцовали еще другіе съ голыми ногами мужчины и женщины, потомъ опять одинъ изъ царей закричалъ что-то подъ музыку, и всѣ стали пѣть. Но вдругъ сдѣлалась буря, въ оркестрѣ послышались хроматическія гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и всѣ побѣжали и потащили опять одного изъ присутствующихъ за кулисы, и занавѣсъ опустился. Опять между зрителями поднялся страш-

ный шумъ и трескъ, и всѣ съ восторженными лицами стали кричать:

— Дюпора! Дюпора! Дюпора!

Наташа уже не находила этого страннымъ. Она съ удовольствіемъ, радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя.

— Не правда ли, что Дюпоръ восхитителенъ? сказала Эленъ, обращаясь къ ней.

— О, да, отвѣчала Наташа.

X.

Въ антрактѣ въ ложѣ Эленъ пахнуло холодомъ, отворилась дверь и, нагибаясь и стараясь не зацѣпить кого-нибудь, вошелъ Анатоль.

— Позвольте мнѣ вамъ представить брата, безпокойно перебѣгая глазами съ Наташи на Анатоля, сказала Эленъ. Наташа черезъ голое плечо оборотила къ красавцу свою хорошенькую головку и улыбнулась. Анатоль, который вблизи былъ такъ же хорошъ, какъ и издали, подсѣлъ къ ней и сказалъ, что давно желалъ имѣть это удовольствіе, еще съ нарышкинскаго бала, на которомъ онъ имѣлъ удовольствіе, которое не забылъ, видѣть ее. Курагинъ съ женщинами былъ гораздо умнѣе и проще, чѣмъ въ мужскомъ обществѣ. Онъ говорилъ смѣло и просто, и Наташу странно и пріятно поразило то, что не только не было ничего такого страшнаго въ этомъ человѣкѣ, про котораго такъ много разсказывали, но что напротивъ у него была самая наивная, веселая и добродушная улыбка.

Курагинъ спросилъ про впечатлѣніе спектакля и разсказалъ ей про то, какъ прошлый спектакль Семенова, играя, упала.

— А знаете, графиня, сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ ней, какъ къ старой давнишней знакомой, — у насъ устраивается карусель въ костюмахъ; вамъ бы надо участвовать въ немъ: будетъ очень весело. Всѣ собираются у Карагиныхъ. Пожалуйста, пріѣзжайте, право, а? проговорилъ онъ.

Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей было это пріятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобъ онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно-близкою къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиной. Наташа оглядывалась на Элену и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, что̀ такое это значило; но Элена была занята разговоромъ съ какимъ-то генераломъ и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказалъ ей, какъ только то, что онъ всегда говорилъ: „весело, ну я и радъ“.

Въ одну изъ минутъ неловкаго молчанія, во время которыхъ Анатоль своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрѣлъ на нее, Наташа, чтобы прервать это молчаніе, спросила его, какъ ему нравится Москва. Наташа спросила

и покраснѣла, ей постоянно казалось, что что-то неприличное она дѣлаетъ, говоря съ нимъ. Анатоль улыбнулся, какъ бы ободряя ее.

— Сначала мнѣ мало нравилась, потому что чтò дѣлаетъ городъ пріятнымъ? Это хорошенькія женщины, не правда ли? Ну а теперь очень нравится, сказалъ онъ, значительно глядя на нее.—Поѣдете на карусель, графиня? Поѣзжайте, сказалъ онъ, и, протянувъ руку къ ея букету и понижая голосъ, сказалъ: — Вы будете самая хорошенькая. Поѣзжайте, милая графиня, и въ залогъ дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ.

Наташа не поняла того, чтò онъ сказалъ, такъ же какъ онъ самъ, но она чувствовала, что въ непонятныхъ словахъ его былъ неприличный умыселъ. Она не знала чтò сказать, и отвернулась, какъ будто не слыхала того, чтò онъ сказалъ. Но только что она отвернулась, она подумала, что онъ тутъ сзади, такъ близко отъ нея.

„Чтò онъ теперь? Онъ сконфуженъ? Разсерженъ? Надо поправить это?“ спрашивала она сама себя. Она не могла удержаться, чтобы не оглянуться. Она прямо въ глаза взглянула ему, и его близость и увѣренность и добродушная ласковость улыбки побѣдили ее. Она улыбнулась точно такъ же, какъ и онъ, глядя прямо въ глаза ему. И опять она съ ужасомъ чувствовала, что между нимъ и ею нѣтъ никакой преграды.

Опять поднялся занавѣсъ. Анатоль вышелъ изъ ложи, спокойный и веселый. Наташа вернулась къ отцу въ ложу, совершенно уже подчиненная тому міру, въ которомъ она находилась. Все чтò происходило предъ нею, уже казалось ей вполнѣ естественнымъ; но за то всѣ прежнія мысли ея о женихѣ, о княжнѣ Марьѣ, о деревенской жизни ни разу

не пришли ей въ голову, какъ будто все то было давно, давно прошедшее.

Въ четвертомъ актѣ былъ какой-то чортъ, который пѣлъ, махая рукою до тѣхъ поръ, пока не выдвинули подъ нимъ доски, и онъ не опустился туда. Наташа только это и видѣла изъ четвертаго акта: что-то волновало и мучило ее, и причиной этого волненія былъ Курагинъ, за которымъ она невольно слѣдила глазами. Когда они выходили изъ театра, Анатоль подошелъ къ нимъ, вызвалъ ихъ карету и подсаживалъ ихъ. Подсаживая Наташу, онъ пожалъ ей руку выше локтя. Наташа взволнованная и красная, оглянулась на него. Онъ, блестя своими глазами и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

Только пріѣхавъ домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что̀ съ нею было, и вдругъ, вспомнивъ князя Андрея, она ужаснулась, и при всѣхъ за чаемъ, за который всѣ сѣли послѣ театра, громко ахнула и, раскраснѣвшись, выбѣжала изъ комнаты. — „Боже мой! Я погибла! сказала она себѣ. — Какъ я могла допустить до этого?“ думала она. Долго она сидѣла, закрывъ раскраснѣвшееся лицо руками, стараясь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ было съ нею, и не могла ни понять того, что̀ съ нею было, ни того, что̀ она чувствовала. Все казалось ей темно, неясно и страшно. Тамъ, въ этой огромной освѣщенной залѣ, гдѣ по мокрымъ доскамъ прыгалъ подъ музыку съ голыми ногами Дюпоръ въ курточкѣ съ блестками, и дѣвицы, и старики, и голая съ спокойною и гордою улыбкою Эленъ, въ восторгѣ кричали браво, тамъ, подъ тѣнью этой Эленъ, тамъ это было все ясно и просто; но теперь, одной, самой съ собой, это было непонятно. —

„Что это такое? Что такое этотъ страхъ, который я испытывала къ нему? Что такое эти угрызенія совѣсти, которыя я испытываю теперь?“ думала она.

Одной старой графинѣ Наташа въ состояніи была бы ночью въ постели разсказать все, что она думала. Соня, она знала, съ своимъ строгимъ и цѣльнымъ взглядомъ, или ничего бы не поняла, или ужаснулась бы ея признанію. Наташа одна сама съ собой старалась разрѣшить то, что ее мучило.

„Погибла ли я для любви князя Андрея или нѣтъ?“ спрашивала она себя, и съ успокоительною усмѣшкой отвѣчала себѣ: „Что я за дура, что я спрашиваю это? Что жъ со мной было? Ничего. Я ничего не сдѣлала, ничѣмъ не вызвала этого. Никто не узнаетъ, и я его не увижу больше никогда“, говорила она себѣ. „Стало-быть ясно, что ничего не случилось, что не въ чемъ раскаяваться, что князь Андрей можетъ любить меня и *такою*. Но какою *такою*? Ахъ, Боже, Боже мой! зачѣмъ его нѣтъ тутъ!“ Наташа успокоивалась на мгновенье; но потомъ опять какой-то инстинктъ говорилъ ей, что хотя все это и правда, и хотя ничего не было, — инстинктъ говорилъ ей, что вся прежняя чистота любви ея къ князю Андрею погибла. И она опять въ своемъ воображеніи повторяла весь свой разговоръ съ Курагинымъ и представляла себѣ лицо, жесты и нѣжную улыбку этого красиваго и смѣлаго человѣка, въ то время какъ онъ пожалъ ея руку.

XI.

Анатоль Курагинъ жилъ въ Москвѣ, потому что отецъ отослалъ его изъ Петербурга, гдѣ онъ проживалъ больше

двадцати тысячъ въ годъ деньгами и столько же долгами, которыхъ кредиторы требовали съ отца.

Отецъ объявилъ сыну, что онъ въ послѣдній разъ платитъ половину его долговъ; но только съ тѣмъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву въ должность адъютанта главнокомандующаго, которую онъ ему выхлопоталъ, и постарался бы тамъ наконецъ сдѣлать хорошую партію. Онъ указалъ ему на княжну Марью и Жюли Карагину.

Анатоль согласился и поѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у Пьера. Пьеръ принялъ Анатоля сначала неохотно, но потомъ привыкъ къ нему; иногда ѣздилъ съ нимъ на его кутежи и, подъ предлогомъ займа, давалъ ему деньги.

Анатоль, какъ справедливо говорилъ про него Шиншинъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву, сводилъ съ ума всѣхъ московскихъ барынь въ особенности тѣмъ, что онъ пренебрегалъ ими и очевидно предпочиталъ имъ цыганокъ и французскихъ актрисъ, съ главою которыхъ — m-elle Жоржъ, какъ говорили, онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ не пропускалъ ни одного кутежа у Данилова и другихъ весельчаковъ Москвы, напролетъ пилъ цѣлыя ночи, перепивая всѣхъ, и бывалъ на всѣхъ вечерахъ и балахъ высшаго свѣта. Разсказывали про нѣсколько интригъ его съ московскими дамами, и на балахъ онъ ухаживалъ за нѣкоторыми. Но съ дѣвицами, въ особенности съ богатыми невѣстами, которыя были большею частью всѣ дурны, онъ не сближался, тѣмъ болѣе что Анатоль, чего никто не зналъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей его, былъ два года тому назадъ женатъ. Два года тому назадъ, во время стоянки его полка въ Польшѣ, одинъ польскій небогатый помѣщикъ заставилъ Анатоля жениться на своей дочери.

Анатоль весьма скоро бросилъ свою жену, и за деньги, которыя онъ условился высылать тестю, выговорилъ себѣ право слыть за холостаго человѣка.

Анатоль былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, собою и другими. Онъ былъ инстинктивно всѣмъ существомъ своимъ убѣжденъ въ томъ, что ему нельзя было жить иначе, чѣмъ какъ онъ жилъ, и что онъ никогда въ жизни не сдѣлалъ ничего дурнаго. Онъ не былъ въ состояніи обдумать ни того, какъ его поступки могутъ отозваться на другихъ, ни того, что̀ можетъ выйти изъ такого или такого его поступка. Онъ былъ убѣжденъ, что какъ утка сотворена такъ, что она всегда должна жить въ водѣ, такъ и онъ сотворенъ Богомъ такъ, что долженъ жить въ тридцать тысячъ дохода и занимать всегда высшее положеніе въ обществѣ. Онъ такъ твердо вѣрилъ въ это, что, глядя на него, и другіе были убѣждены въ этомъ, и не отказывали ему ни въ высшемъ положеніи въ свѣтѣ, ни въ деньгахъ, которыя онъ, очевидно безъ отдачи, занималъ у встрѣчнаго и поперечнаго.

Онъ не былъ игрокъ, по крайней мѣрѣ никогда не желалъ выигрыша. Онъ не былъ тщеславенъ. Ему было совершенно все равно, что̀ бы о немъ ни думали. Еще менѣе онъ могъ быть повиненъ въ честолюбіи. Онъ нѣсколько разъ дразнилъ отца, портя свою карьеру, и смѣялся надъ всѣми почестями. Онъ былъ не скупъ и не отказывалъ никому, кто просилъ у него. Одно, что̀ онъ любилъ, это было веселье и женщины, и такъ какъ по его понятіямъ въ этихъ вкусахъ не было ничего неблагороднаго, а обдумать то, что̀ выходило для другихъ людей изъ удовлетворенія его вкусовъ, онъ не могъ, то въ душѣ своей онъ считалъ себя безукоризненнымъ чело-

вѣкомъ, искренно презиралъ подлецовъ и дурныхъ людей и съ спокойною совѣстью высоко носилъ голову.

У кутилъ, у этихъ мужскихъ магдалинъ, есть тайное чувство сознанія невинности, такое же, какъ и у магдалинъ-женщинъ, основанное на той же надеждѣ прощенія. „Ей все простится, потому что она много любила, и ему все простится, потому что онъ много веселился“.

Долоховъ, въ этомъ году появившійся опять въ Москвѣ послѣ своего изгнанія и персидскихъ похожденій, и ведшій роскошную, игорную и кутежную жизнь, сблизился съ старымъ петербургскимъ товарищемъ Курагинымъ и пользовался имъ для своихъ цѣлей.

Анатоль искренно любилъ Долохова за его умъ и удальство: Долоховъ, которому были нужны имя, знатность, связи Анатоля Курагина для приманки въ свое игорное общество богатыхъ молодыхъ людей, не давая ему этого чувствовать, пользовался и забавлялся Курагинымъ. Кромѣ расчета, по которому ему былъ нуженъ Анатоль, самый процессъ управленія чужою волей былъ наслажденіемъ, привычкой и потребностью для Долохова.

Наташа произвела сильное впечатлѣніе на Курагина. Онъ за ужиномъ послѣ театра съ пріемами знатока разобралъ предъ Долоховымъ достоинство ея рукъ, плечъ, ноги и волосъ, и объявилъ свое рѣшеніе приволокнуться за нею. Чтò могло выйти изъ этого ухаживанья — Анатоль не могъ обдумать и знать, какъ онъ никогда не зналъ того, чтò выйдетъ изъ каждаго его поступка.

— Хороша, братъ, да не про насъ, сказалъ ему Долоховъ.

— Я скажу сестрѣ, чтобъ она позвала ее обѣдать, сказалъ Анатоль. — А?

— Ты подожди лучше, когда замужъ выйдетъ...

— Ты знаешь, сказалъ Анатоль. — Я обожаю дѣвочекъ: сейчасъ потеряется.

— Ты ужъ попался разъ на „дѣвочкѣ“, сказалъ Долоховъ, знавшій про женитьбу Анатоля. — Смотри!

— Ну, ужъ два раза нельзя! А? сказалъ Анатоль, добродушно смѣясь.

XII.

Слѣдующій послѣ театра день, Ростовы никуда не ѣздили, и никто не пріѣзжалъ къ нимъ. Марья Дмитріевна о чемъ-то, скрывая отъ Наташи, переговаривалась съ ея отцомъ. Наташа догадывалась, что они говорили о старомъ князѣ и что-то придумывали, и ее безпокоило и оскорбляло это. Она всякую минуту ждала князя Андрея, и два раза въ этотъ день посылала дворника на Воздвиженку узнавать, не пріѣхалъ ли онъ. Онъ не пріѣзжалъ. Ей было теперь тяжелѣе, чѣмъ первые дни своего пріѣзда. Къ нетерпѣнію и грусти ея о немъ присоединились непріятное воспоминаніе о свиданіи съ княжной Марьей и съ старымъ княземъ, и страхъ и безпокойство, которымъ она не знала причины. Ей все казалось, что или онъ никогда не пріѣдетъ, или что прежде, чѣмъ онъ пріѣдетъ, съ ней случится что-нибудь. Она не могла, какъ прежде, спокойно и продолжительно одна сама съ собой думать о немъ. Какъ только она начинала думать о немъ, къ воспоминанію о немъ присоединялось воспоминаніе о старомъ князѣ, о княжнѣ Марьѣ и о послѣднемъ спектаклѣ, и о Курагинѣ. Ей опять представлялся вопросъ, не виновата ли она, не нарушена ли уже ея вѣрность князю Андрею, и опять она заставляла себя до малѣйшихъ подроб-

ностей вспоминающею каждое слово, каждый жестъ, каждый оттѣнокъ игры выраженія на лицѣ этого человѣка, умѣвшаго возбудить въ ней непонятное для нея и страшное чувство. На взглядъ домашнихъ Наташа казалась оживленнѣе обыкновеннаго, но она далеко была не такъ спокойна и счастлива, какъ была прежде.

Въ воскресенье утромъ Марья Дмитріевна пригласила своихъ гостей къ обѣднѣ въ свой приходъ Успенія на Могильцахъ.

— Я этихъ модныхъ церквей не люблю, говорила она, видимо гордясь своимъ свободомысліемъ.—Вездѣ Богъ одинъ. Попъ у насъ прекрасный, служитъ прилично, такъ это благородно, и дьяконъ тоже. Развѣ отъ этого святость какая, что концерты на клиросѣ поютъ? Не люблю, одно баловство!

Марья Дмитріевна любила воскресные дни и умѣла праздновать ихъ. Домъ ея бывалъ весь вымытъ и вычищенъ въ субботу; люди и она не работали, и всѣ были празднично разряжены, и всѣ бывали у обѣдни. Къ господскому обѣду прибавлялись кушанья, и людямъ давалась водка и жареный гусь или поросенокъ. Но ни на чемъ во всемъ домѣ такъ не бывалъ замѣтенъ праздникъ какъ на широкомъ, строгомъ лицѣ Марьи Дмитріевны, въ этотъ день принимавшемъ неизмѣняемое выраженіе торжественности.

Когда напились кофе послѣ обѣдни, въ гостиной съ снятыми чехлами, Марьѣ Дмитріевнѣ доложили, что карета готова, и она съ строгимъ видомъ, одѣтая въ парадную шаль, въ которой она дѣлала визиты, поднялась и объявила, что ѣдетъ къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, чтобъ объясниться съ нимъ насчетъ Наташи.

Послѣ отъѣзда Марьи Дмитріевны, къ Ростовымъ пріѣхала

модистка отъ мадамъ Шальме, и Наташа, затворивъ дверь въ сосѣдней съ гостиною комнатѣ, очень довольная развлеченіемъ, занялась примѣриваньемъ новыхъ платьевъ. Въ то время какъ она, надѣвъ сметанный на живую нитку еще безъ рукавовъ лифъ и загибая голову, глядѣлась въ зеркало, какъ сидитъ спинка, она услыхала въ гостиной оживленные звуки голоса отца и другаго женскаго голоса, который заставилъ ее покраснѣть. Это былъ голосъ Элень. Не успѣла Наташа снять примѣриваемый лифъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла графиня Безухая, сіяющая добродушною и ласковою улыбкой, въ темно-лиловомъ съ высокимъ воротомъ бархатномъ платьѣ.

— О! моя восхитительная! сказала она краснѣвшей Наташѣ. — Прелесть! Нѣтъ, это ни на что не похоже, мой милый графъ, сказала она вошедшему за ней Ильѣ Андреичу. — Какъ жить въ Москвѣ и никуда не ѣздить? Нѣтъ, я отъ васъ не отстану! Нынче вечеромъ у меня m-elle Жоржъ декламируетъ и соберутся кое-кто; и если вы не привезете своихъ красавицъ, которыя лучше m-elle Жоржъ, то я васъ знать не хочу. Мужа нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Тверь, а то бы я его за вами прислала. Непремѣнно пріѣзжайте, непремѣнно, въ девятомъ часу. Она кивнула головой знакомой модисткѣ, почтительно присѣвшей ей, и сѣла на кресло подлѣ зеркала, живописно раскинувъ складки своего бархатнаго платья. Она не переставала добродушно и весело болтать, безпрестанно восхищаясь красотой Наташи. Она разсмотрѣла ея платья и похвалила ихъ, похвалилась и своимъ новымъ платьемъ „изъ металлическаго газа", которое она получила изъ Парижа и совѣтовала Наташѣ сдѣлать такое же.

— Впрочемъ вамъ все идетъ, моя прелестная! говорила она.

Съ лица Наташи не сходила улыбка удовольствія. Она чувствовала себя счастливою и разцвѣтающею подъ похвалами этой милой графини Безухой, казавшейся ей прежде такою неприступною и важною дамой, и бывшей теперь такою доброю съ нею. Наташѣ стало весело, и она чувствовала себя почти влюбленною въ эту, такую красивую и такую добродушную женщину. Эленъ съ своей стороны искренно восхищалась Наташей и желала повеселить ее. Анатоль просилъ ее свести его съ Наташей, и для этого она пріѣхала къ Ростовымъ. Мысль свести брата съ Наташей забавляла ее.

Несмотря на то, что прежде у нея была досада на Наташу, за то, что она въ Петербургѣ отбила у нея Бориса, она теперь и не думала объ этомъ, и всею душой по своему желала добра Наташѣ. Уѣзжая отъ Ростовыхъ, она отозвала въ сторону свою protegée.

— Вчера братъ обѣдалъ у меня — мы помирали со смѣху — ничего не ѣстъ и вздыхаетъ по васъ, моя прелесть! Онъ безъ ума, ну, истинно безъ ума влюбленъ въ васъ.

Наташа багрово покраснѣла, услыхавъ эти слова.

— Какъ краснѣетъ, какъ краснѣетъ, моя прелесть! проговорила Эленъ. — Непремѣнно пріѣзжайте. Если вы когонибудь любите, моя прелестная, это еще не причина, чтобы запереть себя. Даже если вы невѣста, я увѣрена, что вашъ женихъ желалъ бы скорѣе, чтобы вы ѣздили въ свѣтъ, чѣмъ пропадали со скуки.

„Стало-быть, она знаетъ, что я невѣста, стало-быть и они съ мужемъ, съ Пьеромъ, съ этимъ справедливымъ Пьеромъ“, думала Наташа, „говорили и смѣялись про это. Стало быть, это ничего“. И опять подъ вліяніемъ Эленъ то, что прежде представлялось страшнымъ, показалось простымъ и естествен-

нымъ. „И она такая важная барыня, такая милая и такъ видно всею душой любитъ меня", думала Наташа. „И отчего не веселиться?" думала Наташа, удивленными, широко раскрытыми глазами глядя на Эленъ.

Къ обѣду вернулась Марья Дмитріевна, молчаливая, серьезная, очевидно понесшая пораженіе у стараго князя. Она была еще слишкомъ взволнована отъ происшедшаго столкновенія, чтобы быть въ силахъ спокойно разсказать дѣло. На вопросъ графа она отвѣчала, что все хорошо и что она завтра разскажетъ. Узнавъ о посѣщеніи графини Безухой и приглашеніи на вечеръ, Марья Дмитріевна сказала:

— Съ Безухою водиться я не люблю и не посовѣтую; ну, да ужъ если обѣщала, поѣзжай, разсѣешься, прибавила она, обращаясь къ Наташѣ.

XIII.

Графъ Илья Андреичъ повезъ своихъ дѣвицъ къ графинѣ Безухой. На вечерѣ было довольно много народу. Но все общество было почти незнакомо Наташѣ. Графъ Илья Андреичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что все это общество состояло преимущественно изъ мужчинъ и дамъ, извѣстныхъ вольностью обращенія. M-elle Жоржъ, окруженная молодежью, стояла въ углу гостиной. Было нѣсколько французовъ и между ними Метивье, бывшій со времени пріѣзда Эленъ домашнимъ человѣкомъ у нея. Графъ Илья Андреичъ рѣшился не садиться за карты, не отходить отъ дочерей, и уѣхать, какъ только кончится представленіе Жоржъ.

Анатоль очевидно у двери ожидалъ входа Ростовыхъ. Онъ, тотчасъ же поздоровавшись съ графомъ, подошелъ къ Наташѣ и пошелъ за ней. Какъ только Наташа его увидала,

тоже, какъ и въ театрѣ, чувство тщеславнаго удовольствія, что она нравится ему, и страха отъ отсутствія нравственныхъ преградъ между ею и имъ, охватило ее.

Эленъ радостно приняла Наташу и громко восхищалась ея красотой и туалетомъ. Вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, m-elle Жоржъ вышла изъ комнаты, чтобы одѣться. Въ гостиной стали разставанавливать стулья и усаживаться. Анатоль подвинулъ Наташѣ стулъ и хотѣлъ сѣсть подлѣ; но графъ не спускавшій глазъ съ Наташи, сѣлъ подлѣ нея. Анатоль сѣлъ сзади.

M-elle Жоржъ съ оголенными, съ ямочками, толстыми руками, въ красной шали, надѣтой на одно плечо, вышла въ оставленное для нея пустое пространство между кресель и остановилась въ ненатуральной позѣ. Послышался восторженный шопотъ.

M-elle Жоржъ строго и мрачно оглянула публику и начала говорить по-французски какіе-то стихи, гдѣ рѣчь шла о ея преступной любви къ своему сыну. Она мѣстами возвышала голосъ, мѣстами шептала, торжественно поднимая голову, мѣстами останавливалась и хрипѣла выкатывая глаза.

— Восхитительно, божественно, чудесно! слышалось со всѣхъ сторонъ. Наташа смотрѣла на толстую Жоржъ, но ничего не слышала, не видѣла и не понимала изъ того, что̀ дѣлалось предъ ней; она только чувствовала себя опять вполнѣ безвозвратно въ томъ странномъ, безумномъ мірѣ, столь далекомъ отъ прежняго, въ томъ мірѣ, въ которомъ нельзя было знать, что̀ хорошо, что̀ дурно, что̀ разумно и что̀ безумно. Позади ея сидѣлъ Анатоль, и она, чувствуя его близость, испуганно ждала чего-то.

Послѣ перваго монолога все общество встало и окружило m-elle Жоржъ, выражая ей свой восторгъ.

— Какъ она хороша! сказала Наташа отцу, который вмѣстѣ съ другими всталъ и сквозь толпу подвигался къ актрисѣ.

— Я не нахожу, глядя на васъ, сказалъ Анатоль, слѣдуя за Наташей. Онъ сказалъ это въ такое время, когда она одна могла его слышать. — Вы прелестны... съ той минуты, какъ я увидалъ васъ, я не переставалъ...

— Пойдемъ, пойдемъ, Наташа, сказалъ графъ, возвращаясь за дочерью. — Какъ хороша!

Наташа, ничего не говоря, подошла къ отцу и вопросительно-удивленными глазами смотрѣла на него.

Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ декламаціи, m-elle Жоржъ уѣхала, и графиня Безухая попросила общество въ залу.

Графъ хотѣлъ уѣхать, но Эленъ умоляла не испортить ея импровизованнаго бала. Ростовы остались. Анатоль пригласилъ Наташу на вальсъ, и во время вальса онъ, пожимая ея станъ и руку, сказалъ ей, что она обворожительна, и что онъ любитъ ее. Во время экосеза, который она опять танцовала съ Курагинымъ, когда они остались одни, Анатоль ничего не говорилъ ей, только смотрѣлъ на нее. Наташа была въ сомнѣніи, не во снѣ ли она видѣла то, что̀ онъ сказалъ ей во время вальса. Въ концѣ первой фигуры онъ опять пожалъ ей руку. Наташа подняла на него испуганные глаза; но такое самоувѣренно-нѣжное выраженіе было въ его ласковомъ взглядѣ и улыбкѣ, что она не могла, глядя на него, сказать того, что̀ она имѣла сказать ему. Она опустила глаза.

— Не говорите мнѣ такихъ вещей, я обручена и люблю другаго, проговорила она быстро... Она взглянула на него: Анатоль не смутился и не огорчился тѣмъ, что̀ она сказала.

— Не говорите мнѣ про это. Что̀ мнѣ за дѣло? сказалъ

онъ. — Я говорю, что безумно, безумно влюбленъ въ васъ. Развѣ я виноватъ, что вы восхитительны?... Намъ начинать.

Наташа, оживленная и тревожная, широко-раскрытыми испуганными глазами смотрѣла вокругъ себя и, казалась, веселѣе, чѣмъ обыкновенно. Она почти ничего не понимала изъ того, что̀ было въ этотъ вечеръ. Танцовали экосезъ и и гросъ-фатеръ, отецъ приглашалъ ее уѣхать, она просила остаться. Гдѣ бы она ни была, съ кѣмъ бы ни говорила, она чувствовала на себѣ его взглядъ. Потомъ она помнила, что попросила у отца позволенія выйти въ уборную оправить платье, что Элленъ вышла за ней, говорила ей смѣясь о любви ея брата, и что въ маленькой диванной ей опять встрѣтился Анатоль, что Элленъ куда-то исчезла, они остались вдвоемъ, и Анатоль, взявъ ее за руку, нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— Я не могу къ вамъ ѣздить; но неужели я никогда не увижу васъ? Я безумно люблю васъ. Неужели никогда?... и онъ, заслоняя ей дорогу, приближалъ свое лицо къ ея лицу.

Блестящіе, большіе мужскіе глаза его такъ близки были отъ ея глазъ, что она не видѣла ничего кромѣ этихъ глазъ.

— Натали?! прошепталъ вопросительно его голосъ, и кто-то больно сжималъ ея руки. — Натали!?

„Я ничего не понимаю, мнѣ нечего говорить“, сказалъ ея взглядъ.

Горячія губы прижались къ ея губамъ, и въ ту же минуту она почувствовала себя опять свободною, и въ комнатѣ послышался шумъ шаговъ и платья Элленъ. Наташа оглянулась на Элленъ, потомъ, красная и дрожащая, взглянула на него испуганно-вопросительно и пошла къ двери.

— Одно слово, только одно, ради Бога, говорилъ Ана-

толь. Она остановилась. Ей такъ нужно было, чтобъ онъ сказалъ это слово, которое бы объяснило ей то, что̀ случилось, и на которое она бы ему отвѣтила.

— Натали, одно слово… одно, все повторялъ онъ, видимо не зная, что̀ сказать, и повторялъ его до тѣхъ поръ, пока къ нимъ подошла Элень.

Элень вмѣстѣ съ Наташей опять вышла въ гостиную. Не оставшись ужинать, Ростовы уѣхали.

Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь: ее мучилъ неразрѣшимый вопросъ, кого она любила: Анатоля или князя Андрея? Князя Андрея она любила — она помнила ясно, какъ сильно она любила его. Но Анатоля она любила тоже, это было несомнѣнно. „Иначе, развѣ бы все это могло быть?“ думала она. „Ежели я могла послѣ этого, прощаясь съ нимъ, могла улыбкой отвѣтить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то значитъ, что я съ первой минуты полюбила его. Значитъ, онъ добръ, благороденъ и прекрасенъ, и нельзя было не полюбить его. Что̀ же мнѣ дѣлать, когда я люблю его и люблю другаго?“ говорила она себѣ, не находя отвѣтовъ на эти страшные вопросы.

XIV.

Пришло утро съ его заботами и суетой. Всѣ встали, задвигались, заговорили, опять пришли модистки, опять вышла Марья Дмитрiевна, и позвали къ чаю. Наташа широко раскрытыми глазами, какъ будто она хотѣла перехватить всякiй устремленный на нее взглядъ, безпокойно оглядывалась на всѣхъ и старалась казаться такою же, какою она была всегда.

Послѣ завтрака Марья Дмитрiевна (это было лучшее время

ея), сѣвъ на свое кресло, подозвала къ себѣ Наташу и стараго графа.

— Ну-съ, друзья мои, теперь я все дѣло обдумала и вотъ вамъ мой совѣтъ, начала она. — Вчера, какъ вы знаете, была я у князя Николая; ну-съ, и поговорила съ нимъ... Онъ кричать вздумалъ. Да меня не перекричишь! Я все ему выпѣла!

— Да что же онъ? спросилъ графъ.

— Онъ-то что? сумасбродъ... слышать не хочетъ, ну, да что говорить, и такъ мы бѣдную дѣвочку измучили, сказала Марья Дмитріевна. — А совѣтъ мой вамъ, чтобы дѣло покончить и ѣхать домой, въ Отрадное... и тамъ ждать...

— Ахъ, нѣтъ! вскрикнула Наташа.

— Нѣтъ, ѣхать, сказала Марья Дмитріевна. — И тамъ ждать. Если женихъ теперь сюда пріѣдетъ — безъ ссоры не обойдется; а онъ тутъ одинъ на одинъ съ старикомъ все переговоритъ и потомъ къ вамъ пріѣдетъ.

Илья Андреичъ одобрилъ это предложеніе, тотчасъ понявъ всю разумность его. Ежели старикъ смягчится, то тѣмъ лучше будетъ пріѣхать къ нему въ Москву или Лысыя Горы, уже послѣ; если нѣтъ, то вѣнчаться, противъ его воли, можно будетъ только въ Отрадномъ.

— И истинная правда, сказалъ онъ. — Я и жалѣю, что къ нему ѣздилъ и ее возилъ, сказалъ старый графъ.

— Нѣтъ, чего же жалѣть? Бывши здѣсь, нельзя было не сдѣлать почтенія. Ну, а не хочетъ, его дѣло, сказала Марья Дмитріевна, что-то отыскивая въ ридикюлѣ. — Да и приданое готово, чего вамъ еще ждать; а что не готово, я вамъ перешлю. Хоть и жалко мнѣ васъ, а лучше съ Богомъ поѣзжайте. Найдя въ ридикюлѣ то, что она искала, она пе-

редала Наташѣ. Это было письмо отъ княжны Марьи. — Тебѣ пишетъ. Какъ мучается, бѣдняжка! Она боится, чтобы ты не подумала, что она тебя не любитъ.

— Да она и не любитъ меня, сказала Наташа.

— Вздоръ, не говори, крикнула Марья Дмитріевна.

— Никому не повѣрю; я знаю, что не любитъ, смѣло сказала Наташа, взявъ письмо, и въ лицѣ ея выразилась сухая и злобная рѣшительность, заставившая Марью Дмитріевну пристальнѣе посмотрѣть на нее и нахмуриться.

— Ты, матушка, такъ не отвѣчай, сказала она. — Что̀ я говорю, то правда. Напиши отвѣтъ.

Наташа не отвѣчала и пошла въ свою комнату читать письмо княжны Марьи.

Княжна Марья писала, что она была въ отчаяніи отъ происшедшаго между ними недоразумѣнія. Какія бы ни были чувства ея отца, писала княжна Марья, она просила Наташу вѣрить, что она не могла не любить ее, какъ ту, которую выбралъ ея братъ, для счастья котораго она всѣмъ готова была пожертвовать.

„Впрочемъ“, писала она, „не думайте, чтобъ отецъ мой былъ дурно расположенъ къ вамъ. Онъ больной и старый человѣкъ, котораго надо извинять; но онъ добръ, великодушенъ и будетъ любить ту, которая сдѣлаетъ счастье его сына“. Княжна Марья просила далѣе, чтобы Наташа назначила время, когда она можетъ опять увидѣться съ ней.

Прочтя письмо, Наташа сѣла къ письменному столу, чтобы написать отвѣтъ. „Милая княжна“; быстро, механически написала она по-французски и остановилась. Что̀ жъ дальше могла написать она послѣ всего того, что̀ было вчера? Да, да, все это было, и теперь ужъ все другое, думала она,

сидя надъ начатымъ письмомъ. „Надо отказать ему? Неужели надо? Это ужасно!“... И чтобы не думать этихъ страшныхъ мыслей, она пошла къ Сонѣ и съ ней вмѣстѣ стала разбирать узоры.

Послѣ обѣда Наташа ушла въ свою комнату, и опять взяла письмо княжны Марьи. „Неужели все уже кончено?“ подумала она. „Неужели такъ скоро все это случилось и уничтожило все прежнее!“ Она во всей прежней силѣ вспоминала свою любовь къ князю Андрею и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что любила Курагина. Она живо представляла себя женою князя Андрея, представляла себѣ столько разъ повторенную ея воображеніемъ картину счастья съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разгораясь отъ волненія, представляла себѣ всѣ подробности своего вчерашняго свиданія съ Анатолемъ.

„Отчего же бы это не могло быть вмѣстѣ?“ иногда, въ совершенномъ затменіи, думала она. „Тогда только я бы была совсѣмъ счастлива, а теперь я должна выбрать, и ни безъ одного изъ обоихъ я не могу быть счастлива. — Одно“, думала она: „сказать то, чтò было, князю Андрею или скрыть — одинаково невозможно. А съ *этимъ* ничего не испорчено. Но неужели разстаться навсегда съ этимъ счастьемъ любви князя Андрея, которымъ я жила такъ долго?“

— Барышня, шепотомъ съ таинственнымъ видомъ сказала дѣвушка, входя въ комнату. — Мнѣ одинъ человѣчекъ велѣлъ передать. Дѣвушка подала письмо. — Только ради Христа... говорила еще дѣвушка, когда Наташа, не думая, механическимъ движеніемъ сломала печать и читала любовное письмо Анатоля, изъ котораго она, не понимая ни слова, понимала только одно, что это письмо было отъ него, отъ того человѣка, котораго она любитъ. „Да, она любитъ; иначе развѣ

могло бы случиться то, что̀ случилось? Развѣ могло бы быть въ ея рукѣ любовное письмо отъ него?“

Трясущимися руками Наташа держала это страстное любовное письмо, сочиненное для Анатоля Долоховымъ, и, читая его, находила въ немъ отголоски всего того, что̀, ей казалось, она сама чувствовала.

„Со вчерашняго вечера участь моя рѣшена: быть любимымъ вами или умереть. Мнѣ нѣтъ другаго выхода“, начиналось письмо. Потомъ онъ писалъ, что знаетъ про то, что̀ родные ея не отдадутъ ея ему, Анатолю, что на это есть тайныя причины, которыя онъ ей одной можетъ открыть, но что ежели она его любитъ, то ей стоитъ сказать это слово *да*, и никакія силы людскія не помѣшаютъ ихъ блаженству. Любовь побѣдитъ все. Онъ похититъ и увезетъ ее на край свѣта.

„Да, да, я люблю его!“ думала Наташа, перечитывая въ двадцатый разъ письмо и отыскивая какой-то особенный глубокій смыслъ въ каждомъ его словѣ.

Въ этотъ вечеръ Марья Дмитріевна ѣхала къ Архаровымъ и предложила барышнямъ ѣхать съ нею. Наташа, подъ предлогомъ головной боли, осталась дома.

XV.

Вернувшись поздно вечеромъ, Соня вошла въ комнату Наташи и, къ удивленію своему, нашла ее нераздѣтою спящую на диванѣ. На столѣ подлѣ нея лежало открытое письмо Анатоля. Соня взяла письмо и стала читать его.

Она читала и взглядывала на спящую Наташу, на лицѣ ея отыскивая объясненія того, что̀ она читала, и не находила его. Лицо было тихое, кроткое и счастливое. Схватившись

за грудь, чтобы не задохнуться, Соня, блѣдная и дрожащая отъ страха и волненія, сѣла на кресло и залилась слезами.

„Какъ я не видала ничего? Какъ могло это зайти такъ далеко? Неужели она разлюбила князя Андрея? И какъ могла она допустить до этого Курагина? Онъ обманщикъ и злодѣй, это ясно. Что̀ будетъ съ Николенькой, съ милымъ, благороднымъ Николенькой, когда онъ узнаетъ про это? Такъ вотъ что̀ значило ея взволнованное, рѣшительное и неестественное лицо третьяго дня, и вчера, и нынче“, думала Соня; „но не можетъ быть, чтобы она любила его! Вѣроятно, не зная отъ кого, она распечатала это письмо. Вѣроятно, она оскорблена. Она не можетъ этого сдѣлать!“

Соня утерла слезы и подошла къ Наташѣ, опять вглядываясь въ ея лицо.

— Наташа! сказала она чуть слышно.

Наташа проснулась и увидала Соню.

— А, вернулась?

И съ рѣшительностью и нѣжностью, которая бываетъ въ минуты пробужденія, она обняла подругу. Но замѣтивъ смущеніе на лицѣ Сони, и ея лицо выразило смущеніе и подозрительность.

— Соня, ты прочла письмо? сказала она.

— Да, тихо сказала Соня.

Наташа восторженно улыбнулась.

— Нѣтъ, Соня, я не могу больше! сказала она. — Я не могу больше скрывать отъ тебя. Ты знаешь, мы любимъ другъ друга!... Соня, голубчикъ, онъ пишетъ... Соня...

Соня, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, смотрѣла во всѣ глаза на Наташу.

— А Болконскій? сказала она.

— Ахъ, Соня, ахъ, если бы ты могла знать, какъ я счастлива! сказала Наташа. — Ты не знаешь, что̀ такое любовь...

— Но, Наташа, неужели то все кончено?

Наташа большими, открытыми глазами смотрѣла на Соню, какъ будто не понимая ея вопроса.

— Что̀ жъ ты отказываешь князю Андрею? сказала Соня.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, ты не говори глупости, ты слушай, съ мгновенною досадой сказала Наташа.

— Нѣтъ, я не могу этому вѣрить, повторила Соня. — Я не понимаю. Какъ же ты годъ цѣлый любила одного человѣка, и вдругъ... Вѣдь ты только три раза видѣла его. Наташа, я тебѣ не вѣрю, ты шутишь. Въ три дня забыть все и такъ...

— Три дня, сказала Наташа. — Мнѣ кажется, я сто лѣтъ люблю его. Мнѣ кажется, что я никого никогда не любила прежде его. Ты этого не можешь понять. Соня, постой, садись тутъ. Наташа обняла и поцѣловала ее. — Мнѣ говорили, что это бываетъ, и ты вѣрно слышала, но я теперь только испытала эту любовь. Это не то, что̀ прежде. Какъ только я увидала его, я почувствовала, что онъ мой властелинъ, и я раба его, и что я не могу не любить его. Да, раба! Что̀ онъ мнѣ велитъ, то я и сдѣлаю. Ты не понимаешь этого. Что̀ жъ мнѣ дѣлать? Что̀ жъ мнѣ дѣлать, Соня? говорила Наташа съ счастливымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Но ты подумай, что̀ ты дѣлаешь, говорила Соня, — я не могу этого такъ оставить. Эти тайныя письма... Какъ ты могла его допустить до этого? говорила она съ ужасомъ и съ отвращеніемъ, которое она съ трудомъ скрывала.

— Я тебѣ говорила, отвѣчала Наташа, — что у меня нѣтъ воли; какъ ты не понимаешь этого: я его люблю!

— Такъ я не допущу до этого, я разскажу, съ прорвавшимися слезами вскрикнула Соня.

— Что ты, ради Бога... Ежели ты разскажешь, ты мой врагъ, заговорила Наташа. — Ты хочешь моего несчастія, ты хочешь, чтобы насъ разлучили...

Увидавъ этотъ страхъ Наташи, Соня заплакала слезами стыда и жалости за свою подругу.

— Но что было между вами? спросила она. — Что онъ говорилъ тебѣ? Зачѣмъ онъ не ѣздитъ въ домъ?

Наташа не отвѣчала на ея вопросъ.

— Ради Бога, Соня, никому не говори, не мучай меня, упрашивала Наташа. — Ты помни, что нельзя вмѣшиваться въ такія дѣла. Я тебѣ открыла...

— Но зачѣмъ эти тайны! Отъ чего же онъ не ѣздитъ въ домъ? спрашивала Соня. — Отчего онъ прямо не ищетъ твоей руки? Вѣдь князь Андрей далъ тебѣ полную свободу, ежели ужъ такъ; но я не вѣрю этому. Наташа, ты подумала, какія могутъ быть *тайныя причины?*

Наташа удивленными глазами смотрѣла на Соню. Видно, ей самой въ первый разъ представлялся этотъ вопросъ, и она не знала, что отвѣчать на него.

— Какія причины, не знаю. Но стало-быть есть причины!

Соня вздохнула и недовѣрчиво покачала головой:

— Ежели бы были причины... начала она. Но Наташа, угадывая ея сомнѣніе, испуганно перебила ее.

— Соня, нельзя сомнѣваться въ немъ, нельзя, нельзя, ты понимаешь ли? прокричала она.

— Любитъ ли онъ тебя?

— Любитъ ли? повторила Наташа съ улыбкой сожалѣнія о непонятливости своей подруги. — Вѣдь ты прочла письмо, ты видѣла его?

— Но если онъ неблагородный человѣкъ?

— Онъ!... неблагородный человѣкъ? Коли бы ты знала! говорила Наташа.

— Если онъ благородный человѣкъ, то онъ или долженъ объявить свое намѣреніе, или перестать видѣться съ тобой; и ежели ты не хочешь этого сдѣлать, то я сдѣлаю это, я напишу ему, я скажу папа, рѣшительно сказала Соня.

— Да я жить не могу безъ него! закричала Наташа.

— Наташа, я не понимаю тебя. И что ты говоришь! Вспомни объ отцѣ, о Николенькѣ.

— Мнѣ никого не нужно, я никого не люблю, кромѣ его. Какъ ты смѣешь говорить, что онъ неблагороденъ? Ты развѣ не знаешь, что я его люблю? кричала Наташа. — Соня, уйди, я не хочу съ тобой ссориться, уйди, ради Бога уйди; ты видишь, какъ я мучаюсь, злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженнымъ и отчаяннымъ голосомъ. Соня разрыдалась и выбѣжала изъ комнаты.

Наташа подошла къ столу и, не думавъ ни минуты, написала тотъ отвѣтъ княжнѣ Марьѣ, который она не могла написать цѣлое утро. Въ письмѣ этомъ она коротко писала княжнѣ Марьѣ, что всѣ недоразумѣнія ихъ кончены, что, пользуясь великодушіемъ князя Андрея, который, уѣзжая, далъ ей свободу, она проситъ ее забыть все и простить ее, ежели она передъ нею виновата, но что она не можетъ быть его женой. Все это ей казалось такъ легко, просто и ясно въ эту минуту.

Въ пятницу Ростовы должны были ѣхать въ деревню, а графъ въ среду поѣхалъ съ покупщикомъ въ свою подмосковную.

Въ день отъѣзда графа, Соня съ Наташей были званы на большой обѣдъ къ Карагинымъ, и Марья Дмитріевна повезла ихъ. На обѣдѣ этомъ Наташа опять встрѣтилась съ Анатолемъ, и Соня замѣтила, что Наташа говорила съ нимъ что-то, желая не быть услышанною, и все время обѣда была еще болѣе взволнована, чѣмъ прежде. Когда онѣ вернулись домой, Наташа начала первая съ Соней то объясненіе, котораго ждала ея подруга.

— Вотъ ты, Соня, говорила разныя глупости про него, начала Наташа кроткимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ, которымъ говорятъ дѣти, когда хотятъ, чтобъ ихъ похвалили. — Мы объяснились съ нимъ нынче.

— Ну, что̀ же, что̀? Ну, что̀ жъ онъ сказалъ? Наташа, какъ я рада, что ты не сердишься на меня. Говори мнѣ все, всю правду. Что̀ же онъ сказалъ?

Наташа задумалась.

— Ахъ, Соня, если бы ты знала его такъ, какъ я! Онъ сказалъ... Онъ спрашивалъ меня о томъ, какъ я обѣщала Болконскому. Онъ обрадовался, что отъ меня зависитъ отказать ему.

Соня грустно вздохнула.

— Но вѣдь ты не отказала Болконскому? сказала она.

— А можетъ-быть я и отказала! Можетъ-быть съ Болконскимъ все кончено. Почему ты думаешь про меня такъ дурно?

— Я ничего не думаю, я только не понимаю этого...

— Подожди, Соня, ты все поймешь. Увидишь, какой онъ человѣкъ. Ты не думай дурное ни про меня, ни про него.

— Я ни про кого не думаю дурное: я всѣхъ люблю и всѣхъ жалѣю. Но что жъ мнѣ дѣлать?

Соня не сдавалась на нѣжный тонъ, съ которымъ къ ней обращалась Наташа. Чѣмъ размягченнѣе и искательнѣе было выраженіе лица Наташи, тѣмъ серьезнѣе и строже было лицо Сони.

— Наташа, сказала она, — ты просила меня не говорить съ тобой, я и не говорила, теперь ты сама начала. Наташа, я не вѣрю ему. Зачѣмъ эта тайна?

— Опять, опять! перебила Наташа.

— Наташа, я боюсь за тебя.

— Чего бояться?

— Я боюсь, что ты погубишь себя, рѣшительно сказала Соня, сама испугавшись того, что она сказала.

Лицо Наташи опять выразило злобу.

— И погублю, погублю, какъ можно скорѣе погублю себя. Не ваше дѣло. Не вамъ, а мнѣ дурно будетъ. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя.

— Наташа! испуганно взывала Соня.

— Ненавижу, ненавижу! И ты мой врагъ навсегда!

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Наташа не говорила больше съ Соней и избѣгала ея. Съ тѣмъ же выраженіемъ взволнованнаго удивленія и преступности она ходила по комнатамъ, принимаясь то за то, то за другое занятіе и тотчасъ же бросая ихъ.

Какъ это ни тяжело было для Сони, но она, не спуская глазъ, слѣдила за своею подругой.

Наканунѣ того дня, въ который долженъ былъ вернуться графъ, Соня замѣтила, что Наташа сидѣла все утро у окна гостиной, какъ будто ожидая чего-то. и что она сдѣлала

какой-то знакъ проѣхавшему военному, котораго Соня приняла за Анатоля.

Соня стала еще внимательнѣе наблюдать свою подругу и замѣтила, что Наташа была все время обѣда и вечеръ въ странномъ и неестественномъ состояніи (отвѣчала невпопадъ на дѣлаемые ей вопросы, начинала и не доканчивала фразы, всему смѣялась).

Послѣ чаю Соня увидѣла робѣющую горничную дѣвушку, выжидавшую ее у двери Наташи. Она пропустила ее и, подслушавъ у двери, узнала, что опять было передано письмо.

И вдругъ Сонѣ стало ясно, что у Наташи былъ какой-нибудь страшный планъ на нынѣшній вечеръ. Соня постучалась къ ней. Наташа не пустила ея.

„Она убѣжитъ съ нимъ!“ думала Соня. „Она на все способна. Нынче въ лицѣ ея было что-то особенно жалкое и рѣшительное. Она заплакала, прощаясь съ дяденькой“, вспоминала Соня. „Да, это вѣрно, она бѣжитъ съ нимъ, — но что мнѣ дѣлать?“ думала Соня, припоминая теперь тѣ признаки, которые ясно доказывали, почему у Наташи было какое-то страшное намѣреніе. „Графа нѣтъ. Что мнѣ дѣлать? Написать къ Курагину, требуя отъ него объясненія? Но кто велитъ ему отвѣтить? Писать Пьеру, какъ просилъ князь Андрей, въ случаѣ несчастія?... Но можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она уже отказала Болконскому (она вчера отослала письмо княжнѣ Марьѣ). Дяденьки нѣтъ“.

Сказать Марьѣ Дмитріевнѣ, которая такъ вѣрила въ Наташу, Сонѣ казалось ужасно.

„Но такъ или иначе“, думала Соня, стоя въ темномъ коридорѣ, „теперь, или никогда пришло время доказать, что я помню благодѣянія ихъ семейства и люблю Николая. Нѣтъ,

я хоть три ночи не буду спать, а не выйду изъ этого коридора и силой не пущу ее, и не дамъ позору обрушиться на ихъ семейство", думала она.

XVI.

Анатоль последнее время переселился къ Долохову. Планъ похищенія Ростовой уже несколько дней былъ обдуманъ и приготовленъ Долоховымъ, и въ тотъ день когда Соня, подслушавъ у двери Наташу, решилась оберегать ее, планъ этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Наташа въ десять часовъ вечера обещала выйти къ Курагину на заднее крыльцо. Курагинъ долженъ былъ посадить ее въ приготовленную тройку и везти за 60 верстъ отъ Москвы, въ село Каменку, где былъ приготовленъ разстриженный попъ, который долженъ былъ обвенчать ихъ. Въ Каменке была готова подстава, которая должна была вывезти ихъ на варшавскую дорогу, и тамъ на почтовыхъ они должны были скакать за-границу.

У Анатоля были и паспортъ, и подорожная, и десять тысячъ денегъ, взятыя у сестры, и десять тысячъ, занятыя чрезъ посредство Долохова.

Два свидетеля — Хвостиковъ, бывшій приказный, котораго употреблялъ для игры Долоховъ, и Макаринъ, отставной гусаръ, добродушный и слабый человекъ, имевшій безпредельную любовь къ Курагину, — сидели въ первой комнате за чаемъ.

Въ большомъ кабинете Долохова, убранномъ со стенъ до потолка персидскими коврами, медвежьими шкурами и оружіемъ, сиделъ Долоховъ въ дорожномъ бешмете и сапогахъ предъ раскрытымъ бюро, на которомъ лежали счеты и пачки

денегъ. Анатоль въ разстегнутомъ мундирѣ ходилъ изъ той комнаты, гдѣ сидѣли свидѣтели, черезъ кабинетъ въ заднюю комнату, гдѣ его лакей-французъ съ другими укладывалъ послѣднія вещи. Долоховъ считалъ деньги и записывалъ.

— Ну, сказалъ онъ, — Хвостикову надо дать двѣ тысячи.

— Ну и дай, сказалъ Анатоль.

— Макарка (они такъ звали Макарина), этотъ безкорыстно за тебя въ огонь и въ воду. — Ну вотъ, и кончены счеты, сказалъ Долоховъ, показывая ему записку. — Такъ?

— Да, разумѣется, такъ, сказалъ Анатоль, видимо не слушавшій Долохова и съ улыбкой, не сходившею у него съ лица, смотрѣвшій впередъ себя.

Долоховъ захлопнулъ бюро и обратился къ Анатолю съ насмѣшливою улыбкой.

— А знаешь что — брось все это: еще время есть! сказалъ онъ.

— Дуракъ! сказалъ Анатоль. — Перестань говорить глупости. Ежели бы ты зналъ... Это чортъ знаетъ что̀ такое!

— Право брось, сказалъ Долоховъ. — Я тебѣ дѣло говорю. Развѣ это шутка, что̀ ты затѣялъ?

— Ну, опять, опять дразнить? Пошелъ къ черту! А... сморщившись сказалъ Анатоль. — Право не до твоихъ дурацкихъ шутокъ. — И онъ ушелъ изъ комнаты.

Долоховъ презрительно и снисходительно улыбался, когда Анатоль вышелъ.

— Ты постой, сказалъ онъ вслѣдъ Анатолю, — я не шучу, я дѣло говорю, поди, поди сюда.

Анатоль опять вошелъ въ комнату и, стараясь сосредоточить вниманіе, смотрѣлъ на Долохова, очевидно невольно покоряясь ему.

— Ты меня слушай, я тебѣ послѣдній разъ говорю. Что мнѣ съ тобой шутить? Развѣ я тебѣ перечилъ? Кто тебѣ все устроилъ, кто попа нашелъ, кто паспортъ взялъ, кто денегъ досталъ? Все я.

— Ну, и спасибо тебѣ. Ты думаешь, я тебѣ не благодаренъ? Анатоль вздохнулъ и обнялъ Долохова.

— Я тебѣ помогалъ; но все же я тебѣ долженъ правду сказать: дѣло опасное и, если разобрать, глупое. Ну, ты и увезешь, хорошо. Развѣ это такъ оставятъ? Узнается дѣло, что ты женатъ. Вѣдь тебя подъ уголовный судъ подведутъ...

— Ахъ! глупости, глупости! опять сморщившись заговорилъ Анатоль. — Вѣдь я тебѣ толковалъ. А? — И Анатоль съ тѣмъ особеннымъ пристрастіемъ (которое бываетъ у людей тупыхъ) къ умозаключенію, до котораго они дойдутъ своимъ умомъ, повторилъ то рассужденіе, которое онъ разъ сто повторялъ Долохову. — Вѣдь я тебѣ толковалъ, я рѣшилъ: ежели этотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ, сказалъ онъ, загибая палецъ, — значитъ я не отвѣчаю; ну, а ежели дѣйствителенъ, все равно: за границей никто этого не будетъ знать, ну, вѣдь такъ? И не говори, не говори, не говори!

— Право, брось! Ты только себя свяжешь...

— Убирайся къ чорту, сказалъ Анатоль и, взявшись за волосы, вышелъ въ другую комнату и тотчасъ же вернулся и съ ногами сѣлъ на кресло близко предъ Долоховымъ. — Это чортъ знаетъ что такое! А? Ты посмотри, какъ бьется. Онъ взялъ руку Долохова и приложилъ къ своему сердцу. — Какая ножка, любезный другъ, какой взглядъ! Богиня! заговорилъ онъ по-французски. — А?

Долоховъ, холодно улыбаясь и блестя своими красивыми,

наглыми глазами, смотрѣлъ на него, видимо желая еще повеселиться надъ нимъ.

— Ну, деньги выйдутъ, тогда что?

— Тогда что? А? повторилъ Анатоль съ искреннимъ недоумѣньемъ предъ мыслью о будущемъ. — Тогда что! Тамъ я не знаю что... Ну, что глупости говорить! Онъ посмотрѣлъ на часы. — Пора!

Анатоль пошелъ въ заднюю комнату.

— Ну, скоро-ли вы? копаетесь тутъ, крикнулъ онъ на слугъ.

Долоховъ убралъ деньги и, крикнувъ человѣка, чтобы велѣть подать поѣсть и выпить на дорогу, вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли Хвостиковъ и Макаринъ.

Анатоль въ кабинетѣ лежалъ, облокотившись на руку, на диванѣ, задумчиво улыбался и что-то нѣжно про себя шепталъ.

— Иди, съѣшь что-нибудь. Ну, выпей! кричалъ ему изъ другой комнаты Долоховъ.

— Не хочу! отвѣтилъ Анатоль, все продолжая улыбаться.

— Иди, Балага пріѣхалъ.

Анатоль всталъ и вошелъ въ столовую. Балага былъ извѣстный троечный ямщикъ, уже лѣтъ шесть знавшій Долохова и Анатоля, и служившій имъ своими тройками. Не разъ онъ, когда полкъ Анатоля стоялъ въ Твери, съ вечера увозилъ его изъ Твери, къ разсвѣту доставлялъ въ Москву и увозилъ на другой день ночью. Не разъ онъ увозилъ Долохова отъ погони, не разъ онъ по городу каталъ ихъ съ цыганами и дамочками, какъ называлъ Балага. Не разъ онъ съ ихъ работою давилъ по Москвѣ народъ и извозчиковъ, и всегда его выручали его господа, какъ онъ называлъ ихъ. Не одну лошадь онъ загналъ подъ ними. Не разъ онъ былъ битъ

ими, не разъ напаивали они его шампанскимъ и мадерой, которую онъ любилъ, и не одну штуку онъ зналъ за каждымъ изъ нихъ, которая обыкновенному человѣку давно бы заслужила Сибирь. Въ кутежахъ своихъ они часто зазывали Балагу, заставляли его пить и плясать у цыганъ, и не одна тысяча ихъ денегъ перешла черезъ его руки. Служа имъ, онъ двадцать разъ въ году рисковалъ и своею жизнью и своею шкурой, и на ихъ работѣ переморилъ больше лошадей, чѣмъ они ему переплатили денегъ. Но онъ любилъ ихъ, любилъ эту безумную ѣзду, по восемнадцати верстъ въ часъ, любилъ перекувырнуть извозчика и раздавить пѣшехода по Москвѣ, и во весь скокъ пролетѣть по московскимъ улицамъ. Онъ любилъ слышать за собой этотъ дикій крикъ пьяныхъ голосовъ: „пошелъ! пошелъ!“ тогда какъ ужъ и такъ нельзя было ѣхать шибче; любилъ вытянуть больно по шеѣ мужика, который и такъ ни живъ, ни мертвъ сторонился отъ него. „Настоящіе господа!“ думалъ онъ.

Анатоль и Долоховъ тоже любили Балагу за его мастерство ѣзды и за то, что онъ любилъ то же, что и они. Съ другими Балага рядился, бралъ по двадцати пяти рублей за двухчасовое катанье и съ другими только изрѣдка ѣздилъ самъ, а больше посылалъ своихъ молодцовъ. Но съ своими господами, какъ онъ называлъ ихъ, онъ всегда ѣхалъ самъ и никогда ничего не требовалъ за свою работу. Только узнавъ черезъ камердинеровъ время, когда были деньги, онъ разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ приходилъ поутру, трезвый, и, низко кланяясь, просилъ выручить его. Его всегда сажали господа.

— Ужъ вы меня вызвольте, батюшка Ѳедоръ Ивановичъ или ваше сіятельство, говорилъ онъ. Обезлошадничалъ вовсе, на ярмарку ѣхать ужъ ссудите, что можете.

И Анатоль и Долоховъ, когда бывали при деньгахъ, давали ему по тысячѣ и по двѣ рублей.

Балага былъ русый, съ краснымъ лицомъ и въ особенности красною, толстою шеей, приземистый, курносый мужикъ, лѣтъ двадцати семи, съ блестящими маленькими глазами и маленькою бородкой. Онъ былъ одѣтъ въ тонкомъ синемъ кафтанѣ на шелковой подкладкѣ, надѣтомъ на полушубкѣ.

Онъ перекрестился на передній уголъ и подошелъ къ Долохову, протягивая черную, небольшую руку.

— Ѳедору Ивановичу! сказалъ онъ, кланяясь.

— Здорово, братъ. Ну, вотъ и онъ.

— Здравствуй, ваше сіятельство, сказалъ онъ входившему Анатолю, и тоже протянулъ руку.

— Я тебѣ говорю, Балага, сказалъ Анатоль, кладя ему руки на плечи, — любишь ты меня или нѣтъ? А? Теперь службу сослужи... На какихъ пріѣхалъ? А?

— Какъ посолъ приказалъ, на вашихъ на звѣрьяхъ, сказалъ Балага.

— Ну, слышишь, Балага! Зарѣжь всю тройку, а чтобы въ три часа пріѣхать. А?

— Какъ зарѣжешь, на чемъ поѣдемъ? сказалъ Балага, подмигивая.

— Ну, я тебѣ морду разобью, ты не шути! вдругъ, выкативъ глаза, крикнулъ Анатоль.

— Чтò жъ шутить, посмѣиваясь сказалъ ямщикъ. — Развѣ я для своихъ господъ пожалѣю? Чтò мочи скакать будетъ лошадямъ, то и ѣхать будемъ.

— А! сказалъ Анатоль. — Ну, садись.

— Чтò жъ, садись! сказалъ Долоховъ.

— Постою, Ѳедоръ Ивановичъ.

— Садись, братъ, пей, сказалъ Анатоль, и налилъ ему большой стаканъ мадеры. Глаза ямщика засвѣтились на вино. Отказываясь для приличія, онъ выпилъ и отерся шелковымъ краснымъ платкомъ, который лежалъ у него въ шапкѣ.

— Что̀ жъ, когда ѣхать-то, ваше сіятельство?

— Да вотъ... (Анатоль посмотрѣлъ на часы) сейчасъ и ѣхать. Смотри же, Балага. А? Поспѣешь?

— Да какъ выѣздъ, счастливъ ли будетъ, а то отчего же не поспѣть? сказалъ Балага.—Доставляли же въ Тверь, въ семь часовъ поспѣвали. Помнишь небось, ваше сіятельство.

— Ты знаешь ли, на Рождество изъ Твери я разъ ѣхалъ, сказалъ Анатоль съ улыбкой воспоминанія, обращаясь къ Макарину, который во всѣ глаза умиленно смотрѣлъ на Курагина. — Ты вѣришь ли, Макарка, что духъ захватывало, какъ мы летѣли. Въѣхали въ обозъ, черезъ два воза перескочили. А?

— Ужъ лошади жъ были! продолжалъ разсказъ Балага.— Я тогда молодыхъ пристяжныхъ къ каурому запрягъ, обратился онъ къ Долохову, — такъ вѣришь ли, Ѳедоръ Иванычъ, 60 верстъ звѣри летѣли; держать нельзя, руки закоченѣли: морозъ былъ. Бросилъ возжи, держи молъ, ваше сіятельство самъ, такъ въ сани и повалился. Такъ вѣдь не то, что погонять, до мѣста держать нельзя. Въ три часа донесли черти. Издохла лѣвая только.

XVII.

Анатоль вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ подпоясанной серебрянымъ ремнемъ шубкѣ и собольей шапкѣ, молодцовато надѣтой набекрень и очень

шедшей къ его красивому лицу. Поглядѣвшись въ зеркало и въ той самой позѣ, которую онъ взялъ передъ зеркаломъ, ставъ предъ Долоховымъ, онъ взялъ стаканъ вина.

— Ну, Ѳедя, прощай, спасибо за всё, прощай, сказалъ Анатоль. — Ну, товарищи, друзья... онъ задумался, молодости... моей, прощайте, обратился онъ къ Макарину и другимъ.

Несмотря на то, что всѣ они ѣхали съ нимъ, Анатоль видимо хотѣлъ сдѣлать что-то трогательное и торжественное изъ этого обращенія къ товарищамъ. Онъ говорилъ медленнымъ, громкимъ голосомъ и, выставивъ грудь, покачивалъ одною ногой.

— Всѣ возьмите стаканы, и ты, Балага. Ну, товарищи, друзья молодости моей, покутили мы, пожили, покутили. А? Теперь, когда свидимся? за границу уѣду! Пожили, прощай, ребята. За здоровье! Ура!.. сказалъ онъ, выпивъ свой стаканъ и хлопнулъ его объ землю.

— Будь здоровъ, сказалъ Балага, тоже выпивъ свой стаканъ и обтираясь платкомъ. Макаринъ со слезами на глазахъ обнималъ Анатоля.

— Эхъ, князь, ужъ какъ грустно мнѣ съ тобой разстаться, проговорилъ онъ.

— Ѣхать, ѣхать! закричалъ Анатоль.

Балага было пошелъ изъ комнаты.

— Нѣтъ, стой, сказалъ Анатоль. — Затвори двери, сѣсть надо. Вотъ такъ. — Затворили двери, и всѣ сѣли.

— Ну, теперь маршъ, ребята! сказалъ Анатоль, вставая. Лакей Жозефъ подалъ Анатолю сумку и саблю, и всѣ вышли въ передню́ю.

— А шуба гдѣ? сказалъ Долоховъ. — Эй, Игнатка! Поди

къ Матренѣ Матвѣевнѣ, спроси шубу, салопъ соболій. Я слыхалъ, какъ увозятъ, сказалъ Долоховъ, подмигнувъ. — Вѣдь она выскочитъ ни жива, ни мертва, въ чемъ дома сидѣла; чуть замѣшкаешься, тутъ и слезы, и папаша, и мамаша, и сейчасъ озябла и назадъ, — а ты въ шубу принимай сразу и неси въ сани.

Лакей принесъ женскій лисій салопъ.

— Дуракъ, я тебѣ сказалъ соболій. Эй, Матрешка, соболій, крикнулъ онъ такъ, что далеко по комнатамъ раздался его голосъ.

Красивая, худая и блѣдная цыганка, съ блестящими, черными глазами и съ черными, курчавыми, сизаго отлива волосами, въ красной шали, выбѣжала съ собольимъ салопомъ на рукѣ.

— Что жъ, мнѣ не жаль, ты возьми, сказала она, видимо робѣя предъ своимъ господиномъ и жалѣя салопа.

Долоховъ, не отвѣчая ей, взялъ шубу, накинулъ ее на Матрешу и закуталъ ее.

— Вотъ такъ, сказалъ Долоховъ. — И потомъ вотъ такъ, сказалъ онъ, и поднялъ ей около головы воротникъ, оставляя его только предъ лицомъ немного открытымъ. — Потомъ вотъ такъ, видишь? и онъ придвинулъ голову Анатоля къ отверстію, оставленному воротникомъ, изъ котораго виднѣлась блестящая улыбка Матреши.

— Ну, прощай, Матреша, сказалъ Анатоль, цѣлуя ее. — Эхъ, кончена моя гульба здѣсь! Стешкѣ кланяйся. Ну, прощай! Прощай, Матреша; ты мнѣ пожелай счастья.

— Ну, дай-то вамъ Богъ, князь, счастья большаго, сказала Матреша съ своимъ цыганскимъ акцентомъ.

У крыльца стояли двѣ тройки; двое молодцовъ ямщиковъ

держали ихъ. Балага сѣлъ на переднюю тройку, и, высоко поднимая локти, неторопливо разобралъ возжи. Анатоль и Долоховъ сѣли къ нему. Макаринъ, Хвостиковъ и лакей сѣли въ другую тройку.

— Готовы, что ль? спросилъ Балага. Пущай! крикнулъ онъ, заматывая вокругъ рукъ возжи, и тройка понесла бить внизъ по Никитскому бульвару.

— Тпрру! Поди, эй!.... Тпрру, только слышался крикъ Балаги и молодца, сидѣвшаго на козлахъ. На Арбатской площади тройка зацѣпила карету, что-то затрещало, послышался крикъ и тройка полетѣла по Арбату.

Давъ два конца по Подновинскому, Балага сталъ сдерживать и, вернувшись назадъ, остановилъ лошадей у перекрестка Старой Конюшенной.

Молодецъ соскочилъ держать подъ уздцы лошадей, Анатоль съ Долоховымъ пошли по тротуару. Подходя къ воротамъ, Долоховъ свиснулъ. Свистокъ отозвался ему, и вслѣдъ за тѣмъ выбѣжала горничная.

— На дворъ войдите, а то видно; сейчасъ выйдетъ, сказала она.

Долоховъ остался у воротъ. Анатоль вошелъ за горничной на дворъ, поворотилъ за уголъ и вбѣжалъ на крыльцо.

Гаврило, огромный выѣздной лакей Марьи Дмитріевны, встрѣтилъ Анатоля.

— Къ барынѣ пожалуйте, басомъ сказалъ лакей, загораживая дорогу отъ двери.

— Къ какой барынѣ? Да ты кто? запыхавшимся шопотомъ спрашивалъ Анатоль.

— Пожалуйте, приказано привесть.

— Курагинъ! назадъ, кричалъ Долóховъ. — Измѣна, назадъ!

Долоховъ у калитки, у которой онъ остановился, боролся съ дворникомъ, пытавшимся запереть за вошедшимъ Анатолемъ калитку. Долоховъ послѣднимъ усиліемъ оттолкнулъ дворника и схвативъ за руку выбѣжавшаго Анатоля, выдернулъ его за калитку и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ тройкѣ.

XVIII.

Марья Дмитріевна, заставъ заплаканную Соню въ коридорѣ, заставила ее во всемъ признаться. Перехвативъ записку Наташи и прочтя ее, Марья Дмитріевна съ запиской въ рукѣ вошла къ Наташѣ.

— Мерзавка, безстыдница, сказала она ей. — Слышать ничего не хочу! — Оттолкнувъ удивленными, но сухими глазами глядящую на нее Наташу, она заперла ее на ключъ и приказавъ дворнику пропустить въ ворота тѣхъ людей, которые придутъ нынче вечеромъ, но не выпускать ихъ, а лакею приказавъ привести этихъ людей къ себѣ, сѣла въ гостиной, ожидая похитителей.

Когда Гаврило пришелъ доложить Марьѣ Дмитріевнѣ, что приходившіе люди убѣжали, она нахмурившись встала и, заложивъ назадъ руки, долго ходила по комнатамъ, обдумывая, что̀ ей дѣлать. Въ 12 часу ночи она, ощупавъ ключъ въ карманѣ, пошла къ комнатѣ Наташи. Соня, рыдая, сидѣла въ коридорѣ. „Марья Дмитріевна, пустите меня къ ней ради Бога!“ сказала она. Марья Дмитріевна, не отвѣчая ей, отперла дверь и вошла. „Гадко, скверно, въ моемъ домѣ, мерзавка-дѣвчонка, только отца жалко!“ думала Марья Дмитріевна, стараясь утолить свой гнѣвъ. „Какъ ни трудно, ужъ велю всѣмъ молчать и скрою отъ графа“. Марья Дмитріевна рѣшительными шагами вошла въ комнату. Наташа лежала

на диванѣ, закрывъ голову руками и не шевелилась. Она лежала въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ оставила ее Марья Дмитріевна.

— Хороша, очень хороша! сказала Марья Дмитріевна. — Въ моемъ домѣ любовникамъ свиданья назначать! Притворяться-то нечего. Ты слушай, когда я съ тобой говорю. Марья Дмитріевна тронула ее за руку. — Ты слушай, когда я говорю. Ты себя осрамила, какъ дѣвка самая послѣдняя. Я бы съ тобой то сдѣлала, да мнѣ твоего отца жалко. Я скрою. — Наташа не перемѣнила положенія, но только все тѣло ея стало вскидываться отъ беззвучныхъ, судорожныхъ рыданій, которыя душили ее. Марья Дмитріевна оглянулась на Соню и присѣла на диванѣ подлѣ Наташи.

— Счастье его, что онъ отъ меня ушелъ; да я найду его, сказала она своимъ грубымъ голосомъ; — слышишь ты что ли, что я говорю? Она поддѣла своею большою рукою подъ лицо Наташи и повернула ее къ себѣ. И Марья Дмитріевна и Соня удивились, увидавъ лицо Наташи. Глаза ея были блестящи и сухи, губы поджаты, щеки опустились.

— Оставь... те... что мнѣ... я... умру... проговорила она, злымъ усиліемъ вырвалась отъ Марьи Дмитріевны и легла въ свое прежнее положеніе.

— Наталья!... сказала Марья Дмитріевна. — Я тебѣ добра желаю. Ты лежи, ну лежи такъ, я тебя не трону, и слушай... Я не стану говорить, какъ ты виновата. Ты сама знаешь. Ну, да теперь отецъ твой завтра пріѣдетъ, что я скажу ему? А?

Опять тѣло Наташи заколебалось отъ рыданій.

— Ну, узнаетъ онъ, ну, братъ твой, женихъ!

— У меня нѣтъ жениха, я отказала, прокричала Наташа.

— Все равно, продолжала Марья Дмитріевна. — Ну, они узнаютъ; что жъ, они такъ оставятъ? Вѣдь онъ, отецъ твой, я его знаю, вѣдь онъ, если его на дуэль вызоветъ, хорошо это будетъ? А?

— Ахъ, оставьте меня, зачѣмъ вы всему помѣшали! Зачѣмъ? зачѣмъ? кто васъ просилъ? кричала Наташа, приподнявшись на диванѣ и злобно глядя на Марью Дмитріевну.

— Да чего жъ ты хотѣла? вскрикнула опять горячась Марья Дмитріевна. — Что̀ жъ, тебя запирали что ль. Ну кто жъ ему мѣшалъ въ домъ ѣздить? Зачѣмъ же тебя, какъ цыганку какую, увозить?... Ну увезъ бы онъ тебя, — что жъ ты думаешь, его бы не нашли? Твой отецъ, или братъ, или женихъ? А онъ мерзавецъ, негодяй, вотъ что̀!

— Онъ лучше всѣхъ васъ, вскрикнула Наташа, приподнимаясь. — Если бы вы не мѣшали... Ахъ, Боже мой, что̀ это, что̀ это! Соня, за что̀? Уйдите!... И она зарыдала съ такимъ отчаяніемъ, съ какимъ оплакиваютъ люди только такое горе, котораго они чувствуютъ сами себя причиной. Марья Дмитріевна начала было опять говорить; но Наташа закричала: „Уйдите, уйдите, всѣ вы меня ненавидите, презираете!“ — И опять бросилась на диванъ.

Марья Дмитріевна продолжала еще нѣсколько времени усовѣщевать Наташу и внушать ей, что все это надо скрыть отъ графа, что никто не узнаетъ ничего, ежели только Наташа возьметъ на себя все забыть и не показывать ни предъ кѣмъ вида, что что-нибудь случилось. Наташа не отвѣчала. Она и не рыдала больше, но съ ней сдѣлались ознобъ и дрожь. Марья Дмитріевна положила ей подушку, накрыла ее двумя одѣялами и сама принесла ей липоваго цвѣта, но Наташа не откликнулась ей.

— Ну, пускай спитъ, сказала Марья Дмитріевна, уходя изъ комнаты, думая, что она спитъ. Но Наташа не спала и остановившимися раскрытыми глазами изъ блѣднаго лица прямо смотрѣла предъ собою. Всю эту ночь Наташа не спала, и не плакала, и не говорила съ Соней, нѣсколько разъ встававшею и подходившею къ ней.

На другой день къ завтраку, какъ и обѣщалъ графъ Илья Андреичъ, онъ пріѣхалъ изъ Подмосковной. Онъ былъ очень веселъ: дѣло съ покупщикомъ ладилось, и ничто уже не задерживало его теперь въ Москвѣ и въ разлукѣ съ графиней, по которой онъ соскучился. Марья Дмитріевна встрѣтила его и объявила ему, что Наташа сдѣлалась очень нездорова вчера, что посылали за докторомъ, но что теперь ей лучше. Наташа въ это утро не выходила изъ своей комнаты. Съ поджатыми растрескавшимися губами, сухими остановившимися глазами, она сидѣла у окна и безпокойно вглядывалась въ проѣзжающихъ по улицѣ и торопливо оглядывалась на входившихъ въ комнату. Она очевидно ждала извѣстій о немъ, ждала, что онъ самъ пріѣдетъ или напишетъ ей.

Когда графъ вошелъ къ ней, она безпокойно оборотилась на звукъ его мужскихъ шаговъ, и лицо ея приняло прежнее холодное и даже злое выраженіе. Она даже не поднялась навстрѣчу ему.

— Что̀ съ тобой, мой ангелъ, больна? спросилъ графъ.

Наташа помолчала.

— Да, больна, отвѣчала она.

На безпокойные разспросы графа о томъ, почему она такая убитая и не случилось ли чего-нибудь съ женихомъ, она увѣряла его, что ничего, и просила его не безпокоиться. Марья Дмитріевна подтвердила графу увѣренія Наташи, что

ничего не случилось. Графъ, судя по мнимой болѣзни, по разстройству дочери, по сконфуженнымъ лицамъ Сони и Марьи Дмитріевны, ясно видѣлъ, что въ его отсутствіе должно было что-нибудь случиться; но ему такъ страшно было думать, что что-нибудь постыдное случилось съ его любимою дочерью, онъ такъ любилъ свое веселое спокойствіе, что онъ избѣгалъ разспросовъ и все старался увѣрить себя, что ничего особеннаго не было и только тужилъ о томъ, что по случаю ея нездоровья откладывался ихъ отъѣздъ въ деревню.

XIX.

Со дня пріѣзда своей жены въ Москву Пьеръ сбирался уѣхать куда-нибудь, только чтобы не быть съ ней. Вскорѣ послѣ пріѣзда Ростовыхъ въ Москву, впечатлѣніе, которое производила на него Наташа, заставило его поторопиться исполнить свое намѣреніе. Онъ поѣхалъ въ Тверь ко вдовѣ Іосифа Алексѣевича, которая обѣщала давно передать ему бумаги покойнаго.

Когда Пьеръ вернулся въ Москву, ему подали письмо отъ Марьи Дмитріевны, которая звала его къ себѣ по весьма важному дѣлу, касающемуся Андрея Болконскаго и его невѣсты. Пьеръ избѣгалъ Наташи. Ему казалось, что онъ имѣлъ къ ней чувство болѣе сильное, чѣмъ то, которое долженъ былъ имѣть женатый человѣкъ къ невѣстѣ своего друга. И какая-то судьба постоянно сводила его съ нею.

„Что̀ такое случилось? И какое имъ до меня дѣло?“ думалъ онъ, одѣваясь, чтобы ѣхать къ Марьѣ Дмитріевнѣ. „Поскорѣе бы пріѣхалъ князь Андрей и женился бы на ней!“ думалъ Пьеръ дорогой къ Ахросимовой.

На Тверскомъ бульварѣ кто-то окликнулъ его.

— Пьеръ! Давно пріѣхалъ? прокричалъ ему знакомый голосъ. Пьеръ поднялъ голову. Въ парныхъ саняхъ на двухъ сѣрыхъ рысакахъ, закидывающихъ снѣгомъ головашки саней, промелькнулъ Анатоль съ своимъ всегдашнимъ товарищемъ Макаринымъ. Анатоль сидѣлъ прямо, въ классической позѣ военныхъ щеголей, закутавъ низъ лица бобровымъ воротникомъ, и немного пригнувъ голову. Лицо его было румяно и свѣжо, шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ была надѣта на бокъ, открывая завитые напомаженные и осыпанные мелкимъ снѣгомъ волосы.

„И право, вотъ настоящій мудрецъ!“ подумалъ Пьеръ, „ничего не видитъ дальше настоящей минуты удовольствія, ничто не тревожитъ его, и оттого всегда веселъ, доволенъ и спокоенъ. Что бы я далъ, чтобы быть такимъ, какъ онъ!“ съ завистью подумалъ Пьеръ.

Въ передней Ахросимовой лакей, снимая съ Пьера его шубу, сказалъ, что Марья Дмитріевна просятъ къ себѣ въ спальню.

Отворивъ дверь въ залу, Пьеръ увидалъ Наташу, сидѣвшую у окна съ худымъ, блѣднымъ и злымъ лицомъ. Она оглянулась на него, нахмурилась и съ выраженіемъ холоднаго достоинства вышла изъ комнаты.

— Что случилось? спросилъ Пьеръ, входя къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Хорошія дѣла, отвѣчала Марья Дмитріевна: — пятьдесятъ восемь лѣтъ прожила на свѣтѣ — такого сраму не видала. — И взявъ съ Пьера честное слово молчать обо всемъ, что онъ узнаетъ, Марья Дмитріевна сообщила ему, что Наташа отказала своему жениху безъ вѣдома родителей, что причиною этого отказа былъ Анатоль Курагинъ, съ которымъ

сводила ее жена Пьера, и съ которымъ Наташа хотѣла бѣжать въ отсутствіе своего отца, съ тѣмъ чтобы тайно обвѣнчаться.

Пьеръ, приподнявъ плечи и разинувъ ротъ, слушалъ то, что говорила ему Марья Дмитріевна, не вѣря своимъ ушамъ. Невѣстѣ князя Андрея, такъ сильно любимой, этой прежде милой Наташѣ Ростовой, промѣнять Болконскаго на дурака Анатоля, уже женатаго (Пьеръ зналъ тайну его женитьбы), и такъ влюбиться въ него, чтобы согласиться бѣжать съ нимъ! — этого Пьеръ не могъ понять и не могъ себѣ представить.

Милое впечатлѣніе Наташи, которую онъ зналъ съ дѣтства, не могло соединиться въ его душѣ съ новымъ представленіемъ о ея низости, глупости и жестокости. Онъ вспомнилъ о своей женѣ. „Всѣ онѣ однѣ и тѣ же", сказалъ онъ самъ себѣ, думая, что не ему одному достался печальный удѣлъ быть связаннымъ съ гадкою женщиной. Но ему все-таки до слезъ жалко было князя Андрея, жалко было его гордости. И чѣмъ больше онъ жалѣлъ своего друга, тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ думалъ объ этой Наташѣ, съ такимъ выраженіемъ холоднаго достоинства сейчасъ прошедшей мимо него по залѣ. Онъ не зналъ, что душа Наташи была преисполнена отчаянія, стыда, униженія, и что она не виновата была въ томъ, что лицо ея нечаянно выражало спокойное достоинство и строгость.

— Да какъ обвѣнчаться! проговорилъ Пьеръ на слова Марьи Дмитріевны. — Онъ не могъ обвѣнчаться: онъ женатъ.

— Часъ отъ часу не легче, проговорила Марья Дмитріевна. — Хорошъ мальчикъ. То-то мерзавецъ. А она ждетъ,

второй день ждетъ. По крайней мѣрѣ ждать перестанетъ, надо сказать ей.

Узнавъ отъ Пьера подробности женитьбы Анатоля, изливъ свой гнѣвъ на него ругательными словами, Марья Дмитріевна сообщила ему то, для чего она вызвала его. Марья Дмитріевна боялась, чтобы графъ или Болконскій, который могъ всякую минуту пріѣхать, узнавъ дѣло, которое она намѣрена была скрыть отъ нихъ, не вызвали на дуэль Курагина, и потому просила его приказать отъ ея имени его шурину уѣхать изъ Москвы и не смѣть показываться ей на глаза. Пьеръ обѣщалъ ей исполнить ея желаніе, только теперь понявъ опасность, которая угрожала и старому графу, и Николаю, и князю Андрею. Кратко и точно изложивъ ему свои требованія, она выпустила его въ гостиную.

— Смотри же, графъ ничего не знаетъ. Ты дѣлай какъ будто ничего не знаешь, сказала она ему. — А я пойду сказать ей, что ждать нечего! Да оставайся обѣдать, коли хочешь, крикнула Марья Дмитріевна Пьеру.

Пьеръ встрѣтилъ стараго графа. Онъ былъ смущенъ и разстроенъ. Въ это утро Наташа сказала ему, что отказала Болконскому.

— Бѣда, бѣда, дружокъ, говорилъ онъ Пьеру, — бѣда съ этими дѣвками безъ матери; ужъ я такъ тужу, что пріѣхалъ. Я съ вами откровененъ буду. Слышали, отказала жениху, ни у кого не спросивши ничего. Оно, положимъ, я никогда этому браку очень не радовался. Положимъ, онъ хорошій человѣкъ, но что жъ, противъ воли отца счастья бы не было, и Наташа безъ жениховъ не останется. Да все-таки долго уже такъ продолжалось, да и какъ же это безъ отца, безъ матери, такой шагъ! А теперь больна и Богъ знаетъ что?

Плохо, графъ, плохо съ дочерьми безъ матери... Пьеръ видѣлъ, что графъ былъ очень разстроенъ, старался перевести разговоръ на другой предметъ, но графъ опять возвращался къ своему горю.

Соня съ встревоженнымъ лицомъ вошла въ гостиную.

— Наташа не совсѣмъ здорова; она въ своей комнатѣ и желала бы васъ видѣть. Марья Дмитріевна у нея и проситъ васъ тоже.

— Да, вѣдь вы очень дружны съ Болконскимъ; вѣрно что-нибудь передать хочетъ, сказалъ графъ. — Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ все хорошо было! И взявшись за рѣдкіе виски сѣдыхъ волосъ, графъ вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна объявила Наташѣ о томъ, что Анатоль былъ женатъ. Наташа не хотѣла вѣрить ей и требовала подтвержденія этого отъ самого Пьера. Соня сообщила это Пьеру въ то время, какъ она черезъ коридоръ провожала его въ комнату Наташи.

Наташа, блѣдная, строгая сидѣла подлѣ Марьи Дмитріевны и отъ самой двери встрѣтила Пьера лихорадочно-блестящимъ, вопросительнымъ взглядомъ. Она не улыбнулась, не кивнула ему головой; она только упорно смотрѣла но него, и взглядъ ея спрашивалъ его только про то: другъ ли онъ, или такой же врагъ, какъ и всѣ другіе, по отношенію къ Анатолю? Самъ по себѣ Пьеръ очевидно не существовалъ для нея.

— Онъ все знаетъ, сказала Марья Дмитріевна, указывая на Пьера и обращаясь къ Наташѣ. — Онъ пускай тебѣ скажетъ, правду ли я говорила.

Наташа, какъ подстрѣленный, загнанный звѣрь смотритъ на приближающихся собакъ и охотниковъ, смотрѣла то на ту, то на другаго.

— Наталья Ильинична, начал Пьеръ, опустивъ глаза и испытывая чувство жалости къ ней и отвращенія къ той операціи, которую онъ долженъ былъ дѣлать, — правда это или неправда, это для васъ должно быть все равно, потому что...

— Такъ это неправда, что онъ женатъ?

— Нѣтъ, это правда.

— Онъ женатъ былъ и давно? спросила она, — честное слово?

Пьеръ далъ ей честное слово.

— Онъ здѣсь еще? спросила она быстро.

— Да, я его сейчасъ видѣлъ.

Она очевидно была не въ силахъ говорить и дѣлала руками знаки, чтобъ оставили ее.

XX.

Пьеръ не остался обѣдать, а тотчасъ же вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ. Онъ поѣхалъ отыскивать по городу Анатоля Курагина, при мысли о которомъ теперь вся кровь у него приливала къ сердцу и онъ испытывалъ затрудненіе переводить дыханіе. На горахъ, у цыганъ, у Комонено его не было. Пьеръ поѣхалъ въ клубъ. Въ клубѣ все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ: гости, съѣхавшіеся обѣдать, сидѣли группами и здоровались съ Пьеромъ и говорили о городскихъ новостяхъ. Лакей, поздоровавшись съ нимъ, доложилъ ему, зная его знакомство и привычки, что мѣсто ему оставлено въ маленькой столовой, что князь Михаилъ Захарычъ въ библіотекѣ, а Павелъ Тимоѳеичъ не пріѣзжали еще. Одинъ изъ знакомыхъ Пьера между разговоромъ о погодѣ спросилъ у него, слышалъ ли онъ о похищеніи Курагинымъ Ростовой, про ко-

торое говорятъ въ городѣ; правда ли это? Пьеръ, засмѣявшись, сказалъ, что это вздоръ, потому что онъ сейчасъ только отъ Ростовыхъ. Онъ спрашивалъ у всѣхъ про Анатоля; ему сказалъ одинъ, что не пріѣзжалъ еще, другой, что онъ будетъ обѣдать нынче. Пьеру странно было смотрѣть на эту спокойную, равнодушную толпу людей, не знавшую того, что дѣлалось у него въ душѣ. Онъ прошелся по залѣ, дождался пока всѣ съѣхались, и не дождавшись Анатоля, не сталъ обѣдать и поѣхалъ домой.

Анатоль, котораго онъ искалъ, въ этотъ день обѣдалъ у Долохова и совѣщался съ нимъ о томъ, какъ поправить испорченное дѣло. Ему казалось необходимо увидаться съ Ростовой. Вечеромъ онъ поѣхалъ къ сестрѣ, чтобы переговорить съ ней о средствахъ устроить это свиданіе. Когда Пьеръ, тщетно объѣздивъ всю Москву, вернулся домой, камердинеръ доложилъ ему, что князь Анатолій Васильевичъ у графини. Гостиная графини была полна гостей.

Пьеръ не здороваясь съ женою, которой онъ не видалъ послѣ пріѣзда (она больше чѣмъ когда-нибудь ненавистна была ему въ эту минуту), вошелъ въ гостиную и, увидавъ Анатоля, подошелъ къ нему.

— А, Пьеръ, сказала графиня, подходя къ мужу. — Ты не знаешь, въ какомъ положеніи нашъ Анатоль... Она остановилась, увидавъ въ опущенной низко головѣ мужа, въ его блестящихъ глазахъ, въ его рѣшительной походкѣ то страшное выраженіе бѣшенства и силы, которое она знала и испытала на себѣ послѣ дуэли съ Долоховымъ.

— Гдѣ вы — тамъ развратъ, зло, сказалъ Пьеръ женѣ. — Анатоль, пойдемте, мнѣ надо поговорить съ вами, сказалъ онъ по-французски.

Анатоль оглянулся на сестру и покорно встал, готовый слѣдовать за Пьеромъ.

Пьеръ, взялъ его за руку, дернулъ къ себѣ и пошелъ изъ комнаты.

— Ежели вы позволите себѣ въ моей гостиной, шопотомъ проговорила Элёнъ; но Пьеръ, не отвѣчая ей, вышелъ изъ комнаты.

Анатоль шелъ за нимъ обычною, молодцоватою походкой. Но на лицѣ его было замѣтно безпокойство.

Войдя въ свой кабинетъ, Пьеръ затворилъ дверь и обратился къ Анатолю, не глядя на него.

— Вы обѣщали графинѣ Ростовой жениться на ней? хотѣли увезти ее?

— Мой милый, отвѣчалъ Анатоль по-французски (какъ и шелъ весь разговоръ), — я не считаю себя обязаннымъ отвѣчать на допросы, дѣлаемые въ такомъ тонѣ.

Лицо Пьера, и прежде блѣдное, исказилось бѣшенствомъ. Онъ схватилъ своею большою рукой Анатоля за воротникъ мундира и сталъ трясти изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока лицо Анатоля не приняло достаточное выраженіе испуга.

— Когда я говорю, что *мнѣ надо* говорить съ вами... повторилъ Пьеръ.

— Ну что, это глупо. А? сказалъ Анатоль, ощупывая оторванную съ сукномъ пуговицу воротника.

— Вы негодяй и мерзавецъ, и не знаю, что меня воздерживаетъ отъ удовольствія размозжить вамъ голову вотъ этимъ, говорилъ Пьеръ, — выражаясь такъ искусственно потому, что онъ говорилъ по-французски. Онъ взялъ въ руку тяжелое прессъ-папье и угрожающе поднялъ и тотчасъ же торопливо положилъ его на мѣсто.

— Обѣщали вы ей жениться?

— Я, я, я не думалъ: впрочемъ я никогда не обѣщался, потому что...

Пьеръ перебилъ его.

— Есть у васъ письма ея? Есть у васъ письма? повторилъ Пьеръ, подвигаясь къ Анатолю.

Анатоль взглянулъ на него и тотчасъ же, засунувъ руку въ карманъ, досталъ бумажникъ.

Пьеръ взялъ подаваемое ему письмо и, оттолкнувъ стоявшій на дорогѣ столъ, повалился на диванъ.

— Я ничего не сдѣлаю, не бойтесь, сказалъ Пьеръ, отвѣчая на испуганный жестъ Анатоля. — Письма — разъ, сказалъ Пьеръ, какъ будто повторяя урокъ для самого себя. — Второе, послѣ минутнаго молчанія продолжалъ онъ, опять вставая и начиная ходить, — вы завтра должны уѣхать изъ Москвы.

— Но какъ же я могу...

— Третье, не слушая его, продолжалъ Пьеръ, — вы никогда ни слова не должны говорить о томъ, что было между вами и графиней. Этого, я знаю, я не могу запретить вамъ, но ежели въ васъ есть искра совѣсти... Пьеръ нѣсколько разъ молча прошелъ по комнатѣ. Анатоль сидѣлъ у стола и нахмурившись кусалъ себѣ губы.

— Вы не можете не понять наконецъ, что кромѣ вашего удовольствія есть счастье, спокойствіе другихъ людей, что вы губите цѣлую жизнь изъ-за того, что вамъ хочется веселиться. Забавляйтесь съ женщинами подобными моей супругѣ — съ этими вы въ своемъ правѣ, онѣ знаютъ, чего вы хотите отъ васъ. Онѣ вооружены противъ васъ тѣмъ же опытомъ разврата; но обѣщать дѣвушкѣ жениться на ней... обмануть,

украсть... Какъ вы не понимаете, что это такъ же подло, какъ прибить старика или ребенка!...

Пьеръ замолчалъ и взглянулъ на Анатоля уже не гнѣвнымъ, но вопросительнымъ взглядомъ.

— Этого я не знаю. А? сказалъ Анатоль, ободряясь по мѣрѣ того, какъ Пьеръ преодолѣвалъ свой гнѣвъ. — Этого я не знаю и знать не хочу, сказалъ онъ, не глядя на Пьера и съ легкимъ дрожаніемъ нижней челюсти, — но вы сказали мнѣ такія слова: подло и тому подобное, которыя я, какъ честный человѣкъ, никому не позволю.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не въ силахъ понять, чего ему было нужно.

— Хотя это и было съ глазу на глазъ, продолжалъ Анатоль, но я не могу...

— Что жъ, вамъ нужно удовлетвореніе? насмѣшливо сказалъ Пьеръ.

— По крайней мѣрѣ вы можете взять назадъ свои слова. А? Ежели вы хотите, чтобъ я исполнилъ ваши желанія. А?

— Беру, беру назадъ, проговорилъ Пьеръ, — и прошу васъ извинить меня. Пьеръ взглянулъ невольно на оторванную пуговицу. — И денегъ, ежели вамъ нужно на дорогу. Анатоль улыбнулся.

Это выраженіе робкой и подлой улыбки, знакомой ему по женѣ, взорвало Пьера.

— О, подлая, безсердечная порода! проговорилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

На другой день Анатоль уѣхалъ въ Петербургъ.

XXI.

Пьеръ поѣхалъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ, чтобы сообщить объ исполненіи ея желанія — объ изгнаніи Курагина изъ

Москвы. Весь домъ былъ въ страхѣ и волненіи. Наташа была очень больна, и, какъ Марья Дмитріевна подъ секретомъ сказала ему, она въ ту же ночь, какъ ей было объявлено, что Анатоль женатъ, отравилась мышьякомъ, который она тихонько достала. Проглотивъ его немного, она такъ испугалась, что разбудила Соню и объявила ей то, что̀ она сдѣлала. Во время были приняты нужныя мѣры противъ яда, и теперь она была внѣ опасности; но все-таки слаба такъ, что нельзя было думать везти ее въ деревню, и послано было за графиней. Пьеръ видѣлъ растеряннаго графа и заплаканную Соню, но не могъ видѣть Наташи.

Пьеръ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ, и со всѣхъ сторонъ слышалъ разговоры о попыткѣ похищенія Ростовой и съ упорствомъ опровергалъ эти разговоры, увѣряя всѣхъ, что больше ничего не было, какъ только то, что его шуринъ сдѣлалъ предложеніе Ростовой и получилъ отказъ. Пьеру казалось, что на его обязанности лежитъ скрыть все дѣло и возстановить репутацію Ростовой.

Онъ со страхомъ ожидалъ возвращенія князя Андрея и каждый день заѣзжалъ навѣдываться о немъ къ старому князю.

Князь Николай Андреичъ зналъ черезъ m-lle Бурьенъ всѣ слухи, ходившіе по городу, и прочелъ ту записку къ княжнѣ Марьѣ, въ которой Наташа отказывала своему женику. Онъ казался веселѣе обыкновеннаго и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ сына.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Анатоля, Пьеръ получилъ записку отъ князя Андрея, извѣщавшаго его о своемъ пріѣздѣ и просившаго Пьера заѣхать къ нему.

Князь Андрей, пріѣхавъ вт Москву, въ первую же минуту

своего пріѣзда, получилъ отъ отца записку Наташи къ княжнѣ Марьѣ, въ которой она отказывала жениху (записку эту похитила у княжны Марьи и передала князю m-lle Бурьенъ) и услышалъ отъ отца съ прибавленіями разсказы о похищеніи Наташи.

Князь Андрей пріѣхалъ вечеромъ наканунѣ, Пьеръ пріѣхалъ къ нему на другое утро. Пьеръ ожидалъ найти князя Андрея почти въ томъ же положеніи, въ которомъ была и Наташа, и потому онъ былъ удивленъ, когда, войдя въ гостиную, услыхалъ изъ кабинета громкій голосъ князя Андрея, оживленно говорившаго что-то о какой-то петербургской интригѣ. Старый князь и другой чей-то голосъ изрѣдка перебивали его. Княжна Марья вышла навстрѣчу къ Пьеру. Она вздохнула, указывая глазами на дверь, гдѣ былъ князь Андрей, видимо желая выразить свое сочувствіе къ его горю; но Пьеръ видѣлъ по лицу княжны Марьи, что она была рада и тому, что̀ случилось, и тому, какъ ея братъ принялъ извѣстіе объ измѣнѣ невѣсты.

— Онъ сказалъ, что ожидалъ этого, сказала она. Я знаю, что гордость его не позволитъ ему выразить своего чувства, но все-таки лучше, гораздо лучше онъ перенесъ это, чѣмъ я ожидала. Видно, такъ должно было быть...

— Но неужели совершенно все кончено? сказалъ Пьеръ.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она не понимала даже, какъ можно было объ этомъ спрашивать. Пьеръ вошелъ въ кабинетъ. Князь Андрей, весьма измѣнившійся, очевидно поздоровѣвшій, но съ новою, поперечною морщиной между бровей, въ штатскомъ платьѣ, стоялъ противъ отца и князя Мещерскаго и горячо спорилъ, дѣлая энергическіе жесты.

Рѣчь шла о Сперанскомъ, извѣстіе о внезапной ссылкѣ и мнимой измѣнѣ котораго только что дошло до Москвы.

— Теперь судятъ и обвиняютъ его (Сперанскаго) всѣ тѣ, которые мѣсяцъ тому назадъ восхищались имъ, говорилъ князь Андрей, — и тѣ, которые не въ состояніи были понимать его цѣлей. Судить человѣка въ немилости очень легко и взваливать на него всѣ ошибки другихъ; а я скажу, что ежели что-нибудь сдѣлано хорошаго въ нынѣшнее царствованье, то все хорошее сдѣлано имъ — имъ однимъ... Онъ остановился, увидавъ Пьера. Лицо его дрогнуло и тотчасъ же приняло злое выраженіе. — И потомство отдастъ ему справедливость, договорилъ онъ и тотчасъ же обратился къ Пьеру.

— Ну, ты какъ? все толстѣешь, говорилъ онъ оживленно, но вновь появившаяся морщина еще глубже вырѣзалась на его лбу. — Да, я здоровъ, отвѣчалъ онъ на вопросъ Пьера и усмѣхнулся. Пьеру ясно было, что усмѣшка его говорила: „здоровъ, но здоровье мое никому не нужно". Сказавъ нѣсколько словъ съ Пьеромъ объ ужасной дорогѣ отъ границъ Польши, о томъ, какъ онъ встрѣтилъ въ Швейцаріи людей, знавшихъ Пьера, и о господинѣ Десалѣ, котораго онъ воспитателемъ для сына привезъ изъ-за границы, князь Андрей опять съ горячностью вмѣшался въ разговоръ о Сперанскомъ, продолжавшійся между двумя стариками.

— Ежели бы была измѣна и были бы доказательства его тайныхъ сношеній съ Наполеономъ, то ихъ всенародно объявили бы, — съ горячностью и поспѣшностью говорилъ онъ. — Я лично не люблю и не любилъ Сперанскаго, но я люблю справедливость. Пьеръ узнавалъ теперь въ своемъ другѣ слишкомъ знакомую ему потребность волноваться и спорить

о дѣлѣ для себя чуждомъ только для того, чтобы заглушить слишкомъ тяжелыя задушевныя мысли.

Когда князь Мещерскій уѣхалъ, князь Андрей взялъ подъ руку Пьера и пригласилъ его въ комнату, которая была отведена для него. Въ комнатѣ была разбита кровать, лежали раскрытые чемоданы и сундуки. Князь Андрей подошелъ къ одному изъ нихъ и досталъ шкатулку. Изъ шкатулки онъ досталъ связку въ бумагѣ. Онъ все дѣлалъ молча и очень быстро. Онъ приподнялся и прокашлялся. Лицо его было нахмурено и губы поджаты.

— Прости меня, ежели я тебя утруждаю... Пьеръ понялъ, что князь Андрей хотѣлъ говорить о Наташѣ, и широкое лицо его выразило сожалѣніе и сочувствіе. Это выраженіе лица Пьера разсердило князя Андрея; онъ рѣшительно, звонко и непріятно продолжалъ: — Я получилъ отказъ отъ графини Ростовой, и до меня дошли слухи объ исканіи ея руки твоимъ шуриномъ, или тому подобное. Правда ли это?

— И правда и неправда, началъ Пьеръ; но князь Андрей перебилъ его.

— Вотъ ея письма и портретъ, сказалъ онъ. Онъ взялъ связку со стола и передалъ Пьеру.

— Отдай это графинѣ... ежели ты увидишь ее.

— Она очень больна, сказалъ Пьеръ.

— Такъ она здѣсь еще? сказалъ князь Андрей. — А князь Курагинъ? спросилъ онъ быстро.

— Онъ давно уѣхалъ. Она была при смерти.

— Очень сожалѣю объ ея болѣзни, сказалъ князь Андрей. Онъ холодно, зло, непріятно, какъ его отецъ, усмѣхнулся.

— Но господинъ Курагинъ стало быть не удостоилъ своей руки графиню Ростову? сказалъ Андрей. Онъ фыркнулъ носомъ нѣсколько разъ.

— Онъ не могъ жениться, потому что онъ былъ женатъ, сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей неприятно засмѣялся, опять напоминая своего отца.

— А гдѣ же онъ теперь находится, вашъ шуринъ, могу ли я узнать? сказалъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петер... впрочемъ, я не знаю, сказалъ Пьеръ.

— Ну, да это все равно, сказалъ князь Андрей, — Передай графинѣ Ростовой, что она была и есть совершенно свободна, и что я желаю ей всего лучшаго.

Пьеръ взялъ въ руки связку бумагъ. Князь Андрей, какъ будто вспоминая, не нужно ли ему сказать еще что-нибудь, или ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь Пьеръ, остановившимся взглядомъ смотрѣлъ на него.

— Послушайте, помните вы нашъ споръ въ Петербургѣ, сказалъ Пьеръ, — помните о...?

— Помню, поспѣшно отвѣчалъ князь Андрей, — я говорилъ, что падшую женщину надо простить, но я не говорилъ, что я могу простить. Я не могу.

— Развѣ можно это сравнивать?... сказалъ Пьеръ. Князь Андрей перебилъ его. Онъ рѣзко закричалъ:

— Да, опять просить ея руки, быть великодушнымъ и тому подобное?... Да это очень благородно, но я не способенъ идти по слѣдамъ этого господина. — Ежели ты хочешь быть моимъ другомъ, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Такъ ты передашь?...

Пьеръ вышелъ и пошелъ къ старому князю и княжнѣ Марьѣ.

Старикъ казался оживленнѣе обыкновеннаго. Княжна Марья

была такая же, какъ и всегда, но изъ-за сочувствія къ брату, Пьеръ видѣлъ въ ней радость къ тому, что свадьба ея брата, разстроилась. Глядя на нихъ, Пьеръ понялъ, какое презрѣніе и злобу они имѣли всѣ противъ Ростовыхъ, понялъ, что нельзя было при нихъ даже и упоминать имя той, которая могла на кого бы то ни было промѣнять князя Андрея.

За обѣдомъ рѣчь зашла о войнѣ, приближеніе которой уже становилось очевидно. Князь Андрей, не умолкая, говорилъ и спорилъ то съ отцомъ, то съ Десалемъ, швейцарцемъ-воспитателемъ, и казался оживленнѣе обыкновеннаго тѣмъ оживленіемъ, котораго нравственную причину такъ хорошо зналъ Пьеръ.

XXII.

Въ этотъ же вечеръ Пьеръ поѣхалъ къ Ростовымъ, чтобъ исполнить свое порученіе. Наташа была въ постели, графъ былъ въ клубѣ, и Пьеръ, передавъ письма Сонѣ, пошелъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ, интересовавшейся узнать о томъ, какъ князь Андрей принялъ извѣстіе. Черезъ десять минутъ Соня вошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Наташа непремѣнно хочетъ видѣть графа Петра Кирилловича, сказала она.

— Да какъ же, къ ней что ли его свести? Тамъ у васъ не прибрано, сказала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, она одѣлась и вышла въ гостиную, сказала Соня Марья Дмитріевна только пожала плечами.

— Когда это графиня пріѣдетъ, измучила меня совсѣмъ. Ты смотри жъ не говори ей всего, обратилась она къ Пьеру.— И бранить-то ее духу не хватаетъ, такъ жалка, такъ жалка.

Наташа, исхудавшая, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ (со-

всѣмъ не пристыженная, какою ее ожидалъ Пьеръ) стояла посрединѣ гостиной. Когда Пьеръ показался въ двери, она заторопилась, очевидно въ нерѣшительности, подойти ли къ нему или подождать его.

Пьеръ поспѣшно подошелъ къ ней. Онъ думалъ, что она ему, какъ всегда, подастъ руку; но она, близко подойдя къ нему, остановилась, тяжело дыша и безжизненно опустивъ руки, совершенно въ той же позѣ, въ которой она выходила на средину залы, чтобы пѣть, но совсѣмъ съ другимъ выраженіемъ.

— Петръ Кириллычъ, начала она быстро говорить,— князь Болконскій былъ вамъ другъ, онъ и есть вамъ другъ, поправилась она (ей казалось, что все только было, и что теперь все другое). — Онъ говорилъ мнѣ тогда, чтобъ обратиться къ вамъ...

Пьеръ молча сопѣлъ носомъ, глядя на нее. Онъ до сихъ поръ въ душѣ своей упрекалъ и старался презирать ее; но теперь ему сдѣлалось такъ жалко ея, что въ душѣ его не было мѣста упреку.

— Онъ теперь здѣсь, скажите ему... чтобъ онъ прост... простилъ меня. Она остановилась и еще чаще стала дышать, но не плакала.

— Да... я скажу ему, говорилъ Пьеръ,— но... Онъ не зналъ, что̀ сказать.

Наташа видимо испугалась той мысли, которая могла прійти Пьеру.

— Нѣтъ, я знаю, что все кончено, сказала она поспѣшно.— Нѣтъ, это не можетъ быть никогда. Меня мучаетъ только зло, которое я ему сдѣлала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить, простить меня за все... Она затряслась всѣмъ тѣломъ и сѣла на стулъ.

Еще никогда неиспытанное чувство жалости переполнило душу Пьера.

— Я скажу ему, я все еще разъ скажу ему, сказалъ Пьеръ; — но... я бы желалъ знать одно...

„Что знать?" спросилъ взглядъ Наташи.

— Я бы желалъ знать, любили ли вы... Пьеръ не зналъ какъ назвать Анатоля и покраснѣлъ, при мысли о немъ, — любили ли вы этого дурнаго человѣка?

— Не называйте его дурнымъ, сказала Наташа. — Но я ничего — ничего не знаю... Она опять заплакала.

И еще большее чувство жалости, нѣжности и любви охватило Пьера. Онъ слышалъ, какъ подъ очками его текли слезы и надѣялся, что ихъ не замѣтятъ.

— Не будемъ больше говорить, мой другъ, сказалъ Пьеръ.

Такъ странно вдругъ для Наташи показался этотъ его кроткій, нѣжный, задушевный голосъ.

— Не будемъ говорить, мой другъ, я все скажу ему: но объ одномъ прошу васъ — считайте меня своимъ другомъ и ежели вамъ нужна помощь, совѣтъ, просто нужно будетъ излить свою душу кому-нибудь — не теперь, а когда у васъ ясно будетъ въ душѣ, вспомните обо мнѣ. Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку. Я счастливъ буду, ежели въ состояніи буду... Пьеръ смутился.

— Не говорите со мной такъ: я не стою этого! вскрикнула Наташа, и хотѣла уйти изъ комнаты, но Пьеръ удержалъ ее за руку. Онъ зналъ, что ему нужно что-то еще сказать ей. Но когда онъ сказалъ это, онъ удивился самъ своимъ словамъ.

— Перестаньте, перестаньте, вся жизнь впереди для васъ, сказалъ онъ ей.

— Для меня! Нѣтъ! Для меня все пропало, сказала она со стыдомъ и самоуниженіемъ.

— Все пропало? повторилъ онъ. — Ежели бы я былъ не я, а красивѣйшій, умнѣйшій и лучшій человѣкъ въ мірѣ, и былъ бы свободенъ, я бы сію минуту на колѣняхъ просилъ руки и любви вашей.

Наташа въ первый разъ послѣ многихъ дней заплакала слезами благодарности и умиленія и, взглянувъ на Пьера, вышла изъ комнаты.

Пьеръ тоже вслѣдъ за нею почти выбѣжалъ въ переднюю, удерживая слезы умиленія и счастья давившія его горло; не попадая въ рукава, надѣлъ шубу и сѣлъ въ сани.

— Теперь куда прикажете? спросилъ кучеръ.

„Куда?“ спросилъ себя Пьеръ. „Куда же можно ѣхать теперь? Неужели въ клубъ или гости?“ Всѣ люди казались такъ жалки, такъ бѣдны въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ умиленія и любви, которое онъ испытывалъ; въ сравненіи съ тѣмъ размягченнымъ, благодарнымъ взглядомъ, которымъ она послѣдній разъ изъ-за слезъ взглянула на него.

— Домой, сказалъ Пьеръ, несмотря на десять градусовъ мороза распахивая медвѣжью шубу на своей широкой, радостно дышавшей груди.

Было морозно и ясно. Надъ грязными, полутемными улицами, надъ черными крышами стояло темное, звѣздное небо. Пьеръ, только глядя на небо, не чувствовалъ оскорбительной низости всего земнаго въ сравненіи съ высотою, на которой находилась его душа. При въѣздѣ на Арбатскую площадь, огромное пространство звѣзднаго, темнаго неба открылось глазамъ Пьера. Почти въ срединѣ этого неба надъ Пречистенскимъ бульваромъ, окруженная, обсыпанная со всѣхъ

сторонъ звѣздами, но отличаясь отъ всѣхъ близостью къ землѣ, бѣлымъ свѣтомъ и длиннымъ, поднятымъ кверху хвостомъ, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвѣщала, какъ говорили, всякіе ужасы и конецъ свѣта. Но въ Пьерѣ свѣтлая звѣзда эта съ длиннымъ лучистымъ хвостомъ не возбуждала никакого страшнаго чувства. Напротивъ, Пьеръ радостно мокрыми отъ слезъ глазами смотрѣлъ на эту свѣтлую звѣзду, которая, какъ будто съ невыразимою быстротой пролетѣвъ неизмѣримыя пространства по параболической линіи, вдругъ, какъ вонзившаяся стрѣла въ землю, влѣпилась тутъ въ одно избранное ею мѣсто на черномъ небѣ, и остановилась, энергично поднявъ кверху хвостъ, свѣтясь и играя своимъ бѣлымъ свѣтомъ между безчисленными другими, мерцающими звѣздами. Пьеру казалось что эта звѣзда вполнѣ отвѣчала тому, что̀ было въ его расцвѣтшей къ новой жизни, размягченной и ободренной душѣ.




U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042290600

